

XVIII

245

ЗАПИСКИ

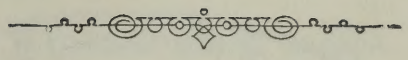
17

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ VI

НОВАЯ СЕРІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1893.

9615

1945 г.

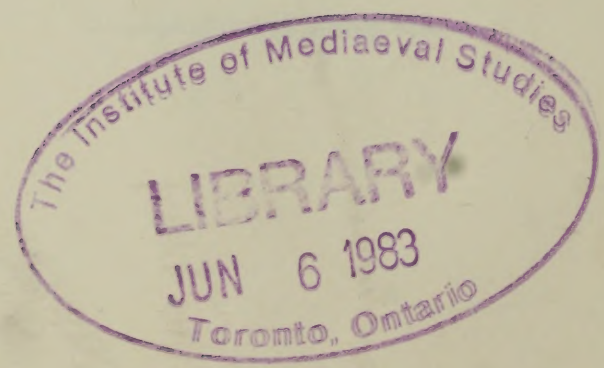
1955 г.

ИМПЕРАТОРСКОЕ
РУССКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

ОТДѢЛЪ ПЕЧАТНОГО
ДѢЛА

ВЪЗНЕСЕНІЮ
СВЯТЫМЪ
СВЯТЫМЪ

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества
Секретарь В. Дружининъ.

СОДЕРЖАНІЕ VI-го ТОМА ЗАПИСОКЪ.

I. Д. Θ. Бѣляевъ , Дѣйств. членъ. Ежедневные приемы Византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ св. Софіи въ IX—X в.в. (съ 11 таблицами; описаніе ихъ съ особой пагинаціей внизу).	1
II. Н. П. Авенаріусъ , Нѣсколько словъ о дрогичинскихъ пломбахъ.	279
III. А. Н. Виноградовъ , Членъ-сотр. Памятники деревяннаго церковнаго зодчества въ епархіяхъ: Новгородской, Тверской, Ярославской, Иркутской и Красноярской XVII и XVIII в.в. (съ 36 таблицами).	289
IV. Н. Д. Чечулинъ , Дѣйств. членъ. Русскія деревянныя жилыя постройки въ XVI в.	297
V. Графъ И. И. Толстой , Дѣйств. членъ. О древнѣйшихъ русскихъ монетахъ X—XI в. (съ 2 таблицами).	310
VI. С. А. Жебелевъ , Членъ-сотр. Религіозное врачеваніе въ древней Греціи.	369
Протоколы засѣданій Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества за 1891 годъ:	
1. Протоколъ Общаго Собранія 17-го января	I
2. Протоколъ годового Общаго Собранія 11-го апрѣля (Отчетъ Секретаря за 1890 г.).	III
3. Протоколъ Общаго Собранія 23-го мая	XX
4. Протоколъ чрезвычайнаго Общаго Собранія 7-го іюня	XXIV
5. Протоколъ Общаго Собранія 1-го ноября. (Воспоминанія поч. члена А. Θ. Бычкова объ В. П. Титовѣ XXV; архим. Леонидѣ Кавелинѣ XXVI; баронѣ Н. К. Богушевскомъ XXVII; М. О. Кояловичѣ XXVII).	—
6. Протоколъ Общаго Собранія 29-го декабря (Смѣта на 1892 годъ).	XXI
7. Протоколъ чрезвычайнаго Общаго Собранія 29-го декабря.	XL

8. Протоколы засѣданія Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи 14-го марта	XLI
9. Протоколъ засѣданія Отдѣленія Археологіи Древне-классической, Византійской и Западно-Европейской 8-го мая	XLIII
10. Протоколъ засѣданія того же Отдѣленія 25-го октября	LXVI

Приложенія къ протоколамъ.

I. Отзывъ Дѣйств. членовъ В. Г. Васильевского и Н. П. Кондакова о сочиненіи Дѣйств. члена Д. Θ. Бѣляева: Систематическій обзоръ главныхъ частей Большого Дворца Византійскихъ царей	XLVI
II. Отзывъ Дѣйств. члена Н. П. Кондакова о сочиненіи Дѣйств. члена Н. В. Покровскаго: Стѣнныя росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ	L
III. Отзывъ Дѣйств. члена А. Я. Гаркави о сочиненіи проф. А. А. Олесницкаго: Ветхозавѣтный храмъ въ Іерусалимѣ	LV
IV. Отзывъ Дѣйств. члена Н. М. Лисовскаго о сочиненіи А. С. Фаминцына: Гусли—русскій народный музыкальный инструментъ.	LXXI
V. Отзывъ Почет. члена И. В. Помяловскаго о сочиненіи Членовъ-сотр. Е. К. Рѣдина и Д. В. Айналова: Кіевскій Софійскій соборъ, изслѣдованіе древней живописи, мозаикъ и фресокъ собора.	XCI
VI. Отзывъ Дѣйств. членовъ В. Г. Васильевского и Н. П. Кондакова о сочиненіи Дѣйств. члена Д. Θ. Бѣляева: Ежедневные приемы Византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ св. Софіи въ IX—X в.в.	XCIV
VII. Отзывъ Дѣйств. члена Л. Н. Майкова о сочиненіи проф. Д. Н. Анучина: Сани, ладья и кони, какъ принадлежность похороннаго обряда	—

Составъ Имп. Русскаго Археологическаго Общества по 1 января 1893 года.

Указатель именъ личныхъ и географическихъ, встрѣчающихся въ VI томѣ „Записокъ“

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Византійскій Придворный Уставъ или Царскій Чинъ Константина VII Багрянороднаго до прошлаго столѣтія не былъ извѣстенъ ученому міру; потому византологи прежнихъ временъ, въ томъ числѣ и знаменитый Дюканжъ, лишены были возможности пользоваться для своихъ работъ тою огромною массою археологическаго матеріала, которая находится въ этомъ Уставѣ и которая, по своей важности и количеству, не уступаетъ всему тому, что мы находимъ у другихъ, дошедшихъ до насъ средневѣковыхъ писателей, такъ или иначе касавшихся разныхъ предметовъ и сторонъ византійской археологіи. Но такъ какъ давно былъ извѣстенъ трудъ Кодина Куропалаты О чинахъ Константинопольскаго Двора и должностяхъ Великой Церкви ¹⁾, то въ вопросахъ археологическихъ, затронутыхъ Кодиномъ, трудъ Кодина служилъ главнымъ источникомъ свѣдѣній о придворныхъ чинахъ, обрядахъ и другихъ сторонахъ оффиціального византійскаго строя и быта. Тѣ извѣстія, которыя находили у Кодина, безъ дальнѣйшихъ разсужденій часто прилагали ко всему 1000-лѣтнему періоду существованія Византійскаго Царства, какъ будто бы въ этой части Римской Имперіи традиціи и порядки великаго прошлаго до конца сохранялись безъ измѣненій. Имѣя въ виду славныя времена великой и могущественной Римской Имперіи, считая себя прямыми и единственными наслѣдниками этой славной имперіи, а предъ глазами имѣя все болѣе и болѣе ухудшавшееся настоящее, византійцы, правда, старались сохранять по возможности прежніе порядки и поддерживать строй

¹⁾ Περὶ τῶν ὀφφικιαλίων τοῦ Παλατίου Κωνσταντινουπόλεως καὶ τῶν ὀφφικίων τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας. Первое изданіе этого труда Кодина было сдѣлано въ 1588 г. Юніемъ (Fr. Junius); второе изданіе того же Юнія вышло въ 1596 г. Гораздо лучше было изданіе Гретсера (Jac. Gretserus), Paris. 1625 и Гоара (Goarus), 1648. Объ этихъ изданіяхъ, кромѣ praefationes къ Боннскому изданію, см. В. Васильевскаго, Обзоръ трудовъ по Византійской Исторіи, Спб. 1890, стр. 26, 36 и 79. Ср. Krumbacher, Geschichte d. Byzantin. Litteratur, s. 168.

жизни, созданный и установившійся въ славныя времена Римской или по крайней мѣрѣ Восточно-Римской Имперіи.

Но, не смотря на весь консерватизмъ, обскурантизмъ и застой, въ которыхъ такъ часто обвиняють византійцевъ, жизнь и новыя обстоятельства брали свое; строй жизни, оффиціальной и частной, все-таки измѣнялся, хотя медленно, постепенно, но постоянно, такъ что въ концѣ концовъ отъ прежняго строя и порядка осталась только слабая тѣнь, какъ отъ всей Восточной Римской Имперіи остался только Константинополь, укрываемый своими крѣпкими стѣнами. Эту тѣнь, къ сожалѣнію, принимали часто, да и теперь иногда принимаютъ, за самое тѣло и по тѣни судили о тѣлѣ, хотя видѣвшій и описавшій эту тѣнь К о д и н ъ Куропалата не имѣлъ самъ понятія о придворныхъ чинахъ и порядкахъ не только тѣхъ временъ, когда еще господствовали чисто римскіе обычаи, но и тѣхъ, когда все приняло чисто византійскій обликъ, т. е. временъ и вѣковъ, предшествовавшихъ латинскому плѣну. Для К о д и н а даже тѣ порядки, которые были при первыхъ Палеологахъ, естественно являются уже древними. Пускаясь въ историческія объясненія разныхъ обычаевъ и одеждъ и заходя при этихъ объясненіяхъ не только во времена римскихъ Кесарей, но и во времена господства вавилонянъ и ассиріянь, К о д и н ъ не зналъ того строя византійской оффиціальной жизни, который былъ за 200—300 лѣтъ до него, а потому описываетъ многіе порядки и обычаи, какъ нормальные и постоянные византійскіе, хотя относительно многихъ пунктовъ онъ самъ сознаетъ свое невѣдѣніе и незнакомство съ тѣмъ, что было прежде. Потому можно себѣ а priori представить, какъ часто и сильно заблуждались и заблуждаются тѣ, которые, на основаніи К о д и н а, судили о томъ или другомъ предметѣ Византійской археологіи, прилагая сообщаемыя имъ свѣдѣнія ко всему времени существованія Византійскаго царства.

Весьма нерѣдко, впрочемъ, у другихъ византійскихъ писателей разныхъ временъ находились случайныя извѣстія, противорѣчащія тому, что говорилъ К о д и н ъ. Вслѣдствіе этого возникали недоумѣнія и затрудненія, которыя ученые старались объяснить и примирить, но которыя ни примирить, ни объяснить иначе нельзя, какъ разностію историческихъ эпохъ, къ которымъ эти извѣстія относятся. Примѣровъ такихъ недоумѣній и превратныхъ понятій, вызванныхъ отнесеніемъ на весь періодъ византійской исторіи того, что имѣло мѣсто только въ извѣстное определенное время, приведено было нѣсколько какъ въ I, такъ и во II моихъ очеркахъ и приводить ихъ еще нѣтъ надобности, тѣмъ болѣе, что справедливость вышесказаннаго и безъ того очевидна.

Въ половинѣ прошлаго столѣтія, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ ¹⁾, явился въ свѣтъ въ изданіи Лейха и Рейске съ комментариемъ этого послѣдняго Придворный Уставъ (или Изложеніе Царскаго чина) Константина Багрянороднаго, который знакомитъ насъ съ придворными порядками и внутреннею жизнью византійскаго двора эпохи гораздо болѣе интересной и древней, нежели описанная Кодиномъ, и даетъ объ этой эпохѣ огромную массу свѣдѣній, несравненно болѣе важныхъ и обстоятельныхъ. Громадное, можно сказать, несравненное значеніе Придворнаго Устава для византійской исторіи и археологіи очень хорошо понялъ и оцѣнилъ первый издатель и комментаторъ Придворнаго Устава Яковъ Рейске (Reiske), который, обладая обширною, много-

¹⁾ Первые извѣстія о Придворномъ Уставѣ Константина Багрянороднаго появились въ самомъ началѣ прошлаго столѣтія. Владѣлецъ единственной, но за то очень древней рукописи (XI в.) Придворнаго Устава, членъ городского сената во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Конрадъ Уффенбахъ, сообщилъ кое-какія свѣдѣнія объ этой рукописи Альберту Фабрицію (Fabricius), который и публиковалъ первые извѣстія о Придворномъ Уставѣ въ 1-мъ изданіи своей знаменитой *Bibliotheca Graeca*, vol. VI, p. 621 sequ. (перепеч. въ Боннскомъ изданіи Придворнаго Устава, vol. I, p. LVIII—LX). Гербы Угорскаго и Чешскаго королевствъ, украшающіе переплетъ рукописи, позволяютъ ученымъ предполагать, что рукопись эта находилась первоначально въ библіотекѣ короля Матвѣя Корвина. Такъ долго скрывавшемуся отъ взоровъ ученаго міра кодексу не суждено было скоро явиться въ печати и послѣ появленія первыхъ извѣстій объ его существованіи. Первая попытка издать его, сдѣланная Гессенскимъ профессоромъ Маємъ (Majus), не удалась. Рукопись Придворнаго Устава отъ Уффенбаха перешла, между тѣмъ, въ собственность городской библіотеки гор. Лейпцига, гдѣ она сохраняется и до сихъ поръ. Завѣдывавшій тогда Лейпцигскою городскою библіотекою проф. Масковъ (Mascow) обратилъ на рукопись вниманіе молодого ученаго Лейха, который взялся за изданіе рукописи въ 1743 году и скоро приступилъ къ исполненію этой трудной задачи. Но Лейху не суждено было довести изданіе и до половины; смерть прекратила работу молодого ученаго въ 1750 г., когда онъ успѣлъ напечатать 200 стр. слишкомъ греч. текста съ латинск. переводомъ. Къ счастью, продолженіе труда Лейха поручено было, по указанію Маскова, ученому, еще болѣе компетентному, чѣмъ былъ Лейхъ. Это былъ Яковъ Рейске, который не только обладалъ обширною эрудиціею въ области древней филологіи, но и былъ въ то же время первокласснымъ ориенталистомъ (арабистомъ), что очень важно и полезно для всякаго, занимающагося византійскою археологіею и исторіею, благодаря постояннымъ вліяніямъ, столкновеніямъ и взаимодействию арабовъ и византійцевъ. Многосторонняя эрудиція, какъ нельзя болѣе подходившая къ предстоящей задачѣ, позволила Reiske не только закончить трудъ Лейха, но и написать такой комментарий, который Лессингъ по справедливости назвалъ удивительнымъ и достойнымъ стать наравнѣ съ самыми славными произведеніями въ этомъ родѣ. Первый томъ Придворнаго Устава явился уже въ 1751 г., второй въ 1754 г. подъ заглавіемъ: *Constantini Porphyrogeniti, Imperatoris Constantinopolitani libri duo de cerimoniis aulae Byzantinae, prodeunt nunc primum cum latina interpretatione et commentariis. Curarunt Jo. Henricus Leichius et J. Jacobus Reiskius*. Но III томъ, который долженъ былъ заключать комментарий Reiske на II кн., издатель отказался издавать, изъ опасенія окончательно раззориться на это изданіе. Комментарій на II кн. явился въ Боннскомъ изданіи и составляетъ одно изъ самыхъ цѣнныхъ прибавленій этого изданія. Подробности объ исторіи изданія Придворнаго Устава см. въ вышеназванной превосходной и незамѣнимой книгѣ В. Г. Васильевскаго, стр. 214 слѣд., продолженіе которой ждутъ съ нетерпѣніемъ всѣ интересующіеся Византіею.

стороннею эрудиціею, снабдилъ изданіе достойнымъ удивленія комментариемъ и предисловіемъ. Въ этомъ послѣднемъ Reiske прекрасно выразилъ громадное значеніе издаваемого имъ впервые памятника для исторіи и древностей церковныхъ, политическихъ, военныхъ, придворныхъ и частныхъ, словомъ для всѣхъ сторонъ византійской жизни ¹⁾).

Не смотря, однакожъ, на громадное значеніе Придворнаго Устава для византійской археологіи въ самомъ широкомъ смыслѣ, не смотря на тѣ восторженныя похвалы, которыми былъ привѣтствованъ комментарий Reiske, надежды Reiske, что этотъ несравненный памятникъ вызоветъ много ученыхъ изслѣдованій и обратитъ на себя вниманіе ученыхъ, не сбылись: Придворный Уставъ очень мало привлекалъ и привлекаетъ вниманіе ученыхъ изслѣдователей; обработка заключающагося въ немъ археологическаго матеріала, за немногими исключеніями, подвигалась и подвигается плохо, такъ что комментарий Reiske и до сихъ поръ еще служитъ единственнымъ пособіемъ для пониманія Придворнаго Устава и считается послѣднимъ словомъ науки относительно бѣльшей части вопро-

¹⁾ Вотъ что говоритъ Reiske о значеніи изданнаго имъ Придворнаго Устава: если въ этомъ вѣкѣ и, можно сказать, вообще когда нибудь, издана была книга, важная для изученія римской и византійской исторіи, такъ это именно эта книга... Нѣтъ такого предмета ни изъ области церковной, ни изъ области свѣтской, котораго бы эта книга не касалась и не разъясняла. Кто пожелаетъ изучать церковныя обряды и порядки, тотъ узнаетъ изъ этой книги, какова была греческая церковь въ X в., какъ избирались патріархи, каковы были ихъ сношенія съ императорами, какія были части и устройство греческихъ храмовъ... какой порядокъ праздниковъ, какіе были, въ какіе дни совершались и въ какіе храмы и монастыри направлялись крестные ходы и религіозныя процессіи. Кого болѣе интересуетъ изученіе свѣтскихъ предметовъ, для того открывается обширное и пріятное поле, достойное созерцанія: здѣсь можно видѣть, какъ коронуютъ императоровъ, какъ императоры празднуютъ свои свадьбы, крестятъ дѣтей, производятъ въ чины, ѣздятъ въ загородные дворцы, отправляются ревизовать общественныя хлѣбныя магазины; какъ они смотрятъ игры въ Циркѣ, слушаютъ славословія партій, раздають награды побѣдившимъ наѣзdnикамъ, бросаютъ деньги, смотрятъ готскія игры, празднуютъ воты, врумаліи, дни своего рожденія и бракосочетанія и другіе государственныя и царскіе дни; какъ происходятъ царскіе обѣды, совершаются ежедневныя приемы и поздравленія, производятся торжественныя приемы и праздничныя процессіи; какъ цари ходятъ на войну, что дѣлають въ походѣ, какъ возвращаются съ похода и совершаютъ торжественныя въѣзды въ городъ, попирають ногами побѣжденныхъ, раздають жалованье солдатамъ, снаряжаютъ войска и флоты, принимаютъ чужестранныхъ пословъ и отпускають своихъ и т. д. и т. д. Эта книга гораздо болѣе, чѣмъ какая нибудь другая, знакомитъ съ сановниками и чиновниками, военными и гражданскими, съ гвардейскими отрядами и свитою царей. Изъ всего вышесказаннаго видно, что изложенныя въ Придворномъ Уставѣ предметы такъ разнообразны, завлекательны и важны, что должны непременно возбудить вниманіе ученыхъ и вызвать изученіе всѣхъ указанныхъ сторонъ жизни и быта (Reiske, Praefat., p. XIV sequ. Bonn.). Далѣе Reiske совершенно вѣрно характеризуетъ спеціальное значеніе разныхъ отдѣловъ Придворнаго Устава, труда атриклина Филоея, отрывковъ Петра Магистра и пр., и говорить о превосходствѣ издаваемого имъ памятника сравнительно съ трудомъ Кодина Куропалаты, который до изданія Придворнаго Устава былъ самымъ важнымъ и почти единственнымъ источникомъ для вышеуказанныхъ сторонъ византійской археологіи.

совъ общихъ и частныхъ, матеріалъ для рѣшенія которыхъ имѣется въ Придворномъ Уставѣ. Боннское изданіе, сдѣланное чрезъ 80 лѣтъ послѣ изданія Reiske, почти ничего не прибавило къ тому, что сдѣлано Reiske, и главная его заслуга заключается въ полномъ и тщательномъ изданіи комментарія Reiske. А между тѣмъ сдѣлать остается несравненно больше, нежели сдѣлано для уясненія Придворнаго Устава и обработки заключающагося въ немъ археологическаго матеріала.

Первый и единственный комментаторъ Придворнаго Устава имѣлъ слишкомъ мало времени для того, чтобы обработать громадный и безконечно разнообразный матеріалъ и составить полный и обстоятельный комментарий хотя бы въ объемѣ того матеріала, который заключается въ самомъ памятникѣ, какъ относительно главныхъ и общихъ вопросовъ, такъ и относительно частныхъ предметовъ. Хотя Reiske приступилъ къ составленію своего комментарія послѣ предварительнаго знакомства со всѣмъ памятникомъ, послѣ предварительнаго изученія заключающагося въ немъ матеріала, но это изученіе, при томъ короткомъ срокѣ, который былъ въ его распоряженіи до изданія, не могло быть такъ подробно, всесторонне и обстоятельно, какъ подробно и всесторонне оно должно было быть для составленія полнаго и обстоятельнаго комментарія. Когда Reiske приступилъ къ составленію своего комментарія, онъ не располагалъ еще всѣмъ тѣмъ матеріаломъ, который находится въ самомъ памятникѣ, потому что не извлекъ его предварительно, особенно по разнымъ мелкимъ и частнымъ вопросамъ; въ значительной степени и по многимъ вопросамъ онъ изучалъ матеріалъ, такъ сказать, по-путно, во время составленія самаго комментарія.

Потому объясненія Reiske носятъ весьма часто случайный характеръ: въ объясненіе того или другаго обычая, предмета или названія комментаторъ изъ матеріала, находящагося въ Придворномъ Уставѣ, приводитъ только то, что онъ замѣтилъ случайно при предварительномъ изученіи памятника. Вслѣдствіе этого объясненія Reiske большею частію неполны, т. е. не исчерпываютъ всего матеріала, находящагося въ объясняемомъ памятникѣ, часто неточны, а иногда и совсѣмъ невѣрны и противорѣчатъ тѣмъ даннымъ, которыя находятся въ самомъ объясняемомъ памятникѣ. Во многихъ случаяхъ Reiske, при дальнѣйшемъ объясненіи и ближайшемъ изученіи матеріала, самъ поправляетъ и дополняетъ свои объясненія, сдѣланныя въ началѣ работы, и въ комментарий на вторую книгу Reiske часто даетъ гораздо болѣе полныя и вѣрныя объясненія того, что невѣрно и неполно объяснилъ въ первый разъ. Очевидно, что изданіе и объясненіе Придворнаго Устава постепенно увели-

чивало его знакомство съ матеріаломъ и расширяло кругъ его познаній по византійской археологіи вообще, что совершенно естественно и понятно. Потому, при случайномъ заглядываніи въ комментарий Reiske иногда можно приять за его объясненіе или мнѣніе такое толкованіе, которое онъ потомъ самъ видоизмѣнилъ, дополнилъ или даже замѣнилъ другимъ.

Особенно неточностію и невѣрностію страдаютъ топографическія объясненія Reiske. Не найдя въ Const. Christ. Дюканжа точныхъ свѣдѣній о топографіи Большаго Дворца и частей его и наталкиваясь постоянно на разрозненные указанія и намеки въ обрядахъ Придворнаго Устава, Reiske высказываетъ случайныя и часто совершенно превратныя сужденія о разныхъ частяхъ Дворца, доказывающія, что онъ самъ имѣлъ очень смутныя и неясныя понятія объ этомъ предметѣ, такъ какъ приступилъ къ толкованію Придворнаго Устава безъ предварительнаго изученія и свода матеріала, относящагося къ тому или другому предмету. Отсутствие ясныхъ понятій о мѣстѣ совершенія обрядовъ, о топографіи Большаго Дворца и его окрестностей не позволило Reiske составить себѣ ясное представленіе о ходѣ многихъ обрядовъ и дать въ своемъ комментарий такія объясненія, которыя позволили бы и читателю представлять себѣ ясно ходъ того или другаго обряда.

Какъ на примѣръ неясности, неполноты и недостаточности комментарія Reiske всего естественнѣе указать на тѣ обряды праздничныхъ выходовъ, которые составляютъ главное содержаніе этого очерка. Не смотря на то, что объясненія къ этимъ обрядамъ, т. е. къ началу I кн. Придворнаго Устава, написаны Рейске послѣ комментарія къ концу I кн., не смотря на то, что они занимаютъ очень много мѣста (почти четвертую часть всего комментарія), все-таки они не даютъ яснаго понятія о выходахъ, и при помощи одного комментарія Reiske, безъ самостоятельнаго изученія ихъ, не только нельзя составить себѣ яснаго понятія о всѣхъ моментахъ выхода и лицахъ, участвующихъ въ немъ, но даже нельзя получить общаго яснаго и отчетливаго представленія о направленіи шествія и цѣли главныхъ моментовъ выхода и дѣйствій лицъ, въ немъ участвующихъ. Reiske не разъясняетъ ни отношенія другъ къ другу обрядовъ, входящихъ въ составъ сборника обрядовъ богомольныхъ выходовъ, ни отношеній самыхъ выходовъ одного къ другому, потому при помощи его комментарія совершенно невозможно оріентироваться въ этой массѣ матеріала, то относящагося къ одному предмету, то къ различнымъ моментамъ разнаго рода выходовъ. Для пониманія обряда выходовъ, между тѣмъ, необходимо прежде всего выяснить взаимныя отношенія дошед-

шихъ до насъ обрядовъ и, установивши различные типы выходовъ, постоянно сравнивать обряды, трактующіе объ одинаковыхъ выходахъ, такъ какъ ни одинъ обрядъ, отдѣльно взятый, не даетъ того, что даютъ всѣ одинаковые по содержанію обряды, благодаря тому обстоятельству, что въ одномъ обрядѣ излагается подробнѣе одинъ моментъ, въ другомъ другой. Хотя общій обрядъ выходовъ въ большіе праздники (I, 1) изложенъ подробнѣе и обстоятельнѣе всѣхъ частныхъ обрядовъ, взятыхъ отдѣльно, тѣмъ не менѣе весьма многіе моменты и подробности могутъ быть поняты надлежащимъ образомъ только по сравненіи описанія этихъ моментовъ въ другихъ подобныхъ спеціальныхъ обрядахъ. Рейске, къ сожалѣнію, такія сравненія дѣлаетъ сравнительно рѣдко, обращая преимущественно вниманіе на объясненіе разныхъ археологическихъ предметовъ и чиновъ, упоминаемыхъ въ обрядахъ, вслѣдствіе чего ходъ самаго обряда и различные его моменты совершенно теряются изъ виду и читатель совершенно запутывается, благодаря постояннымъ дигрессіямъ въ область византійскаго чиновничества, военнаго и гражданскаго, тѣмъ болѣе, что Рейске не даетъ руководящей нити и общаго обзора выхода, который позволилъ бы, сходя съ главнаго пути, опять на него возвращаться. Хотя всѣ эти экскурсы важны въ научномъ отношеніи и представляютъ собою часто существенныя поправки и дополненія къ тому, что было извѣстно прежде, тѣмъ не менѣе объясненія Рейске далеко не исчерпываютъ всего матеріала и потому, взятые отдѣльно, могутъ быть названы слишкомъ краткими, а съ другой стороны они слишкомъ велики для прямой цѣли, т. е. объясненія самаго обряда, тѣмъ болѣе, что, быть можетъ, благодаря имъ, комментаторъ опускаетъ гораздо болѣе важныя и необходимыя для пониманія обряда разъясненія.

Наконецъ, возможно, что Рейске, какъ протестантъ, не только чуждый, но и враждебный обрядности какъ церковной, такъ и придворной, многого не объяснялъ потому, что частію считалъ нѣкоторыя детали обрядовъ незаслуживающими особеннаго вниманія, а частію не понималъ и не могъ понимать по своему практическому незнакомству съ церковными службами католической и особенно православной церкви, въ обрядахъ и облаченіяхъ которой сохранилось не мало элементовъ, могущихъ служить къ разъясненію разныхъ подробностей Придворнаго Устава, особенно обрядовъ богомольныхъ выходовъ.

Всѣ вышеуказанныя причины и обстоятельства были причиною того, что Рейске не далъ въ своемъ комментаріи достаточныхъ разъясненій выходовъ въ храмы и многихъ другихъ обрядовъ и не освѣтилъ ихъ на-

столько, чтобы при помощи его комментарія можно было ихъ понимать и болѣе или менѣе ясно представлять себѣ разные моменты ихъ.

Указывая всѣ эти недостатки комментарія Reiske, которые въ значительной степени отразились и на текстѣ, я, однакожъ, нисколько не думаю умалять великихъ заслугъ Reiske. Рейске, какъ первый комментаторъ труднѣйшаго памятника, на мой взглядъ, сдѣлалъ скорѣе слишкомъ много, чѣмъ слишкомъ мало. Такой вполне достойный удивленія комментарий могъ сдѣлать только Рейске, благодаря своей обширной и многосторонней эрудиціи, которая и тогда встрѣчалась не часто, а теперь почти вовсе не встрѣчается.

Но предметъ комментарія былъ слишкомъ труденъ, матеріалъ слишкомъ обширенъ и необъятно разнообразенъ для того, чтобы первый же комментаторъ могъ все разъяснить вполне удовлетворительнымъ образомъ. Если бы Рейске располагалъ гораздо большимъ временемъ и неограниченными средствами, то и тогда онъ не могъ бы сдѣлать всего того, что нужно для разъясненія Придворнаго Устава: такая задача превышаетъ силы одного человѣка, какъ бы ни богаты и разнообразны были его способности и познанія. Рейске заслужилъ неувядаемую славу уже тѣмъ, что положилъ начало научной разработкѣ этого многообъемлющаго и трудно перевариваемаго памятника.

Обязанность дальнѣйшей разработки и разъясненія Придворнаго Устава лежала на слѣдующихъ поколѣніяхъ, но слѣдующія поколѣнія отнеслись къ Придворному Уставу не только съ полнымъ равнодушіемъ, но даже и съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ. Боннское изданіе Придворнаго Устава, вышедшее почти чрезъ 80 лѣтъ послѣ перваго подъ редакціею знаменитаго Нибура, не только ничего не прибавило къ труду незабвеннаго Reiske, но даже констатировало и, быть можетъ, укрѣпило презрительно равнодушное отношеніе ученаго міра къ Придворному Уставу. Въ концѣ своего предисловія къ этому изданію, Нибуръ говоритъ: „Я знаю, что многіе съ презрѣніемъ смотрятъ и осмѣиваютъ книги Константина de Cerimoniis, вздорное и пустое содержаніе которыхъ обозначается уже самымъ заглавіемъ. Я не стану отрицать, что большая часть первой книги составлена такъ, что въ человѣкѣ порядочномъ возбуждаетъ тошноту (*ut ingenuo homini nauseam moveat*). Впрочемъ, и въ этихъ пустякахъ (*quisquiliae*) есть кое-что полезное для исторіи“. Такой отзывъ знаменитаго историка о Придворномъ Уставѣ не могъ, конечно, поощрить къ разработкѣ заключающагося въ немъ археологическаго матеріала и этотъ огромный и разнообразный матеріалъ остается до сихъ поръ почти такъ же мало обработаннымъ, какъ

оставилъ его Рейске, за исключеніемъ сравнительно очень немногихъ сторонъ и предметовъ, вызвавшихъ спеціальныя изслѣдованія. Въ Придворный Уставъ ученые заглядываютъ большею частію отрывочно и случайно, руководствуясь весьма краткимъ и недостаточнымъ *Index'омъ къ комментарію Рейске*, приложеннымъ къ Боннскому изданію. *Указателя къ тексту Придворнаго Устава* до сихъ поръ нѣтъ, а между тѣмъ такой указатель къ Придворному Уставу необходимъ гораздо болѣе, нежели къ произведеніямъ другихъ византійскихъ писателей. Нибуръ сознавалъ пользу такого указателя, но не счелъ возможнымъ ученыхъ, которые могли бы составить указатель, „отвлекать отъ болѣе благородныхъ занятій (a studiis nobilioribus)“; потому ограничился изданіемъ краткаго Index'a къ комментарію Reiske. Между тѣмъ, отсутствіе указателя къ тексту Придворнаго Устава является, по всей вѣроятности, одною изъ причинъ того, что археологическій матеріалъ, заключающійся въ Придворномъ Уставѣ, такъ мало до сихъ поръ разработанъ и обслѣдованъ. Чтобы извлечь его по тому или другому частному вопросу, нужно читать весь Придворный Уставъ, заниматься, по словамъ Нибура, вздоромъ и пустяками (pugae, quisquiliae), притомъ очень трудными и неудобоваримыми. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что охотниковъ доставать каштаны изъ огня собственными руками находится не много, и что многіе ученые, которымъ, при научныхъ изслѣдованіяхъ, желательно было бы познакомиться съ матеріаломъ, находящимся въ Придворномъ Уставѣ по тому или другому вопросу, предпочитаютъ не тратить время на чтеніе этой объемистой и трудно понимаемой книги для извлеченія матеріала по какому нибудь частному вопросу и считаютъ за лучшее или вовсе обойти этотъ вопросъ, или довольствоваться тѣми данными и тѣмъ рѣшеніемъ вопроса, на которыя наводитъ Index къ комментарію Reiske и которыя даетъ самый этотъ комментарий. И это совершенно естественно и понятно, особенно если принять во вниманіе отзывъ Нибура о содержаніи Придворнаго Устава. Стоитъ ли въ самомъ дѣлѣ перерывать и перебирать всю эту огромную массу сора и хлама, чтобы найти какія нибудь крупинки золота, въ нахожденіи которыхъ, къ тому же, не всегда можно быть увѣреннымъ? Хорошій указатель къ тексту, избавляя отъ необходимости ради одного какого нибудь слова перечитывать весь Уставъ, несомнѣнно, привлекъ бы многихъ къ изученію археологическаго матеріала, заключающагося въ Придворномъ Уставѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ изученію самаго Устава хотя бы по частямъ и отдѣламъ. Познакомившись ближе съ содержаніемъ Устава, безъ сомнѣнія, многіе убѣдились бы, что Уставъ вовсе не такъ безсодержателенъ и пустъ, какъ

думать Нибуръ, а напротивъ, такъ богатъ матеріаломъ, какъ рѣдкій памятникъ, и что гораздо вѣрнѣе оцѣнилъ значеніе Придворнаго Устава первый его издатель и комментаторъ Reiske, чѣмъ переиздатель труда Reiske, Нибуръ. Я не думаю, что нужно опровергать презрительный отзывъ Нибура: *de gustibus non est disputandum*. Для Нибура *res utilis* въ Придворномъ Уставѣ кажется только то, что относится къ римской исторіи, римскому праву и вообще римскимъ древностямъ. Хотя и такихъ данныхъ, которыя могутъ служить для разъясненія разныхъ сторонъ римской жизни императорскаго періода ¹⁾, гораздо больше, чѣмъ думалъ Нибуръ, тѣмъ не менѣе главный интересъ Придворнаго Устава состоитъ въ безконечно богатомъ и разнообразномъ матеріалѣ для византійскихъ древностей, которыя сами по себѣ, повидимому, казались Нибуру незаслуживающими серьезнаго вниманія.

Какъ велико и важно значеніе Придворнаго Устава въ этомъ отношеніи, объ этомъ, какъ мы видѣли, весьма вѣрно и краснорѣчиво говорилъ уже Reiske. Почти такія же соображенія относительно этого высказываетъ Крumbaхеръ въ своей „исторіи византійской литературы“ ²⁾. А насколько важно знакомство съ Придворнымъ Уставомъ для историка, это видно изъ словъ одного изъ самыхъ глубокихъ знатоковъ византійской исторіи, академика В. Г. Васильевскаго, который въ вышеназванной книгѣ говоритъ: „Кто пропустилъ случай и время ознакомиться съ обрядами Царскаго Чина, кто и потомъ не заглядываетъ въ нихъ чаще, тотъ осужденъ дѣлать совершенно неожиданные для себя промахи, потому что въ нѣкоторыхъ случаяхъ не спасаютъ и справки съ Глоссаріемъ Дюканжа... Мы могли бы привести весьма поучительные примѣры подразумѣваемыхъ промаховъ изъ своего личнаго опыта, а также изъ наблюденій надъ другими, самыми почтенными и заслуженными спе-

¹⁾ Не говоря уже объ отрывкахъ изъ труда современника Юстиніана, Петра Магистра, которые прямо вводятъ насъ въ жизнь и бытовую обстановку еще римскаго императорскаго двора, даже въ обрядахъ X в. сохранилось весьма много чертъ, ведущихъ свое начало отъ римской императорской эпохи. Помимо многочисленныхъ деталей придворнаго этикета, самые выходы и приемы сохранили свой древне-римскій характеръ и остались весьма близки къ своему римскому первообразу, какъ видно изъ сравненія описанія выходовъ, которое мы находимъ у Кориппа, съ тѣмъ, что мы находимъ въ обрядахъ Придворнаго Устава. Въ X в. уцѣлѣли даже латинскія славословія (см. въ этомъ очеркѣ, стр. 4, 72, 77). Относительно Цирка и скачекъ Придворный Уставъ даетъ также массу данныхъ, разъясняющихъ и дополняющихъ наши свѣдѣнія о римскихъ циркахъ и партіяхъ, игравшихъ такую видную роль въ римской жизни императорскаго періода.

²⁾ Karl Krumbacher, Geschichte d. Byzantinischen Litteratur, München, 1891, S. 61 (1-я часть IX тома, издаваемого Иваномъ Мюллеромъ Handbuch d. klassischen Alterthums-Wissenschaft). Крumbaхеръ жалѣетъ, что не изслѣдовано вліяніе придворныхъ византійскихъ порядковъ на западно-европейскіе дворы.

ціалистами, но здѣсь этому не мѣсто“¹⁾). Я также не стану приводить подобныхъ примѣровъ, такъ какъ ихъ достаточно приведено въ этомъ и первомъ моихъ очеркахъ. Да и оба они, взятые цѣликомъ, представляютъ, надѣюсь, ясное доказательство того, какое обиліе совершенно новаго матеріала сравнительно съ другими византійскими писателями даетъ Придворный Уставъ, такъ какъ оба изслѣдованія основаны почти исключительно на матеріалѣ Придворнаго Устава. О Большомъ Дворцѣ и его частяхъ свѣдѣнія, сообщаемыя у другихъ средневѣковыхъ писателей, настолько разрозненны, кратки и смутны, что по нимъ совершенно нельзя составить себѣ такихъ точныхъ, подробныхъ и сравнительно ясныхъ понятій о Большомъ Дворцѣ, какія даютъ намъ многочисленныя указанія Придворнаго Устава.

Какая громадная разница въ количествѣ и качествѣ данныхъ по этому вопросу, находящихся съ одной стороны въ Придворномъ Уставѣ, а съ другой—во всѣхъ другихъ дошедшихъ до насъ источникахъ византійской исторіи и археологіи, это видно лучше всего изъ сравненія описанія Большаго Дворца и его частей въ Constantinopolis Christiana Дюканжа (Lib. II, с. IV, р. 91—100 ed. Ven.) и описанія того же Дворца въ книгѣ Лабарта: Le Palais impérial и моемъ Обзорѣ главныхъ частей Большаго Дворца. Затѣмъ, если читатель сравнитъ сказанное у меня въ приложеніи къ Обзору Большаго Дворца о дворцовыхъ чинахъ, то онъ увидитъ, что о нѣкоторыхъ изъ нихъ Дюканжъ имѣлъ очень смутныя и неопредѣленныя понятія, а о нѣкоторыхъ и совсѣмъ не зналъ и не могъ знать, потому что не могъ видѣть Придворнаго Устава, въ которомъ единственно они упоминаются. Какъ Греческій Глоссарій Дюканжа, такъ и нѣкоторые другіе его труды были бы гораздо цѣннѣе и важнѣе, если бы великій Дюканжъ зналъ Придворный Уставъ. По справедливому и мѣткому выраженію проф. В. Г. Васильевскаго, „величайшій, но совершенно извинительный недостатокъ Греческаго Глоссарія Дюканжа именно въ томъ и состоитъ, что онъ появился раньше комментарія Reiske и раньше, чѣмъ сдѣлалось извѣстно о самомъ существованіи сочиненія De Cerimoniis“ (ibid. стр. 224).

Помимо этого общаго научнаго значенія Придворнаго Устава, какъ неисчерпаемаго источника данныхъ для византійской археологіи, для насъ, русскихъ, этотъ Уставъ имѣетъ особенное значеніе. Для насъ Византія—тоже, что для западно-европейскихъ народовъ Римъ. Какъ западная цивилизація въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова имѣетъ

¹⁾ В. Васильевскій, Обзорѣніе трудовъ по Византійской исторіи, вып. I, стр. 223—224.

своимъ основаніемъ западно-римскую цивилизацію, религію, литературу и культуру, такъ наша религія, литература и культура имѣетъ своимъ источникомъ византійскую литературу, культуру и греко-восточное православное вѣроученіе и потому безъ всесторонняго изученія византійской исторіи и жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ нельзя понять и объяснить себѣ весьма многихъ сторонъ древне-русской жизни, не говоря уже о религіозной сторонѣ, о православномъ вѣроученіи и богослуженіи, которыя по самой сущности своей остаются неизмѣнными и сохраняютъ отличительныя черты своихъ первоисточниковъ. Какъ всѣ нехристіанскія, нетронутыя еще цивилизаціею народности, принявши христіанское вѣроученіе отъ греко-восточной Церкви, усвоили въ большей или меньшей степени многіе византійскіе обычаи и литературу, такъ и русскіе, принявъ изъ Цареграда свѣтъ христіанскаго ученія, долго находились подъ почти исключительнымъ вліяніемъ греческой христіанской литературы и византійской цивилизаціи, тѣмъ болѣе, что византійская цивилизація и культура того времени, какъ хранительницы греко-римскаго просвѣщенія, стояли высоко надъ западною культурою и литературою. Нѣтъ ничего удивительнаго, что наши князья, вмѣстѣ съ христіанскимъ ученіемъ и просвѣщеніемъ, заимствовали не мало византійскихъ обычаевъ и порядковъ. Владиміръ Святой, принявъ св. крещеніе отъ греческой Православной Церкви, въ то же время женился на греческой царевнѣ, которая, безъ сомнѣнія, внесла въ окружавшую ее новую среду много византійскихъ придворныхъ обычаевъ, а сдѣлавшись христіанскимъ княземъ, Владиміръ Святой, по своему положенію и родственнымъ связямъ, сталъ весьма близокъ къ византійскимъ царямъ. Сознаніе этой близости выразилось въ томъ, что св. Владиміръ началъ чеканить монеты по византійскому образцу, на которыхъ онъ изображался въ византійскомъ *царскомъ* орнатѣ или нарядѣ. Принялъ ли онъ при этомъ царскій титулъ, т. е. сталъ ли величаться царемъ (*βασιλεύς*), указаній на это въ лѣтописяхъ, сколько мнѣ извѣстно, не имѣется ¹⁾.

¹⁾ Случай и мѣста, въ которыхъ древнимъ русскимъ великимъ князьямъ до татарскаго ига присвоивается если не титулъ, то значеніе царя, собраны въ прекрасной статьѣ Д. И. Прозорова: «О значеніи царскаго титула до принятія русскими Государями титула Императорскаго», помѣщенной въ VIII т. Извѣстій Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, за 1877 годъ, стр. 450 слѣд. Доказавъ вполне убѣдительно изъ переводовъ слова *βασιλεύς* и написанія слова «царь» въ древнѣйшихъ памятникахъ славянской письменности, что царь—царь, цесарь, цесарь (*ibid.*, стр. 207 слѣд.), почтенный изслѣдователь переходитъ къ разбору мѣстъ въ древне-русской письменности, въ которыхъ великимъ князьямъ Кіевского періода приписывается значеніе царя. Г. Прозоровскій совершенно справедливо думаетъ и доказываетъ неопровержимо, что царь (*βασιλεύς*) означаетъ высшій титулъ верховнаго и самодержавнаго правителя и по своему значенію тождественно

при чемъ русскіе сановники сопоставлялись съ соотвѣтствующими по характеру должности византійскими. Предполагалось, очевидно, сдѣлать нѣчто подобное тому, что чрезъ нѣсколько времени сдѣлалъ Петръ Великій, съ тою, конечно, разницею, что Петръ Великій переименовалъ нашихъ сановниковъ и чиновниковъ въ западно-европейскіе чины и званія и потому ввелъ западно-европейскую табель о рангахъ ¹⁾).

Къ числу обычаевъ, въ которыхъ наши цари слѣдовали византійскимъ, принадлежитъ, безъ сомнѣнія, обычай дѣлать въ большіе церковные праздники и царскіе дни торжественные выходы въ храмы, когда цари наши являлись народу во всемъ блескѣ своего царскаго наряда и во всемъ величій своего царскаго могущества, окруженные, предшествуемые и сопровождаемые государственными и придворными сановниками и чиновниками, военными и гражданскими. Въ виду того значенія, которое имѣли богомольные выходы въ жизни нашего Двора въ до-Петровскую эпоху, для насъ выходы византійскихъ царей имѣютъ особый интересъ и заслуживаютъ особеннаго нашего вниманія, какъ прототипъ богомольныхъ выходовъ нашихъ царей. Выходы византійскихъ царей, кромѣ большаго значенія ихъ для собственно византійскихъ древностей, имѣютъ немаловажное значеніе и для русскихъ древностей.

Благодаря нѣкоторому пренебреженію западноевропейскихъ ученыхъ къ обрядамъ Придворнаго Устава, къ этимъ, по выраженію Нибура, *pudae* и *quisquiliae*, обряды богомольныхъ выходовъ остались почти нетронутыми западною наукою на той степени обработки, на которой оставилъ ихъ *Reiske*. Западные европейскіе ученые ими мало интересовались, хотя, безъ всякаго сомнѣнія, изученіе Придворнаго Устава могло бы пролить свѣтъ на многіе обычаи и порядки и западныхъ дворовъ, и такимъ образомъ пока какъ бы предоставили этотъ матеріалъ разрабатывать намъ, какъ наиболѣе заинтересованнымъ въ обработкѣ этой части византійскихъ древностей и eo ipso обязаннымъ по возможности пополнить этотъ пробѣлъ, тѣмъ болѣе, что, по своимъ историческимъ судьбамъ и своей культурѣ, мы вмѣстѣ съ греками и православными славянами стоимъ ближе къ византійской культурѣ, чѣмъ западноевропейскіе народы, и для насъ многія

¹⁾ Я разумѣю «Проектъ Устава о служебномъ старшинствѣ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей по 34 степенямъ, составленный при царѣ Θεοδωρῷ Αλεξάνδρῳ» и напечатанный во 2-мъ отдѣленіи 1-й книжки Архива Калачева, Москва, 1850, стр. 23 слѣд. Здѣсь бояринъ 1-й степени приравнивается къ ὁ δομέστικος τῶν θεμάτων, бояринъ 2-й степени и дворцовый воевода къ ὁ σεβαστοκράτωρ или κριτὴς τοῦ φοβάρτου, бояринъ надъ пѣхотою (8-я степень) къ ὁ μέγας στρατοπεδάρχης, бояринъ надъ конною ратью къ ὁ στρατοπεδάρχης τῶν μονοκαβάλλων (9-я степень), кравчей (30-я степень) сопоставляется съ куропалатою, начальникъ надъ чашники (31-я степень) съ ὁ πυχέρυς.

стороны византийских древностей понятнѣе, нежели западнымъ народамъ, такъ какъ многіе обычаи и воззрѣнія, перешедшіе къ намъ изъ Византіи, живутъ въ насъ и среди насъ до сихъ поръ, хотя иногда мы этого не замѣчаемъ и не знаемъ, отчасти благодаря своему малому знакомству съ источникомъ нашей первоначальной образованности.

Особый интересъ и значеніе для насъ изученія Придворнаго Устава вообще и обрядовъ богомольныхъ выходовъ въ особенности сознавались и сознаются у насъ многими, особенно въ послѣднее время. Это сознаніе особенно ясно выразилось въ запискѣ нашихъ извѣстныхъ византологовъ: В. Г. Васильевскаго и Н. П. Кондакова, читанной въ засѣданіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества 28 декабря 1889 года и напечатанной въ Протоколахъ этого Общества (Записки Императорскаго Арх. Общ., т. V, новая серія, вып. I и II, стр. II и III). Названные ученые указываютъ здѣсь на неисчерпаемое богатство археологическаго матеріала и капитальное значеніе Придворнаго Устава какъ для византийской археологіи, такъ и для русской и совершенно справедливо настаиваютъ на необходимости составленія подробнаго систематическаго указателя къ Придворному Уставу. Но и прежде нѣкоторые наши ученые сознавали необходимость и важность изученія Придворнаго Устава и ознакомленія нашей публики съ содержаніемъ его, особенно съ обрядами богомольныхъ выходовъ, какъ прототипомъ подобныхъ же выходовъ, совершавшихся въ извѣстные церковные праздники нашими благочестивыми царями.

Какъ на плодъ этого сознанія, можно смотрѣть на двѣ русскія попытки изложенія обрядовъ богомольныхъ выходовъ въ храмъ св. Софіи. Обѣ эти попытки сдѣланы почти въ одно время, по крайней мѣрѣ вышли въ свѣтъ въ одномъ, 1872 году, и сдѣланы независимо одна отъ другой ¹⁾.

¹⁾ Къ попыткамъ ознакомленія русской публики съ обрядами Придворнаго Устава можно отнести и переводъ нѣкоторыхъ обрядовъ (коронаціи царя и царицы и производства въ кесари и патрикіи), помѣщенный въ «Исслѣдованіяхъ и Замѣткахъ» кн. Мих. Оболенскаго по русскимъ и славянскимъ древностямъ, Спб. 1875 г., стр. 436—450. Хотя переводъ обыкновенныхъ мѣстъ текста сдѣланъ довольно недурно и бойко, но за то многіе термины, представлявшіе, очевидно, для переводчика камень преткновенія, переданы крайне неудачно и ставятъ иногда читателя въ тупикъ. Такъ первыя же строки первого переведеннаго обряда (коронаціи царя,—Serim. I, 38, p. 191 sequ.) переведены невѣрно и непонятно: «Всѣ приходятъ въ другомъ одѣяніи и начальникъ схоль и другія должностныя лица и вынимаютъ нужное для процессіи оружіе». Слѣдовало вмѣсто этого сказать: «Всѣ приходятъ съ парадными облаченіями и облачаются какъ весь синклитъ, такъ и начальствующія лица (отряда) школь и другихъ гвардейскихъ отрядовъ. Послѣдніе (т. е. начальники гвардейскихъ отрядовъ) берутъ и приготавливаютъ знамена для несенія предъ владыками (т. е. царями)».

Въ дальнѣйшемъ переводѣ обряда встрѣчается также нѣсколько подобныхъ неточностей, а въ концѣ мы находимъ совершенно непонятное, а потому и непонятное мѣсто:

Одна изъ нихъ принадлежитъ г. Н. Марковичу и составляетъ часть его большой статьи, помѣщенной въ „Христіанскихъ Древностяхъ“, издававшихся г. Прохоровымъ, за 1872 годъ, стр. 1—73. Въ своей статьѣ подъ заглавіемъ: „Богомольные выходы Русскихъ царей по сравненію съ такими же выходами византійскихъ императоровъ“, г. Марковичъ, послѣ довольно обширнаго разсужденія о значеніи богомольныхъ выходовъ (1—18), дѣлаетъ а) общій взглядъ на церковно-придворныя церемоніи древнихъ русскихъ царей по сравненію съ такими же выходами византійскихъ императоровъ (стр. 18—42) и б) частный обзоръ выходовъ по отдѣльнымъ праздникамъ (стр. 42—73). Въ общемъ обзорѣ г. Марковичъ излагаетъ сначала довольно подробно общій обрядъ выходовъ византійскихъ императоровъ въ храмъ св. Софіи въ большіе праздники, а потомъ вкратцѣ говоритъ о выходахъ въ другіе храмы, заканчивая этотъ отдѣлъ характеристикой выходовъ русскихъ царей. Въ частномъ обзорѣ авторъ излагаетъ подробно выходы русскихъ царей по отдѣльнымъ праздникамъ, привлекая иногда для сравненія обряды выходовъ византійскихъ императоровъ въ соотвѣтствующіе праздники, но не описывая ихъ подробно.

«Что же касается до любви и общенія, по обычаю торжествъ, все совершается по порядку» (стр. 437). Читатель, я думаю, согласится, что понять это мѣсто трудно: что это за любовь и общеніе, которыя совершаются по порядку? Да и грамматически періодъ построенъ неправильно; очевидно, что тутъ чего то не хватаетъ. А между тѣмъ ларчикъ открывается просто. Дѣло въ томъ, что въ переведенномъ въ книгѣ кн. Оболенскаго обрядѣ коронаціи царя сначала очень кратко излагается большой выходъ царя въ храмъ св. Софіи, потомъ обрядъ коронаціи, затѣмъ поздравленія чиновъ, а такъ какъ царь послѣ этого слушалъ литургію и совершалъ всѣ тѣ дѣйствія, которыя онъ совершалъ во время выходовъ въ большіе праздники, то въ концѣ обряда, послѣ описанія поздравленій сказано: *εἰς δὲ τὴν ἀγάπην καὶ τὴν κοινωνίαν, ὡς ἔχει ἡ συνήθεια τῶν ἑορτῶν, καὶ τὰ λοιπὰ πάντα πληροῦνται, καθὼς ἐστὶν ἡ συνήθεια* (I, 38, 193). Если мы это мѣсто сравнимъ съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ Крещенскаго обряда (I, 26, 145), гдѣ сказано: *εἰς δὲ τὰ ἅγια καὶ τὴν ἀγάπην καὶ τὴν κοινωνίαν ἐκτελεῖ (ὁ βασιλεὺς), ὡς ἡ συνήθεια ἔχει*, и примемъ во вниманіе соотвѣтствующія мѣста другихъ обрядовъ большихъ выходовъ (ср. стр. 169—178 этого очерка), то для насъ будетъ ясно: а) что въ обрядѣ коронаціи царя послѣ *κοινωνίαν* пропущено *ἐκτελεῖ (ὁ βασιλεὺς)*, б) что подъ *ἡ ἀγάπη* здѣсь разумѣется цѣлованіе любви, совершавшееся предъ причащеніемъ, а подъ *ἡ κοινωνία* не общеніе, а приобщеніе св. таинъ (см. стр. 173 и слѣд. этого очерка) и в) что слѣд. вышеприведенное мѣсто коронаціоннаго обряда нужно перевести такъ: «относительно цѣлованія любви и приобщенія св. таинъ царь совершаетъ все такъ, какъ это обыкновенно совершается въ праздники; равнымъ образомъ и все прочее происходитъ такъ, какъ требуетъ обычай». Подъ «всѣмъ прочимъ» разумѣются здѣсь завтракъ въ Мутаторіи, выходъ изъ храма чрезъ св. Кладезъ и шествіе въ Собственный Дворецъ по обычаю большихъ праздниковъ (ср. стр. 178 слѣд. этой книги). Въ первомъ выпускѣ книги бывшаго харьковскаго проф. Зернина: Жизнь и литературные труды Константина Багрянороднаго (Харьковъ, 1858), излагается только біографія Константина и объ обрядахъ Придворнаго Устава въ немъ ничего не говорится, а по словамъ В. Г. Васильевскаго (Обозрѣніе трудовъ по Византійской Исторіи, 224), былъ изданъ только первый выпускъ этой книги.

Въ основаніе своего изложенія обряда выходовъ въ св. Софію въ большіе праздники г. Марковичъ положилъ общій обрядъ большихъ выходовъ, т. е. Cerim. I, 1, p. 5 sequ. до 22, а для выходовъ въ другіе храмы г. Марковичъ пользовался обрядомъ выхода въ Рождество Пресв. Богородицы (I, 1, 26—33) и понедѣльникъ Пасхальной недѣли (I, 10, 71—86) и нѣкоторыми другими обрядами подобныхъ выходовъ. Актologiaми на отдѣльные праздники г. Марковичъ пользовался рѣдко и мало, ограничившись общими всѣмъ праздникамъ словословіями и многолѣтіями. Объ обрядахъ выходовъ въ другіе храмы, кромѣ св. Софіи, сказано очень кратко, но общій обрядъ выходовъ въ св. Софію изложенъ довольно подробно и въ изложеніи этого обряда попадаются мѣста, представляющія почти дословный переводъ текста. Свое изложеніе или извлеченіе г. Марковичъ сопровождаетъ довольно многочисленными подстрочными примѣчаніями и объясненіями разныхъ словъ и терминовъ, занимающими болѣе половины тѣхъ страницъ, на которыхъ сдѣлано изложеніе обрядовъ. Объясненія эти представляютъ или по крайней мѣрѣ должны представлять сокращенное изложеніе примѣчаній и объясненій Reiske къ соответствующимъ обрядамъ.

Къ сожалѣнію, г. Марковичъ взялся за это трудное, хотя и не большое по объему дѣло, безъ предварительнаго изученія обрядовъ Придворнаго Устава и той спеціальной подготовки, которая необходима для правильнаго пониманія обрядовъ какъ въ общемъ и главномъ, такъ и въ подробностяхъ. Безъ такого предварительнаго изученія довольно рискованно и трудно браться за изложеніе или переводъ какого-нибудь простаго историческаго произведенія. Тѣмъ менѣе возможно ожидать большаго успѣха, при этихъ условіяхъ, отъ попытки правильно изложить во всѣхъ подробностяхъ обряды Придворнаго Устава. Придворный Уставъ, какъ всѣ вообще церемоніалы, представляетъ собою такой родъ литературы, который понимать очень трудно, а потому безъ предварительнаго спеціальнаго изученія его правильно излагать въ подробностяхъ и переводить совершенно невозможно! Здѣсь мало помогаетъ и латинскій пе-

¹⁾ Отсутствіе такой подготовки, видное во всемъ изложеніи и объясненіяхъ къ нему, доказывается уже замѣчаніемъ относительно источниковъ. «Источникомъ для византійскихъ церковно-придворныхъ церемоній служить для насъ сочиненіе (?) Константина Багрянороднаго и примѣчанія на нихъ и дополненія (!?) къ нимъ Кодина—«observanda» (?!). Но, къ сожалѣнію, этими «observanda» Кодина г. Марковичъ не пользовался; онъ въ примѣчаніяхъ и текстѣ цитуетъ сочиненіе Кодина de officiis нѣсколько разъ, но на «observanda» Кодина г. Марковичъ нигдѣ не ссылается, и потому трудно сказать, что онъ разумѣетъ подъ этими «observanda»; вѣроятно, тоже самое сочиненіе Кодина de officiis.

реводъ, помѣщаемый въ изданіяхъ рядомъ съ текстомъ или подѣ нимъ; такъ какъ латинскій переводъ или передаетъ буквально тѣ же непонятныя названія и термины, которыми наполнены обряды, или вводитъ вмѣсто греческой латинскую терминологию, которая, переносъ насъ въ другую эпоху Восточно-Римской Имперіи, еще болѣе сбиваетъ съ толку читателя ¹⁾. Объясненія Рейске къ обрядамъ выходовъ, какъ уже было замѣчено, неполны, недостаточны и частью совершенно невѣрны, особенно относительно топографіи частей Большаго Дворца, площади Августеона и св. Софіи, а между тѣмъ эти объясненія, названныя въ числѣ источниковъ г. Марковича, служили для него почти единственнымъ научнымъ пособіемъ. Нѣтъ потому ничего удивительнаго въ томъ, что у г. Марковича рядомъ съ болѣе или менѣе вѣрною или по крайней мѣрѣ близкою къ истинѣ передачею содержанія общаго обряда частенько встрѣчаются крупные промахи и ошибки, которыя даютъ смутныя понятія объ обрядѣ и обстановкѣ и сбиваютъ съ толку ²⁾. Но, принимая во вниманіе трудности задачи, взятой на себя авторомъ, и недостаточную его подготовку, все-таки можно сказать, что общій обрядъ выхода изложенъ г. Марковичемъ, не смотря на крупные промахи, довольно вѣрно, особенно въ той части, въ которой идетъ рѣчь о пребываніи царя въ храмѣ св. Софіи и въ которой г. Марковичъ ограничивается общими и главными чертами, не вдаваясь въ частности и подробности.

Во всякомъ случаѣ изложеніе самаго обряда у г. Марковича

¹⁾ Зналъ ли г. Марковичъ греческій языкъ, мнѣ неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ онъ слѣдовалъ болѣе латинскому переводу, чѣмъ греческому тексту, что и было причиною довольно многихъ крупныхъ промаховъ и недоразумѣній. Такъ, напр., жезлъ Моисея называется *мозаическимъ жезломъ*, очевидно, по той причинѣ, что по латини называется *Virga Mosaica*, дворецъ Дафны и его части называются дворцомъ *Дафнесъ*, потому что имя *Daphne* употребляется обыкновенно въ родит. пад. При описаніи возвращенія императора, латино-греческія восклицанія чиновъ кувуклія въ Августеѣ переданы латинскими словами: *feliciter venistis multos annos* (Марковичъ, *lib. с.*, стр. 31; ср. стр. 195 этого очерка).

²⁾ Такъ, напр., изложивши безъ большихъ погрѣшностей шествіе царя до дворца Дафны, г. Марковичъ говоритъ далѣе (стр. 21), что царь на пути къ храму св. Стефана проходитъ «августѣйшій триклинь» и осьмиугольную комнату, входя въ храмъ св. Стефана, молится и послѣ молитвы входитъ въ *портикъ Дафнесъ* (вмѣсто: въ Китонъ Дафны). Облачившись здѣсь, царь проходитъ «триклиній Августеона» (Августѣйшій триклинь превратился уже въ триклиній Августеона!), гдѣ находятся логофетъ дрома, *царскій капитанъ* (это *ὁ κατεπάνω τῶν βασιλικῶν*, т. е. начальникъ царскихъ спааріевъ!)... Въ Коенесторіи стоитъ крестъ Константина и *мозаическій жезлъ* (вмѣсто жезлъ Моисея), цари становятся предъ камилавкою... Въ Триклиніи Энскубиторовъ ожидаютъ царя военные чины, «носящіе скиптры Римскіе и другіе знаки отличія, къ которымъ причисляются знаки протекторовъ, сенаторовъ, *знаки драконовъ, лабора*, кампидукторіи и ванды. (Это—знамена, о которыхъ см. стр. 70 этого очерка).

сдѣлано гораздо вѣрнѣе и лучше, нежели примѣчанія и объясненія ¹⁾. Не зная книги Л а б а р т а объ Императорскомъ Дворцѣ (Le Palais impérial) и принужденный довольствоваться топографическими объясненіями Reiske, который самъ имѣлъ о топографіи Дворца очень смутныя и часто совершенно невѣрныя понятія, г. М а р к о в и ч ъ не могъ, понятно, составить себѣ и дать читателю вѣрныхъ и точныхъ, хотя бы и краткихъ, свѣдѣній и понятій о тѣхъ мѣстахъ, по которымъ совершался ходъ въ храмъ св. Софіи и обратно. Естественнымъ слѣдствіемъ полного незнанія топографіи Большаго Дворца и его окрестностей было то, что г. М а р к о в и ч ъ не понялъ и того, что сказано въ его пособіяхъ, все перепуталъ и написалъ такія объясненія, которыя ничего не объясняютъ, а только показывают полное незнакомство автора съ тѣми предметами, о которыхъ онъ пишетъ. Такой же характеръ имѣютъ и многія другія объясненія г. М а р к о в и ч а, касающіяся чиновъ, одеждъ, утвари и т. п. предметовъ, принадлежащихъ къ области византійскихъ государственныхъ, частныхъ и церковныхъ древностей. Рядомъ съ болѣе или менѣе вѣрными замѣчаніями и объясненіями здѣсь находятся совершенно невѣрныя, превратныя толкованія, смотря по тому, что сказано у Reiske и на сколько авторъ понялъ сказанное въ его „источникѣ“ ²⁾. Wahrheit und Dichtung тутъ

¹⁾ Къ приведеннымъ въ предыдущемъ примѣчаніи мѣстамъ обряда большихъ выходовъ г. М а р к о в и ч ъ даетъ, между прочимъ, слѣдующія поясненія: «Подъ осьмиугольною *комнатою* разумѣется *портикъ Дафнесъ*, такъ называемый *Августеонъ Дафнесъ*. Онъ находился *внутри Халки подлѣ Хрисотриклиніа* и имѣлъ форму *осьмиугольной галлерей или корридора* (?!), въ которомъ можно было прогуливаться, почему и получилъ названіе *портика οκταγώνου*» (стр. 21, прим. 1). Трудно на такомъ количествѣ строкъ сдѣлать больше ошибокъ, чѣмъ сдѣлалъ ихъ г. М а р к о в и ч ъ! А вотъ объясненіе Августѣйшаго триклиніа: этотъ триклиній находился, повѣствуетъ г. М а р к о в и ч ъ (стр. 20, прим. 13), за зданіемъ Халки, лежащимъ по срединѣ между Дворцомъ и Софійскою церковью, однакожь не за Софійскимъ храмомъ, такъ что ходъ изъ Халки былъ въ этотъ триклиній, а потомъ въ Софійскій храмъ. Называется онъ Августѣйшимъ или Августеономъ потому, что въ немъ короновались Императрицы. При торжественныхъ ходахъ въ него не дозволялось никому входить, кромѣ евнуховъ. Vid. Curs. Compl. Patrol. p. 119, n. 65, т. е. Reiske Comm. ad Cerim. p. 59 Bonn., гдѣ, кромѣ этой путаницы находится еще замѣчаніе относительно Августея: videtur quasi Seraglium imperatorum Constantinopolit. fuisse.—Интересно также объясненіе загадочнаго *σχαράγγιον*. Г. М а р к о в и ч ъ, опять-таки введенный въ заблужденіе Reiske, высказываетъ предположеніе, что скараманга дѣлалась изъ кожи и была подобна кожухамъ русскихъ купцовъ (стр. 19, пр. 2). Ср. Reiske, Comm. p. 459 и стр. 7 и слѣд. этого очерка.

²⁾ Такъ, напр., мы здѣсь узнаемъ (стр. 22, прим. 4), что «проконсулами въ древнее время были лица, носившія титулъ *illustros*; въ позднѣйшее время они были не болѣе, какъ помощники консуловъ, исправлявшіе должность гражданскихъ судей. Въ Германіи въ настоящее время должность проконсула равняется должности штаттгалтера или намѣстника бургомистра, а у насъ соотвѣтствуетъ должности гражданского губернатора при военномъ генераль-губернаторѣ». Всѣ эти разсужденія о проконсулахъ вызваны единственно тѣмъ обстоятельствомъ, что византійскій чинъ *ἀνθύπατος* въ латинскомъ переводѣ переданъ словами: *proconsul*. Въ слѣд. прим. (на той же стр.) мы узнаемъ, что

такъ перепутаны, что разобраться въ этой путаницѣ и отдѣлить *Wahrheit* отъ *Dichtung* чрезвычайно трудно. Да и не стоитъ. Въ оправданіе г. Марковича, однакожь, необходимо замѣтить, что многими заблужденіями въ своихъ толкованіяхъ онъ обязанъ своимъ „источникамъ“, т. е. главнымъ образомъ комментарию *Reiske*, толкованіямъ котораго онъ безусловно вѣрилъ, считая ихъ за несомнѣнную истину. Этой вѣрой въ непогрѣшимость *Reiske* объясняется и то, что объясненія и толкованія *Reiske* преподносятся читателю большею частію въ положительной, не допускающей сомнѣній формѣ.

Другую русскую попытку изложить обрядъ выходовъ въ храмъ св. Софіи мы имѣемъ въ статьѣ г. Каневскаго, напечатанной въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“ за 1872 г. (августъ, стр. 780—848) подъ заглавіемъ: Выходы Византійскихъ Императоровъ въ церковь св. Софіи въ праздники Рождества Христова и Богоявленія. Статья эта, какъ мнѣ передавали въ Кіевѣ, написана г. Каневскимъ въ бытность его студентомъ Кіевской Духовной Академіи на заданную однимъ изъ профессоровъ тему и, по разсмотрѣніи, признана достойной напечатанія въ органѣ Академіи. Почему г. Каневскому и его товарищамъ предложено было изложить выходы въ праздники Рождества Христова и Крещенія, а не выходы въ Господніе праздники вообще, мнѣ неизвѣстно. Выходы въ эти праздники отличаются какъ между собою, такъ и отъ другихъ выходовъ въ большіе Господніе праздники собственно только актологіями или актами; потому естественнѣе всего было бы изложить общій всѣмъ названнымъ праздникамъ обрядъ большаго выхода и воспользоваться для этого общимъ обрядомъ выходовъ въ большіе праздники, т. е. первою главою I книги, какъ самымъ подробнымъ и наиболѣе обстоятельнымъ обрядомъ большихъ выходовъ, какъ сдѣлалъ г. Марковичъ. Г. Каневскій, къ сожалѣнію, не принялъ во вниманіе не только общаго обряда, но и спеціальными обрядами Рождества Христова

«кромѣ патриціевъ, носившихъ титулъ *illustros*, были еще патриціи—синклитики—тоже, что въ Англіи члены Королевскаго Совѣта. Они были ближайшими совѣтниками Императора и ведутъ свое начало изъ древности, когда патриціи городовъ, областей и царей были тоже, что ихъ отцы (*patres*), заботившіеся о нихъ, какъ о дѣтяхъ, и содѣйствовавшіе благосостоянію ихъ. На стр. 23, прим. 6, г. Марковичъ говоритъ, что «спатарій — имя великаго достоинства въ Константинопольской имперіи» и т. д. Все это подтверждается ссылками частію на невѣрно понятыя комментариі *Reiske*, *Gloss.* Дюканжа и нѣкоторыя другія сочиненія, частію на понятія болѣе или менѣе вѣрно, но невѣрныя или неточныя объясненія этихъ «источниковъ», которые г. Марковичъ считаетъ непогрѣжимыми. Такъ, напр., относительно вышеприведенныхъ объясненій Октагона и Августея прямо можно сказать, что г. Марковича ввелъ въ заблужденіе *Reiske*, который смѣшивалъ Августей съ Августеономъ (*Comment.* p. 59 sequ. Bonn) и считалъ Октагонъ за осьмиугольный портикъ (*ibid.* p. 49).

и Крещенія почти вовсе не пользовался, за исключеніемъ послѣднихъ двухъ-трехъ §§ Рождественскаго обряда, по которымъ составлено описаніе возвратнаго пути царя изъ св. Софіи во Дворецъ. Описаніе шествія царя въ храмъ св. Софіи составлено у г. Каневскаго не по обрядамъ Придворнаго Устава, а по случайнымъ извлеченіямъ изъ него въ книгѣ Лабарта: *Le Palais impérial*. Дѣло въ томъ, что г. Каневскій зналъ и читалъ не только книгу г. Лабарта, но и написанную по поводу ея въ *Annales Archéologiques* статью извѣстнаго французскаго археолога Дидрона, редактора этого журнала ¹⁾. Познакомившись съ произ-

¹⁾ Статья Дидрона подъ заглавіемъ *Le Palais Impérial de Constantinople* помѣщена въ XXI томѣ его журнала *Annales Archéologiques* (за 1861 годъ, вып. 5 и 6, стр. 263 и слѣд.). Эта статья была переведена на русскій языкъ и помѣщена въ 5 и 6 книжкѣ Христіанскихъ Древностей и Археологіи Прохорова за 1862 годъ. Къ 6-й книжкѣ приложенъ снимокъ съ 2-ме *planche* Лабарта, т. е. общій планъ Дворца и его окрестностей, тотъ самый, который приложенъ къ моему Обзору главныхъ частей Большаго Дворца, а къ 8-й книжкѣ приложенъ снимокъ съ подробнаго плана собственно Дворца, т. е. 3-ме *planche* Лабарта. Къ сожалѣнію, о русскомъ переводѣ статьи Дидрона и приложенныхъ къ ней планахъ Лабарта я узналъ только въ самое послѣднее время и потому не упомянулъ о нихъ въ Обзорѣ главныхъ частей Большаго Дворца. Нельзя не поблагодарить, конечно, г. Прохорова за его стремленіе знакомить русскую публику съ произведеніями почтенныхъ французскихъ археологовъ, но въ тоже время необходимо замѣтить, что выборъ статьи для перевода сдѣланъ не особенно удачно, такъ какъ Дидронъ не только не исправляетъ ошибокъ Лабарта, но къ выдумкамъ Лабарта прибавляетъ еще свои фантазіи, которыя онъ самоувѣренно выдаетъ, подобно Лабарту, за несомнѣнныя истины. Вся статья г. Дидрона доказываетъ, что онъ не считалъ нужнымъ самостоятельно познакомиться съ тѣми основаніями, на которыхъ построена книга Лабарта. вмѣсто критическаго разбора книги г. Лабарта, г. Дидронъ составилъ по ней краткое, живое, интересное, но полное промаховъ и фантастическихъ выдумокъ описаніе Большаго Дворца и нѣкоторыхъ происходившихъ въ немъ обрядовъ, руководствуясь почти исключительно книгою Лабарта и, для большей картинности, къ выдумкамъ Лабарта, прибавляя собственные измышленія. Такъ, напр., назвавъ византійскаго царя папою и императоромъ вмѣстѣ, вслѣдствіе того, что царь благословлялъ народъ, подобно тому, какъ благословляетъ папа, Дидронъ заявляетъ, что «соборъ св. Софіи скорѣе долженъ быть названъ дворцовымъ храмомъ, чѣмъ главнымъ храмомъ Имперіи. Это—большая молельня императора, тамъ находится постоянный тронъ, между мраморными колоннами, надъ которыми помѣщенъ киворій. Этотъ тронъ, такъ сказать, мірской алтарь, выстроенный подъ главнымъ куполомъ противъ духовнаго алтаря, устроеннаго въ святая святыхъ» (Прохоровъ, Христіанскія Древности, 1862 кн. 5, стр. 17). Это очень эффектно, но откуда взялъ Дидронъ, что въ св. Софіи подъ куполомъ стоялъ постоянный тронъ царя, неизвѣстно; тутъ, кромѣ амвона, сколько мнѣ извѣстно, ничего не было. Трудно также сказать, откуда взялъ Дидронъ, что при Θεодосіи Великомъ былъ логоетъ имперіи, которому якобы Θεодосій вручилъ актъ или хартію о призваніи Аркадія и Гонорія къ участію въ дѣлахъ управленія (*ibid.* кн. 6, стр. 7). Свою статью Дидронъ, не довольствуясь довольно таки фантастическимъ планомъ Лабарта, заканчиваетъ пожеланіемъ, уже совершенно фантастическимъ: «издавъ планы, говоритъ почтенный редакторъ *Annales Archéologiques*, надобно было бы теперь заняться фасадами, разрѣзами и деталями, которые бы дали намъ понятіе о системѣ архитектуры и украшеній этого самаго дворца» (*ibid.* стр. 27). Критикъ, такимъ образомъ, вмѣсто охлажденія фантазіи, еще болѣе разжигаетъ ее и поощряетъ къ дальнѣйшимъ измышленіямъ, упуская изъ виду, что не только для фасадовъ и разрѣзовъ, но и для плановъ, подобныхъ Лабартовскому, у насъ нѣтъ почти никакихъ основаній.

веденіями этихъ французскихъ археологовъ, Лабарта и Дидрона, г. Каневскій до того увлекся этими трудами, что почти забылъ о своемъ главномъ источникѣ, Придворномъ Уставѣ, и большую часть своей статьи составилъ по названнымъ трудамъ Лабарта и Дидрона, причемъ не только повторилъ сдѣланные ими промахи и ошибки, но и прибавилъ не мало своихъ, благодаря тому, что г. Каневскій не всегда вѣрно понималъ Лабарта.

Дидронъ, принявъ все измышленія Лабарта за чистую истину и фантастическій планъ Лабарта за дѣйствительность, уже отъ себя сравниваетъ рядъ дворцовыхъ зданій отъ фіалы Триконха до Хрисотриклина включительно съ храмомъ, при чемъ фіала Триконха оказывается соотвѣтствующею двору (atrium) храмовъ, Триконхъ — парѣнку, діаватики, ведущіе отъ Триконха къ Хрисотриклину, боковымъ кораблямъ, Хрисотриклинь — алтарю и т. д. Не подозрѣвая, что все эти фантастическія сравненія основаны на столь же фантастическомъ планѣ Лабарта, г. Каневскій повторяетъ все эти измышленія французскаго археолога, прибавляя отъ себя ненужныя и невѣрныя объясненія, что Хрисотриклиній значитъ собственно золотое ложе и что триклиніями назывались нѣсколько зданій или покоевъ, обыкновенно три, соединенныхъ одною кровлею (стр. 783). Описывая разные дворцовыя зданія по статьѣ Дидрона и книгѣ Лабарта, г. Каневскій многое излагаетъ невѣрно и несогласно съ Лабартомъ, путаетъ расположеніе и порядокъ дворцовыхъ зданій и заставляетъ царя, на пути въ храмъ св. Софіи, идти по такимъ палатамъ, по которымъ опъ туда не ходилъ (напр. Юстиніановъ Триклинь, куда якобы былъ выходъ изъ 19 ложъ, т. е. Палаты 19 аккумуляторовъ, и откуда былъ ходъ на югъ въ Консисторію, стр. 789). Ужасная путаница! (Ср. планъ Лабарта, приложенный къ моему Обзору главныхъ частей Большаго Дворца). Описавши такимъ образомъ шествіе царя въ св. Софію, г. Каневскій говоритъ о дымахъ, преимущественно руководствуясь указаніями комментарія Reiske, описываетъ облаченіе царя, говоритъ много о чинахъ и во всемъ дѣлаетъ крупныя промахи и ошибки.

Описавъ такимъ образомъ все это *шествіе*, г. Каневскій вдругъ объявляетъ, что это шествіе въ св. Софію совершалось императоромъ не пѣшкомъ, а на конѣ, да притомъ бѣломъ, описываетъ его сбрую и т. д. (стр. 818), говоритъ, что при встрѣчахъ (αἱ δοχαί) димовъ императоръ сходилъ съ коня и входилъ на какія-то эстрады и т. д. и т. д. Словомъ, и здѣсь, какъ у г. Марковича, Wahrheit und Dichtung идутъ рядомъ и не мало нужно времени, чтобы отдѣлить въ первой половинѣ статьи

г. Каневскаго плели отъ пшеницы и фантазіи отъ дѣйствительности. Потому вся первая часть труда г. Каневскаго не имѣетъ научнаго значенія и представляетъ собою неудачную компиляцію.

Гораздо лучше и не лишена нѣкотораго научнаго значенія вторая часть труда (стр. 824 слѣд.), гдѣ г. Каневскій даетъ переводъ пѣснопѣній или „актовъ“ димовъ во время выходовъ въ Рождество Христово и Крещеніе. Какъ студентъ духовной академіи, г. Каневскій болѣе или менѣе близко знакомъ съ содержаніемъ нашихъ церковныхъ пѣснопѣній, а „акты“ димовъ на нихъ очень походятъ какъ по содержанію, такъ и по языку. Потому пѣснопѣнія димовъ г. Каневскій переводитъ болѣе или менѣе правильно и даетъ большею частію вѣрныя понятія о содержаніи и характерѣ пѣснопѣній димовъ на Рождество Христово и Крещеніе. Но и здѣсь, когда г. Каневскій начинаетъ что нибудь объяснять, впадаетъ въ крупныя ошибки, которыхъ могъ бы и не дѣлать, если бы хорошенько изучилъ свои научныя пособія, особенно книгу Лабарта ¹⁾.

Въ описаніи возвратнаго шествія отъ св. Кладезя, г. Каневскій слѣдуетъ краткому тексту Рождественскаго обряда и потому описываетъ возвратный путь ближе къ истинѣ, но топографическіе термины, которые онъ могъ бы правильно разяснить себѣ по книгѣ Лабарта, составляли для него, очевидно, камень преткновенія. вмѣсто Августея у него является Августеонъ Дафни (?!), Октагонъ называется палаткою, веститоры снимаютъ съ императора тунику, (туника какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ статьи г. Каневскаго смѣшивается съ хламидою и плащомъ); императоръ входитъ въ свое ложе, гдѣ и возлегаетъ во дворцѣ Дафны, не дойдя до своихъ покоевъ и спальни единственно потому, что г. Каневскій *κοιτὼν* Дафны принялъ за ложе, а на ложѣ, конечно, остается только спать ²⁾.

Изъ всего вышесказаннаго относительно русскихъ попытокъ изложить обряды выходовъ въ св. Софію видно, что обѣ онѣ были не особенно удачны. Главный недостатокъ ихъ заключается въ томъ, что авторы ихъ, не понявъ характера обрядовъ Придворнаго Устава, считали возможнымъ, безъ предварительнаго изученія обрядовъ вообще, описать выходъ. Второй

¹⁾ Такъ, напр., по поводу титула царицы «Августа» г. Каневскій безъ всякой надобности пускается въ разсужденіе объ Августеѣ, придумываетъ кое-что отъ себя, смѣшиваетъ Августей съ Августеономъ, такъ что въ концѣ концовъ выходитъ большая путаница, которой навѣрно не было бы, еслибы г. Каневскій основательно проштудировалъ книгу Лабарта, на которую онъ такъ часто ссылается.

²⁾ Относительно сниманія веститорами хламиды и пр. см. приложение къ Обзору главныхъ частей Большаго Дворца, стр. 167. Относительно дворца Дафны и его частей: Августея, Октагона и Котона см. *ibid.* стр. 100 слѣд.

существенный недостаток ихъ заключается въ томъ, что они слѣдно вѣрили своимъ пособіямъ, да и тѣ, благодаря недостаточной филологической и археологической подготовкѣ, далеко не всегда правильно понимали. Существенная разница между вышеназванными двумя статьями заключается въ томъ, что г. Марковичъ положилъ въ основаніе своего изложенія выходовъ въ св. Софію общій обрядъ (I, 1), а г. Каневскій текстомъ Придворнаго Устава пользовался почти только для актологій, которыя г. Марковичъ почти вовсе не излагаетъ, за исключеніемъ общихъ всѣмъ приемамъ многолѣтій. Г. Каневскій большую часть своей статьи написалъ на основаніи статьи Дидрона и книги Лабарта, а г. Марковичъ съ этими трудами вовсе не былъ знакомъ.

Кромѣ этихъ русскихъ попытокъ, мнѣ извѣстно только краткое описаніе выходовъ въ св. Софію, сдѣланное г. Паспати въ концѣ его книги о Дворцахъ (*Ἀνάκτορα*, σελ. 262—272). На десяти страницахъ г. Паспати излагаетъ обрядъ выхода почти исключительно по обряду выходовъ въ большіе Господніе праздники (Сегіи. I, 1). Такъ какъ въ сочиненіи, написанномъ на новогреческомъ литературномъ языкѣ, переводить текста не было надобности, то г. Паспати излагаетъ обрядъ большею частію почти словами текста, только значительно сокращая его. Къ сожалѣнію, г. Паспати не всегда строго держался текста и въ своихъ отступленіяхъ отъ него, излагая обрядъ своими словами, допускаетъ нѣкоторыя неточности и даже явныя ошибки. Такъ, напр., въ Золотую Руку, т. е. портикъ Августея, высшихъ сановниковъ у Паспати вводитъ препозитъ, а не остіарій, какъ бы слѣдовало по тексту обряда (I, 1, 10; ср. стр. 60 этого очерка). Точно также ни препозитъ, ни другіе чиновники не говорятъ: *πολυχρονίσατε*, а всегда восклицаютъ: *ἐλεούσατε!* (сел. 266). Въ Палатѣ Кандидатовъ встрѣчаетъ царя не клиръ патріарха, а клиръ дворцоваго храма Господа. Изъ Палаты Кандидатовъ царь, идя въ св. Софію, входилъ всегда въ Палату Экскувитовъ чрезъ Первую Школу, а у г. Паспати, который, какъ было показано въ Обзорѣ главныхъ частей Большаго Дворца (стр. 109, прим.), смѣшиваетъ аккумуляты съ экскувиторами и потому считаетъ Палату Экскувитовъ тождественною съ Палатою XIX Аккувитовъ, царь вступаетъ изъ Палаты Кандидатовъ въ Палату XIX Аккувитовъ ¹⁾. Неясно или ошибочно изложены и нѣкоторые

¹⁾ Такая ошибка со стороны г. Паспати была бы невозможна, еслибы онъ принялъ во вниманіе, что по Пасхальнымъ обрядамъ царь въ Палату XIX Аккувитовъ идетъ изъ дворца Дафны для христосованія съ чинами, а послѣ христосованія идетъ отсюда въ Оноподъ, Консисторію, Палату Кандидатовъ и уже отсюда въ Палату Экскувитовъ. Кромѣ того, г. Паспати, при болѣе внимательномъ чтеніи обрядовъ могъ бы

другіе моменты шествія, отчасти благодаря невѣрнымъ понятіямъ Паспати о нѣкоторыхъ частяхъ Большаго Дворца, а отчасти вслѣдствіе того, что Паспати не различаетъ выходовъ по степени ихъ торжественности. Благодаря этому, у него ни количество, ни отличительныя черты, ни мѣсто пріемовъ или встрѣчъ царя димами не опредѣлены точно, такъ что даже послѣдній пріемъ на пути въ храмъ св. Софіи, происходившій въ Орологіи, онъ называетъ первымъ (σελ. 268), хотя предъ этимъ упомянуто уже было нѣсколько пріемовъ.

Такимъ образомъ и краткій очеркъ выходовъ, сдѣланный г. Паспати, нельзя назвать, по моему мнѣнію, вполне удовлетворительнымъ въ научномъ отношеніи. Хотя г. Паспати изложилъ выходы вѣрнѣе и промаховъ сдѣлалъ гораздо меньше, но, принимая во вниманіе, что г. Паспати имѣлъ значительную археологическую подготовку и для своихъ „Дворцовъ“ читалъ Придворный Уставъ, нельзя не пожалѣть, что г. Паспати не потрудился сдѣлать изложенія болѣе тщательнаго и вполне научнаго. Поверхностное чтеніе Придворнаго Устава и неумѣніе разобраться въ матеріалѣ и здѣсь помѣшали ему, какъ при описаніи Дворца, исполнить свою задачу надлежащимъ и достойнымъ его ученаго имени образомъ.

Хотя значительная часть промаховъ и ошибокъ, сдѣланныхъ гг. Марковичемъ и Каневскимъ, произошли отъ недостаточной ихъ филологической и археологической подготовки вообще и малаго знакомства съ Придворнымъ Уставомъ, тѣмъ не менѣе, въ извиненіе и оправданіе ихъ нельзя не замѣтить, что подготовки и предварительнаго изученія требовалось бы гораздо меньше, а слѣдовательно, и промаховъ было бы гораздо меньше, а у г. Паспати, быть можетъ, и вовсе бы не было ихъ, еслибы Придворный Уставъ не представлялъ особенныхъ, ему только свойственныхъ затрудненій для желающихъ его изучать, переводить, объяснять или излагать его содержаніе. Проф. Alfr. Rambaud весьма остроумно и мѣтко называетъ Придворный Уставъ „одною изъ самыхъ неудобоваримыхъ компиляцій, которыя когда либо были сдѣланы“. Какъ трудно понимать Придворный Уставъ, а тѣмъ болѣе переводить или излагать его, испыталъ каждый, пытавшійся сдѣлать это, а пытались сдѣлать это навѣрное гораздо большее число лицъ, чѣмъ можно думать по попыткамъ изложенія или перевода, явившимся въ печати. Увидавши, что съ обрядами Придворнаго Устава далеко не такъ легко справиться, какъ

замѣтить, что, на пути въ св. Софію, царь только въ Пасху идетъ чрезъ Палату XIX Аккувитовъ, а чрезъ Палату Эксувитовъ идетъ всегда, когда выходитъ изъ Дворца чрезъ Халку (ср. стр. 70 и слѣд.; ср. 199 и слѣд. этой книги).

съ произведеніями обыкновенными историческаго, богословскаго, философскаго и т. п. содержанія, многіе, быть можетъ, бросали задуманную работу и убѣждались, что она требуетъ гораздо большаго времени и труда, чѣмъ можно было думать съ перваго взгляда. Спеціальная римско-греческая терминологія для обозначенія разныхъ дѣйствій, чиновъ, одеждъ, утвари, дворцовыхъ зданій и частей ихъ и т. п. представляетъ такъ много новаго, неразъясненнаго, непонятнаго, что можетъ дѣйствительно приводить въ отчаяніе и самыхъ искреннихъ поклонниковъ и любителей византійской археологіи, пожелавшихъ постигнуть тайны придворной византійской жизни.

Чѣмъ же обусловливаются, отчего зависятъ эти трудности Придворнаго Устава, отчего его такъ трудно понимать и еще труднѣе переводить и передавать его содержаніе?

Чтобы отвѣтить на эти вопросы, слѣдовало бы разсмотрѣть составныя части Придворнаго Устава и выяснить себѣ происхожденіе какъ ихъ, такъ и всего Придворнаго Устава. Но разсмотрѣніе всего вопроса о происхожденіи и составѣ ~~всего~~ Придворнаго Устава завело бы насъ слишкомъ далеко и потребовало бы слишкомъ много времени и мѣста. Потому мы ограничимся пока краткимъ и общимъ обзоромъ состава того отдѣла Придворнаго Устава, часть обрядовъ котораго составляютъ предметъ этого очерка, т. е. отдѣла, заключающаго въ себѣ обряды богомольныхъ выходовъ (Сегім, I, сар. 1 — 37), причемъ вопроса о происхожденіи Придворнаго Устава я позволю себѣ коснуться лишь на столько, на сколько это необходимо для нашей настоящей цѣли, т. е. уясненія причинъ тѣхъ трудностей, которыми отличается Придворный Уставъ.

При разсмотрѣніи вопроса о происхожденіи Придворнаго Устава, мнѣ кажется, мы должны отказаться отъ вопроса объ авторѣ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, который обыкновенно ставится и рѣшается въ такихъ случаяхъ. Такія книги, какъ дошедшій до насъ Придворный Уставъ, не сочиняются, да и сочинить ихъ нельзя; онѣ вырабатываются и составляются постепенно, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени, какъ и самые порядки и обряды, въ нихъ изложенные.

Придворный Уставъ состоитъ изъ обрядовъ (ἀκολουθίαι), чиновъ

¹⁾ Такой вопросъ ставитъ и рѣшаетъ Reiske въ § 4 своего предисловія: de auctore libri (р. XXII sequ. Bonn.). M-r Rambaud говоритъ объ этомъ гораздо осторожнѣе и выражается правильнѣе. Хотя и онъ говоритъ объ авторѣ (L'Empire Grec au dixième siècle, р. 128—136), тѣмъ не менѣе изъ его трактата объ этомъ предметѣ видно, что подъ авторомъ онъ разумѣетъ скорѣе составителя, компилятора, чѣмъ автора въ настоящемъ смыслѣ слова.

(τάξεις) или церемоніаловъ, выработавшихся на основаніи продолжительной практики, и написанъ съ цѣлью закрѣпить на будущее время установившіеся порядки, особенности, подробности тѣхъ или другихъ выходовъ, пріемовъ, празднествъ и т. п., достойные сохраненія въ будущемъ и способные поддержать великолѣпіе „и престижъ Византійскаго Двора и царской власти въ глазахъ какъ своихъ подданныхъ, такъ и чужеземныхъ народовъ“ ¹⁾. Рѣчь такимъ образомъ идетъ не о сочиненіи новаго, неизвѣстнаго, небывалаго, а о сохраненіи, констатированіи стараго, установившагося, принятаго и практиковавшагося. Составитель Придворнаго Устава можетъ быть еще названъ авторомъ тѣхъ обрядовъ, которые онъ *первый записалъ и описалъ*, первый далъ ту литературную форму, въ которой они дошли до насъ, а не нашелъ ихъ уже записанными и совершенно готовыми.

Составитель Придворнаго Устава прямо заявляетъ въ своихъ предисловіяхъ, что онъ собралъ и привелъ въ порядокъ большею частью то, что было записано раньше, но было разрознено, разбросано и не систематизировано. Къ этому онъ прибавилъ, для дополненія недостающаго, кое-какіе обряды, которые частью ему переданы были другими, частью извѣстны ему самому, какъ совершавшіеся при немъ и при его участіи ²⁾. Только эти послѣднія двѣ категоріи обрядовъ онъ записалъ самъ и можетъ въ извѣстномъ смыслѣ быть названъ ихъ авторомъ, какъ впервые записавшій и изложившій ихъ. Все остальное взято уже въ готовомъ видѣ и только приведено въ порядокъ и систему. Что же нашелъ или могъ найти составитель Устава? Отвѣтъ на это даетъ частію составитель въ предисловіи ко второй книгѣ, частію разнообразное содержаніе самаго Придворнаго Устава. Составитель говоритъ, что онъ въ первой книгѣ своего труда привелъ въ порядокъ и систему то, что было записано и написано прежде, но безъ порядка и частію безъ всякой связи, а въ видѣ отдѣльныхъ обрядовъ. Во второй книгѣ составитель, по его собственнымъ словамъ, изложилъ то, что прежде никѣмъ не было записано, но что сохра-

¹⁾ Извѣстно, что этими именно мотивами объясняетъ въ своемъ предисловіи составитель первой книги Придворнаго Устава то, что онъ взялся за этотъ трудъ, который, по его пророческимъ словамъ, можетъ нѣкоторымъ показаться излишнимъ и ненужнымъ (Serim. I, p. 3 и 4). Почти тоже говорится и въ предисловіи ко второй книгѣ (Serim. p. 516—517).

²⁾ Чтобы сохранить для будущихъ поколѣній память о порядкѣ и великолѣпії придворныхъ обрядовъ, «я счелъ нужнымъ, говорить составитель первой книги, все то, что я нашелъ у предковъ, что слышалъ отъ видѣвшихъ и что самъ видѣлъ» заботливо собрать и представить въ удобномъ для обозрѣнія и пользованія видѣ (p. 4 ed. Bonn.), а тѣмъ самымъ «сохранить для послѣдующихъ поколѣній преданіе о староотеческихъ обычаяхъ, которыми часто пренебрегаютъ».

пилось въ памяти и послѣдовательно передавалось изъ поколѣнія въ поколѣніе старшими младшимъ, благодаря чему и дошло до времени составителя ¹⁾). Сюда принадлежитъ, вѣроятно, и то, что составитель не только знаетъ по рассказамъ другихъ, но и самъ видѣлъ, какъ онъ говорилъ въ предисловіи къ первой книгѣ.

Изъ словъ составителя Придворнаго Устава какъ пельзя болѣе ясно видно, что вся первая книга составлена имъ изъ обрядовъ уже прежде записанныхъ и только вторая книга имъ самимъ написана въ томъ смыслѣ, что онъ первый записалъ обряды, частію совершавшіеся уже до него, частію при немъ. Ближайшее разсмотрѣніе содержанія этой второй книги показываетъ однакожъ, что и это нельзя сказать относительно всей второй книги въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ; такъ какъ значительную часть ея составляютъ явныя выписки изъ готовыхъ уже записей и даже приложенія, принадлежащія другимъ авторамъ (клиторологій Филоея). Но если относительно состава византійскихъ хроникъ часто трудно сказать и опредѣлить, что принадлежитъ первоначальному ихъ составителю и что позднѣйшимъ продолжателямъ и распространителямъ, то тѣмъ болѣе могъ нѣсколько разъ редактироваться, распространяться и дополняться позднѣйшими прибавками и выписками Придворный Уставъ ²⁾). Потому вышеприведенное заявленіе составителя второй книги

¹⁾ Cerim. II, praef. p. 516: ὅσα μὲν αὐτῶν συγγραφῆς παρὰ τισιν ἔτυχεν, οὐκ ἐμμελῶς οὐδὲ κεκριμένως, ἀλλὰ χυδῆν καὶ σποράδην ἐκτεθεμένα... ἡμετέrais ἐπιμελείαις φιλοπόνως συναθροισθέντα ἐν τῇ πρὸ τῆσδε βίβλῳ εἰρμῷ τινὶ καὶ τάξει λελογισμένην περιελήφθη τε καὶ συντάχεται· ὅσα δὲ ἡ παροῦσα βιβλος ἐμπεριέχει, ἔτυχεν μὲν συγγραφῆς ὑπὸ τινος οὐδαμῶς... ταῖς μνήμαϊς μέντοι διασωζόμενα καὶ παρὰ τῶν πρεσβυτέρων ἀκολούθως τοῖς νεωτέροις παραπεμπόμενα τὸν φθόνον (τὸν χρόνον?) ἤδη διαφυγόντα μέχρις ἡμῶν ἴσχυσε καταπῆσαι.

²⁾ Известно, что въ дошедшей до насъ редакціи Придворнаго Устава, приписываемаго Константину VII, сыну Льва VI, имѣются позднѣйшія прибавки, которыя написаны и внесены въ Уставъ послѣ смерти Константина VII. Эти вставки или прибавки указаны были Reiske въ его praefatio (p. XXII sequ. ed Bonn.): а) 96 и 97 гл. I кн., изъ которыхъ въ одной говорится о вѣздѣ въ Константинополь и коронаціи Никифора Фоки, при внукахъ Константина VII, Василии II и Константинѣ VIII, а во второй о производствѣ въ проедры синклита, а чинъ проедра введенъ впервые Никифоромъ Фокою (ср. стр. 28 этого Очерка); б) въ 42 гл. II кн., стр. 643 упоминается не только гробница Константина VII Багрянороднаго, но даже и внука его, Василия II Болгаробойцы. На этомъ основаніи Reiske предполагалъ, что Придворный Уставъ могъ быть составленъ или Константиномъ VII, но потомъ подвергся интерполяціямъ и дополненъ позднѣйшими вставками, или составленъ внукомъ Константина VII, Константиномъ VIII, братомъ Василия II, послѣ смерти этого послѣдняго. Самъ Reiske склонялся болѣе въ пользу перваго предположенія. M-r Alfr. Rambaud въ своей книгѣ о Константинѣ VII Багрянородномъ къ этимъ прибавилъ еще два факта, указывающіе на составленіе дошедшей до насъ редакціи послѣ Константина VII, а именно: а) въ послѣдней главѣ II кн. идетъ рѣчь не только о препозитѣ Іосифѣ Врингѣ, который былъ смѣненъ при Никифорѣ Фокѣ, но и о его пріемникахъ; б) въ 15 гл. II кн., въ описаніи пріема Саракинскихъ пословъ Константинъ VII называется свитымъ, τοῦ ἀγίου Κωνσταντίνου (p. 587), какъ въ другомъ мѣстѣ называется покойная Θεοφανο, жена Льва VI Мудраго, а греки, по словамъ Ram-

Придворнаго Устава, очевидно, слѣдуетъ относить къ первоначальной редакціи и составу II книги, а не къ тому объему и виду ея, въ которомъ она дошла до насъ. Составителю и первому редактору второй книги принадлежитъ, безъ сомнѣнія, первая ея часть, состоящая изъ обрядовъ собственно, а въ томъ числѣ и двѣ первыя главы о ежедневныхъ и воскресныхъ приѣмахъ, положенныя въ основаніе первой главы этого Очерка. Эти обряды составитель написалъ частію на основаніи того, что слышалъ отъ другихъ, частію на основаніи собственной практики. Но откуда онъ взялъ матеріалъ для первой книги, первый отдѣлъ которой, обнимающій богомольные выходы, наиболѣе насъ интересуеетъ? Какого рода записи могъ найти составитель, какъ возникли и появились эти записи, когда,

baud'a, не дошли еще до такой степени лести, которая позволяла бы имъ признавать святыми (à béatiser) царей при жизни ихъ» (L'Empire grec au dixième siècle, p. 133). Почтенный французскій ученый считаетъ эти мѣста прибавками, сдѣланными при Константинѣ VIII или Романѣ III и нисколько не мѣшающими приписывать самый Уставъ Константину VII или по крайней мѣрѣ его времени. Соглашаясь въ этомъ случаѣ съ г. Рамбо, я, однакожъ, долженъ замѣтить, что упоминаніе Константина *святого* въ Cerim. II, 15, 587, въ описаніи Саракинскихъ пословъ ни мало не говоритъ въ пользу того, что 15 гл. написана послѣ Константина VII. Почтенный профессоръ думаетъ, что живыхъ царей не называли святыми, а только умершихъ, между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ живыхъ царей постоянно титуловали святыми, а изъ умершихъ, когда рѣчь идетъ не о царяхъ вообще, а объ отдѣльныхъ личностяхъ, только тѣхъ, которые признаны были Церковью святыми. Потому въ томъ самомъ перечнѣ, на который ссылается г. Рамбо, святыми (ἅγιος) названы только Теофано, апостоль Ѳома, да Константинъ Великій, а блаженными (μακάριος) Елена, мать Константина Великаго, да Θεодора, жена Теофила. Потому въ 15 гл. II кн., гдѣ, при описаніи приѣма Саракинскихъ пословъ, говорится о разстановкѣ троновъ, подъ св. Константиномъ нужно разумѣть Константина Великаго. Ради большей торжественности для Романа II былъ поставленъ въ Хрисотриклинѣ тронъ Аркадія, а для Константина VII тронъ св. Константина Великаго, самый древній и важный тронъ. Потому изъ этого мѣста относительно написанія 15 гл. послѣ смерти Константина VII ничего заключать нельзя, тѣмъ болѣе, что въ томъ же перечнѣ гробницъ Константинъ VII, какъ многіе другіе цари, святымъ не названъ и впослѣдствіи святымъ не назывался. Но при жизни всякій царь назывался святымъ и «святость» входила въ титулъ царя, какъ святѣйшество входитъ и входило въ титулъ папы и патріарховъ, которые назывались ἁγιώτατοι (см. Cerim. II, 48, 686). Но это титулованіе не значило еще, что всѣхъ царей и патріарховъ считали святыми и святѣйшими, какъ отдѣльныхъ лицъ: этотъ титулъ относился не къ личности того или другаго царя, папы или патріарха, а къ его священному сану. Въ такомъ смыслѣ не только умершіе, но и живые греческіе цари и царство ихъ называются святыми, божественными (θεῖος) и т. п. въ самомъ Придворномъ Уставѣ (см. мой Обзоръ главн. частей Больш. Дворца, стр. 11) и во множествѣ другихъ случаевъ. Потому въ Gloss. Gr. Du Cange'a s. v. ἅγιοι сказано совершенно справедливо: ἅγιοι dicuntur et compellantur apud graecos antistites et imperatores, hi ob ordinationem, isti ob sacram unctionem. Nihil tritius de imperatoribus... Здѣсь же приведены мѣста, въ которыхъ объясняются причины такого титулованія или величанія царей. Въ посланіяхъ патріарховъ къ русскимъ князьямъ византійскіе живые цари постоянно называются святыми. См. Дьяконова, Власть Московскихъ Государей, стр. 19, 20. Этотъ титулъ перешелъ и на нашихъ царей, ibid., стр. 86, 96, 99. Ср. Miklosich et Müller, Acta et diplomata gr., v. II, p. 26, 98, 143, 382 и др. О значеніи словъ: ἅγιος и θεῖος въ величаніяхъ и титулахъ царей и духовныхъ особъ ср. Reiske, Comment. p. 247 и 389.

къмъ и для чего дѣлались эти записи обрядовъ. Составитель Устава, къ сожалѣнію, отвѣта на эти вопросы не даетъ, своихъ источниковъ онъ не указываетъ точно и о происхожденіи ихъ ничего не говоритъ. Потому определеннаго и положительнаго отвѣта и намъ дать нельзя; но самое содержаніе Придворнаго Устава позволяетъ сдѣлать предположенія и догадки, которыя могутъ, кажется, объяснить какъ происхожденіе обрядовъ I книги, такъ и характеръ обрядовъ вообще, ихъ отличительныя черты и свойства, благодаря которымъ ихъ такъ трудно намъ понимать.

Какъ извѣстно, у насъ велись при дворѣ „выходныя книги“, въ которыхъ записывались изъ дня въ день всѣ выходы царей, при чемъ отмѣчалось, куда они ходили, какъ шли или ѣхали и въ какомъ были нарядѣ ¹⁾. Хотя эти записи большею частію имѣютъ въ виду указать составъ царскаго наряда, тѣмъ не менѣе въ нихъ упоминаются и главные моменты выхода, такъ что „выходныя книги“, сами по себѣ могутъ служить богатымъ матеріаломъ для описанія разныхъ типовъ выходовъ и основаніемъ для составленія церемоніаловъ или обрядовъ въ родѣ тѣхъ, которые мы имѣемъ въ Придворномъ Уставѣ Константина Багрянороднаго ²⁾. Еще ближе подходятъ къ церемоніаламъ и съ небольшими переделками прямо могутъ обратиться въ церемоніалы нѣкоторыя записи „Камеръ-фурьерскихъ Журналовъ“, замѣнившихъ „Выходныя книги“. Въ Камеръ-фурьерскихъ журналахъ изъ временъ императрицъ Елизаветы и Екатерины II имѣется не мало записей, которыя прямо могутъ быть со-

¹⁾ «Выходныя книги» изданы, какъ извѣстно, Павломъ Строевымъ подъ заглавіемъ: Выходы Государей, Царей и Великихъ Князей Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича, всея Руси Самодержцевъ, Москва, 1844.

²⁾ Такъ, напримѣръ, если мы возьмемъ наудачу выходъ 19 апрѣля 1673 года, въ первый день Пасхи, то мы здѣсь узнаемъ не только относительно наряда, но и найдемъ главные моменты выхода: «Алексѣй Михайловичъ полунощницу слушалъ въ комнатѣ, гдѣ «опашень и шапку горлатную и посохъ держали спальники для того, что входили видѣть его государскіе очи бояре и окольничіе, и думные люди и дворяне и дѣяки». Къ заутрени ходилъ Великій Государь въ Соборъ (слѣдуетъ описаніе наряда). «А послѣ заутрени Великій Государь изволилъ ходить въ соборъ Архангела Михаила да Благовѣщенья пресв. Богородицы въ томъ же платьѣ... А предъ литургією изволилъ ходить въ Столовую и жаловалъ къ рукѣ стольниковъ и стряпчихъ и иныхъ чиновъ. Да въ Столовую жъ къ нему Великому Государю приходили власти, Новгородскій Іоакимъ митрополитъ и иные... А какъ власти изъ Столовой вышли и Великому Государю поданъ нарядъ царскій (слѣдуетъ перечень предметовъ наряда). И въ томъ царскомъ нарядѣ изволилъ Великій Государь слушать божественныя литургіи въ соборной же церкви Успенія пресв. Богородицы. А послѣ литургіи изволилъ Великій Государь то свое царское платье перемѣнить въ придѣлѣ великомученика Дмитрія Солунскаго, и изволилъ надѣтъ: опашень, зуфъ червчата и т. д. Столъ былъ по Столовой, а на Великомъ Государѣ платье было тожъ, въ которомъ шолъ изъ Соборныя церкви» (Строевъ, Выходы, стр. 572). Эта запись очень напоминаетъ краткіе обряды и записи, вошедшіе въ составъ Придворнаго Устава, и въ сущности даже въ такомъ видѣ представляетъ собою готовый обрядъ.

поставлены съ нѣкоторыми обрядами Придворнаго Устава Константина Багрянороднаго.

Велись ли такія поденныя записи о выходахъ и другихъ обрядахъ, совершавшихся съ участіемъ царя, при Римско-Византійскомъ Дворѣ, сказать трудно; сколько мнѣ извѣстно, прямыхъ указаній на это не имѣется. Но наиболѣе замѣчательные обряды, приемы и выходы несомнѣнно записывались и въ формѣ такихъ записей дошли до насъ въ Придворномъ Уставѣ Константина Багрянороднаго, гдѣ мы имѣемъ довольно много такихъ записей изъ разныхъ временъ и эпохъ. Изъ подобныхъ записей первое мѣсто по древности принадлежитъ записямъ современника Юстиніана, по мнѣнію Reiske, Петра Магистра, о восшествіи на престолъ царей: Льва I (457 г.), Анастасія (491 г.), Юстина I (518 г.), Льва II (474 г.) и Юстиніана I (527 г.). Эти записи или описанія, занимающія 91—95 гл. первой книги Придворнаго Устава, могли быть сдѣланы такъ же, какъ обряды Придворнаго Устава, т. е. частію по прежнимъ, современнымъ записямъ, частію по рассказамъ другихъ, старшихъ, а частію, наконецъ, на основаніи собственной практики ихъ составитель, на основаніи которой составлены имъ другіе обряды, занимающіе гл. 81—90 I кн. Придворнаго Устава. Къ обрядамъ восшествія на престолъ, записаннымъ современникомъ Юстиніана I присоединенъ былъ при позднѣйшей и, быть можетъ, послѣдней редакціи Придворнаго Устава обрядъ или описаніе восшествія на престолъ и коронованія царя Никифора Фоки. Проф. Альфредъ Рамбо недоумѣваетъ, какимъ образомъ и зачѣмъ попали сюда эти записи о восшествіи на престолъ. „Такъ какъ всѣ эти императоры, говоритъ почтенный французскій ученый (*L'Empire grec au dixième siècle*, p. 128), достигли власти благодаря революціямъ и гражданскимъ войнамъ, то интересъ этихъ отрывковъ чисто историческій. Для церемоніймейстера изъ нихъ нельзя извлечь никакихъ указаній, и потому не понятно, для какой цѣли эти революціонныя отрывки фигурируютъ въ руководствѣ придворнаго этикета“.

Но, во-первыхъ, въ обрядахъ провозглашеній императоровъ ничего революціоннаго нѣтъ: ни Левъ I, ни Анастасій, ни Юстинъ I для достиженія императорскаго трона никакихъ революцій противъ живыхъ и царствующихъ императоровъ не производили, а были избраны, послѣ императоровъ умершихъ безъ прямыхъ наслѣдниковъ, войскомъ, синклитомъ и духовенствомъ, а Анастасій, кромѣ того, императрицею Аріадною. Что же касается до Льва II и Юстиніана, то они получили императорское достоинство изъ рукъ своихъ предшественниковъ и, слѣдовательно, о какой-нибудь революціи, при восшествіи ихъ на престолъ, и

вовсе рѣчи быть не можетъ. Только въ позднѣйшей прибавкѣ, заключающей въ себѣ описаніе восшествія на престолъ Никифора Фоки, мы имѣемъ, если угодно г. Рамбо, революціонный отрывокъ, но и этотъ „революціонный“ обрядъ для собирателя обрядовъ имѣетъ важное значеніе, такъ какъ представляетъ образчикъ коронаціи царя, провозглашеннаго войскомъ въ провинціи и дѣлающаго для коронаціи торжественный въѣздъ въ Константинополь и идущаго пѣшкомъ отъ фора (forum) Константина до храма св. Софіи.

Если мы, во-вторыхъ, признавая вмѣстѣ съ Рейске авторомъ этихъ обрядовъ Петра Магистра, примемъ во вниманіе, что магистръ былъ именно тотъ сановникъ, на которомъ во времена Юстиніана, когда званіе магистра (magister officiorum) было еще должностью, соотвѣтствующею приблизительно должности министра двора, лежала обязанность руководить придворными церемоніями, какъ впоследствии на препозитѣ, то, я думаю, найдемъ болѣе или менѣе вѣроятное объясненіе какъ того, что Петръ Магистръ составилъ книгу о восшествіяхъ на престолъ или буквально „о провозглашеніяхъ“ разныхъ императоровъ, такъ и того, что отрывки изъ этой книги попали въ Придворный Уставъ въ видѣ добавленія, на ряду съ другими отрывками изъ труда того же Петра, обнимающаго собою разные придворные обряды разнаго содержанія и представлявшаго собою родъ небольшого Придворнаго Устава. Очень возможно, что книга о восшествіяхъ составляла часть именно такого труда. Во всякомъ случаѣ записи объ отдѣльных случаяхъ восшествія на престолъ для царей и церемоніальныхъ сановниковъ и чиновниковъ, для которыхъ и писались эти обряды, должны были служить матеріаломъ, на основаніи котораго составлялись церемоніалы въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Эта цѣль записей ясно выражена въ концѣ описанія провозглашенія Льва I (I, 92, 417) и въ началѣ обряда „Провозглашенія Льва Малаго“ (Cerin. I, 94, р. 431). Въ первомъ случаѣ, послѣ обряда провозглашенія и въѣзда въ Константинополь вновь провозглашеннаго царя, авторъ говоритъ: „мы сочли необходимымъ вкратцѣ описать провозглашенія и другихъ царей, чтобы каждый, въ случаѣ надобности (дай Богъ, чтобы рѣдко бывали такіе случаи!) выбиралъ такой (обрядъ), который ему болѣе нравится и кажется наиболѣе подходящимъ“. Затѣмъ слѣдуютъ „провозглашенія“ Анастасія и Юстина I. Представивши такимъ образомъ описаніе трехъ случаевъ „провозглашенія“ (ἀναγόμεναις) императоровъ по смерти ихъ предшественниковъ, составитель обрядовъ беретъ два „провозглашенія“ (Льва Малаго и Юстиніана I) императоровъ-преемниковъ живыми еще императорами и

въ началѣ перваго говоритъ: „Считаемъ нужнымъ сказать и то, какъ царь провозглашается царемъ“. Ясно, что какъ первые три случая восшествія на престолъ, по смерти царствовавшего предъ тѣмъ императора, такъ и послѣдніе два, описаны какъ образцы (σχήματα) подобнаго рода обрядовъ; потому въ концѣ „провозглашенія“ Юстиніана I (I, 95, 433) сказано, что „все прочее происходило по такому же образцу“ (κατὰ τὸ ὅμοιον σχῆμα), какъ и въ предъидущихъ случаяхъ. Эти замѣчанія, позволяю себѣ думать, разсѣваютъ всякія сомнѣнія и недоумѣнія относительно цѣли написанія обрядовъ „провозглашеній“ и занесенія ихъ въ Придворный Уставъ ¹⁾).

Такія записи о совершенныхъ царями торжественныхъ обрядахъ, вѣздахъ и пріемахъ дѣлались и въ послѣдующія времена. Такъ, къ трактату Константина Багрянороднаго о походахъ царей на войну приложена выписка, очевидно, изъ старинной записи о вѣздѣ въ Констан-

¹⁾ Reiske въ praefat. p. XVII—XVIII приписываетъ Петру Магистру, занимавшему при Юстиніанѣ I должность *magistri sacrorum officiorum* не только главы 84 и 85 I кн., которыя прямо приписываются Петру Магистру (ἐκ τῶν τοῦ Μαρίστρου Πέτρου), но и слѣдующія до 95 включительно, въ которой описывается провозглашеніе Юстиніана I. Хотя главы 86—95 не имѣютъ такой приписки, какъ 84 и 85, тѣмъ не менѣе какъ содержаніе ихъ, такъ и характеръ говорятъ въ пользу того, что онѣ также принадлежатъ Петру Магистру и заимствованы изъ сочиненія его περὶ τῆς πολιτικῆς καταστάσεως. Рейске справедливо замѣтилъ, что ἡ κατάστασις promittit non tantum praecepta sapienter administrandae reipublicae, sed etiam rituum expositionem. Въ пользу этого говоритъ и позднѣйшее названіе церемоніймейстера, *cerimoniarius*: ὁ τῆς καταστάσεως, столь часто встрѣчающееся въ Придворномъ Уставѣ Константина. Мнѣніе Reiske о принадлежности Петру Магистру не только 84 и 85, но и слѣдующихъ главъ старается опровергнуть уже давно занимающійся текстомъ Придворнаго Устава Dr. Hermann Wäsche въ свей статьѣ Ueber das von Reiske vermuthete fragment der excerpte Konstantins περὶ ἀναγορεύσεως (Программа Герцогской Гимназіи въ Дессау, 1878, стр. 1 и слѣд.). Dr. Wäsche главнымъ образомъ на основаніи языка доказываетъ, что ни слѣдующія непосредственно за 84 и 85 гл., которыя принадлежатъ несомнѣнно Петру Магистру, главы 86—90, ни 91—96 (собственно ἀναγορεύσεως) не могутъ принадлежать Петру Магистру. Совершенно справедливо, конечно, что мы не имѣемъ никакихъ несомнѣнныхъ доказательствъ принадлежности Петру Магистру главъ, слѣдующихъ за 85-ю, но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что данными языка въ рѣшеніи вопроса о принадлежности подобныхъ произведеній тому или другому лицу нужно пользоваться очень осторожно. Обряды, написанные дѣловымъ, техническимъ языкомъ и первоначально составленные, быть можетъ, даже не самимъ Петромъ, а какимъ нибудь церемоніальнымъ чиновникомъ, и внесенныя Петромъ Магистромъ въ его трудъ περὶ τῆς πολιτικῆς καταστάσεως естественно должны отличаться отъ другихъ литературныхъ произведеній, какъ отличаются Обряды Придворнаго Устава Константина отъ его другихъ произведеній и современныхъ ему литературныхъ трудовъ и какъ отличаются по своему языку главы 84 и 85, принадлежащія несомнѣнно Петру Магистру, отъ фрагментовъ изъ его *Ἱστορίαι* (Dindorf *Historici graeci minores*, v. I, p. 425 sequ.). Въ виду этого, основанія, выставленныя г. Вешке противъ мнѣнія Reiske, мнѣ не представляются убѣдительными и предположеніе Reiske о заимствованіи главъ 84—96 изъ труда Петра Магистра περὶ τῆς πολιτικῆς καταστάσεως мнѣ кажется очень возможнымъ и вѣроятнымъ, хотя, конечно, нельзя этого мнѣнія признать за несомнѣнную и вполне доказанную истину. Въ такомъ смыслѣ понималъ я принадлежность означенныхъ главъ Петру Магистру, когда мнѣ приходилось упоминать ихъ въ этомъ Очеркѣ.

тинополь императора Юстиніана I, затѣмъ слѣдуетъ подробная записъ о подобномъ же въѣздѣ Василя Македонянина и Оеофила (Append. ad. libr. I, p. 497 sequ.). Во второй книгѣ мы имѣемъ много выписокъ изъ подобныхъ записей, относящихся къ разнымъ вѣкамъ: здѣсь мы находимъ записи изъ временъ Ираклія, Михаила III, Романа I Лакапина и самого Константина VII Багрянороднаго.

Изъ сравненія этихъ записей съ обрядами, т. е. составленными для руководства на будущее время церемоніалами, видно, что записи объ отдѣльныхъ приемахъ и выходахъ служили основаніемъ для составленія церемоніаловъ и что многія черты почти буквально брались изъ записей и вносились въ церемоніаль, т. е. отдѣльный фактъ возводился въ общее правило и вносился въ обрядъ того или другаго выхода или приема.

Такъ, напримѣръ, записъ о приемѣ Михаиломъ III депутаціи отъ возставшихъ-было, но потомъ покорившихся славянъ (II, 37, 634) послужила основаніемъ для внесенной въ текстъ прибавки въ обрядѣ ежедневныхъ приемовъ (II, I, 52) относительно облаченія царя для подобныхъ приемовъ. Записъ о хиротоніи патріарха Оеофилакта, младшаго сына Романа Лакапина, послужила основаніемъ и матеріаломъ для конца обряда избранія патріарха (II, 14, 565). Подробная записъ о приемѣ Саракинскихъ пословъ и св. Ольги (II, 15, 584 sequ.) послужила основаніемъ для составленія общаго обряда приема пословъ въ Магнаврѣ (II, 15, 566).

Что такія записи дѣлались именно для руководства на будущее время, видно какъ изъ вышеприведенныхъ замѣтокъ составителя „провозглашеній“, такъ и изъ заглавій нѣкоторыхъ такихъ записей. Такъ, напримѣръ, записи о томъ, какъ Михаилъ III шествовалъ въ храмъ св. Софіи въ Крещеніе, кѣмъ и какъ несена была драгоцѣнная чаша, пожертвованная имъ въ этотъ праздникъ въ храмъ св. Софіи, дано такое заглавіе: „Какъ царю слѣдуетъ приносить пожертвованія въ Великую Церковь“ (Πῶς δεῖ προσφέρειν τὸν βασιλέα ἐν τῇ Μεγάλῃ Ἐκκλησίᾳ ἀναθήματα, II, 31, 631).

Такія и подобныя записи объ единичныхъ случаяхъ совершенія того или другаго обряда или о нѣкоторыхъ моментахъ его служили, какъ мы видѣли, издавна матеріаломъ и основаніемъ для постепеннаго составленія цѣлаго ряда обрядовъ общихъ, которые могли составляться на основаніи одной записи, если она обнимала всѣ главные моменты обряда, или нѣсколькихъ, одна другую дополняющихъ. Такъ, напримѣръ, обрядъ въѣзда Василя Македонянина чрезъ Золотыя Ворота по Средней или Великой Улицѣ до св. Софіи изложенъ такъ обстоятельно, что легко можетъ быть передѣланъ въ общій обрядъ въѣздовъ: для этого нужно исключить только

нѣкоторыя индивидуальныя черты, вмѣсто собственныхъ именъ поставить нарицательныя, а вмѣсто прошедшаго времени — настоящее, и общій обрядъ въѣзда готовъ.

Составитель Придворнаго Устава, очевидно, нашелъ много какъ такихъ записей, такъ и уже составленныхъ на основаніи ихъ готовыхъ обрядовъ, изъ которыхъ онъ и составилъ всю первую книгу; такъ какъ такіе общіе обряды составлялись постоянно издавна, какъ показываютъ общіе обряды Петра Магистра. Мало того! Хотя составитель Придворнаго Устава говоритъ, что онъ нашелъ только отдѣльныя (σποράδην) записи, не приведенныя въ порядокъ и систему (χούδην), но разсмотрѣніе всего состава Придворнаго Устава и отдѣльныхъ обрядовъ его показываетъ, что это заявленіе не слѣдуетъ понимать слишкомъ буквально и что составитель его нашелъ не только *готовые обряды, составленные въ разное время* гораздо раньше его, но, быть можетъ, и *цѣлые*, хотя и небольшіе, *сборники* обрядовъ одного рода, такъ что составителю Придворнаго Устава приходилось во многихъ случаяхъ только еще разъ проредактировать эти сборники, дополнить и въ иныхъ случаяхъ видоизмѣнить или по крайней мѣрѣ оговорить то, что въ старомъ обрядѣ оказывалось несогласнымъ съ существовавшими въ его время порядками. Но и это дѣлалось не всегда: въ сборникахъ однородныхъ по содержанію обрядовъ остались безъ всякихъ замѣчаній такіе обряды, которые совершались прежде, но которые во времена составителя уже не могли совершаться и завѣдомо не совершались по разнымъ причинамъ. Едва ли составитель сталъ бы вносить въ формъ обрядовъ, а не записей въ свой Уставъ, предназначенный въ руководство для будущихъ поколѣній и современной практики, такіе порядки, которые ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ совершаться не могли, еслибы онъ не вносилъ въ свой Уставъ готовыхъ уже сборниковъ, въ которыхъ эти обряды имѣли мѣсто, какъ практиковавшіеся или по крайней мѣрѣ возможные во время составленія подобныхъ сборниковъ, вошедшихъ потомъ цѣликомъ въ Придворный Уставъ.

Въ виду этого мнѣніе почтеннаго изслѣдователя произведеній Константина Багрянороднаго, профессора R a m b a u d, который полагаетъ, что обряды первой книги Придворнаго Устава до 83 гл. включительно принадлежатъ современнику Константина VII, а скорѣе всего ему самому, можно принять, по моему крайнему разумѣнію, только съ значительными поправками и оговорками (L'Empire grec au dixième siècle, p. 135). Правда, французскій ученый признаетъ также разновременность составленія обрядовъ и допускаетъ, что нѣкоторыя изъ вышеназванныхъ главъ были впервые составлены при Львѣ VI, Александрѣ и Романѣ I Лакапинѣ; но онъ

утверждаетъ въ то же время, что всѣ они написаны послѣ Василия I Македонянина и что окончательная ихъ редакція сдѣлана при Константинѣ VII въ разное время его самостоятельнаго царствованія, частью когда царемъ былъ онъ одинъ, частью когда Романъ II былъ уже коронованъ. Ко времени единоличнаго царствованія Константина VII (съ 27 января 945 г. до 6 апрѣля того же года) г. Rambaud относитъ обряды, въ которыхъ упоминается одинъ царь, а ко времени совмѣстнаго царствованія съ Романомъ II (съ 6 апрѣля 945 до ноябрю 959 г., т. е. до смерти Константина) обряды, въ которыхъ идетъ рѣчь о нѣсколькихъ царяхъ (βασιλεῖς, δεσπόται), и полагаетъ, что подъ однимъ царемъ нужно разумѣть одного Константина, а подъ нѣсколькими царями (βασιλεῖς или δεσπόται) Константина и сына его Романа II (*ibid.* p. 131).

Но обрядовъ, въ которыхъ упоминается одинъ царь, слишкомъ много для того, чтобы составленіе всѣхъ ихъ приписывать времени единоличнаго царствованія Константина, продолжавшагося лишь два мѣсяца съ небольшимъ, да къ тому же въ числѣ ихъ имѣется не мало обрядовъ, несомнѣнно написанныхъ гораздо раньше Константина. Не говоря уже объ обрядахъ пріема партій Ипподрома въ фіалахъ (гл. 64), которые, какъ я старался показать въ Обзорѣ главныхъ частей Большаго Дворца, могли исполняться только до перестройки Василиемъ Македоняниномъ одной изъ фіалъ въ баню (стр. 38; ср. 58), я не могу согласиться съ г. Рамбо относительно составленія при Константинѣ даже перваго отдѣла первой книги, т. е. обрядовъ богомольныхъ праздничныхъ выходовъ. Мнѣ кажется, что и значительная часть этихъ обрядовъ составлена и написана не только раньше Константина VII, но даже и раньше Льва VI, а при Константинѣ или имъ самимъ только еще разъ проредактирована и дополнена кое-какими замѣчаніями относительно современныхъ редактору порядковъ. Точно также я не могу вполнѣ присоединиться къ г. Рамбо относительно строгаго единства плана и композиціи, которое французскій ученый находитъ въ 1—84 гл. первой книги.

Если мы повнимательнѣе присмотримся къ составу одного перваго отдѣла, т. е. наиболѣе интересныхъ для насъ въ данное время обрядовъ богомольныхъ выходовъ (I, 1—37), не говоря уже о другихъ отдѣлахъ, то даже въ этихъ узкихъ рамкахъ мы не найдемъ строгаго единства въ планѣ; напротивъ, найдемъ явные слѣды того, что въ Придворномъ Уставѣ до насъ дошли продукты разныхъ эпохъ, механически между собою связанные и дополненные позднѣйшими прибавками и поясненіями. Другаго, впрочемъ, и ожидать мы не въ правѣ: въ предисловіи ко второй книгѣ, какъ мы видѣли, прямо сказано, что вся первая книга

составлена изъ ранѣе составленныхъ и редактированныхъ обрядовъ прежнихъ временъ, а въ томъ числѣ, значить, и обряды богомольныхъ выходовъ представляютъ продуктъ прежнихъ временъ. Справедливость этого заявленія составителя подтверждается составомъ этого отдѣла Придворнаго Устава и характеромъ вошедшихъ въ него обрядовъ, которые сохранили явные слѣды своего разновременнаго происхожденія.

Праздничные богомольные выходы царей изложены въ первыхъ 37 главахъ I кн., но первоначально въ рукописи главъ было больше, такъ какъ въ дошедшей до насъ единственной рукописи послѣ 2 § (В) 9-й гл. выпалъ конецъ этой главы и слѣдующія главы до 3 § (Г) 18 гл., которая въ печатныхъ изданіяхъ сливается съ началомъ 9 гл. въ одну 9 главу. Всѣхъ главъ, значить, было 46 вмѣсто теперешнихъ 37 (см. Reiske, Comment., p. 152 sequ.). Обряды праздничныхъ выходовъ въ этомъ отдѣлѣ расположены въ такомъ порядкѣ: въ 1-й гл., кромѣ общаго обряда большихъ Господнихъ праздниковъ, въ основаніи котораго положенъ въ сущности обрядъ выхода въ Рождество Христово ¹⁾, излагаются, въ видѣ дополненія къ нему, особенности Пасхальнаго выхода, затѣмъ обрядъ выхода въ Рождество Богородицы, какъ типическій обрядъ выходовъ въ Богородичные праздники, и обрядъ выхода въ Великую Субботу, какъ стоящій особо и не вполне подходящий подъ раньше изложенные типы (ср. стр. 38 и 39 этого Очерка).

Съ 2 гл. до 18-й слѣдовали „акты“ на праздники, *начиная съ Рождества Христова*, но до насъ дошли только акты или пѣснопѣнія димовъ до Троицына дня включительно (два первые §§ 9-й гл.). Вмѣстѣ съ этими актами 1 гл. составляетъ вполне законченное цѣлое: здѣсь мы имѣемъ главнѣйшіе типы выходовъ на разные праздники и затѣмъ акты на каждый изъ нихъ, которые, составляя главное отличіе обряда выходовъ одного типа, не могли войти въ общій обрядъ и потому изложены на каждый праздникъ отдѣльно.

Изложеніе типическихъ обрядовъ и актовъ на отдѣльные праздники представляетъ въ главныхъ чертахъ все, что нужно, для совершенія выхода, подходящаго подъ тотъ или другой изложенный типъ, и въ изложеніи обрядовъ отдѣльныхъ праздниковъ, описанныхъ въ 1 гл. типовъ, собственно говоря, нѣтъ особенной надобности, тѣмъ болѣе, что общій

¹⁾ Что въ основаніи общаго обряда положенъ Рождественскій, это видно изъ вставки въ Пасхальномъ обрядѣ, сдѣланной, очевидно, при редакціи этого обряда и начинающейся по обыкновенію съ ἰστέον I, 9, 63: ἰστέον δέ, ὅτι ἐν τῇ διόδῳ (т. е. на пути отъ Консисторіи до Орологія св. Софіи) τοῦ βασιλέως τελοῦνται ἅπαντα τὰ αἷσια ἀκολούθως, ὃν τρόπον ἀνωτέρω ἐν τῇ καθόλου προελεῦσει τῆς Χριστοῦ γεννήσεως ἐξεθέμεθα.

обрядъ большихъ выходовъ изложенъ подробно. Однакожь, за актами слѣдуетъ рядъ спеціальныхъ обрядовъ не только такихъ, которые не подходятъ подъ изложенныя въ 1 гл. типы, но и такихъ, *которые вполнѣ подѣ нихъ подходятъ.*

Рядъ этихъ спеціальныхъ обрядовъ начинается не Рождественскимъ обрядомъ, а Пасхальнымъ, и кончается обрядомъ Великой Субботы, представляя собою другой цѣльный и законченный циклъ обрядовъ, расположенный въ другомъ порядкѣ. Къ обряду Великой Субботы, въ видѣ примѣчанія или дополненія къ циклу обрядовъ, прибавленъ краткій обрядъ возсоединенія церкви. Заканчивается этотъ циклъ спеціальныхъ обрядовъ 37-ю главою, въ которой перечисляются облаченія царей въ дни Богомольныхъ выходовъ.

Такимъ образомъ въ первомъ отдѣлѣ I кн. Придворнаго Устава, 1—37 гл. мы имѣемъ, собственно говоря, два самостоятельныхъ сборника: 1) Общій обрядъ съ актами, т. е. 1—9 гл. изданій или 1—17 рукописи, и 2) Сборникъ спеціальныхъ обрядовъ на отдѣльные праздники, начиная съ Пасхи и кончая Великою Субботою (съ § Г, 9 гл.—35 изданій). Ближайшее разсмотрѣніе содержанія и характера этихъ сборниковъ приводитъ къ заключенію, что первый сборникъ составленъ послѣ второго, по всей вѣроятности, на основаніи спеціальныхъ обрядовъ, не вошедшихъ въ составъ второго сборника, а частію вошедшихъ въ него.

На сравнительно большую древность сборника спеціальныхъ обрядовъ указываютъ нѣкоторыя замѣчанія, сдѣланныя при его послѣдней редакціи для внесенія въ Придворный Уставъ. Такъ, изъ прибавки, сдѣланной въ концѣ обряда понедѣльника Пасхальной Недѣли видно, что обрядъ этотъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ записанъ и занесенъ въ сборникъ, совершался до Льва VI или до начала его царствованія, а Левъ VI измѣнилъ начало обряда: вмѣсто крестнаго хода изъ храма св. Софїи въ храмъ св. Апостоловъ, совершавшагося прежде, Левъ VI установилъ торжественный и парадный выѣздъ верхомъ въ храмъ св. Апостоловъ прямо изъ Дворца. „Такъ совершается этотъ обрядъ и до сего дня“, сказано въ самомъ концѣ обряда (I, 10, 86; ср. стр. 230 и слѣд. этого Очерка). Очевидно, что обрядъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ попалъ въ Уставъ, написанъ до Льва, слѣдовательно, при Василіи Македонянинѣ, если еще не при Михаилѣ III. Если бы онъ былъ написанъ при Львѣ VI, послѣ сдѣланныхъ имъ измѣненій, то, по всей вѣроятности, былъ бы записанъ въ новомъ видѣ, а относительно стараго порядка могло быть сдѣлано только упоминаніе, а между тѣмъ обрядъ изложенъ настоящимъ временемъ, стало быть написанъ еще тогда, когда совершался выходъ согласно

съ нимъ. Точно также въ Антипасху, т. е. въ первое воскресеніе послѣ Пасхи, цари уже до 900 года не ходили въ храмъ св. Софіи, а ѣздили въ храмъ св. Апостоловъ, какъ это видно изъ клиторологія Филоея (II, 52, 773), составленнаго въ 900 году, а между тѣмъ старый обрядъ остался въ сборникѣ, только въ схоліи къ нему замѣчено, что этотъ обрядъ *недавно* измѣненъ (ср. стр. 231 этого Очерка). Весьма вѣроятно, что эта замѣтка сдѣлана довольно задолго до внесенія сборника специальныхъ обрядовъ въ дошедшій до насъ Уставъ и обрядъ внесенъ въ Уставъ уже вмѣстѣ съ схоліемъ. Слѣдующій за Антипасхою обрядъ выѣзда въ Преполовеніе въ храмъ св. Мокія, возобновленный, по всей вѣроятности, при Василии, который возобновилъ и самый храмъ св. Мокія, Львомъ VI былъ отмѣненъ и послѣ не совершался, а между тѣмъ въ сборникѣ специальныхъ обрядовъ онъ былъ и цѣликомъ внесенъ въ Уставъ.

Въ обрядѣ Недѣли Православія замѣчено, послѣ изложенія обряда, что такъ совершался выходъ въ старину (Ἰστέον, ὅτι παλαιὸν τοιοῦτος τύπος ἦν), а теперь онъ совершается иначе. Ясно, что при составленіи Устава взять уже готовый старый обрядъ, который и занесенъ цѣликомъ, а составитель Устава и послѣдній редакторъ обрядовъ, внесшій сборникъ специальныхъ обрядовъ въ Уставъ, ограничился замѣчаніемъ относительно современнаго ему порядка выходовъ. Еще яснѣе видна сравнительная древность сборника специальныхъ обрядовъ изъ замѣчанія въ концѣ Благовѣщенскаго обряда (I, 30, 169). Послѣ изложенія того, что царь дѣлаетъ въ храмѣ пресв. Богородицы Халкопратіѣйской, куда совершался по одному типу выходъ въ Благовѣщеніе и въ Рождество Богородицы, въ концѣ обряда сдѣлана замѣтка, которая гласитъ, что и теперь все совершается, какъ изложено въ обрядѣ, но нынѣ (νυνί) царь не ходитъ въ катихуменіи, а слушаетъ литургію, стоя при входѣ въ смежный храмъ св. Раки (τῆς ἀγίας Σοροῦ), въ которой хранилась одежда и поясъ пресв. Богородицы. Обращаясь къ обряду Рождества Богородицы, вошедшему въ составъ 1 гл., мы дѣйствительно находимъ, что по этому обряду царь не ходитъ въ катихуменіи, а слушаетъ литургію при входѣ въ храмъ св. Раки (I, 1, 31). Въ концѣ этого обряда (I, 1, 33) сказано, что точно такимъ же образомъ совершается выходъ и въ Благовѣщеніе. Ясно, что обрядъ Рождества Богородицы, изложенный согласно съ новыми порядками, измѣненъ и внесенъ въ измѣненномъ видѣ въ 1 гл. послѣ Благовѣщенскаго обряда, который составленъ еще до нововведенія въ выходѣ и въ такомъ видѣ вошелъ въ сборникъ специальныхъ обрядовъ, а вмѣстѣ съ нимъ и въ Придворный Уставъ, при внесеніи въ который въ Благо-

вѣщенскомъ обрядѣ сдѣлана замѣтка относительно новыхъ порядковъ, существовавшихъ во время составленія общаго обряда, т. е. 1 гл. I кн.

Не считая возможнымъ входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе какъ указанныхъ, такъ и другихъ обрядовъ богомольныхъ выходовъ относительно времени ихъ первой редакціи, я ограничусь этими указаніями и полагаю, что вышеприведенныхъ примѣровъ вполне достаточно для того, чтобы видѣть, что указанные выше и нѣкоторые другіе обряды богомольныхъ выходовъ не только написаны гораздо раньше Константина Багрянороднаго, но и подверглись значительнымъ измѣненіямъ раньше его. Потому и упоминаемаго въ нѣкоторыхъ обрядахъ одного царя (βασιλεύς) нужно относить не къ Константину, какъ думаетъ г. Rambaud, а скорѣе къ Василию Македонянину, при которомъ по всей вѣроятности составлена была по записямъ значительная часть сборника обрядовъ богомольныхъ выходовъ, такъ какъ Василий I много обрядовъ возобновилъ, а нѣкоторые ввелъ впервые въ придворную практику, какъ можно заключить изъ замѣчаній, находящихся въ Придворномъ Уставѣ¹⁾. Возможно, что въ основаніи нѣкоторыхъ обрядовъ лежатъ записи, сдѣланныя еще при Михаилѣ III, но ко временамъ до Михаила III, или, точнѣе, до возстановленія иконопочитанія (842) первое возникновеніе дошедшихъ до насъ обрядовъ богомольныхъ выходовъ едва ли можно отнести, такъ какъ при царяхъ-иконоборцахъ не могло быть рѣчи о поклоненіи иконамъ, мощамъ и другимъ священнымъ реликвіямъ, которыя столь часто упоминаются въ обрядахъ.

Послѣднюю редакцію дошедшаго до насъ сборника богомольныхъ выходовъ можно, мнѣ кажется, относить ко времени автократоріи Константина VII Багрянороднаго и при томъ къ концу этого періода, такъ какъ въ обрядѣ Недѣли Православія о патріархѣ Теофилактѣ, сынѣ Романа I Лакапина, упоминается въ прошедшемъ времени, а Теофилактъ умеръ въ 956 г. за три года слишкомъ до смерти самого Константина. Константиномъ Багрянороднымъ или по крайней мѣрѣ при немъ и подъ его руководствомъ могъ быть составленъ общій обрядъ съ прибавками къ нему (т. е. вся первая глава) и сборникъ актовъ или актологій на праздники, пачинаая съ Рождества Христова; но составленъ этотъ сбор-

¹⁾ Такъ въ схоліяхъ къ обрядамъ праздниковъ пророка Ильи (I, 19, 114) и освященія Новой Великой Церкви (I, 20, 118) сказано, что праздникъ этотъ установленъ Василиемъ. Раньше Василия этихъ праздничныхъ выходовъ и быть не могло, такъ какъ они совершались въ храмъ, построенный Василиемъ Македоняниномъ, т. е. въ Новую Великую Церковь, въ придѣлѣ которой былъ устроенъ алтарь въ честь Ильи пророка, какъ возвѣстившаго матери Василия объ ожидающей Василия великой судьбѣ (см. Const. Porphyrog. Vita Basilii въ Theoph. Cont. ed. Bonn., p. 325; ср. Cerim. I, 19, 116).

никъ актовъ также изъ старыхъ обрядовъ и записей, по всей вѣроятности изъ временъ Льва VI, такъ какъ актологіи на Антипасху указываютъ на выѣздъ въ храмъ св. Апостоловъ, какъ это дѣлалось при Львѣ, а присутствіе въ сборникѣ актологій на Преполовленіе, совершавшихся во время богомольнаго выѣзда въ храмъ св. Мокія, указываетъ, кажется, на то, что сборникъ актовъ или пѣснопѣній составленъ до отмѣны этого выхода, т. е. до 912 года (см. стр. 232 свѣд. этого Очерка). При редакціи актовъ для внесенія въ Уставъ сдѣланы соотвѣтствующія современнымъ условіямъ измѣненія относительно царицъ и багрянородныхъ дѣтей, упоминаемыхъ въ актологіяхъ во множественномъ числѣ (напр., I, 2, 36).

Точно такъ же и общій обрядъ составленъ на основаніи прежнихъ обрядовъ, частію не вошедшихъ въ сборникъ спеціальныхъ обрядовъ (болѣе новый обрядъ выхода въ Рождество Христово, часть обряда Пасхальнаго, обрядъ Рождества Богородицы), частію сохранившихся въ немъ (обрядъ Благовѣщенія и Великой Субботы).

Составленіе общаго обряда, т. е. первой главы, состояло частію въ дополненіяхъ, измѣненіяхъ и прибавкахъ, частію въ сокращеніяхъ тѣхъ частей, вошедшихъ въ составъ его обрядовъ Пасхи, Рождества Богородицы и Великой Субботы, которыя уже изложены въ обрядѣ выхода въ большіе Господніе праздники, такъ что это составленіе имѣло болѣе редакціонный характеръ и потому, приписывая составленіе первой главы времени Константина Багрянороднаго или ему самому, мы не станемъ въ противорѣчіе съ заявленіемъ составителя второй книги, что вся первая книга составлена изъ прежнихъ, раньше записанныхъ и составленныхъ обрядовъ, — заявленіемъ, которое въ значительной степени противорѣчитъ вышесприведенному мнѣнію г. Рамбо, приписывающаго самое составленіе большей части обрядовъ 1-й книги времени Константина VII Багрянороднаго или ему самому.

Если мы такимъ образомъ послѣднюю редакцію обрядовъ богомольныхъ выходовъ будемъ относить къ концу царствованія Константина Багрянороднаго, а составленіе самыхъ древнѣйшихъ изъ нихъ къ началу царствованія Василія I Македонянина (867—886 г.), то мы получимъ періодъ времени, обнимающій около 100 лѣтъ, въ теченіе которыхъ обряды эти составлялись по записямъ, редактировались, измѣнялись, дополнялись примѣчаніями, пока не получили, при внесеніи въ Придворный Уставъ, своего настоящаго вида. Занимающіе насъ обряды представляютъ такимъ образомъ трудъ нѣсколькихъ поколѣній, жившихъ, приблизительно, съ половины IX в. до половины X в. Кто былъ первымъ составителемъ каждаго отдѣльнаго обряда, сказать нельзя. Но такъ какъ

въ этотъ періодъ времени общее руководство и наблюденіе за правильнымъ совершеніемъ царскихъ выходовъ принадлежало препозитамъ, какъ прежде магистрамъ, а исполненіе лежало на обязанности церемоніаріевъ (ὁ τῆς κατὰστάσεως cerimoniaris церемоніймейстеръ), то можно предполагать, что этимъ сановникамъ, обязаннымъ по своей должности интересоваться обрядами, обряды выходовъ и пріемовъ обязаны своимъ происхожденіемъ и составленіемъ, подобно тому, какъ дошедшій до насъ клиторологій изъ временъ Льва VI, т. е. трактатъ о порядкахъ, соблюдавшихся на царскихъ обѣдахъ, написанъ атриклиномъ Филооесомъ, завѣдывавшимъ приглашеніемъ чиновъ къ столу и наблюдавшимъ за установленными порядками, и написанъ для руководства товарищамъ и преемникамъ по этой должности.

Весьма возможно, что сановники и чиновники, завѣдывавшіе придворными обрядами, составляли не только отдѣльные обряды, но и цѣлые сборники извѣстнаго содержанія обрядовъ, напримѣръ, богомольныхъ выходовъ, чинопроизводства, игръ и скачекъ въ Ипподромѣ. Такіе сборники, хотя, быть можетъ, не полные, неправильно и не систематично расположенные, могъ найти составитель Придворнаго Устава и, дополнивши, исправивши и приведя въ болѣе или менѣе стройный порядокъ, внести въ Придворный Уставъ, составить полный и систематическій сводъ всѣхъ извѣстныхъ составителю отдѣльныхъ, частныхъ сборниковъ. Какъ первый составитель такого полного свода, обнимающаго по возможности всѣ виды придворныхъ обрядовъ, расположенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ и системѣ, Константинъ Багрянородный или его помощникъ въ этомъ дѣлѣ могъ сказать, что онъ нашелъ старые обряды, составившіе содержаніе первой книги, въ безпорядкѣ, т. е. они частію были вовсе не приведены въ систему, не отнесены къ соотвѣтствующему отдѣлу, а частію представляли не полные и разрозненные отдѣльные небольшіе сборники (χρῶν καὶ σποράδην).

Кромѣ вышеизложенныхъ соображеній, дѣловое, можно сказать, официальное происхожденіе обрядовъ Придворнаго Устава подтверждается характеромъ языка, которымъ они написаны. Языкъ обрядовъ рѣзко отличается отъ языка современныхъ писателей, старавшихся писать болѣе или менѣе литературно. Если мы сравнимъ „Жизнь Василія Македонянина“, написанную Константиномъ Багрянороднымъ, съ составленнымъ имъ или подъ его руководствомъ Придворнымъ Уставомъ, то мы сейчасъ же увидимъ огромную разницу въ языкѣ и стилѣ обоихъ произведеній: „Жизнь Василія“ написана искусственнымъ, книжнымъ языкомъ по всѣмъ правиламъ тогдашней риторики, а Придворный Уставъ про-

стымъ, ежедневнымъ, дѣловымъ, въ которомъ предметы быта и разныя дѣйствія обозначаются ихъ собственными, бывшими тогда въ употребленіи именами, часто греко-римскими, а не чисто греческими, литературными; потому что Придворный Уставъ, какъ и составляющіе его обряды предназначались не для чтенія, а для практическаго пользованія, примѣненія на дѣлѣ. Чтобы всѣмъ было ясно и понятно, что въ каждомъ случаѣ дѣлалось и слѣдуетъ дѣлать, чтобы не было никакого сомнѣнія относительно дѣйствій, предметовъ, лицъ и т. д., въ обрядахъ оставленъ тотъ простой и ежедневный языкъ, который обыкновенно употреблялся при Византійскомъ Дворѣ для обозначенія предметовъ и дѣйствій, составляющихъ содержаніе обрядовъ Придворнаго Устава, какъ объ этомъ заявляетъ составитель Придворнаго Устава въ концѣ предисловія къ первой книгѣ ¹⁾.

Но то, что было совершенно ясно и понятно для современниковъ Константина Багрянороднаго и ближайшихъ къ нему поколѣній, то всѣмъ неясно для насъ; потому спеціальныи и дѣловой языкъ обрядовъ для насъ тѣмъ болѣе не понятенъ, чѣмъ болѣе въ немъ терминовъ, чѣмъ чаще встрѣчаются въ немъ спеціальныя римско-византійскія слова и названія мало или вовсе неизвѣстныхъ намъ предметовъ и дѣйствій. А такими словами и названіями переполнены всѣ обряды до такой степени, что рѣдко можно найти мѣсто въ двѣ-три строки, въ которомъ бы ихъ не встрѣчалось, а иногда многія строки и даже цѣлыя страницы состоятъ почти цѣликомъ изъ такихъ спеціальныхъ, техническихъ, если можно такъ выразиться, словъ и названій. Благодаря дѣловому характеру и назначенію обрядовъ, композиція и стиль обрядовъ весьма далеки отъ грамматической и стилистической правильности литературныхъ произведеній. Постройка предложений и періодовъ весьма часто неправильна; ни о послѣдовательности, ни о связи предложений и періодовъ составители обрядовъ не заботились: для нихъ нужна была только суть дѣла, главные моменты обряда. M-r R a m b a u d справедливо говоритъ относительно Придворнаго Устава, что *sa composition est barbare* (lib. c. p. 128), но это варварство обусловливается и объясняется происхожденіемъ и цѣлями Придворнаго Устава и составляющихъ его обрядовъ. Мы не должны разсматривать ихъ, какъ литературное произведеніе одного автора, желавшаго описать, возможно подробнѣе и яснѣе изложить и объяснить при-

¹⁾ Вотъ что говоритъ относительно этого составитель Придворнаго Устава: ὡς ἂν δὲ σαφεῖ καὶ εὐδιάγνωστα εἶεν τὰ γεγραμμένα, καὶ καθωρισμένα καὶ ἀπλουστέρα φράσει κεχρήμεθα καὶ λέξεσι ταῖς αὐταῖς καὶ ὀνόμασι τοῖς ἐφ' ἑκάστῳ πράγματι πάλα προσαρμωθεῖσι καὶ λεγομένοις (Cerim., p. 5, Bonn.).

дворные обряды и порядки для незнакомыхъ съ ними современниковъ и потомковъ. Если бы первые составители обрядовъ и послѣдній редакторъ ихъ, составившій изъ нихъ цѣлый Уставъ, имѣли въ виду ознакомить съ придворными обрядами современниковъ и потомковъ вообще, то характеръ изложенія былъ бы, по всей вѣроятности, другой: термины замѣнены были бы, вѣроятно, другими словами или пояснены, многое изложено было бы подробнѣе и пояснено, многое было бы опущено и не повторялось бы такъ часто, какъ въ дошедшихъ до насъ обрядахъ; всѣ моменты выхода, вся обстановка и топографія выходовъ и пріемовъ изложена была бы, безъ сомнѣнія, подробнѣе и обстоятельнѣе. Ничего подобнаго въ огромномъ большинствѣ обрядовъ мы не находимъ: составители обрядовъ, очевидно, имѣютъ въ виду не обыкновенныхъ читателей, не публику, незнакомую съ обстановкою Двора и придворными порядками, а людей, весьма близко знакомыхъ съ Дворцомъ и его частями, хорошо знающихъ придворные обычаи и порядки, обстановку и придворный бытъ. Потому они ограничиваются большею частію краткими намеками, одними названіями знакомыхъ предметовъ, указаніями главныхъ моментовъ дѣйствія, случайно говорятъ то короче, то подробнѣе объ одномъ и томъ же предметѣ или дѣйствіи, смотря по тому, что первому составителю хотѣлось особенно отмѣтить и оттѣнить и на что только намекнуть, если не совсѣмъ пропустить, какъ общезвѣстное и совершенно понятное для тѣхъ лицъ, для которыхъ обряды и записи составлялись. Потому ни въ одномъ обрядѣ мы не найдемъ всѣхъ подробностей того или другаго дѣйствія и нѣтъ почти ни одного обряда, который бы не нуждался въ поясненіи другимъ. Даже общій обрядъ выходовъ въ большіе праздники, изложенный подробнѣе и обстоятельнѣе другихъ, не можетъ быть понятъ не только въ подробностяхъ и частностяхъ, но и въ главныхъ моментахъ безъ помощи другихъ обрядовъ: такъ много предполагается въ немъ извѣстнаго. А нѣкоторые частные обряды иногда такъ коротки, что всѣ состоятъ изъ намековъ и совершенно непонятны безъ знанія того, къ чему эти намеки относятся и на что указываютъ. Весьма часто эти намеки разъясняются другими обрядами, въ которыхъ тѣ же дѣйствія, лица и предметы обозначены подробнѣе, но часто такихъ разъясненій найти нельзя, такъ какъ составитель обряда предполагалъ свои намеки и краткія указанія и безъ того понятными для тѣхъ церемоніальныхъ чиновъ, для которыхъ главнымъ образомъ составлялись обряды.

Позволяю себѣ думать, что послѣ этого краткаго разсмотрѣнія вопроса о происхожденіи обрядовъ Придворнаго Устава причины тѣхъ трудностей, которыя приходится преодолѣть комментатору и переводчику

обрядовъ, стали болѣе или менѣе ясны и понятны. Обряды составлены по записямъ объ отдѣльныхъ выходахъ и приѣмахъ въ разное время разными лицами не для публики, незнакомой съ придворными порядками, а главнымъ образомъ для церемоніальныхъ чиновъ двора, какъ нельзя болѣе близко знакомыхъ съ обстановкою и придворными порядками; потому обряды изложены неполно, безъ объясненій того, о чемъ идетъ рѣчь, а иногда совсѣмъ кратко и для людей, чуждыхъ двору, неясно и непонятно, изложены языкомъ техническимъ, хорошо извѣстнымъ придворнымъ сановникамъ, но мало понятнымъ для насъ.

Эти свойства Придворнаго Устава весьма важны и драгоцѣнны для насъ, потому что вводятъ насъ прямо въ придворный бытъ и знакомятъ съ офиціально-придворнымъ языкомъ непосредственно, документально, но въ то же время, благодаря этимъ свойствамъ, Придворный Уставъ представляетъ собою одинъ изъ самыхъ трудныхъ для пониманія памятниковъ. Чтобы вполнѣ понимать всѣ его намеки и бытовые подробности, мы, собственно говоря, должны стать на точку зрѣнія придворныхъ византійскихъ чиновниковъ, обладать знакомствомъ съ Византійскимъ Дворомъ и его порядками въ такой же степени, въ какой знали все это лица, для которыхъ написанъ Уставъ, т. е. церемоніальные сановники и чиновники Византійскаго Двора, старавшагося блистать сложностью и великолѣпіемъ своихъ обрядовъ.

Само собою разумѣется, что дойти до знакомства съ придворными византійскими порядками, которое имѣли церемоніальные чины, мы никоимъ образомъ не можемъ, если бы даже византійская археологія въ широкомъ смыслѣ была такъ же подробно и обстоятельно разработана, какъ античная греческая и римская. Но до такой степени разработки византійской археологіи еще далеко; она еще находится на очень низкой ступени развитія, а нѣкоторые отдѣлы ея, какъ государственныя и частныя древности, находятся еще въ зачаточномъ состояніи. Одинъ изъ главнѣйшихъ и важнѣйшихъ источниковъ, Придворный Уставъ Константина Багрянороднаго, сравнительно мало понятъ и объясненъ, а между тѣмъ въ немъ самомъ и кроется ключъ къ разясненію его; въ немъ самомъ нужно главнымъ образомъ искать тѣхъ данныхъ, которыя позволили бы намъ приблизиться къ тому уровню знанія придворныхъ порядковъ, на которомъ пониманіе обрядовъ станетъ болѣе или менѣе возможнымъ, хотя все еще останется далеко не полнымъ и несовершеннымъ. Нѣтъ потому ничего удивительнаго въ томъ, что вышеуказанныя русскія попытки изложенія обрядовъ богомольныхъ выходовъ, сдѣланныя гг. Марковичемъ и Каневскимъ, не были удачны. Если такіе извѣстные

археологи, какъ Лабартъ, Дидропъ, Паспати и др., дѣлали относительно обрядовъ не мало крупныхъ промаховъ, то тѣмъ болѣе извинительны ошибки и промахи у вышеназванныхъ русскихъ авторовъ, взявшихся за изложеніе обрядовъ Константина безъ всякой спеціальной подготовки и безъ предварительнаго изученія Придворнаго Устава, который представляетъ такъ много всевозможныхъ затрудненій, такъ мало разъясненъ и обследованъ, что безъ спеціального предварительнаго знакомства съ его содержаніемъ и характеромъ братья за изложеніе и объясненіе какой либо части его весьма рискованно.

Во избѣжаніе промаховъ и ошибокъ моихъ предшественниковъ, я положилъ въ основаніе своего изложенія обрядовъ богомольныхъ выходовъ въ храмъ св. Софіи главнымъ образомъ данныя самого Придворнаго Устава, добытыя посредствомъ предварительнаго изученія обрядовъ. Позволяю себѣ думать, что въ предлагаемомъ вниманію читателя Очеркѣ обряды ежедневныхъ пріемовъ и выходовъ въ храмъ св. Софіи въ общемъ и главномъ изложены правильно и разъяснены многіе моменты выходовъ, прежде бывшіе неясными и непонятными. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя подробности остаются еще сомнительными или недостаточно разъясненными, а нѣкоторыя нарочито оставлялись безъ объясненій. Такъ, напримѣръ, значеніе и названія разныхъ чиновниковъ и сановниковъ, фигурирующихъ въ обрядахъ, мною оставлены, за немногими исключеніями, безъ объясненій, по той главнымъ образомъ причинѣ, что научное и доказательное изложеніе вопросовъ, касающихся византійскаго чиновничества, потребовало бы слишкомъ много мѣста и заставило бы увеличить и безъ того большія примѣчанія втрое или вчетверо. Но и при такомъ увеличеніи связнаго и полнаго изложенія относящагося сюда матеріала все-таки нельзя было бы сдѣлать; потому эти вопросы я предпочелъ отложить до другаго времени и мѣста, чтобы сгруппировать ихъ въ отдѣльныхъ очеркахъ. Объ одеждахъ и облаченіяхъ не только сановниковъ, но и царей говорится кратко, т. е. столько, сколько это я считалъ необходимымъ для указанія отличительныхъ чертъ обрядовъ и облаченій царя въ IX—X вв. Подробный трактатъ о царскомъ облаченіи или нарядѣ въ его историческомъ развитіи можетъ быть предметомъ цѣлой книги и требуетъ массы рисунковъ. Кромѣ того, болѣе или менѣе подробное и обстоятельное разъясненіе всѣхъ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ археологическихъ вопросовъ постоянно отвлекало бы отъ главнаго предмета Очерка и, какъ показываетъ комментарий Reiske къ общему обряду, не позволяло бы читателю слѣдить за ходомъ излагаемыхъ обрядовъ, ясное и по возмож-

ности подробное изложеніе и описаніе которыхъ составляетъ главную задачу настоящаго Очерка.

Читатели, болѣе меня свѣдушіе въ вопросахъ византійской и церковной археологіи, найдутъ, безъ сомнѣнія, въ этомъ Очеркѣ много неточностей, недосмотровъ, еще болѣе неяснаго и недостаточно разъясненнаго, недосказаннаго, но они, надѣюсь, будутъ имѣть въ виду, кромѣ изрѣченія: *errare humanum est*, всѣ вышеуказанныя трудности правильнаго и точнаго пониманія и объясненія обрядовъ Придворнаго Устава, а равно и то обстоятельство, что автору приходилось значительную часть объяснительнаго труда сдѣлать самому и мало брать готовыхъ и не требующихъ дополненій и повѣрки толкованій и объясненій. У своихъ выше-названныхъ предшественниковъ по разработкѣ и описанію приемовъ и выходовъ, авторъ ничего не могъ взять, кромѣ, конечно, Reiske, комментарій котораго и до сихъ поръ остается во множествѣ случаевъ единственнымъ научнымъ пособіемъ для занимающагося изученіемъ Придворнаго Устава. При такомъ положеніи предмета, составляющаго главное содержаніе настоящаго труда, сдѣлать все, что нужно и желательно, весьма трудно и я сдѣлалъ только то, что было для меня возможно: при тѣхъ научныхъ средствахъ, которыя были въ моемъ распоряженіи. *Feci, quod potui; faciant meliora potentes.*

Казань, 15 апрѣля 1892 г,

I.

Ежедневные приемы Византийских царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ св. Софіи въ IX—X вв.

Д. Чл. Д. О. Бѣляева.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Приемы императорами сановниковъ во времена Римской имперіи.—Обряды приемовъ и видоизмѣненія ихъ.—Дошедшіе до насъ обряды ежедневныхъ и воскресныхъ приемовъ.—Мѣсто приемовъ.—Отпирание дверей Большаго Дворца и другія подготовительныя дѣйствія.—Собраніе чиновъ синклита въ Ипподромѣ и переходъ ихъ въ палаты Дворца.—Выходъ царя въ Хрисотриклинъ; дѣйствія и занятія его во время приема: дѣловые доклады логовѣта, препозита и другихъ сановниковъ; назначенія на должности и частныя аудіенціи посламъ.—Воскресные приемы, ихъ отличительныя черты; приглашеніе къ царскому столу.—Отпускъ.—Производство въ чины.

Какъ каждый знатный и богатый римлянинъ ежедневно принималъ поздравленія и привѣтствія болѣе или менѣе значительной толпы своихъ кліентовъ, такъ римскій императоръ ежедневно принималъ массу сановниковъ, чиновниковъ и другихъ лицъ, являвшихся частію для принесенія поздравленій и привѣтствій, частію для дѣловыхъ докладовъ и представленій. Какъ тѣ, такъ и другіе приемы происходили раннимъ утромъ (*salutatio matutina*), въ теченіе первыхъ двухъ часовъ дня, т. е. въ 7-мъ и 8-мъ часу утра по нашему счету часовъ ¹⁾. Въ виду этого желавшіе представиться собирались къ домамъ патроновъ и дворцамъ императоровъ на разсвѣтѣ или даже предъ разсвѣтомъ и, преодолевъ разныя препятствія и затрудненія, допускались въ приемные покои ²⁾. Такъ какъ толпы кліен-

¹⁾ О *salutatio matutina* кліентовъ см. Marcquardt, *Privatleben*, I, 252—253. О кліентахъ въ императорскій періодъ и отношеніи къ нимъ патроновъ см. Friedländer, *Darstellungen aus d. Sittengeschichte Roms*, I, IV, 1 (die Klienten). Ср. Н. М. Благовѣщенскій, Римскіе кліенты Домиціанова вѣка, Русская Мысль, 1890 года, кн. IV, стр. 31 слѣд. О приемахъ во дворцѣ римскихъ императоровъ см. Friedländer, *Darstellungen*, I, II, 4a (der Morgenempfang).

²⁾ Чтобы успѣть во время и не опоздать, кліенты, особенно тѣ, которые жили далеко отъ домовъ своихъ патроновъ, должны были вставать до свѣта, не выспавшись,

товъ-поздравителей (*salutatores*) состояли изъ людей разнаго званія и общественнаго положенія, то естественно при приѣмѣ скоро установилась извѣстная градація и церемоніаль, за соблюденіемъ которыхъ наблюдать у знатныхъ патроновъ особый штатъ слугителей. Если же приѣмъ кліентовъ и подчиненныхъ у богатыхъ, знатныхъ и чиновныхъ римлянъ производился при непремѣнномъ участіи особыхъ приѣмныхъ (*admissionales*) слугъ, былъ обставленъ разными формальностями и подчиненъ извѣстнымъ правиламъ ¹⁾, то тѣмъ болѣе долженъ былъ выработаться извѣстный порядокъ и во всѣхъ деталяхъ опредѣленный и точный церемоніаль для приѣма безчисленнаго множества разнаго званія лицъ, желавшихъ представиться и привѣтствовать повелителей міра, вторыхъ Юпитеровъ, отъ которыхъ зависѣла судьба миллионовъ людей и въ распоряженіи которыхъ находился скоро развившійся изъ штата слугъ-рабовъ и вольноотпущенниковъ многочисленный штатъ приѣмныхъ и церемоніальныхъ слугителей, чиновниковъ и сановниковъ, фигурировавшихъ въ разныхъ роляхъ при всякихъ приѣмахъ и выходахъ императоровъ.

и ночью шествовать по неосвѣщеннымъ и часто грязнымъ улицамъ Рима, когда еще почти никого не было на улицахъ. Эти ночныя шествія кліентовъ, которыя Марціаль, Ювеналь, Лукіанъ и многіе другіе писатели изображаютъ мрачными красками, затруднялись еще тѣмъ, что къ патронамъ необходимо было являться въ тяжелыхъ и жаркихъ (*sudatrix*) тогахъ, сдѣлавшихся давно мундиромъ римскаго гражданина. Преодолѣвши всѣ эти неудобства, несчастный кліентъ, дойдя наконецъ до дома патрона, долженъ былъ еще нерѣдко мольбами и подарками упрашивать разныхъ слугъ о допущеніи предъ свѣтлыя очи патрона, преодолевать *ostiarii difficultatem, nomenclatoris superbiam, cubicularii supercilium*. Friedländer, *ibid*.

¹⁾ Какъ при дворѣ, такъ и у знатныхъ и чиновныхъ римлянъ поздравители (*salutatores*) высшихъ ранговъ естественно допускались раньше и встрѣчались съ большимъ почетомъ и вниманіемъ, чѣмъ бѣдные и ничтожные кліенты, желавшіе получать отъ патрона разныя подачки и жившіе этими подачками. Однихъ патроновъ встрѣчали любезно и привѣтливо, удостоивая даже поцѣлуя, другихъ едва замѣчали и не узнавали безъ напоминанія номенклатора. Если нѣкоторые изъ *salutatores* приглашались къ столу, то и здѣсь нѣкоторые патроны только болѣе важныхъ удостоивали одинаковаго стола съ собою, а *minores amici* должны были довольствоваться гораздо худшими блюдами и винами. Friedländer, *Darstellungen*, I. с. Благовѣщенскій, Кліенты при Домиціанѣ, стр. 38. У римскихъ сановниковъ, правителей отдѣльных провинцій, приѣмъ происходилъ по извѣстнымъ, особыми законами и распоряженіями установленнымъ, правиламъ, которыя, безъ сомнѣнія, сходны были съ порядками, господствовавшими при дворѣ. *Olim quod receptum est apud Romanos*—говоритъ Моммзенъ—*non promiscue provinciales admittendos esse ad praesides complexu scilicet et osculo salutandos et, quod cum ea re coniunctum fuit, ad introductionem in cubiculum eorum concessumque, id postea quoque mansisse constitutiones plures testantur. Quomodo autem quarto saeculo res administrata sit, ordo salutationis Thamugadi repertus clara luce illustrat.* (Th. Mommsen, въ *Ephemeris epigraphica*, vol. V, p. 629 слѣд., гдѣ знаменитый романистъ приводитъ и объясняетъ *ordo salutationis* изъ временъ Юліана, изданный правителемъ Нумидіи для всеобщаго свѣдѣнія. Здѣсь же Моммзенъ приводитъ и нѣкоторые законы изъ *Cod. Theodos.*, въ которыхъ говорится о порядкѣ допущенія разныхъ лицъ къ приѣмамъ у правителей провинцій).

Хотя изъ временъ Римской имперіи до насъ не дошли подробные церемоніалы приемовъ у императоровъ, тѣмъ не менѣе указанія римскихъ писателей и довольно многочисленные и ясные законодательные акты несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что такіе церемоніалы и правила, выработанные практикою, существовали и составляли существенную и важную часть придворнаго этикета ¹⁾. Изъ этихъ указаній римскихъ писателей и законодательныхъ актовъ мы узнаемъ, что *salutatio*, поздравленіе, привѣтствіе императора уже во времена Римской имперіи постепенно превратились въ *adoratio*, *προσκύψις*, поклоненіе императорамъ, и происходило въ строго опредѣленномъ порядкѣ, по извѣстнымъ правиламъ, согласно утвержденнымъ высшею властью церемоніаламъ, разнообразившимся и видоизмѣнявшимся сообразно съ характеромъ приѣма.

Эти церемоніалы и правила, сохраняя главныя и существенныя черты, измѣнялись въ частностяхъ и подробностяхъ съ теченіемъ времени вслѣдствіе измѣненій мѣста и состава лицъ, принимавшихъ участіе въ томъ или другомъ обрядѣ приѣма и выхода. Дѣло въ томъ, что какъ мѣста императорскихъ резиденцій, такъ и устройство парадныхъ палатъ въ одномъ и томъ же дворцѣ съ теченіемъ времени мѣнялись, а вмѣстѣ съ этимъ измѣнялись и подробности приѣма императорами лицъ, являющихся къ нему. Точно также измѣнялись штаты, названія, функціи и взаимныя отношенія придворныхъ чиновъ и служителей. Сообразно съ этими перемѣнами происходили постепенно и измѣненія въ подробностяхъ того или другаго церемоніала. Нагляднымъ примѣромъ такихъ измѣненій въ церемоніалахъ могутъ служить церемоніалы разныхъ придворныхъ торжествъ и дѣйствій, сохранившіеся въ сборникѣ церемоніаловъ или обрядовъ, составленномъ Константиномъ Багрянороднымъ и дополненнымъ заимствованіями изъ другихъ подобныхъ сборниковъ, существовавшихъ прежде, за два, за три вѣка до Константина Багрянороднаго. Такъ, обряды приемовъ пословъ, относящіеся ко временамъ Юстиніана Великаго и составленные Петромъ

¹⁾ На существованіе строго опредѣленнаго и въ деталяхъ установленнаго законодательнымъ порядкомъ церемоніала приемовъ въ императорскомъ дворцѣ указываютъ довольно многочисленныя мѣста императорскихъ конституцій, въ которыхъ говорится о правахъ разныхъ чиновныхъ особъ на извѣстное мѣсто при приѣмахъ и поклоненіи (*adoratio*) императорамъ. Значительное количество такихъ указаній собрано Годофредомъ въ комментаріи къ *Codex Theodosian. Lib. VI, tit. VIII de praepositis sacri cubiculi*, изд. Ritter'a, tom. II, p. 82 sequ. Изъ этихъ мѣстъ въ то же время ясно видно, что *salutatio principis* за долго до изданія *Cod. Theodos.*, т. е. до начала V вѣка по Р. Х., превратилось въ *adoratio principis*, такъ что самое *salutatio*, когда рѣчь идетъ о приѣмахъ у императоровъ, понимается въ смыслѣ *adoratio* и употребляется какъ синонимъ этого послѣдняго. *Certo ordine salutatores, говоритъ Godofredus, per admissionales ad principem adorandum admittebantur, dignitatis cuiusque et praerogativae ratione habita... Adoratio principis nil aliud erat, quam salutatio principis genu flexo* (Godofr. l. c. p. 82).

Магистромъ ¹⁾), значительно отличаются отъ подобныхъ же обрядовъ временъ Константина Багрянороднаго. Обряды восшествія на престолъ и коронаціи императоровъ, помѣщенные въ концѣ 1-й книги Придворнаго Устава Константина Багрянороднаго, представляютъ цѣлый рядъ постепенныхъ измѣненій въ подробностяхъ сравнительно съ установившимся въ IX—X вв. обрядомъ коронаціи царя, помѣщенномъ въ той же 1-й книгѣ ²⁾). Еще большая разница въ обрядахъ приемовъ и выходахъ произошла впоследствии, благодаря разнымъ условіямъ и обстоятельствамъ. Когда цари византійскіе, послѣ латинскаго плѣненія, возвратились въ городъ Константина и стали жить во Влахернскомъ дворцѣ, при значительно измѣнившемся составѣ придворныхъ чиновъ, то естественно произошли большія измѣненія въ обрядахъ. Эти измѣненія въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи и ростѣ привели къ тому, что большая часть обрядовъ конца Византійской Имперіи весьма сильно, особенно въ деталяхъ, стала отличаться отъ обрядовъ IX—X вв. и между обрядами, изложенными въ сочиненіи Кодина *de officiis*, и обрядами, собранными Константиномъ Багрянороднымъ, гораздо болѣе разницы, нежели между обрядами временъ этого Константина и обрядами временъ Юстиніана ³⁾). Обряды IX—X вв. заключаютъ еще въ себѣ такъ много римскаго, что во многихъ случаяхъ могутъ служить для разъясненія чисто римскихъ обрядовъ и обычаевъ.

¹⁾ Обряды, составленные Петромъ Магистромъ, приложены къ I книгѣ Придворнаго Устава Константина Багрянороднаго и начинаются съ 84-й главы (стр. 386 Боннского изданія). Хотя обряды эти написаны на греческомъ языкѣ, но они носятъ очевидные слѣды передѣлки съ обрядовъ, составленныхъ на латинскомъ языкѣ, и даютъ понятіе о тѣхъ церемоніалахъ, которые были въ употребленіи въ эпоху позднѣйшихъ римскихъ императоровъ, начиная, если не съ Діоклетіана, то съ Константина Великаго, конечно *mutatis mutandis*. Во всякомъ случаѣ обряды Петра Магистра, на мой взглядъ, для иллюстраціи придворныхъ обычаевъ послѣднихъ вѣковъ Римской имперіи имѣютъ не меньшее значеніе, чѣмъ *ordo salutationis*, найденный въ Тамугадѣ, для приемовъ у правителей провинцій, приемы которыхъ представляли, безъ сомнѣнія, болѣе или менѣе слабое отраженіе придворныхъ порядковъ. Потому обряды Петра Магистра, въ которыхъ заключается много драгоценныхъ данныхъ не только для римскаго церемоніала, но и для исторіи римскаго чиновничества, заслуживаютъ не меньшаго вниманія, чѣмъ эдиктъ нумидійскаго правителя, который Моммзенъ (*Ephem. Epigr.*, V, p. 633) считаетъ *suo genere unicum et inter antiquitatis reliquias sui tantum simile*.

²⁾ Обряды восшествія на престолъ и коронаціи, принадлежащія, вѣроятно, тому же Петру Магистру, начинаются Львомъ Великимъ (457 г.) и кончаются провозглашеніемъ Юстиніана Великаго (*Serim.* I, cap. 91—95, pag. 411—433). Къ этому сборнику старыхъ обрядовъ впоследствии прибавленъ обрядъ восшествія на престолъ Никифора Фоки (*ibid.* p. 433—440).

³⁾ Между тѣмъ обряды, изложенные въ трудѣ Кодина, ставятся часто на одну доску съ обрядами Константина Багрянороднаго, а это приводитъ къ непримиримымъ противорѣчіямъ, изъ которыхъ нѣтъ другого выхода, кромѣ различія во времени. Византійская имперія, какъ и всякое другое государство, въ теченіе своего тысячелѣтняго существованія, подвергалась постояннымъ измѣненіямъ, которыя необходимо принимать во вниманіе при разсмотрѣніи всѣхъ явленій византійской исторіи и археологіи.

Смѣшеніе всѣхъ византійскихъ эпохъ въ одну общую эпоху и относительно обрядовъ приводитъ къ недоразумѣніямъ и путаницѣ, какъ и относительно многихъ другихъ вопросовъ византійской археологіи. Поэтому при разсмотрѣніи тѣхъ или другихъ обрядовъ и обычаевъ всегда необходимо имѣть въ виду время, къ которому они относятся. Въ основаніи нижеслѣдующаго очерка ежедневныхъ и воскресныхъ приемовъ и выходовъ будутъ положены обряды Придворнаго Устава Константина Багрянороднаго, въ которыхъ идетъ рѣчь о ежедневныхъ и воскресныхъ приемахъ. Я разумѣю, главнымъ образомъ, 1-ю и 2-ю главу II книги Придворнаго Устава, которыя разъясняются и дополняются случайными намеками и указаніями другихъ обрядовъ. А такъ какъ обряды эти принадлежатъ времени, если не самого Константина, то по крайней мѣрѣ болѣе или менѣе близкому къ нему, то, не рискуя сдѣлать большой ошибки, можно сказать, что ежедневные приемы, согласно съ этими обрядами, происходили въ IX—XI вѣкахъ ¹⁾. Болѣе важныя и существенныя черты этихъ приемовъ, безъ сомнѣнія, восходятъ къ гораздо болѣе давнему времени, но какія именно подробности обряда слѣдуетъ относить къ тому или другому времени, сказать, за нѣкоторыми исключеніями, пока трудно, по неимѣнію или недостаточной разработкѣ данныхъ ²⁾. Потому чѣмъ тѣснѣе будетъ періодъ времени, къ которому мы отнесемъ обрядъ съ его подробностями, тѣмъ ближе мы будемъ къ истинѣ.

¹⁾ Если мы возьмемъ эти три вѣка, въ теченіе которыхъ началось и продолжалось господство Македонской династіи, такъ много содѣйствовавшей не только возстановленію величія Византійской имперіи, но возобновившей и развившей чисто византійскую обрядность, то этимъ самымъ мы сдѣлаемъ уже значительную уступку прославленному византійскому консерватизму и застою. Три вѣка—такой періодъ времени, въ который въ самыхъ консервативныхъ государствахъ происходятъ существенныя и важныя перемѣны и который потому можно считать скорѣе слишкомъ большимъ, чѣмъ слишкомъ малымъ для того или другаго придворнаго обычая или обряда, если его взять со всею обстановкою и дѣйствующими лицами.

²⁾ Эти данныя, за неимѣніемъ прямыхъ указаній на время того или другаго обряда, заключаются часто въ указаніяхъ на мѣсто дѣйствія и лица, принимающія участіе въ томъ или другомъ обрядѣ. Такъ, если мы сравнимъ нѣкоторые обряды временъ Юстиніана съ обрядами X-го вѣка, а эти послѣдніе съ обрядами конца Византійской имперіи, то мы увидимъ, что главную роль въ нихъ играютъ разные церемоніальные чины. При Юстиніанѣ первенствующую роль въ торжественныхъ обрядахъ играетъ *magister officiorum*, въ IX в.—*praepositus sacri cubiculi*, а въ концѣ имперіи и та и другая должность являются въ видѣ простаго титула, безъ всякихъ функцій. Такая смѣна должностныхъ лицъ и замѣна однихъ другими происходитъ постоянно, причемъ прежнія должности или превращаются въ чинъ, или вовсе исчезаютъ, а на ихъ мѣсто выступаютъ или прежде подчиненныя имъ должностныя лица, или являются новыя должности. Когда будетъ болѣе или менѣе точно установлена исторія каждаго важнаго чина въ Византійской имперіи, тогда можно будетъ съ большею точностью опредѣлять и время разныхъ деталей того или другаго обряда, а пока приходится довольствоваться болѣе общими и широкими опредѣленіями времени тѣхъ обрядовъ, которые не имѣютъ опредѣленной даты.

Въ IX—XI вв. ежедневные и воскресные приемы происходили обыкновенно въ ближайшей къ покоемъ царей (χοιτῶνες) тронной залѣ, т. е. Хрисотриклинѣ или Золотой Палатѣ. Но относительно царя Теофила извѣстно, что онъ такъ любилъ построенную имъ залу Триконха, что тамъ производилъ ежедневные приемы и рѣшалъ государственные дѣла. Послѣ Теофила, какъ и до него, ежедневные приемы опять стали происходить въ Золотой Палатѣ и потому въ обрядахъ ежедневныхъ и воскресныхъ приемовъ описывается Золотая Палата, а не палата Триконха ¹⁾.

Такъ какъ царскій или Большой Дворецъ въ тѣсномъ смыслѣ былъ обыкновенно запертъ ²⁾ и входы въ него охранялись придворною стражею, то для впуска чиновъ въ обыкновенные дни прежде всего, понятно, слѣдовало открыть входы въ залы, которыя вели къ Хрисотриклину и въ которыхъ до приглашенія къ царю собирались сановники и чиновники, т. е. Лавзіакъ, Юстиніанову Палату и Скилы. Для утренняго приема, который происходилъ въ тѣ же часы, въ какіе патроны принимали кліентовъ, а римскіе императоры своихъ „друзей“ и сановниковъ, входы, ведущіе къ Хрисотриклину отпирались въ 1 часу дня, т. е. 7-мъ утра, прямо послѣ заутрени, которая оканчивалась на разсвѣтѣ, до наступленія дня, въ ночные часы, въ концѣ 6-го часа утра по нашему счету ³⁾.

¹⁾ О Золотой Палатѣ см. Byzantina кн. I, стр. 10 слѣд. Относительно Триконха см. тамъ же, стр. 89 слѣд.; ср. 37 прим. 2, гдѣ приведено извѣстіе о ежедневныхъ приемахъ въ Триконхѣ при Теофилѣ.

²⁾ Кромѣ прямого и точнаго показанія относительно ежедневнаго запиранія и отпиранія дворца, которое находится въ обрядѣ ежедневныхъ приемовъ (Ser. II. 1, 518, 522), кромѣ указаній многихъ другихъ обрядовъ (напр. I, 1, 6; I, 10, 72; I, 15, 96; I, 19, 114 (вечеромъ); I, 22, 125 (ночью); I, 31, 170 (вечеромъ); I, 32, 171; ср. приложение къ I кн. monk Byzantina стр. 148 слѣд.), о ежедневномъ запираніи и отпираніи Большаго Дворца говорятъ по разнымъ случаямъ и другіе писатели. Лютпрандъ, восхваляя Дворецъ, между прочимъ говоритъ: Constantinopolitanum palatium non pulchritudine solum, verum etiam fortitudine omnibus, quas unquam viderim. munitionibus praestat, quod etiam iugi militum stipatione non minima observatur. Moris itaque est hoc post matutinum diliculum mox omnibus patere; post tertiam vero diei horam, emissis omnibus, dato signo, quod est *Mis*, usque ad horam nonam cunctis aditum prohibere (Pertz, Monumenta, V, p. 332—333, Antapod. Lib. V, c. 21).

Какъ мы увидимъ ниже изъ обрядовъ праздничныхъ выходовъ, запирались разныя дворцовыя зданія, а площадки предъ ними и портики были открыты, такъ что чины, въ ожиданіи открытія Священнаго Дворца, собирались тамъ и дожидались открытія тѣхъ частей этого Дворца, въ которомъ чинамъ нужно было собираться для участія въ томъ или другомъ обрядѣ.

³⁾ Дворецъ отпирался *μετὰ τὴν τοῦ ὁρθροῦ ἀπόλυσιν*, послѣ отпуска, по окончаніи утрени, которая по уставу св. Саввы должна кончатся еще до свѣта, ἔτι: *σκατίας ὀσσης*. Du Cange Glossar. Gr. s. v. ὁρθρον.

Имѣло-ли окончаніе утрени съ началомъ приема какую-нибудь причинную связь, или приемъ совершался въ эти именно часы по традиціи, унаслѣдованной отъ римлянъ, сказать не берусь. Но весьма возможно, что, кромѣ традиціи римской языческой, на открытіе дворца именно послѣ окончанія утрени имѣло вліяніе благочестіе христіанскихъ ви-

Отпирание, запираание и охрана дверей, ведущихъ во внутренніе покои царя, лежало на обязанности дворцоваго главнаго ключаря, великаго папіи, съ подчиненными ему очередными недѣльными діэтаріями, при участіи начальника дворцовой внутренней стражи, великаго этеріарха, съ начальниками и очередными недѣльщиками этеріи, которые охраняли ночью покои царя и всю ночь находились въ ближайшихъ къ нимъ внутреннихъ помѣщеніяхъ ¹⁾).

Прежде всего открывалась слоновая дверь, ведшая посредствомъ двухъ витыхъ лѣстницъ къ гладкой двери Лавзіака ²⁾), для впуска помощниковъ (οἱ παρεβδομάριοι) очередныхъ недѣльщиковъ этеріи. Войдя въ слоновую дверь, впущенные для дневной службы въ дворецъ этеріоты поднимались вмѣстѣ съ отпиравшими слоновую дверь по витой лѣстницѣ, потомъ по такой же витой лѣстницѣ (διὰ τοῦ κοιλίου) спускались къ гладкой двери Лавзіака и входили въ Лавзіакъ ³⁾). По открытіи этой служебной двери и впускѣ этеріотовъ, великій этеріархъ и великій папія, бывшіе до сихъ поръ въ обычномъ, домашнемъ одѣяніи, облачались въ служебное верхнее одѣяніе, скарамангій ⁴⁾), и, вмѣстѣ съ недѣльными діэтаріями

зантійскихъ императоровъ и сановниковъ ихъ, если не каждый день, то часто ходившихъ къ утрени, а затѣмъ, по окончаніи пріема, къ литургіи даже и въ обыкновенные дни. Наши благочестивые цари, въ до-петровскій періодъ по крайней мѣрѣ, обыкновенно каждый день ходили къ утрени, а затѣмъ, послѣ пріема бояръ и просителей, шли къ обѣднѣ (Забѣлинъ, Домашній бытъ русскихъ царей, 2-е изд., стр. 315 слѣд.). Что въ праздничные дни также поступали византійскіе цари, не подлежитъ сомнѣнію, но ходили-ли къ утрени и обѣднѣ ежедневно, сказать трудно. Во всякомъ случаѣ утренніе часы пріема, приходившіеся между утренею и обѣднею, позволяли въ большинствѣ случаевъ быть у той и другой службы и благочестивые цари и сановники, вѣроятно, часто, если не каждый день, слушали всѣ три обычныхъ службы: утреню, обѣдню и вечерню, какъ наши цари съ своимъ синклитомъ. Относительно утреннихъ ежедневныхъ выходовъ послѣ утрени, ср. обрядъ 1 августа (II, 8, 549), гдѣ сказано, что μετὰ τὴν τοῦ ὀρθροῦ ἀπόλυσιν παρίσταται ἅπας ὁ βασιλεὺς κληρὸς ψάλλον τὰ συνήθη σταυρώσιμα, καὶ ὅτε κελεύουσιν οἱ δεσπόται, εἰσέρχονται καὶ ἀσπάζονται αὐτὸν καὶ ἀπερχόμενοι καθέζονται ἐπὶ τοῦ Χρυσοτρικλίνου εἰς τὴν συνήθη καὶ καθήμενὴν προέλευσιν т. е. «по окончаніи утрени, присутствуетъ весь царскій клиръ (придворное духовенство) и поетъ обычныя пѣсни св. кресту. Владыки (цари), когда имъ бываетъ угодно, входятъ (въ церковь), прикладываются (ко кресту) и, выйдя, садятся въ Хрисотриклинѣ для обычнаго ежедневнаго пріема».

¹⁾ О папіи, діэтаріяхъ и евдомаріяхъ см. приложение къ Обзору главн. частей Большаго Дворца, Byzantina, кн. I стр. 155—160.

²⁾ О слоновой двери и главной двери Лавзіака см. Обзоръ главн. част. Больш. Дворца, стр. 49.

³⁾ О Лавзіакѣ, Орологіи и Хрисотриклинѣ см. *ibid.* стр. 46 слѣд. и 44 слѣд.

⁴⁾ Слово «скарамангій» (σκαραμάγγιον) принадлежитъ къ числу такихъ, которыя употребляются весьма часто, но значеніе которыхъ остается все-таки очень темнымъ. Оставляя подробное разсмотрѣніе случаевъ употребленія этого слова до другаго раза и не входя въ критику разныхъ мнѣній объ отличительныхъ чертахъ одежды, обозначаемой этимъ словомъ, я здѣсь замѣчу только, что словомъ σκαραμάγγιον, являющимся въ Обрядахъ Константина Багрянороднаго чуть-ли не на каждой страницѣ, обозначается верхняя

пройдя чрезъ Золотую Палату, входили въ портикъ этой палаты, Орологій, и отпирали дверь, ведшую изъ Орологія въ Лавзіакъ.

Съ открытіемъ двери изъ Орологія въ Лавзіакъ, такимъ образомъ можно было изъ вѣнскихъ частей Большаго Дворца дойти чрезъ слоновую дверь до Хрисотриклина и покоевъ царскихъ. Но это былъ служебный, а не парадный ходъ. Парадный ходъ, чрезъ который входили обыкновенно чины, велъ изъ Лавзіака въ Юстиніанову Палату, а изъ нея чрезъ Скилы въ Ипподромъ. Чтобы открыть чиновникамъ и сановникамъ доступъ къ Хрисотриклину чрезъ парадный ходъ, великій папія и этеріархъ, сопровождаемые маглавитами, діетаріями Большаго Дворца и помощниками недѣльных этеріотовъ, отпирали двери, ведшія изъ Лавзіака въ Юстиніанъ, изъ Юстиніана въ Скилы и, наконецъ, двери, ведшія изъ Скилъ въ

служебная одежда, по своему офиціальному значенію занимающая у высшихъ чиновъ средину между домашней и парадной и, слѣдовательно, болѣе или менѣе соответствующая нашему вицмундиру. Такъ какъ сверхъ скарамангія надѣвается плащъ (*σαῦρον*), то можно думать, что скарамангіемъ царя и чиновъ въ X в. называлась верхняя офиціальная одежда, по своему покрою болѣе похожая на тунику, нежели на плащъ или хламиду.

Кромѣ случаевъ употребленія скарамангія, которые мы встрѣтимъ далѣе, въ пользу этого говорятъ и другіе факты. Когда царю предстоялъ *выѣздъ*, онъ обыкновенно облачался въ скарамангіи. Такъ, предъ *выѣздомъ* верхомъ на лошади въ болѣе или менѣе отдаленные городскіе и пригородные храмы, царь всегда облачается въ скарамангіи, а въ храмѣ, по приѣздѣ туда, переодевается въ полную парадную форму: дивитисій (далматика) и хламиду. По окончаніи литургіи, царь обыкновенно снимаетъ дивитисій и хламиду и для ѣзды на лошади облачается опять въ скарамангіи или коловій. Потому и при торжественныхъ въѣздахъ царей въ Константинополь, они иногда ѣхали въ скарамангіяхъ, а недалеко отъ св. Софіи, на форумѣ Константина, облачались въ дивитисій и хламиду и оттуда уже шли пѣшкомъ. (О въѣздахъ царей въ городскіе и загородніе храмы ср. I, 38, 188—191; ср. I, 1, 31; I, 17, 99—101; I, 18, 109; I, 30, 167; II, 13, 557; ср. въѣздъ Никифора Фоки I, 96, 138—139). Принимая во вниманіе, а) что царь во всѣхъ этихъ случаяхъ надѣвалъ на скарамангіи мечъ, который на хламиду или плащъ надѣваться не могъ, б) что вмѣсто скарамангія въ подобныхъ случаяхъ иногда надѣвался коловій (см. ниже, стр. 26), и с) что въ парадномъ облаченіи скарамангію соответствуетъ дивитисій (родъ стихаря), можно, кажется, думать, что скарамангіемъ въ X в. назывался широкій верхній хитонъ или туника. Эта туника надѣвалась на исподнее и домашнее платье и дѣлалась, по всей вѣроятности, не изъ тѣхъ матерій, изъ которыхъ приготовлялось домашнее платье, а изъ особой, болѣе цѣнной, а у царей и высшихъ чиновъ изъ расшитой золотомъ и шелками шелковой или бархатной, какъ и другія одежды для служебныхъ и парадныхъ облаченій.

Кромѣ такого значенія, слово скарамангіи употреблялось для обозначенія верхней одежды, верхняго покрова вообще и даже особой ткани, въ каковомъ смыслѣ это слово объясняется въ Gloss. Дюканжа. Ср. Reiske, Comment. ad Cerim. p. 459, который, посвятивъ вопросу о скарамангіи довольно длинное разсужденіе, не приходитъ однакожъ ни къ какимъ опредѣленнымъ выводамъ и во всякомъ случаѣ неправильно считаетъ за скарамангіи верхнюю одежду трехъ сановниковъ изъ четырехъ, стоящихъ съ двухъ сторонъ Никифора Вотаніата на рисункѣ, изданномъ Монфокономъ въ Bibliotheca Coisliniana. Это не скарамангіи, а безъ всякаго сомнѣнія застегнутыя фибулою хламиды съ нашивками патрикьевъ (*ταβλία*).

Ипподромъ, при чемъ въ Скилахъ, вестибулѣ Юстиніановой Палаты ¹⁾, оставляли въ качествѣ стражи недѣльныхъ этеріотовъ средней этеріи, между тѣмъ какъ очередные недѣльные этеріоты великой этеріи располагались близъ Портняжной (ἐπὶ τοῦ Ῥαφείου). Открывши такимъ образомъ всѣ двери палатъ, ведшихъ отъ Ипподрома къ Золотой Палатѣ, папія и этеріархъ съ діэтаріями возвращались назадъ и этеріархъ располагался въ Лавзіакѣ, возлѣ двери, ведущей въ Поварскую или Кухню (τὸ Μαγειρεῖον), а папія входилъ въ Золотую Палату и клалъ ключи за завѣсу лѣвой западной камары на стоявшую тамъ скамью.

Послѣ этого два діэтарія съ маглавитомъ, взявши, вѣроятно у папіи, ключи отъ Асикритій и двери, ведущей изъ Лавзіака на Идикъ, отправлялись отпирать ведшія туда двери ²⁾, чтобы такимъ образомъ открыть путь къ Хрисотриклину изъ Асикритій и переходовъ Триконха со всѣми тѣми помѣщеніями и ходами, въ которые можно было пройти изъ переходовъ Триконха, т. е. всѣ залы и ходы, лежавшіе на западъ и сѣверо-западъ отъ Хрисотриклина и ведшіе къ каѳисмѣ Ипподрома (чрезъ Дворецъ Дафны) и площади между св. Софіею и Большимъ Дворцомъ, такъ-называемому Августеону [чрезъ Школы и Халку и чрезъ діаватики Господа и Магнавру ³⁾].

Въ то же время очередные недѣльные китониты шли въ Царскую Ризницу ⁴⁾ и, взявши тамъ царскій скарамангій, въ который онъ долженъ

¹⁾ Объ Юстиніановой Палатѣ или просто Юстиніанѣ и Скилахъ, изъ которыхъ вела дверь на Ипподромъ, см. кн. I моихъ *Byzantina*, стр. 54 слѣд. Относительно *Μαγειρεῖον* см. тамъ же, стр. 51 слѣд. Что же касается до Портняжной мастерской (τὸ Ῥαφείον), то положеніе ея опредѣлить трудно. Принимая во вниманіе, что этеріоты великой этеріи, послѣ отпирания Скиль, вмѣстѣ съ этеріархомъ и папіею *возвращаются* и этеріархъ садится въ Лавзіакѣ у дверей въ кухню, можно думать, что они, какъ и начальникъ ихъ, возвращаются въ Лавзіакъ и, слѣд., τὸ Ῥαφείον находился гдѣ нибудь близъ Лавзіака, откуда, быть можетъ, вела туда дверь, какъ и въ кухню.

²⁾ Замѣчательно, что какъ папія отпиралъ двери не одинъ съ своими подчиненными, а съ этеріархомъ и этеріотами, такъ и подчиненный папіи діэтарій отпиралъ двери съ маглавитомъ: отпираніе дверей происходитъ, такимъ образомъ, подъ контролемъ внутренней военной стражи и ея начальниковъ. Ключи отъ Идика діэтарій бралъ, вѣроятно, у папіи, который завѣдывалъ вообще ключами отъ дворцовыхъ дверей, но не всѣ двери отпиралъ самолично.

³⁾ Относительно Идика и ведущаго чрезъ него пути къ діаватикамъ Триконха и далѣе по разнымъ направленіямъ см. мой Обзоръ главн. частей Больш. Дворца, *Byzantina*, кн. I стр. 47 слѣд.

⁴⁾ Хотя храмъ св. Θεοδора, помѣщавшійся въ сѣверо-восточномъ углу Хрисотриклина, съ камарою предъ нимъ, служилъ, какъ мы видѣли (Обзоръ главн. частей Больш. Дворца, стр. 29 слѣд.), ризницею для царскихъ парадныхъ облаченій, но здѣсь, вѣроятно, разумѣется не храмъ св. Θεοδора, а особая царская Ризница (*Βεστιάριον*), въ которой хранились какъ разныя царскія одежды, такъ и много другихъ принадлежностей гардероба, матерій и масса другихъ драгоценныхъ предметовъ. Главная ризница (Βε-

былъ облачиться предъ выходомъ изъ своего покоя въ Золотую Палату, относили этотъ скарамангій въ южную камару Золотой Палаты и клали здѣсь предъ серебряными дверьми, ведущими изъ этой камары въ покой царя на стоявшую здѣсь скамью, чтобы въ концѣ 1-го часа дня (7-го утра) внести его въ покой и облачить въ него царя.

До наступленія этого момента, по открытіи параднаго хода въ собственный Его Величества дворецъ, собирались и входили между тѣмъ сановники и чиновники, желавшіе и имѣвшіе надобность явиться и представиться царю, или могущіе быть вызванными и приглашенными царемъ по какому нибудь дѣлу или вопросу, относящемуся къ ихъ компетенціи, слѣдовательно, весьма значительное количество, если не всѣ болѣе или менѣе значительные и завѣдующіе отдѣльными частями военные и гражданскіе чины, находившіеся въ Константинополѣ ¹⁾.

Предъ входомъ во Дворецъ, до его открытія, сановники и чиновники въ простые и воскресные дни собирались обыкновенно въ Ипподромѣ, если не было особаго распоряженія собираться въ другомъ мѣстѣ для

стіарій) находилась вблизи Хрисотриклина и построена была Василиемъ Македоняниномъ вмѣстѣ съ другими постройками на востокъ отъ Фара, слѣд., вблизи фіалы Венецовъ, передѣланной Василиемъ въ баню, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Константинъ Багрянородный въ біографіи своего дѣда (Theoph. Continuat., de Bas. Maced., p. 336, ed. Bonn). О разнообразіи и количествѣ хранившихся въ этомъ Вестіаріи предметовъ можно составить себѣ нѣкоторое понятіе по дошедшимъ до насъ перечнямъ того, что бралось изъ «собственного царскаго Вестіарія» для царскихъ походовъ (Append. ad libr. I Cerim. p. 466 слѣд.) и для похода на Критъ, бывшаго при Константинѣ Багрянородномъ и сынѣ его Романѣ II (Cer. II, 45, 672). Вестіарій, построенный Василиемъ, вѣроятно, вмѣсто и въ дополненіе къ прежнему и отличавшійся солидностью постройки и крѣпостью, служилъ, очевидно, складомъ не только разныхъ одеждъ и матерій для нихъ, но и весьма разнообразныхъ военныхъ принадлежностей, изъ чего можно заключить, что зданіе было велико и состояло изъ многочисленныхъ отдѣленій, какъ и самое вѣдомство вестіарія (τὸ τέρητον τοῦ βασιλικοῦ βεστιάριου), состоявшее подъ управленіемъ хартуларія вестіарія (ὁ χαρτουλάριος τοῦ βεστιάριου). Одно изъ отдѣленій этого Вестіарія могло служить складомъ царскихъ ежедневныхъ облачений, гардеробною царя, откуда брались всѣ царскія одѣянія и въ походы (ἡ βασιλικὴ πᾶσα ἀμφύλας). Ср. прилож. къ Обзору главн. частей Больш. Дворца, стр. 176.

¹⁾ Повидимому, чины могли не являться на ежедневныя и праздничныя собранія только по болѣзни или другимъ какимъ нибудь уважительнымъ причинамъ, какъ можно заключить изъ нѣкоторыхъ обрядовъ, въ которыхъ даются указанія на то, что присутствіе сановника въ собраніи предполагается само собою. Такъ, при производствѣ помощника димарха (ὁ δευτερεύων) или помощниковъ городского ипарха, димарха и ипарха розыскиваютъ въ Ипподромѣ или Скидахъ для передачи имъ ихъ помощниковъ. Если же они больны (εἰ δὲ σαρβῆ ἀσθενεῖν) и не могутъ явиться въ собраніе, то помощниковъ отсылаютъ къ нимъ на домъ съ очереднымъ подѣльнымъ (ἐξδοράριος) силенціаріемъ (I, 56, 272; I, 57, 273). То же самое указано при производствѣ антиграфея (I, 58, 274—275), причемъ замѣчено, что квестора, которому передавался вновь произведенный антиграфей, предварительно розыскиваютъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ могъ или долженъ былъ быть въ данное время для участія въ собраніи чиновъ или для исполненія своихъ обязанностей.

участія въ какомъ нибудь обрядѣ, имѣющемъ происходить или начинаться не въ Большомъ Дворцѣ. На Ипподромѣ, какъ на обычное мѣсто собранія чиновъ до открытія Дворца, указываетъ, кромѣ случайныхъ упоминаній и намековъ въ разныхъ обрядахъ, начало, къ сожалѣнію, не дошедшаго до насъ вполнѣ обряда, въ которомъ излагается ежедневное собраніе въ Ипподромѣ начальниковъ гвардейскихъ отрядовъ ¹⁾. По этому обряду, если гвардейскіе отряды находились въ Константинополѣ, то начальники четырехъ гвардейскихъ отрядовъ ежедневно собирались рано утромъ въ Ипподромѣ ²⁾, причемъ главный начальникъ (доместикъ) школъ, экскувировъ (экскувить) и иканатовъ (иканать) входили въ Ипподромъ тамъ, гдѣ обыкновенно входили магистры и патрикіи, т. е. высшіе чины имперіи ³⁾, къ которымъ принадлежали и командиры гвардейскихъ отрядовъ по рангу своихъ должностей, хотя бы по чину они были ниже. Войдя въ Ипподромъ, командиры садились на свои мѣста, предварительно поздоровавшись съ друнгаріемъ виглы, который, какъ начальникъ стражи вокругъ дворца, былъ уже въ Ипподромѣ ⁴⁾. Когда главные начальники

¹⁾ Начало этого обряда составляетъ 16-ю главу II кн. Придворнаго Устава Константина Багрянороднаго и, начинаясь на 598 стр., кончается на предпоследней строкѣ 599 стр. Бонскаго изданія, а съ последней строки начинается продолженіе главы 18-й. Пропускъ конца 16-й главы, всей 17-й (Ἀναγόμενοις Ῥωμαῖοι τοῦ Πορφυρογεννήτου οἰοῦ Κωνσταντίνου βασιλέως) и начала 18-й (о празднованіи Врумалій) обозначенъ только четырьмя звѣздочками, что, вѣроятно, и было причиною того, что Лабартъ, упуская изъ виду этотъ пропускъ, соединялъ начало 16-й гл. съ началомъ 18-й, какъ объ этомъ было замѣчено въ Обзорѣ главн. частей Большаго Дворца, стр. 49, прим.

²⁾ Подъ именемъ Ипподрома здѣсь, безъ сомнѣнія, разумѣется не площадь, на которой скакали лошади и бѣгали люди, а одна изъ залъ, назначенная для собранія чиновъ и находившаяся въ какой нибудь постройкѣ, принадлежащей къ Ипподрому, въ родѣ Каеисмы, гдѣ также было нѣсколько залъ (τρίκλινοι).

³⁾ Какъ мѣста въ собраніяхъ, такъ и входы въ разные помѣщенія для разныхъ чиновъ были разные: чины высшіе входили обыкновенно въ среднія большія двери, а чины низшіе—въ боковыя. Потому замѣчанія относительно входа въ тѣ или другія двери мы встрѣтимъ и при изложеніи торжественныхъ шествій царей въ храмъ св. Софіи.

⁴⁾ Четыре гвардейскіе отряда (τάγματα) суть: школы съ доместикомъ школъ во главѣ, экскувиты (начальникъ—доместикъ экскувировъ или просто экскувить), число (ὁ ἀριθμός) съ друнгаріемъ числа (II, 52, 718) или виглы во главѣ и иканаты (начальникъ—доместикъ иканатовъ или просто иканать). Друнгарій виглы или числа былъ въ то же время начальникомъ стражи вокругъ дворца въ мирное время и вокругъ царской палатки во время похода (Append. ad libr. I Cerimon. p. 452, 474, 481—2, 489—90); потому въ мирное время служебнымъ мѣстопребываніемъ его былъ Ипподромъ, гдѣ помѣщался, такъ сказать, штабъ стражи (τάξις αὐτοῦ Cer. II, 18, 605—6) и гдѣ друнгарій виглы, вѣроятно, находился и ночью. Не считая возможнымъ говорить здѣсь обстоятельнѣе о друнгаріи виглы и другихъ военныхъ чинахъ, фигурирующихъ въ излагаемомъ обрядѣ, замѣчу только, что Reiske (Comment. ad Cerim. p. 36), вѣрно считающій друнгарія виглы за саиовника, тожественнаго съ друнгаріемъ числа (τοῦ ἀριθμοῦ), неправильно отождествляетъ τὸν ἀριθμὸν съ ὁ νοῦμερος. Эти два отряда слѣдуетъ отличать: они имѣли особыхъ начальниковъ съ различнымъ составомъ второстепенныхъ начальниковъ, какъ въ этомъ легко убѣдиться изъ довольно частыхъ упоминаній того и другаго почти рядомъ, напр. II, 52,

сидѣли уже на своихъ мѣстахъ, къ друнгарію виглы являлись второстепенные начальники и привѣтствовали его. Прежде всѣхъ являлись, входя боковымъ ходомъ, топотирить (намѣстникъ) школъ съ первыми и вторыми чинами школъ, т. е. съ комитами и доместиками, въ скарамангіяхъ и съ мечами. Войдя, комиты и доместики становились въ одинъ рядъ отъ одной стѣны до другой, а топотирить отдѣльно отъ нихъ, на разстояніи сажени, и, кланяясь друнгарію до колѣнъ, привѣтствовали его, т. е. желали ему добраго дня. Въ отвѣтъ на это друнгарій съ своей стороны привѣтствовалъ ихъ, говоря: „добрый день вамъ, начальники!“ Послѣ этого проксимъ школъ (πρόξιμος или προέξημος) ¹⁾ становился посреди собранія и, получивши знакъ отъ доместика школъ, самъ давалъ рукою знакъ ²⁾ топотириту и другимъ начальникамъ школъ выходить, а тѣ опять кланялись вышеуказаннымъ поклономъ, т. е. до колѣнъ, и выходили.

Вслѣдъ за ними входилъ топотирить эскувитовъ съ скривонами и драконаріями, точно также въ скарамангіяхъ и съ мечами. Ставши и поклонившись такимъ же точно образомъ, какъ чины школъ, чины эскувитовъ привѣтствовали друнгарія виглы, послѣ чего протомандаторъ эскувитовъ становился по срединѣ собранія, бралъ знакъ у эскувита и дѣлалъ знакъ своимъ сослуживцамъ выходить.

„Послѣ эскувитовъ входилъ топотирить числа съ комитами и кентархами“... На этомъ обрывается дошедшее до насъ начало 16 главы. Продолжать ее, къ сожалѣнію, можно немного: безъ всякаго сомнѣнія начальники числа также привѣтствовали своего главнаго начальника, друнгарія виглы или числа и выходили. Послѣдними входили и привѣтствовали иканаты ³⁾.

713, 718—719, гдѣ перечислены подчиненные имъ чины, принадлежащіе къ составу числа и нумеровъ. Незнаніе этихъ перечней Филовея или пренебреженіе къ нимъ Шлumberгера было причиною того, что и онъ повторяетъ ошибку Reiske и считаетъ ἀρχισὶν и νομάρχον за одинъ и тотъ же отрядъ (Sigillographie de l'Empire Byzantin, Paris, 1884, p. 355). Если бы г. Шлumberгеръ проштудировалъ перечни Филовея, то какъ распределение матеріала и классификація чиновъ, такъ и объясненія его имѣли бы болѣе систематическій и научный характеръ.

¹⁾ Комиты, доместики и проксимъ входили въ составъ начальниковъ отряда школъ. Входящіе въ составъ другихъ гвардейскихъ отрядовъ являются дальше. Всѣ они перечисляются въ перечнѣ второстепенныхъ начальниковъ, подчиненныхъ главнымъ начальникамъ (II, 52, 716 слѣд.).

²⁾ Получать знакъ (νεῦμα λαμβάνειν) и давать знакъ (νεῦμα δίδόναι)—выраженія, которыя постоянно встрѣчаются въ обрядахъ. Эти выраженія обозначаютъ, что высшее лицо, царь, препозитъ, начальникъ даетъ низшему (νεῦμα) знакъ киваніемъ головы или движеніемъ руки совершать какое нибудь извѣстное и слѣдующее по порядку дѣйствіе. Низшее лицо, увидавши знакъ, или совершаетъ это дѣйствіе, или само даетъ такой же знакъ другимъ, что пора совершать слѣдующее по порядку извѣстное дѣйствіе.

³⁾ Порядокъ входа начальниковъ 4 гвардейскихъ отрядовъ въ обрядѣ указанъ тотъ самый, въ которомъ при перечняхъ чиновъ занимаютъ начальники этихъ отрядовъ: изъ

Что происходило послѣ привѣтствія начальниковъ всѣхъ четырехъ гвардейскихъ отрядовъ, неизвѣстно; но изъ указаній другихъ обрядовъ видно, что и другіе чины обыкновенно собирались, какъ было уже сказано, въ Ипподромѣ, а оттуда уже шли въ Скилы, Юстиніанъ ¹⁾ и далѣе

нихъ выше всѣхъ былъ и раньше всѣхъ упоминается начальникъ (доместикъ) школъ (въ перечнѣ высшихъ сановниковъ занимаетъ 5-е мѣсто), за нимъ, послѣ нѣкоторыхъ стратиговъ, слѣдуетъ доместикъ экскувитовъ (17-е мѣсто), опять послѣ нѣсколькихъ стратиговъ и нѣкоторыхъ другихъ сановниковъ является друнгарій виглы (36-е мѣсто), за которымъ скоро слѣдуетъ доместикъ иканатовъ (41-е мѣсто). Сег. II, 52, 713. Ср. 715—718, 727—728, 730—731 и слѣд.

¹⁾ Наканунѣ праздника св. Іліи, вечеромъ около 7 часа, весь синклитъ собирается въ Ипподромъ и по открытіи Дворца, синклитъ входитъ чрезъ Скилы, Юстиніанъ, Лавзіакъ и Хрисотриклинъ къ храму пресв. Богородицы Фара (I, 19, 114). Въ недѣлю Ваій всѣ проходятъ во Дворецъ чрезъ Ипподромъ и, по открытіи Дворца, входятъ въ Юстиніанъ (I, 32, 171). Для производства въ патрикіи, весь синклитъ по особой повѣсткѣ препозита, собирается рано съ облаченіями и облачается въ Ипподромъ, а оттуда входитъ въ Юстиніанъ порядкомъ и по обряду воскресныхъ собраній (объ этомъ обрядѣ будетъ рѣчь ниже). Изъ Юстиніана чины проходятъ въ Лавзіакъ и въ Орологій, приготовляются для ввода въ Хрисотриклинъ по рангамъ (βῆλα). Сег. I, 47, 236. Въ воскресенье Крестопоклонной недѣли Великаго Поста собираются ночью во Дворецъ и поклоняются св. кресту въ храмѣ пресв. Богородицы Фара, «послѣ чего выходятъ изъ Дворца и сидятъ въ Ипподромѣ». Когда наступитъ время входить во Дворецъ, они входятъ въ большой триклинъ собраній, т. е. въ Юстиніанъ, тѣмъ порядкомъ, какой соблюдается при входахъ въ простые дни. Сег. I, 29, 161. Собираясь въ Ипподромъ и находясь тамъ до входа во Дворецъ, чины въ нѣкоторые праздники, когда царь слушалъ литургію въ дворцовой церкви, слушали литургію въ храмѣ св. Стефана, находившемся въ Ипподромѣ, если царь не приглашалъ всѣхъ или только нѣкоторыхъ, высшихъ сановниковъ слушать литургію вмѣстѣ съ нимъ (Сег. I, 35, 183). Ипподромъ такимъ образомъ является постояннымъ мѣстомъ собранія чиновъ до входа ихъ во Дворецъ, утромъ и вечеромъ, влѣдствіе чего въ обрядахъ обыкновенно не упоминается, какъ фактъ общеизвѣстный, обыденный, о собраніи чиновъ въ Ипподромѣ, а указывается прямо мѣсто собранія ихъ во Дворцѣ для участія въ той или другой церемоніи. Такъ, напр., I, 11, 86; I, 12, 89; I, 14, 91; I, 15, 97; I, 16, 97, говорится прямо, что εἰσέρχεται ἡ προέλευσις ἐν τῷ Ἰουστινιανῷ и т. п., безъ упоминаній объ Ипподромѣ. Но эти обычныя собранія въ Ипподромѣ не исключали, повидимому, возможности собраній въ извѣстныхъ случаяхъ, по особымъ повѣсткамъ, прямо во Дворцѣ (только не въ священномъ жилищѣ царя, не въ Большомъ Дворцѣ въ тѣсномъ смыслѣ), вблизи мѣстъ, гдѣ должна совершаться или по крайней мѣрѣ начинаться какая нибудь церемонія или процессія. Такъ, для производства кого нибудь въ чинъ магистра, синклитъ, по особой повѣсткѣ, собирается и облачается въ Макронъ кандидатовъ, а патрикіи въ Индахъ (I, 46, 234), близъ Консistorіи, гдѣ происходило обыкновенно производство въ магистра. Предъ бракосочетаніемъ и коронаціею царицы синклитъ облачался въ Консistorіи (I, 41, 207). Въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли чины собираются въ Апсидѣ (I, 10, 71), въ Преполовенье предъ храмомъ Господа (I, 17, 98). Въ Крестовоздвиженіе собираются въ Спаеарикіи въ 9 или 10 часу ночи. Въ Рождество и Крещеніе собираются въ Апсидѣ (I, 23, 128; I, 26, 143). Если царь предполагаетъ куда нибудь поѣхать, то чины собираются въ той части Дворца, изъ которой царь выйдетъ для отъѣзда въ ту или другую часть города (II, 13, 557). Хотя и въ этихъ случаяхъ чины могли собираться предварительно въ Ипподромѣ, но утверждать этого навѣрно нельзя, тѣмъ болѣе, что въ виду спеціальныхъ церемоній ежедневныя собранія иногда отмѣнялись, собственный Дворецъ не отпирался и чинамъ предписывалось собираться вблизи мѣста церемоніи (II, 15, 566). Такъ бывало во дни торжественныхъ аудіенцій посламъ или иноземнымъ правителямъ. Такъ какъ внѣшнія части Дворца, кромѣ собственнаго богохранимаго жилища царя

въ Лавзіакъ и Орологій или Трипестонъ, хотя и не всѣ, при чемъ саповники, самые высшіе по крайней мѣрѣ, встрѣчались въ разныхъ залахъ особыми церемоніальными чинами. Такъ, президентъ всего синклита (*πρόεδρος*) въ простые дни (*ἐν ταῖς κοιναῖς ἡμέραις*), слѣдовательно, обыкновенно и (за исключеніемъ пѣкоторыхъ дней, когда проедру пужно было, какъ и другимъ чинамъ, фигурировать въ какой нибудь особой церемоніи во Дворцѣ или внѣ его) ежедневно приходилъ въ Ипподромъ и облачался тамъ для ежедневнаго собранія въ скарамангій въ храмъ св. Стефана. Когда проедръ шелъ туда, его сопровождалъ подчиненный друнгарию виглы аколутъ, а при входѣ встрѣчалъ и привѣтствовалъ друнгарій виглы, собравшіеся уже въ Ипподромѣ магистры, судьи и, вѣроятно, другіе чины. Проедръ, въ свою очередь, отвѣчалъ имъ привѣтствіемъ, подобно друнгарию въ вышеизложенномъ обрядѣ привѣтствія начальниковъ гвардейскихъ отрядовъ. Изъ Ипподрома проедръ шелъ чрезъ Скилы въ Юстиніановъ триклинъ, при самомъ входѣ въ который его встрѣчали, кланялись и привѣтствовали спленціарій и адмиссіоналій, а потомъ чины кувуклія. Когда проедръ доходилъ до середины Юстиніанова триклина, его встрѣчали и привѣтствовали протоспаѳаріи, спаѳаріи, кандидаты и прочіе находившіеся здѣсь чины. Проедръ, выслушавъ ихъ привѣтствія, отвѣчалъ имъ тѣмъ же и шелъ въ Лавзіакъ, гдѣ его встрѣчалъ препозитъ, этеріархъ и другіе высшіе чины синклита, сидѣвшіе въ Лавзіакѣ. Принявъ отъ нихъ привѣтствіе и отвѣтивъ имъ тѣмъ же, проедръ садился въ Лавзіакѣ на скамьѣ, назначенной для высшихъ сановниковъ, и притомъ выше магистровъ и препозитовъ.

Изъ этого интереснаго обряда, помѣщеннаго въ самомъ концѣ I книги Придворнаго Устава ¹⁾ Константина Багрянороднаго, видно: а) что проедръ, какъ одинъ изъ самыхъ высшихъ сановниковъ, приходилъ въ собраніе, когда уже другіе сановники были тамъ; б) что входъ въ парадныя пріемныя залы, по крайней мѣрѣ высшихъ чиновъ, сопровождался церемоніальными встрѣчами и привѣтствіями, строго сообразованными съ чи-

съ прилегающими къ нему залами, не запирались папіею, то въ нихъ могли проходить чины безпрепятственно и сибираться до открытія папіею входовъ въ Большой Дворецъ въ тѣсномъ смыслѣ.

¹⁾ Ser. I, 97, 440 Bonn. Обрядъ этотъ принадлежитъ къ числу позднихъ прибавокъ къ I-й книгѣ, во всякомъ случаѣ не ранѣе царствованія царя Никифора Фоки, который, по свидѣтельству Зонары, въ первый разъ далъ этотъ чинъ, не существовавшій прежде, паракимомену Василию. *Ὁ Τζιμισκῆς τῆς βασιλείας γενόμενος ἐγκρατὴς... τὸν παρακοιμώμενον Βασίλειον, ὃν ὁ Φωκῆς τετίμηκε πρόεδρον, μίῃω πρῶτην ὄντος τοῦ ἀξιωματός, προσλαβόμενος ὡς ἐντριβῇ περὶ τὴν τῶν κοινῶν πραγμάτων διοίκησιν, αὐτῷ τὴν πᾶσαν οἰκονομίαν ἀνέθετο.* Zonarae, Epit. Hist. lib. XVII, c. 1, ed. Dindorf, IV, p. 91. Такъ какъ производство въ проедры впервые совершилось при Никифорѣ Фокѣ, то обрядъ производства въ этотъ чинъ слѣдуетъ за обрядомъ вѣзда въ столицу и коронаціи Никифора Фоки.

номъ и рангомъ должности; с) что въ Юстиніанѣ и Лавзіакѣ для всѣхъ чиновъ, собиравшихся тамъ, были особыя мѣста, для каждаго класса чиновъ свои скамьи, на которыхъ они сидѣли, дожидаясь впуска или приглашенія въ Хрисотриклинъ ¹⁾; d) судя по обряду входа проедра, можно думать, что во время ежедневныхъ собраній въ Лавзіакѣ собирались и сидѣли обыкновенно высшіе чины и по своимъ служебнымъ функціямъ стоявшіе ближе къ царю, какъ чины придворные и такъ называемые „царскіе“ (οἱ βασιλικοί) разныхъ степеней; но указать точно, какіе именно чины гдѣ находились, пока трудно, тѣмъ болѣе, что и въ Юстиніанѣ, и въ Лавзіакѣ мы нерѣдко встрѣчаемъ всѣхъ чиновъ ²⁾, а съ другой стороны нѣкоторые даже высшіе чины, какъ друнгарій, нѣкоторые магистры и судьи, во время ежедневныхъ собраній находились не въ Юстиніанѣ и Лавзіакѣ, а въ Ипподромѣ, Θερμαστρѣ, Скилахъ и другихъ мѣстахъ, частью во Дворцѣ, частью около него, такъ что въ случаѣ надобности ихъ можно было скоро найти и сообщить о какомъ нибудь распоряженіи ³⁾. Зато нѣкоторые бли-

¹⁾ Такъ, кромѣ этеріарха, который, какъ мы видѣли раньше, сидѣлъ у двери, ведущей изъ Лавзіака въ кухню, имѣлъ свое определенное мѣсто въ Лавзіакѣ куропалата, за-сѣдавшій у двери изъ Юстиніана въ Лавзіакъ на особой скамьѣ (I, 61, 289). Ректоръ во время собраній въ Лавзіакѣ сидитъ вмѣстѣ съ препозитами и садится съ ними здѣсь прямо послѣ производства ἐν τῇ ἰδίᾳ αὐτοῦ τάξει, т. е. и съ препозитами не гдѣ нибудь, а на своемъ собственномъ мѣстѣ (II, 4, 530). Другіе чины, безъ сомнѣнія, имѣли также свои мѣста въ Лавзіакѣ. Маглавиты, напр., имѣли тамъ свою скамью (II, 1, 520). Въ Юстиніанѣ, когда тамъ происходили собранія всѣхъ или нѣкоторыхъ чиновъ, они размѣщались по особымъ скамьямъ (II, 2, 524; ср. II, 15, 584, 586), какъ можно заключить изъ того, что ипаты имѣли тамъ особыя скамьи, на которыхъ дожидались димархи выхода препозита въ день приѣма въ фіалѣ Триконха (I, 66, 296). Нѣкоторые, впрочемъ, стояли, не имѣя особыхъ скамей (II, 2, 525).

²⁾ Напр., вновь произведеннаго кувикулярія выводили въ Лавзіакъ, гдѣ его всѣ чины (πάντες οἱ τῆς συγκλήτου) поздравляли и цѣловали, а особенно кувикуляріи (II, 25, 625). Вновь произведеннаго domestica или стратига логоуетъ выводилъ изъ Золотой Палаты въ Триптонъ и передавалъ препозитамъ; первый препозитъ велъ его въ Лавзіакъ и представлялъ всѣмъ, послѣ чего церемоніарій велъ его въ Ипподромъ и тамъ объявлялъ о производствѣ (II, 3, 527). Въ Лавзіакѣ же привѣтствовалъ синклитъ вновь произведеннаго ректора (II, 4, 530). Въ Великую Субботу въ Лавзіакѣ дается μεταστάσιμον, т. е. чины приглашаются перейти въ другое мѣсто, въ данномъ случаѣ въ Апсиду (I, 35, 180). Всѣ подобные случаи не опровергають еще однакожъ общаго предположенія о ежедневныхъ собраніяхъ чиновъ въ Лавзіакѣ однихъ, въ Юстиніанѣ другихъ, такъ какъ для вышеуказанныхъ дѣйствій *всѣ* чины могли собраться въ Лавзіакѣ, т. е. низшіе чины могли перейти въ Лавзіакъ. Точно также, когда бывало собраніе всѣхъ чиновъ въ Юстиніанѣ, то высшіе чины могли для составленія полнаго собранія или возвратиться туда изъ Лавзіака или вовсе туда не входить, оставаясь въ Юстиніанѣ, какъ это было въ воскресные дни, послѣ обѣдни, когда чины приглашались только въ Юстиніанъ для приглашенія къ царскому столу. Сер. II, 2, 524. То же самое бывало въ Крестопоклонное Воскресенье. I. 29, 161. Подобные случаи, какъ спеціальные, опять-таки не нарушаютъ общаго правила.

³⁾ Такъ, вновь произведенный квесторъ отводился препозитомъ въ Скилы и Θερмастру и тамъ представлялся антиграфеемъ и канцеляріямъ квестуры (I, 54, 269). Точно также вновь произведеннаго антиграфея передають квестору въ Скилахъ, а если его тамъ

жайшіе къ царю сановники, какъ, напримѣръ, препозиторы, во время пріемовъ находились въ Орологіи, или Трипетонѣ, т. е. портикѣ Хрисотриклина, слѣдовательно, предъ самымъ входомъ въ пріемную залу, и могли быть немедленно приглашены къ царю ¹⁾).

Когда такимъ образомъ военные и гражданскіе чины синклита занимали свои мѣста въ разныхъ залахъ Большаго Дворца и въ прилегающихъ къ нему помѣщеніяхъ, и первый часъ дня (=7-й утра) приходилъ къ концу, къ серебрянымъ дверямъ, ведущимъ изъ южной камары Хрисотриклина въ покой (κοῖτὼν) царя, подходилъ примикирій діетаріевъ и трижды ударялъ въ серебряную дверь. Дверь, по приказанію царя, тотчасъ открывалась и китониты вносили скарамангій, раньше положенный предъ этими дверьми на скамьѣ, въ царскій покой, гдѣ находился царь. Царь облачался въ этотъ скарамангій и выходилъ чрезъ южную камару въ Хрисотриклинь. Войдя въ залу, царь направлялся къ восточной конхѣ и, войдя въ нее, становился предъ иконою Христа Спасителя, Господа и Бога нашего, находившеюся въ восточной конхѣ, чтобы помолиться и показать свое рабское благоговѣніе предъ Господомъ Богомъ ²⁾).

Помолившись предъ иконою, царь садился на золоченое кресло, стоявшее въ восточной конхѣ направо отъ занимавшаго центральное положеніе трона и, обращаясь къ папіи, который съ своимъ помощникомъ уже стоялъ противъ царя у правой западной завѣсы возлѣ раздвижной завѣсы, царь говорилъ: „логооета!“ ³⁾. Папія тотчасъ выходилъ въ Лав-

не было, то за нимъ посылали и передавали антиграфію въ Θερμαστρѣ, быть можетъ потому, что Скилы уже бывали заперты, когда розыскивали квестора (I, 59, 274). При производствѣ симпоновъ и логооета, подчиненныхъ ипарха, препозитъ посылаетъ дежурнаго силенціарія въ собраніе въ Ипподромѣ (ἐν τῇ προελεύσει τοῦ Ἰπποδρόμου) узнать, тамъ-ли находится ипархъ. Если онъ оказывается тамъ, то препозитъ отводитъ симпона и логооета въ Скилы и передаетъ тамъ ипарху, который, слѣдовательно, приходитъ изъ Ипподрома, гдѣ онъ засѣдалъ во время собранія, въ Скилы. Если ипарха въ Ипподромѣ не оказывалось, то его отыскивали чрезъ курьера (ὁ διατρέχων) и симпона передавали въ Θερμαστρѣ (I, 57, 273). Какъ ипархъ, такъ и друнгарій виглы засѣдалъ, повидимому, обыкновенно въ Ипподромѣ, φυλάττων τὴν ἐαυτοῦ τάξιν (II, 18, 605). Тамъ же сидятъ нѣкоторые магистры и судьи (I, 97, 442).

¹⁾ Вновь произведеннаго domestica или стратига логооетъ передавалъ препозиторамъ въ Трипетонѣ, гдѣ во время пріема они, слѣдовательно, всѣ сидѣли (II, 3, 527).

²⁾ Объ иконѣ Спасителя, восточной конхѣ и южной камарѣ Хрисотриклина см. Обзоръ главн. частей Большаго Дворца, стр. 13 слѣд.

³⁾ Не считая уместнымъ излагать здѣсь всѣ собранныя мною данныя о логооетахъ вообще и томъ логооетѣ, который вызывался ежедневно царемъ, я замѣчу только, что здѣсь разумѣется, безъ сомнѣнія, логооетъ дрома, начальникъ государственныхъ почтъ (cursus publicus, δρόμος δημόσιος, δῆμος), а не начальникъ Ипподрома, какъ думаетъ Краузе. Завѣдуя и управляя государственными почтами, логооетъ дрома первый получалъ всѣ свѣдѣнія о состояніи провинцій, о происходившихъ въ нихъ замѣчательныхъ событіяхъ, приготовленіяхъ или нашествіи непріятелей, дѣйствіяхъ стратиговъ, вѣздѣ и выѣздѣ пословъ иностранныхъ и своихъ и т. п., такъ что логооетъ былъ не только завѣдующимъ

зіакъ, приказывалъ адмиссіоналію сходить въ Асикритіи и привести логоѳета, а самъ садился въ Лавзіакѣ на скамью, назначенную для маглавитовъ, и дожидался возвращенія адмиссіоналія съ логоѳетомъ.

Адмиссіоналій скоро приводилъ логоѳета, идя впереди его, и передавалъ папіи, который, вставъ со скамьи маглавитовъ, велъ логоѳета, предшествуя ему, изъ Лавзіака чрезъ Трипетонъ въ Хрисотриклинъ. Какъ только логоѳетъ, войдя въ западныя двери, становился подъ завѣсу, за которой была зала и далѣе восточная конха, въ которой сидѣлъ царь, логоѳетъ падалъ ницъ, покланяясь царю, затѣмъ вставалъ и подходилъ къ царю для доклада о важнѣйшихъ событіяхъ въ имперіи, получалъ приказанія и уходилъ исполнять ихъ.

Къ прочимъ исконнымъ обязанностямъ логоѳета дрома, одного изъ важнѣйшихъ и ближайшихъ къ царю сановниковъ, позднѣе присоединилась еще одна, которая прежде, какъ видно изъ сравнительно раннихъ обрядовъ Придворнаго Устава, обыкновенно исполнялась спеціальными церемоніальными чинами: препозитами, церемоніаріями и т. п. ¹⁾. Это—вводъ къ царю лицъ, которыя во время того или другаго ежедневнаго пріема должны были получить назначеніе на какую нибудь высшую должность. Если царь желалъ кого нибудь назначить domestикомъ, стратигомъ

почтами, но министромъ иностранныхъ и частію внутреннихъ дѣлъ. Нѣтъ потому ничего удивительнаго въ томъ, что логоѳетъ ежедневно вызывался для доклада и совѣщанія къ царю о событіяхъ и распоряженіяхъ по внутреннимъ и внѣшнимъ дѣламъ, а вслѣдствіе такихъ постоянныхъ совѣщаній съ царемъ, логоѳетъ дрома естественно сдѣлался однимъ изъ ближайшихъ къ царю сановниковъ и однимъ изъ важнѣйшихъ по своему значенію, такъ что византійцы сравнивали логоѳета дрома съ западно-европейскими канцлерами, называя его οἰκείος καγκελλάριος, тѣмъ болѣе, что логоѳетъ скрѣплялъ своею подписью царскіе указы и буллы (Du Cange, Gloss. Gr. s. v. λογοθέτης). Завѣдуя иностранными дѣлами, логоѳетъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ при сношеніяхъ съ послами и пріемахъ какъ пословъ, такъ и знатныхъ иностранцевъ вообще: онъ ихъ вводилъ въ тронную залу, дѣлалъ обычные вопросы, приглашалъ и указывалъ, когда и какъ нужно кланяться, и затѣмъ выводилъ пословъ (Ser. II, 15, 567—9; ср. I, 24, 138; II, 47, 680 слѣд.). Логоѳетъ дрома вводилъ къ царю Константину при торжественномъ пріемѣ и нашу княгиню св. Ольгу и предлагалъ обычные вопросы; но когда княгиня представлялась царю, то ее вводилъ уже не логоѳетъ, а препозитъ (II, 15, 595—596).

¹⁾ По обрядамъ I книги Придворнаго Устава, не только при производствѣ въ чины, но и при назначеніи кого нибудь на должность, производимаго или назначаемаго вводитъ не логоѳетъ, а препозитъ (I, 45, 229; I, 46, 232 и 235; I, 47, 237; I, 48, 248; I, 50, 257; I, 51, 261; I, 52, 263; I, 54, 268; I, 55, 269; I, 56, 272; I, 57, 273; I, 58, 273) съ церемоніаріемъ, силенціаріями и остіаріями. Въ обрядѣ производства въ чины domestиковъ и другихъ оффиціаліевъ, помѣщенномъ во II книгѣ (гл. 3) и изложенномъ у меня въ текстѣ, вводитъ *назначаемыхъ* логоѳетъ; только относительно ипарха въ концѣ обряда замѣчено, что его вводитъ не логоѳетъ, а препозитъ, какъ въ обрядѣ производства въ ипархи, находящемся въ I книгѣ (гл. 52, стр. 263). Такимъ образомъ очевидно, что во время составленія обряда II книги логоѳетъ исполнялъ часть функцій препозита, который въ X в. вообще началъ уже терять свое прежнее значеніе, благодаря возвышенію и постоянной близости къ царю парадинастевонтовъ.

или главноуправляющимъ какой нибудь гражданской части, то приказывалъ логооету, послѣ доклада и совѣщанія по текущимъ государственнымъ дѣламъ, привести то лицо, которое рѣшено было назначить. Логооеть приводилъ назначаемаго, который, послѣ обычнаго поклоненія, предшествуемый логооетомъ, подходилъ къ царю, выслушивалъ приличное получаемой должности наставленіе и получалъ назначеніе, которое царь выражалъ слѣдующими словами: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа производить тебя мое отъ Бога царство въ доместика богохранимыхъ школъ“ ¹⁾, если производилъ кого нибудь въ доместика или друнгарія. Если же кто нибудь производился въ стратиги или начальники гражданской части, то царь говорилъ: „во имя Господа“ и пр. Послѣ обычнаго поклоненія и цѣлованія ногъ большому царю и малымъ, если таковые были ²⁾, вновь назначенный сановникъ выводился логооетомъ въ Орологій, т. е. портикъ Хрисотриклина, и передавался препозитами, причемъ логооеть говорилъ: „наши святые цари, Богомъ руководимые, произвели сего въ доместика школъ“. Препозиты славословили царя, а первый изъ нихъ отводилъ назначеннаго въ Лавзіакъ, гдѣ объявлялъ собравшимся тамъ чинамъ о производствѣ тѣми же словами, какъ логооеть. Всѣ чины славословили царя за милость и поздравляли назначеннаго, котораго потомъ церемоніарій отводилъ въ Ипподромъ или мѣсто его управленія и при этомъ объявлялъ о производствѣ, какъ и логооеть (II, 3, 525—527) ³⁾.

Логооеть между тѣмъ или возвращался въ свои Асикритіи или, если нужно было, шелъ опять въ Хрисотриклинь къ царю, но ни на этотъ разъ, ни предъ этимъ, когда вводилъ кого нибудь для назначенія на высшую должность, царю, при входѣ въ Хрисотриклинь, не поклонялся,

¹⁾ Сер. II, 3, 526: ἐπὶ ὀνόματι τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ καὶ τοῦ Ἁγίου Πνεύματος προβάλλεται σε ἡ ἐκ Θεοῦ βασιλεία μου δομέστικον τῶν θεοφυλάκτων σχολῶν.

²⁾ Въ обрядѣ сказано: φιλεῖ τὰς πόδας τοῦ μεγάλου βασιλέως καὶ εἴθ' οὕτως τοῦ μικροῦ. Обрядъ, слѣдовательно, написанъ тогда, когда былъ одинъ малый царь. Весьма вѣроятно, что здѣсь подъ именемъ большаго царя разумѣется самъ Константинъ Багрянородный, а подъ именемъ малаго—сынъ его Романъ II, который рано былъ коронованъ отцомъ. Потому обрядъ, составляющій 3-ю главу II книги, можно относить ко времени царствованія Константина и сына его Романа.

³⁾ Предполагая обряды чинопроизводства и назначенія на должности сдѣлать предметомъ особаго трактата, я ограничиваюсь въ изложеніи обряда назначенія официаліевъ самыми существенными чертами, такъ какъ въ данномъ случаѣ для насъ важны не детали обряда, а совершеніе такого обряда въ простой день, показывающее, что могло происходить во время ежедневныхъ собраній и выходовъ царя. А что такой или подобный обрядъ могъ происходить въ простой день, это видно ясно изъ замѣчанія въ началѣ обряда, что логооеть вводитъ назначаемаго въ скарамангій, въ которомъ, какъ мы уже видѣли и увидимъ еще, чины являлись въ ежедневныя собранія, и что въ парадномъ облаченіи входилъ къ царю назначаемый только въ томъ случаѣ, если день былъ праздничный, когда всѣ являлись въ парадныхъ облаченіяхъ (εἰ δὲ ἐστὶν ἡμέρα ἀλλαξίμων).

такъ какъ правила этикета требовали только однократнаго поклоненія въ теченіе собранія и приема. Потому, „если логофета или какого нибудь другаго сановника или чиновника царь пожелалъ видѣть, то только при входѣ къ царю въ первый разъ онъ падаетъ ницъ и поклоняется ¹⁾. Если же онъ будетъ отпущенъ и выйдетъ, но царь снова пожелаетъ видѣть, то при вторичномъ входѣ вновь приглашенный уже не поклоняется царю“ (Cer. II, 1, 520) ²⁾.

¹⁾ Всякій, при входѣ къ царю или при появленіи самого царя, поклонялся царю, падая ницъ на землю, или, какъ говорится у насъ, кланялся въ землю, дѣлалъ земной поклонъ, что называлось *πίπτειν ἐπ' ἑδάφος καὶ προσκυβεῖν*, а самое поклоненіе *προσκύνησις*, *adoratio*, т. е. поклоненіе, какъ божеству или какъ раба своему господину. Reiske (Comm. ad Cer. p. 25), который справедливо видитъ въ ежедневныхъ приемахъ и выходахъ византійскихъ царей продолженіе и видоизмѣненіе древнихъ римскихъ приемовъ у императора и знатныхъ патроновъ, замѣчаетъ: *veterum imperatorum maior potestas, minus invidiosus et remissior erat cultus*, между тѣмъ какъ у византійцевъ *salutationes procerum non iam velut amicorum paullo inferiorum, sed ut cultus a servis debitus et rigide exactus*. Совершенно вѣрно, что въ византійскую эпоху обрядъ поклоненія соблюдался строго, и при дальнѣйшемъ изложеніи обрядовъ мы постоянно будемъ встрѣчать это паданіе на землю при выходѣ царя къ чинамъ или при входѣ чиновъ къ царю, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что этотъ способъ привѣтствованія царя былъ установленъ въ византійскую эпоху византійскими царями. Нѣтъ, въ этомъ случаѣ, какъ и въ массѣ другихъ, мы имѣемъ дѣло только съ продолженіемъ и закрѣпленіемъ римскихъ традицій и обычаевъ. Уже въ первые вѣка Римской Имперіи частію подъ вліяніемъ обоготворенія императоровъ, частію подъ вліяніемъ восточныхъ обычаевъ, упоминаются случаи адораціи императоровъ. Со временемъ этотъ обычай, не смотря на неоднократную его отмѣну болѣе скромными императорами, все болѣе и болѣе укрѣпляется и укореняется, такъ что въ законодательныхъ актахъ IV и V вв. *adoratio*, какъ мы уже видѣли, является обыкновенною формою привѣтствія императоровъ и замѣняетъ *salutatio*. Паданіе ницъ, цѣлованіе рукъ, ногъ, одежды (*purpuram adorare*) было уже въ большемъ ходу давно; его требовали не только римскіе императоры, но и нѣкоторые патроны при приемѣ своихъ кліентовъ. Потому обычай адораціи несправедливо было бы приписывать не только византійскимъ императорамъ VII—X вв., но и даже Юстиніану, которому Прокопій въ своемъ памфлетѣ приписываетъ введеніе этого обычая при Константинопольскомъ Дворѣ (Anecd. с. 30, p. 164 Bonn.) для всѣхъ, не исключая даже самыхъ высшихъ чиновъ. (Это мѣсто приведено въ слѣд. примѣч.).

Да и римскихъ императоровъ едва-ли можно винить въ утвержденіи обычая поклоненія: въ этомъ скорѣе виноваты время и сами поклонявшіеся. Если нѣкоторымъ императорамъ первыхъ вѣковъ приходилось запрещать адорацію, то, безъ сомнѣнія, потому, что много было охотниковъ такъ поклоняться и такимъ императорамъ, которые этого вовсе не желали.

²⁾ *Προσκύνησις*, какъ и *adoratio*, означаетъ собственно поклоненіе божеству или, точнѣе говоря, его изображенію, посредствомъ цѣлованія (ср. *κυβεῖν* цѣловать) изображенія или посыланія ему поцѣлуя рукой (воздушный поцѣлуй); но такъ какъ изображенія цѣловали или къ нимъ прикладывались большею частію въ колѣнопреклоненномъ положеніи, послѣ поклоненія имъ въ землю, то *προσκύνησις*, какъ и глаголъ *προσκυβεῖν* сталъ означать паденіе предъ кѣмъ нибудь на колѣна, ницъ, земной поклонъ и поклонъ, поклоненіе вообще, соединенное съ поцѣлуемъ или безъ него. Любопытно, что даже христіане, по свидѣтельству Іоанна Златоустаго (Homil. 30, in epistol. 2 ad Corinthios) замѣняли прикладываніе прикосновеніемъ пальцами руки къ поклоняемому предмету и цѣлованіемъ этихъ пальцевъ (ἢ οὐχ ὁράτε, ὅσοι καὶ τὰ πρόθυρα τοῦ ναοῦ τούτου φιλοῦσιν, οἱ μὲν κύψαντες, οἱ δὲ τῇ χειρὶ κατέχοντες, καὶ τῷ στόματι τὴν χεῖρα προσάγοντες). Цитата Reiske Comment.,

Какъ завѣдующій приѣмомъ пословъ и вводившій ихъ при торжественныхъ аудіенціяхъ, логоетъ дрома участвовалъ, безъ сомнѣнія, и при простыхъ, дѣловыхъ приѣмахъ пословъ во время ежедневныхъ выходовъ царя, который въ такихъ случаяхъ садился на кресло, обитое пурпурнаго цвѣта шелкомъ или бархатомъ (σελλίον βλαττόστροφον), палѣво отъ трона,

р. 107. Въ византійскій періодъ въ придворномъ ритуалѣ выработались и употреблялись три главныя формы (σχήματα προσκυνήσεως) поклоненія или поклона, которыя мы уже встрѣчали: до колѣнъ (μέχρι τῶν γονάτων ποιεῖν τὸ σέβας τῆς προσκυνήσεως), въ землю безъ цѣлованія, въ землю съ цѣлованіемъ (ногъ, колѣнъ, рукъ, груди, устъ). Поклонъ до колѣнъ и поклонъ въ землю опредѣлялся частию лицомъ, кому кланяются, частию днемъ, въ который кланяются. Какъ при дворѣ, такъ и въ храмѣ, въ воскресные дни не кланялись въ землю (διὰ τὴν ἀνάστασιν, благодаря воскресенью I, 9, 66; I, 29, 161; I, 91, 414; ср. I, 48, 245 и I, 32, 172). Поклоненіе въ землю при царскихъ приѣмахъ картинно описываетъ Прокопій въ вышеуказанномъ мѣстѣ: πάλαι μὲν ἡ σύγκλητος βουλὴ παρὰ βασιλεὺς ἰούσα τρόπῳ τοιούτῳ προσκυνεῖν ἠβούλοντο. πατρίκιος μὲν τις ἀνὴρ παρὰ μαζὸν αὐτοῦ προσεκύνηε τὸν δεξιόν. βασιλεὺς δὲ αὐτοῦ κατακλίσας τὴν κεφαλὴν ἐξήκει, οἱ δὲ λοιποὶ ἅπαντες γόνα κλίναντες τὸ δεξιὸν ἀπηλλάσσοντο. βασιλῖδα μὲντοι προσκυνεῖν οὐδαμῇ εἴθιστο. παρὰ δὲ Ἰουστινιανόν τε καὶ Θεοδώραν τὰς εἰσόδους ποιοῦμενοι οἷτε ἄλλοι ἅπαντες καὶ ὅσοι τὸ πατρίκιον ἀξίωμα εἶχον ἐπιπτον μὲν εἰς τὸ ἔδαφος, εὐθὺς ἐπὶ στόμα, χειρῶν τε καὶ ποδῶν εἰς ἄραν τεταυσμένων, καὶ τῷ χεῖλει ποδὸς ἐκατέρου ἀψάμενοι ἐξανίσταντο. т. е. «въ прежнія времена чины синклита, являясь къ царю, поклонялись такимъ образомъ: имѣющій чинъ патрикія цѣловалъ царя въ правую сторону груди, а царь цѣловалъ его въ голову и уходилъ, всѣ же прочіе чины преклоняли предъ царемъ правое колѣно и уходили. Поклоняться царицѣ вовсе не было принято. Представлявшіеся же Юстиніану и Θεодорѣ, напротивъ, какъ всѣ прочіе, такъ и имѣвшіе чинъ патрикія, падали наземъ, прямо на лицо, совершенно распростирая при этомъ руки и ноги, и, поцѣловавши въ ногу того и другую, поднимались». По Придворному Уставу Константина Багрянороднаго цѣлованіе ногъ при поклоненіи происходило только въ извѣстныхъ случаяхъ, напримѣръ, послѣ производства въ чинъ или должность, вновь произведенный падалъ въ ноги и цѣловалъ ихъ, какъ мы уже видѣли въ обрядѣ назначенія оффиціаліевъ; послѣ коронаціи царей, при поздравленіи коронованныхъ цѣловали въ колѣна (I, 38, 193; I, 40, 203; I, 41, 209); тоже при коронаціи кесаря I, 43, 221; но при производствѣ нобилиссима, царя цѣловали въ ноги и колѣна, кесаря въ одно колѣно, а нобилиссима въ руку (I, 44, 228). Обыкновенно же *προσκύνησις* состояла въ земныхъ поклонахъ, которые потому постоянно упоминаются въ обрядахъ царскихъ выходовъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда поклоненія не полагалось или полагался только поклонъ до колѣнъ. Со всѣми подобными случаями мы много разъ встрѣтимся при дальнѣйшемъ изложеніи придворныхъ обрядовъ.

Объ *adoratio* у римлянъ, кромѣ вышеуказанныхъ уже трудовъ, см. *Daremberg's* и *Saglio*, *Dictionnaire des antiquités*, s. v. *adoratio*. К. F. Hermann, *Gottdienstliche Alterth. d. Griech.* § 21, прим. 16. Hermann приводитъ здѣсь свидѣтельство Цицерона (*Verr.* II. 4, 43) о томъ, что къ бронзовой статуѣ Иракла въ Агригентѣ такъ много прикладывались, что отъ поцѣлуевъ немного стерты были губы и подбородокъ, а этотъ фактъ наминаетъ значительно стертый палецъ ноги статуи св. Петра въ храмѣ этого апостола въ Римѣ, въ Ватиканѣ. О поклоненіи у византійцевъ ср. *Reiske Comment. ad Cerim.* р. 25, 107, 418. Отъ обычая цѣловать римскихъ императоровъ и византійскихъ царей въ ногу, безъ сомнѣнія, ведетъ свое начало прикладываніе къ туфлѣ папы, такъ какъ римскіе папы мало-по-малу присвоили всѣ прерогативы царей и окружили себя царскимъ дворомъ и царскимъ этикетомъ. Поклоненіе царю въ ноги у насъ въ до-Петровской Руси, быть можетъ, частию татарскаго происхожденія, а не одного греческаго, какъ думаетъ *Reiske* (*Comment.* 419), но возможно, впрочемъ, что оно утвердилось и развилось, благодаря греческому вліянію, послѣ пріѣзда Софіи Палеологъ.

и облачался въ плащъ, обшитый золотой каймой (σαγίον χρυσοπερίκλειστον), а если угодно было царю, то, для большей торжественности, онъ надѣвалъ простую корону, такъ-называемый кесарикій, и златотканый плащъ, окаймленный драгоцѣнными камнями и жемчугомъ (II, 1, 521—522). Въ такомъ облаченіи Михаилъ III принималъ въ Хрисотриклинѣ возмущившихся было, но потомъ покорившихся пелопоннскихъ и македонскихъ славянъ ¹⁾, которые введены были остіаріемъ съ логоетомъ. Михаилъ былъ одѣтъ „въ порфиновый плащъ съ золотой обшивкой, украшенной драгоцѣнными камнями, а на головѣ имѣлъ корону, такъ-называемый кесарикій ²⁾, украшенный жемчугомъ и драгоцѣнными камнями“; но сидѣлъ царь на самомъ тронѣ, а не на покрытомъ бархатомъ креслѣ, налѣво отъ трона (II, 37, 634).

Кромѣ логоета дрома, изъ высшихъ чиновъ къ царю во время ежедневныхъ выходовъ часто являлись сами и приглашались препозиты, которые въ IX—X вв. завѣдуютъ всѣми придворными торжествами и обрядами и обязаны были докладывать царю и испрашивать разрѣшенія царя на каждый предстоящій и полагающійся по церковному и придворному календарю выходъ и пріемъ, кромѣ ежедневныхъ. По обрядамъ первой книги Придворнаго Устава, препозитъ самъ безъ доклада входитъ къ царю, но въ самомъ концѣ первой книги, въ обрядѣ производства въ чинъ проедра всего синклита имѣется замѣчаніе, что проедръ входитъ къ царю во время ежедневныхъ собраній прямо (ἀμέσως), безъ предварительнаго доклада, какъ въ прежнее время препозитъ (ὡς τὸ παλαιὸν ὁ πραιπόσιτος. I, 97, 442), который во время написанія этого обряда ³⁾ входилъ, слѣдовательно, уже съ докладомъ. Изъ обряда воскресныхъ собраній и выходовъ помѣщеннаго во II книгѣ (Ser. II, 2, 522), мы узнаемъ, что и во время напи-

¹⁾ О возмущеніи пелопоннскихъ и македонскихъ славянъ при Теофилѣ и Михаилѣ и покореніи первыхъ при Михаилѣ стратигомъ протоспагаріемъ Θεокτιστομъ говоритъ Константинъ Багрянородный въ de admin. imper. с. 50. р. 222 (Bonn). Упомянутую въ Ser. II, 37, 634 χώρα Σουβδελιτία Шафарикъ (Slov. Starož., 1837, стр. 622) считаетъ за тождественную съ Sakulatia, но не приводитъ въ пользу этого никакихъ доказательствъ. Очень возможно, что Σουβδελιτία находилась въ Пелопоннисѣ, а не Македоніи.

²⁾ Καesarίκιον назывался парадный головной уборъ кесаря, кесарская корона (τὰ περικεφάλαια ἦτοι τὰ λεγόμενα καesarίκια), которая возлагалась на него при производствѣ въ чинъ кесаря (см. обрядъ этого производства I, 43, 218—220). Въ X в. кесарская корона, кромѣ разницы въ отдѣлкѣ, отличалась тѣмъ, что не имѣла наверху креста (στέφανος χωρὶς σταυρικοῦ τύπου). Кромѣ того, кесарь не имѣлъ такъ-называемыхъ πεπενδοῦλια, κατάσειστα, ἐνώτια, κρεμαστάρια, т. е. жемчужныхъ нитей, привѣшиваемыхъ къ коронѣ около ушей. Византійскіе цари постоянно изображаются съ такими привѣсками, которыя составляли принадлежность и короны царицы (I, 41, 209; II, 52, 712. Ср. Reiske Comment. p. 264, 583, 688).

³⁾ Обрядъ этотъ, какъ уже было замѣчено выше (стр. 11 прим. 1), не могъ быть написанъ ранѣе царствованія Никифора Фоки (963—979).

санія этого обряда, уже не самъ препозитъ докладывалъ царю: между нимъ и царемъ сталъ временщикъ или первый министръ (*ὁ παραδυναστεύων*), которому собственно докладываетъ препозитъ, а тотъ уже докладываетъ царю и, получивъ тотъ или другой отвѣтъ, сообщаетъ препозиту, а препозитъ дѣлаетъ распоряженіе о приведеніи въ исполненіе приказанія царя чрезъ церемоніарія, который обязанъ былъ напоминать препозиту о предстоящемъ выходѣ или другомъ обрядѣ. Вся процедура доклада, во время написанія обряда воскресныхъ выходовъ (II, 2, 522 слѣд.), состояла такимъ образомъ въ томъ, что церемоніарій (= церемоніймейстеръ) докладывалъ или напоминалъ о предстоящемъ торжествѣ или выходѣ препозиту, препозитъ сообщалъ первому министру, а тотъ уже царю, распоряженіе котораго шло опять чрезъ перваго министра къ препозиту, а отъ него къ церемоніарію. Раньше, когда препозитъ самъ безъ доклада являлся къ царю, процедура была короче: получивъ напоминаніе отъ церемоніарія, что по придворному и церковному календарю полагается тотъ или другой обрядъ, препозитъ наканунѣ, во время ежедневнаго собранія, входилъ къ царю и докладывалъ объ этомъ царю, спрашивая при этомъ, угодно-ли царю дѣлать на слѣдующій день выходъ или собраніе ¹⁾).

Эти доклады препозита, какъ необходимые и всѣмъ извѣстные, далеко не всегда упоминаются въ обрядахъ, но все-таки достаточно часто для того, чтобы видѣть, что они входили въ кругъ дѣлъ ежедневныхъ собраній и занятій царя во время приема въ Хрисотриклинѣ ²⁾).

¹⁾ Препозитъ вообще всегда докладываетъ царю послѣ напоминанія или доклада церемоніарія, на обязанности котораго лежало, очевидно, слѣдить за ходомъ и правильнымъ исполненіемъ придворныхъ обрядовъ. Примѣровъ подобнаго докладыванія препозиту церемоніаріемъ мы встрѣтимъ довольно при описаніи большихъ выходовъ царей въ храмъ св. Софіи; потому приводить здѣсь ихъ нѣтъ необходимости.

²⁾ Такъ въ началѣ общаго обряда выходовъ въ св. Софію въ большіе Господніе праздники сказано: *Πρὸ μιᾶς ἡμέρας τῆς οἷας οὖν ἐνισταμένης περιφανεστάτης ἐορτῆς εἰσέρχονται οἱ πραιπόσιτοι ἐν τῷ Χρυσῷ Τρικλίνῳ, τῆς καθημερινῆς δηλονότι ἱσταμένης προελεύσεως, καὶ ὑπομνήσκουσι τοὺς δεσπότης περὶ τῆς ἐορτῆς, εἴτα κελεύουσιν τοὺτους οἱ δεσπότηαι ἄγεσθαι ἐπὶ τὴν αὐρίον πρόχενσον ἥτοι προέλουσιν οἱ δὲ ἐξερχόμενοι ὀρίζουσι πᾶσιν* (I, 1, 5—6). Въ среду Пасхальной недѣли *χρὴ τὸν πραιπόσιτον ὥρα πρώτη εἰσελθεῖν πρὸς τὸν βασιλέα καὶ ὑπομνήσκει, нужно-ли завтра (въ четвергъ) прибыть патриарху съ духовенствомъ въ Хрисотриклиниѣ для цѣлованія и обѣда съ царемъ* (I, 13, 90). Наканунѣ Крещенія, во второмъ или въ третьемъ часу дня (8-мъ или 9-мъ утра), препозитъ входитъ къ царю и спрашиваетъ царя, когда онъ прикажетъ патриарху прибыть въ храмъ св. Стефана Дафны для освященія воды (I, 25, 140). Ср. I, 20, 118; I, 21, 121. Наканунѣ скачекъ 11 мая точно также *εἰσέρχεται ὁ πραιπόσιτος πρὸς τὸν βασιλέα καὶ δηλοῖ αὐτὸν, εἰ κελεύει ἀχθῆναι το ἱππικόν* (I, 70, 340). Ср. I, 73, 364; I, 72, 360 (*ὁ πραιπόσιτος λαμβάνει τὴν πρὸ μιᾶς ἡμέρας τοῦ βότου παρὰ τοῦ βασιλέως ἀπόκρισιν, καὶ δίδωσι διάταξιν τῷ τῆς καταστάσεως* (т. е. церемоніарію), *ὥστε τῇ ἐξῆς ἄγεσθαι*). Ср. II, 13, 557 (*πρὸ μιᾶς δίδονται μάνδατα τῷ πραιποσίτῳ*); I, 88, 396; I, 86, 388. При Юстиніанѣ подобныя доклады дѣлалъ и получалъ распоряженія относительно совершенія въ слѣдующій день той или другой церемоніи магистръ (*magister officiorum*) болѣе или менѣе соотвѣтствующій по своимъ функциямъ министру двора (I, 90, 408).

Если царю угодно было сдѣлать какой-нибудь выходъ или церемонію, не предвидѣнную Придворнымъ Уставомъ и календаремъ, если царь желалъ когонибудь произвести въ чинъ въ одинъ изъ слѣдующихъ дней или назначить на высшую должность въ тотъ же или другой день, то онъ самъ приглашалъ къ себѣ препозита и отдавалъ ему приказаніе сдѣлать надлежащія распоряженія, чтобы назначенная церемонія могла состояться, при участіи синклита или безъ него. Если царь желалъ назначить когонибудь на должность, то обыкновенно приказывалъ привести указанное лицо, производилъ въ должность и препозитъ уводилъ вновь назначеннаго и объявлялъ о назначеніи въ надлежащемъ мѣстѣ ¹⁾. Въ виду возможности такихъ приглашеній въ Хрисотриклинь, препозиты, какъ уже было замѣчено, во время пріема сидѣли въ портикѣ Хрисотриклина.

Кромѣ логогета и препозита, царь безъ сомнѣнія въ ежедневные выходы принималъ не мало и другихъ должностныхъ лицъ, представлявшихъ или являвшихся къ нему съ докладами по предметамъ своего вѣдомства, и вызывалъ самъ для отдачи имъ приказаній и распоряженій. Если царь вызывалъ когонибудь изъ самыхъ высшихъ сановниковъ, т. е. магистровъ или патрикіевъ, то они являлись къ царю въ красныхъ плащахъ (*μετὰ σαγίων ῥοῆς*) ²⁾, хотя въ ежедневныя собранія приходили

¹⁾ Во время ежедневныхъ выходовъ (*τῆς καθημερινῆς προελεύσεως ἱσταμένης*) производились кувикуляріи (мужскаго и женскаго пола), для чего приглашались препозиты и приводили указанныхъ царемъ лицъ (II, 24, 632; II, 25, 624). Но если царь хотѣлъ произвести когонибудь въ ректора въ простой день, то приказывалъ препозиту сдѣлать распоряженіе о собраніи синклита въ парадныхъ облаченіяхъ (II, 4, 528). То же дѣлалось и для производства въ чинъ патрикія (I, 47, 236). По случаю назначенія на должность царь приглашаетъ препозита: I, 52, 263 (назначеніе ипарха), I, 54, 268 (квестора) I, 56, 272 (девтеревонта), I, 57, 273 (симпоновъ ипарха и логоетовъ, подчиненныхъ ему), I, 58, 274 (антиграфей), I, 59, 275 (протоспафарія). Но для производства въ димархи наканунѣ оповѣщаются партіи Ипподрома и приглашаются во Дворецъ (I, 55, 269).

Назначеніе на одинъ изъ слѣдующихъ дней непредвидѣнныхъ обрядовъ могло происходить по случаю пріѣзда иноземныхъ пословъ и знатныхъ иностранцевъ вообще, по случаю празднованія побѣды (II, 19, 607), по случаю рожденія сына у царя (II, 21, 615), его крещенія (II, 22, 619), обрѣзанія его волосъ (II, 23, 620) и т. п. Во всѣхъ такихъ случаяхъ наканунѣ чрезъ препозита и церемоніарія всему синклиту отдавалось приказаніе явиться на другой день не въ скарамангіяхъ, а въ парадномъ облаченіи (*δίδονται μάνδατα εἰς ὅλην τὴν σύγκλητον ἀλλαξίμων*). Если обрядъ назначался на простой день, то ежедневное собраніе отмѣнялось и папія не отпиралъ собственнаго царскаго дворца, если церемонія должна была происходить не въ немъ, а въ какойнибудь тронной залѣ внѣ его (II, 15, 566).

²⁾ *Σάγιον*, очевидно, передѣлка лат. *sagum* военный плащъ. Хотя въ византійскую эпоху онъ сдѣлался полупараднымъ (*Halbgala*) плащемъ царя и чиновъ гражданскихъ, тѣмъ не менѣе онъ остался преимущественно военною одеждою и военачальники даже въ самыхъ торжественныхъ обрядахъ являются въ плащахъ, когда равные имъ чины въ хламидахъ (см. особ. I, 47, 242). Потому военачальники обыкновенно изображаются въ плащахъ, а равно и царь, когда онъ изображается въ видѣ военачальника, какъ, напримѣръ, Василий II Болгаробойца въ нѣскольکو разъ изданномъ изображеніи, находящемся въ Псалтыри, написанной для самого царя, Василия II. Знаменитая рукопись эта хранится въ

только въ однихъ скарамангіяхъ, какъ и всѣ другіе. Только тѣ высшіе сановники, которые были въ походѣ, въ командировкѣ или уѣзжали изъ города по собственной надобности, для представленія къ царю, прямо по возвращеніи, не облачались въ плащъ, а являлись въ скарамангіяхъ, въ которыхъ являлись къ царю, какъ и собирались для ежедневныхъ утреннихъ собраній, всѣ прочіе чиновники и должностныя лица (II, 1, 521—522).

Всѣ вышеизложенныя занятія и приемы происходили въ теченіе второго и третьяго часа дня. Въ концѣ 3-го (= 9-го утра), если царю не предстояло заниматься долѣе какими нибудь важными государственными дѣлами, нетерпящими отлагательства, или не нужно было совершать какого нибудь обряда ¹⁾, давался отпускъ. По окончаніи приема, царь обра-

библiотекѣ св. Марка въ Венеціи (во дворцѣ Дожей) подѣ № 17. (О миниатюрахъ этой рукописи см. Н. Кондакова, Исторія византійскаго искусства и иконографіи по миниатюрамъ греческихъ рукописей, Одесса, 1876, стр. 166 слѣд., гдѣ указана и литература знаменитой Псалтыри). Изображеніе Василия II издано у Labarte, Histoire des arts industriels au moyen age etc., pl. 85, а съ него у Schlumberger'a въ Un empereur bysantin au dixième siècle. Paris, 1890. Шлумбергеръ военный костюмъ Василия не вѣрно называетъ grand costume imperial d'apparat. Полный парадный костюмъ византійскаго царя, какъ мы увидимъ, былъ не такой. Василий II изображенъ въ костюмѣ полководца: въ туникѣ и плащѣ съ короною безъ креста, хотя и съ подвѣсками. (Ср. выше, стр. 21, прим. 2). Если бы на Василии не было панцыря, то, безъ копья и меча, онъ былъ бы изображенъ приблизительно въ облаченіи, въ которомъ цари дѣлали воскресные приемы; только, быть можетъ, туника (скарамангій?) и плащъ были бы подлиннѣе. Проф. Н. П. Кондаковъ (I. с.) называетъ плащъ Василия воинскою хламидою, а воинскою хламидою и былъ плащъ, σαγίον, sagium. Тутъ же можно видѣть образецъ προσκύνησις, когда поклоняются πίπτοντες ἐπ' ἑδάφος.

Reiske (Comm. ad Cer. p. 477) на основааніи того, что препозитъ I, 1, 10, lin. 1 διὰ τῆς οἰκείας χλανίδος νεύει τῷ ὑπάρχῳ, а II, 10, 546, lin. 14 дѣлаетъ подобный жестъ плащемъ (καὶ ταῖς χερσὶ μετρίως κουφίζων τὸ αὐτοῦ σαγίον) заключаетъ, что τὸ σαγίον καὶ τὴν χλανίδα idem esse, но, очевидно, отъ того, что упускаетъ изъ виду разницу между облаченіемъ препозита во время выхода въ большой праздникъ и облаченіемъ въ простой день (поне-дѣльникъ первой недѣли Великаго Поста): въ первомъ случаѣ препозитъ былъ въ полной парадной формѣ и потому въ хламидѣ, а второмъ—въ полупарадной и потому въ плащѣ, въ которомъ былъ и царь.

¹⁾ Въ текстѣ сказано: ἰστέον, ὅτι ἐν ταῖς μεγάλαις ἡμέραις, εἰ οὐκ ἔστιν ἡ ἐπεὶγουσα καὶ συνέχουσα δουλεία εἰς τὴν τῶν δημοσίων πραγμάτων ἀντίληψιν, δίδονται μίνας, ὥρας τρίτης πληρουμένης. Здѣсь μεγάλαις, очевидно, поставлено ошибочно вмѣсто κοιναῖς или, что еще вѣроятнѣе, παχναῖς, т. е. въ обыкновенные, простые, непраздничные дни, такъ какъ ἡ μεγάλη ἡμέρα называется самый большой день у христіанъ, день Воскресенія Христова (Du Cange, Glossarium Gr. s. v. ἡμέρα) и вообще большой праздникъ, а въ текстѣ идетъ рѣчь объ обычныхъ, ежедневныхъ собраніяхъ, о простыхъ дняхъ, которые назывались κοινά или παχναί, какъ и простое, обыкновенное воскресенье называлось παχανῇ κοριακῇ (см. заглавіе 13 главы II кн. ὅσα δεῖ παραφυλάττειν ἐν παχανῇ κοριακῇ ἢ ἐν ἄλλῃ κοινῇ ἡμέρᾳ). Ср. II. 14, 566, гдѣ παχανῇ κοριακῇ противопоставляется μεγάλη κοριακῇ, Великому Воскресенію, т. е. 1-му дню Пасхи, и II, 10, 548, гдѣ замѣчено, что въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго Поста царь возвращается изъ храма св. Софіи во Дворецъ несопровождаемый чинами синклита и кувуклія, которые не сопровождаютъ царя на возвратномъ пути именно потому, что этотъ день простой, не праздничный (διὰ τὸ εἶναι τὴν ἡμέραν ταύτην παχανῇ). Въ

щался, какъ и въ началѣ, къ папіи, который все время находился въ Хрисотриклинѣ и стоялъ на своемъ мѣстѣ, и говорилъ: „ступай, сдѣлай отпускъ“. Папія тотчасъ же бралъ со скамьи въ лѣвой западной камарѣ ключи и шелъ объявлять отпускъ, причемъ потряхивалъ и гремѣлъ ключами, чтобы всѣ, находившіеся въ собраніи, чины слышали и знали, что папія вышелъ дѣлать отпускъ“ (II, 1, 521). Являлся силенціарій и говорилъ: „повелите“ (*κελεύσατε*), приглашая этимъ возгласомъ расходиться ¹⁾). Утреннее собраніе кончалось и всѣ расходились по домамъ до вечерняго открытія папіею Большаго Дворца, до вечерняго собранія. Эти вечернія собранія происходили совершенно такимъ же образомъ, какъ и утреннія, съ тою только разницею, что чины являлись не въ скарамангіяхъ, а въ въ эсофоріяхъ и коловіяхъ ²⁾).

Великую Субботу царь облачается въ τὰ παγανά и надѣваетъ τὰς παγανὰς χλαμύδας для выхода въ св. Софію (I, 1, 33). Точнѣе это обозначается въ другомъ обрядѣ того же дня: царь облачается въ διβητήσιον τὸ παγανὸν καὶ χλανίδα τὴν ὀψίμαρον, а весь синклитъ надѣваетъ χλανίδια ἀτραβατικά (I, 35, 181). Ср. Reiske Comment. ad Cerim. p. 138—139).

¹⁾ Отпускъ въ Придворномъ Уставѣ обыкновенно обозначается словомъ μίσα—missa отъ mitto. Дѣлать отпускъ μίνας ποιεῖν, δίδοναι, отсюда часто встрѣчающіеся въ концѣ церемоніаловъ выраженія δίδονται μίνας, γίγνονται μίνας (напр. II, 1, 521; II, 2, 525; I, 33, 177; I, 12, 90; I, 16, 97; I, 21, 124 и др.). Отпускъ давался посредствомъ возгласа: «κελεύσατε» повелите, представляющее, вѣроятно, переводъ лат. iubete, хотя Reiske (Comment. ad Cer. 603—4), дѣлающій рискованныя этимологіи и невѣрно объясняющій значеніе слова, думаетъ, что латинское iubete представляетъ переводъ съ греческаго. Затрудненіе, заставившее Reiske пуститься въ невозможныя этимологическія соображенія, состоитъ въ томъ, что возгласомъ «повелите!» приглашаются часто къ такимъ дѣйствіямъ, въ которыхъ возглашающій не только не испрашиваетъ позволеніе, но самъ приглашаетъ другихъ дѣлать что нибудь, какъ, напримѣръ, приглашаетъ чиновъ выходить и расходиться по домамъ. Полагаю, что затрудненія этого не будетъ, если мы припомнимъ, что при большихъ царскихъ выходахъ и приѣмахъ κελεύσατε обыкновенно говорится то препозитомъ, то церемоніаріемъ или силенціаріемъ предъ выходомъ чиновъ въ слѣдующее помѣщеніе послѣ поклоненія въ предыдущемъ. Напримѣръ, во время шествія въ св. Софію, царь принимаетъ высшихъ сановниковъ въ портикѣ Августея. Чиновники входятъ, поклоняются, говорятъ полихроній, приемъ этимъ и кончается; нужно идти дальше, но такъ какъ здѣсь присутствуетъ царь, то никто не можетъ безъ его приказанія двинуться; потому препозитъ или въ древности magister officiorum, очевидно, обращаясь къ царю, говорилъ: «повелите», царь, быть можетъ, мановеніемъ головы или руки, приказывалъ и чины выходили, а за ними царь. Благодаря постоянному употребленію этого слова предъ выходомъ изъ одного помѣщенія въ другое, оно получило значеніе приглашенія къ выходу и царь даетъ знакъ препозиту не послѣ возгласа, обращеннаго собственно къ нему, а до возгласа, такъ какъ возгласъ получилъ уже значеніе приглашенія къ выходу. Съ этимъ возгласомъ мы постоянно будемъ встрѣчаться при изложеніи большихъ выходовъ и приѣмовъ торжественныхъ. Этотъ возгласъ и въ такомъ же смыслѣ перешелъ и въ церковные обряды и каждый, присутствовавшій при посвященіи въ духовные чины въ православной церкви, безъ сомнѣнія, слышалъ громогласные возгласы діакона или протодіакона: «повелите! или повели, повели, преосвященнѣйшій владыко!» Такъ какъ послѣ этого возгласа посвящаемого отводятъ иногда въ алтарь, то многіе понимаютъ возгласъ діакона иначе, въ смыслѣ: отвели, увели.

²⁾ Какъ можно заключить изъ вышеприведеннаго свидѣтельства Льютпранда (см. выше стр. 6), послѣ утренняго приѣма Дворецъ запирался до 9-го часа, т. е. до 3-го

Воскресные утренніе приемы, постѣ утрени, до обѣдни, производились такимъ же порядкомъ, какъ и ежедневные, отличаясь только пѣкотою торжественностью. Такъ, высшіе сановники и чиновники, магистры, патрикіи и оффиціалии, т. е. особы, занимавшія высшія должности и управлявшія отдѣльными частями ¹⁾, являлись для воскресныхъ собраний во Дворецъ не въ скарамангіяхъ только, но и въ красныхъ плащахъ. Царь также облачался въ плащъ, обшитый золотою каймою, и садился на обитое бархатомъ или шелкомъ кресло, налѣво отъ трона, а не на золоченое кресло, направо отъ трона. Предъ вызовомъ логовета, въ Хрисотриклинѣ вводились пашіею хрисотриклиниты, т. е. протоспаѳаріи царскіе, составлявшіе почетную стражу во время приѣма и стоявшіе въ

пополудни. Такъ, вѣроятно, было въ обыкновенные дни, когда не нужно было для какого нибудь обряда открывать позже, какъ на примѣръ, наканунѣ праздника св. Іліи, когда Дворецъ открывался *δεῖλῆς περὶ ὧραν ἐξδόμην* (I, 19, 115), для слушанія всенощной въ храмъ Пресв. Богородицы Фара. На открытіе Дворца въ 9-мъ часу дня указываетъ и обрядъ празднованія Врумалій (II, 18, 602). Коловіями (*κολοβίον* отъ *κολοβός* урѣзанный, куцый) назывались туники съ короткими рукавами, не доходящими до локтей, или вовсе безъ рукавовъ. Онѣ походили на стихари = далматики и иногда назывались, повидимому, делматикіями (*δελματικά* = *dalmaticia*), какъ видно изъ мѣстъ, приведенныхъ Дюканжемъ. Какъ для вечернихъ собраний чины надѣвали коловіи вмѣсто утреннихъ, очевидно, нѣсколько болѣе парадныхъ скарамангіевъ, такъ и цари иногда вмѣсто скарамангіевъ для выѣзда на лошади верхомъ надѣвали иногда коловіи (напр. I, 10, 80; ср. I, 37, 188), которыя дѣлались изъ такой же матеріи, какъ и скарамангіи, и отдѣлывались жемчугомъ, драгоценными камнями, золотыми каймами и нашивками. Сверхъ коловія надѣвался мечъ. Подъ коловіей надѣвалась нижняя туника, *ἑσφόριον* = *interula*. (См. Du Cange, Gloss. Gr. et Lat. s. *κολοβίον* и *colobium*, *dalmaticium* и *δελματικίον*. Ср. Reiske, Comment. ad Cerim. p. 185 и 534, гдѣ Reiske довольно много разсуждаетъ о коловіяхъ и приводитъ нѣкоторые изъ указанныхъ Дюканжемъ и другими учеными мѣста изъ писателей объ отличительныхъ чертахъ этой одежды. Но самъ Reiske совершенно неправильно считаетъ коловій за короткую мантию или, точнѣе, накидку въ родѣ мантиліи (*colobia fuisse palliola, cervicem amicientia, pectus et scapulas et humeros ad cubitos usque tegentia, qualia gestant Lipsienses Rectores Magnifici et Decani*, Comment. p. 184). Изъ того, что царь надѣваетъ коловій вмѣсто скарамангія и на коловій надѣваетъ мечъ, державшійся, очевидно, на поясѣ, видно, что коловіемъ называлась не мантилія, а туника, въ родѣ далматики, только съ короткими рукавами или безъ нихъ, каковое обстоятельство и было причиною того, что папа Сильвестръ (314—335 г.) приказалъ діаконамъ, ради приличія, какъ говорится въ его біографіи, замѣнить безрукавный коловій далматикою. Хотя причина этой замѣны, быть можетъ, была и другая, тѣмъ не менѣе ясно, что коловій, замѣненный далматикою, очень походилъ на нее, а не на мантилію, какъ думалъ Reiske. Krieg въ Realencyklop. der christl. Alterthümer Kraus'a II, 202 (ср. 208 о далматикѣ и коловіи) считаетъ короткую мантилію, подобною той, съ которой Reiske отождествляетъ коловій, за укороченную пенулю (*penula*, фелонь), что гораздо вѣроятнѣе и правильнѣе. Коловій, какъ и *penula*, съ 438 года составляла оффиціальную одежду сенаторовъ, которымъ императорскимъ эдиктомъ было предписано вмѣсто военной хламиды носить мирную пенулу, которая, быть можетъ, благодаря этому эдикту, сдѣлалась служебною одеждою священниковъ (см. *ibid.* 208).

¹⁾ Оффиціалиями назывались сановники, занимавшіе высшія *ὀφφίκια*, должности. Они перечислены Филоеємъ атриклиномъ въ приложеніи къ Придворному Уставу Константина (II, 52, 713 сл.). Въ извѣстныхъ случаяхъ нѣкоторые изъ нихъ причисляются

западной входной камарѣ за раздвижною завѣсою (II, 1, 521) ¹⁾. Если царь желалъ видѣть кого нибудь изъ высшихъ чиновниковъ и должностныхъ лицъ, въ томъ числѣ и логовета, то они входили къ нему не въ скарамангіяхъ только, но и въ красныхъ плащахъ, и кланялись не въ землю, какъ въ простые дни, а только до колѣнъ, не падая ницъ ²⁾. Затѣмъ происходилъ пріемъ и царь занимался разными дѣлами такъ же, какъ и въ простые дни.

Главное отличіе воскресныхъ собраній заключалось не въ утреннемъ пріемѣ, а въ томъ, что послѣ обѣдни чины снова собирались въ Юсти-

къ патрикіямъ, хотя бы и не имѣли этого чина, напримѣръ, при раздѣлѣ апокомвievъ къ патрикіямъ причисляются оффиціалии, состоящія въ чинѣ протоспаѣарія: стратиги, препозиты, domestikъ школъ, domestikъ эскувитовъ, инархъ, логоветъ геника, сакеллярій, квесторъ и пр. (II, 52, 784). Для значенія слова *ὀφφικιάριοι* ср. II, 52, 788.

¹⁾ Хрисотриклиниты, принадлежавшіе къ «царскимъ» (*οἱ βασιλικοί*) и потому называвшіеся протоспаѣаріями царскими, въ простые дни вводились такимъ же образомъ и стояли тамъ же, когда царь принималъ въ Хрисотриклинѣ пословъ (II, 1, 521; ср. II, 15, 568).

²⁾ Хотя этого замѣчанія и нѣтъ въ обрядѣ обыкновенныхъ воскресныхъ дней, но эту особенность, отличающую воскресные приемы отъ будничныхъ, необходимо предполагать, такъ какъ вообще чины предъ царемъ *εἰ μὲν οὐκ ἦν κυριακή, ἐπιπτον κάτω, ...εἰ δὲ ἦν κυριακή, οὐκ ἐπιπτον κάτω προσκυνοῦντες, ἀλλὰ μέχρι τῶν γονάτων ἐποιοῦν τὸ σέβας τῆς προσκυνήσεως*, т. е. «если былъ не воскресный день, падали ницъ, если же былъ воскресный день, при поклоненіи не падали ницъ, но дѣлали поклонъ только до колѣнъ», какъ объ этомъ замѣчено въ обрядѣ Благовѣщенія или, точнѣе, въ прибавленіи или схоліи къ этому обряду. Въ изданіяхъ этотъ схолій печатается въ концѣ обряда Крестопоклоннаго Воскресенія (I, 29, 161). Ср. I, 91, 414: *καὶ ἀπαντὰ αὐτῷ (τῷ βασιλεῖ) ὁ φύλαξ τοῦ παλατίου καὶ προσκυνεῖ, ἐὰν μὴ εἴη κυριακή, μετὰ τὸ εἰσελθεῖν αὐτὸν τὴν θύραν τοῦ παλατίου*. Ср. выше стр. 20 примѣч. и Дюканжа Gloss. Gr. s. v. *προσκυνεῖν* и производными отъ него. Дюканжъ, между прочимъ, приводитъ мѣсто изъ Poenitentiale Ioanna Постника, который говоритъ, что отъ Пасхи до недѣли Всѣхъ Святыхъ во время молитвы не нужно преклонять колѣна, а совершать поклоны стоя (*μὴ γονυκλιτεῖν ἐν ταῖς εὐχαῖς, ἀλλὰ μόνον προσκυνήσεις ποιεῖν κατὰ πάντα*). Обычай молиться не колѣнопреклоненно, а стоя, по воскреснымъ днямъ и отъ Пасхи до Троицы существовалъ у христіанъ съ самыхъ первыхъ временъ (Tertullian, de coron. 3); потому что какъ воскресные дни, такъ и все время отъ Пасхи до Троицы посвящены воспоминанію о воскресеніи Христовомъ. Св. Иларій называетъ этотъ обычай апостольскимъ (Proleg. in PS. с. 12) преданіемъ. По словамъ св. Василія Великаго (de Spirit. S. с. 27), въ воскресные дни и въ теченіе семи недѣль священной Пятидесятницы мы молимся стоя (*ὄρθοι*) не только потому, что воскресеніемъ Христовымъ мы сами возстановлены, но и потому, что этотъ день (Воскресеніе Христова) представляетъ образъ будущей жизни, т. е. нашего воскресенія. Такъ какъ это правило не всегда и не вездѣ соблюдалось, то оно нѣсколько разъ подтверждалось на церковныхъ соборахъ и вошло въ составъ каноническихъ правилъ (Kraus, Realencyklop. der christlich. Alterth. I, 557—668 s. v. Gebet). Если уже въ молитвахъ къ Богу, по церковнымъ правиламъ, нельзя было въ воскресные дни кланяться въ землю и молиться съ колѣнопреклоненіемъ, то тѣмъ менѣе можно было это дѣлать для привѣтствія и почитанія царя. Византійскій Придворный Уставъ въ этомъ случаѣ, очевидно, долженъ былъ слѣдовать Уставу Церковному и запретить поклоненіе царю въ воскресные дни. Въ виду этихъ требованій Церковнаго и Придворнаго Устава, можно навѣрно сказать, что при воскресныхъ пріемахъ царю представлявшіеся чиновники не кланялись въ землю, хотя объ этомъ въ обрядѣ воскресныхъ приемовъ и нѣтъ specialнаго указанія, которое, вѣроятно, опущено потому, что оно было и безъ того очень хорошо извѣстно.

пiанѣ для приглашенiя нѣкоторыхъ изъ нихъ къ царскому столу, если царю угодно было пригласить кого нибудь. Для того, чтобы узнать, угодно-ли царю, чтобы состоялось собранiе для приглашенiя чиновъ къ столу, церемонiарiй, какъ мы уже видѣли, во время утренняго приѣма, до обѣдни, напоминалъ препозиту о необходимости узнать, желаетъ-ли царь, чтобы состоялось собранiе (εἰ θέλει ὁ βασιλεὺς στήναι πρὸς ἐλευσιν II, 2, 522). Препозитъ шелъ самъ, а позднѣе просилъ узнать волю царя его перваго министра (τὸν παραδυναστεύοντα) ¹⁾. Если царю угодно было отвѣтить по-

¹⁾ Reiske очень затрудняло значенiе словъ τῷ κατὰ τὴν ἡμέραν παραδυναστεύοντι ὁ πραιπόσιτος λέγει, но самъ онъ высказалъ совершенно вѣрное объясненiе, что ὁ κατὰ τὴν ἡμέραν παραδυναστεύων означаетъ состоящаго въ званiи ближайшаго совѣтника-фаворита въ данное время, τὸν ἀεὶ παραδυναστεύοντα; такъ какъ эти фавориты мѣнялись не только въ разные царствованiя, но и у одного царя бывало ихъ нѣсколько въ разное время. Такъ, Романъ Лакапинъ очень любилъ своего парадинастевонта Ioанна Мистика, такъ что даже послѣ удаленiя его изъ Дворца, по подозрѣнiю въ стремленiи къ царской коронѣ, Романъ позволялъ ему приходить во Дворецъ καὶ τῷ βασιλεῖ ὑπηρετεῖν καὶ τὰ ἀνήκοντα διοικεῖν; но затѣмъ, когда преступленiе сдѣлалось несомнѣннымъ и Ioаннъ постригся въ монахи, царь προβάλλεται ἀντὶ μυστικοῦ Ἰωάννου Θεοφάνην πρωτοβεστιάριον παραδυναστεύοντα (Theoph. Contin. p. 410—411). Въ управленiе Θεодоры παραδυναστεύων, самымъ довѣреннымъ и властнымъ человекомъ, былъ Θεоктиστη (Georg. Monach. de Mich. et Theod. c. 6, p. 815—816 Bonn.). При Львѣ παραδυναστεύων былъ Зауца, отецъ царицы Зои. У сына его Константина παραδυναστεύων былъ Василiй, незаконный сынъ Романа Лакапина, у сына Константина, Романа II,—Ioсифъ и нѣсколько другихъ одновременно играли роль фаворитовъ и наиболѣе влiятельныхъ сановниковъ (Theoph. Contin. p. 442, 469—70). Эти парадинастевонты называются иногда πρῶτοι τῆς συγκλήτου или παραδυναστεύοντες τ. συγκλήτου. На основанiи этихъ эпитетовъ Reiske (Comment. p. 602) заключаетъ, что παραδυναστεύων=πρόεδρος τ. συγκλήτου. Правильнѣе было бы сказать, что παραδυναστεύων, не имѣвшiй прежде officialнаго титула и особаго юридическаго положенiя, получилъ таковыя съ учрежденiя должности или скорѣе чина πρόεδρος; другими словами, изъ функций парадинастевонта вышло званiе проедра, поставившее его и юридически выше всего синклита. Титулъ проедра сталъ даваться, какъ было указано, со временъ Никифора Фоки и его привилегiй, указанные въ обрядѣ производства (см. выше) совершенно совпадаютъ съ тою ролью, какую играли парадинастевонты. M-r Alfr. Rambaud въ своей извѣстной книгѣ, L'Empire Grec au dixième siècle, Paris, 1870, p. 132 говоритъ, что, по свидѣтельству Кедрина (II, 379 Bonn), Ioаннъ Цимискiй впервые возвелъ Василiя паракимомена въ чинъ проедра, прежде не существовавшiй, и что обрядъ производства въ чинъ проедра, гл. 97 (последняя) I кн. Придворнаго Устава принадлежитъ или времени Ioанна Цимискiя или составлена въ VI в., когда тоже были проедры. При этомъ авторъ ссылается на Reiske (Comment. p. 465), у котораго дѣйствительно высказано предположенiе, что πρόεδρος idem esse, qui olim princeps senatus, caputque hoc non decimi saeculi, sed quinti aut sexti esse. Но тутъ же Reiske заявляетъ, на основанiи того же извѣстiя Кедрина, что званiе проедра учреждено Ioанномъ Цимискiемъ въ замѣнъ титула патрикия, и заключаетъ даже, что присутствiе въ Придворномъ Уставѣ обряда изъ временъ Цимискiя указываетъ на то, что Уставъ составленъ послѣ Цимискiя Константиномъ, сыномъ Романа, братомъ Василiя II Болгаробойцы, а не Константиномъ VII, сыномъ Льва VI. Не считая возможнымъ входить здѣсь въ разсужденiе о времени составленiя Придворнаго Устава, я замѣчу только, что изъ всѣхъ предположенiй Reiske, которому слѣдуетъ Rambaud, вѣрно только то, что 97 гл. I кн. внесена въ Уставъ гораздо позже Константина VII, можетъ быть, при Цимискiи или Василiи II и Константинѣ VIII, но какъ то, что должность проедра существовала въ V—VI вв., такъ и то, что Ioаннъ Цимискiй впервые возвелъ въ это званiе Ва-

ложительно, то препозитъ сообщалъ объ этомъ церемоніарію для надлежащихъ распоряженій по устройству собранія и приглашенію чиновъ.

Затѣмъ занятія шли обычнымъ порядкомъ и кончались обычнымъ роспускомъ собранія; бывшіе въ собраніи шли къ обѣднѣ, частію въ дворцовые храмы, частію въ храмъ св. Стефана въ Ипподромѣ и, быть можетъ, въ другіе храмы около Дворца. Въ дворцовомъ храмѣ св. Василия, находившемся въ Лавзіакѣ, слушали литургію царскіе протоспаѳаріи и другіе царскіе чиновники и придворныя чины, проводившіе день на службѣ во внутреннихъ залахъ. Въ храмѣ св. Стефана въ Ипподромѣ могли слушать всѣ другіе сановники и чиновники, участвовавшіе въ утреннемъ собраніи и не приглашенные слушать литургію въ храмѣ пресв. Богородицы Фара вмѣстѣ съ царемъ ¹⁾. По окончаніи литургіи въ Лав-

силія, положительно невѣрно. У К е д р и н а (II, 379), на котораго ссылаются Reiske и Rambaud, сказано, напротивъ, что Никифоръ Фока возвелъ Василия въ званіе проедра, а Іоаннъ Цимискій сдѣлалъ его главнымъ своимъ совѣтникомъ. Вотъ это мѣсто: εὐθὺς Βασίλειον τὸν παρακοιμώμενον, ὃν Νικήφορος ὁ βασιλεὺς οὐ μικρὰ συμβαλλόμενον αὐτῷ πρὸς τὴν τῆς βασιλείας κατάσχεσιν πρόεδρον τετίμηκε, μῆπω πρότερον ὄντος τοῦ ἀξιώματος, πρώτου αὐτοῦ τοῦτο ἐφευρηκότος, νυκτὸς μεταπεμφάμενος κοινωνὸν τῆς ἀρχῆς προσελάβετο, т. е. Іоаннъ Цимискій, по восшествіи на престолъ, тотчасъ ночью призвалъ къ себѣ и сдѣлалъ участникомъ въ управленіи Василия паракимомена, котораго царь Никифоръ, какъ человѣка, весьма много содѣйствовавшаго ему въ достиженіи царской власти, почтилъ званіемъ проедра, котораго прежде никогда не было и которое придумалъ самъ Никифоръ». (Ср. вышеприведенное на стр. 14 мѣсто изъ Зонары). Изъ словъ К е д р и н а какъ нельзя болѣе ясно, что званіе проедра первый придумалъ и далъ Василию Никифоръ Фока, а не Цимискій, и что званія этого прежде никогда не было. И это свидѣтельство, что званія проедра никогда до этого не было, совершенно вѣрно, такъ какъ princeps senatus, о которомъ говоритъ Reiske, совсѣмъ не то, что πρόεδρος, каковое званіе стало даваться только съ Никифора Фоки и не въ замѣну званія патрикія, которое оставалось долго и послѣ этого въ Византійскомъ царствѣ, а какъ вышій титулъ, ставившій проедра выше всѣхъ чиновъ синклита, который къ тому же въ то время давно уже не составлялъ отдѣльнаго учрежденія, а представлялъ совокупность или только извѣстную часть чиновъ гражданскихъ и военныхъ. (О значеніи слова σύγκλητος въ это время см. I кн. моихъ Byzantina, стр. 170). Потому и у историковъ званіе проедра встрѣчается только со временъ Никифора Фоки (см. Du Cange, Gloss. Gr. s. v. πρόεδρος). Помимо всего этого, обрядъ производства проедра заключаетъ въ себѣ такъ много слѣдовъ своего времени, что никакъ не можетъ быть отнесенъ къ V или VI вв., какъ всякій легко убѣдится, если сравнить 96 и 97 главу I кн. съ обрядами, составленными Петромъ Магистромъ (magister officiorum) и помѣщенными впереди этихъ главъ. (Ср. выше, стр. 3—4 этой книги).

¹⁾ Въ обрядѣ воскресныхъ собраній (II, 2, 522) нѣтъ замѣтки относительно обычнаго собранія чиновъ во Дворцѣ, дѣловаго приѣма у царя, слушанія чинами обѣдни и выходѣ ихъ въ Ипподромъ. Но собраніе ихъ въ Скилахъ послѣ обѣдни въ Лавзіакѣ и указаніе другихъ обрядовъ вполнѣ позволяютъ понимать ходъ воскреснаго собранія именно такъ, какъ оно описано въ текстѣ, т. е. что послѣ утрени было обычное собраніе и дѣловой приѣмъ (II, 1, 521), во время котораго препозитъ спрашивалъ о собраніи для приглашенія чиновъ къ столу, что чины, послѣ утренняго приѣма, выходили изъ Дворца и, кромѣ нѣкоторыхъ, слушали обѣдню не во Дворцѣ, а потомъ опять чрезъ Ипподромъ входили въ Скилы и Юстиніанъ. Такъ, если 1 августа случится въ воскресенье, то царь, послѣ утрени прикладывается ко кресту въ храмѣ Фара и затѣмъ садится εἰς τὴν συνήθη καὶ τ. καθήμενὴν προέλευσιν, а затѣмъ предъ храмомъ Василия въ Лавзіакѣ крестъ пола-

зіакѣ, нѣкоторые изъ царскихъ протоспаоаріевъ, по заранѣе составленному списку, приглашались дежурнымъ атриклиномъ къ царскому столу и оставались въ Лавзіакѣ, дожидаясь обѣда. Всѣ прочіе протоспаоаріи уходили въ Юстиніановъ триклинь и садились тамъ въ ожиданіи отпуска. Къ нимъ скоро выходилъ силенціарій, возглашалъ: „повелите“, протоспаоаріи вставали, уходили и расходились по домамъ.

Въ то же время всѣ другіе чины, военные и гражданскіе, собирались въ Скилахъ, помѣщеніи, выходившемъ на Ипподромъ и смежномъ съ Юстиніановою палатою. Здѣсь былъ между прочими лицами и друнгарій виглы со своимъ аколуюомъ, такъ какъ имъ предстояло играть видную роль при обрядѣ входа чиновъ въ Юстиніанъ. Друнгарій сидѣлъ, какъ въ ежедневныхъ собраніяхъ чиновъ въ Ипподромѣ, предъ входомъ во Дворецъ, видимому въ качествѣ главы собранія, а аколуюъ стоялъ у двери, ведущей въ Юстиніанъ, именно той, у которой висѣла завѣса съ вышиными на ней птицами ¹⁾, и посматривалъ, не явились-ли уже церемоніарій съ силенціаріями и не стали-ли они уже въ надлежащемъ порядкѣ внѣ вышеназванной завѣсы.

гается для поклоненія собравшихся въ Лавзіакѣ всѣхъ чиновъ синклита (II, 8, 539). Совершенно то же происходитъ въ воскресенье Крестопоклонной Недѣли (II, 11, 549). Но по обряду этого же воскресенья, находящемуся въ I, 29, 161, чины входятъ во Дворецъ еще ночью (ἐν νύκτι), патрикіи въ скарамангіяхъ и плащахъ, а прочіе только въ скарамангіяхъ, какъ и слѣдуетъ въ воскресные дни, и прикладываются не въ Лавзіакѣ, какъ было поздне, а въ храмѣ Фара, потомъ выходятъ опять изъ Дворца и сидятъ въ Ипподромѣ; съ наступленіемъ времени входа во Дворецъ, входятъ такимъ же образомъ, какъ и въ обыкновенные дни въ большой триклинь собраній (Юстиніанъ), а когда приблизится время и произойдетъ приглашеніе чиновъ, дѣлается отпускъ, послѣ чего царь вскорѣ выходитъ въ Юстиніанъ и садится за столъ съ приглашенными чинами. Здѣсь, такимъ образомъ, мы имѣемъ также описаніе собраній обычныхъ воскресеній, за исключеніемъ поклоненія кресту до конца утрени и до входа во Дворецъ, вслѣдствіе чего чины опять выходятъ въ Ипподромъ и снова входятъ послѣ утрени для обычныхъ собраній (ὁν τρόπον καὶ ἐπὶ τῶν λοιπῶν καὶ τῶν ἡμερῶν), но затѣмъ упоминается прямо приглашеніе къ столу и отпускъ. Время между обычнымъ дѣловымъ собраніемъ и клиторіемъ не обозначено; но изъ обрядовъ Вербнаго Воскресенья и Великой Субботы видно, что, когда царь въ праздничные дни слушалъ литургію въ дворцовомъ храмѣ (Фара), то чины, за исключеніемъ приглашенныхъ слушать литургію съ царемъ, шли въ Ипподромъ и тамъ слушали ее въ храмѣ св. Стефана (I, 32, 175; I, 35, 183). Можно думать, что то же самое бывало и въ простые воскресные дни, когда царь слушалъ литургію въ храмѣ Фара.

¹⁾ Βῆλον ταγγνάριον отъ ταγγνάρ: и ταγγνάριον=attagen. ἀτταγήν=куропатка. Reiske полагаетъ поэтому, что βῆλα ταγγνάρια назывались такія завѣсы, на которыхъ вытканы или вышиты были attagenes, потому что при дворахъ любили вышивать на тканяхъ фигуры разныхъ животныхъ, звѣрей, птицъ и по этимъ фигурамъ называть ткани. Это объясненіе по всей вѣроятности вѣрно; ткани съ изображеніемъ птицъ были дѣйствительно въ большомъ ходу; остатки такихъ тканей дошли и до насъ. Рисунки нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Kultur historischer Bilder Atlas, II, Mittelalter, bearb. v. Essenwein, Leipz. 1883. Tafel XIII (Gewerbe. 6—10 Jahrhundert) и XXVIII (10—12 Jahrhundert). Въ специальныхъ сочиненіяхъ о старинныхъ тканяхъ съ изображеніями, понятно, можно найти еще болѣе подходящіе образцы тканей къ тѣмъ, изъ которыхъ дѣлались βῆλα ταγγνάρια. Ср. Byzantina, I кн., стр. 58, прим. 1.

Въ это время церемоніарій съ остіаріемъ подходилъ въ Лавзіакѣ или Орологіи къ препозиту, кланялся ему и докладывалъ, что пора вводитъ собравшихся въ Скилахъ въ Юстиніанъ. Получивши разрѣшеніе, церемоніарій съ остіаріемъ и силенціаріями шелъ въ Юстиніанъ. Остіарій входилъ за завѣсу съ птицами и выставлялъ свою голову въ открытую дверь изъ Юстиніана въ Скилы, чтобы его могъ видѣть друнгарій виглы и знать, что скоро ему можно будетъ входить въ Юстиніанъ. Церемоніарій съ силенціаріями, между тѣмъ, становился должнымъ образомъ ¹⁾ внѣ завѣсы съ птицами и кивалъ стоявшему у дверей аколую, что пора чинамъ входить.

Аколуеъ, по данному знаку, возглашалъ, обращаясь къ друнгарію: „повели!“ ²⁾ Друнгарій, съ мечемъ, съ сѣкирою на правомъ плечѣ и съ

¹⁾ Въ текстѣ обряда сказано: *στῆναι κοινοτόριον*. Выраженіе это часто употребляется въ обрядахъ и означаетъ просто: становиться въ должномъ порядкѣ, т. е. такъ, какъ слѣдуетъ стоять чинамъ въ собраніяхъ. Такой смыслъ получило это выраженіе, по всей вѣроятности, отъ порядка, въ которомъ стояли и сидѣли чины въ собраніяхъ консисторіи, а такъ какъ консисторія въ византійское время стала употребляться въ смыслѣ собранія чиновъ вообще для какихъ нибудь торжественныхъ обрядовъ, то *ἵστανται κοινοτόριον* стало означать: «становятся, какъ въ консисторіи», то-есть, въ торжественныхъ собраніяхъ, а въ такихъ собраніяхъ чины синклита становились въ два ряда, старшіе впереди, ближе къ царю или другому лицу, начальствующему въ собраніи, причемъ справа становился первый послѣ начальствующаго, противъ него слѣва второй, опять справа третій, слѣва четвертый и т. д. Въ собраніи церемоніарія съ силенціаріями церемоніарій становился, вѣроятно, въ средину, а силенціаріи по бокамъ по старшинству. Ср. *Byzantina*, I кн., стр. 117. Во всякомъ случаѣ, изъ выраженія *ἵστανται κοινοτόριον* никакъ нельзя заключать о существованіи въ X—XI вв. консисторіи въ смыслѣ римской императорской *consistorium*, какъ дѣлаетъ Лекриванъ (*Lécrivain*) въ своей прекрасной книгѣ о римскомъ сенатѣ послѣ Диоклетіана (*Le Sénat Romain depuis Dioclétien à Rome et à Constantinople*, Paris, 1888, p. 229).

²⁾ Аколуеъ, занимавшій въ концѣ существованія Византійской Имперіи одну изъ самыхъ важныхъ должностей и бывшій главнымъ начальникомъ царской гвардіи, въ IX—X вѣкѣ является въ скромной сравнительно роли адъютанта друнгарія виглы или числа и, какъ во время собранія военныхъ чиновъ въ Ипподромѣ, такъ и здѣсь является въ роли младшаго чина, исполняя при друнгаріи обязанности церемоніальнаго чиновника. *Reiske*, приписывая аколуеу IX—X в. то, что онъ имѣлъ въ XIII—XIV вв. (*Comment. ad Cerim.*, 474), полагаетъ, что въ текстѣ воскреснаго обряда (I, 2, 524, строка 2) вмѣсто *ὁ δὲ δρουγγάριος εἰσέρχεται φορῶν τὸ ἑαυτοῦ σπαθίον* κтл. слѣдуетъ читать *ὁ δὲ ἀκόλουθος εἰσέρχεται* κтл., почему и въ *Comment.* p. 606, говоря объ оружіи, въ которомъ входитъ друнгарій, ведетъ рѣчь объ аколуеѣ, а не о друнгаріи. Въ лат. переводѣ вмѣсто *drungarius* также поставлено: *tum acoluthus intrat*. Поводомъ къ такому толкованію или, скорѣе, перетолкованію было, повидимому, то обстоятельство, что предъ этимъ мѣстомъ въ текстѣ стоитъ: *ὁ τῆς καταστάσεως καὶ ὁ σιλενтіаріος ἵστανται... νεύοντες τῷ ἀκολούθῳ τοῦ εἰσελθεῖν*, а входитъ друнгарій, а не аколуеъ: *Ὁ δὲ δρουγγάριος εἰσέρχεται φορῶν τὸ ἑαυτοῦ σπαθίον καὶ τῇ δεξιᾷ χειρὶ κρατῶν τὸ τε μαγλάριον καὶ τὸ τζικούριον ἐπικείμενον τῷ δεξιῷ αὐτοῦ ὦμῳ*, гласить далѣе текстъ (p. 524, lin. 2 sequ.). Латинскій переводъ, какъ сейчасъ было сказано, замѣняетъ друнгарія аколуеомъ, предполагая, что въ текстѣ невѣрно написано только это слово. Но, по моему мнѣнію, замѣнять друнгарія аколуеомъ нѣтъ надобности и не слѣдуетъ, такъ какъ друнгарій также несомнѣнно входилъ въ Юстиніанову Палату раньше другихъ чиновъ, которые при входѣ въ Юстиніанъ ему кланяются. Кромѣ того, въ концѣ главы этой ска-

магавіемъ въ правой рукѣ, входилъ въ Юстиніанъ и, дойдя до каждаго изъ большихъ омфаліевъ ¹⁾, кланялся церемоніарію и силенціаріямъ, а затѣмъ становился на возвышеніи, обратившись лицомъ къ западу, т. е. къ Скиламъ ²⁾.

Когда друнгарій такимъ образомъ занималъ должное мѣсто, аколуѡтъ „бралъ знакъ“ отъ церемоніарія и говорилъ магистрамъ и патрикіямъ: „повелите!“. Магистры и патрикіи входили въ Юстиніанъ, кланялись

зано, что друнгарій предъ отпускомъ снимаетъ свой мечъ (σπαθίον), съ которымъ онъ вошелъ. Слѣдовательно, несомнѣнно съ мечемъ вошелъ друнгарій, а не аколуѡтъ; потому, если уже поправлять текстъ, такъ слѣдуетъ вмѣсто νεύοντες τῷ ἀκόλουθῳ τοῦ εἰσελθεῖν читать νεύοντες τῷ δρογγάρῳ τοῦ εἰσελθεῖν, послѣ чего друнгарій входитъ: ὁ δὲ δρογγάριος εἰσέρχεται, и становится на своемъ обычномъ мѣстѣ въ Юстиніановомъ Триклинѣ, а аколуѡтъ, оставаясь въ Скилахъ, по видя церемоніарія съ силенціаріями, а равно и друнгарія, «беретъ знакъ» для ввода сначала высшихъ чиновъ, потомъ слѣдующихъ.

Если же мы будемъ читать все, какъ стоитъ въ текстѣ, то необходимо допустить, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ пропускомъ, какъ это часто бываетъ въ обрядахъ Придворнаго Устава. Иногда эти пропуски легко возстановить изъ другихъ подобныхъ обрядовъ: одинъ такой случай будетъ указанъ ниже при изложеніи праздничныхъ большихъ выходовъ. Воскресный обрядъ, къ сожалѣнію, одинъ и другаго подобнаго нѣтъ; потому навѣрно возстановить пропущенное нельзя; но можно предполагать, что въ указанномъ мѣстѣ между двумя вышеприведенными открывками послѣ τοῦ εἰσελθεῖν пропущено: ὁ δὲ (или καὶ ὁ μὲν) ἀκόλουθος εἰσελθὼν (или εἰσέρχεται καὶ) προσκυνεῖ τὸν τε τῆς καταστάσεως καὶ τοὺς σιленτιαρίους καὶ λαβὼν νεῦμα παρὰ τοῦ τῆς καταστάσεως προσκαλεῖται τὸν δρογγάριον. Послѣ чего, какъ гласитъ текстъ: ὁ δρογγάριος εἰσέρχεται φορῶν κтл. Эта вставка основана на послѣдующемъ текстѣ воскреснаго обряда. Позволяю себѣ думать, что внимательно прочитавшій этотъ обрядъ не найдетъ въ предложенной вставкѣ ничего невѣроятнаго. Напротивъ, при этой прибавкѣ, нѣтъ надобности измѣнять ни одного слова въ текстѣ, а вѣроятность такой или подобной вставки очевидна изъ текста всего воскреснаго обряда. Если мы допустимъ такую или подобную вставку, то все это мѣсто будетъ имѣть такой смыслъ: аколуѡтъ, стоящій въ Скилахъ и смотрящій чрезъ дверь и поднятую завѣсу Юстиніана въ Юстиніанъ, видитъ, что церемоніарій и силенціаріи даютъ ему знакъ войти въ Юстиніанъ (νεύοντες τοῦ εἰσελθεῖν). Аколуѡтъ входитъ и, остановившись у входной завѣсы Юстиніана, кланяется церемоніарію и силенціаріямъ и «беретъ знакъ» у церемоніарія пригласить друнгарія войти въ Юстиніанъ, что аколуѡтъ и дѣлаетъ, послѣ чего друнгарій входитъ въ Юстиніанъ и становится въ верхней его части, а аколуѡтъ, по всей вѣроятности, остается у завѣсы или на порогѣ дверей, ведущихъ изъ Юстиніана въ Скилы, такъ чтобы ему видно было, какъ находящихся въ Юстиніанѣ церемоніарія съ силенціаріемъ, такъ и чиновъ, сидѣвшихъ въ Скилахъ, къ которымъ онъ долженъ былъ обращаться съ приглашеніемъ.

¹⁾ Относительно порфиновыхъ омфаліевъ см. Byzantina, I кн., стр. 35, 59, 132.

²⁾ Скилы, вестибулъ Юстиніановой Палаты, примыкали къ этой послѣдней въ западномъ концѣ ея и составляли крайнюю западную часть Дворца, обращенную къ Ипподрому, который лежалъ на западъ отъ дворцовыхъ зданій. См. Byzantina, I кн., стр. 62. Считаю необходимымъ замѣтить здѣсь, что Byzantina, I кн., стр. 65, строка 13 сверху и стр. 75, строка 17 снизу, по недосмотру, ошибочно напечатано, что Ипподромъ находился «на востокъ» отъ Дворца, вмѣсто «на западъ». Къ сожалѣнію, недосмотръ этотъ замѣченъ былъ уже послѣ напечатанія перечня болѣе важныхъ опечатокъ и не попалъ въ ихъ число. Хотя ошибочность напечатаннаго очевидна какъ изъ всего разсужденія объ Ипподромѣ и выходящихъ къ нему частяхъ Дворца, такъ и изъ приложеннаго плана Лабарта, тѣмъ не менѣе, во избѣжаніе недоразумѣній, считаю нужнымъ обратить вниманіе на этотъ недосмотръ и поправить его хоть здѣсь.

друнгарію и церемоніарію съ силенціаріями и садились на свои скамьи. Тогда аколуѣ по данному опять церемоніаріемъ знаку возглашалъ, обращаясь къ второстепеннымъ чинамъ, служившимъ въ разныхъ департаментахъ (σέκρετα): „повелите, секретики!“¹⁾ Секретики точно также входили, кланялись и садились на предназначенныя для нихъ скамьи. Аколуѣ, наконецъ, еще разъ „бралъ знакъ“ отъ церемоніарія и такимъ же возгласомъ приглашалъ входить второстепенныхъ начальниковъ гвардейскихъ отрядовъ: топотиристовъ, хартуларіевъ, комитовъ и пр. Если не было въ Константинополѣ гвардейскихъ отрядовъ, то приглашались начальники отряда нумеровъ и стѣнъ и оставшіеся въ городѣ начальники числа. Входили они съ мечами и становились въ ширину Юстиніанова триклина чинно и тихо, со сложенными руками²⁾. Когда такимъ образомъ всѣ займутъ свои мѣста въ Юстиніанѣ, на средину выходитъ дежурный атриклинъ съ мечемъ и по пригласительному списку громко провозглашаетъ имена тѣхъ, которыхъ онъ долженъ пригласить на этотъ разъ. Затѣмъ атриклинъ и церемоніарій съ остіаріемъ уходятъ изъ Юстиніанова триклина къ препозиту и докладываютъ ему, что пора дѣлать отпускъ. Препозитъ разрѣшаетъ сдѣлать отпускъ; папія беретъ ключи и, потряхивая и гремя ими, идетъ чрезъ Лавзіакъ въ Юстиніанъ; друнгарій снимаетъ съ себя мечъ, въ знакъ окончанія собранія, силенціарій возглашаетъ: „повелите!“ Собраніе распускается и всѣ неприглашенные расходятся по домамъ, а приглашенные остаются и обѣдаютъ съ царемъ³⁾ въ одной

¹⁾ Въ текстѣ изъ многочисленныхъ чиновъ разныхъ ранговъ, служившихъ въ разныхъ управленіяхъ (σέκρετα), упоминаются только хартуларіи геника и стратіотика и антиграфей квестора. Очень можетъ быть, что они взяты для примѣра, а можетъ быть также, что въ воскресные дни въ теченіе года чины разныхъ вѣдомствъ приглашались къ царскому столу по очереди, какъ они приглашались въ праздники пасхальные и рождественскіе. Въ такомъ случаѣ въ качествѣ воскреснаго обряда вообще во 2-й главѣ II книги Придворнаго Устава мы имѣемъ обрядъ того именно воскресенія, когда приглашались вышеназванные чины. Кланяются чины при самомъ входѣ въ Юстиніанъ, такъ какъ τὸ τοῦ πάλαιου, въ которомъ кланялись чины, находился въ нижней (κάτω), западной части Юстиніановой Палаты, но какое архитектурное значеніе имѣетъ здѣсь τοῦ πάλαιου, сказать не берусь. Судя по тому, что τοῦ πάλαιου назывался головной уборъ царицы, имѣющей форму теперешней камилавки (Du Canape, Gloss. gr. s. v. τοῦ πάλαιου), можно думать, что τοῦ πάλαιου означало какую нибудь особую форму свода или купола. Ср. наши термины: тамбуръ или барабанъ купола.

²⁾ Въ знакъ покорности и смиренія руки складывались или назади, или на груди крестообразно. Какъ стояли въ Юстиніанѣ офицеры, приглашенные въ Юстиніанъ, сказать трудно. Reiske, обстоятельно обсуждавшій этотъ вопросъ (Comment. p. 607), полагаетъ, что они стояли, скрестивъ руки на груди.

³⁾ Хотя въ обрядѣ воскресныхъ приемовъ и не сказано, что послѣ приглашенія (κλητῶριον) приглашенные остаются, но и въ немъ относительно приглашенныхъ протоспаеаріевъ замѣчено, что они остаются въ Лавзіакѣ, а въ другихъ обрядахъ довольно часто замѣчается, что послѣ обряда и приглашенія къ столу (στοιχηθέντος τοῦ κλητῶριου), происходитъ отпускъ (γίγνεται μίση) и приглашенные остаются, а остальные расходятся по до-

изъ большихъ дворцовыхъ палатъ. Въ Крестопоклонное Воскресеніе обѣдъ давался въ Юстиніановой Палатѣ, куда, „послѣ отпуска выходилъ царь и садился за свой честной столъ“ (I, 29, 16).

Кромѣ вышеизложеннаго обряда, въ воскресные дни нерѣдко совершалось производство въ чины. Въ самые высшіе чины, какъ кесаря и нобилиссима, производили обыкновенно въ большіе праздники предъ выходами въ храмъ св. Софіи; точно также и въ магистры и нѣкоторые другіе чины производили часто предъ выходами въ храмъ въ большіе праздники ¹⁾, въ такъ-называемые „дни облаченій“ (ἡμέρα τῶν ἀλλαξίμων), т. е. когда всѣ чины синклита собирались во Дворецъ въ полной парадной формѣ, въ какой необходимо было, кромѣ предстоящаго выхода, участвовать и въ обрядѣ производства въ высшій чинъ. Но нерѣдко производство даже въ такой высокій чинъ, какъ чинъ магистра, происходило въ простое воскресенье (ἡ παγκυή κυριακή) въ часы приема, но непременно въ Консistorіи, въ которой магистры производились всегда, почему Консistorія и называлась палатою, въ которой производятся магистры ²⁾. Производство въ магистра въ простое воскресенье происходило по особому обряду, который сохранился въ Придворномъ Уставѣ (I, 46, 234—236) и слѣдуетъ прямо за обрядомъ производства въ тотъ же чинъ во время большаго выхода въ храмъ св. Софіи (I, 46, 231—233).

Въ патрикии, напротивъ, никогда не производили во время большихъ выходовъ въ св. Софію, а только въ простые воскресные дни и второстепенные праздничные дни, какъ 12 дней святокъ, Пасхальная недѣля, Вербное Воскресеніе и Великая Суббота. Обрядъ этотъ почти всегда происходилъ въ Хрисотриклинѣ, гдѣ происходило, большею частью, производство и въ другіе чины и должности ³⁾.

Въ томъ случаѣ, если въ простое воскресенье должно было происхо-

мамъ (καὶ οἱ μὲν κληθέντες φίλοι μένουσιν, οἱ δὲ ἀπέρχονται ἕκαστος αὐτῶν εἰς τὸν οἶκον αὐτοῦ (I, 35, 183; I, 14, 95; I, 33, 177; I, 16, 97).

¹⁾ См. I, 43, 218 (производство въ кесаря въ первый день Пасхи); I, 44, 228 (производство въ нобилиссима тоже въ первый день Пасхи или въ другой большой праздникъ); I, 46, 231 (производство въ магистра во время большаго выхода въ храмъ св. Софіи); ср. I, 26, 143 (производство въ магистра во время Крещенскаго выхода); I, 23, 132—133 (производство въ скривоны, domestici, комиты и протикторы во время Рождественскаго выхода).

²⁾ О Консistorіи и производствѣ въ ней магистровъ см. Byzantina, 1 кн., стр. 117 слѣд.

³⁾ См. I, 47, 241: *γράφειν, ὅτι ἐν ἑορτῇ* (въ большой праздникъ во время выхода въ храмъ св. Софіи) *πρόβολή πατρικίου οὐ γίνεται, τὴν δωδεκάμερον τῶν ἑορτῶν γίνεται καὶ τὴν ἑξαμέρον τῆς διακαινησίμου καὶ τὴν ἡμέραν τῶν Βαίων καὶ ἐν παγκυῇ κυριακῇ...* Ср. Ibid. p. 236. Но въ Великую Субботу, если производили когонибудь въ патрикии, то производство происходило въ Консistorіи во время шествія царя въ храмъ св. Софіи чрезъ эту палату (ibid. 241—242).

дить производство въ высшій чинъ, причемъ должны быть всѣ чины синклита въ полномъ парадномъ облаченіи, чинамъ синклита чрезъ препозита заранѣе объявлялось о предстоящей церемоніи и синклить, облачившись въ Ипподромѣ, входилъ чрезъ Скилы въ Юстиніанову Палату, по обычаю и порядку воскресныхъ дней, а оттуда проходилъ чрезъ Лавзіакъ въ Трипентонъ, гдѣ и дожидался ввода по отдѣленіямъ въ Хрисотриклинь. Въ Хрисотриклинѣ между тѣмъ приготавливали все, необходимое для совершенія обряда производства въ патрикіи. Царь, выйдя изъ своихъ покоевъ и помолившись предъ иконою Спасителя въ Хрисотриклинѣ, проходилъ въ камару предъ храмомъ св. Θεοδора, облачался тамъ въ дивитисій, а потомъ, при участіи веститоровъ, въ хламиду, а не плащъ, какъ обыкновенно въ простыя воскресенья, и надѣвалъ корону. Облачившись такимъ образомъ, царь выходилъ изъ камары св. Θεοδора и чрезъ Хрисотриклинь входилъ въ восточную конху и садился на тронъ (σέντζος), а не на кресло (σελλίον), послѣ чего папія или минсураторъ наполняли залу благовоннымъ дымомъ посредствомъ кажденія ¹). Когда все было такимъ образомъ готово и чины кувуклія занимали свои мѣста вокругъ трона, начинался вводъ чиновъ по βῆλα и въ присутствіи ихъ, по установленному чину, совершался обрядъ производства.

Такъ какъ обряды чинопроизводства принадлежатъ къ другому отдѣлу Византійскихъ древностей, то мы не станемъ здѣсь излагать обряда производства въ чинъ патрикія, а замѣтимъ только, что обрядъ этотъ совершался довольно долго, часъ по крайней мѣрѣ или 1¹/₂, такъ что, по всей вѣроятности, занималъ значительную долю времени воскреснаго утренняго пріема между литургіею и утренею. Послѣ литургіи, чины, безъ сомнѣнія, опять входили въ Юстиніанову Палату вышеописаннымъ порядкомъ и, послѣ приглашенія нѣкоторыхъ изъ нихъ къ царскому столу, неприглашенные расходились по домамъ ²).

¹) См. I, 47, 236: πρὸ μιᾶς δίδεται ἀπόκρισις (распоряженіе) καὶ μὴνύεται ἡ πᾶσα σύγκλητος, ἵνα προσέλθῃ μετὰ ἀλλαξίμων, καὶ τὸ πρῶν ἀλλάσσει ἐν τῷ Ἰπποδρόμῳ καὶ εἰσέρχεται ἡ προέλευσις εἰς τὸν τρικλινὸν τοῦ Ἰουστινιανοῦ καὶ πᾶς ὁ λαὸς, καθὼς ἔχει ἡ συνήθεια τῆς κυριακῆς κτλ. ср. I, 48, 244 слѣд.

²) Кромѣ производства въ патрикіи, въ обыкновенные воскресные дни, вѣроятно, цари производили въ другіе, менѣе высокіе чины, а равно и назначали на должности, если это было нужно и угодно царю. Но прямыхъ указаній на это мнѣ не попадалось, потому я ограничиваюсь указаніемъ только производства въ магистры и патрикіи, такъ какъ совершеніе этихъ обрядовъ прямо отнесено на воскресные дни, кромѣ нѣкоторыхъ выше-названныхъ праздничныхъ дней.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Большіе, средніе и малые выходы.—Повѣстка чинамъ о предстоящемъ выходѣ.—Собраніе чиновъ для участія въ выходѣ.—Праздничныя облаченія чиновъ.—Перенесеніе царскаго облаченія и короны изъ Ризницы при храмѣ св. Θεодора въ Октагонъ дворца Дафны.—Парадные щиты.—Жезлъ Моисея и крестъ св. Константина.—Выходъ царя изъ своихъ покоевъ въ Хрисотриклинъ и шествіе до Китона Дафны.—Облаченіе царя въ дивитисій, хламиду и корону.—Дивитисій.—Выходъ царя въ парадномъ облаченіи чрезъ Августей въ портикъ Августея (Золотая Рука).—Приемъ здѣсь высшихъ чиновъ.—Вводъ ихъ по рангамъ (βῆλα) и разстановка чиновъ.—Многолѣтіе и переходъ царя и чиновъ въ Оноподъ.—Приемъ въ Оноподѣ и переходъ въ Консисторію.—Приемъ и привѣтствіе царя вѣмъ синклитомъ въ Консисторіи.—Дальнѣйшее шествіе чиновъ и царя изъ Консисторіи въ Триклинъ Кандидатовъ.—Встрѣча клиромъ храма Господа.

Кромѣ ежедневныхъ и воскресныхъ выходовъ, благочестивые византійскіе цари, какъ представители царства Божія на землѣ и защитники православія, дѣлали въ большіе христіанскіе праздники и въ нѣкоторые другіе высокаторжественные дни выходы и выѣзды въ храмы, отличавшіеся большею или меньшею торжественностію, смотря по важности праздника. Эти праздничные выходы и выѣзды можно раздѣлить на 3 рода по мѣсту направленія ихъ: 1) выходы въ храмъ св. Софіи, 2) ходы и выѣзды въ другіе Константинопольскіе храмы и 3) выходы въ дворцовые храмы ¹⁾.

¹⁾ Почти во всѣ значительные праздники церковные, цари дѣлали выходы или выѣзды въ храмы, причемъ въ нѣкоторые праздники эти выходы соединялись съ крестными ходами изъ одного храма въ другой. Такъ, напримѣръ, въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли цари ходили изъ св. Софіи въ храмъ св. Апостоловъ (I, 10, 71 сл.); въ Благовѣщеніе и Рождество Богородицы (I, 1, 26 сл.; I, 30, 162 сл.) цари ходили μετὰ τῆς οἰκίας λητῆς въ храмъ Богородицы Халкопратійской. Въ Срѣтеніе и Успеніе пресв. Богородицы цари ѣздили во Влахернскій дворецъ и дѣлали оттуда выходы во Влахернскій храмъ (I, 27, 147; II, 9, 541), причемъ, предъ входомъ въ храмъ съ патріархомъ, царь встрѣчалъ патріарха, приходившаго μετὰ τῆς λητῆς. Въ дворцовыя церкви выходы совершались, соединяясь иногда также съ крестными ходами по дворцовымъ храмамъ, напр., въ Вербное Воскресеніе (I, 32, 171), въ день освященія Новой Великой церкви (1 мая) и Михайловъ день (8 ноября) I, 20, 118 сл. Выходы и выѣзды въ эти праздники, которыхъ мы не перечислили и половины, могутъ быть предметомъ отдѣльнаго очерка.

Всѣ эти три рода выходовъ, въ свою очередь, могутъ быть раздѣлены на нѣсколько типовъ по своему характеру и большей или меньшей торжественности, съ которою они совершались. Оставивъ пока въ сторонѣ выходы 2-го и 3-го рода, мы остановимся на выходахъ царей въ храмъ св. Софіи, которые будутъ служить предметомъ этого очерка.

А. Первое мѣсто между выходами въ храмъ св. Софіи занимаютъ, несомнѣнно, по своей торжественности и важности праздниковъ выходы царей въ прадники Господніе: Воскресенія Христова, Пятидесятницы, Преображенія, Рождества Христова и Крещенія или Праздникъ Свѣтовъ. Эти выходы можно назвать, въ отличіе отъ другихъ выходовъ въ св. Софію, *большими*. Къ нимъ можно причислить и торжественные выходы въ нѣкоторые царскіе дни и высокаторжественные государственные праздники ¹⁾.

Б. *Средними* выходами въ св. Софію можно назвать царскіе выходы, совершавшіеся съ меньшею торжественностью въ тѣхъ случаяхъ, когда царь шелъ въ св. Софію не для того, чтобы слушать тамъ литургію, какъ въ первомъ случаѣ, а чтобы только начать изъ св. Софіи крестный ходъ въ другой храмъ. Такіе выходы совершались въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли и въ Богородичные праздники: Благовѣщенія и Рождества пресв. Богородицы. Такъ какъ эти выходы принадлежатъ ко 2-му разряду, т. е. выходамъ въ другіе храмы, кромѣ св. Софіи, то въ нижеслѣдующемъ очеркѣ они будутъ приниматься во вниманіе и разсматриваться только въ первой своей части, т. е. до выхода изъ св. Софіи въ другой храмъ. Къ этимъ выходамъ, по нѣкоторымъ признакамъ, можно причислить и выходъ въ св. Софію въ Великую Субботу и Антипасху (I, 35, 180—186) и выходы въ нѣкоторые царскіе дни ²⁾.

¹⁾ Господніе праздники, въ которые совершались большіе выходы въ храмъ св. Софіи, перечислены I, 1, 22; I, 2, 41; I, 37, 187. Ср. II, 15, 591; II, 52, 741, 754, 765, 775 и 779, гдѣ, при изложеніи порядка приглашеній къ царскому столу (κλητώρια) въ праздничные дни, упоминается, что въ вышеназванные пять Господнихъ праздниковъ дѣлается выходъ ἐν τῇ μεγάλῃ τοῦ Θεοῦ καθολικῇ ἐκκλησίᾳ. Кромѣ этихъ праздниковъ, большіе выходы въ св. Софію дѣлались въ день коронаціи, когда цари ходили въ св. Софію чрезъ западныя, красныя врата для коронованія (I, 38, 192). Въ день хиротоніи патріарха (II, 14, 565) и по случаю рожденія у царя сына въ прежнія времена дѣлался выходъ (πρόκευτος) въ Великую Церковь κατὰ τύπον τῶν μεγάλων προελεύσεων (II, 21, 617); для крещенія царскаго сына цари προέρχονται μετὰ τῶν ἀλλαξίμων, καθὼς ἔχει ἡ συνήθεια τῶν μεγάλων ἐορτῶν (II, 22, 620). Но такъ какъ подробности выходовъ этихъ не извѣстны, то быть можетъ, эти послѣдніе выходы совершались, по крайней мѣрѣ иногда, по типу *среднихъ* выходовъ, которые въ Придворномъ Уставѣ также называются *большими*, но выдѣлены мною въ особый типъ, потому что въ эти выходы царь входилъ въ св. Софію чрезъ южныя врата и шелъ съ нѣсколько меньшею торжественностію.

²⁾ Предъ совершеніемъ триумфа надъ побѣжденнымъ непріятелемъ на форумѣ Константина, бывалъ также выходъ, но не большой по образцу Господнихъ, а средній, по

В. *Малыми* выходами можно назвать выходы, которые цари совершали въ храмъ св. Софіи въ понедѣльникъ 1-й недѣли Великаго поста, въ Крестовоздвиженіе и въ праздникъ Православія ¹⁾).

Обряды двухъ первыхъ типовъ выходовъ въ св. Софію составитель Придворнаго Устава далъ въ 1-й главѣ 1-й книги, но, кромѣ того, онъ внесъ въ свой Уставъ и обряды отдѣльныхъ праздниковъ, изъ которыхъ до насъ дошли: обряды выходовъ: въ 1-й день Пасхи (безъ начала), Рождества Христова, Крещенія, принадлежащіе къ выходамъ 1-го типа; обряды выходовъ въ Благовѣщеніе, въ Великую Субботу и въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли, принадлежащіе ко второму типу, и наконецъ, обряды выходовъ въ понедѣльникъ 1-й недѣли Великаго поста, въ Крестовоздвиженіе и недѣлю Православія ²⁾, принадлежащіе къ 3-му типу.

образцу Рождества пресв. Богородицы и Благовѣщенія. такъ какъ цари въ день триумфа шли изъ св. Софіи на форумъ Константина съ своимъ крестнымъ ходомъ (μετὰ ἰδίας λιτῆς), а затѣмъ патріархъ приходилъ туда же съ своимъ крестнымъ ходомъ, какъ это было и въ названные праздники (II, 19, 607 θριάμβου ἐπινικίων τελοῦμένου ἐν τῷ φόρῳ μετὰ λιτῆς). Выходъ въ день триумфа, такимъ образомъ, долженъ быть причисленъ къ выходамъ 2-го типа, а не 1-го, хотя разница между ними, какъ мы увидимъ, была не особенно велика.

¹⁾ Cer. I, 22, 124—128 (Крестовоздвиженіе); I, 28, 156—160 (недѣля Православія). Къ нимъ можно причислить и выходъ въ понедѣльникъ 1-й недѣли поста, когда царь, послѣ увѣщанія чиновъ въ Магнаврѣ «въ чистотѣ и страхѣ Божиѣмъ проводить всесвященную и святую четырехдесятницу», шелъ въ св. Софію, откуда возвращался безъ чиновъ, διὰ γὰρ τὸ εἶναι τὴν ἡμέραν ταύτην παγανὴν εἰς τὴν ὑποστροφὴν οὗ ἀκριβεύουσιν οὗτοι (чины) τοὺς δεσπότες (I, 27, 155; тотъ же обрядъ, но подробнѣе и съ варіаціями II, 10, 545—548).

²⁾ Придворный Уставъ Константина Багрянороднаго, послѣ предисловія, начинается общимъ обрядомъ выходовъ въ большіе праздники: τάξις καὶ ἀκολουθία τῶν εὐσήμεων καὶ περικλυτῶν προσελεύσεων, ἐν αἷς οἱ βασιλεῖς ἀπίασιν ἐν τῇ Μεγάλῃ Ἐκκλησίᾳ. Но такъ какъ эти выходы видоизмѣнялись, сообразно съ праздникомъ и распадаются, какъ мы видѣли, на нѣсколько типовъ, то въ составъ общаго обряда, изложеннаго въ 1-й гл. I кн., вошли нѣсколько типическихъ обрядовъ: 1) обрядъ выхода въ вышеуказанные господніе праздники (р. 5—22), съ указаніемъ отличій выхода въ день Пасхи (р. 22—26); 2) обрядъ выхода въ св. Софію и крестнаго хода изъ св. Софіи въ храмъ пресв. Богородицы Халкопратіѣйской (собственно обрядъ праздника Рождества пресв. Богородицы, р. 26—33); 3) обрядъ выхода въ Великую Субботу (р. 33—35), который, будучи сходенъ съ выходомъ въ Рождество пресв. Богородицы, отличается отъ него еще меньшею торжественностію. За этими обрядами во 2-й, 3, 4, 5, 6, 7, 8 главахъ I книги и двухъ первыхъ §§ 9-й слѣдуютъ актологіи, т. е. пѣснопѣнія димовъ на Рождество, Крещеніе, Пасху, понедѣльникъ Пасхальной Недѣли, Антипасху (воскресеніе Θοминой недѣли), Преполовеніе, Вознесеніе и начало актологій на Троицу; съ § Г этой главы въ изданіяхъ идетъ съ середины обрядъ 1-го дня Пасхи, составлявшій въ рукописи 18-ю главу, такъ что между § 2-мъ 9-й главы и 3-мъ, между 41 стр. рукописи и 42-ю, были: конецъ 9-й главы, вся 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17 и начало 18-й. Какое было содержаніе этихъ главъ, сказать навѣрно нельзя, такъ какъ перечня главъ 1-й книги въ рукописи нѣтъ. Reiske (Comment. ad Cerim. p. 152—3), сообщая свѣдѣнія объ этомъ пропускѣ, высказываетъ предположеніе, что до 18-й главы шли все актологіи, но не указываетъ, на какіе именно праздники. Въ виду того, что за актологіями слѣдуютъ обряды на разные праздники, начиная съ 1-го дня Пасхи и кончая Великою Субботою, можно думать дѣйствительно, что между общимъ обрядомъ (1 гл.) и

Въ нижеслѣдующемъ очеркѣ мы будемъ слѣдовать общему обряду выходовъ въ большіе праздники, постоянно имѣя въ виду спеціальныя обряды такихъ же праздниковъ, укажемъ особенности Пасхальнаго выхода, рассмотримъ выходы 2-го типа (средніе) и закончимъ изложеніемъ

Пасхальнымъ (9 гл., собств. 18-я) были въ рукописи актологіи на тѣ праздники, которые слѣдовали за Троицею. Возстановить общее содержаніе пропущенныхъ въ рукописи главъ и опредѣлить, къ какимъ праздникамъ относятся онѣ, можно отчасти на основаніи списковъ праздничныхъ выходовъ и выѣздовъ, находящихся въ 37 гл. I книги Cerim. и 52 главъ II кн. Въ 37 гл. I кн. называются разные предметы облаченія, которые цари надѣвали для выходовъ и выѣздовъ въ праздничные дни, и при этомъ перечисляются праздники, въ которые совершались эти выѣзды и выходы, а въ 52 гл. II кн. (клиторологіи Филоея) мы имѣемъ перечень праздничныхъ обѣдовъ царя, къ которымъ приглашались свѣтскіе и духовные чины (р. 741—783). Эти списки, изъ которыхъ второй (клиторологіи) составленъ въ 900 г. при Львѣ Мудромъ, позволяютъ намъ заключать навѣрно, что послѣ неоконченной Троицкой актологіи (I, 9, р. 61, lin. 5), слѣдовали актологіи: 1) на праздникъ всѣхъ Святыхъ (первое воскресенье послѣ Троицы, I, 37, 189 и II, 7, 535—538, гдѣ мы имѣемъ обрядъ этого выхода), 2) на праздникъ св. Апостоловъ (ibid., въ оба эти праздника цари ѣздили въ храмъ св. Апостоловъ по обряду Понедѣльника Пасхальной недѣли), 3) на Преображеніе (выходъ въ храмъ св. Софіи, I, 1, 22; I, 2, 41; I, 37, 189; II, 52, 779; II, 15, 591), 4) на Рождество Богородицы (I, 1, 26; I, 37, 189), 5) на Благовѣщеніе (I, 1, 33; I, 30, 162—168). Кромѣ этихъ праздниковъ, въ которые несомнѣнно бывали всегда торжественныя приемы димовъ и пѣлись приличныя празднику пѣснопѣнія, бывали торжественныя выѣзды и выходы въ нѣкоторые другіе праздники, значеніе которыхъ, а слѣдовательно, и торжественность празднованія посредствомъ большаго выхода или параднаго выѣзда зависѣла отъ обстоятельствъ и спеціальной важности этихъ праздниковъ для царей. Такъ, при Львѣ Мудромъ съ особенною торжественностью праздновалась память царя Василія I Македонянина; 29 августа совершался торжественный выѣздъ въ храмъ св. Апостоловъ, гдѣ погребенъ былъ Василій; послѣ литургіи тамъ, царь возвращался верхомъ съ полнымъ парадомъ (ἐμπράττως). А такъ какъ при парадныхъ возвращеніяхъ изъ храма бывали встрѣчи димовъ и актологіи, то можно думать, безъ риска сдѣлать ошибку, что въ этомъ случаѣ бывали актологіи, которые и могли занимать одну изъ пропущенныхъ главъ. Если это предположеніе вѣрно, то мы будемъ имѣть содержаніе еще одной изъ пропущенныхъ главъ, именно 6-й. 7-ю пропущенную главу составляла, вѣроятно, актологія праздника воссоединенія церкви, установленнаго при Константинѣ VII Багрянородномъ, и торжественно праздновавшагося при немъ, благодаря особенному значенію этого праздника для Константина. По обряду этого праздника, который мы будемъ излагать въ свое время, въ этотъ праздникъ совершался большой выходъ и крестный ходъ въ храмъ св. Ирины, причемъ приемы происходили по установленному порядку большихъ выходовъ (ἐμπράττως ὁ βασιλεὺς ἄπεισι καὶ αἱ δοχαὶ κατὰ τὸν ὅρον γίνονται, I, 36, 186).

Какъ при Львѣ стали совершать торжественный выѣздъ въ день кончины Василія Македонянина, такъ при Константинѣ Багрянородномъ совершался торжественный выѣздъ въ храмъ же св. Апостоловъ 11 мая, день кончины Льва Мудраго. Въ этотъ же день праздновалась память св. и Великаго Константина, освященія города Константинополя, перестроеннаго для императорской резиденціи и освященія честныхъ крестовъ, водруженныхъ во дворцѣ Вона (II, 6, 532). Хотя въ обрядѣ празднованія этого дня ничего не говорится о приемѣ димовъ, но въ виду важности праздника, особенно для Константина Багрянороднаго, можно думать, что при возвращеніи изъ храма св. Апостоловъ, совершался приемъ димовъ въ извѣстныхъ мѣстахъ и пѣлись пѣснопѣнія, которыя и могли составлять содержаніе 8-й потерянной главы. Такое предположеніе тѣмъ болѣе возможно, что какъ общій обрядъ, такъ и актологіи на праздники прибавлены къ сборнику праздничныхъ спеціальныхъ обрядовъ, начинающемуся съ Пасхальнаго, по всей вѣроятности, именно при Константинѣ Багрянородномъ, которымъ, или по приказанію и подъ руководствомъ котораго редакци-

выходовъ 3-го типа, которые можно назвать, въ противоположность выходамъ 1-го типа, большимъ выходамъ, малыми выходами.

Наканунъ большого праздника, въ который совершался обыкновенно торжественный выходъ царя съ чинами въ храмъ св. Софїи или какой-нибудь другой храмъ, церемоніарій во время ежедневнаго приѣма напоминалъ препозиту, что наступалъ большой праздникъ и что нужно испросить распоряженіе царя относительно торжественнаго выхода. Препозитъ, выслушавъ докладъ, входилъ во время ежедневнаго приѣма въ Хрисотриклинь и, доложивъ царю о предстоящемъ праздникѣ, спрашивалъ царя, угодно-ли ему на слѣдующій день совершать торжественный выходъ въ храмъ или не угодно. Впослѣдствіи, когда между царемъ и препозитомъ сталъ парадинастевонтъ, этотъ докладъ, какъ мы видѣли, дѣлался препозитомъ чрезъ парадинастевонта. Если царю угодно было дать отвѣтъ утвердительный, то препозитъ сообщалъ объ этомъ церемоніарію и дѣлалъ чрезъ него распоряженіе о томъ, чтобы всѣ начальники отдѣльныхъ частей и весь синклитъ были увѣдомлены о предстоящемъ выходѣ ¹⁾. Такое увѣдомленіе необходимо было для того, чтобы одни могли явиться въ надлежащемъ облаченіи и собраться въ указанномъ мѣстѣ, а другіе имѣли время сдѣлать въ свою очередь и по своей части надлежащія распоряженія и приготовить все, необходимое для выхода (I, 1, 6).

Такъ, чины кувуклія увѣдомлялись для того, чтобы они не только явились сами въ надлежащее время и надлежащемъ облаченіи, но и чтобы приготовили нужные для того или другаго выхода предметы царскаго облаченія. Катепанъ и domestikъ „царскихъ“ въ свою очередь должны были сдѣлать распоряженіе о прибытіи къ выходу въ надлежащей формѣ царскихъ спаѳаріевъ, которымъ предстояло нести царское оружіе и конвоировать царя. Ипарха города извѣщали, чтобы онъ позаботился о чистотѣ и украшеніи улицъ и площадей, чрезъ которыя царю предстояло идти, усыпать путь царя зеленью, благовонными растеніями и цвѣтами, смотря по времени года, сдѣлать бы распоряженія объ украшеніи нѣко-

рованъ Придворный Уставъ и дополненъ разными примѣчаніями и прибавками, большею частію легко узнаваемыми, благодаря тому, что эти прибавленія къ прежнему сборнику начинаются обыкновенно словами *ἡρὶ εἰδέναι* или *ἰστέον*. А если актологіи составлены при Константинѣ Багрянородномъ, то въ числѣ ихъ, вѣроятно, находилась и актологія на 14 мая, обрядъ котораго внесенъ во 2-ю книгу (II, гл. 6), въ которой помѣщены и нѣкоторыя другіе обряды, не вошедшіе по разнымъ причинамъ въ первую книгу.

¹⁾ Ср. выше, стр. 22, прим. 1. гдѣ приведенъ греческій текстъ начала 1 гл., I кн. Придворнаго Устава.

торыхъ залъ разными матеріями и утварью, что исполнялось обыкновенно купцами, торговавшими этими предметами ¹⁾. Димарховъ извѣщали, чтобы они явились съ своими димами встрѣчать царей въ назначенныхъ мѣстахъ и приготовили славословія. Тѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ частей, управленіе которыхъ находилось довольно далеко отъ Дворца, посылались въ мѣста ихъ нахожденія особые приказы (ἀποστέλλουσι καὶ μάνδατα), какъ, на примѣръ, domestiку нумеровъ и комиту стѣнъ. „Однимъ словомъ, всѣмъ чинамъ и всѣмъ приказамъ посылается извѣстіе о выходѣ, чтобы каждый чинъ (τάξις) и каждый приказъ (σέκρετον) приготовили все, что слѣдуетъ имъ дѣлать, согласно съ установленнымъ для нихъ порядкомъ и образомъ дѣйствія каждаго изъ нихъ“ (I, 1, 6).

Въ день выхода въ храмъ св. Софіи чины собирались раннимъ утромъ, въ зимнее время еще до свѣта, въ Большой Дворецъ въ широкомъ смыслѣ и располагались въ тѣхъ помѣщеніяхъ, въ которыхъ или близъ которыхъ имъ предстояло привѣтствовать царя на пути его въ храмъ св. Софіи и затѣмъ присоединиться къ его свитѣ и шествовать съ нимъ. Самые высшіе и ближайшіе къ царю сановники, чины кувуклія и тѣлохранители царскіе, въ дни выходовъ въ св. Софію собирались обыкновенно въ Апсидѣ или Полукругѣ Триконха, гдѣ они обыкновенно въ первый разъ привѣтствовали царя, кромѣ чиновъ кувуклія, которые, по открытіи переходовъ Триконха, проходили чрезъ нихъ и чрезъ переходы 40 мучениковъ къ Хрисотриклину. Препозиты и другіе высшіе чины кувуклія входили въ сѣверную камару, такъ-называемый Пантеонъ, и сидели тутъ за завѣсою, а прочіе чины кувуклія оставались въ переходахъ 40 мучениковъ, гдѣ потомъ привѣтствовали царя при выходѣ его изъ Хрисотриклина ²⁾.

¹⁾ Ипархъ города долженъ былъ чистить и украшать улицы и площади, чрезъ которыя предстояло шествовать царю со свитою, вѣтвями вѣчно зеленыхъ и благовонныхъ деревьевъ и кустовъ, особенно если процессія происходила въ зимнее время или раннею весною, когда деревья, теряющія листву, еще не распустились. Для этихъ цѣлей употреблялись: самшитъ (*buxus sempervirens*), плющъ, лавръ, мирта и розмаринъ. Весною и лѣтомъ, когда деревья стояли въ листвѣ, для этой цѣли, понятно, употреблялись и другія растенія и путь усыпался не только зеленью, но и цвѣтами, «красивыми и благовонными» (I, 1, 6). Ср. Reiske, Comm. 38, гдѣ приводятся извѣстія о подобномъ же украшеніи улицъ и площадей для торжественнаго шествія Балдуина изъ Влахернскаго Дворца въ св. Софію и торжественнаго вѣзда Мануила Комнина въ Антиохію. О торговцахъ, украшавшихъ дворцовыя палаты дорогими матеріями и утварью для большихъ выходовъ и пріемовъ, см. Byzantina, I кн., стр. 174—175.

²⁾ Cerim. I, 10, 71—72: προέρχονται ἅπαντες οἱ ἄρχοντες ἐν τῇ Ἀψίδι... ἀνοίξαντος δὲ τοῦ Παλατίου, οἱ μὲν τοῦ κουβουκλείου ἅπαντες εἰσέρχονται διὰ τῶν διαβατικῶν τῶν ἁγίων μ', ἐνδεχόμενοι ἐκεῖσε τὸν βασιλέα, οἱ δὲ πατρίκιοι καὶ στρατηγοὶ ἅμα τῶν δομestikῶν ἵστανται ἐν τῷ Πρικυκλίῳ τοῦ Τρικόγχου, ὡς εἴθισται αὐτοῖς. Ср. I, 23, 128 (Рождество Христова), гдѣ сказано

Собравшись въ разныхъ пунктахъ Дворца, чины, если уже не приходили въ облаченіяхъ, облачались до выхода царя въ соотвѣтствующія празднику парадныя облаченія, такъ какъ Придворный Уставъ, какъ и Церковный, предписывалъ для разныхъ праздниковъ разныя облаченія, почему при извѣщеніи о выходѣ указывалось чинамъ, что они имѣютъ собраться съ облаченіями, соотвѣтствующими празднику или предстоящему придворному обряду. Вслѣдствіе этого и праздничные дни называются иногда днями облаченій (*ἡμέραι ἀλλαξίμων*) ¹⁾.

Между тѣмъ какъ въ ежедневныя собранія чины собирались, какъ мы видѣли, въ скарамангіяхъ, а въ воскресные дни въ скарамангіяхъ и плащахъ, въ большіе праздники, когда дѣлались торжественные выходы въ св. Софію, высшіе чины облачались въ хламиды разнаго цвѣта и матерій. Такъ, въ первый день Пасхи 12 самыхъ высшихъ сановниковъ въ чинѣ магистра и анѳипата облачались въ лоры, а прочіе анѳипаты и патрикіи въ камисіи и бѣлыя хламиды съ золотыми нашивками (*μετὰ τῶν χρησίων καὶ λευκῶν χρυσotáβλων χλαυιδίων*). Въ такихъ же бѣлыхъ

почти то же и гдѣ послѣ: οἱ δὲ τοῦ κουβουκλείου ἅπαντες εἰσερχόμενοι διὰ τῶν διαβατικῶν τῶν ἁγίων μ' ἐλθούτες, по всей вѣроятности, добавить: ἐκδέχονται ἐκείσε τὸν βασιλέα. Въ I, 26, 143 (Крещенье) сказано, что чины собираются ἐννόχοι въ Полукругѣ Апсиды. Въ общемъ обрядъ только относительно препозитовъ сказано, что они со всѣмъ чиномъ кувуклія входятъ въ Кавалларію (εἰς τὸν Καβαλλάριον) и ожидаютъ тамъ открытія Дворца, а по открытіи великимъ папѣю Дворца, входятъ καὶ καθέζονται ἐν τῷ βήλῳ τοῦ Πανθέου (I, 1, 6). Относительно Кавалларія можно только сказать, что это былъ одинъ изъ выходовъ Дворца (ср. II, 13, 557), находившійся по всей вѣроятности недалеко отъ Хрисотриклина. Болѣе точныя опредѣленія Кавалларія у Лабарта (Palais, p. 86; ср. 106) основаны на изображеніяхъ самого же Лабарта. Почему общій обрядъ говоритъ, что препозиты съ кувукліемъ собирались въ Кавалларіи, между тѣмъ какъ, по спеціальнымъ обрядамъ, чины кувуклія собирались въ Апсидѣ или Полукругѣ Триконха, сказать трудно. Очень возможно, что обычай, указанный общимъ обрядомъ, установился послѣ написанія спеціальныхъ обрядовъ, вслѣдствіе новыхъ построекъ и передѣлокъ въ Апсидѣ, произведенныхъ послѣ написанія спеціальныхъ обрядовъ. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, чины кувуклія, и находясь въ Кавалларіи, были также близко къ Хрисотриклину, какъ и въ Полукругѣ Триконха. — Объ Апсидѣ, Триконхѣ, его Полукругѣ (Сигмѣ) и ведущихъ къ нему переходахъ см. Обзоръ главн. частей Большаго Дворца, стр. 86 и слѣд.

¹⁾ Напримѣръ, въ обрядѣ 1 мая сказано: πρὸ μιᾶς ἡμέρας κελεύουσιν οἱ δεσπότες τοῖς πραιποσίτοις προσελθεῖν ἐπὶ τῇ αὐρίῳ μετὰ ἀλλαξίμων πᾶσαν τὴν σύγκλητον (I, 20, 118). Ср. I, 1, 121. Короче выражено это I, 41, 207: πρὸ μιᾶς δίδονται ἀπόκρισις ἀλλαξίμων. Ср. I, 44, 225; I, 47, 236. Ἡμέρα ἀλλαξίμων I, 51, 261; II, 3, 526; II, 4, 527. Δίδονται μάνδατα ἀλλαξίμων II, 21, 615; II, 23, 620. Предъ выѣздомъ въ какой нибудь изъ городскихъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ храмовъ въ праздники святыхъ, отдавался чинамъ приказъ собираться къ мѣсту выѣзда въ скарамангіяхъ (II, 13, 557). Хотя въ обрядахъ большихъ Господнихъ и Богородичныхъ праздниковъ о приказѣ собираться въ томъ или другомъ облаченіи не говорится, быть можетъ, потому, что распоряженіе о томъ, въ какихъ облаченіяхъ нужно быть, подразумѣвается само собою; но большею частію въ обрядахъ все-таки указано, въ какихъ облаченіяхъ были чины; иногда, впрочемъ, говорится просто: собираются въ облаченіяхъ (προέρχονται ἡλλαγμένοι), само собою разумѣется, надлежащихъ.

хламидахъ собирались высшіе чины и во всѣ остальные дни Пасхальной недѣли ¹⁾).

Въ Троицынъ день царь и чины облачались въ бѣлыя облаченія. Въ Крещеніе, какъ въ праздникъ свѣтовъ, употреблялись также бѣлыя облаченія, но безъ лоровъ. Въ Преображеніе, Рождество Христово и Рождество Богородицы царь и чины облачались въ пурпурныя одежды, въ Благовѣщеніе опять въ бѣлыя, но въ Великую Субботу въ темныя. При саракинскихъ послахъ, для большей торжественности, сдѣлано было отступленіе отъ Устава: въ Преображеніе цари дѣлали выходъ въ св. Софію въ лорахъ ²⁾), какъ въ Пасху.

¹⁾ I, 1, 24. Ср. I, 10, 71 (въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли *προέρχονται ἅπαντες οἱ ἄρχοντες ἀπὸ λευκῶν χλανιδίων ἐν τῇ Ἀψίδι, ἀλλάσσουσι δὲ* (облачаются) *οἱ μὲν πατρίκιοι χλανίδια χρυσόταβλα, οἱ δὲ λοιποὶ ἕκαστος κατὰ τὴν αὐτοῦ τάξιν καὶ ἀξίαν*), I, 11, 86 (во вторникъ), I, 12, 89 (въ среду), I, 14, 91 (въ четвергъ), I, 15, 96—7 (въ пятницу и субботу *προέρχονται ἡλλαγμένοι ἀπὸ λευκῶν χλανιδίων*). Относительно облаченія въ лоры чиновъ, кромѣ царя, ср. еще II, 40, 637 слѣд. Объ облаченіи въ лоры рѣчь будетъ ниже, при положеніи особенностей Пасхальнаго выхода.

²⁾ Облаченія царя въ праздничные дни во время хода въ храмъ и возвращенія изъ храма указаны въ особой главѣ (I, 37, 187—191), но указанія этой главы не всегда сходятся съ указаніями отдѣльныхъ обрядовъ (напр., относительно Благовѣщенія). Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ данныхъ относительно цвѣта облаченій чиновъ, можно руководствоваться цвѣтомъ царскихъ облаченій, такъ какъ обыкновенно царь и высшіе чины облачались по одному типу. Обрядъ Рождества Христова гласитъ: *προέρχονται ἅπαντες ἡλλαγμένοι φοροῦντες οἱ πατρίκιοι καὶ οἱ τοῦ κουβουκλείου καὶ οἱ τὰ πρῶτα ὀφφίκια κατέχοντες χλανίδια, οἱ μὲν τύρεα καὶ μηλινοκάθρυπτα, καὶ οἱ τοῦ κουβουκλείου τύρεα, οἱ δὲ ταῦνας κογχευτοὺς, ἔτεροι δὲ μαρζαύλια* (I, 23, 128). Въ этомъ перечнѣ облаченій только *τύρεα* можно съ нѣкоторою вѣроятностію принимать, согласно съ объясненіемъ Дюканжа (Gloss. latin. s. v. Tyrius) и Reiske (Comment. 221), въ смыслѣ краснаго, пурпурнаго, собств. Тирскаго, тѣмъ болѣе, что и царь въ Рождество Христово облачался также въ *πορφυρᾷ διβητήσια καὶ τὰς τοῦτων χλαμύδας* (I, 37, 190). Остальные облаченія и особенности ихъ составляютъ загадку, которая, быть можетъ, будетъ разгадана тогда, когда установлено будетъ названіе и значеніе византійскихъ парадныхъ облаченій вообще, въ такомъ обилии встрѣчающихся на памятникахъ искусства. Къ сожалѣнію, изъ этихъ облаченій, сколько мнѣ извѣстно, только сравнительно немногимъ можно дать названіе и навѣрное опредѣлить назначеніе. Въ Троицу цари облачаются въ бѣлые дивитисіи и соотвѣтствующія имъ хламиды (I, 37, 189), а такъ какъ чины облачаются подобно царю, то можно думать, что и чины облачались въ Троицу въ бѣлыя облаченія. Въ Крещеніе, какъ и накануне, всѣ *προέρχονται ἡλλαγμένοι ἀπὸ λευκῶν* (I, 26, 143), *διὰ γὰρ τὴν ἑορτὴν τῶν φωτῶν ὃ τε βασιλεὺς καὶ ἡ σύγκλητος λευκὰ ἀλλάσσουσιν*, какъ замѣчено въ обрядѣ кануна Крещенія (I, 25, 142). Въ Благовѣщеніе *ἀλλάσσουσιν οἱ μὲν πατρίκιοι χλανίδια λευκὰ, ἔχοντα ταβλία ἀπὸ ὀξέων* (т. е. съ пурпурными нашивками на хламидахъ), *ἐν γὰρ ταύτῃ τῇ ἑορτῇ οὗ φοροῦσιν τὰ ὑποχρυσουκλάβων ταβλίων χλανίδια* (какъ въ Пасху), *ὥσαύτως καὶ ἡ σύγκλητος πᾶσα ἀπὸ λευκῶν χλανιδίων* (I, 30, 163). Въ Великую Субботу *ἀλλάσσουσιν οἱ τε πατρίκιοι, δομέστικοί τε καὶ ἡ σύγκλητος ἅπαντα ἀτραβατικά χλανίδια*, а начальники кувуклія *χλανίδια τύρεα* (I, 35, 180—1). *Ἀτραβατικά χλανίδια* означаютъ: темныя хламиды (см. Reiske, Comment. p. 244, который говоритъ на основаніи Du Cange, Gloss. Lat. s. v. Atrabatiens). Суида сравниваетъ этотъ цвѣтъ съ цвѣтомъ сушенаго винограда, вѣроятно, краснаго или темно-краснаго (Sophocles, Greec Lexicon s. v.). Относительно значенія *ὀξύς* и *ὀξύβλαπτος* см. Reiske, Comment. p. 228, 555 и 753. Всего выше-сказаннаго относительно разницы въ облаченіи въ разные праздники, полагаю, вполне до-

Пока такимъ образомъ чины собирались въ разныхъ пунктахъ и облачались въ соотвѣтствующія празднику одежды, въ Хрисотриклинѣ шли приготовленія для облаченія царя. Веститоры, вошедшіе, безъ сомнѣнія, вмѣстѣ съ чинами кувуклія въ переходы 40 мучениковъ, входили оттуда въ Хрисотриклинъ и вмѣстѣ съ кувикуляріями, завѣдывавшими царскими облаченіями и состоявшими подъ начальствомъ помощника папія діэтаріями, подъ руководствомъ и по указаніямъ помощника папіи, шли въ храмъ св. Θεодора, находившійся въ сѣверо-восточномъ углу Хрисотриклина и служившій ризницею парадныхъ царскихъ облаченій, и брали тамъ длинныя плоскіе ящики (τὰ ταβλία); въ которыхъ хранились царскія облаченія, и ларцы (τὰ κορνίχλια) съ царскими коронами ¹⁾. Тѣ предметы облаченія, которые царь долженъ былъ надѣть предъ началомъ торжественнаго шествія изъ Августея въ св. Софію, относились въ лежавшую за Августеемъ осьмиугольную комнату, Октагонъ, предъ храмомъ св. Стефана во дворцѣ Дафны, и тамъ оставляли, чтобы всѣ эти предметы были на готовѣ, когда настанетъ время облачать царя. Другіе предметы облаченія, которые царь долженъ былъ надѣвать во время дальнѣйшаго шествія или на возвратномъ пути, оставались у вышеназванныхъ чиновниковъ и доставлялись ими въ надлежащія мѣста, по указанію помощника папіи, которому, безъ сомнѣнія, сообщались препозитомъ подробности предстоящаго выхода. На случай починокъ и поправокъ предметовъ царскаго облаченія во время шествія за ними слѣдовали портные и золотыхъ дѣлъ мастера ²⁾.

статочно, чтобы убѣдиться въ томъ, что облаченія, какъ въ церковныхъ службахъ, видоизмѣнялись сообразно съ праздникомъ, или цвѣтомъ и матеріею, или по крайней мѣрѣ нашивками. Пускаться въ дальнѣйшія разсужденія объ этомъ предметѣ считаю здѣсь неудобнымъ и неумѣстнымъ, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко; при трудности и неразработанности этой части византійской археологіи, говорить обстоятельно объ облаченіяхъ значитъ поднимать весь темный и запутанный вопросъ о визант. *res vestiaria*, въ которомъ о многихъ и важныхъ предметахъ и теперь, какъ и во времена Reiske, почти ничего опредѣленнаго сказать нельзя.

¹⁾ Ταβλία (отъ *tabula*) назывались плоскіе продолговатыя ящики (по нашему картоны) для храненія и перенесенія полныхъ облаченій, подобранныхъ и уложенныхъ въ такой ящикъ. Кромѣ этихъ, такъ сказать, гардеробныхъ таβλία, плоскихъ и длинныхъ ящиковъ, слово ταβλίον означаетъ табличевидную нашивку или вышивку на хламидахъ патрикіевъ и другихъ самыхъ высшихъ чиновъ. Κορνίχλια = *cornicula*, собств. рожки, обозначаетъ цилиндрическіе ларцы (*pyxides cylindricae*), имѣвшіе нѣкоторое сходство съ пустымъ рогомъ. Въ нихъ хранились и переносились на мѣсто облаченія царскіе вѣнцы или короны.

²⁾ Такъ какъ цари, во время праздничныхъ выходовъ, иногда нѣсколько разъ перемѣняли облаченія и вѣнцы, то для выхода очевидно бралось столько облаченій, сколько разъ предстояло царю переоблачаться. Хотя въ обрядѣ большихъ выходовъ говорится только объ одномъ облаченіи, относимомъ въ Октагонъ Дафны, но частыя переоблаченія царя во время выходовъ заставляютъ предполагать, что для выходовъ, по крайней мѣрѣ

Кромѣ царскихъ облаченій и вѣнцовъ, веститоры брали изъ храма св. Θεодора хранившійся тамъ Жезлъ Моисея, который относился ими въ Консistoriю, откуда этотъ жезлъ веститоры несли впереди процессiи вмѣстѣ съ большимъ и священнымъ крестомъ св. Константина Великаго, стоявшимъ обыкновенно въ храмѣ св. Стефана Дафны (I, 23, 129). Крестъ этотъ веститоры брали послѣ поклоненiя ему царя и относили также въ Консistoriю ¹⁾).

нѣкоторыхъ, бралось по нѣскольку разныхъ облаченій. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нѣтъ надобности припоминать много подобныхъ случаевъ. Достаточно просмотрѣть указанную уже 37 гл. I книги (р. 187 слѣд.), чтобы увидать, что царь во время выходовъ иногда нѣсколько разъ переоблачался или только перемѣнялъ корону, особенно если выходъ соединялся съ крестнымъ ходомъ и царь не только шелъ, но и ѣхалъ на лошади туда или обратно. Такъ, напримѣръ, въ Вознесенiе, когда совершался выѣздъ въ храмъ пресв. Богородицы Источника, за городъ, царь садился въ лодку въ скарамангiи, по выходѣ изъ лодки надѣвалъ около Золотыхъ воротъ вѣнецъ, по прибытiи въ храмъ, облачался въ дивитисiй и хламиду, потомъ, по окончанiи обѣдни въ плащъ (σαγiον). Serim. I, 18, 108 слѣд. Во время выхода въ св. Софiю въ 1-й день Пасхи, какъ мы увидимъ при дальнѣйшемъ изложенiи, цари также переоблачались нѣсколько разъ, потому чины, состоявшiе подъ начальствомъ девтера при царскихъ парадныхъ облаченiяхъ, въ томъ числѣ и веститоры, должны были носить и доставлять на мѣсто всѣ необходимыя перемѣны. О всѣхъ этихъ чинахъ и начальникъ царской парадной ризницы, девтерѣ, сказано въ приложенiи къ Обзору главныхъ частей Большаго Дворца, стр. 163 сл. Тамъ же сказано и о ношенiи веститорами во время процессiй жезла Моисеева и большаго креста св. Константина.

¹⁾ Что крестъ св. Константина хранился въ храмѣ св. Стефана Дафны, это видно изъ того, что царь, какъ мы сейчасъ увидимъ, молится передъ нимъ въ этомъ храмѣ, а кромѣ того, въ перечнѣ священныхъ предметовъ, облаченій и другихъ цѣнныхъ вещей, хранившихся въ разныхъ дворцовыхъ храмахъ, въ храмѣ св. Стефана Дафны значится большой крестъ св. и Великаго Константина, между тѣмъ какъ жезлъ Моисея значится въ числѣ предметовъ, хранившихся въ храмѣ св. Θεодора въ Хрисотриклинѣ (II, 40, 640), а это совершенно согласнo съ тѣмъ, что говорится объ этихъ предметахъ въ общемъ обрядѣ большихъ выходовъ (I, 1, 6—7).

Жезлъ Моисея (ἡ τοῦ Μωσέως Ῥάβδος), по словамъ Кодина (de aedific. p. 103 Βονη), былъ привезенъ въ Константинополь при Константинѣ Великомъ, который встрѣтилъ его у воротъ св. Эмилиана и вскорѣ построилъ здѣсь храмъ пресв. Богородицы, куда и положенъ былъ Жезлъ Моисея, благодаря которому и храмъ этотъ сталъ называться храмомъ пресв. Богородицы Жезла (объ этомъ храмѣ см. Du Cange, Const. Christ. lib. IV p. 64, ed. Venet., = p. 96 Paris.). Но потомъ Константинъ перенесъ Жезлъ Моисея во Дворецъ. Въ IX—X вв., какъ показано, Жезлъ Моисея находился въ храмѣ св. Θεодора, въ Хрисотриклинѣ. Когда Хрисотриклинъ и прилегающiе къ нему покои были оставлены царями, Жезлъ Моисея былъ перенесенъ въ Новую Великую Церковь и поставленъ въ одномъ изъ алтарей этого храма (а не во Дворцѣ Вукелеонта, какъ сказано у гр. Riant'a въ Euxiviae Constantinopolitanae sacrae, Genevae, II, 1878, p. 223 въ лат. переводѣ путешествiя Антонiя Новгородскаго, сдѣланномъ о. Мартыновымъ). Здѣсь «въ велицей церкви» видѣлъ Антонiй Новгородскiй этотъ Жезлъ или, какъ онъ называетъ, «палицу Моисеову, еюже море раздѣлилъ и люди проведе сквозѣ не, а Фараона потопивъ въ мори со Египтяны. Той же посохъ, прибавляетъ Антонiй, окованъ со драгимъ камнемъ» (изд. г. Савваитова, стр. 101). По описанiю Nicolaus Thingeyrensis, Жезлъ Моисея находился in palatiis antiquis, безъ указанiя, гдѣ именно; изъ этого не слѣдуетъ однако-жъ, что онъ находился во дворцѣ Вукелеонта, какъ думаетъ гр. Riant (Euxiviae s. C—nae, II, p. 213; ср. index, p. 398). Вскорѣ послѣ того, какъ Жезлъ Моисея и другiя святыни видѣлъ Антонiй Новгородскiй, онъ

Въ одно время съ веститорами въ храмъ св. Оеодора въ Хрисотриклинѣ входили царскіе оруженосцы, спаѳаріи, и брали хранившееся тамъ парадное царское оружіе: мечи, щиты и копья, которые оруженосцы должны были нести въ процессіи. Предъ выходами въ св. Софію парадное оружіе спаѳаріи относили въ Оноподъ и тамъ дожидались выхода царя изъ Августея въ полномъ облаченіи и затѣмъ присоединялись къ процессіи (I, 1, 7), которая, послѣ облаченія царя, припимала вполнѣ торжественный, парадный характеръ ¹⁾).

Во время этихъ приготовленій къ праздничному торжественному шествію въ храмъ, въ Хрисотриклинѣ шли обычныя приготовленія къ выходу царя изъ своего покоя. Тѣмъ же порядкомъ, какимъ приносили и клали на скамью у входныхъ дверей изъ южной камары Хрисотриклина въ покой царя царскій скарамангій въ обыкновенные дни, выносили, клали и вносили въ покой скарамангій и въ праздничные дни, только скарамангій были разные и, какъ все облаченіе, согласовались съ характеромъ и важностію праздника.

были похищены не столько благочестивыми, сколько жадными и корыстолюбивыми крестоносцами. Жезль Моисея вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими святынями увезенъ былъ въ Soisson епископомъ Нивеленомъ (a Nivelone Suessionensi, Exuviae, II, 33) въ 1206 г. Изъ письма Балдуина II къ Людовику IX, написанному въ 1247 г. изъ С.-Жермена, мы узнаемъ, что Жезль Моисея вмѣстѣ съ другими святынями былъ выкупленъ Людовикомъ IX изъ залога за дорогую цѣну, съ согласія Балдуина II, который послѣ этого предоставилъ его въ полную собственность Людовику. Жезль Моисея и другія святыни, приобрѣтенныя такимъ образомъ, были поставлены Людовикомъ въ св. Капеллѣ (S. Chapelle), гдѣ они находились и сохранялись въ цѣлости до большой французской революціи. Во время революціи, въ 1792 г., Жезль Моисея, вмѣстѣ со многими другими святынями и древностями, пропалъ или былъ уничтоженъ (Riant'a, Des dépouilles religieuses enlevées à Constantinople au XIII siècle par les Latins, Paris, 1875, p. 180, таблица святынь съ показаніемъ мѣста похищенія, нахожденія потомъ и времени исчезновенія. Книга гр. Riant'a представляетъ оттискъ изъ Mémoires de la Société nationale des Antiquaires de France, tom. XXXVI). Крестъ св. Константина, находившійся въ храмѣ св. Стефана Дафны, по словамъ гр. Riant'a (des Dépouilles religieuses, p. 178), достался также Людовику IX и хранился въ S. Chapelle, а въ 1792 былъ уничтоженъ вмѣстѣ съ другими святынями. Такъ какъ этотъ большой и великолѣпно украшенный крестъ носился въ процессіяхъ и крестныхъ ходахъ впереди царя, то онъ, безъ сомнѣнія, былъ съ рукояткою, за которую его держалъ носившій и которою онъ вставлялся въ поставецъ на мѣстѣ своего постоянного храненія. Такой крестъ, если не тотъ самый, изображенъ въ Menologium Basilii подъ 26 янв. Ed. Albani, II, p. 137, гдѣ дается изображеніе крестнаго хода. Предъ царемъ и патріархомъ идетъ крестоносецъ (σταυροφόρος) съ такимъ крестомъ.

¹⁾ Согласно съ указаніемъ общаго обряда, въ перечнѣ предметовъ, хранившихся въ храмѣ св. Оеодора, значатся мечи (σπαρῖα), два золотые щита, украшенные эмалью и драгоценными камнями, и два древка или копья серебряныя вызолоченныя (Serim. II, 40, 640). Два спаѳарія съ этимъ царскимъ оружіемъ часто изображаются на разныхъ художественныхъ памятникахъ идущими или стоящими возлѣ царя. На этихъ щитахъ во весь кругъ ихъ сдѣланы монограммы имени Христа; напр., на знаменитой и много разъ изданной Равеннской мозаикѣ, на которой изображено шествіе Юстиніана въ храмъ, направо отъ царя идетъ спаѳарій съ царскимъ параднымъ щитомъ, украшеннымъ монограммою ✠.

Когда все было готово для предстоящаго выхода, во 2-мъ часу дня (=8-мъ утра) ¹⁾, царь, сопровождаемый китонитами, выходилъ въ скарамангїи изъ своего покоя въ Золотую Палату и, какъ въ обыкновенные дни, прежде всего направлялся въ восточную конху и молился предъ образомъ Спасителя. Какъ только царь помолится и выйдетъ изъ восточной конхи, изъ за завѣсы Пантеона выходили препозиты и поклонялись царямъ, подобно тому, какъ это дѣлаетъ логоетъ въ простые дни. Послѣ поклона препозитъ входилъ въ Хрисотриклинь и, вступивъ въ обязанности распорядителя церемонїи, приказывалъ подавать царю золотомъ обшитый плащъ. Облачившись въ него, царь, сопровождаемый препозитами, китонитами, паракимоменомъ, протовестіаріемъ, папіею, девтеромъ и другими высшими и ближайшими чинами кувуклія, частію вышедшими съ царемъ изъ его покоя, частію присоединившимися въ Хрисотриклинь, выходилъ чрезъ Филакъ въ переходы 40 мучениковъ, гдѣ ему поклонялись и привѣтствовали собравшіеся здѣсь остальные члены кувуклія, которые затѣмъ присоединялись къ свитѣ царя и шли съ нимъ дальше ²⁾.

¹⁾ Въ Благовѣщеніе выходъ начинается въ половинѣ 2-го часа дня = 7^{1/2} утра (I, 30, 162). Въ Великую Субботу, во вторникъ Пасхальной недѣли и Антипасху выходъ начинается въ 3-мъ часу = 9-мъ утра (I, 11, 86; I, 16, 97; I, 35, 180). Выходы въ дворцовые храмы начинались большею частію во 2-мъ часу, напримѣръ, 1 января въ праздникъ св. Василя (I, 24, 137), св. Димитрія (I, 21, 122); освященія Новой Великой Церкви, 1 мая (I, 20, 119); св. Иліи (I, 19, 115). Въ Троицу, Никифоръ Фока, послѣ приѣма Лютпранда и бесѣды съ нимъ, сказалъ: *secunda hora iam transit; πρέλευσις nobis est celebranda* (Legatio, с. 8, Pertz, Monumenta, V, р. 349). Такъ какъ послѣ этого царю предстояло еще пройти чрезъ значительное количество помѣщеній и почти во всѣхъ принимать поклоненія, выслушивать привѣтствія и пѣснопѣнія димовъ и другихъ лицъ, то, нужно думать, царь проходилъ въ храмъ не раньше начала 10-го часа. А такъ какъ царь приходилъ предъ «малымъ входомъ», т. е. предъ внесеніемъ Евангелія въ алтарь, то литургія, по всей вѣроятности, начиналась въ большіе Господніе праздники въ 9 часовъ по нашему или въ началѣ 4-го часа дня по старому времячисленію.

²⁾ Въ обрядахъ чины кувуклія, выходящіе съ царемъ изъ Китона въ Хрисотриклинь и отсюда въ переходы 40 мучениковъ или Трипетонъ и сопровождающіе царя дѣла, обыкновенно называются или *ἄρχοντες τοῦ κουβουκλείου* или просто *οἱ τοῦ κουβουκλείου* (напр. I, 10, 72: *ἀνοίξαντος δὲ τοῦ παλατίου οἱ μὲν τοῦ κουβουκλείου ἅπαντες εἰσέρχονται διὰ τῶν διαβατικῶν π. ἀγίων μ', ἐκδεχόμενοι ἐκεῖσε τὸν βασιλέα... ὁ δὲ βασιλεὺς δηριγευόμενος ὑπὸ τῶν τοῦ κουβουκλείου... ἐξέρχεται...* I, 11, 86: *ὁ δὲ βασιλεὺς, δηριγευόμενος ὑπὸ τῶν ἀρχόντων τοῦ κουβουκλείου διέρχεται διὰ τοῦ Χρυσотρικλίνου...* Ср. I, 35, 180). Подъ этими общими обозначеніями разумѣются какъ тѣ члены кувуклія, которые служатъ и частію постоянно, частію поочередно находятся въ покояхъ царя, такъ и тѣ, которые не состояли постоянно при особѣ царя, а являлись во Дворецъ только днемъ или по особымъ повѣсткамъ, для отправленія разныхъ обрядовъ. Къ первымъ принадлежатъ китониты, т. е. кувикулярїи, служившіе въ царскихъ покояхъ, и такіе близкіе къ особѣ царя чины кувуклія, какъ паракимомень, протовестіарій, папія, девтеръ и т. п. Ко вторымъ принадлежатъ остальные чины кувуклія, военные и гражданскіе, изъ которыхъ многіе не принадлежали къ штату лицъ, служившихъ при особѣ царя, а имѣя чинъ, присвоенный евреямъ, и принадлежа къ кувуклію, являлись во Дворецъ только въ извѣстныхъ случаяхъ. Первые, по всей вѣроятности, частію выходили съ царемъ изъ покоевъ, частію присоединялись къ

Изъ переходовъ 40 мучениковъ царь, сопровождаемый чинами кувуклія чрезъ гладкую дверь (*γανωτὴ πύλη*) Триконха входилъ въ Полукругъ или Сигму Триконха, гдѣ, какъ мы видѣли, собирались высшіе сановники и чины царской свиты и охраны ¹⁾. Въ числѣ встрѣчающихъ здѣсь и привѣтствующихъ царя упоминаются: логоетъ дрома, протоасикритъ, протонотарій, каниклій, протоспаѳаріи царскіе или хрисотриклиниты, спаѳаріи царскіе съ своимъ катепаномъ и domestикомъ, маглавиты и эте-

нему въ Хрисотриклинѣ, а вторые встрѣчали царя въ переходахъ 40 мучениковъ. Правда, паракимомень, протовестіарій, девтеръ и др. высшіе чины кувуклія не называются поименно въ числѣ сопровождающихъ, но присутствіе ихъ частию нужно предполагать, такъ какъ они-то именно и могутъ называться *ἄρχοντες τ. κουβουκλείου*, а частию въ дальнѣйшемъ ходѣ процессіи они прямо упоминаются, какъ присутствующіе или принимающіе участіе въ какомъ-нибудь дѣйствиі. Такъ, напр., не упомянутые поименно при выходѣ царя «состоящіе при облаченіяхъ», девтеръ и китониты облачаютъ царя вмѣстѣ съ веститорами въ лоры во время Пасхальнаго выхода (I, 1, 25). Паракимомень, какъ самый близкій къ царю чинъ кувуклія, охранявшій и ночью спящаго царя, также песомифно, фигурировалъ въ процессіи и притомъ шелъ въ скарамангій съ мечемъ, прямо за царемъ, какъ мы знаемъ изъ исторіи Василия Македоняна, который въ день своей коронаціи, во время выхода въ Троицынъ день, *τοῦ βασιλέως (Μιχαὴλ III) διερχομένου ἐν τῇ προελούσει ὁπισθεν περιεπάτει, φορῶν σκαραμάγγιον μετὰ σπαθίου, ὡς ἔθος τοῖς παρακοιμωμένοις* (Georg. Mon. de Mich. et Theod. c. 30, ed. Bonn, p. 832).

¹⁾ Въ общемъ обрядѣ (I, 1, 7) названы въ числѣ привѣтствующихъ здѣсь царя маглавиты, этерія, логоетъ, каниклій, протоасикритъ и протонотарій. Въ обрядѣ понедѣльника Пасхальной недѣли сказано, что въ Полукругѣ Триконха собираются патрикіи и стратиги съ domestиками, которые и привѣтствуютъ здѣсь царя, а отсюда царь *δηριγεύμενος ἀπὸ τε τῶν τοῦ κουβουκλείου, πρωτοσπαθαρίων βαρβάτων, μαγλαβιτῶν καὶ λοιπῶν οἰκειῶν*, идетъ въ Дафну (I, 10, 72). Въ чинѣ Рождества Христова сказано также, что въ Полукругѣ Апсиды или Триконха царя встрѣчаютъ патрикіи и стратиги съ domestиками (I, 23, 128). Изъ этихъ двухъ специальныхъ обрядовъ можно заключить, что въ Полукругѣ Триконха царя встрѣчали патрикіи и стратиги вообще всѣ; но принимая во вниманіе, что всѣ вообще высшіе чины привѣтствовали царя послѣ облаченія, въ портикѣ Августея и Оноподѣ, и что, съ другой стороны, логоетъ дрома, протоасикритъ, протонотарій и нѣкоторые другіе встрѣчаютъ иногда царя даже раньше этеріи, маглавія и всѣхъ чиновъ кувуклія (напр., I, 21, 123), не говоря уже о патрикіяхъ и стратигахъ вообще,—правильнѣе, кажется, думать, что до облаченія, въ Полукругѣ Триконха царя встрѣчали только нѣкоторые, ближайшіе къ царю высшіе чины, а не всѣ вообще патрикіи и стратиги, и что поэтому подъ общимъ названіемъ патрикіевъ и стратиговъ въ указанныхъ специальныхъ обрядахъ нужно разумѣть только нѣкоторыхъ изъ нихъ, а не всѣхъ, тѣмъ болѣе, что въ обрядахъ подобныя общія обозначенія, сдѣланныя для краткости, встрѣчаются часто, а при краткомъ изложеніи какого нибудь обряда и вовсе иногда не упоминаются фигурирующіе здѣсь или тамъ лица. Такъ, напр., ни въ Рождественскомъ обрядѣ, ни въ обрядѣ понедѣльника Пасхальной недѣли не говорится, что въ Августеѣ, когда царь выходитъ туда прямо послѣ облаченія въ Октагонѣ, до выхода царя въ портикъ Августея, опять стояли (*ἵστανται*) тѣ же чины: логоетъ, каниклій, катепанъ царскихъ, маглавій и этерія, а въ общемъ обрядѣ, который вообще даетъ больше подробностей, чѣмъ частные обряды, эта подробность указана (I, 1. 9). А присутствіе здѣсь этихъ лицъ во время пребыванія царя въ Китонѣ Дафны и Октагонѣ опять-таки указываетъ на ихъ особую близость и особое положеніе, сравнительно со всѣми вообще патрикіями и стратигами, и говоритъ опять-таки въ пользу того, что не всѣ патрикіи и стратиги привѣтствовали царя въ Полукругѣ Триконха и что въ частныхъ обрядахъ общимъ именемъ названы тѣ чины, которые въ общемъ и нѣкоторыхъ другихъ обрядахъ перечислены подробнѣе.

рія съ этеріархомъ и другіе высшіе и ближайшіе къ царю гражданскіе и военные чины, которые, благодаря своей близости къ царю, привѣтствовали и встрѣчали его раньше прочихъ чиновъ синклита, высшихъ и низшихъ, встрѣчавшихъ царя уже послѣ облаченія, когда онъ выходилъ въ полной парадной формѣ.

Предшествуемые и сопровождаемые всѣми этими чинами и охраняемые маглавитами, этеріотами и царскими протоспаѳаріями, цари шли изъ Полукруга или Сигмы Триконха чрезъ Апсиду во дворецъ Дафны, войдя въ который, заходили прежде всего въ дворцовый храмъ (εὐκτήριον или ναός) пресв. Богородицы, брали восковыя свѣчи у препозитовъ, которымъ подавали несшіе ихъ кувикюляріи, и съ зажженными свѣчами въ рукахъ совершали троекратный поклонъ и молились. Отсюда цари шли въ близлежащій дворцовый храмъ св. Троицы и къ покоившимся здѣсь въ узкомъ смежномъ помѣщеніи мощамъ и также молились, совершая три поклона со свѣчами въ рукахъ. Наконецъ, цари заходили въ Крестильницу, находившуюся на пути ихъ, во дворецъ Дафны, молились предъ стоявшими тамъ тремя большими и великолѣпными крестами и давали знакъ препозиту, а этотъ послѣдній кувикюляріямъ, чтобы они предъ крестами поставили свѣчи ¹⁾).

Между тѣмъ, какъ цари молились въ означенныхъ храмахъ, протоспаѳаріи - хрисотриклиниты, этеріоты, маглавиты и другіе „царскіе“ проходили раньше царей въ Августей и становились тамъ, чтобы привѣтствовать царей, когда они туда войдутъ. Другіе, сопровождавшіе царя, высшіе чины, частію шли съ нимъ въ Августей и оставались здѣсь, частію уходили въ другіе пункты Дворца, въ которыхъ они должны были привѣтствовать царя вмѣстѣ съ прочими чинами синклита ²⁾).

Царь съ китонитами и чинами кувуклія входилъ въ тронную палату Дафны, Августей, и, привѣтствуемый вошедшими туда ранѣе и стояв-

¹⁾ Это хожденіе по дворцовымъ храмамъ Дафны, лежавшимъ на пути изъ Апсиды въ Августей, подробно изложено въ общемъ обрядѣ (I, 1, 7—8); въ частныхъ обрядахъ эти дѣйствія излагаются обыкновенно гораздо короче, напр. I, 10, 72: διέρχεται διὰ τῆς Δάφνης ἄπτων ὡς ἐξ ἔθους ἐν τοῖς εὐκτηρίοις κηρία; I, 26, 143 καὶ ἄπται κηροὺς εἰς τὰ εὐκτήρια, ὡς εἶθισται αὐτῷ. Почти буквально тоже I, 30, 163; I, 35, 180; I, 68, 304 (когда царь шелъ въ Ипподромъ на скачки). Только въ обрядѣ Рождества Христова сказано подробнѣе: ὁ δὲ βασιλεὺς διέρχεται διὰ τῆς Δάφνης εἰς τὴν ἁγίαν Τριάδα κἀκεῖσε κηροὺς ἄψας, ἐξέρχεται διὰ τῆς πλαγίας τοῦ βήματος καὶ εἰσέρχεται ἐνθα τὰ λείψανα τῶν ἁγίων, ἄπτων ἐκεῖσε κηροὺς, ὡσαύτως ἄπται κηροὺς καὶ εἰς τὸν Βαπτιστῆρα ἔξω εἰς τοὺς σταυροὺς. Здѣсь опущенъ храмъ пресв. Богородицы, но за то подробнѣе описано мѣсто, гдѣ покоились мощи святыхъ: στενάκιον, въ которомъ были мощи, находился, очевидно, возлѣ алтаря св. Троицы. Объ этихъ молебныхъ и мѣстѣ ихъ см. Byzantina, I кн., стр. 97 слѣд.

²⁾ Такъ, протоасикритъ и протонотарій уходятъ въ Консисторію и тамъ привѣтствуютъ царя съ прочими синклитиками (I, 1, 10—11).

шими уже тамъ протоспаоаріями, маглавитами и этеріею, проходились чрезъ Августей въ Октагонъ, гдѣ привѣтствовали царей пришедшіе туда раньше царя чины кувуклія и ставшіе тамъ въ должномъ порядкѣ.

Изъ Октагона, находившагося предъ храмомъ св. Стефана, царь, сопровождаемый только высшими чинами кувуклія, входилъ въ храмъ св. Стефана, молился со свѣчами въ рукахъ, какъ и въ прежде названныхъ дворцовыхъ храмахъ, и затѣмъ поклонялся большому, великолѣпному и многочтимому кресту св. Константина Великаго ¹⁾. Помолившись здѣсь, цари уходили въ прилежавшій къ храму и Октагону Покой (κοῖτών) Дафны ²⁾, гдѣ и дожидались того момента, когда отъ патріарха изъ храма св. Софіи придетъ референдарій съ докладомъ о ходѣ службы въ св. Софіи.

Такъ какъ дальнѣйшее шествіе царь долженъ былъ совершать въ полномъ облаченіи, то, по прибытіи въ Китонъ Дафны, онъ облачался въ *дивитисій* ³⁾. Оставшіеся въ Октагонѣ кувукуляріи и китониты брали въ

¹⁾ Крестъ этотъ, какъ мы уже видѣли, брали потомъ веститоры и уносили въ Консисторію, гдѣ онъ стоитъ при входѣ туда царя, вмѣстѣ съ жезломъ Моисея, и откуда веститоры несутъ ихъ во главѣ шествія.

²⁾ Такіе покои (κοῖτῶνες), въ которыхъ царь дожидается начала или продолженія какого нибудь обряда, были не только около парадныхъ залъ во дворцахъ, но даже и при храмахъ, въ которые цари имѣли обыкновеніе ходить въ извѣстные дни. Такой покой упоминается при храмѣ св. Мокія (I, 17, 103—4) и во Влахернскомъ храмѣ (I, 27, 153). Въ другихъ храмахъ такія помѣщенія называются мутаторіями или митаторіями, т. е. комнатами для переоблаченія, перемѣны платья. Въ каѳисмѣ Ипподрома былъ также свой покой, гдѣ цари, придя въ Ипподромъ, дожидались обыкновенно выхода на свое мѣсто, съ котораго они смотрѣли скачки (I, 68, 304—305, 307—308).

³⁾ Хотя о снятіи скарамангія и плаща и надѣваніи дивитисія не сказано ни въ общемъ обрядѣ, ни въ обрядѣ Рождества Христова, а говорится только объ облаченіи царей въ хламиду и вѣнецъ послѣ полученія извѣстія отъ патріарха, тѣмъ не менѣе переоблаченіе, безъ сомнѣнія, всегда было и происходило притомъ обыкновенно прямо по прибытіи царей въ Китонъ, чтобы, съ прибытіемъ референдарія отъ патріарха, царю оставалось только надѣть хламиду и вѣнецъ. Кромѣ 37 гл. 1 кн., которая посвящена царскимъ облаченіямъ во время выходовъ въ праздничные дни и въ которой говорится, что въ Троицу и въ Преображеніе цари облачаются въ Китонѣ Дафны въ бѣлые дивитисіи и такія же хламиды (λευκὰ διβητήρια καὶ τὰς τούτων ὑλαμύδας), въ Рождество Христова и Крещеніе въ красные дивитисіи (πορφύρεα διβητήρια) и такія же хламиды (Сег. I, 37, 189—190).—относительно этого говорятъ частные обряды. Такъ, въ Пасхальномъ обрядѣ замѣчено, что цари облачаются въ свои дивитисіи въ Покой Дафны (I, 1, 22), а по обряду Рождества Богородицы, «цари выходятъ изъ Покоя Дафны въ дивитисіи и въ Октагонѣ облачаются въ хламиду» (I, 1, 26); въ Великую субботу цари въ Китонѣ Дафны облачаются въ τὰ παχυνὰ (т. е. очевидно διβητήρια), а по выходѣ въ Октагонъ,—въ τὰς παχυνὰ ὑλαμύδας (I, 1, 33); въ чинѣ Благовѣщенія сказано, что, по прибытіи въ Китонъ Августея или Дафны, царь ὑπαλλάσσει τὰ διβητήριον αὐτοῦ ἐκδέχεται τὸν χαῖρόν (I, 30, 163). Въ Преполовенье, по прибытіи въ храмъ св. Мокія, царь входитъ въ катахуменіи, а изъ нихъ въ находившійся возлѣ нихъ китонъ, тамъ ὑπαλλάσσει διβητήριον ἄσπερον и дожидается извѣстія о прибытіи патріарха. Получивъ это извѣстіе, царь выходитъ изъ китона въ катахуменіи и облачается въ хламиду и вѣнецъ (I, 17, 100—101). То же самое совершаетъ въ Вознесе-

Октагонѣ принесенныя туда веститорами въ ящикахъ дивитисій и хламиду и, оставивъ хламиду въ Октагонѣ, вносили дивитисій въ Покой Дафны, снимали съ царей плащъ и скарамангій и облачали въ дивитисій, который составлялъ въ IX—XI вв. необходимую принадлежность параднаго царскаго облаченія. Парадная хламида и еще болѣе торжественный лоръ надѣваются обыкновенно на дивитисій; потому въ тѣхъ случаяхъ, когда цари облачаются для торжественныхъ обрядовъ въ хламиду, они надѣваютъ ее на дивитисій, въ который цари облачаются или въ камарѣ св. Θεодора или въ другомъ мѣстѣ, смотря по тому, гдѣ долженъ начинаться или совершаться торжественный обрядъ или шествіе.

Къ сожалѣнію, не такъ легко сказать, какая собственно парадная одежда называлась дивитисіемъ и какія были отличительныя черты этой парадной одежды, тѣмъ болѣе, что у другихъ византійскихъ писателей эта одежда почти не упоминается ¹⁾ и всѣ данныя относительно этой одежды

ніе въ храмѣ пресв. Богородицы Источника (I, 18, 110). Ср. I, 19, 115, гдѣ царь надѣваетъ также дивитисій и дожидается патріарха въ Хрисотриклинѣ, а съ полученіемъ извѣстія о прибытіи патріарха, облачается веститорами въ хламиду. Что облаченіе въ дивитисій, во время выходовъ въ св. Софію, дѣлалось въ Покой (Китонѣ) Дафны, а не въ Октагонѣ, гдѣ царей облачали веститоры въ хламиду, а препозиты, по выходѣ веститоровъ, надѣвали корону, видно изъ Благовѣщенскаго обряда, гдѣ точно сказано, что царь, *облачившисъ въ дивитисій въ Китонѣ*, дожидался тамъ времени дальнѣйшаго шествія, а по полученіи извѣстія отъ патріарха, надѣвалъ хламиду и шелъ чрезъ Августей (I, 30, 163). Изъ другихъ вышеприведенныхъ обрядовъ также ясно видно, что цари облачались въ дивитисій именно въ Китонѣ, а для облаченія въ хламиду выходили въ сосѣднее помѣщеніе. Согласно съ этимъ въ обрядахъ иногда отмѣчается, что для облаченія въ хламиду, предъ выходомъ въ храмъ св. Софіи, царь выходитъ изъ Китона въ Октагонѣ, по полученіи извѣстія отъ патріарха, напр., I, 1, 9; I, 23, 129; I, 26, 143: *καὶ ἐξελθὼν (ὁ βασιλεὺς) ἀπὸ τοῦ Κοιτῶνος αὐτοῦ εἰς τὸ Ὁκτάγωνον, περιβάλλεται τὴν χλαμύδα*). Кромѣ этихъ прямыхъ свидѣтельствъ, въ пользу облаченія въ дивитисій именно въ Китонѣ говоритъ то обстоятельство, что дивитисій въ парадномъ облаченіи соотвѣтствуетъ скарамангію въ полупарадномъ или обыденномъ, а скарамангій всегда надѣвается въ Китонѣ, какъ мы видѣли уже, между тѣмъ какъ хламида, соотвѣтствующая плащу въ полупарадной формѣ, надѣвается въ залахъ или помѣщеніяхъ возлѣ Китона и притомъ съ участіемъ веститоровъ, которые при облаченіи въ дивитисій, какъ и въ скарамангій, не участвуютъ, такъ какъ для надѣванія того и другаго нужно было раздѣваться царю до исподняго платья, на которое надѣвался дивитисій и скарамангій (ср. II, 19, 608: въ день триумфа, царь, выйдя изъ Хрисотриклина въ скарамангій и сагіи, въ Дафнѣ *ἀπαλλάσσει* (снимаетъ) *τὸ σκαραμάγγιον καὶ ἀλλάσσει* (надѣваетъ) *τὸ διβητήσιον καὶ περιβάλλει* (накидываетъ) *τὴν χλαμίδα*), а это могло быть только при участіи ближайшихъ къ царю членовъ кувуклія и китонитовъ. Въ виду всего вышесказаннаго указанія 37 гл. I книги, что царь въ Китонѣ Дафны облачается въ дивитисій и хламиду, нужно считать не точными, такъ какъ здѣсь имѣлось въ виду указать, какія одежды и какого цвѣта надѣвались во дворцѣ Дафны, а не гдѣ именно.

¹⁾ Въ Gloss. Gr. Дюканжа приведено только одно нижеприведенное мѣсто изъ Льва Грамматика (=Georg. Mon. p. 744 ed. Muralt) и объясненіе слова *διβητήσιον* у Суиды посредствомъ еще менѣе понятнаго *διαβήκια*. Объясненіе Леунклавія, которому слѣдуетъ Дюканжъ, также, какъ мы увидимъ, невѣрно. Какъ мало извѣстно было Дюканжу о дивитисіяхъ, постоянно встрѣчающихся въ Придворномъ Уставѣ Константина, видно изъ того, что рядомъ съ *διβητήσιον* у него поставлено въ видѣ варіанта чтеніе Леунклавія *δικητήσιον*,

находятся только въ обрядахъ Константина Багрянороднаго, гдѣ зато эта принадлежность параднаго облаченія, по понятнымъ причинамъ, является очень часто, но описывается только со стороны цвѣта, какъ и другіе предметы облаченій. Относительно же покроя одежды, какъ общезвѣстнаго предмета, въ обрядахъ обыкновенно, къ сожалѣнію, ничего не говорится. Объ этомъ теперь приходится только догадываться, частію на основаніи упоминаній въ Придворномъ Уставѣ Константина, частію на основаніи дошедшихъ до насъ памятниковъ искусства.

Нѣсколько догадокъ относительно названія, происхожденія и формы этой одежды высказалъ въ своемъ комментарий Reiske ¹⁾. Къ сожалѣ-

представляющее явную ошибку вмѣсто διβητήσιον, явившуюся благодаря сходству въ написаніи β и κ. Но Du Cange не зналъ Придворнаго Устава Константина, потому винить его нельзя. Но какъ и почему удержано ошибочное чтеніе διατήσιον въ Боннскомъ изданіи Георгія Монаха, понять трудно. Принимая во вниманіе, что въ этомъ же мѣстѣ (въ рассказѣ о коронаціи Василія Македонянина Михаиломъ III, гдѣ говорится, что предъ облаченіемъ Василія въ хламиду, οἱ πραιπόσιτοι ἐνέγκαντες διβητήσιον καὶ τὰ τζάγρια ἐνέδυσαν τὸν Βασίλειον, ὅστις βαλὼν τὴν χλαμύδα ἔπесεν εἰς τοὺς πόδας τοῦ βασιλέως, de Mich. et Theod. c. 30), слова βαλὼν τὴν χλαμύδα переведены abiecta chlamyde, тогда какъ здѣсь βαλὼν = περιβαλόμενος, какъ это мѣсто и читается въ Ватиканской рукописи (см. изданіе Георгія Монаха Муральта крит. примѣч. къ стр. 744), можно думать, что издатель (Imm. Becker), поставившій и въ лат. переводѣ dietesium, не позаботился о разъясненіи себѣ этого мѣста, не смотря на то, что въ Cerimoniae Константина и комментарий Reiske онъ могъ бы найти несомнѣнныя и многочисленныя доказательства того, какъ нужно понимать это мѣсто. Еще менѣе понятно, для чего американецъ Софоклесъ, цитующій подъ διβητήσιον обряды Константина и знавшій, надо полагать, комментарий Reiske, прибавилъ замѣтку: Written also διατήσιον Theoph. Contin. p. 833 (т. е. вышеприведенное мѣсто изъ Георгія Монаха), какъ будто это дѣйствительно какой нибудь варіантъ, а не явная ошибка, которая къ тому же давно исправлена Муральтомъ въ его изданіи Георгія Монаха (p. 744). Къ такимъ же «варіантамъ» нужно, кажется, отнести написаніе διαβητήσια, которое находится въ недавно изданной Императорскою Академіею Наукъ книгѣ г. W. Regel's Analecta Byzantino-Rossica, Petropoli, 1891, p. LXXVI. Здѣсь въ числѣ принадлежностей царскаго византійскаго орната названы, послѣ чернаго (?) саккоса и пояса, διαβητήσια de pourpre. Къ сожалѣнію, авторъ не объясняетъ, что нужно, по его мнѣнію, разумѣть подъ διαβητήσια, гдѣ авторъ нашелъ такое написаніе и почему онъ думаетъ, что цари облачались только въ διαβητήσια de pourpre. Изъ вышеприведенныхъ мѣстъ видно, что διβητήσια были не только πορφυρέα, но и λευκά, но всегда διβητήσια, а не διαβητήσια. Если этотъ «варіантъ» не описка или опечатка, то интересно было бы знать, гдѣ его нашелъ г. Regel, а если это написаніе—конъектура, то желательно было бы знать основанія ея. Правда, г. Regel совѣтуетъ voir pour les ornements les passages relatifs chez Const. Porphy. et Cod. ainsi que Du Cange, dissertatio de imperat. Const. numismatibus, p. 121 suiv.; но у К о д и н а слово διβητήσιον, сколько мнѣ извѣстно, вовсе не встрѣчается; Д ю к а н ж ѣ, какъ мы видѣли, почти не былъ знакомъ съ этимъ словомъ, и въ указанномъ мѣстѣ о дивитисіяхъ вовсе не говоритъ, потому что оно у греческихъ писателей, кромѣ Придворнаго Устава, почти не встрѣчается, а въ Придворномъ Уставѣ такихъ «passages», въ которыхъ было бы написано διβητήσιον, я, при всемъ желаніи, найти не могъ, хотя, въ виду сдѣланной ниже попытки этимологически объяснить это загадочное слово, для меня весьма важно было бы знать все написанія его.

¹⁾ Reiske въ своемъ комментарий p. 244 (Bonn) говоритъ въ объясненіе словъ: διβητήσιον τὸ παγανόν (Обрядъ Велик. Чуботы I, 35, p. 181) dibitisium, genus superhumeralis

нію, Reiske въ этомъ случаѣ, какъ и многіе другіе, смѣшиваетъ время Константина Багрянороднаго съ временами Кодина и приурочиваетъ къ X вѣку то, что было въ употребленіи во времена Кодина, но не во времена написанія обрядовъ, вошедшихъ въ составъ Придворнаго Устава

non valde prolixi (согласно съ Леунклавіемъ у Дюканжа), а р. 424, гдѣ онъ разсуждаетъ о дивитисіи подробнѣе, сравниваетъ его съ описанной у Кодина Γρανάτζα (de offic. с. VII, п. 35), причемъ производитъ слово διβητήσιον отъ арабскаго *Dibetsch*, vestis splendide auro picta. Тутъ же Reiske совершенно неправильно говоритъ, что e nostro codice (т. е. изъ Cerimoniae Константина) colligitur, fuisse vestem imperialem, qua uti praeter Imperatorem, Caesarem et Nobilissimum nemini licuerit, а это повторяетъ, какъ несомнѣнную истину, Шлумбергеръ въ своемъ «Никифорѣ Фокѣ», р. 304, гдѣ сказано: *dibétésion, tunique étroite et longue, à vastes manches retombant jusqu'aux talons, avec un capuchon dans le dos, tunique que seuls le Basileus et plus tard le César et le nobilissime étaient en droit de porter*. Если это такъ, то Шлумбергеру, украсившему свою книгу многочисленными рисунками, не мѣшало бы привести хоть одинъ рисунокъ, на которомъ бы царь былъ изображенъ въ такомъ дивитисіи. Дивитисіей составляетъ предметъ параднаго облаченія не для однихъ вышеназванныхъ особъ, принадлежащихъ обыкновенно къ царской фамилии, но и для высшихъ чиновъ. Такъ, въ храмѣ св. Мокія не только царь облачается въ дивитисію, но и οἱ εὐνοῦχοι протоспадаріи ὑπαλλάσσουσι διβητήσια ἄσπρα καὶ σαβάνια (I, 17, 100). При приѣмѣ саракинскихъ пословъ, эти самые евнухи-протоспадаріи были одѣты въ τὰ εἰσὶν στιχάρια καὶ σαβάνια (II, 15, 574). Если мы примемъ во вниманіе, что и царскій дивитисію называется стихаремъ (ἐφόρεσεν (Анастасій) στιχάρην διβητήσιν I, 92, 423), то не будетъ сомнѣнія, что дивитисіи протоспадаріевъ-евнуховъ тождественны съ ихъ стихарями, тѣмъ болѣе, что ихъ парадною одеждою въ другомъ мѣстѣ называется χιτὼν λευκὸς χρυσοκόλλητος διβητισιοειδὴς καὶ διπλὸς κόκκινος σὺν ταβλίοις χρυσοῦφαντοις (II, 52, 722). А если дивитисіи тождественны со стихарями, то стихари носили магистры, примикирії и нѣкоторые другіе чины (II, 15, 574). Съ другой стороны, дивитисію евнуховъ-протоспадаріевъ называется и хитономъ дивитисіообразнымъ. Хитономъ же называется дивитисію въ перечнѣ чиновъ Филоея Атриклина, когда идетъ рѣчь о нобилиссимѣ, куропалатѣ и магистрахъ. Въ этомъ легко убѣдиться изъ сравненія обрядовъ производства въ эти высшіе чины съ перечнемъ Филоея, который въ перечнѣ чиновъ называетъ и отличительныя ихъ одежды. Такъ, отличительною одеждою нобилиссима, кромѣ хламиды, по Филоею, служитъ χιτὼν ἐξ ἀλουργίδος χρυσόθετος καὶ ζώνη (II, 52, 711), а по обряду производства въ нобилиссима, онъ приводится для надѣванія хламиды φορὼν διβητήσιον ρούσιον (II, 44, 227). Куропалатъ при производствѣ получаетъ διβητήσιον ἀληθινόν (I, 45, 230), а по Филоею, его отличительною одеждою служитъ, кромѣ пояса и хламиды, χιτὼν κόκκινος χρυσοποίκιλος (II, 52, 711). Βραβεῖον (отличительный знакъ или одежда) магистра, по Филоею, является χιτὼν λευκὸς ὦν χρυσοῦφαντος καὶ ἐπορὶς χρυσόταβλος καὶ ζώνη δερματίνη κόκκινος, ἣτις λέγεται βαλτίδιον (ibid. 710), а по обряду производства въ магистра, вновь производимый получаетъ изъ рукъ царя τὸ στιχάριον καὶ τὸ βαλτίδιον (I, 45, 235). Въ последнемъ случаѣ διβητήσιον названъ стихаремъ, какъ и въ обрядѣ приѣма саракинскихъ пословъ дивитисіи называются стихарями (II, 15, 574). Изъ всего вышесказаннаго видно не только то, что не одинъ царь съ кесарями и нобилиссимами носили дивитисію, но и что эти дивитисіи походили на стихари, почему и называются иногда стихарями, а иногда стихареобразными (διβητισιοειδὴς) хитонами, а это даетъ уже нѣкоторое понятіе о покроѣ этой загадочной одежды. Мы можемъ заключать отсюда, что дивитисіи имѣли широкіе рукава, какъ стихари и надѣвались, по всей вѣроятности, чрезъ голову, за неимѣніемъ полъ, и были длинны какъ хитоны. Изъ того обстоятельства, что нобилиссима, куропалатамъ и магистрамъ даются еще пояса, можно заключать, что дивитисіи у нѣкоторыхъ чиновъ подпоясывались; сверхъ ихъ надѣвалась хламида. А такъ какъ хитонъ и стихарь означаютъ такую же одежду, какъ и лат. tunica, а стихарь, какъ извѣстно, соотвѣтствуетъ далматикѣ у римлянъ и въ западной церкви, то мы имѣемъ полное право сопоставлять tunica dalmatica

Константина Багрянороднаго. Гранаца (Γρανάτζα), описанная Кодиномъ и сравниваемая Reiske съ дивитисіемъ, по всей вѣроятности, ничего не имѣетъ общаго съ дивитисіемъ. Длинные до пять рукава гранацы, у саванниковъ завязываемые на спинѣ за кушакъ, напоминаютъ дѣйствительно

съ στιχάριον διβητήριον. Сопоставленіе будетъ еще болѣе несомнѣннымъ, если мы доберемся до этимологіи слова «дивитисій», διβητήριον. Принимая во вниманіе, что уже императоръ Анастасій (491—518 г.) носилъ, какъ было указано, στιχάριον διβητήριον, можно а priori признать этимологию Reiske невѣрною, такъ какъ заимствование одежды и названія у арабовъ для царскаго орната могло произойти только послѣ развитія арабскаго могущества и во время процвѣтанія Арабскаго Двора и арабской роскоши. При Анастасіи никакихъ заимствованій отъ арабовъ для царскаго облаченія быть не могло. Нужно искать, слѣдовательно, другаго пути, а такъ какъ отъ Византійскаго Двора почти всѣ пути ведутъ къ Римскому Двору и римской жизни, то естественнѣе всего обратиться за разъясненіемъ загадочнаго дивитисія въ Римъ. Если мы примемъ во вниманіе, что латинскія слова на —ensis, —ense въ греческо-византійскомъ языкѣ оканчиваются —ήσιος, —ήσιον (нѣкоторые примѣры приведены въ I кн. моихъ Byzantina, стр. 164, прим. 3), которые позднѣе стали писаться —іσιος, —іσιον (оба эти написанія чередуются въ Придворномъ Уставѣ Константина Багрянороднаго), то διβητήριον, διβητήριον или διβητήριον будетъ соответствовать лат. (divitensis), divitense и еще болѣе (divitesis), divitese. Оба эти написанія имѣются въ латинскихъ эпиграфическихъ и литературныхъ памятникахъ. Хотя происхожденіе этого прилагательнаго до сихъ поръ, кажется, не разъяснено окончательно, однакожъ несомнѣнно, что Divitenses, Divitēses назывались военные отряды, набравшіеся, повидимому, преимущественно изъ Далматовъ и входившіе частію въ составъ гвардіи; потому въ Notitia dignitatum довольно часто встрѣчаются отряды подъ названіемъ Divitenses Dalmatae. Подъ командою viri spectabilis ducis Daciae Ripensis, на примѣръ, было нѣсколько отрядовъ (cunei) equitum Dalmatarum (Not. dign. Orient., с. 39, ed. Böcking, p. 107—108). Благодаря существованію такихъ отрядовъ divitensis, divitesis, вѣроятно, сдѣлалось почти синонимомъ Dalmatensis, Dalmaticus (объ употребленіи и значеніи слова divitensis см. Böcking, Notitia dignit. Orientis, p. 218 сл.; ср. Oссid. p. 1199; другіе случаи употребленія этого слова см. въ Index и ср. de-Vitt'a, Totius Latinitatis Onomasticum, tom. II, p. 640, гдѣ указаны всѣ случаи употребленія этого прилагательнаго) или замѣняло собою это послѣднее: вмѣсто numerus Divitesium Dalmatarum или Divitenses Dalmatae говорили, быть можетъ, просто numerus Divetesium или Diveteses. Такое словоупотребленіе повело, вѣроятно, къ тому, что слово divitesis стало употребляться вмѣсто Dalmaticus и въ другихъ случаяхъ и прилагалось къ tunica: tunica divetensis или divitesis вмѣсто tunica dalmatica. А такъ какъ греки переводили лат. tunica посредствомъ слова χιτών или στιχάριον (см. Du Cange, Gloss. Gr. s. v. Στιχάριον, στιχάριον sticharium. Glossae Gr. Lat. Στιχάριον. Tunica. Vox formata ex στιχίον tunica... In Basilic lib. 20, tit. 4, cap. 25 Tunica στιχάριον exponitur...; потому и священническіе и архіерейскіе подризники называются стихарями (Goar, Euchol. p. 59), на которые уже надѣвается фелонь. Ср. Goar, Euchol. 2 ed. p. 97), то, въ соединеніи съ существительнымъ средняго рода στιχάριον, изъ divetese вышло по-гречески διβητήριον στιχάριον=tunica dalmatica, а затѣмъ, какъ лат. прилагательное стало употребляться безъ существительнаго и dalmatica означало tunica dalmatica, такъ и греки стали говорить одно прилагательное διβητήριον вм. στιχάριον διβητήριον; потому какъ у римскихъ позднѣйшихъ писателей и средневѣковыхъ латинскихъ мы встрѣчаемъ постоянно dalmatica, такъ у Константина Багрянороднаго διβητήριον или διβητήριον, διβητήριον. Какъ въ латинскомъ западномъ царскомъ и папскомъ орнатѣ мы встрѣчаемъ далматику, такъ въ средневѣковомъ греческомъ, а впослѣдствіи и патріаршемъ (σάκκος)—дивитисій. Но какъ въ западной церкви далматика была въ то же время одеждою діаконовъ (см. выше, стр. 26 прим.), такъ въ восточной обычною одеждою діаконовъ и иподіаконовъ былъ стихарь, который наиболѣе сохранилъ свой прежній характеръ, между тѣмъ какъ долматика дѣлалась то длиннѣе, то короче, то съ болѣе или менѣе длинными, то совсѣмъ короткими рукавами, то въ видѣ

одежды разныхъ южныхъ (по западному восточныхъ) народовъ, отъ которыхъ, вѣроятно, заимствовали этотъ покрой и наши предки, но не имѣютъ ничего общаго съ дивитисіемъ.

Принимая во вниманіе, что дивитисій походилъ на стихарь и назы-

узкаго мѣшка (*σάκκος*) съ отверстіемъ для головы и для рукъ, то въ видѣ двухъ полотень для переда и зада, связываемыхъ на бокахъ тесьмою или застегиваемыхъ на пуговицы. Въ IX—XI вѣкахъ въ Византійской Имперіи дивитисій—далматика, какъ видно изъ выше-приведенныхъ мѣстъ, употреблялся сравнительно часто, во всѣхъ торжественныхъ, парадныхъ выходахъ царей, и надѣвался не только подъ лоръ, но и подъ хламиду, а иногда даже подъ плащъ. Въ болѣе древнее время далматика въ такихъ случаяхъ надѣвалась не всегда, какъ видно изъ Равеннской мозаики, изображающей выходъ Юстиніана, а вѣроятно только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ, напр., въ день празднованія консульства, когда далматика надѣвалась подъ лоръ, и при коронаціи. Такъ же рѣдко она употреблялась и западными императорами, которые облачались въ далматикъ, повидимому, только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ, а большею частью изображаются въ обыкновенныхъ туникахъ съ узкими рукавами, украшенными поручами. Наши цари вмѣстѣ съ царскимъ титуломъ, а патріархи съ полученіемъ этого высшаго духовнаго сана, заимствовали отъ византійскихъ царей и патріарха далматики = дивитисіи, первые въ видѣ царскаго платна съ широкими рукавами, сдѣланнаго по возможности сходнымъ съ далматикою=саккосомъ, а вторые въ видѣ саккоса. Обѣ эти одежды, при нѣкоторой разницѣ въ покроѣ (царское платно имѣло спереди полы), въ сущности были почти одинаковаго вида; потому цари въ своемъ парадномъ облаченіи почти также изображаются, какъ и патріархи, носившіе также, какъ и цари, корону (митру) съ крестомъ наверху. Если принять во вниманіе, что омофоръ, по всей вѣроятности, соответствуетъ въ концѣ концовъ царскому оплечью, то патріаршее облаченіе будетъ совершенно сходно съ царскимъ по своимъ отличительнымъ принадлежностямъ. Это сходство въ облаченіяхъ царя и патріарха особенно бросается въ глаза, когда царь и патріархъ изображаются рядомъ, какъ, напр., въ изображеніи креста, съ одной стороны котораго стоитъ св. Константинъ Великій, царь Алексѣй Михайловичъ и патріархъ Никонъ, а съ другой св. Елена и царица Марія Ильинична. Св. Константинъ изображенъ въ лорѣ и дивитисіи=саккосѣ, который очень походитъ на саккосъ патріарха и царское платно Алексѣя Михайловича (Древности Государства Россійскаго, отд. IV, № 1; ср. изображеніе царя въ полномъ парадномъ облаченіи № 7 и № 12 изображеніе царя Θεодора Алексѣевича). Съ Петра Великаго саккосъ, оставленный царями, сталъ принадлежностью облаченія не только патріарха, но всѣхъ епископовъ, чего прежде не было ни въ Византіи, гдѣ *σάκκος* носилъ только патріархъ, ни у насъ. — Кромѣ рисунковъ, которые будутъ указаны ниже, когда будетъ рѣчь о лорахъ, изображенія царскихъ и другихъ высокихъ особъ въ дивитисіяхъ = саккосахъ, можно видѣть, напр., у Ch. L o u a n d r e'a, *Les arts somptuaires*, Paris, 1858, t. I: Изображеніе Оттона II и Θεοφάνіи, благословляемыхъ Христомъ; изображеніе царя Давида изъ рукописи Парижск. Націон. Библіотеки, X вѣка. (Этотъ же рисунокъ воспроизведенъ вмѣстѣ съ изображеніемъ Соломона у L a b a r t e'a въ *Histoire des arts au moyen age*, 2 édit. vol. II p. 180, гдѣ они названы неправильно изображеніями Романа I и Константина Багрянороднаго). Въ дивитисіяхъ же изображены Давидъ и Соломонъ въ храмѣ св. Марка въ Венеціи въ изданіи *Basilica di San Marco d'O n g a n i a*, II Portafoglio, tav. III chromolitograph. Но подъ хламиду, однако же, и въ позднѣйшее время не всегда надѣвался дивитисій; иногда мы видимъ и обыкновенную тунику съ узкими рукавами (скарамангій?). Можно думать, что дивитисій и хламиды были однимъ изъ самыхъ парадныхъ видовъ облаченія, быть можетъ, первымъ послѣ дивитисія и лора. (Въ хламидѣ, но не далматикѣ изображенъ Иродъ у Л у а н д р а, *ibid.*; сюда же можно отнести изображеніе царя надъ царскими вратами въ храмѣ св. Софіи въ Константинополѣ). О далматикѣ, ея видоизмѣненіяхъ и употребленіи см. D a r e m b e r g e t S a g l i o, *Dictionnaire des Antiquités*, tome III, p. 19—21 s. v. *dalmatica*; K r a u s, *Encyklop. der christlich. Alterthümer*, s. v. *Kleidung*, II, s. 207 слѣд.; M a

вается иногда стихаремъ, а иногда дивитисіообразнымъ хитономъ, можно думать, что дивитисіемъ называлась одежда длинная съ широкими рукавами, надѣвавшаяся чрезъ голову и походившая какъ на хитонъ, такъ и на стихарь. Обращаясь къ памятникамъ искусства и имѣя въ виду, что хламида и лоръ въ IX — X вв. надѣвались обыкновенно на дивитисій, мы дѣйствительно найдемъ, что въ изображеніяхъ царей этого времени въ полномъ облаченіи съ хламидами и коронами, подъ хламидами и лорами надѣты длинныя съ широкими рукавами стихаревидныя хитоны, подъ которыми виднѣется еще исподняя одежда (хитонъ = tunica), иногда съ расшитымъ подоломъ и поручами. Каждый, смотря на указанные ниже и прилагаемые здѣсь рисунки, убѣдится, что одежда подъ хламидою, которая надѣвалась, какъ и лоръ, на дивитисій, съ одной стороны вполне соотвѣтствуетъ извѣстнымъ намъ изъ Придворнаго Устава отличительнымъ чертамъ дивитисія, а съ другой стороны весьма походить на позднѣйшій царскій и патріаршій саккосъ. Такъ какъ дивитисій, за отсутствіемъ въ немъ полъ, походилъ на мѣшокъ и надѣвался чрезъ голову, то его въ послѣдствіи стали называть мѣшкомъ, *σάκκος*, который былъ, какъ извѣстно, парадною одеждою царей и отличительнымъ предметомъ облаченія патріарха, а у насъ со временъ Петра Великаго и всѣхъ епископовъ ¹⁾. А саккосъ, въ свою очередь, безъ сомнѣнія, соотвѣтствуетъ западной далматикѣ, которая, какъ стихарь у грековъ, была служебною одеждою діаконовъ, парадною, торжественною одеждою императоровъ и отличительнымъ предметомъ облаченія высшихъ духовныхъ сановниковъ. Такимъ образомъ, если всѣ вышеизложенныя соображенія

riott, Vestiarium Christianum, London, 1868, стр. LV слѣд.). Образцы сохранившихся далматикъ, которые совершенно сходны съ изображаемыми на вышеуказанныхъ рисункахъ, изображены въ извѣстномъ трудѣ Fr. Bock'a, Kleinoden des Römischen Reichs, гдѣ, между прочимъ, изображена знаменитая Ватиканская далматика греческой работы. Въ текстѣ Бокъ разсуждаетъ объ употребленіи и значеніи далматики (s. 53—55, 95 сл.). Изъ всего вышесказаннаго ясно, что въ употребленіи Императоромъ Павломъ I далматики не было ничего несвойственнаго царю и императору: это одежда императорская по преимуществу и до Петра Великаго, до возведенія военной европейской одежды въ парадную императорскую, составляла въ формѣ царскаго платна парадную одежду нашихъ царей, которымъ исторіею переданы титулы и орнаты восточно-римскаго царя (*βασιλεύς*), единственными законными обладателями которыхъ считали себя византійскіе цари, прямые и законные наслѣдники римскихъ императоровъ.

¹⁾ Такъ какъ у грековъ, сколько мнѣ извѣстно, саккосъ составлялъ отличительную одежду только патріарховъ, то греки, объяснявшіе Леуноклаву значеніе слова *διβητήσιον*, въ сущности говорили вѣрно, считая *διβητήσιον* такою одеждою, quale Patriarchis superiini in solium patriarchale collocandis solet: ut intelligatur, hoc indutos iam factos esse Pontifices (Du Cange, Gloss. Gr. s. v *διβητήσιον*). Но Леуноклавъ невѣрно принялъ эту одежду за paludementum или supramantellum. Это не мантия, а широкая верхняя туника, сверхъ которой у патріарха надѣвался только омофоръ, а у царей лоръ, или оплечье, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

вѣрны, дивитисій оказывается, конечно, *mutatis mutandis*, очень обыкновеннымъ и общеизвѣстнымъ предметомъ царскаго облаченія, въ который (въ видѣ царскаго платна) облачались до Петра Великаго и наши цари, какъ и наши патріархи, а теперь всѣ наши архіереи.

Облачившись въ дивитисій и дожидаясь доклада о прибытіи отъ патріарха референдарія, царь могъ заниматься государственными дѣлами, принимать доклады и подписывать указы. Въ виду этого, логоуетъ дрома, являвшійся къ царю съ докладами каждый день, каниклій (ὁ ἐπὶ τοῦ χαμι-
κλεῖου, хранитель царской чернильницы) и нѣкоторые другіе чины находились въ Августеѣ и могли быть немедленно приглашены къ царю. Иногда царь, какъ видно изъ разсказа Льюдпранда, епископа Кремонскаго, во время выхода принималъ даже очень важныхъ пословъ и велъ съ ними переговоры ¹⁾, но для такихъ случаевъ царь, понятно, облачался въ хламиду и вѣнецъ, точно также какъ и для производства въ кесаря или нобилиссима, которое обыкновенно происходило во время выходовъ въ большіе праздники, въ Палатѣ 19 аккувитовъ и Трибуналѣ, предъ началомъ торжественнаго шествія ²⁾.

Обыкновенно же царь дожидался въ Китонѣ въ одномъ дивитисіи и облачался въ хламиду въ Октагонѣ, послѣ доклада препозита о томъ, что прибылъ отъ патріарха референдарій съ извѣщеніемъ о ходѣ службы. Пыска эта необходима была для того, чтобы царь могъ, принимая во вниманіе пріемы, которые онъ долженъ сдѣлать на пути, прибыть въ храмъ св. Софіи въ надлежащее время, т. е. предъ малымъ входомъ. Референдарій, прибывъ во Дворецъ Дафны, сообщалъ о ходѣ службы церемо-

¹⁾ Льюдпрандъ былъ принятъ въ Троицынъ день (*ipso sancto die Pentecostes*), вѣроятно, въ Октагонѣ или Августеѣ, возлѣ храма св. Стефана, въ которомъ, какъ сказано при описаніи этого храма (Обзоръ главн. частей Больш. Дворца, стр. 103), происходило вѣнчаніе царей, отъ чего весь дворецъ Дафны назывался иногда, вѣроятно, Στέφανα (*in domo, quae dicitur Στέφανα, id est coronaria, ante Nicephorum sum deductus*). При аудіенціи присутствовали два малыхъ царя (*duo parvuli imperatores*), Василий II, будущій Болгаробойца, и братъ его Константинъ, но они *sedebant ad sinistram non eadem linea, sed longe deorsum*. Аудіенція продолжалась довольно долго и Льюдпранду пришлось выслушать много непріятныхъ и рѣзкихъ рѣчей отъ царя Никифора Фоки, который вообще третировалъ Льюдпранда, какъ варвара, за что Льюдпрандъ отместилъ Никифору массою ругательныхъ эпитетовъ въ описаніи своего посольства. Послѣ разговора Никифоръ прекратилъ аудіенцію заявленіемъ: «*secunda hora iam transit; προέλευσις, id est processio, nobis est celebranda. Quod nunc instat, agamus*». Вѣроятно, предъ этимъ царю доложилъ препозитъ, что отъ патріарха прибылъ референдарій съ извѣстіемъ о ходѣ церковной службы, и царямъ нужно было продолжать шествіе изъ дворца Дафны въ Оноподъ и далѣе (*Pertz, Monumenta Germ. Hist. V, Script. III, p. 347—349: Liudprandi relatio de legatione Const c. 2—8*).

²⁾ О производствѣ въ самыя высшія достоинства (кесаря, нобилиссима, магистра) во время большихъ праздничныхъ выходовъ въ храмъ св. Софіи было уже сказано по поводу чинопроизводства въ обыкновенные воскресные дни, см. выше, стр. 34—35.

иарію, церемоніарій докладывалъ препозиту, а препозитъ царю ¹⁾. Царь выходилъ въ дивитисіи изъ Китона Дафны въ Октагонъ, а препозитъ громко кричалъ: „веститоры“! Веститоры, стоявшіе, вѣроятно, въ Августеѣ или близъ него, входили въ Октагонъ, брали заранѣе принесенную

¹⁾ Въ обрядахъ обыкновенно эта процедура обозначается кратко, какъ и процедура облаченія царя въ хламиду и надѣванія короны. I, 1, 9 говорится, что референдарій приносить отъ патріарха *μάνδατον περὶ τῆς ἐκκλησιαστικῆς καταστάσεως*; препозиты входятъ послѣ этого къ царю и *τὴν εἰδήσιν τούτων διδοῦσι τοῖς δεσπόταις*. Но въ Рождественскомъ обрядѣ (I, 23, 129) показано, что препозитъ входитъ къ царю, *τοῦ τῆς καταστάσεως (церемоніарій) εἰσελθόντος, καὶ ἐνέγκαντος ἀποκρίσιν τῇ πραιποσίτῳ*. Тоже I, 27, 148; I, 32, 176; II, 9, 543. Процедура облаченія въ присутствіи кувуклія, вкратцѣ упомянутая въ общемъ обрядѣ, подробнѣе описана въ обрядѣ Срѣтенія, происходившемъ во Влахерискомъ Дворцѣ, но въ тотъ же моментъ выхода, I, 27, 149: когда царь въ дивитисіи выйдетъ для облаченія въ хламиду, начальники кувуклія становятся съ разныхъ сторонъ, спаэарокувикуляріи и кувикуляріи сзади ихъ, а протоспаэаріи-евнухи сзади царя. Препозитъ приглашаетъ веститоровъ и пр. Ср. о веститорахъ въ приложеніи къ Обзору главныхъ частей Больш. Дворца, Byzantina, I кн., стр. 167 слѣд.

Референдаріями назывались (а *referendo*) духовные чины, входившіе въ составъ патріаршаго синклита. Обязанности ихъ заключались въ передачѣ письменныхъ и словесныхъ распоряженій и приглашеній патріарха знатымъ лицамъ (*ὁ referendarius ἀποστελλόμενος εἰς μεγάλους ἀνθρώπους· μάνδατα παρὰ τῷ Ἀρχιερεὶ ἐγγράφως καὶ ἀγράφως φέρει· καθεζόμενος καὶ εἰς τὰς κρίσεις*. G o a r, Euchol., de officialibus ecclesiae Const., p. 214, ср. 224 ed. 2). Обязанности референдарія позволяютъ заключать, что онъ принадлежалъ къ высшимъ чинамъ патріаршаго управления. И дѣйствительно, какъ въ списокѣ духовныхъ чиновъ у Г о а р а, изъ котораго взято вышеприведенное мѣсто, такъ и въ списокѣ К о д и н а (de offic. с. 1, р. 4), онъ принадлежитъ ко 2-й пентадѣ. У патріарховъ Константинопольскихъ референдаріи соотвѣтствовали апокрисиаріямъ другихъ восточныхъ патріарховъ (см. іеромонаха П а в л а, теперь архіепископа Казанскаго, О должностяхъ и учрежденіяхъ по церковному управленію въ древней Восточной Церкви, Спб. 1857, стр. 94 и 99). Въ обрядахъ Придворнаго Устава референдарій Патріарха фигурируетъ довольно часто въ роли патріаршаго посланника, который приносить царю извѣстія отъ патріарха о ходѣ церковной службы и доносить патріарху о ходѣ придворныхъ обрядовъ, когда они имѣютъ отношеніе къ патріарху. Такъ, наканунѣ производства нобилиссима референдарію патріарха, который во время производства читалъ молитвы надъ инсигніями, сообщалось о назначенномъ на слѣдующій день обрядѣ, чтобы референдарій доложилъ объ этомъ патріарху, а патріархъ прибылъ бы во время во Дворецъ (I, 44, 225). То же, безъ сомнѣнія, дѣлалось наканунѣ производства въ кесаря и коронаціи царицы. Предъ производствомъ когонибудь въ патрикія также приглашался референдарій, который входилъ вмѣстѣ съ синклитомъ въ Хрисотриклинъ и присутствовалъ при производствѣ, безъ сомнѣнія, для того, чтобы донести патріарху объ окончаніи обряда, такъ какъ послѣ производства, патрикій шелъ съ своими инсигніями въ храмъ св. Софіи, гдѣ патріархъ читалъ надъ ними молитву (I, 47, 237). Въ такихъ и подобныхъ случаяхъ референдарій являлся въ фелони (*φορὼν φελώνην ἄσπρον*, I, 48, 246). Когда вновь произведенный патрикій приходилъ въ храмъ св. Софіи и патріархъ выходилъ для прочтенія молитвы, референдарій приглашалъ патрикія подойти къ мѣсту, гдѣ должна была читаться молитва (I, 47, 240). За это участіе въ чинопроизводствѣ референдарій получалъ съ патрикія *ἐμπράτος* одинъ солидъ (*solidus aureus*, *ὀβολισμα*) и 6 милліарисій, а съ патрикія *ἄπратος* только одинъ солидъ (II, 55, 801 и 805). Такое же участіе принималъ, безъ сомнѣнія, референдарій патріарха и при производствѣ въ другіе высшіе чины, инсигніи которыхъ освящались патріархомъ, и получалъ соотвѣтствующее чину вознагражденіе. Въ случаѣ рожденія у царя сына, во Дворецъ приходилъ референдарій и спрашивалъ, нужно ли и когда приходитъ патріарху съ духовенствомъ для прочтенія молитвы въ Хрисотриклинѣ, и, получивъ утвердительный от-

сюда хламиду, облачали въ нее царя и застегивали фибулою. Препозитъ опять возглашалъ: „повелите“ и веститоры уходили; въ Октагонѣ съ царемъ оставались только чины кувуклія, да (со временъ Никифора Фоки) проедръ синклита, которые во время облаченія становились вокругъ царя, а препозитъ бралъ корону, принесенную сюда въ ларцѣ, и надѣвалъ ее на голову царя.

Царь теперь былъ въ полномъ облаченіи и начиналъ торжественное шествіе. Сопровождаемый и предшествуемый чинами кувуклія, которые были въ Октагонѣ, съ паракимоменомъ позади, съ проедромъ впереди ¹⁾, царь выходилъ въ Августей, гдѣ стояли логоетъ дрома, каниклій, катепантъ „царскихъ“ съ протоспаѳаріями, маглавиты и этеріоты и привѣтствовали царя. Пройдя среди нихъ къ большой двери, ведущей изъ Августея въ портикъ его, называемый обыкновенно Золотою Рукою, царь останавливался въ двери и мылъ руки въ золотомъ, украшенномъ драгоценными камнями,

вѣтъ, приглашалъ патріарха (II, 21, 616). Когда патріархъ приходилъ во Дворецъ, то о его прибытіи извѣщаль папію референдарій, а папія сообщалъ царю, который и приказывалъ ввести къ себѣ патріарха (I, 19, 116; I, 20, 119). Во время цѣлованія любви и въ другихъ подобныхъ случаяхъ референдарій подводитъ къ царю духовныхъ сановниковъ (I, 1, 17; I, 14, 93; I, 1, 29). Должность референдарія учреждена при патріаршемъ управленіи, безъ сомнѣнія, по образцу придворной. Во времена Юстиніана референдаріи были въ числѣ придворныхъ чиновниковъ: двое штатныхъ, одинъ у царя, а другой у царицы, и нѣсколько сверхштатныхъ. Послѣ смерти Θεодоры, Юстиніанъ взялъ ея референдарія къ себѣ на службу, какъ свидѣтельствуеъ магистръ Петръ (Cerim. I, 86, 390). Впослѣдствіи эта должность при Дворѣ была упразднена, но въ качествѣ церковной должности продолжала существовать. По новеллѣ царя Ираклія отъ 612 года въ Великой Церкви полагалось 12 референдаріевъ (Zachariae a Lingenthal, Jus Graeco-romanum, III, 36). Тотъ изъ нихъ, который посылался во Дворецъ для докладовъ царю или царицѣ отъ патріарха, назывался, по словамъ Никиты Хоніата (въ исторіи Алексѣя, сына Мануила, р. 312), *палатиномъ* (παλατῖνος). О референдаріяхъ царскихъ и патріаршихъ см., кромѣ того, Du Cange, Gloss. Gr. et Lat. s. v.; Reiske, Comment. ad Cerim. p. 60; Goar, Eucholog. Graec., p. 236, 2 ed, Codinus, de offic. p. 136 Bonn. и др. Reiske (Comment., p. 115) напрасно сомнѣвается въ томъ, что для цѣлованія любви въ храмѣ св. Софіи (Cerim. I, 1, 17) духовныхъ сановниковъ подводитъ къ царю референдарій патріарха, а не царскій. Изъ вышеприведенныхъ мѣстъ видно, что патріаршій референдарій и въ другихъ случаяхъ подводитъ къ царю духовныхъ сановниковъ, между тѣмъ какъ чиновъ царскаго синклита въ подобныхъ случаяхъ подводитъ церемоніарій, какъ видно изъ описанія цѣлованія царя съ своимъ синклитомъ (ibid.). Кромѣ того, въ числѣ придворныхъ чиновъ, какъ уже было замѣчено, должности референдарія въ X в. уже не было; да и самъ Reiske сознается, что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ въ Придворномъ Уставѣ упоминается референдарій, ei solummodo cum patriarcha et rebus ecclesiasticis negotium fuisse; слѣдовательно, это былъ не императорскій референдарій, а патріаршій, обязанностью котораго и была передача сообщений отъ патріарха царю и распоряженій царя или царицы патріарху.

¹⁾ Въ числѣ привилегій проедра, перечисленныхъ въ обрядѣ его производства, значится: ἐν ταῖς ἐορταῖς προπορεύεται ἔμπροσθεν τοῦ βασιλέως... καὶ ὁπρὶν αὐτὸν μέλλει στέφειν οὗτος ὁ βασιλεὺς ἢ ἀποστέφειν αὐτόν (I, 97, 443). О мѣстѣ паракимомена въ торжественныхъ выходахъ было уже сказано (см. выше, стр. 47, прим. 2).

рукомойникѣ, подаваемомъ ему нипсистиаріями ¹⁾, стоявшими въ дверяхъ (I, 1, 9).

Вымывши руки, царь входилъ въ Золотую Руку, гдѣ во время самыхъ торжественныхъ выходовъ происходилъ первый пріемъ высшихъ чиновъ, которые вводились сюда по рангамъ, какъ во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ. Царь занималъ особое, возвышенное мѣсто ²⁾; сзади и по сторонамъ отъ него становились въ извѣстномъ порядкѣ чины кувуклія; хрисотриклиниты, т. е. бородатые протоспаѳаріи, составлявшіе при пріемахъ почетную стражу, становились слѣва у завѣсы большой двери ³⁾. Когда такимъ образомъ всѣ занимали свои мѣста, препозитъ, по знаку царя, становился предъ царемъ, дѣлалъ поклонъ царю наклономъ головы и затѣмъ, обернувши руку хламидою, дѣлалъ знакъ одному изъ 4 остиаріевъ, стоявшихъ съ золотыми жезлами ⁴⁾, чтобы онъ выходилъ въ

¹⁾ Νιψιστιάριοι, умывальщики, отъ νιψίστιον умывальникъ, тазъ для умыванія (νίπτειν), принадлежали къ кувуклію, т. е. къ евнухамъ. Чинъ нипсистиарія представлялъ первую ступень въ числѣ евнушескихъ чиновъ. Во главѣ нипсистиаріевъ стоялъ примикирій. (II, 52, 721). Царь, послѣ облаченія, предъ первымъ торжественнымъ пріемомъ высшихъ чиновъ въ Золотой Рукѣ, моютъ руки такъ же, какъ священнослужители и архіереи моютъ руки послѣ облаченія, предъ началомъ совершенія службы. Объ умываніяхъ предъ молитвой и службой см. Kraus, Realencyklop. s. v. Waschungen v. II, 967 сл. Ср. Habertus. Pontific., p. 50.

²⁾ Хотя объ этомъ въ обрядахъ, когда идетъ рѣчь о пріемѣ въ Золотой Рукѣ, не говорится, но въ такихъ случаяхъ царь обыкновенно стоитъ на возвышеніи, какъ мы увидимъ дальше. На болѣе возвышенное мѣсто, гдѣ стоятъ и препозиты, указываетъ и намекъ въ Рождественскомъ обрядѣ, гдѣ говорится, что препозитъ киваетъ остиарію εἰς τὸ βῆλον κίτω, т. е., у двери, ведущей изъ Онопода въ портикъ Августа (I, 23, 128. Ср. Обзоръ главн. частей Больш. Дворца, стр. 107).

³⁾ I, 1, 9: κακεῖσε γὰρ οἱ Χρυσотρικλίνου παρίστανται (т. е. ἔξωθεν τῆς μεγάλης πόλης τοῦ Αὐγουστέως). Ср. I, 10, 72: ἵστανται ἔξω τῆς πόλης, ἐνθα τὸ βῆλον κρεμάται, πρωτοσπαθάριοι βαρβάτοι (= οἱ τοῦ Χρυσотρικλίνου), ἡλλαγμένοι, βάσταζοντες σπαθοβάκλια. I, 23, 129: ἐξέρχεται (ὁ βασιλεὺς) διὰ τοῦ Αὐγουστέως εἰς τὸ στενόν (= Золотая Рука), ἐστῶτων πρωτοσπαθάρων βαρβάτων ἔξω τῆς πόλης ἐξ εὐωνύμων εἰς τὸ βῆλον. Уже изъ сопоставленія этихъ мѣстъ видно, что Хрисотриклиниты = протоспаѳаріи бородатые (неевнухи).

⁴⁾ Подробности ввода чиновъ для поклоненія царю разбросаны въ разныхъ мѣстахъ Придворнаго Устава, въ которомъ, однако же, нѣтъ полного и обстоятельнаго описанія этой процедуры со всѣми деталями, вслѣдствіе чего нѣкоторые детали ввода остаются неясными. Вводы чиновъ были не всѣ одинаковы и отличались большею или меньшею торжественностію, сложностію и участіемъ большаго или меньшаго количества лицъ, производившихъ вводъ. Въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ церемониальный вводъ чиновъ производятъ препозиты съ остиаріями. Въ менѣе торжественныхъ препозитъ только «даетъ знаки», а вводятъ остиаріи, какъ это происходило и при вводѣ чиновъ въ Золотую Руку во время большихъ праздничныхъ выходовъ. Церемониальныя подробности, изложенныя у меня въ текстѣ, заимствованы частью изъ общаго обряда (I, 1, 9—10), гдѣ въ схоліи замѣчено, что препозитъ при всѣхъ пріемахъ поступаетъ такъ, частью изъ другихъ обрядовъ, въ которыхъ вводъ вообще или нѣкоторые стороны и детали его изложены подробнѣе, напр., I, 1, 22—25, съ которымъ мы познакомимся скоро при изложеніи особенностей Пасхальнаго обряда, затѣмъ I, 14, 93, гдѣ изображенъ вводъ духовныхъ чиновъ въ Хрисотриклинь, и I, 48, 245—247, гдѣ описанъ подробнѣе всѣхъ вводъ свѣтскихъ чиновъ туда же

Оноподъ, гдѣ стояли въ парадныхъ облаченіяхъ высшіе чины, разставленные церемоніаріемъ по рангамъ и приготовленные къ вводу, и вводилъ сановниковъ для поклоненія царю. Остіарій отправлялся и вводилъ сначала самыхъ высшихъ сановниковъ, магистровъ, потомъ анѳипатовъ и патрикіевъ, наконецъ, протоспаѳаріевъ, занимавшихъ высшія должности стратиговъ, доместиковъ и другихъ командировъ и начальниковъ отдѣльных частей, называемыхъ очень часто въ обрядахъ оффиціаліями. Всѣ эти чиновники и сановники вводились по большимъ или меньшимъ отдѣламъ, сообразно съ чиномъ и рангомъ должности. Эти отдѣлы въ обрядахъ называются обыкновенно „завѣсами“ βῆλα=vela, напр., завѣса первая, магистры, завѣса вторая, анѳипаты и патрикіи и т. д. ¹⁾ Такая форма обозначенія вводимыхъ отдѣленій или классовъ чиновниковъ явилась отъ того, что каждый классъ вводился особо и для каждого класса поднималась завѣса входной двери и по входѣ ихъ въ залу опускалась. Процедура ввода остіаріемъ чиновъ, на сколько можно понять изъ разныхъ указаній, состояла въ томъ, что остіарій, вышедши, по знаку препозита, за дверь пріемной комнаты, въ данномъ случаѣ портика Августея, приглашалъ слѣдовать за собою, быть можетъ, возгласомъ: „повелите, магистры“, магистровъ, и доведя ихъ до завѣсы, оставлялъ ихъ здѣсь, а самъ проходилъ за завѣсу, возлѣ которой стояли силенціаріи, и становился близъ нея, задомъ къ ней и лицомъ къ царю ²⁾. Послѣ этого пре-

для участія въ обрядѣ производства въ патрикіи. Въ массѣ другихъ случаевъ ввода чиновъ процедура не описывается, а говорится, что вводятся βῆλα, которыя или перечисляются всѣ или только первыя. Ср. мои Byzantina, I кн. стр. 22, прим.

¹⁾ Независимо отъ краткости или подробности описанія ввода чиновъ по βῆλα, безъ всякаго сомнѣнія, не только въ разныхъ случаяхъ, но даже и въ одинаковыхъ чины раздѣлялись для ввода на разное количество отдѣленій, смотря, вѣроятно, по времени и желанію царя, такъ какъ чѣмъ больше дѣлалось отдѣленій, тѣмъ длиннѣе была процедура пріема. Такъ, по общему обряду, въ 1-й день Пасхи, для христосованія съ царемъ, высшіе чины вводятся въ Палату 19 аккумулятовъ въ 4 βῆλα, а по частному Пасхальному обряду въ 9 βῆλα (I, 1, 23—25; I, 9, 61—62). По общему обряду «первую завѣсу» составляютъ магистры и анѳипаты, вторую патрикіи и стратиги, а по частному первую—магистры, вторую—анѳипаты и патрикіи, третью—патрикіи и стратиги. Въ общемъ обрядѣ высшіе оффиціаліи вводятся въ одну завѣсу, а по частному они раздѣлены на нѣсколько. Изъ перечня ихъ здѣсь можно видѣть, какіе сановники назывались оффиціаліями, хотя перечень ихъ здѣсь далеко не полонъ. Полный перечень см. II, 52, 713—716.

²⁾ Начало процедуры см. I, 1, 9: διὰ νεύματος τοῦ δεσπότητος ὁ πραιπόσιτος τὴν κεφαλὴν ὑποκλινάς τοῖς δεσπότηταις (при нѣсколькихъ царяхъ, знакъ даетъ большой царь или первый, а препозитъ дѣлаетъ поклонъ всѣмъ царямъ, которые стоятъ рядомъ, большой справа), διὰ τῆς οἰκείας χλανίδος νεύει τῷ ὀστιάριῳ τῷ τὴν χρυσὴν βέργαν κατέχοντι (тессарес γὰρ ὀστιάριοι τὰς χρυσὰς ἐκ λίθων τιμίων ἡμφιεσμένους βαστάζουσι βέργας) καὶ ἐξέρχεται. Ср. I, 1, 23, строка 2—8. I, 14, 92, строка 21—24. Далѣе, остіарій, пригласивши первый классъ, входитъ чрезъ завѣсу, оставивши, очевидно, введенныхъ за завѣсою, становится возлѣ нея, беретъ знакъ у препозита, кланяется царю и толкаетъ завѣсу правою рукою, очевидно, стоя въ пріемной залѣ, въ виду царя и препозита I, 1, 23, строка 8—14. Ср. I,

позить „брать знакъ у царя“, кланялся царю и давалъ знакъ хламидою или, точнѣе, рукою, обернутою въ хламиду, остіарію; тотъ, въ свою очередь, особымъ, установленнымъ образомъ кланялся царю и, не оборачиваясь, правой рукою толкалъ сзади себя завѣсу, которую силенціаріи раздвигали или поднимали, смотря по тому, какая была завѣса, раздвижная или подъемная (βῆλον σурτόν или αἰρόμενον). Остіарій становился подъ нее, приглашенные чины входили также подъ завѣсу и какъ только становились подъ нее, падали ницъ, если это было не въ воскресенье, вставали и, предшествуемые остіаріемъ, шли въ залу. Остіарій останавливался посрединѣ, а приглашенные чины становились на свои мѣста съ двухъ сторонъ, образуя предъ царемъ два ряда. Если входили самые высшіе сановники, то они становились прямо послѣ высшихъ чиновъ кувуклія, стоявшихъ съ двухъ сторонъ, возлѣ самого царя; при этомъ самый старшій изъ вошедшихъ становился на правой сторонѣ (отъ царя) или въ правомъ ряду, слѣдующій—въ лѣвомъ, третій по старшинству—опять въ правомъ, четвертый—въ лѣвомъ и т. д. ¹⁾). Когда такимъ образомъ первый отдѣлъ

14, 93, строка 1 слѣд. Здѣсь сказано, что послѣ подъема завѣсы силенціаріями, остіарій становится ὑπὸ τὸ βῆλον (ср. I, 48, 245) и тогда только введенные входятъ тоже подъ поднятую завѣсу и, оказавшись въ виду царя, падаютъ ницъ. Выраженіе νεύειν τῇ χλαμίδι или διὰ τῆς χλαμίδος подробнѣе описано I, 48, 244—245, гдѣ сказано, что препозитъ, ставши предъ царемъ, среди начальниковъ кувуклія καὶ ἐφαπλώσας τὰς χεῖρας μετὰ τοῦ χλαμιδίου αὐτοῦ, προσκυνεῖ τὸν βασιλέα, μὴ κλίνας τὰ γούνατα, εἰ μὴ μόνον τὸ σχῆμα τῆς προσκυνήσεως, ὃν τρόπον ἢ τῆς ἡμέρας τάξις ἀπαίτεῖ. Ср. II, 10, 546 εἰσέρχεται ὁ πραιπόσιτος καὶ προσκυνεῖ, σχηματισθεὶς πῶς τὴν κεφαλὴν ὑποκλίνων καὶ ταῖς χερσὶ μετρίως κουφίζων τὸ ἑαυτοῦ σάγιον. Изъ этихъ мѣстъ видно, что препозитъ давалъ знакъ не голою рукою, а покрытою хламидою или, другими словами, пряталъ руку подъ хламиду и поднималъ руку, покрытую хламидою, потому что показывать что нибудь, давать знакъ или подавать что нибудь старшему или при старшемъ голою рукою считалось неприличнымъ. Этотъ обычай въ церковномъ ритуалѣ сохранился, между прочимъ, въ томъ, что діаконъ, показывая что нибудь или приглашая къ чему рукою, обвертываетъ ее особеннымъ образомъ ораремъ. Объ этомъ обычаѣ см. довольно обстоятельное разсужденіе у Reiske, Comment. p. 63—66. Ср. Kraus, Realencyklop. d. christl. Alterth. II, 197 (церковные археологи, къ сожалѣнію, упускаютъ изъ виду факты, находящіеся въ Придворномъ Уставѣ, хотя они пригодились бы имъ для объясненія многихъ церковныхъ обрядовъ и обычаевъ).

¹⁾ При описаніяхъ ввода чиновъ обыкновенно говорится, что они становятся «отсюда и оттуда отъ начальниковъ кувуклія» (ἐνθεν κακεῖθεν ἀπὸ τῶν ἀρχόντων τοῦ κουβουκλείου), но при болѣе подробныхъ описаніяхъ указывается, что только высшіе чины, впущенные въ первую завѣсу, становятся возлѣ архонтовъ кувуклія, стоящихъ возлѣ самого царя, а чины второй завѣсы становятся ниже (ὑποκάτω) чиновъ первой и т. д., съ правой и лѣвой стороны. Такъ, напр., въ частномъ Пасхальномъ обрядѣ I, 9, 61 сказано, что введенные магистры ἵστανται ἀπὸ τῶν ἀρχόντων τοῦ κουβουκλείου ἐνθεν κακεῖθεν, κατὰ τὰς αὐτῶν τάξεις καὶ στάσεις. Въ общемъ Пасхальномъ обрядѣ магистры становятся δεξιᾷ καὶ ἀριστερᾷ κατὰ τὰς οἰκείας τάξεις I, 1, 24; слѣдующіе за ними становятся направо и налево ниже ихъ; вошедшіе въ третью завѣсу становятся опять δεξιᾷ καὶ ἀριστερᾷ ὑποκάτω τοῦ δευτέρου βήλου; вошедшіе въ четвертую завѣсу становятся καὶ αὐτοὶ δεξιᾷ καὶ ἀριστερᾷ ὑποκάτω τῆς τέττατης τάξεως τοῦ τρίτου βήλου (ibid.). По обряду производства въ патрикіи, гдѣ вводъ чиновъ описанъ всего подробнѣе, магистры, вошедшіе въ первую завѣсу, становятся ἐν τῇ τάξει αὐτῶν ἀπὸ

становился на свои мѣста, препозитъ, по знаку царя, давалъ знакъ хламидою остіарію и тотъ такимъ же порядкомъ опять выходилъ и такимъ же порядкомъ вводилъ второй отдѣлъ, вторую завѣсу, патрикіевъ и стратиговъ или только анеипатовъ и патрикіевъ, которые, войдя подъ завѣсу и ставши въ виду царя, также падали ницъ и занимали свои мѣста справа и слѣва, становясь предъ царемъ въ два ряда и образуя предъ нимъ широкій путь.

Наиболѣе наглядное понятіе объ этой разстановкѣ чиновъ, по моему мнѣнію, можетъ дать разстановка чиновъ духовныхъ при соборномъ служеніи, особенно архіерейскомъ. Судя по довольно многочисленнымъ описаніямъ этой разстановки чиновъ въ Придворномъ Уставѣ Константина Багрянороднаго, можно думать, что въ церковномъ порядкѣ разстановки духовнаго синклита при соборномъ служеніи мы имѣемъ болѣе или менѣе сходную копію съ разстановки чиновъ царскаго синклита, такъ какъ составъ патріаршаго синклита во многомъ напоминалъ царскій синклитъ и церковь усвоила не мало подробностей въ своихъ обрядахъ изъ придворныхъ обрядовъ, которые она уже застала готовыми и сформировавшимися ¹⁾.

Когда такимъ образомъ всѣ чины, допускаемые въ извѣстномъ случаѣ къ приему, въ данномъ случаѣ всѣ высшіе чины, удостоившіеся лицезрѣть и поклониться царю раньше низшихъ и отдѣльно отъ нихъ ²⁾, за-

τῶν ἀρχόντων τοῦ κουβουκλείου ἔνθεν καθεῖθεν. Вошедшіе во вторую завѣсу анеипаты становятся ἀπὸ τῶν μαγίστρων ἔνθεν καθεῖθεν (I, 48, 245—6) и т. д. Ср. I, 14, 92—5. Совершенно также, какъ сановники, къ царицѣ вводятся жены сановниковъ и чиновниковъ I, 9, 67.

¹⁾ Патріархъ былъ также глава духовнаго синклита, какъ царь мірскаго, и у патріарха былъ свой кувуклій или кувуклисіатъ, во главѣ котораго стоялъ препозитъ изъ діаконовъ или пресвитеровъ, который, по грамотѣ царя Ираклія къ патріарху Сергію, по рангу, если былъ пресвитеромъ, слѣдовалъ прямо за царскимъ препозитомъ, а если былъ только діакономъ, занималъ второе мѣсто послѣ царскаго препозита. (Serim. II, 39, 637). Нѣтъ ничего удивительнаго, если патріархъ заимствовалъ и нѣкоторые придворные обычаи. Еще больше, конечно, заимствовалъ изъ придворной жизни и обстановки римскій папа, который уже совершенно изображалъ изъ себя императора по придворной обстановкѣ и старался не уступать ему въ торжественности придворныхъ обрядовъ, во многомъ прямо подражая Византійскому Двору, особенно въ первые вѣка Византійской имперіи.

²⁾ Приглашеніе высшихъ чиновъ синклита для поклоненія и привѣтствія царя отдѣльно отъ прочихъ и раньше ихъ не можетъ разсматриваться иначе, какъ честь, право на которую достигается заслугами, благодаря которымъ и за которыя они награждены чинами, дававшими право adoraire царя раньше и чаще другихъ. Такая же градація въ допущеніи «видѣть его великаго государя пресвѣтлыя очи» соблюдалась въ извѣстныхъ случаяхъ и при дворѣ нашихъ царей. Такъ, въ Пасху, предъ выходомъ царя къ утрени, всѣ высшіе дворовые и служилые чины допускались для этого въ «Комнату», куда изъ чиновниковъ меньшихъ разрядовъ допускались только немногіе, по особому благоволенію царя. Всѣ остальные чиновники видѣли государскія очи и били челомъ уже во время выхода, частію въ сѣняхъ передъ переднею, частію (младшіе) предъ сѣнями, на Золотомъ Крыльцѣ, а у которыхъ золотыхъ кафтановъ не было, тѣ дожидались царскаго выхода на Постельномъ и на Красномъ Крыльцѣ (Забѣлинъ, Бытъ Русскихъ Царей, I изд.,

нимали свои мѣста, препозитъ, сдѣлавши царю обычный поклонъ, бралъ знакъ у царя и возглашалъ громогласно и съ извѣстною модуляціею голоса: „повелите“. Всѣ чины хоромъ возглашали: „на многія и счастливыя времена да продлитъ Богъ праведное Ваше царство!“ ¹⁾). Послѣ этого возгласа всѣ шли въ слѣдующее помѣщеніе въ томъ порядкѣ, въ какомъ стояли, младшіе впереди, дальше отъ царя, старшіе ближе ²⁾), и войдя въ слѣдующую залу, въ данномъ случаѣ въ Оноподѣ, становились тамъ въ томъ же порядкѣ, въ какомъ шли. Царь съ чинами кувуклія, съ тѣлохранителями шелъ вслѣдъ за синклитомъ, но такъ, что синклитъ успѣвалъ стать въ Оноподѣ въ должномъ порядкѣ, когда туда входилъ царь.

Къ чинамъ, вошедшимъ впереди царя, въ Оноподѣ присоединялись стоявшіе здѣсь и не входившіе въ Золотую Руку друнгарій виглы и флота, царскіе спаѳаріи, несшіе царское оружіе, взятое въ храмъ св. Θεοδора,

стр. 333—334). Что касается до приѣма собственно въ Золотой Рукѣ или портикѣ Августея, то приѣмъ этотъ дѣлался только въ самые торжественные выходы, въ большіе Господніе праздники. Въ менѣе торжественные выходы этого приѣма не бывало: царь проходилъ Золотую Руку и, не дѣлая приѣма здѣсь, входилъ въ Оноподѣ, гдѣ ему поклонялись и привѣтствовали собравшіеся здѣсь и стоявшіе въ іерархическомъ порядкѣ высшіе чины синклита (δέχονται αὐτὸν πατρίκιοι καὶ στρατηγοὶ I, 10, 72). Въ схол. къ обряду Рождества Богородицы потому прямо замѣчено, что въ «этотъ выходъ не бываетъ приѣма въ портикѣ Августея или Золотой Рукѣ» (I, 1, 26). Ср. такое же замѣчаніе относительно Благовѣщенья I, 29, 161 и описаніе выхода въ Благовѣщенье I, 30, 163. То же въ Великую Субботу I, 35, 181.

¹⁾) Послѣ возгласа препозита ἐπεύχονται πάντες: «εἰς πολλοὺς χρόνους καὶ ἀγαθοὺς ὁ Θεὸς ἀγάγοι τὴν (δικαίαν) ὑμῶν βασιλείαν». Это пожеланіе или молитву чины, привѣтствовали-ли они царя всѣ или нѣкоторые изъ нихъ отдѣльно, произносили послѣ поклона хоромъ всякій разъ, когда они встрѣчали царя или царь ихъ принималъ. Это дѣлали чины кувуклія, когда царь выходилъ къ нимъ въ галерею 40 мучениковъ, патрикіи и стратиги въ Полукругѣ Триконха и т. д., что въ обрядахъ часто выражается однимъ словомъ ἐπεύχονται или ἵστανται ἐπευχόμενοι (I, 1, 7, 8) или ἀπευχαιστοῦσι τοὺς δεσπότας (ibid. 10). Точно также ἐπεύχονται и при прощаніи, какъ мы увидимъ (I, 1, 21). Эта формула пожеланія называется πολυχρόνιον, т. е. многолѣтіе.

²⁾) Какъ чины кувуклія съ препозитами, когда одни идутъ съ царемъ, идутъ впереди его (προπορεύονται I, 1, 21), кромѣ извѣстныхъ чиновъ, идущихъ сзади, такъ и чины синклита шли, какъ и стояли, впереди царя, на что указываетъ и постоянно встрѣчающееся выраженіе διριγούμενος (отъ dirigo) руководимый, предшествуемый. Впереди царя, когда явились проедры, шелъ проедръ, а когда ихъ не было, шли высшіе чины кувуклія, а потомъ синклита; магистры, аноипаты, патрикіи и т. д., среди которыхъ мѣста въ свою очередь распредѣлялись по разнымъ причинамъ. Если было нѣсколько царей, то старшій или большой шелъ впереди, а младшіе или малые шли на нѣкоторомъ разстояніи сзади, причемъ между ними соблюдалась иногда градація, если хотѣли отдѣнить ихъ значеніе и права на фактическое царствованіе въ будущемъ. Такъ, Христофоръ, сынъ Романа I Лакапина, былъ поставленъ по настоянію Болгаръ, выше Константина Багрянороднаго, а Романъ I завѣщалъ, чтобы Константинъ Багрянородный, послѣ смерти Романа, былъ первымъ царемъ, а за нимъ вторымъ и третьимъ царями были уже дѣти Романа: Стефанъ и Константинъ (Theoph.-Contin. p. 414, 435). Дѣти Романа II, Василій II и Константинъ VIII, во время царствованія Никифора Фоки, въ процессіи шли сзади его, какъ свидѣтельствуетъ Л ъ ю д п р а н д ѣ.

спаѳарокандидаты и спаѳаріи съ сѣкирами ($\delta\iota\sigma\tau\rho\acute{\alpha}\lambda\iota\alpha = dextralia$) и др. Царь, войдя чрезъ мѣдную дверь въ Оноподъ, становился на высокомъ порогѣ ($\rho\acute{o}\upsilon\lambda\pi\iota\tau\omicron\nu$) этой двери, такъ что стоялъ по обыкновенію выше стоявшихъ въ Оноподѣ въ іерархическомъ порядкѣ чиновъ, которые, при появленіи царя, всѣ падали ницъ, вставали и послѣ возгласа „ $\kappa\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\sigma\alpha\tau\epsilon$ повелите“, говорили опять: „на многіе и счастливые годы да продлитъ Богъ царство Ваше!“ Но возгласъ: „повелите!“ здѣсь говорилъ уже не препозитъ, а церемоніарій, который для этого становился посреди стоявшихъ въ два ряда чиновъ и бралъ знакъ отъ препозита, который, въ свою очередь, получалъ знакъ отъ царя и затѣмъ, послѣ поклона, давалъ хламидою знакъ церемоніарію ¹⁾).

Послѣ возгласа: „повелите“ и многолѣтія, всѣ собравшіеся въ Оноподѣ чины шли въ Консistorію, причемъ спаѳарокандидаты и спаѳаріи царскіе шли чрезъ боковыя двери, одни чрезъ правую, другіе чрезъ лѣвую, и спускались по соотвѣтствующимъ лѣстницамъ, между тѣмъ какъ патрикіи и стратиги шли чрезъ среднюю дверь Консistorіи и затѣмъ патрикіи и стратиги, стоявшіе и шедшіе въ правомъ ряду, спускались по правой лѣстницѣ, а стоявшіе и шедшіе съ лѣвой стороны шли по лѣвой лѣстницѣ ²⁾). Сойдя по лѣстницамъ въ Консistorію, чины ста-

¹⁾ Пріемъ въ Оноподѣ описанъ довольно обстоятельно въ общемъ обрядѣ I, 1, 10. Дополняется отчасти I, 10, 72; I, 23, 129—130; I, 30, 163; I, 35, 181. Относительно мраморнаго порога (пυλπίτου) двери изъ Золотой Руки въ Оноподъ см. I, 46, 238 и ср. мой Обзоръ главн. частей Больш. Дворца, стр. 107. Изъ указанныхъ мѣстъ видно, что въ Оноподѣ всегда возглашаетъ «повелите» не препозитъ, а церемоніарій, точно также какъ въ Консistorіи во время этихъ выходовъ это дѣлаетъ всегда силенціарій. Это чередованіе дѣлалось всегда въ трехъ послѣдовательныхъ пріемахъ совершенно также, какъ при соборномъ служеніи архіерейскомъ возгласы и ектеніи говорятъ по-очередно священниками и діаконами, въ іерархическомъ порядкѣ, сперва старшими, потомъ младшими. Препозитъ, церемоніарій и силенціарій представляютъ въ сущности 3 степени одного и того же церемоніальнаго чина и чередуются въ возгласахъ, какъ чередуются іереи и діаконы въ ектеніяхъ и возгласахъ.

²⁾ Выходъ изъ Онопода въ Консistorію описанъ обстоятельнѣе въ Пасхальномъ обрядѣ I, 9, 63 и обрядѣ понедѣльника Пасхальной недѣли I, 10, 73. Сравненіе этихъ двухъ мѣстъ, какъ замѣтилъ уже Reiske (Comment. p. 159), показываетъ, что въ Пасхальномъ обрядѣ пропущено нѣсколько словъ, которыя необходимо вставить изъ обряда понедѣльника Пасхальной недѣли. Вставка эта можетъ быть сдѣлана тѣмъ съ большою увѣренностію, что выходъ описанъ почти дословно тождественно. Дѣло въ томъ, что въ Пасхальномъ обрядѣ сказано, что $\omicron\iota\ \rho\alpha\tau\rho\acute{\iota}\kappa\iota\omicron\iota\ \kappa\alpha\iota\ \sigma\tau\rho\alpha\tau\eta\gamma\omicron\iota\ \delta\iota\epsilon\rho\chi\omicron\nu\tau\alpha\iota\ \tau\eta\nu\ \mu\acute{\epsilon}\sigma\eta\nu\ \rho\acute{o}\lambda\eta\nu\ \kappa\alpha\iota\ \epsilon\upsilon\theta\acute{\epsilon}\omega\varsigma\ \omicron\iota\ \mu\acute{\epsilon}\nu\ \alpha\pi\omicron\tau\ \delta\epsilon\acute{\xi}\iota\alpha\varsigma\ \rho\alpha\tau\rho\acute{\iota}\kappa\iota\omicron\iota\ \kappa\alpha\iota\ \sigma\tau\rho\alpha\tau\eta\gamma\omicron\iota\ \kappa\alpha\tau\acute{\epsilon}\rho\chi\omicron\nu\tau\alpha\iota\ \tau\grave{\alpha}\ \gamma\rho\alpha\delta\acute{\eta}\lambda\iota\alpha\ \tau\eta\varsigma\ \acute{\alpha}\rho\iota\sigma\tau\epsilon\rho\acute{\alpha}\varsigma\ \rho\acute{o}\lambda\eta\varsigma$. Если бы это было дѣйствительно такъ, то патрикіи и стратиги, стоявшіе во время пріема въ Оноподѣ на правой сторонѣ, слѣдовательно, старшіе, чѣмъ ихъ визави на лѣвой, теперь въ Консistorіи должны были бы стать на лѣвой сторонѣ, т. е. ниже своихъ визави. Эта невозможная съ іерархической точки зрѣнія перестановка явилась въ Пасхальномъ обрядѣ вслѣдствіе пропуска послѣ $\kappa\alpha\tau\acute{\epsilon}\rho\chi\omicron\nu\tau\alpha\iota$ словъ: $\tau\grave{\alpha}\ \gamma\rho\alpha\delta\acute{\eta}\lambda\iota\alpha\ \tau\eta\varsigma\ \delta\epsilon\acute{\xi}\iota\alpha\varsigma\ \rho\acute{o}\lambda\eta\varsigma$, $\omicron\iota\ \delta\epsilon\ \alpha\pi\omicron\tau\ \acute{\alpha}\rho\iota\sigma\tau\epsilon\rho\acute{\alpha}\varsigma\ \kappa\alpha\tau\acute{\epsilon}\rho\chi\omicron\nu\tau\alpha\iota$. Въ обрядѣ понедѣльника Пасхальной недѣли это мѣсто выражено такъ; $\omicron\iota\ \delta\epsilon\ \rho\alpha\tau\rho\acute{\iota}\kappa\iota\omicron\iota\ \epsilon\acute{\xi}\acute{\epsilon}\rho\chi\omicron\nu\tau\alpha\iota\ \tau\eta\nu\ \mu\acute{\epsilon}\sigma\eta\nu\ \rho\acute{o}\lambda\eta\nu$, $\kappa\alpha\iota\ \omicron\iota\ \mu\acute{\epsilon}\nu\ \epsilon\kappa\ \delta\epsilon\acute{\xi}\iota\omega\nu\ \kappa\alpha\tau\acute{\epsilon}\rho\chi\omicron\nu\tau\alpha\iota\ \tau\grave{\alpha}\ \gamma\rho\alpha\delta\acute{\eta}\lambda\iota\alpha\ \tau\eta\varsigma$

повились тамъ въ обширной залѣ предъ возвышеніемъ (πούλιτον), на которомъ становился царь и на которомъ подъ балдахиномъ становился, въ случаѣ надобности, царскій тронъ. Вошедшіе впереди царя изъ Онопода высшіе чины находили уже въ Консistoriи собравшійся тамъ остальной синклитъ, т. е. асикритовъ, царскихъ нотаріевъ, хартуларіевъ и другихъ менѣе важныхъ чиновниковъ, служившихъ въ разныхъ управленіяхъ и имѣвшихъ чины, дававшие имъ право на участіе въ приемахъ и собраніяхъ синклита ¹⁾. Во главѣ ихъ находились встрѣтившіе уже царя въ Полукругѣ Триконха протоасикритъ и протонотарій. Всѣ эти синклитики стояли въ іерархическомъ порядкѣ въ два ряда, предъ царскимъ мѣстомъ, оставивши извѣстное пространство впереди для высшихъ чиновъ, которые и занимали приходившіе изъ Онопода патрикии, стратиги и оффиціалии. Впереди всего собравшагося и стоявшаго въ два ряда царскаго синклита стояли жезлъ Моисея, принесенный изъ храма св. Θεοδора, и крестъ св. Константина, взятый веститорами изъ храма св. Стефана Дафны ²⁾. По сторонамъ отъ двухъ рядовъ синклита стояли спаѳаріи и спаѳарокандидаты и нѣкоторые другіе чины, а посреди синклита, между двухъ рядовъ, силенціаріи. Словомъ, весь синклитъ былъ въ полномъ сборѣ и стоялъ въ полномъ порядкѣ въ ожиданіи входа въ Консistorію царя или царей ³⁾. Въ то время, какъ патрикии и стратиги занимали та-

θεξιῶς πόλης, οἱ δὲ ἐξ ἀριστερῶν κατέρχονται τὰ γραδὴλια τῆς ἀριστερᾶς πόλης (р. 73). Въ Рождественскомъ (I, 23, 130), Крещенскомъ (I, 26, 143) и Благовѣщенскомъ (I, 30, 163) этотъ выходъ описанъ очень кратко, особенно въ двухъ послѣднихъ, какъ и въ обрядѣ Великой Субботы I, 35, 181. Ср. I, 46, 232.

¹⁾ Перечисленные у меня въ текстѣ чиновники названы въ общемъ обрядѣ I, 1, 10; но здѣсь былъ весь синклитъ (въ I, 10, 73 сказано, что здѣсь встрѣчали царя патрикии и стратиги ἄμα τῇ συγκλήτῳ, т. е. съ остальнымъ синклитомъ), а въ составъ синклита, участвующаго въ церемоніяхъ, входятъ всѣ чиновники 18 классовъ, отъ кесаря до апоэпархія или стратилата (II, 52, 708—712).

²⁾ Крестъ св. Константина по Рождественскому обряду (I, 23, 129) веститоры несутъ предъ патрикіями и стратигами, когда, послѣ приема въ Золотой Рукѣ, царь и чины выходятъ въ Оноподъ, слѣдовательно, его несутъ предъ царемъ съ самаго начала торжественнаго шествія царя въ облаченіи. По общему обряду, онъ стоитъ вмѣстѣ съ жезломъ Моисея въ Консistoriи, когда входитъ туда царь. Внесенъ-ли онъ туда вмѣстѣ съ приходомъ туда патрикіевъ или отнесенъ былъ раньше, сказать трудно. Во всякомъ случаѣ, возможно, что во время написанія Рождественскаго обряда крестъ Константина относили въ Оноподъ, откуда онъ и переносился вмѣстѣ съ ходомъ процессіи въ Консistorію, а при написаніи общаго обряда онъ прямо относился въ Консistorію.

³⁾ Подробной разстановки всѣхъ собирающихся въ приемныя залы при подобныхъ приемахъ въ обрядахъ не находится. Объ ней можно судить по другимъ обрядамъ, для участія въ которыхъ приглашались всѣ чины, напримѣръ, при приѣмѣ пословъ II, 15, 574 слѣд., но здѣсь разстановка чиновъ приурочена была къ обряду, имѣла особый характеръ, а, кромѣ того, описаніе и здѣсь не полно и требуетъ значительныхъ добавокъ изъ другихъ подобныхъ обрядовъ. При изложеніи одного изъ такихъ обрядовъ, я постараюсь впослѣдствіи дать возможно полное и точное описаніе положенія и мѣста не только чиновъ синклита, но и другихъ чиновъ, особенно чиновъ кувуклія и такъ называемыхъ «царскихъ».

кимъ образомъ свои мѣста въ Консistoriи, изъ Онопода торжественно входилъ въ Консistoriю чрезъ среднюю и главную дверь царь, и предшествуемый высшими чинами кувуклія, сопровождаемый и охраняемый протоспаѳаріями, маглавитами, этеріотами и оруженосцами ¹⁾, вступалъ на возвышеніе подъ балдахиномъ (*καμηλαύκιον*), на нѣсколько широкихъ ступеней высившееся надъ заломъ, въ которой стоялъ синклить. Какъ только чины кувуклія занимали на возвышеніи и на ступеняхъ его свои мѣста и царь становился на порфиновую плиту на пульпитѣ, весь синклить повергался ницъ и поклонялся царю ²⁾.

Сдѣлавши земной поклонъ, синклить вставалъ и, если не предстояло производство въ магистры, препозитъ, по мановенію царя, дѣлалъ, послѣ поклона царю, знакъ одному изъ силенціаріевъ, стоявшихъ въ концѣ двухъ рядовъ, образованныхъ чинами синклита, и силенціарій, поклонившись, возглашалъ громогласно и гармонично: „повелите!“ . Весь синклить хоромъ отвѣчалъ: „да продлитъ Богъ царство Ваше на многіе и счастливые годы“ и направлялся къ выходу изъ Консistoriи ³⁾. Но такъ какъ въ Консistoriи именно всегда совершалось производство въ магистра и притомъ, когда угодно было царю, во время большихъ праздничныхъ выходовъ ⁴⁾, то послѣ поклона чиновъ здѣсь иногда происходила церемонія

¹⁾ По замѣчанію Рождественскаго обряда I, 23, 130 τὸ βασιλικὸν ἄρμα βαστάζοντες σπαθάριοι βασιλικοὶ διοδεύουσιν ὀπίσθεν τῶν βαρβάρων πρωτοσπαθάρων ἐν ἐκάστῃ προελεύσει οὕτως.

²⁾ О Консistoriи, дверяхъ изъ Онопода, лѣстницахъ, пульпитѣ, камилавкѣ или балдахинѣ, порфировой плитѣ и т. п. см. Обзоръ главныхъ частей Большаго Дворца, стр. 117 и слѣд. Ср., кромѣ того, вышеуказанныя мѣста изъ обрядовъ: въ нихъ говорится также о нѣкоторыхъ изъ этихъ предметовъ, какъ камилавка, пульпитъ и порфировая плита.

³⁾ Ser. I, 1, 11; ср. I, 10, 73; I, 23, 130 (по этому обряду силенціарій стоялъ ἐμπροσθεν τῆς πόλης, т. е. близко къ выходной двери, значитъ въ концѣ двухъ рядовъ синклита); I, 30, 163; I, 35, 181.

⁴⁾ Консistoriя, благодаря обычаю въ ней только производить въ магистра, называется нерѣдко триклиномъ, въ которомъ производятся магистры (см. Обзоръ главн. част. Больш. Дворца, стр. 117, примѣч. 2). Это производство, какъ мы видѣли (стр. 34), могло происходить или въ простое воскресенье (обрядъ производства въ простое воскресенье см. I, 46, 234) или во время большаго выхода (ἐν προέξοφ τῆς μεγάλης ἐκκλησίας) въ св. Софію; обрядъ производства въ магистра во время такого выхода вставленъ въ обрядъ Крещенскаго выхода (I, 26, 144) и, кромѣ того, изложенъ отдѣльно I, 46, 231—233. Этотъ послѣдній обрядъ интересенъ для насъ въ данномъ случаѣ въ томъ отношеніи, что въ немъ излагается шествіе царя въ большіе праздники, начиная отъ пріема въ портикѣ Августея и кончая выходомъ изъ Консistoriи. Обрядъ, слѣдовательно, можетъ служить дополненіемъ въ этой части шествія къ обрядамъ выходовъ въ большіе Господніе праздники. Между прочимъ, въ этомъ обрядѣ относительно собравшихся въ Консistoriи чиновъ синклита въ тѣсномъ смыслѣ до входа сюда патрикіевъ и стратиговъ изъ Онопода говорится: ἵστανται ὑπατοὶ κοινιστώριον καὶ οἱ λοιποὶ συγχλητικοί (слѣдовательно, весь синклить) т. е. ипаты и прочіе синклитики составляютъ консistoriю, т. е. стоятъ въ іерархическомъ порядкѣ въ два ряда (ср. выше, стр. 31, прим. 1). Совершенно въ такой же фразѣ I, 16, 98 ὑπατοὶ отдѣлено отъ κοινιστώριον запятою, такъ что выходитъ, что въ Консistoriи «стоятъ ипаты, консistoriя и прочіе синклитики». Такая интерпункція, придуманная Reiske, безъ вся-

производства, которая занимала довольно много времени, такъ какъ послѣ собственно производства слѣдовала церемонія благодаренія царя за дарованіе синклиту главы, т. е. высшаго сановника. Церемонія эта состояла въ томъ, что всѣ чины синклита „до самаго послѣдняго синклитика“ подводились къ царю силенціаріями и кланялись въ землю и отходили на свои мѣста. Когда такимъ образомъ всѣ синклитики приносили благодареніе и становились опять попрежнему на своихъ мѣстахъ, царь давалъ знакъ препозиту, а тотъ силенціарію, который и возглашалъ: „повелите!“.

Послѣ этого возгласа чины синклита, стоявшіе въ два ряда, шли, вѣроятно, какъ и входили, чрезъ среднія двери изъ Консistorіи въ Триклинь Кандидатовъ, между тѣмъ какъ боковыми дверьми входили тѣ, которые стояли направо и налево отъ обоихъ рядовъ синклита. Вышедши въ Триклинь Кандидатовъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они стояли въ Консistorіи, чины останавливались въ ожиданіи царя, который съ кувукліемъ, тѣлохранителями и оруженосцами выходилъ вслѣдъ за ними, конечно, чрезъ среднюю дверь Консistorіи также въ Триклинь Кандидатовъ. Здѣсь его ожидалъ уже клиръ храма Господа съ кадиломъ и ризничій (ὁ σκευοφύλαξ) съ крестомъ изъ этого храма, примыкавшаго западною стороною къ Триклину Кандидатовъ, и подносилъ царю для цѣлованія вынесенный изъ храма крестъ. Царь прикладывался ко кресту и предшествуемый синклитомъ и сопровождаемый кувукліемъ и тѣлохранителями шелъ далѣе въ помѣщеніе Первой Школы, гдѣ былъ куполь на 8 колоннахъ и гдѣ стоялъ большой и прекрасный серебряный крестъ ¹⁾. Царь

каго повода со стороны рукописи, была, повидимому, одною изъ причинъ вышеуказаннаго (стр. 31) предположенія Ле кри в э н а относительно существованія въ X в. старинной императорской консistorіи.—Присутствіе всѣхъ синклитиковъ въ Консistorіи во время выходовъ, обозначенное въ общемъ обрядѣ названіемъ только нѣкоторыхъ чиновниковъ, а въ частныхъ общимъ именемъ синклита, подтверждается и тѣмъ, что послѣ производства въ магистры царя благодарятъ не только высшіе чины, но и низшіе чины синклита, ипаты и еще низшіе μέγρι τοῦ ἐσχάτου τῶν συγγλητικῶν (I, 46, 233) ὡς λαβόντες κεφαλὴν σκερέτου (= συγγλητῶν).

¹⁾ Выходъ изъ Консistorіи въ Триклинь Кандидатовъ и шествіе чрезъ него въ Первую Школу описывается I, 1, 11. Безъ упоминанія Первой Школы въ Рождественскомъ обрядѣ I, 23, 130, гдѣ Триклинь Кандидатовъ, Первая Школа и Триклинь Экскувитовъ обозначаются однимъ общимъ именемъ Экскувитовъ, какъ и въ большей части другихъ обрядовъ, въ которыхъ описывается шествіе чрезъ эти Триклины (см. Обзоръ главн. частей Больш. Дворца, стр. 116, прим.). Въ обрядѣ понедѣльника Пасхальной недѣли, послѣ описанія приѣма въ Консistorіи, говорится: отсюда царь, сопровождаемый выше-названными (т. е. синклитомъ), проходитъ чрезъ Экскувитовъ, Школы и Халку, λέγοντος τοῦ τῆς κατὰστάνσεως (церемоніарій) κατὰ βᾶσιν „καπλάτε Δόμνιν“. То же самое говоритъ церемоніарій, когда царь въ недѣлю Православія возвращается чрезъ эти помѣщенія I, 28, 159, т. е. чрезъ Школы и Экскувиты. Такіе возгласы дѣлалъ церемоніарій, когда царю приходилось идти по лѣстницѣ, какъ это видно изъ того же обряда недѣли Православія:

бралъ у препозита зажженную восковую свѣчу, поклонялся трижды кресту со свѣчою въ рукахъ и шелъ въ Триклинь Эскувитовъ.

когда царь для встрѣчи патріарха *κατέρχεται τὰ γραδῆλια τοῦ ἀθύρα*, церемоніарій говоритъ *κατὰ βᾶθρον «καπλάτε Δόμην»*. Ср. I, 27, 154. Подробнѣе этотъ обычай описанъ въ Срѣтенскомъ обрядѣ, при описаніи выхода царя изъ Триклина Данувія во Влахернскомъ Дворцѣ для встрѣчи патріарха. Сопровождаемый чинами, царь проходитъ, *ὁ δὲ τῆς καταστάσεως ἐν τῷ μέσῳ, καὶ κατὰ βᾶθρον ἐπιστρέφόμενος πρὸς τὸν βασιλέα, ἐφαπλῶν δὲ καὶ τὰς χεῖρας αὐτοῦ ἐνδοθεν τοῦ χλανιδίου αὐτοῦ, λέγει πρὸς τὸν βασιλέα: «καπλάτε Δόμην», τοῦτο ἐκτελῶν, ὅπως ἐν τῇ διόδῳ τοῦ βασιλέως μὴ τύχῃ βᾶθρον*. (I, 27, 149). Изъ этого описанія видно, что церемоніарій, идя въ срединѣ процессіи, если на пути встрѣчалась лѣстница, долженъ былъ, обратившись назадъ, лицомъ къ царю, и показывая рукою, покрытою хламидою, говорить, обращаясь къ царямъ: *καπλάτε Δόμην*. Хотя въ рукописи вездѣ, гдѣ упоминается это слово, стоитъ *καπλάτε*, Reiske I, 10, 73 читаетъ *καπτάτε* и понимаетъ это выраженіе въ томъ смыслѣ, что церемоніарій на каждой ступенькѣ лѣстницы подаетъ царю руку и, говоря *captate, domini*, приглашаетъ царя крѣпко держаться за руку, чтобы не упасть (Comment. p. 175). Но такъ какъ о подаваніи руки здѣсь нѣтъ и рѣчи, а идетъ рѣчь только о жестѣ, съ которымъ церемоніарій обращается къ царю и который тождественъ съ вышеописаннымъ жестомъ препозита (см. выше стр. 62). Потому, если можно читать *καπτάτε* вмѣсто непонятнаго *καπλάτε*, то понимать *captate* скорѣе можно, кажется, въ смыслѣ держите, держитесь за руки идущихъ возлѣ васъ чиновъ кувуклія, которые въ такихъ случаяхъ, быть можетъ, поддерживали царя, какъ водятъ въ извѣстныхъ случаяхъ подъ руки архіереевъ и водили, какъ мы увидимъ, патріарховъ. Но о такомъ поддержаніи царей чинами въ обрядахъ ничего, сколько мнѣ помнится, не говорится. Потому, быть можетъ, позволительно думать, что *καπλάτε* представляется искаженіе лат. *contemplate*, осматривайтесь, смотрите, остерегайтесь. Какая собственно лѣстница разумѣется при шествіи царя изъ Консistorіи чрезъ Триклины гвардейскихъ отрядовъ, сказать трудно; ихъ могло быть нѣсколько, еще больше было, вѣроятно, пороговъ и ступеней, такъ что церемоніарію приходилось не одинъ разъ обращаться къ царю съ вышеуказаннымъ возгласомъ. Можно думать, однакожъ, что это предостереженіе церемоніарія относилось, между прочимъ, къ ступенямъ возвышенія, на которомъ стоялъ царь въ Консistorіи и съ котораго онъ сходилъ, шествуя вслѣдъ за чинами въ Триклинь Кандидатовъ изъ Консistorіи. Такая же, если не бѣлая, лѣстница вела изъ Школъ въ Триклинь Эскувитовъ, такъ какъ царь, проходя изъ большой двери Триклина Эскувиторовъ, спускается съ большого возвышенія (I, 23, 131: *κατελθὼν τὸ μέγα πούλιτον*). Ср. Обзоръ главн. частей Больш. Дворца, Byzantina, I кн. стр. 125 и 129.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Шествіе царей чрезъ Палату Экскувитовъ.—Славословія на латинскомъ языкѣ.—Шествіе чрезъ Школы или Трибуналъ.—Украшеніе Трибунала.—Первый приѣмъ въ Трибуналъ.—Пѣснопѣнія и поднесеніе ливелларія.—Второй приѣмъ въ Палатѣ Школъ.—Третій приѣмъ въ Халкѣ.—Четвертый приѣмъ внѣ рѣшетки Халки.—Пятый приѣмъ у большихъ воротъ Халки.—Шестой приѣмъ въ Орологіи св. Софіи.—Видоизмѣненія славословій и пѣснопѣній сообразно съ праздниками и личными качествами царей.—Извѣстіе Лютпранда о славословіяхъ димовъ.

Въ Палатѣ или Триклинѣ Экскувитовъ, куда входилъ царь со всѣмъ синклитомъ, кувукліемъ и тѣлохранителями, стояли уже въ два ряда, справа и слѣва, на своихъ мѣстахъ знаменосцы съ римскими скипетрами (такъ называемыми *vela*), евтихіями и другими скипетрами и лавурами (*labara*) ¹⁾. Здѣсь же стояли со знаменами протикторы, сигнаторы, драконаріи и кампидукторы съ вандами.

¹⁾ Всѣ эти знамена и лавуры являются необходимою принадлежностью всякой торжественной процессіи и церемоніи. Не говоря уже о коронаціи и провозглашеніи царей, когда всѣ знамена въ извѣстные моменты преклоняются въ знакъ признанія новаго императора, знамена приносились въ Трибуналъ же для обряда коронаціи царицы, кесаря и производства въ нобилиссима (I, 38, 192, 194; I, 40, 204; I, 41, 210—211; I, 43, 218; I, 44, 226. Ср. I, 91, 410, 411; I, 92, 423; I, 93, 429; I, 94, 431; I, 96, 436). Въ Append. ad. libr. I, 502, гдѣ говорится о торжественномъ въѣздѣ Василія Македонянина, сказано, что Василій шелъ отъ храма пресв. Богородицы (на forum'ѣ Constantini), *προπορευομένην τῶν σκευῶν, λαβούρων καὶ τ. χρυσῶν φλαμούλων καὶ τοῦ τιμίου σταυροῦ τοῦ μεγάλου τε καὶ διαλήθιου*. Большая часть этихъ *σκευῶν* хранилась въ храмѣ Господа, гдѣ находились: скипетровъ 12, кампидукторій 5, лавуровъ 5, сигнъ (*σίγνα*) 12, драконтій 12, вандъ 8. Изъ нихъ 12 были возобновлены и исправлены (Константиномъ Багрянороднымъ?), а 6 обломаны и стояли безъ обдѣлки (II, 40, 641). При выходѣ царей въ Преображеніе въ присутствіи Саракинскихъ пословъ, всѣ эти *σκευῆ*, хранившіеся въ храмѣ Господа, были несены впереди процессіи, какъ и слѣдовало быть при большомъ выходѣ (II, 15, 591, 593). Подъ римскими скипетрами разумѣются, безъ сомнѣнія, старыя римскія знамена, хранившіяся въ дворцовомъ храмѣ съ давнихъ временъ; такъ какъ эти знамена состояли изъ древокъ (*σκηπτρα*) и привѣшеннаго къ нему плата, въ родѣ нашихъ хоругвій, то они назывались также *vela*. Евтихія (*εὐτύχια*), которыя часто называются *πτύχια*, Reiske, кажется, вѣрно объясняетъ въ смыслѣ знаменъ съ изображеніемъ архангела Михаила, замѣнившаго собою, съ принятіемъ христіанства, изображенія фортуны или викторіи (*τύχη, νίκη*). Здѣсь же Reiske (Comment. p. 81 и 668 слѣд).

Въ лѣвой половинѣ Палаты Экскувитовъ, на длинной скамьѣ стояли канцелларіи квестора съ своимъ domestикомъ. За ними, во второмъ ряду, также на длинной скамьѣ, стояли такъ называемые дипаниты, а за дипанитами въ третьемъ ряду на длинной скамьѣ стояли номики ¹⁾.

приводить случаи, указывающіе на возможность перехода εὐτόχια въ πτόχια (ср. βλοχεῖν = εὐλοχεῖν, φτηνία = εὐφτηνία, βγενικός = εὐγενικός и т. п.). Labarum, производимое нѣкоторыми отъ кельт. *lab*—поднимать, возвышать, баск. *labarra*—знамя, называлось, какъ извѣстно, знамя, сдѣланное Константиномъ Великимъ по образу видѣннаго имъ на небѣ. По свидѣтельству Евсевія, который рассказываетъ объ этомъ видѣніи со словъ самого Константина, на *labarum*, сдѣланномъ Константиномъ Великимъ, подъ монограммою Христа въ вѣнкѣ (✠), была перекладина, къ которой привѣшенъ былъ платъ съ изображеніемъ Константина и его сыновей. Съ такими *labara*, которыя съ Константина сдѣлались знаменемъ Христіанской Римской имперіи, изображаются обыкновенно на монетахъ византійскіе цари. (Kraus, Realencykl. d. christlich. Alterth. II, 259 слѣд.). Эти римскіе скипетры и знамена во время выходовъ и собраній носили, какъ можно заключить изъ обряда пріема Саракинскихъ пословъ, кандидаты (II, 15, 575). Прочія знамена держали во время этого пріема флотскіе гвардейцы, гребцы перваго дромона, но это послѣднее обстоятельство было, вѣроятно, исключеніемъ, такъ какъ гвардейскіе отряды не флотскіе, знамена которыхъ носились въ процессіяхъ, имѣли своихъ знаменосцевъ, которые и значатся въ числѣ офицеровъ, подчиненныхъ начальникамъ гвардейскихъ отрядовъ. Такъ, подъ начальствомъ domestика школъ значатся: *προτίκτορες* (*protectores*), *εὐτοχοφόροι*, *σκηπτοφόροι*; подъ начальствомъ domestика экскувитовъ состояли *δρακονάριοι*, *σκευοφόροι*, *σινάτορες* (*signatores*); подъ начальствомъ друнгарія числа или виглы были: *βανδοφόροι*, *λαβοῦρίσιοι*, *σημειοφόροι*, *δοκιμάτορες*. Такіе же офицеры были и въ числѣ подчиненныхъ domestика иканатовъ (II, 52, 716—719). Всѣ они могли имѣть чинъ кандидата, какъ видно изъ перечня чиновниковъ и офицеровъ въ низшихъ чинахъ, приглашаемыхъ къ столу въ качествѣ послѣдняго отдѣленія (II, 52, 737—738). *Καμπηδηκτόρια*—знамена или значки кампидукторовъ; древн. *campi doctores*—*Exercizmeister* въ византійскую эпоху являются въ роли *campi ductores*, *ὁδηγοί*, *οἱ τοὺς τόπους ἐρευνῶντες*, авангардными офицерами. колонновожатыми (см. Du Cange, Gloss. s. v.). *Βάνδον* называлось, какъ отрядное знамя, такъ и отрядъ, имѣющій одно знамя (Du Cange, s. v.); носившіе ихъ назывались *βανδοφόροι*; а такъ какъ на нихъ были разныя изображенія *σημεῖα*, въ томъ числѣ и драконы, то носившіе знамена съ драконами назывались драконаріями (Du Cange, Gloss. Gr. u. Lat. s. v., ср. Reiske, Comment. 81). Этихъ краткихъ замѣчаній относительно упомянутыхъ въ общемъ обрядѣ знаменъ, полагаю, пока достаточно для пониманія текста; болѣе обстоятельное разсужденіе объ этихъ предметахъ завело бы насъ слишкомъ далеко и потому приходится отложить его до болѣе удобнаго мѣста и времени.

¹⁾ Относительно дипанитовъ, къ сожалѣнію, пока я ничего не могу сказать опредѣленнаго и могу только повторить слова Reiske (Comment. p. 82), который говоритъ: *Quinam sint Dipanitae, fateor me ignorare; videntur ad Circum pertinere*. Но относительно номиковъ (*οἱ νομικοί*) согласиться съ Reiske (*ibid.* p. 83) едва ли возможно. Reiske считаетъ номиковъ за регентовъ и дирижеровъ или уставщиковъ (*sunt, qui nomos musicos in publicis coetibus manu et nutu administrabant, praecentores, directores musici, aut qui docti ritus ecclesiasticos, quid quotidie in ecclesia praelegendum agendumve sit, norunt*) Это объясненіе взято Reiske изъ комментарія Goar'a къ Коди́ну de offic. p. 156 Bonn. Очень возможно что церковные *νομικοί*, о которыхъ рѣчь идетъ, у Коди́на (p. 6, l. 9), который относитъ *ὁ νομικός* къ 8 пятку церковныхъ должностей на ряду съ примикиріемъ чтецовъ, протоканонархомъ, экзархомъ и экклісархомъ, подъ *ὁ νομικός* разумѣется регентъ или уставщикъ, но въ занимающемъ насъ мѣстѣ изъ обряда большихъ выходовъ едва ли можно разумѣть церковнаго номика, хотя здѣсь номики и поютъ стихи,—обстоятельство, которое и было, вѣроятно, причиною того, что Reiske принялъ ихъ за регентовъ или запѣвалъ. Не говоря уже о томъ, что времена Коди́на нужно строго отличать отъ вре-

Каждый рядъ, по приходъ царя съ синклитомъ въ Палату Экскувитовъ, пѣть особыя пѣснопѣнія, припоровленные къ тому празднику, въ который совершался выходъ. Канцелларіи квестора, по роду своихъ обязанностей, вѣроятно, долѣе другихъ знавшіе латинскій языкъ, должны были, какъ придворные пѣвчіе и поэты партій цирка ¹⁾, пѣть по-латыни. Хотя въ IX—X вв., быть можетъ, и они уже не знали латинскаго языка, тѣмъ не менѣе по традиціи продолжали пѣть латинскіе стихи, или, какъ тогда говорилось, „пѣть по-римски“ (ῥωμαῖστ!); латинскіе стихи они, быть можетъ, заучивали по записямъ, въ которыхъ эти пѣсни сохранились отъ прежнихъ временъ и были написаны, быть можетъ, даже не латинскими, а греческими буквами, въ греческой транскрипціи. Очень интересный образецъ такихъ пѣснопѣній, равно какъ и транскрипціи, дошелъ до насъ въ концѣ I-й книги (гл. 74, р. 369—370) Придворнаго Устава, гдѣ собрано не мало и другихъ подобныхъ пѣснопѣній. Къ сожалѣнію, эти пѣснопѣнія или духовные стихи дошли не вполне: большая часть ихъ представляетъ несомнѣнно только начало стиха, а продолженія его нѣтъ, такъ какъ составитель Устава имѣлъ въ виду, вѣроятно, указать только начальныя слова, чтобы показать, что нужно пѣть, а остальное предполагалъ извѣстнымъ по записямъ.

Въ Рождество, при входѣ царя въ триклинь экскувитовъ, канцелларіи квестора пѣли: *De Maria Virgine natus est et magi de oriente cum*

мень Константина Багрянороднаго, необходимо имѣть въ виду, что въ числѣ церковныхъ чиновъ номикъ упоминается одинъ, а у Константина Багрянороднаго они занимаютъ цѣлую длинную скамью. Затѣмъ, они упоминаются рядомъ съ канцелларіями квестора и дипломатами и поютъ также, какъ и эти послѣдніе, а канцелларіевъ квестора врядъ ли кто станетъ относить къ духовнымъ чинамъ. Не говоря уже о партіяхъ цирка, у которыхъ были даже свои пѣвчіе (οἱ κρηῖται), какъ мы сейчасъ увидимъ, и другіе свѣтскіе чины, высшіе и низшіе, не только умѣли, но и обязаны были въ извѣстныхъ случаяхъ пѣть духовные стихи, доказательствъ чего много имѣется въ обрядахъ крестныхъ ходовъ. Точно также обязаны были пѣть и номики во время большихъ выходовъ царей въ храмъ св. Софій или, вѣрнѣе, быть можетъ, имѣли право и честь привѣтствовать царей своими пѣснопѣніями въ Палатѣ Экскувитовъ, также какъ другіе чиновники имѣли честь привѣтствовать царя въ другихъ палатахъ Дворца.

Кто же были эти номики? По Gloss. Gr. Du Cange'a s. v. νομικός: номиками назывались вообще законовѣды, законники (iuris periti), и спеціально нотаріи въ нашемъ смыслѣ, т. е. нотаріусы, какъ они у насъ называются, законамъ русскаго языка вопреки. Въ Клиторологіи Филовея (Serim. II, 52, 717, строка 10), въ числѣ чиновъ, подчиненныхъ ипарху города Константинополя, мы находимъ номиковъ, но въ какомъ смыслѣ ихъ нужно принимать, въ общемъ или спеціально, сказать, за неимѣніемъ другихъ указаній на этотъ счетъ, трудно. Во всякомъ случаѣ, на скамьѣ въ Палатѣ Экскувитовъ стояли, безъ сомнѣнія, номики, подчиненные ипарху, а не церковные пѣвчіе, и пѣли въ честь царя разныя пѣснопѣнія, соотвѣтствующія празднику, какъ пѣли подобныя же пѣснопѣнія подчиненные квестору канцелларіи квестора, а затѣмъ партіи Ипподрома.

¹⁾ О латинскихъ словословіяхъ придворныхъ пѣвчихъ и латинскихъ стихахъ поэтовъ партій Ипподрома будетъ рѣчь ниже.

muneribus adorant. Затѣмъ слѣдовалъ припѣвъ: *Christus Deus noster conservet imperium vestrum per multos annos et bonos*. Припѣвъ этотъ, называемый отвѣтомъ (*ἀπόκριμα*), пѣли, вѣроятно, всѣ канцелларіи, между тѣмъ какъ вышеприведенный стихъ пѣлся только нѣкоторыми запѣвалами или пѣвчими (*κράκται*), какъ можно судить по сравненію съ пѣніемъ своихъ славословій димами.

Въ Крещеніе канцелларіи-пѣвчіе пѣли: *Ioannes in Iordane baptizat Dominum. Secundum illum vocat. De te volo (baptizari)* ¹⁾. Припѣвъ тотъ же самый. Какъ читатель видитъ, этотъ припѣвъ представляетъ оригиналъ того многолѣтія (*πολυχρόνιον*), которое говорятъ хоромъ царю чины послѣ поклоненія и которое намъ встрѣчалось уже нѣсколько разъ.

Въ Пасху канцелларіи-пѣвчіе пѣли: *Cum crucifixus est (?) et sepultus et tertia die resurrexit*. Припѣвъ тотъ же. Въ Троицу пѣли: *Commandavit Spiritum Sanctum super tuos apostolos*. Въ Преображеніе: *Cum transfiguratus est (?) in monte*. Припѣвы тѣ же. Что нибудь подобное пѣли и диманиты съ номиками, составлявшіе второй и третій рядъ на скамьяхъ въ Палатѣ Экскувитовъ.

Встрѣчаемый и сопровождаемый такими пѣснопѣніями и многолѣтіями, царь, съ знаменами, скипетрами и лавурами впереди, предшествуемый синклитомъ, шель чрезъ Палату Экскувитовъ къ большой двери, ведущей изъ этой палаты въ Школы. Изъ Школъ къ этой двери вела лѣстница, заканчивавшаяся обширной площадкой (*μέγα πούλπιτον*), на которую и выходила дверь. Дойдя до этой двери, царь останавливался въ ней, если нужно было производить скривоновъ, которыхъ подводили domestикъ экскувитовъ съ церемоніаріемъ къ царю. Царь вручалъ имъ знакъ ихъ достоинства (жезль, *τὸ βεργίον*), тѣ покланялись и уходили на свои мѣста.

По Рождественскому обряду ²⁾ (I, 23, 131) изъ Палаты Экскувитовъ

¹⁾ I, 74, 369: εἰς τὰ φῶτα· Ἰωάννης· ἐν Ἰορδάνῃ· βαπτίζει· δόμνηον· σεκούνδον· ἄλλον· βόκατ δὲ τὸ βόλο· ἐρμηνεύεται Ἰωάννης ἐν Ἰορδάνῃ βαπτίζει τὸν Κύριον· ἀκολούθως αὐτὸν φωνεῖ· ὑπὸ σου θέλω βαπτισθῆναι· ἄλλως· Ἰωάννης ἐν Ἰορδάνῃ βαπτίζει τὸν Κύριον· ἐκ δευτέρου αὐτὸν ἐφώνησε· ὑπὸ σου θέλω βαπτισθῆναι. Leiche въ лат. переводѣ восстанавливаетъ лат. текстъ произвольно: *Ioannes in Iordane baptizat Dominum: is rursus (aut postea) illi acclamat: a te volo baptizari*. Далѣе Лейхе поступаетъ точно также: въ Пасхальномъ пѣснопѣніи выбрасываетъ *et* предъ *tertia die*, чтобы вышелъ цѣлый періодъ. Вмѣсто *κουρμάν-δαβιτ* ставить въ лат. транскрипціи: *Qui mandavit*. Греч. *κοὺν τρανσφιγγουράτους* передаетъ *Qui transfiguratus*. Цѣльный и законченный стихъ отъ этого все-таки не выходитъ. Очевидно, это только начало стиха; концы ихъ, быть можетъ, можно отыскать въ старыхъ латинскихъ церковныхъ гимнахъ на эти праздники. Я, къ сожалѣнію, не могъ отыскать въ Казанскихъ библіотекахъ изданій такихъ пѣснопѣній.

²⁾ Въ Крещенскомъ обрядѣ (I, 26, 144), который написанъ однимъ лицомъ и въ одно время съ Рождественскимъ, къ сожалѣнію, эта часть шествія царя выражена очень кратко: сказано только, что изъ Консисторіи царь проходитъ чрезъ Экскувитовъ и Школы до Великой Церкви, καὶ δοχῇ καὶ τάξει, ὡς τρόπον ἐδηλώθη ἡμῖν ἐν τῇ προελεύσει τῆς Χριστοῦ γεννήσεως. Ср. такую же ссылку выше, *ibid.* p. 143.

царь идетъ въ Школы и, войдя въ круглое зданіе (*εἰς τὸ στρογγύλον*), гдѣ стоитъ крестъ и чины логооесія, молится по обыкновенію со свѣчами въ рукахъ предъ крестомъ, и, ставши въ камару этого круглаго зданія, если нужно производить, производить комитовъ школъ или domestиковъ и протикторовъ. Подводятъ ихъ къ царю церемоніарій съ domesticiкомъ школъ, такъ какъ эти чины принадлежатъ къ составу школъ, какъ скривоны принадлежатъ къ начальникамъ экскувитовъ. Отсюда царь идетъ дальше чрезъ помѣщенія школъ, доходитъ до Пятой Школы и молится опять предъ находящимся здѣсь крестомъ со свѣчами въ рукахъ и становится въ дверяхъ Пятой Школы, чтобы принять отъ domestика школъ ливеллярій, который онъ подноситъ царю въ качествѣ димократа Венетовъ, такъ какъ въ Пятой Школѣ по Рождественскому обряду происходитъ первый приѣмъ димовъ Ипподрома.

По общему обряду, въ основаніе котораго положенъ также Рождественскій обрядъ, цари изъ Палаты Экскувитовъ идутъ въ Лихны, гдѣ стоитъ великолѣпный серебряный крестъ, предъ которымъ цари совершаютъ молитвы, дѣлая три поклона со свѣчами въ рукахъ, послѣ чего цари становятся въ камару и происходитъ первый приѣмъ димовъ (I, 1, 12).

Въ своемъ Обзорѣ главныхъ частей Большаго Дворца я старался показать ¹⁾, что Лихны и круглое зданіе, въ которомъ также, какъ и въ Лихнахъ, стоитъ крестъ,—тоже самое. Если это вѣрно, то разница между общимъ обрядомъ (I, 1) и Рождественскимъ (I, 23) состоитъ только въ томъ, а) что по Рождественскому обряду въ кругломъ зданіи приѣма не происходитъ (приѣмы начинаются дальше, въ Пятой Школѣ) и б) что изъ круглаго зданія (Лихны) царь идетъ, по Рождественскому обряду, не чрезъ Трибуналъ, чрезъ который онъ идетъ въ общемъ обрядѣ, а чрезъ Школы, т. е. чрезъ портикъ, состоявшій изъ помѣщеній для отдѣльных школъ, которыхъ было семь, и примыкавшій къ Трибуналу. Затѣмъ, какъ изъ Трибунала, такъ и изъ портика для школъ царь одинаково выходилъ въ Палату Школъ. Если же круглое зданіе и Лихны не одно и то же, то къ указаннымъ двумъ пунктамъ, въ которыхъ общій обрядъ разнится отъ Рождественскаго, нужно еще прибавить третій: изъ Палаты Экскувитовъ по общему обряду царь шелъ въ Лихны и Трибуналъ, а по Рождественскому—въ круглое зданіе, которымъ начинался отъ Палаты Экскувитовъ портикъ школъ, и продолжалъ слѣдовать чрезъ портикъ школъ до Палаты школъ.

Такъ какъ общій обрядъ (I, 1) (въ сущности Рождественскій) и спе-

¹⁾ См. Обзоръ главныхъ частей Большаго Дворца въ Byzantina, I кн., стр. 125 и слѣд.

ціальный Рождественскій обрядъ написаны въ разное время ¹⁾, то эту разницу, въ сущности очень незначительную, всего естественнѣе объяснить разницею во времени. Въ то время, когда написанъ былъ спеціальный Рождественскій обрядъ (I, гл. 23) и когда былъ одинъ царь, процессія изъ Палаты Экскувитовъ двигалась чрезъ портикъ школь, гдѣ, по приходѣ въ Пятую Школу, и происходилъ первый приѣмъ димовъ; а когда былъ написанъ общій обрядъ, составленный, по всей вѣроятности, при Константинѣ Багрянородномъ, и когда было два царя по крайней мѣрѣ, процессія изъ Палаты Экскувитовъ двигалась чрезъ Лихны и Трибуналъ и первый приѣмъ димовъ происходилъ здѣсь. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ процессія выходила въ Палату Школъ.

Когда и почему произошла эта переменѣ, сказать трудно. Такъ какъ портикъ школь шелъ параллельно Трибуналу, то возможно, что цари ходили и тамъ и здѣсь, смотря по тому, гдѣ они находили удобнѣе проходить. Такъ какъ Трибуналъ представлялъ большую площадь и въ немъ могло помѣститься съ удобствомъ гораздо больше народа, чѣмъ въ Школахъ; то можно предположить, что чрезъ Трибуналъ цари ходили и прежде, когда, ради большей торжественности, собиралось очень много народа для встрѣчи царей по выходѣ ихъ изъ залы Экскувитовъ, а потомъ, благодаря удобству размѣщенія въ Трибуналѣ, это сдѣлалось явленіемъ обычнымъ и постояннымъ, такъ что, при составленіи Придворнаго Устава, какъ въ общемъ обрядѣ, такъ и въ актологіяхъ димовъ (I, 2 и сл.), составитель счелъ возможнымъ обозначить только этотъ послѣдній путь, какъ обычный въ торжественныхъ выходахъ, что, конечно, не исключало возможности шествія по прежнему, чрезъ портикъ школь.

Полагая, что эти указанія на разницу между общимъ и Рождественскимъ обрядами достаточно разъясняютъ могущее возникнуть при сравненіи двухъ обрядовъ недоразумѣніе ²⁾, я въ дальнѣйшемъ изложеніи буду слѣдовать общему обряду, по которому шествіе направляется изъ Палаты Экскувитовъ въ Палату Школъ чрезъ Лихны и Трибуналъ.

Войдя изъ Палаты Экскувитовъ въ Лихны, называвшіеся такъ отъ висѣвшихъ тамъ лампъ (λύχνοι), которыя на время выходовъ зажигались,

¹⁾ На разницу во времени указываетъ то обстоятельство, что въ общемъ обрядѣ фигурируютъ цари, которые называются владыками (δеспόται), а въ Рождественскомъ (I, 23) одинъ царь, βασιλεύς. Кромѣ того, въ общемъ обрядѣ о чинопроизводствѣ во время шествія не упоминается. Очень возможно, что при Константинѣ Багрянородномъ этотъ обычай былъ уже оставленъ или практиковался рѣдко.

²⁾ Въ Обзорѣ главн. частей Больш. Дворца, стр. 127, я уже указывалъ на то, что Лабартъ не обратилъ вниманія на эту разницу и нашелъ болѣе удобнымъ обойти этотъ трудный, но важный пунктъ молчаніемъ.

какъ и стоявшій здѣсь канделябръ въ семь лампъ (ἐπτακάνδηλος), царь прежде всего, какъ мы видѣли, поклонялся трижды со свѣчами въ рукахъ стоявшему въ Лихнахъ прекрасному серебряному кресту, затѣмъ становился въ камару Лихнѣ, которою Лихны примыкали и открывались на Трибуналь, такъ что царь, окруженный кувукліемъ и тѣлохранителями, виденъ былъ множеству всякаго званія людей, собравшихся въ Трибуналѣ ¹⁾. Тутъ стояли возлѣ самыхъ Лихнѣ димы Пиподрома, за ними находившіеся въ данное время въ Константинополѣ послы и вообще знатные иностранцы, далѣе слѣдовали ипархъ съ своими подчиненными, своимъ сотрудникомъ или товарищемъ (σύμπλονος), логоостомъ преторія и служащими въ учрежденіяхъ, управляемыхъ ими ²⁾; здѣсь же стояли городскіе цехи (συστήματα τῆς πόλεως) и другіе представители и члены города и городского управленія, во главѣ котораго стоялъ ипархъ или эпархъ города. Если мы припомнимъ, что царь входилъ сюда предшествуемый всеѣмъ синклитомъ и сопровождаемый многочисленною свитою изъ членовъ кувуклія и разнаго рода тѣлохранителей и гвардейцевъ, то мы можемъ себѣ представить, какъ много собиралось здѣсь народа и какое великолѣпное зрѣлище и величественное представляло это собраніе массы чиновниковъ и сановниковъ въ блестящихъ парадныхъ облаченіяхъ, со множествомъ знаменъ, крестомъ Константина и жезломъ Моисея. Все

¹⁾ Относительно лампъ и седмилампы см. схол. къ I, 1, р. 8 и 12. Относительно собравшихся въ Трибуналѣ чиновъ, пословъ и горожанъ см. I, 1, 12—13. Совершенно согласное съ этимъ указаніе есть въ краткомъ обрядѣ выхода въ Преображеніе, который, ради присутствовавшихъ при выходѣ Саракинскихъ пословъ, совершался съ особеннымъ блескомъ: цари и высшіе чины были въ лорахъ, какъ въ Пасху; какъ во время Пасхальнаго выхода, цари шли со скипетрами и акакіями (объ этомъ будетъ сказано при изложеніи особенностей Пасхальнаго выхода). О Трибуналѣ здѣсь сказано, что τὸ Τριβουνάλιον, ἐν ᾧ κατὰ τύπον ἵστανται οἱ φίλοι (послы дружественныхъ государствъ) καὶ θεωροῦσιν τὸν βασιλέα, ἐξωπλίσθη κατὰ τὴν προρηθεῖσαν τῆς δοχῆς ἐξόπλιον (II, 15. 591). Здѣсь ссыла на II, 15. 572, гдѣ говорится объ украшеніи разныхъ дворцовыхъ помѣщеній для приѣма Саракинскихъ пословъ. Совершенно согласно съ замѣчаніемъ относительно иностранныхъ пословъ общаго обряда I, 1, 13, по которому послы стоятъ близъ димовъ, былъ помѣщенъ во время выхода въ Троицу Люттирандъ, епископъ Кремонскій, въ бытность свою въ Константинополѣ при Никифорѣ Фокѣ (968 г.). Въ Трибуналѣ онъ, по его собственнымъ словамъ, былъ помѣщенъ iuxta psaltas seu cantores in eminentiore loco, т. е. возлѣ пѣвчихъ (κράταται) димовъ (Legatio c. 9, Pertz, Monumenta, V, p. 349).

²⁾ Кромѣ симпона и логоета преторія въ общемъ обрядѣ I, 1, 13 названы οἱ περὶ τὸν ὑπαρχὸν ὀφφικιάριοι, подъ которыми разумѣются разные чиновники, служившіе подъ начальствомъ ипарха по разнымъ частямъ городского управленія и составлявшіе officium (ὀφφίκιον) ипарха. Они перечислены II, 52, 717. И во время приѣма Саракинскихъ пословъ въ Трибуналѣ стояла ἡ πολιτικὴ (τάξις) μετὰ τῶν συστημάτων καὶ τῶν ἰδίων ἀρχόντων (II, 15, 579). По Рождественскому обряду, когда царь входилъ въ круглое зданіе (Лихны), тамъ стояли οἱ τοῦ λογοθέσιου, подъ которыми, вѣроятно, разумѣются тѣ же оффиціальіи ипарха города, подъ начальствомъ котораго служилъ логоетъ преторія съ своимъ λογοθέσιον, т. е. управленіемъ или канцеляріею логоета.

это блестящее собраніе царя и синклита окружалось множествомъ стражи и гвардейскихъ отрядовъ разныхъ наименованій въ мундирахъ и съ оружіемъ, украшеннымъ золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями ¹⁾. Великолѣнію и блеску собранія соотвѣтствовало украшеніе Трибунала. Ипархъ города, получивши извѣстіе отъ препозита о предстоящемъ выходѣ, дѣлалъ распоряженіе о надлежащемъ украшеніи Трибунала ²⁾.

¹⁾ Такія блестящія процессіи приводили въ восторгъ патріотическихъ поэтовъ и заставляли ихъ воспѣвать великолѣпіе и роскошь подобныхъ выходовъ. Такъ, у К о р и п п а (Corippi de laudibus Justinii Minoris, lib. IV, ст. 233 сл.) мы находимъ слѣдующее восторженное описаніе блестящаго выхода Юстина въ храмъ св. Софіи по случаю его консульства:

«Incessit laetus praeclara in veste senatus,
Pars trabeis, pars comta togis, ut cuique probatus
Ordo locum cultumque dabat. divina sequuntur
Officia, et primis praeco clamoribus instat
Omnibus imperitans sectis procedere turmis.
Incedunt densae mixto lictore cohortes:
Hinc armata manus dextram laevamque tuetur
Caesarei lateris; clipeis pia terga tegebat
Ingens excubitus, protectorumque falanges
Fulgebant rutilo pilis splendentibus auro.
Ipse autem consul sacro diademate fulgens
Ornatus trabea, gemmisque ostroque nitebat,
Ore humerisque patens; et sacri luminis instar
Illius aspectus gemmas vincebat et aurum,
Angelicis oculis exaequans sidera coeli».

Ср. у того же К о р и п п а описаніе приема Юстиномъ II Аварскихъ пословъ въ Консисторіи. Ibid. lib. III, ст. 213:

«Egreditur princeps magno comitante senatu.
Affuit obsequio castorum turba virorum...»

Ст. 237 (Послы допускаются въ Консисторію):

«.....Miratur barbara popes
Ingressus primos immensaue atria lustrans
Ingentes adstare viros. Scuta aurea cernunt,
Pilaque suspiciunt alto splendentia ferro
Aurea et auratos conos cristasque rubentes.
Horrescunt lanceas saevasque instare secures
Caeteraque egregiae spectant miracula pompae
Et credunt aliud Romana palatia coelum.

²⁾ Ипарха города препозитъ извѣщаетъ о предстоящемъ большомъ выходѣ, чтобы онъ украсилъ путь царя. На его же обязанности лежало украшать въ потребныхъ случаяхъ и нѣкоторыя части Дворца, въ томъ числѣ и Трибуналь, Палату Школъ, пространство между Халкою и большими воротами Халки и нѣкоторыя другія внѣшнія части Дворца, какъ это видно изъ описанія украшенія разныхъ частей дворца, сдѣланнаго для приема Саракинскихъ пословъ II, 15, 572, гдѣ сказано, что τὸ τριβουνάλιον ἐξώπλισεν ὁ ὑπαρχος κατὰ τὸ εἰωθὸς τῆς προελεύσεως (какъ обыкновенно украшалъ для выхода), ἀπὸ τε βλαττίων ἀπλωμάτων καὶ σενδῆς καὶ ἀπὸ ἔργων χρυσῶν καὶ χειμευτῶν καὶ ἀναγλύφων ἀργυρῶν, δηλονότι τῶν ἀργυροπράτων ταῦτα παρεχόντων. Совершенно согласно съ этою ссылкою въ общемъ обрядѣ сказано, что τὸ τριβουνάλιον κατακοσμοῦσιν οἱ τε βεστιοπράται καὶ ἀργυροπράται διὰ τε βλατίων καὶ λοιπῶν ἐντίμων ἀπλωμάτων τε καὶ πέπλων καὶ μὴν διὰ τε χρυσῶν καὶ ἀργυρῶν παντοίων σκευῶν τοῦτο καταγλαζοῦσιν (I, 1, 12—13).

Придворные поставщики и кунцы, торговавшие дорогими матеріями и коврами, шелковыми тканями и златотканными одеждами, украшали Трибуналъ всеѣми этими предметами своей торговли, а банкиры и серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастера, ювелиры и литейщики разставляли и развѣшивали въ Трибуналѣ разнаго рода изящные и дорогіе, блестящіе сосуды и утварь. Царь, стоявшій въ полномъ облаченіи въ камарѣ Лихнѣ, въ виду всего этого многочисленнаго и блестящаго собранія, являлся теперь и своимъ подданнымъ и иностранцамъ во всемъ блескѣ и величіи христіанскаго православнаго царя и самодержца, хранителя власти и представителя могущества и культуры великой Римской имперіи. Все предстоящіе иностранцы должны были, при видѣ такого блеска и величія, проникнутыя уваженіемъ къ силѣ, богатству и могуществу римскаго царя ¹⁾, по мнѣнію византійцевъ, единственнаго законнаго въ тог-

¹⁾ Для того, чтобы произвести сильнѣе впечатлѣніе на иностранцевъ и пословъ, какъ пріемы ихъ въ торжественныхъ аудіенціяхъ, такъ и происходившіе при нихъ выходы производились съ особеннымъ блескомъ и торжественностію, доказательствомъ чего служатъ весьма интересные и детальныя обряды пріемовъ Саракинскихъ пословъ при Константинѣ и Романѣ (II, 15). Изъ этихъ обрядовъ видно, что для пріема не только разставлялись все чины и гвардія въ парадныхъ облаченіяхъ (даже съ отступленіями отъ обычныхъ формъ), но и вынуты были изъ царскихъ кладовыхъ всевозможныя драгоценности для украшенія залъ Дворца. Мало того, изъ разныхъ церквей были собраны и развѣшаны во Дворцѣ люстры, канделябры, цѣпи, вѣнцы и т. п. Но, конечно, послы знали, что все это—форсированная декорація и не всегда цѣль этихъ усиленныхъ украшеній достигалась. Безъ этихъ экстраординарныхъ мѣръ, очевидно, блеску въ облаченіяхъ чиновъ и убранствѣ палатъ было уже мало въ X в. Обыкновенныя парадныя облаченія чиновъ далеко не всегда отличались новизною и роскошью отдѣлки; большая часть чиновъ синклита довольствовалась поношенными и потертыми облаченіями, очевидно, по неимѣнію средствъ и возможности всегда имѣть новыя и роскошныя облаченія. Это обѣднѣніе Византійскаго Двора и чиновъ синклита обнаруживалось болѣе, чѣмъ когда либо, при торжественныхъ обрядахъ и выходахъ, когда торжественности обряда, совершавшагося съ традиціонною помпою, противорѣчила обветшалость и бѣдность внѣшней обстановки и облаченій. Эта бѣдная торжественность, возбуждавшая сожалѣніе въ патріотахъ, въ иностранцахъ, враждебно настроенныхъ къ Византійскому Двору, вызывала презрѣніе и насмѣшки. Такъ, Л ю д п р а н д ѣ говорить съ презрѣніемъ объ этой бѣдной торжественности. По его, очевидно, очень мрачному и тенденціозному изображенію, чины синклита представляли толпу какихъ-то оборванцевъ, а не блестящую свиту военныхъ и гражданскихъ сановниковъ. *Negotiatorum multitudo copiosa ignobiliumque personarum, ea sollempnitate, collecta ad susceptionem et laudem Nicephori, a Palatio usque ad S. Sophiam, quasi pro muris viae margines tenuit, clypeolis tenuibus satis et spiculis vilibus dedecorata. Accessit ad dedecoris huius augmentum, quod vulgi ipsius potior pars, ad laudem ipsius, nudis processerat pedibus. Credo sic eos putasse, sanctam ipsam potius exornare προελευσιν. Sed et optimates sui, qui cum ipso per plebeiam et discalceatam multitudinem ipsam transierant, magnis et nimia vetustate rimatis tunicis erant induti. Satis decentius cotidiana veste induti procederent. Nullus est, cuius atavus hanc novam haberet. Nemo ibi auro, nemo gemmis ornatus est, nisi ipse solus Nicephorus, quem imperialia ornamenta, ad maiorum personas sumpta et composita, foediorem reddiderant.* (Legatio, c. 9, Pertz, Monumenta, V, p. 349). Хотя въ этомъ описаніи мизерность обстановки и облаченій чиновъ преувеличена и обрисована въ самыхъ рѣзкихъ краскахъ, тѣмъ не менѣе едва-ли можно думать, что Льюдпрандъ го-

дашнемъ мірѣ царя (=римскаго императора), а подданные проникались національною гордостью и благоговѣніемъ къ своему царю, защитнику и хранителю православной христіанской вѣры и культуры.

Выразителями этого благоговѣнія и вѣрноподданническихъ чувствъ къ царю являлись представители народа въ лицѣ четырехъ димовъ или партій (μέρη) Ипподрома ¹⁾, которые, начиная отсюда, встрѣчали и провожали царя своими славословіями и многолѣтіями. Но, конечно, съ постепеннымъ сокращеніемъ предѣловъ Византійскаго царства и обѣднѣніемъ Византійскаго Двора и придворныхъ чиновъ, блеску и роскоши въ обстановкѣ выходовъ становилось все меньше и меньше и бѣдность Византійскаго Двора выступала все сильнѣе и сильнѣе во время этихъ выходовъ.

Первый пріемъ. Когда въ Трибуналъ входили знаменосцы съ знаменами и чины синклита, шедшіе впереди царя, но царь еще не занялъ своего мѣста въ аркѣ (камарѣ) Лихнѣ, пѣвчіе (κράχται) загороднаго дима Венетовъ пѣли, если выходъ совершался въ Рождество Христово, на гласъ 3-й: „Звѣзда солнце предвѣщаетъ, въ Виѣлеемѣ Христа, восшедшаго отъ Дѣвы“. Когда же царь становился на свое обычное мѣсто въ аркѣ Лихнѣ въ виду всѣхъ, собравшихся въ Трибуналѣ, церемоніарій торжественно подводилъ къ царю доместика (т. е. главнаго командира) школъ, который уже по самой своей должности доместика школъ состоялъ и въ должности димократа (т. е. главнаго начальника) партіи Венетовъ. Доместикъ школъ кланялся царю въ ноги ²⁾ и, поднявшись, преподносилъ ему, конечно не голою рукою, а

ворить о бѣдности и обветшалости облаченіи чиновъ безъ всякихъ къ тому поводовъ и основаній въ томъ, что онъ видѣлъ на самомъ дѣлѣ.

¹⁾ О партіяхъ Константинопольскаго Ипподрома ихъ составъ и администаціи трактуетъ главнымъ образомъ на основаніи Придворнаго Устава Константина Багрянороднаго, г. R a m b e a u, авторъ извѣстной книги о Константиновѣ Багрянородномъ, въ своей диссертациі De Byzantino Hippodromo et circensibus factionibus, Paris, 1870 p. 85 sequ. Хотя г. R a m b e a u много вопросовъ, касающихся организаціи партій и особенно самыхъ игръ и скачекъ, не затронулъ въ этомъ изслѣдованіи, тѣмъ не менѣе книга его даетъ понятіе о значеніи и роли партій Цирка. Имѣя прочную организацію и связанныя общими интересами, партіи эти, состоявшія изъ гражданъ Цареграда и его пригородовъ, были весьма часто дѣйствительными представителями и выразителями общественнаго мнѣнія и настроенія не только въ смыслѣ восхваленій и славословій правительства и царя, но и въ противоположномъ смыслѣ. Правда, къ X в. онѣ потеряли значеніе такой силы и имъ дана была такая организація, при которой они не могли уже производить переворотовъ, но все таки они остались организованными и признанными представителями гражданъ и въ качествѣ таковыхъ являлись во время выходовъ, пѣли пѣснопѣнія и славословили царей, для чего у нихъ были свои пѣвчіе, свои поэты и музыканты.

²⁾ Славословія и привѣтствія димовъ назывались по традиціи съ римскихъ временъ актами (ἄκτα, acta), а пѣніе или произнесеніе ихъ ἀκτολογία, подъ каковыми именами эти славословія и приводятся въ обрядахъ Константина. Акты на Рождество Христово составляютъ 2-ю главу 1-й книги (р. 35—40), гдѣ подробнѣе, нежели въ «Актахъ» другихъ праздниковъ, показано, чтò гдѣ пѣлось. Относительно поднесенія ливелларія доместиками и димархами см. I, 1, 12. Нѣсколько подробнѣе поднесеніе изложено I, 10, 82, гдѣ

обернутою въ хламиду, ливелларій (τὸ λιβελλάριον=libellare, libellus;), — книжечку или свертокъ съ приличными празднику поздравленіями, пожеланіями и славословіями ¹⁾. Царь бралъ ливелларій и отдавалъ его препозиту, а препозитъ кувикюлярію ²⁾. Въ это время пѣвчіе возглашали: „многая, многая, многая“, а остальные димоты загороднаго дима партіи Венетовъ подхватывали и пѣли: „многая лѣта, на многая“. Пѣвчіе опять пѣли: „многія Вамъ времена, божественное царство (т. е. Царское Величество)“. Остальные димоты или, какъ они обыкновенно называются, *народъ* (ὁ λαός), повторяли это трижды. Пѣвчіе опять пѣли: „многія Вамъ времена, служители Господа“. Народъ возглашаетъ трижды: „многія времена“. Пѣвчіе снова поютъ: „многія Вамъ времена, (имя рекъ), самодержцы Римлянъ“. Народъ повторяетъ трижды: „многія Вамъ времена“. Пѣвчіе поютъ еще разъ: „многія Вамъ времена съ августами (царицами) и багрянородными (дѣтьми)“. Народъ однажды возглашаетъ: „долголѣтнимъ содѣетъ Богъ святое царство Твое (или Ваше) на многія лѣта“, смотря по тому, былъ ли одинъ царь или два и больше.

Во время пѣнія этихъ многолѣтій domestikъ школъ, въ качествѣ димократа Венетовъ, стоитъ противъ царя и трижды осѣняетъ его крестнымъ знаменіемъ, когда поетъ народъ, т. е. димоты, повторяя или продолжая слова своихъ пѣвчихъ. Для осѣненія царя крестнымъ знаменіемъ

сказано, что ὁ δημόκρατης... προσκυνήσας τοὺς πόδας τοῦ βασιλέως ἀσπάζεται αὐτοὺς, ὁ δὲ βασιλεὺς, θεξάμενος αὐτὸν ἐπιδίδωσιν αὐτὸν τῷ κόμητι τοῦ σταύλου. Здѣсь послѣ ἀσπάζεται αὐτοὺς, очевидно, пропущено: καὶ ἐπιδίδωσιν αὐτῷ (царю) τὸ λιβελλάριον (ср. I, 30, 168. гдѣ описывается совершенно такое же дѣйствіе димарха Венетовъ). вѣдѣтвіе чего дальше вмѣсто αὐτὸ или τοῦτο читается αὐτόν, какъ будто царь принимаетъ или беретъ самого димократа и передаетъ его комиту ставла, тогда какъ здѣсь идетъ рѣчь о принятіи ливелларія и передачи его царемъ комиту ставла. шедшему рядомъ съ ѣдущимъ царемъ (ср. р. 167), вмѣсто передачи препозиту, который ѣхалъ не такъ близко отъ царя, какъ шелъ комитъ ставла. Переводчикъ не замѣтилъ этого пропуска и передаетъ буквально: quem is suscipiens comiti stabuli tradit, между тѣмъ какъ тутъ же дальше слѣдуетъ, что «димократъ, ставши опять на свое мѣсто, креститъ царя или осѣняетъ царя крестомъ» (κατασφραγίζει τὸν βασιλέα). Цѣловали ли димократы и димархи ноги царямъ послѣ поклона, во время выходовъ въ св. Софію и во время приемовъ (δοχαί) димовъ во Дворцѣ, сказать трудно; но судя по сходству подведенія къ царю димократовъ въ этомъ случаѣ съ I, 10, 82 и I, 30, 168. можно думать, что также цѣловали, только эта подробность опущена въ общемъ обрядѣ.

¹⁾ Относительно содержанія ливелларіевъ подносимыхъ царямъ въ такихъ случаяхъ, я слѣдую предположенію Reiske (Comment. р. 85). Эти ливелларіи сочинялись поэтами, входившими въ составъ каждой партіи. При производствѣ въ высокій чинъ когонибудь, церемоніарій сообщалъ ραββίкῳ димамъ имя производимаго, тѣ уходили и, пока шла церемонія производства, сочиняли ποιήματα въ честь производимаго, которое и произносили послѣ производства, когда поздравляли его въ Школахъ (I, 47, 237, 240). Вѣроятно, и ливелларіи сочиняли тѣ же поэты.

²⁾ Какъ свѣчи, которыя послѣ молитвы царь возвращаетъ препозиту, этотъ послѣдній передаетъ кувикюлярію, такъ и ливелларіи, принятые отъ царя, препозитъ передаетъ кувикюлярію I, 23, 132.

доместикъ закрываетъ или обвертываетъ руку концомъ своей хламиды, чтобы не дѣлать этого голою рукою. Когда же поютъ пѣвчіе, димократъ стоитъ, придерживая руками полы хламиды своей ¹⁾.

Совершенно также происходилъ пріемъ первый (δοχή α) въ другіе *Господніе* праздники. Разница заключалась лишь въ томъ пѣснопѣніи, которое пѣли пѣвчіе, когда царь еще подходилъ къ своему мѣсту въ камарѣ Лихнѣ, но не успѣлъ еще стать здѣсь. Эти пѣсни измѣнялись сообразно съ праздникомъ.

Въ Крещеніе предъ появленіемъ царя на своемъ мѣстѣ пѣвчіе пѣли на 8-й гласъ: „Днесъ Сокрушившій въ водахъ главы драконтовъ главу подклоняетъ Предтечѣ человеколюбиво“. Затѣмъ пѣвчіе и народъ пѣли тѣ же многолѣтія и славословія, какія поются въ Рождество, а доместикъ также преподносилъ ливелларій и затѣмъ, во время пѣнія народа, осѣнялъ царей крестнымъ знаменіемъ. I, 3, 41.

Въ Пасху, при входѣ царей, пѣвчіе Венетовъ пѣли на гласъ 1-й: „Силою божественнаго воскресенія смерти война сокрушена“. Славословія и многолѣтія тѣ же. I, 4, 43.

Въ Троицу пѣвчіе Венетовъ въ то же время пѣли на гласъ 1-й: „Божественнаго Духа явленіе сущимъ на земли возсіяло богопознаніемъ“, а затѣмъ на тотъ же гласъ: „Духъ, сошедшій нынѣ съ небесе какъ бы въ огненныхъ языкахъ на апостоловъ, научилъ возвѣщать единосущную вѣру въ Троицу, народы просвѣтилъ, заблужденіе истребилъ, благодѣтелей (т. е. царей) побѣдами украшаетъ и рукъ ихъ варваровъ покоряетъ. Да возрадуется вся вселенная, потому что побѣда и радость царствуютъ у Римлянъ“. I, 9, 58—59. Многолѣтія тѣ же.

Пѣснопѣнія праздника Преображенія не сохранились.

Второй пріемъ. Послѣ славословія процессія двигалась чрезъ Трибуналъ въ Палату Школъ, куда выходила своимъ западнымъ фасадомъ, пропи-

¹⁾ Ser. I, 1, 12 схол. τοῦ δῆμου ἀκτολογούντος... ἤγουν τοῦ λαοῦ ἀποκρινομένου τοῖς κράταις, κατασφραγίζει ὁ δομέστικος τῶν σχολῶν κατ' ἄκρον τῆς αὐτοῦ γλάνιδος πρὸς τὸν βασιλέα τρίτον, καὶ τῶν κρατῶν λεγόντων ἔχει δεδεμένην ταῖς χερσὶ (т. е. τὴν γλάνιν) ... ἥδε ἡ τάξις καὶ ἡ ἀκτολογία (ἀκολουθία) καὶ ἐν ταῖς λοιπαῖς δοχαῖς τελεῖται т. Вен. к. т. Празн. Точно также и царь, когда благословляетъ или осѣняетъ народъ крестнымъ знаменіемъ, дѣлаетъ это не голою рукою, а обвертываетъ ее концомъ хламиды, который церемоніарій складываетъ особеннымъ образомъ (ποιεῖ τὸ ρωσθῆλιν) и подаетъ царю, напр., во время пріема димовъ въ ихъ фіалахъ (I, 64, 287, 290), въ фіалѣ Триконха (I, 66, 299), въ каѳисмѣ Ипподрома предъ началомъ скачекъ или бѣга (I, 68, 307; I, 70, 343; I, 73, 365). Σφραγὶς въ средневѣковомъ языкѣ имѣетъ, кромѣ другихъ значеній, преимущественно значеніе крестнаго знаменія (σφραγὶς τοῦ σταυροῦ) и крещенія (τὸ βάπτισμα). Такъ какъ и царь и доместики крестятъ трижды (κατασφραγίζουσι τρίτον), то, по всей вѣроятности, они при этомъ произносили слова: во имя Отца и Сына и св. Духа, какъ говорятъ священники при благословеніи. Относительно значенія σφραγὶς и σφραγίζειν см. Du Cange, Gloss. Gr. s. v.

леемъ на рѣнѣ, церковь св. Апостоловъ. Пропилей этотъ примыкалъ къ двери изъ Трибунала въ Палату Школъ, и царь, войдя въ эту дверь, сейчасъ же становился предъ храмомъ св. Апостоловъ, молился, совершая троекратный поклонъ съ зажженными свѣчами въ рукахъ, и затѣмъ, когда царь становился въ арку пропилея, происходилъ второй пріемъ¹⁾. Какъ при первомъ пріемѣ, такъ и здѣсь пѣніе начиналось, когда царь только входилъ сюда изъ Трибунала. При входѣ царя пѣвчіе загороднаго дима Прасиповъ въ Рождество Христово пѣли на гласъ 3-й: „Безъ матери на небеси, безъ Отца рождается на землѣ“. Затѣмъ другой стихъ: „Творецъ чело-вѣковъ чело-вѣколюбиво спусходитъ родиться чело-вѣкомъ“. Когда царь станетъ въ аркѣ, domestikъ экскувитовъ, состоящій въ то же время въ должности димократа Прасиповъ, подводимый церемоніаріемъ, подходитъ къ царю, кланяется ему въ ноги, цѣлуетъ ихъ, встаетъ и рукою, покрытою хламидою, преподноситъ царю ливелларій, который тотъ беретъ, передаетъ препозиту, а препозитъ кувикюлярію. Доместикъ экскувитовъ послѣ этого становится на свое мѣсто и рукою, обернутою концомъ хламиды, осѣняетъ царя крестнымъ знаменемъ, когда поютъ димоты или народъ, и стоитъ, сдерживая рукою полы хламиды, когда поютъ пѣвчіе. А пѣвчіе, какъ только царь станетъ подъ арку, пѣли: „многая, многая, многая!“ Народъ подхватывалъ: „многая лѣта, на многая!“ Пѣвчіе: „многія Вамъ времена, избраніе Троицы!“ Народъ отвѣчалъ: „святъ, святъ, святъ!“ Пѣвчіе: „многія Вамъ времена, (имя рекъ) самодержцы Римлянъ!“ Народъ опять отвѣчалъ: „святъ, святъ, святъ!“ Пѣвчіе: „многія Вамъ времена, служители Господа!“ Народъ: „святъ, святъ, святъ!“ Пѣвчіе: „многія Вамъ времена, (имя рекъ), царицы Римлянъ“. Народъ: „святъ, святъ, святъ!“ Пѣвчіе: „многія Вамъ времена, владыки, съ царями и багрянородными!“ Народъ опять заканчивалъ, какъ и въ первомъ пріемѣ, многолѣтіемъ: „долголѣтнимъ содѣетъ Богъ святое царство Ваше на многая лѣта“ (I, 2, 36—37). Эти многолѣтія пѣвчихъ и димотовъ повторялись здѣсь во всѣ Господніе праздники; измѣнялись только, сообразно съ праздниками, входные стихи пѣвчихъ, которые пѣлись при входѣ царя изъ Трибунала въ Триклинъ или Палату Школъ²⁾.

Въ Крещеніе при входѣ царя пѣли пѣвчіе на гласъ 8-й: „Христосъ святымъ крещеніемъ омываетъ (очищаетъ) свою церковь, (составившуюся) изъ язычниковъ“ (I, 3, 41).

Въ Пасху пѣвчіе пѣли на гласъ 1-й: „Свѣта неприступнаго свѣты мертвымъ возсіяли, сущимъ во тьмѣ. Пбо Христосъ явился мертвымъ во

¹⁾ О Палатѣ Школъ и храмѣ св. Апостоловъ см. Byzantina, I кн., стр. 127; ср. 155.

²⁾ О значеніи слова народъ въ такихъ случаяхъ см. Byzantina, I кн., стр. 67 и слѣд.

гробѣ, смертію смерть умертвивши, и совоскресилъ узниковъ своимъ тридневнымъ воскресеніемъ. Онъ славу Вашу, владыки, сохранить въ багрянницѣ въ долготу дней“ (I, 4, 44).

Въ Троицу пѣвчіе пѣли на гласъ 4-й: „Четыре раза взятой троицѣ (3×4=12) апостоловъ явилось огненное познаніе (πυρσοφαΐα) Троицы“. Затѣмъ пѣли другой, отходный (ἀπελατικός) ¹⁾ стихъ на гласъ 8-й: „Огненными языками Христосъ, приведшій народы къ познанію истины, самъ Вамъ, боговѣнчаные благочестивые благодѣтели, съ небесе возложилъ на честныя главы Ваши сошествіемъ св. Духа освященный вѣнецъ. Потому мы изъ сердца непрестанно взываемъ: Господи, вѣчно царствующій, сихъ намъ сохрани на радость и спасеніе Римлянъ“.

Третій приѣмъ. Отъ пропілея храма св. Апостоловъ, т. е. изъ Палаты Школъ, процессія двигалась въ Халку и останавливалась подъ большимъ куполомъ ея, гдѣ стояли уже въ ожиданіи царя справа врачи, а слѣва учителя гимнастики, которые привѣтствовали здѣсь царей обычнымъ многолѣтіемъ: „на многія и счастливыя времена да продлитъ Богъ царство Ваше“ ²⁾. А когда царь только подходилъ къ двери, ведшей изъ Школъ подъ куполь Халки, пѣвчіе загороднаго дима Венетовъ пѣли въ Рождество Христова на гласъ 3-й: „Узы разрывающій грѣха, пеленается Богъ въ ясляхъ“. Затѣмъ, когда царь становился въ двери изъ Палаты Школъ въ Халку, пѣвчіе и народъ пѣли тѣ же славословія и многолѣтія, какія въ Трибуналѣ при первомъ приѣмѣ. (I, 2, 37). Доместикъ Школъ при пѣніи народа осѣнялъ царей крестнымъ знаменіемъ, но ливелларія уже не подносилъ, такъ какъ онъ встрѣчалъ царей уже въ другой разъ, а ливелларій подносить полагалось только одинъ разъ въ тотъ же день ³⁾.

¹⁾ Почему этотъ стихъ называется ἀπελατικός, сказать трудно, но несомнѣнно, что ἀπελατικός не представляетъ ошибочнаго написанія вмѣсто ἀπολυτικός (см. Du Cange, Gloss. Gr. s. v.), такъ какъ это названіе встрѣчается довольно часто въ актологіяхъ и противопоставляется иногда δρομικός (I, 10, 83). Въ виду того, что эти стихи поются во время шествія, когда царь переходитъ отъ одного мѣста приѣма къ другому, я перевелъ этотъ терминъ словомъ: «отходный», хотя терминъ этотъ въ соединеніи съ «молитвою» употребляется для названія молитвы, которою напутствуютъ переходящаго изъ этого дольнаго міра въ горній и которая читается во время послѣдней агоніи умирающаго. Πυρσοφαΐα, собственно огнепознаніе, познаніе чрезъ огонь, означаетъ познаніе Троицы, сдѣлавшееся возможнымъ, открытое чрезъ явленіе или сошествіе св. Духа въ видѣ огня, т.-е. огненныхъ языковъ.

²⁾ О Халкѣ и приѣмѣ здѣсь см. Byzantina, I кн., стр. 133 и слѣд.

³⁾ Относительно этого есть замѣтка въ обрядѣ понедѣльника Пасхальной недѣли. I. 10, 83: χρὴ εἰδέναι, ὅτι οἱ δημοκράται τῶν δύο μερῶν τῶν περατικῶν καὶ οἱ δῆμαρχοι τῆς πολιτικῆς, ἕκαστος αὐτῶν κατὰ τὸ μέρος αὐτῶν, ἐν τῇ αὐτῇ δοχῇ ἐπιδιδόασιν λιβελλάριον, ἐν δὲ ταῖς λοιπαῖς δοχαῖς λιβελλάρια οὐκ ἐπιδιδόασιν. πρὸς ἅπας γὰρ τοῦτο καὶ μόνον. На этомъ основаніи во время выходовъ въ св. Софію въ Благовѣщеніе, Рождество Богородицы, понедѣльникъ Пасхальной Недѣли, когда царь изъ св. Софіи шель крестнымъ ходомъ въ другой храмъ,

Въ Крещеніе при входѣ царя пѣвчіе загороднаго дима Венетовъ пѣли на гласъ 5-й: „Огнемъ божества въ Іордани пламя погашаетъ (Христось) грѣха“. I, 3, 41.

Въ Пасху здѣсь же пѣли на гласъ 3-й: „Пасху Господню нынѣ зряще, благозвучно возопіемъ и согласно...“¹⁾ I, 3, 44.

Въ Троицу пѣвчіе пѣли на гласъ 4-й: „Въ видѣ огня Духъ апостоламъ явился днесь съ небесе“. Другой стихъ на тотъ же гласъ: „Богъ, сокрушившій языкоподобными огнями нечестіе языковъ, возвѣщаетъ, что чрезъ Васъ, мужественные владыки, побѣдитъ и сокрушитъ нечестіе языковъ и разноречивыхъ содѣлаетъ одноязычными въ вѣрѣ (имя рекъ), радость и надежда Римлянъ“. Славословія и многолѣтія тѣ же. I, 9, 59.

Четвертый приѣмъ. Изъ Халки, точнѣе изъ помѣщенія подъ большимъ куполомъ Халки, процессія двигалась чрезъ бронзовую дверь (ἡ χαλκῆ πύλη) Халки, ведшую изъ Халки къ рѣшеткѣ и на дворикъ Халки, и оставливалась за рѣшеткою. Когда царь проходилъ чрезъ бронзовую дверь Халки, его привѣтствовали стоявшіе въ самой двери справа и слѣва органистки (οἱ ὀργανῆριοι)²⁾ словами: „счастливо на многіе праздники!“ Когда же царь проходилъ эту дверь и подходилъ къ рѣшеткѣ Халки, пѣвчіе бѣлаго дима Венетовъ или городского дима Венетовъ пѣли на гласъ 3-й: „Звѣзда предшествуетъ и сіяетъ въ пещерѣ, чтобы показать магамъ Владыку солнца. Чадѣ бо явилось и Плоть отъ Дѣвы стерла древнее непослушаніе Адама. Онъ державу Вашу, владыки, въ долготу дней сохранить во спасеніе Римлянамъ“. I, 2, 37.

Когда царь становился на свое мѣсто внѣ рѣшетки Халки, церемоніарій подводилъ къ нему димарха Венетовъ, который такимъ же образомъ, какъ димократъ, преподносилъ царю ливелларій, затѣмъ, ставши

при встрѣчѣ царя димами въ Лихнахъ, Палатѣ Школѣ и т. д., ни славословія, ни поднесеніе ливелларій не имѣли мѣста, такъ какъ это все дѣлалось на возвратномъ пути изъ того храма, куда ходилъ царь. См. «Обзоръ главныхъ частей Большаго Дворца», Byzantina, I кн. стр. 137.

¹⁾ Конца этого пѣснопѣнія, очевидно, нѣтъ. Тоже можно думать и относительно нѣкоторыхъ другихъ слишкомъ краткихъ пѣснопѣній. Въ нихъ мы имѣемъ, по всей вѣроятности, только начало, какъ въ выше приведенныхъ латинскихъ стихахъ, произносившихся въ честь царей канцеляріями квестора (см. выше, стр. 72 и 73).

²⁾ Органы были въ большомъ употребленіи при Византійскомъ Дворѣ и рѣдкое придворное торжество проходило безъ игры на органахъ. Пѣнія димовъ во время приѣмовъ въ фіалахъ также сопровождались игрою на органахъ, и димы или партіи Инподрома имѣли свои органы и своихъ органистиковъ, которые съ вновь производимыхъ патрикіевъ изъ обычной платы получали въ числѣ другихъ должностныхъ лицъ димовъ по 6 милліарисій (I. 55, 799, 804). Эти органистики, вѣроятно, разумѣются и здѣсь. Болѣе подробное изложеніе матеріала, находящагося въ Придворномъ Уставѣ относительно органовъ и органистиковъ, завело бы насъ слишкомъ далеко и отвлекло бы отъ предмета нашего изложенія; потому мы отлагаемъ его до болѣе удобнаго мѣста.

на свое мѣсто, имѣя своего помощника (ὁ δευτερεύων) сзади себя, осѣнялъ царей крестнымъ знаменіемъ, когда пѣли димоты бѣлаго дима Венетовъ, и стоялъ, придерживая руками хламиду, когда пѣли пѣвчіе, а народъ и пѣвчіе пѣли и возглашали тѣ же славословія и многолѣтія, что и въ первый пріемъ Венетовъ; измѣнялся только первый стихъ, который пѣли пѣвчіе.

Въ Крещеніе пѣвчіе пѣли на гласъ 8-й: „Собезначальный Отцу Богъ Слово въ Иорданъ днесь пришелъ креститься и главу подклоняетъ смиренно Предтечѣ, Егоже небесныя силы трепещутъ видяще. Но міръ Просвѣтившій своимъ явленіемъ возвыситъ и возвеличитъ державу царства Вашего на счастье и славу Римлянъ“ (I, 3, 41).

Въ Пасху пѣвчіе Венетовъ поютъ тотъ же входный стихъ, какъ и въ первый пріемъ въ Лихнахъ или Трибуналѣ.

Въ Троицу пѣвчіе сначала поютъ тотъ же стихъ, что и въ первый пріемъ, а потомъ на гласъ 4-й: „Вышеначальная (ὁπεράρχιος) Троица, (имя рекъ) боговѣнчанныя, нераздѣльно въ вѣнчаніи Вашемъ является благоволящею. Ибо въ этотъ день Отецъ скрижали Моисею даетъ, — Сынъ Духа ученикамъ даритъ; самъ Духъ, огненными языками изображаемый, является. При этомъ тройномъ праздникѣ Вашемъ, богоглаголится нынѣ единосущная Троица, вѣнчающая Васъ“. I, 9, 60.

Пятый пріемъ. Отъ рѣшетки Халки цари шли чрезъ дворикъ Халки къ большимъ воротамъ Халки, которыя открывались на площадь Августеонъ, раздѣлявшую Дворецъ отъ храма св. Софіи. Ворота эти назывались воротами Мелеты (τῆς Μελέτης). Здѣсь встрѣчалъ царя димархъ Прасиновъ съ красною или городскою партіею Прасиновъ. Когда цари подходили къ большимъ воротамъ, въ Рождество Христова пѣвчіе Прасиновъ пѣли тотъ же стихъ, который пѣлся въ Палатѣ Школъ. I, 2, 38. ¹⁾

Въ Крещеніе они пѣли на гласъ 8-й: „Христосъ погружается въ воды Иордана человеколюбиво“. I, 3, 41.

Въ Пасху пѣвчіе пѣли на гласъ 1-й: „Безвременно (т.-е. до начала временъ) Отцу Содарствующій въ послѣднія времена временно съ людьми жилъ и, на крестѣ адъ и смерть плѣнивши и тридневнымъ воскресеніемъ своимъ мертвымъ воскресеніе обновивши, Самъ возвыситъ родъ Вашъ, владыки, побѣдами надъ варварами“. I, 4, 44.

Когда цари становились у воротъ Мелеты на своемъ мѣстѣ, димархъ Прасиновъ, подводимый церемоніаріемъ, подносилъ царю ливелларій и затѣмъ, стоя съ своимъ помощникомъ позади, осѣнялъ царей крестнымъ

¹⁾ О рѣшеткѣ и большихъ воротахъ Халки см. Byzantina, I кн., стр. 132; ср. 136.

знаменіемъ, когда народъ, т. е. димоты краснаго дима, пѣлъ въ отвѣтъ на пѣніе пѣвчихъ. Славословія эти и пѣснопѣнія были тѣ же самыя, которыя пѣлись въ Палатѣ Школъ, во время втораго приѣма.

Шестой приемъ. Выйдя чрезъ ворота Мелеты или большія ворота Халки, процессія, среди собравшагося на площади народа, образовавшаго двѣ сплошныя стѣны, двигалась чрезъ площадь Августеонъ или прямо къ Орологію св. Софіи или сначала къ Милію, а отсюда чрезъ портикъ Милія къ Орологію храма св. Софіи ¹⁾). Когда царь подходилъ къ Орологію, пѣвчіе Венетовъ въ Рождество Христово пѣли на гласъ 3-й: „Сущій въ Эдемѣ рай отверзла въ Внѣлѣемѣ Дѣва, отъ которой Христосъ и Богъ нашъ благоволилъ родиться. Ибо воплотившись отъ Нея челоуѣколюбиво, освободилъ насъ отъ горькаго вкушенія грѣха. Сладость несказанной и великой власти Его и сокровенное наслажденіе отъ Нея (т. е. Пресв. Дѣвы) въ Спасителѣ нашемъ обрѣтши, мы сдѣлались соучастниками его божественнаго наслѣдія“ ²⁾). I, 2, 38.

Когда цари придутъ въ Орологіи и станутъ въ его камару, пѣвчіе

¹⁾ Объ Августеонѣ, Миліи и Орологіи храма св. Софіи будетъ сказано въ началѣ слѣдующей главы.

²⁾ Въ текстѣ читается: τὸν γλυκασμὸν τῆς ἀφάτου αὐτοῦ μεγάλης ἐξουσίας καὶ τὴν ἐν κρυφίῳ τροφὴν ἐξ αὐτῆς Σωτῆρα ἡμῶν εὐρηκότες, σύμφοιτοι γεγόναμεν τῆς θείας αὐτοῦ κληρονομίας. Σωτῆρα читаетъ Reiske, въ рукописи стоитъ σῆρ, каковое сокращеніе Leich прочиталъ σωτηρίας и перевелъ: infandae magnaeque potentiae eius dulcedinem et in occulto voluptatem ex nostra salute capientes, divinae eius hereditatis compotes evasimus. Потому и г. Каневскій переводитъ: мы же, обрѣтая сладость неизрѣченнаго и великаго Его могущества и почерпая въ тайнѣ наслажденіе изъ нашего спасенія, сдѣлались причастниками его божественнаго наслѣдія. (Труды Кіевской Духовной Академіи. 1872. августъ, стр. 832). Въ переводѣ Лейха и Каневскаго αὐτῆς не переводится; если держаться чтенія σωτηρίας, слѣдовало бы переводить: «обрѣтши въ тайнѣ наслажденіе изъ самаго нашего спасенія». Быть можетъ, σῆρ слѣдуетъ читать σωτηρίαν въ томъ смыслѣ, что мы находимъ наслажденіе отъ власти Спасителя въ нашемъ спасеніи, т. е. наше спасеніе даетъ намъ возможность пользоваться, наслаждаться плодами могущества Спасителя. Если же мы будемъ, вмѣстѣ съ Reiske, читать Σωτῆρα, то ἐξ αὐτῆς нужно относить къ пресв. Дѣвѣ и понимать слова τὴν τροφὴν ἐξ αὐτῆς Σωτῆρα ἡμῶν εὐρηκότες въ томъ смыслѣ, что люди нашли наслажденіе въ Спасителѣ (собств. Спасителя), родившемся отъ Дѣвы. Въ такомъ смыслѣ я перевелъ это мѣсто, согласно съ чтеніемъ Reiske и текстомъ Боннскаго изданія. Я переводилъ вообще, по возможности буквально, какъ этотъ стихъ, такъ и всѣ другіе «акты», чтобы сохранить разстановку и комбинацію словъ въ нихъ, (что составляетъ, благодаря отчасти метрической формѣ, ихъ характерную особенность), на сколько это возможно было безъ ущерба для ясности смысла. Полагаю, что люди, болѣе знакомые съ языкомъ церковныхъ пѣснопѣній, найдутъ въ моемъ переводѣ много выраженій, которыя можно было замѣнить другими, уже употребляющимися въ нашихъ церковныхъ пѣсняхъ. Было бы весьма полезно, если бы кто нибудь изъ знатоковъ языка пѣснопѣній перевелъ актологіи и сравнилъ ихъ съ церковными пѣснопѣніями, особенно древними. Быть можетъ, въ нихъ нашелся бы прототипъ нашихъ актологій. Въ пѣснопѣніяхъ на соотвѣтствующіе праздники, которыя поются у насъ и у грековъ теперь, я не только прототипа актологій, но большого сходства, кромѣ отдѣльных словъ и выраженій, къ сожалѣнію, не нашелъ.

Венетовъ пѣли: „многая, многая, многая“. Народъ отвѣчалъ: „многая лѣта, на многая“. Пѣвчіе: „Творецъ всѣхъ и Владыка...“ Народъ трижды: „многія Вамъ времена!“ Пѣвчіе: „Рожденный отъ Дѣвы святой...“ Народъ трижды: „многія Вамъ времена!“ Пѣвчіе: „времена Ваши умножить съ царицами и багрянородными (дѣтьми Вашими)“. Народъ: „долголѣтнимъ содѣетъ Богъ святое царство Ваше (Твое) на многія лѣта“. I, 2, 38.

Въ Крещеніе, когда цари шли къ Орологію, пѣвчіе пѣли на гласъ 2-й: „Огнемъ божества“ и пр. Когда же царь займетъ свое мѣсто въ камарѣ Орологія, то пѣвчіе поютъ: „Крестившійся въ водахъ Іордана (и главу подклонившій смиренно Предтечѣ) времена Ваши умножить съ царицами и багрянородными (дѣтьми Вашими)“. Послѣ перваго и втораго стишка народъ по трижды возглашаетъ: „многія Вамъ времена“, а послѣ конца говорилъ многолѣтіе: „долголѣтнимъ содѣетъ Богъ святое царство Твое или Ваше на многая лѣта“. Здѣсь, слѣдовательно, измѣняются сообразно съ праздникомъ оба пѣснопѣнія пѣвчихъ, а народъ поетъ во всѣ праздники одно и то же, прерывая пѣніе пѣвчихъ возгласами: „многія Вамъ времена“ и заканчивая обычнымъ многолѣтіемъ. I, 3, 42.

Въ Пасху, когда цари шли къ Орологію, пѣвчіе опять пѣли: „Свѣта неприступнаго свѣты“ и пр., а когда цари приходили въ Орологіи, пѣвчіе пѣли: „Всѣхъ Творецъ и Владыка...“ Народъ трижды: „многія Вамъ времена!“ Пѣвчіе: „Возставшій неожиданно изъ гроба...“ Народъ трижды: „многія Вамъ времена!“ Пѣвчіе: „и „радуйся“ давшій мироносицамъ“. Народъ: „многія Вамъ времена!“ Пѣвчіе: „времена Ваши умножаетъ съ царицами и багрянородными“. Народъ: „долголѣтнимъ содѣетъ Богъ“ и пр. I, 4, 44.

Въ Троицу, когда цари шли къ Орологію, пѣвчіе пѣли: „Въ видѣ огня Духъ“ и пр. Кромѣ того, на гласъ 8-й: „Богъ Духъ днесь явился апостоламъ въ языкахъ огневидныхъ и Васъ, боговѣнчанные благодѣтели, порфиною и вѣнцомъ прославившій, своимъ божественнымъ хотѣніемъ опредѣлилъ, чтобы Вы царствовали достойно Римлянъ. Слава Богу, вѣнчавшему Васъ на спасеніе Римлянамъ“. Затѣмъ, когда цари становились на свои мѣста, въ камарѣ Орологія, пѣвчіе пѣли: „многая, многая, многая!“ Народъ: „многая лѣта, на многая!“ Пѣвчіе: „Всѣхъ Творецъ и Владыка...“ Народъ трижды: „многія Вамъ времена!“ Пѣвчіе: „Утѣшителя и св. Духа...“ Народъ трижды: „многія Вамъ времена“. Пѣвчіе: „ниспославшій въ языкахъ апостоламъ“, ... Народъ трижды: „многія Вамъ времена!“ Пѣвчіе: „времена Ваши умножаетъ съ царицами и багрянородными“. Народъ возглашаетъ трижды: „долголѣтнимъ содѣетъ Богъ святое царство Ваше“. Во время возгласовъ и многолѣтій народа димархъ

Венетовъ, съ помощникомъ позади, стоялъ и осѣнялъ царей крестнымъ знаменіемъ. I, 9, 60.

Приемы димовъ здѣсь кончались и царь, предшествуемый синклитомъ, знаменами и крестами, вступалъ въ храмъ св. Софіи.

Эти нормальныя славословія, записанныя составителемъ обрядовъ, подвергались иногда видоизмѣненіямъ, когда особыя доблести и заслуги правящаго царя позволяли вводить въ славословія похвалы, напоминающія и намекающія на эти подвиги и доблести. Такъ, по свидѣтельству Льюдпранда ¹⁾, въ Троицынъ день, во время выхода царя Никифора Фоки въ св. Софію, „лѣстивые“ пѣвчіе пѣли: „Вотъ грядетъ утренняя звѣзда, восходитъ заря, отражаетъ лучи солнца, блѣдная смерть саракиновъ, Никифоръ владыка (μῆδων)“. А потомъ пѣли: „владыкѣ (μῆδοντι) Никифору, многая лѣта. Языки, ему покланяйтесь, его почитайте, ему преклоняйте свои выи“. Льюдпрандъ, крайне раздраженный на Никифора и византійцевъ вообще за холодный приемъ и неуваженіе къ пославшему его императору, находитъ, что это была незаслуженная лесть; вмѣсто похвалъ, по его мнѣнію, Никифора слѣдовало бы осыпать всевозможными ругательствами, что озлобленный епископъ и дѣлаетъ, осыпая Никифора отборною бранью, которая могла бы сдѣлать честь бранчивому конюху, но не дѣлаетъ чести Кремонскому епископу. Подданные Никифора, не смотря на его узурпацію, не могли, однакожъ, не чувствовать къ этому великому полководцу, взявшему Критъ и смирившему сирійскихъ саракиновъ, признательности и уваженія за его великія услуги и подвиги ²⁾, и эти чувства выражались въ вышеприведенныхъ возгласахъ и славословіяхъ, намекающихъ на главныя заслуги Никифора и видоизмѣненныхъ и дополненныхъ, сравнительно съ обычными славословіями, спеціальными, къ Никифору только приложимыми похвалами. Видоизмѣненія эти, какъ и вообще всѣ славословія димовъ, дѣлались по распоряженію и указаніямъ, во всякомъ случаѣ съ разрѣшенія и утвержденія препозита, который, какъ главный церемоніальный сановникъ или оберъ-

¹⁾ Liudprandi Legatio, c. 10, Pertz, Monumenta, V, p. 349. Съ Льюдпрандомъ, проникнутымъ величіемъ пославшаго западнаго императора, обошлись въ Византіи при царѣ Никифорѣ Фокѣ очень сурово, потому неудивительно, что онъ Никифора Фоку и его правительство, какъ византійскіе порядки вообще, изображаетъ въ самомъ дурномъ свѣтѣ и умалчиваетъ о великихъ заслугахъ и подвигахъ Никифора Фоки.

²⁾ Великое значеніе для Византійскаго Царства заслугъ и военныхъ подвиговъ Никифора Фоки, проложившихъ ему дорогу къ царскому трону, очень хорошо разъясняетъ въ своей популярной и роскошно изданной книгѣ о Никифорѣ Gustave Schlumberger (Un empereur Byzantin au dixième siècle. Nicéphore Phocas, Paris, Firmin Didot, 1890), который изображаетъ Никифора Фоку совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ озлобленный суровымъ приемомъ и полною неудачею своей миссіи Кремонскій епископъ.

церемоніймейстеръ, опредѣлялъ всѣ подробности церемоніала торжественныхъ выходовъ и встрѣчъ и, при помощи церемоніарія и силенціаріевъ, распредѣлялъ роли участвующихъ во встрѣчѣ или выходѣ чиновъ, какъ объ этомъ замѣчено въ обрядѣ торжественнаго въѣзда въ Константинополь Василя Македонянина съ сыномъ Константиномъ послѣ побѣдоноснаго похода (Cerimon. Append. ad libr. I, p. 503).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Милій.—Орологій св. Софiи.—Дворъ св. Софiи.—Красныя врата.— *Λογτήρ*.—Западный фасадъ св. Софiи.—Царскія врата.—Алтарная конха.—Мѣсто св. престола и алтарной преграды.—Назначеніе боковыхъ нишъ.—Горнее мѣсто.—Царскій мутаторій и его части.—Св Кладезь.—Мутаторій въ верхнемъ этажѣ.—Патріаршія Палаты и части ихъ.—Гинэконить въ лѣвомъ нижнемъ кораблѣ и женскій (сѣверный) нарѣикъ.—Сосудохранилище (Σκευοφυλάκιον).—Круглое зданіе на сѣверо-восточномъ углу св. Софiи.

Прежде, нежели мы войдемъ съ царемъ и синклитомъ въ св. Софiю и будемъ излагать ихъ дѣйствія въ храмѣ, мы должны остановиться нѣсколько на тѣхъ пунктахъ, чрезъ которые царь проходитъ изъ Дворца въ храмъ св. Софiи, и на топографіи самаго храма, такъ какъ топографическія данныя, которыя изложены въ „Обзорѣ главныхъ частей Большаго Дворца“ и которыя предполагались извѣстными читателю при изложеніи шествія царя по дворцовымъ зданіямъ, не идутъ дальше большихъ воротъ Халки, выводившихъ изъ Дворца на площадь Августеонъ. Къ сожалѣнію, и за предѣлами Большаго Дворца, въ предѣлахъ котораго мы вращались въ области предположеній, а не твердыхъ и точныхъ данныхъ, основанныхъ на раскопкахъ, мы будемъ имѣть дѣло съ соображеніями и догадками, основанными, главнымъ образомъ, на томъ же Уставѣ Константина, на показаніяхъ котораго основывались наши соображенія относительно разныхъ частей Большаго Дворца. Даже въ топографіи св. Софiи, гдѣ, повидимому, мы могли бы стоять на незыблемой почвѣ уцѣлѣвшаго, хотя изуродованнаго, искалѣченнаго и замазаннаго храма, намъ не избѣжать предположеній и догадокъ, такъ какъ тѣ пункты и мѣста въ этой поистинѣ Великой, католической для православнаго міра Церкви, которыя насъ будутъ интересовать, или давнымъ давно исчезли, какъ амвонъ, алтарь, или передѣланы, испорчены, замурованы, замазаны и вообще доведены до неузнаваемости теперешними обладателями право-

славнаго католическаго храма, турками, которые, въ свою очередь, очень ревниво оберегаются въ этомъ обладаніи столь же просвѣщенными, сколько и враждебными православному міру представителями разныхъ исповѣданій западной церкви и западной цивилизаціи. Для нихъ это варварское поруганіе величайшей православной святыни и славнѣйшаго памятника христіанскаго искусства все еще представляется весьма желательнымъ, по своекорыстнымъ политическимъ соображеніямъ.

Мы видѣли, что цари съ синклитомъ, выйдя изъ большихъ воротъ Халки, шли чрезъ Среднюю Улицу (ἡ Μέση ὁδός), Милій (τὸ Μίλιον, Miliare) и площадь Августеонъ въ Орологіи св. Софїи, гдѣ происходилъ послѣдній пріемъ димовъ ¹⁾. Изъ Орологія цари шли въ храмъ св. Софїи чрезъ красныя врата (ἡ ὠραία πόλη) и, снявши здѣсь, т. е. въ красныхъ вратахъ, вѣнецъ, входили въ нарѣикъ св. Софїи, гдѣ ихъ встрѣчалъ патріархъ съ духовенствомъ, крестомъ и евангеліемъ.

Такъ какъ Средняя Улица, какъ извѣстно, шла отъ Золотыхъ Воротъ, слѣдовательно, съ запада на востокъ, а храмъ св. Софїи съ площадью Августеономъ лежали на сѣверъ отъ Большаго Дворца, то изъ прохожденія чрезъ Среднюю Улицу процессіи ясно видно, что Средняя Улица выходила на Августеонъ, между св. Софіею и Большимъ Дворцомъ, примыкая ко Дворцу съ сѣверной его стороны, слѣдовательно, шла параллельно портику Ахилла, такъ что цари, пройдя большія ворота Халки, должны были перейти чрезъ эту улицу, чтобы дойти до Атрія и Орологія св. Софїи ²⁾.

¹⁾ Въ I, 1, 14 сказано только, что 5-й пріемъ происходилъ πρὸ τῆς μεγάλης πόλης, τῆς εἰσφερούσης εἰς τὸν Αὐγουστέωνα (ср. I, 2, 37). Въ Пасхальномъ обрядѣ обозначенъ Милій I, 9, 63: ἐξέρχεται τὴν μεγάλην πόλιν, καὶ διερχόμενος διὰ μέσου τοῦ Μιλίου καὶ τοῦ Αὐγουστέως (слѣд. читать Αὐγουστέωνος), εἰσέρχεται ἐν τῇ πόλῃ τοῦ Ὁρολογίου τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας. Въ Рождественскомъ обрядѣ названа Средняя Улица I, 23, 132: ἐξέρχεται τὴν μεγάλην πόλιν τῆς Χαλκῆς, εἶτα διοδεύων διὰ τῆς Μέσης, εἰσέρχεται διὰ τοῦ Αὐγουστέωνος. — Л а б а р т ь (Palais, p. 112) говоритъ, что царь изъ св. Софїи во дворецъ ѣздилъ верхомъ чрезъ Милій, и ссылается на обрядъ Рождества Богородицы I, 1, 32, гдѣ сказано, что цари, по выходѣ изъ храма пресв. Богородицы Халкопратіѣйскоѣ, который находился близъ фора Константина, а не у юго-восточнаго угла св. Софїи, гдѣ почему-то помѣщаютъ его Л а б а р т ь и П а с п а т и, — καβαλλικεύουσι и ѣдутъ до Милія, гдѣ происходитъ пріемъ Венетовъ. Изъ храма же св. Софїи цари во Дворецъ, а равно и въ храмъ св. Софїи изъ Дворца никогда не ѣздили, а всегда ходили, по той простой причинѣ, что св. Софія была очень близка ко Дворцу и связана съ нимъ даже крытыми ходами или галлереями. Ср. мои Byzantina, I кн., стр. 141.

²⁾ Л а б а р т ь (Palais, p. 13), упуская изъ виду Среднюю или Большую Улицу, которую Стефанъ Новгородскій называетъ Царевымъ Путемъ, переводитъ слова Рождественскаго обряда διοδεύων διὰ τῆς Μέσης s'avancant par le milieu de l'édifice, т. е. Халки, хотя царь прошелъ уже не только Халку, но дворикъ и большія ворота Халки. Что здѣсь проходила Средняя Улица, это подтверждается и описаніемъ торжественнаго вѣзда Василія Македонянина, который, доѣхавъ до фора (forum, φόρος) Константина, сходитъ здѣсь съ лошади, облачается въ дивитисій и хламиду въ храмѣ Богородицы на форѣ Константина, затѣмъ,

Но прежде, нежели цари достигали Орологія, они проходили площадь Августеонъ, причемъ могли идти или чрезъ Милій, или оставляли Милій въ сторонѣ ¹⁾. Этотъ Милій, соответствовавшій римскому *Milliare*, столбу, отъ котораго считались мили по дорогамъ, шедшимъ въ разныя стороны отъ Рима, въ Константинополѣ представлялъ сооруженіе, похожее болѣе или менѣе на триумфальную арку, но съ арками не на двѣ стороны, а на всѣ четыре. Чрезъ эти арки проходятъ цари и останавливаются для выслушиванія славословій димовъ ²⁾, когда возвращаются во Дворецъ изъ какого нибудь городского храма съ богомолья.

надѣвши вѣнецъ, шествуетъ оттуда пѣшкомъ съ знаменами впереди по Средней Улицѣ до Милія и чрезъ портикъ Милія входитъ въ Орологіи св. Софіи (καὶ διελθόντες τὴν Μέσσην εἰς τοὺς Μιλίους, εἰσῆλθον διὰ τοῦ ἐμβόλου τοῦ Μιλίου εἰς τὸ Ὁρολόγιον. Append. ad libr. I. p. 502). Ср. I, 10, 74, гдѣ царь изъ св. Софіи идетъ чрезъ Милій и Среднюю Улицу на форумъ (forum) Константина. Ср. I, 10, 85; I, 30, 164.—О дальнѣйшемъ продолженіи этой улицы къ Золотымъ Воротамъ см. Du Cange, Const. Christ, lib. I, p. 60; Н. Кондаковъ, Византійскія Церкви, стр. 137 слѣд.; 149 слѣд.; Г. С. Дестунисъ, Историко-топографическій очеркъ сухопутныхъ стѣнъ Константинополя, Одесса 1887, стр. 16 сл. (отдѣльный оттискъ изъ Трудовъ Одесскаго Археологическаго съѣзда). Въ виду того, что Средняя Улица доходила до площади Августеона, какъ видно изъ указанныхъ и приведенныхъ мѣстъ, въ Рождественскомъ обрядѣ подъ ἡ Μέσση нужно разумѣть именно Среднюю Улицу. Хотя ἡ μέσση означаетъ не только Среднюю Улицу, но и площадь вообще (см. Gloss. Gr. Du Cange s. v. μέσση), но въ разсматриваемомъ мѣстѣ ἡ Μέσση вѣрнѣе понимать въ смыслѣ Средней Улицы уже потому, что площадь упоминается далѣе: царь, пройдя чрезъ Среднюю Улицу, проходитъ въ Орологіи чрезъ площадь Августеонъ (см. вышеприведенное мѣсто изъ Рождественскаго обряда).—Дальнѣйшія разсужденія о Средней Улицѣ и ея продолженіи мы отлагаемъ до болѣе удобнаго мѣста, — изложенія обрядовъ выходовъ и выѣздовъ царей въ другіе городскіе храмы, кромѣ св. Софіи.—Извѣстія Византійскихъ писателей о Средней Улицѣ собраны и переведены на нѣмецкій языкъ Унгеромъ въ его Quellen d. Byzant. Kunstgeschichte, p. 127 слѣд. Къ сожалѣнію, Унгеръ, какъ было замѣчено въ предисловіи къ 1-й книгѣ моихъ Byzantina (стр. 6), упустилъ изъ вида нѣкоторыя важныя указанія Придворнаго Устава.—Стефанъ Новгородскій называетъ улицу, ведущую отъ Августеона къ столпу Константина, Великою Улицею и Царевымъ Путемъ: «на гору пойти Великою Улицею. Царевымъ (то-есть путемъ триумфальныхъ въѣздовъ царей и торжественныхъ крестныхъ ходовъ) Путемъ, прошедь недалече добраго перестрѣла, ту стоитъ столпъ благовѣрнаго царя Константина» (Архим. Леонидъ, Обзорніе Цареградскихъ памятниковъ, стр. 6).

¹⁾ Изъ приведенныхъ въ предыдущемъ примѣчаніи мѣстъ видно, что по общему обряду царь не заходитъ въ Милій, который упоминается только въ Пасхальномъ обрядѣ шествія царя изъ Дворца въ св. Софію. Такъ какъ Милій, какъ мы увидимъ, лежалъ не на прямомъ пути изъ Халки къ Орологію, то возможно, что цари не всегда ходили чрезъ Милій, оставляя его иногда въ сторонѣ, налѣво, и проходя площадь Августеонъ по діагонали. Очень возможно, что во время составленія Пасхальнаго обряда ходили чрезъ Милій, а потомъ стали оставлять его, для сокращенія пути, въ сторонѣ.

²⁾ О константинопольскомъ Миліи, его исторіи и украшавшихъ его статуяхъ см. Du Cange, Constantin. Christiana, lib. I, p. 62. Ср. Labarte, Palais, p. 33. Лабартъ, правильно описывающій архитектуру Милія, къ сожалѣнію, въ доказательствахъ того, что Милій имѣлъ четыре арки на всѣ страны свѣта, совершенно некстати приводитъ нѣкоторые обряды. Если обрядъ шествія царей въ Пасху (по Лабарту въ Троицу) чрезъ Милій изъ Халки въ Орологіи еще можетъ доказывать существованіе арокъ на югъ и сѣверъ, такъ какъ цари въ этомъ случаѣ дѣйствительно шли съ юга на сѣверъ, то другіе

Изъ того обстоятельства, что, по Пасхальному обряду, процессія, вышедшая изъ Халки, двигалась къ Орологію св. Софіи чрезъ Милій, можно заключить, что Милій находился на пути, хотя и не на прямомъ, изъ Халки въ Орологіи, который былъ несомнѣнно, какъ мы увидимъ, около западнаго фасада храма св. Софіи, по всей вѣроятности, близъ южной стѣны храмоваго двора (atrium, αὐλή или μέσυχλον) св. Софіи. Принимая во вниманіе, что цари, идя изъ св. Софіи съ крестнымъ ходомъ на форъ (forum) Константина или чрезъ него, а равно и возвращаясь съ богомолья во Дворецъ или совершая торжественный вѣздъ чрезъ форъ Константина, который находился на западъ отъ св. Софіи на другомъ холмѣ, проходили также чрезъ Милій ¹⁾, можно думать, что

обряды, приведенные Л а б а р т о м ъ, этого нисколько не доказываютъ, такъ какъ въ нихъ идетъ рѣчь о шествіяхъ съ запада на востокъ или съ востока на западъ, т. е. отъ фора Константина къ св. Софіи или наоборотъ. Л а б а р т ъ, смѣшивающій очевидно форъ Константина, который часто называется просто φόρος, съ Августеономъ, помѣщаетъ колонну Константина на югъ отъ св. Софіи, полагая, что она была также на Августеонѣ; потому, когда идутъ къ этой колоннѣ отъ св. Софіи или обратно, у Л а б а р т а выходитъ, что идутъ съ сѣвера на югъ или наоборотъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ этомъ случаѣ шли съ запада на востокъ или съ востока на западъ. Храмъ пресв. Богородицы Фора, который Л а б а р т ъ помѣщаетъ также на югъ отъ св. Софіи (№ 9), находился, какъ показываетъ самое названіе, на форѣ Константина; во время торжественныхъ вѣздовъ чрезъ Золотыя Ворота въ этомъ храмѣ, на форѣ Константина, цари облачались въ дивитисіи и хламиду и шли отсюда пѣшкомъ до храма св. Софіи, какъ видно изъ описанія вѣздовъ Василія Македонянина и Никифора Фоки (I, 96, 493; Append. p. 502). Далѣе у Л а б а р т а (p. 34) также совершенно невѣрно сказано, что царей подъ сводами Миліи встрѣчали или принимали партіи Ипподрома, *когда цари шли въ храмъ св. Софіи изъ Дворца или обратно*. Никогда этого не бывало и нигдѣ объ этомъ не говорится. Какъ мы видѣли, послѣ приема у воротъ Халки (5-го), послѣдній приемъ (6-й) на пути царей въ св. Софію происходилъ въ Орологіи св. Софіи, а на возвратномъ пути изъ св. Софіи во Дворецъ цари никогда чрезъ Милій, какъ мы увидимъ, не ходили. Ср. Byzantina, I кн., стр. 136 — 138. Въ приведенныхъ Л а б а р т о м ъ обрядахъ I, 1, 32 и I, 17, 106 цари не идутъ изъ св. Софіи, а ѣдутъ: въ первомъ случаѣ изъ храма пресв. Богородицы Халкопратійской, а во второмъ изъ храма св. Мокія, возвращаясь съ богомолья. Такъ много путаницы на двухъ страницахъ (33 и 34) произошло, очевидно, отъ крайне небрежнаго чтенія этихъ обрядовъ.

¹⁾ Такъ, въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли, на пути изъ св. Софіи чрезъ форъ Константина къ храму св. Апостоловъ, царь, выйдя изъ св. Софіи чрезъ дворъ ея, идетъ чрезъ Милій и по Средней Улицѣ поднимается (ἀνέρχεται) на форъ Константина (I, 10, 74). Совершенно также царь идетъ въ Благовѣщеніе (I, 30, 164). На обратномъ пути съ фора Константина ко Дворцу, царь проходитъ чрезъ Милій и встрѣчается партіями Ипподрома въ праздникъ св. Мокія (I, 17, 106), въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли (I, 10, 84), въ Благовѣщеніе и Рождество Богородицы (I, 1, 32; I, 30, 168). Василій Македонянинъ и Теофилъ, при торжественномъ вѣздѣ въ городъ послѣ походовъ, отъ фора Константина шли чрезъ Милій въ св. Софію (Append. ad. libr. I, p. 502, 506). Изъ I, 17, 106 и I, 10, 84 видно, что на пути царя между Миліемъ и Халкою, на право отъ идущаго, если идти изъ Миліи въ Халку и налѣво отъ идущаго, если идти изъ Халки въ Милій, находились бани Зевксиппа, потому что послѣ приема въ Миліи, предъ послѣднимъ приемомъ во дворикъ Халки, совершался приемъ возлѣ банъ Зевксиппа. Такъ какъ въ этихъ случаяхъ цари ѣхали съ запада на востокъ и для совершенія приема у Зевксипповыхъ банъ, надо полагать, не поворачивали назадъ, то можно думать, что Милій никоимъ образомъ не

Милій находился противъ юго-западнаго угла двора св. Софіи (но не противъ середины западной стѣны этого двора) съ одной стороны и противъ большихъ воротъ Халки съ другой; потому, когда цари ходили чрезъ Милій въ св. Софію изъ Халки, они, значить, шли сначала прямо на сѣверъ чрезъ Среднюю Улицу, а потомъ поворачивали на востокъ, къ Орологію св. Софіи, а когда шли изъ Халки прямо въ Орологіи, то Милій оставался въ сторонѣ, на западъ, налѣво отъ идущихъ изъ Халки прямо въ Орологіи. Отъ Миліи шелъ портикъ къ форуму Константина на западъ и къ Орологію св. Софіи на востокъ, *продолжаясь, вѣроятно, вдоль всей южной стороны св. Софіи*. Такъ какъ отъ Халки тоже шелъ портикъ къ форуму Константина, то Средняя Улица, проходившая между Халкою и Миліемъ на западъ отъ Августеона, къ форуму Константина шла между двухъ портиковъ ¹⁾.

находился восточнѣе Халки, а былъ или противъ нея, или лежалъ еще немного западнѣе, такъ какъ бани Зевксиппа находились немного западнѣе Халки, какъ это видно изъ обряда въѣзда Θεοφιλα, который изъ Халки ѣхалъ верхомъ чрезъ галерею Ахилла, мимо банъ Зевксиппа въ Ипподромъ (Append. ad. libr. I, p. 505. Ср. Обзоръ главн. частей Больш. Дворца, стр. 77 слѣд.). На западное или, что еще вѣроятнѣе и точнѣе, на юго-западное положеніе Миліи относительно Атрія св. Софіи указываетъ, кромѣ вышеприведенныхъ и указанныхъ мѣстъ, замѣчаніе въ концѣ Срѣтенскаго обряда (I, 27, 156). По этому замѣчанію, если Срѣтеніе случится въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго Поста, когда цари говорили рѣчь въ Магнаврѣ и ходили къ часамъ въ храмъ св. Софіи, то цари послѣ часовъ выходили чрезъ правую сторону храма въ нареикъ, а оттуда, пройдя чрезъ Орологіи, выходили изъ Атрія чрезъ большую западную дверь или западныя ворота, выходящія на Аѳиръ (объ немъ будетъ рѣчь ниже), гдѣ садились на лошадь и ѣхали чрезъ Милій, форумъ Константина, портики Мавріана и Петріа къ храму Влахернской Божіей Матери (διέρχεται ὁ βασιλεὺς διὰ τοῦ δεξιῦ μέρους τοῦ ναοῦ, τοῦ νότιου καὶ τοῦ Ὁρολογίου καὶ ἐξέρχεται ἐν τῇ πρὸς δύσιν οὐστῇ μεγάλῃ πύλῃ τῇ ἐξαγούστῃ ἐπὶ τὸν Ἀθῦραν. Ἰππεύσας δὲ ἀπὸ τῶν ἐκεῖσε, διέρχεται διὰ τοῦ Μιλίου, φόρου κτλ.). Такъ какъ царь проходитъ чрезъ большія западныя ворота послѣ того, какъ онъ проходитъ чрезъ нареикъ и Орологіи, то очевидно подъ западными воротами нельзя разумѣть западныя врата или двери храма или нареика, а необходимо разумѣть западныя большія, вѣроятно, главные врата Атрія, которыя выводили на Аѳиръ (вѣроятно, портикъ съ западной внѣшней стороны Атрія), гдѣ царь садился на лошадь и потомъ уже проѣзжалъ чрезъ Милій. Милій, слѣдовательно, находился на западъ отъ западной стѣны Атрія, а не на югъ; иначе царю пришлось бы огибать Атрій, чтобы попасть въ Милій, а этого предполагать нельзя, потому что если бы Милій былъ на южной сторонѣ, то царь могъ бы выйти къ нему чрезъ южныя ворота Атрія. Но такъ какъ съ другой стороны, при шествіяхъ въ св. Софію изъ Халки, цари идутъ, какъ мы видѣли, чрезъ Милій, а оттуда чрезъ его портикъ или площадь Августеонъ въ Орологіи св. Софіи, который былъ на южной сторонѣ Атрія, то можно заключать, что Милій стоялъ не противъ среднихъ западныхъ воротъ Атрія, а противъ югозападной стороны или угла его и соединялся портикомъ, идущимъ у южной стѣны Атрія, съ пристройками и портиками южной стороны самаго храма. Два портика, окаймлявшіе Среднюю Улицу отъ Августеона до форума Константина, начинались такимъ образомъ: одинъ отъ св. Софіи и Миліи, а другой отъ Халки. Потому нужно допустить, что въ Срѣтеніе, если оно приходилось въ понедѣльникъ 1-й недѣли Великаго Поста, сѣвши на лошадь въ Аѳирѣ, царь ѣхалъ немного на югъ, мимо западной стѣны Атрія и, въѣхавши въ Милій, ѣхалъ чрезъ него, а потомъ по Средней Улицѣ или по портику, шедшему отъ Миліи къ форуму Константина.

¹⁾ Объ этихъ портикахъ имѣется прямое извѣстіе Анонима (Banduri, Imperium Orientale, pars III, p. 6) = Кодина (de Origin. p. 22 Bonn.), по которому эти портики

Мѣсто Орологія св. Софіи, въ который цари, при торжественныхъ шествіяхъ во св. Софію, входили изъ Милія и въ камарѣ котораго совершался послѣдній (6-й) приѣмъ димовъ, къ сожалѣнію, также приходится опредѣлять на основаніи косвенныхъ указаній обрядовъ Константина, такъ какъ точныхъ и ясныхъ указаній на это нѣтъ. Принимая во вниманіе, что цари приходили, какъ мы видѣли, въ Орологіи изъ Халки чрезъ площадь Августеонъ, а Августеонъ находился на югъ отъ св. Софіи, которая выходила на Августеонъ своимъ южнымъ фасадомъ и южною стороною своего двора, мы можемъ заключать, что Орологіи находился на южной сторонѣ св. Софіи или ея двора. Но такъ какъ изъ Орологія во всѣхъ случаяхъ, когда шли чрезъ него, цари входили въ храмъ св. Софіи, или, точнѣе, въ его нарѣикъ, чрезъ западныя, красныя врата (ἡ ὀραία πύλη), то мы въ правѣ думать, что Орологіи находился близъ южной стѣны двора св. Софіи, а не на южномъ фасадѣ самаго храма, такъ какъ, войдя чрезъ южную стѣну двора на этотъ дворъ и пройдя чрезъ арку Орологія св. Софіи, царь, повернувъ направо, могъ сейчасъ войти въ красныя врата, тогда какъ, если бы Орологіи находился на южной сторонѣ самаго храма, то царямъ для входа въ красныя врата предстояло бы огибать храмъ по южной сторонѣ, съ востока на западъ, идти опять назадъ, чтобы попасть во дворъ храма, а изъ него въ красныя врата ¹⁾).

(ὁὗ ἐμβόλοι ἀπὸ τῆς Χαλκῆς καὶ τοῦ Μιλίου καὶ τοῦ φόρου μέχρι τοῦ Ταύρου καὶ Βοός καὶ τοῦ Ἑξακισίου) были построены при Константинополѣ, при перестройкѣ города для императорской резиденціи. Это извѣстіе подтверждается замѣчаніемъ Благовѣщенскаго обряда о томъ, что если въ Благовѣщеніе была дурная погода или большой вѣтеръ, то цари изъ храма св. Софіи съ крестнымъ ходомъ шли не по дорогѣ, а по портику до самаго фора (forum) Константина (I, 30, 169 διοδεύουσι διὰ τοῦ ἐμβόλου καὶ ἀνέρχονται ἐν τῷ τοῦ φόρου Σινάτῳ... καὶ πάλιν διὰ τοῦ αὐτοῦ ἐμβόλου κατέρχεται... καὶ ἀνέρχεται εἰς τὰ Χαλκοπράτεια). Отъ Милія къ Орологію св. Софіи велъ также портикъ, чрезъ который, какъ видно изъ вышеприведеннаго мѣста, Василій Македонянинъ вошелъ въ Орологіи изъ Милія и чрезъ который цари иногда ходили изъ Дворца въ храмъ св. Софіи. Далѣе къ востоку, по южному фасаду св. Софіи, какъ мы увидимъ, былъ также портикъ, въ которомъ происходилъ первый приѣмъ, по выходѣ царя изъ св. Софіи, на возвратномъ пути во Дворецъ, послѣ литургіи и завтрака въ мутаторіи св. Софіи. Потому можно думать, что весь южный фасадъ св. Софіи, обращенный къ площади Августеону, былъ обнесенъ колоннадою или портикомъ. Очень вѣроятно, что и со стороны Дворца былъ также портикъ, шедшій отъ Халки, западнаго конца дворцовыхъ зданій, къ Магнаврѣ. Очень возможно, что къ этому портику примыкала галлерей, ведшая отъ Халки къ св. Кладезю, такъ называемый Хитъ Халки (объ немъ см. I кн. моихъ Byzantina, стр. 133 слѣд.). О портикахъ отъ Халки и Милія къ форуму Константина и далѣе къ Золотымъ Воротамъ см. Du Cange, Constantin. Christiana, lib. II, p. 89; Unger, Quellen der Byzantinischen Kunstgeschichte, p. 127 слѣд.; Н. К о н д а к о в ъ, Византійскія Церкви и памятники Константинополя, стр. 135 слѣд.

¹⁾ На южномъ фасадѣ св. Софіи, противъ главнаго купола, помѣщаются Орологіи Л а б а р т ѣ (Palais, pl. 2-me, копія которой приложена къ I кн. Byzantina, см. на планѣ св. Софіи букву К и ср. Объясненія къ плану) и П а с п а т и (Ἀνάκτορα, 111—112), которые, не различая процессій и, слѣдовательно, не понимая, что чрезъ Орологіи царь ходилъ въ храмъ св. Со-

Имѣя при этомъ въ виду свидѣтельство Анонима = Кодиона ¹⁾, что у Орологія была построена Крестильница, которая существуетъ и теперь про-

фиги только тогда, когда шелъ черезъ красныя ворота, помѣщаютъ Орологій: Ла б а р т ѣ у св. Кладезя, а П а с н а т и надъ Кладеземъ, какъ будто царь всегда ходилъ и могъ ходить черезъ св. Кладезь, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ, когда царь ходилъ въ храмъ св. Софій черезъ св. Кладезь или выходилъ черезъ него, онъ никогда не шелъ черезъ Орологій, и наоборотъ, когда шелъ черезъ Орологій, не шелъ черезъ св. Кладезь. Смѣшеніе этихъ путей привело къ цѣлому ряду путаницъ и ошибокъ, распутывать и опровергать которыя едва ли нужно, такъ какъ при изложеніи приемовъ димовъ мы уже видѣли, когда какимъ путемъ шелъ царь въ св. Софію (см. Обзоръ главныхъ частей Большаго Дворца, въ Byzantina, I кн., стр. 135 слѣд.).

¹⁾ У Анонима (Banduri, Imperium Orientale, Pars III, Antiquit. lib. IV, p. 65) имѣется очень важное для топографіи Орологія извѣстіе о томъ, что Юстиніанъ предъ постройкою храма св. Софій построилъ прежде всего маленькую церковь (Εὐκτήριον), — круглое зданіе съ золоченою крышею, и посвятилъ ее имени св. Іоанна Предтечи. Оно находится близъ Орологія и называется Баптистиріемъ = Крестильницею. Въ то же время онъ построилъ зданія, прилегающія къ Мутаторію, и галлереею изъ Дворца въ храмъ св. Софій, чтобы ему можно было невидимо для народа приходить сюда изъ Дворца съ сановниками, быть здѣсь и наблюдать за постройкою храма (προῤῃτισεν εὐκτήριον... ὅπερ ἐστὶν πλησίον τοῦ Ὁρολογίου, το καλοῦμενον Βαπτιστήριον καὶ τὰ πλησίον αὐτοῦ τοῦ Μεταφωρίου... (Ср. Codini de s. Sophia p. 135 ed. Bonn.). Это извѣстіе совершенно согласно съ тѣмъ, что мы знаемъ о положеніи Мутаторія, который соединился съ Крестильницею, находящеюся на южной сторонѣ, пристройками, между прочимъ св. Кладеземъ (объ этомъ будемъ рѣчь ниже), а съ Дворцомъ галлереею, ведшею изъ Дворца черезъ Магnavру (см. мои Byzantina, I, стр. 121). Потому не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Анонимъ разумѣетъ именно Крестильницу, при-мыкающую къ юго-западному углу храма св. Софій и обращенную теперь въ гробницу Мустафы, хотя свидѣтельство Анонима о постройкѣ этой Крестильницы именно Юстиніаномъ, въ виду нижеприведеннаго свидѣтельства П а в л а С и л е н ц і а р і я о постройкѣ Юстиніаномъ Крестильницы на сѣверной сторонѣ храма, можетъ показаться сомнительнымъ. Для насъ важенъ топографическій фактъ близости Орологія къ южной Крестильницѣ, который едва-ли кто станетъ оспаривать, тѣмъ болѣе что, кромѣ вышеприведеннаго свидѣтельства Анонима, положеніе Орологія близъ западныхъ вратъ св. Софій подтверждается неподлежащими ни малѣйшему сомнѣнію свидѣтельствами обрядовъ Придворнаго Устава. Кромѣ тѣхъ мѣстъ, которыя будутъ приведены въ слѣд. примѣчаніи относительно мѣста Орологія, важное значеніе имѣетъ вышеприведенное (стр. 94) замѣчаніе Срѣтенскаго обряда (I, 27, 156) о томъ, что царь, выйдя изъ Мутаторія, находившагося, какъ мы увидимъ, на юго-восточной сторонѣ храма св. Софій, идетъ черезъ п р а в у ю сторону храма, черезъ нарѣикъ и Орологій и, пройдя черезъ Орологій, выходитъ черезъ большія западныя врата двора (Atrium) въ Аирь. Это мѣсто важно въ томъ отношеніи, что изъ него ясно видно, что Орологій находился предъ нарѣикомъ. Кромѣ того, если царь проходилъ черезъ правую половину нарѣика, какъ онъ проходилъ черезъ правую сторону храма, а не черезъ средину храма, царскія и красныя врата, какъ онъ ходилъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ, то можно полагать, что Орологій находился предъ правою, южною половиною нарѣика, быть можетъ, въ восточномъ концѣ южнаго портика двора св. Софій или близъ него, а слѣдовательно, близъ южной Крестильницы и южной стѣны Атрія, въ которой могла быть арка, переходившая или сливавшаяся съ аркою Орологія (камера, въ которой происходилъ послѣдній приемъ димовъ, 6-й приемъ). У н г е р ь (Griech. Kunst, Encykl. v. Ersch. und Gruber, I. Serie, томъ 84, s. 442—403) высказываетъ предположеніе, что Ὁρολόγιον называлась башня, стоявшая предъ средними вратами нарѣика, и что башня эта построена была Михаиломъ III для помѣщенія колоколовъ, подаренныхъ ему въ 865 году знатнымъ Венеціанцемъ. Но 1) еще въ началѣ XIII в. А н т о н і й Н о в г о р о д е к і й говоритъ, что въ св. Софій колоколовъ не было, потому что въ колокола только лѣгине звонятъ, слѣдовательно и колокольные никакой не было; 2) Орологій упоминается въ обрядахъ, которые гораздо древнѣе Ми-

тивъ юго-западнаго угла св. Софіи, направо отъ входа въ южный конецъ нарѣика св. Софіи и обращена турками въ гробницу Мустафы, можно опредѣлить мѣсто Орологія нѣсколько точнѣе, т.-е. помѣстить его возлѣ этой Крестильницы, слѣдовательно, въ юго-восточномъ углу Атрія св. Софіи, быть можетъ, въ восточномъ концѣ южнаго внутренняго портика Атрія, предъ южною стороною пропилея или внѣшняго нарѣика.

Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, цари въ торжественныхъ шествіяхъ шли, послѣ послѣдняго приѣма въ Орологіи, изъ Орологія во дворъ св. Софіи и, повернувъ направо, сейчасъ же входили чрезъ красныя врата, находившіяся въ пропилеѣ нарѣика или въ эксонарѣикѣ, а отсюда, снявши корону въ мутаторіи, находившемся въ пропилеѣ, входили чрезъ большую, среднюю дверь въ нарѣикъ, гдѣ встрѣчалъ ихъ патріархъ съ духовенствомъ, крестомъ и евангеліемъ. Такимъ путемъ входили цари въ день Рождества Христова, въ Крещеніе, въ Пасху, въ Троицу и въ Преображеніе ¹⁾. Этимъ же путемъ входили цари въ св.

хаила III (Обрядъ указанъ ниже); 3) едва-ли можно предположить, что не только при Юстиніанѣ, но даже при Михаилѣ предъ красными вратами, предъ главнымъ украшеніемъ западнаго фасада, поставили такую безобразную башню, которая закрывала бы красныя врата и безобразила весь фасадъ. Проф. Н. П. Кондаковъ (Константин. Церкви, стр. 120), въ виду свидѣтельства Антонія Новгородскаго, полагаетъ даже, что и послѣ латинскаго плѣна эта башня едва-ли могла существовать, и относитъ ея постройку къ турецкой эпохѣ.—Башня эта изображена на рисункѣ Grelot'a, помѣщенномъ въ Imperium Orientale Banduri.—Предположеніе Унгера (ibid. 404), что царь во всѣхъ случаяхъ проходилъ, по выходѣ изъ нарѣика, чрезъ Орологіи, когда онъ выходилъ изъ св. Софіи чрезъ западныя врата для крестнаго хода, хотя и возможно, но не подтверждается другими обрядами подобныхъ выходовъ. Въ другихъ обрядахъ, напротивъ, сказано, что царь проходитъ чрезъ средину храма, царскія врата и большія или краснаго врата, а не чрезъ правую сторону храма, и Орологіи въ этихъ случаяхъ не упоминается (I, 1, 28; I, 10, 74; I, 30, 164).

¹⁾ Въ общемъ обрядѣ сказано, что изъ Орологія цари *εἰσερχονται διὰ τῆς ὀραίας πόλης καὶ ἀποστέφονται ὑπὸ τῶν πραιποσίτων ἔνδον τοῦ βήλου τοῦ κρεμαμένου εἰς τὴν καμάραν ἔχουν εἰς τὸ προπύλαιον τοῦ νάρθηκος... καὶ μετὰ τὸ ἀποστεφθῆναι εἰσερχονται πρὸς τὸν πατριάρχην*, т.-е. изъ Орологія цари «входятъ (въ храмъ св. Софіи) чрезъ красныя врата и препозиты снимаютъ съ нихъ короны за завѣсою, висящею въ камарѣ, т.-е. въ пропилеѣ нарѣика...», а послѣ снятія коронъ, цари входятъ къ патріарху, который стоялъ и дожидался царя въ нарѣикѣ (I, 1, 14). Въ Пасхальномъ обрядѣ сказано только, что царь изъ Орологія *εἰσέλθων εἰς τὸν ναὸν τοῦ βήλου τοῦ κρεμαμένου ὀπίσθεν τῆς πόλης τοῦ νάρθηκος ἐν τῷ μηταωρίῳ* и по снятіи вѣнца проходитъ въ нарѣикъ (I, 9, 64). Почти тоже сказано и въ Рождественскомъ I, 23, 132: послѣ приѣма въ Орологіи *εἰσελθόντος τοῦ βασιλέως πρὸ τοῦ νάρθηκος, ἔνδον τοῦ βήλου, λαμβάνει ὁ πραιπόσιτος τὸ στέμμα ἀπὸ τῆς κεφαλῆς τοῦ βασιλέως καὶ εἰσερχεται ὁ βασιλεὺς ἐν τῷ νάρθηκι καὶ δέχεται αὐτὸν ὁ πατριάρχης*. Почти буквально тоже гласитъ Крещенскій обрядъ I, 26, 145. Показанія этихъ обрядовъ значительно подтверждаются и дополняются обрядами торжественныхъ вѣздовъ въ Константинополь, когда цари, дойдя до Августеона отъ фора Константина пѣшкомъ, входили чрезъ Орологіи и красныя врата въ храмъ св. Софіи. Такъ, Василій Македонянинъ съ сыномъ, пройдя изъ Орологія къ краснымъ воротамъ, *ἀπέθεντο τὰ στέμματα ἐν τῷ ἔνδον τῆς ὀραίας πόλης μηταωρίῳ καὶ εἰσῆλθον ἐν τῷ νάρθηκι*. (Append. 502). Никифоръ Фока, при своемъ торжественномъ вѣздѣ, *στάς εἰς τὸ Ὁρολόγιον*

Софію при торжественныхъ вѣздахъ въ Константинополь въ день коронаціи или послѣ удачнаго и побѣдоноснаго похода.

Особенно ясно этотъ путь обозначенъ въ старомъ обрядѣ входа вновь провозглашеннаго царя въ храмъ св. Софіи для коронованія. Царь, доѣхавъ въ колесницѣ до Августеона, „идеть въ церковь, пройдя чрезъ Августеонъ противъ Орологія, и входитъ чрезъ большой пилонъ въ Атрій (т.-е. дворъ)“, затѣмъ въ мутаторіи снимаетъ вѣнецъ и идетъ далѣе. Здѣсь важно упоминаніе двора (τὸ μέσσυλον), такъ какъ въ другихъ подобныхъ обрядахъ онъ не обозначается въ виду того, что обозначеніемъ и названіемъ красныхъ воротъ (ὡραία πύλη) уже достаточно указывается, что царь изъ Орологія проходитъ чрезъ дворъ, тѣмъ болѣе, что войти въ красныя ворота можно только со двора ¹⁾.

Но то, что было само собою ясно и понятно для современниковъ составителя и собирателя обрядовъ, то стало не совсѣмъ ясно теперь и потому необходимо не только показывать, что въ западныя, красныя врата входили и могли входить только чрезъ дворъ, куда они выходили, но и

εὐφημίσθη παρὰ τῶν δύο μερῶν..., а потомъ εἰσελθὼν ἐνδον τῆς ὡραίας πύλης εἰς τὸ μετὰ τῶριον ἔλλαξεν τὸ τζιτζάκιον καὶ εἰσῆλθεν ἐν τῷ νάρθηκι. (I, 96, 440). Но Теофилъ при своемъ вѣздѣ, проѣхавъ чрезъ Милій, поѣхалъ далѣе, проѣхалъ Орологіи и сошелъ съ лошади предъ св. Кладеземъ, чрезъ который и вошелъ въ храмъ св. Софіи (Append. 506—7) и вышелъ чрезъ ту же дверь. Это—единственный случай, гдѣ царь, пройдя чрезъ Милій, входитъ въ св. Софію чрезъ св. Кладезъ, и легко объясняется тѣмъ, что Теофилъ шелъ не изъ Дворца а съ фора Константина, съ запада, потому Милій былъ у него на пути. Если же онъ шелъ бы изъ Дворца, то не проходилъ бы чрезъ Милій, такъ какъ Милій, при шествіи въ св. Кладезъ изъ Дворца и обратно, оставался въ сторонѣ, на западъ; потому въ обрядахъ, даже если цари шли не чрезъ Хитъ Халки и малыя ворота, а чрезъ большія ворота Халки въ св. Кладезъ или обратно, Милій не упоминается; потому что цари чрезъ него не шли. Такъ, напр., по Благовѣщенскому обряду (I, 30, 163), хотя царь выходитъ изъ Халки чрезъ большія ворота (εἰσερχεται τὴν μεγάλην πύλην τῆς Χαλκῆς), какъ въ большіе Господніе праздники, тѣмъ не менѣе не идетъ чрезъ Милій, такъ какъ онъ входитъ въ св. Софію не чрезъ Орологіи и западныя, красныя врата, а чрезъ св. Кладезъ, слѣд., при выходѣ изъ большихъ воротъ поворачиваетъ направо, какъ поворачивалъ направо, по выходѣ изъ Халки, за рѣшеткою ея, когда шелъ въ св. Кладезъ чрезъ Хитъ Халки (II, 19, 608). Ср. Byzantina, кн. I, стр. 133—134.

¹⁾ Общій обрядъ вѣзда царя, провозглашеннаго на κάμψω, за городомъ, принадлежитъ Петру Магистру и въ рукописи, а равно изданіяхъ приставленъ къ обряду восшествія на престолъ Льва Великаго. Интересное для насъ мѣсто гласитъ такъ: καὶ ἔρχεται εἰς τὴν ἐκκλησίαν παρὼν διὰ τοῦ Αὐγουσταίου (старое названіе было, очевидно, Αὐγουσταῖον=Augusteum, изъ котораго византійцы сдѣлали Αὐγουστέων и Αὐγουστιων) ἀντικρὺ τοῦ Ὁρολογίου καὶ εἰσερχεται διὰ τοῦ μεγάλου πυλῶνος ἐπὶ τὸ μέσσυλον. Ἐν δὲ τῷ νάρθηκι γίνεται μουστωρίον κτλ., т.-е. и шествуетъ въ церковь (св. Софію), проходя чрезъ Августеонъ противъ Орологія, и входитъ чрезъ большой пилонъ во дворъ (св. Софіи). Въ нарѣнкѣ (собственно въ эксонарѣнкѣ) происходитъ переоблаченіе и пр. (I, 91, 415). О значеніи τὸ μέσσυλον=ἡ αὐλή см. Du Cange, Gloss. Gr. s. v. αὐλή. Подъ большимъ пилономъ здѣсь, по всей вѣроятности, разумѣется входная арка въ стѣнѣ, которая, быть можетъ, сливалась или переходила въ арку (камару) Орологія, въ которой совершался 6-й приемъ. Ср. приведенное выше мѣсто изъ Пасхальнаго обряда I, 9, 63.

опровергать мнѣнія ученыхъ археологовъ и архитекторовъ, полагающихъ, что красными вратами (ἡ ὄραία πύλη) въ св. Софїи назывались не западные, среднія ворота, а дверь, ведущая въ южный конецъ наѣика, дверь, которая теперь служитъ обычнымъ входомъ въ мечеть Айя Софїя. Мало того, одинъ весьма авторитетный ученый утверждаетъ, что императоръ никогда не входилъ въ храмъ св. Софїи чрезъ дворъ (atrium) и эксонаѣикъ и никогда не выходилъ чрезъ эту сторону, а всегда чрезъ южную дверь¹⁾, такъ что является необходимость защищать не только вышеизложенное мнѣніе о входѣ царя чрезъ западные двери, но и архитектурную честь св. Софїи, которую лишаютъ одного изъ самыхъ обычныхъ украшеній западнаго фасада—красныхъ вратъ.

Хотя подъ ὄραία πύλη въ разныхъ храмахъ и въ разное время разумѣются различныя двери, смотря по устройству входовъ въ храмъ, тѣмъ не менѣе ὄραία πύλη, красныя врата или красная дверь всегда обозначаетъ главную, центральную и самую красивую дверь, ведущую въ храмъ

¹⁾ Не знаю, кто первый высказалъ эту мысль, но ее защищалъ и доказывалъ Н а т т е г, за нимъ З а л ь ц е н б е р гъ, а З а л ь ц е н б е р г у слѣдуетъ Л а б а р тъ. Такъ какъ въ южномъ концѣ наѣика, составляющемъ отдѣльное помѣщеніе, закрытое отъ остальнаго наѣика бронзовою дверью, сохранилась надпись: Μιχαὴλ Νικητῶν, то надпись эта тоже считалась подтвержденіемъ того, что здѣсь именно входилъ царь и оставлялъ свою стражу и оружіе, патрономъ которыхъ былъ Михаилъ (Salzenberg, Baudenkmale von Constantinopel, s. 57). Лабартъ съ свойственною ему увѣренностію выдаетъ это предположеніе за несомнѣнную истину, называетъ это помѣщеніе на южномъ концѣ наѣика τὸ προπύλαιον τοῦ νότιου, какъ называется въ обрядахъ эксонаѣикъ (Palais, 28), утверждаетъ, что jamais, en effet, l'empereur n'entraît à sainte-Sophie par l'atrium de l'église et l'exonarthex, что если онъ хотѣлъ войти въ торжественномъ шествіи чрезъ большія царскія двери, то онъ входилъ въ вестибюль (южный конецъ) наѣика и, пройдя его, входилъ въ эти двери; если же хотѣлъ пройти чрезъ другіе двери, то входилъ чрезъ священный Кладезъ или мутаторій (р. 27—28). Точно также, по Лабарту, царь никогда не выходилъ чрезъ западные ворота, потому что въ тѣхъ случаяхъ, когда царь выходитъ чрезъ западные двери, шествуя съ крестнымъ ходомъ въ другой храмъ изъ св. Софїи, по мнѣнію Лабарта, смѣшивавшаго дворъ св. Софїи, называемый въ обрядахъ λουτήρ, съ вышеуказанною Крестильницею, царь идетъ чрезъ Крестильницу (напр., въ Рождество Богородицы I, 1, 28, въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли I, 10, 74, въ Благовѣщеніе I, 30, 164; I, 35, 185), такъ что, по Лабарту, царь чрезъ западные, красныя, самыя великолѣпныя и парадныя врата никогда ни выходилъ, ни входилъ (Palais, p. 30—31).

Противъ этого справедливо возстаетъ У н г е р ь, который относительно храма св. Софїи вообще трактуетъ гораздо самостоятельнѣе и независимѣе отъ Лабарта, чѣмъ относительно дворцовыхъ зданій. У н г е р ь на основаніи общаго понятія изъ ὄραία πύλη и специальныхъ указаній обрядовъ Придворнаго Устава вѣрно опредѣляетъ путь царя при самыхъ торжественныхъ выходахъ (по моему опредѣленію большихъ) и положеніе красныхъ вратъ на западномъ, а не на южномъ фасадѣ св. Софїи. Южный конецъ наѣика и входную дверь въ него У н г е р ь считаетъ даже за сравнительно позднѣйшую пристройку и вмѣстѣ съ Grelot приписываетъ ее Михаилу Рангави (Griech. Kunst, въ Энциклопедіи Эрша и Грубера, сер. I, томъ 84, стр. 401—402.—Ср. Reiske, Comment. ad Cerim. p. 93).

съ западной ¹⁾, а не съ какойнибудь другой стороны, дверь противоположную и стоящую на одной прямой линіи съ средними алтарными дверьми, святыми вратами или, какъ онѣ называются большею частью у насъ, царскими вратами. Эти красныя двери называются иногда великими и смѣшиваются съ царскими ²⁾, такъ какъ царскими дверьми у гре-

¹⁾ Du Cange, Gloss. Gr. s. v. πόλαι, I, 1272—4 приводитъ нѣсколько примѣровъ того, что подъ именемъ *φραία πόλη* разумѣются иногда и βασιλικαὶ πόλαι, царскія двери въ греч. смыслѣ, т. е. среднія двери, ведущія изъ наоса въ самый храмъ, которыя, въ свою очередь, какъ и красныя врата, называются иногда просто большими дверьми (μεγαλαὶ πόλαι). Но при болѣе точномъ обозначеніи, двери, ведущія изъ наоса въ храмъ, называются βασιλικαὶ πόλαι, какъ всегда почти называются эти двери въ обрядахъ Константина, и отличаются, слѣдовательно, отъ красныхъ вратъ, собственно ведущихъ въ наосъ изъ двора, если не было еще пронаоса. Потому общее опредѣленіе Дюканжемъ *φραία πόλαι*, какъ тождественныхъ съ царскими и ведущихъ изъ наоса въ храмъ, нельзя никоимъ образомъ считать правильнымъ. Такъ назывались иногда царскія врата, но только при неточномъ обозначеніи, въ смыслѣ главныхъ, большихъ и красивыхъ, но при болѣе точномъ обозначеніи, какъ показываютъ мѣста, приведенныя у Дюканжа подъ πόλαι βασιλικαὶ, онѣ называются своимъ собственнымъ terminus technicus. У Goar'a въ Euchol. (р. 10 слѣд., 2 ed.), гдѣ за образецъ греческаго храма взята монастырская базилика, въ объясненіи къ плану церкви, большими или серебряными дверьми названы двери, ведущія въ храмъ изъ наоса (=царскія въ храмѣ св. Софій), а красными вратами (φραία πόλη) названы двери, ведущія изъ храма въ хоръ, т. е. помѣщеніе для чтецовъ и пѣвчихъ. Но въ трактатѣ объ этихъ дверяхъ на 20 стр. Goar красными вратами называются врата, ведущія изъ наоса въ храмъ, а большими или серебряными—изъ наоса наружу, т. е. во внѣшній наосъ или на дворъ. Очень возможно, что эта неясность и неточность понятій о красныхъ и царскихъ вратахъ, благодаря которымъ Goar смѣшиваетъ названія среднихъ церковныхъ дверей, отразилась и на опредѣленіяхъ Дюканжа, тѣмъ легче, что Дюканжу неизвѣстенъ былъ Придворный Уставъ Константина Багрянороднаго, который и относительно разнаго наименованія церковныхъ дверей въ каѳедральныхъ храмахъ и особенно въ храмѣ св. Софій, какъ и относительно многихъ другихъ предметовъ, даетъ самыя точныя и несомнѣнныя данныя. Что подъ *φραία πόλη* разумѣются врата, противоположныя святымъ, а не какіянибудь боковыя, тѣмъ менѣе находящіяся въ сѣверномъ или южномъ концѣ наоса, это видно изъ обряда коронованія у Кодина, de offic. с. XVII, р. 91. гдѣ сказано, что царь послѣ коронованія сходитъ съ амвона οὗκ ἐκ τοῦ μέρους μέντοι, οὐπὲρ ἀνῆλθεν, ὥς τοῦ πρὸς τὰς Ὀραίας πόλεις ὁρῶντος, ἀλλ' ἐκ τοῦ ἐτέρου τοῦ πρὸς τὸν σωλῆν καὶ τὸ ἅγιον βῆμα. А что эти красныя врата находились внѣ храма, были послѣдними на западномъ фасадѣ, это видно изъ обряда коронованія Алексѣя III Комнина, (Ангела) который ἐγγίσας ταῖς φραγαῖς λεγομέναις τοῦ νεῶς πόλεις, дожидаясь, πότε ἂν ἐπιταχθεῖν τὴν εἴσοδον παρὰ τῶν ἀκριβοῦντων τὸ τῆς φρας καίριον τῶν ἱερῶν καθηγουμένων ἀνῶθεν (Niceta Choniates, de Alexio Isaaci Angeli fratre, lib. I, с. 2. р. 603 Bonn.). Такъ какъ знакъ для входа давался изъ оконъ катихуменій, выходившихъ на крышу внѣшняго наоса, то, понятно, чтобы видѣть эти знаки, нужно было стоять предъ входомъ въ пропилеи наоса, т. е. въ красныя врата, предъ которыми и стоялъ Алексѣй III Комнинъ (Ангелъ).

²⁾ Такое смѣшеніе было тѣмъ болѣе возможно, что далеко не во всѣхъ церквахъ были закрытые наосы и обѣ эти двери, а была часто одна входная, ведущая изъ двора въ храмъ, да и то только единственная, а не одна и болѣе изъ трехъ, пяти, семи. Въ наосѣ также, если онъ былъ, часто вела въ церквахъ небольшихъ, не каѳедральныхъ, а приходскихъ и монастырскихъ, одна дверь, простая и небольшая, такъ что она не могла быть названа *φραία πόλη*, каковымъ именемъ, въ отличіе отъ другихъ боковыхъ, называлась средняя, большая входная дверь. Въ большинствѣ нашихъ церквей нѣтъ даже ни той, ни другой, а имѣется только одна простая входная дверь въ длинный наосъ, устроенный

ковъ назывались не алтарныя среднія двери, которыя всегда назывались святыми вратами (ἅγια θύρια), а среднія большія двери, ведущія собственно въ храмъ, въ средній корабль, если церковь устроена въ видѣ базилики, или подъ куполь, если церковь была съ куполомъ. Въ св. Софїи, устройство которой отличалось отъ монастырскихъ и нашихъ церквей тѣмъ, что въ ней предъ входомъ въ самый храмъ, т. е. въ пространство, покрытое куполомъ и полукуполами, былъ во всю ширину церкви наѣикъ, къ которому съ западной стороны, со двора, примыкалъ портикъ или пропилей наѣика. Этотъ портикъ, составляя въ сущности одну изъ сторонъ портиковъ, шедшихъ по внутреннимъ стѣнамъ двора, образовывалъ въ тоже время другой наѣикъ, внѣшній (ἐξωνάρθηξ), стоявшій рядомъ съ настоящимъ наѣикомъ, который, благодаря примыкавшему къ нему пропилю, получилъ характеръ внутренняго наѣика (ἐσωνάρθηξ) ¹⁾. Такимъ образомъ для входа въ самый храмъ съ западной стороны нужно было войти въ пропилю, затѣмъ въ наѣикъ, изъ наѣика въ храмъ, слѣдовательно, пройти: 1) дверь (или, точнѣе, арку дверныхъ отверстій) въ пропилю, 2) дверь изъ пропилю въ наѣикъ и 3) дверь изъ наѣика въ самый храмъ. Въ двухъ стѣнахъ, отдѣлявшихъ храмъ отъ пропилю было по нѣскольку боковыхъ, меньшихъ дверей и по одной средней, большой, великолѣпно отдѣланной и украшенной, съ роскошными и великолѣпными дверными отверстиями. Всѣ среднія двери стояли на одной линіи съ алтарными средними или святыми вратами ²⁾. Чтобы дойти до престола по пря-

большею частью на подобіе греческихъ монастырскихъ наѣиковъ, и арка въ помѣщеніе подъ куполь, а если нѣтъ въ церкви наѣика, то имѣется только одна входная дверь, которая играетъ роль и царской, и красной двери. Оба типа храмовъ существовали и у грековъ, потому смѣшеніе царскихъ вратъ съ красными могло явиться легко и явилось давно.

¹⁾ Чтò внѣшній наѣикъ имѣлъ характеръ портика, а не сплошной стѣны, пробитой окнами и дверьми, какъ изображаетъ его Зальценбергъ на XII таблицѣ своего атласа, это видно изъ названія этого внѣшняго наѣика пропилюемъ наѣика (τὸ προπόλαιον τοῦ νάρθηκος I, 1, 14) и свидѣтельства Павла Силенціарія, Descriptio S. Sophiae, ст. 590 сл.

Ἀλλὰ καὶ ἀμβροσίῳ πρὸς ἐσπέρῳ πόδα νηοῦ
τέτρασιν αἰθούσῃσι περίδρομον ὄψεαι αὐλήν,
ὣν μία μὲν νάρθηκι συνάπτεται, αἱ γὰρ μὲν ἄλλαι
πεπταμέναι τελέθουσι πολυσχεδέεσσιν κελεύθοις.

Ср. Euagr. histor. Eckles. Lib. IV, с. 31: Εἰς δὲ καὶ πρὸς δοῦμενον ἥλιον ἐκπρεπεῖς ἑτεραι στοὰι δύο καὶ πάντοθεν ὑπαίθριοι αὐλαὶ εἰς κάλλος ἐξησχημέναι. Ср. Du Cange. Descriptio S. Sophiae seu in Paulum Silentiarium uberior commentarius, № 20, р. 76—78 Боннскаго изданія. Въ срединѣ этого портика, т. е. внѣшняго наѣика, былъ большой порталъ, образованный изъ большихъ четырехъ столбовъ, перекрытыхъ арками и заключающихъ въ себѣ 3 среднихъ входа портика, соответствовавшихъ тремъ среднимъ дверямъ изъ внѣшняго наѣика во внутренній.

²⁾ По словамъ Жилли, ex huius porticus (внутренняго наѣика) latere orientali (т. е. обращеннаго къ храму) novem portis patet aditus in templum; ex latere occidentali (обращенномъ къ пропилю) quinque portis duplicibus patet exitus ex interiori porticu in exte-

мой средней линіи или по продольной оси храма со двора, нужно было: а) войти въ большую среднюю дверь или, точнѣе, только большой средній пилонъ пропиленя наонка, или красныя врата (ὄρεια πύλη) ¹⁾; б) пройдя пропиленей, войти въ большую среднюю дверь изъ пропиленя въ наонкъ, которая существуетъ до сихъ поръ и называлась, повидимому, просто большою дверью наонка, притомъ большею частью разсматривалась какъ одна со входомъ въ пропиленей дверь наонка; в) пройдя наонкъ, войти въ царскія врата (αἱ βασιλικαὶ πύλαι), затѣмъ, проходя по срединѣ храма, войти на амвонъ по лѣстницѣ, обращенной къ западнымъ входнымъ дверямъ, перейти амвонъ и, спустившись по ступенямъ, обращеннымъ къ алтарю, войти на солею, противъ престола; д) войти въ среднія алтарныя двери, которыя и приводили прямо къ престолу (ἡ ἀγία τράπεζα).

riorem porticum, ex qua proditur in aream, ubi perennes saliunt aquae (Du Cange, Descriptio S. Sophiae, ibid. p. 73. Тоже у Banduri, Imperium Orientale, Petri Gyllii, de Topogr. Const. lib. II, c. IV, p. 295 b, ed. Venet, ed. Paris, p. 371). Съ этимъ совершенно согласно свидѣтельство Павла Силенціарія (ст. 437), который говоритъ, что изъ наонка было семь выходовъ: два на сѣверъ и на югъ и пять на западную сторону, въ западной стѣнѣ (ἐσπέριον περὶ τοῦτον, ὅς ὕστατός ἐστι μελάρου), послѣдней стѣнѣ, за которой уже не было стѣны, а былъ портикъ. Замѣчательно, что Зальценбергъ, полагающій вмѣстѣ съ Гаммеромъ, что царь въ храмъ св. Софїи всегда входилъ чрезъ южный конецъ наонка, въ своей реставраціи западнаго фасада средній входъ, самый главный и важный, настоящія красныя ворота, задѣлываетъ окномъ, оставляя только боковыя двери, что совершенно противно понятію о главныхъ, большихъ дверяхъ, которыя всегда дѣлались въ самой срединѣ, противъ царскихъ и св. вратъ.

¹⁾ Такъ какъ πύλη, πύλαι означаетъ собственно дверное отверстіе, арку для двери, пилонъ, а дверныя полотна называютъ θύραι, то можно думать, что въ пропиленѣ средній входъ или пилонъ не былъ закрытъ дверью. Весьма возможно и вѣроятно, что какъ весь портикъ, эти красныя врата представляли только великолѣпно украшенную и самую большую дверную арку, приводившую къ двери внутренняго наонка, гдѣ была и до сихъ поръ имѣется большая дверь съ дверными полотнами (θύραι). Благодаря этому, красныя ворота составляли какъ бы однѣ двери, которыя и называются иногда большими или красными дверьми наонка вообще, не различая входа во ви́шній наонкъ отъ входа во внутренній; но что между входомъ въ пропиленей, собственно красными вратами, все-таки, при болѣе точномъ обозначеніи, было довольно большое пространство, это видно какъ изъ плана этого пропиленя, такъ и изъ того обстоятельство, что въ пропиленѣ былъ царскій мутаторій, закрывавшійся завѣсою, т.-е. ниша направо или налево отъ входа въ пропиленей или красныхъ вратъ. Какъ видно изъ вышеприведенныхъ мѣстъ, царь, войдя въ красныя врата, входилъ въ мутаторій, а потомъ проходилъ въ дверь наонка. Мутаторій, какъ ясно сказано I, 1, 14, былъ въ пропиленѣ (εἰς τὸ προπύλαιον τοῦ νάρθηκος), сзади двери наонка (ὀπισθεν τῆς πύλης τοῦ νάρθηκος I, 9, 64); потому царь входитъ въ мутаторій предъ наонкомъ (πρὸ τοῦ νάρθηκος, ἔνδον τοῦ βήλου I, 23, 132) или, что тоже, снимаетъ вѣнецъ въ мутаторіи внутри красныхъ вратъ (ἐν τῇ ἔνδον τῆς ὄρειας πύλης μηχανωρίῳ Append. 502, εἰσελθὼν ἔνδον τῆς ὄρειας πύλης εἰς τὸ μηχανωρίον I, 96, 440) и затѣмъ уже входитъ въ наонкъ. При менѣе точномъ обозначеніи, всѣ западныя двери называются просто большими дверьми и мутаторіи, гдѣ царь снимаетъ вѣнецъ, когда выходитъ изъ храма чрезъ эти двери, называется находящимся въ наонкѣ (I, 1, 28, ср. I, 22, 126) или обозначаются только царскія двери, а потомъ наонкъ и λωτήρ, т.-е. дворъ (I, 10, 74; I, 30, 164; I, 35, 185). Во всѣхъ этихъ случаяхъ, кромѣ I, 22, 126, описывается выходъ царя изъ храма св. Софїи съ крестнымъ ходомъ, какъ уже было указано выше (стр. 93).

Всѣ эти двери проходилъ, какъ мы увидимъ далѣе, царь съ патриархомъ, когда входилъ въ св. Софію чрезъ дворъ и западныя среднія, большія двери, только они шли не чрезъ амвонъ, а мимо его съ правой стороны.

Обратнымъ путемъ шли цари, когда въ нѣкоторые Богородичные праздники, поклонившись св. Престолу въ св. Софії, шли изъ алтаря съ крестнымъ ходомъ на фортъ Константина или чрезъ него. Въ этомъ случаѣ они, выйдя изъ св. вратъ, спускались съ солеи, проходили чрезъ средину храма къ царскимъ вратамъ, выходили чрезъ нихъ въ нарѣикъ, изъ нарѣика чрезъ большія двери въ пропилеи нарѣика, а отсюда чрезъ красныя врата во дворъ св. Софії, проходили дворъ и выходили къ Милію чрезъ одну изъ арокъ въ стѣнѣ двора, а отъ Милія по Средней улицѣ или въ дурную погоду по портику Милія шли на фортъ Константина. Но такъ какъ въ обрядахъ этихъ шествій дворъ называется λουτήρ, а λουτήρ нѣкоторые считаютъ за Крестильницу, стоявшую у юго-западнаго угла св. Софії, то мы должны остановиться нѣсколько на значеніи этого слова, чтобы убѣдиться, что царь дѣйствительно выходилъ въ этомъ случаѣ чрезъ западный входъ, чрезъ красныя врата, а не чрезъ Крестильницу, какъ думаютъ нѣкоторые.

Не знаю, что подало Лабарту поводъ думать, что подъ словомъ λουτήρ въ обрядахъ Константина Багрянороднаго называется Крестильница. Крестильницы, сколько мнѣ извѣстно, никогда не называются λουτήρ, а всегда βαπτιστήρ, βαπτιστήριον, откуда лат. baptisterium. Быть можетъ, Лабартъ былъ введенъ въ заблужденіе Дюканжемъ, который въ своемъ Греч. Глоссаріи λουτήρ соединяетъ съ λουτήριον и передаетъ ихъ лат. baptisterium ¹⁾. Изъ приведенныхъ имъ примѣровъ видно, что ни то, ни другое слово не значитъ baptisterium въ смыслѣ крестильницы. Λουτήριον въ обоихъ приведенныхъ Дюканжемъ мѣстахъ соединяется съ τοῦ βαπτίσματος, а λουτήριον τοῦ βαπτίσματος, какъ ясно видно изъ приведенныхъ мѣстъ, означаетъ омовеніе крещенія или посредствомъ крещенія, а не крестильница крещенія. Во всѣхъ же другихъ мѣстахъ у Дюканжа, въ которыхъ является слово λουτήρ, разумѣется опять-таки не Крестильница, а церковный дворъ съ фіалюю, фонтаномъ, который и называется собственно λουτήρ, а отъ него и весь церковный дворъ называется λουτήρ. Притомъ въ мѣстахъ, приведенныхъ у Дюканжа, разумѣется λουτήρ или αὐλή, μέγαλον св. Софії именно, а не какой нибудь другой церкви.

¹⁾ Подъ этимъ же словомъ приведено и мѣсто изъ Константина Манасси, гдѣ τῷ θεῷ λουτρῷ означаетъ: божественнымъ омовеніемъ, святымъ крещеніемъ, слѣд. λουτρόν = βάπτισμα, а не βαπτιστήρ или βαπτιστήριον, хотя въ переносномъ смыслѣ и λουτρόν можетъ значить βαπτιστήριον и λουτήρ (ср. Cerim. II, 6, 532).

Въ самомъ дѣлѣ, если мы всмотримся въ тѣ мѣста, которыя Дюканжъ подѣ *λουτήρ* приводитъ въ доказательство того, что *λουτήρ* = baptisterium, то у насъ не останется никакого сомнѣнія въ томъ, что во всѣхъ этихъ мѣстахъ Крестильница разумѣется не можетъ, ни та, которая стоитъ на южной сторонѣ, ни та, которая на сѣверной. По масштабу Зальценберга въ южной Крестильницѣ 42 прусскихъ футовъ въ диаметрѣ, а по измѣренію Льюикса около 14 метровъ (около 7 сажень), т. е. столько, сколько бываетъ въ залахъ большихъ частныхъ квартиръ. Если мы припомнимъ, что въ срединѣ этой Крестильницы былъ еще бассейнъ (*κολυβήθρα*), то увидимъ, что въ Крестильницѣ оставалось свободного мѣста не больше того, сколько нужно для публики, т. е. родственниковъ крестимыхъ и свободного прохода священнослужителей ¹⁾).

А между тѣмъ, въ мѣстахъ, приведенныхъ Дюканжемъ, идетъ рѣчь о собраніи въ *λουτήρ* такой массы народа, которая собирается сюда со всего Константинополя, производитъ революцію, свергаетъ одного царя и провозглашаетъ другаго. Такъ, въ Хронографіи Теофана подѣ 6187 г. отъ сотвор. міра, т. е. подѣ 695 по Р. Х. (*Theoph. anno 10 Rhinotmeti*) идетъ рѣчь о сверженіи Юстиніана II Безносаго. Объ этомъ же самомъ событіи идетъ рѣчь и въ другомъ приведенномъ у Дюканжа мѣстѣ изъ Сокращенной или Краткой Исторіи св. Никифора, патріарха Константинопольскаго ²⁾). Изъ словъ того и другаго видно, что въ *λουτήρ* въ этомъ случаѣ собрался весь Константинопольскій народъ (*πᾶν τὸ πλῆθος*), т.-е. масса всякаго народа, созваннаго со всѣхъ концовъ и улицъ города по приказанію Леонтія, возставшаго противъ царя. Вся эта масса бунтовщиковъ, собравшихся въ *λουτήρ*, была настолько внушительна, что заставила патріарха выйти къ ней и заявить о своемъ одобреніи бунта. Затѣмъ эта масса бунтовщиковъ пошла въ Ппподромъ, потребовала Юстиніана, низвергла его и провозгласила царемъ предводителя возстанія патрикія и стратига Леонтія.

Принимая во вниманіе описанныя у Теофана и Никифора обстоятельства, нельзя сомнѣваться, что здѣсь рѣчь идетъ о дворѣ св. Софіи, который представлялъ обширную площадку и былъ всегда открытъ, тогда какъ Крестильница была, безъ сомнѣнія, заперта да и могла вмѣстить

¹⁾ Зальценбергъ, *Altchristliche Baudenkmale v. Const.*, Blatt VI.—Льюиксъ, Труды VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ, томъ II, стр. 252, табл. I, рис. 3.—Крестильницы итальянскія, видѣнныя мною: Флорентійская и Пизанская, представляющія отдѣльныя, самостоятельныя зданія, также не велики и могутъ удовлетворять только своему прямому назначенію, а не служить мѣстомъ собранія большой толпы.

²⁾ См. *Theophan. Chronographia*, ed. de Boor, p. 369; *Nicephori Constantinopolitani opuscula historica*, ed. de Boor p. 38.

весьма незначительное количество публики, которая никакого переворота совершить не могла. Съ такимъ пониманіемъ λουτήρ совершенно согласны и другія приведенныя Дюканжемъ мѣста: въ нихъ также рѣчь идетъ о дворѣ св. Софїи, а не маленькой Крестильницѣ. Особенно это ясно изъ обряда водоосвященія въ Крещеніе, гдѣ идетъ рѣчь о выходѣ изъ храма во дворъ для водоосвященія въ чашѣ, стоявшей среди двора св. Софїи, въ λουτήρ собственно ¹⁾).

Такіе же дворы (atria), какой былъ въ св. Софїи, были и въ другихъ храмахъ и у Константина Багрянороднаго обозначаются тѣмъ же именемъ: λουτήρ. Такъ, въ храмѣ св. Апостоловъ, царь, выйдя чрезъ нарѣикъ въ лутиръ и, „повернувъ въ лѣвую сторону лутира“, входитъ по лѣвой витой лѣстницѣ въ катихуменіи“ (I, 10, 77). Въ Преполовеніе царь, прибывъ къ храму св. Мокія, входитъ въ λουτήρ, проходитъ чрезъ него до лѣстницы, ведущей въ нарѣикъ, пройдя который, поднимается по витой лѣстницѣ въ катихуменіи (I, 17, 100). Въ загородномъ храмѣ Пресв. Богородицы Источника, когда царь послѣ обѣдни завтракалъ по обыкновенію съ патріархомъ въ особомъ помѣщеніи въ катихуменіяхъ, надъ нарѣикомъ, димоты, стоявшіе внизу во дворѣ (κάτω ἐν τῷ λουτήρῳ), пѣли приличныя празднику пѣснопѣнія и славословили царя, что едва-ли можно было дѣлать, стоя въ закрытой Крестильницѣ, если разумѣть подъ λουτήρ Крестильницу, такъ какъ тогда пѣніе не было бы слышно. Очевидно, димоты стояли во дворѣ храма, предъ окнами втораго этажа нарѣика, гдѣ сидѣлъ царь съ патріархомъ, такъ что пѣніе ихъ было вполне слышно, даже при закрытыхъ окнахъ; тѣмъ болѣе ясно все было слышно, если окна были въ это время открыты ²⁾).

Въ такомъ же, очевидно, смыслѣ необходимо понимать λουτήρ и въ тѣхъ вышеуказанныхъ обрядахъ, въ которыхъ царь идетъ изъ храма св. Софїи съ крестнымъ ходомъ чрезъ λουτήρ св. Софїи. Въ этихъ обрядахъ (см. выше, стр. 99 прим.) говорится, что царь, сойдя съ солен,

¹⁾ Сдѣланная у Дюканжа ссылка на Goar's Euchologium (1 изд.), p. 453, приводитъ насъ къ обряду водоосвященія въ Крещеніе; въ обрядѣ сказано: (послѣ заамвонной молитвы) ἐξερχόμεθα πάντες ἐν τῷ λουτήρῳ. Въ заглавіяхъ другихъ подобныхъ обрядовъ разъясняется, что нужно разумѣть подъ λουτήρ. Такъ приведенная на 449 стр. молитва называется εὐχὴ... λεγόμενη ἐν τῇ φιάλῃ τοῦ μεσαύλου (in fonte mediae areae), а въ обрядѣ на стр. 465 эта самая фіала называется уже λουτήρ: ἐν ταῖς μεγάλαις ἐκκλησίαις... ἐξέρχεται ἱερεὺς μετὰ θυμιάματος καὶ μανουαλίου εἰς τὸν λουτήρα τοῦ μεσαύλου. Въ этомъ мѣстѣ лутиромъ такъ ясно названа фіала двора, что самъ Дюканжъ, объясняющій въ Gloss. λουτήρ какъ baptisterium, въ Constant. christ. lib. III, p. 14 относитъ λουτήρ къ фіалѣ двора.

²⁾ Ср. Cerim. II, 13, 561 (въ λουτήρ царя встрѣчаютъ чины синклита, послѣ чего царь входитъ въ нарѣикъ); II, 6, 532 (цари входятъ въ нарѣикъ, пройдя чрезъ великую дверь τοῦ λουτροῦ храма св. Апостоловъ).

проходить черезъ средину храма, идетъ черезъ царскія двери въ нарѣикъ, проходить нарѣикъ и выходитъ въ лутирь, а изъ него черезъ большія западныя ворота его въ Аѳиръ ¹⁾, откуда проходитъ къ Милію, а отсюда идетъ по портику или Средней улицѣ. Что царь выходилъ въ такихъ случаяхъ въ *λουτήρ* именно черезъ красныя врата, это видно изъ обряда Рождества Богородицы, гдѣ сказано, что царь, сойдя съ солен и пройдя съ патріархомъ черезъ царскія двери въ нарѣикъ, прощается здѣсь съ патріархомъ, затѣмъ входитъ за завѣсу, висящую въ нарѣикѣ, т. е., очевидно, въ *ὄραία πύλη* (I, 1, 28). Если же царь выходитъ черезъ царскія двери и нарѣикъ, то зачѣмъ ему идти въ Крестильницу, какъ ведетъ царя Лабартъ. Крестильница эта совсѣмъ стоитъ не на пути и помимо ея для царя было много выходовъ: онъ могъ бы выйти черезъ св. Кладезь, могъ бы пройти черезъ конецъ нарѣика. Если онъ выходитъ черезъ большія врата, черезъ главный входъ, то, очевидно, ему нѣтъ никакого резона идти, выйдя изъ главнаго входа, еще въ Крестильницу.

Изъ всего вышесказаннаго относительно *λουτήρ* видно, что царь и не ходилъ никогда черезъ Крестильницу, а выходилъ черезъ красныя врата и лутирь, т. е. дворъ св. Софіи къ Милію. Если же *λουτήρ* оказывается такимъ образомъ тождественнымъ со дворомъ, а дворъ называется то *αὐλή*,

¹⁾ Лабартъ, принимая *λουτήρ* за южную Крестильницу и полагая, что царь для крестнаго хода выходилъ изъ св. Софіи черезъ Крестильницу, считаетъ Аѳиръ выходною дверью изъ этой Крестильницы на площадь (*forum* у Лабарта, слѣдовало бы сказать Августеонъ, *Palais*, p. 31. но Лабартъ, какъ уже было сказано не разъ, смѣшиваетъ Августеонъ съ *forum Constantini*). Унгеръ, вѣрно разумѣющій подъ *λουτήρ* дворъ св. Софіи съ фонтаномъ (*atrium*), помѣщаетъ справедливо Аѳиръ, на основаніи вышеприведеннаго мѣста изъ *Cerim.* I, 27, 156. на западной сторонѣ двора св. Софіи и считаетъ его за открытый портикъ (*offene Durchgangshalle*, *Griech. Kunst*, p. 404). Принимая во вниманіе, что съ западной стороны двора, наружная стѣна этого двора украшалась колоннадою или портикомъ (*Kraus, Realencycl. d. christl. alterth. s. v. Basilica I, s. 121*), можно дѣйствительно думать, что подъ Аѳиромъ (*ἄθῡρος* или *ἄθῡρ*) разумѣлась такая колоннада, такъ какъ царь выходитъ въ этотъ Аѳиръ всегда черезъ западную большую дверь двора. Когда царь выйдетъ въ этотъ Аѳиръ, церемоніарій, идущій впереди царя говорить: *κἀπλάτε, Ἀθῡρην*, а этотъ возгласъ употреблялся, какъ мы видѣли, при шествіи царей по лѣстницамъ (см. выше, стр. 68, прим. 1): да притомъ ступени лѣстницы прямо называются въ обрядахъ (*γὰρ ἀθήλη τοῦ ἄθῡρος* или *ἄθῡρος* I, 10, 74 I, 28, 158). Присутствіе тутъ лѣстницы совершенно понятно, такъ какъ за западною стѣною двора св. Софіи почва значительно понижалась и царю, чтобы пройти къ Милію, нужно было спуститься по лѣстницѣ (Кондаковъ, *Визант. Церкви*, стр. 118). *Ἀθῡρ* или *ἄθῡρος*, встрѣчающееся, сколько мнѣ извѣстно, только у Константина Багрянороднаго, значитъ собственно бездверный, не имѣющій дверныхъ полотнъ, не закрывающійся дверьми, свободный для входа, каковымъ именемъ можетъ быть названъ открытый наружный портикъ или колоннада. Въ древне-греческомъ языкѣ отъ *θῡρα* съ *ἀ* privativum, въ значеніи: бездверный, не закрытый дверьми, свободный для входа, не сдерживаемый запорами, распущенный, употреблялись слова: *ἄθῡρος* и *ἄθῡρωτος*.

то μέσαυλον ¹⁾, то, значитъ, чрезъ λουτήρ или, точнѣе, чрезъ юговосточную часть его царь проходилъ и тогда, когда шелъ въ св. Софію чрезъ красныя врата. Но онъ въ обрядахъ шествія въ св. Софію, какъ мы видѣли, кромѣ одного, гдѣ онъ обозначенъ словомъ τό μέσαυλον, не обозначается, а обозначается обыкновенно только Орологій и красныя врата или даже просто нарѣикъ.

Кромѣ всего вышесказаннаго и приведеннаго въ доказательство того, что цари въ большіе праздники входили и выходили, когда шли изъ св. Софіи не во Дворецъ, чрезъ красныя врата и дворъ св. Софіи, на существованіе красныхъ вратъ и мѣсто ихъ въ срединѣ пропилея или внѣшняго нарѣика указываютъ остатки большихъ столбовъ или пилоновъ, находящихся въ томъ мѣстѣ, гдѣ по вышеприведеннымъ соображеніямъ были красныя врата ²⁾.

¹⁾ Описаніе двора св. Софіи и находящейся тамъ фіалы, которая и называется собственно λουτήρ, см. Du Cange, Const. Christ. lib. III, p. 13—15. Въ церковныхъ обрядахъ фонтанъ и чаша называются φιάλη τοῦ μεσαύλου τῆς ἐκκλησίας или λουτήρ τοῦ μεσαύλου (см. выше стр. 105, примѣч. 1). Μέσαυλον, собственно середина двора (αὐλή), означаетъ обыкновенно весь дворъ, а μέσαυλος θύρα средняя дверь двора, т. е. красныя врата=ὥραιή πόλη. По описанію Прокопія, θύραι μέταυλοι въ Иерусалимскомъ храмѣ такъ великолѣпны, что даютъ предчувствовать красоту самаго храма, а въ храмѣ свв. Сергія и Вакха, по словамъ того же Прокопія, ἐπὶ κοινῆς τὰ προπύλαια πάντα ἢ τε αὐλὴ καὶ μέταυλοι θύραι. (Мѣста эти приведены у Дюканжа, I. с. р. 13а. Ср. Procor., de aedific., p. 187 Bonn.). Сходное значеніе μέταυλος и μέσαυλος θύра имѣетъ и въ классическомъ греческомъ языкѣ, гдѣ этимъ выраженіемъ обозначается дверь, ведущая изъ αὐλή въ задніе, внутренніе покои. Точно также τό μέσαυλον или ἡ μέσαυλος означаетъ тоже, что αὐλή, дворъ и залу.

²⁾ Эти столбы изображены въ реставрированномъ видѣ въ Атласѣ Зальценберга на XII таблицѣ. Зальценбергъ (Baudenkmale, s. 53) при этомъ высказываетъ мнѣніе, что «они построены не одновременно съ церковью, а послѣ, но однакожъ изъ стараго матеріала» (?). Не знаю, насколько правъ Зальценбергъ, но здѣсь несомнѣнно были столбы портала, быть можетъ, гораздо болѣе красивые, чѣмъ тѣ, которые нарисовалъ Зальценбергъ. Очень возможно, что этотъ порталъ передѣланъ былъ при передѣлкѣ всего открытаго портика въ закрытую галлерею, причемъ измѣненъ былъ и порталъ. Если въ Иерусалимской церкви былъ устроенъ великолѣпный пропилей и высокій порталъ при входѣ въ среднія, красныя врата, если подобные порталы были во всякой большой и богатой церкви, то тѣмъ болѣе его нужно предполагать въ католической и образцовой церкви всего греческаго православнаго міра. Такъ какъ на западной сторонѣ Иерусалимскаго храма въ честь пресв. Богородицы, построеннаго Юстиніаномъ, былъ также дворъ, окруженный со всѣхъ четырехъ сторонъ портиками, то описаніе западнаго, главнаго входа представляетъ для насъ особый интересъ, такъ какъ красныя врата Иерусалимскаго храма и пропилея, очевидно, были сходны съ пропилеемъ и красными вратами св. Софіи. Въ виду этого мы считаемъ нужнымъ привести здѣсь относящееся сюда мѣсто изъ описанія Прокопія (de aedific. lib. V, с. 6, р. 323). Сказавши о нарѣикѣ и дворѣ, Прокопій говоритъ: θύραι μέταυλοι ἱεροπρεπεῖς οὕτως, ὥστε μὴ γινώσκειν τοῖς ἔξω ἰουδαῖς, ὁποῖον ποτὲ θεάματι ἐντοχεῖν μέλλουσι. προπύλαια δὲ τὸ ἐνθένδε θαυμάσια οἷα, καὶ τις ἐπὶ κιόνων δισεῖν ἐπαυρομένη ἀψὶς εἰς ἄφατον ὕψος. Такое украшеніе главныхъ среднихъ дверей на западной сторонѣ составляетъ общую принадлежность богатыхъ храмовъ вообще и красныя врата, на западной сторонѣ храма, потому въ описаніяхъ всѣхъ замѣчательныхъ храмовъ отмѣчаются особо (ср. Красносельцева, Очерки изъ исторіи христ. храма. Казань. 1881, стр. 315—316). Въ св. Софіи пор-

По словамъ Зальценберга (Baudenkmale, s. 53), изъ открытаго пространства двора (Atrium) во вѣншій нарёикъ вели двѣ (три, а не двѣ) двери, заключенныя въ два могучихъ, далеко выступающихъ столба, крытый сводъ между которыми образуетъ родъ листа или передней крыши. Быть можетъ, продолжаетъ Зальценбергъ, этой пристройкѣ можно дать названіе пропилея, о которомъ упоминаетъ Проконій при описаніи храма свв. Сергія и Вакха. Зальценбергъ, очевидно, не зналъ, что этотъ входъ или порталъ, занимавшій средину вѣншняго нарёика, т. е. портика, примыкавшаго къ внутреннему нарёику, вмѣстѣ съ этимъ портикомъ, называется у Константина Багрянороднаго прямо пропилеємъ нарёика и потому принужденъ сослаться на Проконія ¹⁾, который, описывая храмъ Сергія и Вакха, говоритъ, что этотъ храмъ соединялся съ храмомъ св. Апостоловъ Петра и Павла, но такъ, что у нихъ былъ одинъ нарёикъ, общій пропилей, дворъ и среднія двери (т. е. красныя врата),—мѣсто, которое вполне подтверждаетъ данное выше описаніе двора, нарёика и красныхъ вратъ св. Софіи. Изъ описанія столбовъ или пилоновъ св. Софіи у Зальценберга, а равно изъ рисунка западнаго фасада св. Софіи, съ реставраціею Зальценберга, видно, что красныя врата въ св. Софіи, занимавшія, безъ сомнѣнія, средину между двумя

талъ былъ, безъ сомнѣнія, также высокъ и украшенъ былъ, вѣроятно, не менѣе великолѣпно: онъ состоялъ, если теперешніе столбы передѣланы изъ древнихъ, изъ 4 столбовъ съ 3-мя входными арками, изъ которыхъ одна, средняя, соотвѣтствовала царскимъ и св. вратамъ, находясь съ ними на одной линіи, и называлась собственно *ῥοία πύλη*, красная дверь, красныя врата. Но среднюю-то именно дверь Зальценбергъ на XII Blatt, гдѣ онъ пытается реставрировать западный фасадъ св. Софіи, и задѣлалъ, хотя во всѣхъ церквахъ, имъ описанныхъ и изображенныхъ въ Атласѣ, красныя врата, конечно, были и самимъ имъ срисованы, напримѣръ, на западномъ фасадѣ храма пресв. Богородицы (*Ἀγία Θεότοκος*), Blatt XXXIV, гдѣ представленъ пропилей съ большимъ среднимъ входнымъ пилономъ. Принимая такимъ образомъ существованіе на западной сторонѣ св. Софіи портика съ великолѣпнымъ порталомъ или пилонами посрединѣ его, мы только возстановимъ архитектурную честь св. Софіи и ея геніальныхъ строителей, причемъ мы должны рѣшительно отвергнуть теорію о безфасадности византійскихъ церквей, противъ которой справедливо возстаетъ проф. Н. П. Кондаковъ (Визант. Церкви, стр. 118 въ III т. Трудовъ Одесскаго Археологич. съѣзда). Отсутствіе фасада въ св. Софіи, по крайней мѣрѣ съ западной стороны, произошло несомнѣнно отъ позднѣйшихъ пристроекъ, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Кондаковъ. Я только не могу согласиться съ почтеннымъ византологомъ въ томъ, что нарёикъ былъ совершенно открытъ и что не было предъ нимъ эксонарёика въ видѣ колоннады, какъ желалъ бы для красоты фасада проф. Кондаковъ. Объ этомъ портикѣ говоритъ Павелъ Силенціарій и Константинъ Багрянородный и отвергнуть его существованіе нельзя. Но этотъ портикъ нисколько не мѣшалъ фасаду св. Софіи быть еще болѣе великолѣпнымъ, чѣмъ фасадъ св. Марка въ Венеціи. Этотъ пропилей, безъ сомнѣнія, не портилъ фасада, а еще болѣе украшалъ его, имѣя въ срединѣ великолѣпные, высокіе и широкіе пилоны, красныя врата, которыя и въ настоящее время такъ широки, что, по словамъ нашего изслѣдователя, походятъ скорѣе на ворота, чѣмъ на двери.

¹⁾ Это мѣсто приведено выше, на предъид. стр., прим. 1.

средними пилонами, замѣненную у Зальценберга окномъ, имѣли по бокамъ еще по одной большой аркѣ, такъ что между четырехъ пилоновъ было три большихъ дверныхъ арки, изъ которыхъ средняя была, по всей вѣроятности, шире, выше двухъ другихъ и великолѣпнѣе отдѣлана, — *ῥαίη πόλη* собственно, хотя и всѣ три онѣ могли называться, какъ среднія, большія и лучшія, *ῥαῖαι πόλαι*.

Полагаю, что всего вышесказаннаго вполне достаточно для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что въ срединѣ западнаго фасада св. Софіи былъ главный, парадный входъ, *ῥαίη πόλη*, красныя врата, чрезъ которыя въ торжественныхъ выходахъ входили изъ двора св. Софіи въ храмъ и обратно изъ храма выходили во дворъ ¹⁾. Быть можетъ, обо всемъ этомъ говорено даже слишкомъ много, но, повторяю, рѣшительное заявленіе Лабарта о томъ, что цари никогда не ходили чрезъ западныя двери, основанное отчасти на мнѣніи Гаммера и Зальценберга, который даже задѣлываетъ главную дверь въ своемъ рисункѣ западнаго фасада, заставили по необходимости долго и много говорить о томъ, что ясно само собою и что было гораздо вѣрнѣе опредѣлено прежними учеными, какъ Дюканжъ и Reiske, хотя и не такъ точно, какъ позволяютъ это сдѣлать обряды Придворнаго Устава Константина, неизвѣстные Дюканжу, малоизвѣстные Зальценбергу и непонятые Лабартомъ.

Большая средняя двухполотенная дверь, ведущая изъ нарѣика въ самый храмъ, называлась всегда царскими вратами (*βασιλικαὶ πόλαι*). Надъ ней со стороны нарѣика находится извѣстное изображеніе царя, поклоняющагося Царю царей, І. Христу, сидящему на тронѣ. Этого царя принимали обыкновенно за Юстиніана, но проф. Н. П. Кондаковъ, на основаніи замѣчанія одного русскаго паломника, высказалъ остроумное предположеніе, что надъ царскими вратами мы имѣемъ изображеніе не Юстиніана, а Льва Мудраго. Царскія двери, по всей вѣроятности, обложены были серебромъ, потому что въ обрядѣ коронаціи царя эти самыя двери названы серебряными вмѣсто царскихъ ²⁾.

¹⁾ Вышеназванные пилоны св. Софіи разумѣетъ Пахимерь, когда говоритъ, что противники патріарха Георгія Кипрекаго, недопускаемые въ храмъ св. Софіи, стояли съ обѣихъ сторонъ красныхъ вратъ, *παρὰ θάτερα τῶν ῥαίων πολώνων* [Georg. Pachimeris, de Andron Palaeol. lib. I, c. 15, p. 47 Bonn. (Относительно этихъ споровъ ср. Finlay, History of Greece, vol. III, 2 edit., p. 378)]. Эти пилоны потомъ тотъ же Пахимерь называетъ красными вратами, *ibid.* lib. VII. c. 23, p. 614: патріархъ Аѳанасій *στήλην... τὴν ἐπὶ δεξιᾷ εἰσιούσιν τῶν ῥαίων πολὼν κατασπᾷ*.

²⁾ Въ обрядѣ коронаціи сказано, что царь послѣ переоблаченія въ мутаторіи, находившемся во внѣшнемъ нарѣикѣ, за завѣсою, *εἰσοδεύει μετὰ τοῦ πατριάρχου, καὶ ἄπτεи κηροῦς εἰς τὰς ἀργυρὰς πόλας καὶ εἰσοδεύει ἐν τῷ ναῷ* I, 38, 192, а такъ какъ царь, какъ мы уви-

Проходя по прямой линіи изъ царскихъ вратъ къ св. вратамъ, т. е. среднимъ дверямъ алтарной преграды, идущій встрѣчалъ на своемъ пути великолѣпный амвонъ, стоявшій, вѣроятно, не подь центромъ большаго купола, а подь восточною его половиною, ближе къ солеѣ ¹⁾. Цари съ патріархомъ, идя изъ царскихъ вратъ къ св. вратамъ, обыкновенно обходили его съ правой стороны и входили на солею, начинавшуюся, вѣроятно, подь восточною аркою большаго купола, между восточныхъ столбовъ его, и продолжавшуюся подь восточнымъ полукуполомъ, какъ мы увидимъ ниже. Амвонъ имѣлъ на восточной и западной сторонѣ по лѣстницѣ, изъ которыхъ одна вела къ солеѣ, а другая къ западнымъ вратамъ. Пройдя по срединѣ храма, мимо амвона, съ правой его стороны, царь съ патріархомъ вступали на солею и затѣмъ входили въ св. врата, т. е. среднія двери алтарной преграды, направляясь къ св. престолу.

Если бы храмъ св. Софіи имѣлъ одну восточную или алтарную апсиду, не осложненную никакими особенностями конструкціи и прибавками, то мы могли бы безъ ошибки болѣе или менѣе точно опредѣлить мѣсто какъ амвона и солеи, такъ и алтарной преграды съ св. престоломъ, хотя, при передѣлкѣ храма св. Софіи въ мечеть, всѣ эти принадлежности христіанскаго храма были уничтожены и теперь, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ и слѣдовъ ихъ, по крайней мѣрѣ надъ теперешнимъ поломъ. Но храмъ св. Софіи, какъ извѣстно, значительно отличается отъ многихъ другихъ, извѣстныхъ намъ древнихъ и позднѣйшихъ храмовъ

дѣмъ, «зажигаетъ свѣчи», т. е. молится съ зажженными свѣчами предъ царскими именно вратами и затѣмъ чрезъ нихъ входитъ въ храмъ, то другихъ дверей здѣсь, кромѣ царскихъ, и разумѣть нельзя. Эти же двери названы серебряными и въ жизни св. Захарія, хоть онѣ тутъ же названы красными вратами, благодаря ихъ лучшей отдѣлкѣ и вышеуказанному смѣшенію царскихъ вратъ съ красными собственно (Du Cange, Cont. Christ. lib. III, p. 16 приводитъ это мѣсто изъ Миней). Царскія же двери названы серебряными и въ одномъ мѣстѣ (apud Maximum Cytherensem in narratione. quam habet 3 Sept.), приведенномъ въ Euchologium Goara, p. 24, такъ какъ онѣ ведутъ изъ парѣика въ самый храмъ (ἤνοιξεν ἀργυρᾶς πόλας... καὶ εἰσβαίνοντας εἰς τὸν ναόν).—Сопоставленія проф. Кондакова, которыя, на мой взглядъ, вполнѣ заслуживаютъ вниманія и доказываются какъ замѣчаніемъ Антонія Новгородскаго, такъ и археологическими данными, изложены въ его «Византійскихъ Церквахъ», стр. 115 (Труды Одесскаго Археологич. съѣзда, томъ III).

¹⁾ Амвонъ, какъ извѣстно, особо воспѣтъ Павломъ Силенціаріемъ въ особой поэмѣ (въ Боннскомъ изд. Павла Силенціарія, стр. 49 слѣд.) и описанъ Дюканжемъ (Constantin. Christ. lib. III, p. 44—46. О мѣстѣ амвона и двухъ лѣстницахъ на него говоритъ поэтъ, ст. 50 слѣд.:

Ἔστι τις εὐροπόροιο κατ' ἐνδοια μέσσα μελάθρου
ἀβρὸς ἰδεῖν καὶ μᾶλλον εἰς ἀντολίην τι νενευκῶς
πύργος, ἀκηρασίσιον ἀπόκριτος ἤθεσι βίβλων
ὀρθάδιος βᾶθρος, διδυμάστιν ἀμβατὸς οἴμοις,
ὣν μία μὲν ποτὶ νόχτα τιταίνεται, ἡ δὲ πρὸς ἡῶ.

О мѣстѣ солеи будетъ рѣчь ниже при разборѣ мнѣній о мѣстѣ алтаря въ св. Софіи.

тѣмъ, что за большою восточною аркою купола въ храмѣ св. Софїи мы имѣемъ не одну восточную, алтарную апсиду, а большую алтарную конху подъ восточнымъ полукуполомъ, расходящуюся въ три экседры или апсиды, изъ которыхъ средняя или восточная выходитъ за стѣну храма и соединяется съ алтарною конхою, находящеюся подъ полукуполомъ, посредствомъ крытаго цилиндрическимъ сводомъ пространства (Tonnenengewölbe у Зальценберга). Если мы сравнимъ планъ храма св. Софїи съ планами другихъ храмовъ подобной конструкціи, то мы должны будемъ заключить, что восточнымъ апсидамъ другихъ храмовъ въ св. Софїи соответствуетъ не восточная апсида или экседра, выходящая за восточную стѣну храма, а вся восточная конха съ примыкающими къ ней апсидами или нишами, все пространство на востокъ отъ арки (конечно, восточной) купола; эта арка соответствуетъ такъ называемой триумфальной аркѣ (Arcus triumphalis, Triumphbogen) базиликъ и купольныхъ храмовъ, а на востокъ отъ триумфальной арки находится обыкновенно какъ въ западныхъ, такъ и въ восточныхъ храмахъ βῆμα, т. е. возвышенное мѣсто, на которомъ за алтарною преградой помѣщался алтарь ¹⁾.

Обращаясь затѣмъ къ описаніямъ алтарной конхи св. Софїи, которыя находятся у современныхъ постройкѣ храма и послѣдующихъ писателей, видѣвшихъ храмъ, мы увидимъ, что и они подъ алтарною конхою разумѣютъ все пространство подъ восточнымъ полукуполомъ и прилежающія къ нему апсиды или экседры, а не восточную только апсиду или нишу, выходящую за стѣну храма. Такъ, Павелъ Силенціарій, описывая алтарную конху и ея устройство, говоритъ, что она, представляя въ верхней своей части одну конху, внизу опирается на три ниши, которыя онъ называетъ то конхами, то пазухами (κόλποι) ²⁾. Прокопій Кесарійскій, при описаніи восточной и западной конхъ, т. е. пространствъ подъ восточнымъ и западнымъ полукуполомъ, говоритъ, какъ о принадлежности этихъ конхъ, о боковыхъ нишахъ; слѣдовательно, разу-

¹⁾ Ср., напр., планы греческихъ храмовъ въ атласѣ Зальценберга, Blatt XXXIII и XXXIX съ планомъ храма св. Софїи Blatt VI. См. также его Baudenkmale, s. 113 слѣд. и 133 слѣд., а равно Kraus'а Realencyklopädi. d. christl. Alterth., s. vv. Apsis, Basilica и Triumphbogen; Texier, Architecture Byzantine, Planche 35, 42, 57 и др.

²⁾ Приступая къ описанію алтарной конхи, поэтъ проситъ священнослужителей открыть божественную палату, т. е. алтарь, для описанія ея (οἷξάτε, μύσται, οἷξάτε δ' ἡμετέροισιν ἀνάκτορα θεόσκελα μύθοις ст. 350) и затѣмъ уже описываетъ восточную конху.

(т. 354. Τρίσσα μὲν ἀνατολικῶν ἀναπέπτатаι ἐνδία κύκλων ἡμιτόμων....

Ст. 405. ὡς ἡ μὲν βαθύκολπος ἀνέσσεται ἡέρι κόγχῃ, ὑφ' ὅθεν ἀντέλλουσα μία, τρισσοῖσι δὲ κόλποις νέρθεν ἐπεμβεβαῦτα...

мѣсть подъ восточною конхою все пространство подъ восточнымъ полукуполомъ, а не восточную апсиду ¹⁾. Описывая эту послѣднюю, Павелъ Силенціарій говоритъ, что она заключала въ себѣ сѣдалища для священнослужителей, идущія ступенями вокругъ, но не говоритъ, что въ ней былъ св. престолъ. Изъ его словъ можно заключить только, что въ восточной нишѣ былъ такъ называемый *σύνθρονος*, т. е. тронъ патріарха и сѣдалища для другихъ священнослужителей; это сопрестоліе, какъ извѣстно, и въ другихъ кафедральныхъ храмахъ находилось или въ подобныхъ же экседрахъ, или устраивалось въ восточномъ полукругѣ алтарной апсиды. Боковыя же ниши, по словамъ Павла Силенціарія, заключали въ своихъ объятіяхъ поющій народъ, т. е. клиръ и пѣвчихъ (*λαὸν πολύμνον*) ²⁾.

Съ такимъ понятіемъ объ алтарной конхѣ согласны и весьма важныя и точныя измѣренія церковнаго историка Евagriя ³⁾. Въ своемъ краткомъ описаніи св. Софіи Евagriй говоритъ, что длина всего пространства подъ куполомъ и полукуполами, слѣдовательно, всего храма, равняется 260 футамъ, а отъ двери храма, противоположной священной конхѣ, въ которой совершается безкровная жертва, т. е. отъ западной двери храма до алтарной конхи, насчитывается 190 футовъ. На алтарную конху остается такимъ образомъ 70 футовъ изъ всей длины въ 260, т. е. немного болѣе

¹⁾ Procop. de aedific. p. 175 Bonn, описывая восточный полукуполь, прямо называетъ все это мѣсто лицомъ храма, гдѣ Богу приносится тайная жертва (*ἵνα δὲ τῷ Θεῷ ἱεροουργεῖται τὰ ἄρρητα*). А что онъ разумѣетъ здѣсь не восточную только нишу (апсиду), а все пространство подъ восточнымъ полукуполомъ, всю восточную конху, это ясно видно изъ того, что въ ней онъ помѣщаетъ двѣ ниши, сѣверную и южную, съ стоящими въ нихъ полукругомъ порфиrowыми колоннами, и сейчасть же сопоставляетъ восточную конху съ западною и ея колоннами (*τούτων δὲ ἐκ' ἑκάτερα κίονες ἐπ' ἐδάφους εἰσὶν, οὐδ' αὐτοὶ κατ' εὐθὺ ἐστῶτες, ἀλλ' ἔσω κατὰ σχῆμα τὸ ἡμικύκλιον ὡς περ ἐν χορῶ ἀλλήλοις ὑπεξανιστάμενοι καὶ αὐτῶν ὑπεράνωθεν οἰκοδόμημα μνησεῖδες ἀποκρέματα. τοῦ δὲ δὴ εἴσου καταντικρὺ τὰς εἰσόδους ἔχων ἐγγήγερται τοίχος, καὶ αὐτοῦ ἐκατέρωθεν οἱ τε κίονες καὶ τὰ αὐτῶν ὑπερθεὶν ὁμοιότατα τοῖς δεδηλωμένοις ἐν ἡμικύκλῳ ἐστῆκασι*).

²⁾ Средняя ниша или восточная апсида, по словамъ Павла Силенціарія, заключала въ себѣ *θώκους μιστοπόλους* (*sedes sacerdotales*) καὶ *βάθρα περιδρόμα* (364).

Ст. 372.

δύο δ' ἐς κίονας ἄλλας

κόγχης ἀμφοτέρωθεν προβάλλεται εἰς δύοσιν ἔρπειν

οἷάπερ ἐκτανύουσα περιγναμφθέντας ἀγροτοὺς,

375. λαὸν ὅπως πολύμνον εἰς ἀγκάσσειται οἷκος.

³⁾ E u a g r i i Scholast. Histor. Eccles. lib. IV. c. 31, ed. Valesii (вмѣстѣ съ Θεодоритомъ), Moguntiae, 1679. "Ἔστιν μὲν οὖν τὸ μῆκος ἐκ τῆς καταντικρὺ θύρας τῆς ἱερᾶς κόγχης, ἔνθα τὰ τῆς ἀναμύχτου καλλιερεῖται θυσίας, μέχρι αὐτῆς, ποδῶν ρε', τὸ δὲ γε εὖρος κατὰ βορρᾶν καὶ νότον ποδῶν ριέ. καὶ τῶν ψαλίδων... τὸ δὲ γε μῆκος ἀπὸ ἀνατολῶν εἰς δύοσιν πόδες σξ'. Измѣренія Зальценберга (*Altchristliche Baudenkmale*, s. 54. ср. s. 111) сдѣланы прусскимъ футомъ, который почти тождественъ съ византійскимъ и немного меньше нашего (собственно англійскаго). Ср. планъ нижняго этажа храма св. Софіи на таблицѣ VI атласа Зальценберга и планъ Льюикса въ Трудахъ Одесскаго Археолог. съѣзда. т. II (въ статьѣ Льюикса).

4-й части всей длины отъ внутренней западной стѣны до восточной. По измѣреніямъ Зальценберга, храмъ св. Софіи въ этомъ же направленіи, т. е. въ длину, имѣетъ 259 прусскихъ футовъ, которые, слѣд., почти совершенно соотвѣтствуютъ византійскимъ футамъ. Если мы циркулемъ возьмемъ пространство отъ внѣшней восточной стѣны, безъ восточной экседры, какъ мѣрилъ Зальценбергъ, до линіи (восточной), за которой начинается куполь, то, приложивши циркуль къ масштабу, увидимъ, что въ этомъ пространствѣ тоже 70 футовъ длины. Это сходство такъ поразительно, что не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что подъ „священною конхою“ Евагріій разумѣлъ не восточную апсиду восточной конхи, а всю эту конху, все пространство на востокъ отъ восточной арки большаго купола, какъ понимали восточную конху Павелъ Силенціарій съ Прокпіемъ.

Но если такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что алтарною конхою называлось все пространство подъ восточнымъ полукуполомъ съ тремя апсидами въ немъ, то подробности устройства этой конхи, т. е. мѣсто солеи, алтарной преграды, св. престола, назначеніе боковыхъ нишъ и т. п. представляются далеко не такъ ясными, какъ можно было-бы ожидать. Византійскіе писатели, даже тѣ, которые составляли спеціальныя описанія храма св. Софіи, не даютъ точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній объ этихъ подробностяхъ и потому изслѣдователямъ новаго времени пришлось опредѣлять эти подробности предположительно и гадательно.

Дюканжъ къ своему описанію св. Софіи ¹⁾ прилагаетъ планъ, изъ котораго видно, что знаменитый византологъ помѣщаетъ алтарь съ киворіемъ въ восточной апсидѣ или экседрѣ, а по стѣнамъ этой экседры и далѣе у стѣнъ покрытаго цилиндрическимъ сводомъ пространства (Tonpengewölbe у Зальценберга) ставитъ сѣдалища для священнослужителей съ патріаршимъ трономъ въ срединѣ (σύνθρονος). Всю средину пространства подъ цилиндрическимъ сводомъ Дюканжъ называетъ βῆμα, которое у него находится между св. престоломъ и алтарною преградой, поставленною между двумя столбами, служащими опорой для восточнаго конца алтарной конхи, т. е. восточнаго полукупола. Алтарную преграду Дюканжъ помѣщаетъ между этими двумя столбами. Изъ боковыхъ нишъ сѣверную или лѣвую Дюканжъ называетъ предложеніемъ (πρόθεσις), т. е. полагаетъ, что въ ней стоялъ столъ или жертвенникъ предложенія, а лѣвую — діаконикомъ (διακονικόν), т. е. мѣстомъ, гдѣ помѣщались во время богослуженія низшіе священнослужители, діаконы, иподіаконы и т. п.

¹⁾ Constantinopolis Christiana, lib. III.

Все пространство между этими нишами, т. е. подъ восточнымъ полукуполомъ, занимала, по мнѣнію Дюканжа, солея.

При своемъ распредѣленіи этихъ принадлежностей алтарной конхи Дюканжъ, за неимѣніемъ прямыхъ свидѣтельствъ относительно храма св. Софіи, слѣдовалъ обыкновенному порядку размѣщенія и устройства алтарей въ древнихъ христіанскихъ храмахъ, упуская часто изъ вида особенности устройства алтарной конхи въ храмѣ св. Софіи. Такъ, напримѣръ, св. престолъ Дюканжъ помѣщаетъ въ восточной апсидѣ, выходящей за стѣну храма, какъ онъ обыкновенно помѣщался въ базиликахъ. Но если мы примемъ во вниманіе, что въ этой апсидѣ, по словамъ Павла Силепціарія, которому слѣдуетъ и самъ Дюканжъ, былъ устроенъ *συνδρονος* и что св. престолъ въ св. Софіи былъ устроенъ не такъ, какъ въ обыкновенныхъ храмахъ, то мы едва-ли согласимся съ знаменитымъ византологомъ въ этомъ случаѣ.

Дѣло въ томъ, что св. престолъ (*ἡ ἀγία τράπεζα*) въ храмѣ св. Софіи не стоялъ прямо на полу, а помѣщался на возвышеніи въ нѣсколько ступеней ¹⁾, которыя были, безъ всякаго сомнѣнія, несравненно шире ступеней обыкновенной лѣстницы, особенно верхняя ступень, такъ какъ на этихъ ступеняхъ, по крайней мѣрѣ верхней, стояли священнослужители: предъ престоломъ священнодѣйствующій и первенствующій, а по сторонамъ сослужащіе, а священнослужителямъ, особенно священнодѣйствующему во время священнодѣйствій приходилось нерѣдко совершать земные поклоны, для чего необходима ступень шириною около сажени. Предположивши, что такихъ ступеней было три и что не всѣ онѣ были такъ широки, какъ верхняя, мы все-таки на эти ступени должны положить аршинъ шесть съ каждой стороны, съ двухъ сторонъ, слѣдовательно, аршинъ 12 или 4 сажени. Да самый престолъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ около сажени въ длину, такъ что вся площадь, занятая св. престоломъ и киворіемъ надъ нимъ, имѣла отъ 5 до 6 сажень въ ту и другую сторону, т. е. съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ. Обращаясь къ восточной нишѣ и съ циркулемъ въ рукахъ измѣряя ея площадь, мы находимъ, что въ самомъ широкомъ мѣстѣ, на линіи восточной стѣны храма, восточная ниша имѣетъ 35 футовъ, т. е. около 5 сажень на линіи стѣны, а чѣмъ дальше отъ этой линіи, тѣмъ меньше. Если мы припомнимъ, кромѣ того, что по стѣнамъ этой ниши въ нѣ-

¹⁾ О ступеняхъ св. престола въ св. Софіи см. Дюканжъ, Constant. Christ., lib. III, p. 32. гдѣ приведено мѣсто изъ Кодина (Анонима), въ которомъ говорится, что Юстиніанъ устроилъ вокругъ престола *τὴν σκάλαν. ὅπου ἵστανται οἱ ἱερεῖς εἰς τὸ ἀσπάζεσθαι τὴν ἱερὰν τράπεζαν.*

сколько рядовъ (какъ мы увидимъ, въ 7 рядовъ), были устроены сѣдалища для священнослужителей (*συνθρονος*), то мы едва ли будемъ сомнѣваться въ томъ, что св. престолъ въ св. Софїи не могъ помѣщаться въ восточной нишѣ, выходящей за восточную стѣну храма. Да и Павелъ Силенціарій, какъ мы видѣли, говоритъ, что въ восточной нишѣ были устроены сѣдалища для священнослужителей, а не престолъ, для котораго тутъ, очевидно, не было мѣста. Но за то для св. престола было много свободнаго мѣста на западъ отъ восточной ниши ¹⁾, въ пространствѣ подъ цилиндрическимъ сводомъ, соединяющимъ восточную нишу съ восточною конхою. Здѣсь, между столбами, на которые опирается восточный конецъ конхи, около 50 фут. или 7 саж., такъ что св. престолъ на ступеняхъ съ киворіемъ могъ помѣститься болѣе или менѣе свободно, оставляя достаточно мѣста направо и налево, тѣмъ болѣе, что сѣдалища, вопреки мнѣнію Дюканжа, сюда, безъ сомнѣнія, не простирались, а занимали только восточную нишу. Въ этомъ именно мѣстѣ помѣщаетъ св. престолъ Зальценбергъ, такъ что архангелы, изображенные на столбахъ, открывающихъ входъ въ это пространство, какъ бы охраняли св. престолъ и входъ въ святилище. Алтарная преграда стояла, по словамъ Зальценберга, на границѣ восточнаго полукуполола, между столбами, поддерживающими покрытое сводомъ пространство. Подъ солею Зальценбергъ отводитъ все пространство подъ восточнымъ полукуполомъ, между сѣверною и южною нишами, и полагаетъ, что солея тоже отдѣлялась отъ храма собственно преградой или рѣшеткою ²⁾.

Относительно назначенія боковыхъ нишъ Зальценбергъ слѣдуетъ Дюканжу, которому, сколько мнѣ извѣстно, слѣдуютъ и другіе

¹⁾ Изъ словъ Павла Силенціарія можно заключать, что восточная ниша или экседра была почти вся занята этими сѣдалищами, такъ что нижнія ступени были близки къ центру ниши (*Descriptio S. Sophiae*, ст. 363 слѣд. Относящіеся сюда стихи будутъ приведены ниже, когда будетъ рѣчь о синтронѣ). Описавъ восточную экседру съ *συνθρονος*, Павелъ Силенціарій описываетъ пространство подъ цилиндрическимъ сводомъ, соединяющее восточную нишу, или *συνθρονος*, съ восточною конхою (*Tonnengewölbe Salzberg's*).

Ст. 369 τὴν δὲ (т. е. τὴν μέσην κόγχην) μετεκδέχεται κρατερῶς ἀραρυῖα θεμελίους
ἐς βάσιν εὐθύγραμμος, ὑπερθε δὲ κύκλιος ἄντυξ
σχήμασιν οὐ σφαίρης ἐναλίγκιος, ἀλλὰ κυλινδρῶν
ἄνδιχα τεχνούμενοις.

²⁾ Зальценбергъ, *Baudenkmale*, p. 111. Предполагать другую рѣшетку, отдѣляющую солею отъ храма, заставляютъ Зальценберга измѣренія Евагрія, по которымъ отъ западной двери до священной конхи 190 футовъ, хотя Евагріій ничего не говоритъ о рѣшеткѣ, отдѣляющей солею отъ храма. У другихъ писателей точно также нѣтъ указаній на эту рѣшетку. Восточная конха, назначенная для священно- и церковнослужителей, имѣла возвышенный на нѣсколько ступеней полъ и безъ рѣшетки рѣзко отдѣлялась отъ остальнаго храма.

ученье, описывавшіе храмъ св. Софїи, такъ какъ воззрѣніе Дюканжа на назначеніе этихъ нишъ основано на таковомъ же назначеніи смежныхъ съ алтарною апсидою помѣщеній въ другихъ современныхъ и позднѣйшихъ храмахъ. Нельзя, конечно, отрицать вообще такого назначенія боковыхъ нишъ, но съ другой стороны необходимо имѣть въ виду, что въ другихъ храмахъ боковыя помѣщенія для предложенія (προβεσις) и діаконака находятся обыкновенно за алтарною преградой или, если они составляютъ отдѣльныя пристройки по сторонамъ алтарной апсиды, за линіею этой преграды, т. е. они находятся восточнѣе, а не западнѣе ея. На этомъ основаніи можно было бы полагать, что и въ св. Софїи, если боковыя ниши служили мѣстомъ правая для діаконака, а лѣвая для жертвенника предложенія, алтарная преграда находилась западнѣе этихъ нишъ, прямо за восточною аркою купола, такъ что діаконикъ и предложеніе находились бы въ алтарѣ, внутри алтарной преграды. Съ такимъ помѣщеніемъ алтарной преграды вполне согласовалось бы названіе современными и позднѣйшими писателями алтарною конхою всего пространства за восточною аркою купола и сравненіе восточной конхи храма св. Софїи съ алтарными апсидами другихъ храмовъ, какъ купольныхъ, такъ и базиликъ, въ которыхъ алтарная преграда обыкновенно бываетъ или подъ восточною аркою, или прямо за нею ¹⁾). При такомъ положеніи алтарной преграды св. престолъ въ св. Софїи находился бы или могъ бы находиться не въ пространствѣ подъ цилиндрическимъ сводомъ, соединяющимъ восточную конху съ восточною апсидою (σύνθρονος), а подъ восточнымъ полукуполомъ, предъ входомъ въ означенное пространство, а такое помѣщеніе св. престола дѣлало бы совершенно понятнымъ извѣстіе Теофана и другихъ позднѣйшихъ писателей ²⁾ о разрушеніи киворія и престола

¹⁾ Объ апсидахъ (ἁψίς) см. Krause, Realencyklop. der Christlich. Alterthümer s. v. Apsis. I. p. 69 слѣд. Ср. ibid. p. 126. Ср. Du Cange, Constantinopol. Christiana, lib. III p. 30 (Apsida) и его Gloss. Gr. s. v. Ἀψίς и Κογχή.

²⁾ Извѣстія о паденіи части купола и передѣлкѣ всего купола Юстиніаномъ, который при этомъ поднималъ куполъ еще выше, собраны Дюканжемъ въ Constantinopolis Christiana, lib. II. p. 20—21. Главное извѣстіе объ этомъ печальномъ событіи, случившемся 7-го мая въ 32-й годъ царствованія Юстиніана (558 г.), находится у Теофана въ Хронографіи, ed. de Boor, p. 232. τούτῳ ἔτει, μηνὶ Μαΐου ζ', ἡμέρᾳ γ' (вторникъ) ὥρα πέμπτῃ (= 11-мъ часу дня) φιλοκαλοῦμένῳ τοῦ τροῦλλου τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας (ὃν γὰρ διεργημένον ἐκ τῶν γενομένων σεισμῶν, ἐργαζομένων τῶν ἱσαύρων) ἐπέσε τὸ ἀνατολικὸν μέρος τῆς προϋποστολῆς τοῦ ἁγίου θυσιαστηρίου, καὶ συνέτριψε τὸ κιβώριον καὶ τὴν ἁγίαν τράπεζαν καὶ τὸν ἄρῳνα. Это же паденіе разумѣть, очевидно, и Павелъ Силенціарій ст. 187: σφαίρης ἡμιτόμοιο κατήριπε θέσκελος ἄντρον, | μυστικόλου δέτιμαζεν ἐδέσθια πάντα μελάρου. Изъ словъ современника-поэта видно, что обвалилась восточная арка купола, а слѣдовательно, и восточная часть купола и западная часть, если не больше, восточнаго полукупола, упавшагося въ обвалившуюся арку. Въ Хронографіи Теофана слова, которыми обозначалась упавшая часть, повидимому, пропущены или испорчены. Въ codex Coislinianus, по край-

при паденіи восточной арки купола, между тѣмъ какъ разрушеніе киворія и престола вмѣстѣ съ амвономъ, стоявшимъ подъ куполомъ, становится тѣмъ болѣе непонятнымъ, чѣмъ далѣе мы будемъ отодвигать св. престолъ отъ восточной арки купола, и будетъ уже совсѣмъ непонятно, если бы мы помѣстили св. престолъ вмѣстѣ съ Дюканжемъ въ восточной апсидѣ, такъ какъ о разрушеніи ея не говорится въ извѣстіяхъ о паденіи восточной арки и части купола.

Я не знаю ни одного мѣста изъ византійскихъ писателей, приведеннаго изслѣдователями храма св. Софіи, которое не позволяло бы, если принимать сѣверную боковую нишу за *προβόλις*, а южную за *διακονικόν*, помѣщать алтарную преграду прямо за восточною аркою купола (*Arcus triumphalis*, *Triumphbogen*), кромѣ одного мѣста въ Придворномъ Уставѣ Константина Багрянороднаго, которое, на мой взглядъ, ясно говоритъ, что боковыя ниши восточной конхи были внѣ алтарной преграды. Я разумѣю обрядъ понедѣльника первой недѣли Великаго Поста, гдѣ сказано, что въ этотъ день царь, войдя съ патріархомъ въ алтарь и совершивъ кажденіе вокругъ св. престола, выходитъ съ нимъ по правой сторонѣ алтаря *черезъ малыя св. врата* (изъ алтаря) *и доходитъ до порфировыхъ колоннъ*; здѣсь цари прощаются съ патріархомъ, и патріархъ уходитъ опять въ алтарь, а цари въ свой Мутаторій, изъ котораго они поднимаются по лѣстницѣ въ катахуменіи, а оттуда уходятъ крытыми переходами во Дворецъ ¹⁾).

Упомянутое порфировыхъ колоннъ послѣ малыхъ св. вратъ ясно показываетъ, что алтарная преграда, въ которой находились малыя св. врата, стояла за порфировыми колоннами къ востоку. А такъ какъ подъ порфировыми колоннами здѣсь можно разумѣть только порфировыя колонны правой или южной боковой ниши восточной конхи, то ясно, что эта ниша съ порфировыми колоннами была внѣ алтарной преграды. Другихъ порфировыхъ колоннъ, кромѣ 4 паръ, стоявшихъ въ боковыхъ нишахъ западной и восточной конхъ, ни около алтаря, ни въ другихъ частяхъ

ней мѣрѣ, по словамъ de Booga, между *προ* и *ὀπισθο* пропускъ въ 6 буквъ. Возбуждаетъ сомнѣніе и то обстоятельство, что *προὐπιστολή*, по Gloss. Gr. Дюканжа, встрѣчается только въ этомъ мѣстѣ Хронографіи Теофана, потому какъ самое это слово, такъ и латинскій переводъ этого слова, сдѣланный G o a r' o мъ (*pars orientalis contractae ad s. altare testudinis*), нельзя еще считать вполне вѣрными.

1) II, 10, 548: ...καὶ θυρίῃ ὁ βασιλεὺς περὶ τῆς ἁγίας τραπέζης, καὶ εἴθ' οὕτως διὰ τοῦ δεξιοῦ μέρους τοῦ βήματος ἀπὸ τῶν ἐκεῖσε μικρῶν ἁγίων θυρίων ἐξέρχονται οἱ δεσπότες ἅμα τοῦ πατριάρχου ἕως τῶν πορφύρεων κίονων καὶ ἐκεῖσε ἀποχαιρετίζουσι τὸν πατριάρχην, τοῦτον ἀσπάζονται καὶ ὁ μὲν πατριάρχης εἰσέρχεται εἰς τὸ βῆμα ἐκτελέσων τὴν τριτοῦστην οἱ δὲ δεσπότες εἰσέρχονται ἐν τῇ μητρωρίῃ... Обрядъ выхода въ св. Софію въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго Поста будетъ изложенъ ниже, въ концѣ этой книги.

храма, на сколько можно судить по известнымъ мнѣ описаніямъ св. Софіи какъ средневѣковымъ, такъ и новѣйшимъ, въ храмѣ св. Софіи не было ¹⁾. Если же правая ниша, такъ называемый діаконикъ, была вѣ алтарной преграды, то, значить, и лѣвая ниша, такъ называемый *προδεδειγ*, тоже была вѣ алтарной преграды, которая поэтому должна быть помѣщена прямо за этими боковыми нишами восточной конхи, предъ входомъ въ пространство подъ сводомъ (*Tonnengewölbe*). Въ пользу такого помѣщенія алтарной преграды говоритъ, мнѣ кажется, и то обстоятельство, что боковыя ниши имѣютъ хоры, составляющія продолженіе боковыхъ хоровъ или катихуменій, а алтарныя апсиды, сколько мнѣ известно, катихуменій не имѣютъ. Не менѣе ясно въ пользу нахождения боковыхъ нишъ вѣ алтарной преграды говоритъ, на мой взглядъ, сравненіе устройства восточной части храма, т. е. конхи и боковыхъ нишъ, съ устройствомъ этой части въ храмѣ свв. Сергія и Вакха, который послужилъ, повидимому, прототипомъ для св. Софіи и который отличается только тѣмъ, что въ немъ куполь поставленъ на 8 столбахъ и аркахъ, а не на 4-хъ, какъ въ св. Софіи. Благодаря постановкѣ купола на 4 столбахъ, 4 камары, прилежающія въ храмѣ свв. Сергія и Вакха къ западной и восточной камарѣ или аркѣ, въ св. Софіи помѣщены или вдвинуты подъ восточный и западный полукуполы, которые и составляютъ главное отличіе храма св. Софіи отъ храма свв. Сергія и Вакха. Сравнивая планъ этого храма съ планомъ храма св. Софіи, мы при первомъ же взглядѣ, естественно, съ восточною апсидою или конхою храма свв. Сергія и Вакха сопоставимъ пространство подъ сводомъ и восточную апсиду, а боковыя камары съ боковыми нишами восточной конхи храма св. Софіи, тѣмъ

¹⁾ «Обычай брать дорогія колонны, говоритъ Зальценбергъ (*Baudenkmale*, s. 76—77), изъ покинутыхъ храмовъ и давать имъ новое назначеніе, былъ примѣненъ и при постройкѣ храма св. Софіи. Особенно любили, кажется, брать и цѣнили темнозеленый ессалийскій мраморъ, извѣстный теперь подъ именемъ *verde antico*. Всѣ колонны въ предѣлахъ корабля, равно какъ и въ нижнихъ галереяхъ, сдѣланы изъ этого матеріала, за исключеніемъ восьми колоннъ въ нижнихъ этажахъ четырехъ экседръ, которыя (т. е. колонны) сдѣланы изъ темнокраснаго египетскаго (египетскаго) мрамора и привезены изъ Рима, гдѣ они стояли въ храмѣ Софии». Ср. Дюканжа. *Constantin. Christ.*, lib. III, p. 9: *Ex tot marmoris speciebus exstant infinitae, quae Sophianam aedem suffulciunt et adornant, columnae, quas inter praesertim commendantur a scriptoribus octo Porphyreticae seu Aegyptiae, paris altitudinis et molis, quas a muliere vidua, Marcia nomine, Roma transmissas, et a Solis delubro ab Aureliano olim extructo abstractas, auctor est apud Codinum Plutarchus Justiniani Protosecretarius. Has ad quatuor Conchas stare suo loco ostendemus.* Объ этихъ конхахъ и порфировыхъ колоннахъ въ нихъ Дюканжъ говоритъ *ibid.* p. 39—40. Извѣстія современныхъ постройкѣ и послѣдующихъ греческихъ писателей объ этихъ и другихъ колоннахъ приведены или указаны у Дюканжа, I. с., p. 8—9. Ниже, при изложеніи обряда выхода въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго Поста, мы еще встрѣтимся съ этими порфировыми колоннами.

болѣе, что и устройство ихъ сходно почти до тождества. Какъ въ храмѣ свв. Сергія и Вакха алтарная преграда была, очевидно, за или подъ аркою восточной апсиды, такъ и въ храмѣ св. Софіи алтарная преграда была предъ входомъ въ соотвѣтствующее восточной апсидѣ свв. Сергія и Вакха пространство подъ цилиндрическимъ сводомъ, соединяющимъ восточную конху съ восточною экседрою или синтрономъ.

Но, если такимъ образомъ боковыя ниши были внѣ алтарной преграды, то могли ли онѣ имѣть то назначеніе, которое имъ обыкновенно приписывается?

Если мы будемъ соединять съ діаконикомъ обыкновенное понятіе объ этомъ помѣщеніи, которое служило не только мѣстомъ пребыванія діаконѣвъ и иподіаконѣвъ, но и ризницею и сосудохранительницею (σχευοφυλάκιον), и въ которомъ священнослужители облачались и разоблачались, то діаконикомъ никонимъ образомъ не могла служить правая ниша восточной конхи, потому что она представляетъ со всѣхъ сторонъ открытое пространство, въ которомъ ничего хранить было нельзя, а переодеваться и того менѣе ¹⁾. Да и не было въ этомъ надобности, такъ какъ въ св. Софіи

¹⁾ Въ Realencyklop. d. Christl. Alterthümer K r a u s a I, 328 (2 Aufl., s. v. Diaconicum) діаконикъ опредѣляется, какъ пристройка или отдѣльное помѣщеніе, однозначашее съ Sacramentarium или Secretarium. Діаконикъ заключалъ въ себѣ три смежныхъ помѣщенія: а) Salutatorium, гдѣ епископа встрѣчали клирики и гдѣ епископъ принималъ другихъ особъ; б) собственно діаконикъ или βήματος διακονικόν, называемый также Vestiarium и Mutatorium, гдѣ діаконѣ убирали и складывали церковную утварь и облаченія и гдѣ облачались и разоблачались священнослужители; с) наконецъ къ діаконику принадлежала ризница, thesaurarium, γαζοφυλάκιον, χειρηλαρχεῖον, σκευοφυλάκιον, гдѣ хранились облаченія, церковная утварь, книги, сокровища и святыни храма. Эти помѣщенія находились обыкновенно по обѣимъ сторонамъ алтаря. Помѣщенія діаконика служили также иногда мѣстомъ собранія клира для совѣщаній, суда и т. п., а иногда служили даже мѣстомъ ареста провинившихся духовныхъ чиновъ. Это опредѣленіе діаконика составлено главнымъ образомъ на основаніи мѣстъ, приведенныхъ Дю кан ж е мъ въ Const. Christ., lib. III, p. 48—52. Ср. К р а с н о с е л ь ц е в а, Очерки изъ исторіи христіанскаго храма, стр. 292 слѣд. Позволяю себѣ думать, что одного этого опредѣленія діаконика достаточно, чтобы видѣть, что для всѣхъ тѣхъ цѣлей, для которыхъ устраивались помѣщенія діаконика, ни правая, ни лѣвая экседра въ храмѣ св. Софіи служить не могла. Позволительно даже дивиться тому, какъ могли правую нишу или экседру принимать за діаконикъ въ такомъ смыслѣ. Для всѣхъ указанныхъ цѣлей могли служить и служили помѣщенія направо и налѣво отъ алтаря, находившіяся между алтарною конхою и стѣною. Въ св. Софіи, какъ можно заключить изъ вышеприведенныхъ словъ К о д и н а, діаконикомъ собственно называлось помѣщеніе направо отъ алтаря и правой ниши: къ нему примыкалъ царскій Мутаторій, въ одномъ изъ помѣщеній котораго, вѣроятно, ближайшемъ къ діаконику, стоялъ и молился царь во время богослуженія. Но соотвѣтствующее помѣщеніе на лѣвой сторонѣ отъ восточной конхи можетъ быть также названо въ вышеприведенномъ 3-мъ значеніи діаконикомъ, такъ какъ здѣсь помѣщалась ризница (σχευοφυλάκιον). Въ этомъ помѣщеніи, по всей вѣроятности, наши путешественники (паломники) видѣли разныя святыни, которымъ они поклонялись и къ которымъ прикладывались. Очень вѣроятно, что въ этомъ помѣщеніи налѣво отъ алтаря былъ жертвенникъ предложенія (πρόθεσις), но это не мѣшало быть ему вмѣстѣ съ тѣмъ и помѣщеніемъ для разныхъ святынь и церковныхъ предметовъ, функ-

было много мѣста для этой надобности. Кромѣ многочисленныхъ пристроекъ съ сѣверо-восточной и южной сторонъ св. Софїи, въ которыхъ, какъ мы увидимъ, помѣщались разныя хозяйственные и административныя учрежденія храма св. Софїи, для вышеозначенныхъ цѣлей въ качествѣ ризницы и діаконика могли служить помѣщенія направо и налѣво отъ пространства надъ сводомъ, въ которомъ стояла св. трапеза. Эти помѣщенія вполнѣ соотвѣтствуютъ подобнымъ же помѣщеніямъ для *πρόθεσις* и *διακονικόν* въ другихъ храмахъ. Правда, у К о д и н а есть указаніе, что діаконикъ былъ возлѣ Мутаторія царскаго и царь слушалъ литургію, стоя возлѣ діаконика ¹⁾, но разумѣется ли въ данномъ случаѣ подѣ діаконикомъ южная пиша восточной конхи или все пространство направо отъ восточной конхи, сказать трудно: возможно и то и другое. Но если правая (южная) пиша дѣйствительно называлась діаконикомъ, то только въ смыслѣ помѣщенія діаконовъ, иподіаконовъ, пѣвчихъ и чтецовъ, во время службы пѣвшихъ и читавшихъ по соотвѣтствующимъ книгамъ, другими словами, правую пишу можно болѣе или менѣе сравнивать съ нашимъ пра-

ціонировать въ качествѣ одного изъ отдѣленій діаконика въ вышеприведенномъ смыслѣ. тѣмъ болѣе, что и въ другихъ храмахъ какъ правое, такъ и лѣвое отъ алтаря помѣщеніе, по опредѣленію К r a u s a, служили для цѣлей діаконика. Очень возможно, что Антоній Новгородскій это именно помѣщеніе отъ алтаря налѣво съ жертвенникомъ предложенія называетъ «алтаремъ малымъ»; по крайней мѣрѣ описанныя имъ святыни, находившіяся возлѣ этого алтаря малаго, были несомнѣнно на лѣвой сторонѣ, такъ какъ это мѣсто до построенія храма, «вся ризница» (*σκευοφυλάκιον ὅλον*), принадлежало вдовѣ Аннѣ, которая тутъ же за крестомъ, служившимъ мѣриломъ возраста Христова, и погребена въ придѣлѣ. О мѣстѣ, принадлежавшемъ Аннѣ и вообще лѣвой сторонѣ храма, мы еще будемъ имѣть случай говорить въ концѣ этой главы. Въ пользу принятія сѣверовосточнаго квадрата за ризницу (*σκευοφυλάκιον*) говоритъ и очень важное свидѣтельство Аркульфа, западнаго паломника VII вѣка, который говоритъ: *Interioris domus aquilonali in parte pergrande et valde pulchrum monstratur armarium, in quo capsula habetur recondita lignea, que (quae) similiter ligneo superclauditur operculo, in quo illud salutare habetur reconditum crucis lignum, in quo noster Salvator pro humani generis salute suspensus est* (Tobler et Molinier. *Itinera Hierosolymitana et descriptiones Terrae Sanctae*, vol. I. Gen evae. 1879. p. 193). Этой выпиской изъ путешествія Аркульфа (*Arculfus de locis sanctis*) я обязанъ проф. И в. В. П о м я л о в с к о м у, который сдѣлалъ ее для меня въ Петербургѣ, такъ какъ въ Казани книги Тоблера и Молинье не оказалось, за что и приношу здѣсь проф. П о м я л о в с к о м у искреннюю благодарность.

¹⁾ По словамъ К о д и н а, въ Духовъ день *ἐν τῇ ἑσπερινῷ ὥρᾳ, εἰ μὲν εὐρίσκεται ὁ πατριάρχης, ἀπερχεται εἰς τὴν ἁγίαν Σοφίαν ὁ βασιλεὺς καὶ ἀκούει παρ' αὐτοῦ τὰς τοῦ Μεγάλου Βασιλείου εὐχὰς πλησίον τοῦ διακονικοῦ* (de officiis. c. XIV, p. 78 Bonn). Какъ въ древнее время, такъ и во времена К о д и н а цари стояли, вѣроятно, въ Мутаторіи, который былъ на правой сторонѣ отъ алтаря, возлѣ діаконика. Тотъ же К о д и н ѣ, въ обрядѣ коронаціи царей, заимствованномъ изъ Исторіи Іоанна Кантакузина, упоминаетъ и *πρόθεσις*, но также не даетъ при этомъ никакихъ указаній, изъ которыхъ можно было бы заключить, гдѣ собственно помѣщался жертвенникъ предложенія. К о д и н ѣ говоритъ только, что, для участія въ великомъ входѣ, т. е. перенесеніи св. даровъ, царь вмѣстѣ съ діаконами, приходившими его приглашать, идетъ *εἰς τὴν λεγομένην πρόθεσιν, ἐνθα κεῖνται τὰ ἅγια*, при чемъ, будучи еще *ἔξω τῆς πρόθεσεως*, облачается въ мантию (C o d i n, *ibid.* c. XVII, p. 93).

вымъ клиросомъ, согласно съ буквальнымъ смысломъ вышеприведенныхъ словъ Павла Силенціарія о назначеніи боковыхъ нишъ вочточной конхи.

Что касается сѣверной или лѣвой ниши, то она могла служить мѣстомъ для жертвенника предложенія (πρόθεσις), такъ какъ эти жертвенники въ древнее время несомнѣнно бывали не въ алтарѣ, а внѣ алтаря, на что указываетъ перенесеніе св. даровъ на св. престолъ чрезъ храмъ и св. врата, а не прямо съ жертвенника на св. престолъ, не выходя изъ алтаря. Но современемъ эти жертвенники ставились или въ алтарѣ, или въ помѣщеніи рядомъ съ нимъ. Въ св. Софійѣ удобнымъ мѣстомъ для жертвенника предложенія могло быть пространство налѣво отъ алтарной конхи, если онъ не помѣщался въ самомъ алтарѣ, т. е. въ пространствѣ подъ цилиндрическимъ сводомъ ¹⁾. Такъ какъ для жертвенника предложенія мѣста требуется очень мало, то онъ легко и удобно могъ помѣщаться сейчасъ же налѣво отъ алтаря и соединяться съ алтаремъ посредствомъ двернаго отверстія между восточною стѣною храма и восточными столбами восточнаго полукупола. Въ пользу такого помѣщенія жертвенника предложенія говоритъ аналогія другихъ современныхъ и позднѣйшихъ греческихъ храмовъ, въ которыхъ πρόθεσις помѣщался обыкновенно въ лѣвомъ отъ алтаря боковомъ помѣщеніи. Если же πρόθεσις былъ дѣйствительно когда нибудь въ лѣвой нишѣ, то это нисколько не мѣшало лѣвой нишѣ служить мѣстомъ стоянія чтецовъ и пѣвчихъ, подобно правой нишѣ, т. е. быть *лѣвымъ клиросомъ*. По крайней мѣрѣ Павелъ Силенціарій обѣимъ нишамъ приписываетъ такое назначеніе и, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ никакихъ данныхъ отрицать это ²⁾. Между этими

¹⁾ Антоній Новгородскій называетъ, повидимому, жертвенникъ предложенія и мѣсто его нахожденія малымъ алтаремъ и описываетъ находящіеся возлѣ него святыни и другіе предметы. Если это такъ, то πρόθεσις находился налѣво отъ алтарной конхи, занимая часть большаго пространства между алтарною конхою и сѣверо-восточною стѣною, гдѣ помѣщалась ризница. См. Путешествіе Антонія Новгородскаго, изд. Савваитова, стр. 65. О ризницѣ будетъ сказано подробнѣе въ концѣ этой главы.

) Съ вышеприведенными словами совершенно согласны ст. 686—688, въ которыхъ Павелъ Силенціарій, описывая алтарную преграду, говоритъ, что стѣны ея μόστην—ἄνδρα πολυγλώσσου διακρίνουσιν ὄμιλον, т. е. священнослужителя отдѣляютъ отъ толпы чтецовъ. Другими словами, солею отъ алтаря. Правда, Дюканжъ (Constantinopolis Christiana, lib. II. p. 46 Venet; ср. Comment. ad Paul Silent. Descript. S. Sophiae. § 81. p. 148 Bonn.) ὄμιλος πολυγλώσσος понимаетъ въ смыслѣ turba fidelium ex variis gentibus linguisque conflata или variorum nationum coetus, но уже самыя разсужденія Дюканжа въ указанныхъ мѣстахъ о мѣстѣ нахожденія этого разноязычнаго народа показываютъ, что Дюканжъ совершенно неправильно понималъ это мѣсто и толковалъ его въ разное время различно. Въ Commentarius Дюканжъ, полагая, что τὰν et chorum Sophianum conficiebat totum illud spatium, quod intra quatuor pilas maiores continetur, высказываетъ мнѣніе, что эта вся часть отдѣлена была рѣшеткою, за которой и стояла turba fidelium, въ προναῶν или даже наοικῶν.

нищами (=клиросами) была, безъ сомнѣнія, солея, возвышавшаяся на нѣсколько ступеней надъ поломъ остальнаго храма. Эти ступени, по всей вѣроятности, начинались подъ триумфальною аркою, т. е. подъ восточною аркою купола.

Такимъ образомъ, все пространство подъ восточнымъ полукуполомъ, возвышавшееся надъ пространствомъ остальнаго храма, назначалось для священнодѣйствій и священно- и церковнослужителей, представляло собою наиболѣе священное мѣсто храма, и въ этомъ смыслѣ все оно называется у греческихъ писателей алтарною священою конхою, тѣмъ болѣе, что солея составляетъ существенную часть алтарной конхи и, какъ мѣсто возвышенное, называется βῆμα, какъ и алтарь въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. пространство за алтарною преградой. Въ древнихъ христіанскихъ храмахъ, въ которыхъ алтарная преграда состояла большею частью изъ низкой рѣшетки, какъ и до сихъ поръ въ католическихъ храмахъ, солея и алтарь собственно не такъ рѣзко отдѣлялись, какъ теперь въ нашихъ храмахъ, благодаря высокимъ глухимъ иконостасамъ; потому все пространство подъ алтарною конхою, какъ предъ преградой, такъ и за нею, называется алтаремъ, βῆμα, хотя при болѣе точномъ обозначеніи эти части алтарной конхи различаются ¹⁾).

Очевидно, это невѣрно, и заблужденіе Дюканжа объяснить можно только тѣмъ, что онъ смѣшиваетъ храмъ св. Софіи съ позднѣйшими, особенно монастырскими, храмами, въ которыхъ нарѣзки развились въ большія пристройки, составлявшія большую часть храма (ср. вышесказанное по поводу красныхъ вратъ, стр. 100 прим.). Въ Const. Christ. I. с. Дюканжъ, на основаніи дѣленія греческаго храма нѣкоторыми греческими церковными писателями то на двѣ части: βῆμα и ναός, то на три: βῆμα, ναός и πρόναος или νάρθηξ, причемъ ναός назначается для народа (τοῖς λαϊκοῖς), а βῆμα для священниковъ, приходитъ къ заключенію, что hac saltem tempestate, aedes sacras graecorum, atque adeo Sophianam chori in quo Clerus constiterit caruisse. Предположить, что клиръ стоялъ предъ алтаремъ, т. е. предъ алтарной преградой. Дюканжу не позволяетъ то обстоятельство или соображеніе, что въ такомъ случаѣ священнодѣйствующій, раздѣленный клириками отъ народа, не могъ бы обращаться къ нему съ рѣчью, и алтарь не былъ бы видѣнъ народу. Въ основаніи этого мнѣнія лежатъ, очевидно, два недоразумѣнія знаменитаго византолога: 1) подъ βῆμα при дѣленіи храма на двѣ или на три вышеуказанныя части разумѣется не только алтарь собственно, но и солея (βῆμα τῶν ἀναγνώστῶν), гдѣ именно и стоялъ клиръ, т. е. чтецы и пѣвчіе, какъ въ западныхъ храмахъ въ хорѣ; 2) нѣтъ никакой надобности предполагать, что клиръ занималъ все пространство предъ алтарной преградой. Для него достаточно было мѣста на концахъ солей, а въ храмѣ св. Софіи, какъ и въ храмѣ свв. Сергія и Вакха, для него назначались двѣ весьма большія ниши или экседры, стоя въ которыхъ, пѣвчіе и чтецы вовсе не загораживали алтарной преграды и ни мало не мѣшали патріарху и другимъ священнодѣйствующимъ видѣть народъ и обращаться къ нему. Принявши эти двѣ экседры за діаконикъ и предложеніе въ ихъ обычномъ значеніи, Дюканжъ, очевидно, принужденъ былъ перетолковывать или игнорировать ясныя слова Павла Силенціарія, у котораго, очевидно, подъ ναός πολύλωστος разумѣется тотъ же клиръ, который въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ ναός πολύβορος, тѣмъ болѣе, что въ обоихъ случаяхъ разумѣется одна и та же часть храма, солея съ нищами по концамъ.

¹⁾ О значеніи слова βῆμα см. Gougar, Eucholog. Graec., 2 ed., p. 11 слѣд., гдѣ между прочимъ приводится мѣсто изъ Симеона Фессалоникійскаго о правѣ сидѣнія въ различ-

Итакъ, за боковыми нишами алтарной или восточной конхи была алтарная преграда (κάγκελλοι или κάγκελλα cancelli, κιγκλίδες, δρύφακτοι или δρύφακτα, ἔρκος, στήθεα) или рѣшетка, отдѣлявшая солею отъ алтаря собственно, внѣшнее алтарное возвышенное (βῆμα) мѣсто отъ внутренняго ¹⁾. Насколько можно заключать изъ словъ Павла Силенціарія, описанія котораго, къ сожалѣнію, не отличаются желанною ясностію и точностію ²⁾, алтарная преграда въ храмѣ св. Софїи состояла изъ низкой стѣнки, имѣвшей видъ стиловата и доходившей до груди человѣка средняго роста, такъ что, стоя возлѣ этой преграды, можно было на нее облокотиться или опереться, чтó и дѣлаетъ царь, какъ мы увидимъ ниже, когда къ нему подходятъ чины для цѣлованія любви (ἀγάπη). Доски или плиты этой стѣны обложены были серебряными листами. Стѣнка эта поддерживалась 12 колоннами, которыя, подраздѣляя ее на равныя части (intercolumnia), высились надъ нею, а вверху покрыты и соединены были великолѣпнымъ антаблементомъ. Колонны, какъ и стѣнки (intercolumnia) преграды обложены были серебромъ.

На антаблементѣ были диски съ изображеніями святыхъ апостоловъ и пресв. Богородицы, а на среднемъ дискѣ изображенъ былъ Спаситель, окруженный ангелами и архангелами. Надъ серединою преграды высился

ныхъ частяхъ βῆμα. Здѣсь сказано, что иподиаконы и чтецы могутъ сидѣть ἐξωθεν τοῦ βήματος περὶ τὸν σολέαν, ὅς δὲ καὶ βῆμα καλεῖται ἀναγνώστῳ. Благодаря тому, что солея входитъ въ составъ βῆμα, пѣснопѣнія и молитвословія, которые читались и пѣлись на амвонѣ или солеѣ, назывались βηματικά (Du Cange, Gloss. Gr. s. v. βηματικά). О такомъ употребленіи слова βῆμα въ смыслѣ всего вообще возвышеннаго пола алтарной конхи, въ томъ числѣ и въ смыслѣ солей, будетъ рѣчь ниже, когда мы будемъ говорить о приобщеніи царей св. Таинъ въ храмѣ св. Софїи въ большіе праздники.

¹⁾ Объ алтарныхъ преградахъ, замѣняемыхъ у насъ высокими иконостасами, представляющими сплошную стѣну, совершенно закрывающую алтарь. см. Du Cange, Const. Christ. lib. III, p. 40—41; Kraus, Realencykl. d. Christlich Alterthümer, s. vv. Altar и Basilica, I, s. 39 и 126 (2 Aufl.); Н. Красносельцевъ, Очерки изъ Истории Христианскаго храма. Казань. 1881, стр. 240 слѣд. Ср. Texier, L'architecture byzantine. Londres. 1864, p. 65 и Salzenberg, Altchristliche Baudenkmale, s. 112.

²⁾ Вотъ что говоритъ Павелъ Силенціарій объ устройствѣ алтарной преграды въ храмѣ св. Софїи, Descriptio S. Sophiae, ст. 682 слѣд.

καὶ γὰρ ὅσον μεγάλους πρὸς ὀρθριὸν ἄντογα νηρῷ
χωρὸν ἀναμύακτοισιν ἀπεκρίναντο θυηλαῖς,
οὐκ ἐλέφας, οὐ τμήμα λίθων ἢ χαλκὸς ὀρίζει,
ἀλλ' ὅλον ἐθρίγκωσαν ὅπ' ἀργυρέοισι μετάλλοις.
οὐδὲ μὲν οὐδὲ μόνους ἐπὶ τεύχεσιν...
γυρνὰς ἀργυρέας ἔβαλε πλάκας, ἀλλὰ καὶ αὐτοὺς
κίονας ἀργυρέοισιν ὅλους ἐκάλυψε μετάλλοις,
τηλεβόλοις σελάεσσι λελαμπότας, ἐξάκι θοισούς.
οἷς ἐπι, καλλιπρόνοιο χερὸς τεχνήμονι ρυθμῷ.
ὁξυτέρους κύκλοιо χάλυψι κοιλήνατο δίσκους,
ὣν μέσον ἀγράντοιο θεοῦ δείκῃλα χαράξας...

Далѣе идетъ описаніе изображеній, находящихся на этихъ дискахъ.

крестъ, завершавшій всю преграду ¹⁾. На среднихъ доскахъ преграды была вырѣзана монограмма Юстиніана и Θεодора, какъ храмоздателей.

Между колоннами алтарной преграды поставлены были три двери, ведшія съ солен въ алтарь: въ средній большія или среднія св. врата, а направо и нѣлѣво отъ нихъ малыя, боковыя, т. е. южныя и сѣверныя св. врата.

По словамъ Павла Силенціарія, эти три двери были сдѣланы „въ каждой сторонѣ“ (ἐν ἐκάστῃ πλευρῇ) по одной. Эти слова, мнѣ кажется, позволяютъ думать, что алтарная преграда шла не по прямой линіи отъ одного столба къ другому, а представляла собою три стороны. Какую именно линію представляла алтарная преграда, сказать, на основаніи словъ Павла Силенціарія, трудно, но естественнѣе всего, на мой взглядъ предположить, что алтарная преграда въ св. Софїи представляла собою если не выдающійся или выступающій на солею полукругъ, то ломаную линію въ родѣ \ — / или \ — /, въ которой были бы три стороны (πλευρά), съ дверью въ каждой изъ нихъ ²⁾.

Если дѣйствительно алтарная преграда расположена была по такой линіи и выступала на солею, то пространство для алтаря значительно увеличивалось бы и св. престолъ съ киворіемъ могъ стоять не между столбами, на которыхъ изображены архангелы, а предъ ними, слѣдовательно, еще ближе къ обвалившейся восточной аркѣ купола, что давало бы еще болѣе возможности понять извѣстіе Теофана о томъ, что при паденіи этой арки съ прилегающими къ ней и опиравшимися на нее восточною частію купола и западною частію восточнаго полукупола упавшими частями раздавлены и разрушены были не только амвонъ, находившійся подъ восточною частію купола, но и киворій съ стоявшимъ подъ нимъ св. пре-

¹⁾ Относительно изображенія креста, находившагося въ щитѣ, монограммы и св. вратъ Павелъ Силенціарій говоритъ, ст. 712.

ст. 712:

Ἦς, δὲ μεταξὺ ἱεροῦ πλάκας ἔρκεος, αἱ περὶ φῶτας
εὐρέρους τεύχευσι μεταίχμια. γράμμα χαράσσει
ἡ γλυφίς ἐν πολύμολλον ἀλλήλει· γὰρ ἀνάστης
οὐνοῦ καὶ βασιλεὺς ἴσον γε μὲν ὁμολογέσσει
ἀσπίδι· μετασπίσει τύπον κοιλίχαςτο χώροις
σταυρὸν ἀπαγγέλλουσα. διὰ τρισσῶν δὲ θύρετρων
ἔρκεος ὅλον μύστησιν ἀνοίγεται· ἐν γὰρ ἐκ ἁστῇ
πλευρῇ βαλὰ θύρετρα διέτραχεν ἐργασίονος χεῖρ.

²⁾ Если алтарная преграда была трехсторонняя, какъ можно заключить изъ словъ Павла Силенціарія, то, быть можетъ, боковыя стороны шли къ передней не по прямой линіи, а составляли продолженіе той нѣсколько изогнутой внутрь линіи, которую образуютъ восточныя столбы боковыхъ нишъ въ этихъ нишахъ. Такъ какъ въ алтарной преградѣ было 12 обложенныхъ серебромъ колоннъ, то всего вѣроятнѣе предположить, что на каждой сторонѣ было по 4 колонны, но если боковыя стороны были значительно меньше лицевой, то могло быть 8 на лицевой и по двѣ на боковыхъ.

столомъ. Если бы киворій и св. престолъ находились подъ цилиндрическимъ сводомъ, соединяющимъ пространство подъ восточнымъ полукуполомъ съ восточною апсидою (сопрестоліемъ), то, какъ уже было замѣчено, св. престолъ съ киворіемъ остались бы цѣлы или только задѣты рикошетомъ отлетѣвшими отъ пола упавшими частями арки и полукупола.

„За престоломъ (въ каедральныхъ соборахъ) устраивается *горнее мѣсто*, называемое *горнимъ престоломъ*. Это есть возвышеніе, на которомъ стоитъ сѣдалище (каедра, тронъ) епископа, во время службы изображающаго Господа Славы. По обѣимъ сторонамъ горняго мѣста устраиваются сопрестолія (συνδρομοί), т. е. сѣдалища для сослужащихъ съ епископомъ, изображающихъ собою апостоловъ и его преемниковъ“ ¹⁾.

Вотъ такое именно горнее мѣсто и помѣщалось въ восточной нишѣ восточнаго полукупола св. Софій, за св. престоломъ, стоявшимъ подъ цилиндрическимъ сводомъ или при входѣ подъ него, подъ восточную часть полукупола. Здѣсь, какъ видно изъ вышеприведеннаго свидѣтельства Павла Силенціарія, были устроены сѣдалища для священнослужителей, т. е. для патріарха и служившихъ вмѣстѣ съ нимъ митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, протоіереевъ и іереевъ. Такъ какъ клиръ св. Софій былъ по своему составу очень значителенъ, а въ торжественныхъ службахъ, кромѣ клира св. Софій, принимавшаго участіе въ службѣ въ большіе праздники въ полномъ составѣ, вмѣстѣ съ патріархомъ служили еще бывшіе въ данное время въ Константинополѣ митрополиты, архіепископы, епископы и архимандриты, то для помѣщенія ихъ нужно предполагать много сѣдалищъ, которыя шли полукругомъ въ нѣсколько рядовъ, направо и налѣво отъ самаго большаго и стоявшаго выше всѣхъ сѣдалища или трона патріарха, и занимали такимъ образомъ значительное пространство по стѣнамъ ниши. Духовные чины размѣщались здѣсь по рангамъ, причемъ высшіе занимали верхній рядъ сѣдалищъ, а нижніе ряды занимались въ нисходящемъ порядкѣ вторыми, третьими и т. д. духовными чинами, причемъ въ каждомъ ряду іерархическій порядокъ выражался близостію къ патріарху или къ срединѣ съ правой и съ лѣвой стороны ²⁾.

¹⁾ Слова протоіер. Конст. Никольскаго (въ его Пособіи къ изученію Устава Богослуженія Православной Церкви, изд. 4-е, Спб. 1888 г., стр. 13).

²⁾ Дюканжъ въ Const. Christ. lib. III, p. 37 въ главѣ о Synthronus приводитъ мѣсто изъ Анонима, въ которомъ сказано: τὰς δὲ βῆσεις τὰς ἐπὶ τῶν ἱερέων, ἐν αἷς καθέζονται, σὺν τοῦ (?) Ἀρχιερέως θρόνου καὶ τῶν τεσσάρων κλόνων κατεχρόσασε, στήσας εἰς τὰ ἐκάτερα μέρη. Дюканжъ на основаніи этого мѣста говоритъ, что Anonymus septem sedibus tantum, nescio an vere, constituisse haec subsellia refert. Но βῆσις не значитъ никогда сѣдалище, и здѣсь рѣчь идетъ не о семи сѣдалищахъ, а о семи рядахъ, о семи ступеняхъ, на которыхъ находились сѣдалища. Это какъ нельзя болѣе ясно видно изъ приведенныхъ далѣе у самого же Дюканжа мѣстъ, гдѣ эти βῆσεις называются βῆθριδες. Такъ, Константинъ

Въ обрядахъ Константина Багрянороднаго горнее мѣсто называется *κυκλίον* или *κυκλίν*, какъ называется оно и у Анонима въ описаніи св. Софій. Въ него царь входилъ послѣ поклоненія св. престолу и поклонялся стоявшему здѣсь, слѣдовательно, запрестольному распятію, бралъ у патріарха кадило и кадилъ предъ распятіемъ ¹⁾. Послѣ этого царь цѣловался

Багрянородный въ описаніи Новой Великой Церкви, построенной Василиемъ Македоняниномъ, говоритъ (84 гл. de Basilio Maced., Theoph. Contin. ed. Bonn. p. 326): καὶ αἱ τῶν εκτὸς διεργουσαι τὰ θυσιαστήρια κυκλίδες καὶ τὰ ἐν αὐταῖς περίστολα (ср. 12 колоннъ св. Софій) καὶ τὰ ἄνωθεν οἷον ὑπέρθυρα χρηματίζονται (ср. диски съ изображеніями у Павла Силенціарія) οἱ τε ἐντὸς θάκοι (ср. θώκοι Павла Силенціарія въ описаніи σύμβρονος св. Софій) καὶ αἱ πρὸ τούτων βαθρίδες καὶ αὐταὶ αἱ ἱεραὶ τράπεζαι ἐξ ἀργύρου πάντα περιεχυμένον ἔχοντες τὸν χρυσὸν καὶ λίθοις τιμίαις ἐκ μαργαριτῶν ἡμφιεσμένοις πολυτελῶν τὴν σύμπληξιν καὶ σύστασιν ἔχουσαι. Тѣ же βαθρίδες упоминаются въ приведенномъ у Дюканжа (I. с.) отрывкѣ изъ Симеона Θεσσαλονικίискаго: ἡ ἄνω καθέδρα τὴν ὑπερουράνιον δείκνυσσι καθέδραν τοῦ Ἰησοῦ, αἱ ὑπ' αὐτὴν δὲ βαθρίδες τὴν ἐκάστου τῶν ἱεραρχῶν καὶ ἱερέων τάξιν τε καὶ ἀνάβασιν, ἐνθα δὲ καὶ οὗ θέρμις τινα ἕτερον καθίσαι, οὐδὲ τῶν διακόνων αὐτῶν. Въ σύμβρονος св. Софій такихъ рядовъ, какъ видно изъ Анонима, было семь, каковаго количества нельзя считать слишкомъ большимъ, если имѣть въ виду, что, кромѣ іерарховъ, находившихся въ Константинополѣ и служившихъ въ большіе праздники съ патріархомъ, въ составъ постоянного клира св. Софій, по новеллѣ Юстиніана, могло входить до 60 пресвитеровъ и протоіереевъ, а при Иракλίи число ихъ было увеличено до 80. Дюканжъ, Constant. Christ. lib. III, p. 47. Съ извѣстіемъ Анонима относительно семи рядовъ сѣдалищъ въ σύμβρονος совершенно согласно описаніе его у Павла Силенціарія, который говоритъ, что нижніе ряды или ступени были гораздо меньше верхнихъ, помѣщенныхъ у стѣнъ, и, образуя все меньшіе и меньшіе концентрическіе полукруги, приближались къ центру, между тѣмъ какъ верхніе ряды, образуя все большіе и большіе полукруги, удалялись отъ центра.

Ст. 362: ...μέση (κύχλη) δ' ἐξώσατο θώκους
μουσιπόλους καὶ βάθρα περίδρομα. καὶ τὰ μὲν αὐτῶν
ὑστατήν ὑπὸ πέζαν ἀσπλίζουσα συνέλκει
ἐγγύτερον περὶ κέντρον ἐπὶ χθονός· ὅσα δ' ἀνίσχει
ὑψοθεν, εὐρύνουσσι διάστασιν ἄχρι θώκων
ἀργυρέων κατὰ βαίον, ἀεξομένοισι δὲ κύχλοις
αἰὲν ἐπεμβαίνουσαν ἐπειλίσσουσι κεραίην.

Изъ этихъ словъ можно, во всякомъ случаѣ, видѣть, что сѣдалища занимали почти всю нишу и мѣста для св. престола здѣсь никоимъ образомъ быть не могло.

Относительно σύμβρονος вообще, ср. Goar, Euchol. p. 15, откуда взяты Дюканжемъ нѣкоторыя мѣста, въ томъ числѣ вышеприведенный отрывокъ изъ Симеона Θεσσαλονικίискаго. Ср. также Kraus, Realencyklop. der christlichen Alterthümer. 2 Aufl. II. 816.

¹⁾ Cer. I, 1, 15 сказано, что послѣ поклоненія св. престолу διὰ τοῦ δεξιοῦ μέρους τοῦ αὐτοῦ ἁγίου βήματος εἰσέρχονται οἱ δεσπόται μετὰ τοῦ πατριάρχου εἰς τὸ κυκλίν, ἐν ᾧ ἴδρεται ἡ διάχυτος ἁγία σταύρωσις. Reiske въ комментаріи къ этому мѣсту смѣшиваетъ *κυκλίν* съ *εὐκτήριον* и оба помѣщаетъ въ правой или южной нишѣ алтаря, полагая, что εἰς τὸ *κυκλίν*, ἐν ᾧ ἴδρεται etc. per compendium dictum fuisse et idem valere atque εἰς τὸ *κυκλίν* καὶ τὸ ἐν αὐτῷ *εὐκτήριον*, ἐν ᾧ ἴδρεται и ссылаясь при этомъ на обрядъ избранія и посвященія патріарха II. 14. 565. Это совершенно невѣрно. Трудно даже понять, какъ могла эта мысль явиться у Reiske, когда далѣе, нѣсколькими строками ниже, въ общемъ обрядѣ I. 1, 16 говорится особенно объ *εὐκтиρίи*, находящемся предъ Мутаторіемъ, и о находящемся тамъ крестѣ. Напротивъ, во II. 14. 565 сказано per compendium διὰ τοῦ δεξιοῦ μέρους τοῦ βήματος καὶ τοῦ *κυκλίου* εἰσέρχονται ἐν τῷ *εὐκτηρίῳ*, ἐν ᾧ καὶ ἡ ἀργυρὰ ἴδρεται σταύρωσις, т. е., здѣсь пропущено поклоненіе царя распятію, находящемуся въ *κυκλίν*, за престоломъ, а кратко сказано, что царь проходитъ, какъ обыкновенно, чрезъ *κυκλίν* въ молельню, гдѣ также

на прощаніе съ патріархомъ и уходилъ въ такъ называемую моленную (εὐκτήριον), т. е. помѣщеніе возлѣ алтаря, гдѣ, быть можетъ, иногда стоялъ и молился патріархъ во время богослуженія. Въ этой моленной стоялъ крестъ съ символами страданій Христовыхъ. Царь, по обыкновенію, поклонялся кресту трижды со свѣчами въ рукахъ и шелъ въ Мутаторій. Такъ какъ въ моленную эту царь шелъ чрезъ восточную нишу (τὸ κοκλίν), а изъ этой ниши были дѣйствительно выходы направо и налево, между столбами, на которые опирался восточный полукуполь, и восточною стѣною храма, то можно думать, что царь выходилъ именно чрезъ правую дверь, а моленная (εὐκτήριον) находилась, если не въ юговосточномъ углу храма (въ діаконикѣ), то непосредственно примыкала къ нему съ одной стороны, между тѣмъ какъ съ другой она примыкала къ одному изъ отдѣленій царскаго Мутаторія, такъ что патріархъ провожалъ царя или только до моленной или до Мутаторія ¹⁾.

стояло распятіе. Ср. II, 38, 636. Точно такъ же, какъ въ св. Софій, цари уходятъ διὰ τοῦ ἑνδον τοῦ βήματος κοκλίου изъ храма Всѣхъ Святыхъ въ εὐκτήριον царицы св. Теофаніи. II. 7. 537. О значеніи κοκλίν, равносильномъ апсидѣ или экседрѣ, выходящей за стѣну храма и заключавшей въ себѣ сѣдалища священнослужителей, можно заключать также изъ словъ Анонима, приведенныхъ Дюканжемъ въ Constantinop. Christ. p. 30: ἀναδύων τε εἰσπορεύεσθαι ἐν τῷ ἱλῶματι (чит. εἰλήματι) τῷ καλουμένῳ κοκλίῳ, ὅπερ ἐστὶν ὑποκάτω τῶν βαθμιδῶν, τοῦτο ἅγια ἁγίων προσηγόρευεν. Ср. Banduri, Imperium Orientale, pars III, p. 64 В. Относительно значенія слова ἱλῶμα и его правильнаго написанія ср. мой Обзоръ главныхъ частей Большаго Дворца, стр. 133, прим. 2.

¹⁾ Молебными (εὐκτήριον, capella), которыхъ было много во Дворцахъ (см. мой Обзоръ главныхъ частей Большаго Дворца, Byzantina, 1 кн., стр. 30, 53 и 97) и храмахъ, назывались небольшія помѣщенія или отдѣленія храмовъ или домовъ, въ которыхъ устраивалась маленькая церковь съ алтаремъ въ честь какого-нибудь святаго или пресвятой Богородицы. И здѣсь подъ евктиріемъ, по всей вѣроятности, разумѣется такая же маленькая церковь, примыкавшая къ юговосточному углу храма св. Софій. Но точно указать ея мѣсто, за уничтоженіемъ бывшихъ здѣсь обширныхъ пристроекъ, для меня, по крайней мѣрѣ, трудно. Эту моленную, повидимому, описываетъ нашъ паломникъ Антоній Новгородскій, который, сказавъ, что находилось въ алтарѣ на правой, южной сторонѣ, говоритъ: въ притворѣ же за великимъ алтаремъ вчинены въ стѣнѣ гроба Господня верхняя доска и посохъ желѣзень туже и свердлы и пилы, ими же чиненъ крестъ Господень; и уже желѣзно во дверехъ Петровы темницы; и древо, иже на шій у Христа подъ желѣзомъ было, тоже вчинено въ икону крестомъ (Путешествіе Новгородскаго Архіепископа Антонія въ Цареградъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями Павла Саввайтова, Спб. 1872, стр. 90). По словамъ Константина Багрянороднаго (Сerim. I. 1, 16) въ этой моленной былъ честной крестъ, ἐν ᾧ πάντα τὰ σύμβολα τοῦ πάθους τοῦ Κυρίου ἐμφέρονται, т. е. крестъ, въ которомъ находились, въ который вставлены были символы (т. е. орудія) страстей Христовыхъ. А что здѣсь описываются пристройки съ правой стороны св. Софій, это видно какъ изъ прямаго замѣчанія Антонія, такъ и изъ того, что послѣ перечисленія означенныхъ святынь, Антоній, идя, очевидно, по тому же притвору съ востока къ западу, видѣлъ «туже» св. Кладезъ, Ерихонскія трубы, находившіяся въ св. Кладезѣ, и Крестильню (βαπτιστήριον), а всѣ эти помѣщенія, какъ мы увидимъ, были, несомнѣнно, на южной сторонѣ, въ южной пристройкѣ (притворѣ). За алтаремъ св. Софій былъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, храмъ св. Николая, который также называется εὐκτήριον,

За молельнею, къ юговосточному углу св. Софiи примыкалъ, вѣроятно, царскiй Мутаторiй (μυτατόριον, μετατόριον, metatorium, μετατόριον, mutatorium). Въ пользу помѣщенiя Мутаторiя направо отъ алтаря говорятъ какъ обряды Константина Багрянороднаго, по которымъ, какъ мы увидимъ, царь изъ своего Мутаторiя выходитъ прямо въ св. Кладезъ, не переходя церкви, а св. Кладезъ примыкалъ къ св. Софiи съ правой или южной стороны, противъ южныхъ дверей храма, такъ и прямое свидѣтельство Павла Силенціарiя, который говоритъ, что южная сторона храма устроена такъ же, какъ и сѣверная, но на южной сторонѣ находится отдѣленное стѣною мѣсто, гдѣ царь слушаетъ чтенiе священныхъ книгъ¹⁾. Съ этимъ совершенно согласно извѣстiе Кедрина относительно Льва Мудраго: когда патріархъ, за незаконную женитьбу на Зоѣ Карвонопсинѣ, запретилъ Льву входъ въ храмъ, то онъ проходилъ въ Мутаторiй прямо чрезъ правую (отъ входныхъ западныхъ дверей) часть храма²⁾,

но онъ ли здѣсь разумѣется или какая нибудь другая капелла, сказать трудно, точно такъ же какъ трудно сказать, гдѣ собственно находилась эта молельня, въ предѣлахъ ли храма, или только примыкала къ нему, подобно храмамъ ап. Петра и св. Николая.

¹⁾ Pauli Silent. descriptio s. Sophiae, ст. 580:

Δήεις καὶ νοτίην βορεώτιδι πᾶσαν ὁμοίην
μυκαδανὴν αἰθουσάν, ἔχει δέ τι καὶ πλέον ἥδε·
ταίχει γάρ τιτι χώρον ἀποκρινθέντα φυλάσσει
Αὐσονίων βασιλῆϊ θεοστέπτοις ἐν εὐρταῖς.
ἐνθαδ' ἐρὸς σκηπτούχου ἐφήμερος ἡθαδὶ θώκῳ
μυστοπόλοις βιβλοισιν ἐὺν ἐπέτασεν ἀκούην.

Здѣсь Павелъ Силенціарiй разумѣеть, очевидно, не только то мѣсто, гдѣ царь собственно молился, но и вообще весь Мутаторiй, въ которомъ было нѣсколько отдѣлений, имѣвшихъ особыя назначенiя. Всѣ эти помѣщенiя были, по словамъ Павла Силенціарiя, отдѣлены стѣною, такъ что царь не видимъ былъ для стоящихъ въ храмѣ и церковнослужителей.

²⁾ По словамъ Кедрина (Histor. Comp. II, 265 Bonn. (р. Theoph. Contin. p. 370 Bonn.), Левъ, незаконно повѣнчанный съ Зоею священникомъ Θωμοю, короновалъ ее въ царицы (августы). «Велѣдствiе этого патріарха (Николай Мистикъ) запрещалъ царю входить въ храмъ (εἰς τὴν ἐκκλησίαν), благодаря чему царь проходилъ въ Мутаторiй чрезъ правую сторону». Патрикiй Самона, паракимомень, «убѣдилъ царя заставить патріарха насильно принимать царя въ храмъ». Царь пригласилъ патріарха къ себѣ и просилъ его ласково объ этомъ, но когда тотъ не послушался, царь приказалъ отправить его въ ссылку въ монастырь. Изъ этого извѣстiя Кедрина видно, что Николай воспретилъ царю входъ въ храмъ, не только въ алтарь, и не хотѣлъ встрѣчать его при входѣ въ храмъ, какъ это обыкновенно бывало, какъ мы увидимъ, въ праздничные выходы. Левъ, такимъ образомъ, входилъ въ свой Мутаторiй, вѣроятно, прямо чрезъ св. Кладезъ, не заходя въ храмъ собственно, или проходилъ въ храмъ по крытымъ переходамъ, ведущимъ отъ Триконха чрезъ храмъ Господа и Магнавру къ юговосточному углу храма св. Софiи, гдѣ находился царскiй Мутаторiй. У Симеона Магистра сказано, что послѣ запрещенiя входить въ храмъ, Левъ ἤρχετο ἀπο δεξιῶν μέρους μέχρι τοῦ Μυτατορείου (Sym. Mag., ed. Bonn. 708; почти тоже у Георг. Монаха, ibid. 865). Предполагать, что Левъ ходилъ чрезъ правую сторону храма потому нельзя, что Льву запрещенъ былъ входъ не въ алтарь только, но и въ храмъ, такъ какъ Левъ VI былъ въ извѣстной степени отлученъ отъ церкви: вмѣстѣ съ запрещенiемъ входить въ храмъ онъ лишенъ былъ права на приобщенiе св. Таинъ (ὁ πατριάρχης Νικόλαος

т. е., вѣроятно, чрезъ св. Кладезъ или крытый ходъ изъ Дворца въ св. Софію. Въ виду того, что царь въ Мутаторіи нѣсколько разъ во время литургіи облачался и переоблачался, Мутаторій, безъ сомнѣнія, былъ закрытъ со всѣхъ сторонъ, такъ какъ переоблаченіе могло происходить только въ помѣщеніи, закрытомъ со всѣхъ сторонъ. Помѣщеніе это было, по всей вѣроятности, довольно велико, такъ какъ царь здѣсь не только завтракалъ послѣ причастія св. Таинъ съ нѣкоторыми изъ высшихъ чиновъ, но принималъ поздравленія чиновъ послѣ коронаціи, а для ввода чиновъ и помѣщенія ихъ требовалось не мало мѣста ¹⁾. Въ послѣдніе вѣка Византійскаго царства, когда цари жили во Влахернскомъ Дворцѣ, цари пріѣзжали иногда въ св. Софію съ вечера и ночевали въ Мутаторіи ²⁾.

Если принять во вниманіе все это, то необходимо признать, что въ Мутаторіи было нѣсколько отдѣленій. Кромѣ вышеназванной молельни, которая, впрочемъ, быть можетъ, и не входила въ составъ Мутаторіи собственно, хотя и въ ней царь могъ стоять и молиться во время богослуженія, въ составъ царскаго Мутаторія, безъ сомнѣнія, входилъ, прежде всего, мутаторій собственно, т. е. комната для облаченій и переоблаченій царя; а такъ какъ царь обыкновенно облачался и переоблачался, какъ мы видѣли (см. выше, стр. 51, прим. 3), въ покояхъ (*κοιτῶνες*), то этотъ мутаторій могъ служить и покоемъ (*κοιτών*), т. е. мѣстомъ отдохновенія для царя. Потомъ въ храмѣ св. Софіи, по всей вѣроятности, былъ отдѣльный параклиптикъ (*τὸ παρακλιτικόν*), въ которомъ царь стоялъ или сидѣлъ во время богослуженія, если въ качествѣ параклиптика не служило одно изъ вышеназванныхъ помѣщеній. Наконецъ, особое и притомъ очень большое помѣщеніе, состоявшее, по всей вѣроятности, изъ нѣсколькихъ отдѣленій, нужно было для царскихъ завтраковъ и пріемовъ чиновъ. Въ одномъ изъ отдѣленій этого помѣщенія (триклина) стояли, вѣроятно, тѣло-

καὶ οἱ μητροπολίται ἀφορίζουσι τῆς ἐκκλησίας, сказано въ *ὁπόθεν* къ соборному постановленію о возсоединеніи Церкви, Zachariae a Lingenthal, *Jus Graeco-Romanum*, t. III, 227). Притомъ, если бы царь, не смотря на запрещеніе патріарха, входилъ въ храмъ безъ обычной встрѣчи со стороны патріарха, то Льву пришлось бы каждый разъ своимъ входомъ напоминать всѣмъ собравшимся въ храмъ о своемъ незаконномъ поступкѣ и скандализировать публику.

¹⁾ Завтракалъ царь въ Мутаторіи св. Софіи во всѣ Господніе праздники, въ которые царь слушалъ здѣсь литургію и пріобщался св. Таинъ. Относительно пріема поздравленій въ коронацію, прямо послѣ коронованія, см. I, 38, 193.

²⁾ *Ανοnym.*, *Antiquit. Constantinop.* lib. IV, у *Banduri*, *Imperium Orientale*, pars III, p. 67, *καὶ Μετατόριον, ὃν ἐκεῖσε ἀνήγαγε κοίτωνα φραῖον διάχρυσον, ἔνθα... ἐκεῖσε καθεύδου.* *Ανοnym.* приписываетъ Юстиніану такую цѣль постройки Мутаторія, безъ сомнѣнія, съ точки зрѣнія своего времени, такъ какъ Юстиніану не было необходимости ночевать и спать въ св. Софіи, въ виду близости Большаго Дворца.

хранители и чины кузуклія, находившіеся при царѣ въ Мутаторіи во время богослуженія ¹⁾).

Въ пользу такого предположенія говоритъ, кромѣ вышеназванныхъ дѣйствій царя въ Мутаторіи, и то обстоятельство, что и въ другихъ храмахъ, куда ходилъ или ѣздилъ царь на богомолье, упоминаются подобныя же отдѣльныя помѣщенія. Такъ, въ храмѣ св. Сергія и Вакха упоминаются: молеельня (εὐκτήριον), паракиптикъ ²⁾, гдѣ царь стоялъ во время литургіи, мутаторій и триклинь (I, 12, 88).

Паракиптикъ (т. е. мѣсто, гдѣ царь стоялъ или сидѣлъ невидимо для

¹⁾ Хотя Reiske совершенно неправильно думаетъ, что mutatorium simpliciter sic dictum erat in Cyclo seu minore concha Apsidis et australi, atque id sacerdotibus proprium; aliud metatorium Imperatori aut et proceribus proprium supra Narthecem, тѣмъ не менѣе онъ правильно предполагаетъ въ Мутаторіи вообще три помѣщенія, по крайней мѣрѣ: а) triclinium, in quo Imperator convivabatur, б) metatorium, ubi Imperatores vacabant... aut sacrorum librorum lectioni aures dabant, 3) coeton, ubi probabile est, Imperatorem vestitum et paratum fuisse aut etiam cubasse, si quando in ecclesia pernoctaret (Commentarius, p. 111). Въ обрядахъ Придворнаго Устава слово Мутаторій пишется обыкновенно Μητατόριον, каковое написаніе было извѣстно Дюканжу на ряду съ позднѣйшимъ написаніемъ Μητατόριον, вышедшимъ, очевидно, изъ Μητατόριον. Дюканжъ производитъ эти слова отъ Μητάτον Metatum, Mansio, Domus и понимаетъ Μητατόριον въ смыслѣ діаконика (Gloss. Gr. I. 919 и Constant. Christ., lib. III, p. 49). на основаніи одного мѣста изъ Euchol., гдѣ сказано, что патріархъ κατέρχεται ἐν τῷ Μετατόριῳ ἡγῶν τῷ Διακονικῷ. Очень возможно, что въ позднѣйшее время эти помѣщенія, какъ смежныя, смѣшивались и были оба въ распоряженіи патріарха, но во время написанія обрядовъ Придворнаго Устава Μητατόριον никогда не называется діаконикомъ и имѣетъ специальное назначеніе, хотя, конечно, во все остальное время, кромѣ большихъ выходовъ, помѣщенія Мутаторія могли служить и для другихъ цѣлей, между прочимъ, и для такихъ, для которыхъ служилъ діаконикъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Въ виду того, что въ древнѣйшихъ обрядахъ, сохранившихся въ Придворномъ Уставѣ и принадлежащихъ современнику Юстиніана I, Петру Магистру, Μητατόριον позднѣйшихъ обрядовъ, находившійся въ красныхъ вратахъ, называется Μουτατόριον, Mutatorium, т. е. мѣсто для переодеванія (I, 91, 415; I, 92, 425), полагаю, что Μητατόριον представляетъ собою позднѣйшее видоизмѣненіе болѣе древняго Μουτατόριον, образовавшееся по аналогіи съ болѣе употребительнымъ и по значенію болѣе или менѣе подходящимъ μητάτον, μετάτον, лат. metatum, и называю Μητατόριον Придворнаго Устава Мутаторіемъ. Кстати замѣчу здѣсь, что въ первомъ изъ сейчасъ указанныхъ обрядовъ Петра Магистра, коронуемый царь, послѣ принесенія даровъ, изъ алтаря уходитъ εἰς τὸ παρατίκλιον, гдѣ слушаетъ Евангеліе, другими словами: Мутаторій возлѣ діаконика называется здѣсь παρατίκλιον. Это слово очень затрудняло Reiske, который, заявивши, что онъ не знаетъ значенія этого слова, высказываетъ, однакожъ, разныя гадательныя толкованія; онъ считаетъ возможнымъ понимать это слово въ смыслѣ paratorium или diaconicum, и предлагаетъ читать παρατίκλιον вмѣсто παρατρικλίσιον или παρακοκλίον. Мнѣ кажется, что значеніе этого слова Reiske понялъ близко къ истинѣ; оно, дѣйствительно, значитъ, по всей вѣроятности, paratorium въ смыслѣ mutatorium, но производитъ его лучше отъ латинскаго слова, а не греческаго: Παρατίκλιον = παρατίκλιον, а παρατίκλιον, по аналогіи съ другими подобными словами, можно произвести только отъ paraticulum, т. е. locus, ubi se parabant, id est vestes induebant, какъ объясняетъ Reiske paratorium (Comment. p. 428). Ср. cubiculum и κοῦβουκλείον, κοῦβούκλιον.

²⁾ Cerim. I, 12, 88 Лейхъ перевелъ τὸ παρακοπτικόν eminentior pars sacrarii, а I, 17, 103 capella. Reiske въ Comment. къ первому мѣсту (p. 195) говоритъ, что ἐν τῷ παρακοπτικῷ τοῦ θυσιαστηρίου значитъ in fenestra, qua in sacrificatorium despicit e Catechumenis.

публики, но самъ все видѣлъ и слышалъ, отъ *παράκλιτον*) и китонъ были при храмѣ св. Мокія (I, 17, 103). Во Влахернскомъ храмѣ царь, стоя въ молельнѣ, слушаетъ литургію, потомъ входитъ въ китонъ (I, 27, 152—153).

Въ храмѣ пресв. Богородицы Источника были: китонъ, мутаторій, триklinъ, въ которомъ царь завтракаетъ съ патріархомъ и чинами, и кромѣ того еще особое мѣсто, находясь въ которомъ царь слушаетъ литургію, т. е. параклиптикъ или, быть можетъ, евктирій (I, 18, 109 и 113).

Въ храмѣ св. Софіи этихъ помѣщеній было, во всякомъ случаѣ, не меньше, чѣмъ въ любой изъ означенныхъ церквей, и помѣщенія эти были, безъ сомнѣнія, больше, роскошнѣе и просторнѣе. Такъ какъ всѣ эти комнаты и покои были внизу, направо отъ алтаря, а здѣсь, въ предѣлахъ храма, свободного мѣста, кромѣ діаконика ¹⁾, не было, то необходимо предположить, что почти всѣ эти помѣщенія находились внѣ стѣнъ храма, въ пристройкѣ съ южной стороны, на востокъ отъ св. Кладезя до угла (юговосточнаго) св. Софіи. Въ стѣнахъ храма, быть можетъ, находилось только помѣщеніе, въ которомъ царь слушалъ литургію. Да и это помѣщеніе (параклиптикъ) было, безъ сомнѣнія, отдѣлено отъ остальнаго діаконика стѣною. Близъ него могъ помѣщаться и Мутаторій собственно, въ который царь входитъ по выходѣ изъ евктирія для снятія хламиды, безъ которой онъ стоялъ во время службы. Что касается до триклина или

Nam παράκλιτον est prospicere. Est igitur παρακλιτικόν prospectorium; въ примѣчаніи ко второму мѣсту Reiske одобряетъ переводъ παρακλιτικόν посредствомъ capella и говорить, ссылаясь на приведенное сейчасъ объясненіе: Quamvis enim proprie fenestram, unde prospici et despici queat, significet, procul dubio tamen ibi capella, oratorium erat, in quo Imperator divino cultui vacaret. Хотя объясненіе Reiske первоначальнаго значенія слова παρακλιτικόν вполне вѣрно, а переноснаго близко къ истинѣ, тѣмъ не менѣе необходимо замѣтить, что переводить τὸ παρακλιτικόν посредствомъ лат. capella едва-ли возможно. Capella, oratorium скорѣе соотвѣтствуютъ εὐκτήριον, какъ обыкновенно и передается это слово въ латинскомъ переводѣ Придворнаго Устава, а τὸ εὐκτήριον вовсе не тождественно съ τὸ παρακλιτικόν, какъ ясно видно изъ упоминаній того и другаго почти рядомъ. Такъ, въ I, 12, 88 царь, поднявшись въ катихуменіи храма свв. Сергія и Вакха, молится сначала Ἐν τῷ εὐκτῆρίῳ пресв. Богородицы, а потомъ уходитъ и становится «Ἐν τῷ παρακλιτικῷ, въ которомъ онъ обыкновенно стоитъ въ каждый богомольный выходъ сюда и слушаетъ литургію». Евктиріями назывались въ храмахъ придѣльные алтари или престолы, помѣщавшіеся въ какой нибудь части храма, вверху и внизу, но не рядомъ съ главнымъ алтаремъ, а параклиптиками—особыя помѣщенія, стоя въ которыхъ можно видѣть и слышать богослуженіе, но быть въ то же время невидимымъ для другихъ. Въ нихъ, безъ сомнѣнія, стояли иконы, предъ которыми царь молится и возжигаетъ свѣчи (I, 12, 88), и только въ такомъ смыслѣ они могутъ быть названы капеллами или ораторіями, а не въ смыслѣ εὐκτήρια, въ которыхъ также иногда царь стоялъ во время литургіи, напр. I, 27, 151.

¹⁾ Подъ діаконикомъ я разумѣю не правую экседру восточной конхи, а пространство направо отъ нея до юговосточной стѣны храма (см. выше, стр. 119 и 120).

залы, въ которой царь завтракалъ, то она, несомнѣнно, находилась за стѣною; потому что, какъ мы увидимъ, царь, послѣ завтрака, изъ Триклина входилъ прямо въ св. Кладезъ, не заходя въ храмъ и не проходя въ св. Кладезъ изъ храма чрезъ южныя двери храма, чрезъ которыя онъ входилъ въ извѣстные дни въ храмъ. Царь такимъ образомъ изъ Триклина, находившагося у юговосточнаго угла св. Софіи, шелъ на западъ, къ южнымъ вратамъ храма, къ которымъ примыкалъ св. Кладезъ. Кромѣ означенныхъ входовъ и выходовъ въ Мутаторій, въ него можно было войти чрезъ южный корабль храма и чрезъ южную нишу (правый клиросъ), не заходя въ алтарь ¹⁾. Чрезъ этотъ ходъ выходилъ въ извѣстныхъ случаяхъ царь въ храмъ во время литургіи, но не выходилъ чрезъ него изъ Мутаторія для выхода изъ храма, а шелъ, какъ было сейчасъ сказано, изъ Триклина прямо въ св. Кладезъ.

Св. Кладезъ, примыкая къ Триклину Мутаторія одной стороною и сообщаясь съ нимъ посредствомъ двери, представлялъ собою родъ нарѣзка или паперти предъ южными вратами св. Софіи. Потому, когда царь входилъ въ храмъ не чрезъ западныя красныя врата св. Софіи, онъ входилъ обыкновенно чрезъ св. Кладезъ, а изъ него чрезъ южныя врата въ храмъ. Это бывало въ Великую Субботу и въ тѣ праздники, въ которые цари изъ св. Софіи шли съ крестнымъ ходомъ въ другой храмъ. Чрезъ св. Кладезъ же собственно проходили цари ²⁾, на возвратномъ пути изъ храма св. Софіи въ Большой Дворецъ въ большіе праздники, такъ какъ цари шли на возвратномъ пути обыкновенно чрезъ Хитъ Халки, а этотъ ходъ приводилъ къ св. Кладезю. Къ св. Кладезю примыкалъ портикъ, въ которомъ происходилъ первый пріемъ димовъ на возвратномъ пути и послѣдній на пути въ св. Софію чрезъ южныя врата. Изъ св. Кладезя можно было посредствомъ витой лѣстницы подняться въ верхній этажъ праваго корабля, катихуменіи, какъ поднимаются цари въ обрядѣ хиротоніи патріарха Теофилакта (II, 38, 636). Кромѣ самаго храма и Триклина Мутаторія, св. Кладезъ сообщался посредствомъ особыхъ переходовъ съ пристройками за восточной стѣной св. Софіи; этими переходами проходитъ царь въ св. Кладезъ въ Великую Субботу изъ ризницы св. Софіи. Эти

¹⁾ Въ этомъ случаѣ нужно было, на пути въ Мутаторій, проходить чрезъ діаконикъ, т. е. пространство направо отъ восточной конхи, а сюда можно было пройти прямо не только изъ алтаря, но и изъ южнаго корабля и съ сеи чрезъ боковую южную экседру.

²⁾ Изъ Триклина царскаго Мутаторія вела въ св. Кладезъ малая дверь, на порогѣ которой въ большіе праздничные выходы царь останавливался съ патріархомъ и раздавалъ «благодѣянія» церковнослужителямъ св. Софіи и нищимъ, стоявшимъ въ св. Кладезѣ предъ этою дверью (I, 35, 183 и 184. Ср. I, 1, 18; I, 9, 68; I, 23, 135).

переходы называются узкими переходами св. Николая (διὰ τοῦ ὁπισθεν τοῦ βήματος στενοῦ διαβατικοῦ τοῦ ἁγίου Νικολάου I, 35, 183 и 184) ¹⁾.

Въ св. Кладезѣ въ особой нишѣ, закрывавшейся завѣсою, патріархъ надѣвалъ на царя вѣнецъ, послѣ чего царь прощался съ патріархомъ и выходилъ въ портикъ св. Кладезя.

Названіе этой пристройки по однимъ извѣстіямъ произошло отъ того, что здѣсь была картина, изображавшая І. Христа съ самарянкою у колодца, а по другимъ оттого, что здѣсь надъ водоемомъ находились перенесенные сюда изъ Самаріи остатки этого самага колодца. Очень возможно, что здѣсь находилось и то и другое. Во всякомъ случаѣ, отверстіе св. Кладезя здѣсь было, потому что когда царь входилъ въ св. Софію чрезъ св. Кладезъ, онъ здѣсь совершалъ троекратное поклоненіе со свѣчами въ рукахъ предъ св. Кладеземъ (I, 1, 27) и прикладывался къ нему.

Русскіе паломники видѣли этотъ Самарійскій Кладезъ въ числѣ другихъ наиболѣе замѣчательныхъ святынь св. Софіи: одни, болѣе ранніе (Антоній Новгородскій), въ томъ именно притворѣ, въ которомъ онъ былъ во времена составленія Придворнаго Устава, а другіе, болѣе поздніе, по видимому, въ алтарѣ, куда, быть можетъ, онъ перенесенъ былъ послѣ Латинскаго плѣна ²⁾.

Всѣ эти пристройки съ южной и восточной стороны св. Софіи были, по всей вѣроятности, очень обширны и помѣстительны, такъ какъ во второмъ этажѣ ихъ, съ которымъ нижній этажъ сообщался нѣсколькими лѣстницами, находились также Мутаторіи царскій и патріаршій и Патріаршія Палаты, комнаты для самага патріарха и ближайшихъ къ нему духовныхъ чиновъ и служителей, а равно и залы для собраній и засѣданій духовныхъ чиновъ. Здѣсь же, вѣроятно, были помѣщенія для нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, главныхъ учрежденій и отраслей духовнаго

¹⁾ Эти переходы св. Николая названы такъ оттого, что къ нимъ примыкалъ или близъ нихъ находился небольшой храмъ (моельня εὐκτήριον) съ престоломъ въ честь св. Николая. Объ этомъ храмѣ св. Николая и переходахъ за алтаремъ св. Софіи будетъ рѣчь ниже.

²⁾ О св. Кладезѣ (τὸ ἅγιον Φρέαρ) см. Du Cange, Const. Christ. lib. III, p. 46, гдѣ приведены свидѣтельства о причинахъ названія этого мѣста св. Кладеземъ. Кладезъ Самарійскій видѣлъ нашъ паломникъ Антоній Новгородскій и притомъ именно на правой, т. е. южной сторонѣ (а не на сѣверной, какъ думаетъ проф. Кондаковъ, Византійск. Церкви, стр. 116). У Ановимнаго паломника, изданнаго Л. Н. Майковымъ, также сказано: «ту есть направо въ придѣлѣ столбецъ, на коемъ сидѣлъ Христосъ съ самарянынею бесѣдуя» (стр. 13). Изъ словъ нашихъ путешественниковъ XIV и XV вв. можно заключать, если показанія ихъ точны, что въ то время этотъ столбецъ находился уже въ самомъ алтарѣ. Такъ, діакъ Александръ, посѣтившій Константинополь между 1391—1395 гг., прямо говоритъ: въ олтарѣ есть камень, на немъ же сидѣлъ есть Спасъ, бесѣдуя съ женою самарянынею при кладези Іаковли (Архим. Леонида, I. с., стр. 14). Тоже говоритъ іеродиаконъ Зосима, бывшій въ Константинополѣ въ 1420. году (ibid.).

управленія. Указанія Придворнаго Устава Константина Багрянороднаго не оставляютъ никакого сомнѣнія, что *Патріаршія Палаты примыкали къ катихуменіямъ правой или южной стороны и стояли съ ними въ непосредственной связи*. Эти указанія подтверждаются свидѣтельствами какъ греческихъ писателей, такъ и случайными замѣтками русскихъ паломниковъ ¹⁾.

Такъ, въ Праздникъ Православія, т. е. въ воскресенье первой недѣли Великаго Поста, царь изъ Дворца по переходамъ Магнавры доходитъ до юговосточной части храма и, поднявшись по деревянной лѣстницѣ (διὰ τῆς ξυλίνης σκάλας), входитъ въ катихуменіи правой стороны и въ прилежащемъ къ катихуменіямъ верхнемъ Мутаторіи, который былъ, вѣроятно, надъ нижнимъ Мутаторіемъ ²⁾, переодевается, а когда наступитъ время выхода для встрѣчи крестнаго хода, царь выходитъ въ Большую Палату патріаршаго секрета (т. е. въ большую залу собраній и засѣданій духовнаго синклита), гдѣ его привѣтствуютъ всѣ чины синклита съ патрикіями во главѣ (I, 28, 157). Въ Крестовоздвиженіе (14 сентября) царь, прибывши въ храмъ св. Софїи такимъ же точно образомъ, какъ въ Недѣлю Православія, въ катихуменіи, садится и дожидается патріарха на правой сторонѣ ихъ (ἐν τοῖς δεξιοῖς μέρεσιν), т. е., вѣроятно, въ Мутаторіи, а съ прибытіемъ патріарха, выходитъ вмѣстѣ съ нимъ въ „Малый

¹⁾ Дюканжъ въ Constantin. Christiana, lib. II. p. 113—114 (Venet.) описываетъ Патріаршія Палаты (τὸ Πατριαρχεῖον, τὸ ἱερὸν ἀνάκτορον или τὸ Ἐπισκοπεῖον) и приводитъ извѣстія о нихъ и частяхъ ихъ, которыя находятся у греческихъ писателей; но, не зная точныхъ и ясныхъ указаній Придворнаго Устава Константина Багрянороднаго, Дюканжъ не говоритъ опредѣленно о положеніи Патріаршихъ Палатъ относительно храма св. Софїи, ограничиваясь неопредѣленнымъ: haud procul a Magna Ecclesia. Нѣкоторыя залы или триклины этихъ Палатъ, такъ называемыя *секрета*, принимая ихъ за *tribunalia* или *iudicia*, Дюканжъ разсматриваетъ совершенно отдѣльно отъ Патріаршихъ Палатъ, въ числѣ другихъ гражданскихъ и военныхъ трибуналовъ и судебныхъ мѣстъ, хотя нѣкоторыя изъ этихъ патріаршихъ *секретъ* были, какъ мы увидимъ, несомнѣнно, въ Патріаршихъ Палатахъ и примыкали непосредственно къ катихуменіямъ (ibid., p. 126—127).

Скарлатъ Византій въ своемъ описаніи Патріаршихъ Палатъ, которыя онъ называетъ *ὁ οἶκος τοῦ Πατριάρχου* и помѣщаетъ, какъ и Дюканжъ, *πλησίον τῆς Ἀγίας Σοφίας*, повторяетъ только то, что сказано и приведено у Дюканжа. Указанія Устава Константина Багрянороднаго для Скарлата Византія остались незамѣченными или непонятными. (Н Константинопόλις, Ἀθήνησιν, 1851, Τόμος Α', σελ. 517—519).

²⁾ Оба Мутаторія соединялись витой лѣстницею, по которой цари и поднимаются изъ нижняго Мутаторія въ верхній въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго поста (διὰ τοῦ ἐκείσε (т. е. въ нижнемъ Мутаторіи), τοῦ μητρωρίου κοιλίου). II, 10, 548. По ней же, вѣроятно, поднимаются чины кувуклія изъ нижняго Мутаторія, гдѣ стоялъ царь, въ верхній, гдѣ находилась царица, для ввода къ царицѣ придворныхъ дамъ во время литургіи въ первый день Пасхи (I, 9, 67), а по окончаніи этого ввода опять спускаются въ нижній Мутаторій (ibid., 68). Объ этомъ приѣмѣ будетъ сказано ниже подробнѣе, при изложеніи особенностей выхода въ Пасху. О выходахъ въ Недѣлю Православія, Крестовоздвиженія и понедѣльникъ первой недѣли Великаго Поста будетъ рѣчь въ концѣ этого очерка.

Секретъ“, т. е. въ Малую Палату собраній, гдѣ находилось Честное Древо (ἐνθα πρόκεινται τὰ τίμια ξύλα), прикладывался къ нему, послѣ чего, когда начинали пѣть: „Слава въ вышнихъ Богу“, патріархъ бралъ Честное Древо и выходилъ съ духовенствомъ и царемъ въ Великій Секретъ, т. е. въ вышеупомянутую Большую Палату, гдѣ царя привѣтствовали всѣ чины синклита и присоединялись къ процессіи (I, 22, 125—126).

Въ Недѣлю Православія, царь, встрѣтивъ крестный ходъ и войдя съ патріархомъ въ алтарь, выходитъ оттуда боковымъ ходомъ и, пройдя за алтарь, поднимается по витой лѣстницѣ, находившейся за алтаремъ (διὰ τοῦ κοιλίου τοῦ ὀπισθεν τῆς κόγχης ἀνελθών) ¹⁾ въ катихуменіи, а оттуда въ свой верхній Мутаторій, гдѣ слушаетъ Евангеліе и ектенію, а потомъ переходитъ въ Мутаторій патріарха (εἰς τὸ μηταώριον τοῦ πατριάρχου), гдѣ и дожидается конца литургіи, по окончаніи которой къ нему приходитъ патріархъ и приглашаетъ его къ себѣ на завтракъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ чиновъ синклита. По окончаніи завтрака, при патріархѣ Теофилактѣ, сынѣ Романа Лакапина, въ той части Патріаршихъ Палатъ, гдѣ находился евктирій (молельня или домовая церковь) св. Теофилакта, подавался десертъ (τὸ δούλιον). I, 28, 160.

Изъ словъ атрикина Филоея видно, что обѣдъ или завтракъ, въ которомъ, кромѣ чиновъ царскаго синклита, участвовало высшее духовенство (митрополиты, архіепископы, епископы и пр.), происходилъ въ вышеупомянутой Большой патріаршей Палатѣ (ἐν τῷ λαμπροτάτῳ καὶ μεγάλῳ πατριαρχικῷ σεκρέτῳ, Cerim, II, 52, 761—762) ²⁾. Какъ эта Большая Палата, такъ и Малая (τὸ μικρὸν σεκρέτον, въ которой полагалось Честное Древо), упоминаются, кромѣ того, въ извѣстіяхъ объ иконоборческомъ патріархѣ Никитѣ, который въ обѣихъ этихъ палатахъ, равно какъ и во всѣхъ Патріаршихъ Палатахъ, велѣлъ соскоблить мозаичныя и рисованныя иконы Спасителя и святыхъ ³⁾.

¹⁾ Эта витая лѣстница (ὁ κοιλίας) находилась, по всей вѣроятности, въ пристройкахъ съ восточной стороны храма, около переходовъ св. Николая. Очень возможно, что царь изъ алтаря выходитъ чрезъ ту же боковую дверь, чрезъ которую онъ выходитъ въ Великую Субботу, или соотвѣтствующую ей направо отъ алтаря, т. е. собственно изъ діаконика въ пристройки съ восточной стороны храма.

²⁾ Въ этомъ же μεγάλῳ σεκρέтῳ происходилъ обѣдъ во вторникъ Масляницы, когда архіепископъ Константинополя приглашалъ царя вмѣстѣ съ его синклитомъ въ святыя великія Патріаршія Палаты (ἐν τῷ εὐαγεῖ Μεγάλῳ Πατριαρχίῳ). II, 52, 760. Во время этого обѣда читалось особымъ чтецомъ поученіе о постѣ.

³⁾ Извѣстія эти находятся въ Хронографіи Теофана (р. 443 ed. Boor) и Краткой Исторіи патріарха Никифора. Извѣстіе этого послѣдняго замѣчательно тѣмъ, что въ немъ дается понятіе о томъ, что называлось секретами (σεκρέτον) и какое было ихъ назначеніе. Такъ какъ это понятіе совершенно согласно съ тѣмъ, что можно извлечь о значеніи σεκρέτον изъ Придворнаго Устава Константина Багрянороднаго, и опровергаетъ представленіе Дюканжа

Кромѣ этихъ палатъ, назначавшихся, подобно троннымъ заламъ Дворца, для большихъ и малыхъ собраній духовнаго синклита или секретета, въ пристройкахъ къ храму св. Софіи были помѣщенія для разныхъ отраслей обширнаго патріаршаго управленія и церковнаго хозяй-

о секретета, какъ исключительно судебныхъ мѣстахъ (*tribunalia*), то считаю не лишнимъ привести здѣсь это мѣсто, тѣмъ болѣе, что оно затрудняло самого Дюканжа и онъ, высказавъ разные предположенія, заявляетъ, что *dubium relinquitur, cui potissimum usui addicta fuerint eiusmodi secreta*. *Mainus et Minus*, хотя все-таки склоняется къ тому, что ихъ нужно принимать *pro aedibus, in quibus lites agitantur* (*Du Cange, Constantin. Christ. lib. II, p. 127*). Вотъ это мѣсто: τὰς δὲ ἐν τοῖς ἐκείσε ἰδρυμένοις τῶν προσδῶν οἴκοις, οὗς Ῥωμαῖοι σέκρετα καλοῦσι, τὸ τε μικρὸν δόμημα καὶ τὸ μέγα, τοῦ Σωτῆρος καὶ τῶν ἁγίων οὖσας διὰ ψηφιδῶν χρυσῶν καὶ κηροῦ τοῦ ὅλης εἰκονογραφίας ἀπέξευεν. (*Nicéphori Opuscula Histor. ed. Carol. de Boor, p. 76*). Изъ этого мѣста видно, что секретета назывались τῶν προσδῶν οἴκοι, т. е. мѣста собраній чиновъ, такъ какъ ἡ πρόδος = προέλευσις, а προέλευσις въ Уставѣ Константина Багрянороднаго постоянно употребляется въ смыслѣ собранія чиновъ. Потому и дворцовыя палаты, въ которыхъ собирались обыкновенно чины, называются τρίκλινοι: τῆς προελεύσεως; въ нихъ «входитъ собраніе» (ἡ προέλευσις εἰσέρχεται) и т. п. Хотя собственно πρόδος, προέλευσις = processus или processio, πρόκενος процессія, торжественный выходъ или ходъ (о значеніи этихъ словъ см. *Reiske, Comment. ad Cerim. p. 9 сл.*: ср. выше въ этой книгѣ, стр. 13 и 23), но потомъ эти слова стали означать собраніе вообще и даже персоналъ и совокупность чиновъ, составляющихъ собраніе. Точно также и секрететон имѣетъ разные значенія. На языкѣ римско-византийскомъ, secreta vocabant loca, ut ait Casaubon. ad Vopiscum, ubi de negotiis pro ratione muneris quisque sui tractaturi conveniebant (*Reiske, ibid., p. 37*), т. е. по нашему, присутственныя мѣста, канцеляріи управленій, департаменты, приказы, въ которыхъ собирались завѣдующіе, главноуправляющіе, секретари и чины, входящіе въ составъ извѣстнаго вѣдомства. Въ зданіяхъ или частяхъ зданій, занятыхъ такими управленіями, кромѣ помѣщеній для писцовъ и секретарей, канцелярій собственно, бывали и большія залы для совѣщательныхъ собраній всѣхъ чиновъ извѣстнаго вѣдомства. Къ числу такихъ именно залъ, назначавшихся для собраній многочисленныхъ духовныхъ чиновъ, принадлежатъ, очевидно, и занимающіе насъ секреты въ Патріаршихъ Палатахъ, Большой и Малой. Это были залы для собраній торжественныхъ или дѣловыхъ духовныхъ чиновъ, составляющихъ высшее духовное управленіе, подъ предсѣдательствомъ патріарха или его замѣстителя. Отъ мѣста собраній чиновъ въ «секретахъ» и самые чины эти, собиравшіеся въ секрететахъ, называются «секретами», и въ Придворномъ Уставѣ Константина Багрянороднаго высшее духовенство и вообще весь духовный чинъ, состоявшій при патріархѣ и, при его торжественныхъ приглашеніяхъ во Дворецъ, составлявшій его свиту, называется обыкновенно «секретомъ» патріарха и соотвѣтствуетъ синклиту царя, который также называется иногда «секретомъ». У каждаго главноуправляющаго также былъ свой «секретъ» въ томъ и другомъ смыслѣ, т. е. и въ смыслѣ присутственнаго мѣста, и въ смыслѣ собранія чиновъ, свиты. А такъ какъ свиту царицы составляли придворныя и чиновныя дамы, то онѣ, когда собираются для выходовъ и церемоній, составляютъ собраніе и называются «секретомъ дамъ» (σέκρετον τῶν γυναικῶν). Въ обрядѣ коронаціи царицы мы читаемъ: ἀνέρχονται οἱ πατρίκιοι καὶ οἱ λοιποὶ τοῦ σεκρέτου (= τῆς συγκλήτου), ...εἰσέρχονται οἱ ἐπίσκοποι καὶ ὁ κλήρος τοῦ σεκρέτου τοῦ πατριάρχου καὶ ἵστανται ὀπισθεν τοῦ βασιλικῦ σεκρέτου (I, 41, 207, 208) ...εἰσέρχεται ὁ πατριάρχης καὶ οἱ ἐπίσκοποι καὶ τὸ σέκρετον τοῦ πατριάρχου (ibid., 209); послѣ коронаціи для поздравленія сначала вводится чины синклита, а потомъ εἰσέρχεται τὸ σέκρετον τῶν γυναικῶν (I, 40, 203). Ср. I, 41, 213; I, 43, 218, 221; I, 44, 226, 228; I, 45, 229, 230; I, 46, 233; I, 47, 238; I, 48, 247—249; I, 50, 258; I, 51, 262; II, 21, 616 (εἰσέρχεται ὁ πατριάρχης ἐν τῇ Παλατίῳ μετὰ τοῦ σεκρέτου αὐτοῦ καὶ μητροπολιτῶν καὶ ἀρχιεπισκόπων καὶ ἐν τῇ Χρυσотρικλίνῳ ποιεῖ εὐχὴν παρόντος καὶ τοῦ σεκρέτου αὐτοῦ). Въ этомъ же обрядѣ мы находимъ σέκρετον τῶν συγκλητικῶν (собраніе чиновъ синклита) и τὸ σέκρετον τῶν γυναικῶν (ibid., p. 616 и 618). Полагая, что выше-

ства, во главѣ которыхъ стояли духовные сановники, имѣвшіе свои присутственныя мѣста или секреты, какъ они назывались тогда. Такъ, между прочимъ, упоминаются секреты великаго эконома, великаго скевофилака, великаго хартофилака, великаго сакелларія, протекдика и др.

Всѣ эти и другіе секреты, учрежденія и управленія помѣщались въ нижнемъ и верхнемъ этажахъ примыкавшихъ къ храму св. Софїи построекъ, изъ которыхъ, кромѣ царскаго Мутаторія, упоминаются, какъ особыя, болѣе или менѣе самостоятельныя зданія, палаты или триклины: Θομαίτης (Θωμάϊτης), Θетталъ (ὁ Θέτταλος) и построенный при Мануилѣ Комнинѣ патриархомъ Михаиломъ триклинь Михаелицъ. Изъ нихъ Θομαίτης выходилъ своимъ фасадомъ на Августеонъ. Въ нижнемъ этажѣ помѣщалась между прочимъ патриаршая библіотека, въ которой хранилось много драгоценныхъ рукописей, въ томъ числѣ сочиненія Іоанна Златоуста, сгорѣвшія во время пожара при Иринѣ и Константинѣ ¹⁾.

приведенныхъ и указанныхъ мѣстъ достаточно для того, чтобы видѣть, что секретами назывались не исключительно судилища, а присутственныя мѣста вообще и собранія чиновъ, я не стану распространяться объ особыхъ значеніяхъ слова *секретов* и *ὁ секретικός*. Отлагая разсмотрѣніе этого до другого, болѣе удобнаго времени и мѣста, я закончу эту замѣтку о патриаршихъ «секретахъ» указаніемъ на обрядъ выбора синкелла II, 5, 531, гдѣ *секретов* употребляется и въ значеніи собранія и въ значеніи мѣста собранія. Такъ какъ это мѣсто представляетъ прекрасную иллюстрацію вышеприведеннаго извѣстія Никифора, то я считаю необходимымъ привести это въ переводѣ: «нужно знать, что въ большихъ собраніяхъ (*προελεύσεσιν* = *προόδοις*) синкеллы садятся не на малыя скамьи, а сидятъ на особыхъ сѣдалищахъ, т. е. въ собраніяхъ (подъ предѣдательствомъ) патриарха (*ἐν τοῖς τοῦ πατριάρχου σεκρέτοις*), а не въ присутствіи царя... Когда же митрополиты входятъ въ дверь залы собраній (*εἰς τὴν πύλην τοῦ σεκρέτου*), синкеллы встаютъ... Когда митрополиты и архіепископы войдутъ, по приглашенію патриарха садятся синкеллы и вошедшіе митрополиты; патриархъ заводитъ рѣчь о какихъ нибудь церковныхъ вопросахъ... (По окончаніи совѣщанія), по приглашенію патриарха всѣ встаютъ и выходятъ».

¹⁾ Извѣстія объ этихъ триклинахъ, входившихъ въ составъ Патриаршихъ Палатъ, собраны у Дюканжа, Constantin. Christiana, lib. II, p. 113. Не имѣя въ виду подробно описывать Патриаршія Палаты и желая только показать, что онѣ непосредственно примыкали къ храму св. Софїи съ южной (и восточной) стороны, я не считаю нужнымъ останавливаться на всѣхъ этихъ извѣстіяхъ, ограничиваясь только тѣми, которыя говорятъ въ пользу смежности и непосредственной близости Патриаршихъ Палатъ къ храму св. Софїи. Сюда принадлежитъ одно мѣсто изъ коронаціоннаго обряда у Кодина, de offic. сар. XVII, p. 88 (Bonn.), гдѣ говорится, что послѣ прочтенія и подписи Символа Вѣры, коронуемый царь «поднимается (*ἀνέρχεται*) въ палату, называемую Θοмаитомъ и выходящую своимъ фасадомъ на площадь Августеонъ (*πρὸς τὸν Αὐγουστεῶνα ἀφορῶντα*), гдѣ стояла вся масса народа съ войскомъ...» Царя поднимали на щитѣ и показывали стоявшей внизу массѣ народа и войска. Затѣмъ, можно упомянуть извѣстіе Никиты, который говоритъ, что къ палатѣ Θοмаиту прилегалъ такъ называемый Андронъ (*ἀνδρῶν*) или Макронъ (*Μάκρων*), т. е. длинная зала или галерея, и выходила тоже на Августеонъ (*εἰς τὸν Αὐγουστεῶνα προεύθυντος*). Извѣстіе Пахимера о томъ, что изъ этой галереи показывали народу на щитѣ, во время коронаціи, Михаила, сына Андроника Старшаго, причемъ снята была рѣшетка (*περιαίρεθέντων τῶν τοῦ τρικλίνου Μάκρωνος ὀροφάκτων*), позволяетъ заключать, что къ Макрону прилежала открытая площадка, въ родѣ иліака, огороженнаго, по обыкновенію, рѣшеткою. Къ этимъ извѣстіямъ относительно Θοмаита можно присоединить еще

Во всякомъ случаѣ, все эти постройки и пристройки такъ тѣсно связаны были съ храмомъ св. Софїи, что, составляя продолженіе его, казались только частями этого огромнаго зданія. Потому наши паломники совершенно правы, когда они называютъ храмъ св. Софїи такою церковью, въ которой „патріархъ живетъ“ ¹⁾. Живя со своимъ синклитомъ въ храмѣ или, точнѣе, при храмѣ, патріархъ естественно пользовался бывшими около храма цистернами, водоемами и водопроводами для своихъ хозяйственныхъ цѣлей. По словамъ нашего паломника, „овощъ патріарховъ всякій, дыни, яблоки и груши держатъ въ кладези повержено ужищемъ въ кошницы. И когда ясти патріарху и тогда вымаютъ е студено. Также и царь ясть“ ²⁾.

одно мѣсто изъ Придворнаго Устава Константина Багрянороднаго. Здѣсь въ обрядѣ производства патрікии зосты (I. 50. 260) сказано, что, послѣ молитвы патріарха надъ знаками отличія зосты, ее «беруть кувикюларіи и силенціаріи и отводятъ (*ἀναφέρουσιν*) въ Мутаторій въ Θομαντѣ», изъ чего можно заключить, что верхній Мутаторій находился въ Θομανтѣ, изъ котораго патрікиа зоста по переходамъ Магнавры уходитъ въ эту палату. Въ Θομανтѣ же, по всей вѣроятности, были занимающіе насъ «секреты», какъ можно заключить изъ извѣстія о засѣданіяхъ, происходившихъ въ Θομανтѣ подъ предсѣдательствомъ патріарха (Leunclavii, Jus Graecoromanum. Frankf. 1596. I. 216. Мѣсто это приведено у Паспати, *Ἀνάκτορα*, 79, прим. 3). Въ этихъ пристройкахъ, составлявшихъ Патріаршія Палаты, кромѣ разныхъ другихъ залъ и комнатъ, были Мутаторіи: царскій и патріаршій, подъ которыми внизу былъ еще царскій Мутаторій, состоявшій изъ нѣсколькихъ отдѣленій, такъ сказать, главный Мутаторій, въ которомъ царь пребываетъ во время литургіи въ большіе Господніе праздники. Кромѣ этихъ мутаторіевъ, мутаторіемъ называется ниша, въ которой царь снималъ за завѣсою корону, когда входилъ въ храмъ чрезъ западныя красныя врата, и надѣвалъ, когда выходилъ чрезъ нихъ изъ храма св. Софїи. Подобный же мутаторій, служившій для такихъ же цѣлей, былъ, какъ мы видѣли, и въ св. Кладезѣ. Въ виду того, что мутаторіевъ въ св. Софїи было нѣсколько и каждый изъ нихъ имѣлъ свое опредѣленное назначеніе, необходимо различать и опредѣлять, какой Мутаторій разумѣется, когда въ извѣстіяхъ средневѣковыхъ греческихъ писателей идетъ рѣчь о какомъ нибудь Мутаторіи храма св. Софїи. Смѣшеніе ихъ можетъ повести къ большимъ недоразумѣніямъ и путаницѣ, которыя не позволяютъ ясно представлять себѣ описываемое дѣйствіе или событіе, что дѣйствительно и случилось съ Шлumbergerомъ при описаніи входа императора Никифора Фоки въ храмъ св. Софїи для коронованія (Un Empereur Byzantin. Paris, 1890, p. 306), какъ мы увидимъ ниже, при описаніи входа царя въ храмъ св. Софїи въ большіе Господніе праздники, въ началѣ слѣдующей главы.

¹⁾ Такъ, іеродіаконъ Зосима прямо говоритъ: «первое поклонихомся святой великой церкви Софїи. *иногда патріархъ живетъ*» (Сахаровъ, Сказанія русскаго народа, т. II, кн. 8, стр. 60; ср. Леониды, Обзорѣніе Цареградецкихъ памятниковъ, стр. 14).

²⁾ О колодцахъ св. Софїи говоритъ Антоній Новгородскій (изд. Саввантова, стр. 16) и Стефанъ Новгородскій (Сахаровъ, Сказ. русск. народа, т. II, кн. 8, стр. 52). Антоній говоритъ и о храненіи въ нихъ плодовъ и прибавляетъ, что и «на полатахъ (т. е. во второмъ этажѣ, въ Патріаршихъ Палатахъ и катихуменіяхъ), были кладези и оградъ патріарховъ и церкви мнози... И баня патріархова на полатахъ, воды же по трубамъ возведены, а другая дождевая». Подъ «оградомъ», вѣроятно, нужно разумѣть какія-нибудь оранжереи или теплицы, представлявшія собою нѣчто въ родѣ зимняго сада и находившіяся или примыкавшія къ Патріаршимъ Палатамъ. Во всякомъ случаѣ, онѣ были во второмъ этажѣ, на «полатахъ», по выраженію Антонія Новгородскаго. Г. Паспати, на основаніи этого свидѣтельства, къ своимъ Патріаршимъ Палатамъ прибавляетъ еще особый садъ.

Не смотря на то, что эта смежность жилища патріарха съ храмомъ св. Софіи совершенно очевидна, подтверждается какъ указаніями Придворнаго Устава, такъ и свидѣтельствами другихъ писателей, не смотря на то, что соборными постановленіями епископамъ предписывается жить при каѳедральныхъ храмахъ, П а с п а т и, который не только знаетъ, но и приводитъ большую часть вышеуказанныхъ мѣстъ, все-таки помѣщаетъ Патріархатъ (τὸ Πατριαρχεῖον или τὰ ἱερὰ ἀνάκτορα) между Ипподромомъ и Дворцомъ, довольно далеко отъ св. Софіи, такъ что для царя и патріарха нужно было, по плану П а с п а т и, чтобы попасть изъ катихуменій въ Патріархатъ, не только совсѣмъ выйти изъ храма, но и перейти почти всю площадь Августеонъ, которая у П а с п а т и помѣщена между Ипподромомъ и Дворцомъ. Между тѣмъ вышеприведенные обряды ясно говорятъ, что царь изъ катихуменій прямо переходитъ въ Мутаторій и Патріаршія Палаты и наоборотъ. Если бы царь и патріархъ переходили въ этомъ случаѣ чрезъ площадь и выходили совсѣмъ изъ храма, то навѣрно это было бы замѣчено въ обрядахъ ¹⁾).

Если, такимъ образомъ, къ правой сторонѣ катихуменій примыкали Патріаршія Палаты, царскій и патріаршій Мутаторій, то мы должны а ргіогі признать сомнительнымъ общепринятое мнѣніе, что всѣ катихуменіи вообще, т. е. не только сѣверная и западная верхнія галлерей, находившіяся надъ сѣвернымъ кораблемъ и нарѣикомъ, но и вся южная галлерей, находившаяся надъ правымъ или южнымъ кораблемъ, были назначены для помѣщенія женщинъ во время богослуженія, входили въ составъ гинэконита въ храмѣ св. Софіи ²⁾. Уже само по себѣ невѣроятно,

¹⁾ О Патріаршихъ Палатахъ (τὸ Πατριαρχεῖον) и его частяхъ г. П а с п а т и трактуетъ въ 'Ανάκτορα, 79—84. Антоній Новгородскій, на котораго ссылается г. П а с п а т и по поводу сада, извѣстенъ ему изъ книги графа Riant'a, *Exuviae Sacrae Constantinopolitanae, Genevae, 1877—78, 2 voll.* О соборномъ постановленіи относительно мѣста пребыванія епископовъ см. Дю кан жа, *Constantin. Christ. lib. II, p. 113*, гдѣ Дю кан жъ ссылается на XIV гл. IV Карѳагенскаго собора. По плану г. П а с п а т и, Патріаршія Палаты отстояли отъ ближайшаго угла св. Софіи около 50 сажень. Конечно, это недалекое разстояніе, но, принимая во вниманіе все вышеизложенное и всѣ вышеприведенныя свидѣтельства, необходимо признать, что Патріаршія Палаты непосредственно примыкали къ храму св. Софіи съ южной, а быть можетъ, и съ восточной его стороны, и были, слѣдовательно, еще въ гораздо большей связи съ каѳолическимъ православнымъ храмомъ, чѣмъ Ватиканскій папскій дворецъ съ храмомъ св. Петра въ Римѣ. Относительно смежности Патріаршихъ Палатъ съ храмомъ св. Софіи всего ближе къ истинѣ подходитъ Л а б а р т ь, который помѣщаетъ триklinъ Θομαйтъ, входившій въ составъ Патріаршихъ Палатъ (ср. выше. стр. 137), рядомъ съ юговосточнымъ квадратомъ, примыкающимъ къ алтарной конхѣ, слѣдовательно, тамъ, гдѣ, по моему мнѣнію, былъ царскій Мутаторій съ его отдѣленіями (L a b a r t e, *Palais*, p. 30; ср. приложенную къ Обзору главныхъ частей Большаго Дворца копію съ плана Л а б а р т а, подъ № 1. Л а б а р т у относительно Θοмаита слѣдуетъ У н г е р ь (*Griechische Kunst*, s. 405, въ Энциклоп. Эрша и Грубера, 1 серія, т. 84).

²⁾ Хотя верхнія галлерей въ двухъэтажныхъ храмахъ вообще и спеціально въ храмѣ св. Софіи называются гинэконитомъ и назначались вообще для женщинъ, какъ видно изъ

чтобы южныя катихуменіи, восточною частью тѣсно примыкавшія къ мутаторіямъ и Патріаршимъ Палатамъ, могли во время богослуженія всѣ заниматься женщинами, какъ могли ими безпрепятственно заниматься сѣверная и западная галлерей. Если въ правой галлерей (по крайней мѣрѣ въ большіе праздники) и бывали женщины, то развѣ только тѣ, которыя приходили въ храмъ св. Софіи съ царицею, когда эта послѣдняя дѣлала выходы въ храмъ св. Софіи, окруженная своимъ „дамскимъ секретомъ“, какъ царь приходилъ въ храмъ сопровождаемый и окружаемый своимъ чиновнымъ „секретомъ“ или синклитомъ. Какъ мы видѣли, въ верхнемъ этажѣ надъ царскимъ Мутаторіемъ былъ другой Мутаторій, прилежавшій къ катихуменіямъ, и здѣсь пребывала и принимала знатныхъ дамъ царица во время Пасхальной литургіи ¹⁾. Другія женщины, простыя

586—589. 389 и 395—7 ст. Descriptionis S. Sophiae Павла Силенціарія, приведенныхъ частію у Дюканжа въ Constantin. Christ. lib. III, p. 22. тѣмъ не менѣе позволительно сомнѣваться, что правая или южная галлерей вся была всегда мѣстомъ пребыванія женщинъ вообще. Какъ ближайшая и тѣсная связь этой галлерей съ патріархатомъ, такъ и хожденіе здѣсь царей съ синклитомъ въ извѣстные праздники, какъ мы увидимъ ниже, позволяютъ думать, что эта галлерей, если и была мѣстомъ стоянія женщинъ, то далеко не всегда и не вся. Точно также и въ другихъ большихъ храмахъ, въ которыхъ царь съ синклитомъ во время богослуженія находился въ катихуменіяхъ южной стороны, а иногда и западной, катихуменіи, по крайней мѣрѣ въ эти дни, не могли быть заняты женщинами.

¹⁾ О мѣстѣ царскаго и патріаршаго Мутаторія см. выше, стр. 128 и слѣд.; 133 и слѣд. О приѣмѣ царицею въ катихуменіяхъ чиновныхъ дамъ будетъ рѣчь ниже.

Антоній Новгородскій говоритъ, что «въ недѣльный день ставается патріархъ на утрени и на обѣднѣ, и въ господскіе праздники: и тогда благословляетъ пѣвцовъ съ полатъ, они же, оставльше пѣніе, понихронію (*πολιχρόνιον*) ключють» (Савваитовъ, стр. 93). Издатель и толкователь этого путешествія въ прим. 48, стр. 85 говоритъ, что *полатями* нашъ паломникъ называетъ верхнія галлерей, устроенныя на южной, западной и сѣверной сторонахъ храма. Каждая галлерей, по его словамъ, состояла изъ нѣсколькихъ отдѣленій: въ одномъ изъ нихъ становился патріархъ, когда не служилъ самъ; другое занимали царственныя особы и сама императрица, въ третьемъ, именно въ томъ, въ которомъ былъ ходъ изъ сосудохранительницы, стояли діакоиссы Великой Церкви; въ остальныхъ (въ какихъ?) занимали мѣста прочія лица женскаго пола». Г. Савваитовъ ссылается при этомъ на Дюканжа, Constantin. Christ. lib. III, p. 32 и 35 и на Византія. *Κωνσταντινὸς πόλεις*, I, σελ. 477—479. О мѣстѣ стоянія діакоиссъ въ одномъ изъ отдѣленій верхнихъ галлерей г. Савваитовъ, очевидно, взялъ изъ Византія, у котораго есть нижеприведенная ссылка на 35 гл. I кн. Придворнаго Устава Константина Багрянороднаго, но въ этой ссылкѣ названъ женскій нарекъ, въ которомъ стояли діакоиссы, а не верхняя галлерей, и ходъ изъ Сосудохранительницы былъ въ «женскій нарекъ», а не въ верхнюю галлерей. Почтенный толкователь, очевидно, не обратилъ вниманія на эту интересную ссылку, довольствуясь тѣмъ, что приведено у Византія. Если бы онъ потрудился посмотрѣть 35 гл. самъ, то едва ли онъ помѣтилъ бы мѣсто стоянія діакоиссъ, женскій нарекъ, въ верхнія галлерей, такъ какъ изъ обряда Константина Багрянороднаго ясно видно, что нарекъ былъ внизу, а не вверху: такъ, въ женскій нарекъ царь входитъ изъ Ризницы и выходитъ потомъ чрезъ лѣвую восточную дверь храма въ діаватики св. Николая, не поднимаясь и не спускаясь по лѣстницамъ, что непременно было бы упомянуто, если бы царю для прохожденія чрезъ мѣсто стоянія діакоиссъ нужно было подниматься во второй этажъ.

смертныя, едва ли имѣли доступъ въ правыя катихуменіи; да и надобности особенной въ этомъ помѣщеніи для нихъ не было. Кромѣ сѣверной и западной верхней галлерей, которыя обѣ представляли собою дѣйствительно помѣщеніе для женщинъ, женщины могли стоять и, безъ сомнѣнія, стояли въ *нижнемъ сѣверномъ кораблѣ*, который называется также гинэконитомъ и къ которому примыкалъ сѣверный, специально назначенный для входа женщинъ, *женскій нарѣикъ*. Въ этомъ нарѣикѣ стояли діакониссы, завѣдывавшія женскими отдѣленіями храма, а въ восточномъ концѣ его къ нему, повидимому, примыкала Ризница (*Σκευοφυλάκιον*), которая помѣщалась, вѣроятно, въ лѣвомъ сѣверо-восточномъ квадратѣ или, какъ нѣкоторые думаютъ, въ кругломъ зданіи, стоящемъ у сѣверо-восточнаго угла и принимаемомъ обыкновенно за Крестильницу.

Въ пользу такого именно значенія и назначенія сѣвернаго корабля и помѣщенія Ризницы или Сосудохранильницы храма св. Софіи на сѣверо-восточной сторонѣ его говорятъ какъ Обряды Константина Багрянороднаго, такъ и свидѣтельства другихъ греческихъ и негреческихъ писателей, писавшихъ о храмѣ св. Софіи. Непонятныя и упущенныя потому изъ вида свидѣтельства и замѣчанія писателей при свѣтѣ указаній Придворнаго Устава получаютъ другое освѣщеніе и становятся болѣе ясными и понятными.

Дѣло въ томъ, что по обряду Великой Субботы, царь, послѣ омовенія св. престола св. Софіи и облаченія его, уходилъ изъ алтаря чрезъ лѣвую сторону въ Сосудохранильницу (*Σκευοφυλάκιον*), кадилъ тамъ св. сосуды и другіе священные предметы, хранившіеся тамъ, получалъ отъ патріарха нарѣ и, выйдя изъ Сосудохранильницы, шелъ чрезъ женскій нарѣикъ, въ которомъ обыкновенно стояли діакониссы Великой Церкви, а оттуда чрезъ лѣвую восточную дверь выходилъ въ узкій переходъ (діаватикъ) св. Николая, находившійся сзади алтаря, и чрезъ него, обойдя сзади алтарь, проходилъ, вмѣстѣ съ патріархомъ и свитою, къ южной двери храма, выводившей къ св. Кладезю. Здѣсь мы имѣемъ ясное и точное указаніе на то, что изъ алтаря въ Сосудохранильницу царь идетъ налѣво, т. е. на сѣверъ, и возвращается чрезъ женскій нарѣикъ, т. е. сѣверный ¹⁾. Такое значеніе и назначеніе сѣверной стороны

¹⁾ Cerim. I, 35, 182: Послѣ кажденія вокругъ св. престола царь ἐξέρχεται διὰ τοῦ ἀριστεροῦ μέρους τῆς πλαγίας, καὶ ἀπέρχεται εἰς τὸ Σκευοφυλάκιον... Послѣ раздачи нарда, ἀνίσταται ὁ βασιλεὺς καὶ ἐξελθὼν ἀπὸ τοῦ Σκευοφυλακίου διέρχεται διὰ τοῦ γυναικίτου νάρθηκος, ἐν ᾧ καὶ τὴν συνήθη στάσιν κέκτηνται αἱ τῆς αὐτῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας διακόνισσαι, καὶ ἐξέρχεται διὰ τῆς ἀριστερᾶς πόλης τοῦ βήματος καὶ ἐπιδίδωσιν αὐτῷ ὁ πατριάρχης εὐλογίας. Καὶ διελθόντες ἀμφότεροι διὰ τοῦ ὀπισθεν τοῦ βήματος στενοῦ διαβατικοῦ τοῦ ἀγίου Νικολάου ἀπέρχονται μέχρι τοῦ Ἀγίου Φρέατος. Ср. I, 1, 34: μετὰ τὸ τελειωθῆναι τὴν τοιαύτην διανομήν. ἐξέρχονται οἱ δεσπόται

храма св. Софiи подтверждается обрядомъ соединенiя церкви, когда совершался крестный ходъ въ храмъ св. Ирины, лежащiй на сѣверъ отъ св. Софiи. Царь и патрiархъ, возвращаясь оттуда и, дойдя до храма св. Софiи ближайшимъ путемъ, входятъ въ него чрезъ „женскую

μετὰ τοῦ πατριάρχου καὶ διὰ τοῦ ἀριστεροῦ μέρους τοῦ βήματος καὶ τοῦ ἁγίου Νικολάου διερχόμενοι ἐξέρχονται πρὸς τὴν μεγάλην πόλιν τὴν ἐξάγουσαν εἰς τὸ Ἅγιον φρέαρ. Названный здѣсь храмъ св. Николая, сколько мнѣ извѣстно, упоминается рѣдко. Такъ, онъ описывается въ Бесѣдѣ о святыняхъ и другихъ достопримѣчательностяхъ Цареграда, изданной академикомъ Л. Н. Майковымъ въ матеріалахъ и изслѣдованiяхъ по старинной русской литературѣ. Спб. 1890, стр. 16. Здѣсь сказано: Созади же олтари св. Софiи есть церкви св. Николая, тоя церковь создана на Дмитриевѣ дворѣ, гдѣ посадилъ святыи Никола Дмитрея в палаты его, вземъ из моря. Въ той же церкви напране есть икона святыи Спасъ; ту икону по-колелъ нѣкто жидовинъ по выше лѣвой брови и потече кровь изъ раны тоя. Весьма вѣроятно, что эту же икону разумѣтъ Стефанъ Новгородскiй, который говоритъ, что отъ мѣста, гдѣ лежали мощи патрiарха Арсенiя, *«по ити изъ церкви въ двери, ити промежъ стѣнъ со свѣщю»*, обходя аки кругомъ, стоитъ икона св. Спасъ вельми чуденъ и то зовется Елеонъ Гора» (Архим. Леонидъ. Обзорѣнiе цареградекихъ памятниковъ по русскимъ памятникамъ, Москва, 1870, стр. 11). Это мѣсто всего болѣе подходитъ къ τὸ στεγὸν διαβατικόν св. Николая и никакъ не можетъ быть отнесено къ внутренней галлерей за колоннами, т. е. къ сѣверному кораблю, какъ думаетъ архим. Леонидъ. Здѣсь было очень свѣтло, и въ свѣчахъ для прохода здѣсь не было никакой надобности. Храмъ св. Николая, который упоминается въ обрядѣ Великой Субботы, разумѣется, по всей вѣроятности, у Анны Комнины въ описанiи низверженiя Никифора Вотаниата и вступленiя на престолъ Алексѣя Комнина. Когда до Никифора дошло извѣстiе о возстанiи Алексѣя Комнина, мать этого послѣдняго съ другими дамами, принадлежавшими къ семейству Комниновъ, желая избѣжать мести Никифора, пошла въ храмъ св. Николая (τὸ τοῦ ἱεράρχου Νικολάου τέμενος), который издавна назывался Прибѣжищемъ (Προσφύγιον) и находился близъ Великой Церкви (св. Софiи), составляя какъ бы часть великаго храма (ὡς μέρος τοῦ ἁγίου τοῦ μεγάλου τέμενους). Ученая царица говоритъ, что онъ и построенъ былъ предками для того, чтобы преступники могли искать здѣсь спасенiя отъ наказанiй (κατασκευασθὲν τοῖς ἀρχαίοις, ἵνα πᾶς κτλ... Annae Comnenae Alexiadis, Lib. II, 5, p. 100, Bonn.). Дюканжъ въ Const. Christ. (lib. IV p. 89) считаетъ этотъ храмъ св. Николая за дворцовый храмъ, а въ примѣч. къ указанному мѣсту Алексiады говоритъ, что этотъ храмъ находился prope Magnam Ecclesiam, intra Magni Palatii septa, aut sane iuxta ipsum Palatium, и полагаетъ даже, что τοῖς ἀρχαίοις нужно измѣнить въ τοῖς ἀρχαίοις, ist enim ἀρχεῖον Palatium Nicetae, Cinnamo et aliis. Вышеприведенное мѣсто изъ обряда Великой Субботы показываетъ, что знаменитый византологъ напрасно предполагалъ ошибку въ текстѣ Алексiады: храмъ св. Николая находился не внутри дворцовыхъ стѣнъ, а за ними, возлѣ храма св. Софiи, составляя какъ бы его часть, какъ справедливо говоритъ Анна Комнина, но въ то же время онъ былъ очень близокъ къ Дворцу, какъ и храмъ св. Софiи. Съ этимъ послѣднимъ храмъ св. Николая былъ въ тѣсной связи, составлялъ, такъ сказать, пристройку къ нему и, отдѣляясь отъ него корридормъ, названнымъ по имени св. Николая, сообщался посредствомъ дверей, ведшихъ изъ алтаря св. Софiи въ этотъ корридоръ.—Но какая именно дверь разумѣется въ приведенномъ мѣстѣ изъ Придворнаго Устава подъ лѣвою дверью, чрезъ которую царь выходитъ изъ алтаря въ диаватики св. Николая, сказать трудно: для рѣшенiя этого вопроса необходимо тщательно осмотрѣть восточную стѣну св. Софiи и опредѣлить мѣсто задѣланныхъ дверей, ведшихъ въ пристройку съ восточной стороны. По словамъ Скарлати Византия (Κωνσταντινούπολις, I, 507), на восточной сторонѣ храма было четыре двери, изъ которыхъ двѣ теперь закрыты, одна отпирается только для султана, а одна служить для входа простыхъ смертныхъ. Дверь, чрезъ которую царь съ патрiархомъ выходилъ въ диаватики св. Николая, находилась, во всякомъ случаѣ, нѣлво отъ св. престола и алтаря собственно, потому что она прямо называется лѣвою дверью алтаря (ἀρι-

половину“ его, т. е. чрезъ женскій нарѣикъ, потому что этотъ нарѣикъ былъ на прямомъ пути отъ св. Ирины въ храмъ св. Софіи ¹⁾. Полагаю, что нѣтъ надобности доказывать, что въ обоихъ обрядахъ рѣчь идетъ о нижнемъ этажѣ, а не катихуменіяхъ, и что подъ „женскою половиною“ разумѣется сѣверная или лѣвая сторона нижняго этажа храма св. Софіи.

Но что разумѣется подъ женскимъ нарѣикомъ, сказать трудно: былъ ли онъ болѣе или менѣе похожъ на главный, западный нарѣикъ или представлялъ собою открытую галерею въ родѣ внѣшняго западнаго нарѣика, опредѣлить не берусь, такъ какъ мнѣ нигдѣ не приходилось встрѣчать описанія его ²⁾.

Никто изъ новѣйшихъ изслѣдователей храма св. Софіи, сколько мнѣ извѣстно, не говоритъ о помѣщеніяхъ, примыкающихъ къ храму св. Софіи съ сѣверной стороны и не описываетъ ихъ, быть можетъ, потому, что проникнуть въ нихъ и осмотрѣть изслѣдователямъ не удавалось, такъ

στερὰ πόλῃ τοῦ βήματος). Весьма вѣроятно, что осмотръ храма св. Софіи на мѣстѣ даже въ настоящемъ видѣ позволилъ бы точно указать эту дверь и вообще опредѣленіе представить себѣ шествіе царя изъ Ризницы чрезъ алтарь въ переходы св. Николая; возможно потому, что читатель, видѣвшій храмъ св. Софіи и знакомый съ топографіею сѣверо-восточнаго угла св. Софіи, гораздо яснѣе и нагляднѣе могъ бы описать выходъ царя изъ Ризницы. Мнѣ, къ сожалѣнію, еще не удалось быть въ Константинополѣ и осмотрѣть величайшее созданіе православнаго христіанскаго міра. Во всякомъ случаѣ, подъ βῆμα, когда говорится о лѣвой двери βήματος, нужно разумѣть всю восточную часть храма, а не алтарь въ тѣсномъ смыслѣ слова.

¹⁾ Cerim. I, 36, 186: καὶ τῆς ἐκκλησιαστικῆς πάσης τάξεως τελουμένης, ἐπαίρουσιν ἀπ' αὐτοῦ τοῦ ναοῦ τῆς ἁγίας Εἰρήνης τὴν λιτὴν καὶ ὑποστρέφουσιν εἰς τὸν ναὸν τῆς Ἁγίας Σοφίας λιταεύοντες καὶ εἰσέρχονται διὰ τοῦ γυναικίου μέρους τῆς αὐτῆς ἐκκλησίας καὶ τοῦ νάρθηκος, καὶ ἀποδιδόντες ἐκεῖσε τὴν τῆς λιτῆς ἀκολουθίαν, γίνεται ἡ εἴσοδος. Такъ какъ входъ (εἴσοδος) совершался, по всей вѣроятности, какъ всегда, чрезъ красныя врата и затѣмъ царскія, т. е. съ западной стороны, то необходимо заключать, что царь и патріархъ съ крестнымъ ходомъ входили въ женскій нарѣикъ (сѣверный) и этимъ нарѣикомъ, «женскою стороною» храма проходили во внѣшній западный нарѣикъ, а изъ него уже входили чрезъ западныя врата, dokonчивши сначала молитвы и пѣснопѣнія крестнаго хода. Храмъ св. Ирины, какъ извѣстно, сохраняется до нашихъ дней и обращенъ турками въ музей древностей.

²⁾ П а с п а т и въ Βυζαντιναὶ Μελέται, Κωνσταντίν., σελ. 340, полагаетъ, что подъ женскимъ нарѣикомъ разумѣется въ Субботнемъ обрядѣ сѣверный конецъ западнаго нарѣика, откуда былъ входъ наверхъ въ гиникей, т. е. верхнія галереи или катихуменіи. Съ этимъ предположеніемъ и объясненіемъ можно было бы согласиться, если бы было доказано, что Σκευοφυλάκιον, въ который ходилъ царь кадить утварь и находящіяся тамъ святыни, находился у западнаго конца храма св. Софіи, близъ этого сѣвернаго конца западнаго нарѣика, который имѣетъ въ виду П а с п а т и. Но такъ какъ Ризница или Сосудохранилище находилась близъ алтаря, въ сѣверо-восточномъ углу храма, то становится совершенно непонятнымъ и необъяснимымъ, зачѣмъ царь изъ Скевофилакія идетъ чрезъ женскій нарѣикъ, чтобы попасть въ алтарь. Для этого царю пришлось бы пройти чрезъ весь храмъ и, зайдя въ сѣверный или лѣвый конецъ нарѣика, опять возвращаться назадъ. Такой длинный путь и специальное хожденіе въ женскій нарѣикъ, неизвѣстно для чего, были бы навѣрно подробнѣе описаны и чѣмъ нибудь мотивированы. Никакихъ указаній въ обрядѣ на это мы не находимъ.

какъ турки допускаютъ далеко не во всеѣ постройки и пристройки, окружающія храмъ св. Софїи. Но судя по рисунку сѣверной стороны храма св. Софїи, сдѣланному Grelot'омъ, можно думать, что предъ сѣвернымъ кораблемъ существовала длинная, узкая пристройка въ родѣ паперти или нарѣнка, доходившая, повидимому, до втораго этажа и своею крышею примыкавшая къ окнамъ верхней сѣверной галлерей или сѣвернымъ катихуменіямъ ¹⁾).

Отводя подъ гинэконить лѣвую сторону или, точнѣе, лѣвый корабль храма св. Софїи, а не однѣ только верхнія галлерей, мы не сдѣлаемъ чего нибудь небывалаго; напротивъ, мы только констатируемъ для храма св. Софїи то, что было издавна въ христїанскихъ храмахъ, въ которыхъ издавна для женщинъ назначалась лѣвая сторона храма, а въ трехкорабельныхъ базиликахъ лѣвый корабль ²⁾. Помѣщать женщинъ въ верхнія

¹⁾ См. рисунки Grelot'a у Banduri въ Imperium Orientale, pars IV, p. 547. (Ср. у Скарлата Византія въ Κωνσταντινόπολις I, p. 309 ἡ βορειοδυτικὴ πρόσοψις τῆς Ἀγίας Σοφίας. На планѣ св. Софїи, сдѣланномъ Grelot'омъ и помѣщенномъ у Бандури (l. c. p. 543) вдоль сѣвернаго корабля св. Софїи тянется какая-то стѣна отъ западнаго нарѣнка до круглаго зданія на сѣверо-восточномъ углу св. Софїи. Конечно, безъ осмотра на мѣстѣ этой стороны храма св. Софїи трудно сказать что нибудь определенное о пристройкахъ съ этой стороны. Но такіе галлерей или нарѣнки были, повидимому, и въ другихъ древнихъ Византійскихъ храмахъ. «Въ большихъ храмахъ византійской архитектуры, говоритъ покойный проф. Мансветовъ, устраивались боковые придѣлы, чрезъ которые проходили въ нартексъ и дѣлали такимъ образомъ значительный обходъ. Уставъ Аѳанасія упоминаетъ объ этихъ предѣлахъ, а синодальный... говоритъ о такихъ проходныхъ придѣлахъ съ трехъ сторонъ церкви». («О пѣсенномъ послѣдованіи» въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. Отцевъ, т. 26. 1880, стр. 1004).

²⁾ Kraus, Realencyklop. d. christlichen Alterthümer, I, 124 (s. v. Basilica): «для мужчинъ назначался южный корабль, для женщинъ—сѣверный (Const. apost. II, 57; Cyrill. Hier. Procat. c. 8; Aug. de Civ. Dei, II, 28; Chrys. Hom. 74 in Matth.); средний корабль оставался свободнымъ... Такое раздѣленіе половъ предписывалось съ давнихъ временъ... Многое въ этомъ отношеніи зависѣло отъ мѣстныхъ воззрѣній и отношеній. На востокѣ отдѣленіе половъ мѣстами доходило до того, что женскій корабль закрывался отъ мужскаго завѣсами. За этими помѣщеніями, а равно за входами и выходами наблюдали остіаріи, діаконы и діакониссы (Constit. Apost. II, 57, 58)». Ср. въ той же книгѣ Kraus'a, I. 360 (s. v. Diakonissen). гдѣ сказано, что на обязанности діакониссъ лежало въ тѣхъ храмахъ, въ которыхъ были особые входы для женщинъ, наблюденіе за этими входами; другими словами, діакониссы у входовъ въ женскія отдѣленія храмовъ исполняли обязанности остіаріевъ. Въ храмѣ св. Софїи, какъ мы видѣли, былъ особый женскій нарѣкъ, чрезъ который женщины входили въ женское отдѣленіе храма, сѣверный нижній корабль, откуда онѣ поднимались по витымъ лѣстницамъ въ верхнія галлерей. Такое назначеніе сѣвернаго корабля храма св. Софїи, кромѣ вышеприведенныхъ мѣстъ изъ Придворнаго Устава, подтверждается прямымъ свидѣтельствомъ Прокопія Кесарійскаго, который, согласно съ вышеприведенными словами Kraus'a, говоритъ о назначеніи южнаго и сѣвернаго кораблей: *στοαὶ δὲ εἰς τὴν ἑκατέρωθεν οὐκ οἰκοδομίαν μὲν τοῦ νεῶς οὐδεμίαν διειργόμεναι, ἀλλὰ καὶ μείζον αὐτοῦ ποιοῦσαι τοῦ εὐρους τὸ μέτρον, καὶ τῇ μήκει μέχρι εἰς τὸ πέρας συνεξικνούμεναι, τὸ δὲ γε ὕψος καταδέεσθαι. καὶ αὐταῖς ἢ τε ὁροφῇ θόλος καὶ ὁ χρυσοῦς ἐγκαλλωπισμα. ταῦτα δὲ τῶν στοαῶν ἅτερα μὲν τοὺς ἄνδρας εὐχομένους διακεκλήρωται, γυναῖξί δὲ ταῦτο ποιοῦμεναις ἢ ἄλλῃ ἀνέσται. Что здѣсь рѣчь идетъ о нижнихъ корабляхъ, а не о верхнихъ галлерейхъ, это видно изъ слѣ-*

галлерей стало возможно только тогда, когда стали строиться двухэтажные храмы; да и то этот обычай явился не сразу, а полное удаление женщинъ изъ нижняго этажа въ двухэтажныхъ храмахъ, если когда-нибудь и было, то только развѣ въ позднѣйшее время. Въ эпоху созданія храма св. Софіи этого обычая, очевидно, еще не было; не было его и въ X в.; женщины въ св. Софіи стояли въ нижнемъ лѣвомъ кораблѣ, какъ стояли онѣ въ правой сторонѣ одноэтажныхъ храмовъ съ глубокой древности, когда церковные пастыри нашли нужнымъ отдѣлить въ храмахъ мужчинъ отъ женщинъ. Но возможность для женщинъ стоять внизу не мѣшала имъ занимать въ св. Софіи и верхнія галлерей, катихуменіи, по крайней мѣрѣ надъ лѣвымъ кораблемъ, а, быть можетъ, и надъ нарѣикомъ, т. е. стоять въ западной и сѣверной галлерей катихуменій ¹⁾).

Къ гинэкониту, какъ мы видѣли, примыкалъ особый женскій нарѣикъ, остатки котораго, быть можетъ, существуютъ и до сихъ поръ.

Гораздо труднѣе опредѣлить, что собственно разумѣется въ обрядѣ Великой Субботы подъ Сосудохранилищею (Σκευοφυλάκιον), въ которую царь ходилъ изъ алтаря въ Великую Субботу, послѣ переоблаченія св. престола: квадратъ ли въ сѣверо-восточномъ углу св. Софіи, который служилъ и назывался Ризницею (Σκευοφυλάκιον) или круглое зданіе, стоящее возлѣ этого угла, принимаемое одними за Большую Крестильницу, а другими также за Сосудохранилище, или, точнѣе, ея отдѣленіе. Изъ велико-субботняго обряда нельзя вывести никакого опредѣленнаго и не-

дующихъ словъ того же автора, въ которыхъ онъ описываетъ великолѣпіе верхнихъ галлерей (τῆς αὐτῶν ὑπερφῶν τῆς γυναικωνίτιδος ἐρρηγεὺς γένοιτο) и коллонады, окружавшихъ св. Софію (Procop. de aedific. I, 1, p. 178 ed. Bonn.).

¹⁾ Въ другихъ храмахъ сѣверная или лѣвая сторона (сѣверный нарѣикъ и корабль) нижняго этажа также называлась женскою и предназначалась, очевидно, по крайней мѣрѣ первоначально для женщинъ. Такъ, въ храмѣ пресв. Богородицы Халкопратійской царь, послѣ возложенія апокомвія въ главномъ алтарѣ, чрезъ *лѣвую* сторону его выходитъ въ гинэкиъ этого храма, гдѣ царя привѣтствуютъ чины синклита. Отсюда царь проходитъ въ смежную придѣльную церковь, а послѣ Евангелія выходитъ опять въ гинэкиъ (ὁ γυναικίτης) и, послѣ привѣтствія со стороны вышшихъ чиновъ, изъ гинэкиа выходитъ въ прилегающій къ нему портикъ (нарѣикъ?) и въ немъ садится на лошадь (I, 1, 31; ср. I, 30, 166). Точно также въ храмѣ св. Апостоловъ царь, послѣ поклоненія праху царей, выходитъ съ патріархомъ чрезъ лѣвую часть храма, т. е. гинэкиъ (διὰ τοῦ ἀριστεροῦ μέρου τοῦ ναοῦ ἡγουσ τοῦ γυναικίτου) и затѣмъ, раскланявшись съ патріархомъ, выходитъ чрезъ гинэкиъ въ нарѣикъ и лутиръ, откуда по лѣвой витой лѣстницѣ поднимается въ катихуменіи (I, 10, 77). Какъ выходъ изъ гинэкиа въ портикъ въ Халкопратіискѣмъ храмѣ, такъ и восхожденіе на катихуменіи изъ гинэконита въ храмъ св. Апостоловъ показываютъ ясно, что гинэкиомъ называется нижняя лѣвая сторона храма, а не верхнія галлерей. Точно также и въ храмѣ св. Софіи въ вышеприведенныхъ обрядахъ подъ женскою половиною храма и женскимъ нарѣикомъ разумѣются, очевидно, нижній сѣверный корабль и прилегающій къ нему нарѣикъ, а не верхнія галлерей, какъ полагаетъ г. Савваитовъ (см. выше, стр. 140, прим. 1).

сомнительнаго заключенія, такъ какъ вышеприведенное мѣсто обряда допускаетъ и то и другое толкованіе. Если мы предположимъ, что разумѣется Ризница или Сосудохранилище, помѣщавшаяся такъ же, какъ и въ другихъ храмахъ, въ сѣверномъ квадратѣ, палѣво отъ алтаря, то, значитъ, царь прямо изъ алтаря входилъ въ Ризницу, а послѣ раздачи парда патріархомъ шелъ не тѣмъ же путемъ, а выходилъ въ прилегавшій къ сѣверному квадрату женскій нарѣикъ, гдѣ стояли діакоиссы, а оттуда выходилъ въ діаватики св. Николая чрезъ дверь, находившуюся въ лѣвой сторонѣ алтарной или восточной стѣны. Если мы, напротивъ, за *Σκευοφυλάκιον* будемъ принимать круглое зданіе на сѣверо-восточномъ углу св. Софій, то выйдетъ, что царь возвращался почти тѣмъ же путемъ, какимъ пришелъ сюда изъ алтаря, т. е. чрезъ сѣверный квадратъ и женскій нарѣикъ, который на пути въ Ризницу почему-то не названъ, а названъ только при возвращеніи царя.

Обращаясь къ другимъ извѣстіямъ и случайнымъ упоминаніямъ занимающихъ насъ помѣщеній, мы находимъ прежде всего у Павла Силенціарія ¹⁾ извѣстіе, что въ сѣверной сторонѣ храма, противъ двухъ паръ столбовъ, поддерживающихъ верхнюю галерею, была дверь, ведущая въ Крестильницу, по мнѣнію нѣкоторыхъ, то самое круглое зданіе, которое и теперь стоитъ у сѣверо-восточнаго угла св. Софій, но, быть можетъ, и другое, котораго теперь уже нѣтъ. Въ пользу Крестильницы на сѣверной сторонѣ говоритъ и обрядъ крещенія патріархомъ въ Великую Субботу, когда патріархъ, предъ литургіею сходилъ съ синтрона и чрезъ Скевофилакій (Сосудохранилище) входилъ въ раздѣвальню Большой Крестильницы (*τὸ ἀπόδυτον τοῦ Μεγάλου Βαπτιστηρίου*) и переодевался здѣсь въ бѣлое облаченіе, послѣ чего уходилъ вмѣстѣ съ духовенствомъ къ чашѣ бассейна (*καὶ ἀπερχόμεθα ἐν τῇ κολυμβήθρᾳ, G o a r,*

¹⁾ Pauli Silent. Descriptio s. Sophiae. II. ст. 148:

ἐγγύθι δ' ἔστι πύλη βορεώτιδος ἐς κλίσιν αὔρης
λαὸν ἀπιδύονσα πρὸς ἀρχαῖα λόετρα,
ἀνδρομέου βίβλιον καθάριον...

(Ср. Du Cange. Constant. Christiana. lib. III. p. 48. На основаніи этого свидѣтельства Унгеръ (Энцикл. Эрша и Грубера, сер. I, т. 84, стр. 404) не считаетъ возможнымъ признать пристройку на юго-западномъ углу св. Софій за Крестильницу. Но, какъ мы видѣли, въ пользу существованія здѣсь Крестильницы говорятъ какъ Анонимъ—Бодинъ, такъ и Антоній Новгородскій (см. выше стр. 96, 127). Кромѣ того, подѣ упоминаемой въ Евхологій Малой Крестильницею, въ которой патріархъ крестилъ въ прочіе праздники, нужно, безъ сомнѣнія, разумѣть Крестильницу на юго-западномъ углу св. Софій, потому что послѣ Крещенія въ ней патріархъ мажетъ новокрещенныхъ муромъ не въ храмъ св. Петра, а въ раздѣвальнѣ этой малой Крестильницы (*τὸ Μικρὸν Βαπτιστήριον*), а потомъ дожидается царя, т. е. прибытія царя чрезъ Орологій и западныя врата, около которыхъ находилась эта Крестильница (Euchol., p. 292).

Euchol., ed. sec. p. 291). Послѣ крещенія патріархъ уходилъ въ храмъ св. Петра и здѣсь при пѣніи стиха: елицы во Христа... мазалъ новокрещенныхъ мѣромъ, а затѣмъ уходилъ опять въ храмъ св. Софіи для совершенія литургіи. Такъ какъ храмъ св. Петра ¹⁾, примыкавшій къ св. Софіи и упоминаемый въ обрядѣ крещенія, находился также около сѣверо-восточнаго угла св. Софіи, то и упоминаемая въ обрядѣ Крестильница можетъ быть съ топографической точки зрѣнія принята за то самое круглое зданіе, которое и теперь стоитъ у сѣверо-восточнаго угла св. Софіи. Храмъ св. Петра, по описанію Антонія Новгородскаго, примыкалъ къ тому мѣсту, которое подарено было вдовою Анною и на которомъ она была похоронена, а по словамъ К о д и н а, на этомъ мѣстѣ стояла не только вся Сосудохранилищница, но и храмъ св. Петра; потому, принимая во вниманіе, что Сосудохранилищница или Ризница помѣщалась въ лѣвомъ квадратѣ храма св. Софіи, можно, кажется, было бы допустить, что на сѣверной сторонѣ ея была Крестильница (круглое зданіе), а на востокъ къ ней примыкалъ храмъ св. Петра съ цѣпиями этого апостола и другими святынями, описанными Антоніемъ Новгородскимъ. При такомъ распредѣленіи Сосудохранилищницы, Крестильницы и храма св. Петра, по крайней мѣрѣ, легко можно было бы понять и объяснить себѣ всѣ

¹⁾ О храмѣ св. Петра около алтаря храма св. Софіи см. Du Cange, Constantin. Christiana, lib. IV, p. 79. Въ немъ находилась часть цѣпей св. Петра, другая часть которыхъ теперь находится въ Римѣ въ S. Pietro in vincoli. Въ день 16 января совершалось поклоненіе этимъ цѣпямъ, какъ значится въ Минологіи Василия, гдѣ къ этому дню имѣется рисунокъ, изображающій храмъ св. Петра съ цѣпиями его, положенными на століще или аналой (Menologium Basilii, ed. Albani, pars II, p. 111). Эти цѣпи видѣлъ незадолго до латинскаго завоеванія нашъ паломникъ, Антоній Новгородскій, описаніе котораго говоритъ въ пользу близости или даже смежности храма св. Петра съ Сосудохранилищею, которая и по обряду крещенія въ Великую Субботу была близка къ Крестильницѣ и храму св. Петра. Антоній Новгородскій говоритъ, что «внѣ дверей алтаря малаго (прόθρονον?) стоитъ крестъ, колико былъ Христосъ возвышенъ на землѣ (этотъ крестъ и по Анониму стоялъ въ Скевофолакии, Banduri, Imp. Orient., Pars III, p. 65 Venet). И за тѣмъ крестомъ лежитъ Анѣна, иже давала дворъ свой св. Софѣи, на немъ же и поставленъ малый олтарь и того ради положена бысть ту... И оттолѣ на той же странѣ церкви есть святаго апостола Петра... Туже висятъ Петровыхъ веригъ желѣзо вковано въ золотую икону». А по словамъ К о д и н а, прилагавшій къ Сосудохранилищницѣ храмъ св. Петра стоялъ такъ же, какъ и Сосудохранилищница, на мѣстѣ, принадлежавшемъ Аннѣ (ἔστι δὲ τόπος τῶν οἰκημάτων αὐτῆς τὸ Σκευοφυλάκιον ὅλον σὺν τῇ ναφ τοῦ ἁγίου Πέτρου, Cod. de S. Sophia, p. 133). Этой прибавки относительно храма св. Петра у Анонима (р. 58) нѣтъ; но въ виду свидѣтельства нашего паломника и обряда Крещенія въ Великую Субботу, близость храма св. Петра къ Ризницѣ и Крестильницѣ не подлежитъ сомнѣнію, потому и мнѣніе проф. Н. П. Кондакова (Византійскія церкви, стр. 114), что храмъ св. Петра находился на юв. отъ св. Софіи, по всѣмъ вышеприведеннымъ свидѣтельствамъ, нужно признать не совсемъ вѣрнымъ. Ср. Савваитова изд. Путешествія Антонія Новгор., стр. 70 слѣд., гдѣ г. Савваитовъ приводитъ выписки изъ Чет. Мин. 16 января и Синаксаря, въ которомъ храмъ св. Петра называется находящимся даже «внутри великія церкви» (ἐν τῇ ναφ τοῦ ἁγίου Πέτρου, τῷ ὄντι ἐνδὸν τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας).

извѣстныя упоминанія объ этихъ помѣщеніяхъ и косвенныя указанія на топографію ихъ.

Но, если вышеприведенныя указанія не мѣшаютъ круглое зданіе на сѣверо-восточной сторонѣ св. Софіи принимать за Крестильницу, упоминаемую Павломъ Силенціаріемъ, то, съ другой стороны, трудно понять, почему эта Крестильница называется Большою, а Крестильница съ юго-западной стороны — Малою. По масштабу Зальценберга слѣдовало бы назвать наоборотъ: сѣверо-восточную — Малою, а юго-западную — Большою, такъ какъ сѣверо-восточная въ діаметрѣ имѣетъ только (внутри стѣнъ) 5 сажень, а юго-западная 6 сажень слишкомъ, первая 37 прусскихъ футовъ, а вторая 42 фута безъ апсиды. А между тѣмъ, Большая Крестильница была такъ велика, что въ ней собирались соборы (Du Cange, Const. Christ., lib. III, p. 48), что едва ли могло происходить въ маленькомъ кругломъ зданіи въ 5 сажень, въ которомъ былъ еще въ срединѣ бассейнъ (κολυμβήθρα), если она была дѣйствительно Крестильницею.

Кромѣ того, если вѣрить Зальценбергу ¹⁾, это круглое зданіе и не могло быть Крестильницею: оконъ въ немъ не было, а были только ниши въ двухъ этажахъ, раздѣленныхъ поломъ. Зальценбергъ полагаетъ, что оно могло служить въ качествѣ сокровищницы, а не Крестильницы (Schatzhaus). Въ этомъ предположеніи, которое высказывалъ уже Grelot, нѣтъ ничего невѣроятнаго; напротивъ, весьма вѣроятно, что, рядомъ съ Ризницею, находившеюся въ предѣлахъ храма, сдѣлано было возлѣ него, но за его стѣнами особое, безопасное отъ огня, зданіе для храненія наиболѣе цѣнныхъ и дорогихъ предметовъ церковной утвари, которыхъ было очень много и которые представляли большую цѣнность въ металлѣ и камняхъ драгоценныхъ, не говоря уже объ ихъ художественной цѣнности и религіозной важности.

Если предположеніе Grelot и Зальценберга, которое считаютъ возможнымъ и Унгеръ съ Скарлатомъ Византіемъ ²⁾,

¹⁾ Baudenkmale v. Konstantinopol. S. 60—61.

²⁾ Grelot (у Banduri, Imperium Orientale. Pars IV, p. 544) круглое зданіе на сѣверо-восточномъ углу храма св. Софіи прямо называется Sacristie; къ этому заключенію Grelot приведенъ былъ, повидимому, сходствомъ этой постройки съ сакристіею св. Петра въ Римѣ. Скарлатъ Византій (Κωνσταντινούπολις, I, 506) называетъ постройку на сѣв.-вост. углу Βαπτιστήριον или τὸ Μείζων Βαπτιστήριον, но замѣчаетъ, что она могла служить и въ качествѣ Σκευοφυλάκιον. Унгеръ (Encykl. v. Ersch u. Gruber, ser. I, Band 84, стр. 404) также признаетъ, что, въ виду отсутствія оконъ, зданіе это не могло служить Крестильницею, но могло быть и, вѣроятно, было Сокровищницею. Проф. Н. П. Кондаковъ (Византійскія церкви, стр. 117) считаетъ, напротивъ, это зданіе за Крестильницу и, какъ мы видѣли, приурочиваетъ къ ней слова Антонія Новгородскаго

вѣрно, то мы должны допустить, что Крестильница Большая, упоминаемая въ обрядѣ крещенія въ Великую Субботу и, вѣроятно, тождественная съ Крестильницею, о которой говоритъ Павелъ Силенціарій, исчезла или перестроена и застроена такъ, что ее никто не видалъ и не описалъ. Будущее, быть можетъ, покажетъ, кто правъ, тѣ ли, которые принимаютъ круглое зданіе на сѣверо-восточномъ углу св. Софіи за Крестильницу, или тѣ, которые видятъ въ этомъ зданіи Сокровищницу. Но Крестильница около сѣверо-восточнаго угла св. Софіи несомнѣнно была. Эта Крестильница, вѣроятно, разумѣется и въ Бесѣдѣ, изданной академикомъ Л. Н. Майковымъ. Анонимный авторъ бесѣды говоритъ (стр. 17): „а оттолѣ (т. е. отъ храма св. Николая, который находился за алтаремъ св. Софіи) предъ задними дверьми св. Софіи великаго алтаря придѣлано мѣсто, гдѣ воду крестятъ; ту есть чаши аспіда зеленаго; ту же въ чаши погружаютъ кресты; надъ чашею кивотъ свинцомъ обить; ту же и царей крестятъ; ту растутъ четыре кипариса и два фуніка“. Хотя воду крестили въ Крещенье, какъ видно изъ Евхологія (см. выше, стр. 104 слѣд.) въ Лутирѣ, т. е. въ чашѣ двора св. Софіи, но иногда освященіе воды могло совершаться и здѣсь, въ Крестильницѣ у алтаря. Во всякомъ случаѣ указанія Анонима на мѣсто этой Крестильницы не позволяютъ ее принимать ни за бассейнъ на дворѣ св. Софіи, который былъ предъ передними, красными дверьми храма, ни за Крестильницу на ю.-з. углу св. Софіи. Но разумѣть ли анонимный собесѣдникъ круглое зданіе на с.-в. углу или какую-нибудь другую постройку, сказать трудно. Для рѣшенія этого вопроса необходимо тщательно изслѣдовать турецкія постройки и пристройки около с.-в. угла св. Софіи, а этого еще не сдѣлано, сколько мнѣ извѣстно, потому и опредѣленнаго ничего сказать относительно круглаго зданія пока нельзя: даже и оно почти вовсе не изслѣдовано, и Зальценбергъ былъ тамъ, по его собственнымъ словамъ, очень короткое время и успѣлъ только сдѣлать измѣренія (Baudenkmale, p. 60).

относительно находящихся тамъ изображеній, между тѣмъ какъ описаніе Антонія Новгородскаго относится, безъ сомнѣнія, къ Крестильницѣ на юго-западномъ углу св. Софіи. Крестильница, описываемая Антоніемъ, находилась, по прямому замѣчанію Антонія, на правой сторонѣ (отъ алтаря, а слѣдовательно, и отъ входныхъ западныхъ дверей), а не на лѣвой, слѣдовательно, на южной, а не на сѣверной сторонѣ, и описывается послѣ святынь, находившихся на правой сторонѣ отъ алтаря, причемъ Антоній описываетъ сначала святыни, находившіяся близъ алтаря, а потомъ тѣ, которыя находились въ при-
творахъ, направо отъ алтаря (Савваитовъ, Путешествіе Антонія Новгородскаго, p. 89).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Входъ царя въ пропилей нарѣика и сниманіе короны.—Встрѣча царя патріархомъ и духовенствомъ въ нарѣикѣ.—Входъ въ храмъ чрезъ царскія врата и въ алтарь чрезъ св. врата.—Возложеніе на св. престолъ апокомвія, чашъ и другихъ приношеній.—Кажденіе св. престола и запрестольнаго креста.—Удаленіе въ Мутаторій.—Выходъ царя для участія въ великомъ входѣ.—Выходъ для цѣлованія любви съ духовными чинами и чинами царскаго синклита.—Выходъ царей для пріобщенія св. Таинъ.—Мѣсто причащенія царя.—Причащеніе царей въ алтарѣ въ день коронаціи.—Завтракъ послѣ причащенія въ Мутаторіи.—Проводы царя патріархомъ и надѣваніе короны въ св. Кладезѣ.—Апокомвій, получаемый патріархомъ и другими лицами.—Просфоры и масло, даваемые царю патріархомъ.

Изъ Орологія св. Софій, гдѣ происходилъ послѣдній пріемъ Венецовъ, царь шелъ чрезъ дворъ св. Софій къ краснымъ вратамъ и, войдя въ нихъ, заходилъ въ нишу, находившуюся предъ средними дверьми во внутренней нарѣикѣ и закрытую завѣсою. Здѣсь препозитъ снималъ съ царя корону ¹⁾, и царь чрезъ большую дверь изъ пропилея входилъ въ нарѣикъ, гдѣ у самыхъ входныхъ дверей царя дожидались всѣ священнослужители съ патріархомъ во главѣ, который держалъ крестъ, между тѣмъ какъ архидіаконъ несъ евангеліе, а нѣкоторые изъ діаконѣ кадила и свѣтильники, такъ какъ царь входилъ во время совершенія малаго входа съ евангеліемъ. Царь, войдя въ нарѣикъ, прикладывался

¹⁾ Тексты изъ обрядовъ, въ которыхъ говорится о снятіи короны препозитомъ предъ входомъ въ нарѣикъ, приведены выше, стр. 97 и 102. Сниманіе короны предъ входомъ въ храмъ было обязательно издавна и дѣлалось въ знакъ благоговѣнія предъ храмомъ (см. Reiske, Comment., р. 93, гдѣ приведены мѣста, свидѣтельствующія о давности и обязательности сниманія короны). Только Михаилъ III въ день коронаціи Василія Македонянина, которая происходила въ Троицынъ день, вошелъ въ храмъ въ коронѣ и дошелъ въ ней до св. вратъ, потому что Михаилъ хотѣлъ короновать Василія вѣнцомъ съ своей головы, что онъ и сдѣлалъ. Этотъ случай, какъ необыкновенный, отмѣченъ лѣтописцами, и у Георгія монаха при этомъ замѣчено, что царь οὐκ ἀπέθετο τὸ στέφανος при входѣ, καὶ ὡς ἔθος ἐστὶ τοῖς βασιλεῦσιν (Georg. Mon. de Mich. et Theod. с. 30).

прежде всего къ евангелію и кресту, затѣмъ царь и патріархъ кланялись, привѣтствовали другъ друга, причемъ патріархъ кадилъ царя, который, послѣ обычныхъ привѣтствій, цѣловался съ патріархомъ и, взявши

²⁾ Встрѣча царя патріархомъ съ духовенствомъ (μετὰ τῆς συνήθους αὐτοῦ ὑπηρεσίας καὶ τᾶς ἐως) довольно подробно описана въ общемъ обрядѣ I, 1, 14; (ср. I, 1, 27); но здѣсь упомянуто только прикладываніе къ евангелію (καὶ ἐν πρώτοις μὲν προσκυνοῦσι τὸ ἅγιον εὐαγγέλιον βασταζόμενον ὑπὸ τοῦ ἀρχidiaκόνου). Но въ другихъ обрядахъ, гдѣ этотъ моментъ изображень короче, обыкновенно говорится, что цари прикладываются къ евангелію и кресту (напр. I, 9, 64: ὁ δὲ βασιλεὺς ἀσπάζεται τὸ τε εὐαγγέλιον καὶ τὸν σταυρόν). Ср. встрѣчу патріарха съ царемъ, когда царь выходитъ навстрѣчу патріарха, идущаго съ крестнымъ ходомъ: въ этихъ случаяхъ царь поступаетъ такъ же, какъ при встрѣчѣ въ нарѣикѣ св. Софїи, напр. I, 1, 29: съ приближеніемъ патріарха, «препозиты подають свѣчи, цари со свѣчами въ рукахъ поклоняются кресту, цѣлуютъ евангеліе и крестъ, а потомъ патріарха». Ср. I, 10, 75; I, 17, 102; I, 18, 111; I, 27, 150; I, 28, 158, гдѣ упоминаются также и взаимные поклоны и цѣлованіе, которое происходило при каждой встрѣчѣ и прощаніи (προσκυνήσαντες ἀμφοτέρω ἀλλήλους ὁ τε βασιλεὺς καὶ ὁ πατριάρχης καὶ ἀσπασμένοι). Большою частью встрѣча, какъ очень обычная и общеизвѣстная, обозначается въ немногихъ словахъ, съ упоминаніемъ того или другаго момента этой встрѣчи (напр. I, 23, 132; I, 26, 145; I, 1, 27; I, 10, 73 и пр.). Кажденіе царя патріархомъ, когда они кланяются другъ другу, упоминается I, 1, 27 (καὶ δὴ τοῦ πατριάρχου θορυβῶντος κατὰ τὸν τύπον τοῦς δεσπότης, ἀσπάζονται αὐτὸν οἱ δεσπότηαι). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ дворцовыхъ храмахъ патріархъ выходитъ съ евангеліемъ къ царю, стоящему у входныхъ дверей, и когда царь прикладывается къ евангелію, царя кадилъ діаконь (I, 20, 120; I, 21, 123). На Равеннской мозаикѣ патріархъ идетъ съ крестомъ, архидіаконь съ евангеліемъ, а діаконь съ кадиломъ, которое онъ, очевидно, подавалъ патріарху для кажденія цари и которое патріархъ опять бралъ въ алтарѣ. Иначе изображаетъ входъ царя въ храмъ св. Софїи Шлумбергеръ въ своей книгѣ о Никифорѣ Фокѣ (Un Empereur Byzantin. Nicéphore Phocas, Paris. 1890. p. 306). Держась, очевидно, Лабарта, Шлумбергеръ смѣшиваетъ forum-Constantini съ Августеономъ и заставляетъ царя входить чрезъ св. Кладезъ, откуда царь, по его словамъ, entra par «belle porte» dans la salle de Métatorion и, переодѣвшись здѣсь, il franchit enfin la grande porte de Sainte-Sophie, dite Basiliké, et prenant la torche des mains du préposite, alluma les cierges consacrés. Не смотря на то, что это изложеніе входа Никифора въ храмъ св. Софїи довольно близко къ тексту, который гласитъ (Cer. I, 96, 440), что послѣ славословій въ Орологіи Никифоръ, «войдя въ Мутаторій въ красныхъ вратахъ (εἰσελθὼν ἐν ὄνι τῆς ὀραίας πόλης εἰς τὸ Μητατόριον), облачился въ цицакій и вошелъ въ нарѣикъ и въ большія царскія врата, (гдѣ) взявши свѣчу (φатλία) у препозита, совершилъ (обычное) поклоненіе» и пр.,—описаніе Шлумбергера обличаетъ, что онъ совершенно неправильно понималъ процедуру входа. Во-первыхъ, царь чрезъ св. Кладезъ не шелъ, иначе онъ не попалъ бы въ красныя врата, а вошелъ бы чрезъ южныя врата; во-вторыхъ, «la belle porte» вела не въ Мутаторій, а въ храмъ св. Софїи съ западной стороны, гдѣ въ этомъ входѣ была пища для переоблаченія царя, а залы никакой тутъ не было; зала (τρίκλινος) была въ Мутаторіи, находившемся на юго-восточномъ углу храма, куда царь шелъ послѣ коронаціи; въ-третьихъ, никакихъ факеловъ царь не бралъ и никакихъ освященныхъ свѣчей не зажигалъ, потому что для зажигания церковныхъ свѣчей и лампадъ существовали кандилапты, а царь бралъ у препозита, по обыкновенію, восковую свѣчу и съ нею въ рукахъ совершалъ троекратный поклонъ въ царскихъ вратахъ, потому что φατλίον означаетъ восковую свѣчу, а не факель (Du Cange, Gloss. Gr. s. v.). Освященные свѣчи, которыя будто бы зажигаетъ царь, выдумалъ самъ Шлумбергеръ, вѣроятно, для того, чтобы пояснить, зачѣмъ царь бралъ φατλία, по пояснилъ совсѣмъ неудачно. Доказывать неправильность описанія, даннаго Шлумбергеромъ, полагаю, нѣтъ надобности, такъ какъ приведенные у меня тексты ясно говорятъ противъ почтеннаго автора интересной книги о Никифорѣ. Относительно привѣтствія царемъ патріарха ср. Reiske, Comment. p. 100:

его за правую руку, шель съ нимъ чрезъ наѣикъ къ царскимъ вратамъ, ведущимъ изъ наѣика въ храмъ. Здѣсь они останавливались. Патріархъ читалъ входную молитву, а царь со свѣчами въ рукахъ совершалъ троекратное поклоненіе предъ царскими вратами, надъ которыми было изображеніе царя, поклоняющагося Христу Спасителю, сидящему на тропѣ, съ пресвятой Богородицею и Архангеломъ по сторонамъ ¹⁾).

dicunt: χαῖρε, Κύριε πατριάρχᾳ et dein osculantur, причемъ Reiske ссылается на Lib. Pontif. Haberti p. 63, но этого привѣтствія я тамъ не нашелъ, хотя оно могло дѣйствительно имѣть мѣсто.

¹⁾ Въ общемъ обрядѣ I, 1, 14 сказано, что послѣ цѣлованія царь съ патріархомъ идутъ до царскихъ вратъ и здѣсь молятся со свѣчами въ рукахъ καὶ τῆς εὐχῆς ὑπὸ τοῦ πατριάρχου τελευτῆνης, γίνεται εἰσόδος. Въ Пасхальномъ обрядѣ этотъ моментъ описанъ подробно: подойдя къ царскимъ вратамъ, патріархъ ἄρχεται τελεῖν τὴν εὐχὴν τῆς εἰσόδου τῆς θείας λειτουργίας, а царь беретъ у препозита свѣчи и молится. Когда оба помолятся, царь отдаетъ свѣчи препозиту, а тотъ церемоніарію, послѣ чего царь поклоняется честному кресту и евангелію и съ патріархомъ идетъ далѣе. Почти буквально также описано это въ Рождественскомъ обрядѣ I, 23, 132. Короче I, 26, 145. Молитва царя и εὐχὴ τῆς εἰσόδου τῆς θείας λειτουργίας предъ царскими вратами въ другихъ храмахъ описаны совершенно сходно съ Рождественскимъ и Пасхальнымъ обрядами I, 10, 76; I, 17, 102, причемъ замѣчено, что царь съ патріархомъ ἵστανται ἀμφοτέρω ἐν τῷ οὐδῶ τῶν βασιλικῶν πυλῶν. То же самое въ обрядѣ Вознесенья въ храмъ пресв. Богородицы источника I, 18, 112 и въ храмъ пресв. Богородицы Халкопратіѣйской въ Рождество Богородицы I, 1, 30 и I, 30, 166. Почти во всѣхъ этихъ обрядахъ говорится, что царь послѣ молитвы предъ царскими вратами или въ нихъ, еще разъ поклонялся кресту и евангелію, а потомъ уже входилъ въ храмъ. Но какая молитва разумѣется подъ εὐχὴ τῆς εἰσόδου τῆς θείας λειτουργίας? Опредѣленіе этой молитвы важно для опредѣленія того момента литургіи, въ который царь входилъ въ храмъ. Во время литургіи, какъ извѣстно, совершается два торжественныхъ входа (εἰσόδος): малый съ евангеліемъ (ingressus vel introitus minor, εἰσόδος μικρά) и большой или великій входъ или перенесеніе св. Даровъ съ жертвенника на св. престолъ (ingressus maior, εἰσόδος μεγάλη). Такъ какъ въ великомъ входѣ (ἡ μεγάλη εἰσόδος, ingressus maior) царь, какъ мы увидимъ, принимаетъ участіе внослѣдствія и выходитъ для этого изъ Мутаторія, то прибытіе царя въ храмъ, очевидно, совпадало съ малымъ входомъ, когда выносятся изъ алтаря (въ древнія времена изъ ризницы) чрезъ сѣверныя двери евангеліе, приносится къ мѣсту облаченія архіерея посреди церкви, за амвономъ, недалеко отъ царскихъ дверей, а потомъ, послѣ входной молитвы и положенныхъ пѣснопѣній, опять торжественно вносится въ алтарь чрезъ св. врата, въ сопровожденіи всѣхъ участвующихъ въ соборномъ служеніи и самого архіерея. При встрѣчѣ царя, разница отъ позднѣйшаго и нынѣшняго порядка, въ которомъ совершается малый входъ при архіерейскомъ служеніи, заключается только въ томъ, что патріархъ и всѣ сослужащіе находятся въ наѣикѣ и тамъ встрѣчаютъ царя, а затѣмъ уже совершается входъ по чину, причемъ рядомъ съ патріархомъ шель царь, съ правой стороны его. (Относительно малаго входа см. Прот. К. Никольскаго, Богослуженіе Православной Церкви, стр. 384—387; ср. G o a r, Euchol. p. 124 и соответствующее мѣсто въ Архіерейскомъ Чиновникѣ). Но въ тѣ времена, когда написаны были обряды Придворнаго Устава, патріархъ, безъ сомнѣнія, не выходилъ изъ храма для встрѣчи царя, какъ пришлось бы ему сдѣлать по позднѣйшему и теперешнему порядку архіерейскаго служенія литургіи, а самъ впервые входилъ въ храмъ чрезъ западныя врата, вмѣстѣ съ царемъ, такъ какъ, по древнимъ чинамъ литургіи, до этого времени архіерея въ храмъ не было и онъ входилъ въ него во время малаго входа, какъ ясно показалъ безвременно скончавшійся, талантливый литургистъ, покойный проф. М а н с в е т о в ъ въ своей прекрасной статьѣ о пѣсенномъ послѣдованіи (въ Прибавленіи къ Твореніямъ св. Отцевъ за 1880 годъ, ч. 26, стр. 984 слѣд.), на основаніи анализа литургіи и

Послѣ входной молитвы, которая начинается словами: „Владыко Господи Боже нашъ“ и которую архіерей читаетъ тихо, архидіаконъ говорилъ: „Благослови, преосвященнѣйшій Владыко, святой входъ“. Патріархъ благословлялъ одною рукою на востокъ, говоря: „Благословенъ входъ святыхъ твоихъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“. Затѣмъ послѣ возгласа и пѣнія: „Прійдите, поклонимся“, царь отдавалъ свѣчу препозиту, который передавалъ ее церемоніарію, а царь прикладывался ко кресту и евангелію и, взявши опять патріарха за правую руку ¹⁾, проходилъ посреди храма мимо амвона на солею; впереди ихъ шли служащіе съ патріархомъ духовные чины, архидіаконъ съ евангеліемъ, діаконы съ кадилами и лампадами. Совершается малый входъ при пѣніи пѣвчими: „Спаси ны, Сыне Божій“ и пр. Весь духовный синклитъ шелъ съ царемъ и патріархомъ посреди собравшагося въ храмъ народа и чиновъ царскаго синклита, которые входили въ храмъ боковыми дверьми раньше царя, такъ какъ и въ храмъ шли впереди его, и занимали каждый чинъ присвоенныя имъ въ храмъ мѣста на правой южной сторонѣ. За царемъ шли только чины кувуклія, которые будутъ стоять съ царемъ въ Мутаторіи. Носимыя впереди процессіи знамена гвардейскихъ отрядовъ становились въ храмъ предъ солеею съ той и другой стороны, а римскіе скиптры или *vela*, евтихи и другія собственно царскія знамена разставлялись на солеѣ, между тѣмъ какъ крестъ св. Константина вносился въ алтарь и становился въ правой сторонѣ алтаря. Когда царь

сравненія съ древними чинами литургіи. Въ подтвержденіе этого правильнаго толкованія, мы можемъ сослаться, кромѣ приведенныхъ у покойнаго Мансветова доказательствъ, на вышеприведенное мѣсто (стр. 146) изъ Евхологія Гоара, въ которомъ говорится, что патріархъ въ большіе праздники совершалъ крещеніе новообращенныхъ въ Малой Крестильнѣ (у юго-западнаго угла св. Софіи), а потомъ дожидался здѣсь прибытія царя, чтобы его въ западномъ нарекѣ, около котораго находилась Крестильница, встрѣтить и вмѣстѣ съ нимъ войти въ храмъ, т. е. совершить малый входъ. Въ виду этого нужно полагать, что предъ встрѣчею патріархомъ царя, въ нарекѣ происходила встрѣча духовенствомъ патріарха по чину, который и теперь въ употребленіи и который походитъ на встрѣчу патріархомъ царя, конечно, *mutatis mutandis*.

¹⁾ Черезъ нарекъ и храмъ царь проходитъ съ патріархомъ, взявши его за правую руку своею лѣвою рукою, но въ обрядахъ это не всегда обозначается. Обозначено это, напр., въ Рождественскомъ обрядѣ (I, 23, 132), гдѣ сказано, что чрезъ нарекъ отъ входныхъ до царскихъ дверей, патріархъ и царь проходятъ *κρατήσαντες ἀλλήλων τὰς χεῖρας*; по Благовѣщенскому обряду, царь и патріархъ *κρατήσαντες ἀλλήλων τὰς χεῖρας διέρχονται μέσον τοῦ ναοῦ καὶ εἰσέρχονται ἐν τῇ σωλαίᾳ* (I, 30, 166). На Равеннской мозаикѣ Юстиніанъ держитъ въ рукахъ чашу съ золотою монетою, потому, вѣроятно, не держитъ патріарха за руку; въ день освященія только что отстроенной св. Софіи Юстиніанъ входилъ съ патріархомъ, держа его за руки, но, войдя въ храмъ, оставилъ руку патріарха и, быстро дойдя до амвона, повергся ницъ и благодарилъ Бога за то, что онъ позволилъ ему построить такой храмъ и превзойти Соломона (*Anonymi descriptio S. Sophiae, Imperium Orientale Banduri. Pars III, p. 67*).

съ патриархомъ проходили среди чиновъ, эти послѣдніе говорили хоромъ царю обычное многолѣтіе: „да продлитъ Богъ святое царство Ваше на многія и долгія времена (или годы)“, а церковные пѣвчіе, вѣроятно, пѣли многолѣтіе царямъ и патриарху ¹⁾.

Пройдя такимъ образомъ посредникъ храма и обойдя амвонъ съ правой стороны, царь и патриархъ входили на солею, на которой съ обѣихъ сторонъ стояли царскія знамена, и подходили къ святымъ вратамъ, т. е. къ среднимъ дверямъ алтаря. Патриархъ прикладывался къ св. вратамъ и, произнося слова псалма: „Вииду въ домъ Твой“ и пр., входилъ въ алтарь, а царь, стоя на порфировой плитѣ, вдѣланной въ полу предъ входомъ въ алтарь, бралъ у препозита свѣчу и со свѣчею въ рукахъ совершалъ троекратное поклоненіе предъ св. вратами и возвращалъ свѣчу препозиту, который по обыкновенію передавалъ ее церемоніарію. Патриархъ, войдя въ алтарь, вѣроятно, чрезъ лѣвую половину св. вратъ, становился возлѣ нихъ, и когда царь, помолившись, входилъ въ алтарь, онъ поддвигалъ или приближалъ ему для прикладыванія царскія врата, что дѣлали иногда служившіе съ патриархомъ митрополиты и архіепископы ²⁾, между тѣмъ какъ самъ патриархъ стоялъ, вѣроятно, у престола и встрѣчалъ царя.

¹⁾ Мѣсто знаменъ и креста указано въ общемъ обрядѣ I. 1. 15. Здѣсь же указано, что чины стоятъ на правой сторонѣ *εἰς τοὺς ἰδίους τόπους*, т. е. сообразно съ чиномъ и рангомъ, старшіе и высшіе впереди, ближе къ солѣ, младшіе позади. Какъ въ дворцовыхъ залахъ при собраніи чиновъ, такъ и въ храмѣ чины имѣли свои мѣста и свои скамьи, на которыхъ, вѣроятно, они сидѣли, когда по церковному уставу сидѣть полагалось. Такъ, вновь произведенный патрикій, получивши отъ патриарха благословенные и освященные кодикилліи (*codicilli*), уходитъ *εἰς τὸ σκῆμα τῶν πατρικίων* и облачается въ плащъ (I. 48, 254). *Εἰς τὸ σκῆμα τῶν πατρικίων* стоятъ патрикіи и до молитвы (I. 47, 240). Относительно многолѣтій (*ἐπεβόηται* или *ἱστῶνται*: *ἐπεβόησαν*) см. I. 1. 27. Въ Haberti Liber Pontificalis (въ концѣ Appendix'a) помѣщены «многолѣтія» (*πολυβόητα*), которыми привѣтствовали пѣвчіе въ Великой Церкви царей и патриарховъ въ большіе праздники въ позднѣйшее время. И въ настоящее время, когда архіерей войдетъ въ алтарь во время малаго входа, пѣвчіе поютъ у насъ: *εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα*.

²⁾ Въ общемъ обрядѣ I. 1. 15 сказано, что когда владыки дойдутъ до св. вратъ и станутъ на *πορφύρεον ὀρθάλιον*, патриархъ одинъ входитъ въ алтарь, *κρατῶν τὸ εὐαγγέλιον ἅγιον θύριον* (т. е. лѣвую половину среднихъ св. вратъ), а затѣмъ, помолившись, входятъ цари, *προσκυνοῦντες τὴν ἐπὶ τοῦ πατριάρχου κρατούμενην ἁγίαν θύραν*. Лат. переводъ передаетъ здѣсь *κρατῶν* посредствомъ *occipans*, а *κρατούμενην* *occipatam*. Сравненіе описаній этого момента въ другихъ обрядахъ показываетъ, что здѣсь идетъ рѣчь не о занятіи двери, а о держаніи, подаваніи или приближеніи ея для цѣлованія. Въ Пасхальномъ обрядѣ I. 1. 64 сказано явнѣе, что *μελλόντος* (τοῦ βασιλέως) *εἰσελθαι* (*εἰς τὸ θυσιαστήριον*), *ἱστῶνται* митрополита, *κρατοῦντες τὰ ἅγια θύρια*, καὶ ἐπιστρέψαντων αὐτὰ πρὸς τὸν βασιλέα μικρόν, φίλει ὁ βασιλεὺς τοὺς ἐπ' αὐτὰς πεπαρημένους σταυροὺς, καὶ εἰσέρχεται εἰς τὸ θυσιαστήριον. То же самое дѣлаютъ митрополиты въ храмѣ св. Мокія: *ἡνίκα μέλλει ὁ βασιλεὺς εἰσερθεῖν εἰς τὸ θυσιαστήριον, ἐπιστρέψαντες οἱ μητροπολῖται κατὰ τὸ ἔθος τὰ ἅγια θύρια πρὸς τὸν βασιλέα* и царь, приложившись къ утвержденнымъ на нихъ крестамъ, входитъ въ алтарь (I, 17, 103). Въ другихъ обрядахъ этотъ входъ царя въ алтарь описанъ короче: обыкновенно говорится только о

Войдя въ алтарь, царь шелъ къ св. престолу и, помолившись, прикладывался къ покрову св. престола, подносимому или поднимаемому патріархомъ ¹⁾, становился у св. престола и бралъ у препозита, который, войдя въ алтарь боковыми дверьми съ чинами кувуклія, стоялъ близъ св. престола сбоку, принесенные въ даръ воздѹхи, разстилалъ ихъ на св. престолѣ и ставилъ на нихъ принесенныя въ даръ храму чаши, блюда

зажиганіи свѣчи и молитвѣ предъ свитыми вратами (напр. I, 30, 166; I, 27, 151; I, 26, 145; I, 23, 132; I, 18, 112); но и сейчасъ приведенныхъ двухъ мѣстъ, полагаю, достаточно для того, чтобы убѣдиться, что *κρατῶν* въ общемъ обрядѣ значитъ «держа», а не занимая (occupans), тѣмъ болѣе, что трудно даже понять, что значило бы выраженіе: патріархъ входитъ, занимая лѣвую половину двери, и какъ могъ царь цѣловать занятую (occupatam) патріархомъ дверь. *Εἰσερχεται* *κρατῶν* въ общемъ обрядѣ стоитъ, очевидно, вмѣсто *εἰσερχεται* *καὶ κρατεῖ*: входитъ и держитъ, или, яснѣе, приближаетъ двери для прикладыванія. Молитвы патріарха не упоминаются въ обрядахъ Константина Багрянороднаго. Полагая, что патріархъ во время малаго входа читалъ молитвы, прикладывался, кадилъ и вообще совершалъ все тѣ дѣйствія, которыя совершаетъ въ это время архіерей, я внесъ въ текстъ упоминаніе о нѣкоторыхъ (хотя далеко не всѣхъ) дѣйствіяхъ патріарха на основаніи общаго чина архіерейскаго служенія литургіи, по Чиновнику Архіерейскаго священнослуженія (ср. прот. Никольскаго, Богослуженіе Православной Церкви, стр. 386—387 примѣчаніе). Изъ «Чиновника» взяты начальныя слова и другихъ молитвъ, пѣснопѣній и возгласовъ, которые читаются и поются священнодѣйствующими при архіерейскомъ служеніи; потому въ обращеніяхъ къ патріарху удержано выраженіе: «Преосвященнѣйшій Владыко», какъ теперь у насъ и въ позднѣйшее время у грековъ величали патріарха и архіереевъ; но такъ-ли говорилось въ обращеніяхъ къ патріарху въ IX—X вв., это другой вопросъ, который я рѣшать не берусь, а замѣчу только, что въ Придворномъ Уставѣ «владыками» (*δεσπόται*) называются только цари, сколько мнѣ помнится.

¹⁾ Въ общемъ обрядѣ сказано, что цари, подойдя къ св. престолу, *ἀσπάζονται τὸ ταβλίον τῆς ἁγίας ἐνδότης*, δηλονότι ὑπὸ τοῦ πατριάρχου τοῦτο στήκομενον καὶ τοῖς δεσπotaῖς πρὸς ἀσπασμόν προσκόμενον (I, 1, 15). Въ другихъ обрядахъ этотъ актъ выражается кратко: говорится, что царь молится предъ св. престоломъ (I, 9, 65), прикладывается (*εὐξάμενος προσκυνεῖ* I, 10, 75, 76; ср. I, 30, 164 и 166; I, 18, 112) къ св. престолу, цѣлуетъ св. покровъ (*ἀσπάζομενος κατὰ τὸ εἶωθός τας ἐνδότας* I, 20, 121; I, 19, 117; I, 27, 151). Въ виду того, что во всѣхъ случаяхъ говорится только о прикладываніи къ покрову св. престола или, при менѣе точномъ выраженіи, къ св. престолу, и подъ *τὸ ταβλίον τῆς ἁγίας ἐνδότης* нельзя разумѣть ничего другаго, кромѣ самаго покрова, или, говоря точнѣе, того его мѣста или части, которая особенно украшена и расшита золотомъ и шелками, такъ какъ словомъ *τὸ ταβλίον* на хламидахъ царскихъ и хламидахъ высшихъ чиновъ называлась именно нашивка изъ другой, нежели остальная одежда, матеріи, часто вся вышитая и расшитая золотомъ и шелками, которыми или выдѣлывались разные узоры или, кромѣ узоровъ, изображенія царей. По всей вѣроятности, такая вышивка или нашивка на покровѣ, быть можетъ, съ изображеніями креста, Спасителя и святыхъ и разумѣется подъ *τὸ ταβλίον* въ общемъ обрядѣ. Ни мощей въ плоскомъ ящикѣ, ни ковчега съ запасными дарами разумѣть подъ *τὸ ταβλίον* нельзя, хотя *τὸ ταβλίον* означаетъ и плоскій ящикъ, какъ мы видѣли, и можетъ означать плоскій сосудъ съ мощами или дарами; потому что въ такомъ случаѣ что-нибудь подобное было бы и въ другихъ храмахъ и обозначено было бы въ другихъ обрядахъ. Кромѣ того, эта вышивка называется нашивкою св. покрова, слѣдовательно, тѣсно связана именно съ покровомъ и не представляетъ принадлежности св. престола вообще, какъ чаши, диски, крестъ и т. п. (О значеніи *τὸ ταβλίον* вообще см. Du Cange, Gloss. Gr. s. v. и ср. Reiske Comment., p. 107, гдѣ Reiske болѣе или менѣе правильно понимаетъ подъ *τὸ ταβλίον* въ общемъ обрядѣ или *longum et latum lorum per medium instratum*, или вышивки на углахъ).

(дискосы) и другіе сосуды и предметы, употребившіеся при совершеніи таинства, затѣмъ прикладывался къ стоявшимъ на св. престолѣ чашамъ, блюдамъ и св. пеленамъ Господнимъ (τὰ ἅγια σπάργανα), которыя, также какъ и покровъ, подносилъ ему для цѣлованія патріархъ, и, наконецъ, ставилъ на разостланные платы сосудъ съ деньгами, такъ называемый апокомвій¹⁾. На сколько можно судить по указаніямъ обрядовъ, принесеніе сосудовъ, кромѣ, быть можетъ, праздника Пасхи, когда, повидимому, обязательно приносились сосуды, зависѣло отъ доброй воли и усердія царей²⁾,

¹⁾ По общему обряду (I, 1, 15), цари, приложившись къ τὸ ταβλίον св. покроя, разстилаютъ (ἀπλοῦσι) на св. престолѣ два бѣлыхъ воздуха (ἀέρας) и прикладываются къ двумъ чашамъ, двумъ дискамъ (δίσκος) и св. пеленамъ (τὰ ἅγια σπάργανα или τὰ σπάργανα τοῦ Κυρίου). По Пасхальному обряду (I, 1, 65) царь разстиляетъ два плата (εἰλητά, илитоны отъ греч. имен. пад. εἰλητόν) и ставитъ на нихъ принесенные дары: двѣ чаши и два диска, затѣмъ прикладывается къ св. пеленамъ и, наконецъ, кладетъ апокомвій, т. е. денежное приношеніе. По Рождественскому (I, 23, 133) и Крещенскому (I, 26, 145) обрядамъ, царь дѣлаетъ тоже, что по общему, т. е. разстиляетъ два плата и прикладывается къ двумъ чашамъ, двумъ дискамъ и св. пеленамъ, а потомъ кладетъ апокомвій. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что только въ Пасху цари приносили чаши и диски, кромѣ платовъ и апокомвія. Во II кн. Придворнаго Устава записанъ фактъ принесенія Михаиломъ III въ Крещеніе потира, украшеннаго драгоценными камнями, и воздуха (πατρηοκαλὺρρα). При этомъ сказано, что потиръ, по приказанію царя, несъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, вѣроятно, придворный, въ чинѣ спаріа, а воздухъ несъ силенціарій. Оба они шли предъ царемъ между двумя магистрами, которые, какъ высшіе чиновники, шли очень близко впереди царя. Дойдя до святыхъ вратъ, царь взялъ потиръ и, войдя въ алтарь, поставилъ его на св. престолѣ, а патріархъ взялъ у силенціарія воздухъ и передалъ царю, который также положилъ его на св. престолѣ (II, 31, 631). Изъ этого факта видно, что, кромѣ Пасхи, царь приносилъ иногда сосуды и въ другіе праздники Господніе, но это, повидимому, зависѣло отъ обстоятельствъ, желанія и усердія царя, между тѣмъ какъ принесеніе въ Пасху чашъ и дисковъ, быть можетъ, было обязательно, какъ было обязательно въ каждый большой выходъ денежное приношеніе, апокомвій.

Подъ пеленами Христовыми или Господними здѣсь разумѣются дѣтскія пелены (Fasciae Dominicae infantiae), которыя нужно отличать отъ погребальныхъ пеленъ Господнихъ (Fasciae Dominicae sepulturae), которыя сохранились во Влахернскомъ храмѣ (τὰ ἐντάφια τοῦ Χριστοῦ σπάργανα, Дюканжа Notae in histor. Ioannis Cinnami, ed. Bonn. p. 331). Дѣтскія пелены Спасителя сохранились въ храмѣ св. Софій и лежали, повидимому, на св. престолѣ. Ихъ видѣлъ нашъ паломникъ Антоній Новгородскій (изд. Савваитова, стр. 67) въ алтарѣ храма св. Софій. Но вскорѣ послѣ этого они были похищены латинянами, послѣ взятія ими Константинополя въ 1204 году. Часть дѣтскихъ пеленъ Спасителя подарена была Нивелономъ, епископомъ Суассонскимъ, въ женскій монастырь Богоматери (de fascia qua involutus fuit Dominus puer Iesus), какъ видно изъ письма епископа къ аббатиссѣ этого монастыря, помѣщеннаго въ Euxinae Sacrae Const-nae, гр. Riant'a, vol. II, p. 67, ср. ibid., p. 190. Но большая часть досталась Людовику Благочестивому и хранилась до 1792 года въ S. Chapelle, когда пелены Господни пропали вмѣстѣ со множествомъ другихъ святынь, хранившихся въ этой капеллѣ (Riant, Des dépouilles religieuses, см. таблицу на стр. 180: les drapeaux d'enfance, взяты 1241—246 г., detruit 1792).

²⁾ Подъ чашами (ποτήρια) здѣсь разумѣются такъ называемые потиры (ποτήρες), которые теперь у насъ стоятъ обыкновенно на жертвенникѣ (πρόθεσις) вмѣстѣ съ дисками (δίσκοι) или дискосами, блюдами на ножкѣ, первые для вина, а вторые для положенія на нихъ агнца. Эта чаша и отдѣльно и вмѣстѣ съ дисками покрывается покроями (καλλόματα), которые называются и воздухами (ἀέρες). Илитонъ (εἰλητόν) у насъ называется шелковый, а прежде льняной, платъ, который кладется на покровъ престола (ἐνδύτη), и

но воздуха (ἀέρες), платы (εἰλητά) и апокомвій ¹⁾ приносился обязательно въ каждый изъ 5 большихъ праздниковъ Господнихъ, въ которые совершались большіе выходы въ храмъ св. Софіи. Обязательность этого обычая видна изъ того, что апокомвій или епикомвій упоминается въ обрядахъ всѣхъ выходовъ, крестныхъ ходовъ и выѣздовъ какъ въ св. Софію ²⁾, такъ и въ другіе храмы: прибытіе царя въ храмъ въ празд-

въ который завертывается у насъ антиминсъ, но такъ какъ въ храмѣ св. Софіи антиминса, по всей вѣроятности, на престолѣ не было, то εἰλητόν, по всей вѣроятности, служилъ платомъ, на который ставилась чаша и дискъ для совершенія таинства, т. е. илитонъ замѣнялъ нашъ антиминсъ. Можетъ быть, впрочемъ, что въ св. Софіи св. пелены замѣняли собою антиминсъ, т. е. разстилались подъ чашею и дискомъ, для совершенія таинства Евхаристіи и закрывались илитономъ, такъ какъ илитонъ и антиминсъ также изображаютъ собою пелены Господни. Илитонъ и антиминсъ развертываются священнодѣйствующимъ, когда начинается литургія вѣрныхъ. Царь приносилъ и развертывалъ на престолѣ воздуха и платы, вѣроятно, для того, чтобы свои приношенія (ἀναθήματα) не ставить прямо на покровъ св. престола (объ этихъ священныхъ предметахъ см. протоіерея Никольскаго, Богослуженіе, стр. 7 слѣд. Ср. G o a r, Euchol. p. 130, 70, 838 и Gloss. Gr. Д ю к а н ж а s. v.).

¹⁾ 'Αποκόμβιον или ἐπικόμβιον происходитъ отъ κόμβος тесьма, шнуръ, ремень для завязыванія, затѣмъ завязъ, узелъ, nodus, наконецъ, завязанный мѣшочекъ или кошелекъ съ деньгами ἀπόδεσμος или ἐνδεσμος; а такъ какъ такіе кошельки издавна бросались и раздавались народу консулами и императорами во время празднествъ, устраиваемыхъ тѣми и другими по случаю вступленія въ должность и коронаціи, то подъ именемъ апокомвіа стали разумѣться денежные подарки вообще, раздаваемые по разнымъ случаямъ и въ разное время періодически, въ видѣ жалованія и награды, свѣтскимъ и духовнымъ чинамъ отъ казны или отъ царя. Этимъ же именемъ назывались и денежные приношенія царей въ храмы для содержанія ихъ и состоящаго при нихъ клира. R e i s k e, справедливо замѣчающій (Comment. 487), что раздача денегъ народу и чинамъ во время коронацій и тому подобныхъ празднествъ successerunt in locum veterum missilium et consularium munerum (объ этихъ missilia и munera см. P a u l y Realencycl. s. v. missilia и G o d o f r e d u s, Cod. Theod. III, p. 199), напрасно видитъ въ принесеніи денегъ и возложеніи на св. престолъ царями родъ какого-то штрафа, который якобы цари платили за свои грѣхи, или, другими словами, откупались отъ грѣховъ. R e i s k e, очевидно, въ этомъ случаѣ приписываетъ восточной церкви обычай продавать отпущеніе грѣховъ (индульгенціи), который существовалъ въ западной церкви. Это объясненіе ни на чемъ не основано и совершенно невѣрно. Отношеніе царей византійскихъ къ Православной церкви, ихъ благочестіе и роль защитника христіанской вѣры (πρόβλημα τῆς Τριάδος) вообще и православнаго богослуженія въ частности, ихъ щедрость относительно храмовъ, ихъ заботы о сооруженіи великолѣпныхъ храмовъ и поддержаніи ихъ достоточно объясняютъ обычай денежныхъ приношеній въ храмы, особенно въ каѳолическій, такъ сказать, имперскій храмъ св. Софіи; а потому нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ другимъ, несогласнымъ съ возрѣніями православной церкви, объясненіямъ.

²⁾ R e i s k e (Comment. p. 122) говоритъ, что цари приносили апокомвій въ храмъ св. Софіи 3 раза въ годъ: въ Пасху 100 фунтовъ золота, а въ Рождество и Троицу по 10. На чемъ основано это положеніе, неизвѣстно.—Кромѣ сейчасть названныхъ праздниковъ, цари ходили въ св. Софію и пріобщались тамъ въ Крещеніе и Преображеніе. Въ Крещенскомъ обрядѣ, какъ мы видѣли, упоминается о принесеніи апокомвіа, а обряды Преображенія и Троицы до насъ не дошли; но въ виду того, что во всѣхъ дошедшихъ обрядахъ выходовъ въ св. Софію говорится о принесеніи апокомвіа, нужно думать, что и въ недошедшихъ было упоминаніе объ апокомвіи, тѣмъ болѣе, что цари, какъ мы сейчасть увидимъ, и въ другихъ храмахъ, въ которые ходили на богомолье, возлагали на св. престолъ апокомвій.

ничный день на богомолье къ литургіи соединяется всегда съ принесеніемъ апокомвія, если царь заходитъ въ храмъ не попутно только, а идетъ туда спеціально, причемъ большею частью слушаетъ тамъ литургію и пріобщается ¹⁾).

Количество денежныхъ приношеній, величина апокомвія бывала, вѣроятно, неодинакова и видоизмѣнялась по важности храма и величинѣ состоящаго при немъ клира. Трудно предположить, что царь приносилъ одинаковое количество во всѣ храмы и что меньшіе храмы и даже евктірии получали такое же количество, какъ большіе и важнѣйшіе храмы въ родѣ св. Софій или храма св. Апостоловъ. Кромѣ того, величина апокомвія могла зависѣть отъ времени и обстоятельствъ, финансовыхъ и политическихъ, а равно и отъ финансоваго положенія самихъ церквей. При нормальныхъ условіяхъ существовали, однакожъ, безъ сомнѣнія, извѣстныя, вѣками установленныя нормы апокомвій для разныхъ храмовъ, въ которыхъ періодически бывали дари для богомолья. Къ сожалѣнію, эти нормы намъ неизвѣстны ²⁾, за нѣкоторыми, однакожъ, исключеніями. Если мы не знаемъ, сколько приносилъ царь въ большіе выходы въ св. Софію и другіе храмы, то мы знаемъ за то, сколько при-

¹⁾ Въ храмъ св. Софій, кромѣ 5 Господнихъ праздниковъ, цари ходили въ Благовѣщеніе и Рождество Богородицы, чтобы изъ св. Софій идти крестнымъ ходомъ въ храмъ пресв. Богородицы Халкопратійской, но въ эти праздники они апокомвія въ св. Софію не приносили, а приносили и возлагали его на св. престолѣ Халкопратійскаго храма (I, 1, 31; I, 30, 166). Точно также царь приносить апокомвій въ храмъ св. Апостоловъ I, 10, 76 въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли, въ Преполовленіе въ храмъ св. Мокія I, 17, 103; въ Вознесеніе въ храмъ Богородицы Источника I, 18, 163; въ Срѣтеніе во Влахернскомъ храмѣ I, 27, 151. Даже въ дворцовыхъ храмахъ и евктіріяхъ, если царь совершаетъ въ нихъ выходъ въ престольные ихъ праздники или въ день освященія, онъ кладетъ на престолъ апокомвій, напр. I, 19, 117; I, 20, 120. Въ виду этихъ многочисленныхъ свидѣтельствъ о постоянномъ обычаѣ приносить апокомвій умолчаніе о немъ въ общемъ обрядѣ I, 1, 15 едва ли можно считать чѣмъ нибудь инымъ, а не случайнымъ пропускомъ писца или умолчаніемъ автора этого обряда. Полагать, что этотъ обычай былъ отмѣненъ во время написанія общаго обряда едва ли возможно, такъ какъ обычай приносить апокомвій былъ до такой степени обязательнъ, что въ такія времена Византійской имперіи, когда цари не могли уже приносить апокомвія, они не входили уже торжественно въ алтарь св. Софій съ патріархомъ и не ходили вокругъ алтаря (Cordinus, de offic. cap. XIV, p. 77 Bonn.). Кромѣ того, въ томъ же общемъ обрядѣ большихъ выходовъ, при изложеніи крестнаго хода въ храмъ пресв. Богородицы Халкопратійской упоминается возложеніе апокомвія (I, 1, 31), а весь общій обрядъ (т. е. вся I гл.) редактированъ, по всей вѣроятности, въ одно время и, если бы обычай возлагать апокомвій во время редакціи его былъ оставленъ, то, по всей вѣроятности, апокомвій не упоминался бы и при изложеніи выхода въ Рождество Богородицы, вошедшій въ составъ первой главы.

²⁾ Вышеприведенная норма апокомвія въ 10 фунтовъ золота, которую принимаетъ Reiske, относится не къ пожертвованію въ храмъ, а къ денежной наградѣ патріарху, которому цари даютъ, при выходѣ изъ храма, апокомвій, независимо отъ тѣхъ, которые приносились въ храмъ и полагались на св. престолѣ. Объ этихъ апокомвіяхъ и количествахъ ихъ будетъ рѣчь впереди.

носилъ царь въ св. Софію по случаю своей коронаціи или восшествія на престолъ и сколько онъ одинъ разъ въ годъ обязательно долженъ былъ жертвовать въ храмъ св. Софіи въ Великую Субботу. Въ томъ и другомъ случаѣ, т. е. какъ при вступленіи на престолъ и коронаціи, такъ и ежегодно въ Великую Субботу царь въ IX—X в., по крайней мѣрѣ, жертвовалъ или долженъ былъ жертвовать кентенарій или центенарій, т. е. 100 фунтовъ золота ¹⁾. Такъ какъ римско-византійскій фунтъ въ X в. равнялся нашимъ 72 золотникамъ, то въ 100 ф. было, слѣдовательно, 7.200 золотниковъ, которые составляютъ 75 нашихъ фунтовъ; такимъ образомъ выходитъ, что денежное приношеніе или пожертвованіе, которое цари приносили въ храмъ св. Софіи въ Великую Субботу, состояло почти изъ двухъ пудовъ золота, которое, по всей вѣроятности, приносилось въ видѣ солидовъ (*solidus aureus*, *νόμισμα*), т. е. въ видѣ золотой монеты въ $\frac{1}{72}$ византійскаго фунта или нашъ золотникъ. Эта золотая монета въ $\frac{1}{72}$ римско-византійскаго фунта у нашихъ предковъ называлась златница или златникъ и оставила о себѣ память въ вѣсовой единицѣ, золотникѣ, которому она равнялась по вѣсу ²⁾. Царь,

¹⁾ Въ Великую Субботу цари приходили въ храмъ св. Софіи перемѣнять покровъ на св. престолѣ и приносили два апокомвія: одинъ въ сто фунтовъ золота, который клался у подножія св. престола (*εἰς τὴν ἁγίαν τράπεζαν, ἐν τῷ βασιμίδι, ἐν ᾧ ὁ βασιλεὺς ἵσταται* I, 35, 182 или, по другому обряду той же Великой Субботы, *ἐν τῷ πεζουλίῳ τοῦ θαλασσιδίου τ. ἁγίας τραπέζης* I, 1, 34), а другой, *ἔχον καὶ αὐτὸ χρῆματα πᾶρπολλα*, царь клалъ на св. престолъ. При вступленіи на престолъ или, точнѣе, въ управленіе, т. е. когда царь, коронованный раньше при своемъ отцѣ или вообще предшественникѣ, дѣлался самостоятельнымъ правителемъ, большимъ или великимъ царемъ, цари жертвовали въ св. Софію тоже 100 фунтовъ золота (*ὁ γεγονὼς αὐτοκράτωρ βασιλεὺς δίδωσιν εἰς τ. ἁγίαν τοῦ Θεοῦ Μεγάλην Ἐκκλησίαν χρυσοῦ λίτρας ρ'* II, 52, 712. Ср. I, 91, 415, гдѣ говорится, что, кромѣ золота, въ коронацію приносились въ св. Софію и разные драгоценные предметы (*κεκρήλια*). Византійскимъ царямъ подражали въ этомъ случаѣ, какъ и во многомъ другомъ, римскіе папы, во многихъ отношеніяхъ копировавшіе царскій дворъ и обычаи. Такъ, Климентъ VIII въ день своей коронаціи *ad altare accessit, eoque, deposita mitra, in medio osculato, super illud aurea scuta L. obtulit, quae inclusa in rubra crumena serica* R. P. D. Bartholomeus Caesius, S. S. Generalis thesaurarius, Pontifici ministravit. (Слова эти, заимствованныя изъ церемоніала коронаціи Климента, приведены у Reiske въ Comment., p. 123).

²⁾ О соотвѣтствіи по вѣсу золотой византійской монеты, *νόμισμα* = *solidus aureus* нашему золотнику писалъ, какъ извѣстно, академикъ Кругъ. Я вѣсилъ одну золотую монету Константина Багрянороднаго, находящуюся въ Казанскомъ мюнцъ-кабинетѣ, теперь, къ сожалѣнію, сложенномъ большею частью въ кладовой; вѣсъ ея оказался совершенно соотвѣтствующимъ нашему золотнику. Такія монеты, какъ извѣстно, чеканились и у насъ: въ Кіевскомъ, богатомъ и прекрасно устроенномъ нумизматическомъ кабинетѣ, имѣется золотая монета св. Владиміра, представляющая копію съ византійской номисмы, только съ русскою надписью вокругъ изображенія св. Владиміра, представленнаго въ царскомъ облаченіи. Вѣсъ золотыхъ монетъ св. Владиміра болѣе или менѣе близокъ къ золотнику. Описанныя гр. Ив. Ив. Толстымъ въ его прекрасной и роскошно изданной книгѣ: «Древнѣйшія русскія монеты Великаго Княжества Кіевского», Спб. 1832, стр. 1—10, золотыя монеты св. Владиміра вѣсятъ около золотника (отъ 90 долей до 1 золотника 3 долей). Гр. Ив. Ив. Толстой считаетъ нормальнымъ вѣсомъ 1 зол. 3 доли (стр. 4). Визан-

значить, приносилъ въ Великую Субботу и жертвовалъ на св. Софію въ коронацію 7.200 солидовъ или золотниковъ. Такой суммы царь, понятно, не могъ нести и держать во время процессіи самъ, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ мы видѣли, во время шествія очень часто молится и прикладывается. Въ X в. обязанность нести мѣшокъ съ деньгами, назначенными для пожертвованія въ св. Софію въ Великую Субботу, возлагалась на одного изъ кувикюларіевъ, который въ день выхода становился съ мѣшкомъ на плечахъ у дверей Августея и, по выходѣ царя изъ Августея въ облаченіи, присоединялся къ процессіи, при чемъ шелъ сзади царя до св. вратъ, а потомъ боковымъ ходомъ входилъ въ алтарь и, когда наступало время класть эти деньги на ступень престола, къ его подножію, у кувикюларія мѣшокъ съ 75 ф. золота бралъ препозитъ и передавалъ царю, который и ставилъ этотъ мѣшокъ къ подножію св. престола, на одной изъ ступеней его, а не на самый св. престолъ ¹⁾).

Но такъ какъ цари въ Великую Субботу кромѣ апокомвіа въ 100 фунтовъ, полагаемаго на ступеняхъ престола, клали другой меньшій апокомвій на самый престолъ, подобно тому, какъ они дѣлали это въ большіе Господніе праздники, то изъ этого можно заключить, что апокомвій Великой Субботы хотя и періодически повторялся, но въ то же время значительно превосходилъ другіе апокомвіи, приносимые въ св. Софію въ большіе праздники. Уже одинаковая величина его съ апокомвіемъ въ день восшествія на престолъ указываетъ на его, такъ сказать, чрезвычайность и особенную величину. Апокомвіи, возлагаемые на св. престолъ, были, безъ сомнѣнія, гораздо меньше, но во сколько разъ, неизвѣстно; можетъ быть въ 10 разъ, какъ предполагаетъ Reiske на основаніи апокомвіа, даваемого патріарху, а можетъ быть, больше или меньше, смотря по празднику и усердію царей. Равеннская мозаика, на

тійскія златницы того времени также колеблутся въ вѣсѣ на 1—3 доли и для опредѣленія нормального вѣса русскихъ златницъ, дѣлавшихся, очевидно, по византійскимъ шаблонамъ, слѣдовало бы точно опредѣлить, на основаніи хорошо сохранившихся экземпляровъ, нормальный вѣсъ современныхъ Владиміру византійскихъ златницъ. Изображеніе Владиміровыхъ златницъ см. на таблицахъ, приложенныхъ къ книгѣ гр. Ив. Ив. Толстаго.

¹⁾ Ser. I, 1, 33: Цари, облачившись въ *χλαμύδας παγανίας* въ Октагонѣ Дафны. *ἐξέρχονται διὰ τοῦ Αὐγουστῆωνος* (слѣд. читать *Αὐγουστέως*) *ἐνδον γὰρ τῆς μεγάλης πόλης τοῦ αὐτοῦ Αὐγουστῆωνος* (*Αὐγουστέως*) *ἵσταται κουβικουλάριος, ἐπὶ μίον φόρτωμα τὸ κεντινάριον φέρων καὶ περιπατῶν ὁπισθεν πλησίον τῶν δεσποτῶν*. Здѣсь разумѣется та самая ἡ μεγάλη πόλη τοῦ Αὐγουστέως, въ которой, какъ мы видѣли, нипеистіаріи стоятъ съ рукомынникомъ и подаютъ царю воду для омовенія рукъ (Ser. I, 1, 9; ср. выше стр. 59). Въ ошибочности чтенія не можетъ быть никакого сомнѣнія, такъ такъ рѣчь идетъ о тропной залѣ, *Αὐγουστέως*, а не о площади, *Αὐγουστέων* или *Αὐγουστίων* = *Αὐγουσταίων* = *Augusteum*. См. объ этомъ ошибочномъ чтеніи рукописи и изданій въ Обзорѣ главн. частей Большаго Дворца, стр. 100, прим. 2. Относительно большой двери изъ Августея въ Золотую руку см. тамъ же, стр. 107.

которой Юстиніанъ несетъ апокомвій самъ, показываетъ, что цари приносили и въ видѣ обыкновеннаго апокомвія, возлагаемаго на св. престолъ, довольно большую сумму (*χρήματα πάμπολλα*), такъ какъ въ соудъ, который держитъ въ рукахъ Юстиніанъ, судя по его размѣрамъ, могло войти никакъ не меньше 10 фунтовъ золота, если не больше.

Кромѣ великаго или большаго царя апокомвіи приносили и малые или вторые цари, если таковые были, а равно и царицы, какъ видно изъ той же Равеннской мозаики. Эти апокомвіи были гораздо меньше апокомвія, приносимаго большимъ или правящимъ царемъ, автократомъ. Судя по тому, что въ свою коронацію второй царь жертвуетъ въ св. Софію 50 фунтовъ золота вмѣсто 100 фунтовъ, которые давалъ большой царь, а въ Врумаліи малаго царя для раздачи чинамъ даетъ 10 фунтовъ, между тѣмъ какъ большой царь въ свой день даетъ 20 фунтовъ, можно думать, что апокомвій втораго царя или малаго былъ вдвое меньше сравнительно съ апокомвіемъ великаго царя ¹⁾. Но, если было нѣсколько малыхъ царей, то ихъ апокомвій, вѣроятно, еще болѣе уменьшался, сообразно съ ихъ количествомъ, потому что въ противномъ случаѣ царямъ приходилось бы вносить слишкомъ большую сумму ²⁾.

Апокомвіи царицъ, судя по апокомвію въ Врумаліи, были еще меньше, нежели апокомвіи малыхъ царей: въ Врумаліи отъ имени малаго царя давалось 10 ф., а отъ царицы 8. Подобныя же отношенія могли существовать и между апокомвіями, жертвуемыми царицами въ св. Софію и другіе храмы. Если было нѣсколько царицъ, то, понятно, малыя царицы жертвовали меньше старшихъ царицъ, быть можетъ, по такому же расчету, какъ и малые цари сравнительно съ большимъ или самодержцемъ.

Положивши на св. престолѣ свои приношенія и приложившись къ

¹⁾ Атриклинъ Филовей, перечисливъ выдачи новаго царя-самодержца, замѣчаетъ, что *ὁ δευτερος βασιλεὺς δίδωσι τὸ ἥμισυ τούτων* II, 52, 712. Относительно выдачи въ Врумаліи большаго и малаго царей и царицы см. II, 18, 601, гдѣ рассказана исторія этихъ выдачъ, и замѣчено, что Романъ I Лакапинъ подъ видомъ благочестія отмѣнилъ было ихъ, но что Константинъ Багрянородный ихъ опять восстановилъ, причемъ вмѣсто выдачи въ Врумаліи большаго царя 20 ф., малаго царя 10 и царицы 8 ф., постановилъ, чтобы на будущее время вмѣсто всего этого въ Врумаліи великаго царя выдавалось 40 ф. золота въ видѣ апокомвія (*ibid.* 606—7).

²⁾ На основаніи замѣчанія схолія о количествѣ апокомвія, даваемого патріарху при выходѣ царя изъ храма и смѣшиваемаго *Reiske* съ апокомвіемъ, возлагаемымъ на св. престолъ, можно даже заключать, что апокомвій при двухъ, трехъ и большемъ еще количествѣ царей давался одинаковый, который и платился великимъ царемъ за всѣхъ сразу, тѣмъ болѣе что источникъ этихъ выдачъ былъ одинъ: царское казначейство (*τὸ βασιλικὸν θησαυριον*), изъ котораго бралась требуемая сумма и которое, какъ видно изъ вышеприведеннаго свидѣтельства *Кодина*, въ послѣдніе вѣка, когда Византійское царство сдѣлалось мало и бѣдно, оказалось не въ состояніи уплачивать и одного апокомвія.

священнымъ предметамъ, находившимся на святомъ престолѣ, царь съ патриархомъ, кадя, обходилъ св. престолъ и входилъ въ восточную нишу восточной конхи, молился предъ находившимся здѣсь серебрянымъ вызолоченнымъ распятіемъ со свѣчею въ рукахъ, прикладывался къ нему, бралъ у патриарха кадило и кадилъ св. распятіе. Послѣ этого царь прощался съ патриархомъ ¹⁾, причемъ они оба кланялись другъ другу и цѣловались, и уходилъ изъ восточной ниши (σύμβρονος или κοιλίον) въ евктирій или молельню, примыкавшую къ восточной конхѣ справа, молился тамъ предъ серебрянымъ распятіемъ ²⁾, на которомъ изображены были всѣ символы страданій Христовыхъ, прикладывался къ нему и уходилъ въ Мутаторій ³⁾.

¹⁾ По обряду хиротоніи патриарха, царь прощается съ патриархомъ не въ κοιλίον, а въ евктирін, гдѣ стоитъ серебряное распятіе, II, 14, 565. Такъ было при хиротоніи въ патриархи Теофилакта, сына Романа I Лакапина, II, 38, 636. Разница, впрочемъ, съ общимъ обрядомъ I, 1, 16, которому я слѣдовалъ въ текстѣ, очень незначительна, такъ какъ евктирій былъ сейчасъ же за горнимъ мѣстомъ.

²⁾ Такъ какъ при обзорѣніи топографіи алтаря и частей его приведена уже часть относящихся сюда мѣстъ, то нѣтъ надобности приводить ихъ еще разъ. Достаточно замѣтить здѣсь, что моменты, описанные въ текстѣ, подробнѣе всего изложены въ Общемъ обрядѣ I, 1, 15—16. Но и здѣсь, по всей вѣроятности, пропущена одна подробность: кажденіе царемъ престола, которую мы находимъ въ обрядѣ Рождества Богородицы I, 1, 28, гдѣ сказано, что (послѣ прикладыванія къ св. престолу) патриархъ беретъ у кастрисія своего (castrensis) кадило, даетъ царю и царь кадитъ вокругъ престола (καὶ θομιᾷ ὁ βασιλεὺς πέριξ τῆς ἁγίας τραπέζης). То же самое дѣлають цари и по обряду Великой Субботы I, 1, 34; I, 35, 182 (послѣ положенія второго апокомвія, царь λαβὼν παρὰ τοῦ πατριάρχου θομιᾶτόν, θομιᾷ ἐκ τρίτου τὸ θοσιαστήριον κοιλόθεν). Если кажденіе въ Великую Субботу еще можно отнести къ особенностямъ этого дня, то кажденіе въ Рождество Богородицы является уже подробностью, которая имѣла мѣсто, по всей вѣроятности, во всѣхъ случаяхъ, какъ имѣло мѣсто кажденіе предъ запрестольнымъ распятіемъ, хотя оно упоминается только въ одномъ обрядѣ. По Чиновнику Архіерейскаго священнослуженія, по входѣ въ алтарь на маломъ входѣ, архіерей, пріимъ кадильницу, кадитъ св. трапезу округъ и предложеніе и весь алтарь... Таже исходитъ предъ св. двери и кадитъ Владыки Христа образъ и пресв. Богородицы и благочестивѣйшаго императора и народъ... Если кажденіе въ этомъ случаѣ полагалось по чину литургіи, то, безъ сомнѣнія, кадилъ и царь вокругъ св. престола. Запрестольный крестъ, предъ которымъ молился царь послѣ кажденія вокругъ св. престола, вѣроятно, былъ тотъ самый, который видѣлъ и описалъ Антоній Новгородскій: «во святѣй Софѣи, говоритъ Антоній, въ олтари великомъ за святымъ престоломъ стоитъ крестъ златъ, выше двою челоуѣкъ отъ земли, съ каменіемъ драгимъ и жемчугомъ учиненъ: а предъ нимъ виситъ крестъ златъ полутора локтей: водлѣе трехъ вѣтей повѣшена 3 кандила злата, а горить въ нихъ масло, таже кандила съ крестомъ учинилъ царь Іустіанъ, иже святую Софію поставилъ (т. е. Юстиніанъ)». Далѣе нашъ паломникъ описываетъ чудесное поднятіе и опущеніе этихъ кандилъ въ 1200 году при царѣ Алексѣѣ III Ангелѣ. 21 мая (Путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія, изд. Саввантова, стр. 87—88).

³⁾ По I, 1, 16 цари, войдя въ евктирій предъ Мутаторіемъ, молятся καὶ ἀσπαζόμενοι τὸν τίμιον σταυρόν, ἐν ᾧ πάντα τὰ σύμβολα τοῦ πάθους τοῦ Κυρίου ἡμῶν καὶ Θεοῦ, ἐμφέρονται καὶ εἰσέρχονται ἐν τῇ Μητаторίῃ. Такъ читаетъ Reiske, согласно съ рукописью, между тѣмъ какъ въ изданіи Лейха было ἐμφέρονται, εἰσέρχονται, т. е. запятая перенесена и καи выпущена. Reiske, защищая чтеніе рукописи, говоритъ, что послѣ Θεοῦ подразумѣвается

Первые христiанскіе императоры стояли во время литургiи въ самомъ алтарѣ, гдѣ оставались все время до причастiя св. таинъ, но со временъ Θεодосiя Великаго, послѣ извѣстнаго столкновенiя Θεодосiя съ Амвросiемъ, епископомъ Медиоланскимъ, цари уже не стояли въ алтарѣ, а въ особомъ помѣщенiи близъ алтаря, входящемъ въ составъ царскаго Мутаторiя ¹⁾. Устройство этихъ помѣщенiй для царей развилось, вѣроятно, именно благодаря невозможности стоять въ алтарѣ. Какъ можно заключить изъ извѣстiй о требованiи Амвросiя, сначала цари стояли на солеѣ предъ алтаремъ ²⁾, но потомъ, для большихъ удобствъ, цари стали становиться въ боковыхъ помѣщенiяхъ возлѣ алтаря, которыя въ виду этого въ храмахъ, въ которыхъ цари періодически слушали литургiю, стали устраиваться особымъ образомъ съ разными отдѣленiями, изъ ко-

ѣвести и что ἐμφέρονται значитъ *inferunt sese domini, id est ὀρμῶσι, προχωροῦσι, pergunt et intrant*. Это толкованiе совершенно произвольно: ἐμφέρονται никогда, сколько мнѣ извѣстно, не значитъ: несусь куда нибудь, стремлюсь, вхожу, а значитъ: нахожусь гдѣ нибудь, въ чемъ нибудь, содержась въ чемъ нибудь, *insum, ἔνεμι*, т. е. именно то, что здѣсь и требуетъ смыслъ; потому ἐμφέρονται необходимо относить къ τὰ σύμβολα, а не къ царямъ, къ которымъ относится εἰσεέρχονται. Въ виду этого чтенiе перваго изданiя нельзя не признать правильнымъ и рукописное чтенiе нужно признать ошибочнымъ и требующимъ исправленiя. Ἐν ᾧ τὰ σύμβολα ἐμφέρονται значитъ: на которомъ находятся, помѣщены, имѣются знаки или орудiя страданiй Христовыхъ. (По II, 14, 565 и II, 38, 636 въ эвктирiи стояло серебряное распятiе). Такое объясненiе этого мѣста совершенно согласно съ описанiемъ Антонiя Новгородскаго, который также направо отъ большого алтаря въ притворѣ видѣлъ вдѣланную въ стѣнѣ доску гроба Господня и посохъ желѣзень, ту же и свердлы и пилы, ими же чиненъ крестъ Господень; и уже желѣзно во дверѣхъ Петровы темницы; и древо, иже на шii у Христа подъ желѣзомъ было, *тоже вчинено въ икону крестомъ*. Судя по этому описанiю, орудiя страстей Христовыхъ были расположены въ стѣнѣ или отдѣльной рамкѣ, такъ что составляли крестъ, который въ такомъ случаѣ будетъ совершенно сходенъ съ тѣмъ, который упоминается I. 1, 16 и въ которомъ «вставлены (ἐμφέρονται) символы страданiй Господа нашего» (Ант. Новг., изд. Савваитова, стр. 90). Потому латинскiй переводъ Лейха, который, согласно съ своею поправкою, перевелъ: *ac cruce, qua omnia passionis Dei et Domini nostri symbola continentur, osculati, metatorium intrant*, нужно признать совершенно правильнымъ.

¹⁾ Кромѣ многихъ другихъ извѣстiй объ этомъ обстоятельстве, есть относительно этого замѣчанiе и въ Придворномъ Уставѣ II, 26, 627. Другiя извѣстiя объ этомъ собраны у Дюканжа, *Constantin. Christ. lib. III, p. 24*, гдѣ, между прочимъ, приводится законъ Θεодосiя Младшаго и Валентiана, изданный послѣ Ефесскаго Собора: *Ad sacra altaria munerum tantum offerendorum gratia accedimus, et cum circum septum sacrorum adytorum ingressi sumus, statim egredimus, ne quidquam ex propinqua divinitate nobis arrogemus*.

²⁾ По словамъ Созомена (*lib. VII, c. 24*), Амвросiй τόπον εἶναι τοῦ βασιλέως ἐν ἐκκλησίᾳ τέταχεν τὸν πρὸ τῶν θυρῶν τῶν τοῦ ἱερατείου, ὥστε τοῦ μὲν λαοῦ τὸν κρατοῦντα τὴν προεδρίαν ἔχειν, αὐτοῦ δὲ τοὺς ἱερέας προκαθῆσθαι. По словамъ Хронографiи Θεοφана, со времени этого распоряженiя Амвросiя, установился обычай ἔξω τοῦ θυροσυστηρίου τοὺς βασιλεῖς ἵστασθαι μετὰ τοῦ λαοῦ (см. Дюканжа, *Const. Chr. III, p. 24*). Но съ народомъ царямъ по многимъ причинамъ стоять было неудобно. Потому цари становились не въ алтарѣ, а возлѣ него, въ особой пристройкѣ, Мутаторiи, гдѣ они могли хорошо слышать службу и въ то же время не стѣсняться публикою. Въ другихъ храмахъ, гдѣ такихъ пристроекъ въ нижнемъ этажѣ не было, цари становились въ катихуменiяхъ и переоблачались въ прилегающихъ къ нимъ помѣщенiяхъ (см. выше, стр. 130—131).

торыхъ въ одинъ царь молились, въ другихъ отдыхали и пересодѣвались, въ третьихъ завтракали.

Войдя въ свой Мутаторій, царь прежде всего снимали хламиду, для чего, безъ сомнѣнія, тамъ находились чины, завѣдующіе царскими облаченіями, и веститоры, и стояли безъ хламиды до перенесенія св. даровъ съ жертвенника (*πρόθεσις*) на св. престолъ или до большого входа (*ἡ μεγάλη εἰσόδος*), безъ сомнѣнія, потому, что хламида, затканная золотомъ и осыпанная драгоценными камнями и жемчугомъ, была довольно тяжела и стоять въ ней было довольно трудно и неудобно ¹⁾). Такъ какъ царь въ своемъ Мутаторіи былъ невидимъ для предстоящихъ въ храмѣ и при немъ находились только высшіе чины кувуклія, то ему не было необходимости во все время службы быть въ этомъ тяжеломъ облаченіи, которое онъ надѣвалъ только тогда, когда ему нужно было выходить изъ своего Мутаторія въ самый храмъ, что онъ дѣлалъ три раза во время литургіи: для участія въ великомъ входѣ, для цѣлованія любви и для причастія св. таинъ ²⁾).

Когда, по ходу службы, приближалось время перенесенія съ жертвенника св. Даровъ на св. престолъ, церемоніарій, получивши, быть можетъ, извѣстіе отъ посланнаго патріархомъ референдарія, докладывалъ препозиту, а препозитъ царю. Царь облачался въ хламиду и шелъ съ чинами кувуклія чрезъ правую сторону храма за амвонъ, причемъ впереди его шли знамена и чины синклита, которые, подходя къ амвону, становились въ два ряда, такъ что царь проходилъ посреди ихъ.

¹⁾ Хотя въ обрядахъ объ этомъ снятіи хламиды, а въ Пасху лора, говорится рѣдко, тѣмъ не менѣе упоминаніе въ общемъ и Пасхальномъ обрядѣ облаченія въ хламиду предъ выходомъ для участія въ перенесеніи св. даровъ указываетъ достаточно ясно на разоблаченіе по приходѣ въ Мутаторій. Находясь въ паракинтикѣ, евктирії или китонѣ Мутаторія, царь былъ, такъ сказать, у себя и отдыхалъ отъ труднаго и утомительнаго шествія въ тяжеломъ парадномъ облаченіи, хламидѣ или лорѣ, которые онъ снималъ при первой возможности, хотя бы на короткое время.

²⁾ Участіе царей въ великомъ входѣ подробнѣе другихъ обрядовъ описано въ общемъ обрядѣ I, 1, 16—17. Здѣсь сказано, между прочимъ, что послѣ доклада препозита царь *περιτιθέας τὰς εαυτῶν χλαμύδας καὶ ἐξέρχονται μετὰ τῶν χλαμύδων αὐτῶν ἀποσκέπαστοι* (т. е. безъ коронъ на головѣ, съ открытой головой) и проходятъ *διὰ δεξιῶν μερῶν τῆς αὐτῆς ἐκκλησίας μετὰ τοῦ κουβουκλείου καὶ τῆς συγκλήτου, ὀφικευόμενοι ὑπὸ τῶν σκήπτρων καὶ τῶν λοιπῶν σκευῶν*. По Пасхальному обряду I, 9, 65, царь, который по приходѣ въ Мутаторій, снималъ лоръ, предъ великимъ входомъ *περιβάλλεται χλαμίδα καὶ ὀφικευόμενος ὑπὸ τῶν ἐξ ἔδους... στάντων πάντων τῶν πατριῶν ἐνθεν καθεῖσε διέρχεται ὁ βασιλεὺς μέσον αὐτῶν*. По Рождественскому обряду, царь *κατέρχεται διὰ τῆς πλαγίας τοῦ ναοῦ... καὶ πλησιάσαντος τοῦ βασιλέως εἰς τὸν τόπον, ἐν ᾧ ἵσταται τὸ κηρίον αὐτοῦ, ἵσταται ἡ σύγκλητος ἐνθεν καθεῖθεν καὶ διέρχεται (ὁ βασιλεὺς) μέσον αὐτῶν* (I, 23, 133). Изъ этихъ мѣстъ видно, что царь выходитъ изъ Мутаторія не чрезъ алтарь, а чрезъ правую сторону церкви, т. е., вѣроятно, чрезъ правую нишу на солеѣ или правый корабль, а оттуда идетъ по правой сторонѣ средняго корабля за амвонъ. Чины и знамена идутъ въ обычномъ порядкѣ шествія впереди царя и, под-

Между амвономъ и царскими вратами стояли уже вышедшіе сюда изъ алтаря священнослужители, предшествуемые діаконами и архидіаконами, съ св. дарами и, быть можетъ, другими священными предметами: крестомъ, лжицею, копіемъ въ ожиданіи царя. Здѣсь же стояли и большія свѣчи, которыя носятъ предъ св. дарами во время великаго входа и которыя отсюда до св. вратъ алтаря должны нести цари въ качествѣ депутатовъ и дефензоровъ церкви ¹⁾).

Когда цари подходили къ тому мѣсту за амвономъ, гдѣ стояли под-свѣчники съ зажженными свѣчами, а за ними священнослужители съ

ходя къ мѣсту, откуда должно начаться обратное шествіе, останавливаются, такъ что царь подходитъ къ своему подсвѣчнику уже посреди стоящихъ въ два ряда чиновъ синклита и знаменъ, которые останавливались и становились въ томъ порядкѣ, въ какомъ они должны идти впереди царя, при обратномъ шествіи отъ амвона къ солеѣ, какъ останавливаются при соборномъ служеніи духовные чины, когда прежде архіерея выходятъ на средину храма; при этомъ младшіе, выходящіе впереди, становятся впереди же, т. е. ближе къ солеѣ, а старшіе ближе къ пульту или помосту, на который входитъ потомъ, пройдя посреди духовныхъ чиновъ, архіерей.

¹⁾ Свѣчи, которыя несутъ цари впереди св. даровъ, называются то τὸ κηρίον, то ἡ λαμπάς. Это—большія восковыя свѣчи, поставленныя въ высокіе подсвѣчники. Они и у насъ называются въ церковномъ языкѣ по-гречески лампадами (Du Cange, Gloss. Gr. s. v. λαμπάς. Ср. протоіер. Никольскаго, Богослуж. Правосл. Церкви, стр. 45). Эту свѣчу обыкновенно носилъ депутатъ (deputatus), одинъ изъ свѣщеносцевъ, обязанность (διακονία, οὐκ ὀφφίκιον, ministerium, non officium) котораго состояла въ ношеніи свѣчи предъ архіереемъ и очищеніи пути для него на улицахъ и площадяхъ. Онъ же носилъ свѣчу на маломъ входѣ предъ евангеліемъ, а на большомъ предъ св. дарами. Неся вмѣсто него эту свѣчу, царь, такимъ образомъ, исполнялъ обязанности депутата. Не смотря на свою сравнительную незначительность, это званіе ставило царя въ разрядъ церковнослужителей и давало ему вмѣстѣ съ званіемъ дефензора церкви значительныя преимущества предъ мірянами (οἱ λαϊκοί). Этими званіями мотивируется, между прочимъ, какъ мы увидимъ, право царя на причащеніе подъ двумя видами отдѣльно и право входить въ алтарь св. вратами (о депутатахъ см. Goar, Euchol. 237 слѣд.; 272 и 290. Ср. Du Cange, Gloss. Gr. s. v. Δεποτάτος и Kraus, Realencykl. d. christlich. Alterthümer s. v.). Гораздо выше была роль защитника церкви (Δεφένσωρ, Defensor, ἑκδικος). Эти защитники (defensores) возникли въ христіанской церкви на подобіе существовавшихъ тогда defensores rerum publicarum, rauperum, urbium и учреждены закономъ императора Гонорія по просьбѣ Карпагенскаго синода 407 года, который просилъ императоровъ, ut dent facultatem defensores constituendi scholasticos (= advocatos), ut more sacerdotum provinciarum iidem ipsi, qui defensionem ecclesiarum susceperunt, habeant facultatem pro negotiis ecclesiarum, quoties necessitas flagitaverit, vel ad obsistendum obripentibus vel ad necessaria suggerenda ingredi iudicium secretarii. На эту просьбу Гонорій отвѣчалъ закономъ (Cod. Theod. lib. XVI, Tit. II, lex 38), которымъ эта просьба собора приводилась въ исполненіе (Godofredi Cod. Theod., VI, p. 84—85), а другимъ закономъ тотъ же Гонорій (Lib. II, Tit. IV, lex VII, Godofr. Cod. Theod. t. I, p. 121) постановилъ, чтобы дѣла церкви въ судахъ оканчивались безъ замедленія и чтобы дефензоры не задерживались.

Въ восточной греческой церкви было нѣсколько такихъ защитниковъ и они значатся въ перечняхъ духовныхъ чиновъ (см. Goar, Euchol. 286; Codinus, de offic. p. 130; Du Cange, Gloss. Gr. s. v. Δεφένσωρ и ἑκδικος; Kraus's Realencyklop. s. v. Defensor). Императоръ, понятно, былъ защитникомъ церкви не въ такомъ тѣсномъ и частномъ смыслѣ, а въ смыслѣ общей и высшей защиты Православной Церкви, какъ ея покровитель и старшій сынъ.

св. дарами, препозиты брали подсвѣчники и подавали ихъ царямъ. Поклонившись св. дарамъ и взявши подсвѣчники въ руки, цари, предшествуемые знаменами и чинами синклита, начинали шествіе или великій входъ отъ середины храма къ св. вратамъ. За царями священнослужители несли св. дары: протодіаконъ или старшій діаконъ несъ дискосъ съ агнцемъ, служащій архимандритъ или протоіерей — чашу, другіе архимандриты, протоіереи и іереи — кресты, конья и пр. Подходя къ солеѣ, чины останавливались; знамена, стоявшія на солеѣ, вносились туда же и разставлялись по обѣимъ сторонамъ, а стоявшіе въ храмѣ становились на свои мѣста. Цари входили съ подсвѣчниками на солею и становились предъ святыми вратами, большой царь съ правой стороны, а малый съ лѣвой, отдавали свѣчи препозитамъ, которые ставили ихъ или на преграду у святыхъ вратъ, или прямо на солею съ правой и лѣвой стороны св. вратъ. Святые врата въ это время были открыты, и въ нихъ, ожидая св. дары, стоялъ патріархъ, который, безъ сомнѣнія, привѣтствовалъ царей поклономъ, на который цари также отвѣчали поклономъ. За царемъ входили на солею и становились здѣсь предъ св. вратами священнослужители съ св. дарами. Архидіаконъ кадилъ царей, патріарха и св. престолъ, послѣ чего св. дары вносились въ св. врата, гдѣ ихъ принималъ патріархъ ¹⁾. Прежде всего входилъ протодіаконъ съ дискосомъ и, проходя мимо царей, возглашалъ „царство Твое (или Ваше) да помянетъ Богъ во царствіи своемъ всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“, а, подходя къ патріарху съ дискосомъ, возглашалъ: „архіерейство твое да помянетъ Богъ во царствіи своемъ“ и пр. Патріархъ, принимая отъ протодіакона дискосъ, молился о благочестивѣйшемъ царѣ, о духовныхъ и государственныхъ чинахъ и пр. и относилъ дискосъ на св. престолъ. Такимъ же образомъ, какъ протодіаконъ съ дискосомъ, входилъ въ св. врата священнодѣйствующій архимандритъ или протоіерей съ чашею и, проходя мимо царей, возглашалъ: „царство Ваше да помянетъ Господь Богъ“ и пр., а, подойдя къ патріарху говорилъ: „архіерейство твое“ и пр. Патріархъ, принимая чашу, произносилъ опять молитву за царя и относилъ чашу на св. престолъ. Съ такими же молитвами за царя и патріарха входили другіе сослужащіе и становились на своихъ мѣстахъ въ алтарѣ ²⁾, послѣ чего патріархъ и цари

¹⁾ Самый входъ описанъ I, 1, 17, гдѣ сказано, что препозиты ставятъ лампы ἐν τοῖς στήθεσι τῶν ἁγίων θυρῶν. Ср. I, 9, 65, по которому препозитъ ставитъ τὸ κηρίον ἐπάνω τῆς σολέας πλησίον τῶν ἁγίων θυρῶν, какъ и I, 23, 133. Если былъ одинъ царь, то его свѣча становилась съ правой стороны св. вратъ (ἐν τῷ δεξιῷ μέρει), а возлѣ свѣчи самъ царь (I, 9, 65).

²⁾ Такъ какъ мнѣ неизвѣстенъ ни одинъ чинъ патріаршаго служенія литургіи, болѣе или менѣе близкій по времени къ обрядамъ Константина Багрянороднаго, то я счелъ

кланялись другъ другу и прощались. Патріархъ шелъ къ св. престолу, а цари шли по правой сторонѣ солеи въ Мутаторій съ чинами кувуклія ¹⁾, снимали опять хламиды и продолжали слушать литургію до наступленія времени цѣлованія любви (ἀγάπη).

Въ послѣдніе вѣка существованія Византійскаго царства, когда цари жили во Влахернскомъ дворцѣ и оттуда приходили въ извѣстные праздники въ храмъ св. Софїи, участіе царей въ великомъ входѣ, повидимому, начиналось раньше, на сколько можно судить объ этомъ по позднѣйшему коронаціонному обряду. Во время литургіи, предъ началомъ которой совершалась коронація, цари, приглашенные къ участію въ великомъ входѣ старшими діаконами предъ самымъ началомъ его, надѣвши мантию, съ короною на головѣ, шли въ алтарь или помѣщеніе рядомъ съ нимъ къ жертвеннику, на которомъ стоятъ до перенесенія на св. престолъ св. дары. Когда св. дары передавались патріархомъ священнослужителямъ, имѣющимъ нести ихъ, и всѣ духовные чины, участвующие въ великомъ входѣ, занимали свои мѣста, царь въ мантии и коронѣ, съ крестомъ въ правой рукѣ и акакіею (ἁγία) въ лѣвой становился и шелъ впереди всей процессіи (изъ алтаря чрезъ сѣверныя двери?) на средину храма за амвонъ, обходилъ его и шелъ по правой сторонѣ на солею. Съ правой и лѣвой стороны царя шли царскіе тѣхохранители: варяги и знатные юноши въ парадномъ вооруженіи, а за царемъ слѣдовали діаконы и іереи съ св. дарами и другими священными предметами, носимыми во время великаго входа. Дойдя до солеи, всѣ останавливались. Одинъ царь проходилъ чрезъ солею до св. вратъ, которыя были открыты и за которыми стоялъ патріархъ. Царь и патріархъ кланялись другъ другу, наклоняя головы, и привѣтствовали другъ друга. Потомъ царь становился направо у царскихъ вратъ и начинался входъ священнослужителей. Прежде всѣхъ къ патріарху, стоявшему въ царскихъ вратахъ, подходилъ второй изъ діаконѡвъ, державшій въ правой рукѣ кадило, а въ лѣвой омофоръ; пройдя къ патріарху мимо царя, стоявшаго у св. вратъ, діаконъ

возможнымъ дополнить указанія Придворнаго Устава главнѣйшими данными по Чиновнику общеархіерейскаго служенія литургіи (ср. Н и к о л ѣ с к і й, Богослуженіе Правосл. Церкви, стр. 423 примѣч.), заимствуя при этомъ нѣкоторыя черты изъ позднѣйшаго обряда коронаціи царей, съ которыми мы сейчасъ познакомимся подробнѣе и въ которомъ, между прочимъ, описывается участіе царя въ великомъ входѣ.

¹⁾ Уходитъ царь отъ св. вратъ, не входя въ нихъ, очевидно, чрезъ правую сторону солеи, внѣ алтарной преграды, по всей вѣроятности, тѣмъ же путемъ, какимъ выходилъ къ Мутаторію. Путь этотъ, къ сожалѣнію, не указанъ точно въ обрядахъ; замѣчено только, что царь уходилъ διὰ τῶν ἑξω τοῦ θυσιαστηρίου I, 9, 65; διὰ τοῦ θεξιοῦ μέρους τοῦ βήματος ἑξωθεν I, 1, 17. О значеніи βήμα въ смыслѣ алтаря съ солеею вмѣстѣ будетъ рѣчь ниже.

кадилъ царя и, когда царь наклонялъ голову, діаконъ возглашалъ громкимъ голосомъ (βοᾷ μεγάλη τῇ φωνῇ): „да помянетъ Господь Богъ державу царства твоего во царствіи своемъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“, и потомъ прибавлялъ: „аминь“. Затѣмъ этотъ діаконъ подходилъ уже къ патріарху, который цѣловалъ омофоръ, и діаконъ входилъ въ алтарь боковыми дверьми. Подходя къ патріарху, діаконъ возглашалъ: „да помянетъ Господь Богъ архіерейство твое“ и пр. Съ такими же возглашеніями проходили мимо царя протодіаконъ съ дискомъ, первый архимандритъ или протоіерей съ потиромъ и т. д.

Когда всѣ входили такимъ образомъ, царь становился опять предъ святыми вратами, въ которыхъ стоялъ патріархъ; они кланялись другъ другу и царь уходилъ опять на свое мѣсто, гдѣ опять снималъ мантию и хламиду и слушалъ литургію ¹⁾).

Предъ совершеніемъ таинства Евхаристіи въ первые вѣка христіанства совершалось общее цѣлованіе любви или мира (φίλημα τῆς ἀγάπης или εἰρήνης, ἀσπασμός, osculum pacis или рах), въ знакъ взаимнаго примиренія, христіанскаго всепрощенія и любви къ ближнимъ, чтобы жертва, ими приносимая, была благопріятна Богу ²⁾). Мало-по-малу этотъ обычай

¹⁾ Вышеприведенное описаніе участія царей въ великомъ входѣ въ позднѣйшее время взято изъ К о д и н а de offic. с. XVII, р. 93 Bonn., гдѣ излагается обрядъ коронованія царей и описываются дѣйствія ихъ въ храмѣ въ день коронованія. Обрядъ этотъ весь заимствованъ К о д и н о мъ изъ Исторіи царя Іоанна Кантакузина (hist. lib. I, с. 41, стр. 196—204), откуда онъ перепечатанъ и въ 'Αρχιερατικόν или Liber Pontificalis eccl. Graecae N a b e r t i, Parisiis. 1726, р. 604 слѣд. Въ этомъ обрядѣ подробности описанія великаго входа очень близко подходятъ къ чину общаго архіерейскаго служенія литургіи, дѣйствующему у насъ и доннынѣ. Здѣсь упоминается несеніе предъ св. дарами архіерейскаго омофора, который носится и теперь. Кромѣ того, теперь носятъ еще впереди омофора архіерейскую митру или, какъ ее теперь называютъ греки, корону, которая въ X в. еще не была составною частію полного облаченія не только простыхъ епископовъ, но и патріарха. Да и царь, какъ мы видѣли, свою корону снималъ предъ входомъ въ наѣикъ и надѣвалъ по выходѣ изъ храма, какъ мы увидимъ. Въ позднѣйшее время, когда корона стала принадлежностію полного облаченія сперва патріаршаго, а потомъ мало-по-малу архіерейскаго вообще, цари и патріархи носили и въ храмахъ корону, которая снималась только въ извѣстные, наиболѣе важные и священные моменты службы, которые указаны въ «Чинovníкахъ» архіерейскихъ службъ.

²⁾ Исторія этого обычая вкратцѣ изложена у K r a u s 'a Realencyklopädie der christlichen Alterthümer I, 542 слѣд. s. v. Friedenkuß, гдѣ указана и довольно богатая литература этого обряда и перечислены случаи, въ которыхъ совершалось цѣлованіе, кромѣ литургіи. Благодаря скоро явившимся злоупотребленіямъ, было запрещено цѣловаться всѣмъ вообще, а только мужчинамъ и женщинамъ отдѣльно; затѣмъ и это оставлено. Но прежде нежели совсѣмъ вышелъ изъ употребленія обычай цѣлованія, въ западной церкви былъ въ употребленіи въ XIII столѣтіи такъ называемый instrumentum pacis или osculatorium, придуманный и введенный епископомъ Іоркскимъ Вальтеромъ. Этотъ osculatorium представлялъ собою дощечку съ изображеніемъ креста, къ которой и прикладывались всѣ, вмѣсто взаимнаго цѣлованія. Это было въ XIII в., а до этого времени еще держался обычай цѣлованія, хотя, вѣроятно, уже ослабѣвалъ. О значеніи обряда цѣлованія см. G o a r, Euccho-

сталъ выходить изъ употребленія, частію по постановленіямъ самой церкви, и теперь соблюдается только священнослужителями, въ православной церкви предъ совершеніемъ таинства, а въ римской послѣ совершенія таинства, предъ самымъ причащеніемъ.

Въ православной восточной церкви послѣ возгласа діакона: „возлюбимъ другъ друга (ἀγαπήσωμεν ἀλλήλους), да единомысліемъ исповѣмы“ и молитвы священнодѣйствующаго, въ которой говорится о любви къ Богу и ближнимъ, всѣ священнослужащіе прикладываются къ дискосу, потиру и св. престолу и затѣмъ цѣлуютъ другъ друга. При архіерейскомъ служеніи, архіерей прикладывается, снявши шапку, т. е. митру, а потомъ, надѣвши ее, цѣлуется съ сослужащими архимандритами и іереями, которые, приложившись къ дискосу, чашѣ и св. престолу, подходятъ къ архіерею по старшинству и цѣлуютъ его въ рамена и десницу, при чемъ говорятъ: „Христосъ по средѣ насъ“, на что архіерей отвѣчаетъ: „и есть и будетъ“.

Съ наступленіемъ времени цѣлованія, патріархъ посылалъ референдарія къ царю съ извѣстіемъ о ходѣ службы; референдарій сообщалъ это церемоніарію, церемоніарій препозиту, а препозитъ докладывалъ царю. Царь облачался опять въ хламиду и въ сопровожденіи чиновъ кувуклія, къ которымъ, по выходѣ изъ Мутаторія, присоединялись чины синклита, тѣмъ же порядкомъ, какъ для участія въ великомъ входѣ, шелъ чрезъ правую сторону церкви изъ Мутаторія на солею и останавливался у алтарной преграды, направо отъ св. вратъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ переносный церковный столикъ, такъ называемый антиминосъ, съ котораго потомъ патріархъ приобщалъ царя святыхъ таинъ ¹⁾).

logium, p. 134. Ср. Никольскаго, Богослуженіе Правосл. Церкви, p. 426—427. Въ восточной церкви обычай цѣлованія мірянъ (οἱ λαϊκοί) предъ совершеніемъ таинства существовалъ также очень долго; по крайней мѣрѣ, былъ еще въ X в., какъ видно изъ обрядовъ Константина Багрянороднаго, но соблюдался только царемъ да и то не во всѣхъ храмахъ, а только въ св. Софіи; въ другихъ храмахъ предъ совершеніемъ таинства царь не цѣлуется. Въ послѣдніе вѣка Византійской имперіи и въ св. Софіи царь не совершалъ уже цѣлованія, какъ видно изъ вышеприведеннаго обряда коронованія.

¹⁾ Въ обрядахъ не совсѣмъ ясно указано, гдѣ именно стоитъ царь во время цѣлованія, и съ перваго взгляда можетъ показаться, что цѣлованіе происходитъ въ алтарѣ, такъ какъ въ Пасхальномъ обрядѣ сказано, что царь ἵσταται ἐν τῷ δεξιῷ μέρει τοῦ θυσιαστηρίου, ἐπακουμβίζων τῷ καρχέλλῳ ἐν τῷ ἀντιμίσῳ τῆς πλαγίας (I, 9, 66); но такъ какъ далѣе сказано, что, послѣ цѣлованія съ духовными чинами, для цѣлованія съ чинами своего синклита царь спускается (κατέρχεται), чтобы стать на то мѣсто, гдѣ онъ обыкновенно совершалъ цѣлованіе съ чинами, а въ общемъ обрядѣ I, 1, 17 выражено еще яснѣе, что для цѣлованія съ чинами царь ἵσταται ὑποκάτω ὀλίγον τῶν κιγκλίδων; то не остается никакого сомнѣнія, что царь во время цѣлованія духовныхъ чиновъ стоялъ у алтарной преграды на солеѣ, а для цѣлованія съ чинами синклита спускался на нѣсколько ступеней. Въ пользу такого именно толкованія говоритъ и то указаніе Пасхальнаго обряда, что для

Здѣсь за алтарною преградою, въ алтарѣ, стоялъ патріархъ съ митрополитами, архіепископами, епископами, архимандритами и прочими священнослужителями, участвующими въ служеніи литургіи. Когда царь

причастія царь ἵσταται ἔμπροσθεν τοῦ θυσιαστηρίου ἐν τῷ βασιλικῷ ἀντικίσιφ; слѣдовательно антиминосъ, у котораго царь стоялъ во время цѣлованія съ духовными чинами, находился не въ алтарѣ, а предъ алтаремъ. Наконецъ въ общемъ обрядѣ I. 1, 17 сказано, что предъ цѣлованіемъ патріархъ стоитъ ἐν τῷ δεξιῷ μέρει τοῦ βήματος πρὸς τὸ μετὰ τὸν ἐνδὸν τῶν κιγκλίδων καὶ ἐν πρώτοις οἱ δεσπότες ἀσπάζονται τὸν πατριάρχην ἱστάμενον ἔξω τῶν κιγκλίδων, изъ чего ясно видно, что для цѣлованія патріархъ выходилъ изъ-за алтарной преграды и становился вѣ ея, на солеѣ, проходя, вѣроятно, чрезъ южную дверь, такъ какъ и царь и чины стояли въ правой, южной сторонѣ, къ которой примыкалъ Мутаторій. Подъ βήμα общаго обряда и θυσιαστηρίου Пасхальнаго обряда, такимъ образомъ, слѣдуетъ разумѣть не только алтарь собственно, т. е. пространство за перегородкою, но и солею, которая, какъ возвышенная часть храма, входила въ составъ βήμα, что значитъ собственно ступень, возвышеніе. Это видно какъ изъ раздѣленія храма вообще на βήμα, ναὸς и νάρθηξ, при чемъ къ βήμα причисляется и солея, которая, по словамъ Симеона Θεσσαλονικίηскаго, καὶ βήμα καλεῖται ἀναγνώστῶν, такъ и изъ нѣкоторыхъ указаній обрядовъ Константина Багрянороднаго. Такъ, въ праздникъ св. пророка Іліи, τῶν δεσποτῶν εἰσιόντων μετὰ τοῦ πατριάρχου εἰς τὸ θυσιαστήριον τοῦ εὐκτηρίου τοῦ ἁγίου Ἰησοῦ, ὁ μὲν πατριάρχης προεἰσέρχεται, οἱ δὲ δεσπότες, ἱστάμενοι ἔξωθεν τῶν ἁγίων θυρῶν, молятся, а потомъ εἰσερχόμενοι ἐν τῷ θυσιαστηρίῳ, прикладываются къ св. вратамъ (I, 19, 117). Совершенно то же I, 20, 120. Здѣсь въ первомъ случаѣ подъ θυσιαστήριον разумѣется собственно солея, такъ какъ солея есть часть θυσιαστηρίου въ широкомъ смыслѣ, это вѣншній престолъ Господа, какъ алтарь въ тѣсномъ смыслѣ внутренній престолъ Господа. Какъ внутренній назначается consecrando eius corpori, такъ вѣншній pro eodem in communione dividendo fabricatum. Вотъ почему въ Пасхальномъ обрядѣ сказано, что царь послѣ великаго входа уходитъ въ свой Мутаторій διὰ τῶν ἔξω τοῦ θυσιαστηρίου I, 9, 65, а въ общемъ διὰ τοῦ δεξιῷ μέρους τοῦ βήματος (I. 1, 17). Совершенно согласно съ этимъ понятіемъ о солеѣ, какъ о вѣншнемъ алтарѣ, гласитъ обрядъ выноса креста въ Крестовоздвиженіе въ одномъ неизданномъ ктиторскомъ уставѣ, найденномъ доцентомъ Кіевской Духовной Академіи, А. А. Дмитріевскимъ. Въ выпискѣ, любезно сообщенной мнѣ г. Дмитріевскимъ, сказано относительно выноса креста: Χρὴ γινώσκειν, ὅτι προηυτρεπισμένου ὄντος τοῦ τετραποδίου μετὰ καὶ ἐνδοῦ, προτιθέασιν αὐτὸ οἱ παρεκκλησιάρχαι ἐν τῷ δεξιῷ μέρει τοῦ βήματος ἔξωθεν. Ἐν τῷ ψάλλεσθαι τὸ ν... λαβὼν ἐπὶ τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ τὸ τίμιον ξύλον ὁ ἱερεὺς... ἐξέρχεται ἀπὸ τοῦ ἀριστεροῦ κλίματος... καὶ τιθέασιν (св. діакономъ) αὐτὸν (τὸν σταυρόν) ἐπὶ τοῦ τετραποδίου ἔμπροσθεν τοῦ ἁγίου θυσιαστηρίου πλαγίως (ὡς) εἴρηται, ἱστῶντες καὶ τοὺς δύο κηροὺς τῆς εἰσόδου ἔμπροσθεν αὐτοῦ ἡμεμένους (по словамъ г. Дмитріевскаго, въ рукописи стоитъ ἡμεράς), καὶ εὐθὺς εἰσέρχεται διὰ τῶν ἁγίων θυρῶν ἐνδοθεν τοῦ βήματος κтл. Здѣсь солея ясно названа алтаремъ (βήμα) вѣншнимъ (ἔξωθεν), въ противоположность алтарю внутреннему (ἐνδοθεν), т. е. находящемуся за алтарной преградою. Уставъ этотъ, по словамъ пролога къ нему, составленъ въ XI в. для Константинопольскаго монастыря пресв. Богородицы Евергетидекой (Εβεργетίδος Благодѣтельницы), а рукопись, по словамъ г. Дмитріевскаго, можно отнести къ XI—XII в.—Это различіе βήμα на вѣншній и внутренній алтарь для насъ важно имѣть въ виду, чтобы точно опредѣлить, гдѣ царь совершалъ цѣлованіе любви и потомъ приобщался св. Таинъ, въ алтарѣ, за алтарной преградою, или вѣ ея, на солеѣ, такъ какъ неясное изложеніе этого пункта въ обрядахъ можетъ подать поводъ думать, что оба эти дѣйствія совершались въ алтарѣ, за алтарной преградою, между тѣмъ какъ царь, согласно вышеприведенному законоположенію, въ алтарь входилъ только для принесенія даровъ, т. е. своихъ пожертвованій. Относительно значенія βήμα и солей см. G o a r, Euchologium, p. 18; ср. Du C a n g e, Constant. Chr. lib. III, p. 43—44 и K r a u s, Realencyklop. d. christlichen Alterthümer, I. 43 folg., гдѣ объясняется первоначальное значеніе и назначеніе βήμα = tribunal. Ср. сказанное выше, стр. 122—123.

подходилъ къ алтарной преградѣ и, облокотившись на нее, становился, патріархъ выходилъ чрезъ южную дверь алтаря и совершалъ цѣлованіе любви съ царемъ. За патріархомъ подходилъ къ царю синкеллъ, какъ первое послѣ патріарха духовное лицо, затѣмъ митрополиты, архіепископы, епископы, протопопъ св. Софіи и другіе высшіе духовные чины, и наконецъ три новокрещенныхъ (τρία φωτίσματα). Всѣхъ подводилъ къ царю, держа за руку, референдарій патріарха.

Совершивши цѣлованіе любви со всѣми духовными чинами, царь и патріархъ опять кланялись другъ другу, послѣ чего царь, отойдя отъ преграды и спустившись на нѣсколько ступеней, приступалъ къ цѣлованію съ чинами своего синклита, начиная съ высшихъ. Какъ духовные чины подводились къ царю референдаріемъ патріарха, такъ свѣтскихъ сановниковъ и чиновниковъ подводилъ къ царю церемоніарій. Если было нѣсколько царей, то прежде всего цѣловались цари, при чемъ къ великому или правящему царю подходили малые, за ними слѣдовали кесари, нобилиссимы, магистры и т. д.

Всѣ подводимые къ царю для цѣлованія, не исключая и малыхъ царей ¹⁾, кланялись въ землю, за исключеніемъ праздника Пасхи, когда, благодаря воскресенію, возстанію изъ гроба (διὰ τὴν ἀνάστασιν) кланяться или падать въ землю не полагалось. Въ этомъ случаѣ чины кланялись только до колѣнъ обыкновеннымъ церемоніальнымъ поклономъ, замѣнявшимъ въ придворныхъ обрядахъ въ воскресные дни поклонъ въ землю, при входѣ къ царю (см. выше, стр. 18 — 20). Патріархъ и цари всегда кланялись другъ другу тоже, понятно, не въ землю, а или тоже до колѣнъ, или еще меньше наклоня головы.

Къ сожалѣнію, нѣтъ указаній на то, какъ цѣловались цари съ духовнымъ и свѣтскимъ синклитомъ. Священнослужители, какъ мы видѣли, при цѣлованіи любви, цѣлуютъ архіерея въ руку и въ оба плеча; онъ отвѣчаетъ имъ поцѣлуемъ въ плечо. Такъ ли цѣловали чины царя, сказать трудно. Судя по способу христосованія свѣтскихъ и духовныхъ чиновъ съ царемъ въ Пасху ²⁾, можно думать, что духовные и свѣтскіе

¹⁾ Льюдпрандъ въ Legatio (Pertz, Monumenta Germ. histor, vol. V, scriptores III, p. 349) говоритъ, что царь Никифоръ Фока, въ Троицынъ день, совершая большой выходъ, sanctam Sophiam ingreditur, dominis suis imperatoribus (Василій II и Константинъ) se a longe sequentibus et in pacis osculo ad terram usque adorantibus. Такъ какъ Троицынъ день бываетъ въ воскресенье, а въ воскресенье, какъ мы видѣли, при совершеніи придворныхъ обрядовъ, царю въ ноги обыкновенно не кланялись, то изъ свидѣтельства Льютпранда можно заключить, что in pacis osculo не кланялись въ землю только въ Пасху, какъ это и замѣчено въ Пасхальномъ обрядѣ (I, 9, 67: ἀπαντες... εἰσερχόμενοι πρὸς τὸ ἀσπάζεσθαι τὸν βασιλέα προσκυνοῦσι, μὴ πίπτοντες διὰ τὴν ἀνάστασιν).

²⁾ Христосованіе царей съ высшими чинами въ 1 день Пасхи, предъ литургіею, составляетъ одну изъ особенностей Пасхальнаго обряда, о которыхъ мы будемъ говорить особо.

сановники цѣловались съ царемъ въ уста, но предварительно, по всей вѣроятности, цѣловали ему руку. При христосованіи царя цѣловали въ колѣна, руки и уста, но тогда царь сидѣлъ на креслѣ, а въ храмѣ царь стоялъ и въ колѣна цѣловать его было неудобно; оставалось цѣловать въ руки и уста. Въ пользу того, что при цѣлованіи любви царей цѣловали въ уста, говоритъ то обстоятельство, что ἀγάπη у Константина Багрянороднаго значитъ вообще цѣлованіе въ уста, хотя бы оно происходило по другому случаю, напримѣръ, при поздравленіи съ производствомъ въ чинъ, и διδόναι ἀγάπην значитъ именно цѣловать въ уста, между тѣмъ какъ цѣлованіе ногъ, колѣнъ и рукъ называется προσκύνησις ¹⁾).

Послѣ цѣлованія съ царемъ, сановники и чиновники синклита возвращались и становились на свои мѣста въ обычномъ порядкѣ іерархическомъ, старшіе впереди, въ два ряда, а царь, совершивши цѣлованіе любви или мира со всѣми чинами синклита, раскланивался опять и прощался съ патріархомъ и, сопровождаемый чинами синклита, уходилъ чрезъ правую сторону храма въ Мутаторій, гдѣ снималъ опять хламиду и слушалъ литургію до наступленія времени приобщенія св. таинъ ²⁾).

Теперь достаточно замѣтить, что по этому обряду входящіе чины, не кланяясь (ср. I, 9, 61) въ землю, ἀσπάζονται κατὰ τύπον τοῖς δεσπόταις· πρῶτον μὲν τοῖς αὐτῶν γόνασι, ἔπειτα καὶ ταῖς χερσὶν καὶ εἰς οὕτως τῷ στόματι (I, 1, 24). Христосованіе духовныхъ чиновъ съ патріархомъ во главѣ происходило въ четвергъ пасхальной недѣли въ Хрисотриклинѣ, причемъ духовные чины, кромѣ патріарха, входя въ Хрисотриклинъ, падали въ землю три раза, а потомъ уже цѣловали царя въ колѣна, руки и, наконецъ, въ уста (I, 14, 93—95).

¹⁾ Такъ въ обрядѣ производства въ кесаря, послѣ коронаціи его, входятъ чины для поздравленія вновь произведеннаго въ Триклинѣ 19 аккумулятовъ, гдѣ цари и кесари сидятъ въ креслахъ. Поздравляющіе προσκυνοῦσι τὰ δύο γόνατα τοῦ μεγάλου βασιλέως, ὁμοίως καὶ τοῦ μικροῦ καὶ προσκυνοῦσιν ἐν γόνατον τοῦ ἐκ δεξιῶν καὶ ἐν τοῦ ἐξ ἐναντίων, καὶ προσκυνοῦντες δίδουσι καὶ τὴν ἀγάπην. I, 43, 221. Здѣсь ἀγάπη, очевидно, значитъ то же, что ἀσπασμός, цѣлованіе въ уста, между тѣмъ какъ цѣлованіе колѣнъ выражается глаголомъ προσκυνεῖν (ср. I 41, 209), хотя это προσκύνησις состояло тоже въ цѣлованіи, согласно съ первоначальнымъ значеніемъ этого слова (ср. ἀσπάζονται въ приведенномъ, въ предыдущемъ примѣчаніи, мѣстѣ изъ Пасхальнаго обряда).

²⁾ Цѣлованіе любви, совершаемое царемъ, описано въ общемъ обрядѣ (I, 1, 17) Пасхальномъ (I, 9, 66) и Рождественскомъ (I, 23, 134), при чемъ по общему обряду цари ἀσπάζονται, кромѣ архіереевъ, протопопа Великой Церкви и архонтовъ, т. е. высшихъ административныхъ духовныхъ сановниковъ патріаршаго управленія, а свѣтскихъ чиновниковъ всѣхъ (τοὺς τῆς συγκλήτου πάντας). Въ Пасхальномъ обрядѣ изъ духовныхъ чиновъ названы почти тѣ же, а изъ свѣтскихъ только высшіе: магистры, патрикіи, стратиги, domestici и оффиціалии вообще (οἱ τὰ πρῶτα ὀφφίκια κατέχοντες) до димарховъ включительно. Въ Рождественскомъ свѣтскіе чины перечислены тѣ же, что и въ Пасхальномъ, а въ числѣ духовныхъ обрядъ, кромѣ архонтовъ, называетъ еще κληρικὸς τοὺς ἐξ ἑθὺς ἀσπάζομένους τὸν βασιλέα, но какихъ именно, не перечисляетъ. Три новокрещенныхъ (τρία φωτίσματα) упоминаются только въ Рождественскомъ обрядѣ. Изъ этого сопоставленія, кажется, можно заключить, что царь цѣловался обыкновенно далеко не со всѣми духовными и свѣтскими чинами, а большею частію только съ высшими и главными, но, конечно, могъ цѣловаться и со всѣми, если желалъ, несмотря на продолжительность этой процедуры при цѣлованіи всѣхъ чиновъ синклита, участвовавшихъ въ выходѣ и прибывшихъ въ храмъ.

Съ наступленіемъ времени выхода для приобщенія св. Таинъ (κοινωνία), т. е. послѣ совершенія таинства Евхаристіи и приобщенія въ алтарѣ священнослужителей, участвовавшихъ въ служеніи литургіи съ патріархомъ, по полученіи извѣстія отъ референдарія, церемоніарій докладывалъ препозиту, а препозитъ царю о томъ, что пора выходить для принятія св. Таинъ. Царя облачали въ хламиду и онъ выходилъ, сопровождаемый чинами кувуклія, изъ Мутаторія, предшествуемый синклитомъ, какъ въ два вышеописанные выхода, шелъ на солею къ правой сторонѣ алтарной преграды и здѣсь останавливался предъ алтаремъ ¹⁾ у царскаго антиминса, т. е. переноснаго престола, на который патріархъ ставилъ вынесенное изъ алтаря тѣло Христово на дискосѣ и кровь Христову въ чашѣ. Это былъ, безъ всякаго сомнѣнія, тотъ самый антиминсъ, стоя у котораго царь совершалъ цѣлованіе любви съ патріархомъ и духовными чинами. Такіе антиминсы были въ то время въ большемъ употребленіи и весьма часто упоминаются въ обрядахъ Константина Багрянороднаго: въ св. Софії на антиминсъ, поставленный на амвонѣ, кладутся предметы царскаго облаченія въ коронацію царей, на него же кладутся отличительныя одежды и знаки достоинствъ вновь произведенныхъ высшихъ сановниковъ; для обряда коронаціи царицы и кесарей, для производства нобилиссима такіе антиминсы приносятся во дворецъ въ то мѣсто, гдѣ долженъ совершаться обрядъ, и на нихъ кладутъ знаки достоинства и предметы облаченія для прочтенія надъ ними патріархомъ соотвѣтствующихъ молитвъ ²⁾.

¹⁾ Принятіе царями св. Таинъ кратко описано въ общемъ обрядѣ I, 1, 17—18, подробнѣе въ Пасхальномъ I, 9, 66—67 и еще подробнѣе въ Рождественскомъ (I, 23, 134), при чемъ одинъ обрядъ дополняется и поясняется другимъ. Такъ, въ общемъ обрядѣ сказано, что цари для причащенія приходятъ ἐν δεξιῳ μέρει τοῦ βήματος. Принимая во вниманіе, что цари, несомнѣнно, въ позднѣйшее время, по крайней мѣрѣ въ день коронаціи, приобщались въ алтарѣ, можно было бы подумать, что цари приходили въ алтарь, но замѣчаніе Пасхальнаго обряда, что царь изъ Мутаторія ἀπέρχεται καὶ ἵσταται ἐμπροσθεν τοῦ θυσιαστηρίου ἐν τῇ βασιλικῇ ἀντιμίσῳ не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно того, что приобщеніе царей происходило предъ алтаремъ, а не въ алтарѣ, и притомъ не противъ св. вратъ, а направо отъ нихъ, между св. вратами и южными дверьми алтаря, гдѣ, какъ мы видѣли при описаніи цѣлованія, стоялъ царскій антиминсъ, а возлѣ него, опершись на алтарную преграду, царь. Кромѣ того, противъ причащенія въ алтарѣ говорятъ: 1) постоянный обычай причащаться въ другихъ храмахъ не въ алтарѣ, а въ катихуменіяхъ; 2) прямое свидѣтельство Симеона Θεσσαλονικίησкаго, что въ алтарѣ цари приобщались и въ позднѣйшее время только въ коронацію (свидѣтельство это будетъ приведено ниже); 3) вышеприведенный законъ Валентиніана и Θεодосія, по которому цари входятъ въ алтарь только munus offerendorum gratia. Этотъ законъ, вызванный столкновеніемъ Амвросія съ Θεодосіемъ Великимъ, указываетъ на подчиненіе царей постановленію церковнаго іерарха, а самое постановленіе показываетъ, что до этого времени цари, войдя въ алтарь, стояли тамъ до принятія св. Таинъ, принимали ихъ тамъ, а потомъ уже уходили изъ алтаря, но что послѣ этого цари входили въ алтарь только для принесенія жертвоприношеній, затѣмъ сейчасъ уходили и уже больше туда не входили.

²⁾ Обряды коронаціи царей I, 38, 192 и I, 96, 440 хотя и не называютъ антиминса, но говорятъ о молитвѣ патріарха на амвонѣ, а что эта молитва совершалась надъ пред-

Въ другихъ храмахъ, въ которые царь ходилъ слушать литургію, стоя въ катихуменіяхъ, антимины приносились на катихуменіи, для постановки на нихъ чаши и дискаса съ тѣломъ и кровью Христовыми для приобщенія царя и высшихъ чиновъ синклита ¹⁾).

ментами облаченія, лежавшими на антиминосѣ, это видно изъ обряда коронаціи царицы (I, 40, 202; I, 41, 208), кесарей (I, 43, 218—219) и производства нобилиссима (I, 44, 227). Ср. кромѣ того G o a r, Euchol., 925, гдѣ приводятся читаемыя патріархомъ, при коронаціи царей, молитвы и гдѣ сказано, что хламида, корона и фибула кладутся на антиминосъ, который стоитъ на амвонѣ. Относительно освященія отличительныхъ одеждъ и знаковъ отличія, полагаемыхъ на антиминосъ, стоящемъ на солеѣ св. Софіи, при производствѣ высшихъ сановниковъ, которые кладутъ потомъ на антиминосъ апокомвій, см. обрядъ производства патрикія зосты I, 50, 260, обрядъ производства въ патрикія I, 48, 254; I, 47, 240. Ср. G o a r, Euchol., 931, гдѣ приводится молитва, читаемая надъ знаками отличія патрикія.

¹⁾ Такъ, въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли патріархъ приходитъ въ катихуменіи храма св. Апостоловъ и тамъ *πρότιθῃσι τὰ δῶρα ἐν τῇ βασιλικῇ ἀντιμίσῃ* (I, 10, 78). Въ храмѣ свв. Сергія и Вакха во вторникъ той же недѣли священникъ сперва приобщалъ царя въ евктиріи пресв. Богородицы, находившемся въ катихуменіяхъ, а потомъ ставилъ св. дары *ἐν τῇ ἀντιμίσῃ τῇ ὄντι ἀπέχοντι τοῦ θυσιαστηρίου ὑπερθεῖν τῶν βασιλικῶν πόλων*, слѣдовательно тоже въ катихуменіяхъ надъ нарѣикомъ (I, 11, 88). Въ храмѣ пресв. Богородицы Источника въ Вознесенье патріархъ точно также сперва приобщалъ царя въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ *τὸ ἀντιμίσσιον*, очевидно особый, царскій, какъ въ св. Софіи, а потомъ ставилъ св. дары на другой антиминосъ и приобщалъ сановниковъ и чиновниковъ I, 18, 113. Съ такихъ же антиминосовъ приобщались цари, а потомъ съ другихъ антиминосовъ чины, безъ сомнѣнія, и въ другихъ храмахъ въ катихуменіяхъ. Если бы цари приобщались въ алтарѣ и если бы это составляло отличительную черту ихъ приобщенія, то едва ли они стали бы приобщаться въ катихуменіяхъ, а навѣрно спускались бы внизъ и входили въ алтарь. Этого, однакожъ, никогда не было, а потому, въ виду вышеприведенныхъ соображеній, можно положительно утверждать, что цари и въ св. Софіи приобщались не въ алтарѣ, а предъ алтаремъ.—Но какіе были эти антимины и почему они такъ называются? Теперь у насъ, какъ извѣстно, антиминомъ называется шелковый (прежде льняной) платъ съ изображеніемъ Господа во гробѣ. Онъ раскрывается только на литургіи, предъ началомъ литургіи вѣрныхъ и закрывается въ концѣ ея. Безъ него не совершается литургія, а на немъ можно совершать таинство Евхаристіи и въ другомъ мѣстѣ, когда бываетъ необходимо (напримѣръ, во время пожара церкви) оставить престолъ и доканчивать литургію вѣ храма. Въ антиминосъ влагаются частицы мощей и, если не совершается литургія, онъ бываетъ свернутъ и завернутъ въ илитонъ (Никольскій, Богосл., стр. 7—8). Благодаря вкладыванію частицъ мощей въ антиминосъ и отсутствію ихъ въ самомъ св. престолѣ, антиминосъ, собственно говоря, замѣняетъ св. престолъ, почему и называется антиминомъ, т. е. вмѣстопрестоліемъ. Въ такой замѣнѣ св. престола антиминомъ не было надобности въ тѣхъ храмахъ, въ которыхъ мощи вкладывались въ св. престолъ и самые престолы освящались епископами. Потому антиминосовъ на св. престолахъ, по всей вѣроятности, не было въ Константинопольскихъ храмахъ, особенно въ храмѣ св. Софіи. Но такъ какъ часто являлась надобность имѣть св. престолъ въ другой части храма или въ другомъ мѣстѣ, вѣ храма, то съ очень давнихъ временъ въ христіанской церкви вошли въ употребленіе переносные престолы (*ἀντιμίσια*). Въ книгѣ протоіерея К о н с т. Н и к о л ь с к а г о, Объ Антиминсахъ Православной Русской Церкви, Спб. 1872, стр. 15 слѣд., приводятся доказательства существованія переносныхъ престоловъ въ очень раннюю эпоху. Такіе престолы или антимины (*altaria gestatoria, portatilia, viatica, itineraria*) употреблялись не только со временъ Константина Великаго въ походныхъ военныхъ церквахъ, но и раньше Константина Великаго во время гоненій на христіанъ, когда имъ нужно было укрываться и совершать литургію въ разныхъ мѣстахъ и частныхъ домахъ. Такъ какъ въ приведенныхъ (по Martigny, Diction. des antiquités chrét.) мѣстахъ изъ древнихъ

Царскій антиминосъ предъ правой стороной алтаря св. Софіи былъ, по всей вѣроятности, покрытъ богатымъ и великолѣпнымъ покровомъ и сдѣланъ изъ дорогаго матеріала, отличаясь тѣмъ отъ другихъ подобныхъ антиминосовъ. Стоялъ онъ, какъ и св. престолъ, на возвышеніи въ нѣсколько ступеней (τὸ πούλιτον), такъ что царь для принятія св. даровъ отъ патріарха, стоявшаго на верхней ступенькѣ, долженъ былъ подниматься и потомъ спускаться (I, 23, 134).

Подойдя къ антиминосу, возлѣ котораго на верхней ступенькѣ стоялъ патріархъ, царь кланялся патріарху, который въ то же время кланялся царю, затѣмъ царь молился, поднимался на верхнюю ступеньку и становился предъ антиминосомъ, на которомъ стояли чаша съ кровью Христовою и дискось съ тѣломъ Христовымъ. Такъ какъ цари пріобщались, какъ діаконы, подъ обоими видами отдѣльно, то, приступая къ антиминосу съ дарами, они, вѣроятно, произносили и слова, произносимыя въ этотъ моментъ и слѣдующіе діаконами и вообще священнослужителями ¹⁾, а

христіанскихъ писателей (стр. 17—19) эти переносные престолы называются *tabulae*, доски, то можно думать, что въ древности они представляли собою освященную доску (*tabula dedicata*) съ вложенными въ нее мощами, для которыхъ въ доскѣ дѣлалось закрывающееся углубленіе. Такія доски дѣлались изъ дерева, камня и металла и могли украшаться, по возможности, драгоценными металлами и покрываться дорогими покрывами. Такъ какъ эти доски назначались для перевозки и переноски, то онѣ не могли быть очень велики и тяжелы. Очень возможно, что такія освященныя доски, возлагавшіяся на особые столики, разумѣются подъ именемъ антиминосовъ и въ Придворномъ Уставѣ Константина Багрянороднаго; но возможно также, что во Дворцѣ, храмѣ св. Софіи и другихъ большихъ храмахъ существовали особые переносные алтари, специально сдѣланные для перенесенія на небольшія разстоянія въ предѣлахъ одного зданія и сдѣланные въ видѣ готовыхъ и великолѣпно отдѣланныхъ переносныхъ столиковъ, верхняя доска которыхъ была освящена епископомъ и заключала въ особомъ углубленіи мощи. Для того, чтобы переносить, перевозить и разсылать антиминосы было еще удобнѣе, стали доски замѣнять платами полотняными и шелковыми, въ которые вкладывали мощи и которые, освященные епископомъ, замѣняли вполнѣ не только доски съ мощами, но и постоянные престолы. Такіе антиминосы, какъ извѣстно, находятся у насъ во всякой церкви, если она не освящена епископомъ; если же церковь освящена епископомъ, то мощи полагаются подъ престоломъ въ особо устроенномъ ящикѣ, а въ антиминосъ въ такихъ храмахъ мощи не полагаются (прот. Никольскій, Уставъ Богослуженія, стр. 9). На такихъ антиминосахъ-платахъ совершается таинство Евхаристіи. (Ср. Du Cange, Gloss. Gr. s. v. ἀντιμύσιον; Martigny, Diction. d. Antiqu. chrét. и Kraus'a, Realencykl. d. christl. Alterthüm. s. v.).

¹⁾ Въ самомъ подробномъ описаніи причащенія царей, находящемся въ Рождественскомъ обрядѣ (I, 23, 134), сказано только, что когда царь подойдетъ къ патріарху для пріобщенія пречистаго тѣла и крови Господа нашего Иисуса Христа, два остіаріи держатъ развернутый домникалій и царь, принявъ въ руки св. даръ, цѣлуетъ патріарха и, сойдя съ возвышенія и перекрестившись трижды, пріобщается св. дара (т. е. тѣла Христова). Затѣмъ опять входитъ (ἀνέρχεται) на возвышеніе и остіаріи развертываютъ внизу домникалій, а царь, принявши отъ патріарха кровь Христову, сходитъ съ возвышенія и, помолвившись, кланяется патріарху, а патріархъ ему. Подробнѣе описано причащеніе царей во время коронаціи Симеономъ Θεσσαλονικіѣскимъ. Такъ какъ это описаніе очень хорошо поясняетъ и дополняетъ сейчасъ приведенное мѣсто изъ обрядовъ Константина

именно, приступая къ принятію тѣла Христова, говорили: „Се прихожду къ безсмертному Царю и Богу нашему“ и затѣмъ: „Преподаждь ми, патріархъ пресвященнѣйшій, честное и святое тѣло Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа“. Произнося эти слова, царь складывалъ ладони крестообразно, правую ладонь на верхъ, а два остіарія, ставши съ обѣихъ сторонъ между царемъ и патріархомъ, развертывали въ это время думникалій, т. е. шелковый платъ или широкое полотенце, и протягивали его между царемъ и патріархомъ, чтобы могущія упасть, при подаіи, частицы тѣла Христова падали не на полъ, а на этотъ думникалій. Такой платъ теперь у насъ распростирается и держится двумя церковнослужителями и во время причащенія мірянъ между причащающимся и священникомъ, держащимъ чашу. Надъ этимъ развернутымъ платомъ ¹⁾ патріархъ подавалъ царю и клалъ на правую ладонь частицу тѣла Христова, говоря: „Преподается тебѣ (имя и титулъ) честное и пречистое тѣло Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа во оставленіе грѣховъ и жизнь вѣчную, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь“. Принявъ св. тѣло Христово, царь цѣловалъ патріарха и сходилъ съ возвышенія и, преклонивъ главу, читалъ молитву: „Вѣрую, Господи, и исповѣдаю“ и приобщался св. тѣла Христова, крестясь трижды.

Приобщившись св. тѣла Христова, царь выходилъ на возвышеніе къ антими́нсу, остіаріи распростирали между царемъ и патріархомъ думникалій, царь говорилъ: „Преподаждь ми, и проч.“ Патріархъ бралъ

Багрянороднаго, то мы приведемъ его здѣсь въ переводѣ: Царь приобщается въ алтарѣ (ἐνδοῦ τοῦ βήματος), говоритъ Симеонъ Θεσσαλονικійскій, только во время коронаціи и миропомазанія, но послѣ діаконовъ и, какъ мы узнали изъ древнихъ обрядовъ, не на святомъ престолѣ, а на антими́нсѣ, положенномъ на столикѣ (ἐν τραπέζῳ τιμῇ) въ сторонѣ отъ св. престола. Прежде приобщаются архіереи, іереи и диаконы животворящаго хлѣба и честной крови изъ св. чашъ. Послѣ этого подходитъ царь и беретъ изъ руки патріарха св. хлѣбъ, какъ берутъ диаконы, и приобщается животворящей крови изъ св. чаши. Это было узаконено искони. Эту честь царь получилъ чрезъ помазаніе на царство, какъ занимающій мѣсто депутата (Δεputάτου, Deputati) св. церкви, какъ защитникъ (Δεφένσωρ, Defensor) этой церкви, какъ помазанникъ Господа и какъ возведенный на престолъ царь христіанскаго народа (это мѣсто изъ Симеона приведено у Goaga въ Euchologium, p. 929). Слова и молитвы, произносимыя патріархомъ и царемъ въ моемъ описаніи, данномъ въ текстѣ, равно и другія подробности заимствованы изъ общаго чина литургіи Іоанна Златоуста, когда литургію совершаетъ архіерей. Ср. протоіер. Никольскаго, Пособіе къ изученію Устава Богослуженія Православной церкви, стр. 441—443, литургію Іоанна Златоуста въ Euchologium Goaga, p. 82 слѣд., а также Habertus, Liber Pontificalis, de Myster. communione observatio IX, p. 267 слѣд.

¹⁾ Платъ этотъ въ обрядахъ Константина Багрянороднаго называется Δομνικάλιον = Dominicale, т. е. воскресный головной покровъ или платокъ женщинъ, которыя въ этотъ платокъ принимали Евхаристію въ первыя времена христіанства. См. Kraus, Realencykl. d. christl. Alterth. I, 374. Ср. Reiske, Comment. p. 224. Слова δομνικάλιον нѣтъ ни въ Gloss. Gr. Дюканжа, ни въ Greec Lexicon американскаго Софокла.

чашу съ кровью Христовою и подносилъ ее къ устамъ царя, говоря: „Преподается тебѣ (титულъ и имя) честная и пречистая и животворящая кровь Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, во оставленіе грѣховъ твоихъ и жизнь вѣчную, во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь“. Царь, взявши чашу, которую держалъ патріархъ, наклонялъ къ себѣ трижды и дѣлалъ три глотка ¹⁾, при послѣднихъ словахъ патріарха. Приобщившись такимъ образомъ св. крови, царь обтиралъ уста воздухомъ, цѣловалъ чашу и патріарха, потомъ сходилъ съ возвышенія, молился и кланялся патріарху, который, въ свою очередь, кланялся царю, послѣ чего царь тѣмъ же путемъ, какимъ пришелъ, сопровождаемый чинами, уходилъ въ Мутаторій, а патріархъ приобщалъ сановниковъ и чиновниковъ, но уже какъ обыкновенныхъ мірянъ подъ обоими видами вмѣстѣ и, вѣроятно, какъ въ другихъ храмахъ, съ другаго антимины. Если было нѣсколько царей, то они приобщались по старшинству и притомъ, по всей вѣроятности, какъ и священнослужители, сперва всѣ приобщались св. тѣла Христова, а потомъ опять поочередно св. крови Христовой.

Кромѣ Господнихъ праздниковъ, цари приходили во св. Софію, слушали литургію и приобщались св. таинъ въ день коронаціи. По вышеназванному обряду коронаціи, находящемуся въ Исторіи царя Іоанна Кантакузина и заимствованному оттуда Кодиномъ, равно какъ и по вышеприведенному свидѣтельству Симеона Θεσσαλονικійскаго, въ день коронаціи царь приобщался въ алтарь. Съ наступленіемъ времени причащенія, гласить этотъ позднѣйшій обрядъ, патріархъ посылалъ за царемъ двухъ діаконъ, которые вели царя въ алтарь. Войдя въ алтарь, царь бралъ кадило и кадилъ св. престолъ крестообразно (σταυροειδῶς): сначала на востокъ, потомъ на сѣверъ, затѣмъ на западъ, послѣ этого на югъ и, наконецъ, опять на востокъ. Послѣ кажденія алтаря, царь кадилъ патріарха, который въ это время кланялся царю и привѣтствовалъ его, затѣмъ бралъ у царя кадило и кадилъ царя. Послѣ этого царь снималъ съ головы корону и отдавалъ ее діаконамъ и подходилъ къ патріарху для приобщенія св. Таинъ подъ обоими видами отдѣльно. По свидѣтельству Симеона Θεσσαλονικійскаго, патріархъ приобщалъ царя не съ св. престола, а съ особаго столика, накрытаго антиминомъ и поставленнаго въ сторонѣ отъ св.

¹⁾ Какъ священнослужители, такъ и цари сами наклоняли чашу для причащенія св. крови Христовой, какъ объ этомъ особенно замѣчено въ обрядѣ коронованія царей у Кодина: κοινωνεῖ δὲ ὁ βασιλεὺς τοῦ μὲν πατριάρχου τὸν ἅγιον κρατῆρα κατέχοντος, αὐτὸς δὲ προσάγων τῷ κρατῆρι τὸ στόμα, ὡσπερ καὶ οἱ ἱερεῖς (De offic. p. 95 ed. Bonn.).

престола. Послѣ приобщенія св. Таинъ царь опять надѣвалъ корону и уходилъ изъ алтаря на свое мѣсто среди церкви, гдѣ и слушалъ литургію до конца.

Не считая умѣстнымъ входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе и сравненіе коронаціонныхъ обрядовъ временъ Іоанна Кантакузина и Константина Багрянороднаго ¹⁾, считаю достаточнымъ замѣтить, что какъ пребываніе въ церкви и даже вхожденіе въ алтарь въ коронѣ, такъ и приобщеніе св. Таинъ въ день коронаціи въ алтарѣ, хотя и съ особаго антиминса, представляютъ позднѣйшія видоизмѣненія и дополненія коронаціоннаго обряда. Дошедшій до насъ въ Придворномъ Уставѣ Константина Багрянороднаго коронаціонный обрядъ не дастъ никакихъ основаній думать, что цари въ ту литургію, предъ началомъ которой совершалась коронація, приобщались св. Таинъ какимъ-нибудь особеннымъ образомъ сравнительно съ обычнымъ способомъ причащенія въ храмѣ св. Софій. Напротивъ, въ этомъ обрядѣ замѣчено, что для цѣлованія и для причастія цари выходятъ изъ Мутаторія, какъ обыкновенно выходятъ въ праздники, и все прочее совершается такъ, какъ обыкновенно ²⁾. Изъ этого замѣчанія можно и должно заключать, что цари и приобщались въ коронацію не въ алтарѣ, а предъ алтаремъ, какъ въ праздники, потому что, если бы приобщеніе царя въ коронацію происходило особеннымъ образомъ, то въ обрядѣ эта особенность была бы отмѣчена и, во всякомъ случаѣ, не было бы сказано, что цари все прочее совершаютъ такъ, какъ обыкновенно это бываетъ въ большіе праздники.

По возвращеніи въ Мутаторій, послѣ причащенія, съ царя снимали хламиду и въ дивитисіи онъ входилъ въ прилегавшую къ Мутаторію палату (ὁ τρίκλινος), въ которой приготовленъ былъ завтракъ для царя (τὸ κρᾶμα) ³⁾ и для 12 или 14 друзей, т. е. высшихъ и ближай-

¹⁾ Часть относящагося сюда матеріала, греческаго и русскаго, собрана г. Елп. Барсовымъ и предъ коронаціею нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Александровича издана въ 1-й книгѣ Чтеній въ Московск. обществѣ исторіи и древностей руссѣйскихъ, 1883, Москва. Къ сожалѣнію, г. Барсовъ, повидимому, не зналъ, что у Константина Багрянороднаго въ Придворномъ Уставѣ имѣется цѣлый сборникъ древнихъ обрядовъ коронаціи, и начинается прямо съ Кодина. Русскіе обряды коронаціи представляютъ любопытныя параллели съ греческими.

²⁾ Обрядъ коронаціи царя I. 38. 191 слѣд. Замѣчаніе: εἰς δὲ τὴν ἀγάπην καὶ τὴν κοινωνίαν (ἐκτελεῖ ὁ βασιλεὺς), ὡς ἔχει ἡ συνήθεια τῶν ἐσφωτῶν, καὶ τὰ λοιπὰ πάντα πληροῦνται, καθὼς ἔστιν ἡ συνήθεια сдѣлано въ концѣ обряда (р. 193). Въ старомъ обрядѣ коронаціи тоже ничего объ особомъ способѣ причащенія не сказано I, 91, 415; ср. I, 92, 425. Молчаніе объ особенностяхъ указываетъ на отсутствіе ихъ.

³⁾ О завтракѣ и затѣмъ выходѣ царей изъ св. Софій говорится въ общемъ обрядѣ (I, 1. 18). Пасхальномъ (I, 9. 68) и Рождественскомъ (I, 23. 135). Въ Крещенскомъ (I, 26,

шихъ къ царю сановниковъ, состоявшихъ въ высшихъ чинахъ (магистра, препозита, аноипата, патрикія) или занимавшихъ высшія должности (стратиговъ, доместиковъ, логоветовъ и т. п.). Сановники эти, по указанію царя, приглашались атриклиномъ, приче́мъ между ними, какъ и въ приглашеніи къ царскимъ обѣдамъ, соблюдалась извѣстная очередь. Въ Рождество Христово, Крещеніе и Преображеніе приглашенные не военные чины входили въ залу въ парадныхъ облаченіяхъ, но безъ хламидъ, какъ и царь, а въ Пасху и Троицу тѣ, которые проходили въ храмъ въ лорахъ, къ завтраку являлись въ ѳоракіяхъ (θωράκια) ¹⁾.

145) сказано объ этомъ очень кратко. О приглашаемыхъ къ такимъ завтракамъ чинахъ говоритъ атриклинь Филовей въ своемъ богатомъ по содержанію клиторологіи: для Рождества Христова Сер. II, 52, р. 741, для Крещенія р. 754, для Пасхи 766, для Троицына дня 775, для Преображенія 779.

Относительно κράμα и связи его съ древне-христіанскими трапезами любви (ἀγάπη) довольно много и обстоятельно говоритъ Reiske въ Comment. 630. Едва ли только можно согласиться съ Reiske въ томъ, что ipsae agapae imitamenta epularum erant, quas gentiles post sacrificia sua in templis instruere solebant. Еще менѣе основаній предполагать, что отцы церкви, какъ говоритъ Reiske, допустили эти угощенія, чтобы привлечь іудеевъ и язычниковъ, привыкшихъ къ пирамъ послѣ жертвоприношенія. Древне-христіанскія ἀγάπαι вышли, несомнѣнно, не изъ языческихъ обычаевъ, а изъ тѣхъ общихъ трапезъ первыхъ христіанскихъ общинъ, которыя весьма тѣсно были связаны съ таинствомъ Евхаристіи и которыя сначала отдѣлились отъ него, а потомъ мало по малу совсѣмъ были оставлены; но слѣды ихъ сохранились частью въ раздаваніи антидора и просфоръ и запиваніи послѣ причастія теплотою, частью въ нѣкоторыхъ монастырскихъ обычаяхъ. Сохраненію этихъ остатковъ способствовала забота о томъ, чтобы послѣ причастія частицы тѣла и крови Христовыхъ не остались во рту и не выброшены были съ слюною при кашлѣ, какъ это видно изъ свидѣтельства Палладія въ жизни св. Іоанна Златоуста, который παρῆναι πᾶσι μετὰ τὴν κοινωνίαν ἀπογεύσασθαι ὕδατος καὶ παστίλου, ἵνα μὴ ἀκουσίως τῷ σιέλει ἢ τῷ φλέγματι συνεκπίπτωσι τι τοῦ συμβόλου (Reiske, Comm. p. 631).

Царскіе завтраки въ храмахъ и прилегающихъ къ нимъ пристройкахъ и цѣлыхъ дворцахъ составляютъ, несомнѣнно, также остатки этихъ древнихъ трапезъ любви, которыя сохранились только для царей. Сохраненіе ихъ легко объясняется тѣмъ утомленіемъ и голодомъ, которые долженъ былъ чувствовать царь послѣ продолжительныхъ и утомительныхъ процессій въ тяжеломъ облаченіи, стояній и поста въ виду предстоящаго принятія св. Таинъ. Потому не только въ св. Софій, но и въ другихъ храмахъ послѣ литургіи цари обыкновенно завтракали; иногда къ этимъ завтракамъ приглашался патриархъ. Для этихъ завтраковъ, какъ мы видѣли, при храмахъ были особыя палаты или, по крайней мѣрѣ, комнаты во второмъ этажѣ, въ катихуменіяхъ или въ пристройкахъ, примыкающихъ къ храму. Говоря о Мутаторіи св. Софій, мы уже имѣли случай указать на завтраки въ нѣкоторыхъ храмахъ, кромѣ св. Софій. Ср. еще II, 13, 563; II, 6, 535; II, 7, 538. При храмѣ св. Апостоловъ былъ цѣлый дворецъ, въ который и уходили цари завтракать, пригласивъ и патриарха I, 10, 79. Относительно христіанскихъ ἀγάπαι см. Kraus, Realencykl. d. christl. Alterth. s. v. Agapen, Eucharistie и oblatio. Въ Gloss. Gr. Дюканжа стоитъ только κράμα съ значеніемъ vinum dilutum и въ Appendix κράμα γλυκύ, οἶνος μεγαρικός, ἔψημα, vinum dilutum vel factitium, между тѣмъ какъ у Константина Багрянороднаго слова κράμα и κραματίζειν встрѣчаются часто. Не мало и другихъ словъ имѣется въ обрядахъ Константина, которыя просятся въ Gloss. Дюканжа.

¹⁾ Объ этихъ θωράκια — дивитисіяхъ — особаго покроя далматикахъ будетъ сказано ниже, въ слѣдующей главѣ, при изложеніи особенностей Пасхальнаго выхода.

Военные сановники (стратиги) входили къ завтраку всегда въ скараманихъ.

Изъ сколькихъ и какихъ блюдъ состояли эти завтраки, сказать трудно; но если принять во вниманіе тотъ древне-христіанскій обычай, изъ котораго вышли эти царскіе завтраки въ храмахъ, то надо полагать, что главными составными частями этихъ завтраковъ были хлѣбъ и вино, смѣшанное съ водою, отъ каковаго смѣшенія получили эти завтраки, вѣроятно, и самое названіе свое (κράμα отъ корня κερ, κῶ, откуда κέραννυμι, ср. inf. aor. κῶσαι, pf. κέκραμα, pf. pass. κέκραμαι, aor. ἐκράθην; κρατήρ чаша для смѣшенія воды съ виномъ, κῶσις смѣшеніе, κράμα смѣшеніе, смѣшанный напитокъ). Но, само собою разумѣется, это названіе не исключало возможности подаванія и другихъ яствъ на этихъ завтракахъ, какъ, напр., плодовъ, рыбы, мяса и т. п.

По окончаніи завтрака „друзья“ вставали, препозитъ возглашалъ „повелите“, друзья хоромъ возглашали: „на многія и добрыя времена (или годы) да продлитъ Богъ царство Ваше“ и выходили въ св. Кладезъ, откуда они вмѣстѣ съ другими чинами синклита должны сопровождать царя при возвратномъ его шествіи во Дворецъ. По выходѣ друзей, препозитъ приглашалъ чиновниковъ, завѣдующихъ облаченіями, въ томъ числѣ и веститоровъ, которые и облачали царя въ хламиду. Царь приказывалъ препозиту пригласить патріарха, за которымъ препозитъ немедленно посылалъ чрезъ церемоніарія двухъ силенціаріевъ, а съ приближеніемъ патріарха къ Мутаторію, препозитъ самъ выходилъ къ патріарху на встрѣчу и вводилъ его къ царю ¹⁾. Царь и патріархъ по обыкновенію кланялись другъ другу, цѣловались и, побесѣдовавъ немного, шли чрезъ ту палату, въ которой царь завтракалъ, въ св. Кладезъ, сопровождаемые чинами кувуклія и веститорами, несшими и державшими наготовѣ ту царскую корону, въ которой царь будетъ возвращаться во Дворецъ ²⁾.

¹⁾ Хотя въ обрядахъ Господнихъ праздниковъ названы только препозиты, которымъ царь приказываетъ позвать патріарха (I. 1. 18; I. 9. 68; I. 23. 135), тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что за патріархомъ ходили силенціаріи. такъ какъ они всегда, по обрядамъ выходивъ въ другіе храмы и по обрядамъ дворцовыхъ церемоній, ходятъ за патріархомъ и ведутъ его подъ руки (δρασώμεσι), а предъ входомъ въ царскіе покои его встрѣчаютъ препозиты иногда съ папіею и уже вводятъ къ царю, напр. I. 13. 91; I. 25. 140 и 142; I. 27. 151—152; I. 30. 166. Силенціаріи же и отводятъ патріарха, но сначала его провожаютъ архонты кувуклія, т. е. препозиты же. I. 14. 92; I. 19. 116; I. 20. 119; I. 21. 122; I. 27. 153; I. 25. 140; I. 28. 160. Объ этихъ встрѣчахъ и проходахъ патріарха подробнѣе будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ, при болѣе удобномъ случаѣ.

²⁾ На возвратномъ пути изъ храма цари шли большею частью не въ той коронѣ, въ которой шествовали въ храмъ. Такъ, въ Пасху, если цари шли въ храмъ въ στέμματα λευκά, то ἐν τῇ ἀποστρώφῃ надѣвали ροβία; если же въ храмъ шли въ ροβία, то для обратнаго шествія надѣвали λευκά, какъ бывало въ Троицынъ день. Въ Преображеніе въ св.

Въ дверяхъ, ведущихъ изъ палаты въ св. Кладезь, царь и патріархъ останавливались, потому что здѣсь совершалась раздача царскихъ „благодѣяній“ или денежныхъ наградъ и подаяній стоявшимъ здѣсь у двери церковнослужителямъ и бѣднымъ. Для этихъ благодѣяній заранѣе заготовлены были кошельки съ надлежащимъ и соотвѣтствующимъ положенію получающаго количествомъ денегъ; кошельки эти держалъ стоявшій здѣсь же царскій кассиръ, такъ называемый аргиръ (ὁ ἄργυρος) ¹⁾. Когда царь съ патріархомъ становились на порогъ двери, ведущей изъ палаты въ св. Кладезь, аргиръ подавалъ одинъ кошелекъ препозиту, препозитъ передавалъ царю, а аргиръ возглашалъ: „такому-то (имя и званіе), добрые владыки“. Названный подходилъ и получалъ отъ царя кошелекъ. Точно такимъ же образомъ совершалась раздача благодѣянія и слѣдующимъ. Первымъ, повидимому, получалъ архидіаконъ, замѣнявшій часто у патріарха препозита, котораго нѣкогда, подобно царю, имѣлъ и патріархъ ²⁾. Послѣ него подходили низшіе церковнослужи-

Софію цари шли въ στέριπτα πράσινα, а возвращались въ λευκά, какъ и въ Рождество Христова. Въ Крещеніе цари шли въ храмъ въ στέριπτα βένετα, а возвращались въ λευκά. При возвращеніи изъ другихъ храмовъ царь тоже мѣнялъ вѣнцы, а иногда возвращался не только въ другомъ вѣнцѣ, но и въ другомъ одѣяніи. Всѣ эти подробности относительно одеждъ и вѣнцовъ перечислены по праздникамъ въ I, 37, 187—191.

¹⁾ Аргиръ (ὁ ἄργυρος) въ роли своей является въ I, 1, 18; I, 9, 68 и I, 23, 135. Кромѣ того, онъ упоминается въ обрядѣ Великой Субботы, гдѣ говорится, что царь, войдя въ св. Кладезь, входитъ не въ св. Софію чрезъ большую южную дверь, а въ малую дверь палаты, въ которой онъ становится во время большихъ праздничныхъ выходовъ, ἐπιδούς τοῖς ψάλλταις καὶ λοιποῖς τὰς πλουσίας αὐτοῦ δωρεὰς ἐν τῷ κράζειν τὸν ἄργυρον (I, 35, 184). Въ значеніи такого подавателя кошельковъ слово ἄργυρος встрѣчается только въ сейчасъ приведенныхъ мѣстахъ; у Дюканжа въ Gloss. Gr. ἄργυρος значитъ только mercurialis. Reiske (Comment. p. 116) считаетъ ἄργυρος за argentarius, банкира и мѣнялу, qui pecuniam, quo opus est, comparat et rogas atque donaria imperialia, saccos largitionales ab Imperatore distribuendos, praeposito tradit. Въ такомъ случаѣ ἄργυρος будетъ значить почти то же, что ἀργυροπράτης продавецъ серебра, банкиръ, мѣняла и торговецъ серебряными вещами, сосудами, утварью и т. п. Ср. выше, стр. 77 сл. и Обзоръ главн. частей Больш. Дворца, стр. 174 и 175.

²⁾ Относительно патріаршаго препозита въ Придворномъ Уставѣ Константина Багрянороднаго сохранилась интересная замѣтка II, 39, 637: нужно замѣтить, что и патріархъ имѣлъ въ старину своего препозита, который былъ начальникомъ патріаршихъ кувуклисіевъ (πρωτοστατοῦντα τῶν κουβουκλεισιῶν) и который принадлежалъ къ клиру и церковному штату. Это видно изъ грамоты (τῆς ἀσφαλείας) царя Ираклія, которую онъ далъ патріарху Сергію и въ которой заключаются слѣдующія слова: «Θому, препозита вашего священнаго кувуклисіата, мы поставимъ третьимъ послѣ нашего препозита, пока онъ состоитъ въ чинѣ діакона; когда же онъ будетъ возведенъ въ санъ пресвитера, мы его поставимъ прямо послѣ нашего препозита». У патріарха, значитъ, былъ свой кувуклій, называвшійся кувуклисіатомъ, и свой препозитъ изъ діаконовъ или даже іереевъ. Когда препозита уже не было, роль его въ церковныхъ службахъ и обрядахъ игралъ архидіаконъ, въ чемъ легко убѣдиться изъ сравненія функцій архидіакона съ функціями препозита во время придворныхъ обрядовъ. Впослѣдствіи не было въ Великой Церкви и архидіакона (Codinus, de offic. p. 94 Bonn).

тели: пѣвчіе, остіаріи, просмонаріи и другіе церковнослужители св. Софіи и, наконецъ, бѣдныя или нищіе.

Послѣ раздачи этихъ благодѣяній цари съ патріархомъ и высшими чинами кувуклія входили въ св. Кладезъ и заходили здѣсь въ нишу, закрытую завѣсою (τὸ βῆλον или ἡ κορίννη), ту самую, въ которой царь снималъ корону предъ входомъ чрезъ южныя врата въ св. Софію, когда шелъ въ св. Софію чрезъ Хитъ Халки и св. Кладезъ, а не западныя, красныя врата; но теперь, предъ выходомъ изъ храма, съ царя не снимали короны, а надѣвали, и надѣвать всегда патріархъ, который бралъ ее у препозита, взявшаго ее, въ свою очередь, у чиновъ, завѣдующихъ облаченіями. Надѣвши на царя корону, патріархъ вручалъ царю евлогіи, т. е. просфору ¹⁾, и флаконъ съ благовоннымъ и цѣлебнымъ освященнымъ масломъ (ἀλειπτά) ²⁾.

¹⁾ Относительно надѣванія патріархомъ на царей короны предъ выходомъ изъ храма въ обрядахъ говорится: I, 9, 68: ὁ δὲ πραιπόσιτος λαβὼν τὸ στέμμα, ἐπιδίδωσι τῷ πατριάρχῃ καὶ στέφει ὁ πατριάρχης τὸν βασιλέα. I, 23, 135: ἐπιδίδωσι ὁ πραιπόσιτος τὸ στέμμα τῷ πατριάρχῃ καὶ καὶνος στέφει τὸν βασιλέα. Ср. I, 1, 18. Патріархъ надѣвалъ корону на царя не только предъ выходомъ изъ храма, но и при коронаціи царя, на амвонѣ св. Софіи, какъ объ этомъ ясно говорятъ обряды коронаціи I, 38, 193: послѣ облаченія царей въ хламиду, патріархъ πάλιν ποιεῖ εὐχὴν ἐπὶ τοῦ στέμματος αὐτοῦ καὶ πληρώσας λαμβάνει αὐτὸς ὁ πατριάρχης τὸ στέμμα καὶ τίθησι αὐτὸ εἰς τὴν κεφαλὴν τοῦ δεσπότου. Ср. р. 194: καὶ πρῶτον μὲν ἰδίαις χερσὶ στέφει ὁ πατριάρχης τὸν μέγαν βασιλέα. Такъ было и въ старину, въ V—VI в. (см. I, 91, 415: ἐπιτιθέντος αὐτῷ, т. е. τῷ βασιλεῖ, τὸν στέφανον τοῦ ἐπισκόπου), такъ было и потомъ, когда уже введено было миропомазаніе (Codin. de offic. р. 90): если у коронуемаго царя есть царь-отецъ, то этотъ отецъ-царь и патріархъ берутъ корону и надѣваютъ на голову коронуемаго царя, εἰ δ' οὐκ ἔστι πατὴρ αὐτοῦ, ποιεῖ τοῦτο μόνος ὁ πατριάρχης. (Ср. G o a r, Euchol. р. 926). Если же короновался малый царь при наличности большого царя, то патріархъ, по обрядамъ Константина Багрянороднаго и по обряду коронаціи въ Euchol. G o a r'a, взявши корону съ антиминса, подавалъ ее царю большому и тотъ надѣвалъ ее на голову малаго царя (I, 38, 194; ср. G o a r, Euchol. 926). Точно также патріархъ, послѣ молитвы подавалъ хламиду, корону и про ендυїи царю, а тотъ уже надѣвалъ на царицу при коронаціи царицы (I, 40, 203; I, 41, 209). То же самое при коронованіи кесаря (I, 43, 220). Царь же возлагалъ на царицу вѣнецъ, благословенный и поданный патріархомъ, и въ позднѣйшее время (Codin. de offic. р. 92).

²⁾ Объ евлогіяхъ см. Kraus'a, Realencykl. s. v. Eulogia (I, 451); ср. oblatio и Du Cange, Gloss. Gr. s. v. Εὐλογία. Reiske (Comment. р. 119) и евлогіи приводитъ въ связь съ языческими обычаями уносить домой несѣденныя въ храмъ части жертвенныхъ животныхъ. Патріархъ давалъ царямъ, вѣроятно, одну изъ просфоръ (I, 1, 31 сказано: εὐλογίας ἔτοι τὰς просφoρὰς καὶ τὰ ἀλειπτά; тоже I, 1, 34), изъ которыхъ вынимались частицы на проскомидіи, быть можетъ, именно ту, изъ которыхъ вынимались частицы за живыхъ и въ томъ числѣ особенно за царя (Никольскій, Богослуж. Правосл. Церкви, стр. 366 слѣд.). Быть можетъ также, что за царей вынимались частицы изъ особыхъ просфоръ, какъ это дѣлается и для простыхъ мірянъ, принесшихъ свои просфоры къ жертвеннику. Ср. G o a r, Euchol. р. 62. Кромѣ Господнихъ праздниковъ, въ которые царь ходилъ въ св. Софію, цари получали евлогіи отъ патріарха и въ другихъ храмахъ, въ которыхъ они слушали литургію и приобщались, напр. въ храмъ св. Апостоловъ въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли I, 10, 80; въ Рождество Богородицы въ храмъ пресв. Богородицы Халкопратіейской (I, 1, 31), въ Срѣтеніе во Влахеринскомъ храмѣ I, 27, 152; въ Благовѣщеніе

Получивши просфоры и освященное масло ¹⁾, царь бралъ у препозита, которому, въ свою очередь, подавалъ аргиръ, апокомвій для патріарха и вручалъ его патріарху, который, вѣроятно, передавалъ его архидіакону. Апокомвій этотъ состоялъ обыкновенно изъ 10 фунтовъ золота или 720 золотыхъ солидовъ или златниковъ, заключаая въ себѣ 7¹/₂ нашихъ фунтовъ золота ²⁾.

въ Халкопратійскомъ храмѣ (I, 30, 167), гдѣ упоминаются, какъ I, 1, 31, евлогіи, т. е. просфоры и ἀλειπτά; въ Великую субботу въ св. Софії послѣ облаченія св. престола I, 35, 184; даже безъ литургіи царь, при прощаніи съ патріархомъ послѣ обѣда во Дворцѣ въ четвергъ Пасхальной недѣли, получалъ евлогіи. Изъ всѣхъ этихъ случаевъ можно заключать, что вообще не только послѣ службы, но и послѣ визитовъ къ царю, патріархъ давалъ просфоры, а при этомъ часто, если не всегда, и ἀλειπτά.

¹⁾ Какое именно масло давалъ патріархъ царямъ при прощаніи, сказать трудно, такъ какъ св. масло (τὸ ἅγιον ἔλαιον) бывало разныхъ родовъ и сортовъ и всякое такъ или иначе освященное масло считалось цѣлебнымъ и спасительнымъ и употреблялось вѣрующими для помазанія себя и своихъ ближнихъ (см. Du Cange, Gloss. Gr. s. v. Ἐλαιον). Особенно спасительнымъ считалось и считается масло, взятое изъ лампадъ, горѣвшихъ въ св. мѣстахъ. Такъ, папа Григорій Великій, въ видѣ дорогого подарка, получилъ отъ Леонтія масло св. креста, т. е. масло изъ лампы, горѣвшей предъ истиннымъ св. крестомъ, т. е. животворящимъ древомъ. Во времена того же папы Теодолинды, королева Лонгобардская, получила 65 сосудовъ съ масломъ отъ св. мѣстъ. Эти сосуды сохранились до нашихъ дней. Одинъ изъ этихъ сосудовъ имѣетъ надпись: ελεον ξυλου ζωης των αγιων Χριστου τοπων; изображеніе его находится въ Энциклопедіи Kraus'a. Точно также съ большимъ благоговѣніемъ принималось и почиталось, какъ и до сихъ поръ въ православномъ мірѣ почитается, масло отъ гробовъ и мощей святыхъ, а равно и масло изъ лампадъ, горящихъ предъ особо почитаемыми иконами (Kraus, Realencykl. d. christlich. Alterth. s. v. Oel, II, 522). Патріархъ давалъ царямъ св. масло, безъ всякаго сомнѣнія, самое цѣнное, какъ по мѣсту своего происхожденія, такъ и по своимъ качествамъ, по всей вѣроятности, въ разное время разное, смотря по тому, какимъ располагалъ въ данное время самъ. Сосуды, въ которыхъ давалось масло, также были различны и украшались разными священными изображеніями и надписями, свидѣтельствующими о происхожденіи масла. Такъ, у Kraus'a изображены сосуды отъ гроба св. Мины съ надписью: ο αγιος Μηνας и εὐλογία τ. αγίου Μηνα. Такихъ сосудовъ сохранилось много. Литературу предмета см. у Kraus'a.

²⁾ Относительно количества даваемого патріарху апокомвія имѣется очень интересный схолій въ I, 1, 19. Reiske даетъ этотъ схолій, написанный на полѣ, sed a bibligera misere truncatum въ слѣдующемъ видѣ, въ какомъ онъ прочиталъ его въ рукописи:

Ἰστέον, ὅτι ὀφείλει ἔχειν τὸ α — — [πο]
 κόμβιον χρυσοῦ λίτρας ι, καὶ ε — — [ι μὲν]
 ἔστιν εἰς βασιλεὺς, — — — [δίδωσι]
 τὰς ι λίτρας. εἰ δὲ δύο — [ο]
 εἰσὶν, εἴτε καὶ γ' εἰσὶν — — —
 ζονται αἱ δέκα λίτραι. ε — —
 εἰ καὶ γ' πλὴν τοῦ — — —
 βασιλέως, ὀφείλει εἶναι τ — — — [οὗτο]
 τὸ ποσὸν τοῦ δὲ — — —
 ὑπὲρ τῶν ἄλλων τῶν Δ — —
 ἐξίσης ὡς συμμο
 ρουσι — διὰ τῶν ἀμφοτέρ
 τὰς δέκα λίτρας. (Cp. Comment. p. 123).

Слова, поставленныя сбоку въ [], дополнены самимъ Reiske. Къ сожалѣнію, данный у Reiske текстъ схолія заставляетъ сомнѣваться въ томъ, что Reiske пере-

Получивши апокомвій, патріархъ кланялся царю, а царь патріарху, потомъ они прощались, цѣловались и расходились: патріархъ возвращался въ храмъ, а царь, сопровождаемый чинами кувуклія, выходилъ въ портикъ св. Кладезя, примыкавпій къ св. Кладезю со стороны площади Августеона.

даль совершенно и буквально точно чтеніе рукописи. Такъ, въ 3-й отъ конца строкѣ *σομο* прочитано, очевидно, невѣрно, потому что никакого слова, начинающагося на *σομο*, нѣтъ въ греч. языкѣ и не можетъ быть по той причинѣ, что предлогъ *σύν* предъ гласными является въ неизмѣненной формѣ, а переходъ въ *σομ* указываетъ, что послѣ него стоялъ губный звукъ *μ*, *β* или *π*. Эта неточность передачи позволяетъ сомнѣваться въ полной точности чтенія и нѣкоторыхъ другихъ буквъ. Держась, однакожъ, возможно ближе чтенія *Reiske* и принимая во вниманіе вѣрныя дополненія, сдѣланныя имъ, этотъ схолій можно, мнѣ кажется, дополнить такимъ образомъ:

Ἰστέον ὅτι ὀφείλει ἔχειν τὸ ἀ(πο -)
κόμβιον χρυσοῦ λίτρας ἰ, καὶ εἰ (ὁ μὲν)
ἔστιν εἰς βασιλεὺς, (διδῶσι)
τάς ἰ λίτρας. εἰ δὲ δύο(ο)
εἰσὶν, εἴτε καὶ γ' εἰσὶν, (μερί —)
ζονται αἱ δέκα λίτραι. εἰς(ὶ δ')
εἰ καὶ γ' πλὴν τοῦ (μεγάλου)
βασιλέως, ὀφείλει εἶναι τ(αὐτὸ)
τὸ ποσὸν τοῦ δ(ιδόμενου)
ὕπερ τῶν ἄλλων τῶν δ(εσποτῶν)
ἐξίσης, ὡς συμ(πλη —)
ροῦσθ(αι) διὰ τῶν ἀμφοτέρ(ων)
τάς δέκα λίτρας.

При такомъ чтеніи мы получимъ слѣдующій смыслъ: если есть только одинъ царь, то онъ одинъ даетъ 10 фунтовъ; если два царя или больше, то тѣ же 10 фунтовъ раздѣляются на части, но количество даваемого апокомвія тѣмъ и другими (т. е. большимъ и малыми царями) остается то же, т. е. 10 фунтовъ. При этомъ, чѣмъ болѣе было малыхъ царей, тѣмъ менѣе была ихъ доля, такъ какъ ими выдавалась все равно та доля, которая оставалась послѣ отдѣленія доли большого царя и которая раздѣлялась для выдачи на равныя части, тѣмъ меньшія, чѣмъ больше было малыхъ царей. Это замѣчаніе сдѣлано, по всей вѣроятности, на основаніи обычая, практиковавшагося при Романѣ I Лакапинѣ, когда было сначала два царя, потомъ три и, наконецъ, пять: Романъ (великій или большой царь), Константинъ Багрянородный, Христофоръ, Стефанъ и Константинъ, сынъ Романа (малые цари).

Вмѣсто даваемыхъ царямъ просфоръ и св. масла, патріархъ получалъ (*ἀντιλαμβάνει*) апокомвій и въ другіе праздники, какъ это видно изъ обряда Рождества Христова и Благовѣщенія I, 1, 31; I, 30, 167.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Приемы димовъ на возвратномъ пути царей изъ храма св. Софіи во Дворецъ: 1-й приемъ у св. Кладезя, 2-й приемъ у желѣзныхъ воротъ Хита, 3-й приемъ въ Халкѣ, 4-й у пропиля св. Апостоловъ, 5-й въ Трибуналѣ или Лихнахъ. — Дальнѣйшее шествіе царя чрезъ палаты Экскувиторовъ, Кандидатовъ, Консistorію и Оноподъ до Августея. — Перео облаченіе въ Августеѣ и шествіе оттуда въ Хрисотриклинъ. — Послѣднія привѣтствія чиновъ. — Особенности Пасхальнаго выхода. — Облаченіе въ цицакій. — Христосованіе въ Палатѣ 19 аккувитовъ. — Входъ чиновъ для христосованія по βῆλα. — Облаченіе чиновъ въ лоры. — Христосованіе царицы. — Акакіи и скипетры. — Исторія лора. — Оплечье или бармы. — Происхожденіе обычая облачаться въ лоры въ 1-й день Пасхи.

Первый приемъ. Когда на царей патріархъ возлагалъ короны въ нишѣ, находившейся въ св. Кладезѣ, пѣвчіе Венетовъ въ Рождество Христово уже пѣли на гласъ 3-й: „Звѣзда Солнце предвѣщаетъ“ и пр., т. е. то же, что они пѣли предъ входомъ царей въ Лихны. Когда цари, распростившись съ патріархомъ, выходили изъ св. Кладезя и, войдя въ примыкавшій къ нему портикъ, становились на обычномъ мѣстѣ, пѣвчіе говорили: „Добро пожаловали, Защита Троицы!“ Димоты или народъ повторяли трижды: „добро пожаловали“.

Затѣмъ слѣдовали тѣ же многолѣтія и славословія, которыя пѣлись пѣвчими и димотами при встрѣчахъ царей на пути ихъ въ св. Софію. Послѣ этихъ славословій и многолѣтій пѣвчіе говорили: „поклонившись славѣ родившагося Христа“ ¹⁾. Народъ заканчивалъ приемъ обычнымъ

¹⁾ Подобнымъ припѣвомъ, какъ мы увидимъ, оканчивались и другіе приемы на возвратномъ пути изъ храма св. Софіи; измѣнялось только названіе праздника, т. е. послѣ словъ: «поклонившись славѣ», вмѣсто: «родившагося Христа», говорилось: «явившагося» (ἐπιφανέντος въ Крещеніе или Богоявленіе), «воскресшаго» (въ Пасху) и т. д., смотря по празднику. Такъ какъ за этими словами слѣдуетъ только обычное многолѣтіе (πολυχρόνιον), которымъ заканчивается каждый приемъ, и слова: προσκυνήσαντες τὴν δόξαν называются послѣднимъ «актомъ» (τὸ τελευταῖον ἄκτον), то ихъ связать можно только съ привѣтствіемъ, которое говорится при появленіи царя на мѣсто того или другого приема: καλῶς ἦλθετε

многолѣтіемъ, т. е. говоритъ: „долголѣтнимъ содѣстъ Богъ святое царство Ваше на многія лѣта“ (I, 2, 39).

Въ Крещеніе, когда цари находились еще въ св. Кладезѣ, предъ выходомъ въ портикъ, пѣвчіе Венетовъ пѣли на гласъ 5-й: „Собезначальный Отцу Богъ Слово“ и пр. (I, 3, 42). Славословія, привѣтствія и многолѣтія тѣ же.

Въ 1-й день Пасхи пѣвчіе Венетовъ въ тотъ же моментъ пѣли на гласъ 1-й: „Большое и священное воскресенія таинство празднуетъ днесь прославляемая тварь; ибо славы Господь, сокрушившій страхъ смерти и ада опустошившій чертоги, совоскресилъ древле умершихъ. Радость неизрѣченная, божественная пасха совершается чудно (παράδοξως)¹⁾; возвеличивается держава Ваша, владыки, на славу, гордость и возвеличиваніе Римлянъ“.

Когда цари выходили въ портикъ св. Кладезя и становились на свои мѣста, пѣвчіе Венетовъ привѣтствовали царей словами: „Добро пожаловали, владыки, съ августами (царицами) и багрянородными (дѣтьми)“.

или ἤλθον, προσκυνήσαντες τὴν δόξαν κτλ., т. е. «добро пожаловали, поклонившись славѣ Христа, родившагося» (или явившагося, воскресшаго и т. д.). Въ такомъ сочетаніи они и являются въ актологію на Пасху (I, 4, 45), гдѣ сказано, что послѣ праздничнаго стиха поются εὐφημίας ἄκτα, т. е. многолѣтія и славословія, а послѣдній актъ говорятъ пѣвчіе: καλῶς ἤλθον οἱ δεσπότες σὺν ταῖς αὐγούσταῖς καὶ τοῖς πορφυρογενήτοισι. ὁ λαός· «καλῶς ἤλθετε». οἱ κράνται· «προσκυνήσαντες τοῦ ἀναστάντος Χριστοῦ τὴν δόξαν». ὁ λαός· «πολυχρόνιον κтл. Здѣсь, какъ I, 5, 51, привѣтствіе: καλῶς ἤλθον говорится послѣ славословій и многолѣтій, между тѣмъ какъ по Рождественской актологіи и нѣкоторымъ другимъ (I, 2, 39; I, 5, 49; ср. I, 3, 43), при появленіи царя на мѣстѣ пріема говорится сначала одно привѣтствіе: καλῶς ἤλθον или ἤλθετε, ἤλθε, потомъ поются εὐφημίας ἄκτα, а потомъ уже пѣвчіе говорятъ: προσκυνήσαντες κтл., а народъ заканчиваетъ пріемъ обычнымъ многолѣтіемъ. Въ виду этой разницы въ показаніяхъ актологій и въ виду того, что привѣтствіе естественнѣе говорить въ началѣ, какъ только появлялись цари, можно думать, что оно произносилось въ началѣ, потомъ слѣдовали многолѣтія и славословія, говорившіяся и пѣвшіяся при всѣхъ пріемахъ, а въ концѣ повторялось опять привѣтствіе, съ прибавкою: προσκυνήσαντες κтл. У меня въ текстѣ эти привѣтствія упоминаются только тамъ, гдѣ они упомянуты въ соответствующихъ мѣстахъ актологій, но порядокъ привѣтствій, славословій и праздничныхъ стиховъ, очевидно, былъ одинъ и тотъ же при всѣхъ пріемахъ на возвратномъ пути, т. е. сначала пѣлись праздничные стихи, потомъ говорилось привѣтствіе, затѣмъ слѣдовали многолѣтія и славословія, потомъ опять повторялось привѣтствіе съ прибавкою προσκυνήσαντες κтл.; пріемъ заканчивали пѣвчіе обычнымъ многолѣтіемъ.—О мѣстахъ, въ которыхъ происходили пріемы на возвратномъ пути, сказано въ Обзорѣ главныхъ частей Большаго Дворца, стр. 136—137.

¹⁾ По словамъ Reiske Comment. p. 146 въ рукописи послѣ словъ: συνανέστησε τοὺς πάλαι τεθνεώτας стоитъ: Χαράν ἀνεκλάλητον καὶ θεῖον πάσχα. Τελεῖται παράδοξως, μεγαλύνεται и пр., какъ поставлено и въ Боннекомъ изданіи; но въ изданіи Лейха поправлено въ Χαρά ἀνεκλάλητος κ. θ. π. τελεῖται κтл. Я сдѣлалъ переводъ согласно съ этою поправкою, такъ какъ вин. Χαράν ἀνεκλ. стоитъ внѣ всякой связи и зависимости; точно также и τελεῖται παράδοξως стоитъ внѣ всякой связи и неизвѣстно, къ чему относится. Измѣненіе вин. въ имен. позволяетъ эти слова привести въ связь съ τελεῖται παράδοξως въ качествѣ подлежащаго и сказуемаго.

Народъ повторялъ трижды: „Добро пожаловали“. Пѣвчіе: „поклонившись славѣ воскресшаго Христа“.

Послѣ обычныхъ славословій и многолѣтій народъ въ концѣ возглашалъ: „долголѣтнимъ содѣетъ Богъ царство Ваше на многія лѣта!“ I, 4, 45.

Пѣснопѣнія, которыя пѣлись въ этотъ моментъ въ Троицынъ день и въ Преображеніе, не дошли до насъ, такъ какъ ни актологій, ни обряда выхода въ Преображеніе въ Уставѣ Константина Багрянороднаго, какъ было выше сказано, не сохранилось. Отъ актологій Троицына дня дошло только то, что пѣлось во время шествія царя въ храмъ; послѣ „актовъ“ 6-го пріема въ рукописи Придворнаго Устава слѣдуетъ прямо съ середины обрядъ Пасхальнаго выхода. Ни „актовъ“ возвращенія въ Троицынъ день, ни обряда выхода въ этотъ день не сохранилось. Часто упоминаемый въ книгѣ Лабарта „Объ императорскомъ Дворцѣ въ Константинополѣ“ обрядъ выхода въ Троицынъ день, какъ мы видѣли, не сохранился во все, и Лабартъ въ этомъ случаѣ введенъ былъ въ заблужденіе заглавіемъ 9-й главы въ печатныхъ изданіяхъ. Такъ какъ эта глава обозначается словами: τῇ ἐορτῇ τῆς Πεντηκοστῆς, то Лабартъ отнесъ къ этому заглавію не только „акты“ на пути въ храмы, но и напечатанный въ изданіяхъ сподрядъ обрядъ Пасхальнаго выхода, хотя этотъ обрядъ, очевидно, не имѣетъ начала и между нимъ и концомъ „актовъ“ на Троицынъ день не достаетъ цѣлыхъ девяти главъ. Въ виду этого пропуска въ рукописи, наши свѣдѣнія объ „актахъ“ обратнаго шествія царей изъ св. Софіи во дворецъ въ Господніе праздники ограничиваются тремя праздниками: Рождества Христова, Крещенія и 1-го дня Пасхи ¹⁾).

Возвращаясь къ 1-му пріему въ портикѣ св. Кладезя, мы должны замѣтить, что этотъ пріемъ совершался димархомъ Венетовъ съ бѣлою партіею или бѣлымъ димомъ, при чемъ димархъ, имѣя позади себя своего помощника, осѣнялъ царей крестнымъ знаменіемъ, когда пѣлъ народъ, и держалъ руки подъ хламидою, когда пѣли или возглашали пѣвчіе. Словомъ, пріемъ происходилъ совершенно такъ же, какъ и пріемы во время шествія царей въ св. Софію, за исключеніемъ того, что на обратномъ пути ливелларіи уже не подносились царямъ, такъ какъ подне-

¹⁾ Объ этомъ пропускѣ и смѣшеніи Лабартомъ Троицкаго обряда съ Пасхальнымъ сказано было нѣсколько разъ уже въ I кн. Byzantina (стр. 110) и въ этой книгѣ; выше стр. 38 слѣд. сдѣлана попытка возстановить содержаніе пропавшихъ главъ. Нельзя не пожалѣть, что въ Боннскомъ изданіи ничѣмъ не обозначенъ этотъ пропускъ. Слѣдовало бы Пасхальный обрядъ выдѣлить въ особую главу и возстановить первоначальный, рукописный счетъ главъ. Тогда ошибки въ родѣ той, которую сдѣлалъ Лабартъ, были бы невозможны.

сеніе ливелларіевъ совершается только одинъ разъ въ праздникъ каждымъ димократомъ и димархомъ ¹⁾).

Второй приёмъ. По окончаніи перваго приёма, цари, предшествуемые знаменами и скипетрами и чинами синклита и сопровождаемые чинами кувуклія ²⁾), шли чрезъ Хитъ Халки, ведшіи отъ Халки къ св. Кладезю, къ желѣзной или малой двери, закрывавшей входъ изъ двора Халки въ Хитъ.

Когда, послѣ 1-го приёма, цари со свитою проходили чрезъ Хитъ и приближались къ камарѣ, бывшей предъ малою или желѣзною дверью ³⁾), но еще не становились подъ сводомъ камары, пѣвчіе Прасиновъ, стоявшіе внѣ этой камары, въ Рождество Христова пѣли на гласъ 3-й: „небо звѣзду посылаетъ, указывая путь магамъ въ рождествѣ; земля приготовляетъ пещеру, чтобы принять Творца всѣхъ. Но Самъ Припавшій нашу плоть отъ Дѣвы ваше боговѣнчанное царство сохранить въ порфирѣ“. I, 2, 39; ср. I, 1, 27.

¹⁾ Cerim. I, 1, 19. Ср. I, 10, 83.

²⁾ Въ обрядахъ праздничныхъ выходовъ въ св. Софію, кромѣ краткаго указанія въ I, 16, 98, не говорится о томъ, что царь возвращается во Дворецъ въ сопровожденіи чиновъ; но это само собою разумѣется и подтверждается какъ описаніемъ дальнѣйшаго шествія царей по Дворцу до Хрисотрикліна, такъ и указаніями обрядовъ выходовъ въ другіе храмы. При изложеніи шествія царей по Дворцу, будетъ показано, что чины разныхъ ранговъ и наименованій сопровождаютъ царей на возвратномъ пути до тѣхъ палатъ, въ которыхъ они впервые привѣтствовали царей на пути въ св. Софію. А что они сопровождали царя во время обратнаго шествія, это видно изъ того, что чины синклита сопровождаютъ царей при возвращеніи ихъ изъ другихъ храмовъ, при чемъ обыкновенно привѣтствуютъ его предъ выходомъ изъ храма, а потомъ или идутъ вмѣстѣ съ нимъ, или ѣдутъ, если царь возвращается верхомъ на лошади, до Дворца, предъ входомъ въ который сходятъ съ лошадей и сопровождаютъ царей по палатамъ Дворца до своихъ обычныхъ мѣстъ, гдѣ они встрѣчаютъ царей и откланиваются имъ. Напр. I, 1, 31—32; I, 10, 80—85; I, 11, 89; I, 17, 107. Если же цари чины синклита на возвратномъ пути не сопровождали въ извѣстныхъ случаяхъ, то это отмѣчалось въ обрядахъ, какъ исключеніе. Такъ, въ обрядѣ понедѣльника 1-й недѣли Великаго поста замѣчено, что въ этотъ день цари возвращаются изъ храма св. Софій *ρυστικῶς* только въ сопровожденіи этеріи и маглавитовъ чрезъ галерею, прямо изъ катихуменій во Дворецъ, а всѣ чины синклита, кувуклія и царскіе люди уходятъ изъ св. Софій прямо домой. *διὰ γὰρ τὸ εἶναι τὴν ἡμέραν ταύτην παύσιν εἰς τὴν ὑποστροφὴν οὐ δεξιγέουσιν οὗτοι τοὺς δεσπότες* (II, 10, 519). А если такъ, то въ праздничные дни, а тѣмъ болѣе въ великіе праздники всѣ вышеназванные чины *εἰς τὴν ὑποστροφὴν δεξιγέουσιν τοὺς δεσπότες*. Если же чины сопровождаютъ царей, то значитъ, при выходѣ изъ храма они его привѣтствуютъ, какъ привѣтствуютъ предъ выходомъ или прямо по выходѣ изъ другихъ храмовъ. Опущеніе этой подробности въ обрядахъ большихъ праздничныхъ выходовъ въ св. Софію не должно удивлять насъ, такъ какъ подобныя опущенія всѣмъ извѣстныхъ и обычныхъ дѣйствій встрѣчаются часто. Есть не мало совсѣмъ краткихъ обрядовъ, которые безъ болѣе подробныхъ подобныхъ же обрядовъ и случайныхъ замѣтокъ въ другихъ обрядахъ были бы очень мало понятны или могли быть поняты въ не-надлежащемъ смыслѣ, особенно въ деталяхъ.

³⁾ Объ этой камарѣ и желѣзной двери см. I кн. Byzantina, стр. 133.

Въ Крещеніе пѣвчіе Прасиновъ въ этомъ случаѣ пѣли апелатикъ на гласъ 3-й: „Просвѣщающій въ Духѣ Святомъ крестился водою землею и свѣтъ крещенія даровалъ людямъ. Но сіе совершившій Христосъ по человѣколюбію повелѣваетъ, чтобы ваша царская держава была счастлива на благо Римлянамъ и чтобы вы царствовали рядъ годовъ непрерывно“ (I, 3, 42).

Въ Пасху въ тотъ же моментъ пѣвчіе Прасиновъ пѣли апелатикъ на гласъ 1-й: „Днесъ для ангеловъ непостижимое совершается таинство воскресенія. Ибо Исполняющій все живущее благоволеніемъ умерщвляетъ плотію, какъ человѣкъ, и плѣняетъ ненасытную тираннію ада, умертвивши умертвителя. Нынѣ уничтоженъ предвѣчный позоръ, нынѣ разцвѣла радость предѣловъ. Всеволодыка Богъ и Жизнедатель, владыкъ (царей) сохрани въ порфирѣ“ (I, 4, 45).

Когда цари при пѣніи этомъ проходили въ камару предъ желѣзною дверью и становились здѣсь, пѣвчіе и димоты говорили тѣ же привѣтствія и славословія, какія произносились во время перваго пріема, и димархъ Прасиновъ, совершавшій этотъ пріемъ съ краснымъ димомъ, во время славословія дѣлалъ, имѣя позади себя девтеревонта, тоже, что димархъ Венетовъ во время перваго пріема.

Третій пріемъ. Отсюда цари со свитою шествовали въ Халку и, пройдя Халку, останавливались у дверей, ведущихъ изъ Халки, т. е. изъ пространства подъ куполамъ Халки, въ Палату Школъ. У этихъ дверей происходилъ третій пріемъ, который дѣлалъ димократъ Венетовъ съ загороднымъ димомъ Венетовъ. Когда цари подходили къ этому мѣсту, пѣвчіе Венетовъ пѣли въ Рождество Христово на гласъ 3-й: „Въ Эдемѣ рай отверзла въ Виѣлеемѣ Дѣва“ и пр. I, 2, 40.

Въ Крещеніе въ это время пѣвчіе Венетовъ пѣли на гласъ 5-й: „Главы драконовъ въ волнахъ Іордана Сокрушившій подъ ногами вашими, благодѣтели, сокрушитъ главы варваровъ. Боговѣнчанные владыки, Троица трисвятая побѣды ваши умножитъ. Крестившійся за насъ плотію и освятившій естество водъ...“ I, 3, 42.

Въ Пасху пѣвчіе Венетовъ пѣли на гласъ 1-й: „Крестъ и смерть претерпѣвшій Христосъ сошелъ добровольно въ гробъ и, сокрушивши двери ада, божественною своею властію всѣмъ воскресеніе обновляетъ отъ вѣка умерщвленнымъ. Тварь днесъ празднуетъ двойную Пасху спасенія, видя, что скипетръ вашъ, владыки, поднимается съ воскресеніемъ Христовымъ“. I, 4, 46.

Когда цари подходили къ двери изъ Халки въ Палату Школъ, пѣвчіе и димоты говорили обычныя славословія, а димократъ Венетовъ, т. е.

доместикъ школь, осѣнялъ ихъ во время славословіи димотовъ крестнымъ знаменіемъ. Въ концѣ пѣвчіе возглашали: „поклонившись славѣ воскресшаго Христа“, а народъ восклицалъ: „долготѣнимъ содѣетъ Богъ царство Ваше на многія лѣта“.

Четвертый приемъ. Изъ Халки цари шли въ Палату Школь, направляясь къ двери, ведущей изъ этой палаты въ Трибуналъ. Здѣсь у пропилье св. Апостоловъ ожидалъ ихъ димократъ Прасиновъ съ загороднымъ димомъ Прасиновъ. Когда цари входили въ Палату Школь, пѣвчіе загородняго дима Прасиновъ пѣли въ Рождество Христово на гласъ 3-й: „Всей твари Исполнитель (Совершитель, Творецъ) и Владыка совершаетъ несвойственное Ему уничиженіе воплощеніемъ за насъ (или уничиженіемъ за насъ), чтобы наполнить горній міръ (т. е. небесный, членами, взятыми) изъ нашего нижайшаго (т. е. земнаго) рода. Самъ Жизнедавецъ возвыситъ рогъ вашъ, владыки, во всей вселенной, языки всѣ покоритъ, чтобы они, какъ маги, приносили дары вашему царству“ (т. е. Царскому Величеству) ¹⁾.

¹⁾ Въ текетѣ это славословіе начинается такъ: Ὁ πάσης κτίσεως πληρώτης καὶ δεσπότης ἀκένωτος γενώσκει τῆς πρὸς ἡμᾶς ἐκκενωθεῖται, ἵνα τὸν ἄνω πληρώσει κόσμον ἐκ τοῦ ἡμῶν κατωτάτου γένους. Здѣсь очевидная игра словъ, происходящихъ отъ κενώω и πληρώω, которая дѣлается понятною только при правильномъ пониманіи богословскаго смысла слова κενώω, которое здѣсь значитъ: опустошать, опоражнивать отъ силы и власти, лишать силы и могущества, унижать, умалять, уничтожать и т. п., въ каковомъ смыслѣ употребляются и производныя отъ κενώω. По объясненію проф. Церковной исторіи въ Казанскомъ университетѣ и Казанской духовной академіи Θ. А. Курганова (въ письмѣ ко мнѣ), съ богословской точки зрѣнія, вышеприведенные стихи «представляютъ тайну воплощенія Сына Божія и цѣль его въ поэтически образномъ сочетаніи несовмѣстимыхъ противоположностей: ἀκένωτος γενώσκει и ἐκκενωθεῖται и πληρώσει. Прекрасно, образно-поэтически изображая глубочайшую тайну воплощенія Сына Божія и цѣль его, эта фраза подлинно поэтически-философскаго греческаго языка трудно поддается передачѣ на другіе языки. Она имѣетъ прямое отношеніе къ словамъ апостола Павла: ἐαυτὸν ἐκένωσε, μορφήν δουλοῦ λαβὼν (Филипп. II, 7), гдѣ нужно искать ея разрѣшенія. Слова ἐαυτὸν ἐκένωσε переведены: въ лат. библии словами: ipse sese inanivit (латинск. перев. библии изд. Британскаго библейск. общества, Berolini, 1868. Interprete Theodoro Beza), въ нѣм. ausserte sich selbst (Лондонск. изданіе того же общества, 1858, nach der deutschen Uebersetzung Dr Martin Luthers), во фрѣнц.: il s'est anéanti soi-meme (Londres, 1865) или: il s'est anéanti lui-meme en prenant la forme de serviteur (La sainte Bible, version de I. F. Osretvald. Bruxelles, Paris, 1885, согласно съ лат. переводомъ Библии, Lutetiae, MDXLV, гдѣ это мѣсто переведено: semet-ipsam inanivit, forma servi sumpta), въ слав.: Себя умалилъ (или истощилъ), въ русск.: уничижилъ Себя Самаго. Легко видѣть, что ближе всего мысль подлинника передаетъ латинскій переводъ: «опорожнилъ Себя Самаго», т. е. какъ бы сбросилъ съ Себя атрибуты Своего Божественнаго величія и могущества, по которымъ онъ — ὁ πάσης κτίσεως πληρώτης καὶ δεσπότης. Такого рода опоражниваніе (κένωσις умаленіе, истощеніе, уничиженіе) неисчерпаемо (ἀκένωτος), невозможно, немислимо. Въ какой мѣрѣ оно можетъ быть мыслимо по отношенію къ Богу-Слову, изъясняетъ св. Григорій Богословъ (Greg. Nazians. orat. ed. Bill. XXXVI: κάμψαι τῷ κενωθέντι δι' ἡμᾶς, καὶ τὴν θεῖαν εἰκόνα δουλικῇ μορφῇ συγκεράσσει — по русск. переводу: чтобы всякое колѣно поклонилось Истоцнившему Себя за насъ и образъ Божій сотворившему съ зракомъ раба. Часть III, стр. 65 изд. 3, 1889. Москва).

Въ Крещеніе пѣвчіе Прасиновъ пѣли на гласъ 4-й: „Крещенный нынѣ дланію Предтечи, страшною (сильною) дланію Своею провозглашаетъ васъ царями, благочестивые благодѣтели, и помазанниками васъ показуетъ всей вселенной; ибо освятивши крещеніемъ, елеемъ нетлѣнія крестить (ваше) царство, спасеніе даруя Римлянамъ, великую помощь и славу царству“. I, 3, 43.

Въ Пасху пѣвчіе Прасиновъ пѣли на гласъ 3-й: „Пасху Господню днесъ зряще“ и пр. I, 4, 46.

Когда цари подходили къ пропилею св. Апостоловъ и становились на своемъ обычномъ мѣстѣ, пѣлись привѣтствія и славословія, которыя заканчивались восклицаніемъ пѣвчихъ: „поклонившись славѣ родившагося (явившагося или воскресшаго, смотря по празднику) Христа“ и обычнымъ многолѣтіемъ народа: „долголѣтнимъ содѣетъ Богъ“ и пр.

Пятый пріемъ. Пятый и послѣдній на возвратномъ пути пріемъ происходилъ тамъ, гдѣ происходилъ первый пріемъ, когда цари шли въ храмъ, т. е. въ Трибуналъ у Лихнѣ. Когда цари, войдя изъ Палаты Школъ въ Трибуналъ, шествовали по Трибуналу, направляясь къ Лихнамъ, пѣвчіе Венетовъ пѣли въ Рождество Христово на гласъ 3-й: „Звѣзда предшествуетъ и свѣтитъ въ пещерѣ“ и пр. I, 2, 40.

Въ Крещеніе пѣвчіе въ это же время пѣли на гласъ 8-й: „Свѣтъ возсіялъ тѣлесно въ плоти, чтобы, сдѣлавшись свѣтомъ, мы соединились съ свѣтомъ Божиимъ. Является омывающий водою и совершающий Духомъ; снизойдемъ вмѣстѣ съ Нимъ, да (вмѣстѣ съ Нимъ) возвысимся. Знаме-

Оно совершается за наше опоражниваніе (τῆς πρὸς ἡμᾶς), т. е. то умаленіе или уничиженіе себя, которое сдѣлалъ родъ человѣческій въ лицѣ прародителей при грѣхопадѣніи, совершается для того, чтобы наполнить горній міръ избранными членами изъ нашего низшаго, истощившагося при грѣхопадѣніи прародителей, лишившагося (опорожнившагося отъ) высшихъ благодатныхъ даровъ, вложенныхъ въ его природу при созданіи человѣческаго рода. Какъ возвеличенъ Христосъ Богъ за свое смиреніе, это изъясняетъ апостолъ Павелъ въ томъ же посланіи къ Филиппійцамъ (II, 9—11); какъ онъ искупилъ родъ человѣческій своимъ истощеніемъ (ἀκενώτω κενώσει), такъ что онъ (т. е. родъ человѣческій) получилъ возможность наполнить собою горній міръ,—это изъясняетъ все христіанское ученіе домостроительства спасенія человѣческаго рода». Потому проф. Кургановъ переводитъ вышеприведенное мѣсто такъ: «Тотъ, кто исполняетъ всю тварь и Владыка, уничижается безмѣрнымъ уничиженіемъ (или безмѣрно уничижается) ради насъ, чтобы горній міръ наполнить (членами) изъ нашего нижайшаго рода». Но такъ какъ въ этомъ переводѣ пропущено τῆς, подъ которымъ нужно разумѣть или κενώσεως или σαρκώσεως, то я не могу согласиться вполнѣ съ переводомъ почтеннаго профессора и въ текстѣ далъ свой переводъ, на мой взглядъ, болѣе ясный и близкій къ смыслу греческаго текста. При переводѣ τῆς съ названными существительными буквальный переводъ будетъ гласить такъ: уничижается (умалается) немислимымъ для него уничиженіемъ умаленія за насъ (или въ умаленіи за насъ, собственно относительно насъ), т. е. уничиженіемъ, которое состоитъ въ умаленіи за насъ, въ рожденіи подъ видомъ человѣка. Еще проще и яснѣе будетъ смыслъ текста, если вмѣсто τῆς мы будемъ читать τῇ.

нуемся таинственно, познавши силу таинства; какъ снова возродившіеся, воспримемъ всѣхъ не перваго, а втораго Адама“. I, 3, 43.

Въ Пасху пѣвчіе Венетовъ пѣли на гласъ 1-й: „Обновляется днесь естество человѣковъ, чудно изъ тлѣнія преобразуемое въ нетлѣніе, облещается въ одежду прежней славы, уже неодолимое больше смертію. Ибо имѣющее державу смерти собезначальное и собезконечное Отцу Слово, разрушивши чертоги ада, разрѣшило узы плѣнныхъ, всѣмъ даровавъ свободу. Оно и державу царства (вашего) сохранить на славу, гордость и спасеніе Римлянъ“.

Когда цари подходили къ Лихпамъ и становились въ камару, пѣвчіе и народъ привѣтствовали и славословили царей, а димократъ Венетовъ осѣнялъ царей крестнымъ знаменемъ. Славословія заканчивались возгласомъ пѣвчихъ: „поклонившись“ и пр., и обычнымъ многолѣтіемъ (πολυχρόνιον) и пр.) народа. 1, 4, 46.

Послѣ пѣснопѣній и славословій, когда цари проходили далѣе, димы съ своимъ начальствомъ удалялись, если имъ не нужно было дѣлать вторичной встрѣчи, подобно димократу Венетовъ съ зарѣчнымъ димомъ, который на возвратномъ пути царей привѣтствовалъ его два раза: въ первый разъ въ Халкѣ, предъ дверьми въ Палату Школъ, а второй разъ предъ Лихнами, въ Трибуналѣ.

Послѣ этой послѣдней встрѣчи цари со всею своею свитою шли чрезъ Лихны въ Палату эскувитовъ, гдѣ ихъ привѣтствовали пѣніемъ и славословіями тѣ же чины, которые привѣтствовали ихъ славословіями на пути въ св. Софію, т. е. номики, дипаниты и канцелларіи квестора. Стояли они въ томъ же порядкѣ на скамьяхъ и пѣли соотвѣтствующія празднику пѣснопѣнія (I, 1, 20; ср. выше, стр. 71 и слѣд.).

Выслушавъ славословія этихъ чиновниковъ, цари проходили въ Палату Кандидатовъ. Здѣсь въ дверяхъ, ведущихъ изъ этой Палаты на площадку Палаты 19 аккувитовъ, стояли двое пѣвчихъ ²⁾, которые пѣли также соотвѣтствующія празднику пѣснопѣнія.

¹⁾ Г. Каневскій (I. с. 844) перевелъ эту пѣснь совершенно произвольно, поставивши въ зависимость отъ ѱα въ первомъ періодѣ не только слѣд. conj. adhort., но и даже indic.: πάρεστιν ὕδατι πλύνων καὶ τελεῖων τῷ πνεύματι, каковыя слова онъ перевелъ совсѣмъ невѣрно: «дабы мы, исполняясь водою и совершаясь духомъ».

²⁾ I, 1, 20; δύο βοῦχῆλοι, названные при описаніи обратнаго шествія, при описаніи шествія въ храмъ св. Софіи не упоминаются. Но такъ какъ во время обратнаго пути поютъ обыкновенно тѣ же и въ тѣхъ же мѣстахъ, то можно думать, что эти вокаліи пѣли здѣсь же и во время шествія царей въ св. Софію. Βοῦχῆλοι, vocales назывались придворные пѣвцы или пѣвчіе, главною обязанностію которыхъ, повидимому, было пѣть на царскихъ пирахъ и обѣдахъ. Они вводились въ обѣденныя палаты раньше прибытія туда чиновъ (II, 52. 742), а затѣмъ, когда чины вводились и размѣщались по столамъ, имъ не

Изъ Палаты Кандидатовъ знамена, лавары, римскіе скипетры и т. п., носившіеся предъ царями и синклитомъ во время шествія, уносились, по всей вѣроятности, въ храмъ Господа, который своимъ западнымъ фасадомъ выходилъ на эту Палату и въ которомъ эти знамена и скипетры обыкновенно хранились (II, 40, 641). Впереди процессіи теперь оставались только большой крестъ св. Константина и жезлъ Моисея. Предшествуемые ими и синклитомъ, сопровождаемые кувукліемъ, маглавитами и этерією, а равно и царскими, цари изъ Палаты Кандидатовъ входили въ Консисторію, гдѣ вошедшіе впереди ихъ чины синклита стояли въ два ряда, и когда цари проходили, чины синклита, вмѣстѣ со свитою царей, возглашали обычное многолѣтіе или полихроній, т. е. говорили: „долголѣтнимъ (πολυχρόνιον) содѣтель Богъ святое царство Ваше на многія лѣта“.

Послѣ этого возгласа протоасикритъ, протонотарій съ нотаріями, хартуларіями и прочими чинами синклита въ тѣсномъ смыслѣ, встрѣчавшими царей на пути въ храмъ св. Софіи въ Консисторіи, оставались здѣсь и дальше уже не шли впереди царей ¹⁾, а расходились по домамъ, за исключеніемъ приглашенныхъ къ царскому столу. Крестъ св. Константина и жезлъ Моисея относились отсюда веститорами, первый въ храмъ св. Стефана Дафны, а второй въ храмъ св. Θεодора въ Хрисотриклинѣ.

Цари, предшествуемые только патрикіями и стратигами и сопровождаемые чинами кувуклія, царскими, маглавитами, этерією, силенціаріями и веститорами, словомъ тѣми, съ которыми на пути въ св. Софію вошли въ Консисторію, проходили изъ Консисторіи въ Оноподъ ²⁾.

Въ Оноподѣ, при шествіи чрезъ него царей, стояли чины, которые

дозволялось садиться до пѣнія пѣвчихъ (ibid. 744, 751). Во время обѣда пѣвчіе пѣли разныя славословія въ честь царей и многолѣтія на лат. языкѣ. Образцы этихъ пѣснопѣній сохранились въ Cerim. I, 75, 370—371. Во время этихъ пѣснопѣній чины должны были вставать и слушать ихъ стоя (II, 52, 773).

¹⁾ Cerim. I, 1, 20 перечислены остающіеся здѣсь чины синклита, почти тѣ же, которые названы I, 1, 10. Короче I, 9, 69. Еще короче I, 23, 136.

²⁾ Въ Оноподѣ, во время шествія царей въ св. Софію, находятся и привѣтствуютъ царей два друнгарія, царскіе спаааріи съ царскимъ оружіемъ (I, 1, 10), спааарокандидаты (I, 10, 73; I, 9, 63). По описаніямъ обратнаго шествія, въ Оноподѣ привѣтствуютъ царей и остаются царскіе люди съ катепаномъ и domestikомъ I, 1, 20, т. е. спааарокандидаты и спаааріи, церемоніарій съ силенціаріями и веститорами I, 9, 69 (послѣ μένει ἐκεῖ на строкѣ 10 нужно уничтожить запятую, такъ какъ μένει ἐκεῖ относится къ церемоніарію, а не къ царю), церемоніарій съ силенціаріями I, 23, 136. Но такъ какъ по I, 1, 20 церемоніарій входитъ съ высшими чинами въ Золотую Руку и проходитъ, вѣроятно, въ Августей, да и веститоры потомъ приглашаются для переоблаченія царей въ Октагонѣ, то необходимо предположить, что не всѣ, обозначенные въ обрядахъ, чины оставались въ Оноподѣ, послѣ сказаннаго многолѣтія: замѣчанія обрядовъ относительно церемоніарія съ веститорами нужно, очевидно, понимать въ томъ смыслѣ, что они становятся здѣсь для привѣтствія.

здѣсь ихъ впервые привѣтствовали, по выходѣ изъ портика Августея или Золотой Руки, и которые теперь провожаютъ ихъ обычнымъ возгласомъ: „долголѣтнимъ содѣтъ Богъ царство ваше на многія лѣта“ и частію остаются здѣсь. Къ числу этихъ чиновъ принадлежали: друнгарій виглы и флота, царскіе съ своимъ катепаномъ и domestикомъ, царскіе оруженосцы, силенціаріи и веститоры съ церемоніаріемъ во главѣ. Изъ Онопода цари, предшествуемые высшими чинами, которые входили по отдѣленіямъ для привѣтствія царей въ Золотую Руку во время шествія царей въ храмъ, и сопровождаемые чинами своей свиты: маглавитами, этеріею, кувукліемъ и хрисотриклинистами, входили въ Золотую Руку. Въ Золотой Рукѣ хрисотриклинисты становились съ лѣвой стороны, а магистры, патрикіи и прочіе высшіе чины съ правой и сопровождали проходившихъ посреди ихъ царей возгласомъ: „долголѣтнимъ содѣтъ Богъ“ и пр. Провозглашая это многолѣтіе, высшіе чины синклита, т. е. магистры, патрикіи, страстиги и оффиціаліи, говорили прощальное привѣтствіе царямъ, такъ какъ они, какъ и синклитики, откланивались царямъ въ томъ самомъ мѣстѣ, въ которомъ впервые привѣтствовали царей на пути въ св. Софію ¹⁾).

Цари, предшествуемые чинами кувуклія, сопровождаемые маглавитами, этеріютами и нѣкоторыми другими постоянными членами свиты, проходили въ залу Августея. Вошедшіе сюда впереди царей чины кувуклія стояли уже здѣсь по сторонамъ у столовъ, образуя у двухъ продольныхъ стѣнъ и одной поперечной ряды, составлявшіе вмѣстѣ фигуру, похожую на букву П ²⁾).

Какъ только цари съ своею ближайшею свитою вступали въ залу Августея, кувукляріи запирали большую бронзовую дверь Августея, ведшую

¹⁾ Cerim. I, 1, 20—21; I, 9, 69; I, 23, 136.

²⁾ Cerim. ibid. Входъ царей въ Золотую Руку и Августей, пребываніе здѣсь и путь до Хрисотриклина изображенъ кратко въ обрядахъ и нѣкоторыя подробности необходимо возстановлять по описаніямъ шествія въ св. Софію чрезъ эти мѣста. Такъ, въ обрядахъ не говорится, что маглавиты и этерія входятъ съ царями въ Августей; но шествіе царей на пути въ св. Софію съ маглавіемъ и этеріею отъ Сигмы и упоминаніе этихъ чиновъ свиты при шествіи чрезъ Золотую Руку (I, 1, 20—21) и при возвращеніи изъ Августея въ Хрисотриклинь (I, 23, 136; ср. I, 9, 70) указываетъ, что они не оставались въ Золотой Рукѣ, а шли съ царями далѣе, были въ Августей (ср. I, 1, 8) и провожали ихъ до Сигмы, откуда они присоединялись къ свитѣ царя на пути изъ Хрисотриклина въ Августей (I, 1, 7). То же самое, быть можетъ, слѣдуетъ сказать о хрисотриклинистахъ (ср. I, 1, 8) и нѣкоторыхъ другихъ чинахъ ближайшей свиты царя, которые I, 9, 70 называются *οἱ λοιποὶ οἰκιστῶν*. Потому замѣчаніе общаго обряда (I, 1, 21), что цари входятъ въ Августей одни (*τῶν βασιλευσῶν ὁμοῦν εἰσερχομένων*) нужно понимать не въ томъ смыслѣ, что цари входили безъ всякой свиты, а что они входили въ Августей одни, безъ чиновъ синклита. Точно также, если далѣе сказано *τῶν βασιλευσῶν μετὰ κοινωτικῶν καὶ ὁμοῦν εἰσιόντων*, то это значитъ только, что изъ чиновъ кувуклія съ царемъ идутъ ближайшіе его служители, китониты, а прочіе чины кувуклія стояли въ Августей, такъ какъ они вошли туда раньше.

въ Золотую Руку, а препозитъ по знаку великаго царя восклицалъ: „вить“ (βίτ)! Вслѣдъ за этимъ восклицаніемъ запѣвала (φωνοβόλος) кувуклія громко и мелодично провозглашала: „добро!“ Всѣ чины кувуклія подхватывали этотъ возгласъ и восклицали: „добро пожаловали, на многія лѣта!“ А въ Пасху прибавляли еще слова: „лѣта (или годы) счастливейшія!“ ¹⁾. Возгласы эти представляли собою традиціонные остатки глубокой, еще римской старины и потому состояли частью изъ латинскихъ словъ, очевидно, уже болѣе непонятныхъ какъ для произносившихъ, такъ и для составлявшихъ обряды.

При этихъ возгласахъ цари съ высшими и ближайшими чинами кувуклія, китонитами и состоящими при облаченіяхъ чинами проходили въ Октагонъ, гдѣ предъ выходомъ въ св. Софію они облачались въ хламиду и вѣнецъ и гдѣ теперь они снимали эти предметы облаченія въ обратномъ только порядкѣ: по прибытіи въ Октагонъ, препозитъ прежде всего снималъ съ царей вѣнцы, потомъ по обыкновенію возглашалъ: „веститоры!“ Являлись приглашенные церемоніаріемъ веститоры и снимали съ царей хламиды и, послѣ возгласа препозита: „повелите“, выходили вонъ, а цари въ дивитисіяхъ, т. е. далматикахъ, входили въ покой (κοιτών), примыкавшій къ Октагону. Отдохнувши здѣсь немного послѣ торжественнаго шествія въ тяжеломъ облаченіи, цари въ Октагонѣ облачались въ плащъ и, надѣвши шапку, въ сопровожденіи чиновъ кувуклія, маглавін и этеріи, шли по переходамъ Августея, чрезъ Апсиду, переходы Триконха и галле-

¹⁾ Во всѣхъ обрядахъ, въ которыхъ описывается возвращеніе чрезъ Августей изъ храма св. Софіи, читается: βίτ. Но что значитъ это βίτ и какое латинское слово подъ нимъ скрывается, сказать трудно. Reiske (Comment. p. 124) высказываетъ разныя предположенія относительно значенія этого βίτ vel *fit*; оно, по его словамъ, могло означать *fiat* (bene), *sit* (bene) или *vivat*. Последнее ему кажется болѣе вѣроятнымъ. Но возможно, мнѣ кажется, βίτ принимать за «it идетъ, входитъ», такъ какъ этотъ возгласъ говорилъ препозитъ, давая этимъ знать, что пора говорить привѣтствіе. Обращаясь къ этому привѣтствію кувукуляріевъ, въ общемъ обрядѣ (I, 1, 21) мы находимъ, что въ отвѣтъ на возгласъ кувулярія-запѣвалы: «καλῶς», прочіе чины кувуклія отвѣчали: καλῶς ἤλθετε οἱ πολυτοσχοι — т. е. καλῶς ἤλθετε in multos annos. Въ Пасху, по словамъ этого обряда, еще прибавлялось: ἄνω φιλλικήσιμε, т. е. annos felicissimos или annos, felicissimi. Въ Пасхальномъ обрядѣ (I, 9, 69) дѣйствительно стоитъ: ἤλθες ἡ πολυτος ἄννος φιλλικήσιμε, что можно понять или въ смыслѣ: in multos annos felicissimos, или еще ближе къ тексту: felicissime! Если въ Пасхальномъ обрядѣ слѣдуетъ читать felicissime, то и въ общемъ ἄννος φιλλικήσιμε можно читать: annos, felicissimi, такъ какъ тамъ идетъ рѣчь о нѣсколькихъ царяхъ. Такъ какъ прибавка къ in multos annos еще annos, кромѣ звательнаго felicissimi, не имѣетъ смысла, то нужно думать, что такое отличіе Пасхальнаго обряда отъ другихъ явилось позже, когда уже смыслъ этихъ словъ былъ совершенно непонятенъ. Въ пользу такого предположенія говоритъ то обстоятельство, что въ Рождественскомъ обрядѣ (I, 23, 136) сказано, какъ и въ Пасхальномъ: ἤλθες ἡ πολυτος ἄννος φιλλικήσιμε, т. е. ἤλθες in multos annos, felicissime. Слѣдовательно, felicissime прибавлялось сначала не въ одну Пасху, а и въ другіе праздники.

рею 40 мучениковъ въ Хрисотриклинь. Маглавиты и этерія откланивались царямъ, вѣроятно, въ Сигмѣ Триконха и чрезъ переходы 40 мучениковъ цари шествовали только съ чинами кувуклія, которые, войдя прежде царей въ Хрисотриклинь, становились тамъ въ ширину Золотой Палаты, привѣтствовали въ послѣдній разъ царей обычнымъ многолѣтіемъ и уходили, а цари снимали плащъ и шапку, шли въ восточную конху, молились тамъ предъ иконою Спасителя и уходили въ свои покои чрезъ южную дверь Хрисотриклина ¹⁾, гдѣ, вѣроятно, снимали дивитисій и надѣвали домашнее платье, вмѣсто служебнаго, если имъ приходилось долго дожидаться времени выхода къ парадному обѣду, когда нужно было опять облачаться въ парадныя одежды ²⁾. Если же обѣдъ слѣдовалъ непосредственно за прибытіемъ царей во Дворецъ, то цари, снявши въ Октагонѣ Дафны корону и замѣнивши хламиду или лоръ плащемъ, шли къ обѣду.

Вышеизложеннымъ порядкомъ совершались выходы въ храмъ св. Софіи въ главные Господніе праздники: Рождество Христово, Крещеніе, Пасху, Троицынъ день и Преображеніе. Нѣкоторая разница была, какъ мы видѣли, въ цвѣтѣ парадныхъ облаченій и содержаніи нѣкоторыхъ пѣснопѣній, видоизмѣнявшихся сообразно съ праздникомъ ³⁾. Кромѣ этой незначительной разницы, въ Пасху обрядъ выхода отличался отъ выходовъ въ другіе, сейчасъ названные, праздники тѣмъ, что цари, послѣ облаченія въ парадныя одежды въ Октагонѣ дворца Дафны, шли въ Палату 19 аккумулятовъ и тамъ совершали цѣлованіе съ чинами синклита, т. е. христосовались, и потомъ уже продолжали шествіе, которое съ Консисторіи идетъ опять обычнымъ порядкомъ. Какъ цари христосовались съ са-

¹⁾ Cerim. I. 1. 21—22; I. 9, 70; I. 23, 136. Такъ какъ обратное шествіе вообще, а конецъ его въ особенности описаны сжато и кратко, то нѣкоторыя черты необходимо дополнить указаніями начала шествій царей въ св. Софію. Ср. стр. 47 слѣд. По всей вѣроятности, на возвратномъ пути царя до самаго Хрисотриклина сопровождали чины до тѣхъ мѣстъ, съ которыхъ они присоединялись къ шествію, но въ обрядахъ это пропускается; да и при описаніи шествій въ св. Софію чины упоминаются не всегда одни и те же, а обозначаются то общими названіями, то частными, такъ что съ точностью опредѣлить, кто именно съ какого и до какого мѣста шелъ съ царемъ, очень трудно. Тѣмъ болѣе, что въ разное время бывали разные обычаи.

²⁾ Въ этомъ отношеніи Крещенскій выходъ представлялъ ту особенность, что цари послѣ литургіи, дойдя до Октагона и облачившись въ плащъ, не шли въ Хрисотриклинь, а оставались въ китонѣ дворца Дафны и дожидались патріарха съ духовенствомъ къ обѣду въ Палатѣ 19 аккумулятовъ. Когда патріархъ приходилъ, цари вмѣстѣ съ нимъ шли обѣдать въ Палату 19 аккумулятовъ и уже послѣ обѣда, проводивъ патріарха до Августа, уходили въ Хрисотриклинь вышеописаннымъ порядкомъ (I. 26, 146—147; ср. II, 52, 754).

³⁾ См. выше, стр. 37 и 42. Ср. I. 2, 41, гдѣ, послѣ изложенія «актовъ» Рождества Христова, замѣчено, что «по образцу и чину этого праздника происходятъ приемы и словесія въ праздникъ Свѣтовъ, св. Пасху, Троицу и Преображеніе».

повниками и чиновниками синклита, такъ царицы христосовались съ ихъ женами и другими придворными дамами. Этотъ интересный обычай христосованія изложенъ въ двухъ обрядахъ Придворнаго Устава Константина Багрянороднаго: 1) въ общемъ обрядѣ, какъ отступленіе отъ обыкновенныхъ выходовъ въ большіе Господніе праздники (I, 1, р. 22—26), и 2) въ спеціальномъ Пасхальномъ обрядѣ (I, 9, 61 слѣд.), который, какъ уже было сказано ¹⁾, не имѣетъ начала и въ печатныхъ изданіяхъ соединенъ въ одну главу съ началомъ „актовъ“ въ Троицынъ день. Обрядъ этотъ въ дошедшей до насъ единственной рукописи начинается прямо съ ввода въ Палату 19 аккумулятовъ перваго отдѣленія чиновъ синклита; изъ сравненія съ другими обрядами большихъ выходовъ и обрядомъ христосованія, изложенномъ въ общемъ обрядѣ, видно, что въ Пасхальномъ обрядѣ недостаетъ описанія выхода изъ Хрисотриклина до Августея, облаченія въ Октагонѣ Дафны, шествія изъ дворца Дафны въ Палату аккумулятовъ и христосованія съ чинами кувуклія и ближайшими къ царю чинами свиты, что составило бы приблизительно около $\frac{1}{3}$ всего обряда. Но эти недостатки, которые легко можно возстановить по общему обряду, восполняются за то описаніемъ христосованія царицъ, котораго нѣтъ въ общемъ обрядѣ и которое сохранилось только въ Пасхальномъ (I, 9, р. 67—68).

По указаннымъ обрядамъ, въ Пасху цари доходили до дворца Дафны совершенно такимъ же порядкомъ, какъ и въ другіе Господніе праздники. Войдя изъ храма св. Стефана въ Октагонъ, цари снимали плащи; затѣмъ въ Покоѣ (китонѣ) Дафны, снявши скарамангій, облачались въ дивитисій ²⁾ или далматіку и, оставаясь здѣсь, дожидались доклада пре-

¹⁾ См. выше, стр. 38.

²⁾ Cerim. I, 1, 22 сказано, что цари въ Пасху облачаются въ τὰ ἐαυτῶν διζητήσια ἐν τῇ κοιτῶνι τῆς Δάφνης. Но въ главѣ 37 1-й книги, р. 187, гдѣ перечисляются облаченія, въ которыхъ цари дѣлаютъ выходы въ храмы, сказано, что въ Пасху цари выходятъ изъ дворца, т. е. Хрисотриклина μετὰ ὀξέων σκαράμαγγίων (фіолетовыхъ скарамангійхъ) καὶ χρυσοπερικλειστών σαγίων καὶ ἐν τῇ κοιτῶνι τῆς Δάφνης ἀλλάσσουσι τὰ θωράκια, περιβάλλονται δὲ καὶ τὰ τζιτζάκια. Въ этомъ облаченіи цари христосуются, а послѣ христосованія (ὁ ἀσπασμός) снимаютъ τζιτζάκια и надѣваютъ лоры и вѣнцы. Упомянутыя здѣсь θωράκια значатся въ числѣ парадныхъ облаченій и въ перечнѣ таковыхъ, находящемся въ Cerim. II, 41, 641 и начинающемся такъ: λῶροι χρυσοῦφαντοι καὶ κοντορανίκια χρυσοῦφαντα τῶν αὐτῶν λῶρων ἐβ'. θωράκια τῶν αὐτῶν λῶρων ἐβ'. Но что за одежда была эти θωράκια, мнѣ, по крайней мѣрѣ, навѣрно неизвѣстно. Судя по тому, что θωράκια названы вмѣсто дивитисія и цари ихъ надѣваютъ (ἀλλάσσουσι) какъ дивитисій, а не накидываютъ на себя (βάλλονται или περιβάλλονται), какъ хламиды, можно думать, что θωράκια называлась одежда въ родѣ дивитисія, но состоявшая, быть можетъ, изъ двухъ половинъ, задней и передней, которыя связывались на бокахъ, какъ теперешніе архіерейскіе саккосы. Такъ какъ и панцыри составлялись изъ двухъ половинъ, передней и задней, соединяемыхъ на бокахъ, то, быть можетъ, по сходству съ половинами панцырей, и одежда, состоящая изъ двухъ половинъ,

позита о томъ, что чины синклита собрались въ портикѣ Палаты 19 аккумулятивъ и Оноподѣ и стоятъ въ ожиданіи ввода ихъ въ эту палату для христосованія. Чины синклита въ Пасху собирались, слѣдовательно, не въ Оноподѣ и Консistoriи, какъ въ другіе праздники, а въ портикѣ Палаты 19 аккумулятивъ и Оноподѣ.

задней и передней. называлась *θωράκισ*. Если эта догадка близка къ истинѣ, то *θωράκισ*, слѣдовательно, представляли собою родъ составной далматики или дивитисіа, надѣвавшаяся въ Пасху подъ лоры или ципакин. Такъ какъ въ перечнѣ праздничныхъ облаченій дивитисіа обыкновенно называются съ хламидами и составляли однообразную пару (*διζήτηςα πορφυρή καὶ τὰς τοῦτων χλαμύδας, διζήτηςα λευκὰ καὶ τ. τοῦτ. χλαμύδας* и т. д. I, 37, 180 слѣд.), то можно думать, что и въ перечнѣ облаченій II, 41, 611 вмѣстѣ съ лорами названы надѣваемые вмѣстѣ съ ними *θωράκис*, какъ парныя съ лорами, къ нимъ принадлежащія (*τῶν αὐτῶν λόρων*). Образцомъ такого дивитисіа — ооракія, дивитисіа панцыреобразнаго можетъ служить знаменитая Ватиканская далматика, изданная Фр. Боккомъ въ *Kleinoden des Röm. Reiches* (ср. выше, стр. 55 и 56). Эта далматика въ то же время позволяетъ понять, почему она сдѣлана въ видѣ двухъ полотнъ, задняго и передняго, съ отверстіемъ для головы. Очевидно, тяжесть, толщина матеріи и вышитые или вытканые на ней великолѣпные рисунки не позволяли сдѣлать изъ нея далматику обыкновеннаго покрою, т. е. безполаго мѣшка, съ отверстіемъ для головы и рукъ. Если бы изъ этого матеріала сдѣлана была далматика обыкновеннаго покрою, то при надѣваніи, которое было бы очень затруднительно и неудобно, матерія должна была мяться и ломаться, а отъ этого значительно пострадали бы рисунки. По той же причинѣ и теперешніе архіерейскіе саккосы, которые большею частью дѣлаются изъ толстой и тяжелой дорогой парчи, шьются на подобіе Ватиканской далматики, т. е. состоятъ изъ двухъ полотнищъ, которыя связываются на бокахъ пуговицами или тесемками. Въ вышеизложенной книгѣ Бокка, кромѣ Ватиканской папской далматики, дано изображеніе одной императорской далматики, сдѣланной изъ гораздо болѣе легкой и тонкой матеріи. Эта далматика имѣетъ уже форму обыкновенной далматики или стихаря, т. е. не имѣетъ полъ и сравнительно длинныя рукава, между тѣмъ какъ Ватиканская далматика имѣетъ очень короткіе, широкіе, разрѣзанные внизу рукава, которые накладывались на верхнюю часть руки сверху и до нѣкоторой степени напоминаютъ рукава далматикъ на нѣкоторыхъ диптихахъ консульскихъ (рисунки будутъ указаны при описаніи лоровъ, см. ниже). Такіе рукава дѣлались, очевидно, опять-таки потому, что длинные и узкіе рукава изъ толстой и тяжелой матеріи были бы очень неудобны для надѣванія, стѣсняли бы движеніе руки и затрудняли бы сгибаніе ея.

Въ пользу такого пониманія *θωράκис*, кромѣ вышеизложенныхъ соображеній, говорить еще то обстоятельство, что въ Пасху для завтрака (*κράμα*, см. выше, стр. 178 и слѣд.) 12 высшихъ чиновъ, надѣвавшихъ для выхода въ храмъ лоры, являются въ триклиніѣ Мутаторія св. Софіи только въ ооракіяхъ, безъ лоровъ (*Cerim.* II, 52, 766). А это доказываетъ. 1) что подъ лорами у нихъ также надѣты были *θωράκис*, а 2) что *θωράκис* представляли собою не самую верхнюю одежду, а какъ дивитисіа — далматика, надѣвались подъ лоры, такъ какъ къ завтраку какъ цари, такъ и высшіе чины являлись безъ самой верхней одежды, т. е. въ другіе праздники безъ хламидъ, напр. въ Рождество (*Cerim.* II, 52, 741) и въ Крещеніе (*ibid.* 754), а въ той одеждѣ, которая была у нихъ подъ хламидою и которая видоизмѣнилась по чину, но въ общемъ представляла видоизмѣненія туники, а такъ какъ *θωράκис* представляли собою особаго покрою далматики или дивитисіа, которые были также туники (см. выше, стр. 54 прим.), то предположеніе, что *θωράκис* представляютъ собою только видоизмѣненіе дивитисіевъ, особаго покрою далматики, еще болѣе подтверждается. и для меня, по крайней мѣрѣ, кажется весьма и весьма вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что *θωράκис* = *λωρίκιον*, а *λωρίκιον* = *χιτὼν σιδηρός* (*Du Cange, Gloss. s. v. λωρίκη*). Отъ такого желѣзнаго хитона и похожій на него по своему покрою дивитисіа названъ *θωράκιον*.

Когда церемоніарій, къ обязанностямъ котораго принадлежала разстановка чиновъ и приготовленіе ихъ къ введенію по рангамъ, докладывалъ препозиту, что чины собрались въ портикѣ Палаты 19 аккумулятовъ и Оноподѣ, препозитъ докладывалъ объ этомъ царямъ, цари выходили изъ покоя въ Октагонъ и облачались въ цицакій, родъ плаща или хламиды, заимствованный византійскими царями у Хазаръ во времена Константина V Копронима (741—775), женившагося на Принѣ, дочери хазарскаго хана, въ 733 г. Во время написанія обрядовъ Придворнаго Устава цицакій считался однимъ изъ самыхъ великолѣпныхъ и торжественныхъ облаченій и надѣвался почти только въ Пасхальную недѣлю для выходовъ, да въ нѣкоторыхъ другихъ особенно торжественныхъ случаяхъ ¹⁾.

¹⁾ По замѣчанію схол. къ I, 1, р. 22 τὰ τζιτζάκια—хазарская одежда и явилась въ Царьградѣ со временъ царицы изъ хазарскихъ принцессъ, а такъ какъ изъ хазарскихъ принцессъ была только жена Константина Копронима, Ирина, то, очевидно, цицакіи въ парадномъ царскомъ гардеробѣ появились со времени женитьбы Константина Копронима на хазаркѣ. По замѣчанію составителя 37 гл. 1 книги, въ теченіе Пасхальной недѣли цари носятъ бѣлые дивитисіи, а если пожелаютъ совершать или выходъ въ церковь, или крестный ходъ, или приѣмъ во дворцѣ, то надѣваютъ цицакіи (περιβάλλονται τὰ τζιτζάκια р. 188). Дѣйствительно, въ обрядахъ выходовъ и приѣмовъ Пасхальной недѣли мы находимъ указанія на это хазарское облаченіе: кромѣ I, 1, 22, гдѣ говорится о надѣваніи цицакіевъ въ 1-й день Пасхи, цари идутъ въ цицакіяхъ во вторникъ въ храмъ свв. Сергія и Вакха, возвращаются оттуда и выходятъ къ столу въ Хрисотриклинь въ нихъ же (I, 11, 86, 88—89); въ четвертокъ Пасхальной недѣли цари въ цицакіяхъ принимали въ Хрисотриклинь высшее духовенство и христосовались (I, 14, 92); въ антипасху возвращались изъ св. Софіи въ τζιτζάκια (I, 16, 98); въ среду цари въ цицакіяхъ христосовались съ новокрещенными (I, 12, 90). Но, однакожъ, не всегда цари въ Пасхальную недѣлю надѣваютъ цицакіи; упоминаются и хламиды: такъ, въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли царь облачается не въ цицакій, а хламиду I, 10, 72. Кромѣ Пасхальной недѣли цари облачались въ цицакіи въ Крещенскій сочельникъ I, 25, 141—142. По коронаціонному обряду, цари въ день коронаціи облачались въ мутаторіи, находившемся предъ внутреннимъ нарѣкомъ, въ дивитисій и цицакій, а сверхъ того надѣвали еще плащи (I, 38, 192). Здѣсь именно облачался въ цицакій Никифоръ Фока въ день своей коронаціи (I, 96, 440).

Такъ какъ цицакіи замѣняютъ собою хламиды и какъ хламиды ихъ «накидываютъ» (περιβάλλονται), то можно навѣрное заключать, что цицакіи представляли собою верхнюю одежду, въ родѣ хламиды, и накидывались на дивитисій. Но чѣмъ отличался цицакій отъ хламиды и какой его былъ покрой, сказать трудно. Можно сказать только навѣрное, что хазарско-византійскій «цицакій» ничего не имѣетъ общаго съ шишакѣмъ, такъ какъ цицакій—одежда, въ родѣ хламиды или плаща, а шишакъ—головной уборъ. Нѣкоторое сходство звуковъ въ этихъ названіяхъ соблазняло археологовъ и нѣкоторые изъ нихъ сближали эти слова, хотя и въ этимологическомъ отношеніи они не имѣютъ ничего общаго: «шишакъ», очевидно, стоитъ въ связи съ «шишка», а τζιτζάκιον—слово, вѣроятно, хазарское, но какая собственно одежда обозначается этимъ словомъ, мнѣ неизвѣстно. Такъ какъ хазары принадлежали къ турецкому (türkisch) племени, а въ турецкихъ языкахъ есть слово «чичакъ»—цвѣтокъ, то можно думать, что τζιτζάκιον, которое могло произойти и какъ чичакіон и какъ цицакіон, означаетъ одежду, сдѣланную изъ матеріи, затканной или вышитой цвѣтами. Далѣе этого наши догадки едва ли могутъ идти. Принимая во вниманіе, что въ Пасху и Крещеніе, когда надѣвался цицакій, употреблялись обыкновенно бѣлыя, свѣтлыя одежды, можно думать, что цицакій также дѣлался изъ свѣтлой матеріи, украшенной цвѣтами. Такихъ одѣяній, надѣтыхъ на дивитисій, въ родѣ

Облачившись въ цицакій, цари шествовали не въ Августей, а чрезъ двери, соединявшія дворецъ Дафны съ Палатою 19 аккумулятовъ, входили въ большой аккумулятъ этой Палаты и чрезъ него спускались въ самую Палату или ея залу, гдѣ стояли справа и слѣва пришедшіе сюда впереди царей чины кувуклія, маглавиты и этеріоты. Цари, привѣтствуемые обычнымъ многолѣтіемъ, проходили среди этихъ чиновъ на правую сторону Палаты 19 аккумулятовъ и садились здѣсь на золоченыхъ, украшенныхъ драгоценными камнями сѣдалищахъ для христосованія съ ближайшими чинами, вошедшими сюда вмѣстѣ съ ними ¹⁾. Прежде всего подходили ректоръ, препозиты и другіе чины кувуклія, а равно и маглавиты съ этеріотами. Христосованіе состояло въ томъ, что чины подходили къ царямъ, кланялись, но не до земли, а только до колѣнъ, цѣловали царей сначала въ колѣно, потомъ въ руку и, наконецъ, въ уста.

Похристосовавшись съ самыми близкими чинами, царь давалъ знакъ препозиту, а этотъ послѣдній рукою, обернутою въ хламиду, давалъ знакъ остіарію, державшему въ рукахъ золотой жезлъ, чтобы тотъ уходилъ для ввода слѣдующихъ чиновъ царской свиты: катепана царскихъ съ ихъ domestici, хрисотриклитовъ, церемоніарія съ силенціаріями, адмиссіоналія и, вѣроятно, веститоровъ ²⁾.

Остіарій выходилъ съ золотымъ жезломъ въ рукѣ, приглашалъ сейчасъ названныхъ чиновниковъ слѣдовать за собою и, пройдя завѣсу, останавливался у нея, а слѣдовавшіе за нимъ чины оставались за завѣсою, у которой стояли 2 силенціарія, раздвигавшіе и сдвигавшіе завѣсу, по знаку остіарія, такъ какъ завѣса, чрезъ которую входили чины въ Палату 19 аккумулятовъ, была раздвижная (βῆλον πυρτόν или πυρόμενον). Остіарій, остановившись возлѣ самой завѣсы, ожидалъ знака отъ препозита, который, въ свою очередь, дожидался знака или мановенія царя. Получивши этотъ знакъ, препозитъ опять давалъ знакъ хламидою остіарію, а остіарій, поклонившись царямъ установленнымъ образомъ, толкалъ пра-

хламиды, можно указать въ сохранившихся изображеніяхъ нѣсколько; но можно ли украшенные цвѣтами хламиды называть цицакіями, это другой вопросъ, который, за неимѣніемъ описаній цицакія, рѣшить пока нельзя. (Съ русск. шишакъ сопоставлялъ греч. τζιζάκιον еще О л е н и нъ въ письмѣ къ непремѣнному секретарю Академіи Наукъ Языкову въ 1836 г. Письмо это напечатано въ «Исторіи Россійской Академіи» Сухомлинова, т. VII, стр. 154 сл., на что мнѣ любезно указалъ Г. С. Д е с т у н и с ъ. Какъ было выше указано, это сопоставленіе нельзя назвать удачнымъ ни съ этимологической, ни съ археологической точки зрѣнія).

¹⁾ Относительно Палаты XIX Аккумулятовъ, ея устройства, составныхъ частей и смежности съ дворцомъ Дафны см. мой Обзоръ главн. частей Большаго Дворца, стр. 109—114.

²⁾ Послѣ самыхъ близкихъ чиновъ вводятся тѣ чины, которые тоже входятъ въ составъ свиты, но не самой близкой, а церемоніальной. Это тѣ чины, которые въ большіе выходы привѣтствуютъ и прощаются съ царемъ въ Оноподѣ.

вой рукой завѣсу, задомъ къ которой онъ стоялъ. Силенціаріи, стоявшіе у этой завѣсы, раздвигали каждый свою половину, и стоявшіе за ней чины, приглашенные остіаріемъ, входили, кланялись и по правой сторонѣ залы подходили къ царямъ одинъ за другимъ и цѣловали царей въ колѣна, руки и уста, послѣ чего одинъ по одному выходили тѣмъ же путемъ, которымъ пришли, въ то мѣсто, откуда они были приведены остіаріемъ (I, 1, 23).

Между тѣмъ, пока происходило это христосованіе, кувикюляріи приготавливали среди залы Палаты 19 аккумулятовъ изъ плюща, мирты, буквыхъ вѣтвей и другихъ благовонныхъ и красивыхъ растений бесѣдку, которая устраивалась такъ, что болѣе или менѣе напоминала по своей фигурѣ греческую букву **T**, т. е. представляла собою огороженную растеніями продолговатую площадку, перпендикулярно къ которой велъ корридоръ изъ такихъ же растений¹⁾. Внутри площадки могли помѣщаться царскія кресла и стоять окружавшіе царей чины кувуклія, а по корридору подходили къ царямъ для христосованія чины и потомъ становились здѣсь съ обѣихъ сторонъ, старшіе впереди. Планъ этой бесѣдки можно представлять себѣ въ такомъ приблизительно видѣ: ²⁾.

По окончаніи христосованія съ чинами своей свиты, цари вставали съ своихъ сѣдалищъ, а кувикюляріи брали ихъ и ставили въ приготовленную посреди залы бесѣдку. Цари садились, а чины кувуклія становились сзади и по сторонамъ отъ царей, въ обычномъ порядкѣ. Когда всѣ занимали свои мѣста, великій царь давалъ знакъ препозиту, тотъ выходилъ на средину бесѣдки и становился лицомъ къ царямъ, кланялся имъ установленнымъ

¹⁾ Эта бесѣдка называется *φῖνα*, что представляетъ, по всей вѣроятности, греческую передѣлку латинск. *finis*, конецъ, предѣлъ, окружность, ограда, загородка, огороженное мѣсто. Въ смыслѣ ограды слово это употребляется при описаніи ночной стражи вокругъ царской палатки въ походахъ. «Сто схоляріевъ, которыхъ имѣеть въ своемъ распоряженіи друнгарій виглы, дѣлають внѣшнюю ограду (*ποιοῦσι τὴν φῖναν τὴν ἔξω*), а этеріоты съ этеріархомъ охраняють внутреннюю ограду, возлѣ самой царской палатки (*τῆς κόρτης, ἡ κόρτη* — итал. *corte* — фр. *la cour*), гдѣ привязаны ея веревки» (Append. ad. libr. I Cerim. p. 482). Когда же царь соединится съ провинціальными войсками, то прибавляется еще одна ограда, возлѣ ограды этеріотовъ, т. е. внѣ ограды этеріотовъ и внутри ограды схоляріевъ (*ibid.* 482). Такъ какъ здѣсь говорится, что ночью безъ пароля (*σίγῃ*), который назначался царемъ и состоялъ обыкновенно изъ словъ: Спаситель, Богородица, архистратигъ или названія какого-нибудь мученика-воина) никто не могъ выходить *ἔξω τῶν σκοιταρίων*, то можно думать, что эти ограды около лагерной царской палатки дѣлались изъ щитовъ названныхъ отрядовъ царскихъ тѣлохранителей. Другаго рода *φῖνα* была въ Циркѣ (II, 20, 614), гдѣ такъ назывался портикъ, имѣвшій видъ буквы П. См. Reiske, Comment. ad. Cerim. p. 557. Портикъ изъ живыхъ растений и вѣтвей представляла собою и *φῖνα* въ залѣ Палаты 19 аккумулятовъ.

²⁾ Горизонтальная, верхняя часть этой фигуры изображаетъ часть бесѣдки, тянущуюся поперекъ залы, а вертикальная — часть бесѣдки, тянущуюся вдоль и открытымъ концомъ обращенную къ входной двери.

образомъ и, предшествуемый двумя остіаріями съ золотыми жезлами, выходилъ чрезъ главную завѣсу и дверь въ портикъ Палаты 19 аккувитовъ, гдѣ стояли чины синклита, раздѣленные по отдѣламъ и рангамъ (βῆλα) и приготовленные къ вводу въ залу для христосованія. Препозитъ приглашалъ прежде всего самыхъ высшихъ сановниковъ, первый отдѣлъ, состоявшій изъ магистровъ и аноипатовъ, одѣтыхъ въ лоры. Дѣло въ томъ, что въ Пасху для выхода къ литургіи 12 высшихъ сановниковъ облачались въ лоры (λῶροι) и въ нихъ входили для христосованія съ царями, которые, какъ мы сейчасъ увидимъ, послѣ христосованія снимали цицакинъ и облачались также въ лоры. Вотъ этихъ-то 12 сановниковъ, облачавшихся въ лоры, препозитъ вводилъ прежде всѣхъ. Церемонія ввода чиновъ препозитомъ совершалась почти такъ же, какъ совершалась она одними остіаріями и какъ она описана была выше, но съ большею торжественностію ¹⁾. Какъ тамъ вводимые чины слѣдуютъ за остіаріемъ, такъ здѣсь они слѣдуютъ за препозитомъ, впереди котораго идутъ остіаріи съ золотыми жезлами. Пройдя завѣсу входной двери, противъ которой устраивалась бесѣдка, остіаріи становились: одинъ у правой, другой у лѣвой половины завѣсы, задомъ къ нимъ, а лицомъ къ царямъ ²⁾. По данному пре-

¹⁾ Вводъ чиновъ (βῆλα) съ участіемъ препозита, очевидно, дѣлался въ тѣхъ случаяхъ, когда вводу хотѣли придать большую торжественность, которая и достигалась участіемъ въ ней высшаго церемоніальнаго сановника.

²⁾ Въ Cerim. I. 1. 23, гдѣ описывается процедура ввода, говорится (въ концѣ), что препозитъ, поклонившись царю, выходитъ вводить βῆλα, а вмѣстѣ съ нимъ идутъ и два остіарія и становятся съ внутренней стороны завѣсы (ἐνδοθεν τοῦ βήλου) и пр. Взявши отдѣльно это мѣсто, можно, пожалуй, подумать, что остіаріи, выходя изъ залы вмѣстѣ съ препозитомъ, доходятъ только до завѣсы, становятся у нея и дальше не идутъ, а за чинами идетъ только препозитъ, который потомъ входитъ съ чинами перваго ранга. Но если мы сравнимъ другія описанія ввода чиновъ, то мы увидимъ, что остіаріи становились у завѣсы, съ внутренней, т. е. обращенной къ залѣ, стороны уже послѣ того, какъ они съ препозитомъ сходили за чинами. Это ясно видно изъ описанія ввода чиновъ свиты однимъ остіаріемъ, безъ препозита, описанія, приведеннаго выше. Точно также они ходили за чинами и съ препозитомъ, при чемъ шли впереди его, а потомъ, на возвратномъ пути, имѣя позади себя препозита и приглашенный отдѣлъ чиновъ, становились у завѣсы. Это ясно видно изъ описанія ввода чиновъ въ обрядѣ производства патрикіевъ (I, 48, 244—245). Къ сожалѣнію, не указано, кто даетъ знакъ остіаріямъ толкать завѣсы, тотъ ли препозитъ, который привелъ βῆλον, отдѣлъ чиновъ, или одинъ изъ оставшихся въ залѣ, возлѣ царя. Если тотъ, который выходилъ за чинами и вмѣстѣ съ ними дошелъ до завѣсы, то нужно думать, что онъ стоялъ предъ завѣсою, рядомъ или немного впереди остіаріевъ, такъ что могъ видѣть знакъ царя, а затѣмъ дать знакъ остіаріямъ. Но вѣрнѣе, кажется, думать, что ходившій за чинами препозитъ оставался за завѣсою до раздвиганія ея силенціаріями, а остіаріямъ давалъ знакъ другой препозитъ, который въ обрядѣ производства патрикіевъ называется ὁ ἐνδον παρῳπιστος, т. е. находившійся внутри Хрисотриклина препозитъ, въ отличіе отъ стоявшаго за завѣсою, внѣ Хрисотриклина. (Въ X в. должность препозита имѣла уже значеніе чина, дававшагося только евиухамъ, и препозитовъ могло быть и было нѣсколько, причемъ главный изъ нихъ назывался протопрепозитомъ. Cerim. II, 52, 722; II, 3, 527).

позитомъ знаку, остіарій, стоявшій у правой половины завѣсы, кланялся установленнымъ поклономъ царямъ и затѣмъ правой рукой толкалъ въ завѣсы, предъ которыми онъ стоялъ. Силенціаріи, стоявшіе у завѣсы, тотчасъ раздвигали ихъ направо и налево и препозитъ, предшествуя первому отдѣлу чиновъ, входилъ въ залу и вводилъ 12 высшихъ сановниковъ, которые, при входѣ, не падали ницъ, а кланялись до колѣнъ и шли за препозитомъ, впереди котораго шли опять остіаріи, къ бесѣдкѣ и, подведенные къ царямъ, цѣловали ихъ въ колѣно, въ руку и въ уста, послѣ чего становились на свои мѣста, т. е. по старшинству становились направо и налево предъ царями, прямо послѣ высшихъ чиновъ кувуклія, которые стояли непосредственно возлѣ царей.

Препозитъ и остіаріи, вводившіе высшихъ сановниковъ, становились между тѣмъ на свои мѣста, т. е. препозитъ опять становился посреди бесѣдки лицомъ къ царямъ, а сзади его, на нѣкоторомъ разстояніи, остіаріи. Когда кончалось христосованіе перваго отдѣла чиновъ синклита, великій царь опять давалъ знакъ препозиту, который опять кланялся царямъ установленнымъ поклономъ и уходилъ съ остіаріями въ портикъ за вторымъ отдѣломъ чиновъ. Пригласивъ ихъ и дойдя до завѣсы входной двери, препозитъ останавливался съ вторымъ отдѣломъ чиновъ, а остіаріи становились опять у завѣсы, со стороны, обращенной къ залѣ, и по данному знаку, остіарій, стоявшій слѣва, толкалъ назадъ правою рукою завѣсы, которыя немедленно раздвигались силенціаріями, и чины 2-го ранга, т. е. анѳипаты и патрикіи, не вошедшіе въ число 12, облачившихся въ лоры, входили, предшествуемые препозитомъ и остіаріями, въ залу, а потомъ въ бесѣдку, христосовались съ царями и становились на свои мѣста, по старшинству, направо и налево, послѣ 12 сановниковъ въ лорахъ, которые, послѣ высшихъ чиновъ кувуклія, стояли по шести въ рядъ, сначала магистры, а потомъ анѳипаты и патрикіи.

Когда чины втораго отдѣла занимали послѣ христосованія свои мѣста, препозитъ съ остіаріями, послѣ обычныхъ знаковъ и поклоновъ, выходилъ въ портикъ за третьимъ отдѣломъ чиновъ, имѣвшихъ чинъ или состоявшихъ по должности въ рангѣ протоспаѳаріевъ, и вводилъ ихъ такимъ же образомъ, какъ два первые отдѣла. Только завѣсу толкалъ опять остіарій, стоявшій съ правой стороны, а при вводѣ четвертаго отдѣла остіарій, стоявшій съ лѣвой стороны.

Такимъ же порядкомъ вводились всѣ другіе отдѣлы чиновъ, которые для ввода къ царямъ въ разныхъ случаяхъ распредѣлялись на разное количество отдѣловъ, смотря по обряду и желанію царей, такъ какъ чины могли дѣлиться на различное количество отдѣловъ. Понятно, что чѣмъ

больше было отдѣловъ, тѣмъ меньше чиновъ входило въ составъ каждаго изъ нихъ и тѣмъ болѣе длилась процедура ввода. Раздѣленіе на то или другое количество отдѣловъ, вѣроятно, зависѣло отъ препозитовъ, которые, соображаясь съ временемъ и характеромъ обряда, а равно и съ желаніемъ царей, приказывали церемониарію „приготовить“ (εὑτρεπίζειν), т. е. распределить чины на то или другое количество отдѣловъ. Потому и въ обрядахъ мы встрѣчаемъ то большее, то меньшее количество отдѣловъ, при чемъ они перечисляются или всѣ, или только нѣсколько ¹⁾. Точно также и составъ каждаго отдѣла то обозначается однимъ или двумя названіями чиновъ, то обозначается подробнѣе; но во всякомъ случаѣ полного перечня всѣхъ родовъ и названій чиновъ ни въ одномъ обрядѣ не имѣется, потому что такіе перечни занимали бы слишкомъ много мѣста и составителямъ обрядовъ въ этихъ случаяхъ пришлось бы каждый разъ писать длинные списки чиновъ въ родѣ тѣхъ, которые составилъ атриклинъ Филосей для приглашеній на царскіе обѣды. Во избѣжаніе этого составители обрядовъ ограничиваются общими названіями, обнимающими много или нѣсколько меньшихъ отдѣловъ, или называютъ только нѣсколько чиновъ изъ каждаго отдѣла, такъ какъ знакомому съ составомъ чиновъ изъ этихъ намековъ видно, какіе отдѣлы изъ какихъ чиновъ состояли и всѣ ли чины синклита вводились или только высшіе до извѣстнаго ранга.

Часто и самые отдѣлы не перечисляются или называются только одинъ, два или три первые отдѣла, съ прибавкою, что отдѣлы вводятся по обычаю и установленному порядку, или даже безъ этой прибавки, такъ какъ и безъ того порядокъ ввода чиновъ былъ извѣстенъ, особенно чинамъ, спеціально этимъ дѣломъ занимавшимся и привыкшимъ къ нему.

¹⁾ Въ общемъ обрядѣ I, 1, 24—25 названы только четыре отдѣла (βῆλα) чиновъ, которые обозначены общими названіями: анеипаты, патрикіи, протоспаеарии, оффиціаліи, нотаріи, и асикриты секретовъ; низшіе чины синклита не названы вовсе. Въ спеціальномъ Пасхальномъ обрядѣ I, 9, 61—62 чины раздѣлены на 9 отдѣловъ и перечисляются подробнѣе, при чемъ названы не только приглашаемые сановники по чинамъ, но и должностныя лица, принадлежащія по рангу своей должности къ извѣстному чину. Но и здѣсь, конечно, названы сравнительно весьма немногія должности, точно такъ же какъ и въ наиболѣе обстоятельномъ описаніи ввода чиновъ, находящемся въ обрядѣ производства патрикіевъ I, 48, 245—247. Ср. вводъ чиновъ синклита I, 38, 193; I, 40, 202; I, 41, 207; I, 46, 235; I, 47, 237; I, 49, 256; I, 50, 258; I, 61, 262; вводъ женъ чиновниковъ I, 40, 203; ср. I, 9, 67; II, 15, 596. Большею частію отдѣлы не перечисляются, а говорится только, что вводятся βῆλα, напр. I, 43, 221 (εἰσέρχεται τὸ σέκρετον ὅλον, βῆλον ἃ οἱ μάλιστα καὶ τὰ λοιπὰ βῆλα κατὰ τάξιν, ὡς ἔχει ἡ συνήθεια). I, 24, 138; I, 44, 228 (εἰσέρχεται τὸ σέκρετον (= ἡ σύγκλητος), βῆλα, βῆλα ὡς ἔχει ἡ συνήθεια). Ср. I, 45, 229; II, 15, 568. Въ основаніи дѣленія на βῆλα лежали чины и должности, не только занимаемыя въ данное время, но и занимавшіяся прежде. Правильное раздѣленіе и разстановка чиновъ по ихъ достоинству составляли довольно сложную науку и церемониарію, разстановивавшему чины въ составѣ каждаго отдѣла и раздѣлявшему на отдѣлы всѣхъ, нужно было эту науку знать твердо, чтобы кого-нибудь не обидѣть.

Я также не считаю возможнымъ перечислять здѣсь чиновниковъ и сановниковъ, которые вводились въ разныхъ отдѣлахъ, такъ какъ полный перечень, который, на основаніи клиторологія атриклина Филооѳея, можно составить приблизительно вѣрно, занялъ бы слишкомъ много мѣста и потребовалъ бы такого обширнаго комментарія, который заставилъ бы насъ совершенно забыть нашу настоящую задачу, описаніе выхода въ Пасху, а безъ объясненія значенія каждаго чина и его ранга голый перечень не имѣлъ бы смысла и представлялъ бы массу непонятныхъ греко-римскихъ названій чиновъ и должностей. Отлагая составленіе такого перечня до изложенія обильнаго матеріала относительно чиновъ, находящагося въ обрядахъ Константина Багрянороднаго, мы возвратимся къ продолженію прерваннаго описанія христосованія царей въ Палатѣ 19 аккувитовъ.

Когда всѣ чины синклита вводились препозитомъ и христосовались съ царями, вводились послы иностранныхъ государствъ, если таковые были въ Константинополѣ. Введенные послѣ всего синклита, послы, похристосовавшись и поздравивши царей съ великимъ праздникомъ, тотчасъ уходили и занимали отведенныя имъ мѣста въ Трибуналѣ, у Лихнѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, послы обыкновенно смотрѣли выходъ царей.

По выходѣ пословъ изъ залы Палаты 19 аккувитовъ, препозитъ „бралъ знакъ“ у царя и, послѣ обычнаго поклона, возглашалъ: „повелите“. Всѣ чины синклита хоромъ возглашали: „на многіе и счастливые годы да продлитъ Богъ святое царство ваше“ и выходили изъ залы чрезъ ту же завѣсу, чрезъ которую вошли и которую при выходѣ чиновъ, какъ при входѣ, раздвигали и поддерживали два силенціарія. Выйдя изъ залы, чины синклита проходили портикъ Палаты 19 аккувитовъ и входили въ Оноподъ; высшіе чины: магистры, анеипаты, патрикіи и стратиги оставались здѣсь, а остальные чины синклита уходили въ Консисторію, чтобы тамъ по обычаю привѣтствовать царя и присоединиться къ процессіи (I, 1, 25; I, 9, 62).

По выходѣ чиновъ синклита, цари вставали съ троновъ въ бесѣдкѣ и, сопровождаемые высшими чинами кувуклія, чинами, состоящими при облаченіяхъ, и китонитами, уходили опять въ большой аккувитъ, чрезъ который они вошли въ залу. Здѣсь за двумя серебряными колоннами, между которыми вѣшалась завѣса и за которыми было помѣщеніе для переоблаченія царей, цари переоблачались въ *лоры* ¹⁾. Для этого, кромѣ

¹⁾ О лорахъ будетъ сказано ниже. Кромѣ лоровъ, отличительнымъ предметомъ облаченія царей и 12 высшихъ чиновъ въ этотъ день была особая обувь, какъ видно изъ Cerim. II, 40, 638, гдѣ особо говорится объ облаченіи въ 1-й день Пасхи для выхода въ

вышеназванных чиновъ, приглашались препозитомъ веститоры, которые вынимали изъ принесенныхъ сюда заранѣе ящичковъ лоры и облачали въ нихъ царей, предварительно снявши съ нихъ цицакии. Послѣ облаченія препозитъ по обыкновенію восклицалъ: „повелите“. Веститоры выходили и цари оставались только съ чинами изъ евнуховъ. Препозиту подавали вѣнцы, которые онъ возлагалъ на головы царей, а потомъ подавали *акакіи*¹⁾ и украшенные драгоценными камнями *кресты* вмѣсто скипетровъ.

св. Софію. Изъ описанія обуви, надѣваемой въ этотъ день, можно заключить, что она состояла изъ бѣлаго полотнянаго холста, обвиваемаго вокругъ ноги (въ родѣ онучей), и вызолоченныхъ туфель (*τὸ δὲ τὰς χνῆμας λευκὰ ἐσφινῶσθαι ἀμφὶ μετὰ καὶ χρυσωμένων πεδιῶν ταῦτ' οὗτο καὶ νεκρότης καὶ λαμπρότης*); но въ обрядахъ выходовъ объ этой обуви ничего не говорится и потому неизвѣстно, гдѣ она надѣвалась: въ покоѣ ли (Китонѣ) предъ выходомъ въ Хрисотриклинъ или въ Китонѣ Октагона Дафны, гдѣ царь надѣвалъ дивитисей или ооракіи и цицакій и гдѣ онъ вообще переоблачался по праздничному. Цари и высшіе чины обувались въ этотъ день, какъ древніе консулы въ день празднованія своего консульства, какъ можно заключать на основаніи изображеній консуловъ на диптихахъ. Ноги консуловъ обернуты гладкою матеріею и перевязаны ремешками, которые, скрещиваясь на ступняхъ, поднимаются на ноги и обвиваются въ нѣсколько рядовъ вокругъ ноги. На диптихѣ Аріобинда, поступившемъ въ коллекціи Базилевскаго въ Императорскій Эрмитажъ въ С.-Петербургѣ, и на гипсовыхъ слѣпкахъ, находящихся въ Музеѣ христіанскихъ древностей Императорской Академіи Художествъ въ С.-Петербургѣ, составныя части обуви ясно видны. На рисункахъ, находящихся въ разныхъ изданіяхъ, обувь, къ сожалѣнію, передается не всегда ясно и не всегда по рисункамъ можно судить, изъ чего состоитъ обувь, такъ какъ на нее при изготовленіи рисунковъ большею частію мало, повидимому, обращается вниманія.

¹⁾ Акакіями или анексикакіями (*ἀκακία* или *ἀνεξικακία*) назывались свертки или мѣшечки, наполненные землею или прахомъ. Позднѣйшіе писатели видѣли въ этомъ символъ смиренія царя, который, облачившись во все знаки царскаго достоинства, въ одной рукѣ держалъ прахъ въ знакъ того, что онъ также смертный человѣкъ, которому предстоитъ обратиться въ прахъ (*Codin de offic. c. VI, p. 51. Bonn.: τὸν βασιλέα ταπεινὸν εἶναι ὡς θνητόν*; по Симеону Θεσσαλονик., акакія означала непрочность власти: *τὸ φθαρτὸν τῆς ἀρχῆς καὶ τὴν ἐκ τούτου ταπεινώσιν* у Du Cange'а въ Gloss. Gr. s. v. *ἀκακία*). Въ IX—X вв. видѣли въ этомъ символъ воскресенія изъ праха, какъ видно изъ словъ Филооея, который этотъ свертокъ прямо называетъ «воскресеніемъ нашего земнаго естества»: *ἐξανάστασιν τῆς χοϊκῆς ἡμῶν οὐσίας* (Serim. II, 52, 766), но еще знали, почему установился обычай держать въ рукѣ этотъ свертокъ или свитокъ, и высказывали, какъ мы увидимъ, догадки о первоначальномъ значеніи этого свитка. Крестъ, который держали въ рукахъ цари, имѣетъ форму жезла или скипетра съ обыкновеннымъ, но богато украшеннымъ крестомъ на верхнемъ концѣ, или форму небольшого знамени, подобнаго лавару (*labarum*) съ изображеніемъ креста или монограммою Христа на привѣшанномъ къ поперечной перекладинѣ четырехугольномъ кускѣ матеріи или дощечкѣ. Образцы такихъ крестовъ, замѣнившихъ римскіе скипетры, можно видѣть въ большомъ количествѣ на византійскихъ монетахъ (напр. у Du Cange'а въ *Familiae Byzantinae* или *Sabatier, Description générale des monnaies Byzantines*). Изображенія монетъ показываютъ, что въ болѣе древнее время крестъ большею частію держали въ лѣвой рукѣ, а въ правой акакію, но позднѣе стали большею частію дѣлать наоборотъ: крестъ носили въ правой рукѣ, при чемъ онъ, поддерживаемый за нижній конецъ рукою, опирался на плечо носившаго. Во времена составленія обрядовъ Придворнаго устава носили крестъ въ правой рукѣ и и на правомъ плечѣ, то на лѣвомъ плечѣ и въ лѣвой рукѣ. Такъ, по замѣчанію атриклина Филооея, цари держатъ въ правой рукѣ «побѣдный знакъ креста», а въ лѣвой

Акакіи цари брали въ правую руку, а кресты въ лѣвую, или наоборотъ. Цари теперь были въ самомъ торжественномъ и полномъ облаченіи, въ которое они облачались только въ этотъ праздникъ праздниковъ ¹⁾. Завѣса, закрывавшая царей отъ взоровъ чиновъ, стоявшихъ въ залѣ, открывалась и цари съ чинами кувуклія изъ большого аккувита спускались опять въ залу Палаты 19 аккувитовъ, гдѣ ихъ привѣтствовали обычнымъ возгласомъ, т. е. пожеланіемъ многолѣтія, маглавиты и этеріоты, стоявшіе здѣсь съ обѣихъ сторонъ, какъ раньше при входѣ царей въ залу для христосованія и какъ при шествіи царей чрезъ Августей послѣ облаченія въ другіе большіе Господніе праздники.

Пройдя чрезъ залу Палаты 19 аккувитовъ, цари, сопровождаемые чинами кувуклія, къ которымъ присоединялись и стоявшіе въ залѣ маглавиты, этеріоты и другіе чины, бывшіе здѣсь и привѣтствовавшіе царей, проходили чрезъ входную завѣсу между двухъ колоннъ. Завѣсу поддерживали при входѣ царей со свитою опять тѣ же два силенціарія. За завѣсою царей привѣтствовали стоявшіе здѣсь друнгарій виглы и бородастые протоспаеаріи.

Цари, вымывъ здѣсь руки изъ сосудовъ, поданныхъ нипсистіаріями, проходили чрезъ портикъ Палаты 19 аккувитовъ въ Оноподъ ²⁾. Когда цари, при входѣ въ Оноподъ изъ портика, становились между двумя колоннами, украшающими входъ въ Оноподъ, царей привѣтствовали собравшіеся здѣсь чины: магистры, анѣипаты и патрикіи, облаченные въ лоры, другіе патрикіи, стратиги и прочіе оффиціаліи ³⁾. Здѣсь же были, безъ

(символь) воскресенія нашего земнаго естества (II, 52, 776), а по Пасхальнымъ обрядамъ (I. 1, 25; I, 9, 62), въ правой рукѣ цари держатъ акакію, а въ лѣвой скипетръ — крестъ (ἐν δὲ τῇ ἀριστερᾷ σκηπίωνα ἐπιχειρῶμενον τῷ ὄμφῃ или ἐν δὲ τῇ εὐωνύμῃ χειρὶ τοὺς ἐκ λιδῶν καὶ μαργάρων ἡμφιεσμένους χρυσοὺς σταυροὺς).

¹⁾ Исключенія въ X вѣкѣ, по крайней мѣрѣ, были весьма рѣдки: только для Саракинскихъ пословъ, пріемъ которыхъ обставленъ былъ всевозможнымъ блескомъ и сопровождался исключительными мѣрами, цари и чины во время выхода въ св. Софію въ Преображеніе облачались въ лоры, по Пасхальному, и держали въ рукахъ акакіи и скипетры, которыхъ высшіе сановники, облаченные въ лоры, однакожъ не имѣли на этотъ разъ (Serim. II, 15, 591 сказано, что выходъ въ Преображеніе въ присутствіи Саракинскихъ пословъ совершался по типу большихъ праздниковъ, πλὴν διὰ τοὺς φίλους Σαρακηνοὺς ἐφόρεσαν οἱ βασιλεῖς τοὺς λόρους, βαστάσαντες καὶ τοὺς σταυροὺς καὶ τὰς ἀκακίας). Относительно высшихъ сановниковъ см. ниже.

²⁾ Выходъ царя изъ Палаты 19 аккувитовъ въ Пасху совершенно соотвѣтствуетъ выходу изъ Августей, послѣ облаченія въ парадныя одежды; потому при выходѣ изъ Палаты 19 аккувитовъ совершается то же самое, что при выходѣ изъ Августей въ другіе Господніе праздники (ср. выше, стр. 59—60).

³⁾ Двѣнадцать высшихъ сановниковъ, облачившіеся въ лоры, держали въ рукахъ, какъ и царь, скипетры и акакіи. Хотя въ обрядахъ это не упоминается, но изъ Serim. II, 40, 637 слѣд. видно, что акакіи и скипетры во время Пасхальнаго выхода имѣли не только царь, но и 12 высшихъ сановниковъ, которые и обувались въ этотъ день такъ же, какъ

всякаго сомнѣнія, катепанъ царскихъ съ domestикомъ и подчиненными ему царскими спафаріями и спафарокандидатами, стоявшими здѣсь съ царскимъ оружіемъ. Здѣсь же были, наконецъ, церемоніарій въ silenzio-ціаріями. Всѣ эти сановники и чиновники, при появленіи царей во входной двери изъ портика въ Оноподъ, кланялись имъ, но не падали въ землю, благодаря тому, что выходъ совершался въ воскресенье изъ воскресеній. Препозитъ бралъ знакъ у царя и въ свою очередь давалъ знакъ церемоніарію, который, стоя посреди двухъ рядовъ сановниковъ, возглашалъ: „повелите“, а сановники, возгласивши хоромъ: „на многіе и добрые годы да продлитъ Богъ праведное царство ваше“, шли изъ Онопода въ Консисторію тѣмъ же порядкомъ, которымъ шествовали туда въ другіе Господніе праздники и который описанъ былъ выше, при изложеніи общаго обряда выходовъ. Въ Консисторіи происходилъ второй пріемъ царей всѣмъ синклитомъ и дальнѣйшее шествіе продолжалось обычнымъ для всѣхъ большихъ выходовъ порядкомъ ¹⁾.

Какъ цари христосовались съ сановниками и чиновниками синклита въ Палатѣ 19 аккумулятовъ, такъ царицы христосовались съ придворными

цари. Присутствіе скипетровъ и акакій во время Пасхальнаго выхода въ рукахъ 12 высшихъ сановниковъ подтверждается замѣчаніями обряда пріема Саракинскихъ пословъ и выхода при нихъ въ храмъ св. Софіи. Какъ для торжественнаго пріема Саракинскихъ пословъ въ Магнаврѣ, такъ и для выхода въ Преображеніе 12 высшихъ сановниковъ были облачены въ лоры, но между тѣмъ какъ царь во время выхода въ храмъ св. Софіи держалъ въ одной рукѣ скипетръ, а въ другой акакію, сановники, облаченные въ лоры, не имѣли въ рукахъ ни акакій, ни скипетровъ, очевидно для того, чтобы облаченіе высшихъ сановниковъ не было тождественно съ царскимъ (II, 15, 574 и 591: οἱ δὲ μάγιστροι καὶ ἀνθύπατοι καὶ πατρίκιοι ἐφόρεσαν καὶ αὐτοὶ τοὺς λώρους, οὗ μὲντοι σκεπεῶνας ἢ ἀκακίας ἐβάστασαν). Замѣчаніе относительно того, что патрикіи и магистры въ обоихъ случаяхъ не имѣли акакій и скипетровъ, очевидно, необходимо было сдѣлать и сдѣлано потому, что обыкновенно высшіе сановники вмѣстѣ съ лорами получали для выхода акакіи и скипетры, вѣроятно, нѣсколько отличные отъ царскихъ, но всетаки весьма съ ними сходные. Когда брали въ руки эти предметы высшіе сановники, сказать трудно, но, вѣроятно, уже послѣ христосованія, такъ какъ и царь беретъ ихъ предъ началомъ параднаго выхода въ полномъ облаченіи, да и христосоваться высшимъ сановникамъ съ акакіями и крестомъ въ рукахъ было несовсѣмъ удобно.

¹⁾ Въ общемъ обрядѣ изложеніе особенностей Пасхальнаго обряда оканчивается выходомъ царя изъ портика Палаты 19 аккумулятовъ въ Оноподъ (I, 1, 26), такъ какъ дальнѣйшее шествіе происходитъ совершенно такимъ же порядкомъ, какъ и въ другіе Господніе праздники, какъ это здѣсь же и замѣчено. Въ специальномъ Пасхальномъ обрядѣ изложены всѣ послѣдующіе моменты шествія и возвращенія во Дворецъ, но въ большинствѣ случаевъ короче, нежели въ общемъ обрядѣ, такъ какъ при послѣдней редакціи этого specialнаго обряда для включенія его въ составъ сборника имѣлся уже въ виду общій (собственно Рождественскій) обрядъ и на него для дальнѣйшихъ подробностей сдѣлана ссылка I, 9, 63 (ἵστεον δὲ, ὅτι ἐν τῇ διόδῳ τοῦ βασιλέως τελοῦνται ἅπαντα τὰ αἴσια ἀκολουθῶς, ὅν τρόπον ἀνωτέρω ἐν τῇ καθόλου προελεύσει τῆς Χριστοῦ γεννήσεως ἐξεθέμεθα ср. I, 9, 67). Въ специальномъ Пасхальномъ обрядѣ нѣсколько разъ замѣчено, что при поклоненіи царю чины не падаютъ ницъ (προσκυνήσαντες τὸν βασιλέα μὴ πεσόντες κάτω I, 9, 63, строка 1, ср. строка 14; προσκυνῶσι μὴ πίπτοντες κάτω διὰ τὴν ἀνάστασιν, ibid. p. 66, строка 15).

дамами и женами сановниковъ и чиновниковъ синклита въ катихуменіяхъ храма св. Софіи, гдѣ онѣ стояли во время литургіи. Прибывъ, быть можетъ, одновременно съ царемъ въ катихуменіи дворцовыми переходами и галлереями, ведшими изъ Хрисотриклина чрезъ храмъ Господа и Магнавру прямо въ катихуменіи, или вслѣдъ за царемъ, чрезъ Школы и Хитъ Халки ¹⁾, царицы совершали пріемъ чиновныхъ дамъ для христосованія совершенно такимъ же порядкомъ, какъ цари христосовались съ ихъ мужьями. Такъ какъ въ распоряженіи царицъ въ катихуменіяхъ былъ свой Мутаторій, приходившійся надъ нижнимъ Мутаторіемъ царей ²⁾, то царица, по прибытіи въ храмъ, пребывала въ одномъ изъ помѣщеній этого Мутаторія, назначавшихся для пребыванія царицъ во время литургіи. По прибытіи царей въ свой Мутаторій, нѣсколько чиновъ кувуклія: препозитъ, церемоніарій, остіаріи, силенціаріи и друг. поднимались наверхъ въ Мутаторій царицы и устраивали все, необходимое для ввода чиновныхъ дамъ по отдѣламъ. Когда все было готово, царица, по докладѣ объ этомъ, выходила въ полномъ облаченіи въ триклинъ, примыкавшій къ Мутаторію, и садилась на поставленное высокое кресло, а чины кувуклія становились направо и налѣво отъ царицы и предъ нею, между тѣмъ какъ протоспаѳаріи евнухи становились сзади ея. Когда всѣ такимъ

¹⁾ Такъ въ коронацію Львомъ IV Хазаромъ своего сына Константина, которая совершена была въ 1-й день Пасхи 776 года, послѣ того какъ царь съ синклитомъ прослѣдовалъ въ храмъ св. Софіи, «совершила торжественный выходъ (προῦλθε) и царица Ирина чрезъ Школы, предшествуемая скипетрами (ὀφικευομένη ὑπὸ τῶν σκήπτρων), и поднялась по галлерее Халки въ катихуменіи Церкви, не выходя на Среднюю Улицу (или площадь) передъ портикомъ (μὴ ἐξελθοῦσα εἰς τὴν Μέσην τοῦ ἐμβόλου. Theoph. Chron. ed. de Boor, p. 450). Здѣсь рѣчь идетъ, очевидно, о торжественномъ выходѣ царицы Ирины чрезъ Школы и Хитъ Халки, т. е. такимъ путемъ, какимъ царь обыкновенно въ большіе выходы возвращался изъ храма св. Софіи, а въ средніе выходы шелъ въ храмъ, съ тою только разницею, что царица изъ Хита не выходила и шла не чрезъ св. Кладезъ и его портикъ, а поднималась прямо въ верхній этажъ, въ катихуменіи. (Ср. мой Обзоръ главн. частей Больш. Дворца, въ Byzantina, кн. I, стр. 134, прим. 1). Шла царица, безъ сомнѣнія, сопровождаемая женскимъ синклитомъ и чинами кувуклія, которые, быть можетъ, и несли предъ царицею знамена и скипетры римскіе, какъ предъ царемъ несли ихъ чины гвардейскихъ отрядовъ. Припоминая вышеописанное шествіе царя, мы вполне ясно можемъ себѣ представить и шествіе царицы, хотя оно описано у хронографа въ нѣсколькихъ словахъ; но едва ли бы мы поняли что нибудь, если бы мы, не справившись съ подлинникомъ, ограничились передачею вышеприведеннаго мѣста у Муральта, Chronographie Ryzantine, I, 371: Irène, précédée par les scholae, tenant des sceptres, monte par la porte d'or dans l'église des catechumènes, т. е. Ирина, предшествуемая школами, съ скипетрами въ рукахъ, поднимается чрезъ золотыя ворота въ церковь оглашенныхъ». Не угодно ли понять этотъ наборъ словъ! Если еще можно считать за ошибочный переводъ первую часть этого періода, то вторая часть представляетъ уже совершенно невозможное извращеніе текста; трудно даже понять, откуда явилось у Муральта la porte d'or и какая-то l'église des catechumènes. У почтеннаго составителя «Византійской Хронографіи» есть, впрочемъ, и другіе промахи въ этомъ родѣ.

²⁾ О Мутаторіяхъ см. выше въ описаніи св. Софіи, стр. 139 и слѣд.

образомъ занимали свои мѣста и разстановивались вокругъ царицы такъ, какъ они разстановивались вокругъ царей, препозитъ выходилъ на средину залы, становился лицомъ къ царицѣ и, получивши знакъ отъ нея и поклонившись особымъ поклономъ, выходилъ съ двумя остіаріями, державшими въ рукахъ золотые жезлы, вводить по отдѣламъ придворныхъ дамъ и женъ чиновниковъ. Первыми вводились патрикіи зосты, потомъ магистриссы, затѣмъ патрикіи и антипаониссы и т. д. и т. д. Вводъ совершался совершенно такъ же, какъ вводъ сановниковъ синклита, и жены сановниковъ, похристосовавшись съ царицами такимъ же порядкомъ, какъ и мужья съ царями, становились предъ царицами справа и слѣва въ два ряда, по чину и должности своихъ мужей, предварительно разставленные и раздѣленные на отдѣлы до ввода въ залу церемоніаріемъ. Когда жены чиновъ синклита такимъ образомъ всѣ христосовались, препозитъ по знаку царицы восклицалъ: „повелите“, а жены восклицали: „на многіе и добрые годы да продлитъ Богъ царство ваше“ и уходили изъ залы. Царица вставала съ своего кресла и уходила въ то помѣщеніе Мутаторія, въ которомъ она слушала литургію, съ своими кувкуляріями и другими дамами, составлявшими ея придворный штатъ, а чины царскаго кувкулія, приходившіе сюда для совершенія обряда христосованія, сходили внизъ въ царскій Мутаторій и присоединялись къ свитѣ царя изъ чиновъ кувкулія и близкихъ людей, стоявшихъ съ царемъ въ Мутаторіи (I, 9, 67—68).

Во время Пасхальной литургіи цари точно такъ же, какъ въ большіе Господніе праздники, выходили для сопровожденія св. Даровъ, цѣлованія любви и причащенія св. Таинъ изъ Мутаторія въ храмъ, но не въ лорахъ, а въ хламидахъ ¹⁾. Лоры цари, при участіи веститоровъ, конечно, снимали по приходѣ въ Мутаторій и для сопровожденія св. Даровъ, цѣлованія и причащенія облачались каждый разъ въ хламиды, принесенныя въ Мутаторій веститорами. Въ лоры веститоры облачали царей опять только послѣ завтрака, предъ выходомъ изъ триклина Мутаторія и приглашеніемъ патріарха. Облачившись въ лоры, цари приказывали пригласить патріарха, который сопровождалъ царей до св. Кладезя, въ Мутаторіи котораго патріархъ надѣвалъ на голову царей вѣнцы. Въ лорахъ цари совершали обратное шествіе и доходили въ нихъ до Октагона дворца

¹⁾ Cerim. I, 9, 63 и 68, согласно съ замѣчаніемъ общаго обряда I. 1, 26: нужно знать, что въ св. и Великое Воскресенье цари для сопровожденія св. Даровъ, цѣлованія любви и причащенія выходятъ въ хламидахъ, какъ въ другіе праздничные выходы, а не въ лорахъ, а послѣ завтрака облачаются въ лоры.

Дафны, гдѣ веститоры снимали съ царей лоры, а препозиты вѣнцы, послѣ чего цари, облачившись въ золотомъ обшитые плащи, уходили обычнымъ порядкомъ въ священный и богохранимый дворецъ, т. е. Хрисотриклинь и свои покои.

Когда наступало время параднаго обѣда, цари опять облачались въ камарѣ св. Θεοδора въ Хрисотриклинь и садились за столъ въ Хрисотриклинь; но такъ какъ порядокъ и процедура царскихъ обѣдовъ не входятъ въ нашу настоящую задачу, то мы и не будемъ излагать теперь чина царскихъ обѣдовъ и пировъ, тѣмъ болѣе, что эти обѣды совершались по особымъ правиламъ, составлявшимъ довольно сложную систему, изложеніе которой со всѣми подробностями можетъ составить предметъ особаго очерка.

Отлагая изложеніе чина царскихъ обѣдовъ и пировъ до другаго, болѣе удобнаго времени, я считаю необходимымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ отличительныхъ предметахъ облаченія царя и высшихъ сановниковъ въ первый день Пасхи.

Вмѣсто хламиды, которую обыкновенно цари надѣвали для выходовъ въ большіе праздники, въ Пасху цари облачались, какъ мы видѣли, въ лоры и брали въ одну руку скипетръ въ видѣ креста, а въ другую акакію. Такое же облаченіе имѣли въ этотъ высокаторжественный день 12 высшихъ сановниковъ. Объясненіе этого обычая мы находимъ въ самомъ же Придворномъ Уставѣ, гдѣ имѣется цѣлая глава (II, 40, 637—639), посвященная разъясненію историческаго происхожденія и христіанскаго значенія Пасхальнаго облаченія царей и высшихъ чиновъ. По этому объясненію, представляющему соображенія и догадки составителя (*καθὼς ὁ ἐμὸς λόγος*), облаченіе въ лоры должно напоминать и изображать погребеніе Христа, при которомъ Онъ обернуть былъ пеленами; скипетръ въ видѣ креста представляетъ символъ побѣды надъ адомъ и въ то же время напоминаетъ крестъ, который былъ причиною этой побѣды; свитки (*τόμοι*) акакій означаютъ спасительное законодательство, въ нихъ написанное, т. е. христіанское ученіе. Обвертываніе ногъ льнянымъ полотномъ и расшитая золотомъ обувь означаютъ: первое смертность, а вторая блескъ.

Переходя къ историческому разъясненію этого обычая, авторъ совершенно вѣрно выводитъ его изъ римскихъ преданій и говоритъ, что патрикіи облачались въ лоры подобно древнимъ консуламъ и наслѣдовавшимъ имъ царямъ. Послѣ исполненія обязанностей полководца во время войны, патрикіи надѣвали въ видѣ награды за военные подвиги консульскую одежду (*στολήν ὑπατικήν*) и получали право на триумфъ;

свитки, которые они держали въ рукахъ, заключали въ себѣ отчеты въ расходахъ ¹⁾).

Скипстры (*σκηπτῶνες*), по словамъ автора 40 гл. II кн., такъ названы отъ знаменитаго полководца Сципіона, а особая обувь означаетъ подвижность военнаго человѣка.

Обращаясь согласно съ этими объясненіями, къ „римскимъ преданіямъ“, мы находимъ полное подтвержденіе этой ссылки на „древнихъ консуловъ“ въ консульскихъ диптихахъ. Изображаемые на этихъ диптихахъ консулы временъ позднѣйшей Римской Имперіи (съ 406 по 531 г.) представляютъ по своему облаченію и атрибутамъ власти дѣйствительно прототипъ позднѣйшихъ царей и патрикіевъ въ парадномъ Пасхальномъ облаченіи.

Какъ консулы на диптихахъ, кромѣ нижняго хитона или туники, одѣты въ далматику, большею частью съ широкими короткими рукавами, и трабею (*trabea*) ²⁾,—длинную, но узкую накидку изъ тяжелой, златотканной матеріи, такъ цари и патрикіи облачались въ первый день Пасхи въ

¹⁾ Далѣе текстъ, кромѣ археологическихъ и историческихъ неточностей автора, затемняется еще явными ошибками и пропусками въ рукописи, такъ что можно понять только общій смыслъ того, что хочетъ сказать авторъ.

²⁾ Верхняя накидка или перевязь, идущая отъ подола спереди на правое плечо, спускающаяся отсюда подъ правую руку и, пройдя по груди на лѣвое плечо, отсюда по спинѣ спускающаяся къ правому боку, а отъ него по животу проходящая на лѣвую руку, съ которой она свѣшивается длиннымъ концомъ, несомнѣнно, называлась *trabea*, а одѣтые въ нее—*trabeati* или *trabea ornati, compti*. Это ясно видно изъ вышеприведеннаго описанія выхода Юстина II въ день празднованія имъ консульства (см. стр. 77), когда не только царь, но и высшіе чины одѣты были въ *trabea*, совершенно такъ же, какъ въ IX—XI вв. это дѣлалось въ Пасху. Ср. кромѣ того мѣста изъ Клавдіана, приведенныя Стржыговскимъ въ его описаніи иллюстрированнаго Римскаго Календаря (*Strzygowski, die Calenderbilder des Chronographen vom Jahre 354, въ Jahrbuch. d. Kais. Deutsch. Archeol. Instituts, I Ergänzungsheft, Berlin 1888, s. 95*), гдѣ упоминается *trabea gemmata* и самая *trabea* называется *gemmatus trabeae cinctus*. Къ этой книгѣ приложенъ атласъ рисунковъ съ иллюстрацій календаря; на двухъ послѣднихъ таблицахъ изображены императоръ Констанцій II въ *trabea* со скипетромъ въ одной рукѣ и золотыми монетами въ другой, сыплющимися на полъ, и Констанцій Галлъ Кесарь со скипетромъ и Побѣдою въ рукахъ и мѣшкомъ съ деньгами у ногъ. *Trabeae* на обоихъ вырисованы не полно и не ясно, точно такъ же какъ и верхняя туника, которая почти не отдѣлена отъ *trabea*.—Первое, сколько мнѣ извѣстно, научное изложеніе вопроса о лорахъ въ связи съ *trabea* сдѣлано Du Cange'омъ въ его *dissertatio de inferioris aevi numismatibus*. Довольно обстоятельно и дѣльно говоритъ объ этомъ и Reiske, *Comment. ad Cerim. II, 657* слѣд., гдѣ съ лоромъ совершенно вѣрно сравнивается архіерейскій омофоръ. О прототипѣ лора, *trabea*, много и часто разсуждаетъ Gori въ *Thesaurus veterum diptychorum consularium etc., 1759*; см. напр. vol. II, p. 128, гдѣ говорится, что эти перевязи называли, если онѣ богато были затканы и расшиты золотомъ, *togas pictas, togas rigentes* или *graves auro trabeas*. Здѣсь же описывается *tunica* подъ перевязью и говорится, что эти расшитыя туники, *tunicae palmatae in dalmaticas confusae mutataeque sunt iisque manicae longae ac latae additae*. Въ послѣднее время общій обзоръ диптиховъ съ описаніемъ и характеристикой находящихся на нихъ изображеній сдѣланъ Wil-

дивитисіи или ооракіи, сверхъ которыхъ надѣвали лоръ, довольно широкое золотканное и украшенное драгоценными камнями полотнище, надѣвавшееся совершенно такъ же, какъ *trabea*, въ чемъ легко убѣдиться изъ прилагаемыхъ и указанныхъ ниже рисунковъ. Какъ консулы на диптихахъ держатъ въ правой рукѣ такъ называемую маппу, т. е. платокъ (*mapram*, *faciale*, *fazzoletto*), а въ лѣвой рукѣ скипетръ римскій, такъ цари держатъ въ одной рукѣ скипетръ—крестъ, а въ другой акакію.

Изъ этихъ предметовъ консульскаго облаченія наибольшія измѣненія претерпѣла *trabea*, между тѣмъ какъ дивитисій = ооракій, *mapra* и скипетръ-крестъ долго сохраняли тѣ формы, которыя имъ даны были при христіанскихъ императорахъ, замѣнившихъ римскій скипетръ крестомъ.

Trabea изъ длиннаго, расширяющагося на одномъ концѣ полотнища, или шарфа, сдѣлалась прежде всего полотнищемъ одинаковой ширины и стала называться лоромъ (*lorum* ремень, поясъ, *λῶρος*), но надѣвалась по прежнему. Дальнѣйшія измѣненія лора состояли въ томъ, что онъ, для удобства надѣванія, сталъ разлагаться на части, которыя и стали надѣваться отдѣльно, такъ какъ лоръ, благодаря увеличенію украшеній на немъ, дѣлался все тяжелѣе и толще, такъ что обвивать его нѣсколько разъ вокругъ шеи и груди стало очень затруднительно. Для избѣжанія этого неудобства, конецъ лора, спускавшійся большею частью съ праваго плеча до ступней, сдѣлался самостоятельной частью и надѣвался спереди въ видѣ передника; часть лора, выходившая изъ-подъ правой руки и свѣшивавшаяся съ лѣвой, стала также самостоятельной частью и, пристегнутая назадъ или на боку, шла, какъ прежде, поперекъ тѣла на лѣвую руку ¹⁾. Наконецъ, та часть лора, которая обвивала шею и перекрещи-

*helm*омъ Meyer'омъ въ сочиненіи: *Zwei antike Elfenbeintafeln d. k. Staats-Bibliothek in München*, 1879, München. Въ концѣ этого изслѣдованія приложена литература диптиховъ, с. 82—84. Къ сожалѣнію, о *trabea* здѣсь (с. 24) говорится довольно поверхностно, безъ историческаго развитія вопроса, и потому едва ли вѣрно: г. W. Meyer считаетъ за *trabea* далматiku вмѣстѣ съ перевязью, которую онъ разлагаетъ уже для того времени на двѣ части. Перевязь, называемая *trabea*, на консульскихъ диптихахъ, насколько можно судить по видѣннымъ мною снимкамъ и слѣпкамъ, представляла еще одно цѣлое и по способу надѣванія напоминаетъ тогу, какъ она иногда и называется, а это позволяетъ заключать, что она вышла изъ парадной тоги, которая постепенно суживалась и превратилась наконецъ въ лоръ, который потомъ сталъ разлагаться на части. Такъ какъ подробное разсужденіе обо всѣхъ этихъ предметахъ завело бы насъ слишкомъ далеко, то мы не станемъ пускаться въ дальнѣйшія подробности, отсылая читателя къ обстоятельному изложенію этого интереснаго вопроса въ указанныхъ сочиненіяхъ.

¹⁾ См., напр., у Дюканжа въ *Familiae Byzantinae*, изображеніе Евдокии, Льва VI и Александра (р. 118) и ср. съ изображеніемъ Романа и Евдокии (р. 136 ed. Venet.). На послѣднемъ изображеніи лоръ на Романѣ состоитъ изъ двухъ частей: передника, расширяющагося на груди, и перевязи, выходящей съ праваго бока и проходящей по жи-

валась на груди, получила форму широкаго воротника или оплечья, изъ-подъ котораго выходила или къ которому пристегивалась передняя вертикальная часть лора. Эта послѣдняя часть иногда, повидимому, просто нашивалась на переднюю часть далматики = дивитисія въ видѣ широкой полосы или нашивки на одной или обѣихъ полахъ дивитисія, который уже на Михаилѣ Палеологѣ является, повидимому, съ полами, а на позднѣйшихъ Палеологахъ замѣняется иногда даже хитомъ съ узкими рукавами. Часть лора, шедшая поперекъ тѣла и спускавшаяся чрезъ лѣвую руку, мало-по-малу сокращается, а на нѣкоторыхъ изображеніяхъ позднѣйшихъ царей превращается въ поперечную нашивку, такъ что остается самостоятельной частью только оплечье ¹⁾. Въ такой, повидимому, формѣ,

воту на лѣвую руку. Какъ эта послѣдняя часть прикрѣплена назадъ, не извѣстно; можетъ быть, она начиналась у шеи, соединяясь съ передникомъ, и спускалась подъ правую руку, а можетъ быть, была прикрѣплена гораздо ниже. Ср. также изображенія царей на монетахъ въ той же книгѣ Дюканжа и у Сабатье, *Descript. gén. des monnaies byzant.*, гдѣ можно видѣть много лоровъ, идущихъ отъ шеи прямою полосою, а не перекрещивающихся на груди. Ср. изображение Балдуина II у Du Sang'e'a, *lib. cit.* p. 176. Къ сожалѣнію, на монетахъ вырисовка лоровъ очень плоха и неясна, притомъ же изображаются часто только бюсты царей и судить по нимъ о покроѣ всего лора довольно трудно.

На рисункахъ диптиховъ въ *Thesaurus diptychorum Gori* (Florentiae, 1759), въ *Familiae Byzantinae* Дюканжа и въ *Imperium Orientale Banduri* изображенія диптиховъ также не настолько хорошо исполнены, чтобы на нихъ ясны были и отчетливо отдѣлялись всѣ части одеждъ. На основаніи этихъ рисунковъ часто нельзя съ увѣренностью сказать, гдѣ кончается одна одежда и гдѣ начинается другая, и только знакомство съ подлинниками или гипсовыми слѣпками, на которыхъ одна одежда отъ другой отдѣляется весьма рельефно, можетъ дать ясное и отчетливое представленіе о покроѣ и способѣ надѣванія одежды. Между тѣмъ какъ на рисункахъ *trabea*—позднѣе *λῶρος* часто сливается съ находящеюся подъ нею далматикою, широкіе рукава которой представляются какъ бы продолженіемъ *trabea*, на слѣпкахъ и подлинникахъ *trabea* весьма рельефно отдѣляется отъ далматики, широкіе рукава которой изображены совершенно ясно, такъ что видѣнъ ясно даже разрѣзъ рукава подъ рукою. Послѣ знакомства съ подлинниками или, по крайней мѣрѣ, слѣпками становятся болѣе понятными и рисунки, особенно сдѣланные въ послѣднее время, при помощи фотографіи и новѣйшихъ техническихъ приѣмовъ воспроизведенія изображеній.

¹⁾ Образцы лора въ видѣ оплечья и передней вертикальной полосы появляются на монетахъ довольно рано. Такъ, уже на монетахъ Константина VIII является вокругъ шеи воротникъ, отъ котораго внизъ спускается лоръ широкой полосою (Sabatier, Pl. LXVIII, № 19 и 20). На монетахъ послѣдующихъ царей этотъ воротникъ все больше расширяется и дѣлается уже настоящимъ оплечьемъ (напр., на монетѣ Константина Мономаха, *ibid.* Pl. XLIX, № 7 и 6; Исаака Комнина, Pl. L, № 4, Михаила Дуки, Pl. LI, № 4, Никифора III Вотаниата, № 13—15, Мануила Комнина, Pl. LVI, № 6, 10 и 11 и т. д. и т. д.). У послѣднихъ Палеологовъ оплечье еще болѣе расширяется и состоитъ уже изъ отдѣльныхъ овальныхъ звеньевъ, по всей вѣроятности съ изображеніями святыхъ, какъ на нашихъ бармахъ (Sabatier, *ibid.* Pl. LXIII). См., кромѣ того, изображение Михаила VIII Палеолога и Мануила II Палеолога съ сыномъ Іоанномъ VIII Палеологомъ у Дюканжа, *Famil. Byzantinae*, p. 191 и 197. Михаилъ одѣтъ въ далматику съ полами напередъ, очень похожую на далматику = платно нашихъ царей; сверхъ далматики надѣтъ или на нее нашить лоръ въ видѣ широкаго оплечья и вертикально спускающейся полосы; кромѣ того съ праваго бока идетъ на лѣвую руку перевязь, которая у Мануила II пришита почти

т. е. въ видѣ оплечья, лоръ перешелъ въ царскій орнатъ нашихъ царей вмѣстѣ съ царскимъ титуломъ и введеніемъ коронаціоннаго обряда ¹⁾).

Сравненіе русскаго до-Петровскаго царскаго параднаго облаченія съ позднѣйшими византійскими, мнѣ кажется, ясно говоритъ въ пользу тождества предметовъ облаченія, и если мы будемъ разсматривать оплечье, какъ часть и остатокъ лора, то оно получитъ ясный смыслъ и всѣмъ понятное значеніе въ качествѣ необходимой принадлежности царскаго ко-

уже напередѣ. Гораздо лучшее изображеніе Мануила II съ семьею дано у Дюканжа, въ приложеніи къ его *Dissertatio de inferioris ævi numismatibus* (Gloss. Latin. Tom VII, Paris, 1850). Въ облаченіи царицы оплечье гораздо раньше выдѣлилось въ самостоятельную, отдѣльную часть лора и потому царицы гораздо раньше изображаются въ оплечьяхъ, нежели цари. См. приложенные и указанные рисунки.

¹⁾ Не считая возможныхъ пускаться здѣсь въ разсмотрѣніе вопроса о происхожденіи «бармъ» съ историко-археологической и этимологической точки зрѣнія, нахожу нужнымъ обратить вниманіе русскихъ археологовъ на весьма близкое къ русскому употребленію и значенію этого слова въ германскихъ языкахъ. Проф. сравнит. языкознанія въ Казанскомъ университетѣ В. А. Богородицкій, исходя изъ объясненія слова «barmus» въ Gloss. lat. Дюканжа (*Barmus Ventrale*, Gall. *Tablier*, а Saxonico *Barme*, quod idem significat), сдѣлалъ для меня справку о значеніи этого слова въ германскихъ языкахъ и сообщилъ мнѣ слѣдующее:

Во всѣхъ германскихъ языкахъ встрѣчается слово, основногерманскую форму котораго Фиккъ представляетъ въ видѣ

«barma m. Brust, Schoos» (Wb. III 203).

То обстоятельство, что слово это съ такимъ суф. встрѣчается лишь въ герм. язз., заставляетъ Фикка помѣстить его въ своемъ словарѣ въ отдѣлѣ — *Wortschatz der germanischen Spracheinheit*.

Приведенная прагерманская форма въ отдѣльныхъ германскихъ язз. отражается слѣд. образомъ:

Гот. *barms* «лоно», «грудь» (въ словаряхъ переводится посредствомъ выражений: Schoos, Busen; κόλπος, στῆθος; sinus, gremium). Въ готскомъ словарѣ *Schade* указаны слѣд. мѣста изъ Еванг. для даннаго слова: Л. 16, 22; Io. 13, 23; Io. 13, 25; Л. 6, 38; Л. 16, 23. (Ср. соотв. мѣста въ цк.-сл. и рус. перев.).

Др.-вхнѣм. *barm*, *parm*, *param*; ср.-вхнѣм. *barm*, *barn*.

(Слово это въ др.-вхнѣм. весьма обыкновенно, въ ср.-вхнѣм. становится рѣдкимъ. Benecke Wb. I 142).

Др.-сакс. *barm*; англосакс. *bearm*; ст.-англ. *barm*, *bärm*, *berm*. Приведенное англійское слово (съ значеніемъ «Schoos») теперь уже устарѣло, но оно встрѣчается въ прежнемъ языкѣ, напр. у Чосера, а также въ простонародныхъ говорахъ, особ. въ сложеніяхъ, напр. *barm-cloth* (ст.-англ. *barmclod*, англосакс. *bearmclâd*) «передникъ», «Schürze» (Müller Wb. 53—54).

Др.-исл. *barmr*; швед., дат. *barm*.

Всѣ эти германскія слова, имѣющія одинаковое морфологическое строеніе и одинаковый смыслъ, возводятся къ индоевроп. корню **bher*. Относительно основныхъ значеній этого корня ср. Curt. Gz. s. v. φέρω.

Заслуживаетъ вниманія указаніе Diefenbach'a (Wb. I 287) на сходное по звукамъ и по значенію слово въ финскомъ и эстонскомъ:

фин. *parma*—sinus, *Barm*,

эст. *parm*—*Schoos voll Getreides* (? подолъ хлѣба).

Diefenbach не указываетъ, откуда онъ взялъ приведенныя слова съ такимъ значеніемъ, но можно думать, что они взяты изъ евангельскаго текста, куда вошли подъ нѣмецкимъ вліяніемъ; ср. напр. относительно значенія «Schoos voll Getreides» Лук. 6, 38.

ронаціоннаго облаченія, независимо отъ вопроса о происхожденіи нѣкоторыхъ экземпляровъ оплечья: это—часть самаго торжественнаго, самаго параднаго царскаго облаченія, а не простое украшеніе, неизвѣстно почему и какъ попавшее въ составъ коронаціоннаго облаченія русскихъ царей. Русскіе цари приняли высшій, извѣстный тогда титулъ монарха, стали называться царями = βασιλεῖς, каковой титулъ византійцы за другими монархами признавали только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, допуская для западныхъ, незаконныхъ съ ихъ точки зрѣнія, императоровъ только титулъ короля: rex, ρήξ. Вмѣстѣ съ царскимъ достоинствомъ и титуломъ, на принятіе которыхъ они старались получить согласіе и санкцію восточныхъ патріарховъ, русскіе цари приняли и византійскій царскій нарядъ (орпатъ), въ который, кромѣ скипетра и державы, входили: корона, лоръ въ видѣ оплечья и царское платно, которое очень походитъ по своему покрою на саккосъ патріарха и саккосъ = далматіку, въ которой изображенъ на вышеуказанномъ рисункѣ Михаилъ VIII Палеологъ (Du Cange, Famil. Byzantinae, p. 191) ¹⁾.

¹⁾ Вопросъ о древности царскаго титула и царскаго орната (наряда) нашихъ царей, много разъ бывшій предметомъ ученыхъ трактатовъ, подвергся въ самое послѣднее время новому пересмотру въ трудахъ г. Регеля: *Analecta Byzantino-rossica*, Petropoli, 1891 и И. Н. Жданова: Повѣсти о Вавилонѣ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1891, сентябрь и октябрь). Г. Ждановъ съ свойственною ему эрудиціею и основательностью весьма подробно и обстоятельно разсматриваетъ извѣстія и сказанія о царскомъ титулѣ и орнатѣ Кіевскихъ князей: Владиміра Святаго и Владиміра Мономаха и приходитъ къ заключенію, что въ основаніи этихъ сказаній лежитъ фактъ брачнаго вѣнчанія Владиміра Святаго съ царевною Анною (октябрь, стр. 349). Г. Регель, разсматривающій вопросъ о царскомъ титулѣ и нарядѣ нашихъ царей по поводу грамоты восточныхъ патріарховъ 1561 года, подлинность которой онъ отрицаетъ, приходитъ, напротивъ, къ заключенію (стр. LXXXVI), что царскій титулъ получилъ Владиміръ Святой вмѣстѣ съ крещеніемъ и рукою Анны. Къ сожалѣнію, все разсужденіе г. Регеля о русскомъ царскомъ нарядѣ страдаетъ отъ одного крупнаго недоразумѣнія: почтенный византологъ, въ виду того, что діадимою (διάδημα) называлась иногда корона, царскій вѣнецъ (στέμμα), принявъ, повидимому, и упоминаемую въ грамотѣ 1561 διάδημα μετὰ μαργαριτῶν также за вѣнецъ, хотя вѣнецъ упомянутъ предъ діадимою отдѣльно (τὸ βασιλικὸν στέμμα ἐπὶ τῆς κεφαλῆς). По крайней мѣрѣ, въ своемъ трактатѣ о грамотѣ восточныхъ патріарховъ онъ говоритъ только о la couronne impériale ornée de perles, категорически заявляетъ даже, что la charte de 1561 ne mentionne des insignes que la couronne impériale ornée de perles, хотя кромѣ στέμμα и διάδημα въ грамотѣ упоминаются καὶ τῶν βασιλικῶν σημεῖα καὶ ἄρμα. Упустивши такимъ образомъ изъ виду тѣсно связанные съ шапкою Мономаха въ нашихъ извѣстіяхъ бармы или оплечье, которые обозначаются въ грамотѣ 1561 словомъ διάδημα, каковымъ словомъ они постоянно обозначаются и въ нашихъ памятникахъ, г. Регель доказываетъ, что Мономахова шапка татарскаго происхожденія, что орнаментъ ея тоже татарскій, находитъ подтвержденіе этого въ названіи этой шапки словомъ алдарила, которое производится у него безъ всякихъ основаній и доказательствъ, филологическихъ и археологическихъ, отъ julttra-kauli beuruk, сравниваетъ шапку Мономаха съ извѣстною шапкою Казанскаго царства, съ которой шапка Мономаха не имѣетъ ни малѣйшаго сходства, словомъ, дѣлаетъ рядъ невозможныхъ натяжекъ и промаховъ, чтобы только доказать, что знаменитая шапка—не даръ Византійскихъ царей, не принадлежность царскаго византійскаго орната, а подарокъ какого-

Акакія, какъ и лоръ, имѣетъ разныя формы: то она изображается въ видѣ платка, собственно тарра, то въ видѣ мѣшечка, наполненнаго чѣмъ-то, то въ видѣ свитка пергамена. Всѣ три формы можно видѣть уже на консульскихъ диптихахъ. Платокъ въ рукахъ консула обыкновенно объясняютъ тѣмъ, что онъ изображается на диптихахъ въ моментъ начала игръ и зрѣлища въ Циркѣ и поднятіемъ или бросаніемъ платка даетъ знакъ начала игръ. Гораздо труднѣе объяснить себѣ, что означаетъ мѣшечекъ въ рукахъ консуловъ. Нѣкоторые видятъ въ немъ завернутый въ футляръ свитокъ, но его перегибъ на нѣкоторыхъ диптихахъ заставляетъ думать, что онъ былъ наполненъ чѣмъ-то сыпучимъ, быть можетъ, золотомъ, какъ можно заключить изъ изображеній императоровъ въ изданномъ г. Стржыговскимъ календарѣ: одинъ изъ нихъ сыплетъ изъ правой руки золото, а у другаго, держащаго въ правой рукѣ Побѣду (*Níxh*), мѣшокъ съ золотомъ лежитъ въ ногахъ ¹⁾. Впослѣдствіи, когда празднованіе консульства (*ὑπατεία*) прекратилось, этотъ мѣшечекъ наполнялся землею, что и вызвало вышеприведенныя символическія объясненія значенія этого мѣшечка.

Свертокъ или пергаменный свитокъ въ рукахъ консуловъ можетъ означать дипломъ на высокое консульское званіе, консульскіе кодексиллы (*codicilli*), а въ рукахъ царя какойнибудь милостивый законодательный актъ, милостивый манифестъ, тѣмъ болѣе, что принятіе царями консульскаго званія сопровождалось раздачею массы денегъ ²⁾. Къ двумъ послѣд-

нибудь татарскаго хана одному изъ русскихъ великихъ князей. Всѣ эти смѣлыя положенія обставлены, къ сожалѣнію, такими слабыми аргументами, что безъ предвзятой мысли съ ними согласиться трудно. Быть можетъ, г. Regel въ русскомъ изданіи своего предисловія, которое онъ, говорятъ, приготовляетъ къ печати, исправить свои промахи и дополнить свои аргументы. Но во всякомъ случаѣ его разсужденіе по поводу грамоты 1561 года вызоветъ, по всей вѣроятности, много вѣскихъ возраженій, особенно со стороны русскихъ археологовъ и нашихъ византологовъ.

¹⁾ Такъ какъ вступленіе въ должность консула или, точнѣе, принятіе званія консула (*ὑπατεία*) сопровождалось торжественнымъ выходомъ и празднествами, во время которыхъ раздавалась и разбрасывалась масса денегъ, что позднѣе происходило въ коронацію (*ἀποκρίβια*), то самыя эти деньги, разбрасываемыя въ коронацію, стали называться *ὑπατεία*, а отсюда явилось выраженіе *ὑπατεῖαν δίδοναι* или *ρίπτειν*, давать или бросать ипатію (= *consulatum dare*, Du Cange, Gloss. Gr. s. v. *ὑπατεία*; ср. Theoph. Chronogr. ed. de Boor, p. 174, l. 17; 250, 5; 292, 6; 400, 16; 444, 7; 474, 11).

²⁾ Reiske (Comment. ad Cerim. p. 662 sequ.) соединяетъ два послѣдніе вида акакій въ одинъ и говоритъ, что акакія въ видѣ мѣшечка представляетъ собою свертокъ пергамена, обернутаго въ шелковую крышку или футляръ, причемъ этотъ свитокъ Reiske понимаетъ въ смыслѣ принятой отъ подданныхъ просьбы *ἀνάχως*, т. е. милостиво. Какъ бы то ни было и какое бы значеніе ни имѣлъ свитокъ, во всякомъ случаѣ, позднѣйшіе цари, какъ иногда и консулы, несомнѣнно держали въ рукахъ свитки, которые и называются *τόροι*, и самое объясненіе ихъ въ указанной выше главѣ Придворнаго Устава, какъ отчетовъ, указываетъ на то, что на акакіи во времена составленія Устава смотрѣли какъ на свитки пергамена, хотя изъ описанія не видно, какая форма акакій разумѣлась авторомъ объясненія.

нимъ значеніямъ подходит и греч. названіе этого предмета: *ἀκακία* или *ἀνεξικακία* означаетъ собственно незлобіе, а потомъ доброту, милосердіе, милость, *clementia*, а не смиреніе, какъ слѣдовало бы назвать этотъ предметъ консульскаго и царскаго орната, если бы онъ дѣйствительно имѣлъ въ виду напоминать о тлѣнности и непрочности всего земнаго, а въ томъ числѣ и царской власти.

Изъ того обстоятельства, что лоры, скипетръ и акакія употреблялись только для пасхальныхъ выходовъ и составляли принадлежность облаченія не одного царя, а, кромѣ него, еще 12 высшихъ сановниковъ, ясно видно, что эти предметы облаченія не составляли даже еще въ X в. отличительныхъ атрибутовъ царскаго облаченія; это подтверждается и тѣмъ, что въ коронаціонныхъ обрядахъ, при перечисленіи облаченій, составляющихъ отличительные знаки царскаго достоинства, эти предметы не упоминаются. Но такъ какъ облаченіе въ лоры и держаніе въ рукахъ скипетра и акакіи, хотя принадлежало не одному царю, считалось самымъ торжественнымъ, самымъ параднымъ облаченіемъ, то уже съ давнихъ временъ цари на монетахъ изображались большею частью въ этомъ облаченіи, съ замѣною по большей части акакіи посредствомъ шара съ крестомъ. Вслѣдствіе этого, съ отмѣною обычая облачать и высшихъ сановниковъ въ лоры, лоръ, скипетръ и акакія сдѣлались отличительнымъ атрибутомъ царскаго достоинства, и во времена Палеологовъ цари изображаются всегда съ этими отличительными знаками своего достоинства, если изображаются въ парадномъ облаченіи.

Чтобы покончить съ особенностями пасхальнаго выхода и облаченія, намъ остается сказать о причинахъ этихъ особенностей. Къ сожалѣнію, прямыхъ указаній на то, почему цари въ Пасху стали облачаться въ лоры и съ которыхъ поръ установился этотъ обычай, не имѣется. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, они неизвѣстны; потому можно только догадываться объ этихъ причинахъ.

Такъ какъ облаченіе перваго дня Пасхи, какъ мы видѣли, облаченіе консульское, то мы, естественно, должны обратиться къ извѣстіямъ о царскихъ консульствахъ или о празднованіи царями консульствъ въ позднѣйшемъ смыслѣ ¹⁾, т. е. о выходахъ въ консульскомъ облаченіи и раз-

¹⁾ Не имѣя въ виду излагать здѣсь исторію консульства во времена Римской имперіи и судьбы этого высокаго званія въ Византійскую эпоху, я ограничусь только нѣсколькими примѣрами празднованія консульства Византійскими царями, могущими уяснить возникновеніе обычая облачаться въ консульское облаченіе въ Пасху для выхода въ храмъ св. Софіи. Вышеупомянутое празднованіе консульства, соединенное съ выходомъ въ лорахъ, царя Юстина II и высшихъ чиновъ, происходило 1 января. Точно также и дядя его Юстиніанъ I въ первый годъ своего царствованія «далъ ипатію» 1 января и при этомъ

дачѣ жалованья чинамъ и народу денегъ во времена, болѣе или менѣе близкія къ занимающей насъ эпохѣ, когда уже консульство даже въ смыслѣ позднѣйшей Римской имперіи давнымъ-давно прекратилось и оставило свои слѣды только въ празднествахъ особаго рода, даваемыхъ царями.

Когда еще свѣжи были римскія традиціи, цари, подобно римскимъ консуламъ, праздновали день вступленія въ должность консула или, точнѣе, принятія на себя этого званія, 1 января; но потомъ, когда римскія преданія были забыты, консульство было отмѣнено и слѣды его остались только въ празднествахъ да торжественныхъ выходахъ и выѣздахъ, день празднованія перенесенъ былъ на самый важный и большой христіанскій праздникъ, Свѣтлое Христово Воскресенье, если цари не желали соединить этого праздника съ какимъ нибудь другимъ днемъ или праздникомъ, по личнымъ обстоятельствамъ.

Благодаря такому обычаю праздновать консульство въ Пасху или Пасхальную недѣлю, облаченіе въ консульскія одежды царя и высшихъ чиновъ въ Пасху становилось мало-по-малу традиціоннымъ, обычнымъ даже и тогда, когда въ этотъ день цари уже „консульства не давали и не бросали“. Отъ консульства осталось только консульское облаченіе въ Пасху царя и чиновъ, которое за то сдѣлалось обязательнымъ и постояннымъ. Къ такому времени относятся дошедшіе до насъ пасхальные обряды, въ которыхъ облаченіе въ лоры царя и высшихъ чиновъ является уже прочно установившимся обычаемъ и, составляя особенность пасхальнаго выхода, получаетъ особый христіанскій, религіозный смыслъ, приуроченный уже къ величайшему и важнѣйшему христіанскому празднику праздниковъ.

роздалъ столько денегъ, сколько не давалъ ни одинъ царь (Theoph. Chronogr. I, p. 174). Но Константинъ Копронимъ производитъ своихъ младшихъ сыновей въ кесари въ 1-й день Пасхи, 2 апрѣля, и, послѣ производства, цари совершали торжественное шествіе въ св. Софію, «бросая ипатію» (ibid. p. 444). Его невѣстка, знаменитая Ирина, сдѣлавшись правительницею, послѣ ослѣпленія своего сына, праздновала ипатію во второй день Пасхи, когда цари обыкновенно ходили въ храмъ св. Апостоловъ, и на возвратномъ пути, ѣдучи на триумфальной колесницѣ, «щедро бросала ипатію» (ibid. p. 474). На основаніи этихъ фактовъ можно заключать, что обычай праздновать ипатію и облачаться въ консульское облаченіе въ Пасху устанавливался во времена иконоборческихъ царей, въ VIII—IX вѣкахъ, такъ что въ половинѣ IX вѣка облаченіе въ лоры въ Пасху сдѣлалось обычнымъ, а потомъ и обязательнымъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Средніе выходы.—Отличительныя черты ихъ сравнительно съ большими выходами.—Приемы димовъ.—Выходъ въ Великую Субботу для омовенія и переоблаченія св. престола. — Выходъ въ Антипасху. — Исторія выходовъ въ этотъ день. — Выходъ въ день воссоединенія церкви.—Малые выходы въ Кресто-воздвиженіе, Недѣлю Православія и понедѣльникъ 1-й недѣли Великаго Поста.—Рѣчь царя въ Магनावрѣ.—Выходы въ царскіе дни и государственные праздники. — Выѣзды въ храмъ св. Софіи царей позднѣйшаго времени изъ Вла-хернскаго Дворца.—Пасхальный выходъ позднѣйшаго времени.

Кромѣ пяти великихъ Господнихъ праздниковъ, въ которые совершались самые торжественные, *большіе* или великіе выходы въ храмъ св. Софіи, византійскіе цари совершали съ нѣскольکو меньшею торжественностію выходы въ тотъ же храмъ въ понедѣльникъ Пасхальной Недѣли, въ Антипасху (при Василии Македонянинѣ), въ Благовѣщеніе, Рождество Богородицы и въ Великую Субботу. Въ отличіе отъ самыхъ торжественныхъ выходовъ, я называю выходы въ только-что названные дни *средними* ¹⁾.

Какъ уже было замѣчено, въ понедѣльникъ Пасхальной Недѣли ²⁾, въ

¹⁾ Ср. выше, стр. 37. Къ этимъ выходамъ можно, по всей вѣроятности, причислить выходъ въ праздникъ воссоединенія церкви, установленный въ 920 году, при Константинѣ VII Багрянородномъ.

²⁾ Въ храмъ св. Апостоловъ въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли цари ходили крестнымъ ходомъ изъ св. Софіи и, слѣдовательно, совершали выходъ изъ дворца въ св. Софію до Льва Мудраго. Левъ Мудрый замѣнилъ крестный ходъ парадною поѣздкою верхомъ въ храмъ св. Апостоловъ прямо изъ Дворца, причемъ цари шли чрезъ храмъ Господа и, пройдя залу эскувитовъ и сойдя съ лѣстницы, сѣли на лошадь. Замѣчаніе объ этомъ находится въ обрядѣ понедѣльника Пасхальной недѣли, въ концѣ его (I, 10, 86). Въ замѣткѣ этой сказано, что «такъ совершается до сегодня (τὴλεῖται οὕτως ἕως τῆς σήμερον ἡμέρας), при чемъ Левъ Мудрый называется Львомъ блаженной памяти (τῆς θείας λήξεως), а изъ этого слѣдуетъ, что замѣтка прибавлена послѣ смерти Льва, вѣроятно при Константинѣ Багрянородномъ, при составленіи Придворнаго Устава изъ обрядовъ прежняго времени. Такія замѣтки, начинающіяся словами: ἰστέον или χρὴ εἰδέναι часто встрѣчаются въ Придворномъ Уставѣ и частью внесены въ текстъ, частью помѣщены въ рукописи на поляхъ и въ изданіяхъ печатаются подъ текстомъ въ качествѣ схоліевъ. Въ I, 37, гдѣ мы имѣемъ перечень парадныхъ облаченій на всѣ праздничные выходы, для понедѣльника Пасхальной недѣли

Благовѣщеніе и Рождество Богородицы, цари не слушали литургіи въ св. Софїи, а шествовали туда только за тѣмъ, чтобы изъ храма св. Софїи начать крестный ходъ въ другіе храмы. Въ Антипасху царь, хотя и оставался въ храмѣ св. Софїи, но слушалъ литургію въ катихуменіяхъ, вѣроятно, не причащался св. Таинъ, обѣдалъ у патріарха и возвращался сокращеннымъ путемъ, чрезъ храмъ Господа. Въ Великую Субботу цари ходили въ храмъ св. Софїи, какъ мы увидимъ, для участія въ омовеніи св. престола и перемѣны покрововъ на немъ.

Выходы въ эти дни совершались чрезъ тѣ же залы и переходы, какъ въ великіе Господніе праздники, но съ нѣкоторыми сокращеніями и отступленіями, а именно:

Прибывъ вышеописаннымъ порядкомъ во дворецъ Дафны, цари, пройдя Августей и Октагонъ, не заходили въ храмъ св. Стефана Дафны, а шли прямо въ Покой (κοῖτον) Дафны, переоблачались тамъ въ дивитисій и затѣмъ, выйдя въ Октагонъ, при участіи веститоровъ, облачались въ хламиду, но не надѣвали вѣнцовъ, а въ обыкновенномъ головномъ уборѣ шли чрезъ Августей и его портикъ или Золотую Руку въ Оноподъ, гдѣ происходилъ первый пріемъ царя высшими чинами синклита, патрикіями, стратигами и пр. Описаннаго при изложеніи выходовъ въ большіе Господніе праздники ввода чиновъ по отдѣламъ въ Золотую Руку не происходило; здѣсь привѣтствовали царей, при ихъ проходѣ, только чины кувуклія, маглавиты, этерія, хрисотриклиниты и нѣкоторые другіе ближайшіе къ царю чины. Затѣмъ изъ Онопода, послѣ возгласа церемоніаріемъ: „повелите“, цари шли обычнымъ порядкомъ чрезъ Консисторію, гдѣ привѣтствовалъ ихъ и присоединялся къ процессіи весь синклитъ, въ Триклины Кандидатовъ и Экскувитовъ, а отсюда въ Лихны. Очень вѣроятно, что въ Палатѣ Экскувитовъ не было славословій, которыя въ Господніе праздники говорились канцелларіями квестора и другими чиновниками. Трибуналь, по всей вѣроятности, также не украшался такъ, какъ въ Господніе праздники ¹⁾. По крайней мѣрѣ, объ этомъ ничего не говорится; но

указаны такіе предметы облаченія, которые употреблялись тогда, когда цари изъ дворца ѣхали верхомъ, а не шли (р. 188). Глава эта написана, слѣдовательно, уже послѣ нововведенія, сдѣланнаго Львомъ Мудрымъ. Въ II, 15, 594 выѣздъ верхомъ въ храмъ св. Апостоловъ въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли, какъ и въ Антипасху, считается уже обычнымъ. Выходы изъ Дворца для такихъ выѣздовъ, какъ видно изъ указаній I, 37, 188 и II, 15, 594, совершались не чрезъ дворецъ Дафны, а чрезъ храмъ Господа, такъ же, слѣдовательно, какъ въ Преполовленіе I, 17, 98.

¹⁾ Особенности и отступленія занимающихъ насъ теперь выходовъ видны частію изъ умолчаній, частію изъ прямыхъ указаній. Такъ, относительно того, что цари не заходятъ въ храмъ св. Стефана Дафны, а идутъ прямо въ Китонъ Дафны, есть замѣтка (схолій) къ I, 1, 26, строка 13, а въ схолии къ строкѣ 20 замѣчено, что пріема въ Золотой Рукѣ не

зато въ обрядахъ отмѣчается, что обычныхъ въ Господніе праздники славословіи со стороны димовъ не бывало и цари не останавливались на своихъ обычныхъ мѣстахъ для выслушиванія этихъ славословіи, а шли безъ остановокъ. Привѣтствія димовъ состояли только въ томъ, что ихъ нотаріи или магистры читали соотвѣтствующіе празднику латинскіе стихи, идя за царями отъ одного мѣста, на которомъ останавливались цари, до другаго. Димы же въ это время ничего не говорили и не пѣли, а только осѣняли царей крестнымъ знаменіемъ. Такимъ образомъ отъ Лихнѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, цари выслушивали славословія Венетовъ и гдѣ происходилъ первый пріемъ со стороны димовъ, нотаріи Венетовъ шель сзади царей и говорилъ ямбы до большихъ дверей Палаты Школъ или до пропилея (виѣшняго нарѣика) храма св. Апостоловъ. Отъ пропилея св. Апостоловъ до большой двери изъ Школъ въ Халку шель за царемъ и говорилъ латинскіе ямбы магистръ Прасиновъ. Отсюда его смѣнялъ магистръ Венетовъ и славословилъ царей въ латинскихъ ямбахъ до желѣзной двери, ведущей въ Хитъ Халки, т. е. въ галлерею, которая вела къ св. Кладезю св. Софіи. Отъ этой двери до св. Кладезя шель за царемъ и говорилъ ямбы нотаріи Прасиновъ ¹⁾.

Если мы сравнимъ эти дѣйствія Венетовъ и Прасиновъ съ пріемами въ большіе выходы Господнихъ праздниковъ, то мы найдемъ, что магистры

бываетъ, а только въ Оноподѣ и Консистеріи. Здѣсь же въ текстѣ сказано, что въ эти праздники *οὐ στεφονται οἱ δεσπότες*. Согласно съ этими замѣчаніями, ни о храмѣ св. Стефана, ни о надѣваніи вѣнцовъ, ни о пріемѣ въ Золотой Рукѣ нѣтъ упоминаній въ специальныхъ обрядахъ понедѣльника Пасхальной недѣли (I, 10, 72), Благовѣщенія (I, 30, 163) и Великой Субботы (I, 35, 181); относительно Золотой Руки въ нихъ сказано, что царь чрезъ нее только проходитъ, какъ и чрезъ Августей, и что пріемъ стратиговъ и патрикіевъ происходитъ въ Оноподѣ. О славословіяхъ въ Палатѣ Экскувитовъ и украшеніи Трибунала ничего не говорится.

¹⁾ Подробнѣе всего это описано I, 1, 27, гдѣ говорится, что *οἱ τῶν δύο μερῶν νοτάριοι καὶ μαῖστωρες ῥωμαῖζουσι τοὺς δεσπότες τὰ τῇ ἐορτῇ ἀρμόζοντα*. Но что заключали въ себѣ эти ямбы, сказать трудно, такъ какъ до насъ, сколько мнѣ извѣстно, никакихъ остатковъ этихъ ямбовъ не дошло. Такъ какъ эти стихи содержали въ себѣ *τὰ τῇ ἐορτῇ ἀρμόζοντα*, то можно думать, что они болѣе или менѣе походили на лат. стихи, которые пѣли канцелларіи квестора, съ прибавкою славословіи и многолѣтій царямъ. Въ другихъ обрядахъ дѣйствія димовъ выражаются короче. Такъ I, 10, 73 сказано, что «партіи (*μέρη*) принимаютъ царя въ обычныхъ мѣстахъ, осѣняя крестнымъ знаменіемъ, а другаго ничего не дѣлая (*σφραγίζοντες, μηδὲν ἑτερον ποιῶντες*), но нотаріи и магистры говорятъ установленные ямбы» (*λέγουσι τοὺς κατὰ τὸν ὅρον ἱάμβους* I, 10, 73). Почти то же самое сказано въ обрядѣ Великой Субботы I, 35, 181 (ср. I, 1, 33) и Благовѣщенія I, 30, 163; но, по словамъ Благовѣщенскаго обряда, царь идетъ чрезъ большую дверь или большія ворота Халки, а не чрезъ малую дверь и Хитъ Халки; слѣдовательно, чрезъ ту же дверь, какъ и въ Господніе праздники, но изъ большой двери онъ, очевидно, шель не прямо къ западнымъ вратамъ, а поворачивалъ направо, такъ какъ въ храмъ входилъ всетаки чрезъ св. Кладезъ. При такомъ шествіи третья встрѣча или смѣна (магистръ Венетовъ), начиналась въ Халкѣ и продолжалась до большихъ воротъ, а отсюда начинался пріемъ Прасиновъ и за царемъ до св. Кладезя шель нотаріи Прасиновъ. Ср. Byzantina, кн. I, стр. 137—138.

и нотаріи начинали славословить царей своими латинскими ямбами съ тѣхъ именно мѣстъ, на которыхъ цари останавливались для выслушиванія славословій димовъ, когда шествовали изъ св. Софіи во дворецъ, только въ обратномъ порядкѣ, такъ какъ въ большіе Господніе праздники цари, какъ мы видѣли, шли изъ храма св. Софіи именно тѣмъ путемъ, какимъ въ занимающіе насъ теперь праздники они шли въ храмъ св. Софіи, т. е. чрезъ Хитъ Халки и св. Кладезъ. Но между тѣмъ какъ, при обратномъ шествіи царя, у св. Кладезя бывалъ первый пріемъ, во время шествія царей въ храмъ св. Софіи чрезъ св. Кладезъ, нотарій Прасиновъ доходитъ только до св. Кладезя и у св. Кладезя пятой смѣны не бываетъ, потому что царь уже въ предѣлахъ храма. По этимъ причинамъ во время шествія царей въ храмъ св. Софіи чрезъ Хитъ Халки и св. Кладезъ бываетъ только четыре смѣны, между тѣмъ какъ при обратномъ шествіи царей изъ храма св. Софіи бывало 5 пріемовъ: послѣдняя смѣна съ нотаріемъ Прасиновъ замѣняетъ или соотвѣтствуетъ двумъ первымъ пріемамъ обратнаго шествія.

Войдя въ св. Кладезъ, цари брали у препозита зажженные свѣчи и трижды поклонялись, т. е. дѣлали три поклона предъ св. Кладеземъ, и направлялись къ двери, ведущей изъ св. Кладезя въ храмъ, т. е. къ южной двери храма св. Софіи. Здѣсь встрѣчалъ ихъ патріархъ съ своею обычною свитою, т. е. съ высшимъ духовенствомъ и діаконами. Цари кланялись патріарху, а патріархъ кадилъ царей и кланялся имъ, затѣмъ они цѣловались и входили чрезъ южную дверь въ храмъ и чрезъ правую сторону его шли къ правой сторонѣ алтаря посреди вошедшихъ сюда раньше чиновъ синклита, которые привѣтствовали проходившихъ царей обычнымъ многолѣтіемъ, т. е. хоромъ возглашали: „на многіе и добрые годы да продлитъ Богъ праведное царство ваше“ ¹⁾).

Войдя на солею, цари останавливались предъ св. вратами, а патріархъ входилъ въ алтарь. Цари брали у препозита зажженные свѣчи и молились предъ св. вратами, потомъ прикладывались къ нимъ и входили въ алтарь, отдавши свѣчи препозиту. Въ алтарѣ цари по обыкновенію прикладывались къ покрову св. престола и молились, потомъ патріархъ подавалъ имъ кадило, которое патріарху подавалъ патріаршій кастрісій (*καστρήσιος* = *castrensis*), кадили вокругъ св. престола, затѣмъ цари съ патріархомъ становились опять предъ св. престоломъ, діаконъ дѣлалъ возгласъ, а патріархъ говорилъ молитву, которою начинался крестный ходъ. Цари и патріархъ выходили изъ алтаря и, предшествуемые крестомъ и евангеліемъ, проходили чрезъ храмъ до царскихъ вратъ и послѣ молитвы проходили эти врата и

¹⁾ Входъ въ храмъ св. Софіи чрезъ южныя врата изображенъ I, 1, 27—28; I, 10, 73—74; I, 30, 163—164; I, 35, 182.

входили во внутренний нартекъ, гдѣ цари цѣловались съ патріархомъ и заходили въ Мутаторій въ красныхъ вратахъ для надѣванія вѣнца, послѣ чего опять цѣловались съ патріархомъ, и патріархъ откланивался царямъ, потому что цари съ своимъ синклитомъ шли впередъ, а за ними чрезъ нѣсколько времени слѣдовалъ патріархъ съ духовенствомъ. Такъ бывало въ Рождество пресв. Богородицы, Благовѣщеніе и понедѣльникъ Пасхальной недѣли до отмѣны Львомъ Мудрымъ крестнаго хода изъ св. Софіи въ этотъ день ¹⁾. Такъ какъ крестные ходы и выѣзды царей въ другіе храмы не входятъ въ нашу настоящую задачу, которая ограничивается выходами царей въ храмъ св. Софіи, то мы не послѣдуемъ за царями и патріархомъ въ ихъ дальнѣйшемъ шествіи, а возвратимся въ алтарь св. Софіи, гдѣ въ Великую Субботу цари, дойдя до алтаря сейчасъ описаннымъ порядкомъ, присутствовали при омовеніи и облаченіи св. престола.

Дѣло въ томъ, что въ IX—X вв. въ Великую Субботу въ храмѣ св. Софіи совершалось омовеніе св. престола и облаченіе его, быть можетъ, въ другіе, соотвѣтствующіе празднику покровы. Въ позднѣйшее время, какъ видно изъ церковнаго обряда омовенія св. престола въ храмѣ св. Софіи, этотъ обрядъ совершался въ Великій Четвертокъ ²⁾, безъ участія царей. По этому обряду (Goar, Eucholog. Gr. p. 497—499), патріархъ становился предъ св. престоломъ, а митрополиты, архіепископы, епископы и прочее духовенство становились вокругъ св. престола. Патріархъ кадилъ св. престолъ, благословлялъ и читалъ молитву. Послѣ этой молитвы, прочитанной патріархомъ про себя, патріархъ, при содѣйствіи и участіи стоявшаго вокругъ св. престола духовенства, снималъ съ св. пре-

¹⁾ Пребываніе въ алтарѣ и выходъ изъ него описанъ I, 1, 28; I, 10, 74; I, 30, 164.

²⁾ Въ IX—X вѣкахъ въ Великій Четвертокъ цари ѣздили во Влахернскій храмъ и тамъ перемѣняли на св. престолѣ покровы и возлагали на св. престолъ апокомвій (I, 34, 179). Въ Великую Субботу цари издавна ходили въ св. Софію для участія въ омовеніи и облаченіи св. престола. Уже при Левѣ Хазарѣ, сынѣ Константина Копронима, это было давно установившимся обычаемъ, какъ видно изъ разсказа о коронованіи Львомъ Хазаромъ своего сына Константина. Уступая просьбамъ высшихъ чиновъ и народа, Левъ въ Великую Пятницу отобралъ отъ всѣхъ клятвенную подписку въ томъ, что они никого не будутъ признавать царями, кромѣ его, Льва, съ сыномъ Константиномъ и прямаго потомства ихъ. На другой день, въ Великую Субботу, 776 г. въ Трибуналѣ Палаты 19 аккувитовъ Левъ IV произвелъ своего брата Евдокима въ нобилиссима и вмѣстѣ съ сыномъ Константиномъ, двумя кесарями и тремя нобилиссимами совершилъ выходъ въ Великую Церковь (т. е. св. Софію) и, совершивши облаченіе (св. престола) въ покровъ, какъ обыкновенно это дѣлаютъ цари (*καὶ ὑπαλλάξας τὴν ἐνδύτην, ὡς ἔθος ἐστὶ τοῖς βασιλεῦσιν*), вошелъ съ сыномъ и съ патріархомъ на амвонъ и объявилъ чинамъ и народу о своемъ рѣшеніи возвести своего сына въ царское достоинство, а на другой день, т. е. въ 1-й день Пасхи, Левъ короновалъ Константина въ Ипподромѣ (Theoph. Chron. anno 6268, ed. de Boor, p. 449—450, гдѣ de Boor, на основаніи перевода Анастасія: octavo Kalend. Maiarum quartae decimae indictionis, прибавляетъ въ текстѣ слова: *μετὰ Ἀπριλλίῳ καὶ*, недостающія въ греческихъ рукописяхъ; у Муральта въ Chronogr. Byzantine день коронаціи поставленъ подъ 14 апрѣля).

стола покровы, при чтеніи псалмовъ 50, 25, 83. Въ это время ризничій (ὁ σκευοφύλαξ) приносилъ губки и сосуды съ водой и св. престолъ обмывался. Затѣмъ патріархъ раздавалъ митрополитамъ, архіепископамъ и прочему предстоящему духовенству полотенца, которыми они обтирали св. престолъ. Послѣ этого патріархъ раздавалъ духовенству другія губки и возливалъ на св. престолъ розовое масло, которое стоявшіе вокругъ св. престола растирали и вытирали губками. Когда св. престолъ былъ достаточно вытертъ, на него опять надѣвали срачицу и другіе покровы, а патріархъ въ это время читалъ другую молитву, по окончаніи которой кадилъ св. престолъ и осѣнялъ его крестнымъ знаменіемъ. Губки, которыми обтирался св. престолъ, между тѣмъ собирались и выносились на солею; выходилъ изъ алтаря патріархъ и раздавалъ губки, вѣроятно, раздѣленные на мелкія части, народу. По окончаніи обряда омовенія св. престола, по обряду, помѣщенному у G o a r'a, патріархъ возвращался въ Мутаторій, изъ котораго онъ входилъ въ алтарь, а изъ Мутаторія чрезъ правый портикъ проходилъ въ нарѣикъ, гдѣ совершался обрядъ омовенія ногъ.

Когда обрядъ переодеванія св. престола совершался еще съ участіемъ царей, цари, безъ сомнѣнія, входили въ храмъ и алтарь предъ началомъ обряда и послѣ кажденія престола становились съ патріархомъ предъ св. престоломъ и, по всей вѣроятности, принимали участіе въ разодеваніи, омовеніи, обтираніи и одеваніи св. престола; между прочимъ, царю препозитъ подавалъ мѣшокъ съ сотнею фунтовъ золота и царь клалъ его у подножія престола ¹⁾ на той ступени, на которой онъ стоялъ. Этотъ

¹⁾ Cerim. I, 1, 33: послѣ одеванія въ Октагонѣ Дафны въ хламиду, царь выходитъ чрезъ Августей (вмѣсто διὰ τοῦ Αὐγουστίνου, очевидно, слѣдуетъ читать δ. т. Αὐγουστέως), ἐνδον γὰρ τῆς μεγάλης πύλης τοῦ αὐτοῦ Αὐγουστίνου (чит. Αὐγουστέως) ἵσταται κουβικουλάριος ἐπώμιον φόρτωμα τὸ κεντινάριον φέρων καὶ περιπατῶν ὀπισθεν πλησίον τῶν δεσποτῶν. (Относительно необходимости читать здѣсь Αὐγουστέως вмѣсто Αὐγουστέων см. мой Обзоръ главныхъ частей Большаго Дворца, стр. 100, прим. 2). Въ алтарѣ, взявши мѣшокъ у препозита, царь кладетъ его ἐν τῷ πεζουλίῳ τοῦ θαλασσιδίου τῆς ἁγίας τραπέζης, а по спеціальному обряду Великой Субботы (I, 35, 182) τίθησιν αὐτὰς (т. е. χρυσίου λίτρας ρ') ἐν τῷ βασμιδίῳ, ἐν ᾧ ὁ βασιλεὺς ἵσταται. Изъ этихъ мѣстъ ясно, что кентенарій золота клался на ступени у подножія св. престола, около моря св. престола; но что называется моремъ (θάλασσα или θαλασσιδίον) св. престола, я не представляю себѣ ясно. Ни у Дюканжа (Gloss. Gr. s. v. θάλασσα, ср. Constantin. Christ. III, p. 33), ни у G o a r'a (Euchol. Graec. p. 12), на котораго ссылается Дюканжъ, устройство и мѣсто этого моря не выяснено, а то, что говорится, не доказано. Reiske (Comment. 141) принимаетъ πεζούλιον за скамейку, на которой ставились сосуды, которые нужно было мыть, а θαλασσιδίον за lapis cavus, in quem reliquiae vini aut aquae benedictae, quibus amplius opus non erat, effundebantur. Хотя есть предположеніе, что возлѣ св. престола былъ сосудъ для воды, служившей для омовенія св. сосудовъ и рукъ священнослужителей, не едва ли вѣроятно, чтобы словомъ θάλασσα называлась сточная труба для выливанія остатковъ вина, которые, къ тому же, едва ли когда-либо выбрасывались. Затѣмъ, мы знаемъ, что въ θαλασσιδίον св. престола клали, для освященія, облаченіе схим-

мѣшокъ съ 100 фун. золота во время шествія въ храмъ несть за царемъ, отъ большой двери Августея, кувикулярій, который здѣсь дожидался выхода царя въ облаченіи. Войдя въ храмъ, кувикулярій вносилъ боковою дверью этотъ мѣшокъ въ алтарь и въ надлежащее время передавалъ препозиту, а тотъ передавалъ царю, который и клалъ его у подножія престола.

Когда омовеніе и облаченіе кончалось, царь бралъ у препозита другой, меньшій мѣшокъ, но всетаки заключавшій въ себѣ довольно много золота, и возлагалъ его на св. престолъ, затѣмъ бралъ поданное патріархомъ кадило и трижды обходилъ престолъ съ кадиломъ, кадя св. престолъ.

Послѣ этого цари съ патріархомъ уходили чрезъ лѣвую сторону алтаря въ ризницу (σχευοφυλάκιον), гдѣ хранились церковныя облаченія, ризы, покровы и священные сосуды. Царь, войдя сюда, молился со свѣчею въ рукѣ, бралъ у патріарха кадило и кадилъ священные сосуды, обходя кругомъ ризницу. Потомъ отдавалъ кадило и садился на приготовленное для него здѣсь золоченое кресло. Садился и патріархъ на свой тронъ и нѣсколько времени бесѣдовалъ съ царемъ. Побесѣдовавши немного съ царемъ, патріархъ преподносилъ ему въ соотвѣтствующемъ сосудѣ благовоннаго масла и кусочки корицы (κιννάμωμον)¹⁾. Патріарху при-

никовъ, предъ посвященіемъ въ схиму (G o a r, Euchol. 403; ср. Du C a n g e. Gloss. Gr. s. θάλασσα, гдѣ ἔχει, очевидно, стоитъ вмѣсто ἐκεῖ). Едва ли можно предположить, что для освященія одежды клались въ отверстіе водосточной трубы. Да и Юстиніанъ едва ли сталъ бы украшать такъ отверстіе водосточной трубы, какъ онъ украсилъ θάλασσαν (τὴν δὲ θάλασσαν τ. ἀγ. τραπέζης ἐξ ἀτιμῆτων λίθων πεποίηκε καὶ κατεχύρωσεν αὐτήν. A n o n i m. in descript. S. Sophiae, apud B a n d u r i, Imper. Orient.. lib. IV, p. 64). Къ сожалѣнію, ничего опредѣленнаго относительно мѣста и устройства этого «моря» я также сказать не могу. Считаю возможнымъ замѣтить только, что «море» храма св. Софіи, постройкою котораго Юстиніанъ, по его собственнымъ словамъ, превзошелъ Соломона, напоминаетъ «море» Соломонова храма въ Иерусалимѣ. Въ храмѣ Соломоновомъ «моремъ» назывался большой мѣдный чанъ 30 локтей въ окружности, вмѣщавшій не менѣе 400 гектолитровъ воды и стоявшій на 12 мѣдныхъ волахъ. Вода въ этомъ мѣдномъ чанѣ или бассейнѣ служила для омовенія жрецовъ, которые, по мнѣнію однихъ, входили туда и купались тамъ, а по мнѣнію другихъ, брали воду изъ крановъ, устроенныхъ въ нижнихъ частяхъ стѣнокъ бассейна. Образчикомъ такого моря можетъ служить такъ называемое «Амаѣонское море», найденное на Кипрѣ и хранящееся въ Луврскомъ Музеѣ: это большой каменный чанъ или котелъ съ ручками. Море въ храмѣ Соломона, сдѣланное изъ мѣди, было гораздо больше и великолѣпнѣе. Рисунки реставрацій этого моря даны въ роскошно изданной Палестинскимъ Обществомъ прекрасной книгѣ проф. Кіевской Духовной Академіи А. А. О л е с н и ц к а г о, Ветхозавѣтный храмъ въ Иерусалимѣ, Спб. 1889 (о «морѣ» авторъ говоритъ на стр. 423 слѣд.; ср. указатель предметовъ стр. 907). Весьма возможно, что близъ св. престола въ св. Софіи былъ устроенъ подобный бассейнъ для мытья св. сосудовъ и омовенія рукъ священнослужителей; но какъ и гдѣ онъ былъ устроенъ, сказать трудно, по крайней мѣрѣ для меня.

¹⁾ Благовонное масло, преподносимое царю и раздаваемое чинамъ синклита, называется нардомъ (ἡ νάρδος Cerim. I, 1, 33; I, 35, 182; II, 52, 764) отъ растенія, изъ котораго приготовлялось благовонное масло. Настоящій нардь (Nardostachys latamansi Dec.) растетъ въ городахъ Индіи; изъ благовонныхъ корней его приготовлялось нардовое масло, очень дорого

носилъ и подавалъ эти предметы хартуларій ризницы, который, послѣ поднесенія царю патріархомъ, кланялся патріарху, испрашивалъ его благословенія для раздачи этихъ предметовъ чинамъ кувуклія и синклита. Такъ какъ высшіе чины кувуклія и синклита сопровождали по обыкновенію царя въ ризницу и находились частію въ томъ помѣщеніи, въ которомъ былъ царь съ патріархомъ, частію въ смежномъ, то хартуларій раздавалъ прежде всего благовонное масло имъ, для чего высшіе чины синклита приглашались въ самую ризницу. Затѣмъ хартуларій выходилъ въ храмъ, гдѣ стояли прочіе чины синклита, и раздавалъ имъ благовонное масло въ сосудахъ (I, 1, 34; I, 35, 182, ср. 184 и II, 52, 764). По окончаніи этой раздачи, царь съ патріархомъ вставали съ своихъ мѣстъ и, пройдя чрезъ женскій, сѣверный наѣикъ, гдѣ обыкновенно стояли діакониссы храма св. Софіи, шли къ двери, ведущей въ пристройки съ восточной стороны храма; патріархъ вручалъ царю евлогію, т. е. освященную просфору, и выходилъ съ нимъ въ корридоръ за алтаремъ, чрезъ лѣвую дверь изъ алтарной стороны въ этотъ корридоръ, который, благодаря примыкавшему къ нему храму св. Николая, назывался узкимъ переходомъ св. Николая. Этотъ корридоръ проходилъ позади алтаря храма св. Софіи къ южной стѣнѣ его или, точнѣе, къ юговосточному углу, а оттуда чрезъ переходъ, примыкавшій къ царскому Мутаторію или че-

цѣнившееся въ древности, какъ дорогой ароматъ и прекрасное цѣлительное средство. Корни нарда и до сихъ поръ въ Индіи считаются цѣннымъ и благотѣльнымъ лѣчебнымъ средствомъ (Meyer's Conversationslexicon s. v. Narde). Патріархъ раздавалъ маленькіе сосуды, по всей вѣроятности, не съ нардovýmъ масломъ собственно, а съ масломъ, свареннымъ для св. мѣра, но неосвященнымъ. По крайней мѣрѣ это масло, сваренное съ разными другими благовонными ингредиентами, перечисленными въ чинѣ освященія мѣра, также называлось въ церковномъ языкѣ нардомъ и точно также считалось весьма цѣлебнымъ. Потому въ Великую Среду часть свареннаго для мѣра (μῦρον) масла относилась къ патріарху въ его комнаты, гдѣ выливалась въ особый сосудъ и не освящалась, а сохранялась для врачебныхъ надобностей и называлась нардомъ (εἰσβάλλεται (τὸ μῦρον, точнѣе сваренное, но еще не освященное масло) εἰς ἑτερον ἄγγεῖον, ὅπερ οὐχ ἀγιάζεται, ἀλλὰ τηρεῖται εἰς ἱατρικὴν χρεῖαν, ὅπερ ὀνομάζεται νάρδον. G o a r, Euchol. 510. Ср. ibid. 503: послѣ освященія мѣра εἰσβάλλεται παρὰ τοῦ πρωτοπαπᾶ τὸ ἐν τῷ ἀλαβάστρῳ μῦρον εἰς τὸ ἄγγεῖον, ἐνθα ἐν τὸ νάρδιον. Ср. Дю кан жъ Gloss. s. v. νάρδος). Въ такомъ смыслѣ понимаетъ нардъ и Reiske (Comment. p. 887), который говоритъ, что solebant eo tempore homines elegantiores pyxides nardi secum gerere, ut nos hodie pyxides pulvere sternutatorio gerimus onustas. О нардovémъ маслѣ собственно и употребленіи его въ античномъ мірѣ см. P a u l y, Realencyklopädie, V, 415. Нардовое масло древніе также носили въ маленькихъ флаконахъ (nardi ampulla).

Кромѣ благовоннаго масла царю давалъ патріархъ τριψῖδια (I, 1, 34), т. е. кусочки, обломки вообще, а потомъ, повидимому, исключительно кусочки корицы, (ср. Дю кан жъ Gloss. Gr. s. v. τριψῖδιν τὸ κιννάμωμον), которая съ очень давнихъ временъ извѣстна древнимъ чрезъ Финикійцевъ (Herod. III, 111) и во времена Римской имперіи цѣнилась очень дорого. Плиній говоритъ, что pretia quondam fuere in libras denarium millia. Actutum id parte dimidia est, incensis, ut ferunt, silvis barbarorum. (См. P a u l y, Realencykl. II, 374 s. v. Cinnamomum).

резъ Мутаторій можно было пройти къ св. Кладезю ¹⁾. Здѣсь патріархъ и царь становились у двери, ведущей изъ св. Кладезя въ храмъ св. Софіи, патріархъ вручалъ царю еще разъ просфору, цѣловался и откланивался царю. Патріархъ съ духовными чинами и діаконами уходилъ въ храмъ, а царь изъ св. Кладезя выходилъ въ его портикъ, чтобы чрезъ выходящій къ св. Кладезю Хитъ Халки и чрезъ Халку идти во Дворецъ (I, 1, 34; I, 35, 182 и 184). Въ портикѣ св. Кладезя привѣтствовали царя Венеты, собственно бѣлые, съ димархомъ во главѣ и пѣли соотвѣтствующія празднику пѣснопѣнія и славословія, но царь для выслушиванія ихъ не останавливался, а слушалъ эти славословія, шествуя отъ портика св. Кладезя къ желѣзнымъ воротамъ Хита Халки. Пѣвчіе и димоты пѣли также на ходу, идя впереди царя, какъ это обыкновенно дѣлалось, когда славословія пѣлись на ходу ²⁾. Отъ желѣзной двери Хита Халки до Халки сопровождалъ царя красный димъ съ димархомъ Прасиновъ во главѣ совершенно такимъ же образомъ, какъ бѣлый димъ съ димархомъ Венетовъ отъ св. Кладезя до желѣзной двери Хита. Этими двумя встрѣчами и ограничивались, по видимому, приемы димовъ. Дальнѣйшихъ приемовъ не было, по крайней мѣрѣ они не указаны. Цари шли чрезъ Халку, Школы, Палату Экскувитовъ и Кандидатовъ, мимо Консistorіи къ храму Господа, а оттуда, помолившись, конечно, въ этомъ храмѣ, проходили чрезъ переходы этого храма, Триконхъ и переходы 40 мучениковъ въ Хрисотриклинь. Такой путь для обратнаго шествія царей въ Великую Субботу указанъ въ концѣ общаго обряда выходовъ въ храмъ св. Софіи (I, 1, 35). При этомъ шествіи чины синклита собственно, т. е. тѣ, которые обыкновенно при большихъ выходахъ привѣтствуютъ царя и откланиваются ему въ Консistorіи, дойдя до Консistorіи, становятся у дверей

¹⁾ О храмѣ и переходахъ св. Николая и Ризницѣ св. Софіи см. выше, стр. 132, 141 и слѣд.

²⁾ Эти два приема означены только въ общемъ обрядѣ выходовъ въ храмъ св. Софіи (I, 1, 34—35). Въ специальномъ обрядѣ Великой Субботы (I, 35, 183) приемы вовсе не обозначены. Очень возможно, что ихъ во время составленія этого обряда вовсе не было и что они введены были послѣ и потому занесены въ общій обрядъ, при составленіи дошедшаго до насъ сборника обрядовъ, т. е. Придворнаго Устава Константина Багрянороднаго. Но въ чемъ состояли эти славословія и что пѣли димы, не извѣстно. Въ числѣ актологій нѣтъ *ѡкта* на Великую Субботу, хотя по порядку главъ, въ которыхъ изложены актологіи, *ѡкта* на Великую Субботу могли бы сохраниться, и если бы они были написаны, занимали бы мѣсто между 3-ю и 4-ю главою, т. е. стояли бы предъ Пасхальною актологіею. Отсутствие этихъ *ѡкта*, быть можетъ, слѣдуетъ объяснять ихъ сравнительною краткостію и малою торжественностію, а, быть можетъ, даже ~~и~~ тѣмъ, что они не всегда происходили, а иногда ограничивались только ямбами маисторовъ и крестнымъ знаменіемъ со стороны димовъ, подобно тому, какъ это было при шествіи царей въ храмъ св. Софіи въ Рождество Богородицы и Благовѣщеніе или даже подобно тому, какъ встрѣчи димовъ дѣлались въ Крестовоздвиженіе (см. ниже стр. 243, прим. 1).

Консистеріи въ два ряда и здѣсь откланиваются царю, между тѣмъ какъ высшіе чины синклита, патрикіи и стратиги идутъ впереди царя дальше и доходятъ до двери, ведущей въ храмъ Господа, и здѣсь откланиваются царю, говоря хоромъ обычное многолѣтіе. Царь послѣ этого въ преддверіи храма снимаетъ шапку и входитъ въ храмъ, гдѣ привѣтствуютъ его вошедшіе сюда раньше его чины кувуклія. Кувикуляріи немедленно запираютъ дверь храма Господа, а царь идетъ къ алтарю, молится предъ св. вратами, потомъ чрезъ переходы храма Господа и Триконха уходитъ въ Хрисотриклинь ¹⁾.

По спеціальному обряду Великой Субботы (I, 35, 183), цари возвращаются въ этотъ день тѣмъ же путемъ, какимъ шли въ храмъ, т. е. чрезъ Консистерію, Оноподъ, Августей, Апсиду, Триконхъ и переходы 40 мучениковъ. При этомъ шествіи, по обычаю большихъ выходовъ, синклитики откланиваются царю въ Консистеріи, а высшіе чины, патрикіи и стратиги, въ Золотой Рукѣ или портикѣ Августея; въ Августей цари привѣтствуютъ кувикуляріи, царь проходитъ въ Октагонъ и Китонъ, и двери въ Августей изъ Золотой Руки запираются. Переоблачившись по обыкновенію въ Октагонѣ и Китонѣ, царь идетъ въ Хрисотриклинь въ сопровожденіи кувуклія, который въ послѣдній разъ привѣтствуетъ его въ Хрисотриклинѣ, гдѣ царь послѣ этого молится предъ образомъ Спасителя и уходитъ въ свои покои (Китонъ). Обѣдню царь слушалъ въ Великую Субботу въ храмѣ Фара.

Разница въ обратномъ шествіи царей въ двухъ обрядахъ происходитъ отъ того, что прежній порядокъ обратнаго шествія, изложенный въ спеціальномъ обрядѣ, который, безъ всякаго сомнѣнія, написанъ раньше общаго, былъ измѣненъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сокращенъ, такъ какъ процедура шествія чрезъ храмъ Господа короче, нежели чрезъ Августей. Такого рода измѣненія и сокращенія происходили и въ обрядахъ нѣкоторыхъ другихъ праздниковъ.

Къ разряду выходовъ, только-что описанныхъ нами, можно отнести еще выходы царей въ св. Софію въ первое воскресенье послѣ Пасхи или въ Антипасху, пока этотъ послѣдній выходъ не былъ замѣненъ выѣздомъ въ храмъ св. Апостоловъ, и въ день воссоединенія Церкви.

¹⁾ Порядокъ возвращенія царей чрезъ храмъ Господа изложенъ въ обрядахъ Рождества Богородицы (I, 1, 32), подробнѣе въ обрядѣ Понедѣльника Пасхальной недѣли (I, 10, 84), Преполовенія (I, 17, 107) и Благовѣщенія (I, 30, 168—169). Во всѣхъ этихъ случаяхъ цари возвращались изъ другихъ городскихъ храмовъ, кромѣ св. Софіи, на лошади, съ которой сходили предъ Палатою Экскувитовъ, а потомъ шли чрезъ храмъ Господа. Когда изъ Дворца цари отправлялись на лошади въ какой-нибудь городской храмъ, то изъ Хрисотриклина они шли также чрезъ храмъ Господа (I, 17, 99), болѣе краткимъ путемъ, нежели чрезъ Августей и Консистерію.

По спеціальному обряду Антипасхи или Новаго Воскресенья (*ἡ καὶνὴ ἡμέρα*), помѣщенному въ ряду спеціальныхъ обрядовъ по порядку праздничныхъ пасхальныхъ обрядовъ (I, 16, 97—98), въ Антипасху цари ходили въ св. Софію совершенно такимъ же порядкомъ, какъ въ описанные выше Богородичные праздники и Великую Субботу, только вмѣсто хламиды, для обратнаго шествія изъ храма, цари облачались въ цицакій. Чины въ парадныхъ облаченіяхъ собирались сначала въ Юстиніановомъ триклинѣ, а потомъ, около 3-го часа (= 9-го утра), синклитъ переходилъ въ Консисторію, а патрикіи и стратиги привѣтствовали царя въ Оноподѣ, откуда шествіе продолжалось обычнымъ порядкомъ среднихъ выходовъ, безъ славословій димовъ, которые при шествіи царя только крестили его, а нотаріи и магистры говорили соотвѣтствующіе празднику ямбы, какъ было указано выше. Цари шли чрезъ Хитъ Халки и, не заходя въ св. Кладезъ, поднимались съ чинами кувуклія, силенціаріями и тѣлохранителями по лѣстницѣ въ катихуменіи и тамъ слушали литургію ¹⁾, по окончаніи которой завтракали съ патріархомъ, очевидно, въ помѣщеніи патріарха, и затѣмъ возвращались въ Священный Дворецъ, т. е. Хрисотриклинь, чрезъ храмъ Господа, по всей вѣроятности, тѣмъ самымъ порядкомъ, какъ въ Великую Субботу и въ другихъ случаяхъ ²⁾.

Но въ замѣткѣ (схολіи) къ этому обряду сказано, что въ Антипасху цари ѣздятъ верхомъ въ храмъ св. Апостоловъ, согласно недавнему установленію. Незадолго до составленія этой замѣтки къ обряду Антипасхи, слѣдовательно, хожденіе въ храмъ св. Софіи вышеуказаннымъ порядкомъ замѣнено было параднымъ выѣздомъ въ храмъ св. Апостоловъ, такъ что актологія на Антипасху составлена уже согласно съ этимъ измѣненіемъ. Въ актологіи на этотъ день (I, 6, 52) мы читаемъ, что „въ воскресенье Антипасхи, когда цари сядутъ за столъ (во дворцѣ при храмѣ св. Апостоловъ), бываетъ тотъ же чинъ и послѣдованіе двухъ партій, какъ и во второй день обновленія (понедѣльникъ Пасхальной недѣли), т. е. актологіи двухъ партій и все прочее происходитъ, какъ сказано выше“, т. е. въ „актахъ“ понедѣльника Пасхальной недѣли (I, 5, 47 сл.). Согласно съ этимъ и въ перечнѣ парадныхъ праздничныхъ облаченій сказано, что въ Новое Воскресенье цари облачаются такъ же, какъ въ понедѣльникъ, только вмѣсто бѣлаго златотканнаго скарамангія, если пожелаютъ, надѣваютъ пур-

¹⁾ Въ этомъ случаѣ цари, очевидно, шли совершенно такъ же, какъ царица Ирина въ день коронованія своего сына шла чрезъ Хитъ Халки прямо въ катихуменіи св. Софіи. См. выше, стр. 209 и ср. I кн. *Byzantina*, стр. 134, прим. 1.

²⁾ Обрядъ Антипасхи изложенъ очень кратко и отмѣчаетъ только главные моменты, по которымъ, однакожъ, его несомнѣнно слѣдуетъ отнести къ разряду среднихъ выходовъ, описанныхъ въ этой главѣ, а не самыхъ большихъ.

пуровый (I, 37, 188). А такъ какъ въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли цари до Льва Мудраго, какъ мы видѣли, ходили въ храмъ св. Софіи, а изъ него шествовали съ литією въ храмъ св. Апостоловъ и только со временъ Льва Мудраго, по распоряженію этого царя, стали ѣздить верхомъ прямо въ храмъ св. Апостоловъ, не заходя въ св. Софію, то естественно заключать, что и отмѣна шествія въ Антипасху въ храмъ св. Софіи и замѣна его *выѣздомъ* въ храмъ св. Апостоловъ совершилась не раньше перемѣнъ въ обрядѣ Понедѣльника Пасхальной недѣли. Но когда же? При томъ же Левѣ, Александрѣ, Константинѣ Багрянородномъ или Романѣ Лакапинѣ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ клиторологій атриклина и царскаго протоспаѳарія Филоея, составленный имъ при Левѣ Мудромъ и законченный въ 6408 г. отъ сотворенія міра, т. е. ровно въ 900 г. по Р. Хр. Въ перечнѣ царскихъ обѣдовъ отъ Пасхи до Троицы мы находимъ, что какъ въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли, такъ и въ Антипасху цари совершали выѣздъ въ храмъ св. Апостоловъ, а послѣ литургіи обѣдали въ большой палатѣ дворца при храмѣ св. Апостоловъ съ патриархомъ и чинами ¹⁾).

Такимъ образомъ, замѣна Львомъ шествія въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли выѣздомъ верхомъ въ храмъ св. Апостоловъ, равно какъ и замѣна выхода въ Антипасху въ храмъ св. Софіи выѣздомъ въ тотъ же храмъ св. Апостоловъ совершилась до 900 года. А такъ какъ Василий Македонянинъ скончался и началъ царствовать Левъ Мудрый въ 886 г., то эти измѣненія въ обрядахъ, значить, нужно относить къ началу или первой половинѣ царствованія Льва, 886 — 900 по Р. Хр. Замѣчаніе схолія къ обряду Антипасхи, въ которомъ сказано, что шествіе въ св. Софію замѣнено выѣздомъ въ храмъ св. Апостоловъ недавно (*νεωστὶ*), нужно, слѣдовательно, также относить къ этому приблизительно времени, если мы не станемъ понимать „недавно“ въ очень широкомъ смыслѣ ²⁾). Не раньше начала царствованія Льва могла быть составлена и глава 37-я 1-й книги, въ которой перечисляются царскія облаченія и которая согласна съ нововведеніями Льва. За то вышеизложенный обрядъ Антипасхи, по которому цари ходили въ храмъ св. Софіи, былъ въ обычаѣ и совершался, очевидно, до нововведеній Льва Мудраго, т. е., по всей вѣроятности, только при Василии Македонянинѣ.

¹⁾ Cerim. II, 52, 769 и 773.

²⁾ I, 16, 98 схолій къ строкѣ 10: ἰστέον, ὅτι τῇ κυριακῇ τῇ αὐτῇ (ταύτῃ edit.) τοῦ Ἀντίπασχα ἀπέρχεται ὁ βασιλεὺς ἑπιππος ἔμπρατος (торжественно, съ помпою и въ парадныхъ облаченіяхъ) εἰς τοὺς ἀγίους Ἀποστόλους. νεωστὶ γὰρ τοῦτο ἐξέθεντο.

Ко времени этого царя нужно отнести и составление этого обряда, такъ какъ до него въ Антипасху цари ѣздили въ храмъ св. Мокія, какъ это видно изъ обряда приема царемъ партій Ипподрома въ ихъ собственныхъ фіалахъ (I, 64, 284 слѣд.), гдѣ сказано, что распоряженіе о совершеніи этого приема отдавалось препозитомъ вечеромъ въ Новое Воскресенье или Антипасху, когда царь возвращался послѣ выѣзда въ храмъ св. Мокія. Въ этотъ же вечеръ обѣ партіи совершали факларею ¹⁾ каждая въ своей фіалѣ, а на слѣдующій день, т. е. въ понедѣльникъ на Ооминой недѣлѣ ²⁾, совершался, до перестройки фіалы Венетовъ въ баню, приемъ партій въ ихъ фіалахъ, т. е. въ фіалахъ Юстиніана и Хрисотриклина. Такъ какъ обрядъ этотъ предполагаетъ существованіе двухъ фіалъ, а одна изъ нихъ застроена была Василиемъ Македоняниномъ подъ баню, и приемы въ этихъ фіалахъ съ тѣхъ поръ прекратились, то ясно, что выѣздъ въ храмъ св. Мокія въ Антипасху совершался до Василия Македонянина, точнѣе, до перестройки имъ фіалы Хрисотриклина въ баню. Это подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ ряду специальныхъ обрядовъ въ Придворномъ Уставѣ Константина Багрянороднаго, прямо послѣ обряда Антипасхи слѣдуетъ обрядъ выѣзда въ Преполовенье въ храмъ св. Мокія. А такъ какъ храмъ св. Мокія, по словамъ внука Василия Македонянина, Константина Багрянороднаго, былъ возобновленъ и заново отдѣланъ Василиемъ, то естественно предположить, что выѣздъ въ храмъ св. Мокія былъ перенесенъ съ Антипасхи на Преполовенье Василиемъ и, какъ обрядъ Антипасхи, такъ и обрядъ выѣзда въ храмъ св. Мокія въ Преполовенье, относится къ царствованію Василия ³⁾. Согласно съ установленнымъ при Василии обрядомъ выѣзда въ Преполовенье, въ храмъ св. Мокія совершался выѣздъ и при Львѣ Мудромъ до тѣхъ поръ, пока покушеніе на жизнь Льва Мудраго, сдѣланное въ 902 году ⁴⁾, не заставило Льва Мудраго отмѣнить совсѣмъ выѣзда въ храмъ св. Мокія.

¹⁾ О факлареяхъ (φακλαρέα), т. е. пляскахъ съ факелами (Fackeltanz) см. мой Обзоръ главныхъ частей Большаго Дворца, стр. 37, прим. Ср. Reiske, Comment. ad Const. Cerim. p. 295.

²⁾ День этого приема, согласно съ указаніемъ обряда I, 64, 284, точно обозначенъ атриклиномъ Филооеемъ II, 52, 773; но въ Новое Воскресенье у Филооееа значится выѣздъ не въ храмъ св. Мокія, а св. Апостоловъ, согласно съ замѣткою къ обряду Антипасхи. О перестройкѣ фіалы Венетовъ въ баню см. Byzantina I книга, стр. 38 и 58.

³⁾ Theoph. Contin., de Basil. Maced. c. 81, p. 323 Bonn. Мотивы перенесенія выѣзда въ храмъ св. Мокія съ Антипасхи на Преполовенье мнѣ неизвѣстны.

⁴⁾ Theoph. Cont. de Leone Bas. fil. c. 19, p. 365 разсказывается объ этомъ покушеніи и объ отмѣнѣ на будущее время этого выѣзда. Когда Левъ Мудрый вошелъ въ храмъ и стоялъ предъ св. вратами, чтобы, помолившись, войти чрезъ нихъ въ алтарь, неизвѣстный человѣкъ выскочилъ изъ амвона съ большой толстой палкой и ударилъ ею Льва по го-

Изъ всѣхъ этихъ указаній, весьма интересныхъ и важныхъ не только для исторіи выходовъ, но и для литературной исторіи Придворнаго Устава и опредѣленія времени составленія отдѣльных обрядовъ, ясно видно, что до Василия Македонянина въ Антипасху цари дѣлали торжественный выѣздъ въ храмъ св. Мокія; при Василии этотъ выѣздъ перенесенъ былъ на Преполовеніе, въ каковой день и совершался до 902 года, а въ Антипасху царь ходилъ въ храмъ св. Софіи, что продолжалось до новаго измѣненія, введеннаго Львомъ Мудрымъ ранѣе 900 года, т. е. до замѣны этого выхода выѣздомъ въ храмъ св. Апостоловъ, который, какъ уже установленный, имѣется въ виду актологіею на Антипасху и перечнемъ царскихъ праздничныхъ облаченій.

Не менѣе интересенъ для исторіи составленія Придворнаго Устава обрядъ выхода, установленнаго въ память воссоединенія церкви, т. е. примиренія сторонниковъ патріарховъ Николая и Евѣимія, враждовавшихъ изъ-за незаконнаго брака Льва VI съ Зоею Карвунопсиною, матерью Константина VII Багрянороднаго. Какъ извѣстно, патріархъ Николай Мистикъ не хотѣлъ освятить сожителства Льва съ Зоею совершеніемъ таинства брака, такъ какъ это былъ четвертый бракъ Льва, а когда пресвитеръ Ѳома все-таки повѣнчалъ Льва съ Зоею, патріархъ лишилъ Ѳому священническаго сана, а Льву запретилъ входъ въ храмъ св. Софіи ¹⁾. Левъ за это сослалъ Николая въ ссылку, а на его мѣсто выбралъ Евѣимія, который призналъ бракъ Льва съ Зоею (908 г.); но многочисленные сторонники патріарха Николая не признавали ни законности 4-го брака Льва, ни самаго патріарха Евѣимія. Такимъ образомъ произошелъ въ церкви расколъ, продолжавшійся до Романа I Лакапина, который вскорѣ послѣ вступленія во власть устроилъ примиреніе враждовавшихъ партій ²⁾. Уничтоженіе раскола этого считалось, въ виду зна-

ловѣ; къ счастью, конецъ палки задѣлъ за поликандило и ударъ этимъ былъ значительно ослабленъ. Но Левъ получилъ все-таки значительную рану въ голову и затѣмъ отмѣнилъ выходъ (*ἐκτοτὲ ἢ τοιαύτῃ ἐξελόπη προέλευσις*) и не хотѣлъ возобновлять этого выѣзда, не смотря на усиленные просьбы эконома этой церкви, мудраго монаха Марка. Такъ какъ клиторологій атрикина Филоея былъ написанъ въ 900 году, то въ немъ выѣздъ въ Преполовеніе въ храмъ св. Мокія, естественно, еще упоминается. Но и въ главѣ 37-й 1-й книги, представляющей перечень парадныхъ одеждъ царей въ праздничные дни, для Преполовенія указаны тѣ же одежды, которыя царь надѣвалъ для выѣздовъ въ храмъ св. Апостоловъ, т. е. выѣздныя, не выходныя. Если составитель этой главы имѣлъ въ виду выѣздъ въ Преполовеніе въ храмъ св. Мокія и если этотъ выѣздъ не былъ возобновленъ послѣ Льва, можно заключить, на основаніи этого, что глава 37 I кн. написана до 902 года, т. е. до отмѣны Львомъ выѣзда въ храмъ св. Мокія.

¹⁾ См. объ этомъ выше, стр. 128 этой книги.

²⁾ Относительно уничтоженія раскола, вызваннаго четвертымъ бракомъ Льва VI, см. Cedreni Histor. Compend. II, 297 Bonn.: *Ἰουλίφ δὲ μηνὶ ἢ ἰνδικτιῶνος ἢ τῆς ἐκκλησίας γέγονεν ἑνωσις, ἐνωθέντων τῶν διαφερομένων μητροπολιτῶν τε καὶ τῶν κληρικῶν τῶν ἀπὸ Νικολάου*

ченія его для Константина, такимъ важнымъ событіемъ, что въ память его постановлено совершать ежегодно крестный ходъ изъ св. Софіи въ храмъ Мира, т. е. св. Прины, для чего цари сначала совершали торжественный выходъ въ св. Софію, а оттуда вмѣстѣ съ патріархомъ шли въ храмъ св. Прины такимъ же порядкомъ, какимъ совершались выходы въ Благовѣщеніе, Рождество Богородицы и понедѣльникъ Пасхальной недѣли, почему я и отношу выходъ въ праздникъ воссоединенія церкви къ среднимъ выходамъ, хотя онъ совершался съ нѣскольکو большею торжественностью, нежели средніе выходы, и очень близко подходитъ, по нѣкоторымъ чертамъ, къ большимъ выходамъ.

Хотя царь идетъ въ св. Софію чрезъ Хитъ Халки и св. Кладезъ, какъ въ Рождество Богородицы и другіе средніе выходы, но въ Октагонѣ надѣваетъ корону, какъ въ большіе Господніе праздники, и димы при- вѣтствуютъ царя актологіями въ обычныхъ мѣстахъ. Затѣмъ царь идетъ въ св. Кладезъ, снимаетъ тамъ корону и входитъ чрезъ южныя врата въ храмъ св. Софіи, гдѣ его встрѣчаетъ обычнымъ порядкомъ патріархъ съ духовенствомъ ¹⁾.

патріάρχου καὶ Εὐθymiου διερχομένων. То же самое, только съ прибавкою, что воссоединеніе совершилось въ воскресный день, сказано Theoph. Contin. p. 398 и Georg. 890, но у послѣдняго показанъ іюнь вмѣсто іюля. У историковъ и хронографовъ воссоединеніе церкви относится къ первому году царствованія Романа I, т. е. 921 г., но въ τὸς τῆς ἐνότητος сказано, что воссоединеніе совершилось ἐπὶ Κωνσταντίνου καὶ Ῥωμανοῦ, τοῦ μὲν βασιλεύοντος, τοῦ δὲ τῷ τηλικαῦτα τῷ τοῦ βασιλεωπάτορος ἀξιωματικῇ διαπρέποντος. Потому воссоединеніе должно быть отнесено, по крайней мѣрѣ, къ 920 г., такъ какъ Романъ Лакапинъ коронованъ былъ 17 декабря 920, а до коронаціи съ 27 апр. 919 г., со дня брака своей дочери, Елены, съ Константиномъ, носилъ титулъ βασιλεωπάτορ'а. Да и въ изложеніи исторіи воссоединенія церкви (ὁπόθεν τῆς ἀκολουθοῦσης διατάξεως) сказано, что воссоединеніе устроено Константиномъ, который, по словамъ изложенія, привелъ къ соглашенію собравшихся іерарховъ и убѣдилъ дать отпущеніе грѣховъ Льву VI послѣ смерти. Хотя Льву отпущеніе было дано, но на будущее время каноническимъ правиломъ постановлено запретить вступленіе въ четвертый бракъ (всѣ эти документы см. Zachariae a Lingenthal, Jus Graeco-Romanum, pars III, p. 227 слѣд.). Въ этомъ изложеніи названъ устроителемъ воссоединенія и примирителемъ партій одинъ Константинъ, хотя Константину было въ 920 году только 14 лѣтъ (родился въ январѣ 906 г.), очевидно, потому, что юридически онъ одинъ былъ царемъ и самодержцемъ (αὐτοκράτωρ), а Романъ Лакапинъ былъ еще только βασιλεωπάτορ'омъ и фактическимъ правителемъ, но, очевидно, устроилъ все это не Константинъ, а тотъ, кто стоялъ во главѣ управленія фактически и для кого такое примиреніе партій было важно. Такимъ лицомъ былъ именно Романъ Лакапинъ, тесть Константина, βασιλεωπάτορ и фактическій самодержецъ, который потому и въ τὸς τῆς ἐνότητος названъ рядомъ съ Константиномъ, хотя онъ царемъ еще не былъ. Такъ какъ воссоединеніе церкви было такимъ образомъ дѣломъ Романа, который въ концѣ этого года сдѣлался и юридически царемъ и правителемъ, то историки относятъ это воссоединеніе къ царствованію Романа I (921), хотя это событіе произошло нѣсколькими мѣсяцами раньше юридическаго царствованія Романа, но въ началѣ его фактическаго управленія дѣлами царства.

¹⁾ Но шли ли послѣ этого царь и патріархъ въ алтарь, сказать трудно, тѣмъ болѣе, что обычный входъ въ храмъ и въ алтарь храма св. Софіи царь совершаетъ по возвра-

Изъ храма св. Софіи царь и патріархъ шли въ храмъ св. Ирины, лежащій на сѣверъ отъ храма св. Софіи ¹⁾, и, по совершеніи тамъ установленнаго молебствія, начинали оттуда крестный ходъ обратно въ храмъ св. Софіи, входили въ него чрезъ женскую сторону, т. е. чрезъ сѣверный нарѣикъ, и, дойдя до большого, западнаго нарѣика, кончали здѣсь крестный ходъ и затѣмъ совершался обычнымъ порядкомъ входъ въ храмъ св. Софіи, гдѣ царь, вѣроятно, слушалъ литургію, а послѣ оной возвращался во Дворецъ такимъ же порядкомъ, какъ въ большіе выходы, т. е. чрезъ св. Кладезъ и Хитъ Халки, причемъ партіи Ипподрома привѣтствовали царя обычными славословіями.

Но сколько было встрѣчъ, столько ли, сколько бывало въ большіе Господніе праздники или меньше, не извѣстно, такъ какъ обрядъ выхода къ праздникъ воссоединенія церкви написанъ очень коротко и не заключаетъ никакихъ подробностей: относительно ихъ авторъ обряда отсылаетъ къ другимъ обрядамъ выходовъ, говоря, что „выходъ въ память соединенія церкви совершается, какъ другіе выходы; ибо и царь шествуетъ въ парадномъ облаченіи (ἐμπράττως) и приемы совершаются по установленному обычаю (κατὰ τύπον)“. Отсутствіе всякихъ подробностей въ обрядѣ объясняется тѣмъ, что онъ не составляетъ самостоятельнаго обряда, хотя и выдѣленъ въ особую главу (I, 36), а представляетъ собою замѣтку, прибавленную къ послѣднему обряду Великой Субботы.

Дѣло въ томъ, что сборникъ старыхъ праздничныхъ обрядовъ, вошедшихъ въ составъ первой книги, начинался обрядомъ перваго дня Пасхи и кончался Великою Субботою ²⁾, т. е. заключалъ въ себѣ обряды всѣхъ праздниковъ въ году, въ которые цари дѣлали выходы въ различные храмы.

щеніи изъ храма св. Ирины, а предполагать, что царь съ патріархомъ входилъ въ алтарь св. Софіи два раза, едва ли возможно.

¹⁾ О храмѣ св. Ирины, построенномъ Константиномъ Великимъ, сгорѣвшемъ во время бунта Ніха (532) и вновь построенномъ Юстиніаномъ I см. Du Cange, Constantinop. Christ., lib. IV, p. 102; Паспати, Βυζαντινὰ Μελέται, Κωνσταντ., 1877, σελ. 336—338 (съ рисункомъ); Скарлатъ Византій, ἡ Κωνσταντινούπολις, I, σελ. 153 сл. Salzenberg, Baudenkmale v. Konstantin., s. 113—115, Атласъ, Taf. XXIII; Кондаковъ, Византійскія церкви и памятники Константинополя, Одесса, 1886, стр. 128 слѣд. (съ фотогр. снимкомъ сѣверн. стороны храма св. Ирины, табл. 5). Храмъ св. Ирины возлѣ св. Софіи, называвшійся у византійцевъ храмомъ «древней» Ирины въ отличіе отъ другихъ позднѣйшихъ храмовъ св. Ирины, обращенъ турками въ арсеналъ и музей. Европейцы туда не допускаются и потому внутреннее устройство и украшенія этого великолѣпнаго храма мало извѣстны. Доступна только ограда храма, въ которой также хранятся разныя весьма интересныя древности; на сѣверной сторонѣ стоятъ, между прочимъ, два царскихъ византійскихъ саркофага, которые изображены въ вышеуказанной книгѣ проф. Н. П. Кондакова, на табл. 6-й. Въ самомъ храмѣ находятся еще болѣе интересные предметы византійской эпохи, но когда они будутъ доступны ученому изслѣдованію, не извѣстно.

²⁾ См. выше, стр. 38.

Очень возможно и вѣроятно, что при редактированіи этого сборника для внесенія въ Придворный Уставъ къ самому послѣднему изъ спеціальныхъ обрядовъ, къ обряду Великой Субботы прибавлена замѣтка относительно выхода въ память соединенія церкви и какъ много другихъ замѣтокъ, сдѣланныхъ въ старыхъ спеціальныхъ обрядахъ, эта замѣтка начинается также съ *ιστέου*, т. е. нужно знать, замѣтить. Такія замѣтки и прибавки, какъ уже было сказано, частію вошли въ текстъ, частію написаны на поляхъ и въ изданіяхъ печатаются въ видѣ схоліевъ, а замѣтка о выходѣ въ память воссоединенія церкви не только вошла въ текстъ, но и составила особую, 36-ю главу I книги (р. 186 Боннскаго изданія).

Позднѣйшее сравнительно съ предыдущими обрядами происхожденіе этой замѣтки видно ясно какъ изъ начала и всего характера ея, такъ и изъ того обстоятельства, что обрядъ выхода въ память воссоединенія церкви поставленъ не на своемъ мѣстѣ, т. е. не въ порядкѣ годовыхъ праздничныхъ выходовъ, а послѣ обряда Великой Субботы, занимающаго послѣднее мѣсто въ сборникѣ спеціальныхъ праздничныхъ выходовъ, который начинался Пасхальнымъ выходомъ, составляющимъ въ дошедшемъ до насъ Придворномъ Уставѣ 18 главу, а въ изданіяхъ 9-ю вмѣстѣ съ началомъ актологіи на Троицу. Когда же сдѣлана эта замѣтка о выходѣ въ память воссоединенія церкви?

Такъ какъ въ ней идетъ рѣчь объ одномъ царѣ, а не о многихъ, то можно думать, что она была сдѣлана, когда послѣ установленія этого выхода, былъ одинъ царь, но не при Романѣ Лакапинѣ, который, сдѣлавшись вторымъ царемъ, рядомъ съ Константиномъ VII, скоро возвелъ въ царское достоинство своихъ трехъ взрослыхъ сыновей, такъ что въ царствованіе Романа I не могло быть рѣчи объ одномъ царѣ. Послѣ воссоединенія церкви и установленія выхода, одинъ царь былъ только до возведенія въ царское достоинство Романа I и послѣ низверженія того же Романа I (дек. 944) и его сыновей (янв. 945), именно Константинъ Багрянородный, составитель Придворнаго Устава. До и послѣ Романа I онъ царствовалъ одинъ очень не долго: до Романа, если воссоединеніе произошло въ 920 году, съ іюля по 17 декабря этого года, а послѣ Романа съ января до апрѣля 945 года, такъ какъ въ апрѣлѣ 945 же года былъ имъ коронованъ сынъ его Романъ II. Потому, если мы будемъ принимать во вниманіе только упоминаніе одного царя, составленіе замѣтки о выходѣ въ память воссоединенія церкви нужно относить къ этимъ немногимъ мѣсяцамъ единоличнаго царствованія Константина Багрянороднаго до или послѣ Романа I. Но имѣя въ виду редакціонный, дополнительный характеръ прибавки, прибавку о выходѣ въ память воссоедине-

нія церкви всего вѣрнѣе относить ко времени царствованія и управленія Константина Багрянороднаго послѣ Романа I, къ каковому времени нужно относить и составленіе Придворнаго Устава, при редакціи котораго и могла быть сдѣлана эта прибавка ¹⁾. Такъ какъ эта замѣтка прибавлена къ обряду Великой Субботы, въ которомъ идетъ рѣчь объ одномъ царѣ, то можно допустить, что она могла быть сдѣлана и тогда, когда Романъ II былъ уже коронованъ: редакторъ могъ, согласуясь съ тѣмъ обрядомъ, къ которому онъ прибавлялъ замѣтку, удержать упоминаніе одного царя, хотя ихъ было уже два, тѣмъ болѣе, что Романъ II былъ коронованъ 8 лѣтъ и, вѣроятно, принималъ сначала участіе далеко не во всѣхъ выходахъ и процессіяхъ.

Кромѣ большихъ и среднихъ выходовъ, цари совершали малые выходы въ храмъ св. Софіи въ Крестовоздвиженіе, въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго Поста и въ Воскресенье первой недѣли этого поста, т. е. въ праздникъ Православія. Эти выходы совершались гораздо проще, нежели только что описанные *средніе* выходы, не говоря уже о большихъ. Шествовалъ царь не чрезъ парадныя залы, въ которыхъ во время большихъ и среднихъ выходовъ совершались приемы чиновъ синклита, а по переходамъ, ведущимъ отъ Триконха къ юго-восточному углу храма св. Софіи, въ сопровожденіи только ближайшей своей свиты: чиновъ кувуклія, маглавитовъ, этеріотовъ и царскихъ. Точно также и возвращался, кромѣ Воздвиженія. Выходъ совершался въ обычномъ служебномъ облаченіи: скарамангій и плащѣ. Уже въ храмъ царь облачался въ парадный дивитисій и соотвѣтствующую празднику хламиду. Приемовъ со стороны димовъ (кромѣ двухъ въ Воздвиженіе) не бывало. Словомъ выходы совершались просто, не парадно и не торжественно (*ἀπράττως*), почему я и называю ихъ *малыми* въ противоположность большимъ или великимъ, когда цари совершали выходы въ полномъ облаченіи и шли по параднымъ заламъ, привѣтствуемые и сопровождаемые чинами и димами въ полныхъ парадныхъ облаченіяхъ, словомъ *ἐμπράττως*.

Въ Крестовоздвиженіе цари ходили въ храмъ св. Софіи для поклоненія Честному Древу, т. е. Животворящему Кресту, и участія въ обрядѣ подниманія этого Креста патріархомъ на амвонѣ храма св. Софіи во время утрени. Въ этотъ день въ 9 или 10 часу ночи по тогдашнему счету, т. е.

¹⁾ На это же время составленія Придворнаго Устава изъ прежнихъ обрядовъ указываетъ и нижеприведенная замѣтка относительно угощенія царя и чиновъ при патріархѣ Теофилактѣ, въ обрядѣ Недѣли Православія.

3 или 4 часу утра по нашему счету часовъ, чины кувуклія, патрикіи, начальники военныхъ отрядовъ (доместики) и вообще всѣ высшіе чины, а равно и царскіе собирались въ скарамангіяхъ у Спаѳарикія, т. е. помѣщеніи для спаѳаріевъ царскихъ ¹⁾. Когда царь, обычнымъ порядкомъ облачившись въ скарамангій въ своемъ китонѣ, а въ плащъ въ Хрисотриклинѣ, долженъ былъ шествовать чрезъ Спаѳарикій, дверь въ него отпиралась, туда входили чины кувуклія и, облачившись въ плащи, дожидались его здѣсь, стоя въ должномъ порядкѣ. Когда царь входилъ въ Спаѳарикій, эти чины кувуклія привѣтствовали царя обычнымъ многолѣтіемъ, подобно тому, какъ въ большіе выходы они привѣтствовали его въ діаватикахъ 40 мучениковъ. При выходѣ изъ Спаѳарикія, его привѣтствовали такимъ же образомъ высшіе чины, патрикіи и доместики, а равно и царскіе. Между тѣмъ какъ высшіе чины синклита отсюда уходили, вѣроятно, другими путями въ „Большой секретъ“ Патріаршихъ Палатъ и присоединялись тамъ къ прочимъ чинамъ синклита, царь, сопровождаемый только кувукліемъ и царскими, которые шли впереди царя, шествовалъ чрезъ Магнавру и верхніе ея переходы къ храму св. Софіи и, дойдя до него, поднимался по деревянной лѣстницѣ ²⁾ въ катихуменіи, молился здѣсь со свѣчею въ рукѣ и уходилъ въ одно изъ помѣщеній на правой

¹⁾ Это помѣщеніе для царскихъ спаѳаріевъ находилось, по всей вѣроятности, на границѣ священнаго или собственнаго Дворца по направленію отъ Дворца къ Магнаврѣ, т. е. около Триконха, между Триконхомъ и храмомъ Господа, и, быть можетъ, входило въ составъ переходовъ Господа. Дверь Спаѳарикія (πύλη τοῦ σπαθαρίκιου) представляла собою входъ во Дворецъ священный или собственный, какъ можно заключить изъ того, что предъ Спаѳарикіемъ дожидаются въ разсматриваемомъ нами обрядѣ сановники, которые обыкновенно собираются предъ входомъ въ собственный Дворецъ (ср. выше), а равно и изъ того, что до этой двери, какъ выходной, провожаютъ патріарха высшіе чины кувуклія, когда патріархъ уходитъ изъ Хрисотриклина чрезъ діаватики Господа и Магнавры въ свои Палаты, какъ это бывало въ четвергъ Пасхальной Недѣли, послѣ обѣда, который давалъ царь высшему духовенству съ патріархомъ во главѣ въ Хрисотриклинѣ (I, 14, 96). Совершенно такъ же, какъ въ Крестовоздвиженіе, царь идетъ въ храмъ св. Софіи въ Недѣлю Православія и выходитъ изъ Дворца (т. е. собственнаго, а не Дворца вообще) чрезъ дверь Спаѳарикія и проходитъ чрезъ Магнавру и ея верхніе переходы (I, 28, 157). Лабартъ, который совершенно вѣрно описываетъ Спаѳарикій (Palais, 122—123; ср. 69) въ текстѣ, едва ли вѣрно помѣщаетъ Спаѳарикій на планѣ въ сторонѣ отъ діаватиковъ Господа, за фіалою Триконха, такъ какъ въ такомъ случаѣ Спаѳарикій оказался бы внѣ пути царя, которому и заходить туда не было бы надобности, а кромѣ того, находясь за фіалою, которая представляла собою большую, всегда открытую площадку предъ Триконхомъ, Спаѳарикій оказался бы уже совсѣмъ внѣ священнаго Дворца и чинамъ не было бы надобности собираться здѣсь; они могли бы собраться ближе къ Триконху, въ Мистической фіалѣ или Сигмѣ, гдѣ они часто собирались до открытія собственнаго Дворца. Паспати (Ανάκτορα, 194) помѣщаетъ Спаѳарикій такъ же, какъ и Лабартъ, на сѣверо-западѣ отъ фіалы Триконха, но дверь Спаѳарикія ведетъ у него въ Дельфакъ Консисторіи (см. планъ № 24). Это, понятно, измышленіе самого Паспати.

²⁾ Объ этой лѣстницѣ и переходахъ отъ Магнавры до храма св. Софіи см. выше стр. 134 и ср. Byzantina, I кн., стр. 121.

сторонѣ катихуменій, гдѣ и дожидался прибытія патріарха ¹⁾. Между тѣмъ чины кувуклія, сопровождавшіе царя, облачались, кувукуляріи и другіе младшіе чины въ камисіи только, а патрикіи въ простыя, не праздничныя хламиды. Послѣ этого переоблаченія, царь приказывалъ препозиту пригласить патріарха, препозитъ передавалъ это приказаніе церемоніарію, а тотъ посылалъ за патріархомъ двухъ силенціаріевъ ²⁾. Когда патріархъ приближался къ помѣщенію, въ которомъ находился царь въ катихуменіяхъ правой стороны, къ патріарху на встрѣчу выходили препозиты и приводили къ царю, который при входѣ патріарха раскланивался съ нимъ, затѣмъ слѣдовали взаимныя привѣтствія и цѣлованіе. Патріархъ садился на приготовленное для него сѣдалище, бесѣдовалъ немного съ царемъ, затѣмъ уходилъ въ Малую Палату (ἐν μικρῷ σεκρέτῳ) собраній духовныхъ чиновъ ³⁾, гдѣ возлежалъ на аналоѣ или церковномъ столѣ честной Крестъ (τὰ τίμια ξύλα) ⁴⁾ и дожидался прибытія царя.

¹⁾ На правой сторонѣ храма св. Софіи, какъ въ нижнемъ этажѣ, такъ и въ верхнемъ, какъ мы видѣли (см. выше стр. 133 и слѣд.), находились обширныя пристройки, въ которыхъ помѣщались царскій и патріаршій мутаторіи и Патріаршія Палаты. Очень возможно, что царь дожидался прибытія патріарха въ своемъ мутаторіи, въ которомъ въ Пасху царица христосовалась съ чиновными дамами.

²⁾ Когда нужно было пригласить къ царю патріарха въ храмъ или во Дворцѣ, за нимъ обыкновенно посылалъ церемоніарій двухъ силенціаріевъ, которые и доводили его до какого-нибудь болѣе или менѣе близкаго къ мѣсту нахождения царя помѣщенія. Здѣсь встрѣчали патріарха уже высшіе чины кувуклія, напимѣръ, препозитъ съ папіею, если дѣло было въ собственномъ Дворцѣ, и доводили до помѣщенія, сосѣдняго съ тѣмъ, въ которомъ находился царь. Патріархъ садился здѣсь на приготовленномъ для него почетномъ сѣдалищѣ (скамьѣ или креслѣ), а препозитъ докладывалъ царю, что патріархъ прибылъ. Царь приказывалъ тогда ввести къ себѣ патріарха, котораго высшіе чины кувуклія и вводили, при чемъ, начиная съ мѣста шествія патріарха, ходившіе за нимъ и встрѣчавшіе его чиновники вели патріарха подъ руки, особенно если патріарху приходилось идти по какимъ-нибудь неровнымъ мѣстамъ, напимѣръ, подниматься въ храмъ изъ нижняго этажа въ катихуменіи. Въ такихъ случаяхъ, при входѣ на лѣстницу патріарха встрѣчали высшіе чины кувуклія и вели подъ руки. Такихъ случаевъ приглашенія и введенія патріарха къ царю въ Придворномъ Уставѣ довольно много и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приглашеніе патріарха и введеніе его къ царю описано довольно подробно. Для примѣра можно указать Cerim. I, 10, 78—80 (ὁ πατριάρχης, παρακρτοούμενος ὑπ' αὐτῶν, ἀνέρχεται... ἀνέρχεται ὁ πατριάρχης καὶ διασώζουσιν αὐτὸν οἱ τοῦ κουβουκλείου); I, 13, 90; I, 14, 91 и 96; I, 17, 103—104; I, 18, 113; I, 19, 116 и др.

³⁾ Объ этомъ «секретѣ» и другомъ, большемъ, см. выше, стр. 134 и слѣд.

⁴⁾ Подъ «Честнымъ Древомъ» разумѣется крестъ, сдѣланный изъ того самаго дерева, изъ котораго сдѣланъ былъ крестъ, послужившій для распятія Спасителя и найденный въ 326 г. Еленою, матерью Константина Великаго. Крестъ этотъ, послѣ его нахождения, былъ раздѣленъ на части и значительная часть его была послана въ Константинополь (Theodoretī Hist. Eccles. lib. I, с. 18), а другая оставлена въ Іерусалимѣ, гдѣ и находилась до 614 г., а въ этомъ году, при взятіи Іерусалима персидскими войсками, подъ предводительствомъ персидскаго полководца Сарваразы, былъ ими похищенъ Животворящій Крестъ и вмѣстѣ съ патріархомъ Захаріею увезенъ въ Персію, гдѣ и находился до мира съ Персіею, заключеннаго Иракліемъ, послѣ полного разгрома Персидскаго цар-

Когда утренняя служба въ храмѣ доходила до пѣсни: „Слава въ вышнихъ Богу“, царь, сопровождаемый чинами кувуклія, выходилъ изъ своего помѣщенія въ правой сторонѣ катихуменій и отправлялся въ Малую Палату, гдѣ встрѣчалъ его патріархъ, поклонялся Честному Древу и прикладывался къ нему; затѣмъ бралъ поданную патріархомъ свѣчу и выходилъ вмѣстѣ съ патріархомъ, взявшимъ (на голову?) Честное Древо, въ Большую Палату (ἐν τῷ μεγάλῳ σεκρέτῳ), гдѣ стояли также съ зажженными свѣчами высшіе чины и весь синклитъ и привѣтствовали царя, но не падали при этомъ въ землю.

Изъ большой залы царь съ кувукліемъ и всѣмъ синклитомъ сопровождалъ патріарха, несшаго Честное Древо и предшествуемаго духовенствомъ, къ большой витой лѣстницѣ (κατέρχεται διὰ τοῦ μεγάλου κοιλίου)

ства и низверженія Хозроя, съ сыномъ Хозроя Сироемъ (Theoph. Chronogr. anno 6106, изд. de Boor, p. 301). По этому миру, закончившему знаменитые подвиги Ираклія, Животворящее Древо и патріархъ Захарій были возвращены Ираклію, съ которыми онъ возвратился въ Константинополь (а. 6118 Theoph. Chron. p. 327), а затѣмъ чрезъ два года (629 по Р. Хр.=Theoph. a. 6120) Ираклій самъ отвезъ и Животворящее Древо и патріарха въ Іерусалимъ (ibid. p. 328) и поставилъ Животворящее Древо на прежнее мѣсто. Но потомъ, въ виду грознаго наступленія арабовъ, отчаявшись въ возможности отстоять Іерусалимъ, Ираклій, «взявши Честное Древо (а по другимъ только часть его), отправился въ Константинополь» (635=Theoph. 6125, p. 337). Значительныя части Животворящаго Креста или Древа Честнаго, какъ видно изъ вышеприведеннаго (стр. 120) свидѣтельства Аркульфа, хранились въ Ризницѣ св. Софіи въ особомъ ящикѣ, помѣщенномъ въ другой ящикъ и поставленномъ въ большой и великолѣпный шкафъ. По словамъ того же Аркульфа, non duo, sed tria ibidem crucis habentur brevia ligna, hoc est, transversum lignum, et longum incisum et in duas equas divisum partes, e quibus tripartitis honorabilibus lignis, quando illa aperitur capsula, miri odoris fragrantia, ac si omnium florum inibi collectorum, mirabilis plena suavitate exoritur... Nam de nodis eorumdem trinalium lignorum liquor quidam odorifer, quasi in similitudinem olei expressus, talem facit universos intrantes ex diversis gentibus congregatos supramemoratam sentire suavissimi odoris fragrantiam. Cuius videlicet liquoris, si etiam parvula quedam stillula supra egrotantes imponatur, qualicumque languore vel morbo molestati leviter recuperant sanitatem. (Arculfus, de locis sanctis, у Тоблера и Молинье въ Itinera Hierosolymitana, p. 194). Изъ частей Животворящаго Древа, безъ сомнѣнія, сдѣланъ былъ и тотъ Крестъ, который выкладывался въ Маломъ Секретѣ Патріаршихъ Палатъ для поклоненія ему царя и чиновъ, а потомъ поднимался патріархомъ на амвонъ. Онъ изображенъ въ Menologium Basilii подъ 14 сентября. На этотъ крестъ по формѣ очень походитъ крестъ изъ Животворящаго Древа, доставшійся Людовику Благочестивому и хранившійся вмѣстѣ съ двумя другими меньшими крестами въ Свят. Капеллѣ (La Sainte Chapelle) въ Парижѣ, въ особомъ ящикѣ-футлярѣ византійской работы, внутри котораго сдѣланы были помѣщенія для другихъ, меньшихъ крестовъ, а на поляхъ изображены ангелы и св. Константинъ съ Еленой. Рисунокъ ящика данъ у Morgand'a въ Histoire de la Sainte Chapelle, а съ этого рисунка переизданъ у Шлumbergera въ Un Empereur Byzantin, p. 171 (гдѣ по lapsus calami Елена названа женою Константина). О части Животворящаго Древа (magna pars), доставшагося Людовику, и другихъ частяхъ, поступившихъ въ разные западно-европейскіе храмы и монастыри см. Riant. Exuviae sacrae Constantinopolitanae, I и II, Genevae, 1878, гдѣ въ Index подъ Crucis lignum (II, p. 339 и Lignum Crucis указаны мѣста замѣчательной книги графа Riant'a, въ которыхъ говорится о частяхъ Животворящаго Древа, находящихся или находившихся въ разныхъ городахъ и монастыряхъ западной Европы.

храма св. Софїи, сходилъ по ней, проходилъ чрезъ Дидаскалїй, гдѣ написаны на стѣнахъ пасхальныя таблицы, и затѣмъ, спустившись по ступенямъ, при возгласахъ церемоніарія: *καπλάτε, Δόμηνι*, входилъ въ пропилей наѣику, а изъ него чрезъ большія врата въ наѣику¹⁾. Пройдя чрезъ наѣику къ царскимъ вратамъ и ставши въ нихъ, царь отдавалъ препозиту свѣчу, съ которой онъ шелъ, бралъ у него другую молитвенную, молился въ царскихъ вратахъ, потомъ опять отдавалъ препозиту эту свѣчу, а тотъ передавалъ ее церемоніарію. Въмѣсто этой молитвенной свѣчи, церемоніарій подавалъ препозиту, а тотъ подавалъ царю прежнюю свѣчу²⁾.

1) Подъ большою витою лѣстницею разумѣется, по всей вѣроятности, одна изъ западныхъ витыхъ лѣстницъ (*κοχλίας*), устроенныхъ около большихъ столбовъ, на которые опирается куполь (Du Cange, Constantin. Christ. lib. III, c. XLI, p. 23 ed. Venet.). Около одной такой лѣстницы (юго-западной?) было помѣщеніе, называвшееся дидаскаліемъ (*τὸ διδασκαλεῖον*), но ни назначеніе его, ни мѣсто точно опредѣлить, кажется, нельзя; по крайней мѣрѣ я никакихъ указаній на это не нашелъ; потому и путь, по которому шла процессія съ Животворящимъ Древомъ отъ витой лѣстницы до большой двери наѣику для меня не ясенъ, тѣмъ болѣе, что храма св. Софїи я не имѣлъ случая видѣть, а видѣвшіе его не даютъ такихъ подробностей, которыя позволили бы представлять себѣ болѣе или менѣе ясно, гдѣ и какъ могла проходить процессія. Предположенія Лабарта относительно этого пути (Palais, 28) основаны болѣе на соображеніяхъ самого автора, нежели на указаніяхъ Крестовоздвиженскаго обряда. Весьма возможно, что, послѣ турецкихъ предѣлокъ около западной части храма, теперь и совсѣмъ нельзя отыскать всѣхъ тѣхъ помѣщеній, чрезъ которыя проходила процессія въ Крестовоздвиженіе.

2) Здѣсь идетъ рѣчь о свѣчахъ двоякаго рода: однѣ свѣчи употреблялись во время молитвы (*κηρία τῆς προσευχῆς*), другія во время крестнаго хода или другой какой-либо церковной процессіи (*λιτή*), почему и называются процессіональными свѣчами (*κηρία τῆς λιτῆς*, или *κηρία λιτανίας*, или просто *τὰ λιτανία*). Патріархъ подаетъ царю, предъ выходомъ процессіи изъ большой залы *κηρίον λιτανίον*, которую получаютъ и всѣ чины синклита. Съ этою свѣчею царь идетъ до царскихъ вратъ; предъ входомъ въ нихъ царь, какъ и въ другихъ случаяхъ, молится, но уже съ молитвенною, обыкновенною свѣчею, которую и подаетъ ему препозитъ, взявши у него предварительно процессіональную свѣчу. Такъ какъ послѣ входа въ царскія врата, ходъ съ Животворящимъ Древомъ продолжался до алтаря, то царь идетъ по храму опять съ процессіональною свѣчею до св. вратъ, предъ входомъ въ которыя отдаетъ процессіональную свѣчу препозиту и беретъ опять молитвенную. По выходѣ изъ алтаря царь опять беретъ *κηρίον λιτανίον* и стоитъ съ нею до начала воздвиженія патріархомъ Животворящаго Древа, когда царь отдаетъ препозиту эту свѣчу и беретъ молитвенную, съ которой и стоитъ во время воздвиженія и пѣнія: «Господи, помилуй», потому, очевидно, что въ это время царь молится. Перемѣну свѣчей, вѣроятно, слѣдуетъ объяснять ихъ различными размѣрами: очень можетъ быть, что *κηρία λιτανία* были такъ велики, что молиться съ ними неудобно. *Κηρία λιτανία* упоминаются двухъ сортовъ: *κηρία λιτανία ἀνευ φιαλίων* и *τὰ ὑποφάλα κηρία*. Первые нѣсколько разъ упоминаются во время процессіи внутри церкви въ Крестовоздвиженіе (I, 22, 125—127); вторыя мы встрѣчаемъ въ обрядѣ Праздника Православія: царь сходитъ съ катихуменій св. Софїи для встрѣчи патріарха съ крестнымъ ходомъ, *δηριγεύμενος ὑπὸ πάντων βασταζόντων κηρία ὑποφάλα* (I, 28, 157). Reiske (Comment. p. 219), кажется, вѣрно объясняетъ *κηρία ὑποφάλα* какъ *cerei cum suppositis patellis pro excipiendis cereorum lacrimis et sordibus*. Если это объясненіе вѣрно, то *κηρία ἀνευ φιαλίων* будутъ, значить, восковыми свѣчами безъ чашечекъ или розетокъ. Весьма возможно, что для процессій внутри храмовъ и вообще закрытыхъ помѣщеній употреблялись свѣчи безъ чашечекъ, а для процессій по улицамъ и площадямъ свѣчи съ чашечками, въ виду того, что при горѣніи на улицѣ свѣчи болѣе таютъ

Приложившись къ св. Евангелію, царь шествовалъ съ патріархомъ по срединѣ храма и съ правой стороны амвона входилъ на солею, гдѣ уже стояли высшіе чины синклита. Царь, войдя съ патріархомъ на солею, становился предъ св. вратами, въ которыя входилъ патріархъ и возлагалъ Честной Крестъ на св. престолъ; между тѣмъ царь отдавалъ свою свѣчу препозиту и бралъ у него другую, съ которою и молился, по обыкновенію, предъ св. вратами, потомъ возвращалъ свѣчу препозиту, а самъ, приложившись къ св. вратамъ, входилъ въ алтарь, подходилъ къ св. престолу, прикладывался къ Честному Кресту и покрову св. престола, кадилъ вокругъ престола и выходилъ опять на солею, гдѣ, взявши у препозита свою свѣчу, съ нею становился на третьей или четвертой ступени амвона ¹⁾. Высшіе чины кувуклія становились на солею, предъ царемъ, а евнухи протоспаѳаріи налѣво отъ амвона, на возвышеніи, а сзади ихъ маглавиты; они стояли такъ, что преграждали путь между амвономъ и солеєю, чтобы никто не могъ пройти между амвономъ и солеєю, предъ царемъ.

Когда царь и чины занимали такимъ образомъ свои мѣста, изъ алтаря патріархъ выносилъ Честной Крестъ и входилъ съ нимъ на амвонъ. Царь отдавалъ препозиту свою свѣчу и бралъ у него другую, молитвенную, съ которой и стоялъ все время, пока патріархъ совершалъ поднятіе Честнаго Креста на четырехъ сторонахъ амвона, при пѣніи соотвѣтствующихъ пѣснопѣній и „Господи, помилуй“ ²⁾ по сотницѣ при каждомъ подъемѣ и опусканіи Креста.

отъ вѣтра и плынуть. Чтобы тающій воскъ не попадалъ на руки и платье, употребляли свѣчи, рукоятки которыхъ снабжены были чашечками, въ родѣ нашихъ розетокъ. Къ сожалѣнію, въ довольно многочисленныхъ обрядахъ, въ которыхъ описываются крестные ходы, не обозначается, какія собственно *κηρία λυτάνια* употреблялись въ данномъ случаѣ, *ὀποφάλα* или *ἀνεο φαλίων*, такъ какъ свѣчи, съ которыми шли, называются просто *κηρία λυτάνια* (напр. I, 19, 117, строка 7; I, 21, 120; I, 30, 164; I, 10, 74, гдѣ свѣча называется *κηριολυτάνιον*, т. е. *κηριολυτάνιον* = *κηριολυτάνιον*).

¹⁾ Царь съ патріархомъ совершаютъ такой же входъ, какъ во время литургіи, причемъ, кромѣ креста, а въ Воздвиженіе Животворящаго Древа, въ алтарь вносилось Евангеліе. До этого входа, утрени совершалась, вѣроятно, въ притворѣ и вмѣстѣ съ патріархомъ и царемъ входилъ въ храмъ боковыми дверьми народъ. Порядокъ утрени, безъ сомнѣнія, значительно отличался отъ позднѣйшаго и нашего нынѣшняго: за входомъ, который происходилъ при пѣніи «Слава въ вышнихъ Богу» слѣдовало Евангеліе, какъ послѣ малаго входа во время литургіи. Въ Крестовоздвиженіе ему предшествовалъ обрядъ воздвиженія Животворящаго Древа, который и нынѣ совершается прямо послѣ «Слава въ вышнихъ Богу». Объ утреннемъ входѣ и древнемъ порядкѣ утрени см. уже названную выше (стр. 144 прим. 1) статью покойнаго проф. Мансветова О пѣсенномъ послѣдованіи (стр. 996—1010).

²⁾ Обрядъ «воздвиженія креста», которое у насъ совершается во время всенощной подъ Воздвиженіе, излагается въ Уставѣ церковномъ. Совершается онъ, какъ объяснено въ Минологіи Василія подъ 14 сентября, въ память обрѣтенія св. Еленою Животворящаго Древа. Когда подлинность Животворящаго Креста была доказана воскрешеніемъ мертвого отъ прикосновенія къ нему найденнаго Креста Господня, произошло огромное стеченіе

По окончаніи обряда поднятія Честнаго Креста, царь и патріархъ сходили съ амвона и входили въ алтарь. Патріархъ возлагалъ Честной Крестъ на св. престолъ, царь молился и прикладывался къ Честному Кресту, а затѣмъ, сопровождаемый патріархомъ, выходилъ боковою дверью изъ алтаря и шелъ къ св. Кладезю, гдѣ откланивался патріарху и цѣловался съ нимъ на прощаніе.

Отъ св. Кладезя царь шелъ чрезъ Хитъ, Халку, Школы, Консисторію, Августей, Апсиду, Триконхъ и галерею 40 мучениковъ въ Христотриклинь. Сопровождаемый кувукліемъ и предшествуемый по обыкновению синклитомъ, царь шелъ, слѣдовательно, обратно совершенно такъ же ¹⁾,

народа, который желалъ видѣть и облобызать Крестъ. Патріархъ Макарій, чтобы показать Крестъ народу, взялъ его и поднялъ вверхъ, надъ головою, при чемъ весь народъ воскликнулъ: «Κόριε ἐλέησον, Господи, помилуй». Въ память этого момента и совершается поднятіе Креста на всѣ страны свѣта при пѣніи: «Господи, помилуй». Обрядъ воздвиженія креста установленъ былъ, вѣроятно, первоначально въ Іерусалимской церкви, откуда онъ распространился по другимъ церквамъ греческаго міра. Во всякомъ случаѣ установленіе его нельзя приписывать времени Ираклія и возводить, какъ причинѣ и началу, къ возвращенію въ Іерусалимъ плѣннаго персами Животворящаго Древа; такъ какъ встрѣчаются извѣстія о совершеніи этого обряда раньше временъ Ираклія не только въ Іерусалимѣ, но и въ Константинополѣ (582 г.). Обрядъ возникъ, по всей вѣроятности, въ храмѣ св. Креста, построенномъ Константиномъ Великимъ, и совершался въ день освященія этого храма, 14 сентября. См. Kraus, Realencykl. d. christl. Alterthüm. I, 495 s. v. Feste, Exaltatio s. Crucis и II, 248 s. v. Kreuzverehrung, гдѣ воспроизведенъ рисунокъ обряда воздвиженія креста по Минологію Василія.

Не считая возможнымъ входить здѣсь въ подробности церковнаго обряда Крестовоздвиженія, я ограничусь указаніемъ двухъ древнѣйшихъ редакцій этого обряда, какъ онъ совершался въ Великой Церкви, т. е. св. Софіи Константинопольской, на основаніи справки, сдѣланной для меня доцентомъ Кіевской Духовной Академіи А. А. Дмитріевскимъ. По словамъ г. Дмитріевскаго, первое мѣсто между обрядами Крестовоздвиженія въ Великой Церкви принадлежитъ отрывку изъ Устава Великой Церкви, переведеннаго Новгородскимъ владыкою Климентомъ († 1299 г.). Отрывокъ этотъ изданъ по рукописи XIII в. въ книгѣ А. Попова: Первое прибавленіе къ описанію рукописей и каталогу книгъ церковной печати бібліотеки А. И. Хлудова, Москва, 1875; на стр. 13—18 мы имѣемъ начало Устава съ 1 сентября, но только до 14, отъ котораго остались только двѣ строки, потому интереснаго для насъ въ данномъ случаѣ обряда выноса Животворящаго Древа съ катихуменій и входа въ храмъ чрезъ западныя, красныя врата мы здѣсь не имѣемъ. (Отрывокъ этотъ переизданъ съ нѣкоторыми новыми добавленіями г. Дмитріевскимъ въ его послѣдней книгѣ: Современное Богослуженіе на Православномъ Востокѣ, Кіевъ, 1891, стр. 56—57). За этимъ отрывкомъ слѣдуетъ чинъ Воздвиженія въ Уставѣ Константинопольскаго патріарха Алексѣя (1025—1043), извѣстномъ по слав. рукописному переводу, находящемуся въ Моск. Синод. Библіотекѣ № 380. О чинѣ Воздвиженія по этому уставу сообщаются краткія свѣдѣнія въ «Описаніи слав. рук. М. Синодальной Библ.», отд. III, ч. I, М. 1869, стр. 249, а болѣе обстоятельныя въ статьѣ преосв. Амфилохія, помѣщенной въ Чтеніяхъ Общества любителей Дух. Просвѣщенія за 1872 годъ, кн. VIII, стр. 66—74.

¹⁾ Только обычныхъ при возвращеніи изъ храма славословій со стороны партій Ипподрома не происходило. Приемы димовъ ограничивались тѣмъ, что у малой двери Халки, т. е. при выходѣ царя изъ Хита, стояли Прасины и осѣняли царя крестнымъ знаменіемъ, пока онъ шелъ до Халки, гдѣ, при шествіи царя чрезъ Халку, дѣлали то же самое Венеты (I, 22, 127).

какъ онъ возвращался обыкновенно изъ храма св. Софїи, при чемъ въ Консисторїи ему откланивался синклитъ въ тѣсномъ смыслѣ и говорилъ хоромъ: „на многія и счастливыя времена да продлитъ Богъ святое царство твое“; въ Оноподѣ дѣлалъ тоже самое церемоніарій съ силенціаріями, веститорами и пр.; въ Золотой Рукѣ царю откланивались высшіе чины синклита; чрезъ Августей до Сигмы Триконха царь шелъ въ сопровожденіи кувуклія, маглавитовъ и этерін; здѣсь откланивались царю маглавиты и этеріоры, а въ Хрисотриклинѣ кувуклій, послѣ многолѣтія котораго царь молился предъ иконою Спасителя, снималъ плащъ и входилъ въ Китонъ.

Обычнаго ежедневнаго собранія чиновъ и утренняго приѣма въ этотъ день не бывало.

Совершенно такимъ же путемъ цари шли въ храмъ св. Софїи и возвращались оттуда въ Недѣлю Православія. Но такъ какъ въ Недѣлю Православія цари ходили въ храмъ св. Софїи не во время утрени, какъ въ Крестовоздвиженіе, а послѣ оной, предъ литургією, и встрѣчали крестный ходъ, совершавшійся патріархомъ съ константинопольскимъ духовенствомъ, то, при одинаковомъ шествіи въ храмъ и обратно, выходы эти отличаются одинъ отъ другаго дѣйствіями царей въ храмѣ.

Дѣло въ томъ, что въ первое воскресенье Великаго Поста, въ память возстановленія иконопочитанія при Михаилѣ III и Θεодорѣ (842), совершался установленный тогда же крестный ходъ изъ Влахернскаго храма въ храмъ св. Софїи ¹⁾).

Наканунѣ этого праздника, т. е. въ субботу первой недѣли Великаго Поста, вечеромъ патріархъ съ митрополитами, архіепископами, находившимися во время этого праздника въ Константинополѣ, съ духовенствомъ св. Софїи и духовенствомъ прочихъ Константинопольскихъ церквей и монахами городскихъ и пригородныхъ монастырей отправлялся во Влахернскій храмъ, т. е. храмъ пресв. Богородицы, находившійся близъ Вла-

¹⁾ Извѣстія о соборѣ, возстановившемъ иконопочитаніе, весьма обстоятельно разобраны и подробно изложены въ самое послѣднее время проф. Θ. И. Успенскимъ въ январской книжкѣ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1891 годъ, гдѣ приняты во вниманіе и изданные въ маѣ сего года г. Регелемъ греческіе тексты, относящіеся къ возстановленію иконопочитанія (Analecta Byzantino-Rossica, 1891, p. 1 — 43), т. е. 1) Βίος καὶ σύν ἑγκωρίῳ τῆς μακ. καὶ ἁγίας Θεοδώρας, 2) о прощеніи грѣховъ царю Θεοφилу и 3) περὶ τῶν ἀγαθοεργῶν Θεοφίλου τοῦ βασιλέως. (Въ книгѣ г. Регеля заглавіе первой статьи исправлено въ Βίος καὶ συνεγκώριον. Съ точки зрѣнія средневѣковаго греческаго языка, эта поправка едва ли необходима; она сдѣлана, очевидно, съ точки зрѣнія класс. греч. языка, для избѣжанія очень обычнаго въ средневѣковомъ греч. языкѣ сочетанія καὶ σύν или καὶ μετὰ вмѣсто одного σύν, μετὰ, причемъ καὶ иногда ставится послѣ предлога, напр. Сер. I. 1, 12—13; I, 2, 35. Ср. мой обзоръ главныхъ частей Большаго Дворца, стр. 135—137, гдѣ приведено нѣсколько такихъ примѣровъ).

хернского Дворца, въ сѣверо-восточномъ углу Константинополя. Здѣсь патріархъ съ духовенствомъ совершалъ всенощное бдѣніе, а послѣ утрени все это духовенство съ патріархомъ во главѣ совершало торжественный крестный ходъ изъ Влахернскаго храма къ храму св. Софіи ¹⁾.

Царь съ своимъ синклитомъ встрѣчалъ патріарха и выходилъ на встрѣчу крестному ходу, когда шествіе приближалось къ западному фасаду двора св. Софіи. Для этого царь предъ обѣднею выходилъ изъ Хрисотриклина въ скарамангii и плащѣ и чрезъ Діаватики Господа и Магнавы, какъ въ Крестовоздвиженіе, сопровождаемый только ближайшими и высшими чинами, проходилъ прямо въ правыя катихуменіи храма св. Софіи, молился здѣсь со свѣчею въ рукѣ, затѣмъ входилъ въ одно изъ помѣщеній верхняго мутаторія, примыкавшаго къ Патріаршимъ Палатамъ, и, переоблачившись тамъ въ бѣлый дивитисій, дожидался доклада о приближеніи патріарха съ крестнымъ ходомъ. Между тѣмъ чины какъ кувуклія, такъ и синклита тоже облачались въ соответствующія ихъ рангу простыя бѣлыя облаченія и собирались въ Большой патріаршей Палатѣ. Когда царю докладывали о приближеніи крестнаго хода, онъ облачался въ бѣлую хламиду и выходилъ въ Большую патріаршую Палату; собравшіеся здѣсь

¹⁾ Крестные ходы въ Недѣлю Православія совершались съ самаго начала этого праздника. По утвержденіи иконопочитанія соборомъ, съ субботы на воскресенье первой недѣли Великаго Поста во Влахернскомъ храмѣ всѣмъ соборомъ въ присутствіи царицы совершенно было всенощное бдѣніе (πάνυχος ὄρυφδία), а поутру крестный ходъ въ храмъ св. Софіи (Theoph. Contin. 154, Sym. Mag. p. 651 Bonn.). Но читался ли синодикъ, который въ XI в. несомнѣнно читался, въ обрядѣ Придворнаго Устава не говорится. Проф. *Θ. И. Успенскій*, какъ въ своей статьѣ о Соборѣ 842 года (Журн. Мин. Нар. Просв., 1891, январь, стр. 73 слѣд.), такъ и въ статьѣ о Синодикѣ въ Недѣлю Православія (ibid., апрѣль, стр. 267 сл.) говоритъ о чтеніи синодика въ Недѣлю Православія съ 842 года, какъ о фактѣ, не подлежащемъ сомнѣнію, хотя положительныхъ доказательствъ въ пользу этого не представляетъ и разобранныя имъ редакціи греч. синодиковъ дальше XI вѣка не восходятъ. Въ виду умолчанія въ разсматриваемомъ нами обрядѣ Придворнаго Устава о чтеніи синодика, которое, какъ особенность этого праздника, было бы вѣроятно упомянуто, если бы оно дѣйствительно происходило обыкновенно въ этотъ день, можно сомнѣваться въ томъ, что синодикъ читался съ самаго начала, т. е. съ 842 года. Это сомнѣніе было сообщено мною почтенному профессору, который въ письмѣ ко мнѣ совершенно справедливо говоритъ, что вопросъ о томъ, читался или не читался синодикъ въ недѣлю Православія въ IX и X вв. можетъ быть разрѣшенъ на основаніи древнихъ церковныхъ уставовъ и синаксарій. «Еще въ IX в. въ церкви былъ обычай проклинать еретиковъ въ день памяти каждаго вселенскаго собора. Весьма можетъ быть, что IX в. иконоборцевъ проклинали въ день памяти VII вселенскаго собора». Весьма вѣроятно, что предположеніе проф. Успенскаго основательно и вѣрно, но, въ виду умолчанія объ этомъ въ Придворномъ Уставѣ, желательно было бы найти положительные указанія. Чтеніе синодика въ присутствіи царя въ позднѣйшее время подтверждается замѣчаніемъ *Кодина. У К о д и н а*, который очень кратко говоритъ о выходахъ позднѣйшихъ царей въ разные городскіе храмы и монастыри, относительно Недѣли Православія сказано, что царь въ этотъ день ходилъ въ св. Софію и, когда читался синодикъ, стоялъ, а когда говорились славословія (въ честь царя), сидѣлъ на своемъ тронѣ (de offic., с. XVI, p. 82).

чины синклита падали ницъ при входѣ царя, затѣмъ вставали, а преносить „бралъ знакъ“ отъ царя и давалъ знакъ церемоніарію, который, стоя посреди двухъ чиновъ, возглашалъ „повелите“; въ отвѣтъ на это чины хоромъ говорили: „на многія и добрыя времена да продлитъ Богъ святое царство твое“. Послѣ этого всѣ брали свѣчи съ ручками и чашечками внизу (*χρῖα ὑποφάλα*) и царь съ синклитомъ шествовалъ по правымъ катихуменіямъ къ большой витой лѣстницѣ, спускался по ней, проходилъ чрезъ дидакалій, но не входилъ, какъ въ Крестовоздвиженіе, въ великій наѣикъ чрезъ красныя врата, а, сойдя во дворъ св. Софїи, поворачивалъ налѣво ¹⁾ и направлялся чрезъ дворъ св. Софїи къ западной стѣнѣ двора и чрезъ большую дверь выходилъ въ аѳиръ, гдѣ и спускался по ступенямъ, при возгласахъ церемоніарія: „смотрите, Владыко“. Здѣсь дожидаяся царя патріархъ съ крестнымъ ходомъ; царь прежде всего молился со свѣчею въ рукѣ, потомъ прикладывался ко кресту, подносимому патріархомъ, и Евангелію, подносимому архиѳакономъ, а затѣмъ уже раскланивался и цѣловался съ патріархомъ.

Встрѣтивъ такимъ образомъ крестный ходъ, царь съ синклитомъ возвращался впереди крестнаго хода въ наѣикъ св. Софїи. При этомъ шествїи церемоніарій запѣвалъ тропарь: „Истинныхъ догматовъ...“, а всѣ чины синклита и царь подпѣвали и съ пѣніемъ его доходили до наѣика. Прибывъ въ наѣикъ, царь садился здѣсь и дожидаяся прибытія сюда патріарха съ своимъ крестнымъ ходомъ. Когда въ наѣикъ входилъ патріархъ съ духовенствомъ, царь вставалъ и рядомъ съ патріархомъ становился предъ царскими вратами, бралъ у препозита свѣчу, молился и, отдавши препозиту свѣчу, прикладывался снова къ кресту и евангелію.

Патріархъ между тѣмъ совершалъ молитву малаго входа, по окончанїи которой царь и патріархъ, взявшись за руки, царь справа, а патріархъ слѣва, шли по срединѣ храма, обходили съ правой стороны амвонъ, входили на солею; патріархъ входилъ въ алтарь и становился предъ царскими вратами, бралъ свѣчу у препозита, молился предъ св. вратами и прикладывался къ нимъ; но въ алтарь въ прежнее время царь не входилъ, а отъ св. вратъ по правой сторонѣ солеи и храма шелъ въ свой Мутаторій, снималъ тамъ хламиду и слушалъ литургію, но не выходилъ изъ Мутаторія ни для участія въ великомъ входѣ (перенесенїи св. даровъ), ни для цѣлованія, а выходилъ только для причастія св. Тайнъ, которое, безъ со-

¹⁾ Въ обрядѣ (I. 28, 158) указана для болѣе точнаго обозначенія пути подробность, которую, за неимѣніемъ указаній въ другихъ мѣстахъ, разяснить трудно, а именно въ обрядѣ сказано, что царь, сойдя по лѣстницѣ, не заходитъ въ большой наѣикъ, ἀλλὰ ἐκθεσας ἀριστερόν ἐπὶ τὸ μύτατον, ἀπὸ τοῦ τριγώνου... καὶ κατέρχεται τὰ γράβηλια τοῦ αἰθύρα.

мнѣнія, совершалось совершенно такимъ же образомъ, какъ и въ большіе Господніе праздники. По окончаніи литургіи царь приглашалъ патріарха въ Мутаторій, откуда они оба шли въ св. Кладезь, гдѣ царь по обыкновенію прощался съ патріархомъ и цѣловался. Изъ св. Кладезя царь чрезъ Хитъ Халки шелъ во Дворецъ совершенно такъ же, какъ въ Великую Субботу и Крестовоздвиженіе. При этомъ шествіи царей, вѣроятно, встрѣчали и провожали въ двухъ мѣстахъ крестнымъ знаменіемъ димы Ипподрома, какъ въ Крестовоздвиженіе; быть можетъ, даже и славословили по одному разу отъ каждой партіи, какъ въ Великую Субботу, но объ этомъ въ обрядѣ не упоминается.

По возвращеніи во Дворецъ, устраивался клиторій, т. е. приглашеніе чиновъ къ обѣду, который совершался какъ въ первое празднованіе Недѣли Православія, такъ и въ послѣдующіе годы, подобно всѣмъ другимъ праздникамъ, въ которые совершались выходы или выѣзды царей въ храмы и въ которые обыкновенно, по возвращеніи во Дворецъ, бывалъ у царя парадный обѣдъ.

Такой порядокъ царскаго выхода въ Недѣлю Православія существовалъ съ перваго празднованія этого событія при Θεодорѣ и Михаилѣ, а, быть можетъ, и при Василии Македонянѣ. Но потомъ въ обрядѣ царскаго выхода сдѣланы были нѣкоторыя видоизмѣненія. Эти нововведенія касались какъ дѣйствій царя въ храмѣ, такъ и обѣда послѣ литургіи. По новому порядку, царь, совершивъ вмѣстѣ съ патріархомъ входъ въ храмъ и дойдя до св. вратъ, не уходилъ отъ нихъ въ Мутаторій, а входилъ, по обычаю другихъ праздниковъ, въ алтарь, прикладывался къ покрову св. престола, кадилъ вокругъ св. престола и, раскланявшись съ патріархомъ, уходилъ изъ алтаря боковымъ ходомъ, но не въ Мутаторій нижняго этажа, гдѣ онъ обыкновенно слушалъ литургію, а поднимался по витой лѣстницѣ, находившейся за алтарною конхою, въ катихуменіи правой стороны, входилъ въ прилегавшій къ нимъ Мутаторій, снималъ, при участіи веститоровъ, хламиду и въ дивитисіи слушалъ литургію, до Евангелія и слѣдующей за симъ ектеніи. Послѣ этого къ царю входилъ стольникъ съ атриклинами и царь дѣлалъ распоряженіе о приглашеніи тѣхъ или другихъ чиновъ синклита къ столу, имѣвшему быть у патріарха, что на языкѣ Придворнаго Устава называется „устроить клиторій“ (στοιχεῖν τὸ κλητώριον). Распорядившись такимъ образомъ относительно приглашенія къ столу, царь выходилъ изъ своего Мутаторія и переходилъ въ патріаршій Мутаторій, снималъ тамъ дивитисій и, облачившись въ скарамангій, дожидался тамъ конца литургіи и прихода патріарха. Въ это время атриклины выходили къ чинамъ, собравшимся также въ помѣщеніяхъ, прилегавшихъ къ катиху-

меніямъ, быть можетъ въ Большой Палатѣ патріаршей, и объявляли имена приглашенныхъ, послѣ чего препозитъ дѣлалъ распоряженіе объ отпускѣ чиновъ и церемоніарій объявлялъ отпускъ (*ἀίδοντα μίψαι*). Чины синелита, не приглашенные къ столу, получивши отпускъ, расходились, кто куда хотѣлъ, а приглашенные оставались въ ожиданіи конца литургіи и обѣда съ царемъ и патріархомъ.

По окончаніи литургіи, царь приказывалъ препозитамъ пригласить патріарха; препозиты передавали распоряженіе это силенціаріямъ, которые и отправлялись приглашать патріарха. Сами препозиты между тѣмъ сходили внизъ той витой лѣстницы, по которой долженъ подниматься патріархъ въ катихуменіи и, съ приближеніемъ патріарха, вставали, привѣтствовали его, цѣловали ему руку и, взявши подъ руки, вели наверхъ и доводили до комнаты, сосѣдней съ той, въ которой сидѣлъ царь. Препозитъ входилъ къ царю и докладывалъ, что патріархъ прибылъ; царь, приказавши ввести патріарха, вставалъ и при входѣ патріарха раскланивался съ нимъ и цѣловался. Побесѣдовавши немного съ царемъ, патріархъ выходилъ въ сосѣднее помѣщеніе, снималъ свое церковное облаченіе и, войдя опять къ царю, приглашалъ его къ столу, затѣмъ пройдя въ залу, гдѣ былъ приготовленъ столъ, садился за него съ царемъ, послѣ чего приглашались къ столу заранѣе обозначенные и приглашенные атриклинами чины. По окончаніи завтрака, чины вставали и выходили, а затѣмъ вставали царь и патріархъ и шли до спуска царей по деревянной лѣстницѣ въ діаватики, которыя вели къ Магнаврѣ. Патріархъ давалъ, безъ сомнѣнія, царю просфору и благовоннаго масла, послѣ чего царь раскланивался съ патріархомъ, цѣловался съ нимъ и возвращался тѣмъ же путемъ, какимъ пришелъ въ храмъ, т. е. по переходамъ отъ св. Кладезя чрезъ Магнавру, Храмъ Господа, Триконхъ, діаватики 40 мучениковъ въ Хрисотриклинъ. Въ этомъ шествіи сопровождали царя только чины кувуклія, маглавиты и этерія; царь возвращался „тайно“ (*μυστικῶς*), не сопровождаемый чинами синклита, и шелъ не парадными залами, а тайными переходами ¹⁾.

¹⁾ Въ концѣ этого обряда замѣчено, что высшіе чины синклита: магистры, препозиты и патрикіи получали свѣчи для крестнаго хода съ царемъ изъ экономіи патріарха, а при патріархѣ Теофилактѣ, сынѣ Романа, имъ давались еще и благовонныя куренія. Кромѣ того, при этомъ патріархѣ, послѣ завтрака, царю и чинамъ въ той части Патріаршихъ палатъ, гдѣ былъ домовый храмъ св. Теофилакта, подавался десертъ для царей, магистровъ, препозитовъ и другихъ высшихъ чиновъ, которыхъ цари соблаговолили пригласить къ завтраку въ Патріаршихъ палатахъ (I, 28, 160). Замѣчаніе это сдѣлано, очевидно, послѣ смерти патріарха Теофилакта (856 г.), такъ какъ объ этомъ угощеніи говорится въ прошедшемъ времени; но самое измѣненіе обряда въ той его части, которая слѣдовала за входомъ въ храмъ до св. вратъ, сдѣлано, несомнѣнно, гораздо раньше;

Когда именно введенъ былъ этотъ новый порядокъ, по которому цари входили въ Недѣлю Православія въ алтарь, а оттуда прямо поднимались въ катихуменіи, сказать трудно; но можно навѣрно сказать, что онъ уже введенъ былъ до 900 года, такъ какъ въ клиторологіи атриклина Филооея, написанномъ въ этомъ году, слушаніе царемъ литургіи въ катихуменіяхъ только до Евангелія включительно и завтракъ въ Патріаршихъ палатахъ является уже порядкомъ, обычнымъ для этого праздника.

Такъ какъ Левъ Мудрый производилъ, какъ мы видѣти (см. стр. 231 и слѣд.) и другія измѣненія въ обрядахъ выходовъ, то весьма вѣроятно, что и измѣненіе въ обрядѣ выхода въ Недѣлю Православія произведено именно Львомъ Мудрымъ въ началѣ своего царствованія, такъ что къ 900 году, когда Филооей составлялъ свой клиторологій, измѣненіе обряда, сдѣланное Львомъ Мудрымъ, считалось уже обычнымъ.

такъ какъ въ началѣ замѣтки объ этомъ измѣненіи обряда относительно прежняго порядка, по которому цари отъ св. вратъ шли въ Мутаторій внизу и слушали литургію, сказано, τὸ παλαιὸν ὁ τοιοῦτος τύπος ἦν· νῦν δὲ βασιλεὺς κτλ. (I, 28, 159). Если мы сравнимъ, что говорится относительно этого праздника въ перечнѣ парадныхъ облаченій (I, 37, 191) и въ клиторологіи атриклина Филооея (II, 52, 761), то мы убѣдимся, что во время написанія какъ перечня облаченій, такъ и клиторологія этотъ новый порядокъ уже существовалъ, такъ какъ въ обоихъ этихъ мѣстахъ говорится о томъ, что царь послѣ входа въ храмъ съ патріархомъ уходилъ (черезъ алтарь) въ катихуменіи наверхъ и слушалъ только Евангеліе, а потомъ завтракалъ въ одной изъ Патріаршихъ палатъ. А свой клиторологій Филооей окончилъ въ 900 году и, по его прямому заявленію, излагалъ въ немъ порядки, существовавшіе при Львѣ Мудромъ и Александрѣ, который былъ при братѣ вторымъ царемъ или, какъ тогда говорили, малымъ (Сегім. II, 52, 704). Выраженіе τὸ παλαιόν, слѣдовательно, относится ко времени до царствованія Льва Мудраго и во всякомъ случаѣ до 900 года. А между тѣмъ схолій къ началу замѣтки объ измѣненіи обряда (I, 28, 159) говоритъ: τοῦτο (т. е. новый порядокъ) ἔσχατον ἐτοπώθη. Если понимать здѣсь ἔσχατον въ смыслѣ: «въ самое послѣднее время», то нужно думать, что замѣтка относительно угощенія десертномъ при патріархѣ Теофилактѣ сдѣлана гораздо позднѣе приписки объ измѣненіи обряда или авторъ схолія, если онъ сдѣлалъ свое замѣчаніе послѣ замѣтки относительно угощенія при Теофилактѣ, самъ не зналъ, когда сдѣлано измѣненіе. Вѣрнѣе кажется, схолій τοῦτο ἔσχατον ἐτοπώθη понимать въ первомъ смыслѣ: т. е. полагать, что эта замѣтка сдѣлана гораздо раньше прибавки относительно патріарха Теофилакта. Между тѣмъ какъ эта послѣдняя могла быть сдѣлана въ послѣдніе годы царствованія Константина VII, вѣроятно, при составленіи Устава, схолій τοῦτο ἔσχατον ἐτοπώθη написанъ, быть можетъ, вскорѣ послѣ сдѣланныхъ Львомъ VI измѣненій въ обрядѣ Недѣли Православія и вмѣстѣ съ обрядомъ занесенъ въ Придворный Уставъ, при внесеніи въ него сборника праздничныхъ выходовъ, состоящаго изъ 9—36 гл. первой книги Придворн. Устава. Кстати можно замѣтить здѣсь, что поправка Reiske I, 28, 160, строка 16 μετὰ τῶν τῆς τραπέζης вмѣсто чтенія рукописи: μετ' αὐτῶν τῆς τραπέζης совершенно неумѣстна, такъ какъ при такомъ чтеніи вышло бы, что патріархъ садится съ столъниками (οἱ τῆς τραπέζης), между тѣмъ какъ текстъ гласитъ, что патріархъ, снявши облаченіе и пригласивши царей, садится съ ними за столъ (ἐκβαλὼν ὁ πατριάρχης τὰ ἀλλαξίματα αὐτοῦ, λαβὼν τοὺς δεσπότας, ἐξελθὼν ἀκχορβίζει μετ' αὐτῶν (cod. et ed.) τῆς τραπέζης (чит. ἐπὶ τῆς τραπέζης), т. е. съ царями за одинъ столъ, какъ это обыкновенно бывало, а не съ столъниками, которые во время обѣдовъ царскихъ прислуживали за столомъ, а не сидѣли, да еще съ патріархомъ.

Въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго Поста византійскіе цари имѣли обычай говорить чинамъ и представителямъ городского населенія поученіе о томъ, какъ пужно соблюдать и проводить хорошимъ и благочестивымъ христіанамъ Великій Постъ ¹⁾).

Для выслушиванія этого поученія, послѣ ежедневнаго приѣма, въ 3-мъ часу дня (= 9-мъ по нашему) въ Лавзіакѣ чинамъ синклита объявлялось (*δίδοται μεταστάσιμον*) ²⁾, чтобы они переходили изъ Лавзіака въ Магнавру, куда они и уходили, и становились тамъ въ тронной залѣ въ два ряда, ниже ступеней троннаго возвышенія, по направленію отъ востока къ западу, причемъ, понятно, магистры и патрикіи становились ближе къ ступенямъ, а слѣдующіе чины дальше ³⁾. Сюда прихо-

¹⁾ Обрядъ выхода въ этотъ день въ Магнавру и затѣмъ въ св. Софію изложенъ Cerim. II, 10, 545 — 548. Кромѣ того, этотъ же обрядъ вкратцѣ изложенъ I, 27, 155, въ приложеніи къ обряду Срѣтенія, чтобы показать, какъ должно поступать, если Срѣтеніе случится въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго Поста. На этотъ обычай указываютъ нѣкоторые историческія свидѣтельства. Такъ, относительно Льва Мудраго рассказываютъ, что предъ Великимъ Постомъ онъ такъ заболѣлъ, что едва могъ держать обычную рѣчь въ Магнаврѣ въ понедѣльникъ 1-й недѣли, согласно съ царскимъ уставомъ (*κατὰ τὸν βασιλικὸν τόπον*). При этомъ Левъ высказалъ опасеніе, что онъ не доживетъ до Пасхи, и заклиналъ синклитъ поддерживать и защищать его жену, Зою, и сына, Константина. Въ отвѣтъ на это синклитъ, со слезами на глазахъ, клятвенно обѣщавъ всѣми силами защищать Зою и Константина и, «отдавши царю послѣднее цѣлованіе, вышелъ». Хотя Левъ и дожилъ до Пасхи, но не долго спустя послѣ Пасхи скончался 11 мая 912 года (Georg. Cedreni (Скилица) *Histor. Comp.* II, 273 Bonn. *Ср. Theoph. Contin.* p. 377; *Sym. Mag.* p. 715; *Georg. Mon.*, p. 794 Muralt). Между тѣмъ какъ у Кедрина = Скилицы сказано, что Левъ *μόλις... ἐδονήθη τὴν συνήθη ποιήσασθαι δημηγορίαν*, у Георгія Монаха мы читаемъ уже *ὥστε μὴ θυνήθῃαι ἐξελθεῖν ἐν τῇ Μαναύρᾳ τὴν δημηγορίαν διαλαλῆσαι ἐν τῇ ἀρχῇ τῶν νηστείων*.

²⁾ По прибавленію къ Срѣтенскому обряду, чинамъ объявляется о переходѣ въ Магнавру въ 1-мъ часу дня, а не въ 3-мъ, какъ значится въ специальномъ обрядѣ понедѣльника первой недѣли Великаго Поста. Эта разница во времени, безъ сомнѣнія, происходитъ отъ того, что въ специальномъ обрядѣ имѣется въ виду обыкновенный, простой день (*ἡ παλαιὰ ἡμέρα*), когда по утру происходилъ ежедневный утренній приѣмъ, а послѣ него уже цари приказывали чинамъ переходить въ Магнавру, а вслѣдъ за симъ шли и сами туда же. Въ прибавленіи къ Срѣтенскому обряду, напротивъ, имѣется въ виду большой праздникъ, въ который ежедневнаго приѣма не бывало, но за то бывалъ выѣздъ во Влахернскій храмъ. Чтобы успѣть сказать поученіе, послѣ него совершить выходъ въ храмъ св. Софіи, прослушать тамъ τὴν τρίτοεκτην и затѣмъ, выйдя изъ храма св. Софіи и его атрия, сѣсть на лошадь и доѣхать до Влахернскаго храма къ началу литургіи, необходимо было, очевидно, начать обрядъ раньше, нежели въ обыкновенный день: иначе царь не успѣлъ бы прибыть во время во Влахернскій храмъ.

³⁾ Лабартъ (Palais, p. 186) приводитъ значительную часть обряда I, 10, 545 во французскомъ переводѣ, причемъ *δίδοται μεταστάσιμον* переводитъ словами: «on donne ordre d'organiser la procession» и почему-то думаетъ, что чины становятся не въ самой залѣ, начиная отъ ступеней тронной конхи, а внизу ступеней портика, ведущаго въ Магнавру (см. прим. 8 на указ. стр. Palais), слѣдовательно, внѣ Магнавры. А царь, между тѣмъ, по словамъ того же Лабарта p. 187, становился для произнесенія поученія на верхней ступени тронной эстрады, въ восточной конхѣ. Такимъ образомъ выходитъ, что царь, стоя въ тронной конхѣ, говорилъ чинамъ, стоявшимъ внѣ залы, говорилъ въ пустой залѣ. Очевидно, это—явное недоразумѣніе, возникшее, вѣроятно, вслѣдствіе того, что Лабартъ принялъ ступени (*γραδῆλα*), ведшія изъ возвышенной тронной конхи въ залу, за ступени,

дили друнгаріи виглы и флота съ своими подчиненными и занимали свои мѣста, а равно и катепанъ „царскихъ“ съ своими подчиненными. Кромѣ этихъ чиновниковъ и начальниковъ царской стражи и свиты, въ Магнавру приглашались представители разныхъ элементовъ городского населенія, въ томъ числѣ, по всей вѣроятности, и димы Ипподрома.

Пока вся эта масса чиновнаго и нечиновнаго народа собиралась и разстанавливалась въ Магнаврѣ, цари въ скарамангіяхъ и золотой каймою обшитыхъ плащахъ выходили изъ Хрисотриклина, гдѣ они дѣлали до этого времени ежедневный пріемъ, въ діаватики 40 мучениковъ и, сопровождаемые кувукліемъ, шли въ Сигму или полукругъ Триконха, гдѣ ихъ привѣтствовали и присоединялись къ нимъ маглавиты, этерія и хрисотриклиниты ¹⁾). Сопровождаемые всѣми этими чинами ближайшей своей свиты, цари изъ Сигмы направлялись по переходамъ храма Господа къ этому храму, молились здѣсь со свѣчами въ рукахъ и шли дальше по переходамъ, ведущимъ отъ храма Господа къ Магнаврѣ чрезъ Сакеллу и Оатъ, а оттуда чрезъ узкій переходъ въ Магнавру. Здѣсь, войдя боковымъ ходомъ въ восточную правую камару, вѣроятно, закрытую отъ залы, гдѣ стояли чины и народъ, цари садились внизу этой камары на приготовленные для нихъ золоченныя кресла и дожидались, пока препозиты приготовить все въ залѣ, необходимое для выхода царей, и разставятъ всѣхъ, явившихся въ собраніе при помощи церемоніарія и другихъ подчиненныхъ въ надлежащихъ мѣстахъ залы ²⁾). Когда цари сидѣли въ ожиданіи окон-

ведшія въ Магнавру снаружи. Что-же касается выраженія *δίδοται μεταστάσιμον*, то оно означаетъ не организацію собранія, а перемѣну мѣста собранія чиновъ и, когда при Византійскомъ Дворѣ сохранялась еще отчасти латинская терминологія, вмѣсто *δίδοται μεταστάσιμον* въ обрядахъ перемѣну мѣста собранія выражали словами: *γίνεται transfer* (Serim. II, 51, 699).

¹⁾ Хотя въ обрядѣ (I, 10, 545) сказано, что цари идутъ въ Магнавру, *δηριγεύμενοι ὑπὸ τε τοῦ κουβουκλείου καὶ τῶν μαγλαβιτῶν καὶ τῆς ἑταρείας*, но такъ какъ дальше (р. 546) упоминаются и хрисотриклиниты въ числѣ стоящихъ вокругъ царя, то можно думать, что и они сопровождали царя, отъ Сигмы по крайней мѣрѣ, гдѣ вмѣстѣ съ маглавитами и этерією во время большихъ выходовъ обыкновенно привѣтствовали и присоединялись къ кувуклію и хрисотриклиниты. См. выше, стр. 48.

²⁾ Лабартъ (Palais, 188) почему-то полагаетъ, что правою камарою называется тронная конха, такъ какъ, по его мнѣнію, правою и лѣвою стороною царь, составлявшій обрядъ, называлъ тѣ стороны Магнавры, которыя приходились направо для него, когда онъ входилъ въ Магнавру съ южной стороны. Все это измышленія сомого Л а б а р т а. Правою и лѣвою стороною въ Магнаврѣ, какъ въ Хрисотриклинѣ (см. Byzantina книга I, стр. 27), называются правая и лѣвая сторона отъ главнаго входа, бывшаго въ Магнаврѣ, какъ въ Хрисотриклинѣ, на западной сторонѣ. Правая восточная камара, слѣдовательно, будетъ та, которая находилась у юго-восточнаго угла залы. Далѣе Л а б а р т ъ, принявши правую камару за тронную конху, совершенно невѣрно думаетъ, что царь, сидя внизу правой камары, сидѣлъ на тронѣ и препозитъ вводилъ къ нему сановниковъ, стоявшихъ у наружной лѣстницы Магнавры. Ничего подобнаго въ текстѣ нѣтъ. Чины уже стояли въ залѣ и царь выходилъ къ нимъ изъ правой восточной камары, гдѣ онъ сидѣлъ на креслахъ,

чанія приготовленій къ ихъ выходу, ихъ окружали весь кувуклій, маглавиты, этеріоты и хрисотриклиниты.

Препозиты между тѣмъ по ступенямъ, ведущимъ изъ тронной камары въ залу, разстанивали съ обѣихъ сторонъ, т. е. въ два ряда, асикритовъ и нотаріевъ, которые, быть можетъ, должны были принимать участіе въ чтеніи рѣчи или поученія царя. На самой верхней ступени справа препозитъ становилъ логогета, протоасикрита и протонотарія, которые, стоя возлѣ самаго царя, могли хорошо слышать его рѣчь, если онъ считалъ нужнымъ сказать что нибудь, и громкимъ голосомъ передавать синклиту и всему собравшемуся народу слова царя или заранее приготовленную отъ его именную и написанную рѣчь ¹⁾.

и на тронъ въ тронной конхѣ не садился, а говорилъ стоя. Лабартъ смѣшиваетъ обрядъ понедѣльника первой недѣли Великаго Поста съ обрядомъ приѣма пословъ въ Магнаврѣ. Предъ приѣмомъ пословъ царь дѣйствительно садился на тронъ и вводились чины чрезъ запащныя двери (II. 15. 567). Въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго Поста ничего подобнаго не было.

¹⁾ Изъ вышеприведеннаго разсказа о послѣдней рѣчи Льва VI къ синклиту въ 1-й день первой недѣли Великаго Поста видно, что Левъ былъ очень боленъ и слабъ, а между тѣмъ ему приходилось говорить въ самой большой палатѣ многочисленному собранію чиновъ и представителей города Константинополя. Потому а priori можно предположить, что рѣчь произносилъ не самъ Левъ, а одинъ изъ тѣхъ чиновниковъ, которые стояли около царя, т. е. логогетъ, протонотарій и протоасикритъ, при чемъ царь могъ или говорить одному изъ этихъ чиновниковъ то, что онъ хотѣлъ сказать собранію, а чиновникъ громко произносилъ сказанное царемъ, или чиновникъ произносилъ или читалъ отъ имени царя заранее приготовленное и написанное царемъ или чиновникомъ и утвержденное царемъ. Возможно и другое. Что царь не самъ произносилъ рѣчь даже и тогда, когда онъ былъ здоровъ, на это указываютъ довольно многочисленные факты, свидѣтельствующіе, что царь говорилъ въ большихъ собраніяхъ всегда чрезъ посредника (διὰ μεσίτου). Такъ, Юстиніанъ предъ возмущеніемъ Ніа разговариваетъ съ Венетами и Прасинами чрезъ мандатора (Theoph. Chonogr. ed. de Boor, p. 182 сл.). Ариадна говорила рѣчь народу, собравшемуся въ Ипподромѣ, чрезъ λιβελλήσιος (= libellensis), точно такъ же какъ и Анастасій, послѣ избранія въ цари, возглашалъ народу свой манифестъ чрезъ λιβελλήσιος, который читалъ по λιβελλάριον (Const. Cerim. I. 92, 418, 423; ср. I, 91, 411 и I, 93, 429, гдѣ сказано, что λιβελλάριον отъ имени Юстина, при восшествіи его на престолъ, читался παρὰ λιβελλήσιον, потому что квестора на лицо не было, а магистръ (magister officiorum) Келеръ (Κέλερ) былъ боленъ ногами). Если бы эти сановники были на лицо, то, слѣдовательно, манифестъ читали бы они. Ливелларіи во всѣхъ этихъ случаяхъ приносились готовыми и составлялись соотвѣтствующими чиновниками. Точно также составлялись обыкновенно чиновниками и рѣчи, которыя произносилъ царь въ собраніяхъ чиновъ (στέφανον) и потому Киннамъ (Histor. I. VI. p. 290 Bonn.) отмѣчаетъ, какъ выходящій изъ ряду вонъ фактъ составленія рѣчи для произнесенія въ такомъ собраніи самимъ царемъ Мануиломъ Комниномъ (ὁ βασιλεὺς αὐτὸς συνετάξατο λόγον, οὐχ ὥσπερ εἰθιστο), но читалъ рѣчь отъ имени царя въ собраніи всетаки асикритъ (Ср. Comment. Дюканжа, p. 396 и Reiske Comment. ad Cerim. p. 231). По всей вѣроятности, и въ понедѣльникъ 1-й недѣли Великаго Поста рѣчь отъ имени царя произносилъ одинъ изъ стоявшихъ на ступеняхъ восточной конхи чиновниковъ, вѣроятно, протоасикритъ или протонотарій, а потомъ асикритъ читалъ собственно поученіе о соблюденіи поста, какъ значитъ въ I, 27. 155 или, наоборотъ, сначала читалось поученіе, а потомъ говорила рѣчь. Въ смыслѣ такого поученія нужно понимать, по всей вѣроятности, τὸ ἐπαναγνώστικόν, которое царь поручаетъ читать асикриту (послѣ рѣчи къ народу, царь ἐπιτρέπει ἀσικρήτη καὶ ἐπαναγινώσκει τὸ ἐπαναγνώστικόν).

По срединѣ, между двумя рядами нотаріевъ и асикритовъ, стоявшихъ на ступеняхъ, разстился коверъ (ἐπεύχιον), отъ верхней ступени до нижней.

Когда такимъ образомъ всѣ занимали свои мѣста и все было приготовлено къ выходу царей, препозиторы отправлялись въ ту камару, въ которой сидѣли цари и, наклонивши голову установленнымъ способомъ, докладывали царямъ, что все готово и что пора выходить къ собравшимся. Приглашая царей вставать съ своихъ креселъ, препозиторъ приподнималъ не много руками свой плащъ, т. е. дѣлалъ царямъ приглашеніе вставать или подавалъ знакъ не голыми руками, что считалось неприличнымъ, а покрытыми плащемъ или спрятанными подъ нимъ.

Цари вставали, выходили изъ правой восточной камары въ тронную конху, съ возвышеннымъ поломъ, и, выйдя за рѣшетку или балюстраду, отдѣлявшую восточную или тронную конху отъ залы, въ которой стояли собравшіеся чины и народъ, становились на коверъ (ἐπεύχιον ¹⁾), на самой верхней ступени, на зеленой плитѣ. Какъ только цари становились на свое мѣсто, препозиторъ давалъ знакъ собравшимся и всѣ хоромъ возглашали: „долголѣтнимъ содѣетъ Богъ святое царство ваше“ ²⁾.

¹⁾ Ἐπεύχιον, уменьш. отъ ἐπευχή (пишется также ἀπευχή, а вмѣсто ἐπεύχια пишется πευχία) означаетъ собственно коврикъ, который подстилался подъ ноги молящагося, особенно для молитвы съ колѣнопреклоненіемъ, потомъ ἐπεύχιον означаетъ коверъ церковный, а затѣмъ вообще коверъ, какъ и въ нашемъ обрядѣ. Нѣсколько большихъ мягкихъ ковровъ, украшенныхъ разными узорами и вытканными птицами, похожими на павлиновъ, подавала для храма Новой Великой Церкви извѣстная въ жизни Василия Македонянина Пелопоннисккая вдова Данилида. Разсказывая объ этомъ и описывая ковры, Константинъ Багрянородный, не называя прямо эти ковры ἐπεύχια, намекаетъ на это названіе этимологіею этого слова: ἀπέστειλε (Δαυηλὶς) ναχοτάπητας μεγάλους, τοὺς παρ' ἡμῶν ἀπὸ τῆς εὐχῆς τὸ ἐπώνυμον φέροντας... Theoph. Contin. de Basil. Maced. c. 76, p. 319. Ср. Д ю к а н ж ъ, Glossar. Gr. s. v. ἐπευχή и ναχοτάπης и Reiske, Comment, ad Constant. Cerim. p. 510.

²⁾ Въ I, 10, 546, строка 19—20 сказано: διὰ νεύματος τοῦ πραιποσίτου λέγει ἅπας ὁ λαὸς πολυχρόνιον. Л а б а р т ъ (Palais, 187) переводитъ это мѣсто такъ: sur un signe du Préposé l'assemblée tout entière s'écrie: Polychronion. Приведя далѣе, согласно съ текстомъ, этотъ полихроній вполнѣ, Л а б а р т ъ замѣчаетъ, что такова была формула восклицанія, которое называлось полихроніемъ. Совершенно вѣрно! А потому и нельзя переводить слова λέγει πολυχρόνιον словами s'écrie: Polychronion; λέγει πολυχρόνιον значитъ: говоритъ многолѣтіе, т. е. одну изъ формулъ многолѣтія, которыхъ было нѣсколько и которыя мы приводили въ предыдущихъ главахъ. Между тѣмъ, переводъ Л а б а р т а можетъ подать поводъ думать, что народъ восклицаетъ одно это слово: многолѣтіе! Такъ и понялъ это Didron въ свой статьѣ: Le palais imper. de Constantinople, которая напечатана въ его Annales Archéologiques, tome XXI и въ которой Дидронъ реферируетъ содержаніе книги Л а б а р т а о Дворцѣ. Здѣсь Дидронъ, между прочимъ, приводитъ (стр. 264—5) мѣсто изъ обряда понедѣльника первой недѣли Великаго Поста и послѣ Polychronion ставитъ уже знакъ восклицательный, такъ что выходитъ, что народъ будто бы восклицалъ: многолѣтіе! Но такого восклицанія никогда не произносилось, какъ видно изъ встрѣчавшихся намъ формулъ многолѣтія. Одна изъ этихъ формулъ только начинается словомъ: πολυχρόνιον, которая часто встрѣчалась намъ и прежде, разумѣется и здѣсь подъ πολυχρόνιον и

Когда всё смолкнута, царь начиналъ говорить слово, въ которомъ поучалъ собравшихся „въ чистотѣ и страхѣ Божиѣмъ проводить честную и святую Четырдесятницу“. Иногда, послѣ краткой рѣчи, царь приказывалъ асикриту читать поученіе по книгѣ о томъ же предметѣ.

По окончаніи поученія всё собравшіеся по знаку препозита опять возглашали: „долготѣнимъ содѣетъ Богъ святое царство ваше“. Когда всё смолкнута, царь осѣняетъ собравшихся крестнымъ знаменіемъ трижды, прежде всего прямо противъ себя, затѣмъ направо и, наконецъ, налево.

Послѣ этого, цари уходили опять въ правую восточную камару и садились на золоченныя кресла, а чины числа начинали пѣть свои обычныя для этого дня пѣснопѣнія и славословія ¹⁾). Пока совершалось это пѣніе, препозитъ, проводивши царей, выходилъ опять въ залу и дѣлалъ распоряженіе о разстановкѣ чиновъ синклита на пути царей изъ Магнавры въ св. Софіи, чтобы они могли его здѣсь привѣтствовать и сопровождать далѣе: они становились въ боковомъ западномъ портикѣ лѣвой стороны и ждали здѣсь шествія царей съ ближайшею ихъ свитою. Другіе, военные чины, участвовавшіе въ собраніи, разстанавливались, вѣроятно, въ другихъ мѣстахъ пути, и когда всё занимали свои мѣста, препозиты точно такимъ же образомъ, какъ предъ выходомъ царей для произнесенія рѣчи, кланяются и приглашаютъ царей шествовать въ храмъ св. Софіи. Цари встаютъ, выходятъ изъ Магнавры и, спустившись по лѣвой сторонѣ лѣстницы, ведущей въ Магнавру, входятъ въ вышеназванный портикъ, въ которомъ стояли чины синклита, которые ихъ здѣсь по обыкновенію привѣтствуютъ пожеланіемъ многолѣтія. Отсюда цари, предшествуемые синклитомъ и сопровождаемые чинами кувуклія, маглавитами и этеріею, входятъ чрезъ дверь, ведущую въ Палату Кандидатовъ, въ эту Палату, а изъ нея обычнымъ порядкомъ и путемъ чрезъ Палату Экскувитовъ, Школы

вполнѣ приведена чрезъ нѣсколько строкъ (I, 10, 547): *πολυρόμιον ποιήσει ὁ θεὸς τὴν βασιλείαν ὁμίῳν*. Кромѣ примѣровъ многолѣтія, встрѣчавшихся на страницахъ этого Очерка о формулахъ многолѣтій у Византійцевъ см. Du Cange, Gloss. Gr. s. *πολυρόμιον*, гдѣ приведены формулы многолѣтій царямъ и патріарху изъ Habertus, Pontificale. Ср. Reiske, Comment. ad Cerim. p. 87 и 92. Эти формулы многолѣтій перешли къ Византійцамъ отъ римско-византійской эпохи и, по всей вѣроятности, представляютъ большею частию переводъ съ латинскаго. Ср. выше, стр. 27 и 195 *μολτοσάννοι*. Латинскія формулы употреблялись и впослѣдствіи въ церковныхъ обрядахъ. См. Reiske, Comment. p. 92.

¹⁾ Начальникомъ числа (*ὁ ἀριθμὸς*), какъ мы видѣли выше (стр. 11), былъ друнгарій виглы или числа. Его подчиненные, какъ димы партій Цирка и чиновники, подчиненные квестору, кромѣ своихъ прямыхъ обязанностей, должны были въ извѣстныхъ случаяхъ славословить царей. Славословія эти, вѣроятно, были подобны вышеприведеннымъ славословіямъ димовъ, съ прибавкою пѣснопѣній. приличныхъ случаю и заключающихъ въ себѣ намеки на начало Поста. Но почему въ этомъ случаѣ пѣли чины числа, а не какіе-нибудь другіе отряды, сказать трудно.

и Халку цари идутъ въ Хитъ Халки и по этой галлерей доходятъ до св. Кладезя св. Софіи, гдѣ, взявши зажженные свѣчи, молятся предъ св. Кладеземъ, потомъ прикладываются къ нему и шествуютъ на встрѣчу патріарху, который съ духовенствомъ стоялъ у южныхъ большихъ дверей изъ св. Кладезя въ св. Софію, въ томъ мѣстѣ, гдѣ полагался для прикладыванія честной крестъ. Патріархъ по обыкновенію кадилъ подходящихъ царей и кланялся имъ, тѣ также кланялись, затѣмъ цѣловались съ патріархомъ и входили въ храмъ, куда чины синклита и значительная часть царской свиты входили раньше царей другими дверьми и стояли предъ правой стороной алтаря. Цари съ патріархомъ, войдя въ храмъ чрезъ южныя или правыя врата, шли чрезъ правую сторону храма къ св. вратамъ; патріархъ входилъ въ алтарь, а за нимъ, помолившись со свѣчами въ рукахъ и приложившись къ св. вратамъ, подводимымъ патріархомъ, слѣдовали цари. Во время шествія ихъ на солею, ихъ привѣтствовали стоявшіе здѣсь чины синклита и кувуклія. Въ алтарѣ цари по обыкновенію прикладывались къ покрову св. престола, патріархъ бралъ у своего кастрисія кадило и подавалъ старшему царю, который кадилъ вокругъ св. престола. Приложившись къ запрестольному распятію, цари и патріархъ шли чрезъ правую сторону алтаря къ малымъ южнымъ св. вратамъ, выходили чрезъ нихъ изъ алтаря и, дойдя до порфировыхъ колоннъ ¹⁾, цари здѣсь откланивались патріарху и на прощанье цѣловались съ нимъ.

Простившись съ царями, патріархъ уходилъ въ алтарь совершать часы (τρίτοῦ ἑκτῆς) ²⁾, а цари шли въ свой Мутаторій, гдѣ слушали до конца

¹⁾ О порфировыхъ колоннахъ была уже рѣчь при изложеніи интересующихъ насъ отдѣловъ топографіи св. Софіи (см. выше, стр. 17 и 18). Мы видѣли тамъ, что подъ порфировыми колоннами нужно разумѣть колонны, стоявшія въ правой и лѣвой алтарныхъ апсидахъ или нишахъ, которыя служили клиросами. Такъ какъ царь идетъ изъ алтаря чрезъ правую его сторону и выходитъ чрезъ южныя врата алтарной преграды, то, значитъ, здѣсь разумѣются порфировыя колонны правой ниши или праваго клироса, чрезъ который царь проходилъ въ діаконикъ (правый восточный квадратъ), а изъ него въ свой Мутаторій.

²⁾ Τρίτοῦ ἑκτῆς, (въ рук. τρίτοῦ ἑκτῆς, τριδέκτῆς), т. е. τρίτη καὶ ἕκτῃ объясняется разно. Goar, на основаніи позднѣйшаго употребленія этого слова въ греч. богослужебныхъ книгахъ, полагалъ, что при этихъ числительныхъ разумѣется слово φῶς и что подъ τριδέκτῆς разумѣется 3 и 6 пѣснь утренняго канона (Euchol., 2 ed., p. 108). Согласно съ Goar'омъ объясняютъ это слово Du Cange, s. v. in Gloss. Gr. и Reiske (Comment. ad Cerim. p. 232). Но въ Придворномъ Уставѣ 3-я и 6-я пѣсни утренняго канона отличаются отъ τρίτοῦ ἑκτῆς и называются τρίτη καὶ ἕκτῃ φῶς. Такъ, по обряду 1-го августа (II, 8, 538) и воскресенья Крестопоклонной недѣли Великаго Поста (II, 11, 549), во время утрени въ эти дни μετὰ τρίτην ἢ καὶ ἕκτῃ φῶς τοῦ ὁρδρου вынимался св. Крестъ и въ Сосудохранилищѣ намазывался благовоннымъ масломъ, а потомъ выставлялся для поклоненія и цѣлованія. Гораздо правильнѣе потому толкуетъ это слово покойный проф. Мансветовъ въ указанной уже статьѣ о Пѣсенномъ послѣдованіи (Прибавленія къ изданію Твореній св. Отцевъ, т. 26, стр. 1011 слѣд.). Проф. Мансветовъ видитъ въ три-

часы, а послѣ отпуска по витой лѣстницѣ, ведшей изъ Мутаторія въ катихуменіи поднимались наверхъ, въ катихуменіи. Оттуда чрезъ діаватики, которыя отъ Магнавры вели къ св. Софії и чрезъ которыя цари приходили въ храмъ св. Софії въ Недѣлю Православія и Крестовоздвиженіе, цари, сопровождаемые только нѣкоторыми чинами кувуклія, магавитами и этеріею, шли тайно (μυστικῶς) въ богохранимый Дворецъ, т. е. Хрисотриклинъ чрезъ Магнавру, т. е. діаватики этой палаты, діаватики Господа, Триконхъ и діаватики 40 мучениковъ. Чины синклита, „царскіе люди“ и прочіе чины кувуклія, кромѣ высшихъ и ближайшихъ къ царямъ, по окончаніи часовъ, прямо изъ храма св. Софії, расходились по домамъ и царей при обратномъ шествіи не сопровождали, такъ какъ понедѣльникъ первой недѣли Великаго Поста принадлежитъ къ числу дней будничныхъ, простыхъ, а не праздничныхъ. По этой же причинѣ и царь возвращался скрытыми, тайными переходами, въ сопровожденіи только своихъ ближайшихъ служителей и тѣлохранителей, а не парадно, какъ онъ возвращался въ праздничные дни.

Мы кончили изложеніе выходовъ Византійскихъ царей въ храмъ св. Софії въ церковные праздники въ IX — X вв., согласно съ тѣми обрядами, которые дошли до насъ въ Придворномъ Уставѣ Константина Багрянороднаго. Кромѣ вышеописанныхъ выходовъ, насколько можно судить по обрядамъ, перечню облаченій въ праздничные дни (I, гл. 37) и перечню царскихъ обѣдовъ въ праздничные дни, т. е. клиторологию атриклина Филоѳея, цари Византійскіе въ IX—X вв. другихъ выходовъ въ храмъ св. Софії въ церковные праздники не дѣлали, такъ какъ въ другіе праздники церковные они ходили или ѣздили въ другіе Константинопольскіе

трѣохѣтѣ (т. е. ὥρα) особую службу, столь же древнюю, какъ и вечерня съ утренею, часы 3-й и 6-й, за которыми слѣдовала литургія, полная или преждеосвященная. Первоначально третій—шестой часы составляли самостоятельную службу, не имѣвшую связи съ литургіею и совершавшуюся отдѣльно отъ обѣдни. На основаніи разсматриваемыхъ нами обрядовъ понедѣльника первой недѣли Великаго Поста, проф. Мансветовъ полагаетъ, что уже во время написанія этихъ обрядовъ трѣохѣтѣ слилась съ великопостною службою, собственно преждеосвященною литургіею. Хотя по расчету времени выходитъ, что часы (трѣохѣтѣ) совершались въ 9 или 10 часу дня по нашему счету часовъ, но о соединеніи трѣохѣтѣ съ литургіею ни изъ обрядовъ понедѣльника первой недѣли Великаго Поста, ни изъ обряда Великой Пятницы, когда царь слушалъ трѣохѣтѣ въ храмѣ св. Ирины, послѣ возвращенія изъ Влахернскаго храма, заключать еще, кажется, нельзя, такъ какъ о преждеосвященной литургіи ни тамъ, ни здѣсь не говорится. Очень возможно, что въ эти дни совершались только часы, которые и называются трѣохѣтѣ. Если бы за часами слѣдовала еще литургія, то объ этомъ было бы въ обрядахъ, по всей вѣроятности, упомянуто, т. е. было бы сказано, что царь ее слушалъ или уходилъ предъ началомъ ея.

храмы, городскіе и загородные, или совершали выходы въ дворцовые храмы.

Изъ представленнаго вниманію читателя изложенія выходовъ въ храмъ св. Софіи, позволяю себѣ думать, ясно видно, что выходы эти различались по своей торжественности и парадности, соотвѣтственно празднику, въ который они совершались. Въ началѣ изложенія всѣхъ этихъ выходовъ мы раздѣлили ихъ на три разряда или типа: 1) большіе выходы (въ великіе Господніе праздники), 2) средніе (въ нѣкоторые Богородичные праздники, Великую Субботу и одно время въ Антипасху) и 3) малые (въ Крестовоздвиженіе, Недѣлю Православія и понедѣльникъ первой недѣли Великаго Поста). Различаясь по торжественности и облаченію, эти выходы различались, какъ мы видѣли, и по пути шествія и мѣсту входа въ храмъ св. Софіи. Въ большіе выходы цари шли чрезъ Августей, гдѣ облачались, Консисторію и Халку и, выйдя изъ Дворца чрезъ большія ворота Халки на Августеонъ, входили въ храмъ съ Софіи чрезъ Орологій и красныя, западныя врата. Въ средніе выходы цари до Халки включительно шли тѣмъ же путемъ, какъ въ большіе, но, пройдя Халку, поворачивали направо къ малой желѣзной двери, ведшей въ Хитъ Халки, и чрезъ него выходили прямо къ св. Кладезю, а отсюда входили въ храмъ чрезъ южныя врата храма. Въ малые выходы цари шли до храма св. Софіи отъ Хрисотриклина по діаватикамъ чрезъ храмъ Господа и Магнавру и входили прямо въ катихуменіи, за исключеніемъ понедѣльника первой недѣли Великаго Поста, когда царь, дойдя по діаватикамъ до Магнавры, изъ Магнавры шелъ чрезъ Палату Кандидатовъ и далѣе къ св. Кладезю, какъ въ средніе выходы. Но такъ какъ и въ этотъ день цари ходили до Магнавры чрезъ діаватики, а не по параднымъ заламъ, а возвращались безъ всякой помпы прямо изъ катихуменій во Дворецъ по діаватикамъ же, то и этотъ выходъ причисленъ къ малымъ выходамъ, тѣмъ болѣе, что онъ совершался въ простой день (*ἡ παλαιὴ ἡμέρα*), а не праздничный.

По этимъ тремъ типамъ и этими тремя путями, хотя и съ нѣкоторыми отступленіями, цари шествовали въ храмъ св. Софіи въ царскіе дни и въ другихъ случаяхъ, когда, кромѣ вышеназванныхъ церковныхъ праздниковъ, они совершали выходы въ храмъ св. Софіи. Такъ, для коронаціи цари шли изъ Дворца чрезъ большія ворота Халки и входили въ храмъ св. Софіи чрезъ красныя врата, какъ въ большіе Господніе праздники, но съ нѣкоторыми отступленіями въ облаченіи и приемахъ во время шествія по дворцовымъ заламъ (I, 38, 192). Для крещенія поворожденнаго царевича также дѣлался выходъ въ храмъ св. Софіи, по обычаю большихъ праздниковъ (II, 22, 620), а въ прежнія времена, кромѣ дня крещенія, и

на другой день послѣ рожденія царевича, царь дѣлалъ выходъ въ св. Софію, „по типу большихъ выходовъ“ (II, 21, 616—617). Къ сожалѣнію, за отсутствіемъ подробностей въ двухъ послѣднихъ обрядахъ, нельзя сказать навѣрно, какъ собственно совершался выходъ въ эти дни, по типу ли самыхъ торжественныхъ и большихъ выходовъ или среднихъ ¹⁾).

Для празднованія побѣды надъ непріятелемъ и совершенія обряда триумфа на форѣ Константина, цари, какъ уже было замѣчено, (см. выше, стр. 37), совершали выходъ въ храмъ св. Софіи совершенно такъ же, какъ въ Рождество Богородицы и Благовѣщеніе, т. е. по типу среднихъ выходовъ ¹⁾). Для хиротоніи патріарха цари или совершали большой выходъ, если хиротонія совершалась въ большой Господній праздникъ, или малый, если она совершалась въ другой праздничный день, въ который выхода большого въ храмъ св. Софіи не полагалось. Такъ, для хиротоніи Оеофилакта, которая происходила въ Срѣтеніе, когда цари обыкновенно ѣздили во Влахернскій храмъ, Романъ и малые цари шли въ храмъ св. Софіи совершенно такъ же, какъ въ Недѣлю Православія и, облачившись въ катихуменіяхъ, сошли по большой витой лѣстницѣ въ атрій, а изъ него вошли въ храмъ св. Софіи чрезъ красныя врата. По окончаніи хиротоніи, цари ушли въ Мутаторій, а оттуда по витой лѣстницѣ, находящейся у св. Кладезя, поднялись въ катихуменіи и, прослушавъ тамъ евангеліе, возвратились во Дворецъ чрезъ діаватики, т. е. тѣмъ же путемъ, какимъ пришли (II, 14, 565—6; II, 38, 635—6).

Такъ какъ, выходы въ эти и подобные имъ царскіе дни и государственные праздники принадлежатъ къ другаго рода придворнымъ торжествамъ, мы не станемъ ихъ здѣсь излагать и разсматривать, тѣмъ болѣе что собственно выходы въ храмъ св. Софіи, составляющіе главное содержаніе этой книги, совершались въ эти дни такъ же, какъ и въ церковные празд-

¹⁾ Сравн. выше, стр. 38, прим. 1.

²⁾ Обрядъ этотъ находится въ *Serim.* II, 19, 607: *ὅσα δὲ γίνεσθαι, θριάμβου τελευτήν τε ἐν τῷ Φόρῳ μετὰ λιτῆς*. Онъ довольно картинно и краснорѣчиво изложенъ въ книгѣ г. Шлумбергера, *Un Empereur Byzantin, Nicéphore Phocas*, Paris, 1890, стр. 101 и слѣд. Къ сожалѣнію, почтенный авторъ, быть можетъ, введенный въ заблужденіе книгою Лабарта о Большомъ Дворцѣ, смѣшиваетъ площадь Константина (*forum Constantini*), часто называвшуюся у греч. средневѣковыхъ писателей однимъ словомъ *ὁ Φόρος*, съ площадью Августеономъ. Потому г. Шлумбергеръ говоритъ, что столбъ Константина находился на площади Августеонѣ и краснорѣчиво описываетъ эту площадь, какъ сцену празднованія триумфа. На самомъ дѣлѣ колонна Константина, которая и теперь еще стоитъ на своемъ мѣстѣ, хотя и значительно изуродованная временемъ, была на форѣ Константина, на западъ отъ св. Софіи и Августеона. Г. Шлумбергеръ между тѣмъ такъ увѣренъ въ тождествѣ Фора и площади Августеона, что даже въ переводѣ вышеприведеннаго заглавія 19 главы II кн. Придворнаго Устава *ἐν τῷ Φόρῳ* переводитъ посредствомъ *au Forum d'Augustéon* (р. 104). О смѣшеніи Лабартомъ *forum'a* Константина съ площадью Августеономъ см. выше, стр. 93 и *Byzantina*, I кн., стр. 141.

ники, въ которые цари, по вышеуказаннымъ тремъ типамъ, совершали большіе, средніе и малые выходы въ храмъ св. Софіи.

Отлагая изложеніе обрядовъ, совершавшихся въ царскіе дни и государственные праздники, до другаго очерка, мы считаемъ необходимымъ сказать здѣсь вкратцѣ о праздничныхъ выходахъ въ св. Софію въ послѣднія времена Византійскаго Царства, какъ ихъ описываетъ Кодинъ въ своемъ сочиненіи *de officialibus Palatii Constantinopolitani et de officiis Magnae Ecclesiae*, тѣмъ болѣе, что времена, обычаи и обстановку, описанные Кодиномъ, столько же часто, сколько и не справедливо смѣшиваютъ съ временами Придворнаго Устава Константина Багрянороднаго, что приводитъ, какъ уже было замѣчено (выше, стр. 4) къ большой путаницѣ понятій. Стоитъ только прочесть въ сочиненіи Кодина праздничные обряды (гл. VI—XV, р. 43—82 Bonn.) и сравнить ихъ съ вышеизложенными обрядами Придворнаго Устава Константина Багрянороднаго, чтобы убѣдиться, что отъ обычаевъ и обстановки X—XI вв. къ концу существованія Византійскаго Царства оставалось сравнительно очень немного и между придворными порядками этихъ двухъ эпохъ огромная разница. Такъ какъ послѣ изгнанія латинянъ византійскіе цари жили во Влахернскомъ Дворцѣ, въ которомъ были, какъ и въ Большомъ Дворцѣ, дворцовые храмы, то цари въ большіе праздники дѣлали выходы въ эти храмы, гдѣ совершалъ литургію не патріархъ, а протопопъ. Такихъ пріемовъ со стороны чиновъ и димовъ, съ которыми мы познакомились при описаніи выходовъ по Придворному Уставу Константина Багрянороднаго, уже не было. Составъ чиновъ измѣнился почти до неузнаваемости, а отъ славословій димовъ остались только одни воспоминанія въ видѣ славословій церковныхъ пѣвчихъ и игрѣ на органахъ. Выходы царя въ храмъ и присутствіе въ храмѣ совершались гораздо проще и совершенно при другой обстановкѣ.

Отъ прежнихъ торжественныхъ выходовъ царей въ великіе Господ-

¹⁾ Относительно прекращенія игръ въ Ипподромѣ и запусѣнія Ипподрома см. Rambaud, *de Byzantino Hippodromo et de Circensibus Factionibus*, Paris, 1870, р. 82, гдѣ почтенный ученый говоритъ, что Алексѣй I Комнинъ *ultimus prope imperatorum qui equestribus ludis praefuerunt*. Благочестивые крестоносцы, по взятіи города въ 1204 г., способствовали запусѣнію и самаго мѣста прежнихъ скачекъ, похитивши украшавшія произведенія искусства, такъ что уже въ 13 в. говорятъ объ Ипподромѣ и его играхъ, какъ о предметахъ старины (*ut re obsoleta atque iam diu praeterita*). Остатки праздничныхъ славословій, которыя прежде пѣли димы, однакожь сохранились въ пѣніи соотвѣтствующихъ празднику стиховъ церковными пѣвчими и игрѣ на органахъ и другихъ инструментахъ. Славословія эти пѣлись, когда цари послѣ службы показывались народу въ полной парадной формѣ, по особо установленному порядку (Codin. *de offic.*, с. VI, р. 49 и 53) въ такъ называемомъ *прѣходѣ*.

іе праздники въ храмъ св. Софїи остались только незначительные слѣды, сохранившіеся благодаря традиціонному обычаю ходить въ эти праздники въ храмъ св. Софїи, вѣроятно, долго державшемуся даже и по переходѣ царей изъ Большаго, стараго Дворца во Влахернскій. Но обычай этотъ, по разнымъ причинамъ, постепенно ослабѣвалъ, выходы или выѣзды ограничивались и сокращались, а во времена Коди на эти выѣзды сократились до minimum'a и уже не имѣли того великолѣпія и блеска, съ которыми они совершались прежде. По словамъ Коди на, царь съ чинами бывалъ въ св. Софїи изъ великихъ Господнихъ праздниковъ только въ первый день Пасхи и Троицынъ день ¹⁾, да и то приходилъ не къ литургіи, а къ вечернѣ. Вотъ что мы находимъ у Коди на объ этихъ выходахъ царей въ св. Софїю: „въ вечерній часъ (въ 1-й день Пасхи) царь отправляется въ св. Софїю и, когда царь слушаетъ вечернія пѣснопѣнія, патріархъ кадитъ его и чиновниковъ. А въ древнее время былъ такой обычай: во время этой вечерни царь входилъ въ алтарь и кадилъ св. престоль, а клирикамъ (т. е. священно- и церковно-служителямъ св. Софїи) давалъ въ даръ изъ вестіарія (казначейства) сто литръ золота. Теперь этого не бываетъ“ (De offic. с. XIV, р. 76—77).

Въ Тронцу „если патріархъ дома, царь въ часы вечерни отправляется въ св. Софїю и слушаетъ читаемыя патріархомъ молитвы Василия Великаго, стоя возлѣ діаконика. Если же нѣтъ (патріарха), то царь слушаетъ эти молитвы, читаемыя протопопомъ, во (Влахернскомъ) дворцѣ“ ²⁾.

Вотъ все, что къ концу существованія Византійскаго Царства осталось отъ торжественныхъ выходовъ въ храмъ св. Софїи въ великіе Гос-

¹⁾ Какъ древніе византійскіе цари дѣлали выходы и выѣзды въ другіе Константинопольскіе храмы въ извѣстные праздники, такъ и послѣдніе византійскіе цари ходили и ѣздили въ разные храмы и монастыри въ престольные праздники храмовъ и монастырей. Въ числѣ такихъ выѣздовъ Коди нъ (de offic., с. XV, р. 80—82) упоминаетъ и три выѣзда въ храмъ св. Софїи, кромѣ Пасхи и Троицына дня, а именно: въ Недѣлю Православія, въ Успеніе пресв. Богородицы и въ день памяти Іоанна Златоуста. Въ два послѣдніе праздника царь приходилъ въ храмъ св. Софїи наканунѣ, слушалъ вечерню, по окончаніи которой поднимался въ Патріаршія Палаты, ночевалъ тамъ, а на другой день спускался въ храмъ, слушалъ литургію и уходилъ опять во Влахернскій Дворецъ. Въ Недѣлю Православія цари, вѣроятно, ходили въ храмъ св. Софїи изъ храма Влахернской Богоматери крестнымъ ходомъ, вмѣстѣ съ патріархомъ и духовенствомъ, и такимъ образомъ совершали крестный ходъ предъ литургіею, установленный въ память возстановленія иконопочитанія въ 842 г., какъ объ этомъ было сказано выше, стр. 244 и сл. Коди нъ замѣчаетъ, что въ Недѣлю Православія, когда читался синодикъ, царь стоялъ, а когда говорились славословія въ честь царя, онъ сидѣлъ на тронѣ.

²⁾ Codin de offic., с. XV, р. 78 Bonn. послѣдняя строка переведеннаго мѣста читается такъ: εἰ δ' οὖν, ἐν τῇ Παλατίῳ παρὰ τοῦ πρωτοπαπᾶ (т. е. ἀκούει ὁ βασιλεὺς τὰς τοῦ Μεγάλου Βασιλείου εὐχάς). Здѣсь, очевидно, вмѣсто εἰ δ' οὖν слѣдуетъ читать εἰ δ' οὐκ, т. е. εὐρίσκειται ὁ πατριάρχης. Ср. с. XVII, р. 90, л. 22: εἰ δ' οὐκ ἔστι πατὴρ αὐτοῦ, ποιῇ τοῦτο μόνος ὁ πατριάρχης.

подніе праздники. К о д и н ѣ объ этихъ выходахъ даже и не знаетъ. Для него кажутся древними даже тѣ времена, когда цари во время Пасхальной вечерни еще входили въ алтарь, кадили св. престолъ и дарили духовенству св. Софіи сто литръ золота. Эти времена, когда цари были еще на столько богаты, что могли, подобно царямъ IX—X вв., жертвовать хоть разъ въ годъ по 100 фунтовъ золота, давно миновали; во времена К о д и н а торжественныхъ встрѣчъ и входа давно уже не было и вся церемонія встрѣчи ограничивалась только тѣмъ, что патріархъ кадилъ царя и чиновъ, какъ священникъ и діаконъ кадитъ всѣхъ предстоящихъ.

Утреню и литургію въ эти, равно какъ и въ другіе большіе праздники, царь слушалъ въ дворцовомъ храмѣ. Считая описаніе всѣхъ этихъ выходовъ въ праздники не входящимъ въ нашу настоящую задачу, мы остановимся только на Пасхальномъ обрядѣ, тѣмъ болѣе, что въ немъ излагается вкратцѣ обрядъ христосованія, напоминающій такой - же обрядъ въ IX—X вв., а до нѣкоторой степени и обрядъ христосованія съ чинами русскихъ царей въ до-Петровскую эпоху ¹⁾.

При изложеніи выходовъ въ большіе праздники, мы видѣли, что цари въ IX—X вв. ходили въ храмъ св. Софіи въ Господніе праздники, въ томъ числѣ и въ Пасху, только къ литургіи, и выходы начинались послѣ утрени, предъ литургіею. Утреню въ эти праздники, очевидно, цари слушали въ одномъ изъ дворцовыхъ храмовъ и ходили туда безъ особенныхъ церемоній, просто и безъ большой свиты, сопровождаемые, вѣроятно, только ближайшими чинами кувуклія, находившимися постоянно или дежурившими во Дворцѣ. По этой, вѣроятно, причинѣ о хожденіи царей къ утрени въ обрядахъ ничего и не говорится, какъ объ обычномъ фактѣ домашней жизни ихъ, а не публичной, общественной, какъ не говорится о домашнемъ времяпрепровожденіи и частныхъ занятіяхъ царей въ ихъ внутреннихъ покояхъ. Но фактъ хожденія царей къ утрени въ большіе, по крайней мѣрѣ, праздники весьма вѣроятный а priori, подтверждается случайными упоминаніями объ этомъ у другихъ писателей. Такъ, между прочимъ, извѣстно, что Левъ V Армянинъ былъ убитъ заговорщиками во время утрени въ Рождество Христово, когда царь не только былъ на утрени, но и принималъ участіе въ чтеніи и пѣніи вмѣстѣ съ чтецами и пѣвчими ²⁾.

¹⁾ О христосованіи съ боярами, дворянами, дьяками и пр. русскихъ царей, совершавшихъ этотъ обрядъ у южныхъ дверей храма и жаловавшихъ при этомъ къ рукѣ и раздававшихъ яйца, см. Забѣлина, Бытъ Русскихъ Царей, стр. 335 (1-е изд.).

²⁾ Объ этомъ фактѣ см. въ Обзорѣ главныхъ частей Большаго Дворца и приложеніи къ нему, Byzantina, I кн., стр. 123 и 149, гдѣ указаны свидѣтельства историковъ объ этомъ событіи.

Утреню совершали не патріархъ, а придворный клиръ (ὁ βασιλικὸς ἀρχιερεὺς), священно и церковнослужители того придворнаго храма, въ которомъ царь слушалъ утреню.

Въ послѣдніе вѣка Византійскаго царства, цари слушали не только утреню, но и литургію въ дворцовомъ храмѣ, безъ участія патріарха въ богослуженіи, которое совершалось придворнымъ духовенствомъ, съ протопопомъ во главѣ, но такъ какъ эти выходы въ дворцовый храмъ замѣнили прежніе парадные выходы въ храмъ св. Софіи, то въ выходахъ участвуютъ чины, и выходы въ дворцовый храмъ получаютъ болѣе парадный и торжественный характеръ, чѣмъ прежніе выходы царей къ утрени, но далеко не такой парадный, какъ прежніе выходы къ литургіи въ храмъ св. Софіи.

Утрени въ Великое Воскресенье Пасхи совершалась въ третьемъ или четвертомъ часу дня (= 9 или 10 по нашему). Царь облачался въ такія одежды, въ какія ему угодно было ¹⁾, а сановники и чиновники въ присвоенныя имъ парадныя облаченія. Когда царь и чины приходили въ нарокъ храма, выходилъ протопопъ и подавалъ царю большую восковую свѣчу (λαμπάδα), а сановникамъ раздавали свѣчи придворные чиновники. При закрытыхъ дверяхъ изъ нарѣка въ храмъ, протопопъ, послѣ кажденія, начиналъ службу возгласомъ: „слава святѣй, единосущной, животворящей и нераздѣльной Троицѣ, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“. Когда пѣвчіе пропоютъ: „аминь“, протопопъ пѣлъ трижды тропарь Воскресенія: „Христосъ воскресъ“ и пр., который потомъ пѣли пѣвчіе также трижды. Послѣ пѣнія стиховъ: „да воскреснетъ Богъ“ и пр. и ектеніи τὰ ἐρημικά (т. е. миромъ Господу помолимся), протопопъ открывалъ собственноручно двери и всѣ входили при пѣніи первой пѣсни канона: „Воскресенія день, просвѣтимся, людие“ и пр. ²⁾. По окончаніи утрени, протопопъ съ евангеліемъ, а архидіаконъ съ крестомъ выходили изъ алтаря и становились предъ царскими вратами для христосованія съ царемъ и чинами. Подходилъ царь и, приложившись къ евангелію, христосовался съ протопопомъ, потомъ прикладывался ко кресту, который держалъ архидіаконъ, и христосовался съ архидіакономъ. Между тѣмъ, въ палатѣ,

¹⁾ Такъ какъ царь имѣлъ нѣсколько парадныхъ и праздничныхъ облаченій, которыя частью названы въ разныхъ мѣстахъ и по разнымъ случаямъ у К о д и н а, то онъ выбиралъ для того или другаго праздничнаго выхода въ храмъ, какія ему было угодно. Определенныхъ для каждаго праздника облаченій, значить, уже не было.

²⁾ Cod. de offic., с. XIV, р. 74. У насъ входъ бываетъ нѣсколько раньше, до ектеніи: послѣ пѣнія стиховъ и тропаря пѣвчими, «поетъ настоятель высшимъ голосомъ: «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ» и отверзаетъ врата», затѣмъ входитъ со всѣми священнослужителями въ храмъ, при пѣніи пѣвчихъ: «И сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ». По входѣ въ церковь, произносятся ектенія (Никольскій, Пособіе къ изученію Устава Богослуженія Прав. Церкви, стр. 591).

прилежавшей къ храму, приготавлился тронъ. Царь выходилъ изъ храма и садился на тронъ. Къ царю подходили сановники и чиновники отъ самыхъ высшихъ до самыхъ малыхъ, кланялись ему въ землю, цѣловали царя въ ногу, потомъ вставали и цѣловали царя въ руку и, наконецъ, въ правую щеку.

Пока происходило это христосованіе, въ храмѣ совершалась тихо литургія, такъ что въ палатѣ, въ которой происходило христосованіе, службы не было слышно. Предъ чтеніемъ апостола, христосованіе кончалось, двери, ведущія изъ палаты въ храмъ, открывались, входилъ царь и слушалъ литургію, по окончаніи которой царь уходилъ въ столовую и обѣдалъ въ присутствіи чиновъ по особому чину, соблюдавшемуся только въ пять большихъ праздниковъ: Рождество Христово, Крещеніе, Вербное Воскресеніе, Пасху и Троицынъ день ¹⁾. Затѣмъ, вечеромъ, какъ мы видѣли, царь ходилъ къ вечерни въ св. Софію.

Изъ этого обряда видно, что какъ выходы царей, такъ и присутствіе ихъ въ храмѣ въ большіе праздники въ послѣднія времена существованія Византійскаго царства совершались несравненно проще, нежели во времена Македонской династіи, когда цари въ эти праздники ходили въ храмъ св. Софіи, встрѣчались патріархомъ, принимали участіе въ маломъ и большомъ входѣ, совершали цѣлованіе любви и пріобщались св. Таинъ по особому чину подъ обоими видами отдѣльно.

Ничего подобнаго въ послѣднія времена Византійскаго царства не было; цари слушали не только утреню, но и литургію въ дворцовомъ храмѣ, служба совершалась, безъ участія патріарха, придворнымъ протопопомъ, царь не принималъ участія въ выходахъ, не встрѣчался и не провожался духовенствомъ и не пріобщался св. Таинъ во всѣ большіе праздники. Всѣ эти особенности царскихъ выходовъ, которые дѣлали ихъ особенно торжественными и блестящими, вышли изъ употребленія и соблюдались только въ самый важный и торжественный для царя день, — въ день коронаціи, когда единственно цари входили въ храмъ св. Софіи почти такъ же торжественно, какъ цари X в. во всѣ большіе Господніе праздники, принимали участіе въ выходахъ и пріобщались св. Таинъ подъ обоими видами отдѣльно и притомъ въ алтарѣ, какъ мы видѣли.

¹⁾ Codin de offic., c. XIV, p. 74—76. Кромѣ чиновъ синклита, съ царемъ христосовался потестать (потестάτος) Генуезцевъ, но Венеціанцы не христосовались по причинамъ, которыя К о д и н ъ здѣсь указываетъ. — Интересный обрядъ царскаго обѣда въ присутствіи стоящихъ здѣсь же чиновъ, изъ которыхъ каждый получаетъ по блюду съ кушаньемъ и отласть своему слугѣ (для отправленія домой), изложенъ въ Рождественскомъ обрядѣ (с. VII, p. 59 слѣд.). Блюда, золотыя и серебряныя, потомъ возвращались опять въ царскій вестіарій. Только блюдо, которое получалъ великій domestikъ, не возвращалось, а поступало ему въ подарокъ. Праздники, въ которые совершались такіе парадные обѣды въ присутствіи чиновъ, перечислены p. 64.

Пасхальный выходъ, совершавшійся въ X в. въ лорахъ съ особою торжественностію, подобающею Празднику Праздниковъ, совершается такъ же, какъ и другіе, и отличается только христосованіемъ (ἀσπασμός), которое наиболѣе сохранило свои древнія черты. Но и оно совершалось гораздо проще и скорѣе, нежели въ прежнія времена, когда для христосованія вводили къ царю чиновъ съ довольно сложными вышеописанными церемоніями ¹⁾).

Принимая во вниманіе всѣ эти отличительныя черты позднѣйшихъ выходовъ въ большіе праздники, ихъ нельзя приравнять ни къ одному изъ разсмотрѣнныхъ нами типовъ выходовъ въ св. Софію уже по тому одному, что они совершались въ предѣлахъ дворца, а не были выходами въ близъ лежащій самостоятельный храмъ, который соотвѣтствовалъ бы храму св. Софіи.

Позднѣйшіе выходы въ большіе Господніе праздники, какъ они описаны Кодиномъ, всего болѣе походятъ на выходы царей въ дворцовые храмы, которые частію происходили, при участіи чиновъ всего синклита и патріарха, частію совершались просто, при участіи только ближайшей свиты царя, а иногда и высшихъ чиновъ синклита. Эти выходы въ дворцовые храмы мы выдѣлили въ особую группу и отнесли ихъ къ выходамъ 3-го рода (см. выше, стр. 36). Изложеніе обрядовъ этихъ выходовъ составитъ содержаніе одного изъ слѣдующихъ очерковъ, гдѣ умѣстнѣе будетъ разсмотрѣть и выходы, совершавшіеся позднѣйшими византійскими царями въ церковные праздники. Въ настоящемъ очеркѣ имѣлось въ виду дать по возможности обстоятельное и ясное описаніе выходовъ царей въ храмъ св. Софіи, и выходы временъ Кодина упомянуты только для сравненія съ выходами въ большіе праздники въ IX—X вв. Потому выше сдѣланныя замѣчанія относительно выходовъ въ позднѣйшія времена мы считаемъ достаточными для настоящей цѣли, а свою задачу оконченною.

¹⁾ Вводъ чиновъ по βῆλα, описанный выше, замѣненъ былъ приглашеніемъ чиновъ разныхъ ранговъ разными высшими сановниками. Когда царь входилъ въ тронную палату и становился на свое мѣсто или садился на тронъ, выходилъ протовестіаритъ въ смежное помѣщеніе, гдѣ стояли чины, и приглашалъ войти въ залу собранія (εἰς τὴν παράστασιν = προέλευσιν) самыхъ высшихъ чиновъ; затѣмъ выходилъ великій этеріархъ и вводилъ второй, большій отдѣлъ чиновъ; наконецъ, выходилъ примикирій Двора и приглашалъ всѣхъ остальныхъ чиновниковъ, которые уже обыкновенно называются οἱ ἄρχοντες, а не ἡ σύγκλητος и т. п., какъ въ Придворномъ Уставѣ Константина Багрянороднаго (Cod. de offic., c. V, p. 34—35). Какъ видитъ читатель, это нѣсколько напоминаетъ вводъ по βῆλα, но процедура гораздо проще и скорѣе; да и сановники фигурируютъ въ ней совсѣмъ другіе, которые прежде вводомъ чиновъ не занимались, такъ какъ это лежало на особыхъ и совершенно другихъ спеціально церемоніальныхъ чиновникахъ (ср. Byzantina, кн. I, стр. 174, прим. 2).

УКАЗАТЕЛЬ ¹⁾.

Августей, см. Дафна. Августеонъ, XVIII, XX, 9, 85, 86, 91, 92, 93, 95, 98, 139, 160, 258. Адмиссіоналій, 14, 17. Adoratio, 3, 19, 20. Акакія, анексиакакія (ἀκακία, ἀνεξικακία), 76, 167, 206—207, 208, 211, 213, 217, 218. Аколуѡтъ (ὁ ἀκόλουθος), 14, 17, 30, 31, 32, 33. Ἀκτα, акта, актологіи (ἀκτολογία), см. Слavo-словія. Ἀλεϊπτά, 182 (183). Александръ (діакъ), 133. Александръ, братъ Льва VI, XXXV, 231, 249. Алексіада Анны Комнины, 142. Алексѣй I Комнинъ, 142, 259. Алексѣй III Комнинъ (Ангель), 100, 162. Алтарь храма св. Софіи, см. св. Софія. Амаѡонское море, 226. Амвонъ св. Софіи, см. св. Софія. Св. Амвросій Медиоланскій, 163, 173. Ἀναγόρευσις (провозглашеніе императоровъ), XXXII. Анастасій (491—518), XXXI, XXXII, 53, 54, 252. Анна (вдова), 120, 147. Анонимъ (= Кодинъ), 94, 96, 114, 125, 126, 127, 129, 146, 147, 149. Антиграфей, 10, 15, 16, 33. Антиминсъ, 174, 175; антиминсъ царскій, 173, 174, 175.	Антипасха, XXXIX, 37, 38, 233. Антоній Новгородскій, 45, 96, 97, 110, 120, 121, 127, 133, 138, 139, 140, 146, 147, 148, 149, 156, 162, 163. Анеипатисса, 210. Анеипать, 42, 61, 63, 64, 205, 207. Ἀπελατικός, 83. Апокомвій (епискомвій, ἀποκόμβιον, ἐπισκόμβιον), 156, 157—158, 160, 161, 183, 184. Ἀπόκριμα, см. Отвѣтъ. Апокрисиаріа, 58. Апоэпархій, 66. Апсида, 13, 15; апсида Триконха, см. Триконхъ. Аргиръ (ὁ ἄργυρος), 181. Ἀργυροπράτης, 181. Аріадна, XXXI, 2:2. Аркадій (императоръ), XXI. Аркульфъ, 120, 240. Арсеній патріархъ, 142. Архидіаконъ, 150, 151, 153, 166, 181, 262. Архіерей, 69, 125, 152, 165, 171; архіереи русскіе, 57. Ἀρχοντες τοῦ κουβουκλείου, 47, 48, 62. Асикрити, 9, 17, 18. Асикритъ, 66, 252, 253, 254. Ἀσπασμός, см. Цѣлованіе любви. Атриклинъ, 30, 33. Аудіенціи посламъ, см. Обряды. Аѡанасій патріархъ, 109. Аѡиръ, см. св. Софія.

¹⁾ Указатель составленъ магистрантомъ С. Д. Рузскимъ, который весьма усердно помогать мнѣ и при корректированіи, почему считаю для себя пріятнымъ долгомъ выразить здѣсь ему искреннюю благодарность за оказанную мнѣ помощь.

Βαδραχινъ (надъ пулыитомъ, *καρϋλαχιν*), 66, 67.
 Βαδунъ I, 41.
 Βαδунъ II, 46.
 Βανι Зевксина, 93, 94.
 Βαρмы (*barmus*), см. Оплече.
 Βεσѣдка царская (*φίνα*) въ Палатѣ 19 аккувитовъ, 201, 203.
 Βελοуѣщеніе, 37, 38, 43, 47, 158.
 Βαλεντινιανъ, 163, 173.
 Βαλτιδίου, 53.
 Βαλтеръ, епископъ іоркскій, 168.
 Βανδύ (*βάνδον*), 70, 71.
 Βανδοφόροι, 71.
 Βασιλεύς, XII—XIII.
 Οἱ βασιλικοί, см. Царскіе.
 Βασιλεωπάτωρ, 234.
 Св. Βασίλειος Великій, 27, 260.
 Βασίλειος I Македонянинъ, XXXIV, XXXVI, XXXVIII, XL, XLI, 10, 39, 48, 52, 70, 91, 93, 95, 97, 150, 231, 232, 233, 247, 253; торжественный въѣздъ его въ Константинополь, 70, 91, 93; день его коронаціи, 48, 52; празднованіе его памяти (29 августа), 39.
 Βασίλειος II Болгаробойца, XXVIII, 23, 24, 28, 57, 64, 171.
 Βασίλειος (паракимоменъ, парадинастевонтъ), 14, 28, 29.
 Βῆλον *συστόν*, *αἰρόμενον*, см. Завѣсы дверныя.
 Βῆλον *ταγηνάριον*, *βῆλα ταγηνάρια*, 30; *βῆλον ταγηνάριον* въ Юстиніанѣ, см. Юстиніанъ.
 Βῆλα, *vela*, см. Ранги чиновъ.
Vela, см. Скипетры римскіе.
 Великій папія, см. Папія.
 Великій этеріархъ, см. Этеріархъ.
 Βεργίον, см. Жезль.
 Веститоры, 35, 44, 45, 46, 48, 50, 51, 58, 59, 66, 194, 206.
 Вестиарій (*βεστιάριον*), см. Ризница царская.
 Вѣдомство вестиарія (*τὸ ἀέκρετον τοῦ βασιλικοῦ βεστιαρίου*), 10.
 Вечерня, 7, 263.
Virga Mosaica, XVIII.
 Вить (*βίτ*) (возгласъ препозита), 195.
 Владиміръ Святой, XII, XIII.
 Влахернскій дворець, 4, 36, 41, 58, 69, 129, 260.
 Вона дворець, 29.
 Ворота большія Халки, см. Халка.
 Ворота золотыя, 45, 91, 92, 93.
 Ворота св. Эмилиана, 45.
 Воскресенье Крестопоклонное, 34; Воскресенье Христово (*ἡ Μεγάλη Ἡμέρα*, *Μεγάλη Κυριακή*), 17, 24.

Βραβείον магистра, 53.
 Врата храма св. Софіи, красныя, западныя, южныя, см. св. Софія.
 Врумаліи, 11, 161.
 Всенощная, 26.
 Βουχάλαι (*vocales*), 192.
 Вукелеонтъ (дворецъ), 45.
 Выходныя книги, XXX.
 Выходы царей: ежедневные выходы и приемы, 6 и слѣд.; воскресные выходы, 26 и слѣд.; праздничные выходы, 36 и слѣд.; большіе выходы въ храмъ св. Софіи въ великіе Господніе праздники: Рождества, Крещенія, Воскресенья, Пятидесятницы и Преображенья, 36 и слѣд.; средніе выходы, 37, 39, 220; выходъ въ Антипасху (при Βασίλειи Македонянинѣ), 220, 221, 229 и слѣд.;—въ Благовѣщеніе, 95, 220 и слѣд.;—въ Рождество Богородицы, XVII, XXXVII, 220, 221;—въ Великую Субботу, XXXVII, 145, 220, 221, 224 и слѣд., 235, 236;—въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли, XVII, 38, 65, 68, 220;—въ праздникъ воссоединенія церкви, 220, 233 и слѣд.; малые выходы, 38, 40, 237; выходъ въ Крестовоздвиженіе, 38, 237—244;—въ По-недѣльникъ первой недѣли Великаго поста, 38, 117, 250—256;—въ Воскресенье первой недѣли Великаго поста (недѣля Православія), 38, 244—249.
 Выходы въ дворцовыя храмы, 36, 47, 261 и слѣд.
 Выходъ Пасхальный, 45, 197 и слѣд.
 Выходъ Юстина въ храмъ св. Софіи по случаю консульства, 77.
 Выѣзды торжественные въ храмы, 8; выѣздъ въ храмъ св. Апостоловъ, XXXVIII, 39, 230, 231, 232;—въ храмъ св. Мокія, 232, 233.
 Вѣнецъ царскій, 44, 45, 50, 57, 133, 195, 206.
 Галлерей Ахилла, 94.
 Гвардейскіе отряды и гвардейцы, 11, 12, 31, 33, 71, 76, 77, 78.
 Георгій Кипрскій, 109.
 Георгій Монахъ, 52, 150, 250.
 Гинэконитъ св. Софіи, см. св. Софія.
 Гласы (церковныя напѣвы): гласъ 1-й, 81, 82, 85, 186, 189, 192; гласъ 2-й, 87; гласъ 3-й, 79, 82, 83, 84, 86, 185, 188, 189, 190, 191; гласъ 4-й, 83, 84, 85, 191; гласъ 5-й, 84, 186, 189; гласъ 8-й, 81, 82, 83, 85, 87, 191.
 Гонорій (императоръ), XXI, 165.
 Грамота (*ἡ ἀσφάλεια*) царя Ираклія къ патріарху Сергію, 63, 181.

Гранаца (γρανάτζα) (Кодинъ de offic., VII, 35), 53, 54.

Св. Григорій Богословъ, 190.

Григорій Великій (папа Римскій), 183.

Гробница Мустафы, 96, 97.

Гробница св. Мины, 183.

Далматика, 26, 55, 56, 212; dalmatica (= tunica dalmatica), 54; Ватиканская, 56, 198; ср. дивитисій.

Данилида (Δανηλίδης), вдова Пелопонесская, 253.

Дафна (дворецъ), XVIII, 9, 48, 49, 51, 57, 200.

Августей (Αὐγουστεύς, тронная зала), XX, XXIII, 25, 36, 44, 46, 48, 49, 50, 51, 57, 58, 59. Дверь въ портикъ «Золотая Рука», 59. Портикъ «Золотая Рука», XXIV, 36, 48, 59, 60, 61, 64, 65, 66. Храмъ св. Стефана, 22, 44, 45, 46, 50, 57, 66, 193, 197, 221; крестъ св. Константина въ немъ, 36, 45, 46, 50, 66, 76, 153, 193. Китонъ Дафны (ὁ κοῖτων τῆς Δάφνης), XXIII, 36, 48, 50, 51, 57, 58, 195, 197, 221, 229. Октагонъ (τὸ ὀκτάγωνον κορυβοῦκλειον), XXIII, 36, 44, 48, 50, 51, 57, 58, 59, 160, 195, 196, 197, 199, 210, 221, 229, 234. Храмъ Пр. Богородицы, 49. Храмъ св. Троицы, 49; его алтарь, 49; мѣсто съ мощами святыхъ (τὸ στενάκιον), 49; Крестильница (ὁ βαπτιστήρ), 49; три большіе креста въ ней, 49.

Дверь гладкая (Πύλη γανωτή) Триконха, см. Триконхъ.

Девтеревонтъ, 189.

Девтеръ (начальникъ царской ризницы), 45, 47, 48.

День восшествія на престолъ, 160.

Департаменты (σέκρετα), 33.

Депутатъ (δεputátos, deputatus), 165.

Δεφένσφρ, defensor, см. Защитникъ Церкви.

Διαβίχια (вм. διβητήσιον у Суиды), 51.

Διβητήσιον, дивитисій (ср. далматика), 8, 25, 35, 36, 43, 45, 50—57, 58, 196, 197, 213, 214, 237, 245, 247.

Дидаскалій (διδασκαλεῖον), см. св. Софія.

Димархъ, 10, 15, 41, 79; димархъ Венетовъ, 80, 84, 87, 187, 228; димархъ Прасиновъ, 85, 189, 190, 228.

Димократъ, 81; димократъ Венетовъ, 74, 79, 80, 84, 87, 187, 189, 192; димократъ Прасиновъ, 82.

Димоты загороднаго дима Венетовъ, 80.

Димы. XXII, 39, 41, 76, 80; димы Ипподрома, 76, 84, 190, 192, 228, 237, 243, 251.

Дипаниты (Dipanitae), 71, 72, 73.

Диптихъ консульскій, 212, 213, 214, 217.

Δεξιράλια = dextralia, см. Сѣкиры.

Діаватики Господа, см. храмъ Господа; діаватики св. Николая, см. храмъ св. Николая; діаватики Триконха, см. Триконхъ.

Діаконикъ (Διακονικόν), 119; діаконикъ св. Софіи, см. св. Софія.

Діакониссы, 140, 141, 144, 146.

Діаконъ, 25, 26, 54, 56, 62, 63, 65, 119, 120, 144, 150, 153, 166, 167, 168, 177, 261.

Ὁ διατρέχων, см. Курьеръ.

Діэтарій, 9, 16; діэтаріи недѣльные, 7, 9; діэтаріи Большаго Дворца, 8, 44.

Дни облаченій (Ἡμέραι τῶν ἀλλαξιμάτων), 34, 42.

Доместикъ, 15, 16, 17, 48, 61, 79, 81, 238; великій доместикъ, 263; доместикъ иканатовъ (иканатъ), 11, 13; доместикъ нумеровъ, 41; доместикъ спаѳаріевъ царскихъ, 40, 48, 194, 208; доместикъ школь, 11, 12, 13, 18, 27, 71, 74, 79, 80, 83, 190; доместикъ экскувиторовъ, 11, 13, 27, 71, 73, 82; доместикъ канцеляріевъ квестора, 71; ὁ δομέστικος τῶν θεράτων, XIV.

Драконарій, 12, 70, 71.

Драконтіи, 70.

Древо Честное (Животворящій Крестъ), 237 и слѣд.

Δρόμος δημόσιος, ὁδός, см. Почта государственная.

Друнгарій виглы или числа, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 18, 30, 31, 32, 33, 64, 71, 194, 207, 251, 254; друнгарій флота, 64, 194, 251.

Δουκινιάτορες, 71.

Думникалій (Δομνικάλιον, dominicale), 176.

Евагріи, 112, 113, 115.

Евдокимъ (братъ Льва IV Хазара), 224.

Евдомаріи, 7.

Евктирій (εὐκτήριον), 131; евктирій св. Теофилакта, см. Палаты Патріаршія.

Евлогіи (просфора), 182, 227.

Евнухи, 47, 60; евнухи-протоспаѳаріи (οἱ εὐνοῦχοι πρωτοσπαθάριοι), 53, 58, 242.

Евсевій, 71.

Евтихи (εὐτόχια, πτόχια), 70, 71, 153.

Εὐτοχοφόροι, 71.

Εὐτρεπίζειν (распредѣлять по отдѣламъ чины), 204.

Евѣимій (Патріархъ), 233.

Ектенія, 65.

Св. Елена (мать Константина В.), XXIX, 55, 239, 242.

Елена (дочь Романа I Лакапина), 234.

Ἐκδικος, см. Защитникъ Церкви.

Ἐνώτια, 21.

Ἐπεύχιον (коверь), 253.

Епикомвій (ἐπικόμενον), см. апокомвій.

Ἐπτακίδης, 76.

Ἐσσυφάριον (= interula), 26.

Жезлы золотые остіаріевъ, 60; скривоновъ, 73.

Жезлъ Моисея (ἡ τοῦ Μωσέως ῥάβδος), XVIII, 36, 45—46, 50, 66, 76, 193.

Завтракъ царскій (τὸ κρᾶμα), 178, 179, 180, 248, 249.

Завѣсы Хрисотриклина, см. Хрисотриклинь; завѣса раздвижная (βῆλον συρτόν), 62; завѣса подъемная (βῆλον αἰρόμενον), 62.

Завѣсы (βῆλα, vela) = отдѣлы чиновъ, 61, 63.

Запѣвалы (κράκται), 73; запѣвала кувуклія (φωνοβόλος), 195.

Заутреня, 6.

Зауца парадинастевонтъ (отецъ цар. Зои), 28.

Св. Захарій, 110.

Захарія (патріархъ), 239, 240.

Защитникъ Церкви (Δεφέντωρ, defensor, ἐκδίκος), 165.

Златвикъ, златница, 159, 160.

Знамена, 70, 71, 73, 76, 79, 88, 92, 154, 166, 188; знамена съ драконами, 71; знамена гвардейскихъ отрядовъ, 153.

Золоченое кресло въ Хрисотриклинѣ, см. Хрисотриклинь.

Золотая Палата, см. Хрисотриклинь.

Золотая Рука (ἡ χρυσὴ χεὶρ), см. Августей.

Зонара 14, 29.

Зосима (іеродіаконъ), 133, 138.

Зоя Карвунопсина (царица), 28, 128, 233, 250.

Идикъ, 9.

Изображеніе Креста (съ Константиномъ В., Алексѣемъ Мих., Еленой, Марією Ильин. и патр. Никономъ), 55; изображеніе Отона II и Теофанія, 55; — царя Давида, 55; — Соломона, 55; — Романа I и Константина Багр., 55; — архангела Михаила, 70; — фартуны или викторіи (τύχη, νίκη), 70; изображеніе Евдокии, Льва VI и Александра, 213; — Романа и Евдокии, 213; — Балдуина II, 214; Михаила VIII Палеол. и Мануила II Палеол. съ сыномъ Іоанномъ VIII Палеол., 214, 216.

Иканатъ, см. domestikъ иканатовъ; иканаты, 12.

Икона Спасителя въ Хрисотриклинѣ, см. Хрисотриклинь.

Св. Иларій, 27.

Илитонъ (εἰλητόν), 156, 157.

Пиды, 13.

Instrumentum pacis, 168.

Инархъ, 10, 16, 17, 27, 40, 72, 76, 77.

Ипатія (ὑπατεία, принятіе консульства), 217; ὑπατεῖαν διδόναι, ῥίπτειν, 217 и слѣд.

Ипать, 67, 68.

Иподіаконъ, 54, 119, 120.

Ипподромъ, 8, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 18, 29, 30, 32, 35, 49, 50, 139, 259; его каѳисма, 9, 11, 50; храмъ св. Стефана, 13, 14, 29, 30.

Ираклій (царь), XXXIV, 63, 126, 239, 240, 243.

Ирина Аѳинянка (жена Льва IV), 137, 209.

Ирина Хазарка (жена Константина V Копронима), 199, 219, 230.

Иродъ, 55.

Іоаннъ Златоустъ, 19, 137, 179, 260.

Іоаннъ Кантакузинъ, 168, 177, 178.

Іоаннъ Мистикъ, парадинастевонтъ, 28.

Іоаннъ Постникъ, 27.

Іоаннъ Предтеча, 96.

Іоаннъ Цимискій, 28, 29.

Іосифъ парадинастевонтъ, 28.

Езаваллярій (καβαλλάριος), 42.

Кадило, 68.

Календаръ придворный и церковный, 21, 22, 23.

Камары Хрисотриклина, см. Хрисотриклинь.

Камилавка, 33; ср. балдахинъ.

Камисіи, 42, 239.

Кампидукторъ, 70, 71; Campi ductor), 71.

Кампидукторіи (καμπηδηκτορία), 70, 71.

Кандидатъ, 14, 71.

Каниклій (ὁ ἐπὶ τοῦ κανικλείου), 48, 57, 59.

Канкелляріи, 73; канкелляріе — пѣвчіе, 73; канкеллярій квестуры, 15, 71, 72, 221; καρχελλάριος οἰκείος, 17.

«Καπλάτε, Δόμνην» (смотрите, Владыка), 68, 69, 106, 241, 246.

Кастрисій патріаршій (καστρήσιος, castrensis), 223.

Κατάσειστα, 21.

Ὁ τῆς καταστάσεως, см. Церимоніарій.

Катепанъ спаѳаріевъ царскихъ, 40, 48, 59, 194, 208, 251.

Каѳисма Ипподрома, см. Ипподромъ.

Квесторъ, 10, 15, 16, 27.

Катихуменіи храма св. Мокія, см. храмъ св. Мокія;—св. Софіи, см. св. Софія.

Кедринъ, 28, 29, 128, 250.

Келеръ (Κελέρ), magister officiorum, 252.

Кентархи, 12.

Κηρία τῆς λιτῆς, κηρία λιτανία, 241, 242.

Кесарикій (καισαρίκιον), 21.

Кесарь, 20, 21, 53, 66.

Клннамъ, 252.

Китониты, 16, 47, 48, 49, 50, 51; китониты
недѣльные, 9.
Китонъ, 47; китонъ Дафны, см. Дафна.
Клавдіанъ, 212.
Св. Кладезъ (τὸ ἄγιον φρέαρ), см. св. Софія.
Климентъ VIII (папа Римскій), 159.
Клиръ, 119, 122; клиръ храма Господа, XXIV,
36, 68; клиръ царскій, 7, 262.
Клиторій, 30, 247.
Клиторологій Филоея, см. Филоея атриклинъ.
Ключарь дворцовый, см. Великій Папія.
Кодикиллы (codicilli) консульскіе, 217.
Кодинъ, I, II, III, IV, XVII, 4, 45, 52, 53,
54, 58, 59, 71, 94, 100, 119, 120, 137, 147,
161, 168, 177, 245, 259, 260, 261, 262, 263,
264.
Κοιτῶνες, см. Покои царей.
Коловій (κολόβιον, solobium), 8, 25, 26.
Колонна Константина, 93, 258.
Комиты, 12, 33; комитъ ставла, 80; комитъ
стѣнъ, 41; комитъ школъ, 74.
Консисторія, 13, 31, 34, 36, 45, 49, 50, 65, 66, 67,
68, 69, 73, 77, 193, 198, 205, 208, 228, 229,
230, 244. Консисторія Императорская, 68.
Константинъ Великій, XXIX, 4, 45, 55, 71,
174, 235, 243; празднованіе его памяти, 39.
Константинъ V Копронимъ (741 — 775), 137,
199, 219.
Константинъ VI (сынъ Льва VI Хазара), 209,
224.
Константинъ (сынъ Романа I), 64, 184.
Константинъ VII Багрянородный, XVI,
XXVIII, XXIX, XXXIV, XXXV, XXXVI,
XL, XLI, XLII, XLIII, 3, 4, 5, 7, 10, 11,
14, 17, 18, 20, 21, 26, 28, 38, 39, 40, 52,
53, 54, 63, 64, 70, 72, 75, 78, 79, 108, 125,
127, 128, 159, 161, 170, 178, 179, 184, 220,
231, 232, 233, 234, 236, 237, 249, 250, 253.
Константинъ VIII (сынъ Романа II), XXVIII,
XXIX, 28, 57, 64, 171.
Константинъ Манасси, 103.
Констанцій II, 212.
Констанцій Галль Кесарь, 212.
Конха алтарная въ св. Софіи, см. св. Софія;
конха восточная въ Хрисотриклинѣ, см.
Хрисотриклинъ.
Копье, 24, 46.
Кориппъ (Corippus), 77.
Κορνίχλια (cornicula=pyxides cylindricae), 44.
Корона, 21, 24, 35, 36, 44, 45, 51, 55, 56, 58,
59, 150, 167, 174, 177, 180, 182, 196, 234;
крестъ на ней, 21, 24; подвѣски (προπευ-
δόβλια), 21, 54.
Коронація царей, 20, 55, 70, 159, 160, 161,
173, 263; коронація кесаря, 20.

Κράμα, см. Завтракъ царскій.
Κρεμαστάρια, 21.
Кресла царскія (σελλία), 35, 201; кресло золо-
ченное, 26; кресло, обитое шелкомъ или бар-
хатомъ (σελλίον βλαττόστρωτον), 20, 21, 26.
Крестильница (=Баптистирій, βαπτιστήρ, βαпти-
στήριον), 96, 97, 103, 104, 106, 141, 147,
148; большая крестильница, 146, 148, 149,
малая крестильница, 146, 148; крестиль-
ница Дафны, см. Дафна.
Крестовоздвиженіе, 38, 242.
Крестоносецъ (σταυροφόρος), 46.
Крестъ св. Константина въ храмѣ св. Сте-
фана Дафны, см. Дафна; 3 большіе кресты
въ крестильницѣ Дафны, см. Дафна; крестъ
серебряный въ Лихнахъ, см. Лихны; крестъ
въ первой школѣ, см. Школы.
Крещеніе (праздникъ свѣтовъ), 37, 38, 43, 50,
72, 81, 82, 83, 84, 85, 87, 97, 157, 179, 186,
187, 189, 191, 196, 263.
Κριτῆς τοῦ φοσσάτου, XIV.
Круглое зданіе въ Школахъ (το στρογγυλον),
см. Школы.
Кувикуляріи, 15, 23, 44, 47, 49, 50, 58, 80, 82,
160, 194, 226, 229, 239.
Кувуклій, чины кувуклія (οἱ τοῦ κουβουκλείου),
14, 24, 35, 40, 41, 42, 44, 47, 48, 50, 51,
58, 59, 60, 62, 64, 66, 67, 68, 69, 70, 76,
130, 153, 155, 188, 193, 194, 209, 210, 229,
238, 239, 240, 242, 244, 248, 251, 252, 254,
256.
Кувуклій патріаршій, кувуклисіать, 63, 181;
его препозитъ изъ діаконовъ, 63.
Κυκλίον, κυκλίν, см. мѣсто горнее.
Куполь на восьми колоннахъ, см. Школы
(первая).
Куропалата, XIV, 15, 53.
Cursus publicus, см. Почта государственная.
Курьеръ (ὁ διατρέχων), 16.
Кухня или поварская (τὸ μαγειρεῖον), 9.
Лавзіакъ, 6, 7, 8, 9, 13, 14, 15, 17, 18, 29,
30, 31, 33, 35, 250; его двери: слоновая
дверь, 7, 8; гладкая дверь, 7; дверь изъ
Орологія, 8; дверь въ Идикъ, 9; дверь въ
кухню, 15; витая лѣстница (ὁ κοχλίας), 7;
скамьи для чиновъ, 14, 15; скамья магла-
витовъ, 15, 17. Храмъ св. Василия, 29.
Лавуры (labara), 70, 71, 73; λαβουρίσιοι, 71.
Ὁ λαός, см. Народъ.
Ларцы для царскихъ коронъ (κορνίχλια), 44.
Левъ Великій, 4, 28, 98.
Левъ IV Хазарь, 209, 224.
Левъ V Армянинъ, 261.
Левъ VI Мудрый, XXXV, XXXVIII, XXXIX,

XLI, XLII, 28, 39, 109, 128, 129, 220, 221, 224, 231, 232, 233, 249, 250, 252; по-
кушеніе на его жизнь, 232—233; праздни-
ваніе днѣ его кончины 11 мая, 39.
Левъ Грамматикъ, 51.
Леонтій (патрикій и стратигъ), 104.
Леунклавій, 51, 53, 56.
Ливелларій (τὸ λιβελλάριον), 70, 74, 79, 80, 81,
82, 83, 84, 85, 187, 252.
Λιβελλήσιος (libellensis), 252.
Литургія, 7, 8, 13, 29, 30, 35, 37, 39, 47, 95,
129, 131, 132, 135, 147, 152, 157, 163, 167,
172, 178, 210, 221, 235, 244, 246, 247; ли-
тургія пасхальная, 140, 210.
Лихны, 74, 75, 76, 78, 79, 191, 192, 222; се-
ребряный крестъ въ нихъ, 74, 76; куполь
Лихвъ, 76, 79, 192.
Логоѳесій (λογοθέσιον), чины логоѳесія, 74, 76.
Логоѳетъ (дрома), 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21,
23, 26, 47, 48, 57, 252; — геника, 27; — пре-
торія, 76.
Лоръ (ὁ λῶρος), 42, 43, 48, 51, 55, 56, 76, 179,
196, 202, 203, 205, 207, 208, 210, 211—214,
218.
Лутирь (λουτήρ), 103—106, 149; лутирь храма
св. Апостоловъ, 105; — храма св. Мокія,
105; — храма пресв. Богородицы Источ-
ника, 105.
Людпрандъ (епископъ кремонскій), 6, 25, 47,
57, 64, 70, 76, 78, 88, 171.
Людовикъ IX Благочестивый, 46, 156, 240.
Μαγειρεῖον, см. Кухня.
Magister officiorum, 5, 22, 25.
Магистры, 11, 14, 15, 16, 22, 23, 26, 32, 34,
42, 53, 61, 62, 64, 67, 205, 207, 222, 230;
магистръ Венетовъ, 222; магистръ Праси-
новъ, 222.
Магистрисса, 210.
Маглавиты, 8, 9, 15, 48, 49, 50, 59, 67, 194,
207, 221, 244, 248, 252, 256.
Маглавій, 32, 48.
Магнавра, 9, 38, 238, 250, 251, 254, 257.
Макарій (патріархъ), 243.
Макронъ Кандидатовъ, см. Триклинь Кан-
дидатовъ.
Мантия, 26, 56, 167.
Мануилъ Комнинъ. 41. 137, 252.
Маппа (mappa, faciale, fazzoletto), 213, 217.
Маркъ (монахъ), 233.
Масло народное, благовонное (ἡ ἄρδος), 226—
227.
Масляница (вторникъ), 135.
Матвѣй Корвинъ, III.
Μέσαυλον, 107; μέσαυλος θόρα., 107.

Μεταστάσιον, 15; μεταστάσιον δίδεται, 250—251.
Мечъ (σπαθίον), 8, 12, 24, 26, 31, 32, 33, 46, 48.
Милій (τὸ Μίλιον, Miliare), 86, 91, 92—94, 95,
98, 103, 106.
Милліарисій, 58.
Минологій Василя, 147, 242, 243.
Μίσσα, missa (= отпускъ), 25; μίσσαι ποιεῖν,
δίδοναι, 25; μίσαι δίδονται, γίνονται, 25,
33, 248.
Минсураторъ, 35.
Митрополитъ, 125, 154.
Михаелиць (Триклинь), см. Палаты патріаршія.
Михавль (патріархъ), 137.
Михаилъ Палеологъ, 214.
Миханль (сынъ Андроника Старшаго), 137.
Михаилъ III, XXXIV, XXXVIII, XL, 21, 48,
52, 96, 97, 150, 156, 244, 247.
Михаилъ Рангави, 99.
Многолѣтіе (Πολυχρόνιον), 25, 36, 64, 65, 67,
73, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 87, 154, 185,
186, 191, 192, 193, 194, 207, 223, 229, 238,
253—254.
Молельня (εὐκτήριον, capella), 127, см. также
св. Софія.
Монастырь пресв. Богородицы Евергетидской,
170.
Монограмма Христа въ вѣнкѣ (✠), 71; мо-
нограмма Юстиніана и Θεодоры, 124.
Мутаторій (Митаторій), 50, 96; Мутаторій цар-
скій, патріаршій св. Софіи, см. св. Софія.
Мѣсто горнее (τὸ κοκλίον, κοκλίν), 125; — св.
Софіи, см. св. Софія.
Народъ (= димоты, ὁ λαός), 80.
Начальники гвардейскихъ отрядовъ, XV, 11, 12,
13, 14, 33, 71; начальники отряда нумеровъ
и стѣнь, 33;—числа, 33;—экскувитовъ, 74.
Недѣльщики Этеріи, см. Этерія.
Недѣля Православія, 135, 244, 245, 260.
Νεῦειν τῇ χλανίδι, διὰ τῆς χλανίδος, 62.
Νεῦμα λαμβάνειν (получить знакъ), 12; νεῦμα
διδόναι (давать знакъ), 12.
Нивелонъ (епископъ Суассонскій), 46, 156.
Νίχα (возмущеніе 532 года), 235, 252.
Никита (патріархъ), 135.
Никита Хоніатъ, 59.
Св. Никифоръ (патріархъ констант.), 104,
135, 137.
Никифоръ Вотаниатъ, 8, 142.
Никифоръ Фока, XXXI, XXXII, 4, 14, 21, 28,
29, 47, 57, 59, 64, 76, 88, 97, 138, 151, 171,
199; его торжественный въѣздъ въ Кон-
стантинополь, XXVIII, 8, 88, 93.
Николай Мистикъ (патріархъ), 123, 233.
Никонъ (патріархъ), 55.

Нипсистиаріи (Νιψιστιάριοι), 60, 160, 207.
 Νιψιστίον (умывальникъ, тазъ), 60.
 Нобилиссимъ, 53.
 Новая Великая Церковь, 45.
 Новелла царя Ираклія, 59.
 Новелла Юстиніана, 126.
 Номики (οἱ νομικοί), 71, 72, 73; номикъ церковный, 71.
 Нотаріи, 72, 222, 223, 230, 252, 253; нотаріи царскіе, 66; нотарій Прасиновъ, 222, 223.
 Ὁ νοούμερος (гвардейскій отрядъ), 11, 12.

Облаченія парадныя чиновъ, 8, 18, 23, 35, 36, 40, 42, 43, 61, 76, 78, 179, 230, 262; облаченія царскія, 10, 21, 36, 39, 40, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 50 — 78; облаченіе патріаршее, 55, 56.

Обрядъ ежедневныхъ собраний и приемовъ, 2, 4, 40, 21; 2, 4, 11, 13—15, 18, 21, 22, 24, 26, 30, 31, 42; — воскресныхъ собраний, 13, 21, 22, 26, 29, 33, 42, 51.

Обряды чинопроизводства, 17, 18, 34, 35, 57, 58, 68, 75, 80; обрядъ производства въ нобилиссима, 20, 173; — въ патрикии, XV, 13, 35, 58; — въ патрикии зосты, 138, 174; — въ проэдры, 14, 21, 28, 29; — въ магистры, 35, 67; — въ domestici и официалии, 17, 18; — въ кесари, XV, 21, 57, 58.

Обрядъ назначенія на должности, 17, 18.

Обрядъ приема пословъ (аудиенціи), 3, 13, 17, 20, 66, 78; — приема Саракинскихъ пословъ, XXXIV, 71, 77, 78, 208.

Обрядъ восшествія на престолъ, 4; — коронаціи, XV, XVI, 4, 98, 100, 109, 177, 178, 182; — коронаціи царицы, 58, 70, 173, 182; — коронаціи кесаря, 70, 173, 182.

Обряды церковные, 25, 62, 63.

Обрядъ Антипасхи, 230, 232.

Обрядъ Крестопоклоннаго Воскресенья, 30.

Обрядъ Крестовоздвиженія, 243.

Обрядъ водоосвященія въ Крещеніе, 105.

Обрядъ Пасхальный, XXXVIII, XLI, 65, 172, 261 и слѣд.

Обрядъ Срѣтенскій, 94, 250.

Обрядъ Великой Субботы, XXXVIII, XLI, 141, 145, 229.

Обрядъ крещенія патріархомъ въ Великую Субботу, 146, 147.

Обрядъ омовенія и переоблаченія св. престола въ храмъ св. Софій, 224—226.

Обрядъ поднятія честнаго Креста, 240—242.

Обрядъ Понедѣльника Пасхальной недѣли, XXXVIII, 231.

Обрядъ Рождественскій, XXIII, XXXVIII, 75, 172, 175.

Обрядъ христосованія царей съ чинами, 197—205; — царицъ съ придворными дамами, 209—210.

Обѣдня, 7, 15, 26, 27, 29, 229.

Одежда консульская (στολή ὑπατική), 211, 219.

Октагонъ Дафны, см. Дафна.

Св. Ольга княгиня, XXXIV, 17.

Омофоръ, 55, 56, 168.

Омфалии порфиновые въ Юстиніанѣ, см. Юстиніанъ.

Оноподъ, 36, 46, 48, 57, 60, 61, 64, 65, 66, 67, 193, 194, 198, 199, 205, 207, 208, 221, 230, 244; его пульпитъ (πούλιτον), 65, 66.

Оплечье царское или бармы (διάδημα), 55, 56, 215, 216.

Опарь, 62.

Органщики (οἱ ὀργανάριοι), 84.

Ordo salutationis, 2, 4.

Орологій св. Софій, см. св. Софія; портикъ Хрисотриклина, см. Хрисотриклинь.

Оруженосцы царскіе, 46, 67, 68, 194.

Оружіе парское, 40, 46, 64.

Osculatorium, 168.

Osculum pacis, см. цѣлованіе любви.

Остіарій, XXIV, 17, 21, 31, 33, 60, 61, 62, 63, 144, 200, 201, 202, 203, 209.

Отвѣтъ (ἀπόκριμα) канцеляріевъ, 73.

Отпускъ по окончаніи утрени, 6; отпускъ послѣ приема (= μίτσα, missa), 25, 30, 32, 33, 34.

Оффиціалии (ὀφφικιάλιοι), 26—27, 61, 66; оффиціалии ипарха (οἱ περὶ τὸν ὑπαρχὸν ὀφφικιάλιοι), 76.

Павелъ Силенціарій, 96, 101, 102, 108, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 128, 140, 146, 148, 149.

Παγανὴ κυριακή, 24, 34.

Палата 19 аккумулятовъ, см. Триклинь 19 аккумулятовъ.

Палаты патріаршія (Патриархатъ, τὸ Πατριαρχεῖον, τὰ ἱερὰ ἀνάκτορα), 133—135, 136, 138, 139, 140, 245, 248. Большой секретъ (Большая Палата), 134, 135, 238, 240, 245. Малый секретъ (Малая Палата), 135, 239, 240. Честное Древо (τὰ τίμια ξύλα), 135, 237, 239—240, 241, 242, 243. Михаелицъ (триклинь), 137. Θетталъ (ὁ Θέτταλος), 137. Θомантъ (Θωμαῖτης), 137, 138, 139. Евктирій св. Θεофилакта, 135, 248.

Палата Школъ, см. Школы.

Палата Эскувитовъ, см. Триклинь Эскувитовъ.

Палатинъ (παλατῖνος), 59.

Paludamentum, 56.

Пантеонъ или сѣверная камара Хрисотри-
клина. см. Хрисотриклинъ.
Папа Римскій, 20, 63, 159.
Папія, 7—9, 12, 14, 16, 17, 23, 25, 26, 33,
35, 47, 59.
Парадинастевонтъ (ὁ παραδυναστεύων), 17, 22,
28, 40; ὁ ἀεὶ παραδυναστεύων, 28.
Паракимомонъ, 47, 48, 59.
Паракиптикъ (τὸ παρακλιπτικόν), 130—131; — въ
храмѣ св. Софіи, см. св. Софія.
Паратіхлинъ, 130.
Παρεβδόμαρις, 7, 8.
Партін (τὰ μέρη) Цирка или Ипподрома, 23,
72, 79, 232.
Пасха, 34, 38, 42, 43, 61, 73, 81, 82, 84, 85,
87, 97, 156, 157, 171, 179, 186—187, 189,
191, 192, 195, 196, 197, 198, 211, 218, 219;
260, 263; Пасхальная недѣля, 199; поне-
дѣльникъ Пасхальной недѣли, 37, 38, 158;
вторникъ, 43.
Патрикій, 11, 13, 20, 23, 26, 27, 28, 29, 30,
32, 48, 58, 61, 63, 64, 65, 66, 67, 205, 207,
229, 238.
Патрикія, 210.
Патріархатъ (τὸ Πατριαρχεῖον, τὰ ἱερά ἀνάκτορα),
см. Палаты патріаршія.
Патріархъ, 22, 36, 38, 46, 50, 51, 55, 56, 57,
58, 59, 63, 69, 91, 97, 103, 105, 106, 110,
117, 125, 126, 133, 134, 135, 136, 138, 139,
140, 141, 142, 146, 147, 150, 151, 152, 153,
154, 155, 156, 158, 162, 166, 167, 168, 169,
170, 171, 172, 173, 175, 176, 177, 178, 180,
181, 182, 183, 184, 210, 223, 224, 225, 226,
227, 228, 234, 235, 238, 239, 240, 242, 243,
244, 245, 246, 247, 248, 255, 258, 259, 261,
262.
Патріархи русскіе, 57.
Пахимерь, 109, 137.
Пелены Господни (τὰ ἅγια σπάργανα), 156.
Пенула (penula, фелонь), 26.
Переходы (галерея) 40 мучениковъ, см. Хри-
сотриклинъ; переходы св. Николая, см.
св. Софія.
Петръ магистръ (magister officiorum), IV,
X, XXXI, XXXII, XXXIII, XXXV, 3
4, 29, 59, 98, 130.
Πιγυέρνης, XIV.
Πίπτειν ἐπ' ἑδάφος καὶ προσκυθεῖν, 19.
Платно царское (русскихъ царей), 55, 56,
57, 216.
Плащъ (σαγίον), 8, 23, 24, 30, 35, 42, 45, 50,
51, 55, 196, 237, 238, 245; плащъ красный,
23, 26, 27; плащъ, обшитый золотою кай-
мой (σαγίον χρυσοπερίχλειστον), 21, 26, 47,
211, 251.

Плиній Старшій, 227.
«Повели, повелите» (κέλεύσατε), возгласъ пре-
позита, церемоніарія и силенціарія, XXIV,
25, 30, 32, 33, 59, 61, 63, 65, 67, 68, 180,
195, 205, 206, 208, 210, 246.
Подвѣски при коронѣ (πρεπενδοῦλια), см. Ко-
рона.
Подризникъ (священниковъ и архіереевъ), 54.
Покон царей (κοιτῶνες), 6, 7, 8, 10, 16, 35, 36,
46, 47.
Полихроній (πολυχρόνιον), см. Многолѣтіе; πολυ-
χρόνιον λέγειν, 253.
Помощникъ димарха (девтеревонтъ, ὁ δευτε-
ρεύων), 85, 88; помощникъ папіи, 16, 44.
Портикъ Ахилла, 91.
Портикъ палаты 19 аккувитовъ, см. Три-
клинъ 19 аккувитовъ; портикъ Школъ, см.
Школы.
Портняжная (τὸ Ῥαφεῖον), 9.
Послы иностранные, 16, 17, 23, 27, 57, 76,
78, 205; послы саракинскіе, 43, 70, 76, 207.
Почта государственная (cursus publicus, ὁρό-
μος δημοσίος, ὁξύς), 16, 17.
Поясъ (ζώνη), 52, 53.
Праздникъ Православія, 38.
Празднованіе царями консульства, 218, 219.
Преображеніе, 37, 43, 73, 97, 179, 187, 196.
Препозитъ (praepositus), XXIV, 12, 13, 14, 15,
16, 17, 18, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 28, 29, 31,
33, 35, 40, 41, 42, 44, 47, 49, 51, 57, 58,
59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 67, 68, 69, 77,
80, 82, 88, 150, 153, 154, 155, 160, 164,
169, 180, 202, 203, 205, 206, 209, 254;
ὁ ἐνδὸν πραιπόσιτος, 202.
Препозитъ патріаршій, 63, 181.
Преполовленіе, 38, 50, 158, 233.
Пресвитерь, 63.
Св. Престолъ (ἡ ἁγία Τράπεζα) въ храмѣ св.
Софіи, см. св. Софія.
Приказы (σέκρετα), 41.
Примикирій, 53, 60, 264; примикирій діэта-
ріевъ, 16; примикирій чтецовъ, 71.
Принятіе царями св. Тайнъ, 173—178, 210.
Приемные слуги, (admissionales), 2.
Приемы ежедневные, воскресные и др., см.
Выходы.
Приемъ высшихъ чиновъ въ портикѣ Августея,
61, 64, 67; — въ Консistorіи, 68; торже-
ственный приемъ димовъ, 39.
Приемы димовъ Ипподрома (δοχαί), 80; А) на
пути въ храмъ св. Софіи: 1-й приемъ въ
Трибуналъ, 74, 75, 79—81; 2-й — въ Па-
латъ Школъ, 81—83; 3-й — въ Халкъ,
83—84; 4-й — внѣ рѣшетки Халки, 84—85;
5-й — у большихъ воротъ Халки, 85—86;

- 6-й — въ Орологіи св. Софіи, 86—87; Б) при возвращеніи изъ храма св. Софіи во Дворецъ: 1-й приѣмъ у св. Кладезя, 185—188; 2-й — у желѣзныхъ воротъ Хита, 188—189; 3-й — въ Халкѣ, 189—190; 4-й — у Пропилея храма св. Апостоловъ, 190—191; 5-й — въ Трибуналѣ у Лихнѣ, 191—192.
- Приѣмъ Юстиномъ II аварскихъ пословъ въ Консистоіи, 77.
- Principes senatus, 28, 29.
- Проедръ (Πρόεδρος), 28, 29, 64; проедръ синклита, 14, 28, 59.
- Прокопій Кесарійскій, 19, 20, 107, 108, 111, 113, 144.
- Проксимъ школъ (πρόξimos, προέξημος), 12.
- Προσκύνησις (поклоненіе царю), 3, 19, 20, 24, 60, 63, 67, 73.
- Протоасикритъ, 48, 49, 66, 252.
- Протовестиарій, 47, 48.
- Протовестиаритъ, 264.
- Протикторъ (πρωτίκτωρ, protector), 70, 71, 74.
- Протодиаконъ, 25, 166.
- Протоканонархъ, 71.
- Протомандаторъ экскувитовъ, 12.
- Протонотарій, 48, 49, 66, 252.
- Протоспаѳаріи, 14, 26, 27, 30, 36, 50, 59, 61, 67; протоспаѳаріи бородатые, 60, 207; протоспаѳаріи-евнухи, 209, 242; протоспаѳаріи-хрисотриклиниты, 49; протоспаѳаріи царскіе, 26, 27, 29, 30, 48, 49.
- Псалтырь, написанная для царя Василія II Болг., 23, 24.
- Πτυχία (= εὐτύχια), 70—71.
- Пульпитъ (Πούλιπτον), 65, 66, 67, см. также Оноподъ.
- Пѣвчіе (οἱ κράνται) и поэты партій Цирка (димовъ), 72, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 185, 186, 188, 189, 190, 191, 192, 228, 254; пѣснопѣнїя чиновъ, 70, 72, 73, 192, 254, пѣснопѣнїя пасхальныя, 73.
- «Пѣтъ по римски» (ῥωμαῖστί), 72.
- Πύλαι βασιλικαί (царскія врата), 100; — св. Софіи, см. св. Софія.
- Πύλη ὥραια, 100; св. Софіи, см. св. Софія.
- Пятидесятница, 37.
- Равенская мозаика, 46, 55, 153, 160, 161.
- Ранги или отдѣлы чиновъ (βῆλα, vela), 13, 33, 35, 36, 60, 61, 202, 203, 204; ранги чиновныхъ дамъ, 209, 210; ранги чиновъ духовныхъ, 125.
- Τὸ ῥαφεῖον, см. портняжная.
- Ректоръ, 15.
- Референдарій, 50, 57, 58—59, 164, 169, 171.
- Ризница царская, 9, 10; ризница при храмѣ св. Θεодора, 36.
- Ризничій (σχευοφύλαξ) храма Господа, 68.
- Рождество пресв. Богородицы, 37, 38, 43, 158.
- Рождество Христово, XXXVII, 37, 38, 43, 50, 73, 81, 82, 83, 86, 97, 157, 179, 187, 188, 189, 190, 191, 196, 263.
- Романъ I Лакапинъ, XXXIV, XXXV, 28, 64, 161, 184, 233, 234, 236, 237, 258.
- Романъ II (сынъ Константина VII Порф.), XXIX, XXXVI, 10, 18, 28, 64, 78, 236, 237.
- Рукомойникъ золотой, 59, 60.
- Рѣшетка Халки, см. Халка.
- Σαγίον, sagum, см. Плащъ.
- Сакеллярій, 27.
- Саккосъ (σάκκος), 54, 55, 56, 216; саккосъ черныи, 52.
- Salutatio, 1, 3, 19; salutatio matutina, 1; salutatores, 2.
- Самона (патрикій, паракимомень), 128.
- Сарвараза, 239.
- Свѣчи процессіональныя (κηρία τῆς λιτῆς, κηρία λιτανίγια, λιτανίγια), 241, 242.
- Σεβαστοκράτωρ, XIV.
- Σέκρετον, τὰ σεκρετα, 135, 136, 137; σεκρετα, см. также департаменты; τὸ σεκρετον τοῦ βασιλικοῦ βестιαρίου, см. Вестиарій; секретъ дамскій, 140; секретъ (=синклитъ) патриаршій, 134, 136, 137.
- Секретики, 33.
- Σελλίον βλαττόστρωτον, см. Кресла царскія.
- Σημειοφόροι, 71.
- Сергій (патріархъ), 63, 181.
- Сигма, см. Триконхъ.
- Сигнаторы (σινάτορες, signatores), 70, 71.
- Сигны (σίγνα), см. Знамена.
- Силенціарій, 14, 16, 17, 25, 30, 31, 32, 33, 61, 62, 65, 66, 67, 68, 89, 194, 200, 201, 209, 239; силенціарій очередной недѣльный (ἐβδομαρίος), 10.
- Сильвестръ, папа Римскій (314—335), 26.
- Симеонъ Магистръ, 128.
- Симеонъ Θεσσαλονικійскій, 122, 126, 173, 175, 176, 177, 206.
- Симпоны (σύμπονοι), 16; симпонъ ипарха, 76.
- Синкеллъ, 171.
- Синклитъ (ἡ σύγκλητος), чины синклита, 13, 14, 16, 20, 21, 23, 24, 25, 29, 30, 31, 34, 35, 36, 40, 49, 58, 59, 63, 64, 66, 67, 68, 70, 72, 73, 76, 77, 78, 79, 88, 91, 134, 136, 140, 153, 164, 166, 169, 171, 172, 188, 194, 198, 205, 221, 223, 228, 229, 230, 240, 242, 244, 247, 248, 250, 254, 255; синклитъ духовный, патриаршій, 58, 63, 136, 153.

- Сирой (сынъ Хозроя), 240.
- Скамьи для чиновъ въ Лавзіакѣ, см. Лавзіакъ; — въ Триклинѣ Окекувитовъ, см. Триклинъ Окекувитовъ; — въ Хрисотриклинѣ, см. Хрисотриклинъ; — ипатовъ въ Юстиніанѣ, см. Юстиніанъ.
- Скарамангій (σκαρμανάγιον), 7—8, 12, 14, 18, 23, 24, 25, 26, 27, 30, 42, 48, 180, 197, 237, 238, 245, 247, 251; скарамангій бѣлый златотканый, 230; скарамангій пурпуровый, 231; скарамангій царскій, 9, 10, 16, 45, 46, 47, 50, 51, 55.
- Σκηπτροφόροι, 71.
- Σκευοφόροι, 71.
- Σκευοφύλαξ, см. Ризничій.
- Скилы (Σκῦλα), см. Юстиніановъ Триклинъ.
- Скипстры (σκηπίωνες), 70, 73, 76, 188, 207, 208, 212, 218; скипстры римскіе (vela), 70, 71, 153, 213; скипетръ—крестъ, 206, 207, 211, 213.
- Скривоны, 12, 73, 74.
- Славословія (ἄκτα, ἀκτολογία, acta) димовъ (партій Цирка), XXIII, XXXVII, 38, 39, 40, 41, 47, 70, 73, 75, 79, 81, 84, 85, 86, 88, 185, 186, 187, 189, 190, 191, 192, 197, 221, 222, 228, 230, 233, 234, 235, 236, 243; славословія на латинскомъ языкѣ, 70, 72.
- Созомень, 163.
- Солидъ (solidus aureus, νόμισμα), 58, 159, 160.
- Соломонъ, 226.
- Сосудохранилище (σκευοφυλάκιον) св. Софій, см. св. Софія.
- Св. Софія, XVIII, XXI, 8, 9, 24, 25, 36, 37, 38, 41, 50, 55, 57, 58, 59, 88, 90, 91, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 101, 103, 105, 107, 108, 109, 112, 113, 114, 116, 118, 119, 121, 122, 125, 127, 129, 131, 132, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 151, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 169, 174, 175, 221, 223, 224, 227, 233, 234, 235, 238, 243, 245, 246, 254, 255, 256, 257, 258; атрій (дворъ) св. Софій, 91, 93, 94, 97, 98, 103, 108, 110, 111, 150, 245, 246; Авиръ (Ἀθύρας, Ἀθύρ), 94, 96, 106; западныя красныя врата (ῥοαία πόλη), 37, 91, 95, 98, 99—109, 143, 150, 257, 258; южныя врата, 37, 234, 255. Орологій св. Софій, 86, 87, 91, 92, 93, 94, 95—97, 98, 107, 150, 257. Нарѣикъ, 91, 101, 102, 103, 106, 108, 150, 151, 152, 153, 224, 235, 246; женскій нарѣикъ, 140, 141, 143, 145, 146. Гинэковитъ, 139—145. Мутаторій св. Софій (Μητατόριον, μετατόριον, μουτατόριον, metatorium, mutatorium), царскій, 105, 117, 119, 120, 127, 128—131, 132, 134, 135, 137, 138, 139, 151, 162, 163, 164, 167, 169, 178, 210, 224, 227, 247, 255, 258; мутаторій парицы, 209; триклинъ мутаторія, 132, 178; мутаторій патриаршій, 133, 135, 138, 139, 247; паракиптикъ (τὸ παρακίπτικόν), 129, 130—131. Катихуменіи, 134, 135, 139, 140, 141, 144, 145, 209, 238, 239, 240, 245, 246, 247, 248, 249, 256. Св. Кладезъ (τὸ ἅγιον Φρέαρ), 96, 98, 106, 128, 129, 132—133, 138, 141, 180, 182, 184, 185, 186, 210, 222, 223, 228, 230, 234, 243, 247, 255, 257; его портикъ, 184, 186. Амвонъ, 110, 117, 154, 164, 165, 237, 242, 243, 246. Алтарь, 152, 153, 154, 155, 156, 163, 165, 168, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 223, 243, 246, 247, 249, 255; врата царскія (πόλαι βασιλικαί), 102, 109, 110, 154, 165, 166, 167, 168, 242, 255; βῆμα, 122, 123, 143, 170; горнее мѣсто (κοκλίον, κοκλίν), 126; св. престолъ (ἡ ἁγία Τράπεζα), 102, 103, 114, 115, 116, 117, 124, 125, 126, 141, 142, 155, 156, 159, 160, 161, 162, 166, 167, 176, 177, 223, 242; море св. престола (θάλασσα, θαλασσίδιον), 225 — 226. Алтарная конха, 111, 112—117, 118, 119, 122, 123; алтарная преграда (κάγκελλοι, κάγκελλα, δρύφακτα, κιγκλίδες, ἔρκος, στήθεα), 123, 124, 169, 171; σύνθρονος, 112, 113, 114, 115, 116, 126, 146, 162; тронъ патриарха, 125. Діаконикъ (διακονικόν), 113, 116, 117, 118, 119—120, 130. Жертвенникъ предложенія (πρόθεσις), 113, 116, 117, 118, 119, 120, 121. Порфировыя колонны, 117, 118, 225; витая дерев. лѣстница (κοχλίας), 241. Сосудохранилище (ризница, σκευοφυλάκιον), 119, 120, 140, 141, 143, 145—149, 226, 227, 240. Молельня (εὐκτήριον), 127, 162. Храмъ св. Николая, 127, 133, 142, 227; переходы св. Николая, 133, 135, 140, 141, 142, 143, 146, 227. Храмъ св. Петра, 127. Дидаскалій (Διδασκαλεῖον), 241, 246.
- Софія Палеологъ, XIII, 20.
- Сочельникъ Крещенскій, 199.
- Спаѳарикій, 13, 238.
- Спаѳарии, 14, 46, 65, 66; спаѳаріи царскіе, 40, 48, 64, 65, 207.
- Спаѳарокандидаты, 65, 66, 208.
- Спаѳарокувикуляріи, 58.
- Σπαθίον, см. Мечъ.
- Средняя Улица (ἡ Μέση ὁδός), 91—92, 93, 94, 106.
- Срѣтеніе, 158.
- Στενάκιον (мѣсто съ мощами святыхъ), см. храмъ св. Троицы въ Дафнѣ.
- Στήνη κονατιστόριον, 31; ἵστανται κονατιστόριον, 67.
- Стефанъ (сынъ Романа), 64, 184.
- Стефанъ Новгородскій, 91, 92, 138, 142.

Стихарь (στιχάριον), 8, 26, 53, 54, 55, 56.
 Στοιχεῖν τὸ κλητώριον, 247.
 Стража придворная, 6, 11, 26, 60, 77.
 Стратиги, 13, 15, 16, 17, 18, 27, 48, 61, 63,
 64, 65, 66, 67, 205, 207, 229, 230.
 Стратилатъ, 66.
 Στρατοπεδάρχης μέγας, XIV; — τῶν μονοκα-
 βάλλων, XIV.
 Суббота Великая, 25, 37, 43, 50, 159, 160.
 Судьи, 14, 15, 16.
 Суида, 43, 51.
 Συστήματα τῆς πόλεως, см. Цехи городскіе.
 Σφραγίς, 81.
 Сѣкиры (διστράλια=dextralia), 31, 65.

Τὰ ταβλία, 8, 44.
 Теодолинда, королева Лонгобардовъ, 183.
 Топотириты, 33; топотирить числа, 12; топо-
 тирить Школь, 12, топотирить Экскуви-
 товъ, 12.
 Трабея (trabea), 212, 213, 214; trabea gem-
 mata, 212.
 Трапезы любви (ἀγάπαι), 179.
 Трибуналь, 57, 70, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 81,
 191, 221; дверь въ Палату Школь, 82, 190.
 Триклины гвардейскихъ отрядовъ, 69.
 Триклинь Данувія, 69.
 Триклинь 19 аккумулятовъ, XXIV, 57, 61, 192,
 196, 199, 200, 201, 205, 207, 224; портикъ
 Триклина, 198, 202, 207.
 Триклинь кандидатовъ (= макронъ кандида-
 товъ), XXIV, 13, 36, 68, 69, 192, 193,
 221, 228, 254.
 Триклинь Экскувитовъ (Экскувиты), XXIV,
 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 192, 221, 228,
 254; большая дверь въ Школы, 69, 73; боль-
 шой пульпитъ (μέγα πούλπιτον), 69, 73;
 скамьи для чиновъ, 71, 72, 73.
 Триконхъ (Τρίκογχος), XXII, 6, 42, 48; его
 фіала, 15; переходы (διάватики), 9, 41;
 Апсида, 41, 42, 43, 48, 49; полукругъ
 (Сигма), 41, 42, 48, 49, 64, 66, 196; глад-
 кая дверь (γανωτὴ πόλη), 48.
 Трипетонъ, см. Хрисотриклинь.
 Τριψίδια, 227.
 Τριτοέκτη (τριτοέκτη, τριδέκτη), см. часы.
 Троица, 43, 50, 73; 81, 83, 84, 85, 87, 97, 157,
 179, 187, 196, 260.
 Тронъ царя (σέντζος), 26; тронъ въ Консисто-
 ріи, 66; тронъ въ Хрисотриклинѣ, 16, 20,
 21, 35.
 Туника, 8, 24, 26, 53, 55, 56, 212; туника
 нижняя (ἐσωφόριον=interula), 26; tunica
 dalmatica, 53; tunica divitensis. divitesis
 = tunica dalmatica, 54.

Τὸ τυμπάνιον, 33; τὸ τυμπάνιον въ Юстиніанѣ,
 см. Юстиніанъ.
 Тѣлохранители царскіе, 41, 64, 70, 76.

Успение пресв. Богородицы, 260.
 Уставъ Придворный Византійскій, I, III, IV,
 V, VI, VII, VIII, IX, X, XI, XIV, XV,
 XVII, XXI, XXII, XXIV, XXV, XXVI
 и слѣд., 27, 28, 32, 33, 34, 37, 38, 42, 43,
 51, 52, 53, 56, 58, 59, 60, 62, 63, 72, 75,
 79, 99, 100, 109, 117, 130, 131, 133, 134,
 135, 136, 138, 139, 140, 141, 144, 152, 155,
 156, 167, 175, 176, 178, 182, 187, 197, 199,
 211, 217, 228, 232, 233, 236, 237, 239,
 245, 256, 259.
 Уставъ Церковный, 27, 42, 242.
 Утреня, 7, 26, 29, 30, 35, 63, 237, 242, 244, 261.

Факларея (φακλαρέα), 232.
 Фаръ, 10.
 Φατλίον, 151.
 Фибула, 8, 59, 174.
 Филакъ (Φύλαξ), см. Хрисотриклинь.
 Φίλημα τῆς ἀγάπης, εἰρήνης, см. цѣлованіе любви.
 Филовей атриклинь, XLII, 12, 26, 53, 135,
 161, 204, 206, 232; клиторологій Филовея,
 IV, XXXIX, 39, 72, 179, 205, 231, 233,
 249, 256.
 Φῖνα, см. бесѣдка царская.
 Фіала Венетовъ, см. Хрисотриклинь; фіала
 Триконха, см. Триконхъ; фіала Юстиніана,
 см. Юстиніанъ.
 Форумъ (φόρος, forum) Константина, 8, 37,
 33, 70, 91, 92, 93, 94, 103, 258.

Халка (ἡ Χαλκῇ), 9, 68, 70, 77, 83, 84, 85, 93,
 94, 189, 190, 228, 257; Хитъ Халки (τὸ τῆς
 Χαλκῆς Χιτόν), 188, 209, 222, 223, 228, 230,
 234, 257; большая дверь (= большія ворота),
 70, 77, 85, 86, 91, 94; бронзовая дверь,
 84; малыя желѣзныя ворота, 188, 222, 228,
 257; рѣшетка (ἀγκυέλλον) Халки, 70, 84, 85.
 Хартуларіи (οἱ χαρτουλάριοι), 33, 66; хартуларій
 вестіарія (ὁ χαρτουλάριος τοῦ βεστιαρίου), 10;
 хартуларій геника, 33; хартуларій ризницы,
 227; хартуларій стратіотика, 33.
 Хитонъ, 8, 53, 54, 56; χιτὼν κόκκινος χρυσο-
 ποικίλος, 53; χιτὼν λευκὸς χρυσοκόλλητος,
 διβητησιοειδής, 53, 56.
 Хламида, 8, 24, 42, 50, 51, 52, 53, 55, 56, 57,
 58, 59, 167, 172, 173, 174, 179, 195, 196,
 210, 211, 237, 239; χλαμίδες παγαναί, 25, 50,
 160; хламида бѣлая съ золотыми нашив-
 ками (λευκὸν χρυσόταβλον χλανίδιον), 42, 43,

- 50, 164; *χλάνις ὀψίμαρος*, 25; *χλάνιδια ἀτρα-
βατικά*, 25, 43; *χλάνιδια τύρεα*, 43.
- Ходъ крестный (*λιτή*), 36, 37, 38, 39, 45, 46,
103, 142, 221, 224; ходъ крестный въ
храмъ св. Ирины, 234, 235; ходъ крестный
изъ Влахернскаго храма въ св. Софію,
244, 245, 246.
- Храмъ св. Апостоловъ, 36, 39, 82, 83, 145,
158, 174, 179, 220, 231; его катихуменіи,
174; пропилей, 190, 191, 222, 229; храмъ
св. Апостоловъ Петра и Павла, 108.
- Храмъ пресв. Богородицы дворцовый, см.
Дафна; храмъ пресв. Богородицы Жезла,
45; храмъ пресв. Богородицы Источника,
45, 51, 131, 158, 174; храмъ пресв. Бого-
родицы Фара, 13, 26, 29, 30, 93, 229; св.
крестъ въ немъ, 13, 29; храмъ пресв. Бо-
городицы на форумѣ Константина, 70;
храмъ пресв. Богородицы Халкопратій-
ской, 36, 38, 91, 93, 145, 158.
- Храмъ св. Василия въ Лавзіакѣ, см. Лавзіакъ.
- Храмъ Влахернскій, 36, 50, 131, 158, 244, 250.
- Храмъ Господа, 13, 36, 68, 70, 228, 229, 257;
крестъ въ немъ, 68; діаватики Господа, 9.
- Храмъ св. Ирины, 39, 142, 143, 235, 256.
- Храмъ Іерусалимскій, 107, 243.
- Храмъ Св. Креста, 243.
- Храмъ Мокиа, XXXIX, 50, 53, 93, 131, 154,
158; его катихуменіи, 50.
- Храмъ св. Николая, см. св. Софія.
- Храмъ св. Петра, см. св. Софія.
- Храмъ свв. Сергія и Вакха, 107, 108, 118,
119, 130, 174.
- Храмъ св. Раки (*τῆς ἁγίας Σφοῦ*), XXXIX.
- Храмъ св. Стефана Дафны, см. Дафна; — св.
Стефана въ Ипподромѣ, см. Ипподромъ.
- Храмъ св. Θεодора, см. Хрисотриклинъ.
- Хрисотриклинъ, 6, 7, 8, 9, 10, 13, 15, 16, 17,
18, 21, 22, 23, 24, 26, 27, 34, 35, 36, 40,
41, 42, 44, 45, 46, 47, 48, 51, 58, 172, 196,
211, 229, 238, 244, 251; восточная конха,
16, 17, 35, 47; икона Спасителя, 16, 35,
47, 229, 244; западная (лѣвая) камара,
9, 27; южная камара, 10, 16, 46; камара
св. Θεодора, 35, 51, 211; сѣверная камара,
(пантеонъ, *πάνθεον*), 41, 42, 47; храмъ св.
Θεодора, 9, 35, 36, 44, 45, 46; его ризница,
36, 44; серебряныя двери, 10, 16; завѣса
западная, 16, 17. Филакъ, 47. Портикъ
Трипетонъ или Орологій, 7, 8, 13, 14, 15,
16, 17, 18, 31, 35, 47; фіада Венетовъ,
10, 232. Діаватики (переходы) 40 мучени-
конъ (*τὰ διαβατικά τῶν ἁγίων τασσάρχωντα*),
41, 44, 47, 48, 64, 196, 228.
- Христосованіе царя съ чинами, 61, 172.
- Хрисотриклиниты, 26, 27, 48, 60, 194, 221, 252.
- Христофоръ (сынъ Романа I Лакапина), 64,
184.
- Хронографія Θεοφана, 104, 116, 117, 124,
135, 163.
- Царскіе (*οἱ βασιλικοί*), 15, 27, 49, 66, 194,
232, 256.
- Царь большой (великій), 18, 61, 64, 161, 166,
171, 182, 184, 195, 201, 203.
- Цари малые, 18, 57, 64, 161, 166, 171, 182, 184,
258.
- Церемоніарій, XXIII, XLII, 15, 17, 18, 22,
25, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 40, 57, 58, 59,
61, 65, 68, 69, 73, 74, 79, 80, 82, 84, 89,
153, 154, 164, 169, 171, 193, 194, 209, 239.
- Церковь восточная, православная, XII, 25,
54; церковь западная, 53, 54.
- Цехи городскіе (*συστήματα τῆς πόλεως*), 76.
- Цицакій (*τὸ τζιτζάκιον*), 199—200, 230.
- Цѣлованіе любви (*φίλημα τῆς ἀγάπης, εἰρήνης,
ἀσπασμός, osculum pacis*), XVI, 59, 168—
169, 170, 171, 172, 210.
- Часы (*τρίτοεκτη*), 255—256.
- Четвергъ Великій, 224.
- Чины духовные, 39, 58, 63, 72, 125, 171, 172.
- Чины кувуклія, см. кувуклій; чины логоөөсія,
см. логоөөсій; чины синклита, см. синклить.
- Число (*ὁ ἀριθμός*, гвардейскій отрядъ), 11, 12.
- Шалка Мономаха, 216.
- Шишакъ, 199.
- Школы (гвардейскіе отряды), 11, 12.
- Школы, 9, 73, 74, 209; первая школа, XXIV,
68; крестъ серебряный, 68, 69, 74; куполь
на 8 колоннахъ, 68; пятая школа, 74, 75;
крестъ въ ней, 74. Портикъ Школъ, 74,
75, 81, 82, 83. Палата Школъ, 74, 75, 77,
189, 190, 191, 222.
- Щиты парадные, 46.
- Экзархъ, 71.
- Экклезіархъ, 71.
- Экскувиты (гвард. отряды), 11, 12.
- Экскувиты, см. Триклинъ Экскувитовъ.
- Эпархъ (= ипархъ) города, 76.
- Эсофорій, 25.
- Этеріархъ, 8, 9, 14, 49; великій этеріархъ, 7,
264.
- Этеріоты, 7, 49, 59, 67, 207, 252; недѣльные
этеріоты средней этеріи, 9; — великой
этеріи, 9.
- Этерія, 48, 49, 50, 194, 221, 244, 248, 256.

Юліанъ, 2.

Юстиніанъ I Великій, X, XXXI, XXXII, XXXIII, XXXIV, 3, 4, 5, 19, 20, 46, 55, 59, 96, 97, 107, 109, 114, 116, 129, 130, 153, 160, 218, 226, 235, 252.

Юстиніанъ II Безносый, 104.

Юстиніанъ=Юстиніановъ Триklinъ (ὁ τρίκλι-
νος τοῦ Ἰουστιανοῦ), 8, 13, 14, 15, 27, 30,
31, 32, 33, 34, 230; фіала Юстиніана, 232.
Дверь въ Лавзіакъ, 15; дверь въ Скилы,
31, 32. Скамья для чиновъ (ипатовъ),
15, 33. Парадный вестибулъ Скилы (Σκῦλα),
8, 9, 15, 16, 30, 31, 32. Завѣса съ выши-
тыми птицами (βῆλον ταγηνάριον), 30, 31.
Омфаліи порфиновые, 32; τὸ τύρπανον, 33.

Юстинъ I, XXXI, XXXII.

Юстинъ II, 212, 218.

Ящики для храненія облаченій царскихъ, 44;
срв. ταβλία.

Θάλασσα, θαλασσίδιον, см. св. престоль св.
Софіи.

Θеодора (Θεοδώρα), 20, 28, 59, 244, 247.

Θеодосій Великій, XXI, 163, 173.

Θеодосій Младшій, 163, 173.

Θеоктисть (стратигъ, протоспаарій), 21, 28.

Θеофана (жена Льва VI Мудраго), XXIX.

Θеоφάνης πρωτοβεστιάριος παραδυναστεύων, 23.

Θеофилактъ (патріархъ, сынъ Романа I),
XXXIV, XI, 132, 135, 162, 237, 248, 249,
258.

Θеофилъ, XXXIV, 6, 21, 93, 98.

Θермастра, 15, 16.

Θетталъ (Θέτταλος), см. Палаты патріаршія.

Θома (апостоль), XXIX.

Θома (препозитъ патріаршій), 181.

Θома (пресвитеръ), 128, 233.

Θомаитъ (Θωμαΐτης), см. Палаты патріаршія.

Θоракіи (Θοράκια), 179, 197—198, 213.

Θυρία ἁγία (святые врата), 101.

Θυσιαστήριον, 170.

ЗАМѢЧЕННЫЯ БОЛѢ ВАЖНЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣдовало напечатать:
6	9 снизу	въ которомъ	въ которыхъ
6	6 »	σκατίας	σκατίας
8	18 »	138—139	438—439
9	21 сверху	онъ	царь
28	11 снизу	sacculi	sacculi
33	11 »	τορπάνιον	τορπάνιον
37	1 »	Господнихъ,	Господнихъ праздниковъ,
38	17 сверху	причисленъ	причисленъ
42	10 снизу	1, 121	21, 121
43	16 сверху	при положеніи	при изложеніи
44	7 »	папія	папіи
—	15 »	тамъ оставляли	тамъ оставлялись
46	20 »	написанному	написаннаго
47	23 »	προέλευσις	προέλευσις
50	6 »	со свѣчами въ рукахъ	со свѣчею въ рукѣ *)
55	5 »	полотенъ	полотнищъ
66	12 »	которые	которое
69	20 снизу	Но такъ какъ	Но
71	21 сверху	εὐτοχοφόροι	εὐτοχοφόροι
—	7—8 снизу	Очень возможно, что церковные νομικοί, о которыхъ идетъ рѣчь у К о д и н а	У К о д и н а
77	20 снизу	pubes	pubes
—	1 »	καταγλαῖζουσιν	καταγλαῖζουσιν
88	19 »	пославшаго императора	пославшаго его императора
100	17 »	ἀνῆλθεν	ἀνῆλθεν
107	18 сверху	ὥραίη πόλη	ὥραία πόλη
109	4 и 9 сверху		
113	11 снизу	кивариѣмъ	кивориѣмъ
121	2 »	quod	quod
127	1 »	εὐκτήριον	εὐκτήριον
144	24 »	«О пѣсенномъ	«О пѣсенномъ
145	7 сверху	въ правой	въ лѣвой
153	4 снизу	за руки	за руку
158	6 »	вошедшій	вошедшаго
163	13 »	Валентіана	Валентиніана
—	11 »	egredimus	egredimur
165	12 »	obripentibus	obrepentibus
168	12 сверху	снималъ мантию и хламиду	снималъ хламиду
179	8 »	проходили	приходили
181	19 снизу	quo	qua
184	2 »	Рождества Христова	Рождества Богородицы
186	19 »	въ актологію	въ актологіи
190	12 »	Osretvald	Ostervald
225	5 »	θάλασσα	θάλασσα
232	15 »	выѣзда	выѣзды
244	8 сверху	этеріоры	этеріоты

*) Гдѣ рѣчь идетъ объ одномъ царѣ, и въ другихъ подобныхъ случаяхъ слѣдовало напечатать «со свѣчею въ рукѣ» вмѣсто «со свѣчами въ рукахъ», а именно: стран. 69, 74, 82, 127, 133, 151, 152, 162, такъ какъ одинъ царь молился съ одною свѣчею въ лѣвой рукѣ.

II.

Нѣсколько словъ о дрогичинскихъ пломбахъ.

Н. Авенаріуса.

Въ моей статьѣ о „Дрогичинѣ Надбужскомъ и его древностяхъ“ ¹⁾ говорится, между прочимъ, о свинцовыхъ пластинкахъ или, точнѣе, пломбахъ, собранныхъ мною на береговой отмели Зап. Буга, въ заштатномъ городѣ Дрогичинѣ, Гродненской губерніи. Пломбы эти (числомъ около 700 штукъ), интересныя какъ по загадочности своего назначенія, такъ и по разнообразію оттиснутыхъ на нихъ изображеній, я передалъ въ Имп. Археологическую Коммиссію и затѣмъ, передъ послѣднимъ моимъ выѣздомъ изъ Дрогичина, поручилъ двумъ мѣстнымъ жителямъ, Феликсу Коханскому и Антону Барщевскому продолжать сборъ пломбъ и пересылать ихъ мнѣ въ Бѣлостокъ. Этимъ путемъ я получилъ еще около 800 штукъ, изъ которыхъ, приблизительно, половину роздалъ разнымъ любителямъ. Вслѣдъ затѣмъ, до меня дошли слухи, что Коханскій и Барщевскій продаютъ собираемыя ими пломбы и другимъ лицамъ, посѣщающимъ Дрогичинъ и что, между прочимъ, въ Кіевѣ этихъ пломбъ имѣется въ настоящее время у одного лица 700, а у другаго цѣлыхъ 2,500 штукъ. Такимъ образомъ, нѣтъ сомнѣнія, что дрогичинскія пломбы скоро разойдутся по разнымъ коллекціямъ и сдѣлаются предметомъ догадокъ, споровъ, а можетъ быть, и изслѣдованій. Начало такимъ изслѣдованіямъ положилъ г. Н. Леопардовъ, напечатавъ въ 1890 г. въ Кіевѣ двѣ небольшія статьи: „Набросокъ о дрогичинскихъ свинцовыхъ пломбахъ“ и „По поводу дрогичинскихъ находокъ“ ²⁾. Владѣльцы пломбъ, конечно, поспѣшатъ ознакомиться съ

¹⁾ Въ 4-мъ выпускѣ «Матеріаловъ по археологіи Россіи», издаваемыхъ Импер. Археологическою Коммиссіею.

²⁾ Первая статья появилась отдѣльной брошюрой, а вторая — въ издаваемомъ г. Леопардовымъ «Сборникѣ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ».

этими статьями, но, къ сожалѣнію, вынесутъ изъ нихъ самыя превратныя понятія. Поэтому, въ качествѣ невольнаго виновника распространенія этихъ свинцовыхъ знаковъ, я считаю себя обязаннымъ возстановить истину, а именно доказать, что пломбы принадлежатъ не къ первымъ столѣтіямъ нашей эры, какъ полагаетъ г. Леопардовъ, а къ періоду, послѣдовавшему введенію христіанства въ Россію.

При этомъ случаѣ я считаю не излишнимъ повторить вкратцѣ исторію перваго открытія дрогичинскихъ пломбъ гр. Тышкевичемъ и моихъ личныхъ наблюденій на самомъ мѣстѣ ихъ нахожденія, заимствуя то и другое изъ моей же статьи „о Дрогичинѣ Надбужскомъ“.

Въ 1864 году извѣстный литовскій археологъ графъ К. Тышкевичъ напечаталъ въ I томѣ Трудовъ Моск. Археол. Общества статью подъ заглавіемъ: „Свинцовые оттиски, найденные въ р. Бугѣ у г. Дрогичина“. Къ его статьѣ приложены двѣ таблицы съ увеличенными въ 2×2 раза изображеніями пломбъ. Я еще засталъ въ живыхъ старика Амброжевича, доставившаго эти послѣднія гр. Тышкевичу и узналъ отъ него, во-1-хъ, что онѣ были найдены на той же отмели, на которой находилъ ихъ впослѣдствіи пишущій эти строки, и, во-2-хъ, что одновременно съ пломбами Амброжевичъ выслалъ графу нѣсколько мѣдныхъ крестиковъ, найденныхъ тамъ же.

Главные выводы, полученные гр. Тышкевичемъ, заключаются въ слѣдующемъ:

„Дрогичинъ былъ нѣкогда столицею ятвяговъ; слѣдовательно пломбы принадлежатъ этому литовскому племени“. Далѣе онъ говоритъ: „по самому виду механической отдѣлки пломбъ слѣдуетъ допустить, что ятвяги уже имѣли нѣкоторое понятіе объ искусствѣ, а извѣстность свинца безспорно доказываетъ торговля ихъ сношенія съ сосѣдними народами; поэтому народъ, у котораго была своя промышленность и нѣкоторое понятіе объ искусствѣ, не могъ уже быть тѣмъ, чѣмъ исторія представляетъ его, то-есть кочевымъ и дикимъ“. Наконецъ, что касается назначенія пломбъ, то онѣ, по мнѣнію гр. Тышкевича, „принадлежатъ къ предметамъ, посвященнымъ (языческому) божеству и составляютъ какой-то религіозный символъ; онѣ могли представлять домашнія божества, складывавшіяся куда нибудь на жертву, или же носимыя съ собою. Тѣ изъ нихъ, на которыхъ сохранились отверстія, могли быть какими нибудь *религіозными талисманами*, которые, можетъ статься, вѣшали въ священнхъ рощахъ или носили на шнурахъ, подобно тому, какъ нынѣ въ христіанствѣ носятъ крестики или медальоны святыхъ“. Разбирая изображенныя на нихъ буквы, графъ находитъ финскія, германскія и славянскія руны. Изъ церковно-

славянскихъ буквъ упоминаетъ одно **Ш**, не замѣтивъ буквы **Л**, **Ц**, **Ш**, и **А**, помѣщенные на его же таблицахъ. Говоря подробно о ятвягахъ, которымъ будто бы принадлежалъ Дрогичинъ, и голословно приписывая имъ дрогичинскія пломбы, авторъ ни однимъ словомъ не обмолвился ни о древне-русскомъ Дрогичинѣ, ни о православныхъ крестикахъ, найденныхъ и доставленныхъ ему одновременно съ пломбами. Иностранные ученые ¹⁾, которымъ гр. Тышкевичъ разослалъ свои таблицы съ изображеніями пломбъ, конечно, также не замѣтили на нихъ славянскихъ буквъ, но зато нашли въ нихъ сходство съ польскими и чешскими гербами, съ свинцовыми оттисками, найденными въ Англіи, при одной изъ *римскихъ* станцій и т. п. Понятно, что всѣ эти мнѣнія не подтвердились. Такъ, между прочимъ, оказалось, что найденныя въ Англіи пластинки гораздо объемистѣе дрогичинскихъ и что на нихъ оттиснуты нумера когортъ и легионовъ. Словомъ, благодаря основной ошибкѣ гр. Тышкевича, полемика о разбираемыхъ нами пломбахъ ограничилась безплодными предположеніями. Вскорѣ послѣ напечатанія статьи гр. Тышкевича, нѣкто Янушевичъ прислалъ 175 собранныхъ тѣмъ же Амброжевичемъ пломбъ въ Виленскій музей, гдѣ онѣ хранятся и въ настоящее время. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ, дрогичинскія пломбы оставались забытыми, никто ихъ не собиралъ и не интересовался ими.

Пишущему эти строки пришлось открыть ихъ во второй разъ.

Я провелъ въ Дрогичинѣ лѣтніе мѣсяцы 1886, 1887 и 1888 годовъ, занимаясь изслѣдованіемъ безчисленныхъ доисторическихъ могилъ въ его окрестностяхъ и, въ видѣ отдыха, собираніемъ древнихъ предметовъ, размытыхъ изъ дрогичинскаго городища весеннимъ разливомъ Зап. Буга.

Тутъ-то, на самомъ берегу рѣки, между разными другими мелкими предметами — мѣдными крестиками, кольцами, серьгами, стеклянными бусами и т. п., я нашелъ и свинцовыя пластинки, еще до прочтенія статьи гр. Тышкевича. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, были отчетливо оттиснутыя на нѣкоторыхъ изъ нихъ церковно-славянскія буквы. Вспоминая первое свое впечатлѣніе, которое, по мѣрѣ накопленія повѣрочнаго матеріала, скоро перешло въ убѣжденіе, я никакъ не могу понять, какимъ образомъ графъ Тышкевичъ и г. Леопардовъ не видятъ того, чего, по моему мнѣнію, ни одному грамотному человѣку *нельзя* не замѣтить. Г. Леопардовъ, въ частномъ ко мнѣ письмѣ, требуетъ отъ меня доказательствъ, почему я нахожу на дрогичинскихъ пломбахъ церковно-славянскія буквы. На это можно отвѣтить двумя словами: аксіомы не дока-

¹⁾ Чехъ Запъ и англичане Scarth и Roach-Smith.

зываются. Подобно тому, какъ не можетъ быть вопроса о томъ, русскими ли литерами или какими нибудь другими написана настоящая моя замѣтка, такъ, по моему мнѣнію, не можетъ быть серьезнаго спора о нахожденіи на дрогичинскихъ пломбахъ церковно-славянскихъ буквъ. Конечно, бывають случаи, что даже спеціалисты по археологіи ошибаются въ чтеніи буквъ. Стоитъ лишь припомнить знаменитый споръ между гг. К у н и к о м ъ и К ё н е по поводу стокгольмскаго экземпляра Ярославля сребра. Г. К ё н е ошибся, принявъ церковно-славянскія и греческія буквы за латинскія. Но тамъ была предметомъ спора *одна* монета, а въ данномъ случаѣ имѣется для провѣрки тысяча однородныхъ экземпляровъ съ повторяющимися многократно одними и тѣми же изображеніями. Поэтому и я, расположивъ пломбы въ азбучномъ порядкѣ въ приложенной къ моей статьѣ таблицѣ, почелъ излишнимъ доказывать, что на нихъ изображены церковно-славянскія буквы. Но такъ какъ статьи г. Л е о п а р д о в а могутъ легче попасть въ руки довѣрчиваго обладателя пломбъ, чѣмъ моя статья о „Дрогичинѣ Надбужскомъ“, напечатанная въ спеціальномъ и малораспространенномъ изданіи, то я принужденъ дать нѣсколько элементарныхъ объясненій.

Изъ насчитанныхъ мною на пломбахъ 28-ми церковно-вславянскихъ буквъ чаще прочихъ повторяется **И** съ одной и **Т** съ другой стороны пломбы. Въ каждой сотнѣ пломбъ найдется такихъ экземпляровъ отъ 3-хъ до 10-ти. Эти буквы оттиснуты такъ четко, что если бы кромѣ ихъ не нашлось ни одной другой буквы, то не оставалось бы сомнѣнія, что пломбы должны быть отнесены не къ ятвягамъ и не къ христіанамъ первыхъ вѣковъ нашей эры, а къ народу, пользовавшемуся кирилицей. Столь же ясно и четко оттиснуты на многихъ пломбахъ нѣкоторыя другія буквы, напр., **Д, Ж, К, Л, Н, С, Ш, Щ, Ф, Ю, Я**. Буквы **Б, В, Ч** встрѣчались мнѣ лишь въ дурныхъ экземплярахъ, буквы **А, Г и Р** ни разу. Если нѣкоторыя буквы, напр. **Ж**, допускають другое толкованіе, то при сопоставленіи этихъ буквъ съ остальными, вполне несомнѣнными, такое толкованіе дѣлается уже излишнимъ. Словомъ: на пломбахъ имѣется на лицо почти вся церковно-славянская азбука въ отдѣльныхъ буквахъ, для прочтенія которыхъ не требуется никакой учености. Для провѣрки сказаннаго мною я предлагаю владѣльцамъ пломбъ средство, не разъ испытанное мною: положить предъ любымъ грамотнымъ человѣкомъ кучку пломбъ съ предложеніемъ разсортировать буквы по алфавиту; результатъ будетъ всегда одинъ и тотъ же, слѣдовательно безошибочный. Итакъ, повторяю: *на дрогичинскихъ пломбахъ, въ числѣ разныхъ знаковъ и изображеній, встрѣчается большая часть буквъ церковно-славянской азбуки.*

Ограничиваясь пока этимъ основнымъ положеніемъ, перехожу къ статьѣ г. Леопардова.

На первыхъ двухъ страницахъ „Наброска“ онъ помѣстилъ таблицу съ 31 изображеніями принадлежащихъ ему пломбъ. Затѣмъ на слѣдующей страницѣ таблицу съ 21 извѣстными ему монограммами первыхъ вѣковъ христіанства, которыя выражаютъ собою „крестъ“, „Христа“ и таинства церкви. Сопоставляя изображенія на этихъ таблицахъ, авторъ находитъ въ нихъ „не малое сходство“. Что касается креста, то авторъ безусловно правъ. Этотъ священный знакъ постоянно повторяется на пломбахъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Но, къ сожалѣнію, г. Леопардовъ, желая, во что бы то ни стало, найти на пломбахъ христіанскія монограммы, видитъ ихъ и тамъ, гдѣ оттиснуты славянскія буквы и другія вполне мірскія изображенія. Такъ, напримѣръ, **Ж** и **Ѣ** (изображенную у него на выворотъ) онъ приравниваетъ къ монограммамъ Христа; букву **О** къ монограммѣ вѣчности; буквы **С** и **Ф** считаетъ христіанскими символами. Буква **С**, по мнѣнію г. Леопардова, есть „осязательное выраженіе двустества Богочеловѣка, одинаково соединеннаго, какъ два шарика дугою“ (Набросокъ и т. д. стр. 6). Буква **Ф** есть ничто иное, какъ монограмма **І** (Иисусъ), по сторонамъ которой расположены вѣнкообразно *два рыбки* въ формѣ буквы **У**, или же та же монограмма съ вѣнкомъ по срединѣ, какъ со знакомъ побѣдителя (стр. 7). Буквы **Т**, **И**, **Д**, **А**, помѣщенные на его же таблицахъ, которыя, повидимому, нельзя было никакими мистическими натяжками приравнять къ какому нибудь символу или монограммѣ, обойдены молчаніемъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, авторъ, будучи знакомъ съ моей статьей и, слѣдовательно, не нуждаясь въ какихъ-либо другихъ указаніяхъ, прямо утверждаетъ, что „не можетъ быть и рѣчи о томъ, что нѣкоторые знаки на пломбахъ представляютъ какъ бы славянскія буквы“ (стр. 6). Желая à tout prix видѣть на пломбахъ одни символы и монограммы, г. Леопардовъ высказываетъ въ концѣ своей статьи предположеніе, не заключался ли въ этихъ пломбахъ прототипъ креста и не были ли онѣ даваемы новокрещеннымъ въ томъ значеніи, въ которомъ впоследствии установлено возлагать крестъ на посвященнаго св. крещеніемъ? (стр. 9); „по меньшей мѣрѣ“, оканчиваетъ онъ, „онѣ могли быть употребляемы первыми христіанами, какъ отличительные знаки при взаимномъ ихъ общеніи, въ отличіе отъ язычника и въ предостереженіе отъ него, такъ какъ крайне опасно было бы обнаруживать ему пламя вѣры въ искупленіе крестною смертію Богочеловѣка“ (стр. 10). Въ другой своей статьѣ, „По поводу дрогичинскихъ находокъ“, г. Леопардовъ выражается еще опредѣленнѣе и смѣлѣе. Сопоставляя пломбы съ найденными близъ нихъ

крестиками ¹⁾, онъ приходитъ къ заключенію, что „*Дрогичинъ былъ мѣстомъ христіанской общины съ первыхъ вѣковъ нашей эры. Мѣстность, занимаемая этимъ городомъ, была обитаема христіанами не позже III в.*“. Боясь навлечь на себя подозрѣніе въ ложномъ толкованіи словъ автора, я выписываю дословно его интересное заключеніе:

„Извѣстны страшныя римскія гоненія исповѣдывавшихъ вѣру во Христа; они уже въ III в. дошли до своего апогея, — жестокія пытки, казни, растерзаніе звѣрями, распятіе на крестѣ, сожженіе на кострѣ, ссылка въ рудники и каменоломни съ непосильными тамъ работами и проч., пастойчиво должны были заставлять христіанъ, — особенно тѣхъ, которые не обрекали себя на мученія, — искать болѣе безопаснаго убѣжища, чѣмъ Римъ и его провинціи, искать такого убѣжища, какъ искали и находили наши раскольники въ Сибири, въ тѣхъ мѣстахъ, куда не проникла правительственная власть. Такимъ-то именно мѣстомъ для римскихъ христіанъ были дебри и лѣса за предѣлами римской имперіи, и такимъ мѣстомъ былъ нынѣшній Дрогичинъ въ первобытной своей дикости и непривѣтливости. *Безъ сомнѣнія* они проникли сюда и избрали себѣ осѣдлость въ этой невѣдомой Риму странѣ, гдѣ свободно могли исповѣдывать Христа и даже тайными путями снабжать христіанъ въ имперіи символическими знаками искупленія; на такую мысль наводитъ обиліе находимыхъ въ Дрогичинѣ пломбъ съ монограммами. Въ этихъ-то укрывшихся христіанахъ мы должны признать начатокъ христіанской общины въ Дрогичинѣ, непрерывно развивавшейся отъ первыхъ вѣковъ христіанства вплоть до историческаго времени, когда уже община прошла всѣ стадіи своего развитія и возродилась въ значительный городъ“ (стр. 10) ²⁾.

Сопоставляя мнѣнія гр. Тышкевича и г. Леопардова, мы видимъ, что невзрачныя дрогичинскія пломбы дали поводъ къ выводамъ, одинаково смѣлымъ, и хотя діаметрально противоположнымъ, но, по странной случайности, весьма сходнымъ въ одномъ пунктѣ.

Гр. Тышкевичъ приписываетъ эти пломбы язычникамъ — ятвягамъ, которые eo ipso не могли быть дикарями, а, по его мнѣнію, *безспорно* находились въ торговыхъ сношеніяхъ съ сосѣдами и имѣли нѣкоторое понятіе объ искусствѣ. Г. Леопардовъ, съ своей стороны, не менѣе смѣло относитъ тѣ же пломбы къ христіанскимъ бѣглецамъ II и III столѣтій,

¹⁾ Подобные крестики изображены, между прочимъ, и на 2-й таблицѣ, приложенной къ моей статьѣ о «Дрогичинѣ Надбужскомъ».

²⁾ Еслибы г. Леопардову было извѣстно, что я нашелъ на дрогичинской отмели три римскихъ монеты II вѣка, то онъ, безъ сомнѣнія, увидѣлъ бы въ нихъ вѣское подтвержденіе своего положенія.

которые неизвѣстными ему и намъ путями, но все-таки *безъ сомнѣнія* пробрались изъ далекаго Рима на берега Западнаго Буга. По мнѣнію гр. Тышкевича, пломбы представляли собою *религіозные символы*, и язычники-ятвяги носили ихъ на снуркахъ, подобно тому, какъ нынѣ въ христіанствѣ носятъ крестики или медальоны святыхъ.

По мнѣнію г. Леопардова пломбы заключаютъ въ себѣ прототипъ креста и могли быть употребляемы первыми христіанами, какъ отличительные знаки при взаимномъ сообщеніи. Что касается выводовъ гр. Тышкевича, то они достаточно подробно опровергнуты въ нашей статьѣ о „Дрогичинѣ Надбужскомъ“. Мы доказали, что общепринятое мнѣніе, будто Дрогичинъ былъ когда-то столицею ятвяговъ, всецѣло основано на одной фразѣ польскаго лѣтописца Длугоша, жившаго двѣсти лѣтъ по истребленіи ятвяговъ; мы затѣмъ доказали, что если ятвяги и бывали въ Дрогичинѣ, то не иначе, какъ въ качествѣ непрошенныхъ гостей-грабителей или, позже, въ качествѣ невольныхъ поселенцевъ. Такимъ образомъ фантастическое заключеніе гр. Тышкевича о сравнительно высокой культурѣ ятвяжскаго племени, основанное *исключительно* на приписываемыхъ имъ ложно пломбахъ, не нуждается въ опроверженіи.

Съ другой стороны мы признаемъ излишнимъ считаться и съ выводами г. Леопардова. Увлеченный христіанской символикой и искренно убѣжденный въ неопровержимости своихъ увлеченій, онъ едва ли откажется отъ высказанныхъ имъ положеній, ничего не имѣющихъ общаго съ исторіей и потому не подлежащихъ критикѣ. Поэтому нечего доказывать, что его дрогичинскіе христіане III в. не менѣе фантастичны, чѣмъ дрогичинскіе ятвяги гр. Тышкевича, занимающіеся торговлей и искусствами. Ошибка, общая обоимъ авторамъ, состоитъ въ томъ, что ни тотъ, ни другой не хотятъ признать самаго существеннаго и достовѣрнаго признака на пломбахъ — церковно-славянскихъ буквъ. Сознавшись въ этой ошибкѣ, они, конечно, должны были бы отказаться отъ всѣхъ своихъ выводовъ.

И такъ, что же, наконецъ, эти дрогичинскія пломбы? До рѣшенія этого вопроса, пока еще преждевременнаго, нужно согласиться въ другихъ пунктахъ, болѣе близкихъ. Нѣкоторые изъ нихъ мы считаемъ уже рѣшенными: во 1-хъ, подобныя пломбы не встрѣчаются нигдѣ, кромѣ Дрогичина; слѣдовательно, нѣтъ сомнѣнія, что онѣ выдѣланы въ самомъ Дрогичинѣ; во 2-хъ, церковно-славянскія буквы и кресты, изображенные на пломбахъ, доказываютъ, что пломбы принадлежали православнымъ христіанамъ; въ 3-хъ, такъ какъ достовѣрно извѣстно, что Дрогичинъ съ XI по XIV столѣтіе входилъ въ составъ сначала Кіевского, а затѣмъ Волынскаго княжества и, по присоединеніи его къ Польско-Литовскому го-

сударству, населеніе его оставалось русскимъ и православнымъ, то и дрогичинскія пластинки несомнѣнно русскаго происхожденія и принадлежатъ тому времени, когда русскій языкъ былъ въ Дрогичинѣ правительственнымъ и когда русскіе правительственные знаки, тиспенные или чеканенные, не были еще замѣнены латинскими или польскими.

Въ нашей статьѣ о „Дрогичинѣ Надбужскомъ“ мы высказали еще слѣдующее положеніе: эти пластинки размыты Бугомъ изъ мусорнаго пласта дрогичинскаго городища, въ которомъ верхній, то-есть, новѣйшій слой принадлежитъ концу XIV-го столѣтія; потому и пластинки должны быть отнесены къ древне-русскому, а не къ слѣдующему за нимъ русско-литовскому періоду. Отъ этого послѣдняго положенія мы теперь, по зрѣломъ размысленіи, отказываемся, относя его къ вопросамъ спорнымъ, а именно вотъ почему.

Значительная часть древняго Дрогичина лежитъ въ нынѣшнемъ руслѣ Буга, измѣнившаго свое направленіе въ теченіи вѣковъ на сотни сажень. Слѣдовательно, древніе предметы, собираемые послѣ разлива рѣки на прибрежной отмели, лежали первоначально, т. е. до разлива, или въ мусорномъ слоѣ прибрежнаго городища, или же въ давно размытой его части, нынѣ находящейся на днѣ рѣки. Теперь я припоминаю, что, отламывая куски мусорнаго слоя, я находилъ въ немъ, кромѣ безчисленныхъ костей, черепковъ и угля, обломки ножей и другихъ желѣзныхъ предметовъ, но ни разу не вынималъ изъ этого мусора ни одной свинцовой пластинки. Всѣ онѣ попадались лишь на прибрежной отмели или даже въ самой рѣкѣ, на глубинѣ нѣсколькихъ вершковъ. Поэтому ни я, ни кто-либо другой не можетъ опредѣлить съ точностью, откуда размыты и отложены на отмель эти пластинки: изъ существующей-ли донинѣ части городища, или же изъ смытой въ прежнее время. Тѣмъ менѣе можно рѣшить съ достовѣрностью, какъ и гдѣ именно лежали эти пломбы первоначально, въ кучахъ или по одиночкѣ, въ нижнемъ, то-есть, древнѣйшемъ, или въ верхнемъ, то-есть, болѣе новомъ мусорномъ слоѣ ¹⁾. Словомъ: вопросъ о вѣкѣ, къ которому относятся пластинки, не можетъ быть окончательно рѣшенъ опредѣленіемъ мѣстности ихъ находенія, но прежде всего подлежитъ обсужденію со стороны палеографовъ ²⁾.

¹⁾ Въ Дрогичинѣ мнѣ говорили, что *когда-то* *какая-то* старуха нашла въ самомъ городѣ, при копаніи картофельной ямы, цѣлый горшокъ съ пломбами, которыя немедленно были сплавлены ея мужемъ. Но я не имѣлъ возможности провѣрить этотъ фактъ.

²⁾ Предоставляя это дѣло специалистамъ, я позволю себѣ сдѣлать маленькую замѣтку относительно буквы Ю. Между 1.500 пломбами, бывшими въ моихъ рукахъ, я нашелъ лишь два экземпляра съ буквою Ю, изъ которыхъ одинъ передалъ въ Имп. Археол. Коммиссію, а другой А. О. Бычкову. На обоихъ экземплярахъ эти буквы изображены не

Кромѣ церковно-славянскихъ буквъ на пломбахъ встрѣчается нѣсколько другихъ буквъ, частью сходныхъ по характеру съ первыми, частью совершенно иного типа. Затѣмъ на тѣхъ же пломбахъ оттиснутъ цѣлый рядъ другихъ, не менѣе загадочныхъ знаковъ и всевозможныхъ изображеній: голова въ шапкѣ, голова, украшенная (жемчужной?) діадемой; голова съ длинными отвисшими усами; человѣкъ во весь ростъ; птица; четвероногое съ поднятымъ хвостомъ; рука; рука съ короткимъ мечомъ и т. п. Чаше прочихъ знаковъ встрѣчается крестъ въ самыхъ разнородныхъ формахъ; но попадаются и такіе знаки, которые, по своему сходству съ рунами и древне-христіанскими символами и монограммами, дали поводъ гр. Тышкевичу и г. Леопардову къ созданію ихъ смѣлыхъ гипотезъ. Предостерегая другихъ изслѣдователей дрогичинскихъ пломбъ отъ такихъ же поспѣшныхъ и неосторожныхъ выводовъ, мы тѣмъ не менѣе полагаемъ, что сравненіе находящихся на этихъ пломбахъ изображеній съ другими знаками, хотя бы и съ катакомбными христіанскими монограммами и языческими рунами, будетъ дѣломъ далеко не излишнимъ. Но, отъ сравненія до окончательной разгадки пломбъ путь не близкій. Такъ, напримѣръ, находя на пломбахъ знакъ , извѣстный въ археологіи подъ названіемъ свастики, мы не можемъ довольствоваться сравненіемъ его съ той же свастикой на донышкахъ могильныхъ горшковъ каменнаго періода, но должны, по возможности, прослѣдить исторію этого знака на разныхъ вещественныхъ памятникахъ древнихъ и средневѣковыхъ. И только тогда, когда мы до извѣстной степени опредѣлимъ, что большая часть находящихся на пломбахъ знаковъ встрѣчается на разныхъ памятникахъ въ одинъ и тотъ же періодъ, мы можемъ приступить къ рѣшенію послѣдняго вопроса: къ чему служили онѣ? Въ настоящее время можно лишь дѣлать предположенія, болѣе или менѣе гадательныя. Пока мы знаемъ лишь одно: дрогичинскія свинцовыя пластинки наружною своею формою напоминаютъ тѣ двойныя, сложенныя книжкою свинцовыя печати, съ заключенными въ нихъ концами снурка, которые мы, на нашемъ новомъ языкѣ, привыкли называть пломбами ¹⁾. „Но имѣемъ-ли мы основаніе говорить о таможенныхъ

такъ, какъ мы ее привыкли видѣть на церковно-славянскихъ памятникахъ, а такъ, какъ ее пишутъ въ настоящее время. Для лицъ, мало знакомыхъ съ западно-рускими памятниками, я могу замѣтить, что въ Туровскомъ Евангеліи, принадлежащемъ XI вѣку, буква **Ю** начертана совершенно такъ, какъ и на дрогичинскихъ пломбахъ. (См. фотолитографическую страницу изъ этого Евангелія на 12-мъ рисункѣ, приложенномъ къ VI выпуску «Памятниковъ русской старины», изданныхъ П. Н. Б а т ю ш к о в ы м ъ).

¹⁾ На многихъ экземплярахъ, очевидно слабо стиснутыхъ и потому легко разлагаемыхъ на составныя части, замѣчены мною слѣды желобка, въ которомъ когда-то заключался снурокъ.

или товарныхъ пломбахъ, когда намъ изъ исторіи ничего неизвѣстно о торговлѣ Дрогичина? Конечно, и въ данномъ случаѣ найдется матеріаль для гипотезъ. Можно, напримѣръ, предположить, что чрезъ Дрогичинъ направлялась торговля пушнымъ товаромъ изъ запоревскаго ятвяжскаго края и близкой бѣловѣжской пущи въ Западную Европу; что, благодаря этой торговлѣ, *слѣды которой сохранились въ таможенныхъ пломбахъ*, Дрогичинъ достигъ того матеріальнаго благосостоянія, которое выражается въ безчисленныхъ, находимыхъ въ его городищѣ, предметахъ. Но мы предпочитаемъ не дѣлать такихъ рискованныхъ предположеній¹⁾, боясь повторить ошибки гр. Тышкевича и г. Леопардова. Наши свѣдѣнія о торговлѣ древняго Дрогичина слишкомъ недостаточны. Извѣстно лишь, что въ 1498 году виленскимъ, трокскимъ и полоцкимъ купцамъ было подтверждено право свободной торговли въ этомъ городѣ²⁾; но неизвѣстно, когда и кѣмъ было дано первоначально это право.

Итакъ, скажемъ откровенно: мы пока не знаемъ вѣка, которому принадлежать дрогичинскія пластинки, не умѣемъ разъяснить многихъ оттиснутыхъ на нихъ знаковъ и изображеній, наконецъ не знаемъ ихъ назначенія. Но если въ археологическомъ отношеніи эти пломбы представляютъ рядъ загадокъ, то онѣ уже теперь имѣютъ право занять почетное мѣсто въ коллекціяхъ любителей русской старины, какъ единственный въ своемъ родѣ вещественный памятникъ по исторіи Западной Руси.

Въ заключеніе нашей замѣтки рекомендуемъ лицамъ, желающимъ приобрѣсти пломбы, обратиться къ настоятелю дрогичинскаго православнаго прихода, отцу Иларіону Будиловичу. Онъ условится съ мальчиками, занимающимися сборомъ пломбъ и другихъ древнихъ вещей на берегу Буга и, конечно, не откажется взять на себя хлопоты по пересылкѣ пломбъ. Я платилъ сборщикамъ пломбъ отъ 1-го до 3-хъ рублей за сотню, но можетъ быть теперь, въ виду возросшаго запроса, цѣна ихъ поднялась. Лучшее время для сбора—мартъ и апрѣль, когда, послѣ спада рѣки, пломбы и другіе предметы отлагаются на береговой отмели.

¹⁾ «Дрогичинъ Надбужскій», стр. 18.

²⁾ Бобровскій. Матеріалы для географіи и статистики Гродн. губ. II, 961.

III.

Памятники деревяннаго церковнаго зодчества въ епархіяхъ Новгородской, Тверской, Ярославской, Иркутской и Красноярской XVII и XVIII в.

Члена-сотрудника іеромонаха А. Н. Виноградова.

Въ 1876 г. Императорскому Русскому Археологическому Обществу благоугодно было принять мое предложеніе, а въ 1877 г. дать ученое порученіе объ изученіи памятниковъ древне-русскаго зодчества и другихъ предметовъ старины въ знакомыхъ мнѣ съ дѣтства смежныхъ мѣстностяхъ Тверской, Новгородской и Ярославской епархій. По 1880 г. собраны были и произведены чертежи, рисунки, описанія, требовавшіе постепенной разработки, которая и продолжалась съ другими занятіями въ Китаѣ, во время служенія при русской духовной миссіи (съ 1881 по 1887 г.). На возвратномъ пути въ русское отечество, проѣздомъ по сибирскому тракту, я обратилъ вниманіе и на нѣкоторыя сибирскія церкви, сдѣлавъ точныя измѣренія нѣкоторыхъ, а съ прочихъ снялъ лишь перспективные наброски. Къ 1889 году мною лично были восстановлены наиболѣе точныя архитектурныя чертежи плановые — на двухъ синоптическихъ таблицахъ — и детальныя; болѣе пятидесяти церквей, прочіе — исполнены г. архитекторомъ Александромъ Александровичемъ Всеславнымъ по черновымъ моимъ разнообразнымъ матеріаламъ, отчасти и ученикомъ Императорской академіи художествъ А. Полѣщукъ. Такъ образовалась оригинальная коллекція чертежей древне-русскихъ церквей и часовенъ, всего свыше ста номеровъ на тридцати шести таблицахъ, о которой, съ демонстраціею, по желанію специалистовъ, сообщено было мною общее понятіе въ публичномъ чтеніи 5 ноября 1891 года, происходившемъ въ С.-Петербургскомъ обществѣ гг. архитекторовъ.

Черновые матеріалы видовъ большей части церквей произведены были при помощи камеры-обскуры, пропорціи же съ измѣреніями фасадовъ и деталей были наносимы на сѣтчатую бумагу съ разными замѣчаніями; дополненіемъ ко всѣмъ служили описанія и извлеченія изъ нѣкоторыхъ церковныхъ документовъ и точныя копіи съ оныхъ и съ самыхъ предметовъ съ надписями, таковы: храмоздательныя доски, кресты, иконы, колокола и прочія древности, особливо храмоздательныя грамоты и указы мѣстныхъ архіереевъ, отчасти земельныя и договорныя грамоты. Собраны и возстановлены также мѣстные преданія, рассказы, замѣтки старожиловъ и плотниковъ, знакомыхъ съ зодчествомъ. Отъ епархіальныхъ консисторій и любителей старины также получены точныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ памятникахъ. Съ благодарностью отношусь и къ мѣстному духовенству, снабдившему меня всевозможнымъ содѣйствіемъ въ собраніи археологическихъ свѣдѣній.

Въ настоящей статьѣ представлены вниманію спеціалистовъ чертежи церквей и часовенъ плановые и детальныя, нѣкоторые изъ нихъ XIX ст., но удерживающіе типическія особенности древняго зодчества. Памятники нынѣ несуществующіе, сгорѣвшіе, нарушенные, но возстановленные по сохранившимся слѣдамъ, описаніямъ или рисункамъ, означены въ указателѣ †. Первая и вторая таблицы, а также и прочія, имѣютъ свой счетъ чертежей и рисунковъ церковно-славянскій, съ цифрами арабскими при началѣ; въ таблицахъ детальныхъ (III — XXXVI) въ концѣ поясненій присоединены въ скобкахъ цифры, соотвѣтствующія цифрамъ, I и II таблицъ и общаго ихъ указателя; прочія же церкви и часовни оговорены въ своемъ мѣстѣ.

Указатель къ планамъ деревянныхъ Церквей и Часовенъ, помѣщенныхъ на „Синоптической таблицѣ“ (I и II).

I.

1. ѿ. Церк. въ деревнѣ *Воскресенской*, бывшемъ селѣ, Тяжинскаго прихода, Устюжно - желѣзнопольскаго уѣзда, Новгородской епархіи; постр. 1661—1663 г. (нынѣ часовня).
2. ѿ. Церк. съ колокольною въ селѣ *Орловъ Городокъ*, Бѣжецкаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1790 г.
3. ѿ. Церк. съ колокольною въ селѣ *Вяткѣ* или *Волдомицахъ*, Весьегонскаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1670—1689 г.
4. ѿ. Церк. съ колокольною въ селѣ *Лютницахъ*, Бѣжецкаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1756 г.
5. ѿ. Церк. съ бывш. колокольною отдѣльно, въ селѣ *Башаровѣ*, Весьегонскаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1780 г.
6. ѿ. Церк. въ селѣ *Чуди*, Череповскаго уѣзда, Новгородской епархіи; постр. 1740—1750 г.
7. ѿ. Церк. съ колокольною въ селѣ *Логиновѣ*, Череповскаго уѣзда, Новгородской епархіи; постр. 1774—77 г.
8. ѿ. Церк. *Вознесенія Господня* въ г. *Торжкѣ*, Тверской епархіи; постр. 1625 г.
9. ѿ. Церк. съ колокольною въ селѣ *Сандовѣ*, Весьегонскаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1713 г.
10. ѿ. Церк. въ селѣ *Дръдковѣ*, Весьегонскаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1700 г., (колокольная новая).
11. ѿ. Церк. въ селѣ *Синей Дубровкѣ*, Бѣжецкаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1778 г.
12. ѿ. Церк. *Св. Архистратига Михаила*, въ погостѣ на Уляниной горѣ, Бѣжецкаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1708 г.
13. ѿ. Церк. въ селѣ *Пестовѣ*, съ малою отдѣльно колокольною Весьегонскаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1605 г.
14. ѿ. Церк. *Спасъ на р. Рени*, или въ селѣ *Θедорковѣ*, съ от-

- дѣльною колокольней, *Д'*, *Д''*. Весьегонскаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1780 г.
15. *Ѣ*. Церк. въ селѣ *Шухтовъ Покровскомъ* или *Сергѣевскомъ*, Череповскаго уѣзда, Новгородской епархіи; постр. 1794 г.
16. *Ѣ*. Церк. въ селѣ *Никола на р. Выкстѣ*, Череповскаго уѣзда, Новгородской епархіи; постр. 1697 г.
17. *Ѣ*. Церк. въ селѣ *Шухтовъ Никольскомъ*, Череповскаго уѣзда, Новгородской епархіи; постр. 1746 г.
18. *Ѣ*. Церк. въ селѣ *Остолоповъ*, Весьегонскаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1731 г. (†).
19. *Ѣ*. Церк. въ селѣ *Мартыновъ*, Весьегонскаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1782 г.
20. *Ѣ*. Церк. въ селѣ *Захарыинъ*, Череповскаго уѣзда, Новгородской епархіи; постр. 1730 г.
21. *Ѣ*. Церк. въ селѣ *Гришинъ*, Череповскаго уѣзда, Новгородской епархіи; постр. 1739 г.
22. *Ѣ*. Церк. въ селѣ *Мѣроукомъ*, Череповскаго уѣзда, Новгородской епархіи; постр. 1776 г.
23. *Ѣ*. Церк. въ селѣ *Царасковъ*, Старицкаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1691 г.
24. *Ѣ*. Церк. съ колокольнею въ селѣ *Пожаръ*, Весьегонскаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1787 г.
25. *Ѣ*. Церк. въ селѣ *Кесъмъ*, Весьегонскаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1725 г.
26. *Ѣ*. Церк. въ селѣ *Лошницахъ*, съ малою отдѣльно колокольней, *Кз*, *Кз'*, *Кз''*. Весьегонскаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1794 г.
27. *Ѣ*. Церк. въ селѣ *Сушигоричахъ*, Весьегонскаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1724—26 г.
28. *Ѣ*. Церк. съ колокольнею въ селѣ *Горинскомъ*, Ярославской епархіи, Мологскаго уѣзда; постр. 1775 — 1780 г.
29. *Ѣ*. Церк. *Спасъ-Претображенская* съ бывш. колокольнею, въ *Слезкинскомъ поюстѣ*, именуемомъ также *Спасъ на р. Кати*; Устюжно-желѣзопольскаго уѣзда, Новгородской епархіи; постр. 1709 г.
30. *Ѣ*. Церк. въ селѣ *Тининъ*, Весьегонскаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1700 г.
31. *Ѣ*. Церк. въ селѣ *Шухтовъ Ильинскомъ*, Череповскаго уѣзда, Новгородской епархіи; постр. 1791 г.
32. *Ѣ*. Церк. (быв.) въ селѣ *Едомъ*, Череповскаго уѣзда, Новгородской епархіи; XVII ст. (†).
33. *Ѣ*. Церк. съ колокольнею *Ѣ'*, въ селѣ *Елкинъ*, Устюжножелѣзопольскаго уѣзда, Новгородской епархіи; постр. 1740 г. (†).
34. *Ѣ*. Церк. въ селѣ *Шухтовъ Ильинскомъ*, Череповскаго уѣзда, Новгородской епархіи; постр. 1795—1800 г.

35. ѿ. Церк. въ селѣ *Муравьевъ*, Череповскаго уѣзда, Новгородской епархіи; постр. 1750 г.
36. ѿ. Церк. съ бывш. колокольнею, въ селѣ *Польцъ*, Бѣжецкаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1605 — 1682 г.
37. ѿ. Церк. въ селѣ *Дмитріевскомъ* или *Староникольскомъ*, Череповскаго уѣзда, Новгородской епархіи; постр. 1674 г., освящ. 1694—1696 г.
38. ѿ. Церк. въ селѣ *Нелазскомъ* при р. Нелазѣ, или *Борисолазбскомъ*, Череповскаго уѣзда, Новгородской епархіи; постр. 1674 г., освящ. 1696 г.
II.
39. ѿ. Церк. *Николаевская въ пустоши Грязихъ*, Знаменскаго прихода, Устюжно-желѣзопольскаго уѣзда, Новгородской епархіи; постр. 1600—1605 г.
40. ѿ. Церк. въ селѣ *Знаменскомъ*, Устюжно-желѣзопольскаго уѣзда, Новгородской епархіи; постр. 1772 г. (†).
41. ѿ. Церк. съ колокольней въ селѣ *Семутинъ*, Весъегонскаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1770 г. (†).
42. ѿ. Церк. съ бывшей колокольней въ селѣ *Бѣлымежи*, Весъегонскаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1721 г.
43. ѿ. Церк. *Богоотецъ Іоакима и Анны въ г. Кашинъ*, Тверской епархіи; постр. 1646 г.
44. ѿ. Церк. съ колокольней въ селѣ *Павскомъ*, Весъегонскаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1785 г.
45. ѿ. Церк. въ селѣ *Черкасовъ*, Мологскаго уѣзда, Ярославской епархіи; постр. 1700—1725 г.
46. ѿ. Церк. и колокольня въ селѣ *Муравьевъ*, Череповскаго уѣзда, Новгородской епархіи; постр. 1752 г.
47. ѿ. Церк. и колокольня въ селѣ *Чистой Дубровъ*, Весъегонскаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1799 г., освящ. 1812 г.
48. ѿ. Часовня подлѣ Церкви *Ламской пустыни*, постр. на мѣстѣ отдохновенія странствующаго Св. Кирилла Бѣлозерскаго.
49. ѿ. Церк. *Ламской пустыни*, Весъегонскаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1775 г. осв. 1780 г.
50. ѿ. Церк. въ селѣ *Лекмъ*, Весъегонскаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1674 г.
51. ѿ. Церк. въ погостѣ *Кондратовъ*, Весъегонскаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1640 г. (†).
Часовни въ деревняхъ разныхъ приходовъ: 52 ѿ въ д. *Федоровскомъ*; 53 ѿ д. *Мурлыиной*; 54 ѿ д. *Новинкъ*, Устюжножелѣзопольскаго уѣзда; 55 ѿ д. *Нивицахъ*, Весъегонскаго уѣзда, и 56 ѿ д. *Клопузовой*, Череповскаго уѣзда.
57. ѿ. Церк. съ колокольнею отдѣльно въ селѣ *Тулунъ*, по

- Сибирскому тракту, Иркутской епархii; постр. 1734 г.
58. iii. Церк. въ селѣ *Суковѣ*, Весьегонскаго уѣзда, Тверской епархii; постр. 1705 г. (реставр.).
59. ii-ф. Церк. съ колокольнею въ селѣ *Гричевѣ*, Бѣжецкаго уѣзда, Тверской епархii; постр. 1766 г.
60. ѣ. Церк. съ колокольнею въ селѣ *Новинкѣ*, приписномъ къ Даниловскому приходу, Устюжно-желѣзопольскаго уѣзда; постр. 1700 г.
61. ѣа. Церк. (лѣтняя) въ селѣ *Ахматовѣ*, съ придѣльной колокольней, Весьегонскаго уѣзда, Тверской епархii; постр. 1780 г.
62. ѣв. Церк. зимняя-малая, бывшая въ томъ же селѣ; постр. 1708 г.
63. ѣг. Церк. съ бывш. колокольней, въ селѣ *Бологомѣ*, Валдайскаго уѣзда, Новгородской епархii; постр. 1735 г.
64. ѣд. Церк. въ селѣ *Орли*, (XVII ст.), перевезенная изъ с. Карамышева съ придѣльною колокольней, — тоже, перевезенной изъ другаго села, Весьегонскаго уѣзда, Тверской епархii.
65. ѣе. Церк. и звонница въ селѣ *Михайловскомѣ*, Череповскаго уѣзда, Новгородской епархii; постр. 1768 г.
66. ѣз. Часовня въ деревнѣ *Городокѣ*, Валдайскаго уѣзда, Новгородской епархii.
67. ѣз. Часовня въ деревнѣ *Горкѣ*, Череповскаго уѣзда, Новгородской епархii.
68. ѣи. Церк. съ колокольнею въ погостѣ *Широкомѣ* или *Ширковѣ*, Осташковскаго уѣзда, Тверской епархii; постр. 1697 г.
69. ѣо. Церк. въ селѣ *Славномѣ*, Тверскаго уѣзда и епархii; постр. 1696 г.
70. ѣ. Церковь съ колокольнею въ селѣ *Камилътейскомѣ*, по Сибирскому тракту, Иркутской епархii, постр. 1735 г. (Верхній и нижній этажи).
71. ѣа. Колокольня (верхніе и нижній этажи) въ селѣ *Орловѣ*, Мологскаго уѣзда, Ярославской епархii; постр. 1791 г.
72. ѣв. Церк. съ колокольнею въ селѣ *Волховицахѣ*, Весьегонскаго уѣзда, Тверской епархii; постр. 1726 г.
73. ѣг. Церк. въ погостѣ *Линевѣ*, именуемомъ также „*Василій Великій*“, Бѣжецкаго уѣзда, Тверской епархii; постр. 1780 г.
74. ѣд. Церк. съ колокольнею въ селѣ *Высоковѣ*, Кашинскаго уѣзда, Тверской епархii; постр. 1790 г. по 1800 г.
75. ѣе. Церк. съ колокольнею въ селѣ *Бѣляницѣхѣ*, Бѣжецкаго уѣзда, Тверской епархii; постр. 1770 г. по 1774 г. (†).
76. ѣз. Церк. съ колокольнею въ селѣ *Покровѣ Коноплицѣ*, Весьегонскаго уѣзда, Тверской епархii; постр. 1700 г. по 1736 г.

77. Ыз. Церк. въ селѣ *Перетерьѣ* или *Крутецѣ*, Устюжно-желѣзопольскаго уѣзда, Новгородской епархіи; построена 1786 г.
78. Ыи. Церк. въ селѣ *Костковѣ*, Осташковскаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1700 г.
79. Ыѳ. Часовня въ деревнѣ *Заручѣ*, Бѣжецкаго уѣзда, Тверской епархіи.
80. Ѳ. Церк. съ колокольнею въ погостѣ *Глубокомѣ*, Осташковскаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1703 г.
81. Ѳа. Церк. съ колокольнею — *Воздвиженія Господня въ с. Мологѣ*, Ярославской епархіи; постр. 1780 г.
82. Ѳв. Часовня въ деревнѣ *Овиницахѣ*, Делединскаго прихода, Весьегонскаго уѣзда, Тверской епархіи.
83. Ѳг. Часовня въ деревнѣ *Лемѣ*, Шугоботскаго прихода, Череповскаго уѣзда, Новгородской епархіи.
84. Ѳд. Церк. съ колокольнею въ селѣ *Зиминскомѣ*, по Сибирскому тракту, Иркутской епархіи (нижній этажъ и верхній); постр. въ 1760 г. осв. 1770 г.
85. Ѳе. Колокольня въ с. *Романовскомѣ*, Весьегонскаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1770 г. (†).
86. Ѳз. Церк. съ колокольнею въ селѣ *Ивашиковѣ*, Бѣжецкаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1797 г.
87. Ѳз. Церк. во имя *Св. Николая Чудотв. въ Моденскомѣ монастырѣ*, Череповскаго уѣзда, Новгородской епархіи; постр. 1671 г., реставр. 1802 г.
88. Ѳи. Церк. съ колокольнею въ селѣ *Пунцевѣ* или *Пунцахѣ*, Весьегонскаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1670 г.
89. Ѳѳ. Церк. съ колокольнею въ селѣ *Дрозднѣвѣ*, Весьегонскаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1793 г.
90. Ч. Церк. съ колокольнею въ селѣ *Растороповѣ*, Весьегонскаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1670 года, (реставр.).
91. Ча. Церк. съ колокольнею въ селѣ *Куженкинѣ*, Валдайскаго уѣзда, Новгородской епархіи; постр. 1757 года.
92. Чв. Церк. съ колокольнею въ селѣ *Тушитовѣ*, Весьегонскаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1733 г.
93. Чг. Церк. въ селѣ *Пневѣ*, Весьегонскаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1600 г. (реставр.).
94. Чд. Часовня въ деревнѣ *Страшиной*, Устюжно-желѣзопольскаго уѣзда, Новгородской епархіи.
95. Че. Церк. въ селѣ *Титовскомѣ*, что на Глинницахѣ, Весьегонскаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1718 г. (†).
96. Чс. Церк. въ селѣ *Козмодемьянскомѣ* или *Чернецкомѣ*, Весьегонскаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1732 г. (†).
97. Чз. Церк. съ колокольнею въ селѣ *Павскомѣ*, Весьегонскаго уѣзда, Тверской епар-

- хін; постр. XVII стол.
Часовни въ деревняхъ: 98.
ѿн. *Мартюжиной*, Череповскаго уѣзда, 99. ѿѿ *Избищахъ*—Устюжнопольскаго уѣзда, Новгородской епархіи и 100. ѿ. — *Благовѣщенской* — Весьегонскаго уѣзда, Тверской епархіи.
101. ѿа. Церк. въ селѣ *Кутуликскомъ*, по Сибирскому тракту, Пркутской епархіи (верхній и нижній этажи); постр. 1766 г.
102. ѿв. Церк. съ колокольнею въ погостѣ *Богородскомъ*, Бѣжецкаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1771 г., осв. 1786 г.
103. ѿг. Церковь въ селѣ *Стану*, что при р. *Андогъ*, Череповскаго уѣзда, Новгородской епархіи; постр. 1681 г.
104. ѿд. Церк. (XVII ст.) въ селѣ *Баскакахъ*, Весьегонскаго уѣзда, Тверской епархіи; реставр. 1857 г.
105. ѿе. Церк. въ селѣ *Вауръ*, Череповскаго уѣзда, Новгородской епархіи; постр. 1690 г.
106. ѿз. Церк. въ селѣ *Кисовъ* или *Куриловъ*, Череповскаго уѣзда, Новгородской епархіи; постр. 1739 г. по 1741 г. (реставр.).
107. ѿз. Церк. въ бывш. селѣ *Колыневъ*, съ колокольнею, Весьегонскаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1649 по 1652 г.
108. ѿи. Церк. въ селѣ *Дубровкѣ* или *Рыкушахъ*, Весьегонскаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1733 г.
109. ѿѿ. Церк. въ селѣ *Пери*, Устюжно-желѣзопольскаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. XVIII ст.
110. ѿі, ѿі', ѿі'', ѿі''', ѿі'''' . Колокольня въ селѣ *Чамеровъ*, Весьегонскаго уѣзда, Тверской епархіи; постр. 1712 г. (нижній этажъ, верхній и средній) (†).

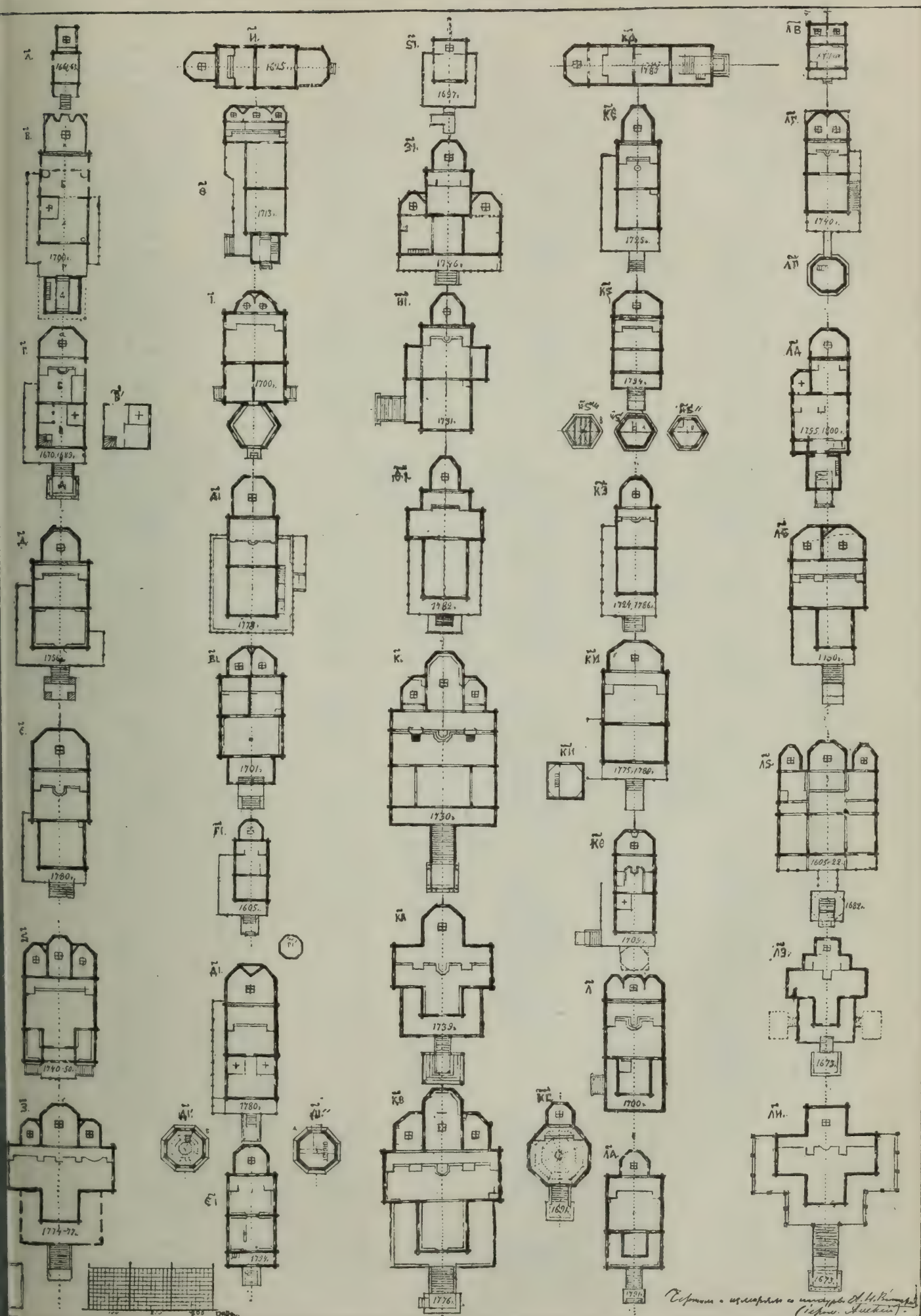
1

2

3

4

5

1

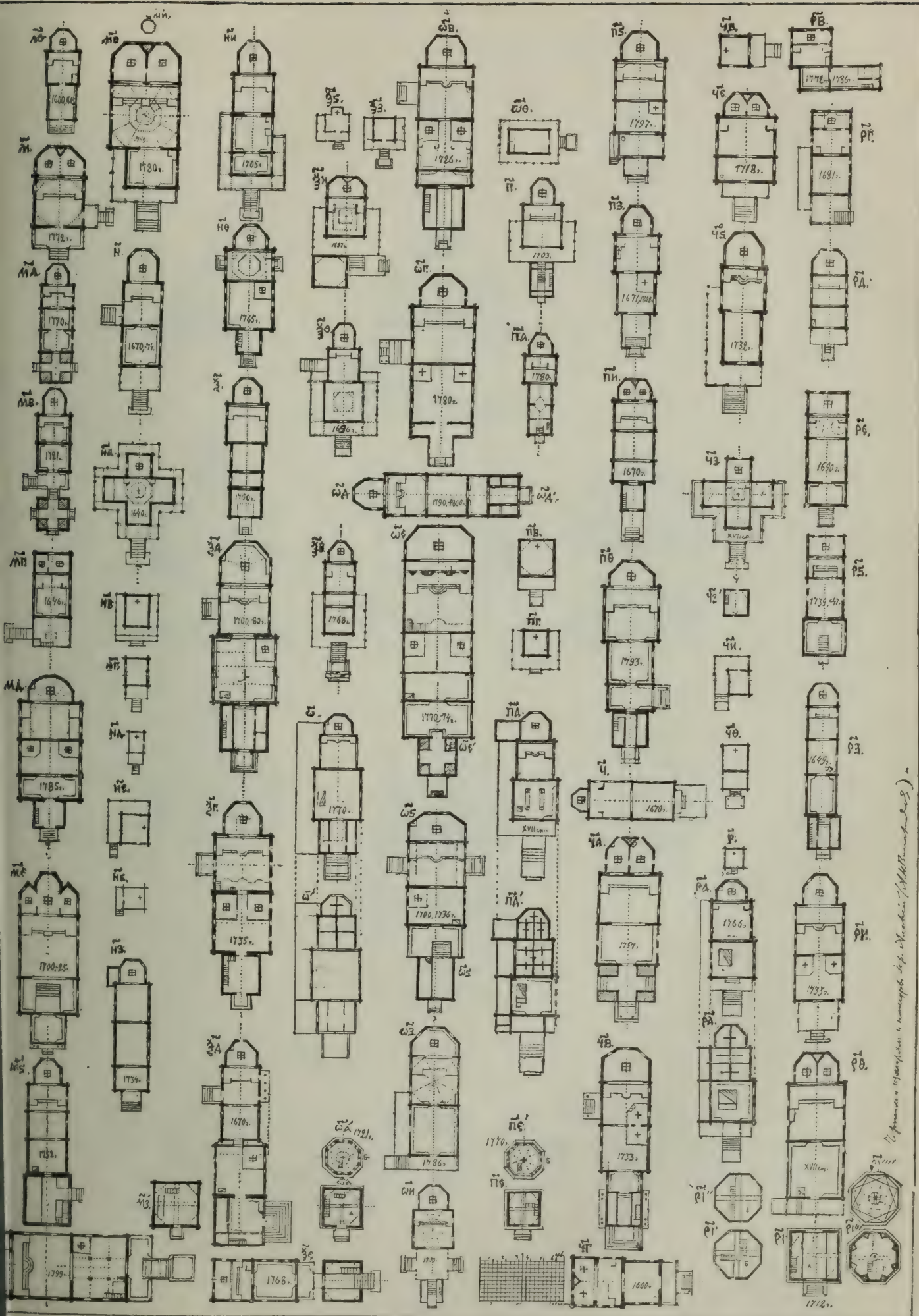
2

3

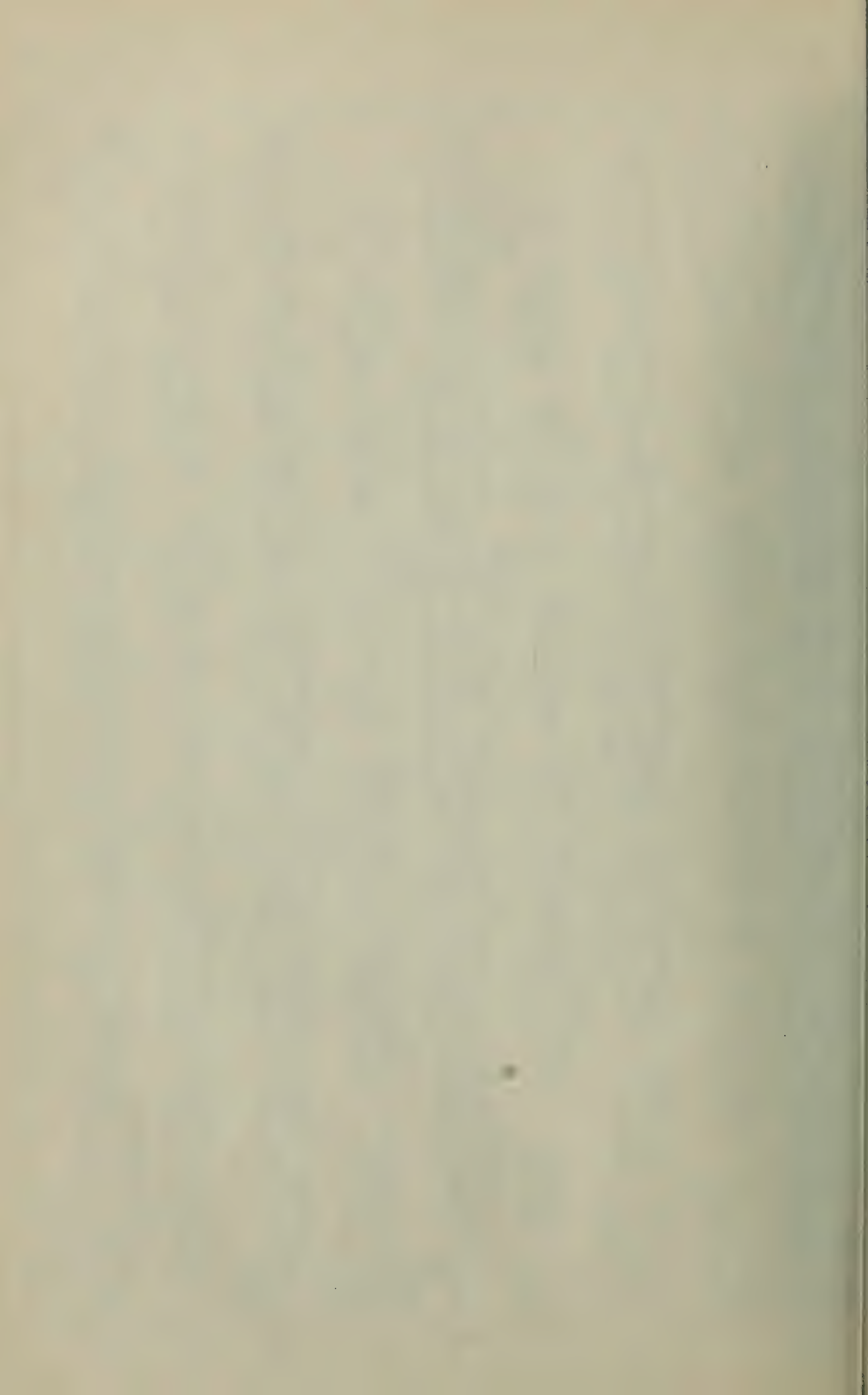
4

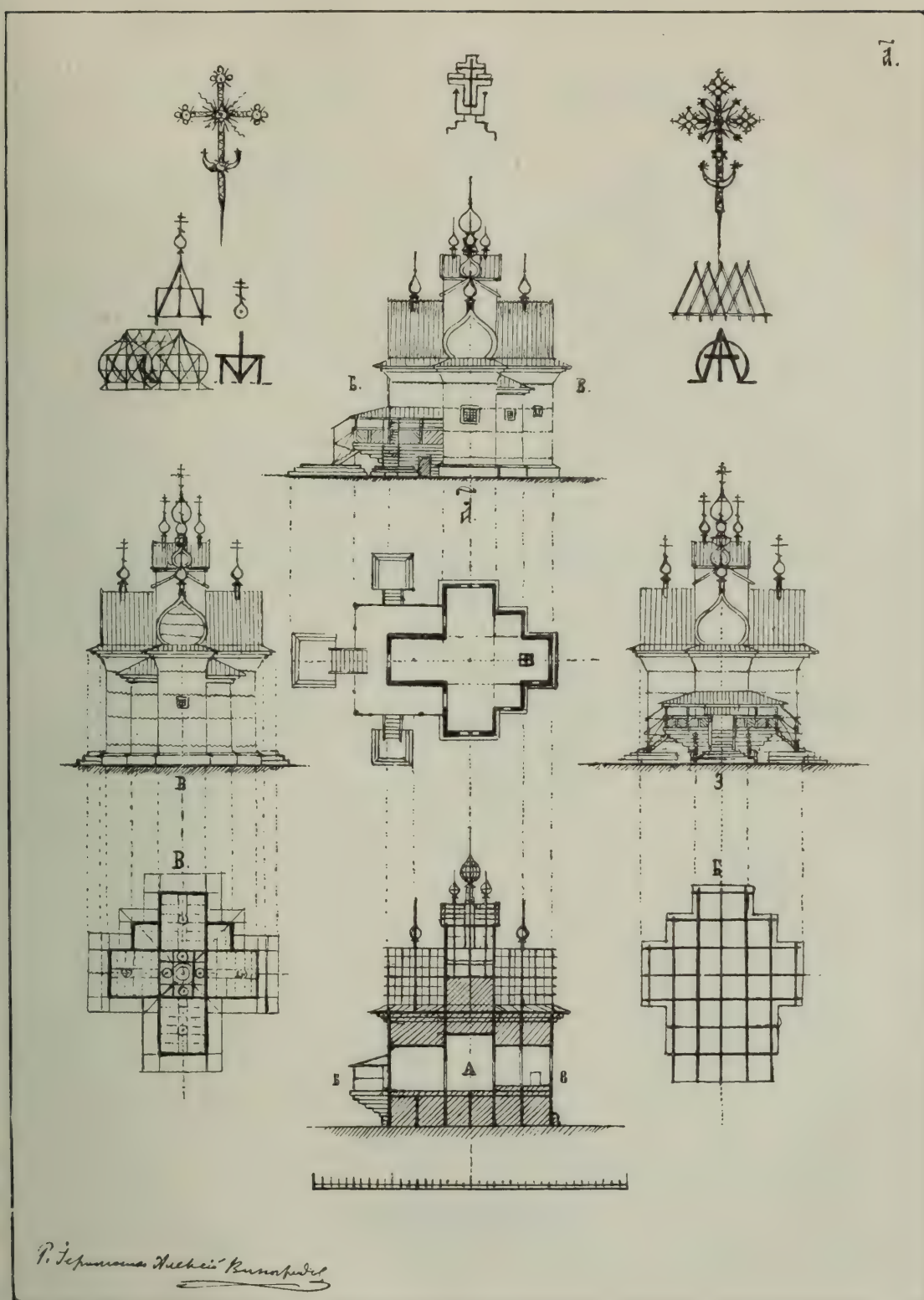
5

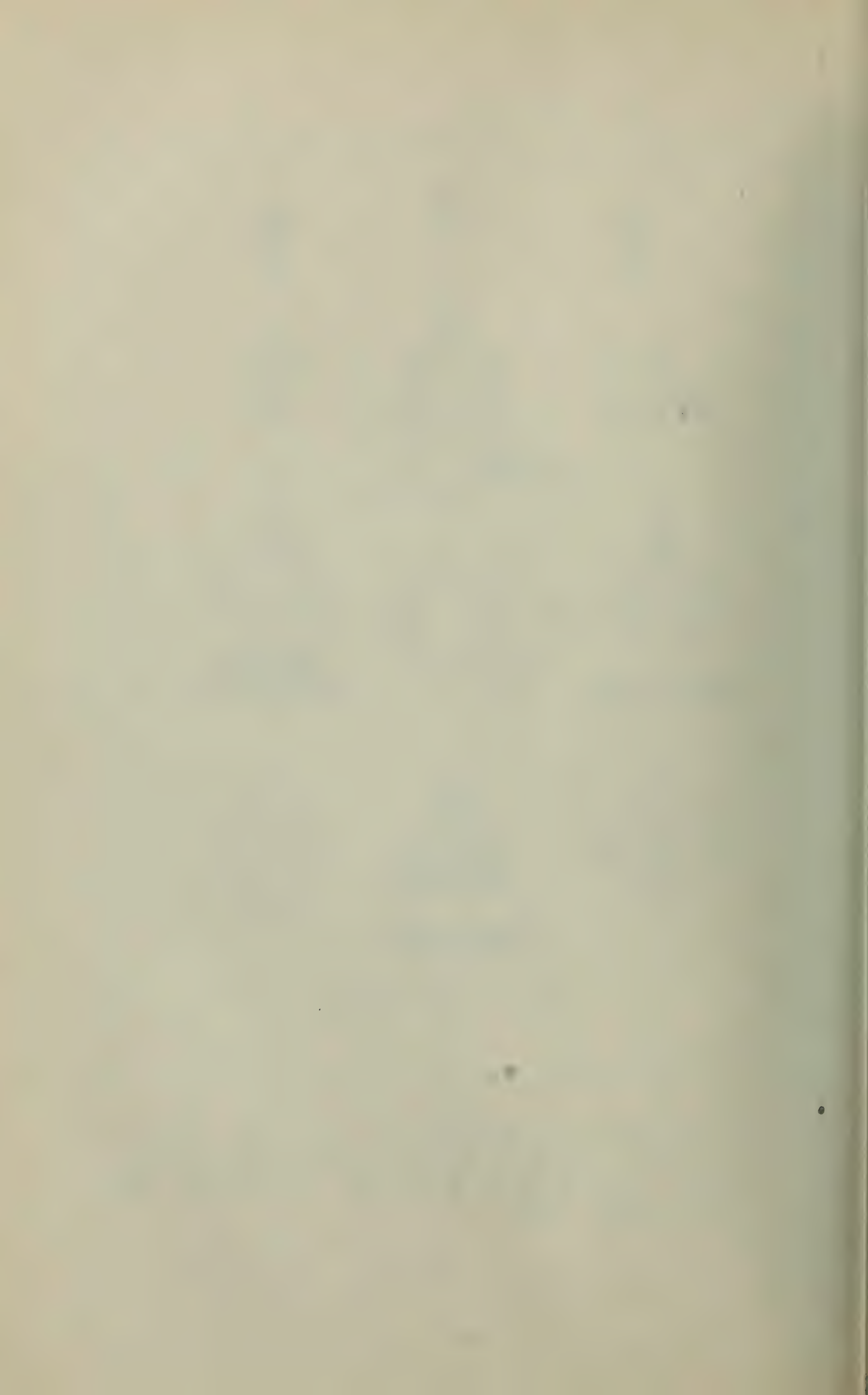

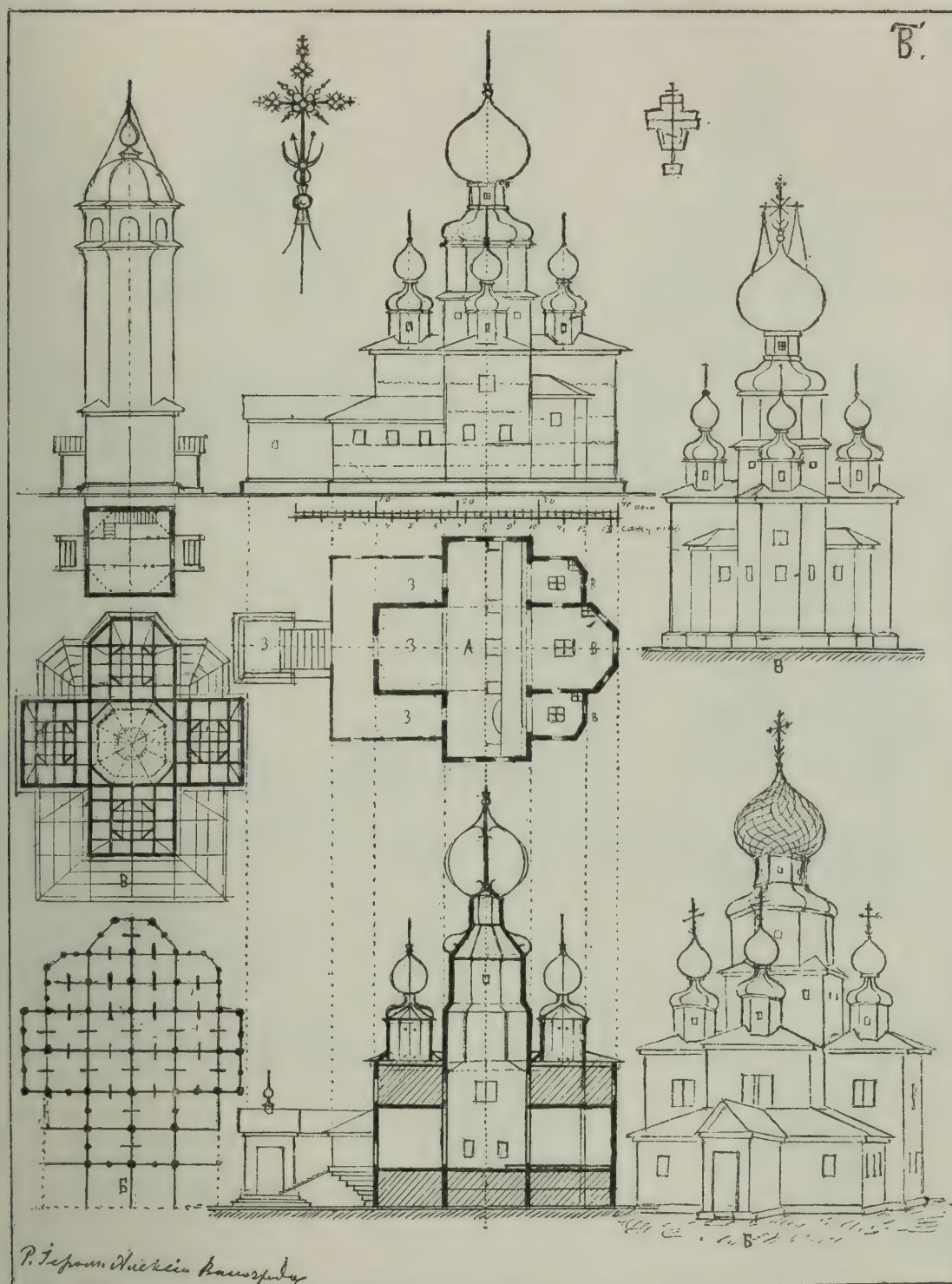
1) *Procerus* = *Agathopus* 4. *nanus* p. 41. *Agathopus* *Agathopus* 2.

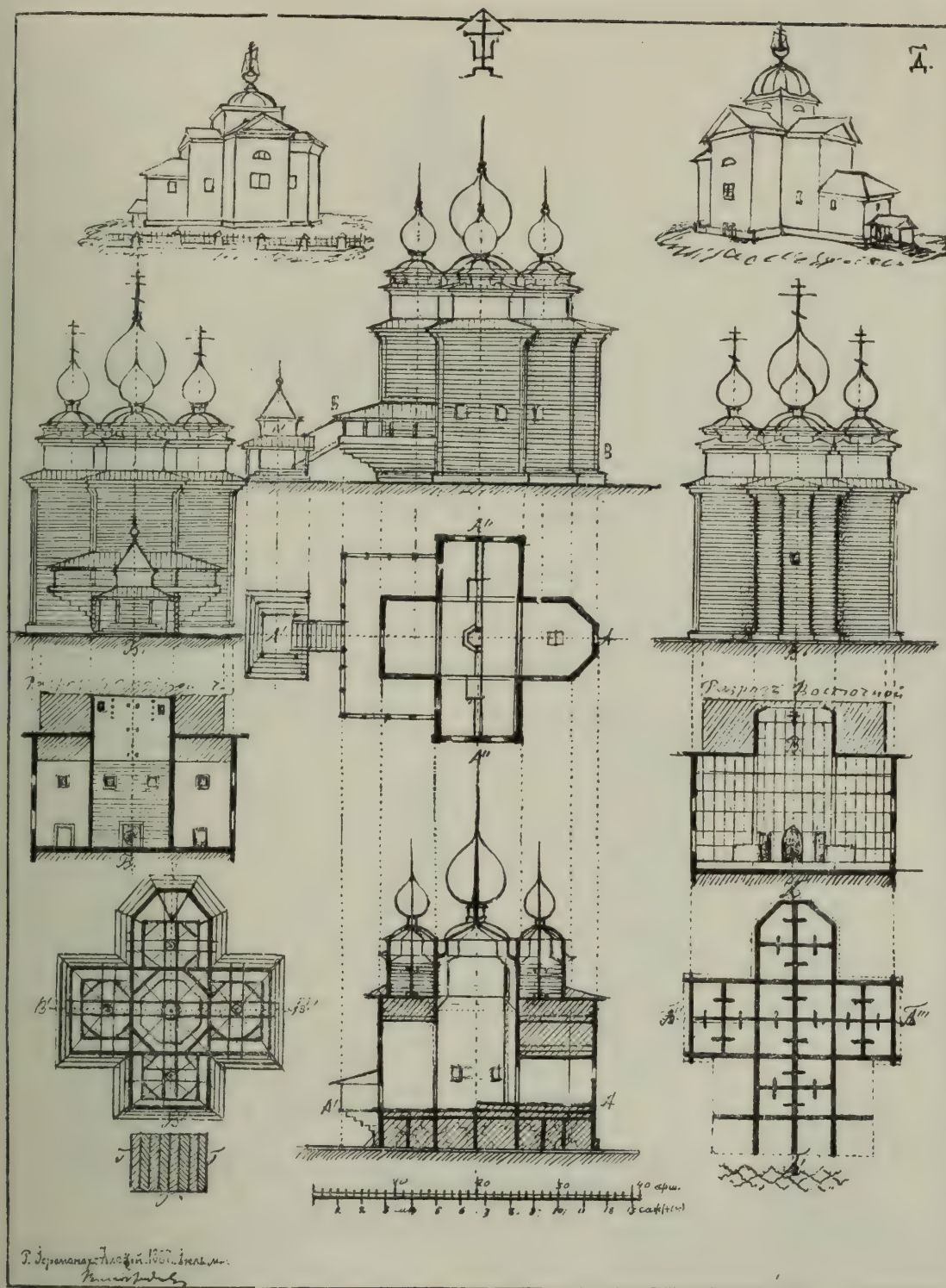
1. **А. С. Дмитриевское или с. Никольское.** Цер. 1674 г., освящ. 1694—96 г. **А.** Пл. разр. и прод. фас.; **Б.** подпольная клѣть; **В.** верхъ кровли, строила боковыхъ барабановъ; желѣз. кресты ц. и к., и схематическій плановый крестъ (посрединѣ) (№ 37).

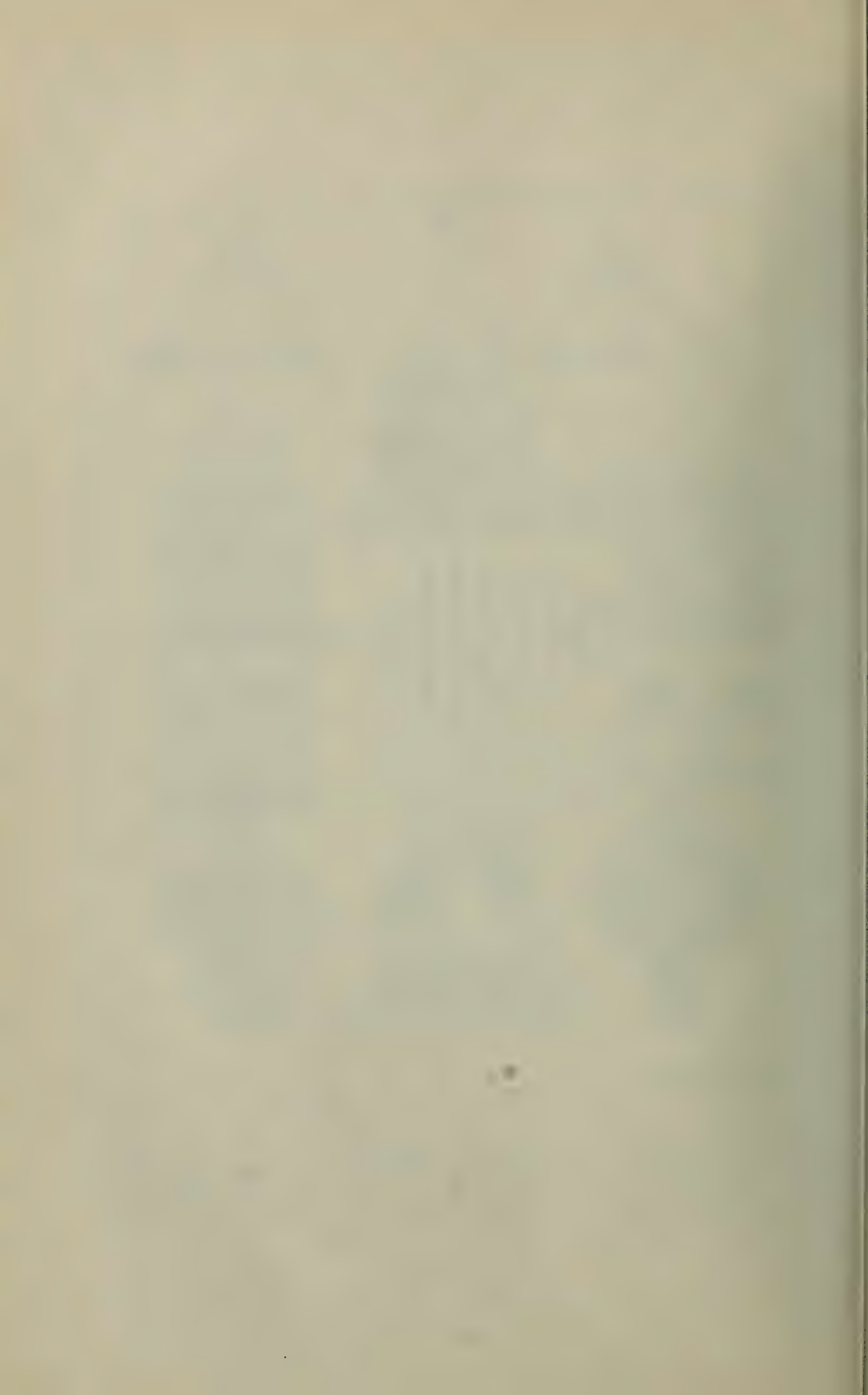

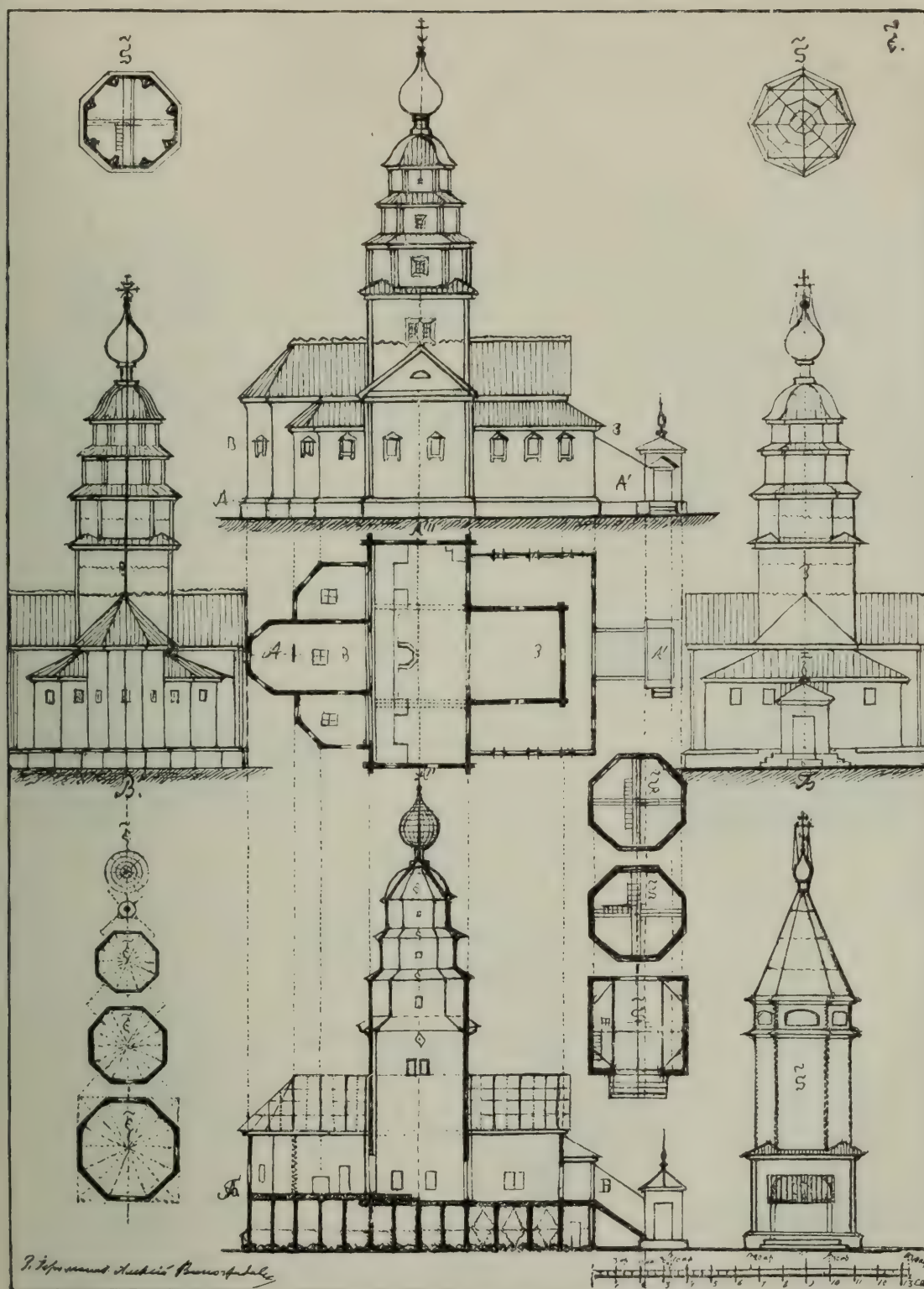
2. Б. С. Логиново. Ц. и к. 1774—77 г. Пл. А; подпольная клетка Б; верхъ кровли Б; прод. фас. и разр. цер., В. и З.; пл. и фас. колок., желѣз. крестъ и схематически плановой (№ 7).

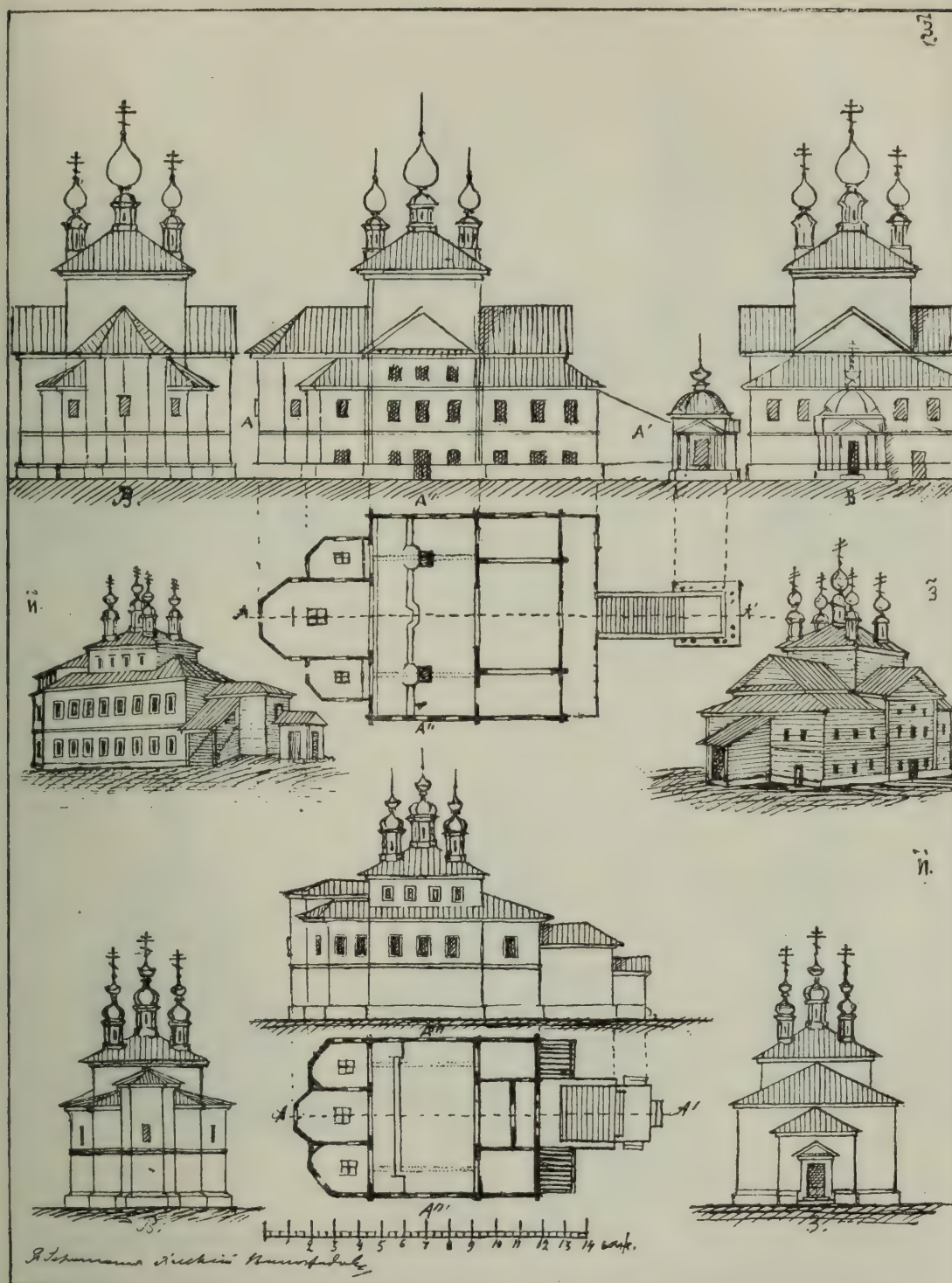
4. А. С. Гришино. Ц. постр. 1739 г., осв. антиминсы 1774—77 г. Пл. А; подиальная клѣтъ К; верхъ кровли и главъ В; потолокъ Г; попереч. разр. В. и З. части; фас. прод., В. и З. части; перспект. виды современной ц.; схематически плановый крестъ (№ 21).

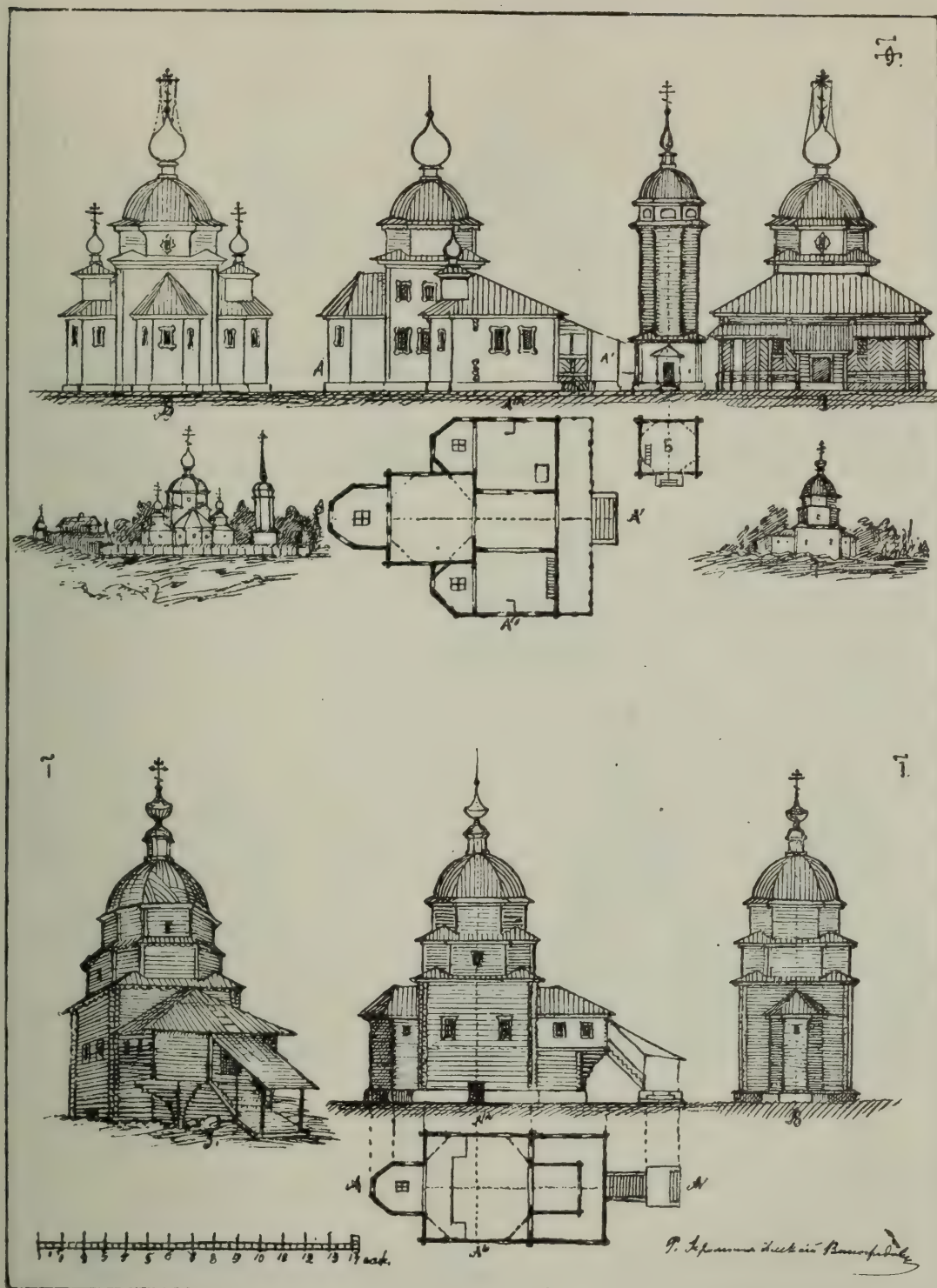
5. *с. С. Морозкое*. Ц. 1776 г. Пл. А; продольный разр. Б; пл. трехъ вѣнцовъ
восмерика ц. и главы; фас. продол., В. и З. (№ 22).
6. *с. С. Чамерово*. Колок. 1712 г., пл. нижней части, двухъ внутреннихъ
среднихъ вѣнцовъ восмерика, верхняго въ звонѣ и подъ кровлей; фа-
садъ к. (№ 110).

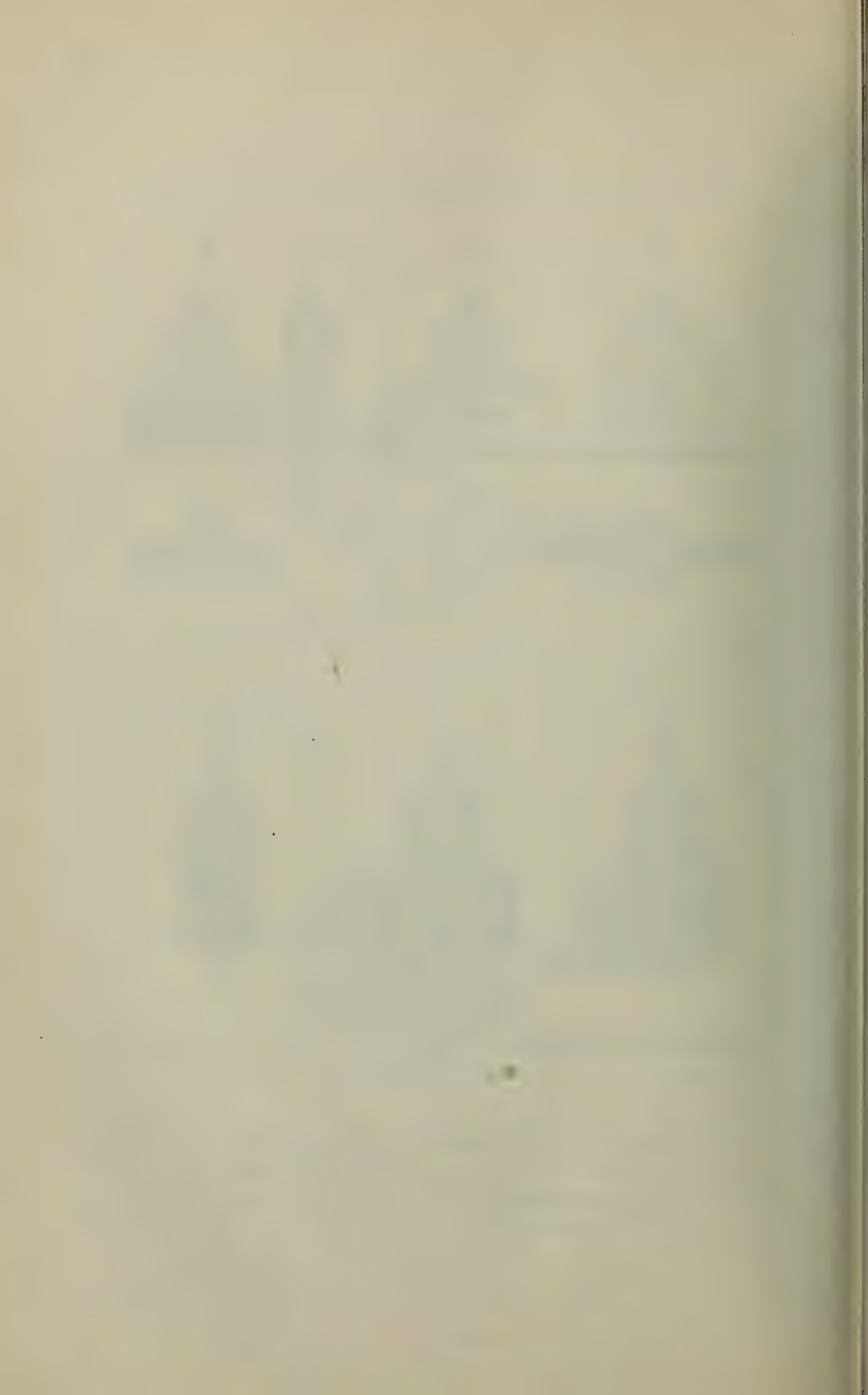
7. **З. С. Захарьино.** Ц. 1730 г. пл. и фас. боковой, В. и З.; перспект. видъ З. (№ 20).

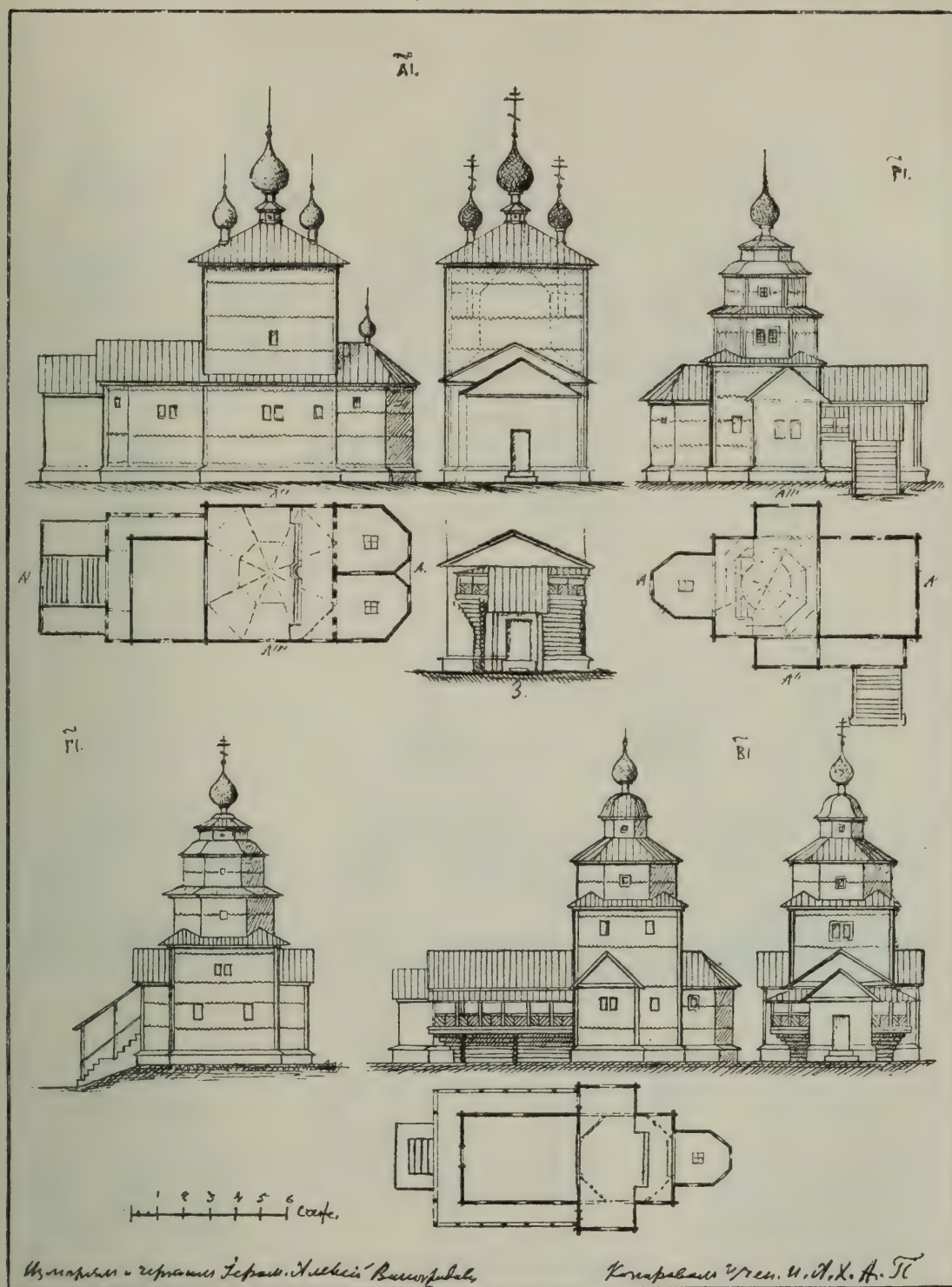
8. **И. С. Чуди.** Ц. 1740—50 г. пл. и фас. боковой, В. и З.; перспект. видъ З. (№ 6).

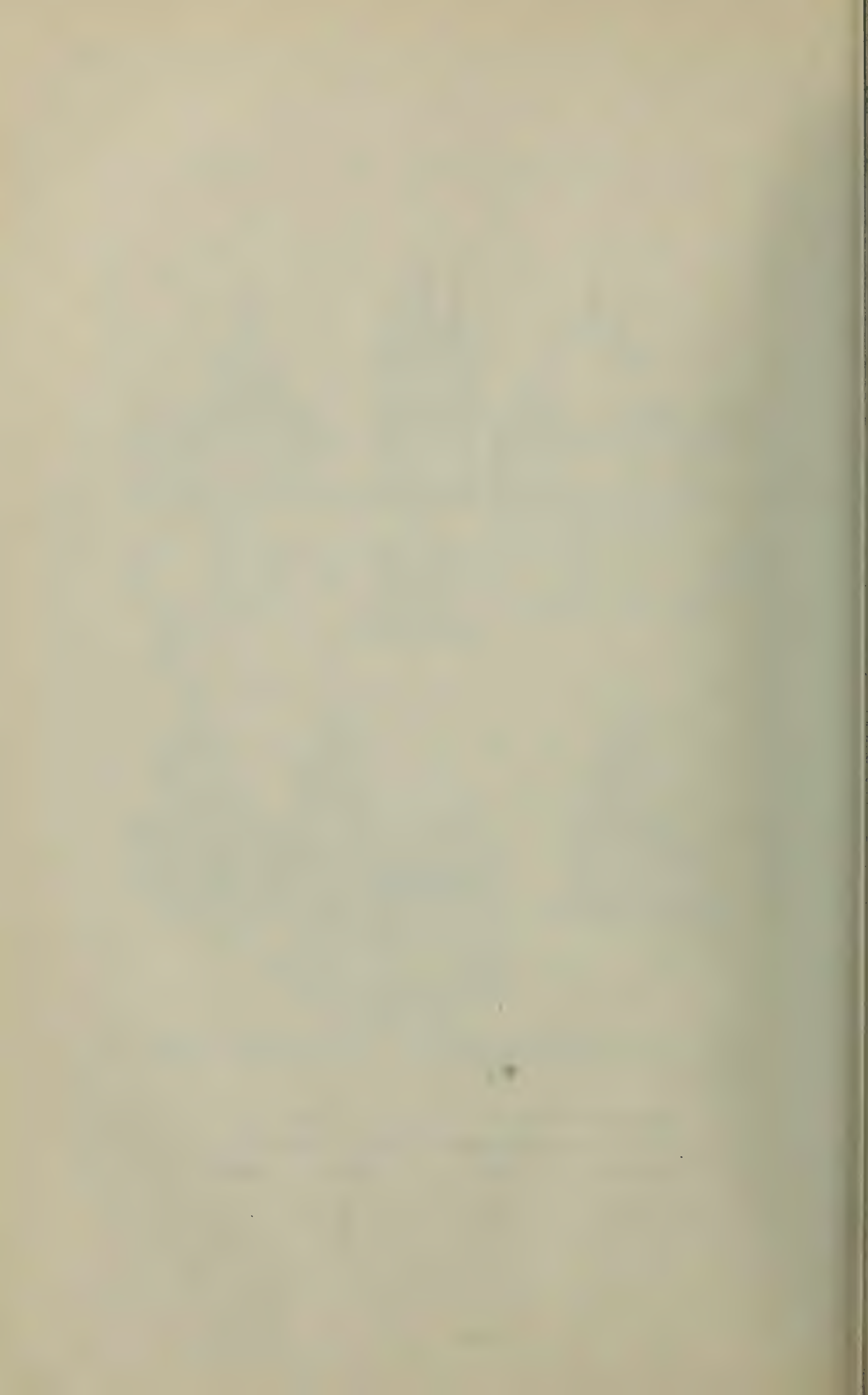
9. Ѡ. С. Шухтово Большое или Никольское. Ц. и кол. 1746 г.; пл. ц. и кол., фас. ц. боковой, В. и З. и кол.; перспект. видъ В. (№ 17).

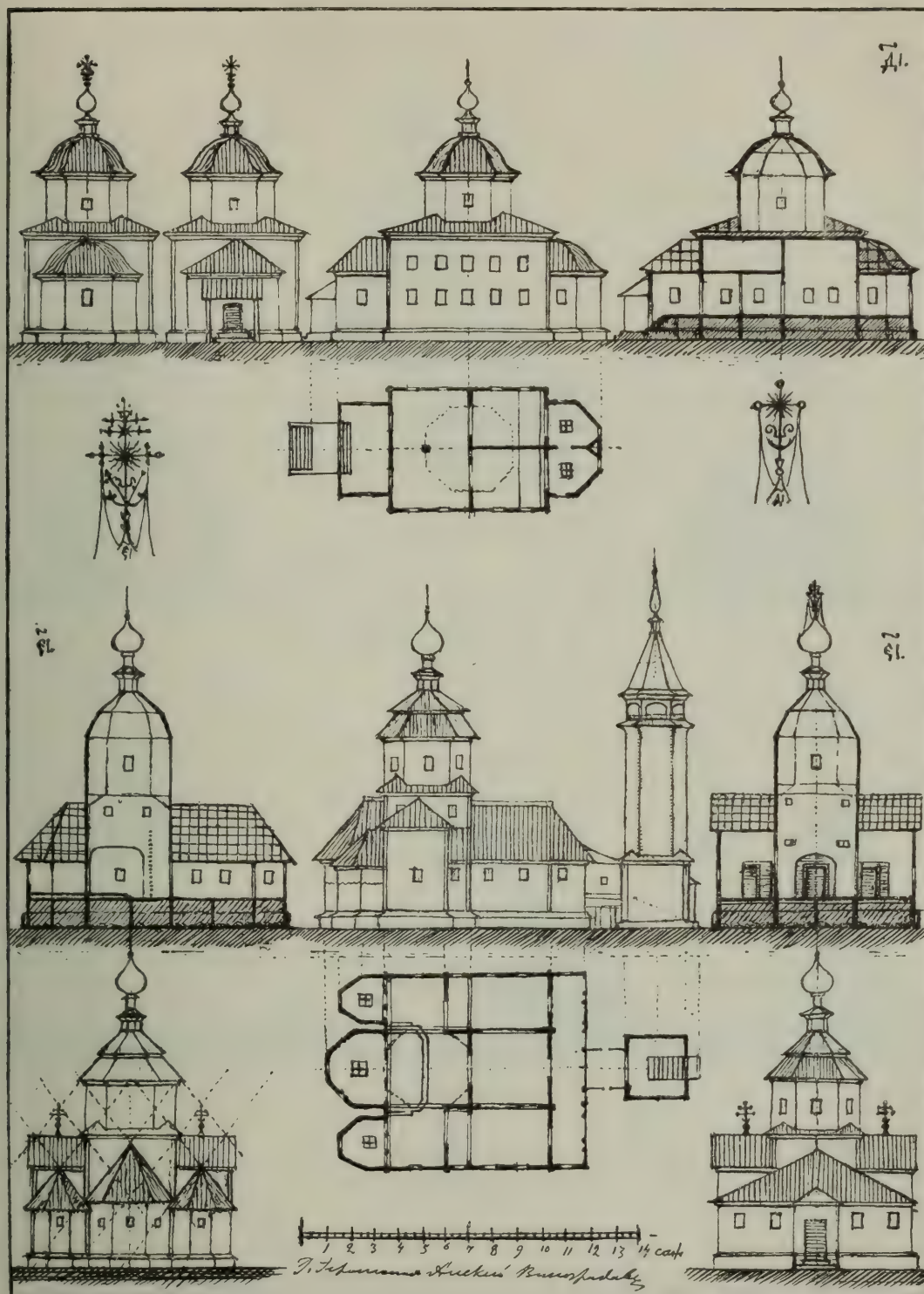
10. Т. С. Шухтово-Ильинское. Ц. 1791 г., пл. фас. боковой, В. и перспект. видъ С.-З и боковой. (№ 31).

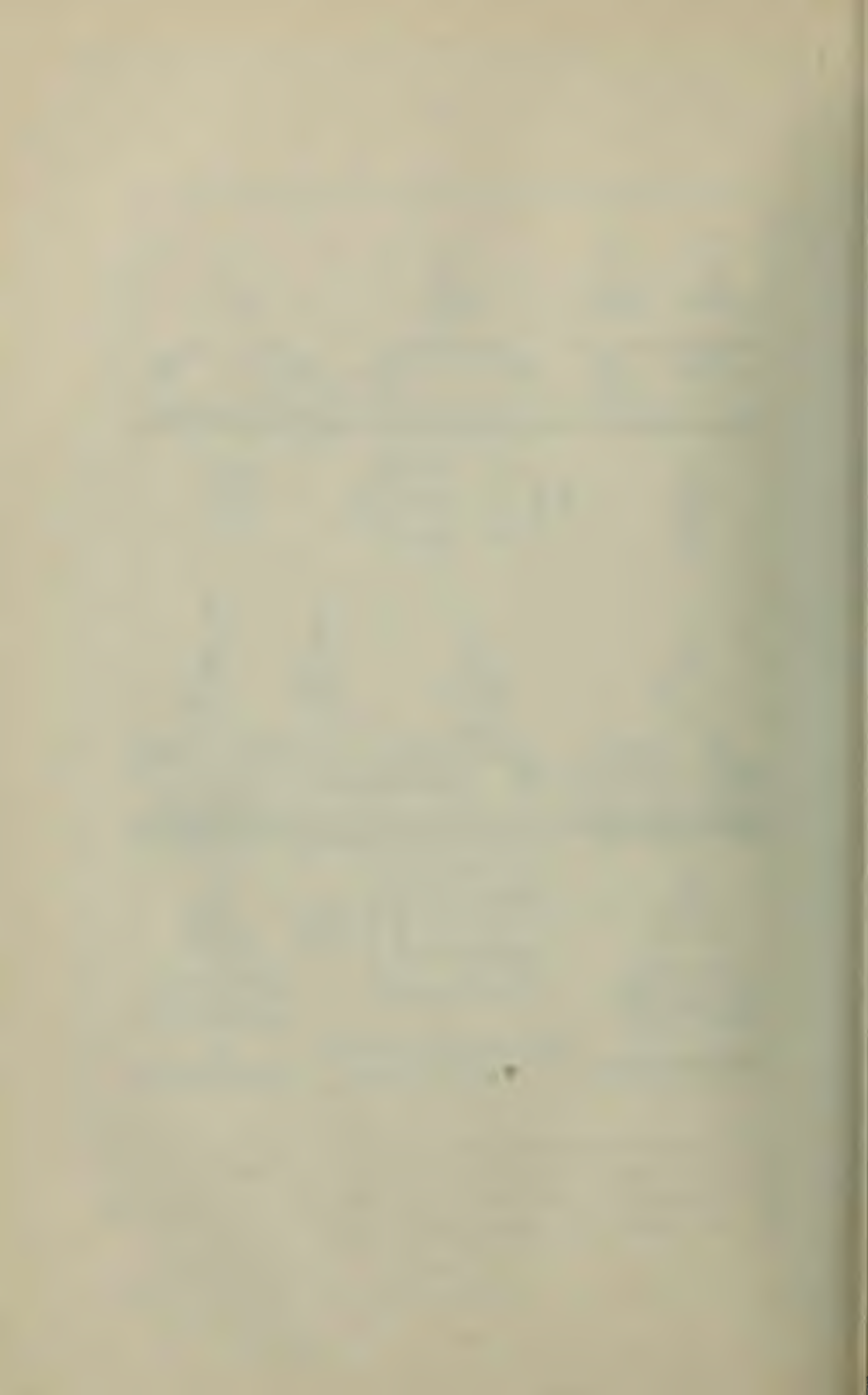
11. АІ. С. Ламская Пустынь. Ц. устр. 1775 г., освящ. 1780 г., пл. фас. боковой 3., въ современномъ видѣ и прежнемъ безъ обшивки тесомъ (№ 49).
12. ВІ. С. Мартыново. Ц. 1782 г., пл. фас. прод. съ прежнимъ крыльцомъ и 3. (№ 19).
13. ГІ. С. Остолопово. Ц. 1731 г., пл. фас. продольный и 3. (№ 18).

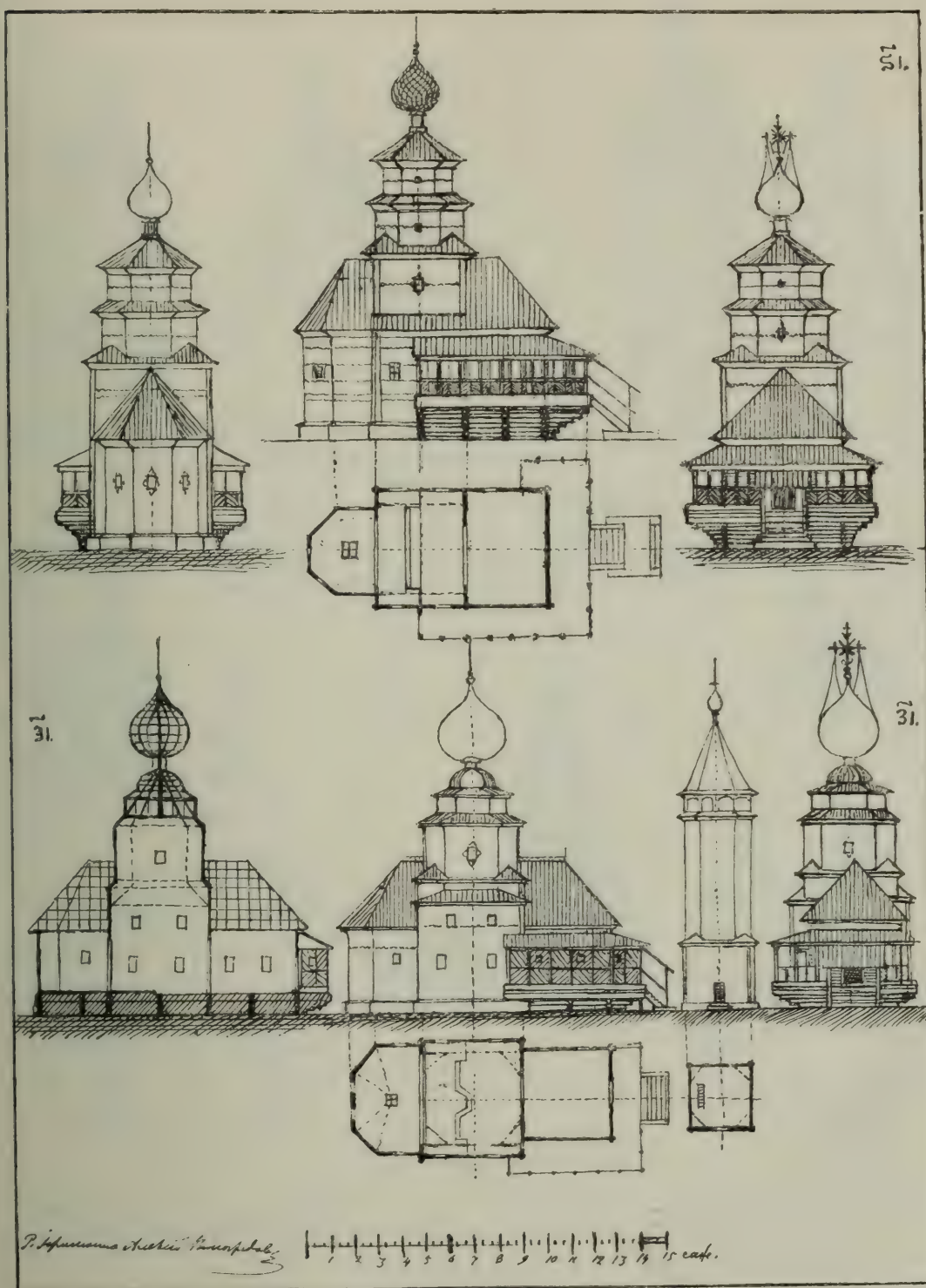

14. Д. Погостъ Михаила Архангела. Ц. 1708 г., пл. фас. прод. В. и З. прод. разръзъ. желѣз. крестъ Ц. (№ 12).

15. Є. С. Польцо. Ц. и К. 1605 г., освящ. 1682 г., пл. прод. и поп. разр. фас. прод. В. и З., желѣз. крестъ Ц. (№ 36).

16. 51. С. Лютницы. Ц. 1756 г., пл. фас. боков. В. и З. (№ 4).

17. 31. С. Башарово. Ц. и К. 1780 г., пл. Ц. и К., прод. разр. Ц. и фас. боков. З. части (№ 5).

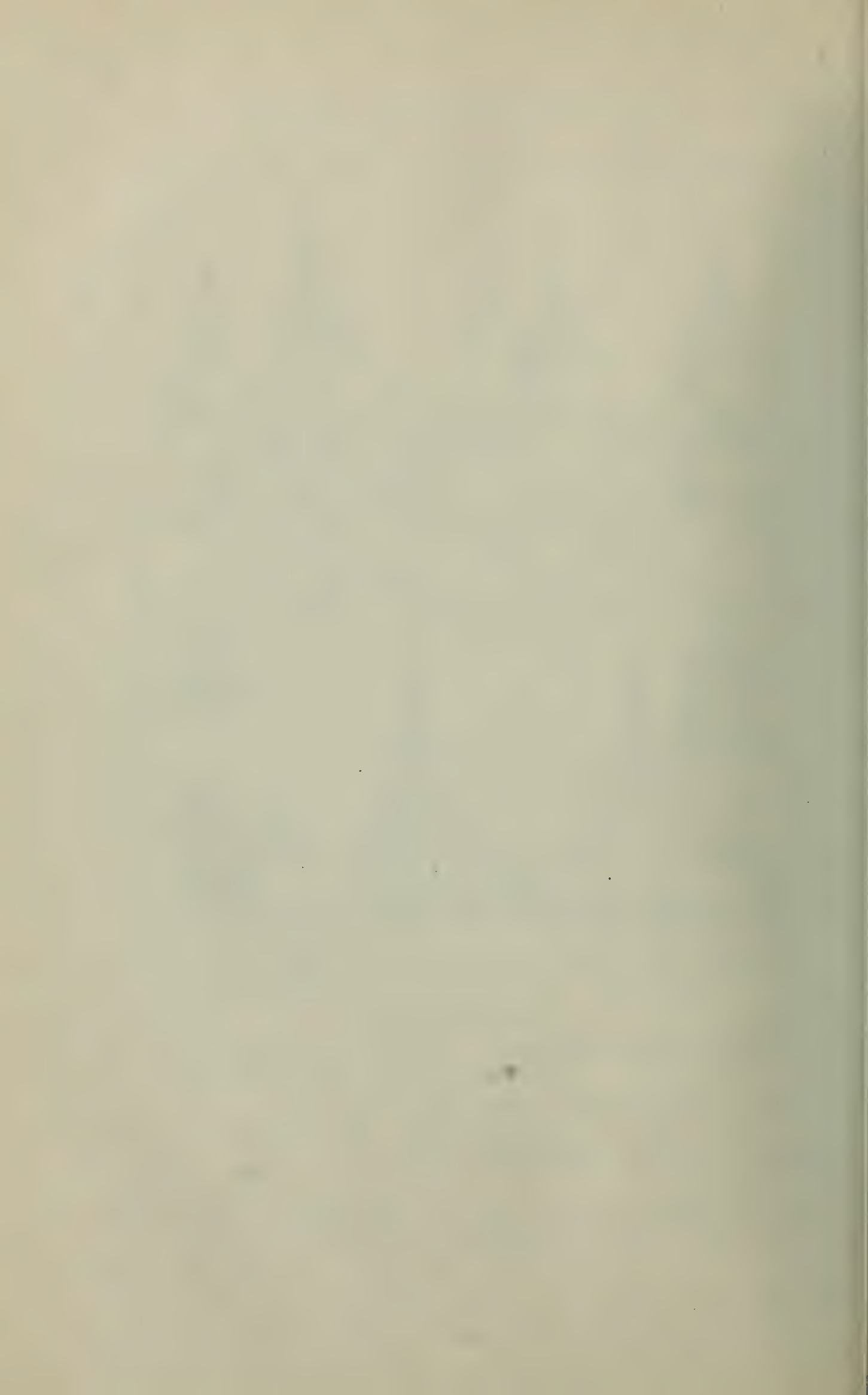

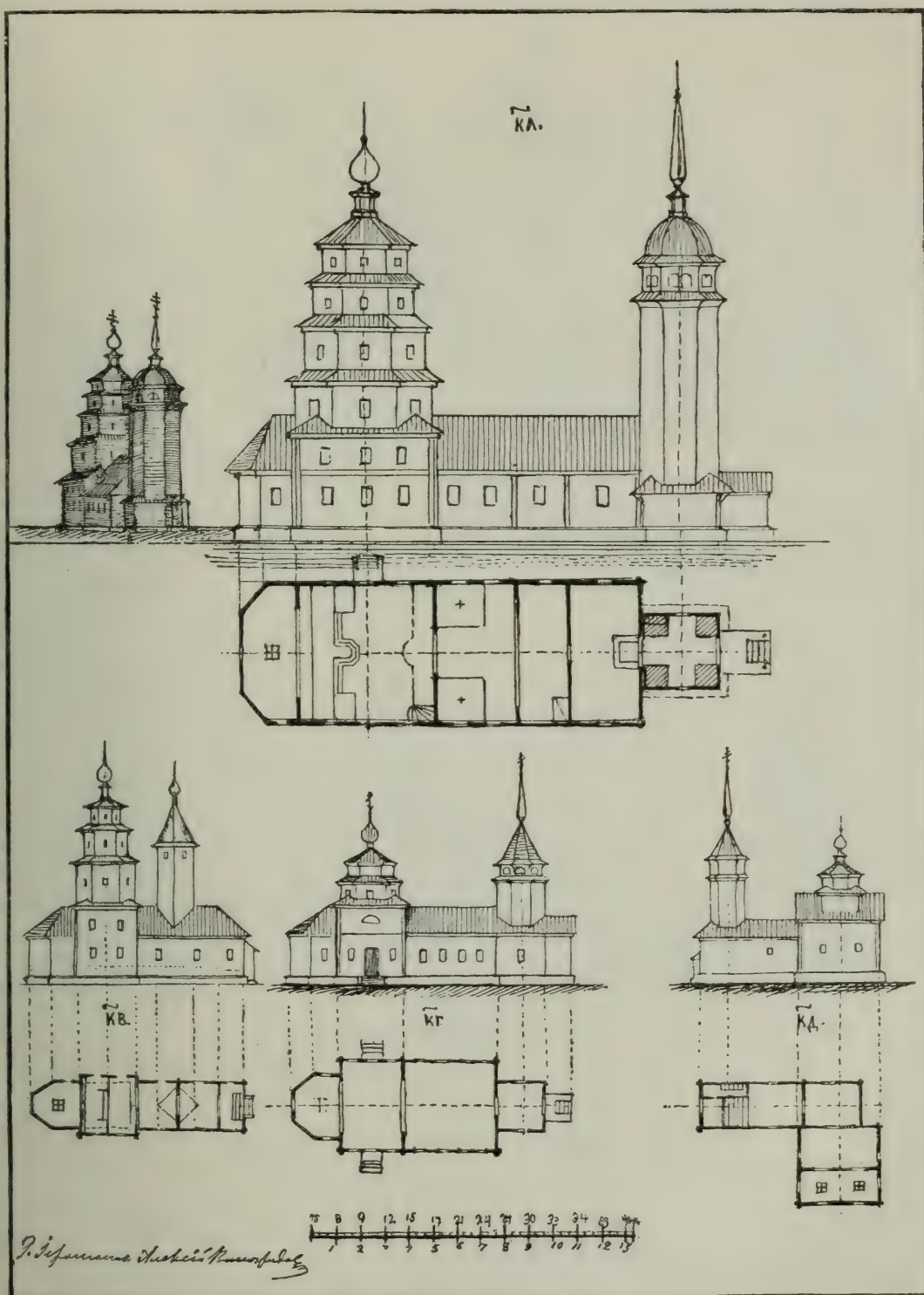

18. Ил. С. Чистая Дуброва. Ц. и К. 1799 г., освящ. 1813 г., пл. Ц. и К., фас. Ц. бок. В. и З. и кол. (№ 47).

19. Ил. Ц. Вознесения Господня въ г. Торжокъ 1625 г., пл. фас. и перспект. видъ (№ 8).

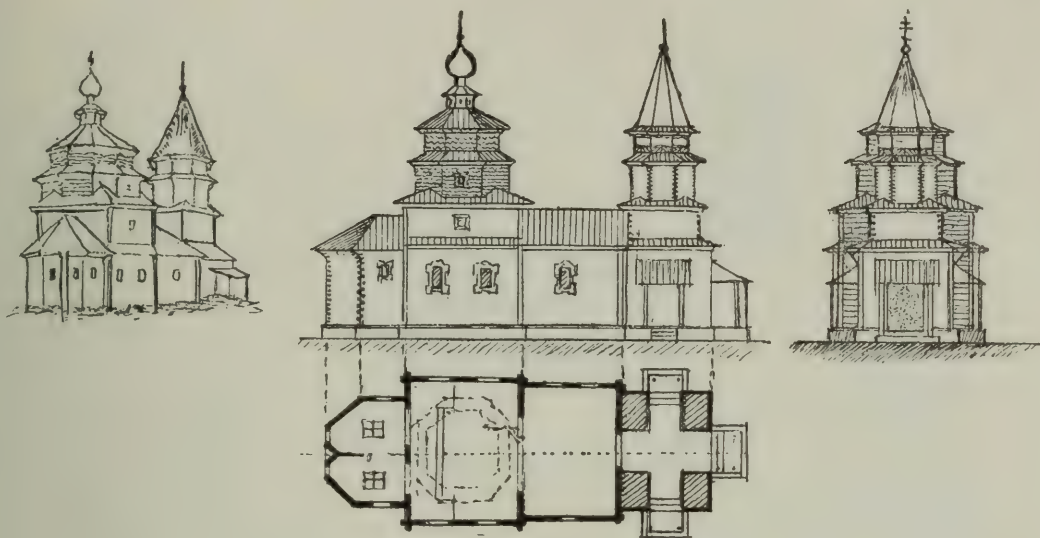
20. Ил. Ц. Богоотецъ Іоакима и Анны въ г. Кашинѣ 1646 г., пл. фас., главы надъ Ц. верхъ колокольни (№ 43).

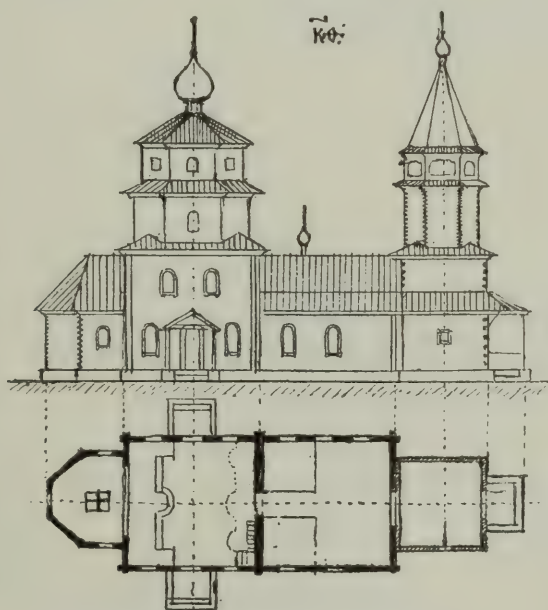

21. ка. С. Бѣляницы. Ц. и К. 1770—74 г., пл. фас., персп. видъ (№ 75).
 22. КВ. С. Гричево. Ц. и К. 1766 г., пл. фас. (№ 59).
 23. КГ. Ц. и К. Воздвиженія животв. Креста въ г. Мологѣ 1780 г., пл. фас. (№ 81).
 24. КД. Пог. Богородскій 1771—86 г., пл. фас. (№ 102).

Ки

Ки

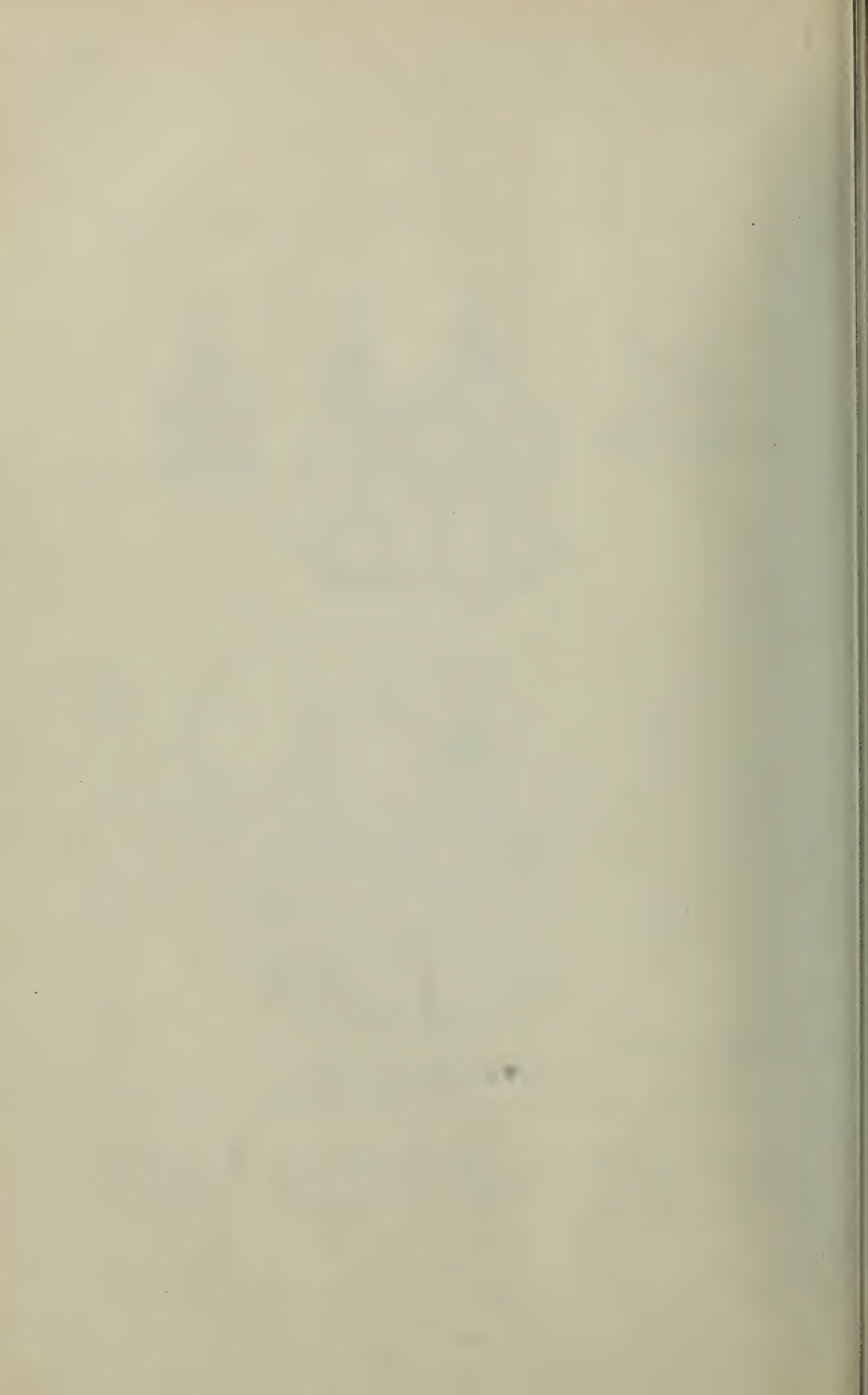

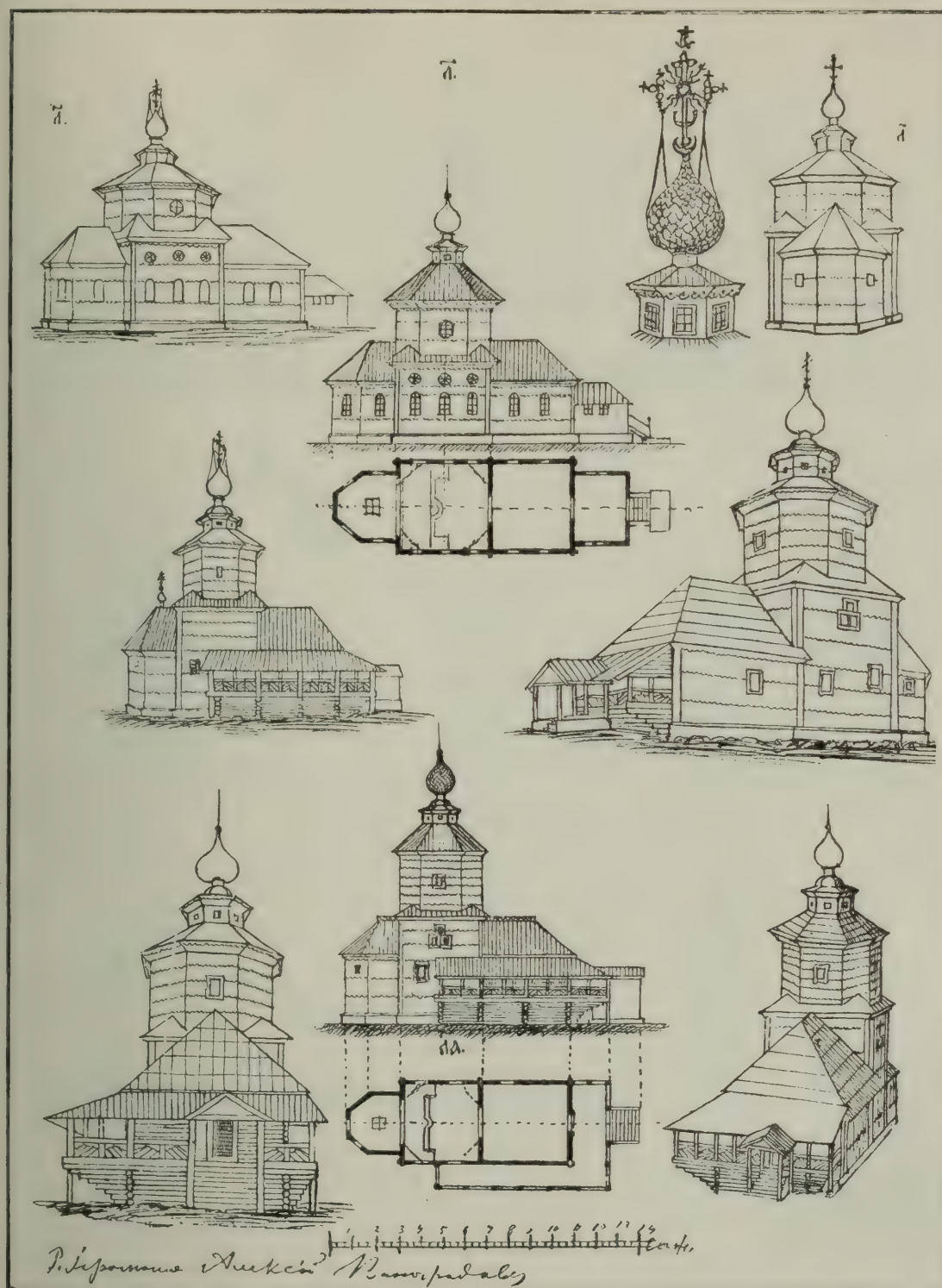
Р. Леон. Алекс. Виноградов

28. Ки. С. Куженкино. Ц. и К. 1757 г., пл. фас., персп. виды (№ 91).

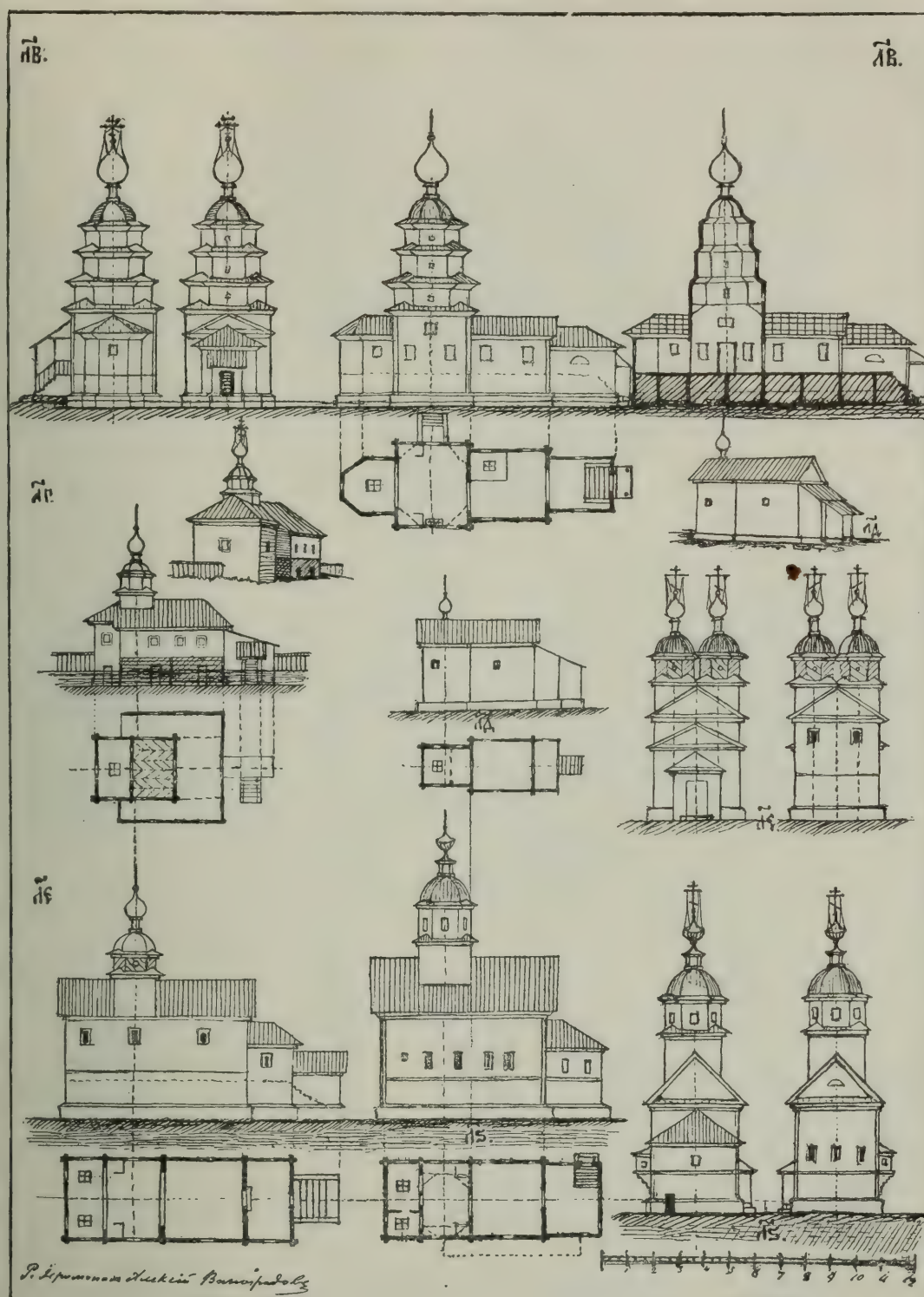
29. КФ. С. Бологое. Ц. и К. 1735 г., пл. фас. Ц. и проекция бывш. колокольни (№ 63).

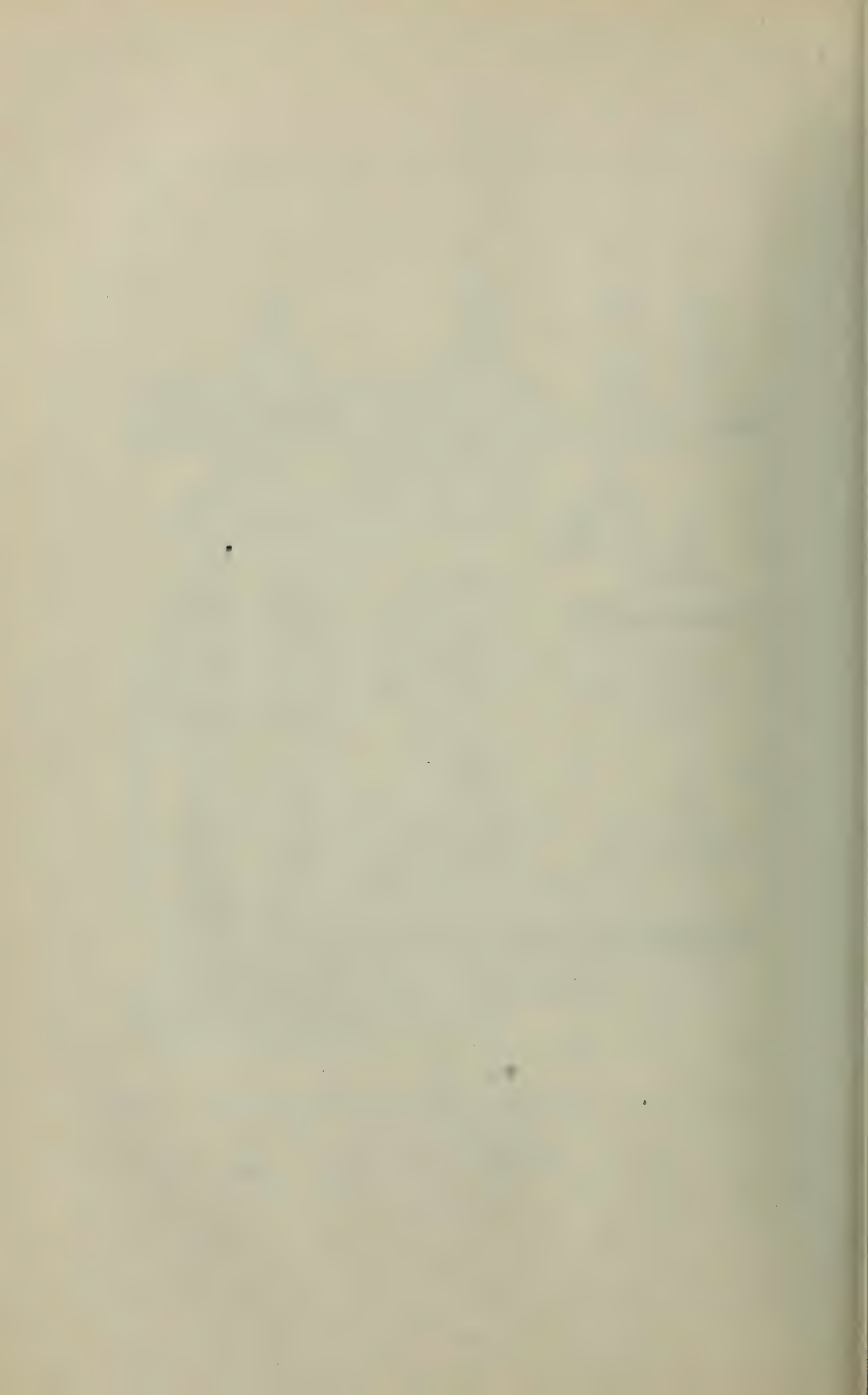

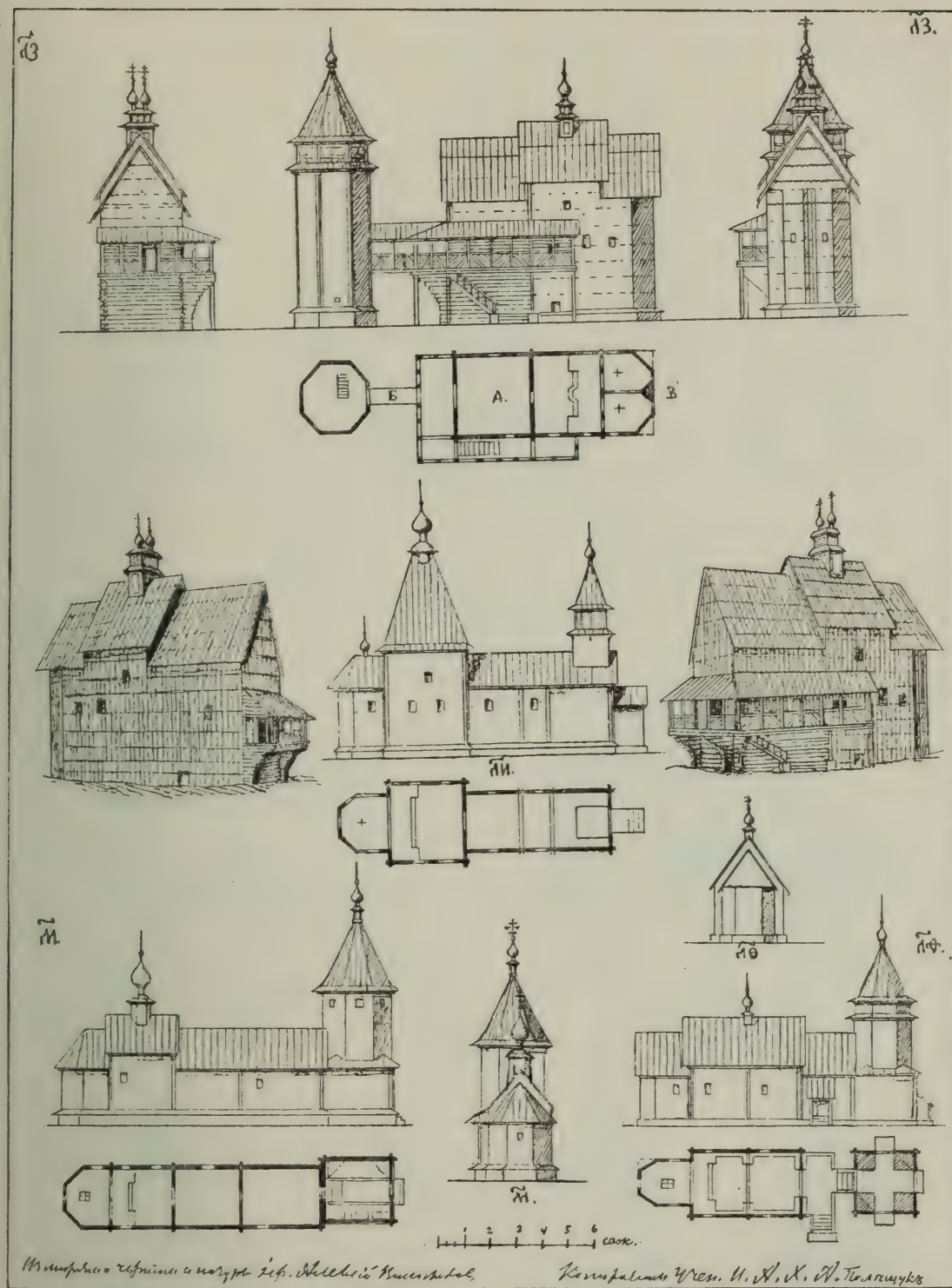
30. Л. С. Рыкуши или Дубровка. Ц. 1733 г., пл. фас. бок. и В., персп. видъ бок. и главы Ц. (№ 108).

31. Л. С. Сушигорицы. Ц. 1724—26 г., пл. фас. бок., персп. видъ бок. и 3. части (№ 27).

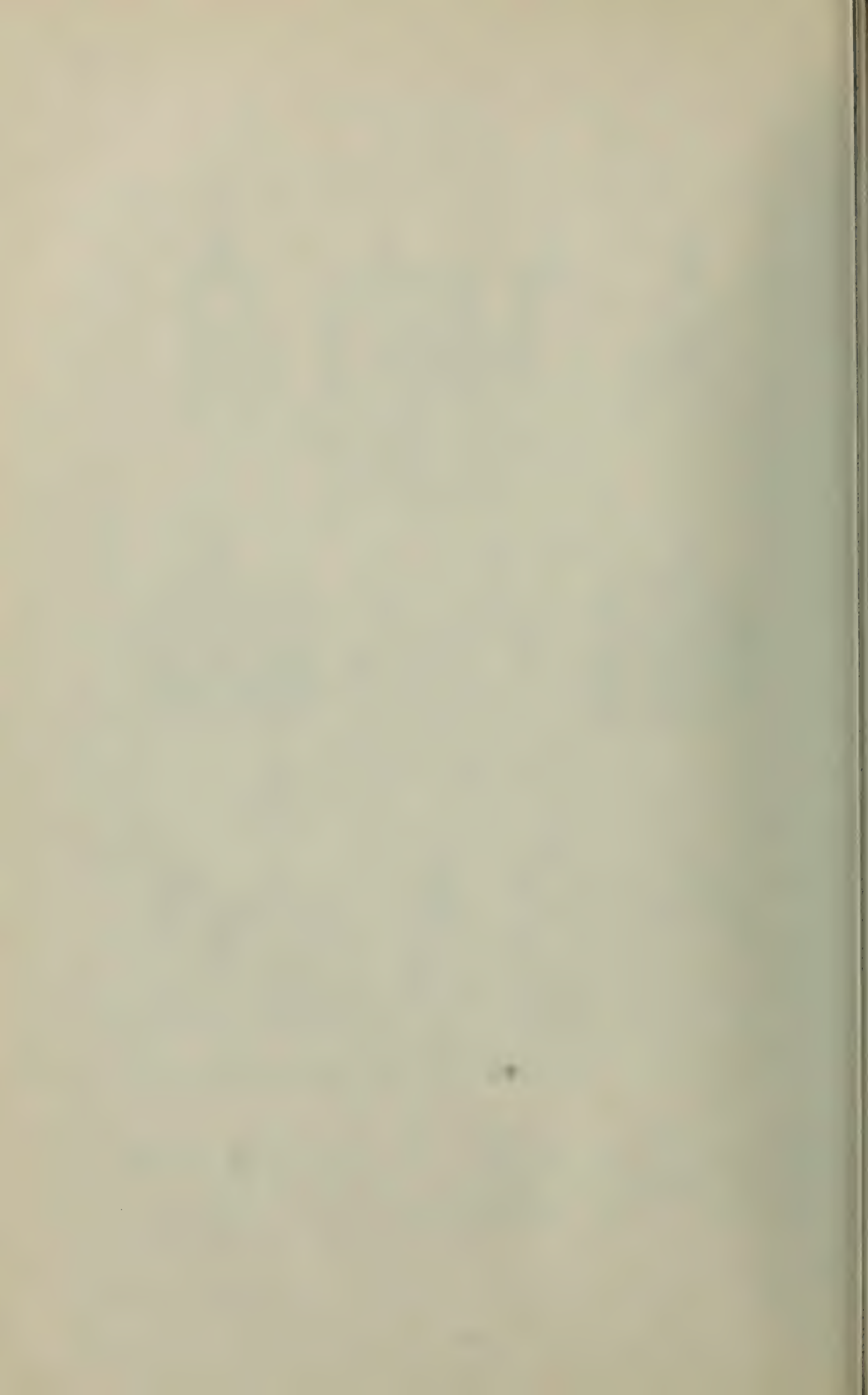

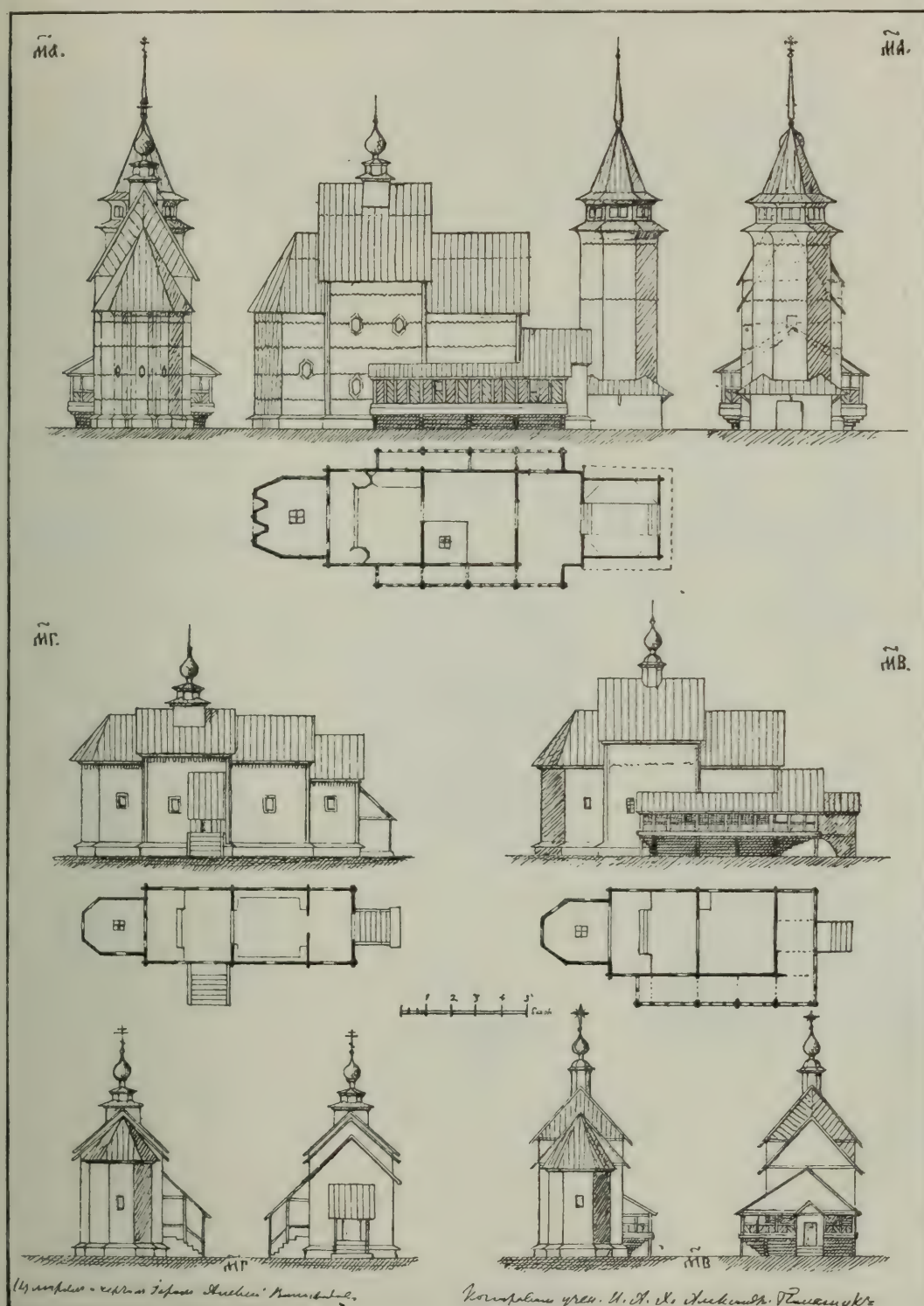
32. ЛВ. Ц. Николая Чудотворца въ Моденскомъ монастырѣ 1671 г., реставр. 1802 г., пл. разр. прод., фас. бок., В. и З. (№ 87).
 33. ЛГ. С. Никольское на р. Выксѣ. Ц. 1697 г., пл. фас. прод. и В. (№ 16).
 34. ЛД. С. Воскресенское. Ц. 1661—63 г., пл. фас., персп. видъ (№ 1).
 35. ЛЕ. С. Ваучь. Ц. 1690 г., пл. прод., В. и З. фас. (№ 105).
 36. ЛЗ. С. Андожскій Стань. Ц. 1681 г., пл. фас. прод., В. и З. (№ 103).

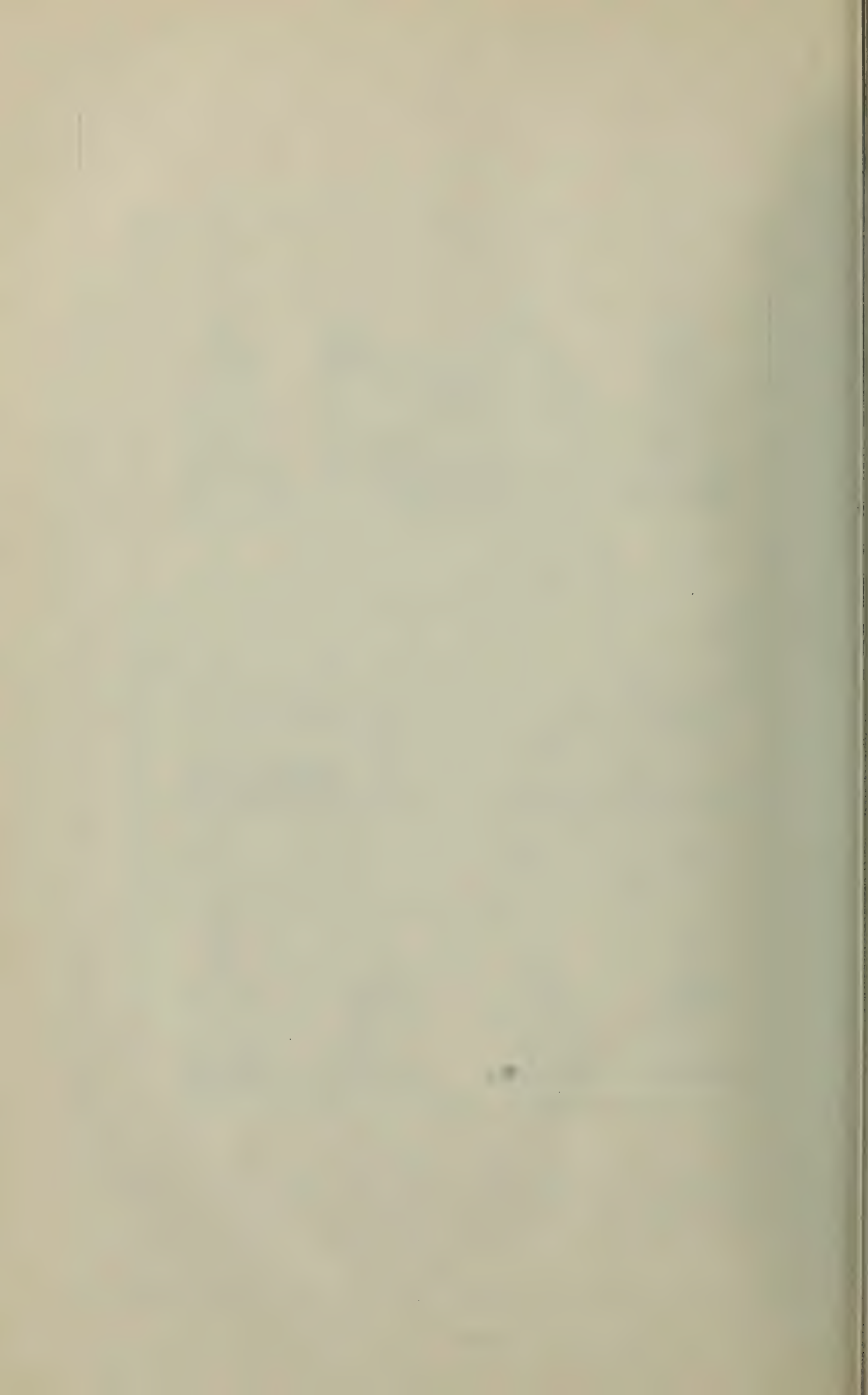

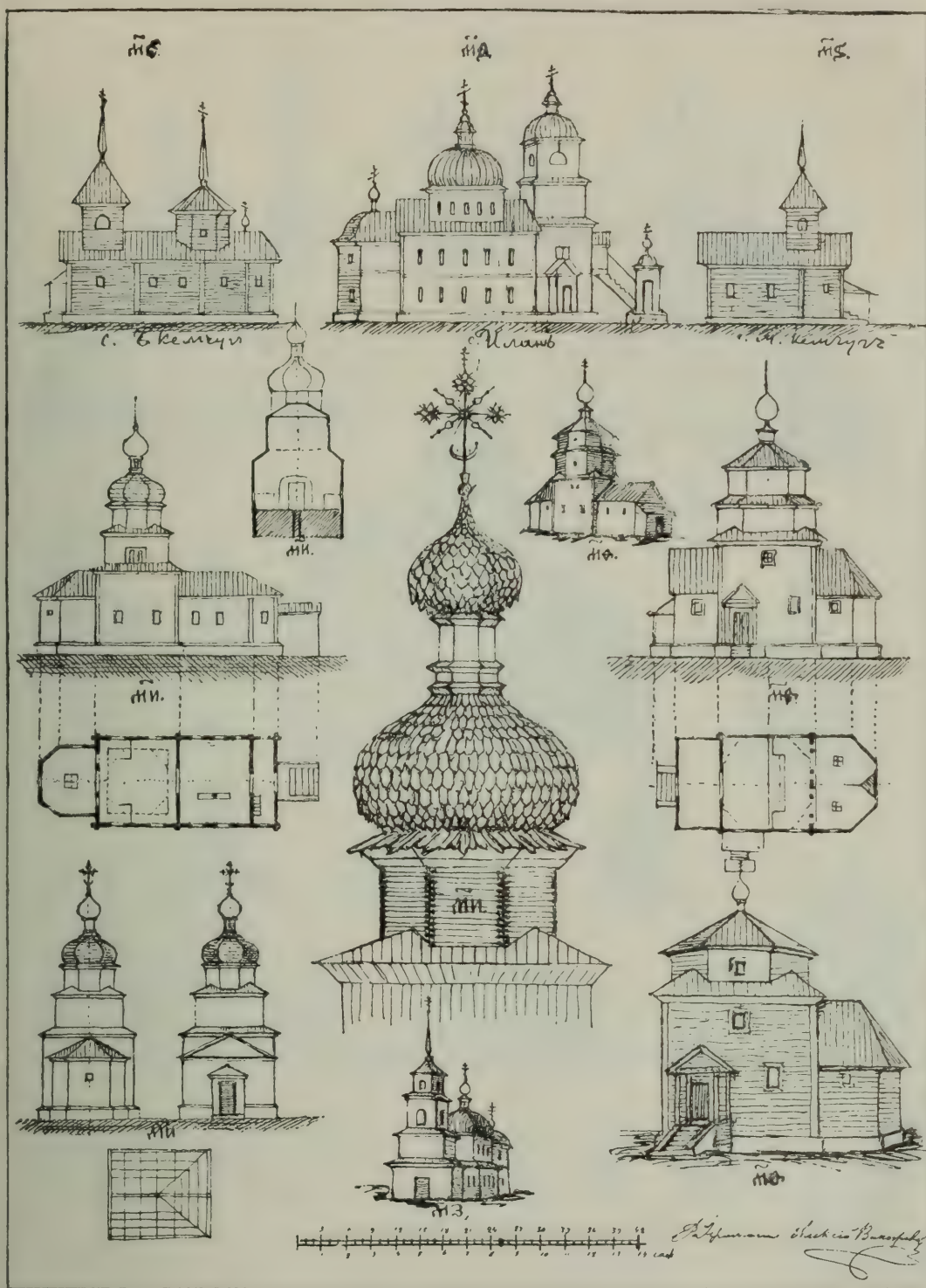
37. 37. С. Елкино. Ц. и К. 1740 г., пл. фас. бок., В. и З. персп. видъ (№ 33).
 38. 38. С. Новинка. Ц. и К. 1700 г., пл. фас. боковой (№ 60).
 39. 39. С. Бѣлы-Межи. Ц. и К. 1721 г., пл. фас. бок. З. (№ 42).
 40. 40. Ц. и К. въ пустоши Колыневѣ 1649—52 г., пл. фас. бок. и В. (№ 107).

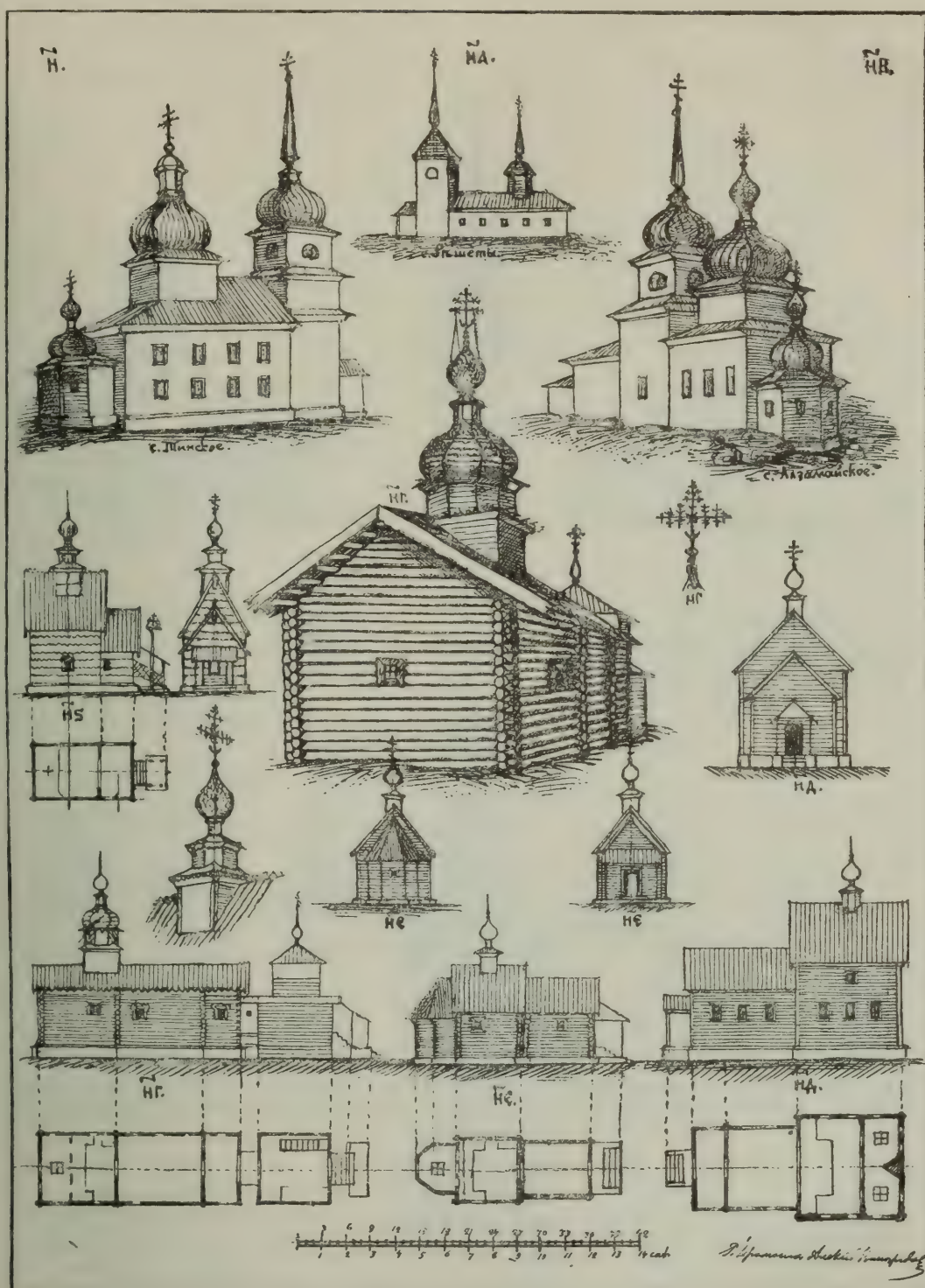
41. Мд. С. Орловъ Городокъ. Ц. и К. 1790 г., пл. фас. бок., В. и З. (№ 2).
42. МВ. С. Кесьма. Ц. 1725 г., пл. фас. бок., В. и З. (№ 25).
43. МГ. С. Лекма. Ц. 1674 г., пл. фас. бок., В. и З. (№ 50).

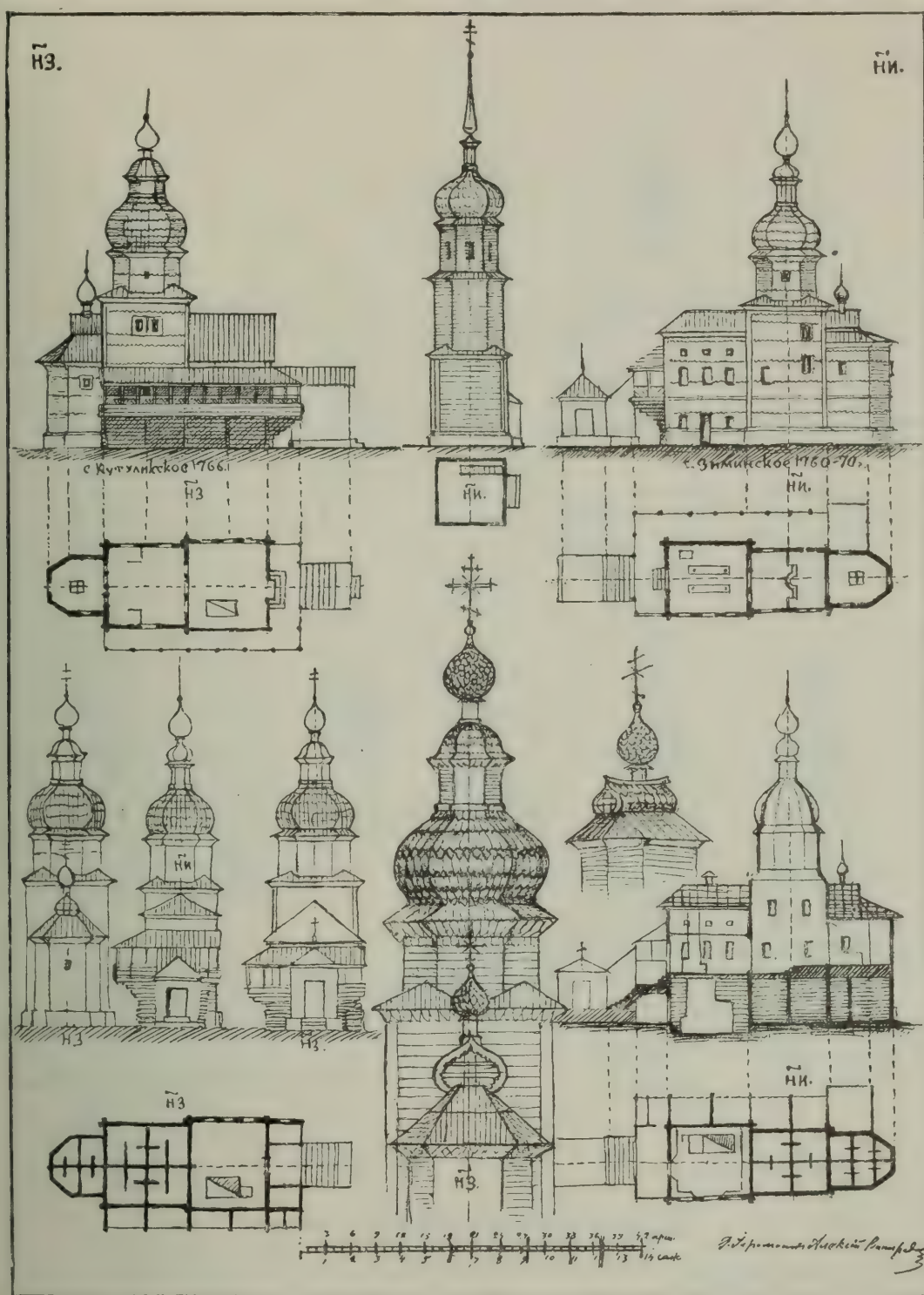
Сибирскія церкви:

14. *мд.* С. Илань. Ц. и К.
45. *мб.* С. Большой Кемчугъ (Ц. и звонница).
46. *мс.* С. Малый Кемчугъ (Ц. и звонница).
47. *мз.* С. Итатъ. Ц. и К.
48. *ми.* С. Покровское или Сергіево въ Шухтовѣ. Ц. 1794 г., пл. попереч. разр., прод. фас. В. и З., стропила кровли и видъ верх. ц., ея главы и вомерика (№ 15).
49. *мф.* С. Знаменское. Ц. 1772 г., пл. фас., персп. видъ (№ 40).

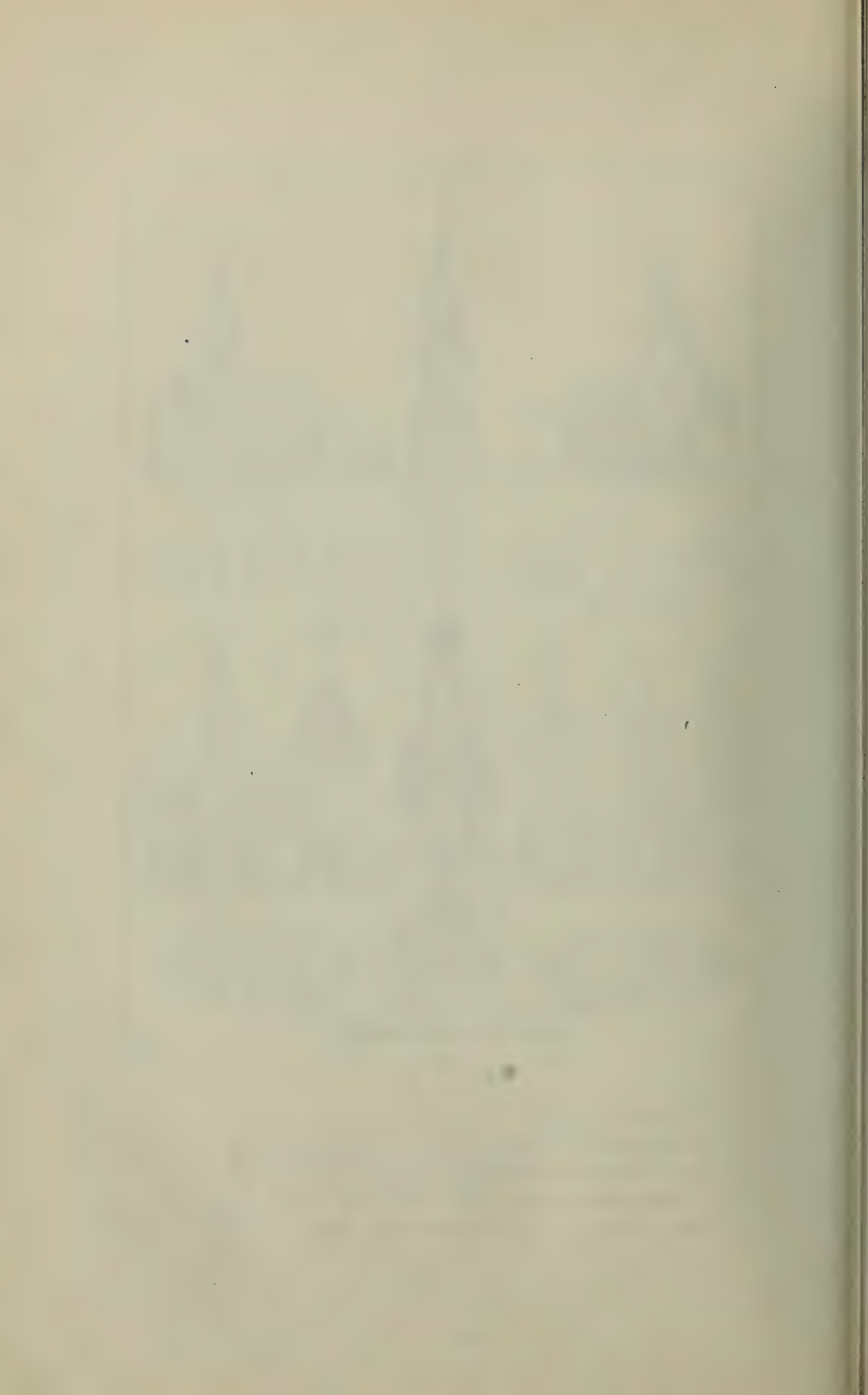
Сибирскія церкви:

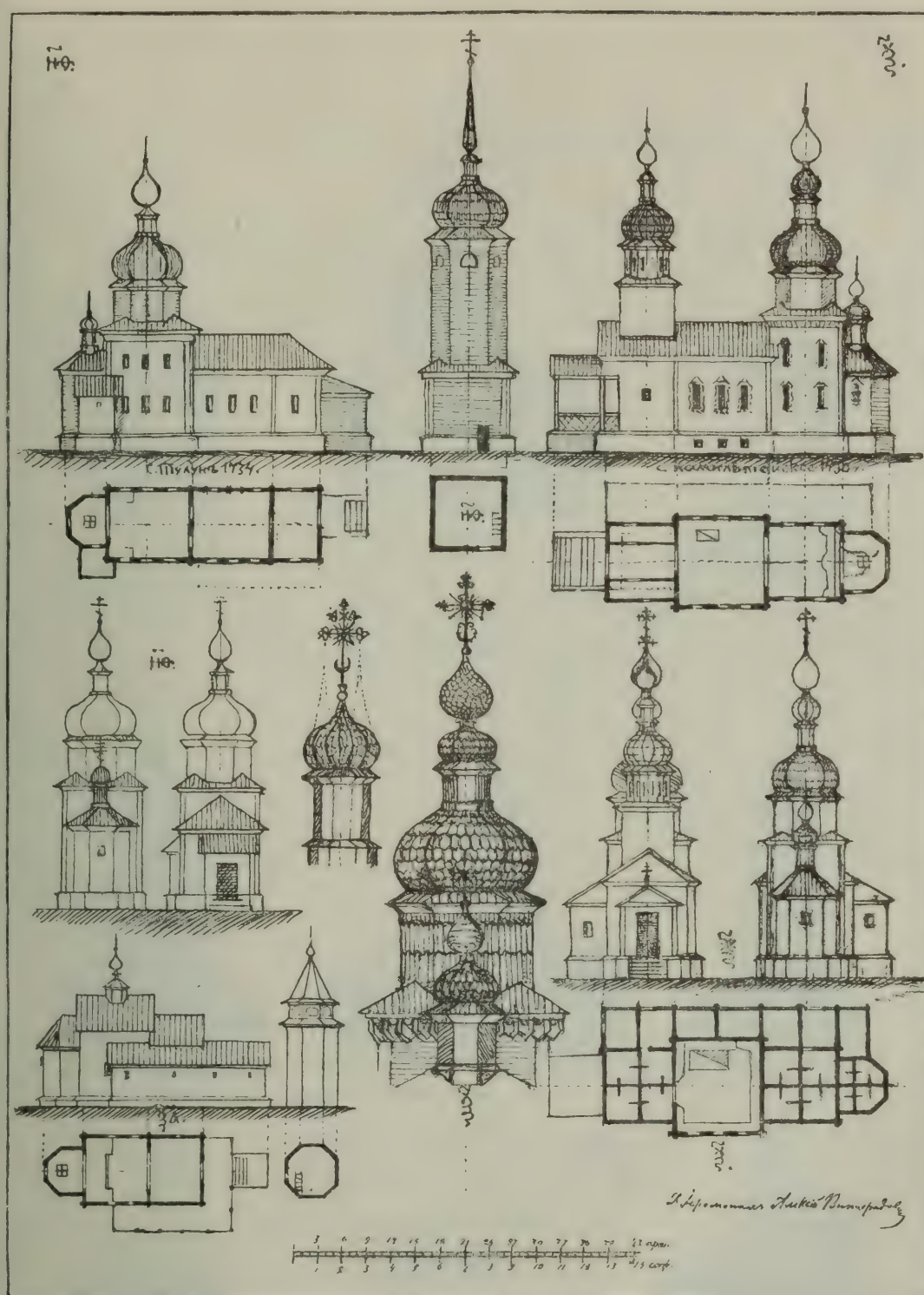
50. Н. Въ с. Тинскомъ.
 51. НА. Въ с. Решѣтахъ.
 52. НВ. Въ с. Алзамайскомъ.
 53. НГ. С. Михайловское. Ц. и К. 1768 г., пл. фас., персп. видъ и желѣз. крестъ (№ 65).
 54. НД. С. Пнева. Ц. 1600 г., пл. фас. бок. и З. (№ 93).
 55. НБ. Ц. въ пустоши Грязихъ 1600—5 г., пл. фас. бок., В. и З. (№ 39).
 56. НЗ. Часовня въ дер. Избищи, пл. фас. бок. и З., дет. главы (№ 99).

Сибирскія церкви:

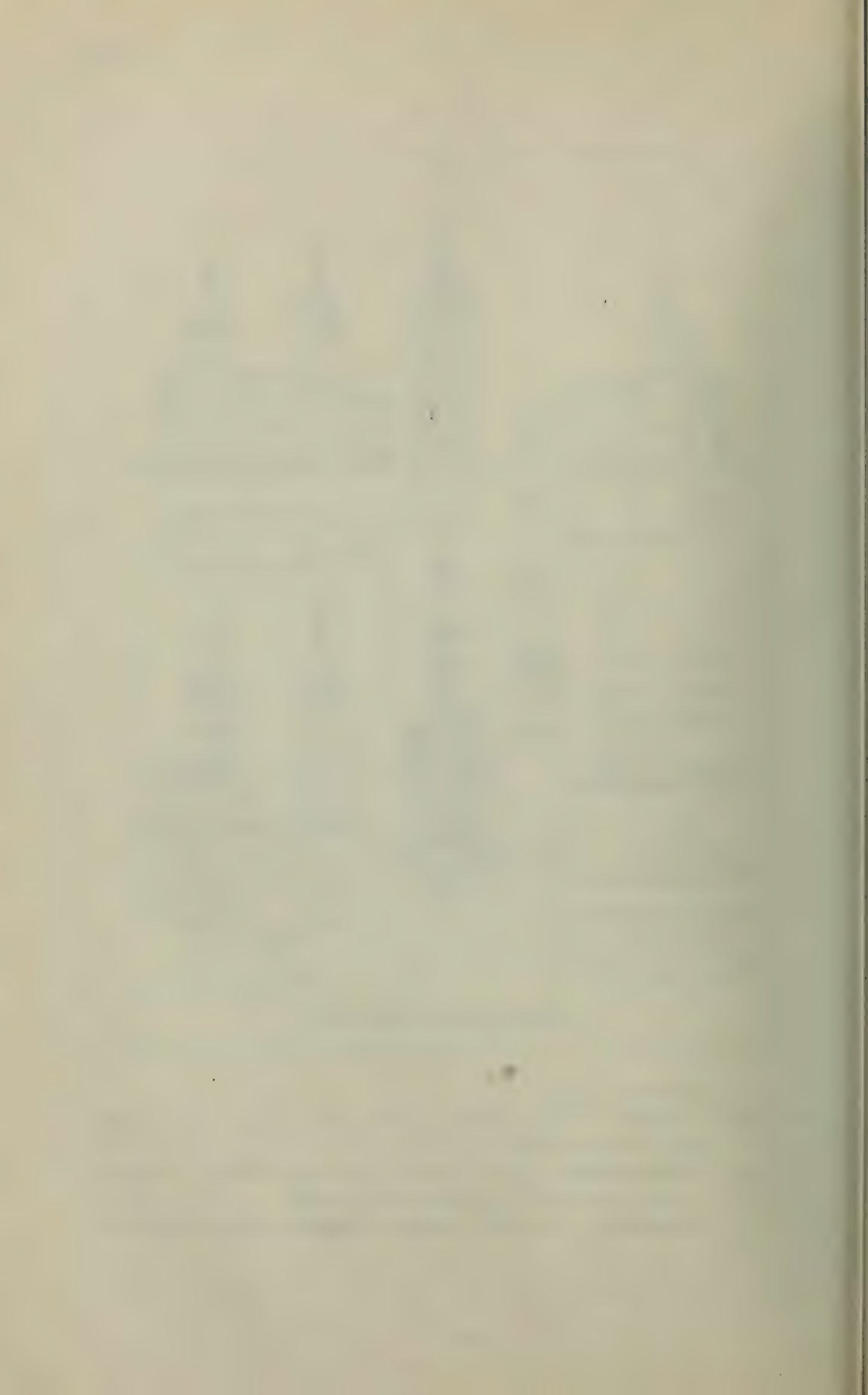
57. Из. **С. Кутуликское.** Ц. 1766 г., пл. и подпольная клѣтъ, фас. бок., В. и З. Фас., видъ верхней части Ц. и алтаря (№ 101).
58. Из. **С. Зиминское.** Ц. и К. 1760—70 г., пл. Ц. и К., подпол. клѣт., прод. разр. фас. бок., В. и З., теремокъ подъ алтар. и главка (дет.) (№ 84).

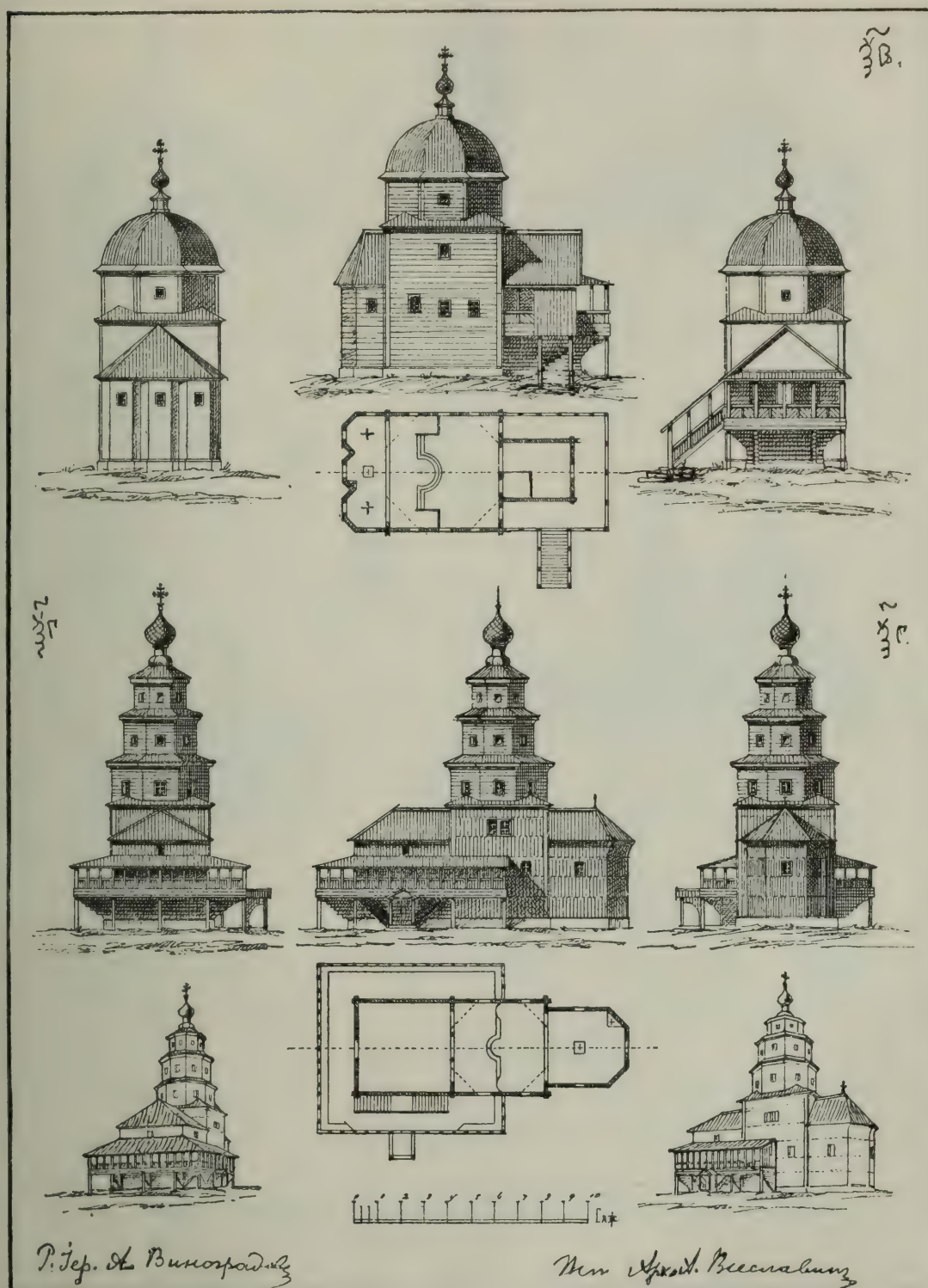

Сибирскія церкви:

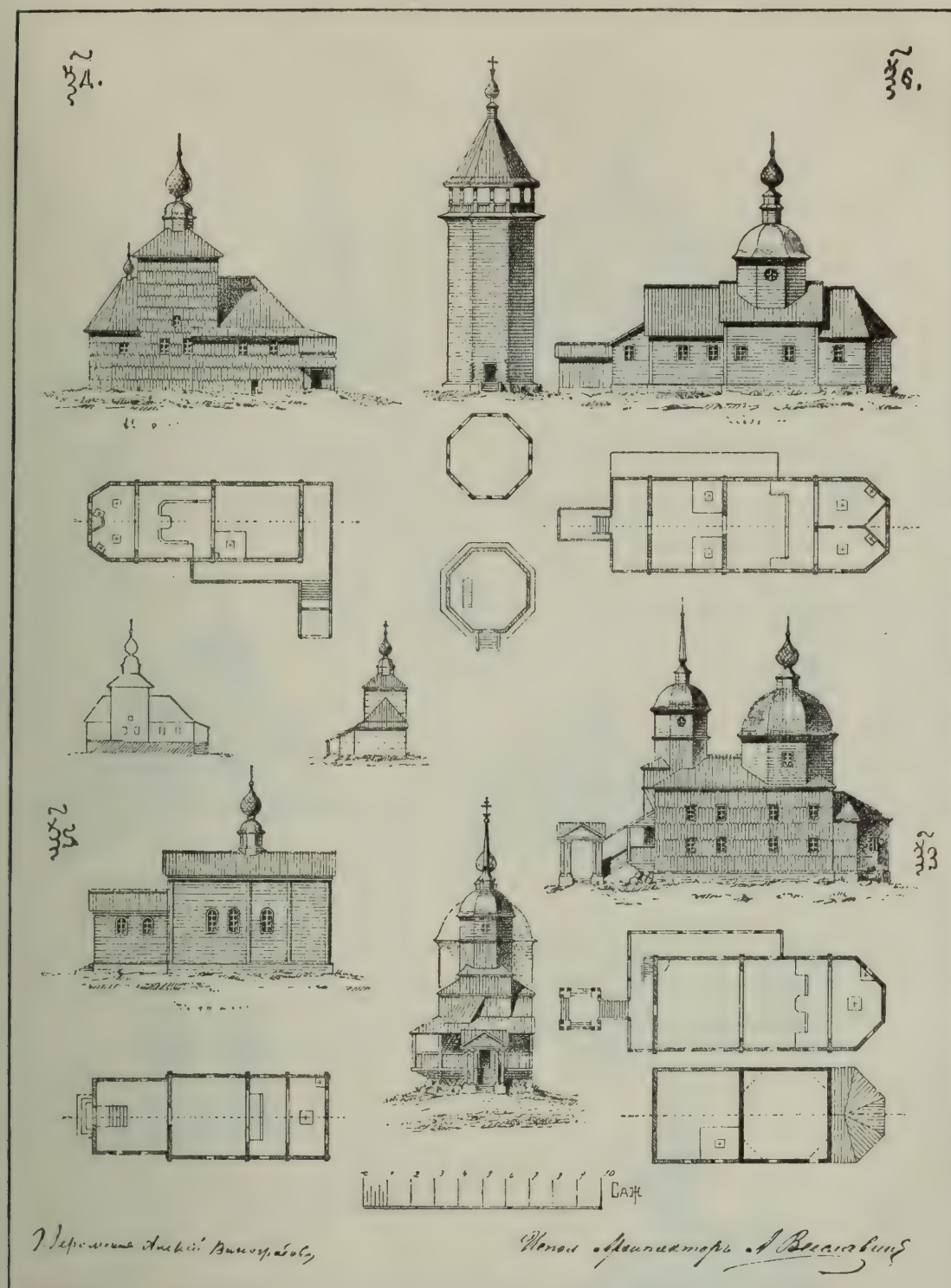
59. П.Ф. С. Тулунъ. Ц. и К. 1734 г., пл. фас. бок., В. и З., Ц. и К. дет. алтар. главки (№ 57).
60. З. С. Камилейское. Ц. и К. 1735 г., пл., подпол. клѣтъ, фас. прод., В. и З., верх. часть Ц. и алтаря (дет.) (№ 70).
61. З.А. С. Пестово. Ц. и К. 1605 г., Тверск. еп., Весьег. уѣз., пл. и ф. (№ 13).

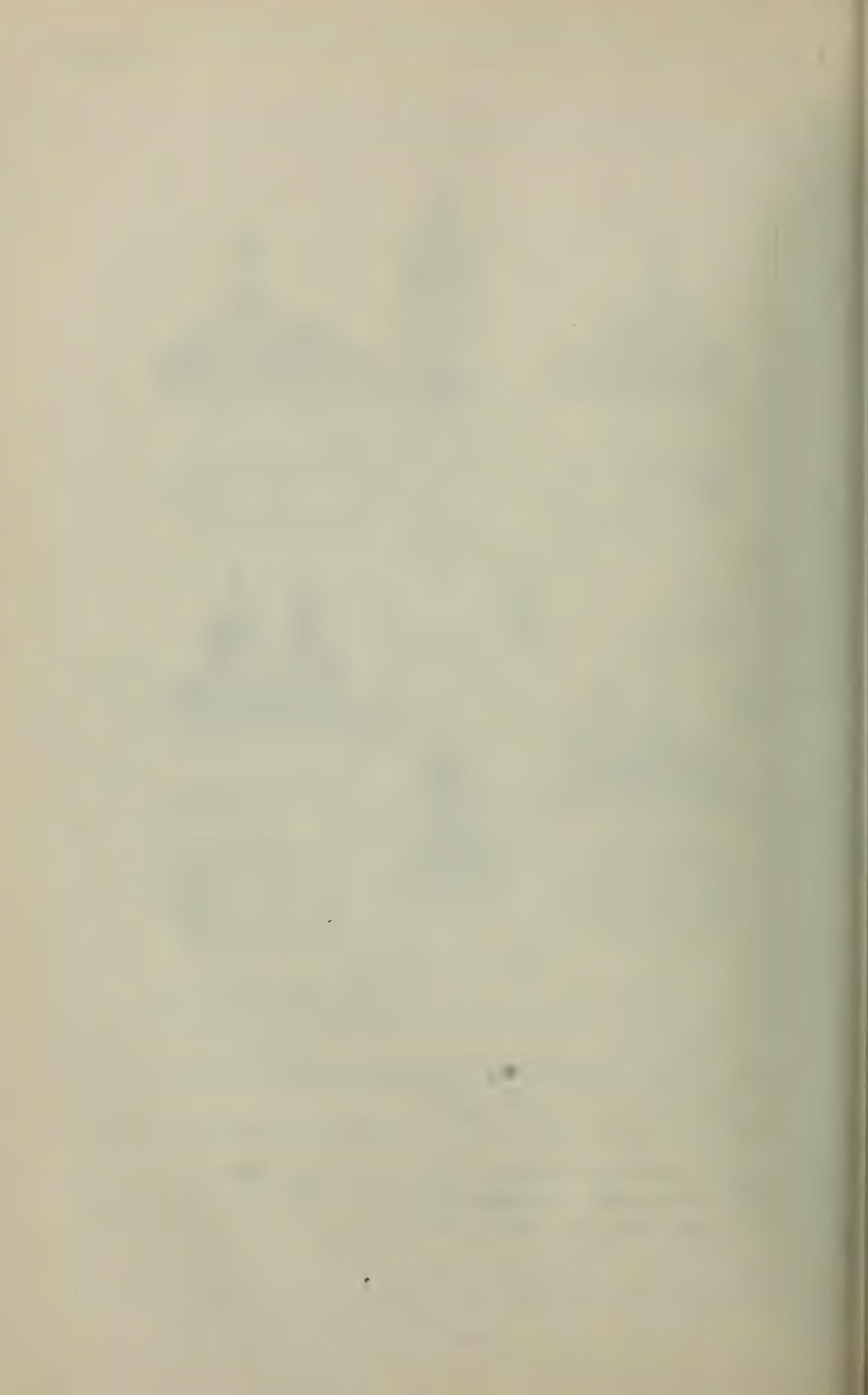

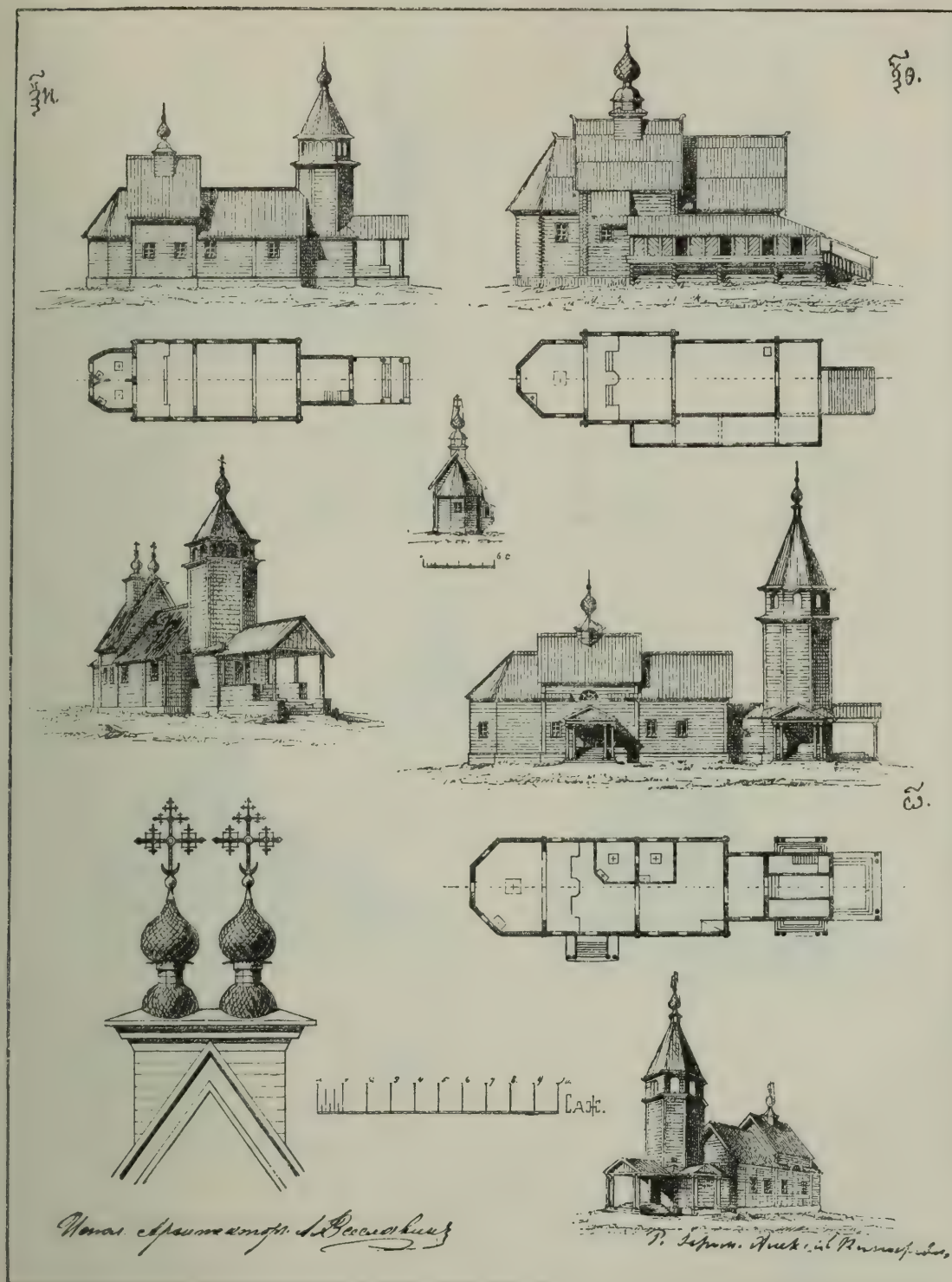
62. 3в. С. Типня. Ц. 1700 г., пл. фас. бока., В. и З. (№ 30).

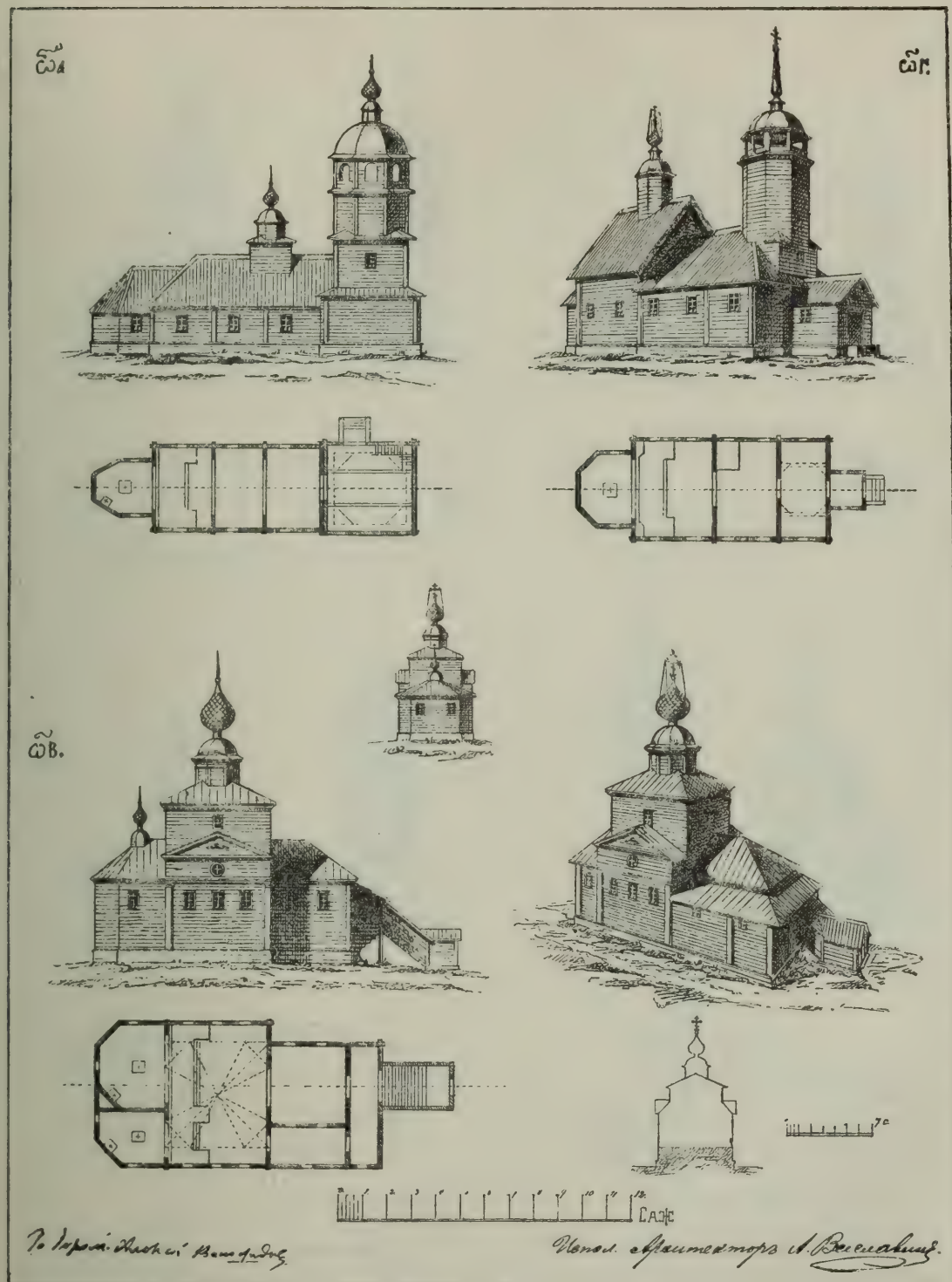
63. 3г. С. Синевая Дубровка. Ц. 1778 г., пл. фас. бока., В. и З. (№ 11).

64. 34. Ц. Спаса Преображенія въ Слезкинскомъ погостѣ при р. Кати 1709 г. пл. фас. бок. и 3. разр. (№ 29).
65. 35. С. Оедорково. Ц. и К. 1780 г., пл. Ц. и К., ниж. этажъ и въ звонѣ фас. ц. и к. (№ 14).
66. 35. С. Кисово или Курилово. 1739—41 г., пл. фас. (№ 106).
67. 33. С. Волдомицы или Вятка. Ц. и К. 1670—89 г., пл. ниж. этажа и верхн. прид., фас. прод. и 3. (№ 3).

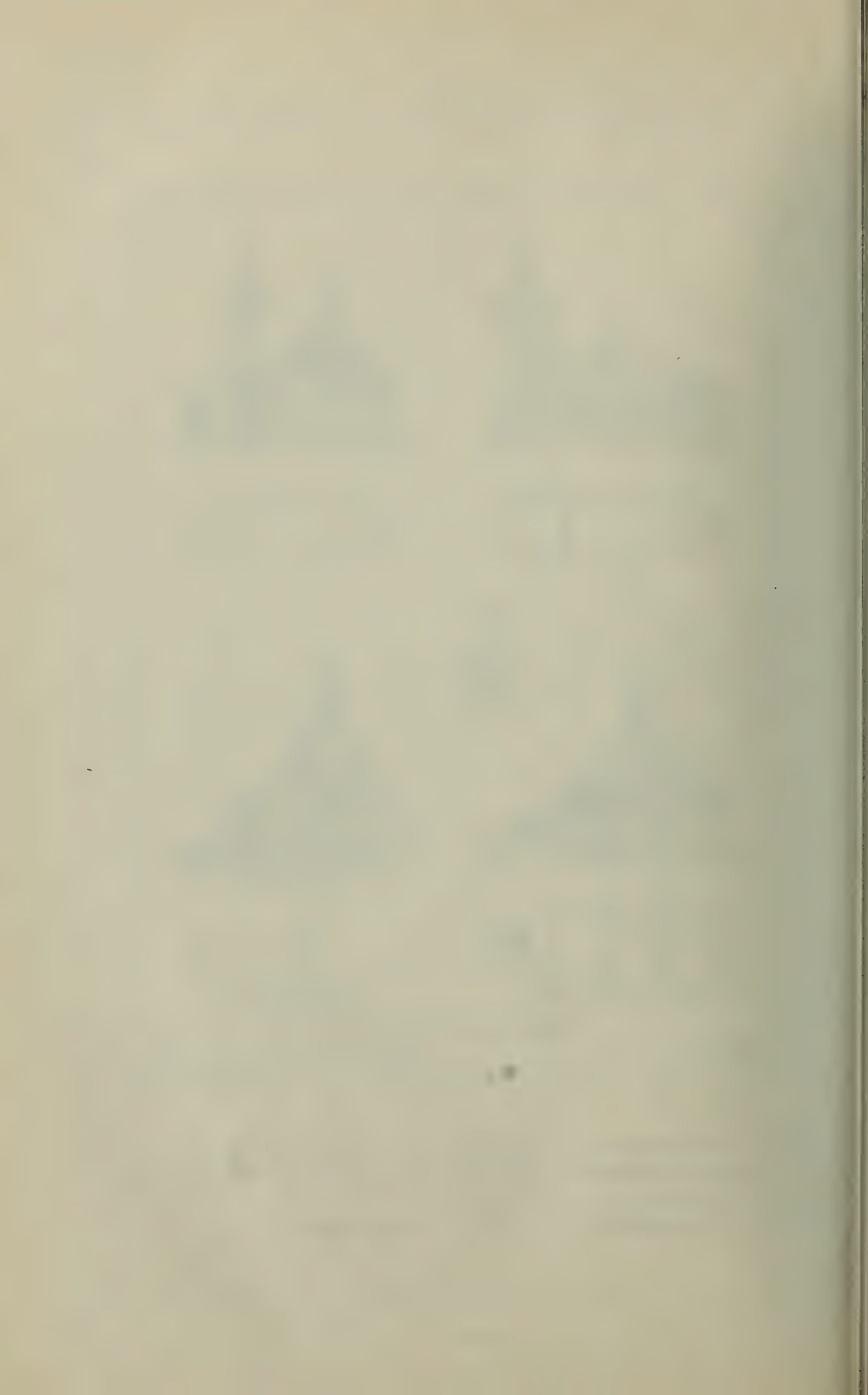

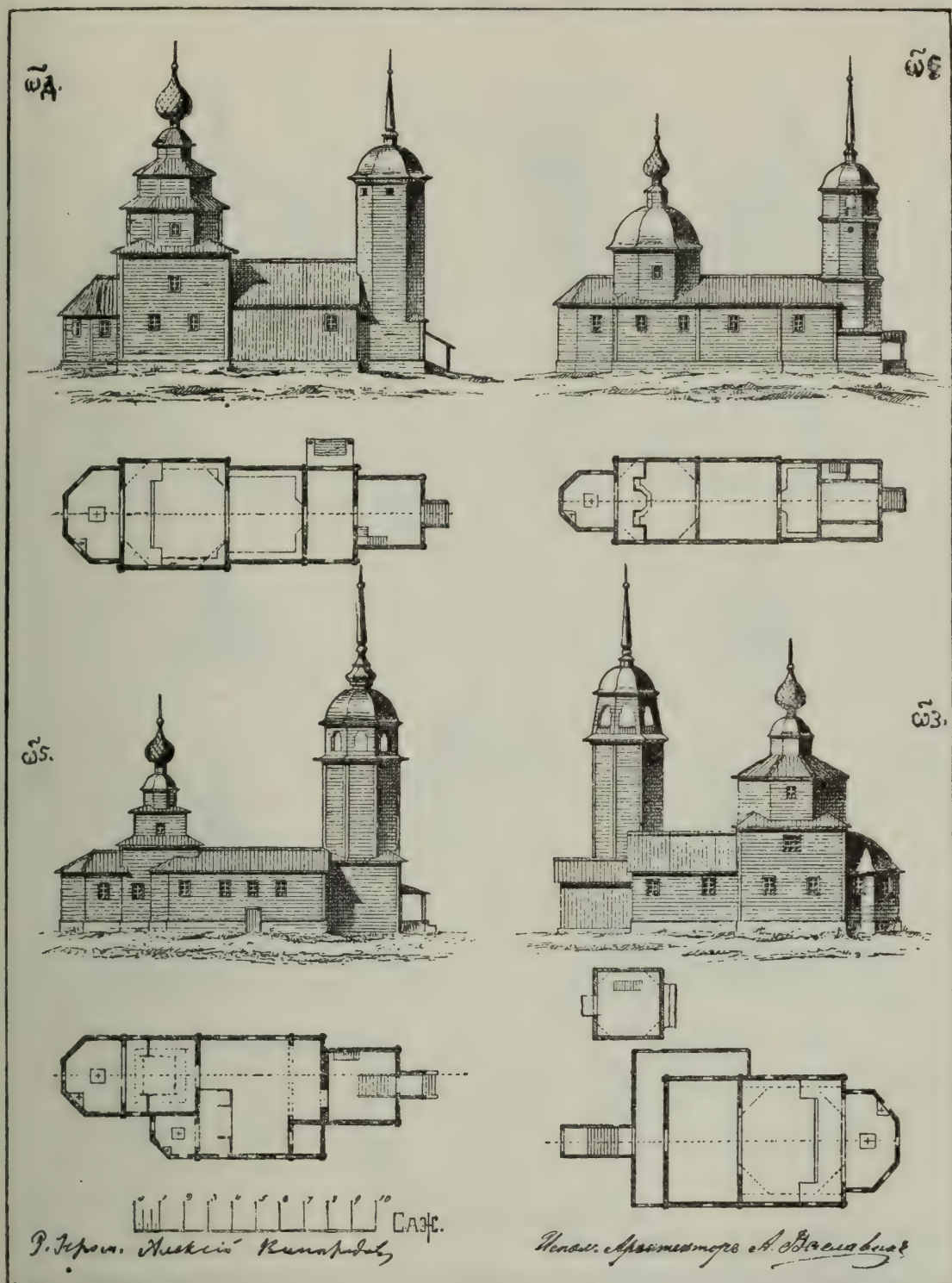

71. ЦА. С. Муравьево, зим. Ц. съ К. 1752 г., пл. фас. (№ 46).

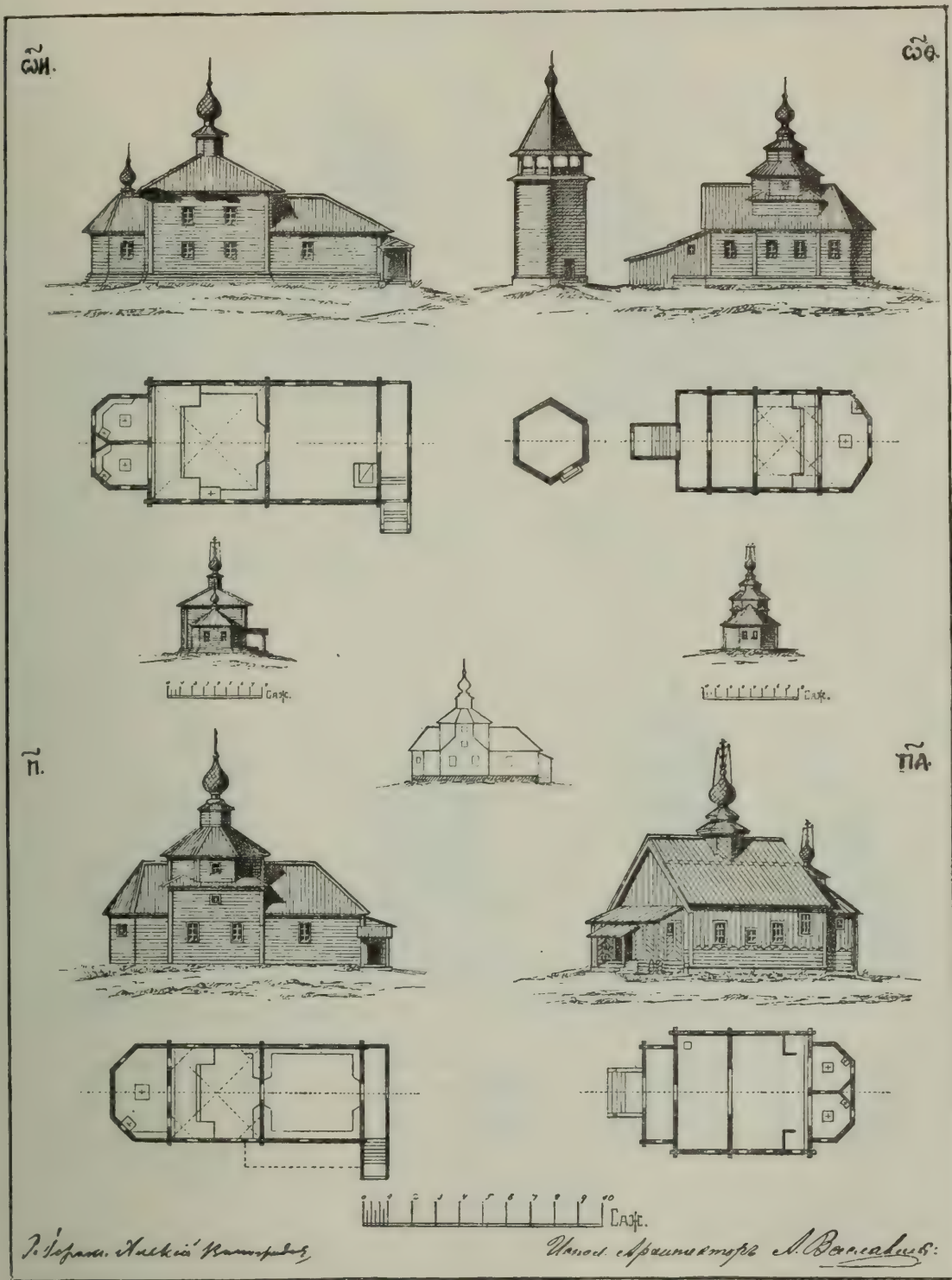
72. ЦБ. С. Муравьево, лѣт. Ц. 1750 г., пл. фас. бок. В. и разр. попер. персп. видъ (№ 35).

73. ЦВ. С. Ивашково. Ц. и К. 1797 г., пл. фас. (№ 86).

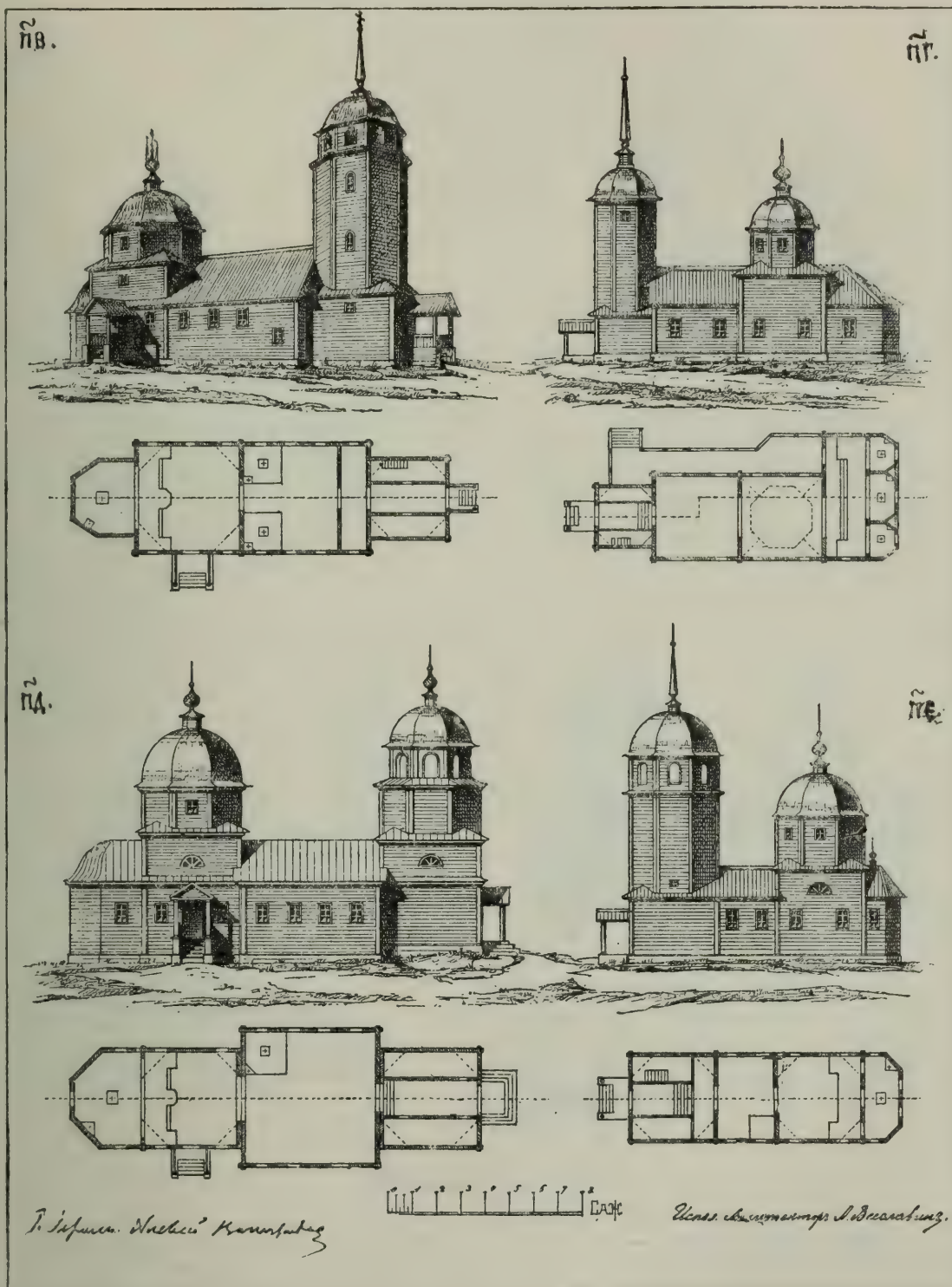

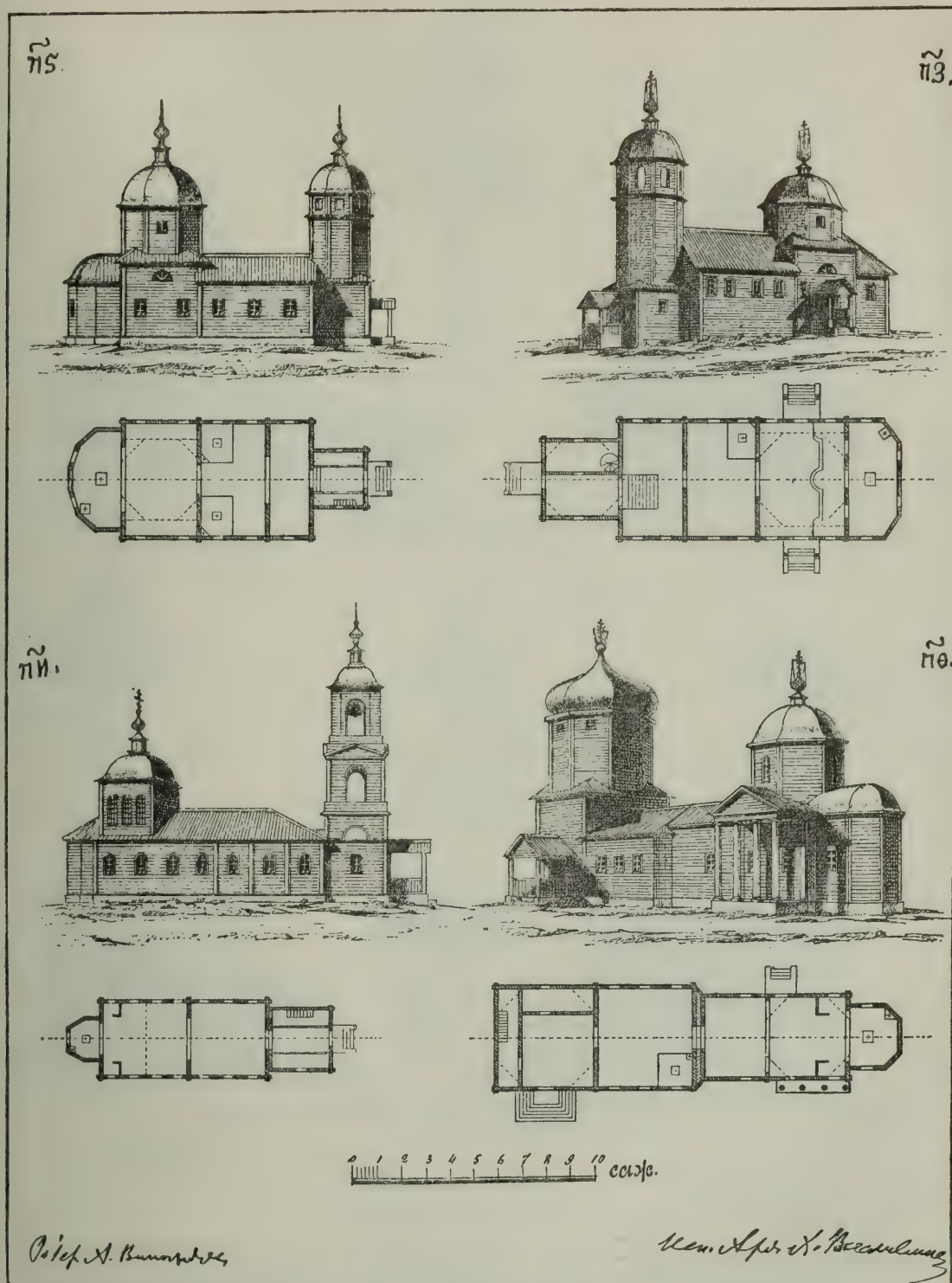
74. ОА. С. Дроздѣво. Ц. и К. 1793 г., пл. фас. (№ 89).
 75. ОЕ. С. Высоково, Ц. и К. 1790—1800 г., пл. фас. (№ 74).
 76. ОС. С. Ильинское Шухтово, tepl. Ц. съ К. 1795—1800 г., пл. фас. (№ 34).
 77. ОЗ. С. Горинское. Ц. и К. 1775—1780 г., пл. фас. (№ 28).

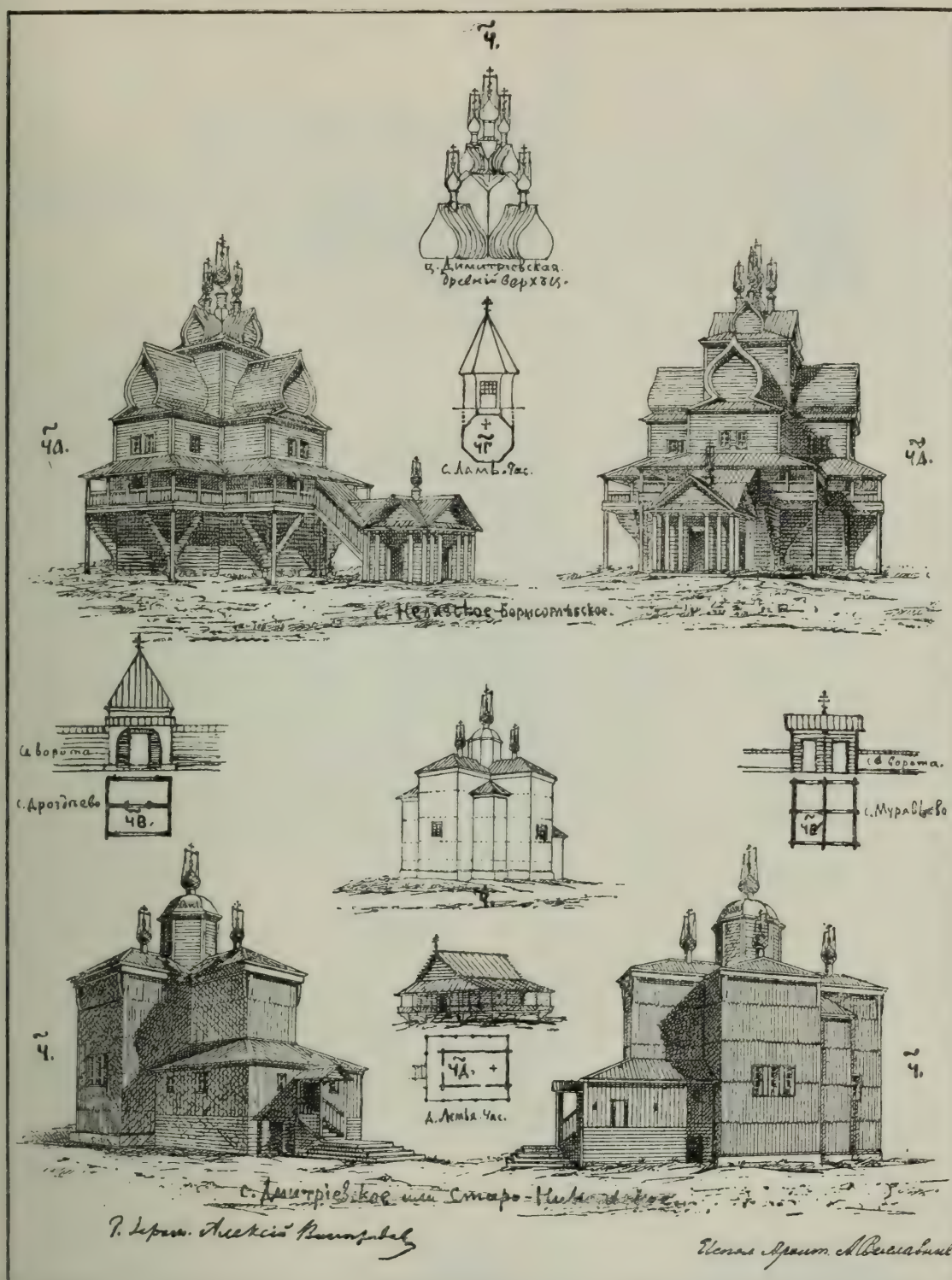
78. С. Пери. Ц. 1760—1812 г., пл. фас. бок. и В. (№ 109).
79. С. Лошицы. Ц. и К. 1794 г., пл. фас. бок. и В. (№ 26).
80. С. Крутецъ или Перетерье. Ц. 1786 г., пл. фас. разр. продол. (№ 77).
81. С. Титовское. Ц. 1718 г., пл. фас. (№ 95).

82. Пв. С. Волховицы. Ц. и К. 1726 г., пл. фас. (№ 72).
 83. Пг. С. Сандово. Ц. и К. 1713 г., пл. фас. (№ 9).
 84. Пд. С. Ахматово. Ц. и К. 1780 г., пл. фас. (№ 61).
 85. Пё. С. Пожарье. Ц. и К. 1787 г., пл. фас. (№ 24).

86. пс. С. Павское. Ц. и К. 1785 г., пл. фас. (№ 44)
87. пз. С. Покровъ-Конопдино. Ц. и К. 1700—36 г., пл. фас. (№ 76).
88. пи. С. Расторопово. Ц. и К. 1670 г., реставр. 1850 г., пл. фас. (№ 90).
89. пф. С. Орли. Ц. и К. 1670 г., пл. фас. (№ 64).

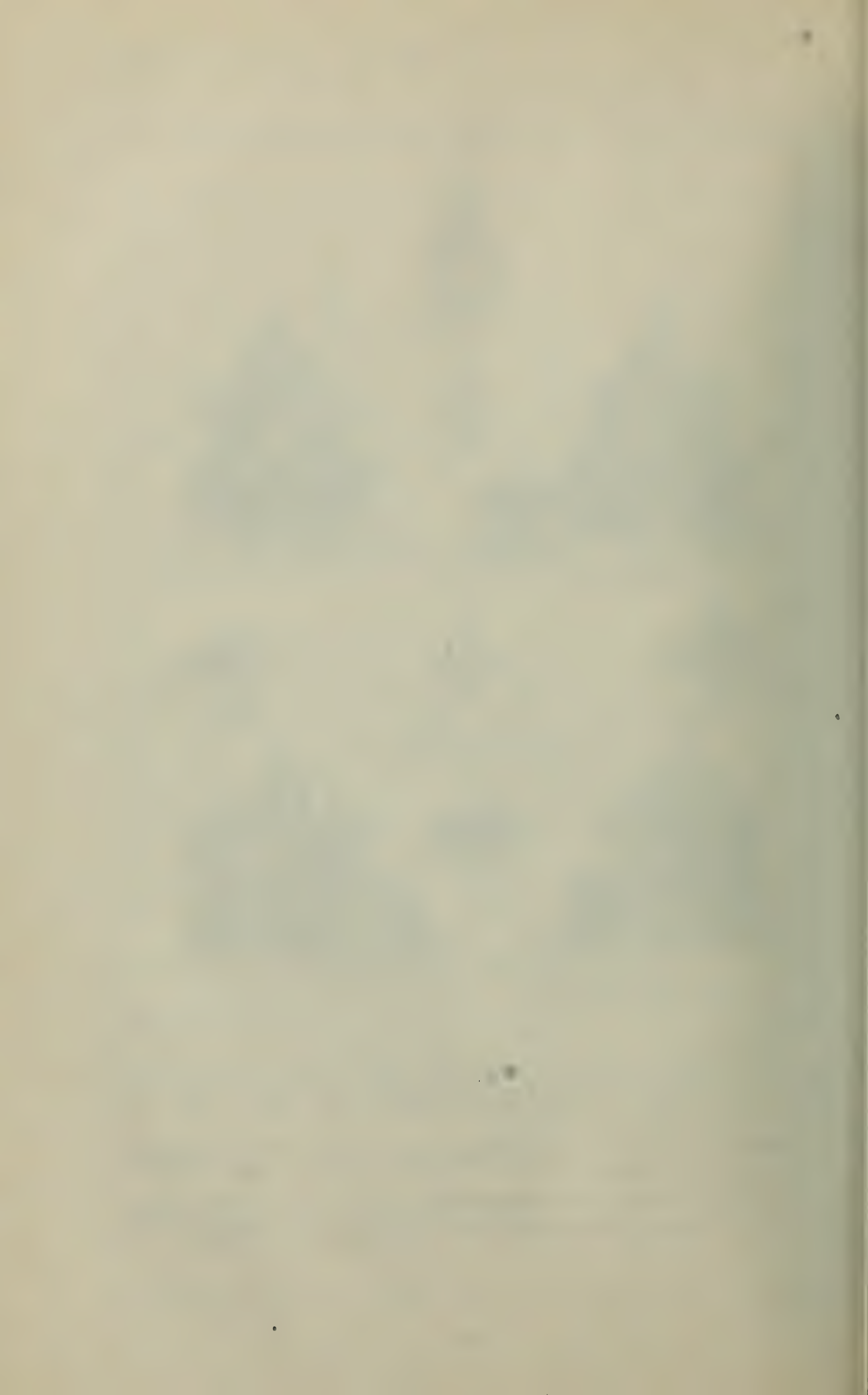

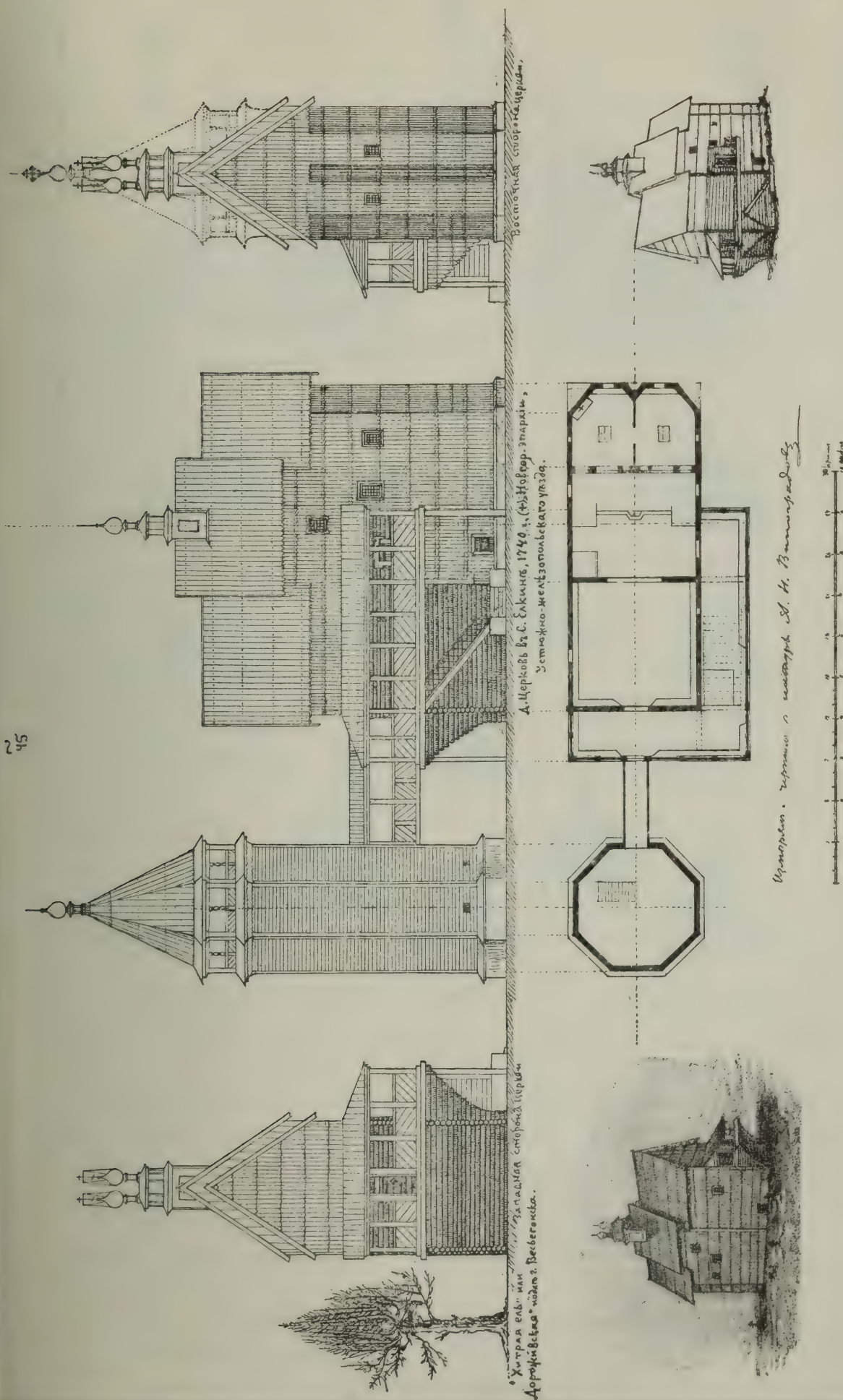
90. ч. С. Нелазское и Борисоглѣбское 1674—1696 г. соврем. виды церкви (№ 38).

91. чд. С. Дмитріевское или Старо-Никольское древн. многогл. верхъ и соврем. виды Церкви. (№ 37).

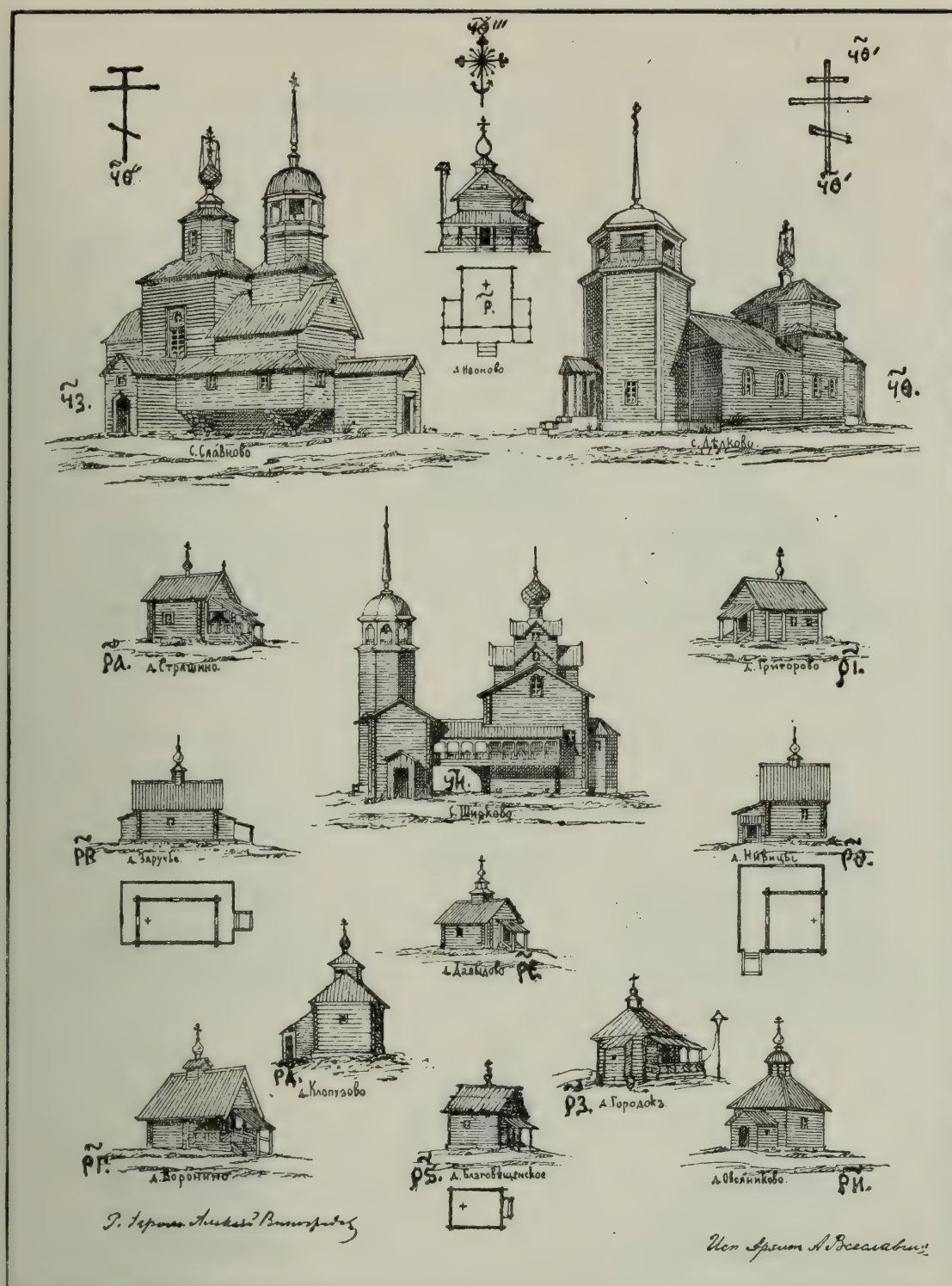
Святыя ворота: 92. чв. въ с. Дроздѣвѣ (№ 89) и 92. чв'. въ с. Муравьевѣ (№ 46).

93 чг. Часовня въ с. Ламской Пуст. (№ 48), гдѣ отдыхалъ нѣкогда св. Кириллъ Бѣлозерскій. 94 чд. Часовня въ д. Лембѣ (№ 83).

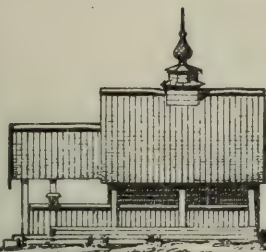

6. Ц. и К. въ с. Елкинѣ, Устюжно-желѣзнопольск. уѣз., Новг. еп., по точн. измѣр. и чертежу въ увеличенномъ видѣ, планъ, фасады — боковой, восточный и западный; перспективные виды съ сѣверной и южной стороны. и рисунокъ съ натуры такъ-называемой «Хитрой ели». (№ 95) находящейся въ лѣсу, подлѣ г. Весеогонска.

97. 43. Ц. и К. въ с. Славномъ, Тверск. епар. и уѣз. 1696 г. (№ 69).
 98. 4и. Ц. и К. въ с. Ширковѣ, Тверск. епар., Осташк. у. 1697 г. (№ 68).
 99. 4ф. Ц. и К. въ с. Дѣдковѣ, Тверск. епар., Весьег. у. 1700 г. (№ 10),
 4ф'. древн. желѣз. кр. и др. Кр. храмозд. 4ф''. Ц. с. Куженкина и
 4ф'''. трет. желѣз. кр. ц. с. Ладожскаго, Новг. еп. (№ 91).
 Виды 11 дер. часовенъ разн. епарх.: Новг. еп.: 104. 4А. д. Клопузово
 (№ 51),
 105. 4Е. д. Давыдово, 106. 4З. д. Городокъ (№ 66), 103. 4Г. д.
 Воронино. Тверск. еп.: 104. 4А. д. Страшино, 105. 4Е. д. Давы-
 дово, 106. 4С. д. Благовѣщенское (№ 97), 102. 4В. д. Нивицы
 (№ 51), 110. 4І. д. Григорово, 102. 4В. д. Заручье, 100. 4Д. д.
 Юново, (Иваново).

Деревянные Часовни

д. Федоровское.

д. Чурилково.

д. Мартюхино.

д. Большая Горка.

д. Иванъ-Гора.

д. Овинищи.

Р. черт. Искренн. Киселевич

Черт. архитектора А. Воеводина.

Виды восьми дерев. часовенъ разн. епархій.

Новг. еп.: 111. рѣі. д. Федоровское, 112. рѣі. д. Большая Горка,
 113. рѣі. д. Байлово, 114. рѣі. д. Новинка, 115. рѣі. д. Мартюхина.
 Тверск. епарх.: 116. рѣі. д. Чурилкова, 117. рѣі. д. Иванъ-Гора,
 118. рѣі. д. Овинищи (№№ 52, 82).

IV.

Русскія деревянныя жилыя постройки въ XVI в.

Д. Чл. Н. Д. Чечулина.

Долгое время на Руси дерево было почти единственнымъ, въ быту же крестьянъ и вообще небогатыхъ людей даже безусловно единственнымъ матеріаломъ жилыхъ и хозяйственныхъ построекъ. Естественнымъ слѣдствіемъ этого является то, что до нашего времени такія постройки совершенно не сохранились. Между тѣмъ возстановить себѣ древнерусскій дворъ, конечно, очень интересно для изученія бытовой исторіи. И. Е. Забѣлинъ, воспользовавшись различными уцѣлѣвшими описаніями и измѣреніями дворовъ, особенно XVII в., въ своемъ извѣстномъ трудѣ: „Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII вв.“ установилъ главнѣйшіе типы тогдашнихъ построекъ и отмѣтилъ важнѣйшія черты каждаго типа. Онъ доказалъ, что въ существенныхъ чертахъ типъ деревянныхъ построекъ и въ то время былъ таковъ же, какъ и теперь ¹⁾; а въ виду этого мы вполне можемъ быть увѣрены, что таковы же были типы построекъ и въ XVI вв., потому что если не измѣнились они значительно до сихъ поръ, то, конечно, не измѣнились очень замѣтно и ранѣе, въ какія-нибудь сто лѣтъ, когда еще къ тому же далеко не было такихъ важныхъ перемѣнъ въ народной жизни, какія совершились потомъ. И. Е. Забѣлинъ интересовался уже вопросомъ и о „полномъ составѣ дворовъ“ ²⁾, но не имѣлъ еще достаточнаго числа данныхъ для его изслѣдованія.

Въ настоящей замѣткѣ мы представимъ нѣсколько своихъ замѣчаній именно по этому послѣднему вопросу и относительно XVI в. Писцовыя

¹⁾ Забѣлинъ, Бытъ царей, 2-е изд., стр. 25—37.

²⁾ Тамъ же, стр. 30, прим. Въ этомъ примѣчаніи приведены, и чуть-ли не всѣ, описанія дворовъ въ XVI в., извѣстныя по разнымъ актамъ.

книги XVI в. представляют достаточно данных для точнаго опредѣленія: 1) величины *посадскаго* и *городоваго* мѣста, 2) числа построекъ на *крестьянскихъ* дворахъ, и наконецъ, 3) размѣровъ тогдашнихъ жилыхъ и хозяйственныхъ строеній; относительно же состава построекъ на городскихъ дворахъ мы имѣемъ гораздо менѣе свѣдѣній; но зато въ дополненіе къ нимъ мы можемъ привести нѣсколько очень интересныхъ описаній большихъ городскихъ дворовъ, частью еще не разобранныхъ, а частью даже и неизвѣстныхъ въ нашей ученой литературѣ.

Въ писцовыхъ книгахъ, сѣверныхъ городовъ въ особенности¹⁾, встрѣчаемъ мы довольно много указаній на величину городскихъ и посадскихъ дворовъ и мѣстъ дворовыхъ. 454 городскіе двора въ Гдовѣ, Изборскѣ, Себежѣ, Островѣ, Опочкѣ, Орѣшкѣ, Тулѣ и Пронскѣ занимали площадь въ 26.880 кв. саж., такъ что на каждый дворъ приходилось въ среднемъ по 58 кв. саж. Но такое опредѣленіе средняго размѣра обыкновеннаго городского двора, безъ сомнѣнія, нѣсколько выше дѣйствительныхъ размѣровъ большинства тогдашнихъ городскихъ дворовъ, потому что въ это исчисленіе вошли два очень большіе двора въ Пронскѣ (Ал. Никит. Романова и П. Шереметева), занимавшіе 990 кв. саж. и 40 дворовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ въ Пронскѣ же, занимавшіе 4.700 кв. саж.; кромѣ того, относительно Тулы мы должны были брать прямо среднюю величину двора городского, не различая дворовъ разныхъ людей. По болѣе же точнымъ свѣдѣніямъ, имѣющимся объ остальныхъ городахъ, видимъ, что дворы *городскіе* черныхъ и ратныхъ людей были всего въ 41 кв. саж., что очень немного, ибо такую площадь даютъ 7 саж. на 6, т. е. 20 на 18 шаговъ. Въ 1571—1572 г. въ Нещердѣ, въ Полоцкомъ повѣтѣ, были даны мѣста 400 казакамъ по такому расчету, что голова получилъ мѣсто въ 80 кв. саж., 4 сотника по 20 кв. саж., 8 пятидесятниковъ по 15 кв. саж., а рядовые стрѣльцы всѣ по 12 кв. саж. (по 3×4)²⁾. *Посадскіе* же дворы людей ратныхъ и черныхъ достигали средней величины 46 саж. (1.038 такихъ дворовъ, о которыхъ мы могли собрать точныя свѣдѣнія, занимали площадь въ 47.400 кв. саж.). Относительно размѣровъ посадскихъ дворовъ у людей служилыхъ мы имѣемъ слишкомъ недостаточное число данныхъ; но, во всякомъ случаѣ, видимъ, что дворы большихъ бояръ, воеводъ, намѣстниковъ занимали громадныя площади; такъ, 9 такихъ дворовъ въ

¹⁾ Именно въ писцовыхъ книгахъ псковскихъ пригородовъ и городовъ: Орѣшка, Ладоги, Корелы и Пронска; можно также воспользоваться свѣдѣніями о Тульскомъ городѣ. См. наше изслѣдованіе: Города Московскаго государства въ XVI в., стр. 23—24, пр. и 259—260, 269.

²⁾ Писцовыя Книги Московскаго государства, т. II, Спб., 1877, стр. 549—550.

сѣверныхъ городахъ занимали площадь въ 3.900 кв. саж.; дворы государевы въ Коломнѣ и Казани (занятый большимъ воеводою) были: первый въ 1.920 кв. саж., второй въ 1.500 кв. саж.¹⁾; въ Коломнѣ же дворъ кн. Ив. Бѣльскаго занималъ 2.400 кв. саж.; едва-ли не больше еще былъ дворъ кн. Ив. Мстиславскаго въ Веневѣ: противъ него находились его конюшни, длиною въ 145 саж., хотя, можетъ быть, и не въ одну прямую линію расположенныя²⁾. Но чтобы вѣрно представить себѣ различіе въ скученности населенія на посадѣ сравнительно съ городомъ, надо вспомнить, что при посадскомъ дворѣ почти обязательно былъ огородъ³⁾, средняя величина котораго по даннымъ о 702 огородахъ была 300 кв. саж., (они занимали 208.450 кв. саж.), хотя, правда, для разныхъ огородовъ она очень колебалась. Такимъ образомъ, надо заключать, что вся усадебная осѣдлость чернаго и ратнаго двора на посадѣ равнялась 350 кв. саж., а въ городѣ—всего 40 кв. саж.⁴⁾. Что же касается до площади, занятой подъ сельскими или деревенскими дворами, то наши источники никогда даже и не останавливаются надъ указаніемъ, какъ велика ихъ площадь; но надо думать, что тамъ постройки располагались еще свободнѣе, ибо тѣсниться не было никакихъ основаній, между тѣмъ какъ строиться шире была прямая выгода, особенно въ смыслѣ предосторожности отъ пожаровъ.

Переходя къ разсмотрѣнію количества построекъ на дворѣ, мы, какъ уже замѣчено выше, совершенно опредѣленно можемъ говорить лишь о крестьянскихъ дворахъ, и то благодаря одной писцовой книгѣ Тверской области конца XVI в.⁵⁾; въ ней при описаніи пустыхъ дворовъ всегда отмѣчается, какія на нихъ постройки, нѣсколько разъ также отмѣчается, что, сверхъ оставшихся, были еще хоромы, потомъ сvezенныя; если на пустыхъ дворахъ строенія не описываются, то замѣчено, что они сгорѣли

¹⁾ См. Писц. Кн. Моск. госуд., т. I, Спб. 1872, стр. 305. Списокъ съ писцовыхъ книгъ по г. Казани съ уѣздомъ, 33.

²⁾ Писц. Кн. М. гос., I, стр. 310; II, стр. 1539—1540.

³⁾ См. наше изслѣдованіе: Города Московскаго государства, стр. 115; Писц. Кн. М. гос., II, стр. 309—310.

⁴⁾ А. С. Лаппо-Данилевскій въ замѣткѣ своей О величинѣ дворовыхъ и огородныхъ мѣстъ древне-русскаго города (Зап. Арх. Общ., т. III, стр. 307—316) опредѣлилъ среднюю величину мѣста въ острогѣ въ 20—40 кв. саж., а на посадѣ—величину въ 20 кв. саж. онъ признаетъ рѣдко встрѣчающимся minimum'омъ. Сохранившіяся изображенія русскихъ городовъ XVII в. тоже производятъ такое впечатлѣніе, что самый городъ былъ застроенъ очень плотно; таковыми, напримѣръ, являются Тверь, Торжокъ, Великій Новгородъ на рисункахъ у Олеарія; а что его изображенія въ данномъ случаѣ не были просто шаблонны—видно изъ того, что города, возникшіе сравнительно незадолго до него, напримѣръ, Самара, Саратовъ, Черноярскъ, Царицынъ—и изображены у него застроенными далеко не такъ тѣсно. Ср. также рисунки въ изданіи бар. Аделунга: Мейербертъ, атласъ.

⁵⁾ Писц. Кн. М. гос., т. II, стр. 290—403; она содержитъ описаніе земель ц. Симеона Бекбулатовича.

или развалились; слѣдовательно, мы имѣемъ полное основаніе думать, что когда такихъ замѣчаній нѣтъ, то описаны всѣ постройки, существовавшія на дворѣ и при его хозяйствѣ. Такихъ дворовъ описано въ нашемъ источникѣ, со всѣми подробностями, 317, и затѣмъ еще о 28 дворахъ сказано, что на нихъ 65 хоромины. На первыхъ 317 дворахъ всего 872 постройки, слѣдовательно, на всѣхъ 345 дворахъ — 937 хоромины. Такимъ образомъ, въ среднемъ приходится немного менѣе, чѣмъ по 3 строенія на дворъ: на 10 дворовъ, имѣвшихъ по 3 строенія, приходится 4, имѣвшія по 2 строенія. Быть можетъ, однако, что вѣрнѣе будетъ считать прямо по 3 строенія на дворъ ¹⁾).

Почти безусловно необходимою для двора является изба; на 317 описанныхъ подробно дворовъ избъ перечислено 309: есть около полутора десятка дворовъ, почему-то не имѣвшихъ избъ, а ограничивавшихся клѣтками, но зато на 5—6 дворовъ по 2 избы. Клѣтка, повидимому, уже не была такою необходимою принадлежностью двора: не только число ихъ значительно менѣе числа дворовъ—215, но и размѣщены онѣ были далеко не равномерно, т. е. очень часто было на дворѣ по нѣскольку клѣтекъ, напримѣръ, на 5 дворовъ 17 клѣтекъ; довольно часто на 3 двора по 5 клѣтекъ; надо думать, повидимому, что клѣтка являлась уже у крестьянъ болѣе или менѣе зажиточныхъ; вообще, почти половина дворовъ не имѣла клѣтекъ. Далѣе, по числу упоминаній, за клѣтками слѣдуютъ: сѣнники и сѣнницы—153 (141 первыхъ, въ томъ числѣ 13 на подклѣткахъ, и 12 вторыхъ), затѣмъ, мыльни—54, напоребицы—37, овины—21, житенки и житницы—21 (первыхъ 11, вторыхъ 10), пристѣны — 15, поварни и хлѣбни—12 (8 и 4), конюшни и хлѣва—12 (7 и 5), мшаники—11, половни—9, повалуши—2, амбаръ—1 ²⁾). Чаще всего встрѣчаемъ дворы, состоящіе изъ избы и клѣтки, или избы и сѣнника съ какою-нибудь одною еще постройкою. Впрочемъ, остальные постройки распредѣлялись уже не равномерно, т. е. на нѣкоторыхъ дворахъ ихъ сосредоточено было очень много, а на другихъ—не было; такъ, на одномъ дворѣ было 7 строеній, приблизительно на 15 — по 6-ти.

¹⁾ Увеличить такъ нашъ результатъ побуждаетъ слѣдующее: въ той же книгѣ, кромѣ описанія отдѣльныхъ пустыхъ дворовъ, нѣсколько разъ встрѣчаемъ замѣчанія: деревня такая-то пуста, а на ней хоромъ—столько-то, а числа дворовъ точно не указано. Но принимая число избъ равнымъ числу дворовъ, какъ обыкновенно и бывало, имѣемъ тутъ на 106 дворовъ 414 хоромины, т. е. вмѣстѣ съ вышеприведенными цифрами на 451 дворъ 1.351 хоромину, что даетъ ровно 3 на дворъ.

²⁾ Въ тѣхъ пустыхъ деревняхъ, о которыхъ упомянуто въ предыдущемъ примѣчаніи, на 106 избъ было 119 сѣнниковъ и сѣнницъ, 50 хлѣвовъ, 33 погреба и напоребицы, 24 мыльни, 23 овина, 20 половень, 18 конюшень, 9 повалушъ, 9 клѣтекъ, 1 поварня.

Постройки эти, безъ сомнѣнія, были самыя простыя. Только три раза упоминаются горницы, сосчитанныя нами вмѣстѣ съ избами, потому что онѣ занимали мѣсто избъ въ наиболѣе богатыхъ постройками дворахъ; только разъ упомянуты сѣни; подклѣти упоминаются очень рѣдко. Избы, конечно, были рубленныя изъ бревенъ—по крайней мѣрѣ, о нихъ никогда не сказано, чтобъ онѣ были дощатыя; но конюшни, хлѣвы, половни очень часто дѣлались дощатыя: не разъ въ книгѣ Казани прямо говорится, что онѣ сдѣланы изъ судовыхъ досокъ; въ книгѣ же Тверскаго уѣзда о большинствѣ ихъ ничего не сказано, и лишь о нѣкоторыхъ замѣчено, что онѣ рубленныя—это заставляетъ думать, что другія были не рубленныя, а дощатыя. Едва-ли нужно думать, что тогда всѣ дворы были обносимы заборомъ; еще и теперь на сѣверѣ въ деревняхъ ставятся дворы, почти всегда безъ заборовъ или частоколовъ, да и въ нашихъ писцовыхъ книгахъ только изрѣдка упоминается о городьбѣ около двора и о воротахъ, равно какъ въ описаніи Себежа только о нѣкоторыхъ дворахъ городскихъ читаемъ „въ частоколѣ“; наконецъ, и при описаніи самыхъ большихъ дворовъ отдѣльно упоминается замѣтъ—все это даетъ, намъ кажется, основаніе думать, что заборъ или замѣтъ не былъ непремѣнной и постоянной принадлежностью двора. Такое незначительное количество надворныхъ построекъ стояло, вѣроятно, въ нѣкоторой зависимости отъ частыхъ переходовъ крестьянъ съ мѣста на мѣсто. Приведемъ здѣсь, между прочимъ, одно любопытное мѣсто изъ тверской писцовой книги, совершенно опредѣленно рисующее намъ хотя бы одинъ случай возникновенія хоромовъ на поселкѣ: „дер. Колобыкино, читаемъ мы, 3 дв., пашни худой земли 4 дес. въ полѣ, а въ дву по томужъ, полвыти; и на той деревнѣ поставили крестьяне хоромы на пустѣ въ 87 году, а назвали ихъ (т. е. жильцовъ) на льготу, и дано имъ льготы на 2 года, отъ Ильина дни 7088 г. до Ильина дни 7090“¹⁾.

Описаній дворовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ отъ XVI в. намъ извѣстно гораздо менѣе и мы не можемъ съ полною увѣренностью говорить о постройкахъ на нихъ. Въ писцовой книгѣ Казани²⁾ переписаны хоромы на 41 мѣстѣ, принадлежавшія прежде дѣтямъ боярскимъ годовальщикамъ, затѣмъ оставленныя ими и предназначенныя на продажу въ пользу государя. Мы, конечно, не ошибемся, предположивши, что это дворы не изъ богатыхъ и болѣе полныхъ и что вполне возможно, что они описаны не въ полномъ своемъ составѣ. Но разсмотримъ все-таки; что

¹⁾ Писц. Кн. М. гос., т. II, стр. 354.

²⁾ Писцовая книга Казани, 1566 — 1568 г., рукоп. Моск. Архива Мин. Юстиціи, К. 646, лл. 61—66.

на нихъ было. На нихъ оказалось всего 86 хороминъ¹⁾: 29 избъ, 24 горницы, 12 клѣтей, 8 чулановъ, 4 повалуши, 3 подклѣта, 3 конюшни и по 1—поварня, напогребница и пристѣпъ. Такимъ образомъ, покинутые крестьянскіе дворы постройками не бѣдиѣ дворовъ, покинутыхъ дѣтьми боярскими; но замѣтимъ все-таки, что существовало нѣкоторое различіе: такъ, горницъ тутъ сравнительно очень много, тогда какъ въ покинутыхъ крестьянскихъ дворахъ приходилась едва одна горница на 100 дворовъ. довольно часто указаны при избахъ или горницахъ чердаки и чуланы, почти абсолютно не встрѣчавшіеся намъ на дворахъ крестьянскихъ; наконецъ, гораздо большее число построекъ показано на подклѣтахъ.

Немногочисленныя описанія помѣщичьихъ и монастырскихъ усадебъ въ Тверской писцовой книгѣ, и дворовъ намѣстниковъ и городовыхъ приказчиковъ въ пригородахъ псковскихъ, рисуютъ намъ составъ дворовъ довольно близкій къ крестьянскому, хотя, конечно, болѣе полный. На помѣщичьихъ дворахъ, естественно, бывали еще дворы разныхъ работныхъ и дворовыхъ людей; даже въ самыхъ небольшихъ усадьбахъ (по книгамъ, напримѣръ, Тверскаго уѣзда)²⁾ очень часто встрѣчаемъ дворы холоповъ, дворы челядинные и дворы служни; въ большихъ усадьбахъ, напримѣръ, во владѣніяхъ Симеона Бекбулатовича и на одномъ намѣстничьемъ дворѣ встрѣчаемъ избы судебныя. Приведемъ нѣсколько подобныхъ описаній усадебъ. Въ Тверской области въ одномъ селѣ находимъ: „дв. в. кн. огороженъ заборомъ, а хоромъ на немъ горница столовая, да горница съ комнатою, межъ ихъ повалуша, двой сѣни, да ледникъ завалился, 2 житницы,... да в. кн. садъ, а въ немъ [41 яблоня]... да у саду жъ дворъ не тяглый, а живетъ въ немъ садовникъ, да ему жъ дано въ сельскомъ полѣ пашни поддесятины, для того, что садъ бережетъ и яблони присаживаетъ“. Въ другомъ селѣ „дв. в. кн., а хоромъ на немъ изба, да клѣть, да сѣнникъ съ подклѣтомъ“³⁾. „А въ селѣ (Кушалинѣ) дв. в. кн. Симеона Бекбулатовича Тверскаго, да противъ двора изба судебная, да за ручьемъ противъ же двора дв. в. кн. конюшенный, дв. житничный, да в. кн. гумно отынено тыномъ, а на немъ 3 овина, а молотятъ на нихъ вел. кн. хлѣбъ,... позади в. кн. двора во дв. прикащикъ, во дв. доводчикъ, оба тѣ двора ставлены волостью; въ селѣ жъ в. кн. псарь конные, 5 дв. (въ томъ числѣ сокольникъ, стадный конюхъ, медвѣдникъ), да за ручьемъ 5 дв. (въ нихъ

¹⁾ Оцѣнены они были въ 12 р. 18 алт.; причемъ указана всегда цѣна каждой отдѣльной постройки; но цѣна эта не можетъ дать вѣрнаго понятія о дѣйствительной тогдашней ихъ стоимости, потому что хоромы были, по описанію, ветхи, заброшены и, безъ сомнѣнія, лишены всего, что можно было взять.

²⁾ Писц. Кн. М. гос., т. II, стр. 149 и слѣд.

³⁾ Писц. Кн. М. гос., т. II, стр. 340—341, 376.

сокольникъ, мельникъ, тонкопрядица, конюхъ, разсылщикъ), а живутъ въ крестьянскихъ дворахъ, а пашня тѣхъ дворовъ припущена въ в. кп. пашню“ ¹⁾). Вотъ примѣръ описанія помѣщичьей усадьбы: „въ той же деревнѣ дворъ боярскій, а жилъ въ немъ помѣщикъ Оома Исаковъ, а хормъ на немъ: горенка съ сѣньми, да повалуша, да житенка, да мыльня, да избышко завалилась“; за Александрю Беззубцевою, рожденною княжною Микулинскою, было „село, а въ немъ дворъ боярскій, дв. конюшенный, да 2 двора псарскіе, дв. сокольникъ, во дв. попъ, во дв. діаконъ, во дв. ключникъ, во дв. польникъ, а людей ея 3 чел., а людей страдныхъ 29 дв.“ ²⁾). Совершенно подобны же по составу строеній и дворы монастырскіе ³⁾). А вотъ какъ описаны дворы осаднаго головы, городского приказчика и намѣстника въ Островѣ и намѣстника въ Изборскѣ ⁴⁾): на дв. осаднаго головы Ник. Скудина хормъ: „изба 2¹/₂ саж., противъ нея другая изба 4 саж., промежь ихъ сѣни 1¹/₂ саж., 2 клѣти по 1¹/₂ саж., а ставили тотъ дворъ Островскаго уѣзду всеѣми губами крестьяне, да Никиты Скудина 2 клѣти по 1¹/₂ саж., да погребъ 1¹/₂ саж.“; „дв. городского приказчика, а на немъ хормъ: изба 1¹/₂ саж., противъ нея клѣть 1¹/₄ саж., промежь ихъ сѣни 1¹/₂ саж., изба 2 саж.“; дв. намѣстничъ на посадѣ, а на немъ хормъ: „изба 2 саж. на взмоствѣ, передъ нею клѣть 1¹/₂ саж., промежь нихъ сѣни 2 саж., изба 1¹/₂ саж., мшаникъ 1¹/₂ саж., у погреба клѣтка 1¹/₂ саж., погребъ 1¹/₂ саж., ледникъ 1¹/₂ саж., на ледникѣ напоребица 2 саж., сѣнникъ 2 саж., да ворота створчатыя; да на дв. же изба на взмоствѣ 2 саж., передъ нею клѣть 1 саж. съ локтемъ, промежь ними сѣни 2 саж.“. На дв. намѣстника въ Изборскѣ было: „горница столовая на подклѣтѣ 3¹/₂ саж. да сѣни, а въ нихъ чуланъ 1¹/₂ саж., а изъ тѣхъ сѣней другія сѣни да повалуша 3 саж., а противъ повалуши другая горница на подклѣтѣ, противъ намѣстничья двора на правой сторонѣ изба судебная, на взмоствѣ, межъ угловъ 3¹/₂ саж., да у судебни подъ стрѣльницею, на которой стрѣльницѣ колокольница, ледникъ камень 3¹/₂ саж., да житница 1¹/₂ саж., да погребъ камень 3 саж., да у погреба клѣтка людская 2 саж., да противъ двора поварня 3¹/₂ саж., да за городомъ у Большихъ у Никольскихъ воротъ подлѣ городовыя стѣны мыльня межъ угловъ 2 саж. съ локтемъ, передъ мыльнею сѣнцы 1¹/₂ саж., а дѣлаютъ тотъ намѣстничъ дворъ всеѣмъ городомъ и уѣздомъ“.

¹⁾ Писц. Кн. М. гос., т. II, стр. 360.

²⁾ Тамъ же, т. II, стр. 365, 140.

³⁾ Тамъ же, т. I, стр. 744, 747, 752, 754.

⁴⁾ Книга Острова — М. А. М. Ю., 827, см. лл. 547, 549; книга Изборска — М. А. М. Ю., 355, пол. 2, см. л. 643.

Размѣщались постройки на дворахъ ¹⁾ и самые дворы довольно безпорядочно; хотя было уже издавна въ обычаѣ строиться улицами и переулками, но не однажды намъ попадались такія замѣчанія, что дворъ поставленъ „въ тушикѣ“ (въ Пронскѣ, Свіяжскѣ), или „на улицу стороною“, или воротами на другую улицу,—т. е. на одну заднюю стороною (въ Опочкѣ, Казани), наконецъ даже, что дворы построены были совершенно посреди другихъ дворовъ, такъ что у нихъ не было своего выхода на улицу, а приходилось проходить по чужому двору; иногда изъ этого возникали затрудненія, споры, которые рѣшались тѣмъ, что нуждающемуся давали отъ одного изъ окружающихъ дворовъ проходъ, „улицу“, на примѣръ, въ $1\frac{1}{2}$ саж. (въ Торопцѣ, Пронскѣ) ²⁾ — все это совершенно подобно тому, что мы и доселѣ видимъ въ деревняхъ въ сѣверной полосѣ.

Размѣры каждой изъ этихъ построекъ были очень незначительны. Хотя наши свѣдѣнія въ этомъ случаѣ едва ли обнимаютъ болѣе 150 построекъ, но мы рѣшаемся на такое утвержденіе, ибо въ нихъ такъ и пестрѣютъ указанія на величину въ 2, $2\frac{1}{2}$ и, пожалуй, 3 саж.; только на самыхъ большихъ дворахъ—царевыхъ въ Коломнѣ и Казани—встрѣтили мы избы въ 6 и 7 саж.; даже на такомъ большомъ дворѣ, какъ дворъ кн. И. Мстиславскаго въ Веневѣ, не было избы больше 5 саж.; городскія же осадныя клѣти черныхъ и ратныхъ людей не превосходили никогда 3 саж., а обыкновенно бывали въ $1\frac{1}{2}$ и 2 саж.; разныя клѣти, чуланы, напогребицы и т. д. тоже очень рѣдко были больше $2\frac{1}{2}$ саж.; наконецъ, припомнимъ, что и самыя мѣста дворовыя были очень не велики. Въ виду всего этого мы и думаемъ, что средняя величина отдѣльной избы, горницы, повалуши и т. д. должна быть считаемъ въ $2\frac{1}{2}$ —3 саж. ³⁾ Замѣтимъ при этомъ, что наши описанія очень рѣдко даютъ намъ два измѣренія длины и ширины, а обыкновенно даютъ лишь одно, частью безъ всякихъ поясненій, а иногда прибавляя столько „межъ угловъ“. Мы въ своемъ приблизительномъ опредѣленіи величины отдѣльных построекъ въ слѣдующемъ описаніи нѣсколькихъ большихъ дворовъ принимали указанные цифры за величину одной стороны квадрата, кромѣ случаевъ, очевидно недопускавшихъ такого толкованія, какъ,

¹⁾ См. Забѣлинъ, Бытъ царей, стр. 30.

²⁾ Книга Пронска—М. А. М. Ю., № 396, см. л. 9, 10; Свіяжска—тамъ же, № 432, л. 42, 55; Казани—тамъ же, 646, л. 78; Опочки—тамъ же, 355, пол. 1, л. 843; Торопца—Моск. Гл. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, IX, 18, л. 9.

³⁾ Въ книгѣ Сборникъ чертежей Москвы, ея окрестностей и города Пскова, XVII ст. (прил. ко II т. Зап. Сл.-Рус. Отд. Арх. Общ.), Спб. 1861, есть ситуационныя изображенія нѣсколькихъ дворовъ съ обозначеніемъ размѣровъ построекъ. Тамъ тоже чаще всего видимъ постройки въ 3 саж.

напримѣръ, упоминанія конюшни въ 145 саж., или поварни въ 25 саж., тогда мы такъ и отмѣчали, что знаемъ только длину; наши опредѣленія, такимъ образомъ, иногда, вѣроятно, нѣсколько превышаютъ дѣйствительность; но и при этомъ мы увидимъ далѣе чрезвычайно небольшія постройки на тѣхъ самыхъ большихъ дворахъ, описанія которыхъ мы теперь и приведемъ.

Самый большой изъ дворовъ, описанія которыхъ дошли до насъ отъ XVI в., государевъ дворъ въ г. Коломнѣ ¹⁾. Онъ занималъ площадь въ 1.920 кв. с. Онъ былъ обнесенъ заборомъ и въ него вели двой ворота: Петровскія, названныя такъ, безъ сомнѣнія, по образу, повѣшенному надъ ними, и другія—куретныя ²⁾; на немъ были церковь Вознесенія Христова и 47 построекъ, связанныхъ 8-ю переходами. Собственно жилыхъ покоевъ надо считать всего 11: 1 столовая, 3 переднія избы, 1 середняя, 1 задняя, 2 комнаты и 3 повалуши. Эти жилища помѣщенія были, по тогдашнему обычаю, размѣщены отдѣльными корпусами и соединены между собою переходами; примѣръ такого расположенія очень ясно виденъ въ расположеніи царскаго дворца въ с. Коломенскомъ, правда, XVII в., изображеннымъ на планѣ, приложенномъ къ сочиненію И. Е. Забѣлина ³⁾. Мы, однако, не могли съ несомнѣнностью возстановить расположеніе этого дворца: при описаніи его ни разу не указывается даже въ самыхъ общихъ выраженіяхъ направленіе переходовъ, соединявшихъ отдѣльныя комнаты. Очевидно только, что эти хоромы связаны въ слѣдующіе корпуса: отдѣльно стояла столовая, затѣмъ отдѣльно государевы покои, состоявшіе всего изъ 4 жилыхъ покоевъ, далѣе покои царицы и царевень вмѣстѣ съ покоемъ царевича, повидимому, въ одномъ корпусѣ; такое соединеніе не должно казаться страннымъ, ибо ни у Грознаго, ни у его отца не было дочерей, такъ что можно признать вполне возможнымъ соединеніе хоровъ царевича съ хоромами царицы, долженствовавшими только служить, но фактически не служившими никогда, и для царевень; отдѣльно стояли далѣе баня и два чердака. Сообразно тогдашнему способу построекъ было громадное число сѣней, именно 9 и предъ ними 4 крыльца; упомянуты еще двѣ каменные палатки и 3 раза избы столчечовыя (одна у бани). Всѣ жилые покои, т. е. комнаты, повалуши, столовая и сѣни между ними занимали площадь въ 180 кв. с., въ томъ числѣ столовая 42 и сѣни 57, такъ что

¹⁾ Писц. Кн. М. гос., т. I, стр. 304—306.

²⁾ Забѣлинъ, Бытъ царей, 50, упоминаетъ, между прочимъ, что въ Московскомъ дворцѣ, при Грозномъ были куретныя ворота, которыя вели на поваренный дворецъ.

³⁾ См. такъ же планъ XXXII въ книгѣ Сборникъ чертежей Москвы и Пскова.

на долю собственно жилых помѣщеній приходилось немного болѣе 80 кв. с. Затѣмъ на государевѣ дворѣ паходились еще: двѣ поварни ѳитовныя (полудесяты сажени), одна поварня подогрѣвальная (при банѣ), двѣ поварни сытныя, двѣ избы — поварная и сытная, 4 ледника, два погреба, два чулана, одна палатка деревянная и одно сушило — всѣ они занимали до 200 кв. с.; кромѣ того на государевѣ же дворѣ стояла изба дьячья (9 кв. с.).

Что касается подробностей устройства этого двора, то мы находимъ указанія, что на переходахъ были по обѣ стороны „рѣшетки деревянные“, очевидно, перила; одинъ чердакъ описанъ слѣдующимъ образомъ: „чардакъ дубовъ на каменномъ подклѣтѣ, 5 саж., а въ немъ 25 окончинъ паисныхъ (писанныхъ?) большихъ, ветхи“; два раза надъ крыльцами упомянуты верхи шатровые, и разъ „трои верхи шатровые“; повалуша въ царскихъ покояхъ была „бочкою“; въ деревянной палаткѣ ставили суды серебряные, въ каменной были 3 мѣдные котла пивные; на сушилѣ и на погребѣ лежали запечатанные государевы запасы — мука и сухари.

Сейчасъ за описаніемъ этого двора идетъ описаніе дворовъ государевыхъ конюшеннаго и житничнаго. На первомъ (700 кв. с.) были изба конюшенная и изба дворникова (каждая по 4 кв. с.), соединенныя сѣнмя въ $2\frac{1}{2}$ саж. и имѣвшія еще клѣтъ (4 кв. с.), конюшни занимали — очевидно, въ длину — въ четырехъ мѣстахъ 47 саж. (15, 7, 13, 12); въ нихъ было 50 стойлъ.

Большіе дворы принадлежали въ Коломнѣ и Казани владыкамъ ¹⁾. На томъ и на другомъ находилось по 25 построекъ, изъ нихъ жилыхъ въ Коломнѣ 7, въ Казани 9, а остальные — службы. Въ Коломнѣ жилыя помѣщенія названы такъ: келья казанная (?) съ сѣнями, келья владычня съ комнатою, повалуша казенная, двои сѣни при нихъ, келья отхожая; въ Казани — двѣ горницы съ двумя комнатами, одна повалуша, одна столовая, двое сѣней и крыльцо. Въ остальныхъ постройкахъ помѣщались поварни (ѳитовныя и сытныя), ледники, погреба, сушила, житницы, конюшни, избы поварныя, избы на конюшенныхъ дворахъ и т. д. Особенностью обонхъ этихъ дворовъ являются какія-то „круглыя сѣни“, бывшія въ Коломенскомъ дворѣ при горницѣ на конюшенномъ дворѣ, а въ Казанскомъ — при избѣ столовой. Въ Коломнѣ на владычнѣ же дворѣ находилось еще 10 дв. поповъ, дьяконовъ и пономарей. Никакихъ подробностей о самомъ способѣ постройки этихъ дворовъ, а равно и данныхъ о размѣрахъ не имѣемъ. Имѣемъ только замѣчаніе, что къ Казанскому двору

¹⁾ Писц. Кн. М. гос., т. I, стр. 308—309; Списокъ съ писцовой книги по г. Казани съ уѣздомъ.

писцы прибавили 230 кв. саж., потому что на дворѣ этомъ „конюшни въ тѣснотѣ близко хоромъ“.

Дворъ кн. Владиміра Андреевича въ Коломнѣ ¹⁾ былъ огороженъ, имѣлъ двой ворота, одни „створчатые“, другія „меньшія“; на немъ было два сада съ 35 яблонями и раздѣлялись, повидимому, дворы передній и задній, поваренный, на который вели особые ворота. Жилыхъ покоевъ опять-таки видимъ всего восемь: двѣ горницы, двѣ комнаты, одна повалуша, трое сѣней, при нихъ одна отхожая комната; затѣмъ на дворѣ жилъ дворникъ, занимая избу съ пристѣномъ и повалушей, съ амбаромъ и мыльней при ней; затѣмъ было 14 построекъ со службами: изба сытникова, повалуша, двѣ мыльни, изба портомойная, ледникъ, погреба, клѣти, сушило, овинъ. На дворѣ же кн. Владиміра Андреевича стоялъ дворъ Коломенскаго ключника и были мѣста дворцовыя тіуна и дворскаго. Размѣровъ двора и хоромъ опять не указано.

Государевъ дворъ въ Казани ²⁾, на которомъ стоялъ большой Казанскій воевода, имѣлъ 18 построекъ, въ томъ числѣ 4 комнаты жилыя (площадью въ 40 кв. с.), столовую (въ 36 кв. с.), 3 сѣни (площадью въ 85 кв. с.), 1 крыльцо, 2 чердака, далѣе 2 погреба, 1 ледникъ, 1 на-погребицу, 1 избу хлѣбную, 1 повалушу, 2 каменные палатки и еще отдѣльно 2 печи въ каменной стѣнѣ. Одинъ чердакъ описанъ такъ: „посторонъ повалуши чердакъ на столбѣхъ“. Нѣкоторыя изъ построекъ служебныхъ были дощатыя.

Дворъ кн. И. Бѣльскаго въ Коломнѣ ³⁾ занималъ громадное пространство, ровно въ десятину. Онъ былъ обнесенъ плетнемъ, имѣлъ двой ворота. Жилыхъ помѣщеній было на немъ семь: 2 горницы (15 кв. с.), 1 комната (4 кв. с.), 2 повалуши (8 кв. с.), 2 сѣни (7¹/₂ кв. с.). Особенностью этого дома было то, что онъ былъ выстроенъ почти въ полномъ смыслѣ слова двухъ-этажнымъ: подъ горницею и подъ повалушею было 2 ледника, подъ другою комнатою подклѣтъ, въ которомъ жилъ дворникъ, подъ одними сѣнями подсѣнье, подъ другими конюшня. Затѣмъ, особо стояли: 1 изба воротная, съ сѣнями, клѣтью и дощатымъ пристѣномъ (15 кв. с.), 1 изба сытника (6 кв. с.), 4 клѣти (по 2¹/₂ кв. с.), 1 амбаръ (9 кв. с.), 1 повалуша (6 кв. с.), 1 избушка дворянская (2¹/₂ кв. с.) (sic), 1 поварня плетеная (5 саж., очевидно, длины), 1 мыльница (4 кв. с.) съ крошечнымъ (въ 1 кв. с.) плетенымъ перед-

¹⁾ Писц. Кн. М. гос., т. I, стр. 310.

²⁾ Списокъ съ писц. книгъ по г. Казани съ уѣздомъ, л. 33.

³⁾ Писц. Кн. М. гос., т. I, стр. 310—311.

мыленьемъ; наконецъ, конюшня въ замѣтъ, длиною 25 саж. Всѣ эти постройки, безъ конюшни, занимали съ небольшимъ 100 кв. с., считая же съ нижнимъ этажемъ хоромъ—немного болѣе 130 кв. с.

Наконецъ, послѣдній изъ большихъ дворовъ, описаніе которыхъ дошло до насъ отъ XVI в.—это дворъ кн. И. Мстиславскаго въ Венеѣ¹⁾. Занятое имъ пространство намъ неизвѣстно; онъ былъ обнесенъ тыномъ лишь на половину, другая же оставалась „проста“. Жилыя помѣщенія на немъ всѣ были на подклѣтахъ; ихъ составляли: 2 горницы (9 и 6 кв. с.), 2 комнаты (6 и 4 кв. с.), 2 избы (25 (?) и 6 кв. с.), 2 повалуши (9 и 6 кв. с.), соединенныя тремя сѣнями, т. е. собственно двумя сѣнями (16 и 20 кв. с.) и однимъ подсѣньемъ (въ 9 кв. с.), но подсѣньемъ, очевидно, не въ томъ смыслѣ, что оно было подъ сѣнями—оно было на столбахъ,—а въ томъ, что это были не настоящія сѣни, такъ какъ это была не рубленая постройка, а „защищенная лубомъ“; всего эти постройки занимали 115 кв. с.; передъ жилыми постройками было большое крыльцо (5 саж., длина?) и переходы вели къ мыльнѣ, съ незабреннымъ крыльцомъ, стоявшей тоже на подклѣтѣ. На заднемъ дворѣ стояли 2 избы поваренныя (9 и 6 кв. с.), 2 пивоварни по 5 саж. (длины?), изъ которыхъ „въ одной ѣсть варять, въ другой пиво“, 1 изба скатертная (6 кв. с.), 1 погребъ съ клѣткою и 1 изба кабацкая; на конюшенномъ дворѣ было 57 сдѣланныхъ конюшенъ, длиною 145 саж., при нихъ 6 желобовъ конскихъ, 1 житница, 1 мшаникъ (по 9 кв. с.) и 2 избы (9 и 6 кв. с.); наконецъ, на дворѣ псарскомъ, обнесенномъ дубовымъ тыномъ, было 2 избы (по 2¹/₂ кв. с.), одна съ пристѣномъ, 1 чуланъ дощаный (2¹/₂ кв. с.), 2 клѣтки (по 4 кв. с.) и срубъ медвѣжій, длиною 5 сажень съ тремя перерубами. Къ этому же двору кн. Мстиславскаго принадлежали еще 10 житницъ для хлѣба въ самомъ городѣ, занимавшія площадь въ 25 кв. саж. (9 по 2¹/₂ кв. с., 1 въ 3 кв. с.).

Вотъ какія свѣдѣнія объ устройствѣ жилыхъ помѣщеній въ XVI в. удалось мнѣ собрать. Конечно, ихъ немного и много еще желательно бы знать въ дополненіе ихъ. Но, все-таки, мнѣ кажется, и они сообщаютъ нѣкоторыя любопытныя подробности и достаточно ясно рисуютъ намъ простоту жизни въ то время. О внѣшнемъ видѣ тогдашнихъ построекъ можно составить себѣ нѣкоторое представленіе по нашему описанію; совершенно согласно съ нимъ рисуютъ ихъ и уцѣлѣвшія изображенія XVII в. у Олеарія, у Мейербера. Даже еще нѣкоторые мемуаристы XVIII в. помнятъ и описали намъ совершенно такія же постройки, старые уже и

¹⁾ Писц. Кн. М. гос., т. II, стр. 15.

для нихъ дома, вѣроятно, начала XVII в. Такъ, Даниловъ слѣдующимъ образомъ описываетъ усадьбу (въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка) своего дѣда, участвовавшаго въ одномъ изъ чигиринскихъ походовъ, которую онъ еще помнитъ: „хоромы у него были высокіе, на омшаникахъ и съ низу въ верхнія сѣни была со двора предлинная лѣстница; всѣ его высокіе и обширные съ виду хоромы состояли изъ двухъ жилыхъ горницъ, черезъ сѣни стоящихъ; въ одной горницѣ онъ жилъ зимою, а въ другой лѣтомъ“ ¹⁾; совершенно того же рода постройки, маленькія и вмѣстѣ съ тѣмъ со множествомъ сѣней, описалъ и даже нарисовалъ намъ и Болотовъ ²⁾; эти хоромы стояли у него до начала 60-хъ годовъ XVIII в.

¹⁾ Записки Данилова, стр. 9—10, 12.

²⁾ Жизнь и приключенія А. Т. Болотова, т. I, стр. 155—158.

V.

О древнѣйшихъ русскихъ монетахъ X—XI в.

Д. Чл. гр. И. И. Толстого.

Тому назадъ одинадцать лѣтъ я выпустилъ въ свѣтъ монографію о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ вел. кн. Кіевскаго (Древнѣйшія Русскія монеты Великаго Княжества Кіевскаго, съ 19 табл. рисунковъ. Спб. 1882). Эта монографія представляетъ собою плодъ пятилѣтняго усерднаго труда надъ разобраннѣмъ въ немъ матеріаломъ, собрать который было крайне трудно, и разобратъ въ немъ было почти столь-же трудно. Однако, удалось и собрать матеріалъ, и разобратъ въ немъ, благодаря, съ одной стороны, стеченію счастливыхъ обстоятельствъ, а съ другой — содѣйствію людей, болѣе меня опытныхъ и знающихъ. Появленіе этой монографіи вызвало нѣсколько одобрительныхъ отзывовъ, нѣсколько незначительныхъ критическихъ замѣчаній; этимъ, по всѣмъ правиламъ искусства, литература предмета и должна была бы до поры до времени закончиться: не только другіе, но и я самъ долженъ былъ бы забыть свое первородное дѣтище, до той минуты, когда новое открытіе не опровергло бы какое-либо изъ „существенныхъ“ моихъ положеній, или когда нашлось бы что-либо замѣчательное и новое въ разработанномъ мною предметѣ, хотя бы и подтверждающее мои положенія. Ничего подобнаго не случилось, а между тѣмъ я рѣшаюсь вновь писать о старомъ предметѣ, а что еще удивительнѣе, и другіе вспомнили о моей книжкѣ и занялись ею. Последнее обстоятельство можетъ послужить для меня извиненіемъ въ томъ, что, не имѣя повѣдать чего-либо особаго по предмету, я возвращаюсь къ нему, а вмѣстѣ съ тѣмъ представляется поводомъ для того, чтобы коснуться вопроса, совсѣмъ не затронутаго въ моей монографіи, но исподволь мною разработаннаго и

являющагося существеннымъ къ ней дополненіемъ. Впрочемъ, чтобы быть точнымъ, я долженъ сказать, что этотъ, разработанный мною вопросъ обратилъ на себя мое вниманіе уже лѣтъ восемь тому назадъ, когда одинъ, нынѣ умершій, собиратель монетъ написалъ длинный, хотя не слишкомъ умѣлый, разборъ моей книги. Этотъ собиратель представилъ свою „критику“ въ одно ученое учрежденіе для напечатанія; съ его согласія, статья его была дана мнѣ на просмотръ и было предоставлено мнѣ отвѣчать на нее, что мною и было исполнено со всѣмъ тщаніемъ, но, затѣмъ, все это не появилось въ печати по разнымъ обстоятельствамъ. Это было мнѣ, конечно, въ свое время, нѣсколько жаль, ибо все же, пропала совершенно понапрасну извѣстная сумма и труда, и времени. Но по поводу такой потери утѣшиться легко — и я, вѣроятно, прождалъ бы еще долго, прежде чѣмъ возвратился бы къ вопросу о кievскихъ монетахъ, прождалъ бы до тѣхъ поръ, пока вновь открытая монета или новый кладъ не обратилъ бы на нихъ вновь вниманіе, еслибъ не занялось ими еще одно лицо въ самое послѣднее время. Г. Черневъ напечаталъ уже, насколько мнѣ извѣстно, четыре статьи, посвященные вопросу о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ. Въ одной изъ нихъ онъ старался опредѣлить значеніе загадочной фигуры, находящейся на всѣхъ этихъ монетахъ. Другая статья г. Чернева появилась въ 1888 г. въ „Вѣстникѣ Археологіи и Исторіи“, изд. Археологическимъ Институтомъ (въ т. VI), подъ заглавіемъ: „Замѣтки о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ“. Въ этой статьѣ, несмотря на лестный отзывъ о внѣшнихъ качествахъ моего труда, г. Черневъ по существу силился доказать полную невѣрность моихъ выводовъ и построилъ новую теорію о значеніи такъ-называемыхъ древнѣйшихъ русскихъ монетъ. Прочитавши эту статью, я не могъ согласиться со взглядами автора ея, но не нашелъ нужнымъ отвѣчать, не считая аргументацію г. Чернева достаточно доказательною и не желая вступать въ бесплодную, на мой взглядъ, полемику. Впрочемъ, г. Черневу возразилъ одинъ изъ кievскихъ нумизматовъ, скрывшій свою фамилію подъ буквами Н. Л., въ отдѣльной брошюрѣ подъ заглавіемъ: „О древнѣйшихъ русскихъ монетахъ Великаго Княжества Кievскаго“ (Кievъ, 1889 г.). Наконецъ, въ самое послѣднее время, г. Черневъ обнародовалъ еще двѣ статьи въ издающемся имъ и г. Леопардовымъ „Сборникѣ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ Кievѣ въ частныхъ рукахъ“ (вып. 3 и 4, Кievъ, 1891 г.), посвященные тому-же предмету. Въ этихъ статьяхъ онъ старается подкрѣпить свои первоначальные выводы, предупреждая о намѣреніи своемъ продолжать и впредь свои изысканія въ однажды принятомъ имъ направленіи. Вотъ эти-то послѣднія статьи

г. Чернева служат для меня поводомъ вернуться къ старому для меня предмету, но не съ спеціальной цѣлью возражать автору перечисленныхъ статей или спорить съ нимъ: онъ съ самаго начала поставилъ меня въ довольно затруднительное положеніе возражать ему, заявивъ, что я отнесся къ предмету изслѣдованія съ очевидно предвзятой мыслью, подгоняя подъ готовую теорію нужныя для меня доказательства, а, слѣдовательно, что бы я ни сказалъ въ защиту своей и въ опроверженіе его теоріи—должно быть отнесено за счетъ того-же моего пристрастія, весьма непохвальнаго качества во всякомъ изслѣдователѣ, разрабатывающемъ какой-либо вопросъ. Поэтому, статей г. Чернева я коснусь лишь для того, чтобы указать, что избранный имъ путь, т.-е. способъ доказательства истины придуманной имъ теоріи, положительно невѣренъ, заниматься же полемизированіемъ съ нимъ я считаю неумѣстнымъ. Такимъ образомъ, статьи г. Чернева служатъ поводомъ для меня вернуться къ вопросу о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ не потому, чтобы я хотѣлъ съ нимъ спорить, а по другой причинѣ. Дѣло въ томъ, что въ моемъ изслѣдованіи объ этихъ монетахъ осталось нѣчто недосказанное, притомъ такое, что могло бы заставить новыхъ изслѣдователей въ этой области быть осторожнѣе въ своихъ заключеніяхъ и не увлекаться кажущейся легкостью новыхъ открытій, не взвѣсивши предварительно всѣхъ доводовъ за и противъ. Этотъ существенный пропускъ въ моемъ изслѣдованіи былъ мною пополненъ отчасти, какъ было указано выше, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ по поводу замѣтки нынѣ умершаго нумизмата, но моя статья не была тогда издана, и вотъ теперь я считаю минуту удобной для того, чтобы издать ее съ нѣкоторыми ставшими необходимыми съ тѣхъ поръ измѣненіями и дополненіями.

Въ своемъ трудѣ я почти совсѣмъ не коснулся вопроса о томъ, послужили-ли какіе-либо иноземные образцы оригиналами для изготовителей штемпелей нашихъ монетъ и, если послужили, то какіе именно, иначе говоря—вопроса о томъ, отпечатокъ какого иноземнаго вліянія на нихъ замѣтенъ. Въ статьѣ Волошинскаго, въ которой онъ впервые опубликовалъ монеты Нѣжинскаго клада ¹⁾, находится уже попытка сравнить наши монеты съ монетами византійскими. Вотъ подлинныя слова Волошинскаго (на стр. VIII и IX отд. оттиска): „Мы замѣчаемъ:

¹⁾ Труды Коммисіи Высочайше учрежденной при Имп. Унив. св. Владиміра..... Кіевъ. 1853. Смѣсь. Описаніе древнихъ русскихъ монетъ, принадлеж. Минцъ-Кабинету Имп. Унив. св. Владиміра изъ числа найденныхъ близъ Нѣжина, въ мая мѣсяцѣ 1852 года.

что а) начиная со временъ Василия II (975—1025) до Алексѣя I Комнина (1081—1116) чаще всего употребляется на монетахъ форма престола, изображенная на монетахъ I класса (*по моей классификаціи, монеты IV типа Владиміра*); и что, напротивъ того, начиная съ этого

Рис. 1. Серебряная монета Владиміра святаго, IV типа (Др. Русск. мон. № 69. Т. VII, 11). Вѣсъ 73 доли.

времени, господствующею какъ бы формою престола была именно форма, замѣчаемая на монетахъ II класса (*по моей классификаціи, монеты III типа Владиміра*); б) крестъ, лабаръ и скипетръ чаще всего видимъ наклоненными на правое плечо фигуръ въ монетахъ Алексѣя I Комнина и смежныхъ съ нимъ царствованій; между тѣмъ, какъ до того времени эти предметы изображаются большею частью въ рукахъ фигуръ въ отвѣсномъ направленіи; в) одежду фигуръ на монетахъ, относящихся къ царствованію Алексѣя I Комнина и смежныхъ съ нимъ царствованій, чаще

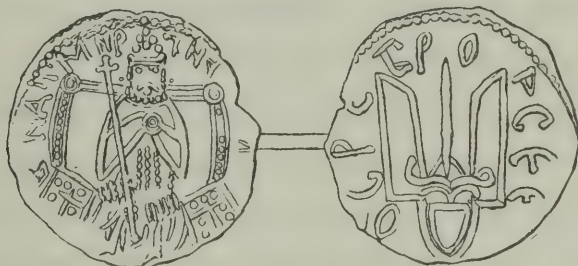

Рис. 2. Серебряная монета Владиміра святаго, III типа (ib. № 57. Т. VIII, 9). Вѣсъ 58 долей.

всего составляетъ плащъ (pallium), замѣчаемый на монетахъ II класса, въ то время, когда длинная мантия, изображенная на экземплярахъ I класса, свойственна болѣе фигурамъ, встрѣчающимся на монетахъ, близкихъ къ царствованію Василия II. Всѣ эти обстоятельства можно бы назвать на первый разъ случайностью, если бы не приводила насъ въ то же время къ подобнаго рода догадкамъ самая форма буквъ. Въ самомъ дѣлѣ, всматриваясь ближе въ надписи монетъ I класса, мы ясно видимъ въ нихъ сходство отдѣлки буквъ съ современною отдѣлкою буквъ въ надписяхъ монетъ византійскихъ. Ихъ круглость и соразмѣрность, въ связи съ извѣстною вѣрностію начертанія, невольно напоминаютъ намъ времена Василия II; но, съ другой стороны, эта же самая круглость и со-

размѣрность недоступны были для неопытнаго еще рѣзца русскаго мастера, и потому догадываемся, что ихъ рѣзаль грекъ, современный царствованію Василія II, или, что тоже, Владиміру Святому“.

Все это говорилось Волошинскимъ съ цѣлью подтвердить свое предположеніе, что монеты, отнесенныя мною въ послѣдствіе къ IV типу Владиміра (см. выше, рис. 1), могутъ быть признаны за монеты Владиміра Святого, а монеты, отнесенныя мною къ III типу (см. рис. 2), могутъ считаться деньгами Владиміра Мономаха. Не стану здѣсь говорить о недостаточности мало опредѣленныхъ намековъ, подобныхъ тѣмъ, какими пользовался Волошинскій для доказательства какого бы то ни было положенія, но считаю необходимымъ указать, что, даже несмотря на осторожную неопредѣленность выраженій, факты, на которые указывалъ Волошинскій, существовали лишь въ его воображеніи. Толковать о формѣ престола на монетахъ Василія II уже потому невозможно, что неизвѣстно ни одной монеты ни этого императора, ни его брата и соправителя Константина, на которой находилось бы изображеніе престола. На византійскихъ монетахъ съ VII вѣка императоръ *почти никогда* не изображался сидящимъ на престолѣ ¹⁾, а изображался такимъ образомъ часто Спаситель, какъ Царь царствующихъ. Впервые встрѣчаемъ изображеніе Спасителя, сидящаго на престолѣ и съ надписью: + INS XPS REX REGNANTIVM на монетѣ Василія I и Константина IX (Sab. XLIV, 22); затѣмъ, въ теченіи 40 лѣтъ, этотъ типъ не встрѣчается, появляясь вновь лишь въ 911 году—на монетѣ Льва VI и Константина I (Sab. XLVI, 1) и оставаясь въ употребленіи на монетахъ двухъ послѣдующихъ императоровъ—Константина X и Романа I (Sab. XLVI, 3, 4, 6 и 12). Со времени единой державы Константина X (съ 944 г.) до Романа III (1028 г.) Спаситель, на золотыхъ монетахъ, является лишь въ погрудномъ изображеніи ²⁾. На монетахъ послѣдняго императора (Sab. XLIX, 2) и Константина XII Мономаха (ib. 4) Спаситель представленъ на престолѣ прежней формы; на монетахъ Михаила VI и Исаака I Комнина (Sab. XLIX, 16 и 17) изображеніе то-же, но престолъ безъ спинки, а съ Константина XIII престолъ изображается опять со спинкою (Sab. L, 2, 6, 10, LI, 4); на монетахъ Алексѣя I Комнина и его преемника Іоанна II

¹⁾ Единственныя исключенія послѣ VII в. представляютъ, насколько мнѣ извѣстно, слѣдующія 5 монетъ, на которыхъ императоры представлены на престолѣ, формою своей скорѣе напоминающемъ престолъ, изображенный на монетѣ моего III типа, а именно: Константина V и Льва IV (Sabatier pl. XL, 17), Василія I (Sab. pl. XLIV, 18), Василія I и Константина VIII (Sab. XLV, 2), Льва VI (ib. 14) и Льва VI и Александра (ib. 18).

²⁾ Во весь ростъ, стоя, или сидя на престолѣ, видимъ Спасителя за этотъ періодъ лишь на мѣдныхъ монетахъ Іоанна Цимисхія.

Спаситель изображается какъ во весь ростъ, сидя на престолѣ со спинкою и безъ спинки, такъ и погрудно, и главная разница отъ изображеній на болѣе древнихъ монетахъ, бросающаяся въ глаза, состоитъ въ измѣненіи надписи вокругъ изображенія Спасителя: вмѣсто прежней, полной, надписи видимъ или просто буквы ІС ХС или эти-же буквы съ добавленіемъ словъ: КЄ (κρίε) ΒΟΗΘΕΙ ¹).

Установить какое-либо общее правило относительно положенія креста, лабара или скипетра нѣтъ возможности: видимъ ихъ наклоненными на плечо, вопреки мнѣнію Волошинскаго, на монетахъ Романа (Sab. XLVII, 5) и Константиновъ XI и XII (Sab. XLVIII, 2, XLIX, 4, 5, 7, 8, 10), а на монетахъ Алексѣя I какъ наклоненными, такъ и стоящими вертикально (сравни Sab. LI, 1, 2 3 и др. и ib. 4, 16, 22). Мнѣніе о pallium'ѣ, высказанное Волошинскимъ, столь-же неосновательно; то-же приходится сказать о формѣ буквъ.

А. А. К у н и к ъ въ своей извѣстной монографіи о Ярославлѣ сребрѣ довольно неопредѣленно указалъ на возможность происхожденія типа св. Георгія отъ современныхъ имъ рукописныхъ изображеній, но не коснулся вопроса о типѣ остальныхъ древнѣйшихъ русскихъ монетъ, относительно ближайшаго опредѣленія которыхъ онъ выразился весьма уклончиво.

Подробнаго разбора вопроса о происхожденіи типа нашихъ монетъ не появлялось до сихъ поръ, и единственное, что было болѣе или менѣе ясно каждому—это то, что на нихъ видѣнъ отпечатокъ византійскаго искусства. Я, съ своей стороны, не затронулъ этого вопроса въ своемъ изданіи, не полагаясь въ то время на свои познанія въ области византійской нумизматики, на которую прежде всего, естественно, приходилось обратить вниманіе. Нынѣ считаю возможнымъ, занявшись въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ этимъ вопросомъ, пополнить этотъ важный пробѣлъ въ моемъ изслѣдованіи.

Первый вопросъ, на который приходится отвѣтить, это — встрѣчаются-ли въ византійской нумизматикѣ непосредственные оригиналы нашихъ монетъ? Для нѣкоторыхъ типовъ на это можно отвѣтить прямо утвердительно, но относительно большинства типовъ приходится установить фактъ, что такого опредѣленнаго оригинала, съ котораго копія была бы воспроизведена точно и старательно, у рѣзчиковъ штемпелей нашихъ монетъ не было, хотя близкое знакомство ихъ съ византійскими типами такъ-же несомнѣнно, какъ несомнѣнно и то, что нѣкоторые штем-

¹) Этотъ типъ съ надписью ІС ХС впервые появляется на мѣдныхъ монетахъ Іоанна Цимисхія (969—976), впервые-же на золотыхъ монетахъ при Михаилѣ VII (Sab. LI, 4), царствовавшемъ съ 1071 по 1078, г.

нелѣ ихъ посятъ исключительно византійскій характеръ. Удовольствившись въ этомъ, приходится, слѣдовательно, постараться найти тѣ штемпеля византійскихъ монетъ, особенности которыхъ настолько запечатлѣлись въ памяти рѣзчиковъ нашихъ монетъ или были настолько хорошо извѣстны имъ, будучи при нихъ въ обращеніи, что, хотя они и не рабски подражали оригиналамъ, но особенности эти сознательно или невольно воспроизведены ихъ рѣзцомъ. Для того, чтобы опредѣлить эти характерныя особенности и быть увѣреннымъ, что совпаденіе ихъ на предполагаемыхъ прототипахъ и на русскихъ штемпеляхъ не случайно, самый вѣрный путь — отыскать аналогичные случаи въ нумизматикѣ другихъ странъ; иначе говоря, слѣдуетъ установить, какія особенности прототиповъ обыкновенно воспроизводились рѣзчиками штемпелей тѣхъ странъ, на монетахъ которыхъ вліяніе Византіи отразилось съ полною очевидностью. Аналогичныя нашимъ монетамъ подражанія византійскимъ типамъ, болѣе или менѣе близкія или отдаленныя, не трудно отыскать, такъ какъ преобладающее вліяніе византійскихъ типовъ на монеты почти всей Европы, а также отчасти и Азіи, неоспоримо можетъ быть установлено задолго до основанія Русскаго государства вплоть до XI—XII вѣка, а отчасти и позже. Этотъ фактъ вполне понятенъ въ виду огромнаго значенія и вліянія византійской культуры того времени. Разработка вопроса о степени вліянія византійскихъ монетныхъ типовъ и установленіе границъ распространенія его какъ по мѣсту, такъ и по времени, имѣла бы большую важность не въ одномъ лишь нумизматическомъ отношеніи; такой трудъ является, однако, пока едва-ли осуществимымъ въ потребныхъ размѣрахъ и долженъ быть отнесенъ къ числу археологическихъ *pia desideria*.

Здѣсь я ограничусь нѣсколькими примѣрами, наиболѣе близкими къ нашимъ монетамъ по времени или по мѣсту, не заботясь о полнотѣ этой части моего изслѣдованія, не имѣя на то ни достаточно времени, ни нужды спеціально для занимающаго насъ вопроса о типѣ нашихъ монетъ.

Грузія установила, подобно Руси, болѣе тѣсныя сношенія съ Византіей въ X—IX вѣкахъ, что и отразилось на грузинской нумизматикѣ. Въ III томѣ Записокъ Имп. Русск. Археологич. Общ. (стр. 1—20) мною была помѣщена статья о монетѣ Константина Мономаха съ изображеніемъ Влахернской Божіей Матери; въ этой статьѣ я коснулся вопроса о грузинскихъ копіяхъ съ этой монеты, чеканенныхъ при царяхъ Багратѣ IV (1028—72 г.) и Георгіѣ II (1072—89 г.), причемъ я указалъ, что изображеніе Богородицы на грузинскихъ монетахъ слѣдуетъ считать чисто монетнымъ типомъ. Не буду повторять здѣсь сказаннаго мною въ упомянутой статьѣ, а укажу лишь на способъ копированія византійскихъ штем-

пелей грузинскими монетчиками. На болѣе древней монетѣ Баграта видимъ очень близкую копію византійскаго прототипа, причемъ лишь лику Богородицы приданъ нѣсколько своеобразный типъ, болѣе грубый и широкій, зато всѣ подробности скопированы почти рабски: положеніе рукъ воспроизведено почти съ фотографическою точностью, складки плата, покрывающаго голову и плечи Богородицы повторены самымъ тщательнымъ образомъ, не забыты и крестики изъ четырехъ бусъ на платьѣ у плечъ и на лбу; надпись, однако, иная, чѣмъ на оригиналѣ, хотя тоже греческая: вмѣсто $\text{H BΛA\text{X}EP\text{N}\text{I}\text{T}\text{I}\text{C}\text{A}}$ на грузинской стоитъ $\text{HA\text{Γ}\text{I}\text{A}\ \Theta\text{KO}}$ ($=\text{ἡ ἁγία θεοτόκος}$). На позднѣйшей грузинской монетѣ (Георгія II) первоначальный типъ переданъ несравненно грубѣе, хотя и здѣсь замѣтно стремленіе точно воспроизвести мелкія подробности (крестики изъ бусъ, нѣкоторыя складки), но въ общемъ типъ значительно отдаляется отъ византійскаго оригинала; тѣмъ замѣчательнѣе возвращеніе къ первоначальной надписи, находящейся на этомъ оригиналѣ: именно здѣсь мы находимъ по сторонамъ Лика буквы $\text{MP}\ \Theta\text{V}$, какъ на монетѣ Мономаха, и нѣсколько искаженную, повидимому, надпись: $\text{H BΛA\text{X}EP\text{N}\text{I}\text{T}\text{I}\text{C}\text{A}}$ —какъ будто копировальщикъ, сознавая свое неумѣніе точно скопировать изображеніе, возмѣстилъ недостатки копіи болѣе точнымъ воспроизведеніемъ надписей прототипа. Ограничиваюсь этимъ примѣромъ вліянія византійскаго типа на грузинскую нумизматику, какъ наиболѣе подходящимъ по времени къ эпохѣ чеканки нашихъ монетъ и обращаюсь къ нумизматикѣ страны, почти также далеко отстоящей отъ Константинополя на Западъ, какъ далеко отъ него на Востокъ отстояла Грузія.

Какъ во времена владычества Лангобардскихъ (южныхъ) князей, такъ и позже, при норманяхъ, въ обѣихъ Сициліяхъ чеканились двоякаго рода монеты: однѣ являлись подражаніями современнымъ имъ куфическимъ, а другія—византійскимъ. Вотъ на нѣкоторыя изъ послѣднихъ, чеканенныхъ въ IX и X столѣтіяхъ, я и хочу обратить вниманіе. При этомъ руководствуюсь, кромѣ имѣющихся у меня оригиналовъ, прекрасными изображеніями, помѣщенными въ изданіи: „*Monete cufiche battute da principi longobardi, normani e svevi nel regno delle due Sicilie, interpretate e illustrate dal pr. di S. Giorgio Domenico Spinelli e pubblicate per cura di Michele Tafuri*“ (Napoli, 1844).

На первой-же страницѣ этого изданія изображены двѣ золотыя монеты Салернскаго князя, лангобарда Сигнульфа, 840—849 г. На лицевой сторонѣ этихъ монетъ находится погрудное изображеніе князя впрямь, въ вѣнцѣ, оканчивающемся крестомъ, и съ державою (сферою) въ правой рукѣ; круговая надпись гласитъ: $+\text{SICONOLFVS}$. На оборотѣ представлень

крестъ на трехъ ступенькахъ, по сторонамъ котораго поставлены буквы S и I; круговая надпись: VICTOR PRINCI (= victoria principis); внизу CONDE. Эти монеты являются подражаніемъ типу, бывшему долгое время въ ходу въ Византіи и въ итальянскихъ владѣніяхъ Имперіи, и характернымъ

Рис. 3. Золотая монета Салернского князя Сигнульфа.

Рис. 4. Золотая монета Константина Копронима.

представителемъ котораго можетъ считаться монета Константина V Копронима (Sab. XL, 6). На лицевой сторонѣ этой монеты находится погрудное изображеніе императора впрямь, въ діадимѣ и съ державою въ правой рукѣ; круговая надпись: DNOCONSTANTINVS (= dominus noster Constantinus); на оборотѣ представленъ крестъ на трехъ ступеняхъ, по сторонамъ котораго находится звѣзда и буква (напр. R = Ravenna?); круговая надпись: VICTORIA AVGV (= Victoria Augusti); внизу, въ обрѣзѣ: CONOB. Описанный типъ лицевой стороны можетъ считаться господствующимъ уже со временъ Юстиніана Безносаго (705 г.) вплоть до Василия I (867 г.), хотя и съ значительными отступленіями даже въ основныхъ чертахъ. Многія изъ монетъ этого типа чеканились въ итальянскихъ владѣніяхъ Имперіи, главнымъ образомъ въ Равеннѣ, а потому фактъ копирования ихъ варварами, захватившими Апеннинскій полуостровъ, вполне естественъ. Менѣе естественнымъ является фактъ копирования монетчикомъ Сигнульфа, княжившаго съ 840 г., съ типа монеты Копронима, умершаго цѣлыми 65 годами ранѣе этого времени (въ 775 г.). Тѣмъ не менѣе, судя по общимъ признакамъ, можно считать этотъ фактъ вполне вѣроятнымъ: особенно характерна надпись CONDE въ обрѣзѣ оборотной стороны, являющаяся очевиднымъ подражаніемъ или искаженіемъ обычной до VIII в. на золотыхъ византійскихъ монетахъ надписи CONOB (= Constantinopolis 72), встрѣчающейся на монетахъ Копронима въ послѣдній разъ. Но типъ креста на ступеняхъ является на золотыхъ монетахъ еще на солидѣ Теофила, о которомъ рѣчь впереди. Продолжительность царствованія Копронима, впрочемъ, можетъ до нѣкоторой степени объяснить усердное копированіе типа его монетъ, обращавшихся въ большомъ количествѣ еще въ IX вѣкѣ. Всматриваясь, однако, ближе въ подробности изображеній на монетахъ Сигнульфа и Копронима, можно легко замѣтить разницу въ деталяхъ: такъ, складки одежды лангобардскаго князя распо-

ложены иначе, чѣмъ складки императорскаго плаща. На монетѣ Сигнульфа держава непосредственно соприкасается съ фибулой плаща, тогда какъ на византійскомъ штемпелѣ между державой и фибулой видна еще часть плеча.

Просматривая таблицы изданія Сабатье съ изображеніями монетъ, чеканенныхъ въ періодъ времени, раздѣляющій эпоху Копронима отъ эпохи лангобардскаго князя, находимъ, на табл. XLIII подъ № 20 и на табл. XLIV подъ № 1, штемпеля, на которыхъ именно эти детали соотвѣтствуютъ указаннымъ на лангобардскомъ штемпелѣ. Монеты эти принадлежатъ императору Теофилу, царствовавшему съ 829 по 842 г., т.-е. непосредственно передъ временемъ княженія Сигнульфа. Изображеніе императора, въ общемъ, соотвѣтствуетъ изображенію лангобардскаго князя, хотя и отличается отъ послѣдняго отсутствіемъ бороды. Форма фибулы (состоящей изъ двухъ кружковъ, отъ нижняго изъ коихъ ниспадають три жемчужныя нити), которой застегнута на правомъ плечѣ мантия императора, вполне тождественна съ формою фибулы на плащѣ Сигнульфа; расположеніе складокъ одежды вполне тождественно, и держава непосредственно соприкасается съ фибулою. Совпаденіе такихъ мелкихъ подробностей не можетъ почестъся случайнымъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что общій видъ штемпелей лицевой стороны указываетъ на связь монетъ Сигнульфа скорѣе съ монетами Копронима, чѣмъ съ монетами Теофила. Обратная сторона монетъ Теофила тоже иная: на обѣихъ упомянутыхъ находится изображеніе его сына Константина. На той-же XLIII таблицѣ у Сабатье изображены, правда, монеты того-же Теофила съ крестомъ на ступенькахъ на оборотной сторонѣ, но крестъ этотъ нѣсколько иной формы и надпись вокругъ него гласитъ: *СΥΝΕΒΟΝΗΝ ΤΟ ΣΟΒΟΥΛΟ* (Sab. XLIII, 4, 5, 6); на серебряной монетѣ того-же императора (Sab. XLIV, 5) встрѣчается крестъ той формы, которую видимъ на монетахъ Копронима и Сигнульфа, но надпись вокругъ—*ΙΗΣΥΣ ΧΡΙΣΤΥΣ ΗΙCΧ*.

Изъ вышеизложеннаго можно вывести слѣдующее заключеніе о томъ, какимъ образомъ вышли изъ-подъ рѣзца монетчика Сигнульфа, интересующіе насъ штемпеля:

Рис. 5. Золотая монета Теофила и Константина.

Рис. 6. Золотая монета императора Теофила.

Находясь подъ впечатлѣніемъ типа монетъ К о п р о н и м а, чеканенныхъ, вѣроятно, въ Равеннѣ и обращавшихся еще въ его время въ Италіи, изготовитель лангобардскихъ монетъ придавъ имъ общій видъ хорошо знакомаго ему византійскаго типа, но при разработкѣ деталей придерживался болѣе новыхъ типовъ, только-что, можетъ быть, появившихся въ его отечествѣ. Такимъ образомъ, еслибъ время чеканки лангобардскихъ монетъ не было опредѣлимо по другимъ признакамъ, пришлось бы опредѣлять это время не по общему характеру изображеній, а именно по мелкимъ признакамъ, которые указали бы, совершенно вѣрно, на эпоху, ближайшую ко времени царствованія Теофила.

Приведу еще примѣръ изъ того-же изданія Т а ф у р и. На стр. 175 изображены двѣ мѣдныя монеты князя Мансы. На лицевой сторонѣ этихъ

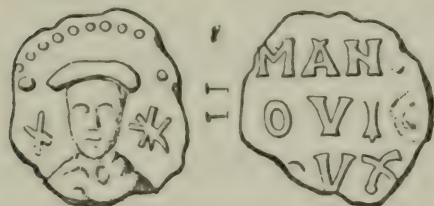

Рис. 7. Мѣдная монета Мансы.

монетъ находится погрудное изображеніе человѣка впрямь съ двумя звѣздами по бокамъ; на оборотѣ — надпись въ три строки: MANSO VIC DVC (= Manso vicerosissimus dux). Авторъ предполагаетъ, что на лицевой сторонѣ, можетъ быть, изображенъ князь (protome, forse del duca). Характе-

ристическія черты изображеннаго лица нераспознаваемы на этихъ штемпеляхъ дурной работы, несомнѣнно, однако, изготовленныхъ по образцамъ византійскимъ; зато ясно видна одна весьма характерная подробность: я говорю о звѣздахъ по бокамъ фигуры. Мнѣ извѣстно всего два византійскихъ штемпеля съ погруднымъ изображеніемъ и подобными

Рис. 8. Мѣдная монета
Іоанна Цимисхія.

звѣздами по сторонамъ его: первый изъ нихъ представленъ мѣдной монетой Іоанна I Цимисхія, изображенной у Сабатье на т. XLVIII, подъ № 8 ¹⁾. На этомъ штемпелѣ погрудное изображеніе представляетъ ликъ Спасителя, а потому дозволено думать, что и на салерпскихъ монетахъ предполагалось изобразить не герцога, а Спасителя, хотя, надо сознаться, крайне неудачно. Подтверженіе этому я нахожу въ томъ, что на монетѣ одного изъ преемниковъ Мансы, Гваймара IV, повторяется типъ монеты Мансы, но по сторонамъ изображенія — не двѣ звѣзды, а буквы $\bar{\alpha}$ и $\bar{\omega}$. Авторъ труда о сицилійскихъ монетахъ называетъ изображеніе protome incognita, хотя оно и совершенно

¹⁾ Второй подобный штемпель, Михаила VII Дуки, изображенъ у Сабатье на т. II, 8.

схоже съ находящимся на вышеописанныхъ монетахъ Мансы. Присутствіе по сторонамъ головы буквъ \bar{A} и $\bar{\omega}$, мнѣ кажется, ясно указываетъ, чье изображеніе помѣщено на монетѣ Гваймара, такъ какъ хотя эти буквы и не встрѣчаются при ликѣ Спасителя на византійскихъ монетахъ, но были извѣстны всякому доброму христіанину, какъ приличествующія именно Христову лику. Итакъ, изъ сравненія монетъ Мансы и Гваймара можно считать изображеніе на монетѣ перваго ликомъ Спасителя, и является несомнѣннымъ, что монетчикъ герцога Мансы, княжившаго съ 981 по 984 г., взялъ за образецъ мѣдные деньги Іоанна Цимисхія, царствовавшаго съ 969 по 976 г., причемъ копія оказывается весьма плохую и неточною въ общемъ, точно же скопированною является мелкая подробность оригинала—звѣзды по сторонамъ изображенія.

Изъ средневѣковой нумизматики Италіи можно было бы привести десятками примѣры подражаній византійскимъ типамъ, причемъ оригиналы этихъ подражаній обнаруживаются лишь по второстепеннымъ деталямъ штемпеля; приведенные мною примѣры избраны не по ихъ особой характерности или убѣдительности, а чисто случайно. Думаю, что сказаннаго пока будетъ достаточно, и я перейду къ другой области нумизматики, неминусемо выступающей, когда вопросъ идетъ о кіевскихъ монетахъ XI вѣка.

Древнѣйшія южно-славянскія монеты, опредѣленіе которыхъ не возбуждаетъ сомнѣнія, относятся къ концу XII столѣтія и принадлежатъ болгарскому царю Ясеню I. На серебряныхъ монетахъ этого царя на одной сторонѣ изображены двѣ фигуры во весь ростъ въ византійскомъ царскомъ одѣянніи, держащія въ рукахъ кресты, наклоненные на плечо; между фигурами стягъ (знамя); по бокамъ древка стяга, внизу, помѣщены двѣ звѣзды. На другой сторонѣ—изображеніе на престолѣ Спасителя, благословляющаго обѣими руками. Хотя монеты эти носятъ на себѣ явно византійскій отпечатокъ, однако тщетно было бы отыскивать между византійскими штемпелями такихъ, которые вполнѣ соотвѣтствовали бы болгарскимъ. Несмотря на это, можно почти съ увѣренностью указать на византійскую монету, послужившую образцомъ для болгарскихъ. На табл. LIV у Сабатье подъ № 16 изображена монета Іоанна II и Алексѣя Комниновъ (1118—1143 г.). На лицевой сторонѣ этой монеты изображены императоръ съ сыномъ, держащіе между собою лабаръ и имѣющій каждый въ рукѣ по кресту, наклоненному на плечо.

Рис. 9. Серебряная монета Ясеня болгарскаго.

На оборотной сторонѣ — изображеніе Спасителя на престолѣ съ благословляющей десницею; по бокамъ престола — двѣ звѣзды. Въ типѣ лицевой

Рис. 10. Монета Іоанна и Алексѣя Комниновъ.

стороны обращаетъ на себя вниманіе та подробность, что у обоихъ представленныхъ лицъ находятся въ рукахъ кресты, наклоненные на плечо, что точно воспроизведено на болгарскихъ штемпеляхъ. Эта особенность встрѣчается въ византійской нумизматикѣ впервые именно на описанной

монетѣ Комниновъ и появляется вновь лишь на монетѣ Михаила VIII и Андроника II Палеологовъ (1266—1282 г.). Если къ сказанному добавить, что нѣкоторыя мелкія подробности въ одѣяніи совпадаютъ на штемпеляхъ византійскомъ и болгарскомъ, то связь ихъ должна быть признана несомнѣнной. Изображенія оборотныхъ сторонъ совпадаютъ гораздо менѣе: на византійскомъ штемпелѣ Спаситель благословляетъ одною десницею и по бокамъ престола изображены звѣзды; на болгарскомъ — Спаситель благословляетъ обѣими руками и звѣзды отсутствуютъ, да и вообще все изображеніе на обоихъ штемпеляхъ сильно разнится. Первый вопросъ, который возникаетъ, — откуда заимствовалъ болгарскій чеканщикъ жестъ благословенія обѣими руками? Если эта особенность не заимствована съ рукописнаго или живописнаго оригинала, что, пожалуй, допустимо, то можно объяснить ее позаимствованіемъ съ другого штемпеля Іоанна II,

Рис. 11. Изображеніе Богородицы на монетѣ Іоанна Комнина.

на которомъ представлена Богородица съ распростертыми покровительственно руками (у Сабатье, LIV, 13); форма престола тоже позаимствована, можетъ быть, съ другого штемпеля. Что касается звѣздъ, встрѣчающихся на византійскихъ штемпеляхъ въ указанномъ мѣстѣ лишь на описанной монетѣ и на другой, Мануила I Комнина (Саб., LV, 2), то, по моему мнѣнію, онѣ перенесены болгарскимъ чеканщикомъ съ оборотной стороны на

лицевую, къ основанію древка стяга. Присутствіе этихъ звѣздъ, рѣдко встрѣчающихся на византійскихъ штемпеляхъ, хотя и на разныхъ сторонахъ той и другой монеты, является лишнимъ важнымъ указаніемъ на связь между описанными византійскимъ и болгарскимъ типами.

Такимъ образомъ, мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ копіею собственно съ нѣсколькихъ оригиналовъ или прототиповъ, причемъ въ эту копію вложены нѣкоторыя характерныя особенности каждаго изъ

нихъ и особое предпочтеніе отдано, по неизвѣстной намъ причинѣ, одному типу, почему-то остановившему на себѣ вниманіе копировальщика.

Считаю излишнимъ останавливаться на разборѣ типовъ сербскихъ монетъ, многіе изъ которыхъ являются не непосредственными подражаніями византійскимъ типамъ, а скопированы съ венеціанскихъ матапановъ (древнѣйшія сербскія монеты относятся къ XIII вѣку), какъ не стану останавливаться на послѣднихъ, чтобы напрасно не увеличивать размѣровъ настоящей статьи. По той-же причинѣ не останавливаюсь на скандинавскихъ, англо-саксонскихъ, франкскихъ и т. д. подражаніяхъ византійскому типу. Разработка всего этого громаднаго нумизматическаго матеріала, интереснѣйшая сама по себѣ, дала бы лишь большее основаніе тѣмъ выводамъ, которые мною сдѣланы относительно описанныхъ копій съ византійскихъ типовъ, а потому постараемся примѣнить полученные выводы къ вопросу о происхожденіи типа нашихъ древнѣйшихъ русскихъ монетъ.

Выше я указалъ, что при невозможности найти опредѣленный прототипъ чекана подражательно-византійскаго характера, т. е. такой прототипъ, который во всѣхъ частяхъ соотвѣтствовалъ бы своей копіи, онъ можетъ быть найденъ по мелкимъ подробностямъ изображеній; при разсмотрѣніи типа русскихъ монетъ мнѣ придется обращать вниманіе главнымъ образомъ на эти особенности изображеній на нихъ, причемъ я буду придерживаться моей классификаціи, разбирая типъ за типомъ.

При разсмотрѣніи золотыхъ монетъ Владиміра слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе на изображеніе оборотной стороны, на которой помѣщенъ ликъ Спасителя. Главное вниманіе должно быть обращено на эту сторону потому, что а priori мож-

Рис. 12. Златникъ Владиміра. Др. Р. Т. V, 1.
Вѣсъ 1 зол. 3 доли.

но уже предполагать, что при изображеніи лика Спасителя рѣзчикъ старательно придерживался, насколько хватало умѣнья, византійскаго оригинала, каковъ бы онъ ни былъ, и что отступленія отъ него окажутся не слишкомъ значительными. Просматривая византійскія монеты съ погруднымъ изображеніемъ Спасителя, я не могъ найти ни одного штемпеля, который настолько соотвѣтствовалъ бы во всѣхъ почти подробностяхъ со штемпелями русскихъ златниковъ, какъ штемпель одного солида Василя и Константина, находящагося въ моемъ собраніи византійскихъ монетъ. Величина изображеній на византійской и русской монетахъ одинакова; манера изображенія бороды (какъ бы бусинами)

совершенно тождественна; проборъ на головѣ, какъ на византійскомъ штемпелѣ, такъ и на русскихъ, обозначенъ довольно грубой чертою.

Рис. 13. Золотая монета Василия и Константина. Въѣзъ 1 зол. 4 доли.

Правая рука Спасителя, которая отворачиваетъ край плаща, изображена на византійскомъ штемпелѣ очень неловко, такъ что ее можно принять за группу мелкихъ складокъ на самомъ плащѣ; рука эта образуетъ нѣкоторое возвышеніе по отношенію къ линіи плаща. Возвышеніе это преувеличенно передано на русскихъ штем-

пеляхъ, причемъ рѣзчикъ, очевидно, не сознавалъ его настоящаго значенія. Воротъ одежды у лѣвой стороны шеи Спасителя образуетъ вмѣстѣ со складкою одежды прямую линію до верхняго края Евангелія, находящагося въ лѣвой рукѣ; эта линія грубо, но точно передана и на русской копіи; группа пересѣкающихся черточекъ, изображающая складки надъ лѣвой рукой, воспроизведена русскимъ монетчикомъ съ большою добросовѣстностью... Вообще, сходство деталей столь замѣчательно, что, помимо сравнительной грубости работы русскихъ штемпелей, можно признать ихъ достаточно точными копіями съ византійскаго прототипа, съ замѣною латинской надписи (*ih̄sx̄is r̄ex r̄egnant̄ihm*) русскою (*ісусъ христисъ*). На русскихъ копіяхъ замѣчается, однако, одно отступленіе отъ оригинала, довольно, на мой взглядъ, существенное. Голова Спасителя, какъ и на византійскихъ штемпеляхъ, окружена крестчатымъ нимбомъ, составленнымъ изъ бусинокъ; но тутъ пропущена русскимъ чеканщикомъ одна подробность — точки (драгоценные камни) на перекрестьяхъ. Этотъ пропускъ представляется мнѣ объяснимымъ и самое объясненіе подтверждаетъ мое мнѣніе, что оригиналами для русскихъ монетчиковъ послужили византійскіе штемпеля, относящіеся ко времени не позже царствованія Василия и Константина. Дѣло въ томъ, что эти орнаментальныя точки появляются впервые на монетѣ Никифора II и Василия II, т. е. лѣтъ всего за десять-пятнадцать до времени чеканки нашего византійскаго штемпеля, но затѣмъ изображались почти постоянно на штемпеляхъ съ погруднымъ образомъ Спасителя ¹⁾. Еслибъ чеканщики русскихъ монетъ имѣли передъ глазами преимущественно византійскія монеты XI или XII в., они, вѣроятно, не преминули бы воспроизвести эти точки, бросающіяся въ глаза на всѣхъ типахъ, подобныхъ ими избран-

¹⁾ На монетахъ Михаила IV (С а б., XLIX, 3) съ погруднымъ изображеніемъ Спасителя этихъ точекъ нѣтъ, но зато надъ поперечными чертами креста помѣщены два кружка; тѣ же кружки видны на одной монетѣ Василия и Константина моего собранія.

ному. Если копія исполнена въ X вѣкѣ, русскіе монетчики могли имѣть нерѣдко въ рукахъ монеты Константина X, Романа II и предшествующихъ императоровъ, на которыхъ подробность эта отсутствуетъ, а потому, какъ не совсѣмъ привычную для нихъ новостъ, могли и пропустить ее. Какъ увидимъ ниже, эти точки воспроизводились рѣзчиками штемпелей серебряныхъ монетъ.

Разсмотрѣвъ оборотную сторону нашихъ златниковъ, перехожу къ разсмотрѣнію лицевой ихъ стороны. На этой сторонѣ находится изображеніе великаго князя впрямь и во весь ростъ; хотя сидѣнія не видно, но слѣдуетъ предполагать, что рѣзчикъ желалъ представить его сидящимъ (быть можетъ, въ соотвѣтствіе съ надписью: **владимиръ на столѣ**), такъ какъ на всѣхъ извѣстныхъ штемпеляхъ ноги представлены согнутыми въ колѣняхъ, какъ у человѣка въ сидячемъ положеніи. Въ этомъ изображеніи сразу бросается въ глаза полное отсутствіе пропорціональности между головою съ верхнею частью туловища и ногами: необыкновенно маленькія, сравнительно съ головою, плечами и руками (рука почти втрое длиннѣе ноги), нѣги выходятъ изъ груди фигуры, какъ-бы приклеены къ ней безъ всякой заботы о смыслѣ рисунка. Не будь изображеніе ногъ столь ясно или сотрись оно на какомъ-нибудь экземплярѣ, всю фигуру пришлось бы принять за поясное или погрудное изображеніе, причемъ рисунокъ, при всей грубости и неумѣлости работы, могъ бы считаться достаточно правильнымъ. Изъ указаннаго вытекаетъ заключеніе, что оригиналомъ для кіевскаго чеканщика долженъ былъ служить типъ съ пояснымъ или погруднымъ изображеніемъ, которое онъ скопировалъ, прибавивъ къ нему согнутыя ноги, что соотвѣтствовало смыслу круговой надписи: „Владимиръ на столѣ“, т. е. на престолѣ, на тронѣ (о значеніи этой надписи—ниже); поэтому мы должны, отыскивая оригиналъ русскаго штемпеля, разсматривать изображеніе на немъ, какъ поясное, забывъ о томъ, что на немъ изображены ноги фигуры. Разсматривая его съ этой точки зрѣнія, трудно не найти замѣчательнаго сходства между нимъ и поясными изображеніями царей (особенно одного изъ нихъ, кажется—Константина) на монетахъ Василія и Константина, т. е. на тѣхъ-же монетахъ, съ которыхъ скопирована и другая сторона нашихъ златниковъ. Будучи принужденъ изобразить одну фигуру вмѣсто двухъ, копировальщикъ не сумѣлъ придержаться оригинала столь-же точно, какъ копируя ликъ Спасителя, и поэтому отступленія отъ оригинала довольно замѣтны, но есть цѣлый рядъ указаній на то, какъ старательно онъ стремился, хотя не всегда удачно, подражать. Тѣмъ интереснѣе видимо намѣренное отступленіе отъ оригинала, представляемое

длиными, висящими книзу усами, которыми украсилъ рѣзчикъ лицо великаго князя.

Такимъ образомъ, какъ на вѣроятнѣйшій византійскій прототипъ нашихъ златниковъ, приходится указать на золотые солиды императоровъ Василия II и Константина, зятевей Владиміра Святаго, царствовавшихъ съ 976 по 1025 г. Есть и другое указаніе на вѣроятное время чеканки нашихъ златниковъ, если признавать ихъ подражаніями византійской монеты, въ чемъ сомнѣваться, впрочемъ, нельзя. Это указаніе заключается въ самомъ внѣшнемъ видѣ нашей монеты, въ ея величинѣ: какъ извѣстно, царствованіе Василия и Константина характерно въ византійской нумизматикѣ тѣмъ, что именно къ этому времени относится рѣзкая перемѣна въ діаметрѣ солидовъ, который сильно увеличивается, причемъ вскорѣ монеты начинаютъ пріобрѣтать вогнутую форму, въ видѣ чашечки; рядомъ съ этимъ изрѣдка чеканятся солиды, напротивъ, гораздо меньшаго діаметра, чѣмъ прежде, но зато очень толстые. Еслибъ наши златники были чеканены позже царствованія Василия и Константина по византійскимъ образцамъ, то они навѣрно походили бы на оригиналы XI-го вѣка и по внѣшнему своему виду: между тѣмъ, они именно соотвѣтствуютъ по діаметру и по общему виду переходному періоду братьевъ-царей, скорѣе приближаясь къ монетамъ предшествующихъ царствованій и отличаясь отъ послѣдующихъ. Послѣ всего мною сказаннаго едва-ли можно сомнѣваться, какому Владиміру слѣдуетъ приписывать золотыя монеты съ этимъ именемъ, еслибъ даже не было другихъ доказательствъ въ пользу предположенія, что онѣ чеканены въ княженіе Просвѣтителя Россіи.

Переходя, по порядку описанія въ моей книгѣ, къ разсмотрѣнію штемпелей серебряныхъ монетъ, я не стану долго останавливаться на первомъ ихъ типѣ, такъ какъ о немъ пришлось бы повторять почти то-же, что и о золотыхъ монетахъ, вполне схожихъ съ ними по изображеніямъ. Ограничиваюсь лишь немногими замѣчаніями. На нѣкоторыхъ изъ штемпелей изображеніе великаго князя на лицевой сторонѣ совершенно также, какъ и на золотыхъ,

Рис. 14. Серебряная монета Владиміра Святаго, I-го типа. Др. Р. м. Т. XII, 1. Вѣсъ 79 долей.

имѣетъ видъ поясного изображенія, къ которому приклеены ноги, обыкновенно согнутыя для обозначенія сидячаго положенія. На другихъ штемпеляхъ, хотя и столь-же грубыхъ, замѣтно уже болѣе сознательное отношеніе къ пропорціямъ фигуры во весь

рость: голова замѣтно уменьшена, плечи сужены; впрочемъ, и на этихъ штемпеляхъ, видѣнныхъ мною доселѣ, еслибъ ноги оказались, вслѣдствіе дурной сохранности экземпляра, стертыми, все-же можно было бы принять изображеніе если не за поясное, то за поколѣнное. Обратная сторона сребренниковъ I-го типа украшена, какъ и златники, ликомъ Спасителя, вполне сходнаго пошиба, но, сообразно съ увеличеннымъ діаметромъ монеты, большихъ размѣровъ. Въ противоположность замѣченному относительно штемпелей златниковъ, на штемпеляхъ обратной стороны сребренниковъ I-го типа на крестообразномъ раздѣленіи нимба вокругъ лика Спасителя почти постоянно помѣщены бусы или точки, о которыхъ мною упомянуто выше. Число и расположеніе этихъ точекъ обыкновенно точно соотвѣтствуетъ числу и расположенію ихъ на монетѣ Василия и Константина, изображенной у Сабатье на т. XLVIII подъ № 10; такое характерное, въ видѣ розетки, расположеніе точекъ не встрѣчается болѣе ни на одной монетѣ, изображенной у Сабатье. Еще слѣдуетъ замѣтить, что на нѣкоторыхъ штемпеляхъ I-го типа полная надпись вокругъ лика Спасителя: *исусъ христосъ* замѣнена извѣстною сокращенною: *іс хс*. Такое сокращенное написаніе имени Христова встрѣчается на золотыхъ византійскихъ монетахъ впервые при Никифорѣ Вотаниатѣ, т. е. въ концѣ XI вѣка, но уже въ X вѣкѣ оно было употребительно на мѣдныхъ монетахъ Іоанна Цимисхія, чеканенныхъ, судя по массѣ дошедшихъ до насъ экземпляровъ, въ громадномъ количествѣ и, благодаря этому, получившимъ широкое распространеніе и извѣстность и между „варварами“. На этихъ монетахъ на лицевой сторонѣ находилось обыкновенно погрудное изображеніе Христа съ крестчатымъ нимбомъ и съ буквами *іс хс*, или просто, или съ добавленіемъ слова *εμμανουηλ*, а на обратной сторонѣ четырехстрочная надпись: *ihsus xristus basilevs basile'(ων)*. Вполнѣ вѣроятно предположеніе, что чеканщики перваго типа, вырѣзывая свои изображенія въ большемъ противъ золотыхъ монетъ масштабѣ, воспользовались для нѣкоторыхъ подробностей особенностями современныхъ имъ монетъ именно большихъ размѣровъ. Не только допуская, но и предполагая именно это, я, тѣмъ не менѣе, считаю несомнѣннымъ, что сребренники I-го типа Владиміра не суть непосредственныя копіи съ византійскихъ образцовъ, а являются копіями съ копій, т. е. что непосредственно съ византійскаго образца скопированы сперва златники, а съ нихъ затѣмъ сребренники Владиміра I-го типа,

Рис. 15. Изображеніе Спасителя на золотой монетѣ Василия и Константина.

причемъ рѣзчики не стѣснялись, однако, вводить мелкія подробности, хорошо знакомыя имъ по современнымъ имъ византійскимъ монетамъ.

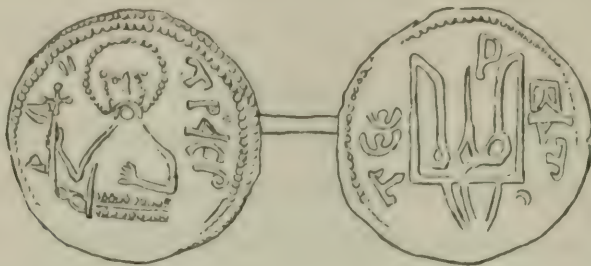

Рис. 16. Сребренникъ Владиміра Святаго, II-го типа.
Др. Р. м. Т. X, 11.

На монетахъ II-го типа Владиміра изображеніе великаго князя тоже, видимо, скопировано съ поколѣннаго или пояснаго изображенія, къ которому, съ прежнимъ отсутствіемъ пропорціональности, придѣланы ручки престола или, можетъ быть, концы подушки на престолѣ гораздо ниже половины фигуры, а также еле видныя ноги, наивно маленькихъ размѣровъ, съ тою-же очевидною цѣлью представить великаго князя сидящимъ. Прототипомъ для этихъ грубыхъ штемпелей могъ послужить любой византійскій штемпель, на которомъ императоръ изображенъ въ извѣстной парадной одеждѣ, раздѣленной на квадраты и усыпанной жемчугомъ или камнями—напримѣръ, Никифора Фоки (Саб. XLVII, 15), или тѣхъ-же Василія и Константина. Этотъ грубый типъ могъ явиться даже простымъ искаженіемъ первоначальнаго, I-го типа, исполненнымъ малограмотными, очевидно, и неумѣлыми мастерами. Такъ, детали одежды великаго князя оставлены совершенно безъ всякаго вниманія и все очертаніе его изображенія производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто вся работа рѣзчиковъ сосредоточивалась на томъ, чтобы изобразить хоть какую-нибудь человѣческую фигуру, не задаваясь болѣе сложнымъ воспроизведеніемъ атрибутовъ или ея отличительныхъ чертъ. Этой неумѣлостью рѣзчиковъ объясняется измѣненіе типа оборотной стороны: не отваживаясь копировать ликъ Христа, какъ слишкомъ для нихъ сложное изображеніе, они предпочли перенести на эту сторону съ лицевой родовой знакъ великаго князя, изобразивъ его въ увеличенномъ масштабѣ. Изображеніе это не представляло никакихъ техническихъ затрудненій и удивительно упрощало работу. Впослѣдствіе это нововведеніе, возникшее вслѣдствіе неумѣлости, привилось окончательно, давъ всей серіи древнѣйшихъ русскихъ монетъ столь характерный отпечатокъ. Какъ мы видѣли выше, златники носятъ на себѣ вполне ясный отпечатокъ византійскаго прототипа, который безъ труда, благодаря этому, отыскивается; I-й типъ сребренниковъ еще близокъ къ этому прототипу, хотя нѣсколько отда-

ляется отъ него; начиная со II-го типа, мы имѣемъ дѣло почти съ самостоятельными (болѣе или менѣе грубыми) чеканами. Тутъ уже нѣтъ прямого копированія, а лишь кой-какія, какъ увидѣмъ ниже, позаимствованія деталей съ современныхъ чужеземныхъ монетъ.

На монетахъ III-го типа от-
танавливается на себѣ вниманіе
престолъ, на которомъ сидитъ ве-
ликій князь. На этомъ типѣ пре-
столъ впервые появляется ясно
очерченнымъ и вполне опредѣ-
ленной формы. Внимательно раз-
сматривая эту форму, легко за-

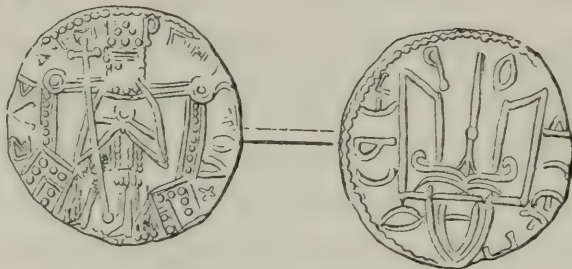

Рис. 17. Сребренникъ Владиміра Святого III-го
типа. Др. Р. м. Т. VIII, 8. Вѣсъ 70 долей.

мѣтить, что престолъ на нашихъ монетахъ III-го типа является довольно
точнымъ воспроизведеніемъ престола, на которомъ изображался Спаситель
на монетахъ Льва VI, Александра, Константина X и Романа I Лака-
пена, обнимающихъ собою періодъ времени съ 911 по 944 г. (Саб.,
т. XLVI, 1, 3, 4, 6 и 12). Спинка этого престола состоитъ изъ двухъ
вертикальных планокъ, изогнутыхъ почти на подобіе

боковъ лиры, усыпанныхъ драгоцѣнными камнями и
оканчивающихся наверху, на мѣстѣ пересѣченія гори-
зонтальной прямой планкою (обозначенной двумя чер-
тами), кружками; ножки престола и самое сидѣніе тоже
усыпаны рядами камней. Другихъ, болѣе новыхъ про-
тотиповъ этой формы престола я не могу отыскать: съ
Романа I Лакапена до Романа III Аргира встрѣчается
лишь одинъ штемпель, на которомъ Спаситель изобра-

Рис. 18. Изображеніе
Спасителя на золотой
монетѣ Льва VI и
Константина X.

женъ на престолѣ, а именно штемпель мѣдной монеты Цимисхія (Саб.,
т. XLVIII, 4), но здѣсь онъ совершенно иной формы, чѣмъ на моне-
тахъ III-го типа. На монетѣ Романа III форма престола тоже иная
(съ прямою спинкою) и хотя на монетахъ Константина Мономаха, изо-
браженной у Саб. на т. XLIX, 4, и Константина XII Дуки (Саб.,
т. L, 6) лирообразная форма спин-

ки престола и появляется вновь,
но она имѣетъ рѣшительно иной
общій характеръ, а въ деталяхъ
настолько удаляется отъ изобра-
женія на монетахъ III-го типа,
насколько послѣднее приближает-
ся къ изображенію на указанной

Рис. 19. Сребренникъ Владиміра Святого, III-го
типа. Др. Р. м. Т. X, 1. Вѣсъ 79 долей.

выше монетъ Льва и Константина. Такимъ образомъ, можно считать доказаннымъ, что прототипомъ престола на сребренникахъ III-го типа слѣдуетъ считать изображенія на монетахъ X-го, а не XI-го вѣка. Одѣяніе великаго князя на монетахъ III-го типа является соединеніемъ особенностей одежды его на монетахъ I-го и II-го типовъ: поверхъ усыпанной жемчугомъ одежды II-го типа наброшенъ короткій (какъ онъ представленъ на монетахъ) плащъ съ круглой пряжкой монеты I-го типа. Родовой знакъ на оборотной сторонѣ подвергся незначительному измѣненію противъ II-го типа. Въ общемъ слѣдуетъ указать на нѣкоторое улучшеніе работы рѣзчиковъ.

Рис. 20. Сребренникъ Владиміра Святого, IV-го типа. Др. Р. м. Т. IX, 2. Вѣсъ 59 долей.

Относительно штемпелей монеты Владиміра четвертаго типа, укажу прежде всего на особенность, встрѣчающуюся на нѣкоторыхъ изъ нихъ. На этихъ штемпеляхъ крестъ, который держитъ великій князь, поставленъ на подножку, составленную изъ нѣсколь-

кихъ ступенекъ (такъ называемую „голгоѳу“). Такіе кресты *постоянно*, съ древнѣйшихъ временъ, изображались на византійскихъ монетахъ вплоть до Василия и Константина. Съ монетами этихъ императоровъ прекращается обычное изображеніе креста на ступенькахъ и встрѣчается впослѣдствіи лишь на единичныхъ, болѣе или менѣе рѣдкихъ штемпеляхъ (Саб., LI, 11, LII, 18, 22, LIII, 17, LIV, 14, LV, 9, LVI, 8). Этотъ фактъ указываетъ на заимствованіе этой особенности съ монетъ Василия и Константина или предшествовавшихъ имъ императоровъ; тутъ не было прямого копированія, а лишь воспроизведеніе детали, отлично знакомой и приглядѣвшейся рѣзчикамъ нашихъ штемпелей. Работа штемпелей IV-го типа сравнительно очень тщательная и указываетъ, какъ мнѣ кажется, на значительно болѣе строгій выборъ чеканщиковъ послѣ неудачнаго выбора грубыхъ мастеровъ, изготовителей II-го и III-го типовъ. На монетахъ IV-го типа замѣтно стремленіе къ передачѣ реальныхъ подробностей одѣянія и обстановки великаго князя, къ воспроизведенію которыхъ рѣзчики IV-го типа были, очевидно, способнѣе своихъ предшественниковъ. Къ такимъ реальнымъ подробностямъ я отношу и форму престола, вполне подобной которой я не отыскиваю на византійскихъ монетахъ. Преобладающимъ типомъ этого престола является широкое кресло съ точеными ножками и съ невысокими ручками или невысокой легкой спинкою и съ положенной на сидѣнье длинной подушкою. Мнѣ ка-

жется, что ближе всего къ этой формѣ подходитъ, съ крупными, однако, вариантами, престолъ, изображенный на монетѣ Цимисхія, о которой я упоминалъ выше. Этотъ престолъ, по деталямъ, ближе подходитъ къ престолу IV-го типа, чѣмъ престолы, которые изображались позже, на монетахъ XI и XII вѣковъ,

хотя съ перваго взгляда они могутъ показаться похожими на помѣщенные на Владиміровыхъ серебрянникахъ IV-го типа. Считаю нужнымъ указать еще на извѣстное сходство формы подушки на престолѣ серебрянниковъ IV-го ти-

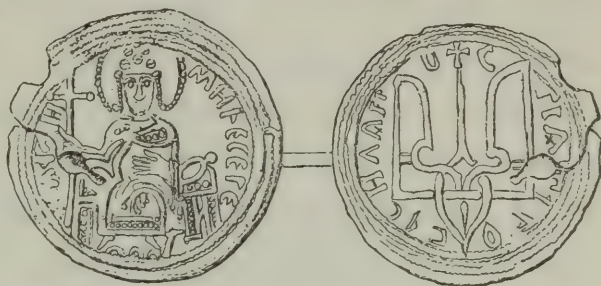

Рис. 21. Серебряникъ Владиміра Святого, IV-го типа. Др. Р. м. Т. VI, 9. Вѣсъ 69 долей.

па съ тѣми придатками по сторонамъ фигуры великаго князя на II-мъ типѣ, которые мною названы „ручками престола или концами подушки“. Очень можетъ быть, что неискусные и нехитрые чеканщики II-го типа, желая изобразить сѣдалище и не зная, какъ приняться за дѣло или откуда заимствовать форму этой важной подробности, хотя и неумѣло, попытались изобразить знакомый имъ, дѣйствительно существовавшій предметъ княжеской обстановки. Конечно, я на этомъ предположеніи не настаиваю и не придаю ему бѣльшаго значенія, чѣмъ оно заслуживаетъ, но привелъ его, какъ кажущееся мнѣ лично довольно правдоподобнымъ, или, по крайней мѣрѣ, возможнымъ.

На штемпеляхъ монетъ Святотолка, на лицевой сторонѣ ихъ, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе орнаментація креста въ рукѣ великаго князя: вокругъ середины этого креста помѣщены четыре бусы, кромѣ помѣщенныхъ на концахъ его. Такая орнаментація

Рис. 22. Серебряникъ Святотолка. Др. Р. м. Т. IX, 3. Вѣсъ 35 долей.

встрѣчается чрезвычайно рѣдко на византійскихъ штемпеляхъ—насколько я знаю, лишь на пяти или шести, и въ томъ числѣ на штемпеляхъ Василія и Константина (Саб., XLVIII, 15—16); эта орнаментація настолько рѣдка, что можетъ быть названа характерной для серебряныхъ монетъ этихъ императоровъ и едва-ли можно ошибиться, утверждая, что она заимствована русскими монетчиками именно съ послѣднихъ. Что касается вообще типа лицевой

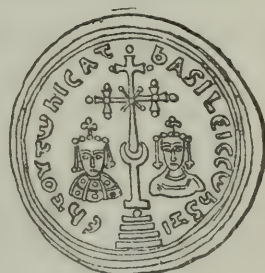

Рис. 23. Лиц. сторона серебр. монеты императоровъ Василія и Константина.

стороны сребренниковъ Святополка, то онъ является явнымъ подражаніемъ IV-му типу Владиміровыхъ монетъ, притомъ подражаніемъ, въ большинствѣ случаевъ, довольно грубымъ: какъ будто вновь обратились къ услугамъ изготовителей монетъ II-го и III-го типа Владиміровыхъ сребренниковъ. Впрочемъ, даже при поверхностномъ разсмотрѣніи извѣстныхъ доселѣ немногочисленныхъ экземпляровъ Святополковыхъ монетъ замѣтно большое разнообразіе въ степени умѣлости ихъ изготовителей: въ моей коллекціи имѣется одинъ экземпляръ, на который уже въ своемъ первомъ трудѣ я обратилъ вниманіе будущихъ изслѣдователей, несомнѣнно изготовленный мастеромъ, чеканившимъ монеты Владиміра четвертаго типа. Поле оборотной стороны занято, какъ и на монетахъ Владиміра послѣднихъ трехъ типовъ, родовымъ знакомъ Кіевскихъ государей, но нѣсколько отличной формы, что объясняется перемѣною царствованія.

Относительно монетъ, приписываемыхъ мною Ярославу, I-го типа, я долженъ сказать, что я не нахожу среди византійскихъ монетъ прототипа для нихъ, поэтому мнѣ кажется возможнымъ предположеніе, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ самостоятельнымъ, въ нумизматическомъ смыслѣ, типомъ, существованіе котораго вполнѣ допустимо послѣ почти тридцатилѣтняго или, по крайней мѣрѣ, двадцатипятилѣтняго періода чеканки на Руси собственной монеты, особенно если принять во вниманіе то, что мною было сказано выше по поводу IV-го типа Владиміровыхъ сребренниковъ.

Рис. 24. Сребренникъ Ярослава, II-го типа. Др. Р. м. Т. IX, 12. Вѣсъ 91 доля.

на монетахъ братьевъ-царей Василія и Константина (на штемпеляхъ серебряныхъ монетъ, подъ крестомъ).

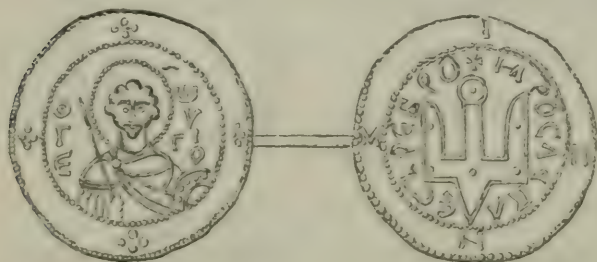

Рис. 25. Сребренникъ Ярослава, III-го типа. Др. Р. м. Т. XIII, 1. Вѣсъ 85 долей.

На оборотной сторонѣ монетъ Ярослава, II-го типа, по срединѣ родоваго знака кіевскихъ князей, находится изображеніе полумѣсяца. Если допустимо здѣсь искать аналогій въ области византійской нумизматики, то слѣдуетъ указать, что изображеніе полумѣсяца встрѣчается тоже именно

Оригинала изображеній, находящихся на монетахъ Ярослава, III-го типа, тщетно было бы искать въ византійской нумизматикѣ. Уже А. А. Кунікъ, въ своемъ сочиненіи „О русско-византійскихъ монетахъ Ярослава I Владиміро-

вича“ (Спб. 1860), выразился, что „можно думать, Ярославъ перенесъ на монету ликъ св. Георгія со своей печати“ (стр. 114 назв. соч.); я постарался, въ рефератѣ, читанномъ мною на Ярославскомъ Археологическомъ съѣздѣ, тверже обосновать это предположеніе ¹⁾. Отсылая интересующихся вопросомъ къ напечатанной въ „Трудахъ“ съѣзда статьѣ, ограничусь лишь указаніемъ на то, что ликъ св. Георгія былъ очень часто изображаемъ на византійскихъ печатяхъ и именно въ томъ „изводѣ“, какой видимъ на Ярославлѣмъ сребрѣ, и что слово **АМНН**, помѣщенное на оборотной сторонѣ, по краю штемпеля, не встрѣчаясь на монетахъ вообще, напротивъ того, достаточно употребительно на печатяхъ, заканчивая собою молитвенныя воззванія, вырѣзывавшіяся на нихъ.

Мы видѣли, что на большинствѣ типовъ древнѣйшихъ русскихъ монетъ замѣтна та или другая, болѣе или менѣе бросающаяся въ глаза особенность, которую можно найти на штемпеляхъ монетъ Василия и Константина; особенности эти достаточно характерны

Рис. 26. Скандинавская копія съ Ярославля сребра (III-го типа). Др. Р. м. Т. XIII, 5. Вѣсъ 35 долей.

для того, чтобы вывести заключеніе, что всѣ рѣзчики нашихъ монетъ, за исключеніемъ, можетъ быть, изготовителей „Ярославля сребра“, были хорошо знакомы съ монетами братьевъ-императоровъ и имѣли ихъ въ рукахъ, будучи современниками ихъ долголѣтнаго царствованія; форма престола на штемпеляхъ III типа Владиміра, заимствованная съ византійскихъ штемпелей предшествовавшихъ царствованій, могла быть тоже еще хорошо извѣстна въ концѣ X вѣка или въ началѣ XI, т. е. современнику Василия и Константина. Результатъ изслѣдованія типа древнѣйшихъ русскихъ монетъ вполне согласуется съ ранѣ полученными выводами о времени чеканки ихъ, такъ какъ время княженія Владиміра Святого, Святополка и начала княженія Ярослава совпадаютъ со временемъ царствованія Василия и Константина, совмѣстно занимавшихъ престолъ съ 976 по 1025 г.

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ объ общемъ ходѣ „медальернаго искусства“ за этотъ періодъ, какъ ходъ этотъ представляется на основаніи всего вышеизложеннаго, и указать на нѣкоторыя особенности, о которыхъ я не упомянулъ; наконецъ, считаю нужнымъ коснуться лишь вскользь надписей, находящихся на нашихъ монетахъ.

Начну съ установленія несомнѣннаго для меня факта, основаннаго

¹⁾ Труды VII-го Археологич. съѣзда въ Ярославлѣ, т. II, Москва, 1891, стр. 73.

на характеръ исполненія штемпелей, что первыми монетчиками были у насъ не хорошіе, призванные изъ Византіи мастера, а туземные, не Богъ вѣсть какъ обученные, или, въ крайнемъ случаѣ, совершенно второстепенные, приглашенные мастера. Начали они съ изготовленія золотыхъ монетъ, предназначавшихся скорѣе для подарковъ, чѣмъ для обращенія въ народъ, какъ мѣновыя цѣнности: въ X и XI вѣкахъ, да и позже, судя по составу находимыхъ у насъ кладовъ, ходячей цѣнностью была серебряная монета, золотая же могла, и то лишь крайне сомнительно, служить для торговыхъ сношеній съ Византіею, въ которыхъ, однако, несомнѣнно преобладала, если не существовала исключительно, мѣна натурою. Вполнѣ, впрочемъ, совмѣстимо съ понятіемъ о первыхъ проявленіяхъ культуры въ молодомъ христіанскомъ государствѣ удовлетвореніе стремленія къ вѣшнимъ признакамъ этой культуры ранѣе удовлетворенія реальныхъ потребностей. Поэтому, мнѣ кажется, и начали на Руси съ чеканки золотой монеты, являвшейся ненужною практически для того времени роскошью. При этомъ старались близко подражать старшимъ братьямъ, византійцамъ. Уже послѣ удовлетворенія казовой, такъ сказать, стороны, постарались примѣнить приобрѣтенный опытъ къ удовлетворенію дѣйствительной потребности, и приступили къ изготовленію монеты серебряной—ходячихъ денежныхъ знаковъ. Аналогіи этому можно отыскать и въ западно-европейской средневѣковой нумизматикѣ (напр., англо-саксонской). Въ началѣ туземные русскіе ковахи крайне упростили для себя дѣло изготовленія штемпелей для серебряной монеты, перенеся на нее просто типы золотой въ увеличенномъ лишь масштабѣ. Вообще мастера и здѣсь были неважные, но и между этими неважными мастерами, можетъ быть отчасти тѣми же, которые изготовляли раньше золотую монету, были сравнительно порядочные, но были и совсѣмъ плохіе, какъ свидѣлствуютъ нѣкоторые штемпеля серебрениковъ I-го типа. Можетъ быть, именно вслѣдствіе

Рис. 27. Серебреникъ Владиміра святого, I-го типа. Др. Р. м. Т. XIV, 9. Вѣсъ 69 долей.

этой крайней неумѣлости рѣзчиковъ явилась необходимость упрощенія типовъ, причемъ, дѣйствительно, самымъ практичнымъ было замѣнить хотя бы на одной сторонѣ сложное изображеніе болѣе простымъ. Такимъ образомъ явился II-й типъ серебрениковъ, гдѣ ликъ Христа замѣненъ

родовымъ знакомъ. Съ этого времени типъ русскихъ денегъ сталъ чисто національнымъ, а не подражательнымъ. Но безобразные, съ без-

грамотными надписями сребренники II-го типа должны были оскорблять даже мало развитое еще эстетическое чувство новообращенного народа или самого государя, и были приложены нѣкоторые старанія отыскать мастеровъ лучше. Результатъ этихъ стараній мы видимъ въ появленіи сребренниковъ III-го типа, съ болѣе грамотными надписями и съ изображеніями нѣсколько улучшенными, хотя бы въ томъ отношеніи, что великій князь впервые ясно представленъ сидящимъ, въ соотвѣтствіе со смысломъ надписи на монетахъ. Можетъ быть, обратились даже къ рѣзчикамъ I-го типа, такъ какъ мнѣ кажется, что нѣкоторые штемпеля III-го типа пошибомъ работы поразительно напоминаютъ штемпеля I-го типа. Въ виду требованія представить великаго князя сидящимъ и безсилія придать ему сидячую позу умѣлѣе и яснѣе, чѣмъ на монетахъ золотыхъ и серебряныхъ I-го и II-го типовъ, вполне понятно, почему явилась необходимость представить сѣдалище или престолъ. Гдѣ было найти форму этого сѣдалища? Перенести на штемпель дѣйствительную форму великокняжескаго престола было, вѣроятно, не по силамъ изготовителямъ штемпелей III-го типа, да и страшно было приступать къ такой работѣ послѣ неудавшейся попытки рѣзчиковъ II-го типа. Наши мастера упростили свою работу, скопировавъ прямо нужный имъ престолъ съ хорошо знакомыхъ имъ византійскихъ монетъ, не заботясь о томъ, что, можетъ быть, великій князь никогда на такомъ тронѣ не сидѣлъ. Но и эта, нѣсколько улучшенная, фактура штемпелей казалась уже недостаточно хорошей, и дѣло изготовленія штемпелей передано было въ новыя руки, на этотъ разъ дѣйствительно болѣе умѣлыя. Возможно даже предположеніе, что къ этому времени явилась возможность передать монетное дѣло въ руки обучившихся уже достаточно солидно въ Византіи русскихъ мастеровъ. Эти наилучшіе, за исключеніемъ „Ярослава сребра“, изъ всѣхъ древнѣйшихъ русскихъ штемпелей составляютъ, по моей классификаціи, IV-й типъ. Здѣсь, какъ было указано выше, великій князь довольно искусно представленъ сидящимъ на тронѣ опредѣленной формы, вѣроятно, соотвѣтствующей дѣйствительности. Форма эта могла быть и византійской, какъ и самый престолъ могъ быть присланъ вмѣстѣ съ регаліями Владиміру святому (не Владиміру Мономаху, какъ нынѣ можно считать доказаннымъ), или же онъ могъ быть изготовленъ по византійскому образцу. Вотъ ходъ монетнаго дѣла въ княженіи Владиміра, какъ онъ вытекаетъ изъ разсмотрѣнія доступнаго намъ нумизматическаго матеріала.

Послѣ смерти Владиміра чеканку монеты при его сынѣ и наслѣдникѣ Святополкѣ продолжали сперва изготовители лучшихъ штемпелей

Владимірова времени, или, что то же, тѣ коваchi, которымъ было поручено это дѣло въ концѣ княженія перваго христіанскаго повелителя Руси. Это доказывается одною монетою Святополка, изданною мною въ первомъ моемъ трудѣ и на которую я тогда же указалъ, какъ на вполне однородную по работѣ съ сребренниками Владиміра, IV-го типа. Но эта монета представляетъ собою пока единственное указаніе на приведенный мною выше фактъ. Всѣ остальные извѣстныя намъ монеты Святополка обнаруживаютъ новое паденіе монетнаго дѣла, указываютъ, что оно вновь попало въ неумѣлыя руки, можетъ быть, тѣхъ же малограмотныхъ мастеровъ, которые изготовляли сребренники II-го и III-го типа Владиміра. Можетъ быть, наступившія вскорѣ по востоленіи Святополка смуты отразились на судьбѣ болѣе искуснаго руководителя денежнаго дѣла: можетъ быть, онъ бѣжалъ, съ нимъ вмѣстѣ убѣжали или разбѣжались мастера, можетъ быть, онъ былъ убитъ: мы можемъ лишь установить фактъ, что изготовленіе монетъ вновь попало въ руки людей неумѣлыхъ, и оставалось, вѣроятно, въ этихъ рукахъ до того времени, когда восстановлено было внутреннее спокойствіе страны утвержденіемъ единодержавной власти Великаго Ярослава. Къ этому послѣднему періоду относятся, по моему предположенію, отлично, можно сказать, исполненные монеты Ярослава, III-го типа, такъ называемое „Ярославле сребро“. Этотъ типъ слѣдуетъ признать наиболѣе совершенной работой ковачей монетъ домонгольской Руси, притомъ настолько совершенной, что она удостоилась, наравнѣ съ византійскими монетами, копированія со стороны скандинавскихъ монетчиковъ. Такою копіею я признаю такъ называемые стокгольмскіе экземпляры „Ярославля сребра“ (см. рис. 26), изъ-за котораго возникла, какъ извѣстно, знаменитая въ русской нумизматической литературѣ полемика между бар. Кёне и А. А. Куникомъ, окончившаяся полнымъ торжествомъ послѣдняго, а вмѣстѣ съ тѣмъ полнымъ опроверженіемъ басни о существованіи Олеговой монеты. Считаю нелишнимъ для лицъ, незнакомыхъ съ моимъ первоначальнымъ изслѣдованіемъ и могущихъ поэтому найти содержаніе предъидущихъ строкъ неубѣдительнымъ, напомнить здѣсь, что время чеканки монетъ, насъ интересующихъ, опредѣлено на основаніи данныхъ, почерпнутыхъ изъ состава разныхъ кладовъ, т.-е. такихъ данныхъ, которыя въ нумизматикѣ слывуть и на самомъ дѣлѣ являются одними изъ самыхъ доказательныхъ; что касается хронологической послѣдовательности возникновенія отдѣльных типовъ, то она установлена, главнымъ образомъ, на основаніи перечеканенныхъ экземпляровъ, т.-е. фактовъ, имѣющихъ, безспорно, рѣшающее значеніе. Такимъ образомъ, я пока не касался выводовъ, слѣ-

ланных мною ранѣе, какъ бы предполагая, что они уже знакомы читателю, интересующемуся вопросомъ; въ дальнѣйшемъ изложеніи мнѣ придется коснуться ихъ по крайней мѣрѣ настолько, что съ ними ознакомятся читатели, которые моего труда о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ не просматривали. Послѣ этого отступленія, казавшагося мнѣ необходимымъ въ интересахъ читателя, возвращаюсь къ прерванному разбору типа нашихъ монетъ и ихъ особенностей.

Изъ всѣхъ деталей лицевой стороны нѣкоторыхъ изъ типовъ рассматриваемыхъ монетъ наибольшее, можетъ быть, недоумѣніе возбуждало присутствіе нимба или вѣнчика вокругъ головы великаго князя. Привыкнуши считать этотъ атрибутъ символомъ святости изображаемаго лица, многіе, естественно, отказываются допустить, чтобы вѣнчикъ могъ быть изображаемъ на монетахъ вокругъ головы государя при его жизни. Такое недоумѣніе, понятное со стороны неспеціалистовъ, едва-ли, однако, было бы извинительно для лицъ, болѣе или менѣе знакомыхъ съ византійскою нумизматикою или археологіею. Еще въ 1863 г. академикъ Стефани издалъ важную монографію о нимбѣ ¹⁾, въ которой доказано, что этотъ атрибутъ, заимствованный христіанскою иконографіею отъ античнаго искусства, никакъ не имѣлъ первоначально значенія эмблемы святости, а выражалъ собою прежде всего лишь свѣтъ или блескъ, исходящій отъ изображаемаго божества, героя и вообще лица, а затѣмъ и просто его преимущественную важность, высокій санъ и, въ частности, царское величіе. „Въ Константинополѣ,—говоритъ Стефани,—нимбъ считался однимъ изъ важнѣйшихъ и самыхъ обыкновенныхъ атрибутовъ императорскаго достоинства не только для самихъ императоровъ, но и для императрицъ, а въ послѣдствіи и для сыновей императоровъ... Мы находимъ уже Константина Великаго, украшеннаго нимбомъ не только на монетахъ, но и въ мозаичныхъ произведеніяхъ, которыя еще видѣлъ Чіампини въ Латеранской церкви, въ Римѣ, и съ такимъ же украшеніемъ встрѣчается супруга императора Фауста на одномъ золотомъ медальонѣ. Сыновья же его, Константъ и Констанцій, являются съ нимбомъ на монетахъ, то оба вмѣстѣ, то одинъ послѣдній отдѣльно. Вѣроятно, и изображенія потерянной рукописи Перейска должны быть отнесены къ этимъ двумъ императорамъ, а младшій братъ ихъ, Константинъ, съ однимъ изъ нихъ изображенъ съ такимъ же украшеніемъ на одной монетѣ.

¹⁾ Л. Стефани. Нимбъ и лучезарный вѣнецъ въ произведеніяхъ древняго искусства. Приложение къ IV-му тому Записокъ Имп. Академіи Наукъ. Спб. 1863, 196 стр. и 5 листовъ рисунковъ.

Сюда же должны быть отнесены монеты, представляющія изображенія Магненція, Валентиніана I и Валента, отдѣльно или двухъ послѣднихъ вмѣстѣ. Θεодосія Великаго съ обоими его сыновьями мы видимъ на дискѣ, найденномъ въ повѣйшее время въ Испаніи, а вмѣстѣ съ однимъ изъ его сыновей, вѣроятно, Аркадіемъ, и, можетъ быть, вмѣстѣ съ Евгеніемъ мы встрѣчаемъ его на монетахъ. Аркадій является съ означеннымъ украшеніемъ на монетахъ какъ отдѣльно, такъ и вмѣстѣ съ другимъ какимъ-то императоромъ, можетъ быть, Гоноріемъ. Затѣмъ слѣдуютъ монеты съ подобными-же изображеніями Θεодосія II и Валентиніана, Льва Старшаго и Майоріана, Льва Младшаго, отдѣльно или вмѣстѣ съ отцомъ его Зенономъ, Анастасія I, Юстина I и Юстиніана I или послѣдняго отдѣльно. Въ мозаичномъ же произведеніи въ церкви St. Vitale въ Римѣ съ нимбомъ является не только Юстиніанъ, но и супруга его Θεодора. Въ особенности при Юстинѣ II и супругѣ его Софіи мы постоянно встрѣчаемъ это украшеніе на монетахъ, выбитыхъ въ царствованіе поименованнаго императора. Точно также и Тиверій Константинъ вмѣстѣ со своею супругою Анастасіею изображенъ на одной монетѣ, а Флавій Тиверій Маврикій, вмѣстѣ со своею супругою Константиною—на многихъ. Далѣе мы находимъ этотъ атрибутъ на одной монетѣ при Фокѣ и Леонтіи, на другой же видимъ его только при Леонтіи. Въ одной рукописи Григорія Назіанзина мы встрѣчаемъ это украшеніе при Евдокіи и ея обоихъ сыновьяхъ, Львѣ VI и Александрѣ, на одной монетѣ при Θεофанѣ, супругѣ Романа II, и на одномъ рельефѣ изъ слоновой кости при Романѣ IV и его супругѣ Евдокіи. Въ одной ватиканской рукописи мы встрѣчаемъ съ нимбомъ Алексѣя I Комнина, а въ другой—Іоанна II Комнина съ сыномъ его Алексѣемъ и Θεодора Ласкариса на двухъ большихъ золотыхъ монетахъ. Изъ Палеологовъ являются въ такомъ украшеніи Мануиль II, какъ на монетахъ, отдѣльно или со своею супругою и сыномъ Іоанномъ, такъ и въ рукописи Діонисія Ареопэгита вмѣстѣ съ супругою и сыновьями Іоанномъ и Θεодоромъ, между тѣмъ какъ младшій сынъ его Андроникъ представляется безъ означеннаго атрибута. Наконецъ, изображеніе Іоанна VIII съ нимбомъ находится на двухъ серебряныхъ монетахъ...“¹⁾).

Ограничиваюсь этой выдержкою изъ монографіи Стефани, отсылая интересующихся подробностями вопроса къ ней, но прибавлю отъ себя, что въ византійской нумизматикѣ нимбъ вокругъ головы цар-

¹⁾ Стефани, стр. 181—183.

ственныхъ особъ встрѣчается сплошь и рядомъ до начала VII вѣка, а затѣмъ лишь какъ рѣдкое исключеніе. Традиція была, однако, настолько сильна, что къ самому концу имперіи, при Палеологахъ, въ XIV и XV вѣкахъ этотъ атрибутъ царскаго сана появляется на монетахъ вновь, какъ общее почти правило. Такимъ образомъ, нѣтъ ничего особенно поразительнаго въ томъ фактѣ, что русскіе чеканщики изображали своего государя въ вѣнчикѣ. То обстоятельство, что этотъ атрибутъ встрѣчается не на всѣхъ типахъ монетъ Владиміра, вполне соотвѣтствуетъ тому, что можно констатировать въ нумизматикѣ другихъ странъ и спеціально въ византійской, такъ какъ одинъ и тотъ же императоръ или вообще государь изображался на монетахъ то въ нимбѣ, то безъ него. Какъ на примѣры, укажу на англо-сакскія монеты VIII вѣка короля мерсійскаго Оффы или германскія XI вѣка, императора Генриха II, на которыхъ эти государи, повидимому, иногда изображались въ нимбѣ. Заняться подробнымъ разборомъ этого самого по себѣ интереснаго вопроса мнѣ кажется здѣсь излишнимъ, такъ какъ такой разборъ легко могъ бы достигнуть размѣровъ цѣлаго изслѣдованія, но считаю возможнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ возможно было бы объяснить появленіе или отсутствіе нимба вокругъ головы великаго князя Владиміра на штемпеляхъ отдѣльныхъ типовъ. Выше было уже указано, что I-й типъ сребренниковъ и златники являются наиболѣе близкими копіями съ современныхъ имъ византійскихъ монетъ, на которыхъ императоры изображены безъ нимбовъ; по этому и на этихъ русскихъ монетахъ Владиміръ изображенъ безъ вѣнчика. Рѣзчики II-го типа, грубой работы, хотѣли, можетъ быть, восполнить свою неумѣлость въ изображеніи великаго князя воспроизведеніемъ лишняго символа власти и царственнаго величія, тѣмъ болѣе, что, за отсутствіемъ лика Христа на ихъ монетахъ, фигура государя является уже главенствующею; но при этомъ вѣнчикъ вокругъ головы великаго князя несомнѣнно отличенъ отъ вѣнца Спасителя. Мы видѣли, что рѣзчики III-го типа, ища образца для изображенія трона или престола, остановились на воспроизведеніи того престола, на которомъ изображался сидящимъ Спаситель на византійскихъ монетахъ; возможно, что изготовители этихъ штемпелей боялись, заимствовавъ уже одну особенность отъ Христова изображенія, помѣстить еще и такой атрибутъ, который являлся не исключительнымъ символомъ царскаго величія, но также и символомъ святости, такъ что фигура государя могла легко, при неуклюжей техникѣ исполнителей, быть принята за изображеніе Спасителя, знакомое по византійскимъ монетамъ.

Ковачи IV-го типа не могли уже опасаться этого, а потому и вернулись къ изображенію нимба. Мнѣ печего указывать серьезнымъ изслѣдователямъ, насколько всякія предположенія и объясненія, подобныя вы-ставленнымъ мною, по необходимости шатки и неодинаково для всѣхъ убѣдительны, но привелъ ихъ лишь для того, чтобы указать лицамъ, требующимъ объясненія для всего, что кажется имъ на первый взглядъ совершенно непонятнымъ, что такія объясненія почти всегда возможны, хотя едва-ли, по моему убѣжденію, могутъ значительно подвинуть серьезное рѣшеніе вопросовъ. Думая, что фактъ изображенія однихъ и тѣхъ же, напримѣръ, византійскихъ императоровъ то съ нимбомъ, то безъ него вполне достаточенъ для того, чтобы признать тотъ-же фактъ на русскихъ монетахъ естественнымъ, я постарался уяснить, какъ я лично себѣ его объясняю, не придавая, впрочемъ, этому объясненію большей цѣны, чѣмъ оно заслуживаетъ.

Послѣднее, на что я хотѣлъ обратить еще вниманіе, касается надписей на нашихъ монетахъ. Какъ извѣстно, на большинствѣ нашихъ монетъ, на лицевой сторонѣ, вокругъ изображенія великаго князя читается надпись: **владимиръ** (или **стополькъ**) **на столѣ**. Надпись эта заслуживаетъ, по своей оригинальности, особаго вниманія. При разборѣ надписи лицевой стороны, бросается въ глаза, во-первыхъ, отсутствіе титула передъ именемъ великаго князя и, во-вторыхъ, выраженіе „на столѣ“, не имѣющаго аналогіи въ нумизматикѣ другихъ странъ. Какъ извѣстно, титулованіе играло важную роль въ Византіи, и на штемпеляхъ византійскихъ монетъ никогда не пропускались титулы: *dominus noster*, *βασιλεὺς*, *δεσπότης*, *αὐτοκράτορ*. На средневѣковыхъ монетахъ другихъ странъ почти всегда имя государя сопровождается титуломъ: *rex*, *dux*, *princeps* и т. п., на южнославянскихъ монетахъ постоянно встрѣчаемъ титулы: „царь, деспотъ, краль, *rex*, *banus*“. Наконецъ, на русскихъ монетахъ, начиная съ XIV вѣка, имена сопровождаются титуломъ: „великій князь, князь, а позже господарь, царь и великій князь“. Тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе та особенность описанныхъ мною древнѣйшихъ русскихъ монетъ, что на нихъ никакого титула не встрѣчается. Этотъ странный и характерный для нашихъ монетъ пропускъ объясняется, по моему мнѣнію, прибавкою къ имени словъ: „на столѣ“; это выраженіе — общеупотребительное въ нашихъ лѣтописяхъ и постоянно связывается съ понятіемъ о княжеской власти: выраженія „сѣде на столѣ“, „сѣде тамъ-то“, „сѣдитъ тотъ-то“, „посади гдѣ-нибудь“ равнозначащи понятіямъ: началъ княжить, княжить, былъ назначенъ кня-

земь ¹⁾. Такимъ образомъ, слова „на столѣ“, вычеканенныя на нашихъ монетахъ, равнозначуци понятію: тотъ, который княжить; слѣдовательно, надпись: „Владиміръ или Святополкъ на столѣ“ точно соотвѣтствуетъ словамъ: „Владиміръ или Святополкъ, который княжить“, подобно тому, какъ въ наше время употребительно выраженіе относительно государя: „нынѣ благополучно царствующій“; прибавлять тутъ къ имени титулъ „великій князь“ было бы тавтологіею, казавшеюся, повидимому, совершенно излишнею. Соотвѣтственно прямому смыслу надписи, какъ мною указано выше, великій князь на всѣхъ штемпеляхъ представленъ сидящимъ на престолѣ, или, вѣрнѣе, по тогдашней терминологіи, на столѣ.

Упомянутое выраженіе, въ связи съ изображеніями на монетахъ, несомнѣнно указываетъ на важное значеніе, придававшееся въ древней Руси княжескому престолу и этимъ значеніемъ, въ свою очередь, объясняется крупное отступленіе отъ византійскихъ прототиповъ, состоящее въ томъ, что на нашихъ монетахъ великій князь изображается сидящимъ, какъ на византійскихъ монетахъ изображался не императоръ, а Спаситель или Богородица ²⁾.

Этимъ я считаю возможнымъ пока ограничить свои дополненія къ первоначальному моему труду, и перехожу ко второй части настоящихъ замѣтокъ, посвященной разсмотрѣнію статей г. Чернева, старавшагося установить совершенно новую теорію относительно занимающаго насъ нумизматическаго матеріала.

Въ моемъ изслѣдованіи о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ великаго княжества Кіевскаго мною было выставлено четыре положенія, въ видѣ вывода изъ всего моего труда:

1) Что разобранныя мною монеты—русскія.

¹⁾ См. Первонач. лѣтоп.: подъ 970 г.: «Святославъ посади Ярополка въ Кіевѣ, а Олега въ Деревѣхъ»; подъ 980 г.: «Сѣде Володимиръ въ Новѣгородѣ»; подъ 1015 г.: «Святополкъ же сѣде Кіевѣ по отци своемъ»; «рѣша Борису дружина отня: се дружина у тебе отня и вои; поиди, сяди Кіевѣ на столѣ отни». «Святополкъ сѣдитъ Кіевѣ»; подъ 1016 г.: «Ярославъ сѣде Кіевѣ на столѣ отъни и дѣдни»; подъ 1024 г.: «Мѣстиславъ шедъ сѣде на столѣ Черниговѣ»; подъ 1025 г.: «и сѣдѣше Мѣстиславъ Черниговѣ, а Ярославъ Новѣгородѣ...»; подъ 1036 г.: «Иде Ярославъ Новугороду и посади сына своего Володимера Новѣгородѣ»; подъ 1044 г.: «Всеславъ, сынъ Брячиславъ, сѣде на столѣ его» и мн. др. мѣста.

²⁾ Въ подтвержденіе значенія престола въ древней Руси можно было бы привести извѣстіе Ибнъ Фодлана о томъ, что русскій князь сходилъ съ престола лишь для выѣздовъ и что даже тогда коня подводили къ самому трону (см. Гаркави: «Сказаніе мусульм. писателей о славянахъ и руссахъ», стр. 101), еслибъ можно было вполне полагаться на извѣстія арабскихъ писателей, часто смѣшивавшихъ извѣстія о самыхъ различныхъ личностяхъ и народахъ, и вообще склонныхъ къ риторическимъ преувеличеніямъ.

2) Что онѣ принадлежать кіевскимъ великимъ князьямъ: Владимиру святому, Святополку I и Ярославу Мудрому.

3) Что это—монетные знаки, а не медали; и

4) Что на нихъ замѣтно вліяніе византійскаго искусства, хотя онѣ чеканены, вѣроятно, русскими мастерами, кромѣ, можетъ быть, „Ярославлѣ сребра“.

Г. Черневъ призналъ 3 изъ этихъ положеній почему-то „блистательно“ доказанными мною, но относительно одного, именно 2-го, нашель, что оно *должно быть* подвергнуто строгой критической провѣркѣ. Къ сожалѣнію, г. Черневъ не объясняетъ, почему онъ считаетъ три положенія блистательно доказанными, но зато оказывается, что оспариваемое имъ положеніе, хотя и „невольнo подкупаетъ въ свою пользу своею стройностью и логичностью построенія“, въ сущности нигда не годится, ибо построено на предвзятомъ убѣжденіи, къ которому пригонялись затѣмъ факты. При этомъ, обращая вниманіе на мое категорическое заявленіе, что установленная мною классификація монетъ великаго княжества Кіевскаго есть *единственно возможная* въ настоящее время классификація, какъ построенная на положительныхъ (т.-е. провѣренныхъ и доказанныхъ) фактахъ, г. Черневъ докторально, но едва-ли убѣдительно, говоритъ, что „только имѣя въ рукахъ *весь* (курсивъ подлинн.) матеріаль, относящійся къ тому или другому научному вопросу, можно думать о безусловно вѣрныхъ выводахъ“. Установивъ такое крайне неудобное для изслѣдователей въ любой отрасли человѣческаго знанія положеніе, которымъ онъ, между прочимъ, лишаетъ почвы и свое собственное изслѣдованіе, такъ какъ вѣдь и у него въ рукахъ не былъ *весь* матеріаль, г. Черневъ упрекаетъ меня (и вмѣстѣ со мною и перваго классификатора нашихъ монетъ, Волошинскаго) въ слѣдующемъ:

а) Я не обратилъ вниманія на то, что Нѣжинскіе (т.-е. найденные въ кладѣ близъ г. Нѣжина) „сребренники“ *рѣзко* отличаются отъ другихъ родовъ монетъ, приписываемыхъ великому княжеству Кіевскому; б) при чтеніи надписей я вынужденъ былъ прибѣгать къ разнымъ опущеніямъ и дополненіямъ, чтобы читать на нихъ тѣ именно имена, какія были мнѣ нужны; в) я оставилъ въ сторонѣ (sic) то обстоятельство, что имена, прочтенныя мною на нѣжинскихъ „сребренникахъ“, вовсе не были исключительно свойственны великимъ князьямъ Кіевскимъ, а могли принадлежать другимъ современнымъ (кому или чему?) князьямъ; г) не обратилъ вниманія и на мѣсто находки нѣжинскаго клада, а это (sic) приводитъ къ интереснымъ выводамъ.

Каждый, прочитавшій статью г. Чернева, послѣ указанных мною строкъ долженъ былъ искать блестящаго опроверженія всей моей классификаціи, а въ крайнемъ случаѣ, тщательнаго со стороны г. Чернева старанія избѣгать погрѣшностей, въ которыхъ онъ меня упрекаетъ. Я, съ своей стороны, крайне былъ удивленъ тѣмъ, что онъ, однако, никакой новой классификаціи не предложилъ, придерживаясь, „ради практическаго удобства“, цѣликомъ моей классификаціи. Затѣмъ оставалось предположить, что, во-первыхъ, г. Черневъ нигдѣ не допустилъ погрѣшностей, подобныхъ тѣмъ, въ какихъ онъ меня упрекаетъ, и что, во-вторыхъ, такая безупречность его изслѣдованія привела къ важнымъ или, по крайней мѣрѣ, интереснымъ результатамъ. Между тѣмъ, къ сожалѣнію, ни того, ни другого сказать о статьѣ г. Чернева нельзя. Начиная съ разбора моего II-го типа Владиміровыхъ сребренниковъ, онъ еще старается относиться съ крайнимъ педантизмомъ къ надписямъ, довольно оригинально высчитывая относительно каждой буквы, сколько разъ она повторяется въ томъ или другомъ очертаніи и отдавая предпочтеніе тому изъ нихъ, которое чаще встрѣчается ¹⁾. Благодаря такому практичному способу чтенія, г. Черневъ получаетъ прелестную по *полной* бессмысленности надпись **крантрасрл ***, передъ которой самъ останавливается въ недоумѣніи, объявляя ее абсолютно необъяснимою. Къ несчастію для него, и къ счастью для моей классификаціи, г. Черневъ, однако, скоро отказывается отъ своего статистическаго метода возстановленія надписей и, великодушно „предоставляя разъясненіе“ II-го типа какому-то „счастливному случаю“ ²⁾, признаетъ, что надписи на III-мъ и IV-мъ типахъ прочтены мною вѣрно. Тутъ г. Черневъ уже позволяетъ себѣ совершенныя вольности, высказывая, на примѣръ, мнѣніе, что какое-то „оригинальное слово (о)лта, ожидающее своего разъясненія...“, найденное имъ на двухъ монетахъ IV-го типа, „представляетъ собою окончаніе слова (ст)олѣ и слѣдующее за нимъ а“. Но что было для меня еще неожиданнѣе всего предшествовавшаго—это объясненіе г. Чернева относительно монеты IV-го типа съ надписью на оборотной сторонѣ **свѣлатаго васнаа**. Относительно этого штемпеля я поступилъ въ свое время какъ

¹⁾ Такъ, шестая буква въ надписи лицевой стороны, по его увѣренію, на 8 экземплярахъ имѣетъ видъ М, а на 9—видна-де буква *m* въ разныхъ очертаніяхъ (*sic*), а по-сему «явствуетъ, что едва-ли не больше шансовъ принять ее за *m*».

²⁾ Счастливый случай, вѣроятно, рисуется въ воображеніи г. Чернева въ видѣ находки, положимъ, 16 экземпляровъ монетъ II-го типа, на девяти изъ коихъ, примѣрно, 6-я буква имѣла бы видъ М, а на семи *m*: тогда вопросъ до новаго «счастливаго случая» будетъ считаться рѣшеннымъ въ пользу буквы *m*.

разъ по рецепту г. Чернева, отказавшись объяснить значеніе нѣкоторыхъ буквъ. На этотъ разъ я оказался, по его мнѣнію, опять не правъ, такъ какъ надписи-де читаются ясно и объяснены вѣрно Д. И. Прозоровскимъ. Категорически утверждая, что надписи на этомъ штемпелѣ читаются:

на лиц. ст. * **владимирсере**,

а на об. ст. * **свѣтаго васила**го, г. Черневъ говоритъ, что „трудно найти болѣе простое и естественное объясненіе“, чѣмъ слѣдующее: **владимире**—форма, соотвѣтствующая-де слову **ярославле**, т.-е. прилагательное, производное отъ имени собственнаго Владиміръ (?), а буквы **сере**—суть начало слова серебро, конецъ коего перенесенъ на об. ст., такъ какъ знаки **рго**, помѣщенные *въ концѣ* надписи оборотной стороны, должны-де соотвѣтствовать буквамъ **бро**. Тутъ же г. Черневъ, находя прочитанную мною форму слова **свѣтаго** неправильною, признаетъ таковою, т.-е. правильною, слѣдуя объясненію Д. И. Прозоровскаго, форму **Свѣтаго**, на томъ основаніи, что слово серебро пишется черезъ ѣ послѣ с!!...

Я думаю, что сказаннаго достаточно, чтобы избавить меня отъ труда опровергать г. Чернева, тѣмъ болѣе, что отмѣченныхъ мною при чтеніи его изслѣдованія промаховъ и невѣрныхъ приѣмовъ оказалось столько, что мнѣ пришлось бы написать почти столько же, сколько и онъ самъ, еслибъ я хотѣлъ на нихъ указать и разобрать ихъ. Я не въ правѣ утруждать такимъ разборомъ читателя, но мнѣ кажется интереснымъ указать на то открытіе, которое побудило г. Чернева писать о предметѣ, далеко недостаточно имъ изученномъ до опубликованія его статьи. Открытіе это касается монетъ, приписанныхъ мною Ярославу Владиміровичу, I-го и II-го типа. Ради именно этого мнимаго открытія понадобилось и обвинить меня въ неправильныхъ приѣмахъ и заподозрить всю классификацію древнѣйшихъ русскихъ монетъ, и перерѣшавъ вопросы, уже рѣшенные. Поэтому я считаю долгомъ, хотя бы вкратцѣ, коснуться этого „открытія“ и дать ему должную оцѣнку.

На монетахъ Нѣжинскаго клада, приписанныхъ мною Ярославу, находятся надписи, о которыхъ я въ своемъ трудѣ сказалъ буквально слѣдующее: „мы также, какъ г. Волошинскій, думаемъ, что на монетахъ нѣсколько разъ повторено имя Георгія, но считаемъ преждевременнымъ систематическій разборъ надписей...“ и т. д. Г. Черневъ возражаетъ на это чрезвычайно рѣшительно и безапелляціонно: „по нашему мнѣнію, въ надписяхъ на сребренникахъ, приписываемыхъ Ярославу, нѣтъ никакой возможности прочесть имя Георгія безъ силь-

ныхъ натяжекъ, да и нѣтъ въ томъ необходимости, ибо на нихъ легко и ясно читается другое имя—Петръ“. На монетѣ I-го типа надписи:

Т Э
 € О
 ITQ II
 О €

С л прочтены мною гегі (гі слитно) ос повторенное дважды или— эти буквы налѣво, а направо: гер-гюс. Г. Черневъ, находя, что „гег-гюс“ является весьма странною формою общеизвѣстнаго и распространеннаго имени Георгій, и что для того, чтобы прочесть даже и эту исковерканную форму, гр. Толстому приходится дѣлать цѣлый рядъ натяжекъ, отнюдь не вызываемыхъ необходимостью“, предлагаетъ себѣ „попробовать прочесть эту надпись попроще“. Результатомъ этой попытки является чтеніе: петрос налѣво и петос—направо, т.-е. дважды повторенное имя Петръ по-гречески. Тутъ явилось для г. Чернева маленькое затрудненіе: удивляясь моей „исковерканной“ формѣ гергюс или гегюс, онъ самъ получилъ не менѣе оригинальную: петос! Чтобы выпутаться изъ затрудненія, г. Черневъ довольно-таки произвольно говоритъ: „допуская, что третій знакъ (съ правой стороны) есть вязъ т*р (а на это нужно не больше натяжки, чѣмъ видѣть въ ней вязъ г*і¹), мы прямо получаемъ то же имя петрос“. Но что скажетъ читатель, если узнаетъ, что „цѣлый рядъ натяжекъ“, который, по увѣренію г. Чернева, пришлось мнѣ „дѣлать“, заключается именно въ томъ, что я принялъ третій знакъ за вязъ или монограмму г*і¹? Если г. Черневъ признавалъ такую „натяжку“ допустимою для себя, а слѣдовательно и для меня, то весь центръ тяжести для рѣшенія вопроса заключается въ уразумѣніи истиннаго смысла первой буквы Т: есть-ли это П или перевернутое Г? Если эта буква—П, то надпись слѣдуетъ читать петрос или петос, если—Г, то гергюс или гегюс. Для рѣшенія вопроса о значеніи надписи лицевой стороны, я принялъ въ соображеніе надпись оборотной. Хотя она плохо сохранилась, но вполне отчетливо видна первая ея часть: О

Г
 €
 О

Р, относительно второй можно лишь догадываться, что она состояла изъ буквъ гюс (изъ нихъ отчетливо видна лишь буква о). Г. Чер-

¹) Знакъ этотъ вполне тождественъ въ обѣихъ надписяхъ (правой и лѣвой) этой стороны монеты.

неву такое чтеніе показалось, понятно, крайне невыгоднымъ для его открытія и вотъ какъ онъ старается побѣдить встрѣченное препятствіе: „отказываясь—говорить онъ—отъ истолкованія надписей на оборотной сторонѣ, отъ которыхъ уцѣлѣло лишь: слѣва $\begin{smallmatrix} \text{о} \\ \text{п} \end{smallmatrix}$, справа $\begin{smallmatrix} * \\ \text{о} \end{smallmatrix}$, мы находимъ, что въ настоящее время истолкованіе это, на основаніи единственной, дошедшей до насъ, монеты этого типа, является совершенно невозможнымъ“. Не имѣя лично никакого желанія препираться относительно того, что возможно или невозможно рѣшать на основаніи единственного экземпляра, замѣчу только, что первая буква на лицевой сторонѣ Γ есть перевернутое г, а не п или какая-либо другая буква, какъ бы затѣмъ остальную часть надписи ни читали. Поэтому пока я не вижу *никакой* нужды отступать отъ первоначально установленнаго мною чтенія.

Относительно II-го типа г. Черневъ не отступилъ отъ своихъ любимыхъ пріемовъ. Я нашелъ возможнымъ, хотя и не безъ оговорокъ, прочесть надпись:

	*
і	г
г	э
п	ѳ
р	q такъ:

І	Г
Г	Е
И	ѳ

Б Р = Георгіи, признавая это

за искаженіе имени Георгій; г. Черневъ читалъ буквы нѣсколько иначе и говоритъ: „такимъ образомъ, вся надпись получаетъ видъ **пѣтар** или **пѣтр**, т.-е. нѣчто весьма близко подходящее къ **петрос...**“ „Лѣвая надпись читается сверху внизъ, а не наоборотъ, и заключаетъ въ себѣ слово **итр**, смыслъ котораго для насъ не вполне (?) ясенъ. Гр. Толстой читаетъ эту надпись не **итр**, а принимая по обыкновенію (?) **т** за **г**—**игр**. Слово, полученное гр. Толстымъ, очень близко подходитъ къ имени „Игорь“ и, можетъ быть, и заключаетъ въ себѣ это имя въ древней его формѣ (?), не совсѣмъ правильно (?) вырѣзанное“. Заключение г. Чернева относительно этихъ монетъ состоитъ въ томъ, что „ни на одной монетѣ, изъ числа приписываемыхъ Ярославу Мудрому, мы не можемъ, не искажая надписей, прочесть что-либо, похожее на Георгій или Юрій. Но за то на нихъ ясно и естественно (?) читается имя **Петръ** въ греческой или древне-русской (?) формѣ“. Такою *древне-русскою* формою имени **Петръ** г. Черневъ почему-то считаетъ форму „Петрь“ или

„Петарь“! Рѣшительно отказываясь возражать здѣсь, по понятнымъ причинамъ, г. Черневъ, считаю лишь нужнымъ указать относительно этихъ монетъ на сказанное мною въ моемъ первоначальномъ трудѣ— „думаемъ, что на монетахъ нѣсколько разъ повторено искаженное имя Георгія, но считаемъ преждевременнымъ систематическій разборъ надписей: для этого нужно большее количество удовлетворительныхъ экземпляровъ...“ (стр. 60). Сдѣлавъ свое „открытіе“ и надлежащимъ образомъ утвердившись въ мысли о несомнѣнности его, г. Черневъ не остановился на полпути и сталъ искать, кому бы приурочить новоявленные „Петровскія“ монеты. Тутъ явилось серьезное затрудненіе въ видѣ точно опредѣленнаго мною, а также и другими нумизматами, времени, къ которому должны быть отнесены монеты: русскіе великіе князья начала XI вѣка хорошо намъ извѣстны по именамъ, между которыми имени Петра не встрѣчается. Чтобы выйти изъ затрудненія, г. Черневъ поступаетъ удивительно просто: во-первыхъ, онъ самоувѣренно отрицаетъ значеніе кладовъ при опредѣленіи времени чеканки неизвѣстныхъ дотолѣ монетъ, входящихъ въ ихъ составъ; во-вторыхъ, столь-же самоувѣренно рѣшаетъ, что выводы можно дѣлать изъ „подробнаго изслѣдованія мѣста находки“ кладовъ, вспомнивъ о томъ обстоятельстве, что самый большой кладъ нашихъ монетъ найденъ не въ самомъ Кіевѣ. Найдя затѣмъ въ лѣтописи извѣстіе о черниговскомъ городкѣ Унѣнѣжѣ или Уневѣжѣ, разрушенномъ въ 1147 г., мѣстоположеніе котораго хотя достоверно и неизвѣстно, но который можетъ быть сближенъ съ позднѣйшимъ Нѣжиномъ, конечно, г. Черневъ находитъ, что „всѣ обстоятельства какъ-то невольно (?) складываются въ пользу предположенія...“, что „нѣжинскій кладъ зарытъ въ землю въ грозную и тяжелую для Давыдовичей годину...“ Нѣсколькими строками ниже „является новое предположеніе — не имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ монетами князей Черниговскихъ XI—XII вв.“ и заключеніе: „если-де мы сопоставимъ теперь это предположеніе (о за- копкѣ клада во время разрушенія Унѣнѣжа) съ тѣмъ фактомъ, что большинство (?) монетъ въ нѣжинскомъ кладѣ носятъ имя Владиміра и что Черниговскимъ княземъ во время разрушенія Унѣнѣжа (въ 1147 г.) былъ Владиміръ Давыдовичъ, то въ нашихъ глазахъ предположеніе о томъ, что мы въ лицѣ нѣжинскихъ „сребренниковъ“ имѣемъ дѣло съ монетами князей Черниговскихъ, пріобрѣтаетъ силу увѣренности!..“ Вотъ какъ просто разрѣшается все дѣло! Г. Черневъ нашелъ, что добрая половина монетъ неопредѣлима по надписямъ; если согласиться со мною, что онѣ относятся къ X и началу XI вѣка, то пришлось бы со мною-же признать, что на нихъ стоятъ искаженные имена Владиміра Святого, Свя-

тополка, и, вѣроятно, Ярослав—Георгія, такъ какъ другихъ именъ въ русской исторіи этого времени нельзя и приурочить къ монетамъ. Отнеся ихъ къ XII в. (почему же не къ XIII или XIV?) и приурочивъ къ Черниговскому княжеству, открывалась возможность: во-1-хъ, объявить, что „прочія (кромѣ Владиміровыхъ) монеты нѣжинскаго клада принадлежатъ предшественникамъ Владиміра Давыдовича, по какія кому именно—можно будетъ сказать лишь тогда, когда будутъ правильно прочтены и объяснены находящіяся на нихъ надписи...“, и, во-вторыхъ, что „имя Петръ, читающееся (?) на монетахъ... есть, очевидно (!), христіанское имя князя, чеканившаго эти сребренники, но каково было его свѣтское, мірское имя—мы не можемъ указать даже съ приблизительною (?) степенью точности...“, благо относительно двойныхъ именъ Черниговскихъ князей намъ ничего неизвѣстно.

Думаю, что сказаннаго достаточно для того, чтобы дать понятіе о научныхъ приемахъ г. Чернева, съ одной стороны, а съ другой—для того, чтобы избавить меня отъ неблагодарнаго труда дальнѣйшаго разбора его теорій, которымъ онъ пытается дать дальнѣйшее, болѣе оригинальное, чѣмъ научное, развитіе въ издаваемомъ имъ совмѣстно съ г. Леопардовымъ сборникѣ. Могу лишь здѣсь заявить печатно, что, допуская, конечно, возможность всяческихъ съ моей стороны ошибокъ при разработкѣ вопроса о монетахъ, признаваемыхъ мною древнѣйшими русскими чеканными знаками, я рѣшительно не согласенъ ни съ однимъ предположеніемъ г. Чернева, такъ какъ онъ стоитъ, очевидно, на абсолютно невѣрномъ пути, отъ слѣдованія по которому считаю долгомъ предостеречь всякаго, желающаго заняться разработкою нумизматическихъ вопросовъ: по его методу, можно вывести все, что угодно и какъ угодно.

Со времени выхода въ свѣтъ моей книги „О древнѣйшихъ русскихъ монетахъ вел. кн. Кіевскаго“ мною приобрѣтено нѣсколько интересныхъ экземпляровъ, опубликованіе которыхъ я считаю своевременнымъ. Пользуясь случаемъ, присоединяю къ нимъ нѣсколько уже изданныхъ, въ виду того, что имѣю возможность представить ихъ здѣсь въ лучшихъ снимкахъ, а также и три, хотя не принадлежащихъ мнѣ, но неизданныхъ и любопытныхъ экземпляра.

Златники Владиміра Святого.

1. *Лиц. ст.* Изображеніе великаго князя впрямь, во весь ростъ; на головѣ царскій вѣнецъ съ „препендуліями“, въ правой рукѣ жезлъ съ крестомъ; надъ лѣвымъ плечомъ родовой знакъ. Круговая надпись начинается, отъ зрителя, налѣво внизу (какъ обыкновенно на всѣхъ вообще монетахъ), но буквы повернуты основаніемъ не къ фигурѣ, но къ ободку; такимъ образомъ, она читается не слѣва направо, а наоборотъ:

ΔΑΟΥΒΝΣ ΠΗΜΑΔΣ

Об. ст. Погрудное изображеніе Христа съ Евангеліемъ въ лѣвой рукѣ и въ кресчатомъ нимбѣ. Круговая надпись, расположенная такъ-же, какъ и надпись лицевой стороны:

ΣΘΝΤΩΝΔΧ ΓΥΚΥΤ

Вѣсъ 93 доли (= Gr. 4,13).

Экземпляръ находится въ собраніи Е. И. Выс. вел. кн. Георгія Михайловича.

Изобр. на т. XII, подъ № 1—2.

2. *Лиц. ст.* Подобна предыдущей. Надпись:

ΔΑΟΥΒΝΙ ΣΠΗΜΑΒΣ

Об. ст. Подобна предыдущей. Надпись:

✠ΣΘΝΤΩΝΔΧ ΓΥΚΥΤ

Вѣсъ 1 зол. 3 доли (= Gr. 4,4).

Экземпляръ находится въ моемъ собраніи. Приобрѣтенъ покупкою въ г. Одессѣ.

Изобр. на т. XII, подъ № 3—4.

Изъ четырехъ варіантовъ золотыхъ монетъ, описанныхъ мною въ 1882 г., на трехъ имя великаго князя искажено: на одномъ стоитъ **вдамнр**× на **сто**дъ, или, можетъ быть, вѣрнѣе: **вдмнр**× на **сто**ль; на другомъ стоитъ: **вламнр**ъ на **сто**ль; на третьемъ варіантѣ имя стерлось, но судя по разстоянію между сохранившимися буквами **в** и **м**, въ имени несомнѣнно пропущены были буквы; на четвертомъ варіантѣ надпись **вланнмнр а се є з**лто; если принять первое **н** за искаженное **д**, то на этомъ варіантѣ оказывается пропущенною въ имени лишь одна буква—конечное **ъ**. На описанномъ здѣсь подъ № 3—4 экземплярѣ имя имѣетъ

такую форму: *Вдмиръ* или *Влмиръ*, т.-е. пропущены въ первой части имени три буквы (вмѣсто Влади—Вд или Вл).

На оборотной сторонѣ надписи соотвѣтствуютъ находящейся на описанной въ моемъ трудѣ подъ № 1 монетѣ: *Ісусъ Христисъ* (*и* вмѣсто *о*).

Сребренники Владиміра Святого, I-го типа.

3. *Лиц. ст.* Подобна лицевой ст. златника. Круговая надпись:

ВЛАДИМИРЪ НАСТОУѢ

Об. ст. Подобна оборотной сторонѣ золотыхъ. Надпись:

+ТС С С РНСТЪ

Вѣсъ 74 доли (= Gr. 3,29).

Экземпляръ въ моемъ собраніи. Изъ кіевского клада 1876 г.

Изобр. на т. XII, подъ № 5—6.

4. *Лиц. ст.* Подобна предъидущ. Надпись:

НИМНЪ НАСТОУѢ

Об. ст. Подобна предъидущ. Надпись:

ХРНСТС

Вѣсъ 63 доли (= Gr. 2,8), плохой сохранности.

Экземпляръ въ моемъ собраніи. Изъ кіевского клада 1876 г.

Изобр. на т. XII, подъ № 7—8.

5. *Лиц. ст.* Подобна предъидущимъ. Надпись:

ВЛАДИМИРЪ ДНРС

Об. ст. Подобна предъидущ. Надпись:

ХРНСТС

Вѣсъ 55 долей (= Gr. 2,45), обломанъ.

Экземпляръ въ моемъ собраніи. Изъ кіевского клада 1876 г.

Изобр. на т. XII, подъ № 9—10.

6. *Лиц. ст.* Подобна предъидущимъ, но болѣе энергичной работы.

Надпись:

*ΒΛΠΔΗΜΗ Ρ ΔΗΨΤΟΝΘ

Об. ст. Подобна предъидущимъ, но ликъ Спасителя грубѣе. Надпись:

·C·Y·D·X VII(T)(D

Вѣсъ 62 доли (= Gr. 2,75), обломанъ, но хорошей сохранности.

Экземпляръ въ моемъ собраніи. Изъ кіевскаго клада 1876 г.

Изобр. на т. XII, подъ № 11—12.

7. Лиц. ст. Подобна предъидущимъ. Надпись:

* ԵՂԵՆԱԿ ԿԵԼՈՒՆ

Об. ст. Ликъ Спасителя, по бокамъ буквы $\overline{\text{ic}}$ $\overline{\text{xc}}$.

Экземпляръ въ собраніи Леопардова. Изъ кіевскаго клада 1876 г.

Изобр. на т. XII, подъ № 13—14.

8. *Лиц. ст.* Подобна предъидущимъ. Надпись, начинается, отъ зрителя, справа внизу, причемъ всѣ буквы повернуты основаніемъ къ ободку монеты:

БЛАДНМНРЪ ДС ЕЕРО

Об. ст. Изображеніе Спасителя; по сторонамъ $\overline{\text{нс}}$ $\overline{\text{хс}}$.

Вѣсъ 72 доли (= Gr. 3,2).

Экземпляръ въ моемъ собраніи. Изъ кіевскаго клада 1876 г.

Изобр. на т. XII, подъ № 15—16.

9. *Лич. ст.* Подобна предъидущей. Надпись начинается тоже справа
внизу:

ВЪДАННИ Д. СЕЕЦО

Об. ст. Подобна предъидущей.

Вѣсъ 49 долей (= Gr. 2,18).

Экземпляръ въ моемъ собраніи. Изъ кіевскаго клада 1876 г.

Изобр. на т. XII, подъ № 17—18.

10. *Лич. ст.* Подобна предъидущимъ. Надпись начинается справа, но большинство буквъ повернуто основаніемъ къ центру штемпеля. Такимъ образомъ, она имѣетъ слѣдующій видъ:

0330 P PH MHA4B

Об. ст. Подобна предъидущимъ.

Вѣсъ 71 доля (= Gr. 3,15).

Экземпляръ въ моемъ собраніи. Изъ кіевскаго клада 1876 г.

Изобр. на т. XII, подъ № 19—20.

Большинство сребренниковъ Владиміра Святого I-го типа происходитъ изъ значительнаго клада, найденнаго въ Кіевѣ. Ко времени изданія моей книги о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ ихъ было извѣстно до 17 экземпляровъ, происходящихъ изъ кіевского клада. По сообщеннымъ мнѣ тогда свѣдѣніямъ, находка была сдѣлана въ 1877 году. Ныпѣ г. Черневъ установилъ точнѣе годъ находки: по его словамъ, она относится къ 1876 году и монетъ въ кладѣ было, будто, до 120 экземпляровъ; изъ списка, составленнаго имъ же, слѣдуетъ вывести, что навѣрно сохранилось изъ нихъ до 55 экземпляровъ, теперешнее мѣсто нахождения которыхъ извѣстно. Кромѣ сребренниковъ I-го типа, найденныхъ въ Кіевѣ въ 1876 г., извѣстны пока еще слѣдующіе экземпляры:

1) Одна монета, находившаяся въ собраніи графа С. Г. Строгонова съ 1860 г., мѣсто находки которой неизвѣстно.

2) Четыре экземпляра, найденные гр. А. С. Уваровымъ при раскопкѣ кургановъ въ Быковскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи, вмѣстѣ съ куфической монетой (куфич. монеты обращались въ Россіи, какъ извѣстно, только до XI в., къ каковому времени притокъ ихъ прекратился), бронзовыми серьгами, стекляннымъ браслетомъ и т. д.

3) Кусочекъ монеты, найденный въ кладѣ, отрытомъ въ Псковской губ., близъ дер. Молоди и разобраннымъ Ю. Б. Иверсеномъ въ 1880 г. Значительнѣйшую часть клада составляли восточныя монеты X вѣка. Западныхъ монетъ не было ни одной цѣлой, но ломанныхъ и разрѣзанныхъ было много; главную ихъ часть составляли англо-саксонскія монеты Этельреда (978—1016 г.), но не было ни одной его преемника Канута. Изъ нѣмецкихъ—преимущественно обломки монетъ Оттона III (983—1002 г.), обломковъ монеты Болеслава Чешскаго (967—999 г.), обломки византійскихъ монетъ Іоанна Цимисхія (969—976 г.) и зятевей Владиміра—Василія и Константина. Во всемъ кладѣ не было найдено ни одной монеты, которую можно было бы отнести ко времени болѣе позднему, чѣмъ первая четверть XI в. Отсутствіе монетъ Канута дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что кладъ зарытъ не позже 1016—17 г.

Благодаря двумъ послѣднимъ находкамъ, является возможность опредѣлить приблизительное время чеканки монетъ I-го типа: судя по монетамъ, найденнымъ вмѣстѣ съ ними, и по условіямъ ихъ нахождения, онѣ должны быть отнесены ко времени не позже начала XI в. и не ранѣе X в. Въ моемъ собраніи находится замѣчательный экземпляръ, описанный въ моемъ трудѣ подъ № 38, монеты I-го типа, на которомъ отчеканены штемпеля II-го типа. Этотъ экземпляръ ясно доказываетъ, что сребренники I-го типа старше монетъ II-го типа, а такъ какъ по другому пе-

речеканенному экземпляру установленъ фактъ старшинства II-го типа передъ III-мъ, то I типъ слѣдуетъ считать, во всякомъ случаѣ, старше и этого типа. Въ свою очередь время чеканки II-го и III-го типовъ несомнѣнно относится къ началу XI в., какъ это удалось опредѣлить по другимъкладамъ, о чемъ будетъ сказано ниже. Г. Черневъ утверждаетъ, что видѣлъ на нѣсколькихъ экземплярахъ монетъ I-го типа слѣды перечеканки ¹⁾, но не указалъ опредѣленно, гдѣ именно онъ ихъ нашелъ, почему его увѣреніе и не поддается пока провѣркѣ. Въ моемъ значительномъ собраніи такихъ экземпляровъ (за исключеніемъ указаннаго выше) нѣтъ.

Изображенія на монетахъ I-го типа, конечно, однородны между собою, почему эти монеты и соединены мною въ одну группу, одинъ типъ; надписи на нихъ, напротивъ, разнообразны. На лицевой сторонѣ встрѣчаемся прежде всего съ надписью: **владимиръ на столѣ**. Въ ней бываютъ иногда ошибки или, вѣрнѣе, пропуски буквъ: такъ, на описанномъ мною выше подъ № 7—8 штемпелѣ пропущено въ имени второе **н**, на штемпелѣ, описанномъ подъ № 13—14, пропущено въ имени конечное **ѣ** и въ концѣ слова **столѣ** буква **ѣ** ошибочно замѣнена **ѣ**. Кромѣ указанной надписи находимъ на лицевой сторонѣ I-го типа и другую: **владимиръ а се его сребро**. Эта надпись встрѣчается въ неискаженномъ видѣ рѣдко: на большинствѣ извѣстныхъ штемпелей она бываетъ обыкновенно сильно искажена, особенно во второй части. Какъ на примѣръ искаженія имени великаго князя укажу на описанный здѣсь подъ № 19—20 штемпель, на которомъ оно имѣетъ слѣдующую форму: **вднмвр**. Вторая часть надписи, вмѣсто **а се его сребро** является въ такихъ видахъ: **ѣ се его с**, **а се его**, **а се ѣо с**.

Надписи оборотной стороны можно раздѣлить тоже на двѣ группы: первую составляютъ круговыя съ начертаніемъ полного имени Иисуса Христа, вторую—представляющія обычное сокращеніе этого имени изъ четырехъ буквъ. Полная надпись встрѣчается на тѣхъ экземплярахъ, гдѣ на лиц. ст. читаемъ **владимиръ на столѣ**. Первая часть имени Спасителя является въ слѣдующихъ формахъ: **ісусъ**, **нсусъ**, **ісѣ**; вторая: **христосъ**, **христисъ**, **христѣ** и, кажется, **хрѣстосъ**.

Сокращенная надпись встрѣчается въ двухъ видахъ: **іс хс** и **іс хс**.

Какъ было выше указано, г. Черневъ относительно экземпляровъ съ сокращенною надписью на оборотѣ утверждаетъ, что „на всѣхъ мало-

¹⁾ Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ Кіевѣ въ частныхъ рукахъ, вып. 3 и 4 (Кіевъ, 1891), стр. 11.

13. Подобн. предъидущимъ. Круговыя надписи:
Лиц. ст.

А Н "МРКСМ

Об. ст.

КСЕЕ Р

Вѣсъ 58 долей (= Gr. 2,58).

Экземпляръ въ моемъ собраніи. Изъ нѣжинскаго клада.

Изображ. на т. XIII, подъ № 3—4.

Второй типъ сребренниковъ Владиміра принадлежитъ къ разряду тѣхъ, многочисленныхъ вообще въ нумизматикѣ, монетъ, которыя не сразу нашли свое настоящее мѣсто. Первый описатель нѣжинскаго клада (т.-е. клада, открытаго въ 1856 г. близъ г. Нѣжина), Волошинскій отнесъ ихъ къ Ярославу; я доказалъ, какъ мнѣ казалось и кажется до сихъ поръ, ихъ принадлежность Владиміру; въ послѣднее время г. Черневъ, не соглашаясь ни со мною, ни съ Волошинскимъ, объявилъ ихъ неопредѣленными, отказываясь объяснить значеніе находящихся на нихъ надписей. Типичнымъ представителемъ этого разряда монетъ является экземпляръ, находящійся въ моемъ собраніи и изображенный на т. XII, подъ № 21—22. Надпись на лиц. ст. заключаетъ въ себѣ слѣдующія буквы: ВРА Н НМРКСМ*, а надпись оборотной—

КСЕЕП КСР ✕ ВР○

Относительно надписи лицевой стороны слѣдуетъ замѣтить, что обѣ буквы **н** по сторонамъ головы князя встрѣчаются не на всѣхъ штемпеляхъ этого типа, хотя на большинствѣ лучшихъ онѣ существуютъ. Поэтому, я въ своемъ первоначальномъ трудѣ писалъ (стр. 29): „не нужно особенной смѣлости, чтобъ предположить, что **вдннмр**, или, откинувъ даже оба **н**, подобно Волошинскому, **вдмр** есть ничто иное, какъ сокращеніе имени **в(л)аднмр(ъ)**“. Это тѣмъ возможнѣе, что на золотыхъ монетахъ мы встрѣтились съ формами **вдмнръ** и **вдмнръ**, на монетѣ I-го типа: **вднмнр** и, какъ мы увидимъ ниже, на монетѣ III-го типа: **вднмнръ**. Вторую часть надписи: **асрл (+)** нѣсколько труднѣе объяснить. Обращаясь за аналогіями къ надписямъ лиц. ст. другихъ типовъ, мы находимъ въ нихъ двѣ категоріи: 1) **владнмнръ а се его сребро**, на всѣхъ пока извѣстныхъ штемпеляхъ I-го типа) постоянно въ сокращенномъ или иска-

женномъ видѣ: **є сє єго с, а сє єго, а сє єос.** 2) **владимиръ на столѣ** (на большинствѣ монетъ).

Еслибъ надпись на монетахъ разбираемаго типа была искаженіемъ первой, можно бы было объяснить ее слѣдующимъ образомъ: отнести букву **а** къ первой части надписи, къ слову **в(л)адимир** и опустить букву **л**, предполагая, что она лишняя; тогда получимъ: **ваднимра ср**, т. е. **в(л)аднимра ср(єбро)**. Не говоря о странности такого оборота (вм. Владимирово сребро), если даже считать его возможнымъ, все-таки покажется непонятнымъ повтореніе на об. ст. — „а сє єго сребро“. Поэтому единственно вѣрнымъ объясненіемъ надписи мнѣ кажется слѣдующее: я думаю, что передъ буквою **а** пропущено **н**, а **р** ошибочно изображено вмѣсто **т**; тогда вторая часть надписи будетъ читаться: **настл(+)**. Крестикъ, помѣщенный на нѣкоторыхъ экземплярахъ въ концѣ надписи, можетъ быть, замѣняетъ собою букву **ъ**, какъ на об. ст. такой же крестикъ замѣняетъ букву **є**: **а сє єга ср+вро**.

Я намѣренно повторилъ здѣсь почти дословно то, что писалъ болѣе 10 лѣтъ тому назадъ (Древн. русск. монеты, стр. 29—30), не видя пока ни малѣйшей для себя причины отступить отъ тогдашнихъ моихъ выводовъ относительно монетъ II-го типа, несмотря на нападки г. Чернева. Къ сказанному добавлю, что на монетахъ IV-го типа встрѣчаются формы **н**, **нас**, **наст**, замѣняющія слова **на столѣ**, и на монетахъ Святополка эти слова почти постоянно имѣютъ такой видъ: **ні стол+**.

Время чеканки монетъ II-го типа опредѣляется находками. Большинство этихъ монетъ происходитъ изъ знаменитаго нѣжинскаго клада 1856 г., о полномъ составѣ котораго у насъ точныхъ свѣдѣній нѣтъ. Но, кромѣ того, отдѣльные экземпляры монетъ II-го типа были найдены и въ другихъ кладахъ:

1) Экземпляръ, находившійся въ кладѣ, отрытомъ въ Польшѣ близъ Ленчицы въ 40-хъ годахъ и состоявшемъ изъ монетъ X и XI ст.

2) Экземпляръ, найденный въ кладѣ, отрытомъ въ 1858 г. близъ города Шваана (слав. Живанъ) въ Мекленбургъ-Шверинѣ. Этотъ кладъ, описанный извѣстными нумизматами Лишемъ и Машемъ, состоялъ изъ монетъ X и XI в. Издатели описанія клада опредѣлили время заковки клада до 1030 г. Лишь былъ настолько увѣренъ въ этомъ, что на запросъ А. А. Куника писалъ ему: „Шваанскій кладъ не можетъ быть позднѣе 1030 г., или же должна рушиться нумизматика, какъ она до сего времени выработалась“.

Кромѣ этихъ двухъ находокъ, относящихся время чеканки II-го типа къ концу X или началу XI в., время это косвенно опредѣляется пере-

чеканеннымъ экземпляромъ (№ 56 въ моемъ трудѣ), т.-е. такимъ, гдѣ штемпеля III-го типа нанесены на монету II-го типа; третій же типъ, какъ будетъ указано ниже, тоже долженъ быть относимъ къ X—XI вѣку.

Рядъ фактовъ, другъ друга взаимно подтверждающихъ, не можетъ оставлять никакого сомнѣнія относительно принадлежности монетъ II-го типа Владиміру Святому, какъ бы ни была на нихъ искажена надпись, заключающая въ себѣ имя государя. Какъ бы кто ни относился къ моему способу чтенія ея, одно то обстоятельство, что она начинается съ буквы **в**, начальной буквы имени Владиміра, должно почитаться достаточнымъ для того, чтобы предположить присутствіе этого имени на монетѣ, въ искаженномъ-ли видѣ, какъ это предполагаю я, или въ сокращеніи, если кому-либо это удастся доказать, какъ это встрѣчается на многихъ средне-вѣковыхъ монетахъ, на нѣкоторыхъ изъ которыхъ имя государя обозначалось одною начальною буквой ¹⁾.

Сребренники Владиміра Святого, III-го типа.

14. *Лиц. ст.* Изображеніе великаго князя, сидящаго на престолѣ съ высокою спинкою и держащаго обѣими руками длинный крестъ, наклоненный на правое плечо. Круговая надпись:

ВІАНМН

¹⁾ Г. Черневъ не согласенъ ни съ моимъ способомъ чтенія, ни съ моимъ опредѣленіемъ, но не приводитъ никакихъ фактовъ, могущихъ поколебать силу приведенныхъ мною. Надписи на II типѣ онъ, какъ и я, признаетъ искаженіемъ какой-то правильной надписи, возстановить которую онъ не берется. Противъ такой осторожности возражать я не буду, но считаю нужнымъ обратить вниманіе на абсолютную невѣрность пріема его, когда онъ, сравнивая между собою разночтенія искаженной, по его же признанію, надписи, для полученія сводной надписи придаетъ значеніе тому обстоятельству, насколько часто повторяется въ данномъ мѣстѣ какая-либо буква въ опредѣленномъ очертаніи. Разъ мы, дѣйствительно, имѣемъ дѣло съ искаженной надписью—мы никакъ не можемъ заключать, что какая-либо форма, хотя бы и часто повторяющаяся, есть именно правильная форма, а не настойчиво повторяющееся искаженіе. Хотя бы ошибка повторялась сто разъ — она все же останется ошибкою, не приближаясь къ истинѣ. Еслибъ такая часто повторяющаяся форма дала смыслъ надписи, то мы имѣемъ право ее принять за правильную, но когда она никакого смысла не даетъ, то строить на ней предположенія о нормальности этой формы невѣрно: еслибъ безграмотный человѣкъ, переписывая, скажемъ, слово «отецъ», двадцать разъ употребилъ форму: «атѣцъ» и лишь одинъ разъ «атецъ», то все же е во второмъ слогѣ будетъ правильно, а ѣ неправильно, и все же слово останется искаженнымъ, такъ какъ онъ невѣрно поставилъ букву а вм. о во всѣхъ случаяхъ.

Об. ст. Родовой знакъ. Круговая надпись:

4 (C C Г I O

Экземпляръ въ собраніи Нѣжинскаго лица изъ нѣжинскаго клада.

Изобр. на т. XIII, подъ № 5—6.

15. Лиц. ст. Подобна предъидущей, но фигура великаго князя менѣ пропорціональна (большая голова), по фактурѣ напоминающая собою скорѣе штемпеля золотыхъ монетъ и сребренниковъ I-го и II-го типовъ. Круговая надпись:

ВЛАДѢМІИРЪ НАСТАОЛѢ

Об. ст. Родовой знакъ. Круговая надпись:

4 C C E E Г O C P E B P O

Экземпляръ въ моемъ собраніи.

Вѣсъ 58 долей.

Изобр. на т. XIII, подъ № 7—8.

Монеты III-го типа отличаются вообще, за немногими исключеніями, правильностью и полнотою надписей: на лиц. ст. — **ВЛАДМІИРЪ НА СТОЛѢ**, на об. — **А СЕ ЕГО СРЕКРО**. Два описанныхъ выше и неизданныхъ доселѣ экземпляра, случайно, принадлежать именно къ числу такихъ исключеній. На первомъ изъ нихъ въ имени великаго князя пропущена буква **Л**, на второмъ въ концѣ слова **СТОЛѢ** ошибочно поставлено **Е** вмѣсто **Ѣ**. Кромѣ того, на штемпеляхъ оборотной стороны этого типа встрѣчается на нѣкоторыхъ извѣстныхъ экземплярахъ странная особенность, заключающаяся въ томъ, что передъ словомъ **СРЕКРО** вставлена совершенно излишняя буква **Л**: **А СЕ ЕГО Л СРЕКРО**. Наконецъ, въ одномъ штемпелѣ (Древн. русск. мон., стр. 36, № 66), на лиц. ст. надпись имѣетъ слѣдующій видъ: **ВЛДМІР НА СТОЛ**.

Сравнительная древность монетъ II-го типа была мною въ свое время опредѣлена по экземпляру моего собранія. Этотъ экземпляръ (№ 56) чеканенъ на сребренникѣ II-го типа, который, поэтому, долженъ быть признанъ предшествующимъ по времени изготовленія III-му. Абсолютная древность III-го типа опредѣляется кусочкомъ монеты этого типа, найденнымъ въ кладѣ, который мною описанъ въ т. III „Записокъ Имп. Русск. Арх. Общ.“. Въ 1886 г. въ Могилевской губ. найденъ кладъ, состоявшій изъ восточныхъ монетъ, частью ломанныхъ, самая поздняя изъ коихъ относилась къ 1014 г., и западно-европейскихъ, относившихся

ко времени отъ 970 до 1025 г.; вотъ въ этомъ кладѣ и найденъ обломокъ монеты III-го типа, который, судя по составу клада, указываетъ на принадлежность этого типа Владиміру Святому.

Сребренники Владиміра Святого, IV-го типа.

16. *Лиц. ст.* Изображеніе великаго князя на престолѣ. Круговая надпись:

ВЛАД Н МНГ ТН

Об. ст. Родовой знакъ. Круговая надпись:

СТОЛТІ СЕЕ ГОСГ ГГ

Экземпляръ изъ нѣжинскаго клада въ моемъ собраніи.

Вѣсъ 73 доли (= Gr. 3,24).

Изобр. на т. XIII, подъ № 9—10.

17. *Лиц. ст.* Изображеніе, подобное предъидущему. Круговая надпись:

*ВЛН МНГЕСГ

Об. ст. Родовой знакъ. Круговая надпись:

СЛАТІГО СІСНЛАГ С

Экземпляръ изъ нѣжинскаго клада въ моемъ собраніи.

Вѣсъ 78 долей (= Gr. 3,47).

Изобр. на т. XIII, № 11—12.

Монеты IV-го типа вообще лучше исполнены, чѣмъ остальные типы; надписи, вообще грамотно и тщательно начертанныя, отличаются тѣмъ, что представляютъ большое разнообразіе въ распредѣленіи частей ихъ на обѣихъ сторонахъ монеты: такъ, встрѣчаются слѣдующія: 1) *Владимиръ нас* (т.-е. на столѣ) | *а се его сребро*, 2) *Владимиръ на с* | *столъ а се его сребро*, 3) *Владимиръ на сто* | *лъ а се его сребро*, 4) *Владимиръ на столъ а се* | *его сребро* (?), 5) *Владимиръ н* | *а столъ а се его сребро*, 6) *Владимиръ на с* | *а столъ а се его сребро*, 7) *Владимиръ на* | *столъ а се его сребро*, 8) *Владимиръ на столъ* | *се его сребро*. Но самая замѣчательная изъ встрѣчающихся на монетахъ этого разряда надписей находится на штемпеляхъ, которыми чеканены два экземпляра, уже описанных мною, и третій, нынѣ описываемый подъ № 17; надпись эта гласитъ, на лиц. ст.: *Владимиресер* (или *е*), а на об.: *святаго василя* и нѣсколько неразборчивыхъ буквъ. Объяснять этихъ буквъ я не берусь, такъ какъ онѣ очень неразборчивы и имѣютъ мало опредѣленные очертанія. Съ

объясненіемъ уважаемаго Д. И. Прозоровскаго, которымъ почему-то остался очень доволенъ г. Черневъ, я согласиться не могу, такъ какъ оно заключаетъ въ себѣ три неправильности или странности: онъ предлагаетъ читать надпись такъ: „Владимире (принимая этотъ звательный падежъ за прилагательное, соотвѣтствующее прилагательной формѣ Ярославле) *сере*“, а на оборотной сторонѣ: „*бро* (начиная чтеніе надписи какъ разъ съ загадочныхъ и неясныхъ буквъ, хотя именно въ этомъ мѣстѣ труднѣе всего предполагать начало надписи) **свѣятаго* (принимая вторую букву за ѣ, что сомнительно, причемъ все же получается абсолютно неправильная форма слова) *Василя*. Не находя возможнымъ согласиться съ такимъ чтеніемъ, я воздержусь пока отъ подробнаго разбора надписи, находя наиболѣе существеннымъ въ ней фактъ присутствія на чеканенныхъ этими штемпелями монетахъ обоихъ именъ великаго князя: языческаго и христіанскаго, причемъ послѣднее отнесено не къ самому государю, а къ его святому патрону; поэтому слово „Свѣятаго“ не указываетъ на канонизацію Владиміра, каковая, конечно, могла произойти только послѣ его кончины, но присутствіе на одной сторонѣ монеты языческаго имени великаго князя, а на другой — имени его „Ангела“, представляетъ близкую аналогію съ тѣмъ фактомъ, что на „Ярославѣ сребрѣ“ встрѣчается надпись *о* (съ точкой посрединѣ, вмѣсто *о ѡγιος*) Γεωργιος рядомъ съ языческимъ именемъ государя — Ярославъ.

Ни перечеканенныхъ экземпляровъ IV-го типа, ни найденныхъ отдѣльно въ кладахъ съ другими монетами, иностранными, время которыхъ опредѣлено, въ наличности пока не оказывается. Что монеты этого типа относятся, однако, ни къ какому другому государю, какъ къ Владиміру Святому, можно считать доказаннымъ. Помимо соображеній, подчерпнутыхъ изъ фактовъ, приведенныхъ мною ниже при разсмотрѣніи типа нашихъ монетъ, слѣдуетъ принять во вниманіе, во-первыхъ, общее сходство монетъ этого типа съ тремя первыми, сходство, обнаруживаемое тождествомъ величины и металла, а также фактуры, во-вторыхъ — фактъ нахожденія ихъ въ нѣжинскомъ кладѣ совмѣстно съ монетами II-го и III-го типа, время чеканки которыхъ (въ X — XI в.) точно опредѣлено. Все это, вмѣстѣ взятое, дѣлаетъ вполне недопустимою мысль о томъ, чтобы монеты IV-го типа съ именемъ Владиміра могли быть чеканены Мономахомъ, княжившимъ лишь во второмъ десятилѣтіи XII ст., а тѣмъ менѣе еще позднѣйшими одноименными князьями.

Монеты Святополка.

18. *Лиц. ст.* Изображеніе великаго князя на престолѣ. Вокругъ надпись:

СТОПЛАПЪ N....

Об. ст. Родовой знакъ иной формы, чѣмъ на монетахъ Владиміра. Круговая надпись:

+ X€Г▬С€9Є□о○

Экземпляръ изъ нѣжинскаго клада въ моемъ собраніи.

Вѣсъ 62 доли (= Gr. 2,76).

Изобр. на т. XIII, подъ № 17—18.

19. *Лиц. ст.* Великій князь на престолѣ; надпись:

СГО▬NI(ГОΛ

Об. ст. Круговая надпись почти совершенно не видна.

Экземпляръ въ моемъ собраніи изъ нѣжинскаго клада.

Вѣсъ 51 доля (= Gr. 2,27).

Изобр. на т. XIII, подъ № 19—20.

Монеты Святополка не отличаются отъ монетъ Владиміра ни видомъ своимъ, ни фактурой. Главными отличительными чертами ихъ являются: форма родоваго знака и, конечно, надписи. Последнія, къ сожалѣнію, дешифрируются не безъ затрудненій. Наилучше исполненные штемпеля этого разряда монетъ, ближе всего по работѣ приближающіеся къ штемпелямъ IV-го типа Владиміра, послужили для изготовленія единственнаго экземпляра, доселѣ извѣстнаго, находящагося въ моемъ собраніи и изображеннаго на т. XIII, подъ № 13—14. Къ сожалѣнію, надпись лицевой стороны сохранилась весьма неудовлетворительно, какъ разъ въ той ея части, гдѣ должно находится имя великаго князя. Отъ этого имени навѣрно сохранилась конечная буква—ъ и, какъ мнѣ кажется, хотя очень неясно, еле замѣтно, двѣ первыя—ст, такъ что всю надпись лицевой стороны я возстановляю въ слѣдующемъ видѣ:

СТОПЗАКЪ NICTOΛ+

Наиболѣе, однако, типичнымъ представителемъ этого разряда монетъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, однимъ изъ лучшихъ экземпляровъ слѣдуетъ

признать другую монету, изображенную на т. XIII, подъ № 15—16. Здѣсь надпись лицевой стороны имѣетъ слѣдующій видъ:

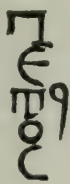
СТОПЛА СЛ NICTOЛ+

Вторая половина надписи, несмотря на очертанія буквы *a*, имѣющей видъ **!**, вполне понятна, и заключаетъ въ себѣ два слова, знакомыхъ намъ по монетамъ Владиміра: **на столъ**; слѣдовательно, первая половина надписи должна, по смыслу, заключать въ себѣ имя собственное государя. Изъ буквъ, составляющихъ это имя, ясны слѣдующія: **с** **оплъ** **ъ**: между **с** и **о** находится знакъ, настойчиво повторяемый на большинствѣ штемпелей этого разряда монетъ, а именно **⌒**, знакъ, не существующій въ славянскомъ алфавитѣ, и слѣдовательно представляющій собою какое-либо искаженіе. Имѣя полное право предполагать, что въ этомъ искаженіи сохранились хотя нѣкоторыя черты первоначальной, правильной формы, едва-ли возможно сблизить знакъ **⌒** съ чѣмъ-либо инымъ, какъ съ буквою **т** подъ титломъ: **т̑** или **т̑**. Что разсматриваемый знакъ не можетъ быть *ничѣмъ* инымъ, какъ искаженіемъ буквы **т** подъ титломъ, подтверждается тѣмъ, что начало надписи лишено было бы всякаго смысла, еслибъ мы захотѣли замѣнить эту букву какой-либо другою: перебравъ всѣ буквы славянской азбуки и вставивъ между буквами **с** и **о**, ясно видимыхъ на штемпеляхъ этого разряда, мы не получимъ начала ни одного русскаго имени собственного: одна буква **т** подъ титломъ, поставленная между этими двумя буквами, даетъ первую половину нѣсколькихъ славянскихъ именъ, начинающихся со слова *свят*—**сто**=*свѣто*, Святославъ, Святополкъ, Святогоръ... Слѣдующія за этими тремя буквами три другихъ **плъ** не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно начертаннаго на занимающихъ насъ штемпеляхъ имени, такъ такъ *Святоплъ*..., какъ бы ни было окончаніе искажено, не можетъ означать другого имени, какъ *Святополкъ*. Мнѣ кажется, нужно имѣть особое желаніе спорить, чтобы возбуждать сомнѣнія относительно правильности этого способа чтенія надписи, предложеннаго еще Волошинскимъ и подтвержденнаго мною. Сомнѣнія въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе неумѣстны, что нѣтъ ни одного факта, противорѣчащаго возможности признавать данный разрядъ сребренниковъ за монеты преемника Владиміра Святаго, и что существуетъ, напротивъ, рядъ данныхъ, указывающихъ на то, что монеты эти принадлежатъ ко времени княженія именно Святополка Владиміровича.

Монеты Ярослава.

Со времени изданія мною монографіи о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ, мнѣ не попадалось новыхъ экземпляровъ монетъ Ярослава Владиміровича. Для того, однако, чтобы придать настоящей статьѣ возможную полноту, я счелъ не лишнимъ помѣстить на прилагаемой таблицѣ фототипическое изображеніе двухъ монетъ, уже съ достаточной точностью изданныхъ мною. Кромѣ указаннаго общаго соображенія, мною руководила мысль о необходимости не оставлять безъ возраженія новое объясненіе этихъ монетъ г. Чернева, кажущееся мнѣ рѣшительно невѣрнымъ.

На II таблицѣ подъ № 11 изображена монета, единственный экземпляръ которой находится въ моемъ собраніи и которая, въ виду своихъ особенностей, выдѣлена мною въ особый типъ. Общій характеръ работы и изображеній какъ на этой монетѣ, происходящей изъ нѣжинскаго клада, такъ и монетъ слѣдующаго типа, образецъ которыхъ представленъ въ рис. 12, не отличается отъ характера остальныхъ монетъ, описанныхъ выше, хотя онѣ и имѣютъ совершенно иныя надписи. Ясно, поэтому, что для ближайшаго опредѣленія монетъ надписи эти имѣютъ главное значеніе, такъ какъ общность характера чекана указываетъ лишь на общность эпохи изготовленія всѣхъ монетъ нѣжинскаго клада. На первой изъ изображенныхъ монетъ надпись на лицевой сторонѣ имѣетъ слѣдующій видъ:

съ одной стороны человѣческой фигуры, и та же надпись по другую сторону фигуры, за исключеніемъ сомнительной буквы, имѣющей видъ перевернутаго р и начертанной съ боку всей надписи, сомнительной въ томъ отношеніи, что она можетъ быть принята столько же за букву, сколько за ручку кресла, на которомъ сидитъ фигура. Мною было принято слѣдующее объясненіе надписи: 1-ю букву я принялъ за перевернутое г, 2-я—ясное €, 3-я составлена изъ двухъ буквъ—г и і, 4-я—о и 5-я—с; всю надпись я читалъ такъ: **гегіос** или **гергіос** вмѣсто **ге(ѡр)гіос**, т.-е. Георгій и вслѣдствіе такого чтенія приписалъ монету Ярославу I Георгію, принимая ее за экземпляръ, чеканенный въ Кіевѣ. Г. Черневъ, въ упомянутой мною статьѣ, выразилъ удивленіе этому способу чтенія, находя его натянутымъ, и предложилъ болѣе простой, принявъ первую букву за **п**, а 3-ю за **т**, причемъ получилась

надпись **петос** или **петрос**, т.-е. **Петръ**. При такомъ способѣ чтенія мое опредѣленіе монеты, очевидно, оказывалось несостоятельнымъ и г. Черневу пришлось указать, что она принадлежит не Ярославу I, а неизвѣстному ни г. Черневу, ни кому-либо другому, князю Петру, княжившему неизвѣстно гдѣ и неизвѣстно когда. Такимъ образомъ, уяснивъ, какъ ему казалось, надпись, г. Черневъ обратилъ самый памятникъ въ какую-то загадку, совершенно неясную. Выше я уже указалъ на то, что не вижу никакого основанія согласиться со чтеніемъ г. Чернева, здѣсь же считаю нужнымъ нѣсколько подробнѣе разобрать спорную надпись. Если сравнить между собою оба чтенія: **гегіос** или **гергіос** съ одной стороны и **петос** или **петрос** съ другой, то ясно, что спорными являются первая и третья (въ отвѣсной надписи) буквы; о нихъ, слѣдовательно, и приходится трактовать. Что первая буква есть **г**, хотя и перевернутое, а не **п**, доказывается двумя ея особенностями: во-первыхъ, тѣмъ, что одна изъ вертикальныхъ чертъ ея длиннѣе другой, и во-вторыхъ, что важнѣе, тѣмъ, что эта болѣе длинная черта заканчивается поперечиною, именно (какъ это всегда бываетъ) въ отличіе отъ другой вертикальной черты. Что поперечина эта не случайная, доказывается тѣмъ, что та же буква съ тѣми же особенностями, повторяется на оборотной сторонѣ, причемъ, однако, тутъ поперечина находится не подъ лѣвой, а подъ правой вертикальной чертою, и буква **г**, такимъ образомъ, оказывается начертанною правильно, а не обратно, какъ на лицевой сторонѣ. Примѣры обратнаго начертанія буквъ на нашихъ монетахъ столь многочисленны, что такой способъ изображенія **г** не можетъ возбуждать никакого удивленія или сомнѣнія. Относительно третьей буквы можно сказать положительно, что въ этомъ начертаніи **т** не повторяется ни на одной изъ извѣстныхъ монетъ разбираемаго періода, да и вообще не похожа ни на одну изъ извѣстныхъ на нихъ буквъ, а потому я и считаю себя въ правѣ повторить предположеніе, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ двумя буквами, слитыми въ одну.

Такимъ образомъ, мнѣ продолжаетъ казаться несомнѣннымъ, что надпись слѣдуетъ читать **гегіос** или **гергіос**, а не **петос** или **петрос**. Подтвержденіе тому, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ искаженіемъ имени Георгія, слѣдуетъ видѣть въ надписи оборотной стороны, на которой, несмотря на неудовлетворительную сохранность, можно легко различить слѣдующія буквы

ОГШОД

, т.-е. начало имени Георгія, передъ коимъ по-

ставленъ опредѣленный членъ: δ Γεор(γιος), обычное сокращеніе вмѣсто δ ἅγιος Γεώργιος. Если предложенное мною чтеніе вѣрно (а оно мнѣ казалось и кажется вѣрнымъ), то не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что описанная монета принадлежитъ никому иному, какъ Георгію-Ярославу, будучи найдена вмѣстѣ съ монетами Владиміра и Святополка и имѣя съ ними несомнѣнное и близкое родство. Скажу даже больше — еслибъ я согласился признать надпись на лицевой сторонѣ сомнительною, то двухъ фактовъ — совмѣстнаго нахожденія нашей монеты съ монетами Владиміра и Святополка и однородности ея съ остальными монетами клада — было бы достаточно для признанія ея сребренникомъ одного изъ трехъ государей: Владиміра, Святополка или Ярослава, причемъ надпись оборотной стороны ясно указываетъ на послѣдняго. Сказанное относится почти всецѣло и къ слѣдующему разряду монетъ, образецъ котораго изображенъ на т. II подъ № 12, а другой выше въ текстѣ (рис. 24). Раньше мною было указано, какъ я читаю надписи на этихъ монетахъ, представляющихъ собою, по моей классификаціи, II-й типъ монетъ Ярослава. Надписи эти несомнѣнно крайне искажены малограмотными монетчиками XI вѣка и поэтому строить на однѣхъ этихъ надписяхъ какія-либо заключенія было бы крайне рискованно, тѣмъ болѣе, что и количество извѣстныхъ экземпляровъ, которые всѣ найдены исключительно въ нѣжинскомъ кладѣ, крайне ограничено, не отличаясь сохранностью. Но, несмотря на малочисленность и на плохую сохранность, мы можемъ съ увѣренностью указать, во-1-хъ, на то, что надписи на этихъ монетахъ не тѣ, которыя встрѣчаются на остальныхъ монетахъ нѣжинскаго клада, и, во-2-хъ, на то, что родовой (или какъ бы его иначе ни называли) знакъ на об. ст. имѣетъ особый видъ. Эти оба факта заставляютъ предполагать, что мы въ лицѣ этого типа имѣемъ дѣло съ памятниками иного государя; а этимъ инымъ государемъ, при доказанности принадлежности главной массы монетъ нѣжинскаго клада Владиміру Святому и Святополку, не можетъ быть никто иной, какъ Ярославъ. Противъ этого *можно* возразить, что надписи достаточно разнообразны, какъ мы видѣли выше, на отдѣльныхъ типахъ монетъ Владиміра, а что родовой знакъ на монетѣ Ярослава, I-го типа, тождествененъ съ таковымъ же на монетахъ Святополка и что вообще на трехъ типахъ монетъ Ярослава этотъ знакъ имѣетъ три различныхъ вида; въ такомъ случаѣ, т.-е. въ случаѣ признанія основательности этихъ возраженій, я могъ бы скорѣе согласиться съ тѣмъ, что и эти монеты слѣдуетъ относить къ княженію Владиміра или Святополка (послѣднее было бы допустимѣе, тѣмъ болѣе, что намъ неизвѣстно христіанское имя этого государя), чѣмъ пред-

полагать, что онъ относится ко времени потомковъ Ярослава, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ пришлось бы признать существованіе въ составѣ нѣжинскаго клада такого долготѣшняго перерыва, который положительно немислимъ. Тутъ мнѣ слѣдовало бы, можетъ быть, подробнѣе поговорить о составѣ кладовъ вообще, заняться теоріей о кладахъ, но считаю этотъ вопросъ настолько существенно-важнымъ въ нумизматикѣ, что предпочитаю, ради большей убѣдительности и ясности, посвятить ему отдѣльную статью, которую я готовлю къ печати. Здѣсь ограничусь повтореніемъ того, что я говорилъ о кладахъ въ своей книгѣ (стр. 191—192): промежутокъ времени между годомъ чеканки старѣйшихъ монетъ въ кладѣ и годомъ чеканки новѣйшихъ изъ находящихся въ одномъ кладѣ рѣдко превышаетъ среднюю продолжительность жизни одного человѣка, т.-е. 40, 50 лѣтъ, иногда же этотъ промежутокъ не превышаетъ нѣсколькихъ лѣтъ, не обнимая собою даже одного десятилѣтія. Второе общее правило, выработанное археологическою практикою, состоитъ въ томъ, что во времени чеканки отдѣльныхъ монетъ одного клада не бываетъ крупныхъ скачковъ; такъ, если археологъ слышитъ, что въ одномъ кладѣ найдены монеты двухъ государей, отдѣленныхъ другъ отъ друга однимъ, а тѣмъ болѣе нѣсколькими другими, царствовавшими послѣ перваго и раньше втораго, и что въ немъ не найдено ни одной монеты этихъ промежуточныхъ государей, у него неизбѣжно возникаетъ убѣжденіе, что кладъ былъ расхищенъ прежде, чѣмъ сдѣлался достояніемъ науки. Для опредѣленія времени заковки клада обращаютъ обыкновенно вниманіе на новѣйшія изъ зарытыхъ въ немъ монетъ. Если кладъ зарытъ въ самомъ началѣ царствованія какого-нибудь государя, обыкновенно находятъ только небольшое число его монетъ, сравнительно со всѣмъ количествомъ; если же онъ зарытъ ближе къ концу долговременнаго и счастливаго царствованія государя, монеты послѣдняго часто составляютъ почти всю массу клада.

Конечно, сказанное относится къ главной массѣ монетъ въ кладѣ и, кромѣ того, какъ всякія общія правила, допускаетъ рядъ исключеній и отступленій, но, какъ я обѣщаю доказать вскорѣ, не настолько многочисленныя и столь легко и просто объяснимыя, что правило остается правиломъ, а потому предполагать существованіе этихъ отступленій слѣдуетъ лишь на основаніи твердыхъ и доказательныхъ данныхъ. Впрочемъ, даже не прибѣгая къ теоріи кладовъ, каждый опытный нумизматъ или археологъ, на основаніи одного лишь внѣшняго вида *всѣхъ* русскихъ монетъ, описанныхъ въ моей книгѣ, ни на минуту не усумнится въ общности ихъ по времени изготовленія въ сравнительно короткій періодъ

времени. А такъ какъ часть ихъ *несомнѣнно* чеканена въ X или XI вѣкѣ, то и остальные столь же *несомнѣнно* относятся къ тому же времени.

Итакъ, счастливые обладатели описанныхъ мною монетъ могутъ, безъ малѣйшихъ сомнѣній или колебаній, быть увѣренными въ томъ, что они владѣютъ памятниками X-го и XI-го вѣковъ, подлинными денежными знаками первыхъ трехъ христіанскихъ нашихъ государей, не смущаясь никакими заподозриваніями этихъ интересныхъ и важныхъ, хотя и незначительныхъ по величинѣ, памятниковъ. Не говоря о спеціально-нумизматическомъ интересѣ, возбуждаемомъ нашими монетами, не лишне обратить вниманіе на ихъ существенное значеніе въ области палеографіи, какъ „носителей“ древнѣйшихъ образчиковъ русской азбуки. Въ виду этого ихъ значенія, я постарался передать въ текстѣ точнѣйшимъ образомъ истинную форму встрѣчающихся на нихъ буквъ и составилъ помѣщаемую ниже азбуку, заключающую въ себѣ главныя очертанія каждой буквы, встрѣчающейся на нашихъ монетахъ. Было бы чрезвычайно важно установить, къ какой монетной системѣ принадлежатъ древнѣйшіе русскіе денежные знаки, но этого сдѣлать пока мнѣ не удалось въ той мѣрѣ, чтобы можно было утверждать что-либо положительно; мнѣ кажется, однако, болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что наши монеты, судя по ихъ вѣсу и формѣ, были предназначены замѣнить ходячую до X—XI вѣка въ Россіи восточную монету—диргеми. Это вопросъ болѣе сложный, чѣмъ онъ можетъ показаться съ перваго взгляда, а потому оставляю его открытымъ. А затѣмъ, въ заключеніе позволяю себѣ пожелать всѣмъ любителямъ русской нумизматики, чтобы новые обильные клады выпустили на свѣтъ Божій возможно большее количество интереснѣйшихъ во всей русской нумизматикѣ монетъ, благодаря которымъ все, остающееся не вполне яснымъ въ нихъ, выяснилось бы, а доказанное подтвердилось бы такъ, чтобы и сомнѣвающіеся болѣе не сомнѣвались.

Важнѣйшія формы буквъ, встрѣчающихся на русскихъ монетахъ
X—XI вѣка въ алфавитномъ порядкѣ.

а 4 9 1 4 4 4 7 4 4

б 6 7 6 6 6 6 6

в 8 9 10 11 12 13

г 14 15 16 17 18 19 20

д 21 22 23 24 25 26 27

е 28 29 30 31 32 33 34

и 35 36 37 38 39 40 41

к 42 43 44 45 46 47 48

л 49 50 51 52 53 54 55

м 56 57 58 59 60 61 62

н 63 64 65 66 67 68 69

о 70 71 72 73 74 75 76

п 77 78 79 80

р 81 82 83 84 85 86 87 88 89

с 90 91 92 93 94 95 96 97

т 98 99 100 101 102 103 104 105

у 106 107 108 109 110 111 112 113

ѡ 114 115 116 117 118 119 120 121

ѣ 122 123 124 125 126 127 128 129 130 131 132 133 134 135 136 137 138 139 140 141 142 143 144 145 146 147 148 149 150 151 152 153 154 155 156 157 158 159 160 161 162 163 164 165 166 167 168 169 170 171 172 173 174 175 176 177 178 179 180 181 182 183 184 185 186 187 188 189 190 191 192 193 194 195 196 197 198 199 200 201 202 203 204 205 206 207 208 209 210 211 212 213 214 215 216 217 218 219 220 221 222 223 224 225 226 227 228 229 230 231 232 233 234 235 236 237 238 239 240 241 242 243 244 245 246 247 248 249 250 251 252 253 254 255 256 257 258 259 260 261 262 263 264 265 266 267 268 269 270 271 272 273 274 275 276 277 278 279 280 281 282 283 284 285 286 287 288 289 290 291 292 293 294 295 296 297 298 299 300 301 302 303 304 305 306 307 308 309 310 311 312 313 314 315 316 317 318 319 320 321 322 323 324 325 326 327 328 329 330 331 332 333 334 335 336 337 338 339 340 341 342 343 344 345 346 347 348 349 350 351 352 353 354 355 356 357 358 359 360 361 362 363 364 365 366 367 368 369 370 371 372 373 374 375 376 377 378 379 380 381 382 383 384 385 386 387 388 389 390 391 392 393 394 395 396 397 398 399 400 401 402 403 404 405 406 407 408 409 410 411 412 413 414 415 416 417 418 419 420 421 422 423 424 425 426 427 428 429 430 431 432 433 434 435 436 437 438 439 440 441 442 443 444 445 446 447 448 449 450 451 452 453 454 455 456 457 458 459 460 461 462 463 464 465 466 467 468 469 470 471 472 473 474 475 476 477 478 479 480 481 482 483 484 485 486 487 488 489 490 491 492 493 494 495 496 497 498 499 500 501 502 503 504 505 506 507 508 509 510 511 512 513 514 515 516 517 518 519 520 521 522 523 524 525 526 527 528 529 530 531 532 533 534 535 536 537 538 539 540 541 542 543 544 545 546 547 548 549 550 551 552 553 554 555 556 557 558 559 560 561 562 563 564 565 566 567 568 569 570 571 572 573 574 575 576 577 578 579 580 581 582 583 584 585 586 587 588 589 590 591 592 593 594 595 596 597 598 599 600 601 602 603 604 605 606 607 608 609 610 611 612 613 614 615 616 617 618 619 620 621 622 623 624 625 626 627 628 629 630 631 632 633 634 635 636 637 638 639 640 641 642 643 644 645 646 647 648 649 650 651 652 653 654 655 656 657 658 659 660 661 662 663 664 665 666 667 668 669 670 671 672 673 674 675 676 677 678 679 680 681 682 683 684 685 686 687 688 689 690 691 692 693 694 695 696 697 698 699 700 701 702 703 704 705 706 707 708 709 710 711 712 713 714 715 716 717 718 719 720 721 722 723 724 725 726 727 728 729 730 731 732 733 734 735 736 737 738 739 740 741 742 743 744 745 746 747 748 749 750 751 752 753 754 755 756 757 758 759 760 761 762 763 764 765 766 767 768 769 770 771 772 773 774 775 776 777 778 779 780 781 782 783 784 785 786 787 788 789 790 791 792 793 794 795 796 797 798 799 800 801 802 803 804 805 806 807 808 809 810 811 812 813 814 815 816 817 818 819 820 821 822 823 824 825 826 827 828 829 830 831 832 833 834 835 836 837 838 839 840 841 842 843 844 845 846 847 848 849 850 851 852 853 854 855 856 857 858 859 860 861 862 863 864 865 866 867 868 869 870 871 872 873 874 875 876 877 878 879 880 881 882 883 884 885 886 887 888 889 890 891 892 893 894 895 896 897 898 899 900 901 902 903 904 905 906 907 908 909 910 911 912 913 914 915 916 917 918 919 920 921 922 923 924 925 926 927 928 929 930 931 932 933 934 935 936 937 938 939 940 941 942 943 944 945 946 947 948 949 950 951 952 953 954 955 956 957 958 959 960 961 962 963 964 965 966 967 968 969 970 971 972 973 974 975 976 977 978 979 980 981 982 983 984 985 986 987 988 989 990 991 992 993 994 995 996 997 998 999 1000 1001 1002 1003 1004 1005 1006 1007 1008 1009 1010 1011 1012 1013 1014 1015 1016 1017 1018 1019 1020 1021 1022 1023 1024 1025 1026 1027 1028 1029 1030 1031 1032 1033 1034 1035 1036 1037 1038 1039 1040 1041 1042 1043 1044 1045 1046 1047 1048 1049 1050 1051 1052 1053 1054 1055 1056 1057 1058 1059 1060 1061 1062 1063 1064 1065 1066 1067 1068 1069 1070 1071 1072 1073 1074 1075 1076 1077 1078 1079 1080 1081 1082 1083 1084 1085 1086 1087 1088 1089 1090 1091 1092 1093 1094 1095 1096 1097 1098 1099 1100 1101 1102 1103 1104 1105 1106 1107 1108 1109 1110 1111 1112 1113 1114 1115 1116 1117 1118 1119 1120 1121 1122 1123 1124 1125 1126 1127 1128 1129 1130 1131 1132 1133 1134 1135 1136 1137 1138 1139 1140 1141 1142 1143 1144 1145 1146 1147 1148 1149 1150 1151 1152 1153 1154 1155 1156 1157 1158 1159 1160 1161 1162 1163 1164 1165 1166 1167 1168 1169 1170 1171 1172 1173 1174 1175 1176 1177 1178 1179 1180 1181 1182 1183 1184 1185 1186 1187 1188 1189 1190 1191 1192 1193 1194 1195 1196 1197 1198 1199 1200 1201 1202 1203 1204 1205 1206 1207 1208 1209 1210 1211 1212 1213 1214 1215 1216 1217 1218 1219 1220 1221 1222 1223 1224 1225 1226 1227 1228 1229 1230 1231 1232 1233 1234 1235 1236 1237 1238 1239 1240 1241 1242 1243 1244 1245 1246 1247 1248 1249 1250 1251 1252 1253 1254 1255 1256 1257 1258 1259 1260 1261 1262 1263 1264 1265 1266 1267 1268 1269 1270 1271 1272 1273 1274 1275 1276 1277 1278 1279 1280 1281 1282 1283 1284 1285 1286 1287 1288 1289 1290 1291 1292 1293 1294 1295 1296 1297 1298 1299 1300 1301 1302 1303 1304 1305 1306 1307 1308 1309 1310 1311 1312 1313 1314 1315 1316 1317 1318 1319 1320 1321 1322 1323 1324 1325 1326 1327 1328 1329 1330 1331 1332 1333 1334 1335 1336 1337 1338 1339 1340 1341 1342 1343 1344 1345 1346 1347 1348 1349 1350 1351 1352 1353 1354 1355 1356 1357 1358 1359 1360 1361 1362 1363 1364 1365 1366 1367 1368 1369 1370 1371 1372 1373 1374 1375 1376 1377 1378 1379 1380 1381 1382 1383 1384 1385 1386 1387 1388 1389 1390 1391 1392 1393 1394 1395 1396 1397 1398 1399 1400 1401 1402 1403 1404 1405 1406 1407 1408 1409 1410 1411 1412 1413 1414 1415 1416 1417 1418 1419 1420 1421 1422 1423 1424 1425 1426 1427 1428 1429 1430 1431 1432 1433 1434 1435 1436 1437 1438 1439 1440 1441 1442 1443 1444 1445 1446 1447 1448 1449 1450 1451 1452 1453 1454 1455 1456 1457 1458 1459 1460 1461 1462 1463 1464 1465 1466 1467 1468 1469 1470 1471 1472 1473 1474 1475 1476 1477 1478 1479 1480 1481 1482 1483 1484 1485 1486 1487 1488 1489 1490 1491 1492 1493 1494 1495 1496 1497 1498 1499 1500 1501 1502 1503 1504 1505 1506 1507 1508 1509 1510 1511 1512 1513 1514 1515 1516 1517 1518 1519 1520 1521 1522 1523 1524 1525 1526 1527 1528 1529 1530 1531 1532 1533 1534 1535 1536 1537 1538 1539 1540 1541 1542 1543 1544 1545 1546 1547 1548 1549 1550 1551 1552 1553 1554 1555 1556 1557 1558 1559 1560 1561 1562 1563 1564 1565 1566 1567 1568 1569 1570 1571 1572 1573 1574 1575 1576 1577 1578 1579 1580 1581 1582 1583 1584 1585 1586 1587 1588 1589 1590 1591 1592 1593 1594 1595 1596 1597 1598 1599 1600 1601 1602 1603 1604 1605 1606 1607 1608 1609 1610 1611 1612 1613 1614 1615 1616 1617 1618 1619 1620 1621 1622 1623 1624 1625 1626 1627 1628 1629 1630 1631 1632 1633 1634 1635 1636 1637 1638 1639 1640 1641 1642 1643 1644 1645 1646 1647 1648 1649 1650 1651 1652 1653 1654 1655 1656 1657 1658 1659 1660 1661 1662 1663 1664 1665 1666 1667 1668 1669 1670 1671 1672 1673 1674 1675 1676 1677 1678 1679 1680 1681 1682 1683 1684 1685 1686 1687 1688 1689 1690 1691 1692 1693 1694 1695 1696 1697 1698 1699 1700 1701 1702 1703 1704 1705 1706 1707 1708 1709 1710 1711 1712 1713 1714 1715 1716 1717 1718 1719 1720 1721 1722 1723 1724 1725 1726 1727 1728 1729 1730 1731 1732 1733 1734 1735 1736 1737 1738 1739 1740 1741 1742 1743 1744 1745 1746 1747 1748 1749 1750 1751 1752 1753 1754 1755 1756 1757 1758 1759 1760 1761 1762 1763 1764 1765 1766 1767 1768 1769 1770 1771 1772 1773 1774 1775 1776 1777 1778 1779 1780 1781 1782 1783 1784 1785 1786 1787 1788 1789 1790 1791 1792 1793 1794 1795 1796 1797 1798 1799 1800 1801 1802 1803 1804 1805 1806 1807 1808 1809 1810 1811 1812 1813 1814 1815 1816 1817 1818 1819 1820 1821 1822 1823 1824 1825 1826 1827 1828 1829 1830 1831 1832 1833 1834 1835 1836 1837 1838 1839 1840 1841 1842 1843 1844 1845 1846 1847 1848 1849 1850 1851 1852 1853 1854 1855 1856 1857 1858 1859 1860 1861 1862 1863 1864 1865 1866 1867 1868 1869 1870 1871 1872 1873 1874 1875 1876 1877 1878 1879 1880 1881 1882 1883 1884 1885 1886 1887 1888 1889 1890 1891 1892 1893 1894 1895 1896 1897 1898 1899 1900 1901 1902 1903 1904 1905 1906 1907 1908 1909 1910 1911 1912 1913 1914 1915 1916 1917 1918 1919 1920 1921 1922 1923 1924 1925 1926 1927 1928 1929 1930 1931 1932 1933 1934 1935 1936 1937 1938 1939 1940 1941 1942 1943 1944 1945 1946 1947 1948 1949 1950 1951 1952 1953 1954 1955 1956 1957 1958 1959 1960 1961 1962 1963 1964 1965 1966 1967 1968 1969 1970 1971 1972 1973 1974 1975 1976 1977 1978 1979 1980 1981 1982 1983 1984 1985 1986 1987 1988 1989 1990 1991 1992 1993 1994 1995 1996 1997 1998 1999 2000 2001 2002 2003 2004 2005 2006 2007 2008 2009 2010 2011 2012 2013 2014 2015 2016 2017 2018 2019 2020 2021 2022 2023 2024 2025 2026 2027 2028 2029 2030 2031 2032 2033 2034 2035 2036 2037 2038 2039 2040 2041 2042 2043 2044 2045 2046 2047 2048 2049 2050 2051 2052 2053 2054 2055 2056 2057 2058 2059 2060 2061 2062 2063 2064 2065 2066 2067 2068 2069 2070 2071 2072 2073 2074 2075 2076 2077 2078 2079 2080 2081 2082 2083 2084 2085 2086 2087 2088 2089 2090 2091 2092 2093 2094 2095 2096 2097 2098 2099 2100 2101 2102 2103 2104 2105 2106 2107 2108 2109 2110 2111 2112 2113 2114 2115 2116 2117 2118 2119 2120 2121 2122 2123 2124 2125 2126 2127 2128 2129 2130 2131 2132 2133 2134 2135 2136 2137 2138 2139 2140 2141 2142 2143 2144 2145 2146 2147 2148 2149 2150 2151 2152 2153 2154 2155 2156 2157 2158 2159 2160 2161 2162 2163 2164 2165 2166 2167 2168 2169 2170 2171 2172 2173 2174 2175 2176 2177 2178 2179 2180 2181 2182 2183 2184 2185 2186 2187 2188 2189 2190 2191 2192 2193 2194 2195 2196 2197 2198 2199 2200 2201 2202 2203 2204 2205 2206 2207 2208 2209 2210 2211 2212 2213 2214 2215 2216 2217 2218 2219 2220 2221 2222 2223 2224 2225 2226 2227 2228 2229 2230 2231 2232 2233 2234 2235 2236 2237 2238 2239 2240 2241 2242 2243 2244 2245 2246 2247 2248 2249 2250 2251 2252 2253 2254 2255 2256 2257 2258 2259 2260 2261 2262 2263 2264 2265 2266 2267 2268 2269 2270 2271 2272 2273 2274 2275 2276 2277 2278 2279 2280 2281 2282 2283 2284 2285 2286 2287 2288 2289 2290 2291 2292 2293 2294 2295 2296 2297 2298 2299 2300 2301 2302 2303 2304 2305 2306 2307 2308 2309 2310 2311 2312 2313 2314 2315 2316 2317 2318 2319 2320 2321 2322 2323 2324 2325 2326 2327 2328 2329 2330 2331 2332 2333 2334 2335 2336 2337 2338 2339 2340 2341 2342 2343 2344 2345 2346 2347 2348 2349 2350 2351 2352 2353 2354 2355 2356 2357 2358 2359 2360 2361 2362 2363 2364 2365 2366 2367 2368 2369 2370 2371 2372 2373 2374 2375 2376 2377 2378 2379 2380 2381 2382 2383 2384 2385 2386 2387 2388 2389 2390 2391 2392 2393 2394 2395 2396 2397 2398 2399 2400 2401 2402 2403 2404 2405 2406 2407 2408 2409 2410 2411 2412 2413 2414 2415 2416 2417 2418 2419 2420 2421 2422 2423 2424 2425 2426 2427 2428 2429 2430 2431 2432 2433 2434 2435 2436 2437 2438 2439 2440 2441 2442 2443 2444 2445 2446 2447 2448 2449 2450 2451 2452 2453 2454 2455 2456 2457 2458 2459 2460 2461 2462 2463 2464 2465 2466 2467 2468 2469 2470 2471 2472 2473 2474 2475 2476 2477 2478 2479 2480 2481 2482 2483 2484 2485 2486 2487 2488 2489 2490 2491 2492 2493 2494 2495 2496 2497 2498 2499 2500 2501 2502 2503 2504 2505 2506 2507 2508 2509 2510 2511 2512 2513 2514 2515 2516 2517 2518 2519 2520 2521 2522 2523 2524 2525 2526 2527 2528 2529 2530 2531 2532 2533 2534 2535 2536 2537 2538 2539 2540 2541 2542 2543

VI.

Религіозное врачеваніе въ древней Греціи.

Чл.-сотр. С. А. Жебелева.

Περὶ δὲ τῆς μαντικῆς τῆς ἐν τοῖς ὕπνοις γενομένης καὶ λεγομένης συμβαίνειν ἀπὸ τῶν ἐνυπνίων οὔτε καταφρονῆσαι ῥάδιον οὔτε πεισθῆναι.

Аристотель, Περὶ τῆς καθ' ὕπνου μαντικῆς, 1.

Вопросъ о религіозномъ врачеваніи въ древней Греціи интересовалъ не малое число ученыхъ. Первое, насколько мнѣ извѣстно, сочиненіе, посвященное этому вопросу, вышло въ 1659 году: это *Henrici Meibomii dissertatio de incubatione in fanis deorum medicinae causa olim facta. In Academia Julia praeside Hermanno Conringio publico examine subiecta* ¹⁾. Затѣмъ, въ 1739 г., появилось сочиненіе К. Фр. Гундентмарка и Бен. Карпцова: *De artis medicae per aegrotorum apud veteres in vias publicas et templa expositionem incrementis dissertatio* ²⁾. Не останавливаясь на этихъ двухъ трудахъ, имѣвшихъ значеніе въ свое время, но теперь совершенно устарѣвшихъ.

Въ 1787 г. Фр. Авг. Вольфъ напечаталъ статью „*Beitrag zur Geschichte des Somnambulismus aus dem Alterthum*“ ³⁾. Изъ приведеннаго заглавія уже видно, что именно составляетъ предметъ статьи Вольфа: онъ хочетъ указать на аналогію древняго религіознаго врачеванія и сомнамбулизма, незадолго до 1787 г. вошедшаго въ моду. Теорію Вольфа и его послѣдователей опровергъ Авг. Готье въ двухъ трактатахъ: 1) *Recherches historiques sur l'origine de la médecine et sur les guérisons*

¹⁾ Сочиненіе Мейбома позже было перепечатано въ «*Dissertationum rararum de antiquitatibus sacris et profanis fasciculus I, recensuit... J. C. Schlägerus*», Helmstadii, 1742, p. 125—155.

²⁾ Перепечатано у Аккермана, въ его *Opuscula ad medicinae historiam pertinentia*, 1797, p. 151—236.

³⁾ Перепечатана въ Вольфовыхъ *Kleine Schriften in lat. u. deutsch. Sprache*, hrsg. v. G. Bernhardt, Halle, 1869, II, s. 666—691.

des malades, opérées par les prêtres d'Esculape dans les temples de ce dieu ¹⁾); 2) Recherches historiques sur l'exercice de la médecine dans les temples chez les peuples de l'antiquité suivi de considérations sur les rapports qui peuvent exister entre les guérisons qu'on obtenait dans les anciens temples à l'aide des songes et le magnétisme animal et sur l'origine des hôpitaux. Первая половина сочиненія Готье — характера компилятивнаго; на самостоятельный путь изслѣдованія авторъ выступаетъ съ VIII главы: тутъ онъ искусно опровергаетъ теорію тѣхъ ученыхъ, которые видѣли въ религіозномъ врачеваніи сходство съ сомнамбулизмомъ.

Заслуживаетъ большаго вниманія обширное изслѣдованіе Фр. Г. Велькера: *Zu den Alterthümern der Heilkunde bei den Griechen* ²⁾. Оно написано съ большимъ знаніемъ дѣла, толково и увлекательно. Особый интересъ для насъ имѣетъ та часть изслѣдованія Велькера, гдѣ говорится объ инкубаціи (стр. 89—156); авторъ затрагиваетъ вопросъ о началѣ инкубаціи въ Греціи и у другихъ древнихъ народовъ, о степени ея распространенности въ Елладѣ и въ Египтѣ, объ Асклепіадахъ. Велькеръ не оставляетъ безъ вниманія и вопроса о характерѣ религіознаго врачеванія; но тутъ всѣ свои выводы Велькеръ основываетъ почти исключительно на данныхъ, сообщаемымъ риторомъ Аристидомъ. Въ общемъ отдѣлъ статьи Велькера объ инкубаціи производитъ впечатлѣніе чего-то незаконченнаго, хотя, все-таки, не смотря и на это, ему должно отвести первое мѣсто въ ряду изслѣдованій о религіозномъ врачеваніи.

Въ 1878 г. вышла въ Берлинѣ книга Готтфрида Риттера фонъ-Риттерсгейна: „*Der medizinische Wunderglaube und die Incubation im Alterthume*“. По внѣшнему плану это сочиненіе напоминаетъ вышеуказанный трактатъ Авг. Готье. Авторъ говоритъ о происхожденіи медицины въ древности, перечисляетъ боговъ-покровителей врачебнаго искусства, разбираетъ мѣны объ Асклепії и переходитъ къ изслѣдованію культа бога-врача. Слѣдующія затѣмъ страницы посвящены описанію процесса религіознаго врачеванія, причемъ опровергается теорія о сходствѣ его съ сомнамбулизмомъ. Книжка: „*Die Traumdeutung in den Asklepien. Ein Beitrag zur Geschichte der Medizin von Franziska Hoffmann*“ (Zürich, 1882) заслуживаетъ упоминанія развѣ только потому, что она — самая нелѣпая изъ всего того, чтò мнѣ до сихъ поръ приходилось читать. Знакомство автора съ источниками

¹⁾ Значительная часть этого сочиненія напечатана въ *Mémoires de l'Académie de sciences, arts et belles lettres de Dijon*, 1836, p. 53 сл.

²⁾ Welcker, *Kleine Schriften*, Bonn, 1850, s. 1—234.

ограничивается, повидимому, однимъ Артемидоромъ, да и того онъ не понимаетъ совершенно ¹⁾).

О вышедшемъ въ 1885—1886 гг. сочиненіи врача Веркутра (Vercoutre) „La médecine sacerdotale dans l'antiquité grecque“ намъ придется подробно говорить ниже ²⁾).

Въ 1888 г., въ Лейпцигѣ, вышло сочиненіе Карла дю-Преля (Carl du-Prel) „Die Mystik der alten Griechen“, первая глава котораго посвящена вопросу объ инкубаціи (стр. 1—31), Сочиненіе Дю-Преля лишено вообще всякаго научнаго значенія; что касается религіознаго врачеванія, то онъ его сравниваетъ опять съ сомнамбулизмомъ. Ersilia Caetani Lovatelli въ своей статьѣ: „I sogni e l'ipnotismo nel mondo antico“, напечатанной въ журналѣ „Nuova Antologia rivista di scienze, lettere e arti“, Anno XXIV (1889), Terza serie, p. 445—464, и составленной, довольно поверхностно, главнымъ образомъ, по первому тому „Histoire de la divination dans l'antiquité“ Буше-Леклерка, сравниваетъ инкубацію съ современнымъ гипнотизмомъ. Съ результатами раскопокъ по вопросу объ инкубаціи авторъ не знакомъ ³⁾).

Наконецъ, послѣднее, по времени, сочиненіе, трактующее о рели-

¹⁾ Тому-же Гофману принадлежитъ книга: «Ueber die Asklepien», но я ее позволилъ себѣ не читать.

²⁾ Въ томъ-же 1885 г. Н. Göll напечаталъ въ журналѣ «Das Ausland» (№ 10, s. 191—194) краткій популярный очеркъ о религіозномъ врачеваніи, не имѣющій научнаго значенія.

³⁾ Статья Лователли перепечатана въ ея Miscellanea archeologica, Rom, 1891, переведенныхъ также на нѣмецкій языкъ (Römische Essays, Leipzig, 1891). Не мало замѣчаній, иногда довольно цѣнныхъ, по вопросу о религіозномъ врачеваніи, можно найти въ общихъ сочиненіяхъ: 1) по исторіи греческой религіи и культуры: Лимбурга Брауера, Histoire de la civilisation morale et religieuse des Grecs, Groningue, 1840, VI, p. 1—179, passim (особ. p. 45); М. В. Геффтера, Die Religion der Griechen und Römer, Brandenburg, 1848, s. 343 сл.; Альфреда Мори, Histoire des religions de la Grèce antique depuis leur origine jusqu'à leur complète constitution, Paris, 1857—1859; Вольфа, De ultima oraculorum aetate, Berlin, 1854, p. 28—33; Буше-Леклерка, Histoire de la divination dans l'antiquité, Paris, 1880, особ. III т. (Буше-Леклерку же принадлежитъ статья «Divination» въ Dictionnaire des antiquités grecques et romaines par Daremberg et Saglio, XIII fasc., p. 292 сл., особ. p. 306); 2) по греческимъ религіознымъ и частнымъ древностямъ К. Фр. Германа, Шеманна, В. В. Латышева, Штенгеля и Ивана Миллера; 3) по исторіи древней медицины: Шульца, Historia medicinae, Leipzig, 1821, p. 115—142; Гезера (Haeser), Lehrbuch der Geschichte der Medizin und der epidemischen Krankheiten, Jena, 1874, I, s. 71; Шпренгеля-Розенбаума, Versuch einer pragmatischen Geschichte der Arzneikunde, Halle, 1846, т. I, passim; Дарамбера, Histoire des sciences médicales, Paris, 1870, passim; Литтре, Oeuvres complètes d'Hippocrate, Paris, 1839, I, p. 5 сл.; Уффельмана, Die Entwicklung der altgriechischen Heilkunde (Sammlung gemeinsverständlichen wissenschaftlichen Vorträge, herausgg. v. Virchow und Holtzendorf, XVIII serie, Heft 418), Berlin, 1883, s. 5 сл.; Ковнера, Исторія медицины, Кіевъ, 1878, I, стр. 134 сл.; Гюнтера, Medizinische Disciplinen (въ коллекціи Ив. Миллера, XI Halbband), s. 103 сл.

гіозномъ врачеваніи принадлежитъ доктору Куртуа-Сюффи (Courtois-Suffit, ancien interne des hôpitaux): Les temples d'Esculape. La médecine religieuse dans la Grèce ancienne, Paris, 1891 (Extrait des Archives générales de médecine, Novembre, 1891). Это — жалкая компиляція, составленная по трудамъ Жирара, Диля (см. ниже), отчасти Веркутра. Попытки серьезнаго объясненія вопроса — никакой; ошибки — перѣдки.

Таковы намъ извѣстные труды, посвященные вопросу о религіозномъ врачеваніи.

50 лѣтъ тому назадъ, Авг. Готье, въ предисловіи къ своей книгѣ (см. выше), замѣтилъ, что „трудно пролить какой-либо свѣтъ на вопросъ о религіозномъ врачеваніи“. Въ настоящее время этотъ вопросъ, если и не освѣщенъ вполнѣ, то, по крайней мѣрѣ, намѣченъ путь, которымъ можно этого достигнуть. Благодаря успѣхамъ, достигнутымъ за послѣднее время классическою археологіею, теперь стало возможно болѣе основательное изученіе вопроса о религіозномъ врачеваніи въ древней Греціи.

Раскопки, предпринятыя съ 1876 по 1881 г. Аѣинскимъ Археологическимъ Обществомъ на южномъ склонѣ аѣинскаго акрополя, пролили яркій свѣтъ на существовавшій тамъ въ древности оракулъ Аскліпія ¹⁾. Еще важнѣе, если не въ количественномъ, то въ качественномъ отношеніи, оказались раскопки того же общества на мѣстахъ: эпидаврійскаго оракула Аскліпія (съ 1881 г.) ²⁾ и оропскаго оракула Амфіарая

¹⁾ На результатахъ этихъ раскопокъ построено сочиненіе Поля Жирара, L'Asclépieion d'Athènes d'après de récentes découvertes, Paris, 1882 (XXIII fascicule de Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome).

²⁾ Оъ этихъ раскопкахъ см. статью г. Александровскаго, «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1890, іюнь, отд. класс. фил., стр. 81 сл., а также: Ch. Diehl, Excursions archéologiques en Grèce, Paris, 1890, p. 311 сл. S. Reinach, Chroniques d'Orient, Paris, 1891, p. 17, 38 сл. 42, 63 сл. 126 сл. 278 сл. 342, 402, 509, 538, 628, 690. Chronique d'Orient (1890—91), Paris, 1892, p. 32. А. Н. Щукаревъ, Археологическая хроника эллинскаго Востока, въ «Филологическомъ Обзорѣ», II, стр. 206 сл. III, стр. 87 сл. L. Dyer, Studies of the Gods in Greece at certain sanctuaries recently excavated, London, 1891, p. 243 сл. Percy Gardner, New chapters in Greek History, London, 1892, p. 368 сл. О послѣднихъ раскопкахъ въ Эпидаврійской святынѣ см. Δελτίον 'Αρχαιολογικόν, 1892, σελ. 23, 39, 49 сл. 72 сл. Athenische Mittheilungen, XVII (1892), s. 96, 283. Первоначальные отчеты греческой эфоріи оъ этихъ раскопкахъ помѣщались сначала въ Πρακτικὰ τῆς ἐν Αθῆναις Αρχαιολογικῆς Ἑταιρίας, затѣмъ въ упомянутомъ Δελτίονѣ. Надписи эпидаврійскія издавались и издаются въ Ἐφημερίς 'Αρχαιολογική (περίοδος τρίτη). Сверхъ того, сѣмъ эпидаврійскія надписи, найденныя по 1886 г. включительно, переизданы I. Баунакомъ въ «Studien auf dem Gebiete des griechischen und der arischen Sprachen von Iohannes Baunack und Theodor Baunack, I Band, I Theil, Leipzig, 1886, s. 79 сл., а важнѣйшія (діалектическія) — В. Прелльвицемъ въ Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften herausgg. v. H. Collitz und Bechtel, III. 3. Göttingen, 1889.

(съ 1884 г.) ¹⁾. Эти раскопки далеко еще не закончены, и отъ нихъ мы можемъ ожидать многого. На ряду съ этими обширными раскопками не мало интереснаго найдено по части интересующаго насъ вопроса и въ другихъ мѣстахъ греческаго міра (особенно важны нѣкоторыя критскія и косскія надписи). Сопоставить всѣ эти данныя съ тѣмъ, что ранѣе было извѣстно по вопросу о религіозномъ врачеваніи, и имѣетъ цѣлью предлагаемая статья.

Въ древней Греціи существовала особая группа оракуловъ, въ которыхъ божество сообщало свои откровенія во снѣ или въ различнаго рода видѣніяхъ, являвшихся въ святилищѣ. Такіе оракулы называются *ониромантическими*. Ониромантика, какъ способъ гаданія, пользовалась въ древности всеобщимъ признаніемъ; она сохранила свое значеніе и по сію пору. Не было почти ни одного народа, а въ древности не было, можно сказать, ни одного лица, которое не вѣрило бы въ возможность получить откровеніе посредствомъ сновидѣній. Поэтому излишне доискиваться источника вѣры въ сновидѣнія у грековъ и у древнихъ народовъ вообще. Ониромантика основывается на извѣстныхъ психологическихъ и фізіологическихъ явленіяхъ, объяснить которыя могла только позднѣйшая наука, но которыя въ древности легко приписывались сверхъестественной силѣ ²⁾. Древніе думали, что, во время сна, душа человѣка, находясь въ особомъ состояніи между сознаніемъ и безсознательностью, способна, по преимуществу, къ общенію съ божествомъ, къ принятію откровенія отъ него ³⁾.

При тѣхъ несовершенныхъ представленіяхъ, которыя, въ теченіе долгаго времени, господствовали относительно души, невозможно и требо-

¹⁾ См. статью Н. И. Новосадскаго въ «Запискахъ Имп. Русскаго Археол. Общества», II, 1887, стр. 118 сл. Диссертация Дюррбаха, *De Oropo at Amphiarai sacro, Parisiis*, 1890, написана на основаніи результатовъ оропскихъ раскопокъ. Объ оропскихъ раскопкахъ см. отчеты въ *Πρακτικά* и *Δελτίον*ѣ, а также S. Reinach, *Chr. d'Orient*, p. 131 сл. 285, 342, 462. *Chronique d'Orient* (1890—91), p. 37. А. Н. Щукаревъ въ «Фил. Обзор.» I, стр. 157. Оропскія надписи, изданныя въ Эфимеридѣ, переизданы теперь Диттенбергеромъ въ *Corpus inscriptionum graecarum Graeciae Septentrionalis*, I, Berlin, 1892.

²⁾ Bouché-Lecleercq, *Histoire de la divination dans l'antiquité*, т. I, стр. 228 сл. русск. перев., изд. подъ ред. проф. Мищенки, Кіевъ, 1881.

³⁾ Xenoph. *Cyrup.*, VIII, 7, 21. Jambli. *De mysteriis*, 3, 3. Замѣчательна та терминологія, которая могла быть создана только греками, для различныхъ видовъ сна. Macrobi. *In Somn. Scip.*, I, 3, 2. Cp. Aristides, I, p. 71 Dindorf. Уже въ гомеровскихъ пѣсняхъ различается: *ὄναρ*—каждый отдѣльный образъ во снѣ, и *ὕπαρ*—видѣніе при полусознательномъ состояніи души. Odys. XIX, 547. Cp. Böttiger, *Ideen zur Kunst-Mythologie* I, s. 88 и Erwin Rohde, *Psyche*, Freiburg i. B., 1890, I, s. 7 сл.

вать, чтобы древніе считали сновидѣнія результатомъ внѣшнихъ впечатлѣній. А если причина сновидѣній заключается не въ душѣ и не во внѣшнихъ предметахъ, то она должна заключаться въ явленіяхъ сверхъестественныхъ: сны должны происходить отъ божественной силы, или же они сами могутъ быть божественными существами, вступающими въ непосредственное сношеніе со снющимъ. Религія, съ своей стороны, нисколько не противорѣчила этому положенію, такъ какъ каждая религія допускаетъ, что наше воображеніе и наша воля, не только въ состояніи сна, но и въ состояніи бодрствованія, могутъ подвергаться дѣйствію сверхъестественныхъ силъ¹⁾. Въ древности мы встрѣчаемъ массу примѣровъ, что люди, въ силу видѣннаго ими сна, рѣшались на совершеніе такого рода поступковъ, которые ни въ какомъ случаѣ не могли обѣщать благопріятнаго исхода. Итакъ, сны считались въ древности сверхъестественными сообщеніями на символическомъ языкѣ, смыслъ которыхъ разъяснялся по опредѣленнымъ правиламъ. Толкованіе сновъ создало, со временемъ, особое искусство, нашедшее для себя въ послѣдствіи главнаго представителя въ лицѣ Артемидора съ его „Онирокритикою“²⁾.

Съ теченіемъ времени, греки пришли, мало-по-малу, къ убѣжденію, что сны, какъ они ни произвольны, тѣмъ не менѣе обуславливаются нашимъ душевнымъ или физическимъ состояніемъ. Развивая эту мысль дальше, греки исключили бы, пожалуй, все сверхъестественное изъ об-

¹⁾ Fr. Aug. Wolf, *Kleine Schriften* II, s. 674. Ср. Bouché-Leclercq, *о. с.*, стр. 361, прим. 4, русск. пер.

²⁾ О значеніи сна и сновидѣній въ древности писали: Burigny, *Mémoire sur la superstition à l'égard des songes. Mém. de l'acad. des inscr. et belles lettres*, XXXVIII, p. 74 сл. и Büchsen-schütz, *Traum und Traumdeutung im Alterthum*, Berlin, 1868. Только немногіе среди наиболѣе образованныхъ и проникательныхъ людей древности, для которыхъ старинная вѣра въ боговъ утратила свое значеніе, рѣшались уклоняться отъ вѣры въ божественное происхожденіе сновъ и объясняли ихъ естественнымъ путемъ. Впрочемъ, Сократъ и Ксенофонтъ еще глубоко вѣрятъ въ сны и смотрятъ на нихъ, какъ на явленія божественныя: Plat. Phædo, p. 60 E. Crit., p. 44 A. (ср. Pausan., I, 30, 3. Plutarch. Moralia I, p. 37 Bernardakis) и Xenoph. Hippiarchus, IX, 9 (ср. Cyrop. VIII, 7, 21. Anab., III, 1, 12, 22. IV, 3, 8. VI, 1, 22). Платонъ разбираетъ сущность сновъ въ связи со своею психологіею и различный характеръ ихъ старается объяснить различными соотношеніями главныхъ частей души. Plat. De republ., IX, p. 571 C. Аристотель первый сталъ объяснять сновидѣнія изъ фактовъ душевной дѣятельности. Aristot. *περί ἐνυπνίων*, p. 458—462 и *περί τῆς καθ' ὅπου μαντικῆς*, p. 462, (по изд. Берл. Акад.). Обь отношеніи къ снамъ послѣдующихъ философовъ см. Büchsen-schütz, *ук. соч.*, стр. 25 сл. Знаменитые греческіе врачи высказали свои соображенія относительно теоріи сновидѣній, Иппократъ, въ трактатѣ: τὸ περί τῶν ἐνυπνίων (*Oeuvres complètes d'Hippocrate...* par E. Littré. Paris, 1839, VI, p. 638—663), Галинъ, въ трактатѣ: περί τῆς ἐξ ἐνυπνίων διαγνώσεως, VI, p. 832—835. ed. Kühn. Оба они объясняютъ возникновеніе сновидѣній силою впечатлѣній, переживаемыхъ человѣкомъ въ теченіе дня. Ср. также объясненіе сна, приводимое врачомъ Ирофиломъ (кон. IV в. до Р. X.), послѣдователемъ Иппократа, у Плутарха. De placit. philosoph., V, p. 904.

ласти сновидѣній; но они остановились на полпути: отведя извѣстное мѣсто природѣ, они не рѣшались затрогивать откровенія. Они считали только необходимымъ поддерживать душу и тѣло въ такомъ состоянїи, чтобы образы сна не затемнялись и не извращались посторонними влїяніями ¹⁾. Не будемъ останавливаться на тѣхъ предосторожностяхъ, о которыхъ заботились древніе, чтобы обезпечить правдивость и чистоту сновидѣній, какъ они старались предотвратить гибельный исходъ сновъ; въ данномъ случаѣ господствовали грубые предрассудки, заимствованные съ востока или порожденные собственными инстинктами народа ²⁾.

Если человѣкъ, для полученія сновидѣнія, прибѣгалъ къ различнымъ обрядамъ: воздержанію, посту, молитвѣ или даже волшебству, то тогда онъ, такъ сказать, предупреждалъ самое откровеніе. Когда всѣ подобнаго рода приемы, способствовавшіе полученію сновидѣній, приведены были въ строгую систему, окружены различнымъ церемоніями, тогда и получилась такъ наз. *инкубація*. При инкубаціи вопрошающій подготовлялся къ тому, чтобы увидѣть сонъ. Этотъ сонъ являлся, такимъ образомъ, прямымъ отвѣтомъ на опредѣленный вопросъ, — отвѣтомъ, исходящимъ отъ того или другого божества, въ его святыняхъ — оракулахъ, спеціально назначенныхъ и приспособленныхъ для этой цѣли ³⁾.

¹⁾ Буше-Леклеркъ, ук. соч., стр. 234, русск. перев.

²⁾ Однимъ изъ средствъ — отвратить бѣду отъ увидѣннаго сна — считалось рассказать свой сонъ солнцу. Sophoc. Electra, 422 sq. и схол. Eurip. Iphig. Taur., 42 sq. Xenoph. Sympos., IV, 33.

³⁾ Инкубація обозначалась у грековъ терминами: ἐγκοίμησις (Diod., I, 53, 8) или κατὰκλισις (Aristid., I, p. 490 Dindorf). «Совершать инкубацію» выражалось у грековъ различными глаголами одного, впрочемъ, значенія. Вотъ перечень этихъ глаголовъ: Κοιμᾶσθαι: Plutarch. Cleom., 7. Clem. Alexandr. Adv. Julian., X, p. 339, ed. Spanheim. Hyperid. pro Euxen., p. 39, ed. Blass.

Ἐγκοιμᾶσθαι: Plutarch. Consol. ad Apollon., 14. Arrian. Anab., VII, 26, 7. Lycophr. Alex., 1050. Strabo, VI, p. 284. XI, p. 508. XIV, p. 649. XVII, p. 801.

Ἐφημερίς Ἀρχαιολογικῇ, 1883, p. 197 sq. II. 10. 90.

Κατακοιμᾶσθαι: Plutarch. De def. oracul., p. 434 E.

Ἐγκατακοιμᾶσθαι: Herodot., VIII, 134. Pausan., II, 13, 7. Ἐφημ. Ἀρχαιολ., 1883, p. 197 sq., II. 9. 15.

Ἐπικατακοιμᾶσθαι: Herodot., IV, 172.

Κοιτάζεσθαι: Pindar. Olymp., XIII, 73.

Ἐγκοιτάζεσθαι: Ἐφημ. Ἀρχ., 1883, p. 197 sq., I. 95.

Κατακλίεσθαι: Aristoph. Plutus, 662. Hyperid. pro Euxen. p. 41. Aelian. De nat. animal., IX, 33.

Ἐγκατακλίεσθαι: Hyperid. pro Euxen., p. 39. Aristid., I, p. 484. 490.

Ἐγκαθεύδειν (самое обычное выражение): Ἐφημ. Ἀρχαιολ., 1883, p. 197 sq., II. 4 25, 37, 57, 68, 93, 98, 107, 124; 1885, p. 1 sq. II. 1, 10, 23, 27, 39, 46, 58, 66, 69, 83, 88, 103, 111, 117, 123, 126; 1885, p. 96, II. 36, 39.

Καθεύδειν: Ἐφημ. Ἀρχ., 1885, p. 96, I. 44. Ср. Pausan., II, 27, 2. Латинскія выражения: *incubatio*, *incubare* — представляютъ буквальный переводъ съ греческаго. Virgil. Aen., VII, 88 и Servii Comm. ad h.l. Ср. Tertullian. De anima, 48 (*incubaturis oraculis*), 49 (*incubatores fani*). Stat. Silvæ, III, 4, 25. Solinus, VII, 10.

I. Начало и происхождение инкубаціи.

Совершеніе инкубаціи, какъ обряда, имѣющаго цѣлью получить откровеніе отъ божества, носило у грековъ двоякій характеръ: общій и частный. Греки прибѣгали къ инкубаціи, когда желали спросить то или другое божество относительно различнаго рода обстоятельствъ *вообще*; *въ частности* инкубація совершалась больными, которые обращались къ божеству, желая получить отъ него откровеніе во снѣ относительно ихъ болѣзни: божество, такъ вѣрили древніе, являясь больному во снѣ, указывало ему тѣ средства, при помощи которыхъ онъ могъ рассчитывать излечиться отъ своей болѣзни. Въ послѣднемъ случаѣ инкубація можетъ быть названа инкубаціею *врачебною*. Смотри по той цѣли, ради которой совершалась инкубація, и инкубаціонные оракулы могутъ быть подраздѣлены на оракулы: *ониромантическіе* вообще и *іатромантическіе* въ частности.

При изслѣдованіи всякаго явленія прежде всего возникаетъ вопросъ: когда это явленіе началось и откуда оно произошло; представляется-ли данное явленіе развившимся вполне самостоятельно или его зачаточныя формы мы находимъ въ какихъ-либо другихъ явленіяхъ, ему предшествовавшихъ?

Въ нашихъ литературныхъ источникахъ самое раннее упоминаніе о врачебной инкубаціи относится къ концу V—началу IV в. до Р. Х. Какъ замѣтилъ уже Фр. Авг. Вольфъ, Аристофанъ, въ своей комедіи „Богатство“, представляетъ намъ самое древнее и притомъ весьма обстоятельное свидѣтельство о врачебной инкубаціи ¹⁾. „Богатство“ Аристофана имѣло двѣ различныя редакціи ²⁾. Первая изъ нихъ относится къ году архонта Діокла (409—408), вторая—къ году архонта Антипатра (389—388) ³⁾. До насъ дошла лишь вторая редакція комедіи ⁴⁾. Предполагая, что и въ первой редакціи находилось описаніе обрядовъ религіознаго врачеванія, мы заключаемъ, что самое раннее упоминаніе объ инкубаціи относится къ послѣднему десятилѣтію V вѣка. Но отъ того же Аристофана дошли до насъ отрывки его другой комедіи „Амфіарай“, гдѣ также шла рѣчь объ инкубаціи. „Амфіарай“ былъ поставленъ

¹⁾ Wolf, Kleine Schriften, II, s. 684 Cp. Welcker, Kleine Schriften, III, s. 89.

²⁾ Schol. ad Plutum, 173.

³⁾ Ὑπόθεσις къ «Богатству» (IV по изд. Бергка, т. II, стр. 280).

⁴⁾ W. Christ, Geschichte der griechischen Litteratur, München, 1890, s. 260.

на сцену при архонтѣ Хавріи (415—414) ¹⁾. Слѣдовательно, нашъ terminus отодвинется нѣсколько назадъ.

Несомнѣнно, однако, что обрядъ врачебной инкубаціи существовалъ въ Греціи ранѣе V вѣка. Процессъ религіознаго врачеванія, рисуемый намъ Аристофаномъ, представляется довольно сложнымъ и уже вполне развившимся. Должно было пройти нѣкоторое время, пока форма инкубаціоннаго врачеванія опредѣлилась окончательно ²⁾.

Время начала появленія инкубаціи въ Греціи *точно* опредѣлено быть не можетъ: у насъ нѣтъ на этотъ счетъ никакихъ положительныхъ данныхъ. Приходится опредѣлять его приблизительно. Съ большою вѣроятностью, однакоже, можно допустить (что будетъ ясно изъ дальнѣйшаго изложенія), что врачебная инкубація, какъ частный видъ инкубаціи вообще, возникла позже этой послѣдней.

Гдѣ искать перваго по времени упоминанія объ инкубаціи? Вопросъ этотъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о Додонскомъ оракулѣ, древнѣйшемъ изъ греческихъ оракуловъ, упоминаніе о которомъ находится уже въ гомеровскихъ поэмахъ. Въ XVI рапсодіи Иліады, Ахиллъ, разставаясь съ Патрокломъ, отправляющимся на бой, взываетъ къ Зевсу Додонскому, призывая его покровительство на своего друга:

„Зевсъ Пеласгійскій, Додонскій, далеко живущій владыко
„Хладной Додоны, гдѣ Селлы, пророки твои, обитаютъ,
„Кои не моютъ ногъ и спятъ на землѣ обнаженной“ ³⁾.

Селламъ, пророкамъ Додоны, придаются, въ данномъ случаѣ, поэтомъ три эпитета: ὀποφῆται, ἀνιπτόποδες и χαμαιεῦναι ⁴⁾. Эти три эпитета, особенно послѣдній изъ нихъ, вызвали разнообразныя толкованія какъ въ древности, такъ и въ новое время.

¹⁾ Ὑπόθεσις къ «Птицамъ» Аристофана (II по изд. Бергка, v. II, p. 4).

²⁾ Историки медицины, какъ Гекеръ, Geschichte der Arzneikunde, s. 54. Ср. s. 367 и Шпренгель, Versuch einer pragmatischen Geschichte der Arzneikunde, I ⁴, s. 60, пытались установить точно время возникновенія инкубаціи, но ихъ попытки совершенно ненаучны. Littré, Oeuvres complètes d'Hippocrate, I, p. 6, хотя и не даетъ точнаго опредѣленія, но высказывается въ томъ смыслѣ, что инкубація существовала въ Греціи уже «dès la plus haute antiquité». Нельзя также согласиться съ Вольфомъ, Kl. Schr., II, s. 678, что инкубація существовала въ Греціи «aus den rohesten Zeiten» и что она «dem gewöhnlichen Raisonnement eines ieden unkultivirten Volks angemessen sei». Слова Вольфа повторяетъ и Велькеръ, Kleine Schriften, III, s. 90.

³⁾ Иліада, XVI, 233—235, пер. Гнѣдича.

⁴⁾ Относительно этимологіи этого эпитета см. Buchholz, Die homer. Realien, Leipzig, 1885, III, 1, s. 91, Anm. 5. Относительно, того, какъ правильнѣе говорить: Σελλοί или Ἑλλοί, ср. Strabo, VII, p. 328 и Lehrs, De Aristarchi studiis homericis ³, p. 231. Различныя этимологіи этихъ словъ сведены у Буше-Леклерка, Hist. de la divin. dans l'antiquité, II, p. 236, n. 5.

Изъ сопоставленія свидѣтельствъ древнихъ схолиастовъ къ 235-му стиху XVI рapsодіи Иліады видно, что они склонны были, въ большинствѣ случаевъ, объяснять эпитетъ ἀνιπτόποδες въ смыслѣ суроваго, аскетическаго образа жизни Селловъ. Толкованіе эпитета χαμαιεῦναι въ схоліяхъ на Иліаду слѣдующее: οἱ χαμαὶ ὄντες καὶ τὰ πόρρω σκοποῦντες. Врядъ ли τὰ πόρρω σκοποῦντες можетъ указывать на то, что Селлы давали свои прорицанія на основаніи сновидѣній; впрочемъ, смыслъ толкованія схолиаста въ данномъ случаѣ не совсѣмъ ясенъ.

Стравонъ, ссылаясь на вышеприведенные стихи Иліады, объясняетъ эпитеты ἀνιπτόποδες и χαμαιεῦναι въ томъ смыслѣ, что ими указывается на суровый, варварскій образъ жизни Селловъ ¹⁾. Такъ же понимаетъ эти эпитеты Филостратъ, равно какъ и лексикографы, объясняющіе ихъ въ прямомъ, а не иносказательномъ смыслѣ ²⁾. Софокль называетъ Селловъ ὄρεοι и χαμαικοῖται, причемъ оба эти эпитета соединяетъ союзомъ καὶ; слѣдовательно, Софокль считаетъ эти эпитеты неотдѣлимыми и, употребляя ихъ вмѣстѣ, очевидно, имѣетъ въ виду суровый, отшельническій образъ жизни Селловъ ³⁾. Наконецъ, Каллимахъ, говоря, впрочемъ, вообще о Пеласгахъ, называетъ ихъ γηλεχέες θεράποντες ἀσιγήτοις λέβητος; но уже схолиастъ Каллимаха, объясняя это γηλεχέες, замѣчаетъ: καὶ Ὀμηρος χαμαιεῦναι ⁴⁾.

Объясненіе эпитетовъ χαμαιεῦναι и ἀνιπτόποδες, представленное Евстаѳіемъ Солунскимъ, въ его толкованіяхъ на Иліаду, нѣсколько отличается отъ всѣхъ вышеуказанныхъ объясненій. „При толкованіи словъ ἀνιπτόποδες и χαμαιεῦναι, говоритъ Евстаѳій, одни полагаютъ (что это означаетъ), что Селлы проводятъ жизнь въ простотѣ: χαμαιεῦναι — что они лежатъ на землѣ и не спятъ на сѣнникѣ или на постеляхъ; ἀνιπτόποδες — что они не выходятъ изъ святилища и потому не употребляютъ воды для омовенія ногъ, какъ и у Еврипида въ „Ерехоеѣ“ указывается, что „Селлы не обмываются водою изъ источника и лежатъ на землѣ“ ⁵⁾. Ὑποφῆται — значить истолкователи пророчествующаго тамъ (въ Додонѣ) Зевса. Говорятъ, что они (ὕποφῆται), возлежа на шкурахъ, на основаніи сновидѣній, даютъ требующимъ отвѣты отъ Зевса, какъ и Ликофронъ

¹⁾ Strabo, VII, p. 328.

²⁾ Philostr. Imagines, II, 33. Apollon. Soph. Lexic. homer., s. v. ἀνιπτόποδες. Hesych., s. v. χαμεῦνης и χαμευνοί. Etymolog. magn., s. v. χαμαιεῦναι и χαμαιευνάδες.

³⁾ Sophocles Trach., 1166 сл.

⁴⁾ Callim. in Del., 286 и схол.

⁵⁾ Nauck, Tragic. graec. fragm. 2, Lipsiae, 1889, fragm. 367, p. 473. Ср. примѣчаніе тамъ же «non de Sellis, sed de Thracibus ab Eumolpo in aciem eductis dixisse haec Euripides probabiliter coni. Meineke».

повѣствуетъ, который называетъ прорицателя просто Τόμωρος, одноименно съ додонскими томурами. Ибо Томуры въ Додонѣ — пророки Зевса ¹⁾).

Итакъ, Евстаѳій, приводя мнѣніе Ликофрона, а также и другого (или другихъ) какого-то намъ неизвѣстнаго лица, даетъ возможность думать, что Селлы въ Додонскомъ оракулѣ совершали инкубаціи и давали откровенія на основаніи видѣнныхъ ими сновъ; другими словами, изъ вышеприведеннаго свидѣтельства Евстаѳіа какъ бы выходитъ, что Додонскій оракулъ Зевса былъ инкубаціонный, ониромантичeskій. Такъ и думаетъ большинство новыхъ ученыхъ, занимавшихся изслѣдованіемъ о Додонскомъ оракулѣ ²⁾).

Но, толкуя эпитетъ χαμαιῶναι въ смыслѣ „совершающіе инкубацію“ эти ученые (съ Евстаѳіемъ во главѣ) грѣшатъ противъ одного общаго правила, необходимаго при объясненіи всякаго текста: стараться, по возможности, объяснять текстъ просто, ничего не читать между его строками. Всякій, кто прочтетъ вышеуказанный текстъ Иліады, пойметъ его и безъ помощи какихъ бы то ни было толкованій. Въ данномъ случаѣ, какъ вообще всегда въ гомеровскихъ поэмахъ, мысль выражена просто и нечего здѣсь искать какой-нибудь задней мысли. Селлы называются ἀνιπτόποδες и χαμαιῶναι; отдѣлять одинъ изъ этихъ эпитетовъ отъ другого, какъ того въ особенности хотѣлъ Велькеръ, мы не имѣемъ никакого основанія ³⁾. Если ученые согласны, что эпитетъ ἀνιπτόποδες — не моющіе

¹⁾ Eustath. ad Iliad., XVI, 233 (v. III, p. 318 сл., Lipsiæ, 1825—28). Эпитету ἀνιπτόποδες Евстаѳій даетъ такое толкованіе: ἀνιπτάμενοι τῶν κατὰ ταῖς διανοίαις διὰ τὴν ἐκ μαντείας φιλοσοφίαν.

²⁾ Первымъ ученымъ, который высказался за существованіе инкубаціи въ Додонскомъ оракулѣ, былъ Бернгарди; онъ и Дельфійскій оракулъ считалъ за ониромантичeskій, что уже совершенно невѣроятно. Bernhardt, Grundriss der griech. Litteratur ⁴, I, s. 243. Послѣ Бернгарди это предположеніе развили: Ernst von Lasaux, Das pelasgische Orakel des Zeus zu Dodona, Würzburg, 1841, s. 7; Цандеръ въ «Allgemeine Encyclopädie» Эрша-Грубера, I, 26, s. 262 сл.; Витцель у Паули въ Real-Encyclopädie, VI, 1, s. 961 сл. Объясненія Цандера и Витцеля отличаются большою запутанностью. Съ опредѣленностью высказался Велькеръ, Kleine Schriften, III, s. 90 сл., что «in alten Griechenland gehn wahrscheinlich die Traum-Orakel im allgemeinen auf die homerischen Sellen zurück», хотя тотъ же Велькеръ въ своемъ «Griechische Götterlehre», I, s. 201, ср. 326, уже съ большою осторожностью указываетъ, что Селлы, «не моющіе ногъ и спящіе на землѣ», пророки Зевса, напоминаютъ «теллурическую мантику». Съ мнѣніемъ Велькера согласны: Gerlach, Dodona, Basel, 1859, s. 29, Unger, Ueber die Entstehung des Cultus von Dodona. Philologus, XXIV (1866), s. 394—401 (ср. его же статью: Hellas in Thessalien. Philologus, II Suppl. (1863). s. 712), Bouché-Lecleercq, Hist. de la divin. dans l'antiquité, II, p. 295 сл. 301 и Machnig, De oraculo Dodonæo capita V, Breslau, 1885, p. 11. Ср. p. 26—27.

³⁾ Такъ и поступаютъ всѣ новые комментаторы гомеровскихъ поэмъ Ср., напр., Faesi, Homers Ilias, Leipzig, 1852, къ Ил. XVI, 235; Ameis-Hentze, Homers Ilias ², Leipzig, 1885, къ тому же стиху; Al. Piéreron, Ὀμήρου Ἰλιάς, Paris, 1869, II, p. 419;

погъ—указываетъ на суровый образъ жизни Селловъ, то почему не объяснить подобнымъ же образомъ и другой эпитетъ: *χαλαῖναι*—спящіе на землѣ? Первый эпитетъ прекрасно подходитъ ко второму. Но, кромѣ того, и многіе другіе факты не позволяютъ согласиться съ тѣмъ, что въ Додонскомъ оракулѣ совершаема была инкубація.

Упомянутое о Селлахъ въ Иліадѣ показываетъ, что, уже во время ея составленія, Селлы исполняли въ Додонѣ обязанности истолкователей воли Зевса; безъ сомнѣнія, начало Додонскаго оракула должно относить ко временамъ еще болѣе далекимъ, чѣмъ тѣ, когда сложилась Иліада. Аристотель свидѣтельствуетъ, что Селлами назывались въ Додонѣ не только жрецы оракула, но всѣ вообще жители Додоны и ея окрестностей ¹⁾. Слова Аристотеля подтверждаютъ Стравонъ и схолиасты на Иліаду ²⁾. Если подъ Селлами и въ Иліадѣ разумѣются не одни жрецы, а всѣ жители Додоны вообще, то странно, конечно, было бы допускать, что всѣ жители Додоны совершали инкубацію. Но намъ могутъ возразить, что въ Иліадѣ эпитетъ *ὀποφῆται* прилагается только къ жрецамъ, и что, слѣдовательно, наша аргументація недостаточна.

Исслѣдователи, считавшіе Додонскій оракулъ въ началѣ его существованія, за оракулъ ониромантическій согласны, однако, съ тѣмъ, что обряды *ониромантики* не играютъ уже *никакой* роли въ историческое время существованія оракула. Они замѣчаютъ также, что въ обрядахъ мантики, практиковавшихся въ Додонѣ, было замѣчательное единство метода ³⁾. Самый употребительный и древній способъ прорицанія въ Додонѣ былъ по священному дубу, росшему близъ святилища Зевса ⁴⁾. Объ этомъ способѣ гаданія упоминается уже въ Одиссеѣ ⁵⁾ и у

Ebeling, Lexicon Homericum, Leipzig, 1874—85, II, s. 464, и Buchholz, Die homerischen Realien, III, I, s. 91.

¹⁾ Aristot. Meteor., I, 14.

²⁾ Strabo, I, p. 28. Schol. Il., XXI, 194. Cp. Carapanos. Dodone et ses ruines, Paris, 1878 p. 159 и слѣд.

³⁾ Cp. Bouché-Leclercq, Hist. de la divination dans l'antiquité, II, p. 301. 307.

⁴⁾ Это всего лучше выражаетъ устами Сократа Платонъ. Phædr., p. 275 B. Cp. Herodot., II, 56. Я пишу «гаданіе по священному дубу», а не по шелесту листьевъ священнаго дуба, какъ выражаются всѣ новые ученые, разъ рѣчь идетъ о додонскомъ оракулѣ. Профессоръ О. О. Соколовъ училъ меня, что ни въ одномъ свидѣтельствѣ древнихъ нѣтъ упоминанія, будто бы въ Додонѣ производилось гаданіе именно по шелесту листьевъ; О. О. Соколовъ полагаетъ, что гаданіе по дубу совершалось въ Додонѣ какимъ-нибудь особымъ, намъ неизвѣстнымъ способомъ.

⁵⁾ Odys., XIV, 327 сл. Cp. XIX, 296 сл. Когда бы ни была составлена Одиссея, кто бы ни былъ ея авторъ, страннымъ покажется тотъ фактъ, что инкубація, какъ способъ гаданія, о которой *будто бы* говорится въ Иліадѣ, въ Одиссеѣ уже замѣняется гаданіемъ по дубу. Если обѣ поэмы составлены, приблизительно, въ одно время или въ небольшой промежутокъ времени одна отъ другой, то такая непоследовательность въ сужденіи о Додонскомъ оракулѣ вызываетъ невольное сомнѣніе относительно его правдоподобности.

Исиода¹⁾. Въ греческихъ мифахъ часто попадаются упоминанія, что то или другое мифическое лицо обращалось за совѣтомъ къ Додонскому оракулу, и во всѣхъ случаяхъ говорится о способѣ гаданія *mith* по священному дубу; объ инкубаціи же не упоминается ни словомъ²⁾. Итакъ, общій голосъ древности свидѣтельствуешь въ пользу того, что гаданіе по священному дубу было древнѣйшимъ способомъ откровенія въ Додонѣ. Единственнымъ исключеніемъ является вышеуказанное свидѣтельство Ликофрона, приводимое Евстаѳіемъ. Въ дошедшей до насъ поэмѣ Ликофрона „Александра“ ничего не говорится, будто бы въ Додонскомъ оракулѣ совершалась инкубація. Тамъ есть упоминаніе, что въ Давніи былъ оракулъ Подалирія, гдѣ совершалась инкубація, причемъ вопрошающіе ложились на шкуру принесеннаго въ жертву животнаго и такъ ждали откровенія во снѣ³⁾. Перенесъ-ли Евстаѳій это извѣстіе объ оракулѣ Подалирія на оракулъ Додонскій, или у Ликофрона, въ недошедшихъ до насъ его произведеніяхъ, дѣйствительно говорилось о томъ, что мы теперь читаемъ у Евстаѳія, это безразлично: гомеровскій эпитетъ *χαμαιῶνα* не можетъ быть понимаемъ въ смыслѣ „совершающіе инкубацію“; поставленный въ связь съ другимъ эпитетомъ *ἀνιπτόποδες* онъ долженъ указывать на суровый образъ жизни Селловъ.

Наше разсужденіе клонилось къ тому, чтобы показать, что ни въ гомеровскихъ поэмахъ, ни въ исиодовскихъ нѣтъ еще упоминанія объ инкубаціи⁴⁾. Первое упоминаніе о ней въ нашихъ литературныхъ источникахъ мы находимъ у Пиндара.

¹⁾ Hesiod. fragm. 80, ed. Götting-Flach, p. 307.

²⁾ Aeschyl. Prometh., 828 сл. Sophocle. Trach., 1164 сл. Cp. 171. Pausan., VII, 21, 8. Orph. Argonaut., 264. Cp. 1153. Apollon. Rhod. Argonaut., I, 526. Apollod. Biblioth., I, 9, 16, 6. Schol. Il., II, 750. Eustath. ad Dion. Perieg., 429. Suida, s. v. Δωδώνη. Steph. Byzant., s. v. Δωδώνη. Cp. Strabo, VII, fragm. 1a, ed. Meineke. Lucan. Pharsalia, III, 179. Boetticher, Der Baumkultus der Hellenen, Berlin, 1865, s. 111 сл.

³⁾ Lycophr. Alex., 1047 сл. Cp. Philologische Untersuchungen herausgg. v. A. Kiessling und U. v. Wilamowitz-Möllendorf, XIII Heft: 'Timaos' Geographie des Westens von Ioh. Geffken, Berlin, 1892, s. 9.

⁴⁾ Роде, Psyche, s. 114, замѣчаетъ, что въ гомеровскихъ поэмахъ нѣтъ упоминанія объ инкубаціи: «Homer weiss nichts von Göttern oder Dämonen, die unter bestimmten Stellen der bewohnten Erde dauernd hausen, nahe der Menschen; eben darum verräth er auch keine Kenntniss von Incubationsorakeln». Но слѣдующія затѣмъ слова Роде: «es giebt Gründe für die Meinung, dass diese Art, mit der Geisterwelt, der die prophetische Kraft innewohnt, sich in Verbindung zu setzen, zu den ältesten Weisen griechischer Orakelkunst gehört, jedenfalls nicht junger ist als die apollinische Inspirationsmantik» нѣсколько неопредѣленны. Роде предполагаетъ, что легенда о поглощеніи Амфіарая землею рассказывалась уже въ киклической Эпикайдѣ (s. 107); но въ такомъ случаѣ надо доказать, что Эпикайда дѣйствительно одна изъ раннихъ киклическихъ поэмъ. Cp. Christ, Geschichte der griechischen Litteratur², München, 1890, s. 72.

Въ XIII Олимпійской одѣ, написанной Пиндаромъ въ честь Ксенофонта, сына Оссала, коринфянина, одержавшаго побѣду на Олимпійскихъ играхъ въ стадіи и пентаолѣ въ 464 г. ¹⁾, рассказывается, между прочимъ, много о коринфскомъ героѣ Веллерофонтѣ ²⁾. Оставляя весь много въ сторонѣ ³⁾, остановимся на томъ эпизодѣ, какъ Веллерофонту, по словамъ Пиндара, удалось укротить крылатого коня Пигаса. Приводимъ относящійся сюда отрывокъ въ переводѣ: „Нѣкогда Веллерофонтъ, у источниковъ Пирины, стремясь обуздать Пигаса, сына змѣевидной Горгоны, претерпѣлъ многое, пока дѣва Паллада не принесла ему золотую узду (явившись ему во снѣ); а послѣ сновидѣнія все сбылось тотчасъ и наяву. Аѣнна сказала: ты спишь царь Эолидъ? Вотъ возьми это средство для укрощенія коней, и отдай его, принеся въ жертву Дамѣю (Посидону) тучнаго быка, твоему отцу. Такъ, казалось, сказала дѣва, въ темной эгидѣ, ему спящему, во время ночи. Веллерофонтъ быстро вскочилъ, взявъ лежащій около него чудесный подарокъ. Радостно нашелъ онъ земляка, предсказателя Киранида и рассказалъ ему все дѣло: какъ онъ проспалъ ночь, по его совѣту, у жертвенника богини, какъ дочь молніеноснаго Зевса дала ему эту золотую узду, смиряющую упорство. Аѣнна, во время сновидѣнія, приказала ему повиноваться ей, немедленно принести въ жертву могучему земледержцу крѣпконогаго быка и тотчасъ же поставить жертвенникъ Аѣинѣ Конной“ ⁴⁾. Суть всего мифа, слѣдовательно, такая: Веллерофонтъ не можетъ укротить Пигаса. Онъ обращается за совѣтомъ къ коринфскому предсказателю Полинду, который и совѣтуетъ ему совершить инкубацію у жертвенника Аѣины ⁵⁾. Во время совершенія инкубаціи ⁶⁾ Аѣнна является Веллерофонту, даетъ ему золотую узду, съ помощью которой герой можетъ укротить свирѣпаго коня, и велитъ герою построить жертвенникъ въ честь богини. Общія черты обряда инкубаціи, описаннаго у Пиндара, совершенно схожи съ общепринятыми порядками ониромантики, какъ то мы увидимъ ниже: роль жреца исполняетъ пред-

¹⁾ Boeckh, Pindari opera, Lipsiae, 1819, II, 2, p. 211. Ср. L. Schmidt, Pindars Leben und Dichtung, Bonn, 1862, s. 342.

²⁾ Pindar. Olymp., XIII, 61—88, ed. T. Mommsen.

³⁾ Много о Веллерофонтѣ разработано Фишеромъ, Bellerophon, Leipzig, 1851 и Раппомъ въ Ausführl. Lexic. der griech. und röm. Mythologie Рошера, I, s. 757 сл. Ср. H. Lewy, Mythologische Beiträge. N. Jahrb. f. Phil. u. Pädag., 1892, 3 Heft., s. 185 сл.

⁴⁾ Pindar. Olymp., XIII, 61—79.

⁵⁾ Ст. 72 сл.: ὡς τ' ἀνὰ βωμῷ θεᾶς κοιτάξας νόκτ' ἀπὸ κείνου χρήσιος.

⁶⁾ Ст. 64: ἐξ ονείρου δ' αὐτίκα ἦν ὕπαρ. См. схол. къ ук. ст. по изд. Бёка: τοῦτο εἶπεν ὡς καθέδοντι: αὐτῷ τῆς Ἀθηνᾶς ἐνηνοχίας τὸν χαλινόν, ᾧ ἔμελλε χαλινεῦσαι τὸν Πήγασον. Ст. 68 сл.: ἐν ὄρφνᾳ γνώσονται οἱ παρθένος τόσα εἰπεῖν ἔδοξεν. Ср. схол. къ ст. 100: γνώσονται δὲ καθέδοντι и схол. къ ст. 105, 106, 107.

сказатель Полидъ, совѣтующій Веллерофонту совершить инкубацію; мѣстомъ совершенія послѣдней является жертвенникъ Аѳины; богиня является Веллерофонту во снѣ и указываетъ ему средство для укрощенія Пигаса; въ благодарность за оказанную помощь, Веллерофонтъ долженъ принести жертву Посидону, а въ честь Аѳины воздвигнуть жертвенникъ.

Итакъ, Пиндару былъ уже извѣстенъ обрядъ инкубаціи. Время ея, однако, у него приурочивается къ гомеровской эпохѣ, такъ какъ, извѣстно, Веллерофонтъ гомеровскій герой. Въ Иліадѣ миѣ о Веллерофонтѣ рассказанъ съ большею обстоятельностью, но объ исторіи героя съ Пигасомъ не упоминается ¹⁾. У Исіода въ „*Θεογονίᾳ*“ говорится, что „Веллерофонтъ убилъ Химэру съ помощью Пигаса“, но какъ добылъ герой этого коня, Исіодъ не сообщаетъ ничего ²⁾. Спрашивается, откуда Пиндаръ заимствовалъ *свой* рассказъ о Пигасѣ и Веллерофонтѣ? По мнѣнію Фишера, миѣ, сообщаемый Пиндаромъ въ XIII Олимпійской одѣ, является продуктомъ мѣстнаго изобрѣтенія и первоначально возникъ въ Коринѣ. Что это такъ, что коринѣяне смотрѣли на Веллерофонта, какъ на своего національнаго героя, а на Пигаса, какъ на фигуру, съ нимъ тѣсно связанную, это, помимо всего другого, видно и изъ коринѣскихъ монетъ ³⁾. Далѣе, по коринѣской легендѣ, переданной Павсаніею, Пигаса укротила Аѳина, почитавшаяся въ Коринѣ съ прозвищемъ *χαλινίτις*; это прозвище она получила именно оттого, что поймала сама коня уздою, которую затѣмъ и передала Веллерофонту ⁴⁾.

Ни въ гомеровскихъ, ни въ исіодовскихъ поэмахъ миѣ о Веллерофонтѣ и Пигасѣ не встрѣчается еще въ той формѣ, въ какой сообщаетъ его Пиндаръ. Намъ думается, что основныя черты этого миѣа вѣрно переданы въ упомянутой коринѣской легендѣ, сообщаемой Павсаніею: нѣтъ ничего проще, что сама Аѳина укрощаетъ Пигаса и передаетъ его Веллерофонту. Пиндаръ, въ силу своей глубокой и искренней религіозности, подвергъ эту легенду критикѣ, опирающейся на нравственное сознаніе поэта. Нравственному достоинству Аѳины не соотвѣтствуетъ самой лично укрощать Пигаса; поэтъ отвергаетъ эту унижитель-

¹⁾ *Ilias*, VI, 152—205. Въ Иліадѣ упоминается не Πηλαῖος, а Πηλεῖος, конь Ахилла, II., XVI, 152. Пигасъ погибаетъ отъ копья Сарпедона, во время битвы послѣдняго съ Патрокломъ, II., XVI, 466 сл. Вѣроятно, гомеровскій Пигасъ и пиндаровскій Пигасъ — олицетворенія одного и того же образа. Послѣ-гомеровскіе поэты надѣлили Пигаса чертами сверхъестественными.

²⁾ *Hesiod. Theog.*, 325. Ср. *Strabo*, VIII, p. 379. *Apollod. Bibl.*, II, 3, 2.

³⁾ Ср. *Roscher, Lex. der Mythol.*, I, s. 760.

⁴⁾ *Pausan.*, II, 4, 1. Ср. *Preller, Griechische Mythologie*, II ³, s. 81 и I ⁴, s. 217.

ную для божества черту и заставляет Аэину лишь дать въ ночномъ видѣніи узду Веллерофонту, дѣло котораго уже укротить Пигаса ¹⁾).

Итакъ, что же слѣдуетъ изъ всего вышесказаннаго? Во время Пиндара (кон. VI—нач. V в.) инкубація существовала несомнѣнно. А на основаніи показанія Продота, мы имѣемъ право заключать, что обрядъ инкубаціи былъ извѣстенъ уже въ половинѣ VI в. до Р. X. ²⁾. Это подтверждается и эпиграфическими памятниками. При раскопкахъ, произведенныхъ въ эпидаврійской святынѣ Аскліпія, найдена была архаическая надпись, вырѣзанная на мѣдной доскѣ: Καλλίστρατος ἀνέθηκε τοῖ Ἀσκλη(λ)απ[ι]τῖ Νοράγυρος ³⁾. Къ сожалѣнію, эта надпись пока единственная изъ архаическихъ эпидаврійскихъ надписей, такъ что характеръ ея начертаній приходится опредѣлять по сравненію съ другими арголидскими надписями вообще ⁴⁾. Кирхгофъ замѣчаетъ, что приморскіе арголидскіе города, которые въ историческое время заняли обособленное положеніе по отношенію къ Аргосу, имѣли и характеръ письма, отличный отъ аргосскаго ⁵⁾; по отношенію къ Ерміонѣ это стоитъ внѣ сомнѣнія. По сравненію съ двумя ерміонскими надписями ⁶⁾, которыя Кирхгофъ считаетъ „sehr alt“, можно заключить, что вышеприведенный эпидаврійскій документъ относится къ еще болѣе древнему времени, чѣмъ ерміонскія надписи ⁷⁾. Мнѣ кажется, что разбираемую эпидаврійскую

¹⁾ Нагляднымъ примѣромъ такого умышленнаго искаженія мѣта ради религіозно-этическихъ цѣлей служить также передаваемая Пиндаромъ легенда о Пелопѣ и Танталѣ, въ первой олимпійской одѣ.

²⁾ По свидѣтельству Иродота, I. 46, ср. 49, 52, Крезъ послалъ спросить оиванскій оракулъ Амфіарая, который былъ ониромантичскій. О оиванскомъ оракулѣ Амфіарая Иродотъ упоминаетъ также VIII, 133—134. Что въ указанныхъ мѣстахъ Иродота должно разумѣть, согласно мнѣнію Преллера (Berichte der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig, IV (1852), s. 141 сл.), Оиванскій, а не Оропскій оракулъ Амфіарая, какъ то думаютъ: Schömann (Griechische Alterthümer, II³, s. 334), Wilamowitz-Möllendorf (Hermes, XXI (1886), s. 104. Anm. 2) и Dürrbach (De Oropo et Amphiarai sacro, Parisii, 1890, p. 97 сл.), доказалъ Диттенбергеръ въ своихъ Observationes de sacris Amphiarai Thebanis et Oropiis. Index scholarum in Universitate Litteraria Halensi, 1889. Ср. Rohde, Psyche, I, s. 112.

³⁾ Ἐφημ. Ἀρχ., 1885, p. 198, № 101. Эта надпись издана также: Баунакомъ, Studien auf dem Gebiete des griechischen und der arischen Sprachen, I, 1, s. 108, Кирхгофомъ, Studien zur Geschichte der griechischen Alphabets ⁴⁾, Gütersloh, 1887, s. 61 сл. и Прелльвицемъ въ сборникѣ Колица, Sammlung der griech. Dialekt-Inschriften, III, 3, № 3324.

⁴⁾ Въ Δελτίον Ἀρχαιολογικόν, 1892, p. 49, говорится, что при раскопкахъ въ Эпидаврѣ въ 1892 г. найдена архаическая посвятельная надпись: τῷ φίλῳ Ἀσκληπιῷ. Къ сожалѣнію, надпись въ Δελτίονѣ издана минускулами, такъ что о ея времени, пока, ничего сказать нельзя.

⁵⁾ Kirchhoff, о. с., p. 159 сл.

⁶⁾ Roehl, Inscr. Gr. antiquissimæ, №№ 47, 48.

⁷⁾ Крайнимъ предѣломъ для ерміонскихъ надписей Кирхгофъ считаетъ первую половину V в., о. с., s. 161. Въ эпидаврійской надписи обращаютъ на себя вниманіе, по ихъ начертаніямъ, формы буквъ: Α, Σ, Ρ, Λ, Θ, Η (для обозначенія густаго придыханія).

надпись можно отнести къ VI в. до Р. Х., по крайней мѣрѣ, ко второй его половинѣ.

Кромѣ эпидаврійской архаической надписи съ посвященіемъ Аскліпію, есть еще одинъ древній документъ такого же характера: надпись на базѣ бронзовой статуи, найденной въ нын. Болоньѣ и неизвѣстно какъ туда попавшей. Надпись читается: *Καφισόδωρος Αἰσχυλαπιῶι* ¹⁾). Характеръ буквъ этой надписи, сравнительно съ эпидаврійскою, указываетъ на еще болѣе раннее время, быть можетъ на первую половину VI в. Такъ какъ при появленіи культа Аскліпія, религіозное врачеваніе, несомнѣнно, должно уже было существовать, а культъ Аскліпія явился ранѣе VI в., то и начало инкубаціи должно быть отодвинуто нѣсколько назадъ.

Подводя итогъ всему вышесказанному, мы можемъ замѣтить слѣдующее относительно времени появленія инкубаціи въ Греціи: настаивая на томъ, что обряды инкубаціи существовали еще до или въ періодъ сложенія Иліады и Одиссеи, мы должны предполагать, что авторъ этихъ поэмъ не зналъ о нихъ ничего. Но такое предположеніе, собственно говоря, равносильно отрицанію существованія инкубаціи въ гомеровское время. Въ Иліадѣ и Одиссеѣ сообщается рѣшительно все, что автору ихъ извѣстно о тогдашнемъ состояніи еллинской жизни; у него встрѣчаются указанія на различные мелкіе факты и явленія, имѣвшіе какое-либо отношеніе къ религіозной или частной жизни грековъ. Гомеръ и Исіодъ, по словамъ Иродота, создали ѳеогонію грековъ ²⁾). Что не извѣстно этимъ поэтамъ, о чемъ у нихъ нѣтъ упоминанія, то, естественно предполагать, не вошло еще въ ихъ время въ область греческихъ религіозныхъ вѣрованій и греческаго культа ³⁾). Единственное объясненіе

¹⁾ *Inscr. gr. ant.*, 549. Ср. прим. Рѣля къ надписи: «*Litteratura ea est, qua Corinthii et Megarenses et coloni utrorumque utebantur, ut inde alicunde statuam Bononiam allatam esse judicandum sit*». Эта надпись издана теперь также Кайбелемъ, *Inscr. gr. Siciliae et Italiae*, № 2282, который въ прим. говоритъ: *de fide tituli frustra dubitabat Jordan, comment. Momms., p. 538, cf. etiam Wilamowitz, Isyllos, p. 93. Litteraturam Corinthiam recte agnovit Roehl*. Культъ Аскліпія въ Коринѣ засвидѣтельствованъ Павсаніею, II, 4, 5. Ср. *Journal of hell. studies*, 1885, p. 74.

²⁾ *Herodot. II*, 53. Ср. *Xenophon. Sympos.*, IV, 6.

³⁾ Совершенно неосновательно думаетъ Лобекъ, что жреческая и авгуральная медицина получила свое начало во времена Исіода, *Aglaophamus*, I, p. 309: *Si quaerimus, qua aetate prima medicina auguralis, aruspiciinae et ostentorum vestigio sese ostendant; idem occurrit Hesiodus, seculi mystici quasi antecursor. Hic enim et herbas magicas praedicavit scripsitque «ὄρνιθοναυτεία», Diebus subiunctam, Melampodium, libros fatidicos (ἐπη μαντικά) et ostentarium sive ἐξηγήσεις ἐπὶ τήρασιν*. Последнія два произведенія, какъ указалъ *Markschaffel*, не должны быть приписываемы Исіоду. См. *Göttling-Flach, Hesiodi Carmina. Prolegomena*, p. L сл. Въ сохранившихся произведеніяхъ Исіода нѣтъ и намековъ на существованіе въ его время инкубаціи вообще, тѣмъ менѣе врачебной.

неупоминанія въ гомеровскихъ поэмахъ объ инкубаціи то, что она, въ періодъ созданія Иліады и Одиссеи, не существовала. Нельзя, конечно, отрицать, что, можетъ быть, зачаточные элементы инкубаціи существовали и въ гомеровскія времена; но началомъ всякаго явленія, несомнѣнно, должно считать тотъ моментъ, когда оно получило свой особый типъ и свое имя. Первое же упоминаніе объ инкубаціи мы находимъ, какъ указано выше, у Пиндара. Итакъ, *крайними предѣлами появленія инкубаціи въ древней Елладѣ должно быть поставлено: съ одной стороны время послѣ-гомеровское и даже послѣ-исіодовское, съ другой стороны—первая половина VI в. до Р. X.*

Выше мы указали на общій и частный характеръ инкубаціи, какъ средства получить откровеніе; указали и на то, что всѣ инкубаціонные оракулы могутъ быть подраздѣлены на ониромантическіе вообще и іатромантическіе въ частности. Врачебная инкубація (іатромантика), какъ частный видъ инкубаціи вообще, получила свое развитіе, вѣроятно, уже тогда, когда греки научились прибѣгать къ ониромантикѣ съ цѣлью узнать будущее. Соотвѣтственно этому и іатромантическіе оракулы Аскліпія и другихъ божествъ возникли уже по образцу героическихъ оракуловъ, которые служили главнѣйшими представителями ониромантического гаданія.

Изъ чего развился обычай совершать инкубацію? Съ большою вѣроятностью можно предполагать, что ониромантия, какъ средство получить откровеніе, имѣетъ свое начало въ некромантіи или откровеніи при посредствѣ душъ усопшихъ. Для полученія откровенія посредствомъ инкубаціи требовались извѣстныя опредѣленныя предуготовительныя дѣйствія: очищенія, жертвоприношенія, молитвы; такими же обрядами было обставлено и вызываніе душъ умершихъ, такъ что въ обоихъ способахъ гаданія можно усмотрѣть нѣкоторое единство метода.

До самаго послѣдняго времени вопросъ о некромантіи былъ почти совершенно не разработанъ въ новой наукѣ ¹⁾. Въ 1890 году вышла первая часть книги Эрвина Роде: *Psyche. Seelencult und Unsterblichkeitsglaube der Griechen* ²⁾. Здѣсь Роде съ такимъ мастерствомъ и знаніемъ

¹⁾ Мнѣ извѣстны лишь два сочиненія, посвященные этому вопросу, въ настоящее время совершенно устарѣвшія: это—небольшая замѣтка Фрерэ (Fréret), *Sur les oracles rendu par les ames des morts. Mem. de l'acad. des inscr.*, XXIII, p. 274 сл. и сочиненіе I. К. Келера. *De origine et progressu necromantiae sive manium evocationis apud veteres tum Graecos tum Romanos*, Lignitz, 1829.

²⁾ Рецензію на эту книгу О. Ф. Зѣлинскаго см. въ *Филологическомъ Обозрѣніи*, I (1891), стр. 127 сл.

дѣла разбираетъ вопросъ о душѣ и о ея безсмертіи въ мнѣніяхъ древнихъ грековъ, что было бы совершенно бесполезно, да и врядъ-ли возможно, пытаться что-нибудь добавить къ сказанному знаменитымъ ученымъ. Въ виду этого я позволю себѣ ограничиться нѣсколькими необходимыми замѣчаніями. Въ своей книгѣ Р о д е, между прочимъ, доказываетъ, что въ гомеровское время нѣтъ никакихъ слѣдовъ возможности общенія душъ умершихъ съ живыми людьми, послѣ того какъ трупъ умершаго преданъ сожженію. Правда, въ гомеровскихъ поэмахъ встрѣчаются упоминанія, указывающія на возможность такого общенія. Но эти упоминанія являются отголосками („рудиментами“) болѣе старинныхъ вѣрованій, согласно которымъ души погребенныхъ, но не сожженныхъ людей, обитаютъ въ ихъ, могилахъ и поддерживаютъ сношенія съ живымъ міромъ ¹⁾.

Трудно сказать, когда греки начали прибѣгать къ вызыванію духовъ, какъ къ средству получить откровеніе. Въ X рапсодіи „Одиссеи“ говорится о нисхожденіи въ преисподнюю ²⁾; но тамъ нѣтъ упоминанія о простомъ вызываніи духовъ, и это дало поводъ Любеку заключить, что психомантія возникла въ Греціи уже во время послѣ-гомеровское ³⁾. Какъ бы-то ни было, та форма некромантического гаданія, которая описана въ „Одиссеѣ“ и которая была мыслима для миѣческаго героя, не могла считаться удобоприложимою для простыхъ смертныхъ. Надо было постараться сдѣлать возможнымъ вызываніе души усопшаго для каждого, кто этого желалъ; надо было найти и подходящее для того мѣсто. Такимъ, проще всего, могла считаться могила усопшаго. Вызываніе душъ усопшихъ на ихъ могилахъ, вѣроятно, предшествовало появленію героическихъ оракуловъ, дававшихъ откровенія посредствомъ инкубаціи. Но вызываніе душъ усопшихъ не всегда могло быть приложимо на практикѣ; оно могло встрѣтить для себя затрудненіе въ томъ, что не всякій усопшій могъ давать прорицанія. Тогда явилась мысль обращаться за вопрошаніемъ къ такимъ лицамъ, которыя, по всеобщему мнѣнію древнихъ, отличались при своей жизни даромъ пророчества; другими словами, стали вопрошать огероизированныхъ пророковъ. Такъ явились оракулы Амфіарая, Калханта, Амфилоха, Мопса и др., славившихся при своей жизни даромъ предвѣщать будущее. Сначала вопрошали героевъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, по народному сказанію, они нашли себѣ смерть, были погло-

¹⁾ Эту мысль Р о д е развиваетъ въ первомъ отдѣлѣ своего изслѣдованія: Seelenglaube und Seelencult in den homerischen Gedichten, s. 1—45, особенно s. 14 сл.

²⁾ Rohde, o. c., s. 45 сл.

³⁾ Lobesck, Aglaophamus, p. 316.

щены землею ¹⁾). Инкубація и основывается собственно на томъ убѣжденіи, что то божество или тотъ герой, который является во снѣ человѣку, вопрошающему его, обитаетъ именно въ томъ мѣстѣ земли, которое служитъ его пребываніемъ послѣ прекращенія его земнаго существованія ²⁾). Затѣмъ, съ теченіемъ времени, около этихъ мѣстъ начинаютъ появляться оракулы, специально приспособленные къ прорицанію, являются и лица, назначенныя для объясненія этихъ прорицаній. Когда установился такой порядокъ, инкубацію стали примѣнять не только какъ простое средство получить откровеніе, ею воспользовались специально для врачебныхъ цѣлей, заставляя то или другое божество являться во снѣ больному и открывать полезныя для него врачебныя средства ³⁾).

II. Порядокъ религіознаго врачеванія.

Приступая къ изложенію внѣшней, обрядовой стороны инкубаціи, мы будемъ имѣть въ виду, главнымъ образомъ, инкубацію врачебную. Мы постараемся описать порядокъ религіознаго врачеванія въ ора-

¹⁾ Этихъ героевъ, поглощенныхъ землею и не испытавшихъ смерти, Роде называетъ «Höhlengötter» (о. с., s. 104 сл.). «Sie (т. е. эти Höhlengötter), замѣчаетъ Роде (стр. 111), hausen ja lebendig unter der Erdoberfläche, nicht im unerreichbaren Nebelreiche des Hades, sondern mitten in Griechenland; Fragen und Bitten werden zu ihnen hinab, ihre Hülfe wird zu den Bittenden herauf dringen können. Ihnen widmet man denn auch, als mächtigen und wirksamen Geistern, einen Cult». Къ этимъ Höhlengötter Роде, ук. м., причисляетъ кромѣ Амфіарая, Трофонія, Кэнея, Алфэмена, Амфилоха и др., также и Аскліпія: «In Wahrheit ist ursprünglich auch er (Аскліпій) ein in der Erde hausender thessalischer Ortsdämon gewesen, der aus der Tiefe, wie viele solche Erdgeister, Heilung von Krankheiten, Kenntniss der Zukunft (beides in alter Zeit eng verbunden) heraufsandte» (s. 132). Не вдаваясь въ подробности, пока замѣчу только, что, въ данномъ случаѣ, Роде не съ такою полнотою и обстоятельностью, какія были бы желательны, останавливается на толкованіи сущности міаа о богѣ-врачѣ. Несомнѣнно, что Амфіарай, Трофоній и др. суть «Höhlengötter», но слѣдуетъ-ли къ этому же разряду относить и Аскліпія, въ этомъ меня, по крайней мѣрѣ, Роде не убѣждаетъ.

²⁾ Rohde, Psyche, s. 113 сл.: «die Incubation, der Tempelschlaf, durch den man Amphiarao befragte (wienoch viele Dämonen und Heroen) beruht eigentlich auf dem Glauben, dass der Dämon, der freilich menschlichem Auge nur in der Seelenerhöhung des Traumes sichtbar wird, seinen dauernden Wohnplatz an der Stelle des Orakels habe. Eben darum kann nur an dieser Stelle und nirgends sonst seine Erscheinung erwartet werden». Ср. также прим 1 на стр. 113 и стр. 149 сл.

³⁾ Ср. ст. Ф. Денекена «Heros» въ «Лексиконѣ» Рошера, I, sp. 2482 и 2485 («Die Heilkunst der Alten stand im engsten Zusammenhang mit des Mantik. Beide Wirkungskreise gingen sogar zum Teil in einander auf, da die Heilung der Krankheiten oft durch irgend welche prophetische Offenbarung bewirkt wurde. Da nun auch innerhalb der Mantik gerade das ehtonische Element vielfach von eingreifender Bedeutung war, was sich in der Weissagung aus aufsteigenden Erdaünsten, in der Inkubation und in den schon früh aufgenommenen Totenorakeln zeigt, so war es nur natürlich, dass sich zu den Orakelgöttern auch eine ganze Anzahl von weissagenden Heroen hinzugesellten»).

кулахъ *iатромантическихъ*, и преимущественно Асклипія, относительно которыхъ мы обладаемъ довольно значительными свѣдѣніями. Порядки совершенія инкубаціи въ остальныхъ ониромантическихъ оракулахъ намъ извѣстны далеко недостаточно, и то, что мы знаемъ объ этихъ порядкахъ въ настоящее время, представляется отрывочными фактами, создать на основаніи которыхъ общую характеристику трудно и даже почти невозможно.

Мы имѣли случай указать выше, что Аристофанъ представилъ намъ довольно полную картину порядковъ религіознаго врачеванія, главнымъ образомъ, въ своей комедіи „Богатство“, а также въ „Амфіараѣ“, насколько можно судить по сохранившимся отрывкамъ этой послѣдней комедіи.

Вѣрнѣе сказать, въ „Богатствѣ“ Аристофанъ представилъ намъ ѣдкую и злую сатиру на то суевѣріе, которое господствовало въ аѳинскомъ обществѣ его времени. Поэтъ изображаетъ „Плута“, бога богатства, слѣпымъ, и по этой причинѣ расточающаго свои блага недостойнымъ лицамъ. Необходимо возратить богу зрѣніе, и тѣмъ дать ему возможность различать людей и награждать ихъ по ихъ заслугамъ. За исполненіе этого дѣла берутся Хремилъ и Влепсидимъ. Они приказываютъ своему рабу Каріону захватить все необходимое и вести Плута въ аѳинскій оракулъ Асклипія ¹⁾. Затѣмъ Хремилъ и Влепсидимъ уходятъ. Скоро возвращается въ великой радости Каріонъ и рассказываетъ женѣ Хремила, какъ Асклипій исцѣлилъ Плута; при этомъ Каріонъ до мельчайшихъ подробностей рисуется картину порядковъ религіознаго врачеванія ²⁾. Спрашивается, насколько эта картина соотвѣтствуетъ дѣйствительности?

Одинъ французскій ученый считаетъ всю сцену объ инкубаціи у Аристофана, „безжалостною сатирою надъ шарлатанствомъ, предѣлы котораго столь велики, что поэтъ не побоялся въ данномъ случаѣ осмѣять весь аѳинскій народъ“ ³⁾. Но можно-ли допустить, что указанная сцена въ „Богатствѣ“ —злая пародія порядковъ религіознаго врачеванія? Правда, Аристофанъ зачастую изображаетъ греческихъ боговъ и формы греческаго культа въ смѣшномъ видѣ; но его нельзя обвинить въ стремленіи замѣнить государственную религію введеніемъ новыхъ доктринъ. Хотя комикъ подсмѣивается надъ безмертіемъ и справедливостью боговъ, но онъ, ни въ

¹⁾ Aristoph. Plut., 620—626.

²⁾ Ibid., 652 сл.

³⁾ Malgaigne, Essai sur l'histoire et l'organisation de la chirurgie et de la médecine grecques avant Hippocrate, p. 340.

какомъ случаѣ, не отрицаетъ ихъ существованія ¹⁾). Надо помнить, что Аристофанъ прежде всего комическій поэтъ; его главная цѣль — заставить зрителя и читателя смѣяться. Нельзя составить истиннаго представленія о той или другой личности, о томъ или другомъ фактѣ, пользуясь свидѣтельствами лишь одного Аристофана, и было бы опрометчиво судить о характерѣ религіознаго врачеванія лишь по сценѣ въ „Богатствѣ“. Надо выдѣлить изъ разсказа Аристофана дѣйствительные факты и прикрасы. Сдѣлавъ это, мы увидимъ, что подробности религіознаго врачеванія, описываемыя Аристофаномъ, совпадаютъ и съ другими фактами, намъ извѣстными по данному вопросу. Итакъ, Аристофанъ, не взирая на всю каррикатурность своего изложенія, могъ сообщать и въ дѣйствительности сообщалъ то, что происходило при инкубаціи, и въ общихъ чертахъ представилъ намъ вѣрное изображеніе порядковъ религіознаго врачеванія ²⁾).

Отъ комедіи Аристофана „Амфіарай“ сохранились лишь отрывки, на основаніи которыхъ, однако, можно составить себѣ представленіе объ ея содержаніи ³⁾). Аристофанъ изображалъ въ этой комедіи старика, больного и разслабленнаго, который, въ сопровожденіи своей жены, явился въ святиню Амфіарая, надѣясь тамъ получить исцѣленіе. И въ „Амфіарѣ“, также какъ и въ „Богатствѣ“, Аристофанъ имѣлъ въ виду, вѣроятно, осмѣять суевѣрія аѳинянъ, распространившіяся среди нихъ во время приготовленія къ Сицилійской экспедиціи, когда они, будучи обезсилены ранѣе бывшею чумою, а также потрясенные военными неудачами, все свое упованіе возлагали на предвѣщанія гадателей, и „блуждали между надеждою и страхомъ“ ⁴⁾).

¹⁾ Ср. A. Maury, Histoire des religions de la Grèce antique, Paris, 1857, III, p. 472, n. 7, а также интересную статью Ж. Жирара, La religion dans Aristophane. Revue des Deux-Mondes, 1878, août, p. 589—615 et novembre, p. 391—417.

²⁾ Percy Gardner, New- Chapters in Greck history, London, 1892, p. 367 сл., относительно сцены въ «Богатствѣ» Аристофана замѣчаетъ: «We find it almost impossible to understand how the Athenians could one day delight in ridiculing the gods and their worship, and the next approach them as votaries. In the Plutus the passage describing the actual cure of Plutus sounds like the pious recital of a grateful votary who had experienced the help of the god; but the background of the passage is one of jesting and indecency. It does not seem that Aristophanes intended to throw any doubt on the reality of the cures in the temple; he probably accepted the cultus of Asclepius as he did the other cults of Athens; his wit has no iconoclastic force, but only covers the images of the gods with Dionysiac ivy, making them like that ancient statue of Hermes described by Pausanias, which was invisible because of the myrtle boughs heaped about it».

³⁾ О той тенденціи, которую преслѣдуетъ въ этой комедіи Аристофанъ, см. Meineke, Comic. græc. fragmenta, II, 2, p. 949 сл.

⁴⁾ Meineke, о. с., p. 951 сл.

Пользуясь свидѣтельствами Аристофана и другихъ извѣстныхъ источниковъ, постараемся теперь представить общій ходъ обрядовой стороны религіознаго врачеванія.

Прежде чѣмъ быть допущеннымъ къ совершенію инкубаціи, больной подвергался нѣкоторымъ обрядамъ очищенія. „Какъ только мы пришли въ святиню бога, ведя съ собою мужа тогда несчастнаго, теперь же здороваго и счастливаго (т.-е. Плути), мы его прежде всего повели къ источнику ¹⁾ и тамъ вымыли“, начинается Каріонъ свой разсказъ объ исцѣленіи Плути ²⁾. Какая употреблялась вода при омовеніи: обыкновенная, минеральная или морская, мы не знаемъ. Вѣроятно, пользовались тою водою, которая находилась при томъ или другомъ инкубаціонномъ оракулѣ ³⁾. На предварительное купанье предъ инкубаціей греки смотрѣли не только какъ на терапевтическое средство, но видѣли въ ваннѣ просто средство очищенія, необходимаго предъ всякимъ религіознымъ актомъ. Въ глазахъ древнихъ „море очищало всѣ людскіе пороки“ ⁴⁾ и излишне говорить о томъ высокомъ значеніи, которымъ вообще пользовалось купанье въ древней Елладѣ въ связи съ общими заботами жителей ея о своемъ физическомъ воспитаніи. По свидѣтельству Павсанія очищеніе больного посредствомъ купанья было первымъ дѣломъ въ оропскомъ оракулѣ Амфіарая ⁵⁾. Изъ рѣчей Аристида мы узнаемъ, что купанье иногда соединялось со втираніями, мазаньемъ, окуриваньемъ; больныхъ чистили особо устроенными скребницами послѣ купанья, а иногда до него ⁶⁾.

Затѣмъ до совершенія инкубаціи больной постился, соблюдая строгую діету. Лица, обращавшіяся къ оропскому оракулу Амфіарая, постились въ теченіе одного дня и не пили вина въ продолженіе трехъ дней. Цѣлью такого воздержанія было — сдѣлать человека болѣе способнымъ

¹⁾ Такъ справедливо, кажется, понимаетъ слово θάλαττα у Аристофана П. Ж и р а р ъ, L'Asclépieion d'Athènes, p. 70 сл.

²⁾ Aristoph. Plut. 653 сл. Ошибается Ἀναγνωστάκης, Ἡ ἱατρικὴ τοῦ Ἀριστοφάνους, ἐν Αθήναις, 1891, p. 6, думая, что въ данномъ мѣстѣ Аристофана указывается уже на самое леченіе, а не на очищеніе предъ совершеніемъ инкубаціи. Ср., ibid., p. 8 сл.

³⁾ Около оракула Подалирія, въ Апуліи, протекала рѣка Алэонъ, въ которой и мылись обыкновенно предъ совершеніемъ инкубаціи. Schol. Lycophr., Alexandra, 1050.

⁴⁾ Eurip. Iphig. Taur., 1193.

⁵⁾ Pausan., I, 34, 4. О необходимости очищенія прежде чѣмъ предстать предъ божествомъ, см. анданійскую надпись. Dittenberger, Sylloge inscr. græc., 388, II. 103 сл.

⁶⁾ Подобныя ξύστρα упоминаются также въ отрывкѣ храмоваго закона, недавно найденнаго въ Левинской святинѣ Аскліпія. Philologus, XLIX, N. F. III (1890), s. 587 сл., B. I. 2. Ср. s. 596. Левинское святилище Аскліпія (ср. Pausan., II, 26, 9. Philostr. Vita Apollon., IV, 34, 174) принадлежало къ области города Гортины, хотя Левина, по свидѣтельству Страбона, X, p. 478, находилась отъ Гортины на разстояніи 90 стадій. Ср. C. I. Gr., 2555. Cauer, Delectus inscr., 116.

къ принятію откровенія ¹⁾). Можно, однако, думать, что эти предварительныя дѣйствія: купанье и постъ усиливались, смягчались, и даже совсѣмъ отмѣнялись, смотря по характеру болѣзни паціента.

Послѣ этого совершалось жертвоприношеніе въ честь божества, къ которому обращались. Для жертвоприношенія употреблялись различныя животныя: Амфіараю, напримѣръ, приносили въ жертву барана ²⁾, Асклепію, въ аѳинскомъ оракулѣ, свинью или барана ³⁾. Изъ Аристофана видно, что Плутъ и сопровождавшія его лица принесли въ жертву Асклепію лепешки и крупичатую муку ⁴⁾. Старушка принесла въ горшкѣ кашу, которая, по словамъ схолиаста, назначалась также въ жертву Асклепію ⁵⁾. Жертвоприношеніе вообще считалось необходимымъ предъ совершеніемъ инкубаціи, какъ извѣстнаго религіознаго акта ⁶⁾. Оно совершалось, вѣроятно, спустя болѣе или менѣе продолжительное время послѣ прибытія больного въ оракулъ. Жрецамъ надо было предварительно ознакомиться съ болѣзною и настроеніемъ больного, дать ему время успокоиться съ дороги. Спокойствіе духа необходимо прежде всего для успѣшнаго врачеванія. Въ надписи о врачеваніи Апелла говорится, что богъ, еще на пути больного въ Эпидавръ, въ Эгинѣ, велитъ ему успокоиться ⁶⁾. Время до совершенія инкубаціи жрецы употребляли, вѣроятно, на то, чтобы показать больному, если онъ не былъ очень слабъ, расположеніе оракула, тѣ надписи, гдѣ говорилось о чудесныхъ исцѣленіяхъ, совершенныхъ богомъ ⁷⁾. Этимъ возбуждали воображеніе больного, заставляя его вѣрить въ дѣйствительность участія самого божества въ дѣлѣ врачеванія.

Самая инкубація совершалась ночью. Больные приносили съ собою одѣяла, на которыя и ложились ⁸⁾, если для этой цѣли не служила

¹⁾ Philostr. Vita Apollon., II, 37, 90.

²⁾ Pausan., I, 34, 5.

³⁾ Bull. de corr. hell., II, p. 71.

⁴⁾ Aristoph. Plut., 660—661.

⁵⁾ Schol. Aristoph. Plut., 673. Кажется, П. Жираръ, L'Asclépieion d'Athènes, p. 72, совершенно неосновательно не довѣряетъ схолиасту и думаетъ, что каша предназначалась не богу, а служила пищею самой старушки, такъ какъ жертвы были принесены раньше. Очень возможно, что жрецы не все сожигали, а оставляли кое-что изъ жертвъ, чтобы богъ самъ могъ это взять при обхожденіи больныхъ, и эти остатки, конечно, доставались жрецамъ; послѣднимъ было бы очень невыгодно, еслибы все предназначавшееся въ жертву было сожжено.

⁶⁾ Plutarch. Consol. ad Apollon., p. 109 C (= Moralia, I, p. 266, ed. Bernardakis). Ср. Aristid., I, p. 472. 'Εφ' ημ. 'Αρχ., 1883, p. 197 сл., II. 41 сл., p. 227, II. 14.

⁷⁾ 'Εφ' ημ. 'Αρχ., 1883, p. 227, II. 4—5.

⁸⁾ Ср. 'Εφ' ημ. 'Αρχ., 1883, p. 197 сл., II. 23 сл.: θεῶν δὲ (больной) τοὺς ἐν τῷ ἱερῷ [π]ύνακας, II. 34 сл.: περιερχοῦσα δὲ [κατὰ τ]ὸ [ἱε]ρόν τῶν ἱαμάτων τ[ι]νὰ διεγέλα..., 1885, p. 1 сл., II. 96 сл.

⁸⁾ Aristoph. Plut., 624.

шкура животного, принесеннаго въ жертву предъ инкубаціею ¹⁾. Послѣ того, какъ всѣ больные были въ сборѣ, служитель (πρόπολος) тушитъ свѣтильники и приглашаетъ больныхъ спать, не нарушая спокойствія, если даже они услышатъ какой-либо шумъ ²⁾; очевидно, что то зданіе, гдѣ происходила инкубація, раньше освѣщено было свѣтильниками. Аристидъ въ своихъ рѣчахъ называетъ ихъ священными ³⁾.

Инкубація, какъ это теперь достовѣрно извѣстно, въ большихъ оракулахъ совершалась въ особомъ, приспособленномъ для этой цѣли, зданіи, которое называлось ἄβατον ⁴⁾, ἄδυτον ⁵⁾ или κοιμητήριον ⁶⁾.

Развалины такого авата найдены въ эпидаврійскомъ оракулѣ Аскліпія ⁷⁾. Въ оропской святынѣ Амфіарая мужчины совершали инкубацію въ одной части авата, у восточной стороны жертвенника, женщины— въ другой, у западной его стороны ⁸⁾. Иногда инкубація совершалась въ храмѣ ⁹⁾, а то и на могилахъ героевъ ¹⁰⁾.

¹⁾ Pausan., I, 34, 5. Ср. Lycophr. Alex., 1050 и схол. Hieronym. ad Isaiam, XVIII, 65, p. 774.

²⁾ Aristoph., Plut., 670 сл.

³⁾ Aristid., I, p. 541. Ср. I, 447: καὶ τινα τῶν ὑπηρετῶν ἰδὼν τῶν περὶ τὸ ἱερὸν ἥρομην, ὅπου ὁ ἱερεὺς εἶη· ὁ δ' ἔφη, ἐξόπισθε τοῦ νεώ· καὶ γὰρ εἶναι περὶ λύχνους ἤδη τοὺς ἱερούς. П. Жираръ, L'Asclépieion d'Athènes, p. 72 неправильно толкуетъ послѣднія слова въ приведенной цитатѣ, относя ихъ къ жрецу («Derrière le temple, me dit-il, il s'occupe des lampes sacrées»). Его смущаетъ разногласіе между словами Аристиды и показаніемъ Аристофана, что свѣтильники горѣли въ томъ мѣстѣ, гдѣ спали больные. Но вѣдь слова: καὶ γὰρ εἶναι—περὶ λύχνους ἤδη τοὺς ἱερούς указываютъ на определенное время зажигания свѣтильниковъ. Иначе, какое значеніе можетъ имѣть слово ἤδη?

⁴⁾ 'Εφημ. 'Αρχ., 1883, p. 197 сл., passim., p. 227, l. 19. 1885, p. 1 сл., passim. Ср. Pausan., II, 27, 2. Aelian. De nat. animal., IX, 33. Suida, s. v. Δορυῖνος.

⁵⁾ 'Εφημ. 'Αρχ., 1885, p. 1 сл., l. 112, p. 65 сл., l. 30.

⁶⁾ 'Εφημ. 'Αρχ., 1885, p. 93, № 1, l. 43.

⁷⁾ См. мою замѣтку въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1890, сентябрь, стр. 112 сл., отд. класс. фил. и «Хронику» А. Н. Щукарева въ Филол. Обзорѣніи, III, стр. 88 сл. Ошибочно повторяетъ Dyer, Studies of the Gods in Greece, London, 1891, p. 236. 248, старое мнѣніе, что инкубація въ эпидаврійскомъ оракулѣ совершалась въ портикѣ.

⁸⁾ 'Εφημ. 'Αρχ., 1885, p. 93 сл., II. 44 сл.: ἐν δὲ τοῖ κοιμητήριοι καθεύδουσιν χωρὶς μὲν τοὺς ἄνδρας, χωρὶς δὲ τὰς γυναῖκας, τοὺς μὲν ἄνδρας ἐν τοῖ πρὸ ἡδὲ τοῦ βωμοῦ, τὰς δὲ γυναῖκας ἐν τοῖ πρὸ ἐσπε[ρης] τὸ κοι[μητήριον] τοὺς ἐν[καθεύδοντας]. Эта надпись издана также Ф. Бехтелемъ, Inschriften des ionischen Dialekts, s. 10, № 18, а также Диттенбергеромъ. Corp. inser. gr. Graeciae Septentrionalis, vol. I: Inscriptiones Graecae Megaridis, Oropiae, Boeotiae, № 235. Ср. статью Виламовица-Мёллендорфа: Oropos und die Graeer. Hermes, XXI (1886), s. 19 сл. Виламовицъ относилъ эту надпись къ 411—402 гг. до Р. Х., Диттенбергеръ совершенно справедливо опредѣляетъ время ея: hunc titulum proxima post pacem Antalcideam aetate, ... incisum aexistimo. Но я не могу согласиться съ Диттенбергеромъ относительно тѣхъ похвалъ, которыя онъ воздаетъ Виламовицу за реальное объясненіе этой надписи въ ук. статьѣ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тонъ объясненія Виламовица напоминаетъ намъ скорѣе современный фельетонъ, чѣмъ ученый комментарий.

⁹⁾ Plutarch. De def. oracul., p. 434 D (= Moralia, III, p. 132 ed. Bernardakis), Pausan., X, 32, 12.

¹⁰⁾ Lycophr. Alex., 1050 сл. и схол. Ср. Strabo VI, p. 284. Аристидъ совер-

Наконецъ, въ аватѣ водворяется тишина, больные засыпаютъ. При темнотѣ, при религіозной тишинѣ, не замедлитъ появиться сонъ, особенно у человѣка усталого и притомъ слабаго. Воображеніе больного занято исключительно его болѣзнію; онъ мечтаетъ о томъ, какъ бы ему получить исцѣленіе, въ которое онъ твердо вѣритъ. Больной возбужденъ всѣмъ тѣмъ, что ему пришлось видѣть, слышать, переживать; онъ возбужденъ ожиданіемъ появленія божества. При такомъ настроеніи больного, неудивительно, что и сны, которые ему снятся, имѣютъ прямое отношеніе къ тому, чѣмъ все время занятъ больной: возлагая всю свою надежду на божество, къ которому онъ обращался, онъ и видитъ его во снѣ. Если богъ не являлся больному въ первую ночь, инкубація должна была совершаться въ теченіе нѣсколькихъ ночей ¹⁾).

Чтобы еще болѣе подѣйствовать на воображеніе больного и указать ему на несомнѣнное участіе божества въ дѣлѣ врачеванія, жрецы могли допускать невинный обманъ: они являлись замаскированными Асклепіемъ и другими членами его семейства; у Аристофана, напр., мы видимъ Асклепія, явившагося въ сопровожденіи его дочерей: Ясо и Панакіи ²⁾. Иногда при инкубаціи играли роль и животныя, посвященные богу-врачу: змѣя ³⁾ и собака ⁴⁾.

Но могло случиться, что, сколько разъ ни совершалъ больной инкубацію, ему все-таки ничего не снилось. Тогда жрецы объясняли это недостаткомъ вѣры у пациента или несоблюденіемъ имъ какихъ-либо

шалъ инкубацію въ различныхъ мѣстахъ, напр., между дверьми и рѣшеткою храма. Aristid., I, p. 484.

¹⁾ J. Ziehen въ ст. своей: Studien zu den Asklepiosreliefs. Athen. Mitth., XVII (1892), s. 229 сл. объясняетъ нѣк. рельефы съ изображеніемъ Асклепія, подходящаго къ больному (Asklepios' Krankenbesuch) и полагаетъ, что на нихъ представленъ именно тотъ моментъ, когда богъ-врачъ, во время совершенія больнымъ инкубаціи, является къ нему совершить исцѣленіе. Ср. ibid., s. 239 сл.

²⁾ Aristoph. Plut., 701.

³⁾ 'Εφ η μ. 'Αρχ., 1883, p. 197 сл., II. 115 сл.; 1885, p. 1 сл., II. 116 сл., 129 сл. О змѣѣ въ культѣ Асклепія ср. L. Hopf, Thierorakel und Orakelthiere in alter und neuer Zeit, Stuttgart, 1888, s. 182. Roscher, Lexic. der griech. und röm. Mythologie, I, s. 626.

⁴⁾ 'Εφ η μ. 'Αρχ., 1883, p. 215, II. 125 сл.; 1885, p. 16 сл., II. 35 сл. О собакѣ въ культѣ Асклепія ср. статью С. Рейнака: Les chiens dans le culte d'Esculape et les Kelabim des stèles peintes de Citium въ его Chroniques d'Orient, Paris, 1891, p. 98 сл. ср. p. 128 сл., а также статью Gaidoz'a: A propos des chiens d'Epidaure. Revue archéolog., IV (1884), p. 217 сл. Въ левинской надписи, Philologus, XLIX (N. F. III, 1890), s. 587, B. 2, въ числѣ храмовыхъ предметовъ упоминаются κυρία τόα. Баунакъ, ibid., s. 596, думаетъ, что эти κυρία τόα суть Tempelhunde («Die Umschreibung κυρία τόα für κύνας erklärt sich sehr einfach. Die Hunde werden zwar als Inventarstücke betrachtet, gehören aber eigentlich als ζῷα nicht in einer Reihe mit ἑσστρας und κόπανα»). Но почему же не объяснять проще, какъ то думалъ ранѣе и самъ Баунакъ, что эти κυρία τόα суть просто «Hundfiguren, als Schmuckgegenstände im Heiligthum»?

религіозныхъ обрядовъ. Такъ, наримѣръ, Филостратъ сообщаетъ, что одинъ молодой ассиріецъ, въ храмѣ Аскліпія въ Эгахъ, долгое время не могъ получить сновидѣнія, потому что онъ, не смотря на запрещеніе, не переставалъ пить и ѣсть ¹⁾).

Несомнѣнно, что послѣ совершенія инкубаціи жрецы не сразу отпускали больного, ожидая, пока онъ оправится настолько, что будетъ въ состояніи оставить оракулъ совершенно здоровымъ. Изъ надписи о врачеваніи Апелла, которую придется разбирать ниже, видно, что больной въ теченіе долгаго времени остается въ святилѣ Аскліпія.

Само собою разумѣется, больные, получившіе исцѣленіе, не оставались въ долгу предъ божествомъ, оказавшимъ имъ помощь и старались отблагодарить его, тѣмъ болѣе, что и жрецы не стѣснялись напоминать имъ объ этомъ. Въ надписи о „чудесахъ“, совершенныхъ Аскліпіемъ, мы читаемъ примѣры того, какъ больной, забывшій отблагодарить бога, впадалъ снова въ болѣзнь. Такъ, нѣкто Эхедоръ получилъ отъ Пандара, излечившагося въ эпидаврійскомъ оракулѣ Аскліпія, деньги, чтобы отдать ихъ въ оракулъ, но утаилъ ихъ; за это Эхедоръ получилъ возмездіе: къ бывшимъ у него на лицѣ лишаямъ, прибавились еще тѣ, которые раньше имѣлъ Пандаръ ²⁾). Другой больной, получивъ зрѣніе, не заплатилъ за это, и снова ослѣплъ ³⁾). Вообще богъ строго наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы ему выплачены были *ἱάτρα*—деньги за леченіе ⁴⁾). Въ оропскомъ оракулѣ Амфіарая лица, получившія исцѣленіе, должны были бросать въ протекавшій около храма источникъ золотыя и серебряныя монеты ⁵⁾). Но это была, такъ сказать, жертва оффиціальная. Пациентъ, получившій исцѣленіе, оставлялъ не одну монету въ оракулѣ. Всѣ великолѣпныя сооруженія, открытыя при раскопкахъ въ оракулахъ: аѳинскомъ, эпидаврійскомъ и оропскомъ, служатъ лучшимъ доказательствомъ того, какими денежными средствами обладали эти іатромантическіе оракулы. Иногда самъ богъ требовалъ отъ больного, во время сновидѣнія, различнаго рода посвященія себѣ. Такъ, риторъ Аристидъ разъ получилъ отъ Аскліпія приказаніе принести ему жертву и посвятить нѣсколько священныхъ сосудовъ ⁶⁾); въ другой разъ богъ повелѣлъ ему посвятить треножникъ ⁷⁾).

¹⁾ Philostr. Vita Apollon., I, 9.

²⁾ 'Εφ' ημ. 'Αρχ., 1883, p. 197 сл., II. 54 сл.

³⁾ 'Εφ' ημ. 'Αρχ., 1885, p. 1 сл., II. 7 сл.

⁴⁾ 'Εφ' ημ. 'Αρχ., 1883, p. 197 сл., II. 45 сл., 57 сл., 70 сл., 80 сл.; p. 227, I. 20. 1885, p. 1 сл., I. 35; p. 85, I. 8. Ср. Aelian. fragm. 101.

⁵⁾ Pausan., I, 34, 4.

⁶⁾ Aristid., I, p. 472.

⁷⁾ Aristid., I, p. 515.

Тому же Аристиду однажды приказано было принести въ жертву быка въ честь Зевса Спасителя ¹⁾. Случалось, что и самый храмъ былъ воздвигаемъ въ благодарность за полученное исцѣленіе ²⁾.

Среди греческихъ надписей есть масса посвященій, оканчивающихся словами *κατ' ὄναρ*; это указываетъ на то, что то или другое посвященіе сдѣлано на основаніи полученнаго сновидѣнія ³⁾. Встрѣчаются также надписи со словами, что такой-то сдѣлалъ то или другое посвященіе: „*προστάξαντος τοῦ θεοῦ*“ ⁴⁾, или „*ὄναρ ἰδὼν*“ ⁵⁾, или „*κατὰ ἐπιταγήν*“ ⁶⁾, или „*κατ' ἐπιταγῆν*“ ⁷⁾, или „*κατὰ κέλευσιν*“ ⁸⁾ и т. д. Есть посвятельные надписи, въ честь Аскліпія, со словами: *χαριστήριον* ⁹⁾, *εὐχαριστήριον* ¹⁰⁾, *εὐχαριστία* ¹¹⁾, *κατ' εὐχὴν* ¹²⁾, *εὐχὴν* ¹³⁾ и т. п.; всѣ онѣ поставлены въ благодарность за полученное исцѣленіе.

Иногда посвященія Аскліпію дѣлались не послѣ полученнаго исцѣленія, а до него. Въ настоящее время извѣстна одна эпидаврійская над-

¹⁾ Aristid., I, p. 498.

²⁾ Pausan., X, 38, 13. Cp. C. I. Gr. 5977. (= Inscr. gr. Siciliae et Italiae, ed. Kaibel, 968). Bullet. de corr. hell., X (1886), p. 216, № 1.

³⁾ См., напр., 'Εφ η μ. 'Αρχ., 1883, p. 31, № 12, p. 147, № 37, p. 150, № 43, p. 151, № 46, p. 156, № 57, p. 237, № 61; 1884, p. 21, № 62; 1885, p. 195, №№ 97, 98, p. 196, № 99. Le Bas-Foucart, Peloponnèse et Mégaride, № 145 (все эпидаврійскія надписи). W. R. Paton and E. L. Hicks, The inscriptions of Cos, Oxford, 1891, № 348. Cp. C. I. A. III, 186. 'Αθήναιον, IV (1875), p. 119, № 8. V (1876), p. 418, № 9. Corp. inscr. gr. Graeciae Septentr., I, 1829 (Θеспійская надпись — посвященіе Ираклу).

⁴⁾ Paton and Hicks, The inscriptions of Cos, № 53. Cp. C. I. A. II, 3, 1491. 'Αθήναιον, V, p. 326, № 5. VI, p. 371, № 6. Bull. de corr. hell., VII, p. 367, № 16. 'Εφ η μ. 'Αρχ., 1886, πίναξ 12. Κατὰ πρόσταγμα; Kaibel, Inscr. gr. Siciliae et Italiae, 608 (найдена въ Сардиніи, въ Pavli Gerrei). Надпись эта написана на языкахъ: финикійскомъ, латинскомъ и греческомъ. Вотъ переводъ ея съ финикійскаго на лат. языкъ: Domino Eshmun Merre (Аскліпію) ara aenea pondo centum; quam vovit Cleo Je chesgam (?) curans Salinas. Vocem ejus ille audivit eumque sanavit. Anno judicum Himileat et Abdeshmun, qui est (sunt?) filius (filii?) Hamlan.

⁵⁾ C. I. A., III, 211.

⁶⁾ C. I. Gr., 3767. 'Αθήναιον, V, p. 318, № 39. Athen. Mittheil., V, s. 135, Philologus, XLVIII (N. F. II), s. 402.

⁷⁾ C. I. A., III, 163.

⁸⁾ Ath. Mitth. X, s. 169.

⁹⁾ Rangabé, Antiq. hellen., 1206. Athen. Mitth., XIII (1888), s. 58. Bull. de corr. hell., III (1879), p. 192 сл. 'Αθήναιον, IV (1875), p. 377. Arch.-Epigr. Mitth. aus Oesterreich, VII (1883), s. 134. Archives des miss. scientif. et litter., III (1876), p. 120, № 12.

¹⁰⁾ Newton, Gr. inscr. in Brit. Mus., II, p. 141, № 365 (мелосская надпись).

¹¹⁾ C. I. Gr., 4082 b. 'Αθήναιον, V (1876), p. 31, № 22.

¹²⁾ Bull. de corr. hell., VII (1883), p. 133, № 9.

¹³⁾ 'Αθήναιον, V (1876), p. 32, № 23; p. 34, № 34; p. 160, № 20. Berlin. philol. Wochenschrift, 1888, sp. 1331. Bull. de corr. hell., XIII (1889), p. 304, № 8; XI (1887), p. 463, № 28. Cp. C. I. Gr., 3493. Bull. de corr. hell., XI (1887), p. 476. Athen. Mittheil., X (1886), s. 265. 'Εφ η μ. 'Αρχ., 1889, p. 66, № 11.

пись, подтверждающая это. Въ виду того, что она не издана еще пока въ 'Εφημερίς 'Αρχαιολογική, я позволю привести ее по копіи I. Баунака: πρὶν γὰρ | σὰς εἰς χεῖρας ἔλθεῖν | σῶν τε τέκνων, κεῖμαι | νούσου ὑπὸ στυγεράς | ἔνουπνος ὦν στῆθος χει | ρῶν τε ἀκρα-
τής· σὺ δὲ, | παιάν, πεῖσάς με ἀρᾶσθαι | τόνδε ἄνο[σ]ον διά-
γειν ¹⁾).

Въ 'Εφημερίς 'Αρχαιολογική за 1891 г. (р. 79 сл., № 36 = Corp. inscr. gr. Graeciae Septentrionalis, I, № 4252) опубликована, между прочимъ, интересная оропская надпись 332—331 г. до Р. X. (архонта Никиты). Строки 10 сл. этой надписи гласятъ слѣдующее: ἀγαθῇ τύχῃ τοῦ δήμου τῶν Ἀθηναίων, ἐπειδὴ ὁ θεὸς (sic!) καλῶς ἐπιμελεῖται τῶν ἀφικνουμένων Ἀθηναίων καὶ τῶν ἄλλων εἰς τὸ ἱερόν ἐφύγειν καὶ σωτηρίαι πάντων τῶν ἐν τῇ χώρῃ, στεφανῶσαι τὸν Ἀμφιάραον χρυσῷ στεφάνῳ ἀπὸ :X: δραχμῶν καὶ ἀνειπεῖν τὸν κήρυκα τοῦ δήμου ὅτι στεφανοῖ ὁ δῆμος ὁ Ἀθηναίων τὸν Ἀμφιάραον χρυσῷ στεφάνῳ ἀπὸ :X: δραχμῶν, τὸ δὲ ἀργύριον τὸ εἰς τὸν στέφανον δοῦναι τὸν ταμίαν τῶν στρατιωτικῶν καὶ παραδοῦναι τὸν στέφανον ποησάμενον τοῖς ἐπιμεληταῖς ἀναθεῖναι εἰς τὸ ἱερόν, τοὺς δὲ ἐπιμελητὰς ἀνειπόντας τὰ ἐψηφισμένα τῷ δήμῳ ἐν τῷ ἱερῷ ἀναθεῖναι τὸν στέφανον τῷ θεῷ ἐφύγειν καὶ σωτηρίαι τοῦ δήμου τοῦ Ἀθηναίων καὶ παίδων καὶ γυναικῶν καὶ τῶν ἐν τῇ χώρῃ πάντων и т. д. Такимъ образомъ, весь аѳинскій народъ посвящаетъ золотой вѣнокъ Амфіараю въ благодарность за оказываемую имъ помощь при болѣзняхъ.

Къ числу подобныхъ же посвятительныхъ надписей должно отнести и тѣ стихотворныя надписи (гимны, пэаны) въ честь Асклепія, которыя сочинялись по порученію больныхъ, получившихъ исцѣленіе. Содержаніе этихъ гимновъ однообразное и поэтическое достоинство ихъ не высоко; богу-цѣлителю придаются тутъ различные эпитеты: доброжелательный, милостивый, славный и т. п. Иногда приводится генеалогія бога и его семейства, различные міѳологическіе эпизоды, относящіеся къ нему и т. п. ²⁾).

¹⁾ Baunack, Aus Epidaurus, Leipzig, 1890, s. 13.

²⁾ До нашего времени сохранилось нѣсколько такихъ гимновъ, относящихся къ Асклепію. Такъ, извѣстенъ одинъ краткій гимнъ, написанный на базѣ статуи Асклепія (неизвѣстнаго происхожденія). Rhein. Museum, 1842, s. 215, № 26. Другой гимнъ—дилоскій—прославляетъ Асклепія за избавленіе отъ тяжелой болѣзни: C. I. Gr., 2292. Въ Римѣ, недалеко отъ еермъ Траяна, найдены два гимна въ честь Асклепія, посвященные ему смирнскимъ врачомъ Никомидомъ, C. I. Gr., 5974 (=Kaibel, Inscr. gr. Siciliae et

Къ числу посвященій, дѣлаемыхъ Асклепію въ благодарность за полученное исцѣленіе, относятся многочисленныя художественныя произведенія: статуи, барельефы и т. п. ¹⁾).

Существовалъ также слѣдующій обычай, если не во всѣхъ, то въ наиболѣе извѣстныхъ, іатромантическихъ оракулахъ: больной, получившій исцѣленіе, посвящалъ богу сдѣланную, большею частью, изъ серебра ту часть тѣла, которая у него была исцѣлена. Упоминаніями и перечисленіями подобнаго рода наполнены инвентари аѣинскаго оракула Асклепія. Изъ числа посвящаемыхъ богу частей тѣла упоминаются: глаза, губы, носы, челюсти, зубы, уши, шеи, груди, руки, пальцы, колѣни, ноги, сердца, αἰδοῖα и т. д. Замѣчательно, что изъ всѣхъ частей тѣла глаза попадаютъ всего чаще въ такихъ приношеніяхъ ²⁾).

Въ эпидаврійской святынѣ найдена была мраморная дощечка, на которой написано было слѣдующее латинское двустиміе: *Cutius has auris Gallus tibi voverat olim Phœbigena, et posuit sanus ab auriculis* ³⁾. На дощечкѣ изображены два уха. Подобныя же посвященія находимы были и на Кипрѣ ⁴⁾. На одной віотійской вазѣ, изд. О. Керномъ въ 'Εφημ.

Italiae, 967). При эпидаврійскихъ раскопкахъ найденъ былъ гимнъ въ честь Асклепія жреца Плутарха (гимнъ отн. къ IV в. по Р. X.). 'Εφημ. 'Αρχ., 1886, πίναξ 11, стр. 243 сл.; затѣмъ, другой подобный же гимнъ, изданный пока въ транскрипціи Баунакомъ, Aus Epidauros, s. 6 сл. Большое количество гимновъ въ честь Асклепія найдено въ Аѣинахъ, при раскопкахъ на южномъ склонѣ Акрополя. Они изданы въ С. I. А., III, 171, 171 а-к. Ср. Lucian. Δημοσθένους ἐγκώμιον, 27. Aristid., I, p. 514. Лучшимъ, даже и въ поэтическомъ отношеніи, пѣаномъ должно признать пѣанъ Исилла Эпидаврійскаго. 'Εφημ. 'Αρχ., 1885, p. 65 сл. Baunack, Studien auf dem Gebiete des griechischen und der arischen Sprachen, I, 1, s. 147 сл. Ср. Wilamowitz-Möllendorf, Isyllos von Epidauros (Philol. Untersuchungen, IX-es Heft), Berlin, 1886 и замѣчанія Людвига «Zur Isyllosinschrift» въ Berl. Phil. Wochenschrift, 1890, sp. 419 сл. 449 сл. Въ послѣднее время стали извѣстны три подобныхъ же пѣана; одинъ изъ нихъ найденъ въ Птомемайдѣ Египетской, изд. Baillet въ Revue Archéolog., XIII (1889), p. 70 сл. и въ Revue de Philologie, XIII (1889), p. 81 сл. (ср. E. Ziebarth, De novo pæane in honorem Aesculapii facto. Commentationes Monacenses, Monachii, 1891, p. 1 сл. и F. Wiegmann, Ueber den Rhythmus des Asclepios Pæan, тамъ же, p. 10 сл.), другой—на Критѣ, близъ Гортины, въ Левинѣ, изд. Гальбгерромъ въ Museo Italiano di antichità classica, III, p. 730 сл. и Т. Баунакомъ въ Philologus, XLIX (N. F. III, 1890) s. 577 сл.; (болѣе удачныя объясненія этого пѣана представилъ Р. Мейстеръ въ Philologus, L (N. F. IV, 1891), s. 570 сл.), наконецъ, третій представляетъ начало 4-го стихотворенія Ирода (строки 1—18). 'Ηρώδου Μιμίαμβοι... by W. G. Rutherford, London, 1891, p. 14. Ср. ст. Θ. Φ. Зѣлинскаго, Геродъ и его бытовыя сценки. Филол. Обзорѣніе, II, стр. 141 сл.

¹⁾ См. объ этомъ у П. Жирара, L'Asclépieion d'Athènes, p. 101 сл. Ср. изданный въ 'Εφημ. 'Αρχ., 1892, p. 51, № 82, обломокъ оропской посвятительной надписи въ честь Амфіарая и объясненія къ ней Леонарда, ibid.

²⁾ С. I. А., II, 2, 766, 767, 767 b.

³⁾ 'Εφημ. 'Αρχ., 1885, p. 198, № 102.

⁴⁾ Berlin. Philol. Wochenschrift, 1885, sp. 1603. Ср. С. I. А., II, 3, 1453, 1482, 1503.

Ἀρχ., 1890, p. 131 сл., tab. VII, изображены двѣ любопытныя сцены: одна изъ нихъ представляетъ Асклепія въ лежащемъ положеніи; въ лѣвой рукѣ онъ держитъ яйцо, въ правой чашу, откуда пьетъ змѣя. Другая сцена представляетъ женское божество, очевидно, Игію, которой женщина подноситъ приношенія, м. пр. пирогъ, посрединѣ котораго возвышается горящій факель. Мѣстомъ дѣйствія сценъ служитъ храмъ, стѣны котораго украшены ex-voto, именно въ видѣ излеченныхъ частей тѣла; видны рука и двѣ ноги. Подобныя-же πίνακες найдены были раньше на о. Мелосѣ; на одной изъ нихъ (C. I. Gr. 2429) находится изображеніе голени, на другой — руки и ноги. (Ann. del'Institut., 1843, p. 331. Ср. также Archäol. Anzeiger, 1864, s. 263, Taf. A, 1, и Athen. Mittheil., XVII (1892), s. 7).

Въ оропскомъ оракулѣ Амфіарая, въ числѣ приношеній, упоминаются, между прочимъ: προσώπιον, τιτθός, χεῖρ, αἰδοῖον, которыя были посвящены Амфіарая въ благодарность за полученное исцѣленіе ¹⁾).

Когда процессъ религіознаго врачеванія былъ оконченъ, больной выздоровѣлъ и принесъ установленную жертву богу, онъ еще не могъ уѣхать изъ оракула; онъ долженъ былъ на надписи описать весь ходъ своего леченія. Это ему повелѣвалъ самъ богъ ²⁾). Въ триккской, эпидаврійской и косской святиняхъ Асклепія было много такихъ надписей, гдѣ излагалась исторія болѣзни больного и средства, которыми онъ пользовался при леченіи ³⁾).

¹⁾ C. I. Gr., 1570 (b) = Newton, Inscript. Brit. Mus., II, CLX. = Corp. inscr. gr. Graeciae Septentr., I, 303. Точную дату этой надписи, ок. 240 г. до Р. X., впервые устанавливаетъ въ ук. сборникѣ Диттенбергеръ. При недавнихъ раскопкахъ въ Оропѣ найденъ подобный же κατάλογος ἀργυρωμάτων (хотя о посвященіи частей тѣла тамъ не упоминается). Ἐφημ. Ἀρχ., 1889, p. 2 слл., № 26. = C. inscr. gr. Graeciae Septentr., I, 3498. Надпись эта подробно объяснена Бр. Кейлемъ, Hermes, XXV (1890), s. 598 сл. Ср. Berl. Philol. Wochenschr., 1890, № 49, sp. 1546 сл.; по времени, надпись эта относится ок. 200 г. до Р. X. Ср. статью Жубэна: Notes sur une inscription de l'Amphiaraion. Bull. de corr. hell., XV (1891), p. 490 сл. Ср. также левинскую надпись, Philologus, XLIX, N. F. III (1890), s. 577 сл. Percy Gardner, New chapters in Greek history, p. 364. сожалѣетъ, что эти части тѣла посвящались Асклепію не въ больномъ ихъ состояніи, а въ здоровомъ. Иначе, замѣчаетъ онъ, можно было бы устроить «a sort of museum of pathology». Обычай посвящать въ церковь части тѣла сохранился и по сіе время, съ нѣкоторымъ, впрочемъ, измѣненіемъ. Древніе греки посвящали богу изображенія исцѣленной части тѣла въ видѣ благодарственной жертвы; у насъ же это — скорѣе жертва умиловительная: изображенія больныхъ частей тѣла вѣшаютъ на иконы не послѣ выздоровленія, а во время самой болѣзни.

²⁾ Ср. Ἐφημ. Ἀρχ., 1883, p. 227, № 60, l. 32: ἐκέλευσε δὲ καὶ ἀναγράψαι ταῦτα (все, что съ больнымъ было).

³⁾ Strabo, VIII, p. 374. Ср. XIV, p. 657. Plin. Nat. Hist., XXIX, 4; XX, 264. Callimach. Epigr. 55. Существованіе такого же обычая засвидѣтельствовано для оракуловъ Исиды, Tibull., I, 3, 27 сл. и Серапида, Strabo, XVII, p. 801.

Въ эпидаврійскомъ оракулѣ Аскліпія составлены были даже особыя надписи, гдѣ рассказывалось о „чудесахъ“, совершенныхъ Аскліпіемъ. О нихъ упоминаетъ Павсанія, въ своемъ описаніи достопримѣчательностей эпидаврійской святыни: „внутри перивола стоятъ стилы, въ древнее время ихъ было больше, при мнѣ же оставалось только шесть. На нихъ написаны имена мужчинъ и женщинъ, кромѣ того, какою болѣзнию каждый изъ нихъ страдалъ и какимъ способомъ былъ вылеченъ. Написаны стилы на дорическомъ діалектѣ“ ¹⁾. Что это были за стилы, мы до послѣднихъ раскопокъ въ Эпидаврѣ не знали. Теперь извѣстны три изъ этихъ стилъ; изъ нихъ одна сохранилась совершенно и представляетъ огромную надпись въ 126 строкъ ²⁾; отъ другой (134 строки) сохранилась значительная часть ³⁾; наконецъ, отъ третьей мы имѣемъ 18 строкъ, крайне поврежденных ⁴⁾. Найдены были эти надписи къ сѣверу отъ храма Аскліпія. Замѣчательно, что эти надписи начертаны на такъ-называемомъ „*λίθος λιθογραφικός*“, отличающемся своею прочностью. Изъ всѣхъ надписей, найденныхъ Каввадіею въ эпидаврійскомъ оракулѣ, только эти *ἱέρματα* вырѣзаны были на „литографскомъ камнѣ“. Очевидно, составители этихъ надписей желали сохранить написанное на нихъ на возможно болѣе продолжительное время.

Тамъ же, гдѣ были найдены *ἱέρματα*, нашли длинный камень, на верхней сторонѣ котораго сдѣлано углубленіе, ширина котораго какъ разъ соотвѣтствуетъ толщинѣ стилы. Этотъ камень, вѣроятно, служилъ подставкою для стилы, которая къ камню припаяна была свинцомъ ⁵⁾.

Всѣ стилы представляютъ собою какъ бы одну надпись, раздѣленную на нѣсколько частей на отдѣльныхъ камняхъ. Въ началѣ первой изъ найденныхъ надписей болѣе крупными буквами начертано: *θεός*.

¹⁾ Pausan., II, 27, 3.

²⁾ Издана Каввадіею въ 'Εφ'ημ. 'Αρχ., 1883, p. 197—228, № 59, Баунакомъ, Studien auf dem Gebiete des griech. und der arischen Sprachen, s. 120 сл., Прелльвицемъ въ Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften, herausgg. v. Collitz und Bechtel, III, 3, № 3339, Рейнакомъ, Revue archéol., IV (1884), p. 77 сл. (=Chroniques d'Orient, p. 63 сл. Ср. его же Traité d'épigraphie grecque, Paris, 1885, p. 75 сл.). Части надписи перепечатаны Виламовицемъ-Мёллендорфомъ, Hermes, XIX (1884), s. 442 сл.

³⁾ 'Εφ'ημ. 'Αρχ., 1885, p. 1 сл., № 80 = Baunack, o. c., s. 131 сл. = Prellwitz, o. c., № 3340. Ср. S. Reinach, Chroniques d'Orient, p. 91 сл.

⁴⁾ 'Εφ'ημ. 'Αρχ., 1885, p. 85 сл., № 87 = Baunack, o. c., s. 144 сл. = Prellwitz, o. c., № 3341. Баунакъ нашелъ остатки четвертой стилы; но отъ нея сохранилось всего 20 строкъ, крайне поврежденных (на каждой строкѣ читается, самое большее, 6 буквъ). J. Baunack, Aus Epidauros, s. 20. Ср. s. 17.

⁵⁾ Точно такіе же камни найдены были Омолемъ на Дилосѣ и служили подставками для плитъ, на которыхъ были вырѣзаны отчеты іеропіевъ. Bull. de corr. hell., 1883, p. 1 сл.

τύχα ἀγαθὰ — обычная начальная формула массы греческихъ надписей. Вторая строка содержитъ общее заглавіе надписей: [ἰά]ματα τοῦ Ἀπόλλωνος καὶ τοῦ Ἀσκληπιοῦ, и за этимъ общимъ заглавіемъ слѣдуетъ перечисленіе отдѣльныхъ случаевъ исцѣленія, причемъ каждый изъ послѣднихъ, не всегда, впрочемъ, имѣетъ и свое особое заглавіе. Недуги, съ которыми обращались за помощью къ Асклипію, самые разнообразныя и оригинальныя. Такъ упоминаются: женщины, не могущія разрѣшиться отъ бремени, женщины бездѣтныя, ослабленные и паралитики, слѣпые, страдающіе глистами, ножными болѣзнями, хромыя, страдающіе каменною болѣзню, нѣмые, страдающіе лишаями, водянкою, нарывами, вшивною болѣзню, головною болью, болью въ животѣ, подагрою, чахоточныя, плѣшивыя и т. д. Кромѣ того описано нѣсколько случаевъ, когда чело-вѣкъ обращался къ Асклипію не за исцѣленіемъ отъ болѣзни, а за помощью въ различныхъ житейскихъ дѣлахъ.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ при всѣхъ исцѣленіяхъ является самъ богъ-врачъ Асклипій, большею частью одинъ, иногда пользуясь помощью слугъ — ὑπηρεταί ¹⁾. Если врачуетъ не самъ Асклипій, то его мѣсто заступаютъ животныя, посвященныя богу: собака ²⁾ и змѣя ³⁾. Что касается болѣзней, о которыхъ идетъ рѣчь въ надписяхъ, то эти болѣзни, большею частью, такого характера, что противъ нихъ обыкновенная медицина недействительна: хромота, слѣпота и т. п. Интересно также и то, что при всѣхъ случаяхъ исцѣленій жрецы, хотя они сами себя никогда не называютъ, стараются не забыть о себѣ, повелѣвая исцѣленному, отъ имени бога, сдѣлать то или другое приношеніе или заплатить деньги за врачеваніе ⁴⁾. Неисполненіе этого влечетъ наказаніе со стороны божества ⁵⁾. Достойною вниманія чертою въ этихъ ἰάματα является указаніе на то, что нѣкоторые больные, посѣщавшіе оракулъ, относились съ недовѣріемъ къ чудесамъ, а иногда смѣялись надъ ними ⁶⁾. Но такимъ невѣрующимъ богъ, большею частью во время инкубаціи, самъ нагляднымъ образомъ показываетъ свое могущество и разсѣиваетъ въ нихъ всякое сомнѣніе насчетъ своего могущества.

Греческій издатель этихъ ἰάματα, Каввадія, объясняя первую изъ надписей, замѣтилъ, что читающій ее можетъ подуматъ, что онъ читаетъ чудеса, описываемыя въ житіяхъ святыхъ нашей церкви. Религія древ-

¹⁾ Ср. № 80, II. 38—45 и 110—116.

²⁾ № 59, II. 125—126 и № 80, II. 35—38.

³⁾ № 59, II. 113—119, № 80, II. 116—119 и 129—132.

⁴⁾ № 59, II. 33—41, 41—48, 68—71, 79—89; № 80, II. 26—35, № 87.

⁵⁾ № 59, II. 48—68, № 80, II. 7—9.

⁶⁾ № 59, II. 22—33, II. 33—41; № 80, II. 95—101.

нихъ грековъ имѣла своихъ чудотворцевъ въ Асклепін и свои монастыри въ видѣ инкубаціонныхъ оракуловъ ¹⁾). Каввадія полагаетъ, что исцѣленія, о которыхъ разсказывается на стилахъ, должно толковать аллегорически: подобныя врачеванія совершались на самомъ дѣлѣ въ эпидаврійской святынѣ, но жрецы приписывали ихъ силѣ Асклепія, желая этимъ возвеличить значеніе оракула и окружить таинственностью самое врачебное искусство. Каввадія склоненъ думать, что культъ Асклепія въ Эпидаврѣ и значеніе его оракула основались не на результатахъ примѣненія дѣйствительной медицины, а на *суетнѣ* и *лежковнѣ* греческаго народа. Съ теченіемъ же времени, когда мало-по-малу потрясена была вѣра въ боговъ, жрецы Асклепія, чтобы сохранить за святынею то значеніе, которымъ она пользовалась прежде, принуждены были въ *позднія римскія времена* прибѣгнуть къ употребленію дѣйствительныхъ медицинскихъ средствъ. Но предполагать, что при іатромантическихъ оракулахъ до позднихъ римскихъ временъ не употребляли врачебныхъ средствъ, врядъ-ли возможно: врачебная инкубація въ эти „позднія римскія времена“ заканчивала, а не начинала свое существованіе.

Другой издатель этихъ *ἱάματα*, Баунакъ, обращаетъ вниманіе на способы выраженій въ этихъ надписяхъ и рядомъ параллельныхъ мѣстъ указываетъ на значительное сходство выраженій, встрѣчающихся въ надписяхъ, съ евангельскими оборотами ²⁾. Чтò этимъ сходствомъ доказывается, Баунакъ не говоритъ ³⁾.

Выводить какое-либо заключеніе о характерѣ религіознаго врачеванія на основаніи этихъ *ἱάματα*, невозможно. Въ нихъ, несомнѣнно, идетъ дѣло о чудесахъ, и притомъ о чудесахъ вымышленныхъ ⁴⁾. Несомнѣнно также, что всѣ эти „чудеса“ въ Эпидаврѣ были извѣстны давно, гораздо раньше, чѣмъ они занесены были на стилы. Эти чудеса могли быть мѣстными преданіями, въ своей первоначальной формѣ сочиненныя жрецами, а съ теченіемъ времени подвергшіяся различнымъ измѣненіямъ, дополненіямъ, прикрасамъ. Только въ половинѣ III в. до Р. X. составлены были эти надписи и выставлены въ Эпидаврѣ для всеобщаго

¹⁾ 'Εφ' ημ. 'Αρχ., 1883, p. 218.

²⁾ Baunack, Studien auf dem Gebiete des griech. und der arischen Sprachen s. 145 сл.

³⁾ Ср. также, чтò говоритъ о значеніи этихъ *ἱάματα* Percy Gardner, New chapters in greek history, p. 377 сл. и 370. («To a modern physician these accounts would scarcely be of interest; but to those interested in Greek religion and antiquities this wreckage from the life of ancient Hellas has an importance of its own»).

⁴⁾ «C'est la série des miracles religieux; nous les voyons tous les jours», замѣчаетъ по поводу содержанія этихъ *ἱάματα* Courtois-Suffit, Les temples d'Esculape, Paris, 1891, p. 25.

обозрѣнія ¹⁾. Они служили своего рода рекламою чудодѣйственной силы Асклипія, назначены были поддерживать его славу. А у Асклипія въ III в. до Р. Х. какъ разъ въ Греціи явился опасный соперникъ въ лицѣ Серапида вмѣстѣ съ Исидою; появленіе культа этихъ божествъ въ Греціи относится какъ разъ къ половинѣ III в. до Р. Х. ²⁾. Оракулы Серапида, также какъ и оракулы Асклипія, были іатромантическими. Кто знаетъ, быть можетъ, опасность конкуренціи со стороны жрецовъ Серапида побудила жрецовъ Асклипія напомнить всѣмъ о могуществѣ бога-врача обнаруживаніемъ его чудесъ. Съ современной точки зрѣнія жрецы поступили не совсѣмъ тактично, рассказывая „чудеса“ Асклипія. Но они все-таки добились своей цѣли, и слава Серапида, какъ бога-врача, никогда не могла затмить славы Асклипія ³⁾.

¹⁾ К а в в а д і я отнесъ эти надписи къ III в. до Р. Х. 'Εφ η μ. 'Αρχ., 1883, р. 219. Письмо этихъ подписей совершенно сходно съ письмомъ пэана Исилла; изъ тщательнаго сличенія письма обоихъ документовъ замѣчается лишь ничтожная разница въ начертаніи е: Ε — стилы, Ε — пэанъ. Такъ какъ пэанъ Исилла написанъ въ концѣ III или началѣ II в. до Р. Х. (Время пэана Исилла опредѣлено Фр. Блассомъ, *Jahrb. f. Philol.*, 131 Band, s. 822 сл. и Θ. Θ. Соколовымъ, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1886, іюнь, стр. 14), то ничто не препятствуетъ относить время появленія стиль вообще ко второй половинѣ III в. до Р. Х. Рейнакъ, *Traité d'épigraphie grecque*, р. 75, совершенно голо-словно замѣчаетъ, что *ἱάματα* «ne paraient pas antérieurs au IV siècle av. J. C.». Zacher въ своей статьѣ «Zu den Heilurkunden von Epidauros», *Hermes*, XXI (1886), s. 467 сл., относитъ время составленія надписей къ концу V — началу IV в. до Р. Х. Мнѣніе свое онъ старается обосновать совершенно ненужной поправкой въ текстъ надписи № 59. Именно, на строкѣ 74, на камнѣ совершенно ясно читается ΕΛΕΓΟΝΔΗ; это чтеніе, вполнѣ удовлетворительное по смыслу, Цахеру не нравится, и вмѣсто него онъ предлагаетъ читать ἐγέλων δέ. «Und zwar ist dieser Schreibfehler offenbar (?) dadurch veranlasst, dass dem Steinmetzen eine ältere, in anderen Alphabete geschriebene Urkunde vorlag. Das Alphabet desselben könnte das Argivische gewesen sein oder das von Methana und Hermione, das nach Kirchhoffs sehr probabler Vermuthung auch in Epidauros üblich war. Im ersteren würden die beiden Worte folgende gestalt gehabt haben: ΕΛΕΤΟΝΔΕ, im Zweiten vermuthlich etwa ΕΓΕΛΟΝΔΕ», s. 468. Прежде всего поправка Цахера — излишняя и текста нисколько не улучшаетъ; затѣмъ, относя время написанія стиль къ 400 гг., Цахеръ сближаетъ ихъ по времени съ надписью о постройкѣ храма Асклипія: 'Εφ η μ. 'Αρχ., 1886, р. 145 сл., № 103 = Баунакъ, *Aus Epidauros*, s. 22 сл. (Баунакъ, о. с., s. 25, считаетъ время этой надписи «die erste nacheuklidische Zeit»), но въ характерѣ письма стиль и надписи о постройкѣ храма Асклипія есть разница: въ надписи № 103, въ большинствѣ случаевъ, звукъ ου выражается посредствомъ о, между тѣмъ какъ на *ἱάματα* этотъ звукъ изображается постоянно посредствомъ ου; далѣе, въ № 59 читается *μισθός* (l. 38), въ № 103 — *μισός*, хотя разъ встрѣчается и форма *μισθός* (l. 9), въ № 103 ξ обозначается ι (ll. 23, 28, 45, 52 и т. д.), въ №№ 59, 80, 84 — Ε; въ № 103 встрѣчается нѣсколько колебаній въ изображеніи ε посредствомъ Η и Ε (ll. 32, 33, 35, 36 и т. д.), въ № 59 прямо установлено правописаніе Η; № 103 — написанъ не *στοιχηδόν*, тогда какъ № 59, 80, 84 — *στοιχηδόν* строго выдержано. Ср. что говоритъ Цахеръ о характерѣ *ἱάματα*, о. с., на стр. 468 сл.

²⁾ Pausan., I, 18, 4. Cp. G. Lafaye, *Histoire du culte des divinités d'Alexandrie Serapis, Isis, Harpocrate et Anubis hors de l'Egypte*, Paris, 1884, р. 24 сл.

³⁾ По содержанію своему близко напоминаютъ эти эпидаврійскія стилы четыре давно извѣстныхъ надписи, происходящія изъ римскаго оракула Асклипія, который нахо-

III. Характеръ религіознаго врачеванія.

Вся древность свидѣтельствуеть намъ объ успѣхахъ религіознаго врачеванія ¹⁾. Эти успѣхи новые ученые объясняли двояко. Одни приписывали ихъ исключительно вѣшнимъ условіямъ: здоровому, прекрасному климату тѣхъ мѣстностей, гдѣ были расположены іатромантическіе оракулы, вліянію путешествія, которое предпринималъ больной, отправляясь къ оракулу и связанной съ этимъ перемѣнѣ климата, наконецъ, всѣмъ предуготовительнымъ дѣйствіямъ до самой инкубаціи. Относительно лечебныхъ средствъ, употреблявшихся при религіозномъ врачеваніи, эти ученые были самага невысокаго мнѣнія, въ жрецахъ же, завѣдывавшихъ врачеваніемъ, видѣли лишь „отличныхъ шарлатановъ“ ²⁾.

Другіе ученые, не отрицая благопріятныхъ условій мѣстности и т. п., видѣли въ религіозномъ врачеваніи явленіе совершенно аналогичное съ

дился на теп. островѣ св. Варооломея, на Тибрѣ. См. O. Gilbert, *Geschichte und Topographie der Stadt Rom im Alterthum*, Leipzig, 1890, III, s. 71 сл. Онѣ изданы въ C. I. Gr., 5980. Одинъ изъ старинныхъ издателей этихъ надписей Флитвудъ (Fleetwood), *Inscr. Sylloge*, p. 38, объясняя ихъ, замѣтилъ: *hæc omnia conficta esse a paganis, ut Christianorum miracula quæ opponerent habere videntur*. Францъ, издавшій надписи въ C. I. Gr., выписавшій это объясненіе Флитвуда, приписалъ къ нему: *haud sobrie*. Но толкованіе Флитвуда, кажется, допустимо. Очень можетъ быть, что при римскомъ оракулѣ было и не четыре такихъ надписи, а больше, и онѣ представляли длинный списокъ «чудесъ» Аскліпія, какъ и въ Эпидаврѣ; на это указываютъ и начальныя слова первой надписи: *αὐταῖς ταῖς ἡμέραις*. Искать въ описанныхъ на надписяхъ «чудесахъ» признаковъ рациональной медицины, какъ то дѣлаетъ Веркутръ, *Revue archéologique*, VI (1885), p. 286 сл., мы не рѣшимся; будемъ лучше считать ихъ за такія же «чудеса», какія описаны и на эпидаврійскихъ стилахъ. Впрочемъ, надо отдать справедливость, «чудеса» римскія не такъ оригинальны, какъ «чудеса» эпидаврійскія. Иначе, впрочемъ, и быть не могло: фабрикація «чудесъ» эпидаврійскихъ и занесеніе ихъ на камень относится къ III в. до Р. X., а «чудеса» римскія составлены въ половинѣ II в. по Р. X. Въ «*Chronique des arts*, 1892, № 37, p. 291 сообщается о находкѣ на мѣстѣ римскаго оракула Аскліпія, фрагмента «*d'une inscription votive à Esculape, antérieure au deuxième siècle avant l'ère chretienne*».

¹⁾ По свидѣтельствамъ Стравона, XIV, p. 657, и Плинія, *Hist. nat.*, XXIX, 4, Иппократъ и другіе врачи воспользовались въ достаточной мѣрѣ тѣми лечебными рецептами, которые имъ доставляла инкубаціонная терапія.

²⁾ Такого крайняго направленія держатся, по преимуществу, историки медицины: Ch. Daremberg, *Histoire des sciences medicales*, p. 81, n. 1: «*L'histoire authentique de cette médecine (theurgique) c'est-à-dire, du charlatanisme exercée pour leur plus grand profit et non pour celui des malades*» etc. Haeser, *Lehrbuch der Geschichte der Medizin und der epidemischen Krankheiten*, I, s. 72 сл. полагаетъ, что религіозное врачеваніе пользовалось вниманіемъ только со стороны «простыхъ классовъ народа». Изъ филологовъ такой же взглядъ раздѣляютъ: Otto Ribbeck, *Alazon. Eine Beitrag zur antiken Ethologie*, Leipzig, 1882, s. 16, а также первый ученый, писавшій объ инкубаціи, Meibom, *De incubatione in fanis deorum medicinæ causa olim facta*, (=Schlaeger, *Disertationum rararum de antiquitatibus sacris et profanis fasciculus I*, p. 149).

сомнамбулизмомъ новаго времени; они старались доказать, что больные ночью, во время инкубаціи, приводимы были жрецами въ сомнамбулическое состояніе, во время котораго и узнавали средства, полезныя для леченія. Первымъ провозгласилъ это мнѣніе Фр. Авг. Вольфъ, напечатавшій въ 1787 г. въ „*Berlinische Monatsschrift*“ статью „*Beitrag zur Geschichte des Somnambulismus aus dem Alterthum*“ ¹⁾. Здѣсь Вольфъ указываетъ, что въ явленіяхъ искусственнаго сомнамбулизма ничего нѣтъ новаго, кромѣ имени; сущность его была извѣстна древнимъ (по крайней мѣрѣ, жрецамъ), которые и пользовались имъ при инкубаціи ²⁾. Въ слѣдующемъ 1788 г. появилась уже цѣлая книга Киндерлинга: „*Der Somnambulismus unserer Zeit mit der Incubation oder dem Tempelschlaf und Weissagungsstraum der alten Heiden*“. До крайняго увлеченія этой теоріею дошелъ одинъ анонимный писатель ³⁾, издавшій въ 1815 г. въ „*Annales du magnetisme animal*“ рядъ статей, носившихъ заглавіе „*Lettres à messieurs les redacteurs sur les notions que les anciens avaient du somnambulisme*“. Здѣсь доказывалось, что вся медицина древнихъ основана на сомнамбулизмѣ, практиковавшемся въ оракулахъ. Aubin Gauthier, написавшій два капитальныхъ сочиненія по исторіи и теоріи сомнамбулизма ⁴⁾ доказывалъ подобное же: инкубація есть ничто иное какъ приведеніе больныхъ въ сомнамбулическое состояніе, жрецы же являются искусными магнетизерами ⁵⁾. Затѣмъ противъ этого увлеченія началась реакція. Авг. Готье положительно доказалъ, что въ явленіяхъ религіознаго врачеванія не было рѣшительно ничего общаго съ сомнамбулизмомъ ⁶⁾. Затѣмъ Велькеръ, изъ внимательнаго разсмотрѣнія исторіи болѣзни ритора Аристиды, пришелъ къ несомнѣнному убѣжденію, что при инкубаціи сомнамбулизмъ не игралъ никакой роли ⁷⁾. Готье и Велькеру слѣдовалъ Риттерстейнъ ⁸⁾. Въ настоящее время эта теорія представляетъ только историческій интересъ. Недавняя по-

¹⁾ Перепечатано въ Вольфовыхъ *Kleine Schriften*, II, s. 666 сл.

²⁾ О. с., s. 690. Ср., впрочемъ, s. 681.

³⁾ Aubin Gauthier, *Histoire du somnambulisme chez tous les peuples*, Paris, 1842, I, p. 254; II, p. 78 видитъ въ авторѣ этихъ писемъ графа Абриаля.

⁴⁾ *Introduction au magnetisme; examen de son existence depuis les Indiens jusqu'à l'époque actuelle*, Paris, 1840 и *Histoire du somnambulisme etc.*

⁵⁾ Aub. Gauthier, *Introduction au magnetisme*, p. 11 сл. Ср. *Histoire du somnambulisme*, II, p. 227.

⁶⁾ Aug. Gauthier, *Recherches historiques sur l'exercice de la medecine etc.*, p. 133 сл.

⁷⁾ Welcker, *Kleine Schriften*, III, s. 110 сл.

⁸⁾ Ritter von Rittershain, *Der medizinische Wunderglaube und die Incubation im Alterthume*, s. 79 сл.

пытка Дю-Преля, пытавшагося защищать ее, окончательно не выдерживает ни малѣйшей критики ¹⁾).

Замѣчательно, что, когда, въ послѣднее время, вошелъ у насъ въ моду такъ-называемый гипнотизмъ, тотчасъ же съ гипнотическимъ леченіемъ стали сравнивать и религіозное врачеваніе. Такъ, профессоръ Вагнеръ въ рѣчи, произнесенной на общемъ собраніи VIII съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ 1890 году, не обинуясь, заявилъ, что „въ Греціи были построены цѣлыя лечебницы, въ которыхъ гипнотизмъ примѣнялся къ леченію различныхъ болѣзней, что это леченіе пришло въ Грецію изъ Египта, гдѣ начало его теряется въ одной изъ самыхъ древнихъ религій“ ²⁾).

Посмотримъ теперь, что говорятъ тѣ ученые, которые успѣхъ религіознаго врачеванія объясняли исключительно благопріятными внѣшними условіями, сопровождавшими его, но которые во врачебныхъ средствахъ, употреблявшихся при инкубаціи, не признавали никакого значенія и видѣли во всемъ порядкѣ религіознаго врачеванія одинъ обманъ и даже шарлатанство.

По мнѣнію Авг. Готье, успѣхъ религіознаго врачеванія объясняется исключительно различнаго рода предуготовительными дѣйствіями предъ совершеніемъ инкубаціи, благопріятными условіями климата тѣхъ мѣстностей, гдѣ расположены были іатромантическіе оракулы ³⁾). Что касается врачебныхъ средствъ, употреблявшихся при религіозномъ врачеваніи, то, по мнѣнію Готье, они были, большею частью, неясны или нелѣпы; успѣхъ леченія долженъ быть приписанъ скорѣе значенію тѣхъ средствъ, которыя направлены были къ возбужденію воображенія больного; кромѣ

¹⁾ Du Prel, Die Mystik der alten Griechen, s. 1 сл. Вообще книга Дю-Преля не смотря на свое громкое заглавіе, написана замѣчательно некритично. Затрогивая такіе важные вопросы, какъ вопросъ объ инкубаціи, вопросъ о мистеріяхъ (которыя Дю-Прель сравниваетъ со спиритизмомъ), вопросъ о «Сократовомъ дѣмонѣ» («современный раціонализмъ» по Дю-Прелю), авторъ впадаетъ, при объясненіи ихъ, въ постоянныя противорѣчія и ошибки; въ выборѣ свидѣтельствъ древнихъ авторъ поступаетъ съ замѣчательнымъ произволомъ, беря изъ нихъ то, что, яко бы, доказываетъ его положенія, и совершенно игнорируя тѣ данныя, которыя ему противорѣчатъ.

²⁾ Прибавленіе къ № 6 Дневника VIII Съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей, стр. 19. Въ такомъ-же родѣ выражается Ersilia Casetani Lovatelli въ ст. своей «I sogni e l'ipnotismo nel mondo antico». Nuova Antologia, XXIV (1889), p. 456: «sembra del resto abbastanza verisimile, che il segreto di tutte coteste operazioni più o meno miracolose che succedevano nei templi fosse il sonno magnetico; quel fenomeno, che scientificamente chiamato sonnambulismo provocato, ebbe per la prima volta il nome d'ipnotismo dal medico inglese Giacomo Braid»; ср. p. 464: (въ настоящее время) «la incubatione si è trasformata nell'ipnotismo, o sonnambulismo magnetico».

³⁾ Aug. Gauthier, Recherches historiques sur l'exercice de la médecine dans les temples chez les peuples de l'antiquité, p. 24 сл.

того, говорить Готье, слѣпая вѣра паціентовъ, объясняетъ успѣхъ врачеванія гораздо болѣе, чѣмъ всѣ употреблявшіеся при немъ средства ¹⁾. Впрочемъ, замѣчаетъ авторъ, лечебныя средства, прописываемыя больнымъ, иногда отличались „d'une efficacité effroyante“; но все-таки, даже когда жрецы прописывали и естественныя средства (des moyens naturels), они всегда окружали ихъ какою-то таинственностью, которая напоминала бы о силѣ божества, о его значеніи въ дѣлѣ врачеванія. Итакъ, Готье успѣхъ религіознаго врачеванія объяснялъ скорѣе психологическими, нежели фізіологическими причинами.

Велькеръ идетъ гораздо дальше Готье: образъ дѣйствія жрецовъ при іатромантическихъ оракулахъ онъ называетъ „смѣшеніемъ вѣры и обмана“ (die Mischung von Gläubigkeit und Täuschung). Всѣ, обращавшіеся къ іатромантическимъ оракуламъ, были люди съ болѣе или менѣе глубокою вѣрою; нѣкоторые изъ нихъ, приступая къ инкубаціи, слѣдовали въ данномъ случаѣ обычаямъ, освященнымъ вѣками. Паціенты обманывали сами себя; а врачи-жрецы обманывали паціентовъ, причемъ умѣли приноровиться къ каждому больному въ отдѣльности. Велькеръ указываетъ на благопріятное значеніе путешествія, предпринимаемаго больными въ іатромантическіе оракулы. Но онъ считаетъ неблагодарнымъ трудомъ изъ сопоставленія разбросанныхъ въ древней литературѣ указаній нарисовать хотя бы приблизительную картину того обмана со стороны жрецовъ, который, въ теченіе долгаго времени, стоялъ во главѣ лечебнаго искусства и считался „послѣднимъ и самымъ главнымъ убѣжищемъ“ для слѣпыхъ и другихъ неизлечимо-больныхъ среди образованнѣйшей націи; этотъ обманъ продолжалъ господствовать среди большей части древнихъ народовъ даже послѣ того, какъ развились естественныя науки. Напрасно также, по мнѣнію Велькера, искать, насколько медицина воспользовалась тѣми лечебными средствами, которыя прописывались при религіозномъ врачеваніи, такъ какъ „гдѣ искать границъ между простою случайностью и тайнами природы“ ²⁾. Все религіозное врачеваніе Велькеръ называетъ „Trugsystem“ ³⁾.

¹⁾ Aug. Gauthier, o. c., p. 43 сл.: «les remèdes prescrits en songes étaient souvent obscurs ou absurdes... c'est moins par les remèdes qu'ils employaient que l'on peut expliquer les guerisons qu'ils obtenaient que par les moyens propres à agir sur l'imagination de ceux qui venaient les consulter... Cette confiance aveugle ne suffit—elle pas pour expliquer bien des guerisons, même sans le secours de moyens employés?»

²⁾ Welcker, Kleine Schriften, III, s. 107 сл.

³⁾ Воззрѣнія Риттерсгейна, Die medizinische Wunderglaube und die Incubation im Alterthume, s. 63, 75 сл., въ общемъ схожи съ воззрѣніями Велькера. Во лечебныхъ средствахъ, прописываемыхъ при религіозномъ врачеваніи, Риттерсгейнъ согласенъ видѣть «слѣды» настоящихъ медикаментовъ, но, съ теченіемъ времени, они все

Въ 1885—1886 гг. французскій врачъ Веркутръ (Vercoutre) помѣстилъ въ журналъ „Revue archéologique“ статью подъ заглавіемъ „La médecine sacerdotale dans l'antiquité grecque“ ¹⁾. Здѣсь Веркутръ подвергъ строгому анализу, съ точки зрѣнія современной медицины, способъ врачеванія больныхъ въ іатромантическихъ оракулахъ и нашелъ его исполнѣ „раціональнымъ и научнымъ“ (rationnelle et scientifique) ²⁾. Къ сожалѣнію, Веркутръ не обратилъ вниманія на одну, извѣстную уже въ его время, эпидаврійскую надпись (о врачеваніи Апелла), гдѣ подробно изложенъ одинъ случай религіознаго врачеванія; не могъ онъ обратить вниманія и на другую подобную же критскую надпись, которая стала извѣстна уже послѣ появленія его статьи. И все-таки заслуга Веркутра велика: онъ первый высказался противъ „Trugsystem“ и посмотрѣлъ на религіозное врачеваніе совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, чѣмъ на него смотрѣли прежде ³⁾.

Въ концѣ прошлаго, 1892 г., русская публика имѣла возможность познакомиться со статьею доктора Шарко „Исцѣленіе вѣрой“, переводъ которой печатался въ „Новомъ Времени“ (№№ 6017, 6018). Не буду останавливаться на изложеніи содержанія этой интересной статьи; замѣчу только, что Шарко и результаты религіознаго врачеванія въ греческихъ іатромантическихъ оракулахъ относитъ къ „исцѣленіямъ вѣрой“. Но при инкубаціи не одна вѣра, какъ думаетъ Шарко, оказывала свое воздѣйствіе, хотя я совершенно согласенъ съ знаменитымъ ученымъ, что при религіозномъ врачеваніи, равно

болѣе и болѣе утрачивали свое медицинское значеніе. Всѣ старанія жрецовъ были направлены къ тому, чтобы больные получали исцѣленіе благодаря чуду со стороны Асклепія, а не помощи отъ простаго смертнаго. Замѣтимъ еще, что Шпренгель, Versuch einer pragmatischen Geschichte der Arzneikunde, I⁴, s. 159, успѣхъ религіознаго врачеванія объяснялъ или благоприятными климатическими условіями мѣстностей, гдѣ расположены были іатромантическіе оракулы, или простою случайностью.

¹⁾ *Revue archéologique*, VI (1885), p. 273 — 293; VII (1886), p. 22 — 26 и 106—123.

²⁾ До Веркутра лишь Альфредъ Мори, мимоходомъ, замѣтилъ въ своей *Histoire des religions de la Grèce antique*, II, p. 458, что «le caractère de ces cures (при инкубаціи) n'est pas d'ailleurs aussi merveilleux que le représentent les anciens; elles étaient généralement le resultat d'un traitement que les prêtres avaient su habilement combiner avec les rites d'adoration».

³⁾ Странно, что интересная статья Веркутра не обратила на себя вниманія даже и во Франціи. Такъ Ш. Диль въ своей книгѣ «Excursions archéologiques en Grèce», повидимому, опять отрицательно относится къ религіозному врачеванію. Ср. p. 318, 319. («Sans doute la multiplicité et le retour des mêmes cas finissaient par donner aux prêtres quelque expérience pratique; mais en général leur rôle ne dépassait point quelques soins élémentaires. Les cures étaient les effets tout divins, tout surnaturels de l'intervention d'une puissance supérieure»). Ср. p. 334. Со взглядами Диль соглашается отчасти и Куртуа-Сюффъи, *Les temples d'Esculape*, p. 15, 20 сл., 27 сл.

какъ и при другихъ аналогичныхъ случаяхъ, „вѣра“ играетъ очень значительную роль и является едва-ли не самымъ главнымъ дѣйствующимъ рычагомъ. При религіозномъ врачеваніи несомнѣнно предполагалась вѣра въ него со стороны больныхъ; но, съ другой стороны, вся та реальная обстановка, при которой происходило это религіозное врачеваніе, могла только способствовать его успѣху.

Всѣ ученые, занимавшіеся вопросомъ о характерѣ религіознаго врачеванія, справедливо указывали на тотъ фактъ, что всѣ іатромантическіе оракулы расположены были въ мѣстностяхъ, отличавшихся замѣчательно благопріятными климатическими условіями, которыя могли оказывать въ высшей степени благотворное вліяніе на пациентовъ. Витрувій указываетъ, что для постройки всѣхъ храмовъ вообще, а преимущественно—Асклепія, должно выбирать самыя здоровыя, въ климатическомъ отношеніи, мѣстности, съ обильными въ нихъ источниками; больные скорѣе всего получаютъ выздоровленіе, когда они переѣзжаютъ изъ мѣстности нездоровой въ болѣе здоровую и пользуются водою изъ цѣлебныхъ источниковъ ¹⁾). Плутархъ положительно свидѣтельствуетъ, что греки обыкновенно располагали оракулы Асклепія на высокихъ мѣстностяхъ, съ чистымъ, свѣжимъ воздухомъ ²⁾). Такимъ условіямъ вполнѣ соотвѣтствовало расположеніе іатромантическихъ оракуловъ Асклепія въ Эпидаврѣ ³⁾, на островѣ Косѣ ⁴⁾, въ Пергамѣ ⁵⁾, въ Аѳинахъ ⁶⁾, въ Триккѣ ⁷⁾, въ Римѣ ⁸⁾ и

¹⁾ Vitruv. De archit., I, 2, 7: naturalis autem decor sic erit, si primum omnibus templis saluberrimae regiones aquarumque fontes in his locis idonei eligentur, in quibus fana constituentur, deinde maxime Aesculapio, Saluti, quorum deorum plurimi medicinis aegri curari videntur. Cum enim ex pestilenti in salubrem locum corpora aegra translata fuerint et e fontibus salubribus aquarum usus subministrabuntur, celerius convalescent.

²⁾ Plutarch. Aetia romana, 94 (Moralia, ed. Bernardakis, II, p. 307): καὶ γὰρ Ἕλληνες ἐν τόποις καὶ καθαροῖς καὶ ὑψηλοῖς ἐπεικῶς ἰδρυμένα τὰ Ἀσκληπιεῖα ἔχουσιν.

³⁾ Cp. Curtius, Peloponnesos, II, s. 420 сл.

⁴⁾ Strabo, XIV, p. 657. Cp. мою замѣтку «Къ религіознымъ древностямъ острова Коса». Журн. Мин. Нар. Просв., 1892, декабрь, стр. 117 сл., отд. класс. фил.

⁵⁾ Aristides, I, p. 409: ὁ γὰρ ἐξ πάντων χωρίων εἴλετο ὁ θεὸς ὡς ὑγιεινότατον καὶ καθαρώτατον, καὶ ὁ ταῖς εὐεργεσίαις ταῖς παρ' αὐτοῦ πεποιήκεν πάντων ἐκφανέστατον, ἥ που σφόδρα τοῦτο κάλλιστόν ἐστι τῶν ἐν γῇ πάντων.

⁶⁾ Cp. Percy Gardner, New chapters in Greek history, p. 363.

⁷⁾ Cp. J. Ziehen, Ueber die Lage des Asklepiosheiligthums von Triikka. Ath. Mitth., XVII (1892), s. 195 сл.

⁸⁾ Римскій оракулъ Асклепія, какъ извѣстно, расположенъ былъ не въ самомъ городѣ, а на Тибрскомъ островѣ. Plutarch. Aetia romana, 94 (Moralia II, p. 307 Bernardakis). Cp. Plin. Nat. Hist., XXIX, 16. О культѣ Асклепія въ Римѣ есть два сочиненія, довольно, впрочемъ, устарѣвшія: Böttigera, Der Aesculapiusdienst auf der Tiberinsel (=Kleine Schriften, Dresden und Leipzig, 1837, I, s. 112—134) и A. Schlüter'a, De Aes-

другихъ мѣстахъ ¹⁾, оракула Амфіарая въ Оропѣ ²⁾.

Выборъ той или другой мѣстности игралъ вообще первостепенную роль при построении всякаго храма; тѣмъ болѣе это должно было относиться къ тѣмъ храмамъ, около которыхъ были сосредоточены іатромантическіе оракулы. Последніе располагаемы были обыкновенно за городомъ, иногда въ гористой мѣстности. Вблизи святилища находилась обыкновенно вода. Такъ Павсанія упоминаетъ объ источникѣ, протекавшемъ въ аѳинской святилищѣ Аскліпія ³⁾; вода этого источника была теплая ⁴⁾; напротивъ, вода въ источникѣ Амфіарая у Оропа была очень холодна ⁵⁾. Упоминаются и купальни: въ эпидаврійскомъ оракулѣ Аскліпія ⁶⁾ и въ оропскомъ Амфіарая ⁷⁾.

Очень удачно была выбрана мѣстность для устройства іатромантическаго оракула Плутона. Онъ находился въ Акаракахъ, небольшомъ селеніи, расположенномъ между городами Траллами и Нисою, въ Каріи, въ бассейнѣ рѣки Мэандра. Стравонъ сохранилъ намъ описаніе этого

cularii cultu a Romanis adscito, Monasterii, 1833; последнее сочиненіе мнѣ незнакомо; по отзыву Розенбаума (Sprengel, Geschichte der Arzneikunde, I⁴, s. 208) Шлютеръ во всемъ слѣдуетъ Бёттигеру.

¹⁾ Ср., напримѣръ, описаніе мѣстности святилища Аскліпія, что «при ключахъ» (ἐπὶ κρονοῖς), въ зап. Локридѣ, А. В. Никитскаго, Журн. Мин. Нар. Просв., 1884, декабрь, стр. 53 сл., отд. класс. фил.

²⁾ Ср. Berichte der sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig. Hist. phil. Klasse, IV (1852), s. 141. Dürrbach, De Oropo et Amphiarai sacro, Parisiis, 1890, p. 105 сл.

³⁾ Pausan., I, 21, 4. Ср. P. Girard, L'Asclépieion d'Athènes, p. 5 сл. 11, 70 сл.

⁴⁾ Xenophon. Memorab., III, 13, 3. См. статью д-ра Меліона, Ueber die Bäder und Heilquellen der alten Griechen. Oesterreichische Blätter für Literatur, Kunst, Geschichte, Geographie, Statistik und Naturkunde, 1847, №№ 262—268.

⁵⁾ Pausan., I, 34, 4. Ср. Athen. Deipnosoph., II, 25, p. 46 с и d. Aristoph. Amph. fragm. 32 (=Kock, Fragm. com. att., I, p. 400). Объ этомъ источникѣ упоминается въ оропской надписи (333—332 г. до Р. X.). 'Εφημ. 'Αρχ., 1889, p. 15, n. 28 = Corp. inser. gr. Graec. Septentr., I, 3499, ll. 12 сл.: ἐπειδὴ Πυθέας... καὶ τὴν ἐν 'Αμφιαράου κρήνην κατεσκεύακεν... ἐπαίνεσθαι Πυθέαν κτλ. Изъ этой надписи мы узнаемъ, что въ Оропской святилищѣ Амфіарая существовала особая должность чиновника, обязаннаго наблюдать за находившимися въ святилищѣ источниками (ср. l. 12: Πυθέας αἰρεθεὶς ἐπὶ τὰς κρήνας, l. 23: οἱ ἄλλοι οἱ [ἄ]ντι χειροτονούμενοι ἐπὶ τὰς κρήνας). Въ Аѳинахъ также была должность смотрителя источниковъ (ὁ τῶν κρηῶν ἐπιμελητής): Aristot. Αθην. Πολιτ., 43. Поправка Headlam'a, принятая von Herwerden'омъ, τῶν κοινῶν вм. τῶν κρηῶν, вызвала совершенно справедливое осужденіе со стороны Кейля, Berl. Philol. Wochenschrift, 1892, № 20, sp. 617 сл. Ср. G. Busolt, Griech. Staats- und Rechtsalterthümer ², s. 245.

⁶⁾ Pausan., II, 27, 6. Ср. 'Εφημ. 'Αρχ., 1883, p. 227, ll. 10. 12.

⁷⁾ Anthologia graeca ed. Jacobs, p. 490. Steph. Byz., s. v. 'Ὀρωπός. Въ оропской надписи (второй полов. IV в. до Р. X.), изданной въ 'Εφημ. 'Αρχ., 1891, p. 71 сл., № 34 = Corp. inser. gr. Graeciae Septentr., I, 4255, упоминаются Λουτρῶν ἀνδρῆος и Λουτρῶν γυναικῆος.

оракула: „по дорогѣ, между Траллами и Нисою, находится селеніе, недалеко отъ города Акаракъ, гдѣ расположенъ Плутоній съ прекрасною рощею и храмомъ Плутона и Коры; далѣе за рощею находится Хароній, пещера удивительная по своимъ свойствамъ. Рассказываютъ, что больные и тѣ, кто обращается за врачебными совѣтами къ этимъ богамъ (т.-е. Плутону и Корѣ), приходятъ туда и проживаютъ въ селеніи, недалеко отъ пещеры, у опытныхъ жрецовъ, которые совершаютъ инкубацію за больныхъ и назначаютъ имъ леченіе на основаніи полученныхъ сновидѣній. Часто жрецы водятъ и самихъ паціентовъ въ пещеру, и оставляютъ ихъ тамъ жить въ спокойствіи, какъ бы въ ямѣ, безъ пищи въ теченіе нѣсколькихъ дней. Случается, что и сами паціенты совершаютъ инкубацію, но все-таки и тогда они обращаются къ жрецамъ, какъ къ руководителямъ и совѣтникамъ. Для остальныхъ же лицъ мѣсто это недоступно и пагубно. Въ Акаракахъ совершается ежегодная панигира, и тогда-то, по преимуществу, можно видѣть и слышать людей, прославляющихъ эти чудеса“ ¹⁾. Изъ этого разсказа Стравона можно убѣдиться, какъ разумно было обставлено дѣло врачеванія въ Акаракахъ. Мѣстность отличалась вулканическимъ характеромъ, была богата минеральными солями. Всѣ эти условія были вполне подходящи для устройства Хароній ²⁾. Къ тому же и жрецы этого оракула были предусмотрительны: они сами совершали инкубацію за больныхъ, видѣли, конечно, подходящіе сны, и руководили паціентами; если и самъ больной, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, допускался къ совершенію инкубаціи, то и тутъ жрецы играли главную роль въ качествѣ руководителей и совѣтниковъ. Иногда жрецы оставляли больныхъ, на болѣе или менѣе продолжительное время, въ пещерѣ, причемъ больные должны были соблюдать строгую діету и покой. Въ этомъ случаѣ, вѣроятно, все леченіе и заключалось въ томъ, что паціенты вдыхали пары, выходившіе изъ Харонія, и, несомнѣнно, что эта пещера обладала какими-нибудь цѣлебными свойствами ³⁾. Около другого Харонія въ

¹⁾ Strabo, XIV, p. 649 сл.

²⁾ Strabo, XII, p. 579.

³⁾ Arundell и Roscoe нашли нѣкоторые остатки этой пещеры и самого оракула около города Akkey или Akchay, который считаютъ за Акараки. Ср. Bouché-Leclercq, Histoire de la divination dans l'antiquité, II, p. 373, n. 1. Въ «Bullet. de corr. hell., XIV (1890), p. 224 сл., Радэ издалъ нѣск. надписей «de la région du Meandre». По его словамъ, акаракскій оракулъ Плутона былъ расположенъ «dans la banlieue de Nysa, au bourg d'Acharaka», въ теп. селеніи Salabakli. Около Salabakli существуетъ «un ravin, appelé Sare-Sou, dont la ressemblance avec le Plutonium est complète; les ruines, qui se voient dans le ravin, peuvent être celles du temple de Pluton et de Koré; enfin il n'y a rien d'impossible à ce que la caverne située au-dessus de ruines soit le Charonium (p.

Іераполѣ, на верхнемъ теченіи Мѣандра, упоминаются „теплыя воды“ (θερμὰ ὕδατα) ¹⁾.

Итакъ, не можетъ быть сомнѣнія, что благопріятный климатъ игралъ не малую роль при религіозномъ врачеваніи. Но однихъ климатическихъ условій не всегда было достаточно; требовались и медицинскія средства.

Древніе авторы сохранили намъ нѣсколько образцовъ тѣхъ рецептовъ, на основаніи которыхъ лечили больныхъ въ іатромантическихъ оракулахъ. По свидѣтельству Артемидора, одному человѣку, страдавшему болями въ желудкѣ, прописано было ѣсть финики ²⁾. По замѣчанію Веркутра, это превосходное терапевтическое средство; оно указывало на то, что больному надо было соблюдать строгую діету, а это самое главное для всякаго больного, у котораго разстроено желудокъ. Финики и въ современной медицинѣ иногда являются составною частью нѣкоторыхъ лекарствъ ³⁾. Эліанъ сообщаетъ, что Серапидъ вылечилъ нѣкоего Хрисерма, страдавшаго кровохарканьемъ, приказавъ ему пить бычачью кровь ⁴⁾. Извѣстно, что кровохарканье является очень часто начальнымъ симптомомъ чахотки; нерѣдко и въ наше время, тѣмъ, у кого развивается эта болѣзнь, прописывается то же самое средство, что и Хрисерму было прописано ⁵⁾. По свидѣтельству того же Эліана, другому больному—чахоточному, Василиду изъ Крита, предписано было питаться ослинымъ мясомъ ⁶⁾. Если въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь о мясѣ сыромъ, то, замѣчаетъ Веркутръ, это средство вполне согласно съ нашею современною терапіею; если же дѣло идетъ о мясѣ вареномъ, то послѣднее, какъ очень питательное, является весьма полезнымъ, если не при самомъ леченіи отъ чахотки, то при выздоравливаніи ⁷⁾. Плиній сообщаетъ, что

229 сл.). Изъ двухъ надписей, изданныхъ Радэ, видно, что Акarakскій оракуль владелъ правомъ асиліи. Въ другой надписи (р. 232) упоминаются τὰ ἱερὰ Ἀχαρά[χα]; изъ нея же слѣдуетъ, что Ἀχάραха въ текстѣ Страбона надо измѣнить на Ἀχάραха. Въ 30 стадіяхъ къ сѣверу отъ Нисы находился другой оракуль Плутона, въ мѣстности, называемой «Лимонъ». Недалеко отъ него была священная пещера, имѣвшая сообщеніе съ тою, что была въ Акаракахъ. Strabo, XIV, p. 650. Можно думать, что святилище въ Лимонѣ было отдѣленіемъ Акarakскаго оракула и что туда также обращались за врачеваніями.

¹⁾ Описание іерапольскаго Хароніа намъ оставлено Стравономъ, XIII, p. 629—630

²⁾ Artemidor. Onirocrit., V, 89: ἔδοξε τις νοσῶν τὸν στόμαχον καὶ συνταγῆς θεόμενος παρὰ τοῦ Ἀσκληπιοῦ εἰς τὸ ἱερόν τοῦ θεοῦ εἰσιέναι, καὶ τὸν θεὸν ἐκτείνοντα τῆς δεξιᾶς ἑαυτοῦ χειρὸς τοὺς δακτύλους παρέχειν αὐτῷ ἐσθίειν. Φοίνικας πάντε ἐσθίων ἐθεραπεύθη.

³⁾ Revue Archéologique, VI (1885), p. 285 сл.

⁴⁾ Aelian. De nat. anim., XI, 35: Χρύσερμον δὲ ἐπὶ Νέρωνος αἷμα ἀνεμοῦντα καὶ τηρόμενον ἤδη, αἷμα ταύρου πίνοντα ἴασατο ὁ αὐτὸς οὗτος θεός (Σάραπις).

⁵⁾ Rev. archéol., VI (1885), p. 286.

⁶⁾ Aelian. De nat. animal., XI, 35: Βάσιλιν τὸν Κρήτα ἐς νόσον φθίσεως ἐμπεσόντα ἐξάντη τοῦ τοσούτου κακοῦ· ὁ δὲ θεὸς εἰργάσατο ὀνείων κρεῶν γευσάμενον.

⁷⁾ Revue archéol., ibid.

въ косскомъ оракулѣ Аскліпія находилась вырѣзанная ка камнѣ надпись, которая содержала рецептъ противъ укуса ядовитыхъ животныхъ. Вотъ этотъ рецептъ: *serpylli*—2 денарія, *oroponacis et mei*—по 2 денарія, *trifoli seminis*—1 денарій, *anesi et feniculi seminis*—по 6 денаріевъ, *ami et api*—по 6 денаріевъ, *ervi farinae*—12 денаріевъ. Все это столочь, просѣять, развести въ лучшемъ винѣ и приготовить изъ всего состава пилюли опредѣленнаго вѣса ¹⁾). Въ этихъ пилюляхъ, видимъ мы, содержалось эфирное масло изъ сѣмянъ очень пахучихъ растений ²⁾); эфирныя же масла, озонируя воздухъ, способствуютъ болѣе легкому переходу вредныхъ трупныхъ ядовъ въ болѣе простыя, неядовитыя уже, соединенія ³⁾).

Много врачебныхъ средствъ, прописанныхъ при религіозномъ врачеваніи Аристиду, сохранено послѣднимъ въ его рѣчахъ. Я не рѣшаюсь и пытаюсь подвергать ихъ разбору съ точки зрѣнія современной медицины. Личность ратора Аристида представляетъ глубокий интересъ и обработкою его біографіи занималось не мало ученыхъ въ новое время ⁴⁾). Аристидъ, какъ риторъ, пользовался уже громкою славой, когда его, въ пятидесятихъ годахъ II в. по Р. Х. постигла какая-то странная болѣзнь. Какая это была болѣзнь — сказать трудно ⁵⁾). Несомнѣнно одно, что Аристидъ человекъ нервно-растроенный, типъ психопата нашего времени. Свою болѣзнь и самъ Аристидъ врядъ-ли бы сумѣлъ хорошо опредѣлить. Прослѣдить весь ходъ его болѣзни, на основаніи его „священныхъ рѣчей“, нѣтъ никакой возможности; это происходитъ отъ свойствъ самихъ рѣчей: изложеніе ихъ крайне запутанное, и читать ихъ, а тѣмъ болѣе изучать, дѣло до-нельзя скучное. Эти рѣчи не даютъ намъ даже яснаго представленія о порядкахъ религіознаго врачеванія. Если на послѣднее именно смотрѣли какъ на шарлатанство, то въ этомъ не мало виноватъ Ари-

¹⁾ Plin. Nat. hist., XV, 264.

²⁾ Цифровыя данныя относительно состава этихъ растений, см. въ Chemisch-Technische Bibliothek, Band III (1889), s. 113 сл.

³⁾ За разсмотрѣніе какъ этого, такъ и слѣдующихъ средствъ, съ врачебно-фізіологической точки зрѣнія, приношу искреннюю благодарность М. Д. Ш т а у д е, оказавшему мнѣ, въ данномъ случаѣ, посильное съ своей стороны содѣйствіе.

⁴⁾ Лучшая изъ нихъ принадлежитъ Велькеру, *Kleine Schriften*, III, s. 114 сл., гдѣ можно найти указанія и на предыдущую литературу. Появившееся послѣ статьи Велькера сочиненіе Баумгарта, *Aelius Aristides als Repräsentant der sophistischen Rhetorik im zweiten Jahrhundert der Kaiserzeit*, Leipzig, 1874, занимается исключительно литературною дѣятельностью Аристида. Въ первой тетради за 1893 г. «*Rhein. Museum*» появилась статья В. Ш м и д а «*Die Lebensgeschichte des Rhetors Aristides*», s. 53 сл. Статья эта важна, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ ней представлена точная хронологія жизни и литературной дѣятельности Аристида.

⁵⁾ Curt Sprengel, *Versuch einer pragmatischen Geschichte der Arzneikunde*, I⁴, s. 173, Anm. 90 называетъ ее «*sehr complicirte chronische Krankheit*». Cp. Limbourg-Brouwer, *Histoire de la civilisation de la Grèce antique*, VI, p. 125.

стидъ. Въ его рѣчахъ разсказывается иногда о такихъ же „чудесахъ“, какія мы читаемъ теперь на вышеуказанныхъ эпидаврійскихъ *ἰάματα*. Объяснить рациональнымъ путемъ нѣкоторыя изъ описываемыхъ Аристидомъ средствъ нѣтъ никакой возможности; ихъ приходится считать плодомъ разстроеннаго воображенія больного ритора; и никоимъ образомъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ Лимбурга-Брауера, что „исторія Аристиды есть, вѣроятно, исторія всѣхъ больныхъ, вопрошавшихъ бога медицины въ различныхъ его святищахъ“¹⁾.

Представимъ ради образца, нѣсколько примѣровъ врачебныхъ средствъ, прописанныхъ Аристиду, которые не отличаются слишкомъ большою „чудесностью“, и неестественностью.

Аристидъ страдалъ затруднительностью дыханія и содроганіемъ мускуловъ. Ему рекомендованы были слѣдующія врачебныя средства: 1) теплыя ванны, 2) гулянье босикомъ, 3) сокъ бальзама (*ὁ τοῦ βαλσάμου ὀπός*), которымъ надо было мазаться послѣ ванны, 4) слабительное²⁾. Отъ боли въ нижней части живота было прописано: 1) купанье (но оно потомъ запрещается), 2) рвотное, 3) діета, 4) какая-то мазь, 5) мазь, составленная изъ яйца и листьевъ, 6) гусиное сало, 7) клистиры, 8) кровопусканіе³⁾. Отъ нарыва рекомендуется: 1) остерегаться воды, 2) другія предохранительныя средства. Сначала нарывъ былъ незначительный, но потомъ дошелъ до громаднхъ размѣровъ и причинялъ Аристиду сильную боль, осложнившуюся къ тому же лихорадкою. Одни изъ врачей стояли за операцію, другіе совѣтывали прижиганіе; *ὁ δὲ θεὸς ἐκέλευσε ἀντέχειν καὶ τρέφειν τὸν ὄγκον*. Аристидъ самъ не зналъ, чтò дѣлать, а нарывъ все росъ и росъ. Одни изъ друзей ритора удивлялись его выносливости; другіе упрекали его за слишкомъ сильное довѣріе къ богу, наконецъ, третьи считали его просто трусомъ. Но богъ опять-таки подтвердилъ свое приказаніе. Такъ прошло четыре мѣсяца. Въ теченіе этого времени Аристиду было приказано: бѣгать безъ обуви въ зимнее время, переплыть чрезъ рѣку во время сильной бури; поѣвши меду и желудей, принять рвотнаго; совершить очищеніе. Между тѣмъ опухоль все увеличивалась и дошла до пупка. Наконецъ, Асклепій въ одну ночь указалъ Аристиду какое-то лекарство, точный составъ котораго онъ не запомнилъ, но въ которое входила соль. Когда Аристидъ принялъ это лекарство, нарывъ прорвался и вытекло изъ него много матеріи. И сами врачи тогда удивились силѣ бога и перестали упрекать Аристиду за слѣпое

¹⁾ Limbourg-Brouwer, o. c., p. 127.

²⁾ Aristides, I, p. 466, 467 Dindorf.

³⁾ Ibid., I, p. 446—460.

довѣріе къ нему ¹⁾). Остается только сожалѣть, что Аристидъ забылъ точный составъ прописаннаго ему лекарства, и вмѣсто того запомнилъ, какъ онъ переплывалъ рѣку во время бури. Въ другой разъ у Аристиды болѣла вся верхняя часть тѣла, а также и голова. Аппетитъ у него совершенно пропалъ и желудокъ разстроился; возобновилась опять затруднительность дыханія. Богъ прописалъ ему полосканье (опять неизвѣстно какое), въ пищу же велѣлъ принимать дикія овощи, способствовавшія лучшему пищеваренію ²⁾). Однажды у Аристиды разлилась желчь. Средствами противъ этого недуга служили: клистиръ изъ аттического меда и другія лекарства (опять неизвѣстно какія); между прочимъ, приказано было ѣсть гусиную печенку и свиную подбрюшину ³⁾).

Но довольно говорить объ Аристидѣ. Повторяю, что судить о томъ, насколько прописываемыя имъ средства удовлетворяли требованіямъ рациональной медицины, невозможно уже по одному тому, что онъ забываетъ обыкновенно самое главное средство, а упоминаетъ такія, какія не относятся собственно къ медицинѣ ⁴⁾).

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію эпиграфическихъ памятниковъ, гдѣ содержатся описанія того, какъ лечили больныхъ въ іатромантическихъ оракулахъ.

Вблизи храма Асклепія въ Эпидаврѣ, при раскопкахъ Аѳинскаго Археологическаго Общества въ 1883 г., найдена была надпись, прекрасно сохранившаяся ⁵⁾. Она представляетъ описаніе всего процесса леченія нѣкоего М. Юлія Апелла изъ Каріи ⁶⁾.

Время надписи опредѣляется встрѣчающимся въ ней упоминаніемъ о купальнѣ, построенной въ Эпидаврѣ Антониномъ Благочестивымъ, въ бытность его наслѣдникомъ престола ⁷⁾. Такимъ образомъ, Апеллъ ле-

¹⁾ Aristides, I, p. 460—462.

²⁾ Aristides, I, p. 462—463.

³⁾ Ibid., I, p. 475 сл.

⁴⁾ Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Аристидъ описываетъ настоящія «чудеса». Ради примѣра укажу на I, p. 482—483. По замѣчанію Шмида, Rhein. Mus., 1893, s. 63 сл. «die іεροι λόγοι № 2—6 sind viele Jahre nach der Krankheit, theilweise nur auf Grund unbestimmter Erinnerung an die einzelnen berichteten Vorfälle aufgezeichnet». По вычисленію Шмида Аристидъ родился въ маѣ — апрѣлѣ 129 г. по Р. Х., захворалъ въ началѣ 156 г. и только въ 175 г. началъ редактировать свои іεροι λόγοι; умеръ Аристидъ ок. 189 г.

⁵⁾ Издана эта надпись Каввадіею, 'Εφημ. 'Αρχ., 1883, p. 227, № 60, Баунакомъ, Studien auf dem Gebiete des griech. u. der arischen Sprachen, s. 112 сл., Вилламовицемъ-Мѣллендорфомъ, Isyllos von Epidauros, s. 116 сл. Ср. также нѣкоторыя поправки къ надписи Пандазидиса, 'Εφημ. 'Αρχ., 1886, p. 141 сл. и I. Баунака, Aus Epidauros, Leipzig, 1890, s. 11 сл.

⁶⁾ Баунакъ, Studien etc., s. 110, считаетъ этого М. Юлія Апелла за карійскаго софиста, основываясь на встрѣчающемся въ 28 строкѣ надписи выраженіи: φιλολογήσαντί μοι.

⁷⁾ Pausan., II, 27, 6.

чился въ Эпидаврѣ или въ періодъ царствованія императора Антонина (138—161 по Р. Х.), или во время послѣ его смерти. Однимъ словомъ, надпись относится ко второй половинѣ II в. нашей эры. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надписи священныя рѣчи Аристиды служатъ прекраснымъ къ ней комментариемъ ¹⁾. Такъ какъ, по свидѣтельству самого Аристиды, онъ прибылъ въ Эпидавръ на двѣнадцатый годъ своей болѣзни ²⁾, то время леченія больныхъ близко совпадаетъ между собою.

1. Ἐπὶ ἱερέως Πο --- Αἰλ --- Ἀντιόχου.

При жрецѣ П. Эліи Антиохѣ.

Μ. Ἰούλιος Ἀπελλᾶς Ἰδριεὺς Μυλασεὺς μετεπέμφθη

М. Юлій Аpellъ Идріецъ Миласіецъ ³⁾ призванъ былъ

ὕπὸ τοῦ θεοῦ, πολλάκις εἰς νόσους ἐνπίπτων καὶ ἀπεψί-

богомъ, часто въ болѣзни впадающій и несвареніемъ (желудка)

αἰς χρώμενος. Κατὰ δὲ τὸν πλοῦν, ἐν Αἰγείνῃ ἐκέλευσέν

страдающій. Во время плаванія, въ Эгинѣ, онъ повелѣлъ

5. με μὴ πολλὰ ὀργίζεσθαι. Ἐπεὶ δὲ ἐγενόμην ἐν τῷ ἱερῷ, ἐ-

мнѣ не очень волноваться. Когда же я былъ въ святинѣ,

κέλευσεν ἐπὶ δύο ἡμέρας συνκαλύψασθαι τὴν κεφαλὴν,

приказалъ въ теченіе двухъ дней покрывать голову,

ἐν αἷς ὄμβροι ἐγένοντο, τυρὸν καὶ ἄρτον προλαβεῖν ⁴⁾, σέλει-

когда шли дожди, сыръ и хлѣбъ принять, сельдерей

να μετὰ θρίδακος, αὐτὸν δὲ αὐτοῦ λοῦσθαι, δρόμῳ γυμνάζε-

съ салатомъ, самому мыться, въ бѣгѣ упражня-

сθαι, κιτρίου проλαμβάνειν τὰ ἄκρα, εἰς ὕδωρ ἀποβρέξει, πρὸς

ться, взять лимоннаго соку, смѣшать его съ водою, при

¹⁾ Эти параллельныя мѣста указаны издателями надписи.

²⁾ Aristides, I, p. 362: ὁδεκάτῃ δὲ ἀφ' οὗ ἔκαμον... ἄγοντα εἰς Ἐπίδαυρον τὴν ἱερὰν τοῦ θεοῦ, т. е. въ 168 г. по вычисленію Шмидта.

³⁾ Относительно двойного ἑθνικόν Каввадія, прим. къ данному мѣсту, думаетъ что Аpellъ въ одномъ городѣ родился, въ другомъ жилъ. Болѣе правдоподобно мнѣніе Баунака, о. с., s. 111, что «die Epidaurier die kleine Ἰδριάς wenig oder gar nicht kannten, daher, der Zusatz des Namens der grosseren westhin bekannten Stadt Μύλασα, zu der iene in Abhängigkeitsverhältniss stehen mochte».

⁴⁾ Относительно глагола проλαμβάνειν, встрѣчающагося въ первый разъ въ значеніи «принимать, ѣсть», Виламовицъ-Мёллендорфъ, Isyllos, s. 118, Anm. 1 замѣчаетъ: «die Präposition muss darin ganz abgeschwächt sein, denn eine Beziehung auf eine bestimmte Mahlzeit, eine antiposta ist weder zu belegen, noch glaublich, weil sonst die Hauptregeln für die Diät fehlen würden». Баунакъ, Studien, s. 113, полагаетъ, что при словахъ τυρὸν καὶ ἄρτον проλαβεῖν слѣдуетъ подразумѣвать «πάντων τῶν ἐδεσμάτων». Врядъ-ли такъ. Въ надписи глаголь проλαμβάνειν встрѣчается три раза (II. 7, 9, 15). Мнѣ кажется, что это былъ опредѣленный техническій терминъ, соотвѣтствующій русскому «принимать».

10. ταῖς ἀκόαις ¹⁾ ἐν βαλανείῳ προστρίβεσθαι τῷ τοίχῳ, περιπάτω χρῆ-
 „водахъ“ въ купальнѣ тереться о стѣну, прогулива-
 сθαι ὑπερώῳ, αἰώροις, ἀφ᾽ ἧ πηλώσασθαι, ἀνυπόδητον περι-
 ться на балконѣ, качаться, грязью мазаться, босымъ
 паτεῖν, πρὶν ἐνβῆναι ἐν τῷ βαλανείῳ εἰς τὸ θερμὸν ὕδωρ
 гулять, прежде чѣмъ войти въ купальню въ горячую воду
 οἶνον περιχέασθαι, μόνον λούσασθαι καὶ ἀττικὴν δοῦναι
 вина влить, одному мыться, и аттическую (драхму) дать
 τῷ βαλανεῖ, κοινῇ θῦσαι Ἀσκληπιῷ, Ἰπιόνῃ ²⁾, Ἐλευσεινίαις ³⁾,
 баньщику, общую жертву принести Асклепію, Ипіонѣ, Елевсин-
 [скимъ богинямъ,
15. γάλα μετὰ μέλιτος προλαβεῖν. μιᾷ δὲ ἡμέρᾳ πτόντος μου γά-
 молока съ медомъ принять; когда же я въ теченіе одного дня пилъ
 ла μόνον εἶπεν μέλι ἔμβαλλε εἰς τὸ γάλα, ἵνα δύνῃται διακό-
 одно молоко, сказалъ: меду вливай въ молоко, что могло оно
 πτεῖν. ἐπεὶ δὲ ἐδεήθην τοῦ θεοῦ θᾶπτόν με ἀπολῦσαι, ὥμην (ν)ά-
 вариться. Когда же я просилъ бога скорѣе меня освободить, ду-
 [маль, гор-
 ποι καὶ ἀλσὶν κεχρημένος ὅλος ἐξιέναι κατὰ τὰς ἀκόας, ἐκ τοῦ
 чицею и солью намазавшись весь, выйти къ „водамъ“, изъ
 ἀβάτου παιδάριον δὲ ἡγεῖσθαι θυριατήριον ἔχον ἀτμίζον],
 авата, (представилось мнѣ), идетъ мальчикъ, имѣя дымящуюся ка-
 [дильницу,
20. καὶ τὸν ἱερέα λέγειν τεθεράπευσαι, χρὴ δὲ ἀποδιδόναι τὰ ἱάτρα.
 и жрецъ говорить: вылечился, нужно заплатить деньги за леченіе
 καὶ ἐποίησα, ἃ εἶδον, καὶ χρεῖμενος μὲν τοῖς ἀλσὶ καὶ τῷ νάπῳ
 И я сдѣлалъ, чтò видѣлъ, и намазавшись солью и горчицею

¹⁾ Ἀκοαῖς—Каввадія, ἀκόαις—Виламовицъ и Баунакъ, ср. лат. aquæ и прим. къ данному мѣсту у Баунака.

²⁾ О культѣ Ипіоны, супруги Асклепія, въ Эпидаврѣ, ср. Pausan., II, 27, 5. Древніе весьма рѣдко упоминаютъ объ Ипіонѣ: ср. Schol. Iliad., IV, 195. Aristides, I, p. 79. Tzetzes ad Lycophr. Alex., 1054. Pseudo-Hippocrates, epist. 10 (IX, p. 324 Littré). Кромѣ Ипіоны, нѣкоторые писатели называютъ супругою Асклепія: Лампетію, Ерминію у схол. Аристоф., Plutus, 701, Аглюю, Quint. Smyrn. Posthom., VI, 492, Иппоною, Tzetzes, Proœm. alleg., 615.

³⁾ Ср. Ἐφ η μ. Ἀρχ., 1883, p. 153, № 55; p. 25, № 1. При раскопкахъ въ Эпидаврѣ въ 1892 г. найдена точная копія послѣдней надписи. Δελτίον Ἀρχαιολ., 1892, p. 49. О тѣсной связи культа Асклепія съ Елевсинскими божествами писалъ У. Кёлеръ, Athen. Mittheil., II, s. 242 сл. Ср. также статью Г. Л. Урлихса, Asklepios und die Eleusinischen Gottheiten. Jahrbücher des Vereins von Alterthumsfreunden in Rheinlande, LXXXVII (1889), s. 1 сл.

ὕγρῳ ἤλγησα, λούμενος δὲ οὐκ ἤλγησ(α). ταῦτα ἐν ἐννέα

разведенной, чувствовалъ боль, вымывшись же не чувствовалъ; это
[въ теченіе 9

ἡμέραις, ἀφ' οὗ ἦλθον.

дней, съ тѣхъ поръ какъ я пришелъ.

Итакъ, главный недугъ Апелла — худое пищевареніе. Средства, прописанныя ему отъ него, могутъ быть расположены слѣдующимъ образомъ:

I. ФИЗИЧЕСКІЯ УПРАЖНЕНІЯ:

- 1) мыться самому, *безъ посторонней помощи*;
- 2) упражняться въ бѣгѣ ¹⁾;
- 3) послѣ ванны тереться тѣломъ о стѣну купальни;
- 4) гулять на балконѣ ²⁾;
- 5) качаться на качеляхъ ³⁾;
- 6) прежде чѣмъ войти въ теплую ванну, походить босикомъ ⁴⁾.

II. Средства для внутренняго употребленія:

- 1) ѣсть хлѣбъ съ сыромъ;
- 2) ѣсть сельдерея съ салатомъ ⁵⁾;
- 3) пить лимонадъ;
- 4) принимать медъ съ молокомъ.

Послѣднее средство, вѣроятно, было самымъ важнымъ при леченіи Апелла, потому что, когда послѣдній, въ теченіе одного дня пилъ только молоко, ему приказано было вторично: пить непременно молоко съ медомъ.

III. Средства для наружнаго употребленія:

- 1) мазать тѣло грязью ⁶⁾;

¹⁾ О соединеніи гимнастики съ іатрикою говоритъ Платонъ, De republ., III, 406 A: Ἡρόδικος μίξας γυμναστικὴν ἰατρικῇ ἀπέκνωσε πρῶτον μὲν καὶ μάλιστα ἑαυτόν, ἔπειτ' ἄλλους, ὕστερον πολλούς. Аристидъ тоже упоминаетъ о бывшемъ при немъ сѣздѣ въ Смирнѣ врачей и учителей гимнастики, Aristides, I, p. 483: συνῆλθον οἱ τε ἰατροὶ καὶ οἱ γυμναστοί. Самому Аристиду приказываетъ Асклепій: χρῆσθαι δρόμῳ. Aristides. I, p. 509. Ср. I, p. 541.

²⁾ Относительно прогулки на балконѣ Антиллъ замѣтилъ: οἱ δὲ ὑπερῶσι πάντων περιπάτων προκρίτεοι. Oribasius, I, 508 Daremberg. Древнѣйшее такое ambulatio pensilis находилось въ стоѣ, построенной въ Книдѣ, Состратомъ, сыномъ Дексифана, навархомъ Птолемея II, Plin. Hist. Nat., XXXVI, 83. Ср. [Lucian.] Ἑρωτες, 11.

³⁾ Ср. Wilamowitz-Möllendorf, Isyllos von Epidauros, s. 118, Anm. 6.

⁴⁾ Aristides, I, p. 461, 466: ἀνυπόδητόν τε γὰρ προσελθεῖν ἐπέταξε.

⁵⁾ Aristides, I, p. 463: τροφὴν δὲ ἔδωκε λάχανα ἄγρια, ἃ καὶ πέψιν καὶ δύναμιν παρέσχε μοί τινα. Ср. I, p. 497. Galenus, VI, p. 638 Kühn: τά γε μὴν σέλινα—καὶ τῆς θρίδακος φύλλους μίγνόντες προσφέρονται τινες. ἄποιον γὰρ οὕσα λάχανον ἢ θρίδαξ ἔτι τε ψυχρὸν ἔχουσα χυμὸν ἡδίων τε ἅμα καὶ ὠφελιμώτερα γίνεται τῶν δρυμέων τι προσλαμβάνουσα.

⁶⁾ Aristides, I, p. 485: προσέταξε χρῆσασθαι τῷ πηλῷ πρὸς τῷ φρέατι τῷ ἱερῷ καὶ λούσασθαι αὐτόθεν.

2) принимать теплыя ванны, въ воду при этомъ влить вина ¹⁾;

3) натираться мазью, составленною изъ горчицы и соли ²⁾.

23. ἤψατο ³⁾ δέ μου καὶ τῆς δεξιᾶς χιρὸς καὶ τοῦ

(Болѣзнь) коснулась и моей правой руки и

μαστοῦ. τῇ δὲ ἑξῆς ἡμέρα ἐπιθύοντός μου, φλόξ ἀναδραμοῦ-

груди. Когда на слѣдующій день я приносилъ жертву, пламя, под-

25. [σ]α ἐπέφλευσε τὴν χεῖρα, ὥς καὶ φλοκταίνας ἐξανθῆσαι. μετ'ὁ

нявшись, обожгло руку, такъ что вскочили нарывы. Спустя

λίγον δὲ ὕγιης ἡ χεὶρ ἐγένετο.

немного времени, рука выздоровѣла.

Какими средствами лечили Апелла въ данномъ случаѣ, неизвѣстно.

Можно думать, что болѣзнь руки была незначительна, такъ что не стоило и лечиться: рука зажила въ теченіе короткаго времени.

ἐπιμείναντί μοι ἄνηθον μετ'

Во время моего пребыванія, анисъ

ἐλαίου χρήσασθαι πρὸς τὴν κεφαλαλγίαν εἶπεν. οὐ μὲν ἦλ-

съ масломъ онъ приказалъ употреблять отъ головной боли; боль

γουν τὴν κεφαλὴν. συνέβη οὖν φιλολογήσαντί μοι συνπλη-

прекратилась. Случился у меня отъ занятій приливъ

ρωθῆναι. χρησάμενος τῷ ἐλαίῳ ἀπηλλάγην τῆς κεφαλαλγί-

къ головѣ. Принявъ масла, я освободился отъ головной

ας.

боли.

Итакъ, средствомъ отъ головной боли является анисъ съ масломъ.

30. ἀναγαργαρίζεσθαι ψυχρῷ πρὸς τὴν σταφύλην (καὶ γὰρ περὶ

Полоскать холодною водою противъ опухоли язычка (ибо и объ

τοῦτου παρεκάλεσα τὸν θεόν). τὸ αὐτὸ καὶ πρὸς παρίσθμια. ἔχε

этомъ призывалъ я бога). Тоже самое и противъ воспаленія железъ.

λευσεν δὲ καὶ ἀναγράψαι ταῦτα. χάριν εἰδὼς καὶ ὕγιης γε-

Приказалъ же и написать это. Будучи благодаренъ и

νόμενος ἀπηλλάγην.

выздоровѣвши, я ушелъ (изъ оракула).

¹⁾ Аристидъ очень часто упоминаетъ о теплыхъ ваннахъ: I, p. 466, 467, 483.

²⁾ Ср. Aristides, I, p. 462. 492.

³⁾ Въ пониманіи этого мѣста издатели надписи несогласны. Каввадія, считая подлежащимъ къ ἤψατο подразумѣваемое θεός, замѣчаетъ, что эти слова больной позабылъ поставить выше, тамъ, гдѣ рѣчь шла о видѣніи, и потомъ уже здѣсь прибавилъ эти слова. Баунакъ переводить ἤψατο посредствомъ «strich» (считая подлежащимъ θεός). Виламовицъ, Isyllos, s. 119, переводить ἤψατο «er fasste» безъ всякаго объясненія. Я слѣдую Пандазидису, который считаетъ подлежащимъ къ ἤψατο подразумѣваемое νόσος.

Таковъ весь процессъ религіознаго врачеванія Апелла. Если обратить вниманіе на то, что у больного дѣлались приливы къ головѣ отъ „занятій“ (какъ сказано въ надписи), и притомъ ему съ самаго начала прописывалась усиленная гимнастика и массажъ, какъ-то: мыться безъ посторонней помощи, упражняться въ бѣгѣ, качаться, „тереться о стѣну купальни“, то мы неминуемо должны придти къ заключенію, что усиленные занятія, безъ движенія, заключали въ себѣ коренную причину болѣзни Апелла. Послѣдствія такого ненормальнаго образа жизни не рѣдки и въ наше время; они заключаются, главнымъ образомъ, въ разстройствѣ пищеваренія, связаннаго съ потерей аппетита и головною болью. И теперь доктора посылаютъ такихъ больныхъ купаться на воды или прописываютъ имъ ванны, прогулки. Тоже самое мы читаемъ и въ надписи. Апеллу прописывается купанье, обмазыванье грязью (быть можетъ, тѣ же „грязныя ванны“ нашего времени на берегахъ морей). Всѣ эти средства, равно какъ и горчичники („мазаться солью съ горчицею“) и ванны изъ горячей воды съ виномъ ведутъ къ тому, чтобы поднять дѣятельность кожного дыханія и усилить кровообращеніе.

Переходя къ средствамъ, принимаемымъ Апелломъ внутрь, мы видимъ, прежде всего, что они совершенно безвредны. У Апелла желудокъ работалъ слабо; съ этою цѣлью въ желудокъ вводится кислота, столь необходимая для пищеваренія, въ видѣ лимонада. Противъ запоровъ, весьма возможныхъ у нашего больного, ему прописывается разрѣшающее средство: молоко съ медомъ, а къ этому зелень: сельдерей и салатъ. При леченіи надо было подыскать и пищу, по возможности болѣе питательную; таковая рекомендована въ видѣ хлѣба съ сыромъ, такъ какъ сыръ, по своему составу, питательнѣе даже мяса; къ тому же сыръ древнихъ, вѣроятно, былъ нѣчто среднее между сыромъ и нашимъ творогомъ, вслѣдствіе особенности своего приготовленія, причемъ по питательности не уступалъ нынѣшнему, но зато легче переваривался желудкомъ.

Исполнивъ все, что ему было приказано, паціентъ выздоровѣлъ, но чрезъ нѣкоторое время сталъ страдать головною болью. Очевидно, причина этого недуга оставалась прежняя: желудокъ все еще не могъ придти въ норму. Тогда больному прописываютъ принимать анисъ съ оливковымъ масломъ для очищенія желудка. Въ настоящее время такому больному дали бы кастороваго масла, а если бы больной страдалъ при этомъ еще вѣтрами въ желудкѣ, то ему прибавили бы анисоваго масла. Отъ повторившейся головной боли Апеллу дали оливковаго масла; въ надписи объяснено и происхожденіе этой болѣзни—отъ усиленныхъ занятій, отъ

сидячей жизни произошелъ опять заваль желудка, что вызвало приливъ къ головѣ и головную боль.

Опухоль языка и воспаленіе железъ произошли у Апелла, вѣроятно, отъ простуды. Въ обоихъ случаяхъ полосканье холодною водою, съ одной стороны, останавливало распространеніе воспалительнаго процесса и уменьшало его, съ другой стороны, предохраняло отъ простуды на будущее время.

Въ журналѣ „Philologus“ за 1889 г. (т. 48, новой серіи 2, стр 401 сл.) I. Баунакъ издалъ надпись изъ левинскаго Асклипіона, на Критѣ. Надпись найдена въ селеніи Міаму, къ югу отъ Hagioi Deke. Вотъ текстъ надписи по копіи I. Баунака:

Ἀσκληπιῶ
Πόπλιος Γράνιος [] ¹⁾
κατ'ἐπιταγήν.
Ἐκ διατίας βήσσοντά με ἀδ[ιαλεί]-
πτως, ὥστε σάρκας ἔνπυου[ς..(.)] ²⁾
ημαγμένας δι' ὅλης ἡμέρας ἀ[πο]-
βάλλειν --- ὁ θεὸς ἐπεδέξατο θερ[α]-
πεῦσαι.
Ἐδωκεν εὖξωμον ³⁾ νηστῇ τρώγειν,
εἶτα πέπερα τὸν ἰταλικὸν πείνειν,
πάλιν ἄμυλον διὰ θερμοῦ ὕδατος, —
εἶτα κονίαν ἀπὸ τῆς ἱερᾶς σποδοῦ
καὶ τοῦ ἱεροῦ ὕδατος, εἶτα ὦον καὶ
ῥητείνην, — πάλιν πίссαν ὑγρὰν, --
εἶτα εἶριν ⁴⁾ μετὰ μέλιτος, εἶτα μῆλον
κυ[δ]ώ[νιον.....] δασὺν ἐψη-
[τὸν πείν]ειν, τὸ δὲ μῆλον
[τρώγει]ν σῶκα μετὰ[.] πο-

¹⁾ По замѣчанію Баунака, о. с., s. 402, мѣсто для 5 буквѣ.

²⁾ «Der Sinn drängt [ἀπ]ηλλαγμένας auf: wenn in der Lunge Blutgefäße gesprungen sind, sammelt sich das Blut und verdichtet sich. Von dieser oft mit Eiter durchsetzten Masse reissen sich beim Husten Theilchen los und bilden die Auswürfe. In 2. 6 ist das 2. Zeichen verletzt: die Reste lassen auf μ (oder η) schliessen. Da ich damit nichts anfangen konnte, nahm ich vorläufig zu der misslichen Annahme eines Versehens meine Zuflucht also [ἀπ]η<μ> (λλ)αγμένας». Баунакъ, о. с., s. 403.

³⁾ Εὖξωμον «eruca, eine Gemüspflanze, deren Samen wie Senf zum Würzen gebraucht ward». Баунакъ, ibid.

⁴⁾ «Das aus der Irispflanze gewonnene Oel (ἶρινον μύρον oder ἔλαιον) diente sonst hauptsächlich als Parfüm», Баунакъ, ibid.

[] βωμοῦ, ὅπου οὐ --
[].
[] ἀπὸ τ[ῆ]ς ἐν τῷ δε-
[]ς πολὺ αἶμα Δ[...(.)]
[] οὐ ται κε [] ¹⁾.

Изъ этой надписи мы узнаемъ, что больной, П. Граній, кашлялъ съ кровью. Судя по этому симптому болѣзни, а также и потому, что при кашлѣ выдѣлялась мокрота, можно предполагать, что больной страдалъ пораженіемъ дыхательныхъ путей, вѣроятно, легкихъ (быть можетъ, была чахотка). Вотъ какими средствами лечили П. Гранія (въ томъ порядкѣ, какъ они перечислены въ надписи): ѣсть на тощакъ горчичную капусту, пить составъ изъ италійскаго перца и крахмала, растворенныхъ въ кипяткѣ, ѣсть яйца и смолу, принимать сырую смолу, ѣсть яблоки, масло, медъ, смоквы.

Разсматривая эти средства, мы два раза наталкиваемся на смолу. Медицина нашихъ дней, въ подобныхъ случаяхъ, также недалеко ушла отъ смолы: выдѣливъ составную часть смолы скипидаръ, она заставляетъ больныхъ, страдающихъ грудными болѣзнями, глотать этотъ скипидаръ въ видѣ пилюль или просто прописываетъ дегтярныя пилюли, а также вдыханіе паровъ скипидара. Кромѣ того, наши врачи посылаютъ больныхъ грудью въ сосновые лѣса, гдѣ они могутъ дышать смолистымъ запахомъ хвойныхъ деревьевъ. Къ той же категоріи лекарствъ слѣдуетъ, вѣроятно, отнести и масло (εἶριν), которое получалось изъ растенія съ очень пахучимъ корнемъ. Масло этого растенія имѣло своимъ назначеніемъ усилить дѣйствіе ароматическихъ частей смолы и облегчить дыханіе больного. Яйца рекомендованы ему, какъ очень питательная пища; а чтобъ вызвать дѣятельность желудка, совѣтуется ѣсть фрукты: смоквы и яблоки. Самое курьезное средство, прописанное П. Гранію, это микстура изъ италійскаго перца и муки, растворенной въ горячей водѣ. Быть можетъ, такое средство должно было уменьшать раздраженіе гортани и горла вообще; съ другой стороны, необходимо было, чтобъ мокрота продолжала выдѣляться, чему способствовалъ италійскій перецъ; жаль, что нѣтъ указаній относительно количества послѣдняго при приѣмѣ этого лекарства ²⁾.

¹⁾ Въ испорченной части надписи, по вѣроятному предположенію Баунака, о. с., s. 401, заключалось: «die Angabe über die Erfolg und die Dauer der Cur».

²⁾ Въ томъ же мѣстѣ на Критѣ, гдѣ найдена была разобранныя надпись, Баунакъ видѣлъ и печальные остатки другой надписи, содержащей также рецептъ. См. Philologus, XLVIII (N. F. II, 1889), s. 404. По сообщенію Berl. Philolog. Wo-

Въ свое время Веркутръ высказалъ мнѣніе, что при религіозномъ врачеваніи никогда не производились хирургическія операціи: происходило это или потому, что ими боялись осквернить священное мѣсто, или, что еще болѣе вѣроятно, потому, что жрецы плохо знали анатомію, безъ которой немыслима хирургія ¹⁾. Древніе авторы не даютъ намъ никакихъ прямыхъ указаній на этотъ счетъ. Въ отрывкѣ Иппія Ригійскаго, приводимомъ Эліаномъ, рассказывается объ операціи, произведенной жрецами Асклипія ²⁾; но рассказъ этотъ, какъ плодъ чистаго вымысла, служить доказательствомъ не можетъ. Далѣе Артемидоръ упоминаетъ объ одной операціи въ брюшной полости, совершенной Асклипіемъ ³⁾. Не довѣрять этому свидѣтельству, какъ то дѣлаетъ Веркутръ только потому, что оно принадлежитъ Артемидору, мы не имѣемъ права, тѣмъ болѣе, что, въ настоящее время, это свидѣтельство подтверждается и надписью.

Въ томъ же мѣстѣ, гдѣ найдена была надпись о врачеваніи Апелла, нашлась слѣдующая посвяtitельная надпись въ честь Аполлона Малеатскаго и Асклипія ⁴⁾:

Ἀγαθὴ[τόχη].

Въ добрый (часть)

Τιβ. Κλ. Σευῆρος

Тив. Кл. Севиръ

Σινωπεὺς Ἀπόλ-

Синопецъ Апол-

λωνι Μαλεάτα καὶ

лону Малеатскому и

Σωτῆρι Ἀσκληπιῷ

Спасителю Асклипію

κατ' ὄναρ. Ὅν ὁ θεός

вслѣдствіе сновидѣнія. Его (Севира) богъ

εἰάσατο ἐ[ν τ]ῷ ἐγ-

вылечилъ въ ава-

chenschrift, 1892, № 11, въ Левинѣ, на Критѣ, найдены недавно новыя надписи изъ храма Асклипія.

¹⁾ Revue Archéologique, 1885, p. 290 сл.

²⁾ Aelian. De nat. animal., IX, 33 = Müller, Fragmenta hist. græc., II, p. 15, fragm. 8.

³⁾ Artemidor. Onirocr., V, 61: ἔδοξε τις ὑπὸ τοῦ Ἀσκληπιοῦ ξίφει πληγεὶς εἰς τὴν γαστέρα ἀποθανεῖν· οὗτος ἀπόσθημα γενόμενον, κατὰ τῆς γαστρὸς ἰάσατο τομῇ χρησάμενος.

⁴⁾ Ἐφημ. Ἀρχ., 1883, p. 237, № 61 = Baunack, Studien etc., s. 118. По характеру буквъ, надпись относится ко II в. по Р. X.

κοιμητη[ρίω] χοι-
 тѣ, затверденіемъ же-
 ράδας ἔχ[οντα] ἐπ[ι]
 лезъ страдающаго на
 τοῦ τρα[χύλου κ]αὶ
 шеѣ и
 καρκίνο[ν. ὁ δὲ θε]ός
 ракомъ. Богъ же,
 ἐπιστὰς δὴ]τως ¹⁾
 явившись,
 οἶος ἐστ[αφυλοτόμη] ²⁾.
 лично (вырѣзалъ).
 ἐπὶ ἱερέως
 Αὐρ. Π..... Οὐ-
 ετους[τίου].....
 ἔτου[ς δὲ].... ν
 ⊗ ο

Что излечить ракъ и избавиться отъ затверденія железъ на шеѣ можно только при помощи операціи, съ этимъ вполне согласна и современная медицина. На записяхъ о „чудесахъ“ Аскліпія также разсказываются случаи исцѣленій посредствомъ операцій ³⁾; еслибы послѣднія не производились вовсе при религіозномъ врачеваніи, то врядъ-ли составители „чудесъ“ сочли бы удобнымъ говорить о нихъ.

Справедливо замѣчаніе Веркутра, что, при сильномъ распространеніи въ Греціи глазныхъ болѣзней, офталмологія была въ значительной степени развита жрецами Аскліпія ⁴⁾. На надписяхъ о „чудесахъ“ случаи врачеванія глазныхъ болѣзней попадаются въ достаточномъ количествѣ ⁵⁾.

¹⁾ Въ текстѣ 'Ε φ η μ. 'Α ρ χ., 1883, ук. м., стоитъ.....τω, на основаніи чего Каввадія возстановлялъ [αὐ]τῶ. Но I. Баунакъ, *Aus Epidauros*, s. 13, замѣчаетъ: «Am Ende von Z. 12 haben wir nicht [αὐ]τῶ zu lesen, wie K(abbadias) angab, sondern im schliessenden Zeichen |^| eine Ligatur für ως zu erkennen. In der Lücke nach ἐπιστὰς und vor] τως fehlen 5 Zeichen. Die Endung τως lässt auf ein Adverbium schliessen: darin stak vielleicht ein Lob. Ob [ἀμέμπ]τως oder eine Anerkennung wie [ἀέλπ]τως u. dergl.»

²⁾ Meister въ рецензії на книгу Баунака, *Studien etc.* (Berl. Philol. Wochenschrift, 1886, № 43, s. 1348), называетъ это дополнение «als ebenso überraschend, wie evident».

³⁾ 'Ε φ η μ. 'Α ρ χ., 1883, p. 197 сл., II. 95 сл., 98 сл.; 1885, p. 1 сл., I. 26 сл., 36 сл., 55 сл., 63 сл., 10 сл., 1 сл.

⁴⁾ *Revue archéol.*, 1885, p. 292.

⁵⁾ Ср. 'Ε φ η μ. 'Α ρ χ., 1883, p. 197 сл., II. 33 сл., 72 сл., 90 сл., 120 сл., 126 сл.; 1885, p. 1 сл., II. 7 сл., 64 сл., 119 сл.; p. 85, II. 9 сл.

Что же можно сказать вообще о тѣхъ врачевныхъ средствахъ, которыя употреблялись при религіозномъ врачеваніи? То, что они были просты, естественны, безвредны; что на ряду съ наружною и внутреннею терапіею большимъ значеніемъ пользовались гимнастическія и вообще физическія упражненія. „Асклипій, замѣчаетъ Маркъ Аврелій, предписываетъ одному—верховую ѣзду, другому—холодныя ванны, третьему—ходить босикомъ“ ¹⁾. А по словамъ Артемидора, „предписанія боговъ всегда просты и загадочны; боги называютъ мазь, пластырь, пищу, питье тѣми же именами, что и мы, а если и говорятъ иногда загадочно, то не настолько, чтобы ихъ нельзя было понять“ ²⁾. Религіозная медицина была не такъ сложна, какъ медицина врачей. Но видѣтъ въ ней лишь обманъ со стороны жрецовъ и самообманъ со стороны паціентовъ, мы не имѣемъ права. Конечно, при инкубаціонномъ врачеваніи, обрядовая сторона, повидимому, брала перевѣсъ надъ собственнымъ врачеваніемъ; но, быть можетъ, послѣднее и было потому такъ успѣшно, что оно было соединено тѣсными узами съ религіею, которая его освящала и держала подъ своимъ покровомъ.

Остается рѣшить вопросъ, кто же были врачами въ іатромантическихъ оракулахъ? Въ литературѣ нѣтъ на этотъ счетъ никакихъ указаній; на надписяхъ же, напримѣръ, аѣинскихъ, званіе жреца и врача соединены лишь въ трехъ одиноко стоящихъ, пока, случаяхъ. На одной надписи, нѣкто Ониторъ сперва названъ врачомъ, а немного далѣе, въ той же надписи, ему усвоится титулъ жреца ³⁾. Далѣе, въ двухъ другихъ надписяхъ упомянуты закоры (=неокоры), которые въ то же время являются тамъ и врачами ⁴⁾. Въ эпидаврійскихъ надписяхъ нѣтъ совсѣмъ упоминаній о врачахъ. Изъ косскихъ надписей сохранилась одна въ честь врача Стертинія Ксенофонта, который тамъ также называется *ιερεὺς Ἀσκληπιοῦ, Ὑγίας καὶ Ἠπιόνης* ⁵⁾.

Въ Аѣинахъ жрецы Асклипія избирались ежегодно, и притомъ по жребію. Такъ было въ IV в. до Р. X. ⁶⁾. Можно предполагать, что въ

¹⁾ M. Aurel. Ad se ipsum, V, 8 (ed. Schulz). Cp. Galen. De sanit. tuenda, I, 8 (VI, p. 41 Kühn).

²⁾ Artemid. Oniocr., IV, 22.

³⁾ C. I. A., III, 780.

⁴⁾ Bull. de corr. hell., II, p. 422, l. 13; p. 426, l. 73 и 84. Cp. p. 425, l. 65 и 66.

⁵⁾ Paton and Hicks, The inscriptions of Cos, № 345. Cp. о немъ А. Стрѣльцовъ, Врачи у древнихъ римлянъ ², Москва, 1888, стр. 87 сл.

⁶⁾ C. I. A., II, 1, add. nova 567 b: ἐπειδὴ Φυλῆς λαχὼν ἱερεὺς τοῦ Ἀσκληπιοῦ ἐπὶ Ἰσαίῳ[ο] ἄρχοντος. Cp. ibid., add. et corr. 489 b: ὁ εἰληχῶς ἱερεὺς Ἀσκληπιοῦ καὶ Ὑγίας... Διοκλῆς Διοκλέους Κηφισιεύς νεώτερος. Исключение изъ этого общаго правила представляетъ лишь Димонъ, родственникъ Димосаена, получившій жречество въ силу предсказанія дельфійскаго оракула. C. I. A., II, 3, 1654 = Dittenberger, Sylloge, 368.

эпидаврійской святынь существовалъ такой же способъ избранія. При раскопкахъ въ Эпидаврѣ найдена была надпись крайне плохо сохранившаяся, со всѣхъ четырехъ сторонъ обломанная; по характеру письма, эта надпись относится къ позднему времени ¹⁾. Въ 5-й строкѣ ея ясно читаются слова τοὺς ἱερωμένους[ς], въ 6-й строкѣ — ἐν τῷ τεμ[ένει 'Ασκληπιῶ?], въ 14-й — τὰςδε τὰς ἱερωσύνας и, наконецъ, въ строкахъ 8-й и 18-й — χειροτονίας и χειροτο[ν]εῖν ἱερέ[ας]. Ясно, что рѣчь идетъ объ избраніи кого-то; изъ сопоставленія вышеприведенныхъ выраженій, можно предполагать, правда, съ большою осторожностью, что жреческая должность въ Эпидаврѣ замѣщалась посредствомъ выборовъ. Продолжительность жречества Асклепія и Игіи въ Аѣннахъ, какъ сказано выше, была одинъ годъ ²⁾; такой же порядокъ существовалъ и въ эпидаврійской святынь Асклепія ³⁾, и въ оропской святынь Амфіарая ⁴⁾. О пожизненныхъ жрецахъ въ эпидаврійскихъ надписяхъ нѣтъ упоминаній, хотя въ нѣкоторыхъ надписяхъ указывается, что жрецы избирались на свою должность два, а быть можетъ, и болѣе разъ ⁵⁾.

Пожизненные жрецы (ἱερεῖς διὰ βίου) Асклепія въ Аѣннахъ упоминаются въ надписяхъ, относящихся къ правленію Августа ⁶⁾. Но о. Косѣ упоминаніе о пожизненныхъ жрецахъ относится также къ римскимъ временамъ ⁷⁾. Существованіе пожизненныхъ жрецовъ Асклепія засвидѣтельствовано также для оо. Лесва ⁸⁾, Оиры ⁹⁾ и городовъ Термисса ¹⁰⁾ и Анкиры ¹¹⁾.

¹⁾ 'Εφ η μ. 'Αρχ., 1883, p. 92, № 36. Ср. Baunack, Aus Epidauros, s. 5.

²⁾ С. I. A., II, 1, add. et corr., 489 b. Ср. P. Girard, L'Asclépieion d'Athènes, p. 23.

³⁾ 'Εφ η μ. 'Αρχ., 1883, p. 25, № 1; 1884, p. 25, № 66; 1886, p. 254. Ср. 'Εφ η μ. 'Αρχ., 1883, p. 151, № 47; 1884, p. 21, № 62, p. 26, № 67.

⁴⁾ Ср. Dürrbach, De Oropo et Amphiarai sacro, p. 117 сл.

⁵⁾ Le-Bas-Foucart, Pelopon. et Megaride, 148. Ср. 'Εφ η μ. 'Αρχ., 1883, p. 30, № 10, p. 88, № 24. Отправленіе должности ἱερέως не исключало возможности занимать и другія жреческія должности. Ср. 'Εφ η μ. 'Αρχ., 1883, p. 25, № 1, p. 147, № 37, p. 148, № 38, p. 149, № 39, 40, 41, p. 150, № 42; 1884, p. 21, № 62.

⁶⁾ Ср. С. I. A., III, 132.

⁷⁾ Paton and Hicks, Inscriptions of Cos, № 92 (надпись времени императора Клавдія): [Γά]ιος Σπερτίνιος Ξενοφ[ῶν, εὐ]εργέτας τὰς πατρίδος καὶ ἱερεὺς διὰ βίου, 'Ασκληπιῶ(ι) Καίσαρι 'Αγαθῶ(ι) Θεῶ(ι) ἀνέθηκε. Ср. ibid., № 345, l. 14; № 27, l. 10; № 132. Въ одной косской надписи, № 103 ук. сборн., упоминается жрецъ κατὰ θεῖαν κἀλευσιν ἀπὸ γένους Μάρκου Σπεδίου Βηρύλλου 'Αλλιανῶ 'Ιουλιανῶ - - -. Кромѣ того, изъ фрагментовъ косскихъ надписей мы знаемъ, что на Косѣ существовалъ обычай продажи жреческихъ мѣстъ. Paton and Hicks, о. с., № 30. Ср. ibid., № 27, l. 68, 69; № 28, 29, 31, 32, 368 и статью В. В. Латышова, Халкидонскія надписи. Журн. Мин. Нар. Просв., 1885, июль, отд. класс. фил., стр. 6.

⁸⁾ С. I. G., 2194.

⁹⁾ Ross, Inscr. græcæ ineditae, fasc. II, № 221, p. 88.

¹⁰⁾ С. I. G., 4366 i.

¹¹⁾ Archæol. Epigraph. Mittheilungen aus Oesterreich, IX (1885), s. 123.

Пока не будетъ найдено бѣльшаго количества надписей съ болѣе точными упоминаніями о жрецахъ Аскліпія, рѣшить окончательно вопросъ о томъ, кто завѣдывалъ врачеваніемъ больныхъ, нельзя. Возможны два предположенія: или леченіемъ больныхъ завѣдывали спеціальные врачи ¹⁾, или жрецы, обладавшіе медицинскими познаніями. Въ послѣднемъ случаѣ придется допустить, что въ іатромантическихъ оракулахъ было, вѣроятно, два класса жрецовъ: одни изъ нихъ завѣдывали исключительно леченіемъ больныхъ, другіе наблюдали за всею обрядовою стороною инкубаціи. Я скорѣе склоняюсь на сторону перваго предположенія, именно, что собственно врачеваніемъ больныхъ завѣдывали спеціальные „религіозные“ врачи, подчиненные, впрочемъ, во всемъ жрецамъ, которые наблюдали за точнымъ исполненіемъ всѣхъ религіозныхъ актовъ и которые завѣдывали совершеніемъ самаго обряда инкубаціи. Врачи, въ свою очередь, за оказанныя ими услуги, могли иногда быть возводимы въ званіе жрецовъ. Этимъ и объясняются тогда указанные выше упоминанія о совмѣщеніи въ одномъ лицѣ должностей врача и жреца ²⁾.

Прослѣдить исторію религіознаго врачеванія не представляется возможнымъ за недостаткомъ фактическихъ данныхъ. Можно заключить а priori, что обряды инкубаціи практиковались во все время существованія язычества ³⁾. Но и христіанство не положило имъ конца. При Плиніи Старшемъ, во многихъ мѣстахъ древняго міра, обращались къ іатромантическимъ оракуламъ ⁴⁾; о томъ же свидѣтельствуютъ намъ: Петроній, Марціалъ, Помпоній Мела и др. ⁵⁾. Императоръ Каракалла ѣздилъ въ Пергамъ, гдѣ находился извѣстный іатромантическій оракулъ Аскліпія, и тамъ просилъ помощи у бога-врача ⁶⁾. Къ тому же времени

¹⁾ Въ рѣчахъ Аристиды сохранилось не мало упоминаній о врачахъ (іатροί), которые, очевидно, принимали участіе въ леченіи Аристиды, Aristides, I, p. 490, 493, 494, 459, 470, 474, 513, 536, 537, 546. Въ косскихъ надписяхъ нерѣдко врачи упоминаются на ряду съ лицами изъ жреческаго персонала и лицами, принимающими участіе въ жертвоприношеніяхъ. Врачи получаютъ, на ряду съ прочими, и часть жертвеннаго животнаго. См., напр., Paton and Hicks, The inscriptions of Cos, № 37, l. 54. №№ 345. 409. Ср. № 40, l. 14. О косскихъ врачахъ ср. замѣчанія Патона въ Journal of hell. stud. IX, p. 335 и Тѣпффера въ Athen. Mitth., XVI (1891), s. 429.

²⁾ О различіи Аскліпіадовъ и жрецовъ Аскліпія, см. мою замѣтку въ Филол. Обзор., III, стр. 60 сл.

³⁾ Ср. Cicer. De divinat., II, 72, 148. II, 59, 123.

⁴⁾ Plin. Nat. Hist., XXIV, 3: nec non et hodie multifariam ab oraculis medicina petitur. Ср. II, 225; XV, 264; XXV, 17.

⁵⁾ Petron. Satir., 17. Martial. X, 16; XIV, 51. Pompon. Mela, I, 46; II, 46, 49; III, 48.

⁶⁾ Herodian. Ab excessu divi Marci, IV, 8, 3.

относится свидѣтельство Тертуліана, по словамъ котораго „ониромантическими оракулами наполненъ весь міръ“ ¹⁾).

Христіанство являлось сильнымъ противникомъ всякаго рода таинственныхъ культовъ. Христіанская полемика, начавшаяся съ Іустина Мученика, Тертуліана, Минуція Феликса, непремѣнно должна была заняться вѣдовствомъ, такъ какъ язычники указывали обыкновенно на оракулы въ подтвержденіе существованія своихъ боговъ ²⁾. Противники христіанства старались доказать, что чудеса, творимые Іисусомъ Христомъ, совершались и прежде, совершаются и по сіе время ³⁾. Однимъ изъ такихъ чудотворцевъ, котораго хотѣли противопоставить Христу, является Аполлоній Тіанскій, біографія котораго написана Филостратомъ; въ ней крайне интересны отношенія Аполлонія къ Аскліпію ⁴⁾. Второй вѣкъ по Р. Х., особенно правленіе Антониновъ, былъ богатъ суевѣріями всякаго рода ⁵⁾. Императоръ Маркъ Аврелій, при всѣхъ своихъ замѣчательныхъ качествахъ, былъ человѣкъ крайне суевѣрный, и въ его „размышленіяхъ“ мы находимъ доказательство того, что онъ глубоко вѣрилъ въ силу и значеніе іатромантическихъ оракуловъ ⁶⁾. Только въ его время и мыслима была такая сильная вѣра въ чудодѣйственную силу Аскліпія, примѣры которой мы находимъ въ „священныхъ рѣчахъ“ ритора Аристида; только при тогдашнемъ суевѣрномъ настроеніи общества и мыслимы были тѣ наглые обманы, которые позволялъ себѣ „лжепророкъ“ Александръ и которые описаны Лукіаномъ ⁷⁾.

¹⁾ Tertullian. De anima, 46, 48, 49; Ad nationes, II, 14. Cp. Clem. Alexandr Cohort. ad gentes, p. 8, 4, 15 (ed. Migne).

²⁾ Bouché-Leclercq, Hist. de la divination dans l'antiquité, I, p. 77 (русск. перев.)

³⁾ Замѣчательно, что въ апокрифическомъ евангеліи Никодима (Evangelium Nicodemi, sive Gesta Pilati, I, 1), когда обвинители І. Х. указываютъ на послѣдняго, какъ на волшебника, изгонявшаго бѣсовъ силою Веельзевула, Пилать говоритъ: τοῦτο οὐκ ἔστιν ἐν πνεύματι ἀκαθάρτῳ ἐξβάλλειν τὰ δαιμόνια, ἀλλ' ἐν θεῷ τῷ Ἀσκληπιῷ. Evangelia apocrypha, ed. Tischendorf, Leipzig, 1853, p. 208.

⁴⁾ Philostr. Vita Apollon., I, 8, 9; IV, 1. Что касается того, дѣйствительно-ли жилъ Аполлоній, то въ существованіи философа этого имени едва-ли можно сомнѣваться; однако, у историковъ того времени мы не встрѣчаемъ никакихъ указаній относительно этого человѣка, что было бы непонятно, если бы его значеніе было такъ велико, какъ его рисуетъ намъ Филостратъ. См. статью Фр. Х. Баура, «Apollonius von Tyana und Christus oder Verhältniss des Pythagoreismus zum Christentum» въ его «Drei Abhandlungen zur Geschichte der alten Philosophie und ihren Verhältnisses zum Christentum, Leipzig, 1876, s. 1 сл.

⁵⁾ Cp. Wolf, Kleine Schriften, II, s. 685.

⁶⁾ M. Aurel., V, 8; IX, 27; VI, 43; I, 18 и т. д.

⁷⁾ См. его трактатъ Ἀλέξανδρος ἡ ψευδόμαντις (II, p. 117 сл., ed. Jacobitz). A. Thimme въ статьѣ своей «Alexander von Abonuteichos» (Philologus, XLIX, s. 507 сл.) старается доказать, что Александра нельзя считать «als einen reinen, wahrheitsliebenden Charakter, sondern nur als einen Priester, der wohl begabter aber nicht schlechter war, als der Durchschnitt seiner Amtsgenossen an andern Tempeln» (о. с., s. 513 сл.). Тимме сравни-

Въ IV и V вв. по Р. Х. культъ Аскліпія еще продолжалъ существовать, и святины бога-врача были полны посѣтителей-паціентовъ; объ этомъ свидѣтельствуя намъ многіе писатели того времени ¹⁾. Изъ свидѣтельства Евсевія мы знаемъ, что Константинъ Великій приказалъ разрушить въ Киликіи одинъ храмъ, куда масса людей, даже высокообразованныхъ, обращалась съ молитвою къ тамошнему богу, прося его явиться имъ во снѣ и подать исцѣленіе ²⁾.

А. Морі собралъ много примѣровъ, свидѣтельствующихъ намъ, что обряды инкубаціи совершались и въ средніе вѣка ³⁾.

Наконецъ, замѣтимъ, инкубація продолжаетъ существовать и въ наше время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Европы, преимущественно, конечно, въ Греціи; тамъ до сихъ поръ среди простого народа господствуетъ увѣренность, что святыя угодники ночью нисходятъ съ неба въ посвященные имъ храмы и подаютъ исцѣленія больнымъ, совершающимъ здѣсь инкубацію ⁴⁾. Филиппъ Ле-Ба, во время своего путешествія по Греціи, былъ очевидцемъ интересной сцены, какъ одна крестьянка съ больнымъ ребенкомъ совершала инкубацію въ одномъ храмѣ, надѣясь во время сна получить откровеніе отъ Бога ⁵⁾.

ваетъ «обманы» Александра съ «чудесами», описанными на эпидаврійскихъ надписяхъ. Ср. также замѣчанія Фр. Кюмона (Cumont), *Alexandre d'Abonotichos*, Bruxelles, 1887, p. 33.

¹⁾ Arnob. Adv. nat., I, 48, 49; VII, 44 (ed. Reifferscheid). Euseb. Praep. evang., I, 13, p. 121 a; II, 3, p. 61 d; X, 4, p. 469 d (ed. Gaisford). Cyrill. Alex. Adv. Julian., X, p. 339 (ed. Spanheim). Lactant. De mort. persecut. 30. De falsa relig., I, 10 (ed. Walch). Solinus, VII, 10 (ed. Mommsen). Liban. Epist. 618, 639 (ed. I. Chr. Wolf). Augustin. De civit. Dei, IV, 21, 22 и passim. Marin. Vita Procli, p. 78, cp. p. 19 (ed. Boissonnade). Theodoret., p. 311, 372. Cp. p. 389, 487, 281 (ed. Gaisford). Ioann. Lyd. De mensib., IV, 78 (ed. Bekker). Macrobian. Saturnal., I, 20, 1 (ed. Eyssenhardt). Cp. V. Schultze, *Geschichte des Untergangs des griechisch-römischen Heidentums*, Iena, 1892, II, s. 209 сл., 352 сл.

²⁾ Euseb. Vita Constant., III, 56. Не былъ ли это храмъ Аскліпія, существованіе культа котораго въ Эгахъ Киликійскихъ засвидѣтельствовано Филостратомъ, Vita Apollon., I, 7, 8. Cp. Vita Sophist., II, 4, 1.

³⁾ Alf. Maury, *La magie et l'astrologie dans l'antiquité et au moyen âge* ³, Paris, 1864, p. 241 сл.

⁴⁾ См. примѣры, приведенные въ книгѣ Бернгарда Шмидта, *Das Volksleben der Neugriechen und das hellenische Alterthum*, Leipzig, 1871, I, s. 77 сл. Перро (*Revue Archéologique*, 1886, p. 123) нашелъ существованіе обрядовъ инкубаціи на о. Лесвъ.

⁵⁾ *Revue Archéologique*, 1844, p. 283 сл.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

1891 г.

Общее Собраніе 17-го января 1891 года.

Подъ предсѣдательствомъ А. Θ. Бычкова, присутствовали: Н. М. Благовѣщенскій, В. Ю. Бокъ, В. Г. Васильевскій, Е. М. Гаршинъ, Х. Х. Гиль, В. Г. Дружининъ, В. К. Ернстедтъ, И. К. Зинченко, Ю. Б. Иверсенъ, Н. П. Кондаковъ, И. П. Корниловъ, Ю. А. Кулаковскій, В. И. Ламанскій, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. М. Лисовскій, Х. М. Лопаревъ, А. К. Марковъ, В. П. Мордвиновъ, А. А. Павловскій, Пападопуло-Керамевъ, И. В. Помяловскій, А. В. Праховъ, князь П. А. Путятинъ, баронъ В. Р. Розенъ, Е. К. Рѣдинъ, М. И. Семеvскій, П. А. Сырку, Д. І. Чубиновъ, Е. Ф. Шмурло и А. Н. Щукаревъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ Общаго Собранія, бывшаго 20 декабря 1890 года.

II.

Доложенъ протоколъ засѣданія Совѣта отъ 13 января:

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ предъидущаго засѣданія Совѣта 14 декабря 1890 года.

2) Казначей Общества просилъ указаній на предметъ обращенія субсидіи, получаемой Обществомъ изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ $\frac{0}{100}$ бумаги.

Постановлено: обратить субсидію въ серіи или, если таковыхъ не

удастся добыть на 5,000 руб., въ закладные листы дворянскаго банка, въ виду высокаго курса на другія правительственныя бумаги.

3) Доложено письмо ученика V класса Вяземской гимназіи Шафковскаго съ предложеніемъ выслать въ нумизматическій кабинетъ Общества оловянный оттискъ медали, выбитой при Императорѣ Петрѣ I.

Постановлено: просить Ю. Б. Иверсена сообщить свое мнѣніе о томъ, заслуживаетъ-ли вниманія предлагаемый оттискъ и поступить согласно его опредѣленію.

4) Доложены представленные къ оплатѣ счета: переплетной Эггардта отъ 13 декабря 1890 г., за № 95, по брошюровкѣ изданій Общества на сумму 235 руб. 50 коп. и скоропечатни Яблонскаго отъ 18 того же декабря за печатаніе портрета Патканова и бумагу для него на 22 руб. 50 коп.

Постановлено: по счетамъ уплатить.

5) Доложена выдержка изъ письма Почетнаго члена Общества, архимандрита Антонина на имя И. В. Помяловскаго, съ приложеніемъ 100 руб. на приобрѣтеніе и высылку ему нѣкоторыхъ изданій Общества, въ томъ числѣ и его собственныхъ.

Постановлено: выслать изданія безвозмездно, въ виду прежде бывшихъ щедрыхъ пожертвованій о. архимандрита Обществу; деньги возвратить по принадлежности.

6) Секретарь доложилъ квитанцію книжнаго магазина Риккера, которому, согласно постановленію Совѣта, были переданы на комиссію изданія Общества.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

Общее Собраніе утвердило протоколъ засѣданія Совѣта.

III.

Произведены были выборы членовъ ревизіонной комиссіи; избранными оказались: И. В. Помяловскій 15-ю голосами, Ю. Б. Иверсенъ и Д. О. Кобеко 9-ю голосами каждый.

IV.

Произведена баллотировка предложенныхъ въ прошломъ засѣданіи: С. М. Середонина и Н. Д. Чечулина—въ дѣйствительные члены; В. К. Мальмберга—въ члены-сотрудники; барона де-Бэ (de-Baye) и Картальяка (E. Carthalias)—въ иностранные члены-сотрудники.

Оказались избранными: С. М. Середонинъ и Н. Д. Чечулинъ—единогласно; В. К. Мальмбергъ и Картальякъ—большинствомъ 19 голосовъ противъ 1, баронъ де-Бэ, большинствомъ 18 противъ 2 голосовъ.

V.

Ю. А. Кулаковскій сдѣлалъ сообщеніе о найденной имъ лѣтомъ 1890 года христіанской катакомбѣ.

Въ преніяхъ по поводу реферата участвовали: В. Г. Васильевскій, Н. П. Кондаковъ и Д. І. Чубиновъ.

VI.

Н. М. Благовѣщенскій принесъ Обществу въ даръ экземпляръ своего сочиненія: „Винкельманъ и послѣднія эпохи греческой скульптуры“.

Годовое Общее Собраніе 11 апрѣля 1891 года.

Подъ предсѣдательствомъ А. О. Бычкова, присутствовали: князь С. С. Абамелекъ-Лазаревъ, Н. И. Барсовъ, Н. М. Благовѣщенскій, Н. Е. Бранденбургъ, В. П. Васильевъ, В. Г. Васильевскій, Н. И. Веселовскій, А. Я. Гаркави, Е. М. Гаршинъ, Х. Х. Гиль, В. Г. Дружининъ, И. Н. Ждановъ, В. А. Жуковскій, Ю. Б. Иверсенъ, Д. О. Кобеко, И. П. Корниловъ, А. А. Куникъ, В. И. Ламанскій, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. М. Лисовскій, Н. П. Лихачевъ, А. К. Марковъ, Л. Н. Майковъ, В. П. Мордвиновъ, А. Н. Неустроевъ, В. П. Никитинъ, о. К. Т. Никольскій, Пападопуло-Керамевсъ, С. О. Платоновъ, А. М. Позднѣвъ, И. В. Помяловскій, князь П. А. Путятинъ, В. Э. Регель, баронъ В. Р. Розенъ, М. И. Семевскій, В. Д. Смирновъ, А. И. Соболевскій, О. Г. Солнцевъ, Н. И. Стояновскій, В. В. Сусловъ, П. А. Сырѣу, В. А. Тепловъ, графъ И. И. Толстой, Д. А. Хвольсонъ, Н. Д. Чечулинъ, А. Н. Щукаревъ; гость Н. Г. Геровъ.

I.

По просьбѣ собравшихся членовъ Общества, Управляющій Восточнымъ Отдѣленіемъ баронъ В. Р. Розенъ, послѣ краткаго привѣтствія, поднесъ отъ имени Общества г. Помощнику Предсѣдателя А. О. Бычкову золотую медаль съ его изображеніемъ, выбитую въ память 50-ти-лѣтняго юбилея его ученой и служебной дѣятельности, по словесному постановленію чрезвычайнаго Общаго Собранія 15 сентября минувшаго года, въ протоколъ не занесенному. Собраніе привѣтствовало

г. Помощника Предсѣдателя рукоплесканіями. А. Ө. Бычковъ выразилъ гг. членамъ Общества свою искреннюю благодарность; его слова были встрѣчены новыми рукоплесканіями.

II.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предъидущаго Общаго Собранія, 17 января.

III.

Доложенъ слѣдующій протоколъ засѣданія Совѣта отъ 15 февраля.

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ предъидущаго засѣданія отъ 13 января.

Доложены слѣдующія текущія дѣла:

2) Письмо члена Общества А. В. Прахова, отъ 17 января на имя г. Помощника Предсѣдателя съ ходатайствомъ о предоставленіи ему 200 экземпляровъ снимка съ мозаичнаго изображенія Евхаристіи, находящагося въ Кіево-Софійскомъ Соборѣ, обѣщанныхъ г. Прахову при изданіи этой копіи въ IV вып. Кіево-Софійскаго Собора.

Справка. Въ засѣданіи Общаго Собранія 9 января 1881 года, между прочимъ состоялось нижеизложенное постановленіе (4-й пунктъ протокола сего Собранія) относительно изданія рисунка съ мозаики, изображающей Евхаристію.

„Коммисіи по изданію рисунковъ съ фресокъ и мозаикъ Кіевского Софійскаго Собора была представлена сдѣланная г. Праховымъ лѣтомъ текущаго года копія съ алтарной мозаики Собора, изображающей Таинство Евхаристіи, каковую копію въ Общемъ Собраніи 7 ноября 1880 г. было опредѣлено включить въ предпринятое Обществомъ изданіе рисунковъ.

Сообразивъ расходы по этому изданію со смѣтою, предъявленною литографомъ Хорномъ, Коммиссія убѣдилась, что расходы по этому изданію—предполагая рисунокъ мозаики на 3-хъ большихъ листахъ—не будутъ менѣе 1,700 рублей, на каковую сумму Коммиссія и имѣетъ честь испрашивать разрѣшеніе Общаго Собранія. Къ сему она считаетъ нужнымъ присовокупить: а) что, по заявленію г. Прахова, литографъ Хорнъ согласенъ разсрочить уплату ему названной суммы на два—1881 и 1882 года, и б) что въ вышеупомянутый расходъ включено 200 оттисковъ рисунка съ мозаики, предоставляемые въ собственность г. Прахова, который заявилъ, что эти оттиски въ продажу пущены имъ не будутъ“ (см. Извѣстія Общества т. X, стр. 351).

3) Прошеніе г. Романовскаго отъ 30 января 1891 года о разрѣшеніи ему искать кладъ въ Херсонской губерніи.

Постановлено: прошеніе передать въ Императорскую Археологическую Коммиссію по принадлежности.

4) Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 30 минувшаго января за № 121 съ возвращеніемъ таблицъ изъ собранія Л. К. Ивановскаго, кои были посланы на выставку, бывшую при послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ.

Постановлено: увѣдомить Общество о полученіи таблицъ, каковыя препроводить въ Императорскую Археологическую Коммиссію.

5) Предложеніе редактора журнала „Пантобибліонъ“ отъ 12 февраля объ установленіи обмѣна изданій.

Постановлено: подождать выхода перваго номера названнаго изданія.

6) Представленъ къ оплатѣ счетъ ксилографа Шмидта отъ 6 февраля на двадцать рублей за 4 клише для вып. 2-го т. V Записокъ Восточнаго Отдѣленія.

Постановлено: уплатить изъ суммы, ассигнованной по смѣтѣ на изданіе Записокъ Восточнаго Отдѣленія.

7) Заявленіе Дѣйствительнаго члена Общества Н. И. Барсова о необходимости изученія миниатюръ, встрѣчающихся въ армянскихъ рукописяхъ, съ предложеніемъ, чтобы Общество приняло на себя инициативу по организаціи экспедицій для изученія армянскихъ рукописей, находящихся въ русскихъ и иностранныхъ книгохранилищахъ.

Постановлено: передать на заключеніе Восточнаго Отдѣленія Общества.

8) Отношеніе Техническо-Строительнаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отъ 15 февраля за № 250, съ просьбою объ отзывѣ Общества касательно дополненія и измѣненія статей 181, 182 и 206 Устава Строительнаго, нынѣ подвергающагося пересмотру въ особой Коммиссіи.

Постановлено: предоставить на усмотрѣніе Общаго Собранія ¹⁾.

9) Графъ А. А. Бобринской сообщилъ Совѣту о желаніи предоставить гг. членамъ Археологическаго Общества возможность обозрѣть выставку, устроенную въ Императорской Археологической Коммиссіи послѣ посѣщенія ея Государемъ Императоромъ.

Постановлено: выразить графу А. А. Бобринскому живѣйшую признательность и просить прислать въ Общество билеты для входа на выставку, каковыя поручить Секретарю своевременно разослать гг. членамъ.

¹⁾ По заявленію членовъ названнаго комитета, это отношеніе ошибочно было направлено въ Общество.

10) Секретарь представилъ опись склада изданій Общества и собраніе рисунковъ, заготовленныхъ для статей, но за недоставленіемъ таковыхъ, уже долгое время остающихся въ складѣ Общества безъ надлежащаго употребленія.

Постановлено: таблицы, относящіяся къ трудамъ II Археологическаго съѣзда, выпустить подъ названіемъ 2-го выпуска рисунковъ къ симъ трудамъ; остальные таблицы передать въ редакціонную комиссію на ея усмотрѣніе.

11) Предложенъ въ члены-сотрудники А. А. Спицынъ.

Постановлено: доложить объ этомъ въ ближайшемъ Общемъ Собраніи.

Общее Собраніе утвердило протоколъ Совѣта.

IV.

Доложенъ протоколъ засѣданія Совѣта отъ 2 апрѣля съ замѣчаніями Ревизіонной Коммиссіи на отчетъ Совѣта за 1890 г. и съ объясненіями Совѣта на эти замѣчанія.

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ предъидущаго засѣданія Совѣта.

2) Доложенъ Совѣту нижеслѣдующій протоколъ Ревизіонной Коммиссіи съ замѣчаніями на отчетъ о дѣйствіяхъ Совѣта за минувшій годъ.

„Ревизіонная Коммиссія, бывшая подъ предсѣдательствомъ Почетнаго члена Общества И. В. Помяловскаго, при участіи Дѣйствительныхъ членовъ Д. Θ. Кобеко и Ю. Б. Иверсена, въ засѣданіяхъ 10 и 17 февраля, заслушавъ отчетъ Совѣта Общества и произведя ревизію имущества и суммъ Общества, имѣетъ честь довести до свѣдѣнія Общества:

а) По поводу назначенія $\frac{0}{0}$ съ капитала Высочайше дарованнаго для поддержанія Ладожской крѣпости на преміи Общества, Ревизіонная Коммиссія полагаетъ, что такое назначеніе $\frac{0}{0}$ не согласно съ цѣлью, для которой названный капиталъ дарованъ Обществу, и полагала бы просить Общее Собраніе войти съ надлежащимъ ходатайствомъ о дозволеніи Обществу присовокупить капиталъ этотъ къ общимъ средствамъ Общества.

б) Ревизіонная Коммиссія не могла не замѣтить, что срокъ для представленія конкурсныхъ работъ (для первой темы—девятимѣсячный) представляется не въ мѣру краткимъ и что едва-ли не слѣдуетъ приписать счастливой случайности то обстоятельство, что Общество получило своевременно отвѣтъ на предложенную тему.

в) По поводу заявленія Совѣта о томъ, что поступившее на соисканіе преміи сочиненіе передано было имъ на разсмотрѣніе В. Г. Васильевскому и Н. П. Кондакову, Ревизіонная Коммиссія полагаетъ, что было бы согласно съ уставомъ Общества (§ 34, п. б) разсмотрѣніе поступившаго на конкурсъ сочиненія возложить на Отдѣленіе Древне-Классической Археологіи.

г) Суммы Общества, а также книги Казначея найдены въ полномъ порядкѣ.

д) Въ виду ничтожнаго поступленія членскихъ взносовъ въ истекшемъ году, — двѣнадцати, вмѣсто семидесяти, Ревизіонная Коммиссія признала весьма желательнымъ, чтобы, по образцу другихъ ученыхъ обществъ, иногороднымъ членамъ, не внесшимъ въ теченіи двухъ лѣтъ членскихъ взносовъ, прекратить высылку изданій Общества съ объясненіемъ причины прекращенія высылки. Для членовъ Общества, живущихъ въ Петербургѣ, завести особую книгу съ указаніемъ сдѣланныхъ ими взносовъ и числящейся на нихъ недоимки и особые бланки, въ которыхъ изложить просьбу о восполненіи ея.

е) Желательно выбрать въ Общемъ Собраніи Коммиссію, которая провѣрила бы наличность библіотеки съ имѣющимся инвентаремъ и карточнымъ каталогомъ, и сдала бы оную подъ росписку библіотекарю; для означенной провѣрки предоставить въ распоряженіе Предсѣдателя кредитъ въ 150 руб. изъ суммъ Общества.

ж) Представляется необходимымъ передать находящіеся въ музеѣ рукописи и столбцы въ библіотеку Общества, вслѣдствіе чего въ помѣщеніи музея выиграется мѣсто для лучшаго размѣщенія предметовъ.

з) Просить Совѣтъ принять мѣры къ возвращенію предметовъ музея, по представленному хранителемъ онаго списку, взятыхъ членами Общества и удерживаемыхъ ими въ теченіи многихъ лѣтъ“.

На замѣчанія Ревизіонной Коммиссіи Совѣтъ Общества имѣетъ честь представить Общему Собранію слѣдующія объясненія:

По пункту а. Предложеніе г. Помощника Предсѣдателя о назначеніи премій Общества изъ $\frac{0}{0}$ съ капитала, Высочайше дарованнаго на поддержаніе Старо-Ладожской крѣпости, было *единогласно* принято Общимъ Собраніемъ 28 декабря 1889 года. Что же касается до выраженнаго Коммиссіею желанія о возбужденіи ходатайства относительно пріобщенія означеннаго капитала къ общимъ средствамъ Общества, то такое ходатайство врядъ-ли удобно возбуждать въ виду Высочайше выраженнаго Обществу предложенія о пріисканіи мѣръ, которыя могли бы сохранить Старо-Ладожскую крѣпость отъ стихійныхъ вліяній. Та-

ковое Высочайшее повелѣніе воспослѣдовало въ 1886 году по всеподданнѣйшей запискѣ г. Помощника Предсѣдателя о недостаточности Высочайше дарованной суммы въ 6,000 руб. для капитальнаго ремонта крѣпости со всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ о томъ, какое назначеніе благоугодно будетъ дать Всемилоствѣйше дарованной Обществу суммѣ. Въ послѣдствіе изложеннаго Высочайшаго повелѣнія, и основываясь на отзывѣ члена-сотрудника Академика В. В. Суслова о невозможности выполненія Высочайшаго сего повелѣнія, Общее Собраніе 15 марта 1888 года утвердило предложеніе Совѣта объ исходатайствованіи разрѣшенія на изданіе альбома рисунковъ съ Старо-Ладожской крѣпости на Высочайше дарованную сумму. Нынѣ Совѣтъ полагалъ бы умѣстнымъ предложить Общему Собранію: не найдетъ-ли Общее Собраніе удобнымъ избрать комиссію для обсужденія вопроса о томъ, какъ осуществить предложеніе Совѣта, и не слѣдовало ли бы составить историческое описаніе Старо-Ладожской крѣпости, съ приложеніемъ плановъ, рисунковъ и чертежей и испросить Высочайшее разрѣшеніе употребить дарованные Обществу 6.000 руб. на покрытіе издержекъ по этому изданію.

По пункту б. Касательно кратковременности сроковъ для представленія сочиненій на предложенныя темы, Совѣтъ имѣетъ честь объяснить, что означенные сроки были утверждены Общимъ Собраніемъ Общества безъ возраженій.

По пункту в. Совѣтъ Общества не нашелъ указаній на способы выбора рецензентовъ для сочиненій представленныхъ на соисканіе премій ни въ статьяхъ Устава о дѣятельности Одѣленій Общества, ни въ статьѣ, на которую ссылается Ревизіонная Коммиссія, и потому полагалъ наиболѣе цѣлесообразнымъ передать разсмотрѣніе представленнаго на премію сочиненія В. Г. Васильевскому и Н. П. Кондакову, то-есть, тѣмъ своимъ сочленамъ, которые, по порученію Совѣта, взяли на себя трудъ по выработкѣ предложенныхъ темъ, одобренныхъ въ Общемъ Собраніи 28 декабря 1889 года. Въ виду же неопредѣленности устава по этому вопросу, Совѣтъ просилъ бы Общее Собраніе избрать Коммиссію для разработки вопроса о способѣ присужденія премій.

Остальные пункты протокола Ревизіонной Коммисіи Совѣтъ имѣетъ честь представить на усмотрѣніе Общаго Собранія.

3) Къ назначенному Обществомъ сроку на соисканіе преміи за сочиненіе на тему: „Систематическій обзоръ главныхъ частей большого дворца по сочиненію Константина Багрянороднаго о церемоніяхъ Ви-

зантійскаго двора“, поступило одно сочиненіе, написанное Ординарнымъ Профессоромъ Казанскаго Университета, Дѣйствительнымъ членомъ Общества Д. Θ. Бѣляевымъ, разборъ котораго былъ порученъ Совѣтомъ В. Г. Васильевскому и Н. П. Кондакову. Въ настоящемъ засѣданіи Совѣта былъ прочитанъ нижеслѣдующій отзывъ объ этомъ сочиненіи ¹⁾.

Соглашаясь вполнѣ съ выраженнымъ гг. рецензентами мнѣніемъ, Совѣтъ постановилъ представить объ этомъ на утвержденіе Общаго Собранія.

Доложены Совѣту слѣдующія текущія дѣла:

4) Заявленіе В. В. Латышева отъ 27-го февраля о способахъ составленія и изданія III-го тома его, „Inscriptiones“.

Постановлено: передать на заключеніе Классическаго Отдѣленія Общества.

5) Счета: Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ за изготовленіе двухъ таблицъ монетъ для Записокъ Восточнаго Отдѣленія, при отношеніи отъ 15 марта за № 2189 на сумму 186 руб. и литографа Штейна отъ 28 марта на сумму 70 руб. за снимки съ камней для Записокъ того же Отдѣленія.

Постановлено: по счетамъ уплатить.

6) Письмо Дѣйствительнаго члена А. В. Прахова на имя г. Помощника Предсѣдателя отъ 17-го января, съ ходатайствомъ о высылкѣ ему на время сдѣланныхъ имъ для Общества копій съ фресокъ Кіево-Кирилловскаго Собора, съ обязательствомъ возвратитъ ихъ по минованіи надобности.

Постановлено: спроситъ г. Прахова нужны-ли ему еще эти снимки.

7) Отношеніе Секретаря Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Георгія Михайловича отъ 30-го марта за № 675, съ препровожденіемъ труда Его Высочества: „Русскія монеты 1881—1891 гг.“.

Постановлено: довести до свѣдѣнія Общаго Собранія.

Общее Собраніе постановило: проситъ Секретаря Его Императорскаго Высочества выразитъ Его Высочеству признательность Общества за пожертвованіе.

8) Ходатайство Е. К. Рѣдина о предоставленіи ему 50-ти оттисковъ на веленовой бумагѣ за его счетъ его статьи, объ Эчміадзинскомъ диптихѣ.

) I-е Приложеніе къ протоколамъ.

Постановлено: приять эти экземпляры на счет Общества.

9) Ходатайство Н. П. Лихачева о разрѣшеніи печатать на свой счет и пустить въ продажу 200 оттисковъ его статьи „О бумагѣ и древнѣйшей бумажной мельницѣ въ Московскомъ Государствѣ“.

Постановлено: ходатайство уважить.

10) Ходатайство Секретаря Общества о разрѣшеніи ему приобрѣсти VI томъ Извѣстій Общества, коего находится въ наличности 18 экземпляровъ, каковой необходимъ ему для справокъ по дѣламъ Общества.

Постановлено: предоставить экземпляръ безвозмездно.

11) Ходатайство Секретаря Общества о разрѣшеніи купить гектографъ для Канцеляріи, въ видахъ болѣе удобнаго печатанія повѣстокъ.

Постановлено: разрѣшить приобрѣтеніе гектографа и предлагать газетамъ печатать объявленія о засѣданіяхъ Общества.

12) Ходатайство Члена-сотрудника А. Н. Щукарева о перечисленіи его, по § 24-му Устава, въ число дѣйствительныхъ членовъ.

Постановлено: перечислить А. Н. Щукарева въ число дѣйствительныхъ членовъ Общества.

Общее Собраніе утвердило протоколъ Совѣта, приняло объясненія на замѣчанія Ревизіонной Коммисіи къ свѣдѣнію и постановило:

По пункту *а*: избрать въ одномъ изъ ближайшихъ Общихъ Собраній Коммисію изъ трехъ членовъ для выработки способа приведенія въ исполненіе предложенія Совѣта о составленіи историческаго описанія Старо-Ладожской крѣпости и объ употребленіи съ Высочайшаго соизволенія, капитала Высочайше дарованнаго для поддержанія названной крѣпости на покрытіе издержекъ по изданію ея описанія.

По пункту *в*: предоставить Совѣту выработать проектъ правилъ для присужденія премій Общества, каковой представить на утвержденіе Общаго Собранія.

Пункты *д* и *е*, *ж* и *з* принять къ исполненію.

V.

Секретарь Общества прочелъ слѣдующій отчетъ о дѣятельности Общества въ 1890 году.

Милостивые Государи.

Приступая къ изображенію дѣятельности Общества за время съ 1 января 1890 г. по 1 января 1891 г., считаю долгомъ напомнить, что въ этомъ году Общество наше понесло особенно чувствительныя утраты въ лицѣ скончавшихся: Почетнаго члена Р. М. Губе, Дѣйствительныхъ чле-

новъ: А. А. Васильчикова, Г. Ф. Карпова, А. Θ. Лихачева, И. П. Минаева, П. Н. Петрова, В. П. Шелашникова и Члена-сотрудника Е. Т. Соловьева. Я не буду останавливаться на характеристикѣ ихъ дѣятельности: имена ихъ слишкомъ хорошо извѣстны каждому изъ насъ, а потому перейду къ изложенію самаго отчета.

Къ 1 января минувшаго 1890 года Общество состояло изъ 20 почетныхъ членовъ, 116 дѣйствительныхъ членовъ, 72 членовъ-сотрудниковъ русскихъ и 43 иностранныхъ, Изъ числа дѣйствительныхъ членовъ избранъ въ почетные члены Г. Помощникъ Предсѣдателя нашего Общества А. Θ. Бычковъ; въ число дѣйствительныхъ членовъ вступили: А. Л. Бертъе-Делагардъ, В. Ю. Бокъ, Д. Θ. Бѣляевъ, Ю. А. Кулаковскій, Н. М. Лисовскій, В. Θ. Миллеръ, С. Θ. Платоновъ, А. И. Соболевскій и В. А. Тепловъ. Въ число русскихъ членовъ-сотрудниковъ: Д. В. Айналовъ, Н. А. Мѣдниковъ, Е. К. Рѣдинъ, А. Н. Щукаревъ; въ число иностранныхъ членовъ - сотрудниковъ архимандритъ Никифоръ Дучичъ. Такимъ образомъ къ 1 января текущаго года Общество состояло изъ 20 почетныхъ членовъ, 109 дѣйствительныхъ членовъ, 75 русскихъ и 44 иностранныхъ членовъ-сотрудниковъ.

Въ составѣ Совѣта Общества произошли слѣдующія перемѣны: графъ И. И. Толстой сложилъ съ себя должность Секретаря Общества, будучи призванъ къ исполненію обязанностей конференцъ-секретаря Императорской Академіи Художествъ. Высоко цѣня пятилѣтніе труды графа по нашему Обществу, Общее Собраніе присудило ему малую золотую медаль въ знакъ своей живѣйшей признательности. На должность Секретаря Общества былъ избранъ Секретарь Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи, В. Г. Дружининъ, мѣсто коего занялъ въ Отдѣленіи А. С. Лаппо-Данилевскій. Секретарь Отдѣленія Древне-Классической и Византійской Археологіи В. В. Латышевъ оставилъ эту должность, за отъѣздомъ въ Казань, куда онъ назначенъ помощникомъ попечителя Учебнаго Округа.

Въ Совѣтѣ Общества, кромѣ должностныхъ лицъ, участвовали представители Отдѣленій: В. Г. Васильевскій, Н. И. Веселовскій и Н. П. Кондаковъ.

Въ Редакціонной Коммисіи участвовали: В. Г. Васильевскій, Н. П. Кондаковъ, С. Θ. Платоновъ, И. В. Помяловскій и графъ И. И. Толстой.

Въ Медальную Коммиссію были выбраны: В. Г. Васильевскій,

Н. И. Веселовскій, Н. П. Кондаковъ, В. В. Латышевъ, И. В. Помяловскій и баронъ В. Р. Розенъ.

По разсмотрѣніи сочиненій, подлежащихъ, по времени ихъ выхода въ свѣтъ, увѣщанію почетными наградами Общества, ни одно не оказалось достойнымъ такой награды.

Въ отчетномъ году Общихъ Собраній было пять, въ томъ числѣ одно чрезвычайное. Въ этихъ собраніяхъ, кромѣ текущихъ дѣлъ, читались сообщенія членами Общества: С. В. Арсеньевымъ, о древностяхъ острова Готланда; Н. И. Веселовскимъ, о произведенныхъ имъ раскопкахъ въ Таврической губерніи въ теченіи лѣта 1890 года, Н. П. Лихачевымъ, объ исторіи бумажнаго производства въ Россіи и В. В. Сусловымъ, о производившейся подъ его наблюденіемъ реставраціи соборовъ Преображенскаго, XII вѣка, во Псковѣ и собора того же вѣка и наименованія въ г. Переславлѣ-Залѣсскомъ.

Совѣтъ Общества имѣлъ пять засѣданій и занимался хозяйственными дѣлами Общества.

Отдѣленіе Археологіи Русской и Славянской имѣло три засѣданія, въ коихъ читали сообщенія: Д. В. Айналовъ, о трехъ христіанскихъ сосудахъ, найденныхъ въ Керчи; Ө. А. Браунъ, о результатахъ произведенныхъ имъ раскопокъ на Мангупѣ лѣтомъ 1890 года; Э. А. Вольтеръ, о своихъ раскопкахъ въ Лидскомъ и Троцкомъ уѣздахъ Виленской губерніи; А. С. Лаппо-Данилевскій, о золотыхъ предметахъ, найденныхъ въ курганѣ близъ Крымской станицы; С. Ө. Платоновъ, лѣтописныя извѣстія о началѣ Москвы, и Е. К. Рѣдинъ о диптихѣ Эчміадзинскаго монастыря.

Восточное Отдѣленіе имѣло пять засѣданій; сообщенія читали И. С. Голенищевъ, объ открытой имъ плитѣ Дарія; В. А. Жуковскій, объ археологической поѣздкѣ его въ Закаспійскую область; С. Ө. Ольденбургъ, о санскритской версіи сказки Шемякинъ судъ; В. В. Радловъ, объ уйгурской надписи на камняхъ съ развалинъ Кара-Корума, по снимкамъ г. Ядринцева; баронъ В. Р. Розенъ; о древнѣйшей грамматикѣ турецкаго и монгольскаго языковъ; о сборникѣ шуточныхъ нелѣпостей грамматическихъ, риторическихъ и т. п., бывшихъ въ ходу у Арабскихъ ученыхъ; о рукописи Альфараги; А. Г. Туманскій объ ученіи Асхабадскихъ Бабидовъ; А. Ө. Шебунинъ, древній куфическій алькоранъ, хранящійся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Въ истекшемъ году Обществомъ выпущены въ свѣтъ: второй томъ капитальнаго труда нашего сочлена В. В. Латышева — „Inscriptiones“, XX томъ трудовъ Восточнаго Отдѣленія, содержащій въ себѣ доку-

менты по исторіи дипломатическихъ сношеній Московской Руси съ Персіей при Царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, изданные Н. И. Веселовскимъ и заключающіе въ себѣ новый и весьма цѣнный матеріалъ. Кромѣ того Восточное Отдѣленіе выпустило въ свѣтъ три выпуска IV тома своихъ Записокъ и I вып. V-го.

Продолжалось печатаніе Записокъ Общества и въ скоромъ времени должны появиться 1-й и 2-й выпуски V-го тома.

Библіотека Общества продолжала обогащаться помощью обмѣна изданій и частныхъ пожертвованій; въ минувшемъ отчетномъ году вступили въ обмѣнъ съ Обществомъ изданія: Попечитель Кавказскаго Учебнаго Округа и Уральское Общество любителей естествознанія.

Музей Общества продолжалъ находиться все въ томъ же печальномъ положеніи, какъ и прежде, вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія. Не желая, поэтому, скрывать долѣе въ его стѣнахъ обширной коллекціи предметовъ древности, собранныхъ Дѣйствительнымъ членомъ докторомъ Л. К. Ивановскимъ, и не имѣя достаточно средствъ для обнародованія ученаго описанія этого собранія, которое должно сопровождаться значительнымъ количествомъ дорого стоящихъ рисунковъ, Общество передало его, съ разрѣшенія Августѣйшаго Покровителя своего, въ Императорскую Археологическую Коммиссію для распредѣленія между Императорскимъ Эрмитажемъ и Императорскимъ Историческимъ Музеемъ, а также для изданія въ свѣтъ его описанія. Такимъ образомъ это замѣчательное собраніе въ ближайшемъ будущемъ должно стать достояніемъ науки. Нашъ консулъ въ Кашгарѣ Н. Ѳ. Петровскій, обогатилъ музей весьма цѣнной коллекціей монетъ, принесенныхъ имъ въ даръ Обществу.

Желая привлечь ученыя силы къ разработкѣ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ составляетъ настоящую необходимость въ настоящемъ состояніи археологіи, Общество учредило двѣ преміи, по 400 руб. каждая, на соисканіе которыхъ поставило двѣ задачи, имѣющія цѣлью изученіе сочиненія императора Константина Багрянороднаго, о церемоніяхъ Византійскаго двора, а именно: первую—на срокъ 1-го января текущаго года — Систематическій обзоръ главныхъ частей большого дворца, и вторую на срокъ 1-го мая: Ежедневные приемы византійскихъ Царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ Св. Софіи. Выработкой и постановкой этихъ темъ Общество обязано своимъ сочленамъ В. Г. Васильевскому и Н. П. Кондакову.

Таковы были событія внутренней жизни нашего Общества въ истекшемъ году.

Изъ вѣдѣнныхъ событій Обществу особенно пріятно отмѣтить, что въ минувшемъ году оно приняло дѣятельное участіе въ чествованіи 50-ти-лѣтняго юбилея ученой и служебной дѣятельности Г. Помощника Предсѣдателя А. Ѳ. Бычкова, имя коего уже много лѣтъ такъ тѣсно связано съ судьбами и дѣятельностью нашего Общества. По порученію Общаго Собранія, Гг. Управляющіе Отдѣленіями поднесли юбиляру дипломъ на званіе почетнаго члена Общества и адресъ покрытый подписями всѣхъ находившихся въ Петербургѣ членовъ Общества.

Кромѣ того Общество привѣтствовало телеграммою своего Почетнаго члена Архимандрита Антонина, по случаю исполнившагося 25-ти-лѣтія его пребыванія въ Іерусалимѣ.

Такъ, Милостивые Государи, прожило Общество минувшій 1890 г.; въ отчетѣ моемъ я касался лишь событій, а о суммахъ сообщить Вамъ Г. Казначей Общества.

VI.

Казначей Общества прочелъ слѣдующій годовой отчетъ о состояніи суммъ Общества.

Въ отчетномъ году Общество получило доходъ по слѣдующимъ статьямъ:

СТАТЬИ ДОХОДА.		Получено въ дѣйствительности.		Исчислено по смѣтѣ на 1890 г.	
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
1	Субсидія Министерства Народнаго Просвѣщенія на 1890 годъ	5,000	—	5,000	—
2	Возвратъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, % вычтенныхъ съ % бумагъ Общества Государственнымъ Банкомъ въ видѣ купоннаго налога	55	62	—	—
3	Продажа изданій Общества	233	30	100	—
4	Годовые членскіе взносы	130	—	100	—
5	Поступило отъ Съѣзда Оріенталистовъ въ видѣ остатка отъ субсидіи Министерства Народнаго Просвѣщенія съѣзду	600	30	—	—
6	Продажа % бумагъ, принадлежащихъ Обществу, по курсу, превышавшему курсъ, по которому онѣ были куплены	137	10	—	—
7	% съ капитала Общества.	1,026	88	1,000	—
Итого		7,183	10	6,200	—

Расходъ Общества за тоже время былъ слѣдующій:

СТАТЬИ РАСХОДА.		Получено въ дѣйствитель- ности.		Исчислено по смѣтѣ.	
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
1	Г. Секретарю Общества на расходы по канцеляріи	900	—	900	—
2	Ему же на мелочные расходы по Обществу.	200	—	200	—
3	Казначей Общества на расходы по долж-ности	75	—	75	—
4	Завѣдывающему библіотекою Общества. .	240	—	240	—
5	На медали Общества.	61	20	250	—
6	На изданіе сочиненія г. Латышева «Согрус Inscriptionum».	1,183	56	500	—
7	На изданіе «Записокъ Восточнаго Отдѣ-ленія».	1,825	46	1,500	—
8	На изданіе «Трудовъ Восточнаго Отдѣ-ленія»	1,071	99	—	—
9	На изданіе «Записокъ Общества». . . .	1,446	49	2,485	—
10	При промѣнѣ вышедшихъ въ тиражъ % билетовъ Общества въ 1886 года (на 5,000 р.) уцлочено Государственному Банку.	600	50	—	—
11	За храненіе % бумагъ, принадлежащихъ Обществу, въ Государственномъ Банкѣ.	7	70	—	—
Итого		7,611	90	6,200	—

Изъ капитала Восточнаго Отдѣленія перечислена одна облигація 3-го восточнаго займа въ 1,000 руб. въ капиталъ Общества въ возмѣ-щеніе расходовъ Общества по изданію „Трудовъ Восточнаго Отдѣленія“.

Къ 1-му января 1890 года въ кассѣ Общества было 20,250 руб. % бумагами и 787 руб. 15 коп. наличными деньгами, а потому къ 1-му января 1891 г. въ кассѣ находится 21,250 руб. % бумагами и 358 руб. 45 коп. наличными деньгами.

Восточное Отдѣленіе въ отчетномъ году получило дохода въ видѣ % съ принадлежащихъ ему бумагъ 421 руб. 42 коп., расходъ Отдѣ-ленія былъ слѣдующій:

СТАТЬИ РАСХОДА.		Рубли.	Коп.
1	За храненіе % бумагъ въ Государственномъ Банкѣ . . .	2	45
2	На покупку % бумагъ	203	50
3	За указатель къ сочиненію Вельяминова-Зернова	105	—
4	Коху за исправленіе корректуры сочин. отца Палладія. .	25	—
Итого		380	95

$\frac{0}{100}$ бумагъ приобрѣтено на 200 р. нарицательной цѣны. $\frac{0}{100}$ бумагъ выдано Обществу на 1,000 нарицательной цѣны.

Къ 1-му января 1890 г. Отдѣленіе имѣло: 8,800 руб. въ $\frac{0}{100}$ бумагахъ и 34 руб. 36 коп. наличными деньгами, а потому къ 1-му января 1891 г. Отдѣленіе имѣетъ 8,000 руб. $\frac{0}{100}$ бумаги и 74 руб. 83 коп. наличными деньгами.

По капиталу, Высочайше ассигнованному на поддержаніе Ладожской крѣпости въ отчетномъ году, получено дохода 327 руб. 72 коп. въ видѣ $\frac{0}{100}$ съ облигаціей; расходъ на покупку $\frac{0}{100}$ бумагъ равнялся 101 руб. 80 коп.

$\frac{0}{100}$ бумагъ приобрѣтено на 100 руб. нарицательной цѣны:

Къ 1-му января 1890 года капиталъ этотъ равнялся 6,850 руб. $\frac{0}{100}$ бумагами и 9 руб. 30 коп. наличными деньгами, а потому къ 1-му января 1891 года капиталъ заключается въ 6,950 руб. $\frac{0}{100}$ бумагами и 235 руб. 22 коп. наличными деньгами.

Въ общей сложности Общество въ 1890 г. имѣло дохода 7,932 р. 34 коп. и расхода 8,094 руб. 65 коп. (отсюда 305 руб. 30 коп. на приобрѣтеніе $\frac{0}{100}$ бумагъ).

Къ 1-му января 1891 года Общество владѣло 36,200 руб. въ $\frac{0}{100}$ бумагахъ и 668 руб. 50 коп. наличными деньгами.

Капиталъ Общества въ теченіе года увеличился на 300 р. $\frac{0}{100}$ бумагами.

VII.

Согласно представленію Совѣта, по § 3 протокола 2-го апрѣля, Общее Собраніе единогласно и безъ баллотировки присудило премію въ 400 руб. своему сочлену, профессору Казанскаго Университета Д. Θ. Бѣляеву за сочиненіе его „Обзоръ главныхъ частей Большого Дворца Византійскихъ царей“.

VIII.

Доложенъ Общему Собранію слѣдующій протоколъ Коммисіи по присужденію медалей Общества.

Дѣйствительный членъ Н. П. Кондаковъ представилъ на усмотрѣніе Коммисіи отзывъ о сочиненіи Н. В. Покровскаго „Стѣнные росписи въ древнихъ храмахъ Греческихъ и Русскихъ. Москва 1890 года“. Наиболѣе цѣнною частью труда Н. В. Покровскаго является та, въ которой онъ описываетъ древне-русскую стѣнопись.

Слѣдя за развитіемъ стѣнописи на Руси, авторъ подробно останавливается на видѣнныхъ имъ образцахъ стѣнописи на Аѳонѣ, сопоставляетъ эти образцы съ русскою стѣнописью, а затѣмъ подробно рассматриваетъ стѣнопись церковей Московскаго района, а именно: церковей Московскихъ, Ярославскихъ и Вологодскихъ. Эту-то часть труда рецензентъ считаетъ важнымъ по новизнѣ матеріала и весьма цѣннымъ по разработкѣ вкладомъ въ литературу русской археологіи.

Введеніе къ этому главному отдѣлу сочиненія Н. В. Покровскаго, имѣющее предметомъ разборъ иконописныхъ изображеній Равеннской и Византійской работы, представляется рецензенту значительно слабѣе и выводы, сдѣланные въ этомъ введеніи, представляются поспѣшными, а доказательства ихъ мало убѣдительными. Причину такой неровности въ разработкѣ матеріала Н. П. Кондаковъ усматриваетъ въ слишкомъ обширной программѣ, выполненію которой посвятилъ авторъ свой трудъ, а также обилію и неразработанности самаго матеріала. Несмотря однако на такіе пробѣлы, Н. П. Кондаковъ предложилъ комиссіи увѣнчать сочиненіе Н. В. Покровскаго большою золотою медалью.

Дѣйствительный членъ А. Я. Гаркави принялъ на себя, по предложенію комиссіи, разсмотрѣніе труда профессора Оленицкаго: „Ветхозавѣтный храмъ въ Іерусалимѣ (XIII вып. Сборника Православнаго Палестинскаго Общества). Спб. 1890 г.“.

Въ отзывѣ своемъ рецензентъ остановился преимущественно на историко-литературной и исторической сторонѣ названнаго сочиненія и не коснулся стороны архитектурной, въ сужденіи о которой не считалъ себя вполне компетентнымъ. Г. Гаркави указалъ на замѣчательную начитанность автора и на стремленіе его критически отнестись къ каждому, высказанному до него ученому мнѣнію, что потребовало большихъ и упорныхъ занятій. Къ сожалѣнію, такое стремленіе профессора Оленицкаго не всегда давало серьезные результаты и многія изъ предлагаемыхъ имъ поправокъ къ прежде высказаннымъ мнѣніямъ представляются недоказанными. Тѣмъ не менѣе, рецензентъ считаетъ вполне справедливымъ увѣнчать сочиненіе профессора Оленицкаго почетною наградой Общества.

Принявъ во вниманіе, съ одной стороны, лестный отзывъ г. Гаркави, а съ другой стороны, высказанное членами комиссіи мнѣніе о томъ, что археологическая сторона сочиненія профессора Оленицкаго значительно слабѣе исторической, комиссія полагала бы увѣнчать это сочиненіе большою серебряною медалью.

Составленіе отзыва о сочиненіи г. Фаминцына: „Гусли, русскій народный музыкальный инструментъ (Памятники Др. Пис. 1890)“ было предложено Дѣйствительному члену Н. М. Лисовскому. Въ обширной статьѣ своей г. Лисовскій выяснилъ историческій ходъ изученія у насъ музыкальной археологіи, отрасли знанія, мало доступной для большинства археологовъ. Отсутствие у насъ литературы по этому предмету и хорошо обставленныхъ музеевъ заставляютъ изслѣдователя быть прежде всего собирателемъ сырого матеріала. Вотъ почему рецензентъ съ особеннымъ сочувствіемъ отнесся къ труду г. Фаминцына. По мнѣнію г. Лисовскаго, въ трудѣ его замѣчается нѣкоторая неясность изложенія и иногда противорѣчія въ выводахъ, но, тѣмъ не менѣе, въ виду собраннаго имъ матеріала, весьма обильнаго новыми данными, обработка котораго потребовала весьма сложныхъ и обширныхъ изслѣдованій, рецензентъ ходатайствуетъ о присужденіи г. Фаминцыну большой серебряной медали Общества.

Почетный членъ И. В. Помяловскій взялъ на себя трудъ по разсмотрѣнію сочиненія Членовъ-сотрудниковъ: Е. К. Рѣдина и Д. В. Айналова подъ заглавіемъ: „Кіевскій Софійскій соборъ, изслѣдованіе древней живописи, мозаикъ и фресокъ собора“. Поставленную авторами основную тему по изслѣдованію иконографическихъ изображеній, находящихся въ соборѣ, рецензентъ призналъ разрѣшенною вполне удовлетворительно. Но отъ вниманія его не ускользнули довольно существенные методологическіе промахи молодыхъ авторовъ, выразившіеся въ слишкомъ большомъ довѣріи къ пособіямъ, которыми они пользовались безъ надлежащей провѣрки, что повело къ нѣкоторымъ ошибкамъ, которыхъ легко можно было бы избѣжать при болѣе внимательномъ отношеніи къ дѣлу. Но принимая въ соображеніе, что трудъ гг. Рѣдина и Айналова заключаетъ въ себѣ несомнѣныя достоинства, и что къ тому же это первое большое изслѣдованіе поименованныхъ молодыхъ ученыхъ, рецензентъ предложилъ увѣнчать ихъ сочиненіе почетнымъ отзывомъ Общества ¹⁾).

На комиссію возложено было также порученіе указать то изъ сочиненій по русской археологіи, вышедшихъ въ теченіи трехъ послѣднихъ лѣтъ, которое могло бы быть увѣнчано вновь учрежденною Обществомъ медалью въ честь графа А. С. Уварова.

Коммиссія, имѣя въ виду, что срокъ сего присужденія истекаетъ лишь 29 декабря сего года, не считаетъ пока возможнымъ постановлять свое рѣшеніе по сему предмету, но считаетъ долгомъ нынѣ же

¹⁾ Отзывы напечатаны во II, III, IV и V приложеніяхъ къ протоколамъ.

заявить, что для означеннаго присужденія она имѣетъ въ виду почтенныя труды одного изъ выдающихся современныхъ представителей науки русскихъ древностей.

Кромѣ того, комиссія выражаетъ искреннюю признательность Дѣйствительнымъ членамъ Общества Л. Я. Гаркави, Н. М. Лисовскому и А. С. Лаппо-Данилевскому, принявшимъ на себя трудъ по составленію отзывовъ на предложенныя имъ комиссіею сочиненія.

По выслушаніи изложеннаго заключенія комиссіи, Общее Собраніе закрытою баллотировкою присудило: Н. В. Покровскому большую золотую медаль, А. А. Олесницкому и С. А. Фаминцыну по большой серебряной медали; Д. В. Айналову и Е. К. Рѣдину почетный отзывъ.

IX.

Согласно § 55 устава, приступлено къ избранію должностныхъ лицъ Общества: Помощника Предсѣдателя, Казначея, Библіотекаря и Хранителя Музея. Н. И. Стояновскій просилъ А. О. Бычкова отъ имени Собранія принять на себя званіе Помощника Предсѣдателя Общества на новое трехлѣтіе безъ баллотировки. Собраніе привѣтствовало вновь избраннаго Помощника Предсѣдателя рукоплесканіями. По произведенной затѣмъ баллотировкѣ остальныхъ должностныхъ лицъ, оказались избранными: А. К. Марковъ—Казначеемъ; А. Н. Щукаревъ,—за отказомъ А. Я. Гаркави отъ баллотировки, — Библіотекаремъ и В. Ю. Бокъ—Хранителемъ Музея Общества.

X.

Предложенъ въ члены-сотрудники Общества А. А. Спицынъ. Постановлено: произвести баллотированіе его въ слѣдующемъ Общемъ Собраніи.

XI.

Помощникъ Предсѣдателя напомнилъ Собранію, что присутствующій Дѣйствительный членъ Общества О. Г. Солнцевъ на-дняхъ вступаетъ въ 92 годовщину со дня рожденія его.

Собраніе привѣтствовало О. Г. Солнцева.

XII.

Н. Г. Геровъ, бывшій русскій консулъ въ Филиппополѣ, показалъ Собранію небольшую мраморную статуэтку Меркурія, найденную близъ Филиппополя.

XIII.

За позднимъ временемъ сообщеніе А. Н. Щукарева о Шлиманѣ и выборы комиссій были отложены до слѣдующаго Общаго Собранія.

Общее Собраніе 23-го мая 1891 года.

Подъ предсѣдательствомъ А. О. Бычкова, присутствовали: В. Г. Васильевскій, А. Я. Гаркави, Е. М. Гаршинъ, Х. Х. Гиль, В. Г. Дружининъ, В. К. Ернштедтъ, И. К. Зинченко, Д. О. Кобеко, Н. П. Кондаковъ, А. К. Марковъ, В. Э. Регель, баронъ В. Р. Розепъ, П. И. Савваитовъ, А. И. Савельевъ, В. Д. Смирновъ, Н. И. Стояновскій, П. А. Сырку, В. А. Тепловъ, графъ И. И. Толстой, В. Н. Хитрово, А. Н. Щукаревъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предъидущаго засѣданія, 11-го апрѣля.

II.

Доложенъ протоколъ засѣданія Совѣта 16-го апрѣля.

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія Совѣта 2-го апрѣля.

Доложены слѣдующія текущія дѣла:

2) Отношеніе директора Ташкентской гимназіи Дѣйствительнаго члена Общества Н. П. Остроумова отъ 23-го марта за № 438, съ препровожденіемъ Обществу въ даръ подлиннаго адреса, поднесеннаго бывшему военному губернатору Туркестанской области Головачеву туземцами Куралинскаго уѣзда по случаю постройки моста черезъ рѣку Чирчикъ.

Постановлено: жертвователя благодарить; адресъ передать въ Восточное Отдѣленіе.

3) Ходатайство Императорскаго Дерптскаго Университета отъ 8-го текущаго апрѣля за № 25, о высылкѣ въ бібліотеку Университета прежнихъ и вновь выходящихъ изданій Общества безвозмездно.

Постановлено: выслать изданія Общества, коихъ имѣется на лицо достаточное количество экземпляровъ.

4) Отношеніе учителя церковно-приходской школы деревни Славцовъ, Меленковского уѣзда, Владимірской губерніи Павла Синодскаго отъ 24-го фѣвраля, съ препровожденіемъ записанныхъ имъ мѣстныхъ заговоровъ.

Постановлено: препроводить въ Императорское Русское Географическое Общество, о чемъ увѣдомить Синодскаго.

5) Казначей Общества доложилъ Совѣту о предстоящей конверсіи $\frac{0}{100}$ бумагъ, принадлежащихъ Обществу.

Постановлено: обратить всѣ капиталы Общества въ $5\frac{1}{2}$ процентныя свидѣтельства Крестьянскаго Поземельнаго Банка.

6) Въ виду совершившагося въ послѣднемъ Общемъ Собраніи выбора В. Г. Бока хранителемъ музея Общества на мѣсто Д. И. Прозоровскаго, Совѣтъ Общества, принимая во вниманіе многолѣтніе труды Д. И. Прозоровскаго на пользу Общества не только въ качествѣ хранителя музея, но и какъ дѣятельнаго сотрудника періодическихъ изданій Общества, постановилъ: ходатайствовать передъ Обществомъ въ ближайшемъ Общемъ Собраніи объ избраніи Д. И. Прозоровскаго въ Почетные Члены Общества, о чемъ объявить Гг. членамъ въ повѣсткахъ.

Общее Собраніе утвердило протоколъ Совѣта.

III.

Доложенъ протоколъ засѣданія Совѣта 17-го мая.

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ предъидущаго засѣданія Совѣта 16-го апрѣля.

Доложены слѣдующія текушія дѣла:

2) Протоколъ пріемки музея Общества новымъ хранителемъ онаго В. Г. Бокъ, отъ 17-го мая.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

3) Предъявлены слѣдующія счета: Типографіи Академіи Наукъ отъ 18-го апрѣля за № 61 на 267 р. 62 коп., по печатанію выпусковъ II—IV Тома V Записокъ Восточнаго Отдѣленія; типографіи Голике по печатанію снимковъ съ корана для Записокъ того же Отдѣленія отъ 16-го мая на 204 р. 85 коп.; фотографа Демчинскаго отъ 10-го мая за клише для Записокъ того же Отдѣленія на 20 руб. 80 коп.

Постановлено: по счетамъ уплатить.

4) Ходатайство Кіевского Общества Естествоиспытателей отъ 20-го мая за № 436, объ обмѣнѣ изданій.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

5) Представлена смѣта типографіи Скороходова по печатанію Записокъ Общества.

Постановлено: смѣту утвердить.

6) Ходатайство Императорской Археологической Коммисіи о пополненіи серіи изданій Общества, находящейся въ библіотекѣ Коммисіи съ предложеніемъ пополнить серію изданій Коммисіи, принадлежащую библіотекѣ Общества.

Постановлено: ходатайство уважить.

7) Утверждена слѣдующая форма диплома для членовъ-сотрудниковъ, перечисленныхъ Совѣтомъ Общества въ дѣйствительные члены на основаніи § 24 Устава: Совѣтъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 24 Устава, призналъ члена-сотрудника (имя рекъ) дѣйствительнымъ членомъ Общества.

8) Заявленіе барона В. Р. Розена о желаніи Падуанской Академіи Наукъ вступить въ обмѣнъ изданіями Общества.

Постановлено: выслать Записки новой серіи и Записки Восточнаго Отдѣленія.

9) Заявленіе барона В. Р. Розена о предоставленіи въ его распоряженіе еще трехъ экземпляровъ Записокъ Восточнаго Отдѣленія для разсылки нѣкоторымъ иностраннымъ ученымъ.

Постановлено: предоставить барону В. Р. Розену три экземпляра Записокъ Восточнаго Отдѣленія.

10) Заявленіе барона В. Р. Розена о необходимости войти въ обмѣнъ изданіями съ Обществомъ Оріенталистовъ (Oriental Society) въ Америкѣ.

Постановлено: войти въ сношеніе съ названнымъ Обществомъ для обмѣна изданій.

11) Секретарь Общества довелъ до свѣдѣнія Совѣта, что на предложенную Обществомъ тему на срокъ 1-го мая поступило одно сочиненіе подъ девизомъ: *Feci quod potui*.

Постановлено: передать для отзыва Гг. В. Г. Васильевскому и Н. П. Кондакову.

12) Предложены въ члены-сотрудники В. В. Алексѣевъ и А. Ф. Шибунинъ.

Постановлено: предложить въ Общемъ Собраніи.

Общимъ Собраніемъ утвержденъ протоколъ Совѣта.

IV.

На основаніи п. а) протокола Ревизіонной Коммисіи и предложенія Совѣта въ отвѣтъ на означенный пунктъ, утвержденныхъ Общимъ

Собраніемъ 11-го апрѣля, приступлено къ избранію Коммиссіи для обсужденія вопроса объ изготовленіи описанія Старо-Ладожской крѣпости.

Избранными оказались: А. А. К у н и к ъ (12 голосами), Н. Е. Б р а н д е н б у р г ъ (9 голосами) и графъ И. И. Т о л с т о й (8 голосами).

V.

На основаніи п. е) протокола Ревизіонной Коммиссіи, утвержденнаго Общимъ Собраніемъ 11-го апрѣля, приступлено къ выбору трехъ членовъ Коммиссіи для провѣрки наличности библіотеки и составленія инвентаря ея.

Избранными оказались: И. В. П о м я л о в с к і й (10 голосами), В. К. Е р н ш т е д т ъ и Ю. Б. И в е р с е н ъ (7 голосами).

VI.

Н. П. К о н д а к о в ъ сообщилъ составленный имъ и В. Г. В а с и л ь е в с к и м ъ, по порученію Совѣта, отзывъ о сочиненіи съ девизомъ: *Fecit quod potui*, представленномъ къ 1-му мая на заданную Обществомъ тему: Ежедневные приемы Византійскихъ Царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ Св. Софіи, по сочиненію Константина Багрянороднаго о церемоніяхъ Византійскаго двора.

Выслушавъ отзывъ, при семъ протоколѣ прилагаемый ¹⁾, Общее Собраніе присудило безъ баллотировки автору сочиненія, профессору Казанскаго Университета, Дѣйствительному члену Общества Д. Θ. Б ѣ л я е в у установленную премію.

VII.

На основаніи п. 6 протокола Совѣта 16-го апрѣля, произведены выборы Д. И. П р о з о р о в с к а г о въ почетные члены Общества.

По произведенной баллотировкѣ Д. И. П р о з о р о в с к і й оказался избраннымъ единогласно.

VIII.

Произведена баллотировка А. А. С п и ц ы н а въ члены-сотрудники Общества.

А. А. С п и ц ы н ъ оказался избраннымъ единогласно.

¹⁾ Приложение VI къ протоколамъ,

IX.

Предложены въ члены-сотрудники лица, поименованныя въ п. к) протокола Совѣта 17-го мая.

Постановлено: произвести выборы въ ближайшемъ Общемъ Собраніи.

X.

А. Н. Щукаревъ прочелъ сообщеніе о Шлиманѣ и о значеніи произведенныхъ имъ раскопокъ. Въ преніяхъ по поводу реферата приняли участіе Н. П. Кондаковъ и В. А. Тепловъ.

Чрезвычайное Общее Собраніе 7-го іюня 1891 года.

Подъ предсѣдательствомъ А. О. Бычкова присутствовали: В. Г. Васильевскій, Е. М. Гаршинъ, В. Г. Дружининъ, И. П. Корниловъ, Л. Н. Майковъ, баронъ В. Р. Розенъ, В. Д. Смирновъ, О. Г. Солнцевъ, П. А. Сырку.

Г. Помощникъ Предсѣдателя напомнилъ Собранію, что 17-го іюня предстоитъ празднованіе юбилея 50-ти-лѣтней служебной дѣятельности Управляющаго Отдѣленіемъ археологіи классической и западно-европейской Н. И. Стояновскаго и предложилъ обсудить способъ участія Общества въ чествованіи юбиляра.

Общее Собраніе единогласно и безъ баллотировки избрало Н. И. Стояновскаго Почетнымъ Членомъ Общества и просило Г. Помощника Предсѣдателя поднести юбиляру дипломъ на это новое званіе, украшенный рисунками, исполненными, по просьбѣ Собранія, О. Г. Солнцевымъ.

Общее Собраніе 1-го ноября 1891 года.

Подъ предсѣдательствомъ А. О. Бычкова присутствовали: о. Алексѣй (Виноградовъ), Н. М. Благовѣщенскій, В. Г. Бокъ, В. Г. Васильевскій, Е. М. Гаршинъ, В. Г. Дружининъ, В. К. Ернштедтъ, В. А. Жуковскій, О. Э. Леммъ, А. К. Марковъ, Л. Н. Майковъ, о. К. Т. Никольскій, Пападо-

пуло-Керамевсъ, С. О. Платоновъ, И. В. Помяловскій, баронъ В. Р. Розень, В. Д. Смирновъ, А. И. Соболевскій, Н. И. Стояновскій, П. А. Сырку, В. А. Тепловъ, Н. Д. Чечулинъ.

I.

Н. И. Стояновскій выразилъ Обществу свою признательность за избраніе его въ Почетные члены.

II.

Г. Помощникъ Предсѣдателя напомнилъ Собранію о дѣятельности членовъ Общества, скончавшихся лѣтомъ сего года, слѣдующими словами:

Со времени послѣдняго Общаго Собранія нашего Общества скончались: Почетный членъ В. П. Титовъ, Дѣйствительные Члены: архимандритъ Леонидъ и баронъ Н. К. Богушевскій и Членъ-сотрудникъ М. О. Кояловичъ. Позволяю себѣ о каждомъ изъ нихъ сказать нѣсколько словъ.

В. П. Титовъ принадлежалъ къ числу просвѣщенныхъ государственныхъ дѣятелей, для которыхъ дороги успѣхи отечественной науки. Воспитанникъ Московскаго благороднаго пансіона, В. П. по выходѣ изъ него примкнулъ къ кружку лицъ, горячо любившихъ отечественную словесность и вмѣстѣ съ ними участвовалъ въ изданіи „Московскаго Вѣстника“, въ которомъ помѣстилъ нѣсколько своихъ статей и замѣтокъ по литературѣ, искусствамъ, исторіи и этнографіи. Лица эти были: Веневитиновъ, Погодинъ, Шевыревъ, Пушкинъ и друг.; впослѣдствіи къ нимъ присоединились князь Вяземскій, Жуковскій, князь Одоевскій; со всѣми ними В. П. Титовъ постоянно поддерживалъ сношенія. По переѣздѣ въ Петербургъ, онъ не покидалъ занятій литературою, но вскорѣ его талантливость и разностороннее образованіе, которое онъ успѣлъ дополнить и развить изученіемъ и чтеніемъ историческихъ и политическихъ сочиненій, открыли ему блистательную служебную карьеру. Несмотря на высокіе посты, которые занималъ В. П., онъ и въ званіи посла, и какъ воспитатель покойнаго Государя Наслѣдника, и въ должности члена Государственнаго Совѣта и предсѣдателя Археографической Коммиссіи, находилъ всегда время слѣдить за ходомъ исторической науки. Его въ одинаковой степени интересовали какъ современное, такъ и времена давно прошедшія, какъ событія въ Болгаріи, такъ и раскопки Шлимана въ Троѣ и Микенахъ.

Своими мыслями, замѣчаніями и наблюденіями онъ охотно дѣлился съ лицами его посѣщавшими, а также съ отсутствующими друзьями, и сохранившаяся обширная его переписка съ ними представитъ со временемъ съ одной стороны богатый матеріалъ для его біографіи, а съ другой живую картину политическаго и умственнаго движенія его времени.

Скончавшійся на этихъ дняхъ намѣстникъ Свято-Троицкой Лавры, архимандритъ Леонидъ, въ мірѣ Левъ Кавелинъ, занимаетъ почетное мѣсто въ ряду нашихъ ученыхъ. Его почти полувѣковая дѣятельность, обогатившая науку многими важными трудами и изданіями, заслуживаетъ полнаго уваженія. Выпущенный въ 1840 году изъ 1-го Московскаго кадетскаго корпуса въ офицеры гвардіи, архимандритъ Леонидъ вскорѣ промѣнялъ офицерскій мундиръ на иноческую одежду. Въ 1852 году онъ поступилъ послушникомъ въ Оптину пустынь, а въ 1857 году принялъ монашество. Съ этого времени рядомъ съ подвигами инока, какъ бы въ видѣ послушанія, онъ ставитъ себѣ въ обязанность ежегодно выпускать въ свѣтъ какое либо ученое изслѣдованіе. Перечень его многочисленныхъ и разнообразныхъ трудовъ занялъ бы нѣсколько печатныхъ страницъ, но изъ этого длиннаго ихъ ряда особенно выдѣляются: описаніе рукописныхъ собраній Троицкой Лавры и Московской Духовной Академіи (именно рукописей, поступившихъ въ нее въ 1747 году изъ Троицкой Лавры); изданія памятниковъ нашей древней письменности, или дотолѣ неизвѣстныхъ, или напечатанныхъ неисправно, и описанія разныхъ монастырей; въ этихъ послѣднихъ трудахъ архимандритъ Леонидъ, кромѣ сообщенія историческихъ свѣдѣній, обращалъ особенное вниманіе на вещи, рукописи и старопечатныя книги, сохранившіяся въ этихъ обителяхъ. Нѣкоторыми изъ своихъ трудовъ онъ дѣлился и съ нашимъ Обществомъ и въ его изданіяхъ помѣщено нѣсколько его статей. Въ послѣднее время архимандритъ Леонидъ занимался описаніемъ собранія рукописей графа Уварова; внимательное ихъ изученіе, а также рукописей Троицко-Сергіевской Лавры дало ему возможность сдѣлать нѣсколько любопытныхъ открытій, которыми онъ обогатилъ изданія Московскаго Общества исторіи и древностей и Общества любителей древней письменности. Трудami, носящими заглавіе: „Святая Русь“ и „О родинѣ и происхожденіи глаголицы“ архимандритъ Леонидъ закончилъ свою ученую дѣятельность. Строгій, истинный инокъ онъ, тѣмъ не менѣе, любилъ бесѣдовать о вопросахъ научно-археологическихъ со своими гостями, и въ разговорахъ оживленныхъ и поучительныхъ незамѣтно проходили часы, о которыхъ съ удовольствіемъ, подобно мнѣ, вспоминаютъ многіе посѣтители его келій въ Лаврѣ и въ Геосиманскомъ скиту.

Баронъ Николай Казиміровичъ Богушевскій, нашъ сочленъ съ 1876 года, былъ извѣстенъ какъ археологъ и какъ собиратель автографовъ. Страстный любитель послѣднихъ, онъ пріобрѣталъ ихъ какъ въ Россіи, такъ и за границею, не жалѣя средствъ, и въ короткое время сдѣлался обладателемъ одной изъ выдающихся коллекцій, въ которой находилось много единственныхъ, рѣдкихъ и важныхъ въ историческомъ отношеніи, документовъ. Это собраніе въ отсутствіе владѣльца изъ имѣнія сгорѣло, что повліяло на здоровье г. Богушевскаго. Онъ хотѣлъ обнародовать свое собраніе въ полномъ составѣ, но, къ сожалѣнію, успѣлъ только отчасти привести въ исполненіе свое намѣреніе. Нѣсколько статей его о предметахъ русскихъ древностей было имъ помѣщено въ изданіяхъ Псковскаго Археологическаго Общества, а нѣсколько написанныхъ имъ на англійскомъ языкѣ монографій по отечественной исторіи и археологіи нашло себѣ мѣсто въ Трудахъ Лондонскаго Историческаго Общества.

Въ лицѣ члена-сотрудника нашего Общества М. О. Кояловича русская историческая наука потеряла одного изъ видныхъ своихъ дѣятелей. Уже первые его труды: „Литовская церковная унія“ и „Чтенія по исторіи Западной Россіи“ пріобрѣли ему извѣстность въ средѣ ученыхъ. Неутомимый защитникъ русской народности въ Сѣверо-Западномъ краѣ, М. О. въ многочисленныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ имъ въ разныхъ по временныхъ изданіяхъ, постоянно стоялъ на стражѣ противъ посягательствъ на нее со стороны католичества и польщизны. Имя М. О. въ Сѣверо-Западномъ краѣ было, такъ сказать, знаменемъ, подъ которымъ собирались лица, сочувствовавшія его патріотическому направленію. Быть можетъ, нѣкоторые изъ членовъ Отдѣленія русской и славянской археологіи помнятъ ту горячую рѣчь, которую М. О. произнесъ въ одномъ изъ засѣданій Отдѣленія, когда онъ ратовалъ противъ раскопокъ, произведенныхъ Виленскою Городскою Думою у Виленскаго Пречистенскаго собора и грозившихъ его разрушеніемъ, и противъ новоизобрѣтеннаго тою же Думою герба Виленской губерніи. Рѣчь эта вызвала сочувственное одобреніе членовъ Отдѣленія. Изданія нашего сочлена: „Документы, объясняющіе исторію Западно-Русскаго края и его отношенія къ Россіи и Польшѣ“, „Дневникъ послѣдняго похода Стефана Баторія на Россію“, „Дневникъ Люблинскаго Сейма 1569 года“, „Памятники, относящіеся къ смутному времени“, писанные на польскомъ языкѣ, и другія, а также его сочиненія „Исторія русскаго самосознанія“ и „Исторія воссоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ“ отвели ему почетное мѣсто въ ряду лицъ, занимающихся отечественною исторіею. Во всѣхъ своихъ трудахъ М. О. являлся ученымъ, глубоко и искренне преданнымъ отече-

ству и въ русскомъ обществѣ онъ оставилъ по себѣ добрую и свѣтлую память.

Общее Собраніе почтило память скончавшихся членовъ вставаніемъ со своихъ мѣстъ.

III.

Читаны и утверждены протоколы Общихъ Собраній: очередного 23-го мая и чрезвычайнаго 7-го іюня сего года.

IV.

Доложенъ Собранію протоколъ засѣданія Совѣта 8-го октября:

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ предъидущаго засѣданія Совѣта, состоявшагося 17-го мая.

Доложены слѣдующія текущія дѣла:

2) Прошеніе именующаго себя уполномоченнымъ угличскихъ гражданъ купца Леонида Соловьева, отъ 9-го августа сего года, объ увѣдомленіи его о томъ, признаетъ ли Общество находящійся въ Тобольскомъ городскомъ музеѣ колоколъ тѣмъ самымъ, который въ 1593 году былъ сосланъ изъ Углича въ Тобольскъ.

Постановлено: оставить прошеніе безъ послѣдствій и отвѣта.

3) Отношеніе Члена-сотрудника Общества А. Т. Соловьева съ препровожденіемъ въ даръ Обществу монетъ и предметовъ, купленныхъ имъ у крестьянъ, нашедшихъ ихъ на поверхности земли на мѣстѣ древнихъ Болгаръ, въ Казанской губерніи.

Постановлено: довести до свѣдѣнія Общаго Собрація.

4) Два отношенія П. Н. Минюшскаго, изъ г. Новочеркаска, отъ 12-го сентября и 4-го октября (послѣднее за № 234) съ предложеніемъ этнографическихъ матеріаловъ для помѣщенія въ Запискахъ Восточнаго Отдѣленія Общества.

Постановлено: передать въ Восточное Отдѣленіе Общества.

5) Прошеніе крестьянина Тимофея Данилова, отъ 16-го сентября, о содѣйствіи ему въ полученіи разрѣшенія на производство раскопки въ г. Псковѣ, на церковной землѣ, для отысканія клада.

Постановлено: передать въ Императорскую Археологическую Комиссію.

6) Предложеніе Дѣйствительнаго члена Н. И. Барсова, отъ 15-го августа, о сношеніяхъ Восточнаго Отдѣленія съ законоучителемъ Риж-

ской гимназіи о. А. Агрономовымъ, который могъ бы быть дѣйственнымъ сотрудникомъ названнаго Отдѣленія.

Постановлено: передать въ Восточное Отдѣленіе.

7) Предложеніе Дѣйствительнаго члена Общества Н. И. Барсова, отъ 15-го августа, объ установленіи обмѣна изданіями Общества съ Синодальной Архивной Коммиссіей.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

8) Ходатайство Дѣйствительнаго члена Общества В. В. Латышева, отъ 17-го іюня, о высылкѣ изданій Общества въ русское посольство въ Аѳинахъ, для пополненія библіотеки, образовывающейся тамъ, какъ пособіе для молодыхъ людей, командируемыхъ туда для ученыхъ занятій.

Постановлено: выслать изданія Общества, коихъ имѣется въ наличности болѣе 25-ти экземпляровъ.

9) Ходатайство Дѣйствительнаго члена Общества В. В. Латышева, отъ 12-го минувшаго сентября, объ обращеніи отъ имени Общества къ Дѣйствительному члену И. К. Суручану за разрѣшеніемъ воспользоваться находящимся въ его собраніи эпиграфическимъ матеріаломъ для изданія его въ III-мъ томѣ „Inscriptiones“.

Постановлено: снестись въ г. Суручаномъ.

10) Дѣйствительный членъ А. Н. Щукаревъ, принявшій на себя списываніе надписей съ античныхъ ручекъ, находящихся въ Императорскомъ Эрмитажѣ для напечатанія ихъ въ редактируемомъ В. В. Латышевымъ III-мъ томѣ „Inscriptionis“, просилъ оффиціального сношенія съ начальствомъ названнаго музея для допущенія г. Щукарева къ занятіямъ въ хранящихся тамъ коллекціяхъ.

Постановлено: снестись съ Императорскимъ Эрмитажемъ.

11) Секретарь Общества представилъ къ уплатѣ слѣдующіе счета: типографіи Императорской Академіи Наукъ, не предъявленные раньше типографіей, отъ 25-го января 1890 г., за № 30, на 43 р. 40 к. и отъ 24-го іюня 1891 г., за № 107, на 27 р.; оба за печатаніе бланковъ и дипломовъ Общества.

Постановлено: уплатить изъ суммъ, предоставленныхъ Секретарю на канцелярію.

12) Секретарь Общества представилъ къ оплатѣ слѣдующіе счета: 1) типографіи Императорской Академіи Наукъ, отъ 2-го іюля сего года, за № 99, за напечатаніе V-го тома вып. 1-го и 2-го Записокъ Общества, на 572 р. 88 коп.; 2) Литографа де-Кастелли за рисованіе и печатаніе таблицъ къ сочиненію Н. П. Лихачева, напечатанному въ 3—4 вып. V-го тома Записокъ Общества, причемъ г. де-Кастелли объ-

яснилъ, что имъ, по его недоразумѣнію, отпечатано 100 экземпляровъ таблицъ сверхъ требуемаго для Записокъ и отдѣльныхъ оттисковъ, съ ходатайствомъ о возмѣщеніи со стороны Общества хотя части понесеннаго имъ убытка, по усмотрѣнію Совѣта; 3) Ксилографа Шмидта, отъ 27-го сентября, на 23 р. за клише для Записокъ Восточнаго Отдѣленія.

Постановлено: по счетамъ уплатить изъ суммъ по подлежащимъ статьямъ смѣты. Ходатайство де-Кастелли уважить и уплатить половину расходовъ по изготовленію излишняго числа таблицъ.

13) Увѣдомленіе С.-Петербургскаго Монетнаго Двора, отъ 7-го октября, за № 1.517, объ изготовленіи заказанныхъ Обществомъ медалей и штамповъ, съ ходатайствомъ объ уплатѣ за заказъ денегъ, въ размѣрѣ 213 р. 85 к.

Постановлено: внести деньги по указанію Монетнаго Двора.

14) Секретарь Общества доложилъ ходатайство Императорской Археологической Коммиссіи о высылкѣ экземпляра изданій Общества въ Керченскій музей древностей, съ предложеніемъ выслать въ бібліотеку Общества еще одинъ экземпляръ изданій Коммиссіи.

Постановлено: ходатайство уважить.

15) Хранитель музея довель до свѣдѣнія Совѣта о необходимости произвести будущею весною ремонтъ помѣщенія музея.

Постановлено: ходатайствовать передъ начальствомъ Кодификаціоннаго Отдѣла о ремонтированіи всего помѣщенія, занимаемаго Обществомъ.

16) Казначей Общества представилъ слѣдующій отчетъ о произведенной конверсіи бумагъ, принадлежащихъ Обществу:

1, 2 и 4-го іюня 1891 года проданы Государственнымъ Банкомъ $\frac{0}{100}$ бумаги Общества на 36.200 руб. нарицательной стоимости (изъ нихъ 8.000 р. — Восточнаго Отдѣленія, 6.950 руб. — Ладожской крѣпости и 21.250 р. — Общества) за 37.467 р. и приобрѣтено Банкомъ 36 свидѣтельствъ (35 — тысяча-рублевого достоинства и 1 — пятисотъ-рублевого достоинства) ($5\frac{1}{2}\frac{0}{100}$) Поземельнаго Крестьянскаго Банка, на сумму 35.500 руб. нарицательной стоимости; уплочено за нихъ 37.438 руб. по курсу 103. — Для дополненія капиталовъ приобрѣтено тѣхъ же $\frac{0}{100}$ бумагъ на 700 руб. нар. стоим. за 722 р. 56 к. (по курсу 103). Въ настоящее время Общество имѣетъ 36.200 руб. капитала нар. стоим. въ $5\frac{1}{2}\frac{0}{100}$ свид. Крест. Поземельнаго Банка, изъ которыхъ Восточному Отдѣленію принадлежатъ 8.000 руб., Ладожской крѣпости 6.950 руб. и Обществу 21.250 руб.

Постановлено: довести до свѣдѣнія Общаго Собранія.

Общее Собраніе утвердило протоколъ Совѣта.

V.

Произведена баллотировка В. В. Алексѣева и А. Ф. Шебунина въ члены-сотрудники Общества.

Гг. Алексѣевъ и Шебунинъ выбраны единогласно.

VI.

Н. Д. Чечулинъ прочелъ сообщеніе о русскихъ жилыхъ деревянныхъ постройкахъ XVI вѣка.

Въ преніяхъ по поводу реферата участвовали В. Г. Бокъ и А. О. Бычковъ.

VII.

Доложенъ Собранію списокъ книгъ, поступившихъ въ бібліотеку Общества въ теченіи минувшаго лѣта.

Общее Собраніе постановило: благодарить лицъ и учрежденія, приславшихъ книги.

Общее Собраніе 29-го декабря 1891 года.

Подъ предсѣдательствомъ А. О. Быкова присутствовали: графъ А. А. Бобринской, В. Г. Бокъ, В. Г. Васильевскій, В. Г. Дружининъ, А. С. Лаппо-Данилевскій, А. К. Марковъ, С. О. Платоновъ, И. В. Помяловскій, баронъ, В. Р. Розенъ, В. Д. Смирновъ, А. А. Спицынъ, А. А. Цагарелли, Н. Д. Чечулинъ, А. Н. Щукаревъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предъидущаго засѣданія, 1-го ноября 1891 г.

II.

Доложенъ Общему Собранію протоколъ засѣданія Совѣта 12-го декабря 1891 года.

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ предъидущаго засѣданія 8-го октября 1891 года.

2) Доложенъ Совѣту слѣдующій проектъ отчета о дѣятельности его въ 1891 г., для представленіи Ревизіонной Коммисіи:

Въ 1891 г. Совѣтъ Общества имѣлъ 7 засѣданій и выразилъ свою дѣятельность въ слѣдующихъ мѣропріятіяхъ:

а) въ минувшемъ году совершена конверсія государственныхъ $\frac{0}{100}$ бумагъ, что должно было отразиться и на капиталы Общества, которое обращало свои денежные сбереженія въ $\frac{5}{100}$ банковые билеты и облигаціи восточныхъ займовъ, каковыя считались до конверсіи наиболѣе выгодными $\frac{0}{100}$ бумагами. Конверсіи сіи коснулись именно указанныхъ $\frac{0}{100}$ бумагъ въ которыхъ заключались капиталы Общества. Въ виду изложеннаго и признавая переходъ отъ $\frac{5}{100}$ бумагъ на $\frac{4}{100}$ слишкомъ убыточнымъ, Совѣтъ рѣшилъ обратить всѣ $\frac{0}{100}$ бумаги, подлежащія конверсіи, въ $\frac{5\frac{1}{2}}{100}$ свидѣтельства, Крестьянскаго Поземельнаго банка, въ то время стоявшія 103 руб., а нынѣ $104\frac{3}{4}$ руб. Хотя при такой операціи нарицательная цифра капиталовъ Общества и уменьшилась на 700 руб. вслѣдствіе курсовой разницы въ стоимости тѣхъ и другихъ $\frac{0}{100}$ бумагъ, но доходность капиталовъ увеличилась на 142 руб. 50 коп.

б) Озабочиваясь тѣмъ, чтобы правительственная субсидія, получаемая Обществомъ, приносила посильный доходъ, и усматривая, между тѣмъ, что Государственный банкъ $\frac{0}{100}$ по текущимъ счетамъ не платитъ, Совѣтъ обратилъ полученные Обществомъ изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 5,000 руб. въ серіи, приносящія $3,79\frac{0}{100}$ годового дохода.

в) Постоянныя замедленія академической типографіи въ печатаніи Записокъ Общества и относительная дороговизна этой типографіи побудили Совѣтъ обратиться, въ видѣ опыта, для печатанія VI тома Записокъ въ частную типографію Скороходова.

г) Была произведена, безъ ассигнованія особыхъ средствъ, опись склада изданій Общества, а также рисунковъ, заготовленныхъ для изданій Общества, но еще не выпущенныхъ въ свѣтъ.

д) Въ видахъ пополненія библіотеки Общества, Совѣтъ вошелъ въ обмѣнъ изданіями съ слѣдующими учрежденіями: Падуанской академіей наукъ, и Обществомъ ориенталистовъ въ Америкѣ.

е) Распоряжаясь, по уставу, имуществомъ Общества, Совѣтъ напелъ возможнымъ выслать бесплатно Почетному Члену Общества отцу архимандриту Антонину изданія Общества, въ виду его неоднократныхъ пожертвованій, которые онъ представлялъ Обществу, на

сумму около 100 руб. Кромѣ того Совѣтъ выслалъ въ Аѳины, въ русскую миссію, по экземпляру изданій Общества, въ пособіе молодымъ людямъ, командированнымъ туда для занятій.

ж) Въ видахъ исполненія постановленія Ревизіонной Коммиссіи, заведена книга для болѣе успѣшнаго сбора членскихъ взносовъ и недоимокъ, числящихся за членами Общества.

з) Совѣтъ составилъ форму диплома для членовъ - сотрудниковъ, перечисленныхъ въ дѣйствительные члены по § 24 Устава.

и) Всѣ изложенныя постановленія и распоряженія Совѣта были своевременно доложены Общему Собранію и имъ одобрены и утверждены.

Проектъ отчета утвержденъ.

Доложены слѣдующія текущія дѣла.

3) Ходатайство Калужской Ученой Архивной Коммиссіи отъ 2 минувшаго ноября за № 35, о томъ, чтобы Общество приняло на себя реставрацію находящагося въ Калугѣ дома, принадлежавшаго, по народному сказанію, Маринѣ Мнишекъ, съ отнесеніемъ расходовъ на средства Правительства.

Постановлено: передать въ Императорскую Археологическую Коммиссію съ просьбой Общества о содѣйствіи.

4) Письмо Почетнаго Члена Общества архимандрита Антонина отъ 8 октября на имя г. Помощника Предсѣдателя, съ препровожденіемъ двухъ медалей, золотой и серебряной, принесенныхъ Обществу въ даръ, какъ знакъ признательности за безвозмездное предоставленіе ему нѣкоторыхъ изданій Общества.

Постановлено: представить объ этомъ Общему Собранію; благодарить отца архимандрита.

5) Письмо Дѣйствительнаго Члена Общества И. К. Суручана отъ 20 ноября, на имя г. Помощника Предсѣдателя, съ изъявленіемъ готовности предоставить находящійся въ его коллекціи матеріалъ для III тома издаваемого Обществомъ „Inscriptiones“.

Постановлено: выразить г. Суручану признательность Совѣта.

6) Графъ А. А. Бобринскій сдѣлалъ заявленіе о предоставленіи имъ находящагося въ его собраніи, а также принадлежащаго Императорской Археологической Коммиссіи эпиграфическаго матеріала для III тома издаваемого Обществомъ „Inscriptiones“.

Постановлено: выразить графу А. А. Бобринскому признательность Совѣта Общества.

7) Ходатайство Одесскаго Фотографическаго Общества отъ 22

ноября за № 66 объ указаніи ему тѣхъ памятниковъ старины, которые заслуживали бы воспроизведенія фотографическимъ способомъ.

Постановлено: предложить Общему Собранію выбрать Коммиссію для составленія списка памятниковъ.

8) Приглашеніе Предварительной Коммиссіи IX Археологическаго Съѣзда на участіе Общества въ означенномъ Съѣздѣ.

Постановлено: выслать изъ средствъ Секретаря установленный членскій взносъ отъ имени Общества.

9) Ходатайство Аккерманской Городской Управы отъ 22 ноября за № 2305, о даровой высылкѣ изданій Общества въ учреждаемую въ г. Аккерманѣ общественную библіотеку.

Постановлено: послать Записки новой серіи.

10) Письмо г. Минюшскаго отъ 4 декабря, о предоставленіи ему изданій Общества съ уступкою 50⁰/₀.

Постановлено: выслать списокъ изданій, имѣющихся въ продажѣ и избранныя г. Минюшскимъ продать съ просимою имъ скидкою.

11) Утверждена представленная библіотекаремъ Общества форма росписки на книги, взятые изъ библіотеки.

12) Предъявлены къ оплатѣ счета: 1) Типографіи Императорской Академіи Наукъ отъ 11 декабря за № 178, 179 и 180 за печатаніе Записокъ Общества на сумму 353 р. 2 к., переводовъ В. В. Латышева—на 539 р. 28 к. Записокъ Восточнаго Отдѣленія на 930 р. 4 к.; 2) г. Сысоева на 32 р. за описаніе ручекъ и черепицъ изъ Собранія Историческаго и Румянцевскаго Музеевъ для III тома „Inscriptiones“ В. В. Латышева.

Постановлено: по счетамъ уплатить.

Оставшуюся отъ исполненія смѣты 1891 г. сумму употребить на уплату счетовъ, кои будутъ представлены, за изданія Общества въ минувшемъ году.

Выразить А. В. Орѣшникову признательность Совѣта за его содѣйствіе.

13) Секретарь довелъ до свѣдѣнія Совѣта объ отсутствіи штампа для изготовленія малыхъ Уваровскихъ медалей.

Постановлено: штампъ заказать на Монетномъ Дворѣ.

14) Произведена провѣрка книгъ Казначей Общества. Книги найдены въ полномъ порядкѣ.

15) Ходатайство члена-сотрудника о. А. Н. Виноградова о предоставленіи ему 150 оттисковъ его статьи о русскихъ деревянныхъ церквахъ, которая будетъ напечатана въ Запискахъ Общества съ табли-

цами, для которыхъ клише изготовлены на средства автора, а также объ ассигнованіи ему 50 рублей на уплату цинкографу, за недостаткомъ у автора собственныхъ средствъ на окончаніе этой работы.

Постановлено: ходатайство о. Виноградова уважить и просить представить счетъ цинкографа на 50 рублей.

16) Совѣтомъ составлена нижеслѣдующая смѣта на 1892 годъ:

А. По приходу.

1) Субсидіи Министерства Народнаго Просвѣщенія	5.000 р. — к.
2) % съ капитала Общества.	1.165 „ 43 „
3) Выручка отъ продажи изданій	145 „ — „
4) Членскихъ взносовъ	200 „ — „
	<hr/>
	6.510 р. 43 к.

Б. По расходу.

1) Секретарю на канцелярію.	900 р. — к.
2) Ему-же на мелочные расходы	200 „ — „
3) Казначеемъ на расходы по должности	75 „ — „
4) Вознагражденіе завѣдывающему библіотекою.	240 „ — „
5) На медали	300 „ — „
6) На приведеніе въ порядокъ библіотеки	100 „ — „
7) На собраніе матеріаловъ для III-го тома „Inscriptiones“.	125 „ — „
8) На изданія Восточнаго Отдѣленія	2.500 „ — „
9) На изданіе Записокъ Общества	2.070 „ — „
	<hr/>
	6.510 р. — к.

17) Совѣтъ рѣшилъ обратить субсидію Министерства въ серіи, по примѣру прежнихъ лѣтъ. При этомъ г. Помощникъ Предсѣдателя предложилъ хранить серіи въ денежномъ ящикѣ Императорской Публичной библіотеки, во избѣжаніе издержекъ и неудобствъ, сопряженныхъ съ храненіемъ серій въ Государственномъ банкѣ.

Постановлено: благодарить А. Θ. Бычкова и довести объ этомъ до свѣдѣнія Общаго Собранія.

18) Восточное Отдѣленіе вошло черезъ управляющаго его барона В. Р. Розена съ представленіемъ о предложеніи Общему Собранію избрать барона В. Г. Тизенгаузена Почетнымъ Членомъ Общества.

Постановлено: предложить произвести выборы въ ближайшемъ Общемъ Собраніи, о чемъ предупредить гг. Членовъ Общества въ повѣсткахъ.

19) Г. Помощникъ Предсѣдателя напомнилъ Совѣту о предстоящемъ 20 декабря чествованіи 50-лѣтняго юбилея служебной и ученой дѣятельности Дѣйствительнаго Члена Общества В. Н. Юргевича.

Постановлено: поздравить телеграммой отъ имени Совѣта Общества. Предложить ближайшему Общему Собранію избрать г. Юргевича Почетнымъ Членомъ Общества, о чемъ увѣдомить гг. Членовъ въ повѣсткахъ.

20) Предложены: въ Дѣйствительные Члены Г. В. Форстенъ и М. С. Дриновъ, послѣдній съ освобожденіемъ по § 22 отъ членскихъ взносовъ; въ члены-сотрудники Общества: Э. А. Вольтеръ, С. А. Жебелевъ и А. Θ. Энманъ.

Постановлено: предложить въ ближайшемъ Общемъ Собраніи.

Общее Собраніе утвердило протоколъ Совѣта, внеся въ него слѣдующія измѣненія:

По поводу п. 7-го протокола Совѣта, Общее Собраніе постановило обратиться къ Н. И. Веселовскому и В. Д. Смирнову.

Руководствуясь выраженными библиотечной Коммиссіею пожеланіями о пополненіи библиотеки Общества, Общее Собраніе, согласно заявленію Секретаря Общества о томъ, что у него обыкновенно есть остатки отъ ассигнованныхъ ему суммъ, постановило, пополнять на эти остатки библиотеку. Кромѣ того увеличена статья 7-я смѣты на 75 р., такъ что смѣта на 1892 г. утверждена Общимъ Собраніемъ въ слѣдующемъ видѣ:

А. По приходѣ.

1) Субсидіи Министерства Народнаго Просвѣщенія	5.000 р. — к.
2) % съ капиталовъ Общества	1.165 „ 43 „
3) Выручка отъ продажи изданій	145 „ — „
4) Членскихъ взносовъ	200 „ — „
	<hr/>
	6.510 р. 43 к.

Б. По расходѣ.

1) Секретарю на канцелярію	900 р. — к.
2) Ему-же на мелочные расходы и на пополненіе библиотеки	200 „ — „

3) Казначею на расходы по должности.	75 р. — к.
4) Вознагражденіе завѣдывающему библіотекою .	240 „ — „
5) На медали	300 „ — „
6) На приведеніе въ порядокъ библіотеки . . .	100 „ — „
7) На собираніе матеріаловъ для III-го тома „In- scriptions“	200 „ — „
8) На изданія Восточнаго Отдѣленія	2.450 „ — „
9) На изданіе Записокъ Общества	2.045 „ — „
	<hr/>
	6.510 р. — к.

III.

Представлены на усмотрѣніе Общаго Собранія постановленія Библиотечной Коммисіи:

1) Провѣрить наличность библіотеки со старымъ и новымъ инвентарями и переписать провѣренный такимъ образомъ старый карточный каталогъ, для чего пригласить постороннихъ лицъ. На такой расходъ просить Общество ассигновать въ распоряженіе Секретаря Общества единовременно сто рублей.

2) Озаботиться пополненіемъ имѣющихся въ библіотекѣ разрозненныхъ серій, періодическихъ изданій, путемъ покупки недостающихъ томовъ, на что, а равно и на выписываніе иностранныхъ періодическихъ изданій ходатайствовать передъ Обществомъ объ ассигнованіи по смѣтѣ особой суммы. Расширить обмѣнъ изданіями Общества также въ видахъ пополненія библіотеки.

3) Поручить библіотекарю составить списокъ книгъ и періодическихъ изданій, подлежащихъ, по его мнѣнію, исключенію изъ библіотеки, какъ не соотвѣтствующихъ по содержанію программѣ занятій Общества.

4) Просить гг. членовъ возвратить книги, взятые ими изъ библіотеки, для чего увѣдомить ихъ повѣстками объ имѣющихся у нихъ на рукахъ книгахъ. Впредь же выдавать книги, строго придерживаясь § 51 Устава.

5) Установить для пользованія книгами изъ библіотеки 2-хъ мѣсячный срокъ, послѣ котораго, книги должны быть возвращаемы въ библіотеку. Книги могутъ быть вновь выдаваемы тѣмъ же гг. членамъ, если въ теченіи означеннаго срока не поступило новыхъ требованій на эти книги.

6) Книги, взятые гг. членами, возвращаются ими ежедневно къ

1-му января для провѣрки и ревизіи наличности библіотеки, каковая остается закрытою по этому случаю въ теченіи мѣсяца.

Общее Собраніе утвердило постановленія Коммиссіи и поручило Секретарю Общества и Библіотекарю привести ихъ въ исполненіе.

IV.

Доложены Общему Собранію протоколъ Коммиссіи, избранной для рѣшенія вопроса о составленіи и изданіи историческаго описанія Старо-Ладожской крѣпости.

1) Коммиссіи доложены были нижеслѣдующіе пункты отчета Совѣта, представленнаго Ревизіонной Коммиссіи, замѣчанія на него этой Коммиссіи и объясненія по этому поводу Совѣта Общества, утвержденныя Общимъ Собраніемъ.

а) Озабочиваясь поощреніемъ занятій археологіей и сознавая всю важность подробнаго и обстоятельнаго изученія сочиненія императора Константина Порфиророднаго „о церемоніяхъ Византійскаго двора“ для византійской и русской археологіи, Совѣтъ возложилъ на своихъ сочленовъ В. Г. Васильевскаго и Н. П. Кондакова выработку темъ по названному сочиненію для соисканія премій Общества по 400 рублей каждая, причемъ самыя преміи предполагалъ выдать изъ $\frac{0}{100}$ съ капитала, Высочайше дарованнаго для поддержанія Ладожской крѣпости.

б) По поводу назначенія $\frac{0}{100}$ съ капитала Высочайше дарованнаго для поддержанія Ладожской крѣпости на преміи Общества, Ревизіонная Коммиссія полагаетъ, что такое назначеніе $\frac{0}{100}$ не согласно съ цѣлью, для которой названный капиталъ дарованъ Обществу, и полагала бы просить Общее Собраніе войти съ надлежащимъ ходатайствомъ о дозволеніи Обществу присовокупить капиталъ этотъ къ общимъ средствамъ Общества.

На изложенныя въ п. б замѣчанія Ревизіонной Коммиссіи Совѣтъ Общества имѣлъ честь представить Общему Собранію слѣдующія объясненія. Предложеніе г. Помощника Предсѣдателя о назначеніи преміи Общества изъ $\frac{0}{100}$ съ капитала, Высочайше дарованнаго на поддержаніе Старо-Ладожской крѣпости, было *единогласно* принято Общимъ Собраніемъ 28 декабря 1889 г. Что же касается до выраженнаго Коммиссіею желанія о возбужденіи ходатайства относительно приобщенія означеннаго капитала къ общимъ средствамъ Общества, то таковое ходатайство едва ли удобно возбуждать въ виду Высочайше выраженнаго Обществу предложенія о приисканіи мѣръ, которыя могли бы сохранить Старо-Ладожскую крѣпость отъ стихійныхъ вліяній. Таковое Высочайшее повелѣніе воспослѣдовало въ 1886 году по всеподданнѣйшей запискѣ г. Помощ-

ника Предсѣдателя о недостаточности Высочайше дарованной суммы въ 6.000 руб. для капитальнаго ремонта крѣпости съ всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ о томъ, какое назначеніе благоугодно будетъ дать Всемиловѣйше дарованной суммѣ. Въ послѣдствіе изложеннаго Высочайшаго повелѣнія и основываясь на отзывѣ члена-сотрудника академика В. В. С у л о в а о невозможности выполненія Высочайшаго сего повелѣнія, Общее Собраніе 15 марта 1888 года утвердило предположеніе Совѣта объ исходатайствованіи разрѣшенія на изданіе альбома рисунковъ съ Старо-Ладожской крѣпости на Высочайше дарованную сумму. Нынѣ Совѣтъ полагалъ бы умѣстнымъ предложить Общему Собранію: не найдетъ-ли Общее Собраніе удобнымъ избрать Коммиссію для обсужденія вопроса о томъ, какъ осуществить предложеніе Совѣта, и не слѣдовало-ли бы составить историческое описаніе Старо-Ладожской крѣпости, съ приложеніемъ плановъ, рисунковъ и чертежей и испросить Высочайшее соизволеніе на то, чтобы употребить дарованные Обществу 6.000 р. на покрытіе издержекъ по этому изданію.

2) Н. Е. Бранденбургъ заявилъ, что имъ уже составляется историко-археологическое описаніе Старо-Ладожской крѣпости съ вѣдома Общества, въ виду чего онъ отказывается отъ участія въ Коммиссіи по составленію ея описанія, имѣя въ виду кончить начатую работу единолично самъ.

3) Принимая въ соображеніе заявленіе Н. Е. Бранденбурга, Коммиссія постановила довести объ этомъ до свѣдѣнія Общаго Собранія Общества и просить отложить ходатайство о новомъ назначеніи капитала, Высочайше дарованнаго для поддержанія Старо-Ладожской крѣпости, впредь до представленія Н. Е. Бранденбургомъ своей работы Обществу.

Справка. Въ протоколахъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества не упоминается о томъ, чтобы на Дѣйствительнаго Члена Общества Н. Е. Бранденбурга было возложено составленіе описанія Старо-Ладожской крѣпости.

Общее Собраніе постановило: просить Н. Е. Бранденбурга составить историко-археологическое описаніе Старо-Ладожской крѣпости и, по представленіи имъ такового, собрать новую коммиссію для обсужденія вопроса объ изданіи этого труда.

V.

Приступлено къ избранію трехъ членовъ Ревизіонной Коммиссіи, согласно § 34 Устава.

Избранными оказались: И. В. Помяловскій (11 голосовъ), Ю. Б. Иверсенъ (7 голосовъ), С. О. Платоновъ (3 голоса); кандидатомъ къ нимъ Н. П. Кондаковъ (3 голоса).

VI.

Приступлено къ избранію пяти членовъ Медальной Коммисіи.

Избранными оказались: В. Г. Васильевскій (11 голосовъ), Н. П. Кондаковъ (9 голосовъ), И. В. Помяловскій (8 голосовъ), баронъ В. Р. Розенъ (7 голосовъ), Л. Н. Майковъ (6 голосовъ).

VII.

Предложенные въ почетные члены Общества баронъ В. Г. Тизенгаузенъ и В. Н. Юргевичъ избраны единогласно и безъ баллотировки.

Постановлено: увѣдомить В. Н. Юргевича объ его избраніи телеграммою.

VIII.

Предложены въ члены Общества и члены-сотрудники лица, поименованные въ § 20 протокола Совѣта.

Постановлено: произвести баллотировку въ ближайшемъ Общемъ Собраніи.

Чрезвычайное Общее Собраніе 29-го декабря 1891 года.

Подъ предсѣдательствомъ А. О. Бычкова присутствовали: графъ А. А. Бобринской, В. Г. Бокъ, В. Г. Васильевскій, В. Г. Дружининъ, А. С. Лаппо-Данилевскій, А. К. Марковъ, С. О. Платоновъ, И. В. Помяловскій, баронъ В. Р. Розенъ, В. Д. Смирновъ, А. А. Спицынъ, А. А. Цагарелли, Н. Д. Чечулинъ, А. Н. Щукаревъ.

I.

Согласно § 6 Положенія о медали, учрежденной въ память графа А. С. Уварова, Общее Собраніе слушало слѣдующій протоколъ Коммисіи, избранной для представленія Собранію сочиненія, достойнаго награжденія поименованной медалью.

Л. Н. Майковъ прочелъ составленный имъ отзывъ о сочиненіи профессора Московскаго университета Д. Н. Анучина, подъ заглавіемъ „Сани, ладья и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда“ (Москва, 1890)¹⁾.

Коммиссія, вполнѣ раздѣляя сужденіе Л. Н. Майкова о разсмотрѣнномъ имъ сочиненіи Д. Н. Анучина, а также принимая въ соображеніе другіе труды того же ученаго въ области археологіи, а именно: изслѣдованія о древностяхъ Кавказа, очеркъ подъ заглавіемъ „Лукъ и стрѣлы“, археологическое и историко-географическое изъясненіе древнерусскаго сказанія „О человѣцѣхъ незнаемыхъ въ Восточной странѣ“ и проч., постановила представить Общему Собранію о присужденіи Д. Н. Анучину медали, учрежденной въ память графа А. С. Уварова.

Собраніе на основаніи отзыва Коммисіи и по § 7 Положенія, присудило единогласно, закрытою баллотировкою, большую медаль профессору Московскаго университета Д. Н. Анучину и постановило увѣдомить его объ этомъ телеграммой.

II.

Въ виду заявленія членовъ Медальной Коммисіи и на основаніи § 8 Положенія, малая медаль присуждена единогласно и безъ баллотировки Л. Н. Майкову.

Засѣданіе Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи 14 марта 1891 года.

Подъ предсѣдательствомъ графа А. А. Бобринскаго присутствовали: Н. М. Благовѣщенскій, В. Г. Бокъ, А. О. Бычковъ, В. Г. Васильевскій, Н. И. Веселовскій, А. Я. Гаркави, Е. М. Гаршинъ, Х. Х. Гиль, В. Г. Дружининъ, В. А. Жуковскій, Е. Е. Замысловскій, И. К. Зинченко, Л. К. Ивановскій, Ю. Б. Иверсенъ, Д. О. Кобеко, Н. П. Кондаковъ, И. П. Корниловъ, А. С. Лаппо-Данилевскій, В. И. Ламанскій, Н. И. Лисовскій, Н. П. Лихачевъ, Х. М. Лопаревъ, В. П. Мордвиновъ, о. К. Т. Никольскій, С. О. Платоновъ, И. В. Помяловскій, князь П. А. Путятинъ, В. Э. Регель, баронъ В. Р. Розенъ,

¹⁾ Приложение VII.

А. И. Савельевъ, В. Д. Смирновъ, А. И. Соболевскій, О. Г. Солицевъ, П. А. Сырку, Н. В. Султановъ, П. С. Толстой, А. А. Цагарелли, Е. Ф. Шмурло; гость К. И. Арабажинъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ Собранія Отдѣленія 28 декабря 1890 года.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ, графъ А. А. Бобринскій, предложилъ: 1) образовать особую Коммиссію для выясненія вопроса о задачахъ и дѣятельности Русскаго Отдѣленія, 2) издавать особыя Записки Русскаго Отдѣленія по примѣру прежнихъ лѣтъ. На это предложеніе А. О. Бычковъ замѣтилъ, что весьма затруднительно было бы установить правила, въ силу которыхъ однѣ статьи помѣщались бы въ общихъ Запискахъ Общества, другія—въ спеціальному органѣ. В. И. Ламанскій считалъ возможнымъ издавать спеціальныя Записки по тремъ Отдѣленіямъ Общества (Русскому, Классическому и Восточному) безъ общихъ Записокъ. И. В. Помяловскій указывалъ на то, что такое подраздѣленіе не обновитъ содержанія Записокъ. В. Г. Бокъ полагалъ, что спеціальныя замѣтки всегда могутъ быть напечатаны при протоколахъ, какъ это было и прежде. Баронъ В. Р. Розенъ, не высказываясь принципиально противъ изданія Записокъ Русскаго Отдѣленія, сомнѣвался, однако, хватить-ли матеріаловъ для такого рода изданія и объяснялъ существованіе спеціальныхъ Записокъ по Восточному Отдѣленію тѣмъ, что эти Записки въ своемъ родѣ единственное изданіе въ Россіи.

Постановлено: предложеніе графа А. А. Бобринскаго подвергнуть дальнѣйшему обсужденію и разработкѣ въ послѣдующихъ Собраніяхъ Отдѣленія.

III.

Производились выборы въ управляющіе Отдѣленіемъ. До баллотировки, графъ А. А. Бобринскій просилъ гг. членовъ Отдѣленія не избирать его на слѣдующее трехлѣтіе въ управляющіе Отдѣленіемъ. Въ виду этого заявленія большинствомъ голосовъ избранъ былъ въ управляющіе Отдѣленіемъ В. Г. Васильевскій.

В. Г. Васильевскій отказался отъ управленія Отдѣленіемъ по недостатку времени. Приступлено было поэтому къ новой баллотировкѣ. Большинствомъ голосовъ снова избранъ въ управляющіе Отдѣленіемъ графъ А. А. Бобринскій.

Графъ А. А. Бобринской благодарилъ гг. членовъ Отдѣленія за избраніе и согласился принять на себя обязанности управляющаго Отдѣленіемъ.

IV.

Произведены выборы въ члены Совѣта. Большинствомъ голосовъ избранъ Д. Θ. Кобеко.

V.

А. И. Соболевскій прочелъ рефератъ: Южно-славянское вліяніе на русское письмо XIV—XV вѣковъ. П. А. Сырку добавилъ нѣсколько замѣчаній къ сообщенію А. И. Соболевскаго.

VI.

В. Г. Васильевскій сдѣлалъ сообщеніе по вопросу о Малалѣ.

VII.

Графъ А. А. Бобринской сдѣлалъ сообщеніе о скиѣскихъ древностяхъ, найденныхъ при Веттерсфельдѣ.

Засѣданіе Отдѣленія археологій Древне-классической, Византійской и Западно-Европейской 8 мая 1891 года.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Стояновскаго, присутствовали: Г. П. Алексѣевъ, В. Г. Бокъ, А. Θ. Бычковъ, Е. М. Гаршинъ, Х. Х. Гиль, В. Г. Дружининъ, Ю. Б. Иверсенъ, А. С. Лаппо-Данилевскій, А. К. Марковъ, В. П. Мордвиновъ, А. А. Павловскій, князь П. А. Путятинъ, В. Э. Регель, баронъ В. Р. Розенъ, А. Н. Щукаревъ; гость г. Куторга.

I.

А. К. Марковъ сдѣлалъ сообщеніе о монетныхъ реформахъ Фидона и Солона.

II.

Доложено слѣдующее представленіе Дѣйствительнаго Члена Общества В. В. Латышева въ Совѣтъ Общества отъ 27 февраля сего года, переданное Совѣтомъ на усмотрѣніе Отдѣленія:

„Въ засѣданіи 12 сентября прошлаго 1890 года я имѣлъ честь лично заявить Совѣту, что по окончаніи печатанія II тома издаваемого

мною по порученію и на средства Общества „Собранія греческихъ и латинскихъ надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря“, мнѣ предстоитъ заняться обработкою матеріаловъ для III тома, въ который по плану, выработанному въ 1883 году мною совмѣстно съ И. В. Помяловскимъ и О. О. Соколовымъ, должны войти надписи на разныхъ предметахъ домашней утвари и, главнымъ образомъ, на ручкахъ амфоръ, во множествѣ находимыхъ въ мѣстахъ древнихъ греческихъ поселеній, но что эти матеріалы еще далеко не вполнѣ мною собраны по разнымъ причинамъ, которыя я имѣлъ честь подробно объяснить Совѣту. Между прочимъ, мною не были до сихъ поръ списаны надписи съ амфорныхъ ручекъ, хранящихся въ богатыхъ коллекціяхъ Императорскаго Эрмитажа, Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея въ Москвѣ и частнаго музея П. К. Суручана въ Кишиневѣ. Докладывая объ этомъ, я имѣлъ честь заявить Совѣту, что къ моему искреннѣйшему сожалѣнію отчасти мои служебныя обязанности, а главнымъ образомъ состояніе моего зрѣнія не позволяютъ мнѣ принять на себя трудъ списыванія надписей съ ручекъ, хранящихся въ названныхъ коллекціяхъ, и что поѣтому придется или ограничиться обработкою для III тома только тѣхъ надписей, которыя уже изданы другими учеными или списаны мною самимъ, или пригласить другихъ лицъ для копированія надписей, съ тѣмъ, чтобы они предоставили сдѣланныя ими копіи въ мое распоряженіе для окончательной обработки и изданія. Его высокопревосходительству г. предсѣдателю Совѣта благоугодно было, по обсужденіи Совѣтомъ вышеизложеннаго моего заявленія, поручить мнѣ обсудить его въ подробностяхъ съ тѣми гг. членами Общества, которымъ была поручена Обществомъ выработка общаго плана изданія надписей, т.-е. И. В. Помяловскимъ и О. О. Соколовымъ. Порученіе это было исполнено мною до отъѣзда изъ Петербурга, и наша Комmissія пришла къ заключенію, что въ III томѣ, какъ и въ двухъ уже изданныхъ, весьма желательно возможно полное собраніе какъ изданныхъ, такъ и неизданныхъ надписей, и что лишь въ крайнемъ случаѣ, если къ списыванію надписей на ручкахъ, хранящихся въ вышеуказанныхъ богатыхъ коллекціяхъ, встрѣтятся непреодолимые препятствія, придется поневолѣ ограничиться уже собранными матеріалами. При этомъ было указано, что для достиженія цѣли возможно полнѣйшаго собранія надписей для III тома, Обществу придется, по всей вѣроятности, понести нѣкоторыя матеріальныя затраты, такъ какъ едва-ли можно найти лицъ, которыя бы изъявили готовность безвозмездно потратить значительное количество труда и времени для указанной работы, и поѣтому придется предложить имъ хотя бы небольшое вознагражденіе, напр.,

въ размѣрѣ отъ 2 до 5 коп. за каждую списанную ручку или черепицу (такой способъ вознагражденія, такъ сказать, „поштучный“, представляется наиболѣе справедливымъ). Что касается до лицъ, которымъ могло бы быть поручено дѣло списыванія, то Коммиссія постановила рекомендовать вниманію Общества нижеслѣдующихъ молодыхъ ученыхъ, практически знакомыхъ съ эпиграфикою и могущихъ исполнить дѣло вполнѣ безукоризненно: 1) магистра Александра Николаевича Щукарева (члена Общества)—для работы надъ коллекціей Императорскаго Эрмитажа, 2) преподавателя 2-й Московской гимназіи Дмитрія Николаевича Королькова—для работы въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ и 3) приватъ-доцента Новороссійскаго университета Александра Васильевича Никитскаго—для списыванія ручекъ коллекціи И. К. Суручана. На случай отказа г. Королькова, я позволилъ бы себѣ указать на преподавателя 1-й Московской гимназіи В. Г. Аппельрота. При этомъ само собою разумѣется, что Обществу необходимо будетъ предварительно заручиться разрѣшеніемъ управленій Эрмитажа и Историческаго Музея и согласіемъ И. К. Суручана на допущеніе вышеозначенныхъ лицъ къ занятіямъ.

Представляя вышеизложенное на благоусмотрѣніе Совѣта Общества, имѣю честь покорнѣйше просить, въ случаѣ, если въ принципѣ будетъ признано сдѣлать матеріальныя затраты для возможно полнаго собранія эпиграфическаго матеріала для III тома, обратиться къ рекомендуемымъ мною лицамъ въ возможно скоромъ времени, дабы они, если изъявятъ согласіе, могли приступить къ работамъ уже въ теченіи предстоящихъ лѣтнихъ каникулъ, чтобы собраніе и обработка матеріаловъ для III тома не затянулась на слишкомъ продолжительное время“.

Постановлено: войти въ сношеніе съ указанными В. В. Латышевымъ лицами для выясненія условій, на которыхъ они приняли бы на себя трудъ по списыванію надписей, встрѣчающихся на обломкахъ посуды, и просить ихъ опредѣлить, хотя бы приблизительно, количество такихъ обломковъ, находящихся въ тѣхъ собраніяхъ, въ которыхъ эти лица намѣрены работать. Дѣйствительный членъ А. Н. Щукаревъ заявилъ о желаніи своемъ списывать надписи, хранящіяся въ Императорскомъ Эрмитажѣ, безвозмездно.

III.

Въ виду предстоящихъ выборовъ А. Θ. Бычковъ предложилъ Отдѣленію просить Н. И. Стояновскаго принять на себя званіе управляющаго Отдѣленіемъ на новое трехлѣтіе, на что Н. И. Стояновскій

выразилъ Отдѣленію свою признательность и изъявилъ согласіе на прі-
нятіе предложеннаго ему званія.

IV.

Произведены выборы секретаря Отдѣленія, за отъѣздомъ В. В. Ла-
тышева въ Казань.

Избранъ единогласно В. К. Ернштедтъ.

Засѣданіе Отдѣленія археологін Древне-классической, Византійской и Западно-Европейской 25 октября 1891 года.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Стояновскаго присутствовали:
Н. И. Барсовъ, Н. М. Благовѣщенскій, А. О. Бычковъ, Е. М.
Гаршинъ, Х. Х. Гиль, В. Г. Дружининъ, В. К. Ернштедтъ,
И. К. Зинченко, Ю. Б. Иверсенъ, О. Э. Леммъ, А. К. Мар-
ковъ, А. Пападопуло-Керамевсъ, И. В. Помяловскій, ба-
ронъ В. Р. Розенъ, А. И. Соболевскій, В. А. Тепловъ, А. Н.
Щукаревъ; гости: С. А. Жебелевъ, М. С. Куторга, А. О.
Энманъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 8 мая сего года.

II.

А. К. Марковъ сдѣлалъ сообщеніе „о греческихъ медальерахъ“.

III.

А. Н. Щукаревъ прочелъ рефератъ „о микенской культурѣ и го-
меровскомъ вопросѣ“.

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

I.

Отзывъ дѣйствительныхъ членовъ В. Г. Васильевскаго и
Н. П. Кондакова о сочиненіи дѣйствительнаго члена Д. О. Бѣля-
ева: „Систематическій обзоръ главныхъ частей Большого Дворца
Византійскихъ царей“.

Сочиненіе профессора Д. О. Бѣляева озаглавлено: „Обзоръ глав-
ныхъ частей Большого Дворца Византійскихъ царей“ и снабжено пла-
номъ дворца. Авторъ сочиненія посвящаетъ свое предисловіе краткому

доказательству того основного положенія, что безъ знакомства съ топографіею Большаго Дворца нельзя понимать и самыхъ обрядовъ, совершавшихся въ опредѣленныхъ преданіемъ частяхъ Дворца. Какъ главный матеріалъ для этой топографіи заключается въ церемоніяхъ Византійскаго Двора, такъ и изученіе этихъ обрядовъ или придворнаго византійскаго устава должно естественно начинаться съ топографіи.

Далѣе, какъ извѣстно, и въ западной и въ русской наукѣ единогласно признанъ былъ авторитетъ капитальнаго изслѣдованія Лабарта по топографіи Большаго Дворца. Сочиненіе Лабарта служило всегда источникомъ свѣдѣній по этому предмету для историковъ и для самихъ археологовъ и изслѣдователей на мѣстѣ, какъ Унгеръ, Паспати и др.; составленный Лабартомъ планъ принять всѣми, какъ единственно возможная общая схема топографіи этого Дворца и таковую остается и доселѣ, что доказывается приложеніемъ этого плана къ сочиненію самого автора: „Стройность концепціи (стр. 5), соединяясь съ самоувѣренностью автора въ правильности своихъ выводовъ и соображеній, не допускающею сомнѣній и возраженій, до такой степени соблазнительна и увлекательна, что читатель невольно проникается самоувѣренностью автора и начинаетъ вѣрить, что зданія Большаго Дворца дѣйствительно были расположены и устроены, какъ ихъ расположилъ и описалъ талантливый авторъ. Такая вѣра является тѣмъ легче, что Лабартъ тщательно устраняетъ или игнорируетъ все, что можетъ возбуждать сомнѣніе въ правильности его выводовъ. Искусною и чрезвычайно ловкою обстановкою своихъ соображеній Лабартъ вводитъ читателя иногда безсознательно, а *иногда и сознательно* (?), въ заблужденіе и выдаетъ продукты собственной фантазіи за добытую имъ въ источникахъ истину, тѣмъ съ большимъ удобствомъ, что главный источникъ — придворный уставъ Константина, составленный изъ обрядовъ разнаго времени и различныхъ авторовъ, понимать довольно трудно, особенно въ подробностяхъ и мелочахъ“. Такое тяжкое обвиненіе, падающее на общепризнанный авторитетъ археолога, котораго заслуги по оцѣнкѣ значенія византійскаго искусства и древности имѣютъ мало себѣ равныхъ въ западной литературѣ, оказывается, далѣе, въ самомъ сочиненіи доказаннымъ и, къ крайнему сожалѣнію, доказаннымъ безповоротнo. Правда, въ своемъ нѣсколько жесткомъ обобщеніи многихъ фактовъ намѣренно небрежнаго отношенія Лабарта къ текстамъ книги авторъ заходитъ нѣсколько далеко: нельзя и думать, чтобы Лабартъ сознательно путалъ читателя,водя по Дворцу, въ которомъ, быть можетъ, блуждали нерѣдко и сами его жильцы. Самъ

же авторъ сознается, что „читатели устава поражаетъ и подавляетъ огромная масса непонятныхъ названій, терминовъ, намековъ, указаній и замѣчаній, которыя наполняютъ цѣлыя страницы, то повторяясь, то, какъ будто, противорѣча одно другому, такъ что читатель, при всемъ вниманіи, невольно сбивается съ толку и перестаетъ многое понимать“.

Поэтому, съ одной стороны, читая сочиненіе Д. Θ. Бѣляева, вполне раздѣляешь его многочисленныя полемическія отступленія: эти отступленія, правда, осложняютъ и безъ того тяжелый для чтенія текстъ изслѣдованія, но необходимы, прежде всего, потому, что устраняютъ общепринятый текстъ сочиненій Лабарта и слѣдующаго за нимъ Паспати, а затѣмъ, онѣ необходимы ради выясненія самаго предмета.

Съ другой стороны сочиненіе профессора Бѣляева представляется намъ плодомъ глубокихъ штудій основнаго источника для археологіи византійскаго быта, и хотя, по своей темѣ, ограничивается, такъ сказать, *планомъ* зданія, не говоря о самомъ зданіи, обрядахъ или церемоніяхъ, чинахъ и должностяхъ и проч. и проч., но заставляетъ насъ отнынѣ относиться къ этому источнику иначе, чѣмъ доселѣ.

Можно сказать вообще, что заслуга Д. Θ. Бѣляева, какъ ясно доказывается этимъ сочиненіемъ, является капитальною и высоко научною: она заключается въ томъ, что сочиненіе Константина отнынѣ становится дѣйствительнымъ источникомъ науки, какъ будто авторъ перекомпоновалъ его вновь по научной системѣ, классифицировалъ и пояснилъ свою классификацію.

Но примѣненіе научнаго метода и глубокое изученіе источника дало автору уже въ начертаніи самаго плана обширный научный матеріалъ.

Авторъ приступаетъ къ обозрѣнію частей Дворца, одной за другой, начиная съ той центральной (по значенію и отчасти по мѣсту) части, въ которой совершалась наибольшая часть обрядовъ и въ которой начинались и оканчивались другіе обряды, т. е. съ хрисотриклина или золотой палаты, и прилегающихъ къ ней зданій. Авторъ сводитъ вмѣстѣ всѣ данныя о расположеніи хрисотриклина или тронной палаты, ея частяхъ, или камарахъ, ихъ украшеніи, ихъ входахъ, далѣе критически опредѣляетъ положеніе прилегающаго съ восточной стороны Палаты дворика (илиака), затѣмъ западной входной камары, съ серебряными дверьми, ведущими изъ камары хрисотриклина въ портикъ Трипетонъ или Орологій и сѣверной камары или Пантеона, ведущею въ галерею 40 мучениковъ и, наконецъ, по четыремъ сторонамъ опредѣляетъ назначеніе остальныхъ или промежуточныхъ камаръ. Все это

оказывается въ результатѣ изслѣдованій автора вполне яснымъ и доказательнымъ, но для каждаго изъ этихъ выводовъ потребовались ряды всякаго рода справокъ, постоянныхъ соображеній, сопоставленій и проч. Въ распредѣленіи этихъ частей авторъ очень удачно задался системою храмоваго расположенія: направо отъ входа — югъ, налѣво — сѣверъ и проч. Такимъ путемъ авторъ отгадываетъ положеніе столовой камары Аристирія, чрезъ которую Цари входили въ свои внутренніе покои или Китонъ. Затѣмъ уже были найдены другія: на сѣверо-востокѣ, камара Θεодора (съ часовнею св. Θεодора позади) съ ризницею, гдѣ хранились царскія регаліи, и казною или филакомъ, на сѣверо-западѣ камара, ведшая въ Діетарикій.

Повидимому, можно заключить, вмѣстѣ съ авторомъ, что только одна восточная камара, какъ въ храмѣ, оканчивалась Конхою или нишею, и что, наоборотъ, остальные были покрыты коробовыми сводами и представляли Экседры.

Авторъ попутно поясняетъ формы и устройство завѣсъ, типъ дворцовыхъ площадей и террасъ-иліаковъ, фонтановъ-фіалъ и проч.

Царскіе покои рѣдко упоминаются въ обрядахъ, тѣмъ болѣе Царицы, что приемы Царицы не имѣли государственнаго значенія, кромѣ случаевъ разрѣшеній отъ бремени и извѣстнаго особаго случая приема русской княгини Св. Ольги. Русская княгиня шла къ царицѣ чрезъ великолѣпную залу Кенургія.

Вторая глава трактуетъ о первомъ парадномъ пути изъ хрисотриклины къ выходу чрезъ Лавзіакъ (проходная приемная зала, служившая мѣстомъ собранія чиновъ), Юстиніановъ Триклинъ и большой парадный вестибюль дворца, называемый Скилами, въ южной части Ипподрома. Въ послѣднемъ (наиболѣе важномъ, конечно) пунктѣ выхода Скиль на Ипподромъ, авторъ останавливается на сложномъ вопросѣ о томъ, можно-ли принять вмѣстѣ съ Лабартомъ существованіе въ предѣлахъ Большого Дворца другого дворцоваго ипподрома, кромѣ большого и всѣмъ извѣстнаго по мѣсту его и донинѣ всѣмъ видному. Опроверженію Лабарта посвящено здѣсь 23 страницы, и оно оказывается совершенно окончательнымъ: дѣйствительно, этотъ дворцовый ипподромъ придуманъ, хотя не безъ дѣйствительной нужды, какъ доказываетъ авторъ, Лабартомъ, усвоенъ Паспати, признанъ всѣми другими подъ именемъ крытаго, малаго, дворцоваго ипподрома. Замѣчательная ясность всѣхъ доказательствъ г. Бѣляева позволяетъ надѣяться, что въ будущемъ его изслѣдованіи ипподромъ предстанетъ читателю въ иномъ, болѣе яркомъ освѣщеніи, чѣмъ то, которое дано трудами Лабарта и Рамбо.

Третья глава разбираетъ второй путь изъ Золотой Палаты черезъ Триконхъ, Абсиду и дворецъ Дафны съ его тропною залою—Августеемъ къ каонсмѣ Ипподрома: путь царей при ихъ выходахъ на скачки и въ Св. Софію. Значительный интересъ представляетъ здѣсь анализъ извѣстій о триклинѣ 19 аккувитовъ или великолѣпной столовой изъ 19 столовъ съ ложами, играющей видную роль въ жизни Византійскаго двора. И наконецъ четвертая глава занимается рядомъ крупныхъ зданій и залъ по третьему пути черезъ Консисторію—залъ совѣтскій, Магнавру, самую большую тропную залу, храмъ Господа — главный дворцовый храмъ, построенный будто бы еще Константиномъ, черезъ Схолы, Лихны—круглое зданіе и Халку—зданіе, покрытое мѣднымъ золоченымъ куполомъ.

Въ видѣ особаго приложенія, сообщены въ концѣ столь же обширные и систематически обслѣдованные матеріалы по исторіи Византійскихъ чиновъ Дворца, изъ разряда тѣхъ, которые спеціально со времени Константина (или, по крайней мѣрѣ, въ его книгѣ) завѣдывали или управляли дворцовыми палатами и въ частности именномъ зданіями Большаго Дворца. Таковы были: папія, девтеръ, и многочисленные подчиненные папіи, въ родѣ діетаріевъ, мыльщиковъ, ламповщиковъ, истопниковъ, часовщиковъ, заравовъ и состоящихъ при девтерѣ веститоровъ и проч. и проч.

При видимой незначительности лицъ, больше служителей, а также и низшихъ чиновъ, приложеніе это представляетъ истинный интересъ, какъ всякое научно-реальное, иначе археологическое отношеніе къ древности. Итакъ, мы привѣтствуемъ въ сочиненіи профессора Бѣляева богатый вкладъ въ археологическую литературу не только русскую, но и западную, не только плодъ усиленныхъ, тщательныхъ и продолжительныхъ работъ, но и начало новыхъ замѣчательныхъ трудовъ, начало научныхъ изслѣдованій надъ древностью, столь для насъ близкою и столь доселѣ темною.

Сочиненіе это, наконецъ блистательнымъ образомъ исполняетъ задачу, предложенную на премію Русскимъ Археологическимъ Обществомъ, и составитъ въ его изданіяхъ замѣчательное прибрѣтеніе.

II.

Отзывъ дѣйствительнаго члена Н. П. Кондакова о сочиненіи дѣйствительнаго члена Н. В. Покровскаго: „Стѣнныя росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ“. Москва, 1890.

Сочиненіе Н. В. Покровскаго, подъ заглавіемъ: „Стѣнныя росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ“, Москва, 1890, съ

27 фотолитографическими снимками, есть первый опыт трактата по вопросу первостепенной важности въ христiанской археологiи. Задача такого трактата, въ которомъ былъ бы подвергнутъ изслѣдованiю весь извѣстный нынѣ матеріаль по монументальной живописи древне-христiанской, византiйской и русской, не могла не останавливать ученыхъ своею крайнею обширностью. Всякія поверхностныя обозрѣнія матеріала въ порядкѣ и методѣ, принятыхъ учебниками и словарями по христiанской археологiи, излишни и совершенно бесполезны. Съ другой стороны, матеріаль этотъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не есть собственно научный, строго изслѣдованный по частямъ, и еще требуетъ работъ и изученiя. Такъ, изъ самаго изложенiя содержанiя равеннскихъ мозаическихъ росписей ясно оказывается, что это содержаніе въ цѣломъ для всѣхъ сохранившихся памятниковъ Равенны остается пока непонятнымъ, или, точнѣе говоря, неизвѣстнымъ. Очевидно, для настоящаго пониманiя росписей Равенны требуется: 1) имѣть ясное понятіе о томъ дѣйствительномъ значенiи и смыслѣ, которыя заключаются въ древне-христiанскихъ живописныхъ композиціяхъ, чтобы имѣть возможность ихъ отличить отъ мозаикъ V вѣка; 2) изслѣдовать въ цѣломъ равеннскія росписи, какъ онѣ представляются въ матеріалахъ Анвелла, *Sagre memorie Fabri* и пр.; 3) отличить это цѣлое отъ росписей римскихъ по аналогическимъ даннымъ, и 4) подвергнуть изученiю сохранившіяся мозаики и опредѣлить ихъ точный богословскій смыслъ. При этомъ, однако, должно постоянно имѣть въ виду богословскія понятiя эпохи, и если истинное пониманіе мозаическаго цикла не можетъ ограничиваться общими фразами о славѣ и величii Христа, прославленiи Богоматери, то равно нельзя въ срединѣ VI вѣка въ работахъ ремесленника-мозаичиста видѣть направленіе богословія, сосредоточеннаго на борьбѣ съ ересями по вопросамъ о божествѣ Сына Божiя.

Если уже по первому, наиболѣе извѣстному отдѣлу—равеннскихъ мозаикъ, данный трактатъ долженъ начинать съ изслѣдованiя, то авторъ самъ признаетъ его необходимость для памятниковъ византiйскихъ. Правда, мы лично предпочитаемъ считать ошибочными тѣ отрицательныя взгляды автора на состояніе византiйской росписи въ IV—VI вѣкахъ, когда будто бы (стр. 23—25) не установился еще на Востокѣ ни типъ храма, ни иконографическія формы, и церкви или оставались вовсе безъ росписи, или же росписывались декоративно. Правда, избираемый авторомъ примѣръ мозаикъ церкви св. Георгiя Солунскаго (V—VI вѣка) говоритъ, повидимому, въ пользу его заключенiя о декоративномъ характерѣ, но только потому, что ансамбль уцѣлѣвшихъ 17 святыхъ съ над-

писаніемъ имени и времени празднованія остается намъ пока непонятенъ. Та же неизвѣстность причиною непонятности мозаикъ св. Софій Константинопольской, что признается и авторомъ. Равнымъ образомъ, должно признать лишь отговоркою, что неясность общей идеи въ росписи венеціанскаго храма св. Марка зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того, что мозаики св. Марка создавались въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, а дополнители и реставраторы не сообразовались съ идеею цѣлаго. Авторъ ограничивается тѣмъ же, что указалъ еще Куглеръ, т.-е. соотношеніемъ куполовъ съ нѣкоторыми группами мозаикъ на сводахъ. Такія композиціи, какъ, напр., Христосъ — образецъ добродѣтелей, остаются пока непонятными въ византійскомъ искусствѣ, и порядокъ слѣдованія затѣмъ чудеса Христа остается загадочнымъ. Авторъ замѣчаетъ, что и въ многочисленныхъ отдѣльныхъ фигурахъ можно понять только ихъ отношеніе къ цѣлому (святыхъ — понимается — къ Христу), но трудно отыскать точную связь между собою. Мы вполне признаемъ справедливость этого замѣчанія, въ виду послѣднихъ, совершенно безплодныхъ описаній атласа, изданнаго книгопродавцемъ Онганьею: смыслъ этихъ росписей можетъ быть только результатомъ точнаго анализа отдѣльныхъ изображеній, которыя въ византійскомъ искусствѣ и иконографіи пока лишь намѣчены въ общихъ типическихъ чертахъ, и то нерѣдко смѣшиваемыхъ. Какъ легко назвать Христа Вседержителя Спасителемъ, отсюда присоединить въ данномъ случаѣ идею искупительной жертвы и затѣмъ утратить руководящій богословскій мотивъ.

Въ виду всего вышесказаннаго, врядъ-ли самъ авторъ могъ придавать особенное значеніе и вѣсь всѣмъ обобщеніямъ и выводамъ, какія могутъ получиться въ результатѣ простаго обозрѣнія наиболѣе извѣстныхъ византійскихъ памятниковъ. Мимоходомъ (стр. 32) сдѣланное авторомъ замѣчаніе, что византійская стѣнопись „сложилась въ неразрывной связи съ архитектурою храма и что съ извѣстными ея формами (частями?) срослись извѣстныя изображенія“, относится къ мозаикамъ Сициліи, въ которыхъ авторъ видитъ лишь слѣды византійскаго вліянія. Не говоря уже о томъ, что эти слѣды вліянія еще требуется научно прослѣдить, но нельзя согласиться и съ тѣмъ, что абсиды и купола въ западныхъ церквяхъ, сохранившихъ эти слѣды, представляютъ наиболѣе подобіе храмовъ византійскихъ. По случайному стеченію обстоятельствъ, именно въ абсидахъ западные строители предпочитали видѣть темы мѣстныя, а не традиціонныя; что же касается куполовъ, то и росписи ихъ, и они сами на западѣ представляютъ рѣдкость.

Въ общемъ нельзя согласиться и съ представленіемъ автора, что всѣ

церкви, сохранившіяся на западѣ за время отъ Византійской имперіи, имѣютъ западный характеръ: живопись Равенны сами западные авторы называютъ „равеннскимъ византійствомъ“, и равно трудно отрицать копію византійскихъ композицій во всѣхъ мозаикахъ Сициліи.

Въ виду, наконецъ, цѣлой серіи работъ, установившихъ и въ русской, и въ западной археологіи, хронологію византійскихъ памятниковъ, и въ связи съ нею историческое развитіе византійскаго искусства, трудно было бы для автора продолжать поддерживать взглядъ (высказанный имъ въ общихъ чертахъ на стр. 37), что это искусство было *іератическимъ* и не допускало измѣненій. Намъ неизвѣстно, чтò авторъ разумѣетъ подъ существовавшимъ будто бы „правиломъ, что сочиненіе иконъ должно было принадлежать святымъ (?) отцамъ, но не иконописцамъ, не художникамъ“, но весьма жаль, что авторъ не разъяснилъ, какіе именно „ученые навязываютъ византійцамъ *широту воззрѣнія и терпимости*“, какою они вовсе не отличались.

Переходя на почву памятниковъ древнѣйшей стѣнописи въ Россіи, авторъ удерживаетъ принятый имъ взглядъ на неизмѣнность началъ религіозной живописи, но на этотъ разъ памятники, дѣйствительно, отвѣчаютъ этому взгляду: кіевскія мозаики—суть копіи византійскихъ оригиналовъ. Однако, нельзя согласиться съ авторомъ, чтобы мозаики Златоверхо-Михайловской церкви въ Кіевѣ, снабженныя славянскими надписями, были работою византійскихъ мастеровъ. Авторъ основываетъ такое свое заключеніе на предположеніи, что сицилійскія мозаики должны быть византійскаго происхожденія, тогда какъ онѣ снабжены латинскими надписями. Но въ самое послѣднее время стало извѣстно, что именно сицилійскія мозаики были исполняемы мастерами, вызванными изъ Венеціи, и потому сицилійскія мозаики, какъ и извѣстная часть кіевскихъ, принадлежатъ не византійскому искусству, но мѣстному—итальянскому и русскому мастерству. То же имѣетъ мѣсто даже для мелкихъ издѣлій художественной промышленности, не только для монументальной живописи, исполняемой на мѣстѣ многими мастерами. Обстоятельство это тѣмъ болѣе важно, что авторъ не отдѣляетъ новгородскихъ и псковскихъ стѣнописей, а также и фресковой живописи суздальскихъ церквей отъ кіевскихъ мозаикъ. Всѣ русскія стѣнописи XI—XV вѣковъ, по мнѣнію автора, точно придерживаются установленнаго византійскаго канона и отступаютъ отъ него лишь въ особыхъ случаяхъ, вызванныхъ желаніями заказчика, посвященіемъ храма тому или другому святому.

Новая эпоха, начавшаяся для церковной стѣнописи и описанная авторомъ въ росписяхъ церквей ярославскихъ, охватываетъ XVI и

XVII столѣтія. Это движеніе церковнаго искусства, по мнѣнію автора, вышло изъ аѳонскихъ монастырей и во главѣ его стоялъ знаменитый художникъ П а н с е л и н ѣ. Его задачей было, сохранивъ византійскій типъ въ иконописи, поднять въ немъ элементъ красоты, и памятникомъ этого разумнаго проведенія иконописнаго и художественнаго принциповъ была роспись протатской церкви Аѳона. Здѣсь авторъ сообщаетъ намъ свои непосредственныя наблюденія надъ росписями аѳонскихъ церквей, и этотъ новый матеріалъ составляетъ не малую заслугу сочиненія. Многія изъ росписей относятся, по надписямъ, къ XVI вѣку и могли быть исполнены учениками Панселина; въ другихъ, XVII вѣка, авторъ отличаетъ уже западное вліяніе.

Вліянію совершившагося на западѣ возрожденія искусства авторъ приписываетъ общее оживленіе русскаго искусства въ XVI вѣкѣ и подкрѣпляетъ это соображеніе указаніемъ на борьбу съ новшествами. Художественныя сношенія съ православнымъ востокомъ между тѣмъ не прерывались, и потому, будто бы, ближайшимъ источникомъ для монументальной росписи храмовъ стали стѣнописи аѳонскія. Русскія росписи сходны съ аѳонскими, по словамъ автора, именно въ тѣхъ частныхъ чертахъ, которыми отличаются аѳонскія стѣнописи отъ византійскихъ, а „предположеніе о независимомъ происхожденіи ихъ въ храмахъ греческихъ и русскихъ представляется невѣроятнымъ“. Съ другой стороны, имѣющійся матеріалъ не позволяетъ объяснять это сходство обратнымъ вліяніемъ московской стѣнописи на Аѳонъ, такъ какъ греческія стѣнописи предшествуютъ русскимъ, по указанію надписей.

Какъ бы ни разрѣшился со временемъ этотъ любопытный вопросъ о подъемѣ русскаго искусства, начиная съ середины XV столѣтія, во всякомъ случаѣ, его сопоставленіе съ современными греческими (и южно-славянскими, о которыхъ авторъ не говоритъ) будетъ играть важную роль для объясненія большинства иконографическихъ темъ древне-русскаго искусства. Заслуга автора заключается уже въ томъ, что онъ остановился на этомъ сопоставленіи впервые и далъ вопросу опредѣленное освѣщеніе.

Авторъ останавливается, наконецъ, на одной изъ группъ памятниковъ настѣннаго письма—на памятникахъ московскаго района: московскихъ, ярославскихъ и вологодскихъ церквей. Наибольшее число сохранившихся стѣнописей находится въ Ярославлѣ, хотя большинство ихъ уже XVII вѣка. Ихъ описаніе, которому посвящена почти третья часть сочиненія, составляетъ въ литературѣ русской археологіи совершенно новый матеріалъ, который, очевидно, побудилъ автора и къ разработкѣ его общей исторической темы.

Въ виду всѣхъ указанныхъ заслугъ описаннаго сочиненія, я полагалъ бы его вполне заслуживающимъ золотой медали.

III.

Отзывъ дѣйствительнаго члена А. Я. Гаркави о сочиненіи профессора А. А. Олесницкаго „Ветхозавѣтный храмъ въ Іерусалимѣ“ (Православный Палестинскій Сборникъ, 13-й выпускъ. Спб., 1889).

Представляя настоящій отзывъ о сочиненіи профессора Олесницкаго, долгомъ считаю заявить предварительно, что по одной, весьма важной составной части означеннаго сочиненія, а именно: архитектурно-топографической, я никоимъ образомъ не считаю себя вправѣ высказывать какого-либо мнѣнія, а могу высказаться лишь объ исторической и филологической частяхъ. Сверхъ сего, очевидно, что въ нѣсколько недѣль несвободнаго времени мнѣ нельзя было всесторонне изучить громаднаго научнаго творенія, которому почтенный авторъ посвятилъ многіе годы. Если же при всемъ томъ я все-таки рѣшаюсь высказать предъ Комиссіей мое мнѣніе, то это единственно въ убѣжденіи, что гг. члены Комиссіи, принимая эти обстоятельства во вниманіе и зная слабыя стороны настоящаго отзыва, не будутъ слишкомъ полагаться на него и будутъ свое сужденіе имѣть, а съ другой стороны — отнесутся снисходительно ко мнѣ и не осудятъ меня строго, какъ непризваннаго судью, хотя бы и потому, что на этотъ разъ Комиссія имѣла неосторожность призвать такого судью.

Появленіе капитальнаго сочиненія проф. Олесницкаго можетъ вызвать къ себѣ только чувство живѣйшей признательности со стороны археологовъ, любителей библейскихъ древностей и русскаго ученаго міра вообще. Цѣлая область, игнорируемая до сихъ поръ русскою наукою, сразу получила яркое освѣщеніе, и русская литература обогатилась всестороннимъ изслѣдованіемъ, вполне достойнымъ стоять на ряду съ первоклассными сочиненіями по этой части западно-европейскихъ ученыхъ и имѣющимъ нѣкоторыя даже преимущества предъ многими изъ послѣднихъ. Тогда какъ одна серія европейскихъ сочиненій о ветхозавѣтномъ храмѣ страдаетъ абстрактной теоретичностью, основывающейся на одной филологической экзегетикѣ и не принимающей въ расчетъ мѣстныхъ условій и топографіи горы Моріа, другая серія впадаетъ въ другую крайность, пренебрегая ясными свидѣтельствами старины, или дѣлая тенденціозныя выборки изъ сихъ послѣднихъ и даже произвольныя поправки въ нихъ для того, чтобы принаравливать ихъ къ своимъ предвзятымъ тео-

ріямъ. Преимущественно же представители такъ-называемой новѣйшей критической школы думаютъ оказать наукѣ услуги, обращаясь болѣе чѣмъ свободно съ текстами св. Писанія и переименовывая ихъ по своему усмотрѣнію. Въ виду этого, весьма отрадно видѣть, что нашъ почтенный авторъ, будучи хорошо знакомъ съ произведеніями школы Графа-Вельгаузена и ея французскихъ представителей-популяризаторовъ, да и сверхъ того весьма обстоятельно изучавшій на мѣстѣ всѣ новѣйшія раскопки въ Іерусалимѣ и основанныя на нихъ системы и планы, подвергаетъ весьма дѣльной критикѣ всѣ важнѣйшія теоріи и системы и приходитъ къ благопріятному результату для исторической правдивости описанія древне-іудейскихъ храмовъ въ Библии. Какъ вѣрующій христіанинъ и сынъ православной церкви, А. А. Олесницкій не можетъ оставлять безъ отвѣта вопросы, сомнѣнія и возраженія скептиковъ и отрицателей, причемъ онъ отвѣчаетъ на нихъ всегда достойнымъ образомъ и въ большинствѣ случаевъ убѣдительно, на основаніи историческихъ фактовъ или существующихъ монументальныхъ остатковъ.

Укажемъ здѣсь на нѣкоторые болѣе выдающіяся мѣста разсматриваемаго сочиненія въ этомъ отношеніи.

На стр. 196—217 авторъ весьма основательно возражаетъ противъ Де-Ветте, Шипіе, Кампгаузена ¹⁾ и др., выставляющихъ рядъ мнимыхъ доводовъ противъ существованія скиніи Моисея. Проф. Олесницкій могъ бы въ своемъ отвѣтѣ (стр. 204—205) относительно малаго количества воевъ, назначенныхъ для перевозки скиніи, прибавить, что изъ самаго текста Кн. Чиселъ видно, что указанное число (VII, 3) было только приношеніемъ представителей колѣнъ и что, кромѣ того, были въ употребленіи и другіе возы, ибо въ 9-мъ стихѣ говорится, что изъ числа левитовъ, назначенныхъ для служенія святилищу, только сыновья Каааы носили на плечахъ принадлежности скиніи, значитъ сыновья Гирсона и Мерари не обязаны были носить на плечахъ и могли перевозить на лошадяхъ; между тѣмъ Гирсонитовъ было 2.630 человекъ (IV, 40), а Мераритовъ — 3.200 человекъ (IV, 44), и очевидно, что этому количеству людей должно было хотъ сколько-нибудь соотвѣтствовать число лошадей и воевъ.

Безпристрастные археологи и историки искусства отдадутъ полную

¹⁾ Такъ (а не Камфаузенъ) слѣдуетъ читать это нѣмецкое имя (Kamphausen). Кстати отмѣтимъ неправильную транскрипцію Лигтфотъ вм. Лейтфутъ, стр. XI, XII, 53, 166 и т. д. Шмендъ вм. Смендъ (XVI), Сиппурену вм. Сфорно (XVIII, 78—79), Ситтимъ вм. Шиттимъ (11, 35, 42 и т. д.); названіе Ярхи (22 46, 50) давно признано ошибочнымъ и т. п.

справедливость вѣсскимъ соображеніямъ почтеннаго автора (стр. 365—379) противъ ученыхъ, изъ всѣхъ силъ старающихся доказывать, что храмъ Соломона былъ ни что иное, какъ подражаніе египетскому, ассирійскому, финикійскому или даже индійскому храму. Уже одно то обстоятельство, что является возможнымъ приписывать означенному храму такое разнообразное происхожденіе, доказываетъ шаткость основаній, на которыхъ эти отождествленія дѣлаются. Впрочемъ, въ изслѣдованіи этого вопроса самую главную роль играютъ внѣшнія и чисто случайныя обстоятельства. Проф. Олесницкій хорошо указалъ, почему Фергюсонъ и Лауэнанъ обращаются за объясненіемъ архитектурныхъ мотивовъ Соломонова храма именно въ Индію. Знакомый поближе съ дѣятельностью другихъ ученыхъ, впервые предлагавшихъ и предлагающихъ свои теоріи заимствованія Соломономъ изъ той или другой страны, легко найдетъ и у этихъ ученыхъ *raison d'être* ихъ теорій. Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ, повидимому, Финикія, такъ какъ финикійскій мастеръ, по имени Хирамъ, по свидѣтельству Библии, былъ приглашенъ израильскимъ царемъ въ помощь и содѣйствіе. Но изъ того же библейскаго свидѣтельства мы видимъ, что эта помощь ограничивалась второстепенными и третьестепенными техническими работами, которыя никоимъ образомъ не могли сообщать стиля всему зданію храма. Причемъ въ Паралипом. (II, 6, 13) два раза повторяется, что финикіянинъ работалъ вмѣстѣ съ художниками іудейскими. Вообще же, при всемъ стараніи ученыхъ съ предвзятыми теоріями, до сихъ поръ могло быть указано только сходство въ нѣкоторыхъ техническихъ деталяхъ, а никакъ не въ главныхъ чертахъ, и подобно тому, какъ ветхозавѣтный монотеизмъ не поддается никакому сравненію съ политеистическими религіями языческаго міра, такъ и ветхозавѣтный храмъ придется признать совершенно оригинальнымъ и своеобразнымъ ¹⁾. Не по этой-ли причинѣ такъ туго удастся его возстановленіе и такъ мало удачны обнародованныя до сихъ поръ реставраціи, авторы коихъ по необходимости должны черпать свои идеи и свое вдохновеніе въ матеріалахъ совсѣмъ другого порядка?

Одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ вопросовъ, а именно, вопросъ о протяженіи храма Соломонова, какъ справедливо замѣчаетъ самъ авторъ, только тогда можетъ быть рѣшенъ окончательно, когда изслѣдованію станутъ доступны подпочва и наружная восточная стѣна *Харамъ-ешъ-ше-*

¹⁾ Къ такому результату приходитъ и Мерцъ (Herzog's Real-Encyclopädie, 2-е изд. т. XV, п. сл. Tempel) и мн. др.

рифа. Тѣмъ не менѣе нельзя уже и теперь не отдавать справедливости тѣмъ критически вѣрнымъ замѣчаніямъ и мѣткимъ соображеніямъ, посредствомъ которыхъ г. Олесницкій поколебалъ основы системъ Вогюэ, Варрена, Альтена и Шика, значительно сокращающихъ площадь означеннаго храма соразмѣрно съ нынѣшнимъ объемомъ *Харама* (стр. 600—655).

Превосходно также изслѣдованіе автора о башнѣ *Офелъ* (Офла) и о южныхъ катакомбахъ (стр. 710—718).

Вообще, если я бы захотѣлъ указать на всѣ прекрасныя мѣста въ обширномъ подлежащемъ трудѣ, гдѣ широта взгляда, всестороннее изученіе предметовъ и глубина изслѣдованія идутъ рука объ руку, то это завело бы меня слишкомъ далеко, почему мнѣ поневолѣ приходится ограничиваться этими немногими, но важнѣйшими по значенію примѣрами.

Капитальными достоинствами соч. проф. Олесницкаго слѣдуетъ также считать: полное ознакомленіе читателя съ обширной литературой предмета, историко-критическое обозрѣніе и оцѣнка мнѣній ученыхъ предшественниковъ и богатый запасъ плановъ и рисунковъ, въ текстѣ сочиненія и отдѣльно (всего 175), служащихъ къ наглядному объясненію не только объектовъ самаго изслѣдованія, но также и памятниковъ, могущихъ служить для сравненій съ послѣдними, хотя бы только по мнѣнію противниковъ автора.

Само собою разумѣется, что въ такомъ обширномъ сочиненіи, гдѣ изслѣдуются столько научныхъ вопросовъ, разсматриваются столько различныхъ мнѣній, и все это на основаніи разнообразнѣйшихъ источниковъ, не вездѣ все могло быть авторомъ обслѣдовано одинаково обстоятельно, не всѣ его доводы убѣдительны и (какъ мнѣ кажется) не всѣ выводы вѣрны. Но такъ какъ эти послѣдніе касаются или незначительныхъ подробностей, или же совершенно побочныхъ предметовъ (преимущественно въ области филологіи)¹⁾, то они въ общемъ не умаляютъ значенія самаго сочиненія, и, во всякомъ случаѣ, эти подробности не особенно вредятъ главнымъ основаніямъ автора, тѣмъ болѣе, что въ важнѣйшихъ пунктахъ онъ добросовѣстно выставляетъ и доводы противниковъ и даетъ, такимъ образомъ, возможность читателю взвѣшивать мнѣнія *pro* и *contra*.

Въ исполненіе порученія Коммиссіи критически разсмотрѣть подлежащее сочиненіе, укажу здѣсь на нѣкоторые слабые, по моему мнѣнію, пункты.

I. Нѣкоторыя доказательства и возраженія автора противъ другихъ

¹⁾ См. приложение, гдѣ сопоставлены нѣкоторые изъ филологическихъ замѣчаній.

старыхъ и новыхъ ученыхъ оказываются, при ближайшемъ разсмотрѣніи, несостоятельными, таковы, напр.:

1) Частое пренебреженіе свидѣтельствомъ Іосифа Флавія, когда этому свидѣтельству противопоставляются не серьезныя основанія, а только сомнительныя экзегетическія толкованія или теоретическія понятія новѣйшихъ археологовъ и историковъ искусства.

2) Возражая противъ Бера, Неймана, Пена и др., принимающихъ для столбовъ въ оградѣ скиніи четырехугольную форму, авторъ говоритъ (стр. 13): „Но въ виду того, что они называются *amudim*, т.-е. колонны, и т. д., мы болѣе расположены согласиться съ Эвальдомъ, что они были *круглы*“; между тѣмъ, слово *amud* (мн. ч. *amudim*) ни въ еврейскомъ, ни въ другихъ семитскихъ языкахъ, не заключаетъ въ себѣ понятія *круглости*, а объ *устоѣ* (отъ глагола *amad*, стоять), отсюда *столбъ*, *подставъ*, *базисъ*, *поддержка*, на чемъ что-нибудь *стоитъ* и чѣмъ оно поддерживается.

3) Доказывая, что *виссонъ* для занавѣсей скиніи ткался вмѣстѣ съ крашенными нитями хлопчатой бумаги, авторъ говоритъ (стр. 18), что о шерсти „здѣсь не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ соединеніе нитей, добытыхъ изъ животнаго и растительнаго царства, строго запрещалось закономъ Моисея (Лев. 19, 19; Втор. 22, 11)“; но запрещеніе въ обоихъ указанныхъ мѣстахъ Пятикнижія касается только *человѣческой одежды* (Лев. „Въ одежду изъ разнородныхъ нитей, изъ шерсти и льна, *не одевайся*“. Втор. „*Не надѣвай* одежды, сдѣланной изъ разныхъ нитей, изъ шерсти и льна вмѣстѣ“). Какъ раввины ни обставляли и расширяли подобнаго рода законы, а все-таки въ кодексѣ законовъ (*Торе Деа*, гл. 301, прим. къ § 10) прямо сказано, что занавѣсы и другія принадлежности синагогъ можно изготовлять изъ запрещенныхъ для одежды смѣшанныхъ веществъ. Посему раввинскіе комментаторы и принимаютъ (см. *Раши*, Исходъ, XXVI, 1), что ткань для скиніи была составлена въ такой пропорціи, что на каждую нить льна приходились три нити шерсти, и г. Олесницкій является въ данномъ случаѣ *plus rabbin que les rabbanites*.

4) Авторъ затрудняется допускать преданіе, что въ бассейнѣ скиніи верхняя часть была водохранилищемъ, а въ нижней части совершались омовенія, и затрудняется именно потому, что (стр. 37) „изъ нѣкоторыхъ мѣстъ, напр., Числ., 5, 17, видно, что для омовеній воду черпали изъ верхняго бассейна глиняными сосудами“. Тутъ опять недосмотръ, такъ какъ вода давалась грѣшной женѣ не для омовеній, а для питья (тамъ же, V, 24: „И дастъ женѣ *выпить* горькую воду“). Да къ тому, тамъ и

не сказано изъ верхней, либо изъ нижней части бассейна бралась вода, а говорится только о томъ, чтобъ примѣшивать къ водѣ землю съ пола скинии.

5) Возражая археологамъ, утверждающимъ, притомъ не голословно, а на основаніи изображенія на аркѣ Тита и свидѣтельства Іосифа Флавія, что ножки нѣкоторыхъ священныхъ сосудовъ имѣли видъ ногъ животныхъ, проф. Олсницкій говоритъ (стр. 115), что „такія ножки сосудовъ были бы противозаконны, такъ какъ ими выражалось бы запрещенное закономъ соединеніе элементовъ неодушевленной и одушевленной природы“, а далѣе (стр. 120): „дерево, стоящее на ногѣ животного, было бы непозволительнымъ по закону Моисея соединеніемъ растительнаго и животного элементовъ“. Такого запрещенія на самомъ дѣлѣ не существуетъ. На практикѣ мы тоже видимъ, что такое соединеніе было и въ скинии Моисея, гдѣ занавѣсы, состоявшія изъ растительной ткани, украшались изображеніемъ херувимовъ. Даже новѣйшіе раввины позволяютъ не выпукло изваянное изображеніе животныхъ и растений для украшенія безъ всякаго ограниченія, а изъ выпукло изваянныхъ животныхъ запрещены только священные животныя (Chajjoth), упомянутыя въ видѣніи пророка Езекииля въ описаніи престола Всевышняго (*Іоре Деа*, гл. 141, § 6). Посему въ данномъ случаѣ свидѣтельство Іосифа Флавія и изображеніе свѣтильника на аркѣ Тита не возбуждаютъ противъ себя никакого подозрѣнія.

II. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ авторъ слишкомъ категориченъ и недостаточно беретъ во вниманіе общій духъ древняго міра вообще и іудейской древности въ особенности, какъ, напр.:

1) Возражая противъ системы символическаго объясненія идеи ветхозавѣтнаго святилища, какъ эта система представлена Филономъ Александрійскимъ, Іосифомъ Флавіемъ, и въ новѣйшее время развивается школой Бера и Крейцера, системы, дѣйствительно часто заходящей въ стараніи все объяснить слишкомъ далеко,—проф. Олсницкій впадаетъ, кажется, въ другую крайность, отрицая даже возможность космической символики у древнихъ іудеевъ. „Какое было дѣло (спрашиваетъ авторъ, стр. 183) израильскому народу до моря и до планетъ?“ „Скинія не могла (говоритъ онъ далѣе, стр. 187) выражать такихъ общихъ и недоступныхъ народному сознанію отношеній, какъ строеніе недостигаемыхъ концовъ земли и вещественнаго неба“. На это можно замѣтить, что авторъ самъ принимаетъ, что въ языческихъ культахъ древняго міра такая символика существовала (см., напр., у него стр. 190 о брахманизмѣ), хотя простому народу индійскому навѣрно также не были до-

ступны высшія космическія идеи; достаточно было, если эта символика была доступна высшему ученому сословію. Еслибъ даже у древнихъ іудеевъ совершенно отсутствовало самостоятельное пониманіе космическихъ идей и ихъ символизированія въ богослуженіи, то достаточно были для нихъ соприкосновенія съ родственными месопотамскими и финикійскими народностями въ эпоху патріарховъ и многовѣковое пребываніе среди египтянъ, гдѣ космическая символика занимала такое видное мѣсто, чтобы сдѣлать ее доступной болѣе развитымъ умамъ и между іудеями. Тѣмъ болѣе, что наклонность къ символикѣ у древнихъ евреевъ ярко выступаетъ въ св. Писаніи, гдѣ дѣйствія и слова пророковъ прямо назначаются для того, чтобы служить символомъ для народа. Кстати будетъ припомнить при этомъ про сонъ Іосифа о небесныхъ свѣтилахъ, который сонъ его отецъ толкуетъ какъ указывающій на событія въ семействѣ патріарха (Бытіе, XXXVII, 9—10). Точно также и другія сновидѣнія, равно какъ и пророческія видѣнія, толкуются символически въ Ветхомъ Завѣтѣ. Впрочемъ, эта тема не можетъ быть развита здѣсь мимоходомъ.

2) Доводы автора противъ Генгстенберга и Кейля (стр. 191—193) также не выдерживаютъ строгой критики. Что скинія нигдѣ не названа домомъ народа—нельзя утверждать безусловно. Конечно, это домъ Бога, но того Бога, который снисходитъ къ людямъ и устраиваетъ свое жилище среди своего народа. Уже во второмъ названіи скинии, *ohel mo'ed* (первое есть: *mischkan eduth*), лежитъ мысль о назначеніи ея служить средоточіемъ, вокругъ котораго долженъ группироваться весь народъ. На это также указываютъ центральное мѣстоположеніе скинии среди израильскаго лагеря во время стоянки, и положеніе, занимаемое главной святыней, Ковчегомъ завѣта, во время похода, когда на эту святыню должны быть устремлены взоры всего Израиля. Слова же пророка Исаи „Кто требуетъ отъ васъ, чтобы вы топтали дворы мои?“, на которыя ссылается г. Олесницкій, вырваны имъ изъ общей связи, гдѣ очевидный логическій смыслъ ихъ таковъ: такъ какъ вы народъ грѣшный и преступный (стихи 4—6) и стали похожи на Содомъ и Гоморру (ст. 10), то къ чему всѣ ваши жертвы, зачѣмъ вы топчете напрасно мои дворы (ст. 11—12)? Вопросъ же автора: почему не расширили храмъ, чтобы дать возможность присутствовать не однимъ только священникамъ, — устраняется тѣмъ практическимъ соображеніемъ, что устройство, содержаніе, складываніе и переносеніе складной скинии въ объемѣ, достаточномъ для всего народа занимали бы все почти взрослое еврейское населеніе, даже военное сословіе, а между тѣмъ, израильтяне должны были быть всегда готовы къ войнамъ среди враждебныхъ племенъ. А если не устроить

скинии для всего народа, то явился бы вопрос — кого допускать и кого исключать? Что же касается язычников, то, какъ не соблюдавшіе моисеевыхъ законовъ о чистотѣ, они могли только занимать мѣсто, отведенное для израильтянъ, находившихся въ нечистомъ состояніи. А когда царь Соломонъ построилъ настоящій, не переносный храмъ, то онъ прямо заявилъ (I Цар., VIII, 41—43), что этотъ храмъ назначается также и для язычников, которые захотятъ тамъ молиться. Точно также количество 70 жертвъ, приносимыхъ по праздникамъ въ храмъ, правдоподобно толкуется въ смыслѣ предстательства за 70 народовъ, потомковъ Сима, Хама и Яфета, что въ понятіяхъ древнихъ іудеевъ равносильно всему человѣчеству.

III. Невѣрные заключенія изъ ошибочныхъ предположеній.

1) Проф. Оленичъ предполагаетъ, что число 120 локтей для притвора или башни храма Соломонова (II кн. Паралипом., III, 4) есть не иное что, какъ корректура книжниковъ временъ Ирода, причемъ онъ считаетъ себя также вправѣ указать даже лицо мнимаго корректора, а именно, *Баба бенъ Бута* (стр. 234—237, 399, прим.). Изъ этого основанія авторъ выводитъ заключеніе, что книжники-фарисеи *a priori* намѣтили себѣ идеальную цифру для высоты храма, каковую цифру они всячески старались провести. Между тѣмъ, простые факты, что уже LXX толковниковъ (въ большинствѣ кодексовъ) имѣютъ число *ἑκατὸν εἰκοσι*, равно какъ и то обстоятельство, что означенная цифра находится во всѣхъ извѣстныхъ рукописяхъ еврейскаго текста, не смотря на то, что въ эпоху Ирода іудейская діаспора была уже распространена по всему древнему міру,—ясно доказываютъ, что книжники, современники Ирода, тутъ не причемъ. Раньше же времени Ирода, а тѣмъ болѣе еще ранѣе эпохи LXX толковниковъ, не было никакого повода къ тенденціозной корректурѣ. Многіе ученые, даже не принадлежащіе къ школѣ апологетовъ (Эвальдъ, Фридрихъ, Мейеръ и др.) нисколько не затрудняются допускать вѣрность цифры 120.

2) Въ томъ, что набожные іудеи не препятствовали изображенію Сузы на воротахъ и воспротивлялись Ироду въ постановкѣ изображенія орла (стр. 401—402), не было никакой тенденціи. Дѣло въ томъ, что изображеніе персидской столицы (конечно, по требованію персовъ, въ знакъ политической зависимости евреевъ отъ нихъ) не составляло нарушенія какого-либо закона; римскій же золотой орелъ, высоко поднятый надъ порталомъ храма римскимъ ставленникомъ Иродомъ, кромѣ рельефнаго и всенародно-торжественнаго выставленія на показъ ненавистнаго римскаго ига, имѣлъ еще то немаловажное неудобство, что такое изобра-

женіе прямо воспрещается еврейскимъ закономъ, какъ воспроизведеніе одного изъ четырехъ вышеупомянутыхъ священныхъ животныхъ (*Chajjioth*) на престолѣ Божіемъ въ видѣніи пророка Езекиіа, хотя позже, въ талмудическія времена, ограничили этотъ запретъ на изображеніе всѣхъ 4-хъ животныхъ разомъ. Притомъ еще, еврейскій законъ различаетъ также между вдавленнымъ или живописнымъ и выпуклымъ или скульптурнымъ изображеніемъ, изъ коихъ запрещается только послѣднее (тр. *Abodah-Zarah*, л. 43).

IV. Авторъ иногда напрасно ищетъ тенденціи и создаетъ затрудненія тамъ, гдѣ дѣло объясняется естественно и легко безъ всякой тенденціи.

1) При послѣдней реставраціи храма Зоровавеля во время Ирода, какъ самое зданіе храма, такъ и окружающія его стѣны и ворота, были значительно возвышены. Для этого имѣлись тогда разныя вѣсскія причины, главною изъ коихъ была великая разница въ культурномъ состояніи Сиріи и Палестины во время персидскаго владычества и въ эпоху римской имперіи, послѣ того какъ Передняя Азія подвергалась продолжительному вліянію эллинскому при македонянахъ, селевкидахъ и римлянахъ. Духъ роскоши и грандіозности, какъ вообще, такъ и въ архитектурѣ, распространялся тогда изъ всемірнаго *urbs* по азіатскому *orbis* весьма быстро, тѣмъ болѣе, что маленькіе азіатскіе царьки строили свои великолѣпныя зданія въ честь всемірнаго властелина-императора и старались, по мѣрѣ силъ и средствъ, подражать роскоши зданій самаго Августа. Если мы видимъ нынѣ, что большинство храмовъ, построенныхъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, кажутся бѣдными и ограниченными, требующими увеличенія своихъ размѣровъ и болѣе богатой обстановки, то каковымъ долженъ былъ казаться въ эпоху Августа храмъ, построенный 500 лѣтъ тому назадъ на ограниченные средства, ассигнованные Киромъ и Даріемъ, при самомъ убогомъ состояніи первыхъ переселенцевъ изъ вавилонскихъ плѣнниковъ! То обстоятельство, что въ римскую эпоху іерусалимскій храмъ служилъ также въ военное время въ качествѣ крѣпости, гдѣ высота стѣнъ имѣетъ особое значеніе — тоже играло немаловажную роль. Затѣмъ тутъ имѣлъ великое значеніе и личный характеръ Ирода, питавшаго неограниченную страсть къ великолѣпнымъ и колоссальнымъ сооруженіямъ и проводившаго большую часть своего царствованія въ постройкахъ новыхъ городовъ и роскошныхъ зданій, театровъ, цирковъ, водопроводовъ и т. д. Правда, что при всѣхъ этихъ сооруженіяхъ хитрый идумеецъ имѣлъ въ виду или выставить на показъ свое угодническое раболѣпство предъ императоромъ и его домомъ (какъ свидѣлствуютъ названія: Себаста, Кесаря, Агриппія, Друзусъ), или

же удовлетворить своему личному честолюбію (Иродіумъ, Антипатрисъ, Кипрусъ, Фазаель); но весьма естественно, что долговременное упражненіе въ роскошныхъ постройкахъ должно было превратить у него это занятіе въ страсть. Да и одинъ разъ въ жизни, наконецъ, честолюбіе его могло обратиться въ хорошую сторону, а именно послѣ столькихъ великолѣпныхъ сооружений въ честь Юпитера, Аполлона, Юноны и боготворимаго Кесаря, выстроить роскошный храмъ истинному Богу, каковой храмъ, по понятіямъ Ирода, только тогда могъ считаться достойнымъ, если онъ—громадныхъ размѣровъ и ослѣпительнаго богатства.

При такихъ обстоятельствахъ ученые книжники и національная партія, еслибъ даже сами они находились внѣ вліянія всего окружающаго міра, то они все-таки должны были подчиниться всесильной логикѣ событий, тѣмъ болѣе, что они нашли въ священныхъ книгахъ намеки на увеличеніе храма. Мы выше упомянули, что въ текстѣ Паралипоменонъ уже задолго до эпохи Ирода и до LXX толковниковъ находилась цифра 120 локтей для высоты притвора храма. Вторымъ такимъ намекомъ они могли считать обѣщаніе пророка Аггея (II, 9), что честь второго храма будетъ превосходить честь перваго, понимая, согласно духу времени, *честь* въ смыслѣ высоты и роскоши.

По этимъ соображеніямъ, всѣ разсужденія проф. Олесницкаго (стр. 507—511) по поводу увеличенія высоты храма во время реставраціи Ирода лишены основанія.

2) Далѣе, авторъ самъ признаетъ основательность утвержденія Иосифа Флавія, что книжники должны были предоставить Ироду распоряжаться по своему относительно высоты стѣнъ наружнаго двора и главныхъ воротъ. Авторъ также признаетъ (стр. 409, 428), что Иродъ, будучи раболѣпнымъ поклонникомъ всего римскаго и греческаго, подчинялся вкусу языческихъ архитекторовъ, и вслѣдствіе этого возвысилъ наружныя стѣны и порталъ. Кажется, что вполне естественнымъ и даже необходимымъ послѣдствіемъ является и возвышеніе стѣнъ самаго храма. Или національная партія должна была допустить, чтобъ наружный дворъ, выставленный Иродомъ на показъ римлянамъ, затмилъ совершенно настоящій храмъ, который, при прежнихъ миниатюрныхъ размѣрахъ рядомъ съ высокимъ иродовымъ сооруженіемъ, долженъ былъ потерять всякое значеніе и стать посмѣшищемъ? Ясно, что необходимость заставляла увеличить высоту и самого храма. А если такъ, то опять-таки соображенія автора о мотивахъ къ этой перемѣнѣ (стр. 498, 404) не имѣютъ никакого основанія.

3) Оставляя обычную свою осторожность, проф. Олесницкій

одинъ разъ выступаетъ съ весьма смѣлымъ предположеніемъ. Ни у Іосифа Флавія, ни въ Мишнѣ, ни въ другихъ многочисленныхъ древне-раввинскихъ воспоминаніяхъ о Іерусалимѣ, не находится ни малѣйшаго намека на существованіе синагоги въ верхнемъ этажѣ храма, надъ святымъ свя-тыхъ. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что синагоги въ собственномъ нынѣшнемъ смыслѣ, т.-е. молитвенные дома, возникли въ Палестинѣ только по разрушеніи іерусалимскаго храма, такъ какъ все содержаніе еврейскихъ молитвъ и порядокъ ихъ установленія рассчитаны на то, чтобы заступать мѣсто жертвоприношенія въ храмѣ и замѣнять его собою. Слѣдовательно, при существованіи храма и жертвоприношеній собственно не было надобности, особенно въ Палестинѣ, а тѣмъ болѣе въ Іерусалимѣ, въ молитвенныхъ домахъ. Въ тѣхъ немногихъ мѣстахъ, гдѣ источники упоминаютъ о *домѣ собранія* (*beth ha-Keneseth*), имѣются въ виду училища для дѣтей и школы для преподаванія взрослымъ св. писанія и обученія закону, на что также указываетъ первоначальный смыслъ слова סוּחָרְוּרָה (собраніе, мѣсто или домъ собранія). Затѣмъ, во всѣхъ синагогахъ-молельняхъ молящіеся обязательно должны обращаться лицомъ къ іерусалимскому храму. Спрашивается: куда обращались бы молельщики надъ храмомъ? Но самое главное, чувство безпредѣльнаго благоговѣнія предъ святымъ святыхъ, выражавшееся въ сотняхъ законовъ, преданій, воспоминаній и легендъ, никоимъ образомъ не могло допускать устройства молельни надъ главной святыней.

Поводомъ къ ошибочному предположенію автора, повидимому, подало невѣрное же пониманіе слова *alijah* (верхній этажъ, мезонинъ) со стороны нѣмецкаго ученаго У н р у. На основаніи того, что въ Талмудѣ упоминаются мезонины нѣкоторыхъ лицъ, какъ мѣсто преподаванія закона и собранія ученыхъ (*мезонинъ Хананіи, мезонинъ Іоханана* и т. п.), означенный ученый думалъ, что употребляемое и относительно храма слово *alijah*—верхній этажъ вообще имѣетъ значеніе мѣста собранія ученыхъ. Но не трудно будетъ доказать неосновательность этого предположенія многочисленными другими мѣстами, еслибъ оно вообще нуждалось бы въ опроверженіи. Однимъ словомъ, на основаніи всей совокупности данныхъ древности и духа іудейскаго ученія, мы вправѣ считать гипотезу проф. Олесницкаго и всѣ вытекающія изъ нея соображенія (стр. 497—503) не только лишенными всякой фактической подкладки, но и малѣйшаго вѣроятія ¹⁾. Назначеніе верхняго этажа для храненія свитковъ св. Писаній объясняется тѣмъ естественнѣе, что во время второго храма въ

¹⁾ Мнимые доводы автора основаны на недоразумѣніяхъ; см. приложение.
ПРОТОКОЛЫ ИМПЕР. РУССК. АРХЕОЛОГ. ОБЩ. Т. VI.

свѣтомъ свѣтыхъ не было уже ковчега завѣта, какъ въ скинии и въ храмѣ Соломоновомъ.

Чѣмъ важнѣе подлежащее сочиненіе и чѣмъ большею добросовѣстностью отличается его авторъ, тѣмъ рѣзче выступаетъ подобнаго рода стараніе видѣть такъ часто тенденцію, такъ что въ концѣ-концовъ само это стараніе получаетъ видъ тенденціозности.

Къ счастью, такихъ пунктовъ не особенно много въ громадномъ твореніи проф. Оленицкаго, и эти мелкія пятнышки нисколько не могутъ умалить количества яркаго свѣта, распространяемаго его „Ветхозавѣтнымъ храмомъ въ Іерусалимѣ“, которое сочиненіе навсегда останется монументальнымъ памятникомъ русской эрудиціи по количеству и качеству положенныхъ на него ученаго труда, добросовѣстности и осторожнаго отношенія къ письменнымъ преданіямъ старины и къ матеріальнымъ остаткамъ ветхозавѣтной святыни. Къ этимъ качествамъ слѣдуетъ еще прибавить то немаловажное достоинство разбираемой книги, что она представляетъ хорошій примѣръ независимости взглядовъ и самостоятельнаго отношенія къ иностраннымъ авторитетамъ въ области, доселѣ не разработанной русскими изслѣдователями.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ мнѣ кажется, что Императорское Русское Археологическое Общество должно съ радостью вознаградить заслуженнаго палестинолога и богослова, проф. Оленицкаго почетной наградой.

Приложеніе (къ л. 4 б). Нѣкоторыя филологическія замѣчанія.

Стр. 17: „Слово שש, у египтянъ senti, очевидно, сродное съ שש, бѣлый мраморъ, и שש бѣлая лилія“. Но то, что когда-то считалось очевиднымъ, въ настоящее время признается совершенно неосновательнымъ, такъ какъ три означенныхъ слова происходятъ отъ трехъ различныхъ корней, какъ это доказалъ Lagarde, Mittheilungen, II, 1887, p. 15—21.

Стр. 42. Авторъ приводитъ какъ названіе скинии Моисея הכל, каковое слово даже не находится въ Пятикнижii, и опускаетъ чаще всѣхъ упоминаемое названіе משכן.

Стр. 120. Слово רך не означаетъ: нога, основаніе и нижняя часть дерева, какъ сказано у автора, а бедро, лядвея и сторона.

Стр. 140, 473—474. Названіе фамиліи священника, приготовившаго кадильный порошокъ, не Абтинасъ, какъ у автора, а греческое Εὐθύνοξ (Levy, Neuhebr. Wörterbuch, I, 8) или Εὐτίνοξ (Kohut, Aruch Completum, I, 6).

Стр. 150, прим. 1. Въ доказательство употребленія въ древности

камней для начертанія законовъ незначѣмъ прибѣгать къ римлянамъ и арабамъ, а можно указать у самихъ евреевъ (Второзак., XXVII, 2—3. I. Навинъ, VIII, 32. Іовъ, XIX, 24).

Стр. 166. Халдейскій переводъ потому замѣняетъ слово לָלֵךְ (телець) словомъ לָלֵךְ (круглый), что по воззрѣніямъ древнихъ раввиновъ изображеніе тельца (или части его), напоминающее грѣхопаденіе израильтянъ въ пустынь съ золотымъ тельцомъ, не могло быть допускаемо.

Стр. 190, прим. 1. Слово חַיъ причисляется Бэромъ къ именамъ Божиимъ по причинѣ часто встрѣчающейся въ Ветх. Завѣтѣ клятвеннаго выраженія חַי חַי, а Дан., XII, 7 Богъ названъ אֱלֹהֵינוּ חַי (Живущій вѣчно).

Стр. 193. Гораздо раньше соч. Зогааръ (XIII вѣка) находимъ объясненіе символическаго значенія скинии и священныхъ сосудовъ у главы талмудической академіи, Саадіи Альфайюми, писавшій свой комментарий на кн. Исходъ въ 20-хъ годахъ X столѣтія.

Стр. 217, прим. 1. Слѣдуетъ прибавить пропущенное авторомъ весьма обычное названіе בית המקדשׁ, откуда произошло арабское названіе *Beit el-Makdas*.

Стр. 237. Въ смыслѣ автора, который непременно хочетъ корректуры, слѣдовало бы сказать, что вмѣсто מֵאָה וְעֶשְׂרִים слѣдуетъ читать אֶמְשָׁרִים. Выше было объяснено, что въ такой корректурѣ надобности совсѣмъ нѣтъ.

Стр. 249. Изрѣченіе Соломона (I Цар., VIII, 12), что Богъ говорилъ о пребываніи во мракѣ, не сказано вообще и на всегда, какъ предполагаютъ многіе и съ ними также авторъ; оно есть только объясненіе факта наполненія святыни облаками при первомъ освященіи храма (тамъ же, ст. 10—11). По справедливому замѣчанію комментаторовъ (Раши, Кейля, Берто и др.), Соломонъ имѣлъ въ виду многія мѣста въ Пятикнижьи (Исх., XIX, 9; XX, 21. Второз., IV, 11; V, 19) о пребываніи Господа въ мрачныхъ облакахъ и этимъ объяснилъ видѣнное имъ явленіе.

Стр. 290, прим. 1. Предположеніе автора, что вмѣсто לָלֵךְ слѣдуетъ читать אָלָה, въ значеніи *двойни* или *близнецы*, затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ такомъ случаѣ слѣдовало бы быть אֱלֹהִים (ср. Исх., XXVI, 24), и, во всякомъ случаѣ, изъ ст. 31 нельзя ничего заключать, ибо тамъ нѣтъ ни לָלֵךְ, ни אָלָה.

Стр. 294, прим. 1; 531, прим. Изображеніе на завѣсахъ въ нынѣшнихъ синагогахъ не есть (какъ утверждаетъ авторъ) пятиугольная звѣзда, а шестиугольникъ въ видѣ двухъ перекрещивающихся трехугольниковъ. Происхожденіе этого изображенія, повидимому, позднее (см. соч. Эліасъ

берга *הַר הַמִּזְבֵּחַ*, стр. 28, и указ. тамъ источники) и объ употребленіи его іудеями въ древности не имѣется никакихъ указаній.

Стр. 362. Авторъ не объясняетъ, какимъ образомъ слово *ail* (овенъ, баранъ) могло бы получить значеніе скульптурнаго украшенія въ видѣ завитковъ или цвѣтовъ. Это тѣмъ болѣе трудно допустить, что украшенія, взятые изъ растительнаго и животнаго царствъ, въ Ветхомъ Заветѣ обыкновенно обозначаются прямо названіями самихъ предметовъ, какъ, напр., *миліи*, *гранаты*, *орлы*, *быки* и т. д.

Стр. 384. Ассирійскіе и вавилонскіе боги *Бэлъ*, *Набо* и др. не были сумирскаго и аккадскаго, но семитскаго происхожденія, не говоря уже о томъ, что самое существованіе сумировъ и аккадовъ, какъ отдѣльных не-семитскихъ народовъ, подвергается сильному сомнѣнію и рѣшительно отвергается Галеви, Деличемъ и др.

Стр. 402—403. Предположеніе автора, что фариसेи и книжники старались подражать въ Иродовой реставраціи формъ вавилонскихъ храмовъ, совершенно неосновательно, такъ какъ вся дѣятельность фарисеевъ того времени проникнута явнымъ стремленіемъ уничтожить всякое сходство съ язычествомъ въ вѣрованіяхъ и въ внѣшнихъ формахъ жизни и культа.

Стр. 433—434. Предлагаемое авторомъ производство названія западныхъ воротъ наружнаго двора отъ латинскаго *corona* (гостинница) совершенно невѣроятно. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что нигдѣ не находится чтеніе *Koronos*, безъ всякой оговорки принятое авторомъ, и вездѣ читается *Kerornos* или *Kironos* *כרונוס*, что вполне оправдываетъ обыкновенно принимаемую греческую этимологію названія (отъ *κῆρος*, садъ), и нѣтъ никакого основанія отвергать преданіе, что ворота эти были обращены въ сторону садовъ. Затѣмъ, гостинницы въ литературныхъ памятникахъ того времени вездѣ называются *אכסניה* (*aksenia* отъ греч. *ξενία*) и *פונדק* (*pondake* отъ греч. же *πανδοχίον*, *πανδοχία*), а нигдѣ не носятъ названія *Koronos*.

Стр. 436, 676—683. Объясненіе авторомъ названія сѣверныхъ воротъ двора (посредствомъ греч. *τρί*) въ смыслѣ трехъ отверстій также совершенно невѣроятно, хотя такая этимологія была уже предложена въ началѣ нынѣшняго столѣтія львовскимъ раввиномъ Якобкой Ландау (см. соч. *באר הגולה*, Майнцъ, 1877, стр. 11, прим. 1). Греческія числительныя встрѣчаются въ еврейской письменности того времени только въ заимствованныхъ составныхъ словахъ, но не въ отдѣльномъ видѣ, и подобно тому, какъ мы говоримъ *гексамеръ*, *пентагонъ*, *декасиллабическій*, по никогда не скажемъ *ворота гексъ*, *пента*, или *дека*, точно такъ и въ

Палестинѣ тогда говорили *דִּפְרוֹרָא* (*διφóρος*) и *טְרִיגוֹנוֹן* (*τρίγωνον*), но не *schaar tri* (*שַׁעַר טְרִי*, ворота *три*), да притомъ еще въ значеніи воротъ, имѣющихъ три отверстія.

Стр. 440. Названіе *azarah* для внѣшняго двора храма употребляется не только въ Мишнѣ, но и въ Библіи (см. Езек., XLIII, 14, 17, 20. II Паралипом., IV, 9; VI, 13).

Стр. 500, прим. 2. Въ указанномъ мѣстѣ въ талмудѣ (Sabbath f. 11 a; у автора: fol. 2, col. 4!) сказано буквально такъ: „Каждый городъ, въ которомъ крыши домовъ возвышаются надъ крышей храма, *кончитъ разрушеніемъ* (*סופה ליהרב*)“. Изъ этого видно, что тутъ рѣчь идетъ не о законномъ постановленіи, а о чисто нравственно-религіозномъ поученіи, и на языкѣ древнихъ раввиновъ это собственно означаетъ, что всякая община, ставящая свои частные матеріальные интересы выше божественныхъ и религіозныхъ, въ концѣ концовъ придетъ въ упадокъ.

Стр. 501. Авторъ не замѣчаетъ противорѣчія, въ которое впадаетъ, цитируя текстъ разсказа, гдѣ прямо говорится о томъ, что *отдергивали занавѣсъ и показывали святое святыхъ издали*, и толкуетъ, что *показывали сверху чрезъ отдушникъ пола во второмъ этажѣ!*

Стр. 503. Въ цитированномъ изъ Эйзенменгера мѣстѣ о *двухъ храмахъ, одинъ надъ другимъ*, искажается талмудическое сказаніе (Taanit, f. 5 a), гдѣ рѣчь идетъ о *двухъ Иерусалимахъ, низшемъ и горнемъ* (*ירושלים של מטה וירושלים של מעלה*), т.-е. земномъ и небесномъ ¹⁾, а о двухъ храмахъ, одинъ надъ другимъ, нѣтъ нигдѣ ни малѣйшаго намека.

Стр. 513. Старинное толкованіе слова *טַרְקִיָּן*, принятое авторомъ, нынѣ оставлено всѣми (см. M. Sachs, Beiträge, I, 134; Levy, Neuhebr. Wörterb., II, 192, 211; Kohut, Aruch Completum, IV, 97—98). Да и въ старину, кромѣ раввина Якова изъ Рамеру въ *Tosafot*, никто его не принималъ.

Стр. 661. *Piske Thosafot* не есть (какъ сказано у автора) анонимный комментарий Мишны, а краткіе результаты изъ обширныхъ схолій французскихъ раввиновъ (XII—XIII столѣтій) къ Талмуду.

Стр. 666. Слова Таргума *אֵרָא לְבֵיתָא דְּחַיִּי* едва-ли могутъ быть приняты въ значеніи: *мѣсто, подобающее храму* (*locus idoneus*), ибо что можно было бы подразумѣвать подъ такимъ совершенно неопредѣленнымъ выраженіемъ и въ чемъ могла бы состоять функція отдѣленія храма подъ такимъ загадочнымъ наименованіемъ? Скорѣе означенное выраже-

¹⁾ Ср. объ этомъ также Апокал., XXI, 2; Посланіе къ евр., XII, 22; Галат., IV, 26; др. еврейскіе источники приводитъ Epstein, Eldad, p. 79.

не имѣть здѣсь смыслъ: мѣсто, смотрящее на храмъ, на виду храма (en regard, vis-à-vis храма, равносильно обычному еврейскому выраженію שְׂרֹאף פְּנֵי הַבַּיִת). Такое значеніе можетъ также имѣть и מִפְּרֵק הַבַּיִת прор. Езекиіа, тогда какъ къ послѣднему нельзя приурочивать значеніе idoneus.

Стр. 668. Предлагаемыя авторомъ производства названій башенъ לִנְנָל отъ כֹּנְנִיָּהוּ הַנֹּת и даже арабскаго Ханъ, а לִנְנָל отъ שִׁמְשׁ — филологически невозможны.

Стр. 715. Камень, къ которому приносили всѣ находки, не назывался *камнемъ зѣвакъ*, но *камнемъ сомнѣвающихъ* или *имѣющихъ притязанія* (Levy, I, 12; Kohut, I, 14). Затѣмъ, въ источникахъ нѣтъ никакихъ указаній, что онъ находился надъ Кедрскимъ потокомъ. Наконецъ, къ означенному камню приносили растерянные вещи не однихъ только бѣдныхъ богомольцевъ, но вообще какія бы то ни были находки, найденныя въ Іерусалимѣ.

Стр. 759. Названіе *Тахтъ Сулейманъ* означаетъ собственно: престолъ царя Соломона. Извѣстно, что о Соломоновомъ тронѣ (подробно описанномъ въ I Царствъ, X, 18 — 21) имѣется множество сказаній, особенно у мусульманъ (см. Weil, Musulmännische Legenden, p. 237, 242; D'Herbelot, Bib. Or. s. v. *Soliman*), прибавляющихъ къ трону еще чудотворные ковры, изготовленные джиннами.

Стр. 766—767, прим. 2. Названіе *Куббетъ ель-Арвахъ* (часовня или соборъ духовъ) не имѣетъ, какъ думаетъ авторъ, ничего общаго съ жертвенною кровью; оно происходитъ отъ талмудической легенды, что царь Соломонъ держалъ въ заключеніи Асмодея, царя демоновъ, а по мухаммеданской версіи — многихъ демоновъ, которые строили ему храмъ (Weil, *ibid.*, 231 и сл.). Впрочемъ, такъ какъ *арвахъ* употребляется скорѣе въ смыслѣ добрыхъ духовъ или душъ человѣческихъ, то вѣроятнѣе названіе *Куббетъ ель-Арвахъ* означаетъ *мечеть, гдѣ молятся за души покойниковъ*.

Стр. 814, прим. 1. Слово לָרִי никогда не употребляется для обозначенія землетрясенія; для выраженія этого понятія имѣются два другихъ слова רָעַר и שָׁרַר.

IV.

Отзывъ дѣйствительнаго члена Н. М. Лисовскаго о сочиненіи А. С. Фаминцына: „Гусли—русскій народный музыкальный инструментъ“. (Изд. Общ. Любит. Древней письменности. Спб., 1890 г.).

Труды г. Фаминцына по изслѣдованію русской народной музыки съ ея технической стороны и въ культурно-общественномъ отношеніи, вышедшіе въ послѣднее время въ свѣтъ, составляютъ пріятное явленіе, оживляющее нашу крайне бѣдную музыкально-историческую литературу. Послѣдній его трудъ: „Гусли“ (Спб., 1890), изданный Обществомъ любителей древней письменности, касается народнаго музыкальнаго инструмента, самаго распространеннаго въ древности среди славянъ и, пожалуй, даже единственнаго у нихъ въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ ихъ начальной исторіи, а теперь почти исчезнувшаго изъ обращенія въ народѣ, за исключеніемъ очень немногихъ мѣстностей.

Для оцѣнки этого труда и опредѣленія его значенія въ археологіи русской музыки необходимо коснуться вообще состоянія нашей музыкально-исторической литературы и посмотрѣть, что сдѣлано до г. Фаминцына по предмету, имъ избранному.

Бѣдность нашей музыкально-исторической литературы представляетъ явленіе поразительное. Въ теченіе почти цѣлаго столѣтія вышло въ свѣтъ не болѣе 200 отдѣльныхъ сочиненій и мелкихъ брошюръ, причемъ многія изъ нихъ ничто иное, какъ оттиски изъ журналовъ и газетъ. Къ этому надо прибавить очень небольшое число статей, остающихся въ періодическихъ изданіяхъ и не появлявшихся въ свѣтъ отдѣльно. Изъ всѣхъ этихъ трудовъ, большихъ и малыхъ, цѣнныхъ и ничтожныхъ, почти двѣ трети составляютъ переводы съ иностраннаго, изложенія по иностраннымъ пособіямъ, біографіи иностранныхъ композиторовъ и артистовъ. На долю русской музыки приходится очень немного; сочиненій же, касающихся археологіи русской музыки, разумѣется, еще меньше. Изъ сочиненій этой послѣдней группы первое мѣсто по количеству и научному знанію занимаютъ труды, касающіеся церковнаго пѣнія. Въ этой области мы имѣемъ труды Сахарова, Безсонова, кн. Одоевскаго, прот. Разумовскаго, Потулова, Арнольда, Дурова и др.; особенно цѣннымъ вкладомъ въ литературу, представляющимъ какъ бы краеугольный камень для позднѣйшихъ изслѣдователей, является книга прот. Разумовскаго „Церковное пѣніе въ Россіи“ (Москва, 1867 — 1869). Второе мѣсто принадлежитъ литературѣ народной мірской музыки, собственно народной пѣсни. Здѣсь трудились такіе

авторитеты, какъ кн. Одоевскій и Сѣровъ, но сочиненія ихъ не многочисленны. Затѣмъ, послѣ долгаго промежутка времени появился, наконецъ, капитальный трудъ Сокальскаго „Русская народная музыка“ (Харьковъ, 1888). Последнее и самое скромное мѣсто занимаетъ литература народной инструментальной музыки и собственно народныхъ музыкальных инструментовъ. Въ этой области совсѣмъ почти ничего не сдѣлано, слѣдовательно, можно сказать, что предметъ этотъ вовсе не имѣетъ у насъ своей литературы, если не считать нѣсколькихъ брошюръ и небольшихъ статей гг. Владимірскаго, прот. Разумовскаго, Ремезова и Пѣтухова; мелкія же замѣтки въ разныхъ музыкально-историческихъ книгахъ, упоминая о народныхъ инструментахъ, почти сплошь говорятъ одно и то же, повторяя другъ друга. Появившійся въ последнее время трудъ г. Фаминцына долженъ быть признанъ наиболѣе крупнымъ въ этой области.

Преобладаніе исторической литературы церковнаго пѣнія надъ литературой народной мірской музыки объясняется, разумѣется, тѣмъ, что объ устройствѣ церковнаго пѣнія много заботились у насъ и въ прежнія времена, отъ которыхъ намъ досталось не мало памятниковъ въ видѣ рукописныхъ и печатныхъ нотныхъ церковныхъ книгъ, а также различныхъ рукописныхъ трактатовъ о церковномъ пѣніи; эти матеріалы и послужили основаніемъ для позднѣйшихъ изслѣдованій.

Народная мірская музыка, какъ спутница языческихъ обрядовъ, долгое время порицалась и даже преслѣдовалась въ Россіи; слѣдовательно, въ прежнія времена она не могла ни достаточно развиться, ни сдѣлаться предметомъ изученія. Затѣмъ долгое время она была въ пренебреженіи, какъ недостойная вниманія высшаго образованнаго общества, и только сравнительно недавно завоевала подобающее ей мѣсто,—сдѣлалась предметомъ изученія. Но для этого необходимо было сохранить въ памяти народную музыку, необходимо было записать народные пѣсни, что не всегда было дѣломъ легкимъ, и мы имѣемъ не мало сборниковъ очень неудовлетворительныхъ. Разумное отношеніе къ записыванію народныхъ пѣсней началось только въ последнее время. При отсутствіи матеріаловъ, изученіе народной пѣсни со стороны ея музыкальнаго склада не могло дѣлать большихъ успѣховъ. Если музыка народныхъ пѣсней записывается теперь и переходитъ въ сборники, дѣлаясь доступнымъ матеріаломъ для изслѣдователей, то на инструментальную музыку никто не обращаетъ вниманія. Роль ея въ музыкѣ русскаго народа болѣе второстепенная, а потому она и не привлекаетъ къ себѣ особеннаго вниманія, никѣмъ не записывается и въ сборникахъ не сохраняется. Къ

тому же происходитъ быстрое исчезновеніе народныхъ музыкальныхъ инструментовъ изъ обращенія въ народѣ. Нѣкоторые уже не встрѣчаются болѣе, другимъ грозитъ та же участь. У насъ даже нѣтъ достаточно полныхъ коллекцій этихъ инструментовъ; на собираніе ихъ никто не обращаетъ серьезнаго вниманія. При такихъ условіяхъ, разумѣется, не могла развиться и литература предмета, такъ какъ въ числѣ матеріаловъ для историческаго изученія русскихъ народныхъ инструментовъ первое мѣсто должно было бы принадлежать музыкѣ этихъ инструментовъ и имъ самимъ.

Когда приходится говорить о древне-русской музыкѣ, нельзя не вспомнить заслугъ предъ нею князя В. О. О доевскаго. Обладая проницательнымъ умомъ, живо интересуюсь всѣмъ, что составляло духовную сторону развитія современнаго ему общества, будучи любителемъ музыки и основательно изучивъ ее, онъ, разумѣется, не могъ оставаться равнодушнымъ и къ научной разработкѣ музыкально-историческихъ вопросовъ. Надъ изученіемъ нашихъ мірскихъ напѣвовъ кн. О доевскій провель болѣе 20 лѣтъ и собралъ обширный матеріалъ, которымъ охотно и часто дѣлился со всѣми интересовавшимися этимъ дѣломъ. Его домъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, куда онъ переселился въ 1862 году, всегда былъ открытъ для литераторовъ, художниковъ и музыкантовъ. Въ Москвѣ онъ сошелся съ прот. Д. В. Разумовскимъ и вмѣстѣ съ нимъ работалъ надъ церковнымъ пѣніемъ. Въ 1869 году, къ предстоявшему въ Москвѣ 1-му Археологическому Съѣзду, благодаря трудамъ кн. О доевскаго и прот. Разумовскаго, готовилось много докладовъ и программа Съѣзда пополнилась цѣлымъ рядомъ вопросовъ музыкальной археологіи. Составляя программу вопросовъ, онъ изложилъ и мысли, которыя его руководили въ этомъ дѣлѣ; онъ находилъ, что „въ дѣлѣ музыкальной археологіи болѣе трудностей, нежели во всѣхъ другихъ археологическихъ предметахъ“. Далѣе онъ высказывалъ, что разработка археологіи русской музыки „стоитъ еще на самой низкой степени, такъ какъ она требуетъ: а) собранія матеріаловъ и б) постановки вопросовъ о томъ, что преимущественно должно быть предметомъ изысканій? Оба эти предмета таковы, что не могутъ быть совершены одноличнымъ трудомъ; ихъ совершеніе можетъ быть плодомъ лишь соединенныхъ усилій многихъ лицъ, занимающихся различными отраслями археологіи“ (Труды I-го Археол. Съѣзда въ Москвѣ. Т. I, стр. XXIII—XXIV).

Этотъ взглядъ высказывался въ то время, когда археологіи музыки посвящены были труды нѣсколькихъ лицъ, любившихъ дѣло, жившихъ его интересами, хлопотавшихъ о его успѣхѣ. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе 20 лѣтъ, и взглядъ кн. О доевскаго нисколько не утратилъ своего зна-

ченія и по отношенію къ нашему времени. Въ археологіи музыки мы почти не подвинулись впередъ.

Въ 60-хъ годахъ замѣчается наибольшее развитіе у насъ музыкально-археологической дѣятельности, выразившееся появленіемъ въ свѣтъ нѣсколькихъ трудовъ въ разныхъ отдѣлахъ предмета. Много работы было начато, многіе имѣлись въ виду. Даже въ 70-хъ годахъ и въ началѣ 80-хъ изрѣдка выходили сочиненія, которыя смѣло можно считать отголосками этого стараго времени. Вновь же создавалось очень мало.

Несомнѣнно, что плодотворная дѣятельность въ 60-хъ годахъ по археологіи русской музыки значительно обязана вліянію кн. Одоевскаго и его кружка. Предметъ музыкальной археологіи таковъ, что его надо полюбить, отдаться ему вполне и работать въ тѣсномъ общеніи съ другими, живущими тѣми же интересами. Музыкантъ внѣ своей среды чувствуетъ себя плохо,—то же можно сказать и о музыкантѣ-археологѣ. Но существуетъ-ли теперь среда, которая поддерживала бы музыкально-археологическія занятія? Нѣтъ. Въ прежнее время необходимыя для этого силы музыканты-археологи могли черпать въ кружкѣ кн. Одоевскаго. Съ его же смертію кружокъ этотъ распался и не замѣнился новымъ. Правда, существуютъ теперь консерваторіи, но онѣ создаютъ преимущественно композиторовъ, практиковъ-музыкантовъ, артистовъ, но никакъ не ученыхъ музыкантовъ-археологовъ. Для этого консерваторіи не располагаютъ достаточными образовательными средствами. Для такого дѣятеля нужно образованіе разностороннее и основательное. Онъ долженъ быть и историкомъ, и музыкантомъ, имѣя и въ исторіи, и въ музыкѣ одинаково обширныя познанія. Музыканты по профессіи никогда не удовлетворяютъ этимъ требованіямъ. Историки же не всегда бываютъ музыканты, и потому имъ часто недоступны тѣ отдѣлы историческаго знанія, которые тѣсно примыкаютъ къ музыкѣ. Счастливое сочетаніе въ одномъ человѣкѣ всѣхъ условій, которымъ долженъ удовлетворять музыкантъ-археологъ, наблюдается у очень немногихъ. Да и эти немногіе, внѣ подходящей среды, часто лишены возможности работать съ желаемымъ успѣхомъ. Потому-то и литература наша по археологіи музыки очень бѣдна и значительно отстала въ послѣднее время. Даже на Археологическихъ Сѣздахъ, послѣ того какъ въ 1869 году стараніями кн. Одоевскаго и прот. Разумовскаго было возбуждено не мало разныхъ вопросовъ, археологія музыки занимаетъ едва-ли не послѣднее мѣсто и это, разумѣется, не потому, чтобы за нею не признавалось значенія, а потому, что ею некому заниматься.

Такимъ образомъ, причинами, обусловливающими крайнюю бѣд-

ность нашей музыкально-археологической литературы, являются: 1) трудность собиранія матеріаловъ, 2) недостатокъ въ спеціально подготовленныхъ лицахъ, съ обширнымъ многостороннимъ образованіемъ, 3) трудность полученія необходимой подготовки и 4) отсутствіе среды, вліяющей на успѣшный ходъ занятій.

При такихъ условіяхъ, разумѣется, нельзя и ожидать успѣховъ этой литературы въ скоромъ будущемъ. Тѣмъ пріятнѣе должно быть для насъ появленіе теперь труда, посвященнаго какому-либо вопросу музыкальной археологіи и преслѣдующаго научныя цѣли.

Г. Фаминцынъ поставилъ себѣ задачею внести нѣкоторый свѣтъ въ темную неразработанную область исторіи русскихъ народныхъ музыкальных инструментовъ. Онъ намѣренъ „представить, насколько позволить скудость имѣющихся матеріаловъ, картину историческаго развитія русскихъ народныхъ музыкальных орудій, или хотя бы картину исторической послѣдовательности въ употребленіи этихъ орудій народными русскими музыкантами“ и начинается съ „изслѣдованія о гусяхъ, какъ одномъ изъ древнѣйшихъ русскихъ инструментовъ, наиболѣе часто упоминаемомъ въ историческихъ памятникахъ, въ былинахъ и старинныхъ народныхъ пѣсняхъ“.

Весь очеркъ состоитъ изъ трехъ главъ: въ первой разсматриваются гусли какъ струнный инструментъ вообще, во второй—какъ спеціально русскій народный инструментъ, въ третьей объясняется постепенное усовершенствованіе формы русскихъ гуслей, и тутъ же приводятся подробныя свѣдѣнія о сходныхъ съ ними инструментахъ финновъ, эстовъ, литовцевъ и латышей и о средневѣковомъ псалтеріонѣ. Въ приложеніяхъ помѣщены: свѣдѣніе о цимбалахъ и ноты для гуслей.

Названіе инструмента *гусли* г. Фаминцынъ производитъ отъ старославянскаго *гжстн* (=гудѣть) и полагаетъ, что слово *гусли* въ основномъ своемъ значеніи употреблялось въ смыслѣ *струны*, тѣмъ болѣе, что и теперь еще у сербовъ это слово означаетъ не только соотвѣтствующій музыкальный инструментъ, но и струны вообще. Это соображеніе онъ подтверждаетъ также тѣмъ, что во многихъ древнихъ русскихъ письменныхъ памятникахъ и въ произведеніяхъ народной словесности о гусяхъ и о струнахъ говорится, что они *гудутъ*, и часто одно понятіе замѣняется другимъ, такъ *гусли гудутъ* и *струны гудутъ*—оба выраженія встрѣчаются въ одинаковомъ значеніи. Подобное соотношеніе г. Фаминцынъ замѣчаетъ и въ другихъ языкахъ: латинское *fides* (sing.)—струна, *fides* (plur.)—струны, въ значеніи струнныхъ инструментовъ; у персовъ

târ — значить струна и вмѣстѣ съ тѣмъ *târ* — названіе для струннаго инструмента „большой тамбуры“. Обращаясь къ славянскимъ нарѣчіямъ, авторъ наблюдаетъ, что слово *гусль*, чаще употребляемое во множественномъ числѣ *гусли*, свойствуется рѣшительно всѣмъ имъ и что теперь подъ именемъ *гуслей* въ разныхъ мѣстахъ славянскихъ земель понимаютъ музыкальныя орудія совершенно различнаго типа и характера, но непременно струнныя; далѣе онъ останавливается на томъ, что *гудѣніемъ*, *гудѣбой* въ старинныхъ памятникахъ называется звукъ именно струнъ, независимо отъ способа извлеченія изъ нихъ звука, посредствомъ-ли удара по нимъ пальцами, рванья или щипанья ихъ, или же веденія по нимъ смычка“ (стр. 3). Все это и приводитъ его къ заключенію, что въ первоначальномъ значеніи *гусли* надо понимать какъ струны, струнный инструментъ вообще.

Рядомъ съ этимъ, г. Фаминцынъ наблюдаетъ, что „въ наиболѣе старинныхъ славянскихъ памятникахъ слово *гусли* иногда употребляется для обозначенія музыкальныхъ орудій вообще, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, чаще же именно какъ родовое названіе для струнныхъ инструментовъ, но безъ видоваго ихъ различія“ (стр. 5). По словамъ лѣтописца (подъ 1015 г.), Святополкъ любилъ „вино пити съ гуслями“; въ этомъ случаѣ г. Фаминцынъ допускаетъ предположеніе, что „слово *гусли* употреблено было въ самомъ широкомъ смыслѣ, для выраженія понятій о музыкальныхъ орудіяхъ или даже объ инструментальной музыкѣ вообще“ (стр. 5), подобно тому, какъ до настоящаго времени въ народныхъ областныхъ говорахъ слово *гудѣлка* означаетъ музыкальный инструментъ вообще (въ Рязанской и Тульской губ.), глаголь *гудѣть* употребляется въ смыслѣ пѣть (Казанской губ.) и т. п. Здѣсь авторъ не договариваетъ своего предположенія, что въ музыкѣ у Святополка участвовали инструменты всѣхъ родовъ: струнные, духовые и ударные; но замѣчая далѣе, что „въ другихъ случаяхъ подъ именемъ *гуслей* подразумеваются струнные инструменты, въ отличіе отъ духовыхъ и ударныхъ“ (стр. 6), онъ тѣмъ самымъ какъ бы предполагаетъ, что въ первомъ случаѣ подъ *гуслями* лѣтописи надо понимать не одни струнные, но также духовые и ударные инструменты. Это, разумѣется, требовало бы болѣе подробнаго разъясненія.

Далѣе г. Фаминцынъ находитъ, что широкое значеніе слова *гусли* въ древности подтверждается еще тѣмъ, что старинные писатели употребляютъ его и по отношенію къ музыкальнымъ струннымъ инструментамъ иноземнымъ, не славянскимъ, самыхъ разнообразныхъ типовъ: кнѣорообразныхъ, гитароподобныхъ и пр. (стр. 6). Это же, по его мнѣ-

нію, усматривается и въ мініатюрахъ славянской псалтыри XIII—XIV вѣка (изъ бібліотеки А. И. Хлудова), которыя, между прочимъ, изображаютъ играющихъ на различныхъ музыкальныхъ инструментахъ, причемъ въ надписяхъ упоминаются однѣ лишь гусли. Г. Фаминцынъ полагаетъ, что здѣсь слово гусли относится только къ различнымъ струннымъ инструментамъ (стр. 7), не исключая смычковыхъ, хотя мініатюра изображаетъ также играющихъ на духовыхъ и ударныхъ инструментахъ. Надпись: **пѣтръ красенъ съ гусльми** сдѣлано надъ группой играющихъ на струнномъ (не смычковомъ) инструментѣ и на ударномъ. Предложеніе г. Фаминцына, что слово гусли должно здѣсь относиться ко всѣмъ вообще струннымъ инструментамъ совершенно произвольно. Если не относить надписи исключительно къ упомянутому струнному инструменту, а признать, что она, согласно съ г. Фаминцынымъ, подразумѣваетъ всѣ струнные (въ томъ числѣ и смычковые) инструменты, изображенные въ разныхъ мѣстахъ мініатюры, то почему, казалось бы, надпись не можетъ быть отнесена съ одинаковой степенью вѣроятія ко всѣмъ прочимъ инструментамъ; это даже согласовалось бы съ высказаннымъ г. Фаминцынымъ ранѣе мнѣніемъ, что слово гусли употреблялось для выраженія понятія объ инструментальной музыкѣ вообще (сравни съ лѣтописнымъ извѣстіемъ о Святополкѣ на стр. 5).

Такимъ образомъ, авторъ какъ бы противорѣчитъ самъ себѣ, что происходитъ отчасти отъ неясности изложенія, отчасти отъ недостаточно полного объясненія собранныхъ данныхъ, вслѣдствіе чего вопросъ о томъ, какіе собственно музыкальные инструменты подразумѣвались въ древности подъ общимъ названіемъ гуслей, остается какъ бы открытымъ.

Въ заключеніе первой главы г. Фаминцынъ говоритъ, что слову гусли можно придать болѣе тѣсное значеніе, понимать его какъ спеціальное названіе особенной видовой формы струннаго инструмента „только въ такихъ случаяхъ, когда въ историческихъ свидѣтельствахъ, рядомъ съ гусями называются и другіе, точно опредѣленные, виды струнныхъ инструментовъ, напр., домры, смыки или гудки, скрипѣли“ (стр. 8). Это наблюдается, по мнѣнію автора, не ранѣе XVI столѣтія.

Исслѣдованіе о гусяхъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и составляетъ предметъ второй главы его труда.

Обращаясь къ историческимъ памятникамъ XVI вѣка и, между прочимъ, къ Стоглаву, г. Фаминцынъ находитъ, что хотя они и придаютъ гусямъ болѣе тѣсное значеніе струннаго инструмента опредѣленнаго вида, тѣмъ не менѣе эти свидѣтельства, какъ голословныя лишь упоминанія о данномъ инструментѣ не способствуютъ уразумѣнію характера,

вида, строенія древне-русскихъ гуслей. Онъ говоритъ: „чтобы получить болѣе ясное понятіе объ этомъ инструментѣ, намъ должно обратиться къ слѣдующимъ источникамъ: 1) къ народнымъ преданіямъ о гусяхъ, сохранившимся въ народныхъ пѣсняхъ и былинахъ, 2) къ описаніямъ гуслей, начинающимъ появляться лишь со середины прошедшаго столѣтія, и 3) къ изображеніямъ даннаго инструмента, восходящимъ до XIII—XIV столѣтія“ (стр. 10). Изъ этихъ трехъ группъ источниковъ во второй главѣ своего труда г. Фаминцынъ занимается по преимуществу только первой группой; источники же остальныхъ двухъ группъ разбираются имъ въ главѣ третьей.

Изучая произведенія народной устной словесности русской и западно-славянской, онъ выбираетъ многочисленныя упоминанія о гусяхъ и, на основаніи этихъ данныхъ, опредѣляетъ типъ древнѣйшаго русскаго музыкальнаго инструмента въ томъ видѣ, въ какомъ онъ изображается народомъ въ его былинахъ, пѣсняхъ и проч. Здѣсь авторъ пользуется многочисленными изданіями этихъ произведеній и обращается къ трудамъ: Гильфердинга, Кирши Данилова, Сахарова, Головацкаго, Кирѣевскаго, Потебни, Рыбникова, Шейна, Якушкина и др. Приняты во вниманіе и пѣсни, записанныя съ музыкой Балакиревымъ, Пальчиковымъ и Римскимъ-Корсаковымъ. Изъ собирателей произведеній народной словесности западныхъ славянъ ему извѣстны: Kollar, Kuhač и Sušil. Получаемыя этимъ путемъ свѣдѣнія онъ иногда провѣряетъ сопоставленіемъ ихъ съ показаніями древнихъ писателей: византійскихъ (Θеофилактъ Симокатскій, Константинъ Порфирородный), арабскихъ (Ибнъ-Дастъ и Ал-Бекри), русскихъ (Кириллъ Туровскій). Кромѣ того, онъ соображается съ трудами Фетиса, извѣстнаго французскаго историка музыки. Здѣсь, слѣдовательно, выступаетъ не одинъ подборъ данныхъ по какимъ-либо однороднымъ источникамъ, но обнаруживаются также слѣды критической работы. По богатству собранныхъ данныхъ и тщательной провѣркѣ ихъ, глава эта въ трудѣ г. Фаминцына оказывается существенно важною; она изображаетъ намъ типъ древне-русскихъ гуслей и передаетъ способы употребленія ихъ словами самого народа, завѣщавшаго намъ богатый матеріалъ для этого въ своихъ былинахъ и пѣсняхъ.

Благодаря изысканіямъ г. Фаминцына, получается отчетливое представленіе не только о наружномъ видѣ гуслей и способѣ употребленія, но также объ ихъ отдѣльныхъ составныхъ частяхъ: гусельной доскѣ, струнахъ и шпенечкахъ. Всѣ эпитеты, прилагавшіеся къ гусямъ, тщательно разобраны и объяснены. На основаніи всего здѣсь собраннаго и

объясненнаго матеріала узнаемъ, что древне-русскія гусли были инструментомъ струннымъ, ручнымъ, легкимъ, небольшого размѣра, что онѣ принадлежали къ типу инструментовъ не смычковыхъ (гусли со смычкомъ встрѣчаются только у западныхъ славянъ), что играли на нихъ сидя, придавая инструменту горизонтальное положеніе. Составныя части гуслей были слѣдующія: 1) *гусельная доска*, которая представляла широкій плоскій ящикъ, необходимый для усиленія сравнительно слабаго звука струнъ; этотъ корпусъ служилъ резонаторомъ, благодаря которому гусли и могли получить эпитетъ „звончатые“; корпусъ гуслей въ старину строился изъ явора, отсюда эпитетъ „яворчатые“, „яровчатые“, указывающій на южное происхожденіе гуслей; въ сѣверныхъ мѣстностяхъ корпусъ дѣлался изъ рябины или яблони, но эпитетъ „яровчатые“ прилагался и здѣсь, хотя чаще сѣверныя гусли пользовались эпитетомъ „звончатые“; 2) *струны* были по преимуществу металлическія, и къ нимъ обыкновенно прилагались эпитеты „золотыя“ или „золоченныя“; металлическія струны помогли названію гуслей „звонкими“; число струнъ не было постояннымъ (не менѣе трехъ) и, по мнѣнію г. Фаминцына, вѣроятно, подвергалось такимъ же колебаніямъ, какъ и число струнъ однородныхъ съ гуслиами инструментовъ западно-европейскихъ. Гусли, сохранившіяся въ народѣ къ XIX столѣтію и принадлежавшія по формѣ къ древнѣйшему типу, имѣли пять струнъ; это обстоятельство въ связи съ разсмотрѣнными г. Фаминцынымъ изображеніями даетъ ему возможность предположить, что въ древности гусли также по преимуществу были пятиструнными; 3) *шпенечки* служили для натягиванія и налаживанія (настраиванія) струнъ; на шпенечки (т. е. колки) натягивался одинъ конецъ струнъ, а другой укрѣплялся наглухо.

Внимательно изучая произведенія народной словесности, г. Фаминцынъ постоянно находитъ въ нихъ упоминанія только о трехъ составныхъ частяхъ гуслей: доскѣ, струнахъ и шпенечкахъ; это, въ связи съ изображеніемъ гуслей въ книгѣ Гютри и съ экземплярами древнихъ гуслей, сохранившихся въ народѣ, приводитъ его къ заключенію о несомнѣнно простомъ устройствѣ инструмента въ древности.

Признавая за г. Фаминцынымъ заслугу въ разработкѣ данныхъ о древне-русскихъ гусяхъ на основаніи произведеній народной словесности, нельзя не указать на возникающее какъ бы противорѣчіе между первыми двумя главами его труда. Называя гуслиами всѣ вообще струнные инструменты, г. Фаминцынъ заявлялъ въ первой главѣ, что слово гусли можно понимать какъ спеціальное названіе особой видовой формы струннаго инструмента только съ того времени, когда въ историческихъ

свидѣтельствахъ рядомъ съ гуслями упоминаются и другіе точно опредѣленные виды струнныхъ инструментовъ, т. е. съ XVI в., а между тѣмъ во второй главѣ онъ даетъ описаніе строго опредѣленнаго типа гуслей, существовавшихъ въ древности, независимо отъ другихъ струнныхъ инструментовъ, если они могли уже въ то время существовать. Г. Фаминцынъ не объясняетъ, были-ли въ то время разновидности струнныхъ инструментовъ, или народъ зналъ только однѣ свои гусли. Между тѣмъ объясненіе это казалось бы необходимымъ потому уже, что, производя слово гусли отъ струнъ (общаго признака всѣхъ струнныхъ инструментовъ), онъ допускалъ существованіе въ древности нѣсколькихъ разновидностей, которыя всѣ скрывались подъ общимъ для нихъ названіемъ гуслей. Былины и пѣсни, наоборотъ, показываютъ отсутствіе этихъ разновидностей по крайней мѣрѣ у восточныхъ славянъ. Трудно допустить, чтобы слово гусли прилагалось въ то время и къ другимъ родственнымъ инструментамъ, такъ какъ тогда былины и пѣсни путались бы въ своихъ извѣстіяхъ и не давали бы возможности воспроизвести по нимъ такой опредѣленный типъ древне-русскихъ гуслей, какой воспроизведенъ г. Фаминцынымъ. Смѣшеніе разныхъ инструментовъ подъ однимъ названіемъ гуслей началось въ Россіи позже и въ полной силѣ выступаетъ въ обличительной литературѣ XII—XIV вв. Для ревнителей православной вѣры, изгонявшихъ инструментальную музыку, какъ бѣсовскую, было безразлично, какіе инструменты въ этой музыкѣ участвовали. Они могли ихъ и не знать, никогда не разсматривать вблизи, не помнить ихъ названій, и когда приходилось говорить о музыкѣ, то для нихъ всего естественнѣе было воспользоваться распространеннымъ словомъ гусли и перенести его на всѣ остальные инструменты, тѣмъ болѣе, если они были струнные, и даже на самую музыку. Отсюда то противорѣчіе, которое замѣчается между первой и второй главами въ трудѣ г. Фаминцына; оно обусловлено различіемъ самыхъ источниковъ, состоящихъ въ памятникахъ древней письменности съ одной стороны и въ народной словесности съ другой; это противорѣчіе слѣдовало бы сгладить, согласовать и во всякомъ случаѣ объяснить. Оставаясь же неразъясненнымъ, оно вызываетъ у читателя чувство неудовлетворенія. Какимъ-то диссонансомъ звучитъ фраза, что о гусяхъ, какъ особой видовой формѣ струннаго инструмента, можно говорить только съ XVI в., тогда какъ эта типическая форма вполне опредѣленно очерчивается въ былинахъ и пѣсняхъ; тогда какъ рядомъ съ гуслями, гораздо ранѣе XVI в., встрѣчаются многочисленныя разновидности струнныхъ инструментовъ. Впрочемъ, эта неясность можетъ быть въ значительной мѣрѣ оправдана крайнимъ не-

достаткомъ у насъ въ матеріалахъ для отчетливаго представленія о музыкальныхъ инструментахъ столь отдаленнаго времени.

Не довольствуясь данными народной устной словесности, г. Фаминцынъ, чтобы произнести окончательное сужденіе о древне-русскихъ гусяхъ, обращается къ изображеніямъ ихъ, находимымъ въ памятникахъ древней письменности (миніатюры въ славянской псалтири XIII—XIV в. изъ библіотеки Хлудова) и къ описаніямъ ихъ, начинающимъ появляться лишь съ XVIII в. (съ труда Guthrie, даваго изображение древне-русскихъ гуслей).

По поводу миніатюръ названной псалтири нельзя не замѣтить, что ими надо пользоваться съ большою осторожностью, а иначе выводы могутъ получиться самые неправдоподобные. При разсмотрѣніи первой главы труда г. Фаминцына уже было высказано, что слово гусли на большой миніатюрѣ не даетъ точнаго понятія, къ какимъ инструментамъ оно относится, ко всѣмъ или къ нѣкоторымъ, тѣмъ болѣе, что миніатюра изображаетъ играющихъ не только на разныхъ струнныхъ инструментахъ, но также на духовыхъ и ударныхъ. Къ этому прибавимъ, что миніатюра эта не даетъ, слѣдовательно, и возможности опредѣлить по ней типъ древне-русскихъ гуслей: во-первыхъ, потому, что неизвѣстно, къ какому инструменту надпись относится (инструменты же изображены все разные), и, во-вторыхъ, потому, что изображенные инструменты легко могутъ быть не русскіе, такъ какъ образецъ миніатюръ былъ греческій. Г. Фаминцынъ смотритъ иначе. Онъ ссылается на слова описавшаго псалтирь архимандрита Амфилохія, который говоритъ, что, судя по неправильному правописанію имѣющихся мѣстами греческихъ надписей, рисоваль миніатюры не грекъ, а русскій, незнакомый съ греческимъ языкомъ. Отсюда г. Фаминцынъ заключаетъ: „что и инструменты, изображенные въ рукахъ играющихъ, быть можетъ, были въ данное время въ Россіи“. Едва-ли это такъ. Если незнающій греческаго языка могъ надѣлать ошибокъ, копируя подписи, то какимъ образомъ изъ его незнаній языка можетъ вытекать замѣна однихъ изображеній другими? Незнаніе языка тутъ не имѣетъ значенія; могла быть только сознательная замѣна изображеній. Между тѣмъ замѣна образцовъ греческихъ инструментовъ русскими, составлявшими принадлежность языческаго культа, пожалуй, могла бы показаться дѣломъ предосудительнымъ, а потому рисовальщикъ едва-ли позволилъ бы себѣ такую замѣну. Точное же воспроизведеніе греческаго образца, разумѣется, избавляло бы его отъ нареканій. Поэтому весьма вѣроятно, что изображенные инструменты вовсе не русскіе. Рѣшить этотъ вопросъ болѣе или менѣе опредѣленно воз-

можно было бы сравненіемъ русской миниатюры съ ея оригиналомъ, а безъ этого всякое категорическое утвержденіе чего-либо будетъ преждевременнымъ. Тутъ открывается новая область изслѣдованія, и если г. Фаминцынъ не коснулся ея, то, разумѣется, мы не можемъ ставить это ему въ упрекъ.

Кромѣ старинныхъ миниатюръ и позднѣйшихъ рисунковъ, изображающихъ гусли, г. Фаминцынъ разсматриваетъ экземпляры гуслей, имѣющихся въ этнографическихъ коллекціяхъ и сохранившихся еще въ народѣ, которые по типу своему могутъ быть отнесены къ древнѣйшимъ, какъ соотвѣтствующіе упоминаніямъ о нихъ въ былинахъ и пѣсняхъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ разсматриваетъ струнные инструменты: *кантеле* — финновъ, *каннель* — эстовъ, *канклесъ* — литовцевъ, *куаклесъ* — латышей, существующіе у нихъ еще до настоящаго времени и по типу своему напоминающіе древне-русскія гусли. Это сходство наводитъ г. Фаминцына даже на предположеніе о возможности заимствованія русскихъ гуслей финнами, тѣмъ болѣе, что, по его мнѣнію, слово *cantele* не объясняется изъ финскаго языка, но могло образоваться изъ слова *гусли*. Описаніе всѣхъ этихъ инструментовъ сдѣлано весьма подробное, при чемъ авторъ руководствовался иностранною литературою о нихъ и справлялся съ финскою эпосею „Калевалою“, изъ которой заимствовалъ древнѣйшія свѣдѣнія о финскомъ *kantele*. Не касаясь его филологическихъ соображеній о происхожденіи слова *kantele*, которыя, казалось бы, должны требовать болѣе доказательности аналогичными примѣрами перехода русскихъ словъ въ финскія, нельзя не отнестись съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ къ самой возможности заимствованія гуслей финнами у русскихъ. Въ „Калевалѣ“ довольно опредѣленно разсказывается, что кантеле мѣстнаго происхожденія, объ этомъ сообщаются разныя подробности, свидѣтельствующія о степени возбуждаемаго въ народѣ интереса къ этому инструменту; далѣе сообщается, что *kantele* испытало даже одно видоизмѣненіе, это какъ бы намекъ на двѣ эпохи въ его историческомъ прошломъ: старикъ Вейнемейненъ, божественный представитель пѣнія, построилъ кантеле сперва изъ костей пойманной имъ чудовищной щуки, но, потерявъ его, сдѣлалъ другое изъ березы. Такія подробности, такое внимательное отношеніе къ инструменту даетъ возможность предположить, что если бы *kantele* было заимствовано извнѣ, то это не могло бы не оставить слѣда въ „Калевалѣ“, а между тѣмъ въ ней нѣтъ и тѣни намека на такое заимствованіе. Пользуясь „Калевалою“ для опредѣленія типа первобытнаго кантеле, сходнаго съ гуслими, г. Фаминцынъ не обратилъ вниманія на болѣе древнее происхожденіе „Кале-

валы“ сравнительно съ нашими былинами. Къ тому же въ былинахъ нѣтъ намековъ, чтобы русскія гусли, ранѣе чѣмъ стали ихъ дѣлать изъ дерева, строились изъ какого-нибудь другого матеріала, и это тоже скорѣе говоритъ въ пользу бѣльшей древности финскаго *kantele*, сравнительно съ нашими гуслими. Наконецъ, вопросъ о заимствованіяхъ въ культурѣ древнихъ финновъ представляетъ настолько темную область, что г. Фаминцынъ, безъ ущерба для своего труда, смѣло могъ его не касаться, такъ какъ этотъ вопросъ можетъ быть предметомъ спеціальныхъ и независимыхъ отъ археологіи русской музыки изслѣдованій.

Переходя къ XIV—XVII вв., г. Фаминцынъ наблюдаетъ, что въ Россіи продолжаютъ существовать музыкальные инструменты, называемые то *гуслими*, то *псалтиремъ*, сходные съ одною изъ разновидностей стариннаго струннаго инструмента, издавна извѣстнаго въ западной Европѣ подъ названіемъ *Psalterion* или *Psalterium*.

Псалтири западной Европы представляли иногда треугольныя или квадратныя рамки съ натянутыми на нихъ струнами, но съ XI в. они встрѣчались тамъ въ видѣ гуслей, т. е. состояли изъ плоскаго голоснаго ящика и голосной доски, надъ которой и параллельно ея плоскости протягивались струны. Такіе инструменты держались бѣльшею частью вертикально, нерѣдко упираясь однимъ краемъ въ грудь играющаго, причемъ они или ставились на колѣна, или на подставку, или же плашмя прислонялись къ груди играющаго. Въ послѣднемъ случаѣ г. Фаминцынъ допускаетъ сближеніе этихъ псалтирей съ инструментомъ одного изъ гуслировъ, изображенныхъ на миниатюрѣ славянской Псалтири XIII—XIV в. (стр. 84), которой онъ пользовался уже для доказательства, что въ древности подъ гуслими надо понимать самые разнородные струнные инструменты (стр. 7), а иногда, какъ въ лѣтописномъ извѣстіи о Святополкѣ, и всякіе музыкальные инструменты вообще (стр. 5).

Вертикальное положеніе псалтиря при игрѣ на немъ не всегда было обязательнымъ; встрѣчались также псалтири, которымъ придавали горизонтальное положеніе. Такіе инструменты съ нѣкоторыми не существенными измѣненіями г. Фаминцынъ находитъ изображенными на русскихъ миниатюрахъ XIV и XVI вв., на картинкѣ у Олеарія XVII в. и на русской народной картинкѣ съ иностраннаго образца у Ровинскаго. Описаніе же онъ встрѣчаетъ въ одномъ азбуковникѣ XVI в., у Олеарія (XVII в.), въ сочиненіи „*Das veränderte Russland*“, у Лебрёна (начало XVIII в.) и въ описаніи Россіи Георга (конецъ XVIII в.).

Сходство этихъ гуслей-псалтирей, какъ ихъ называетъ г. Фаминцынъ, съ древне-рускими гуслими состояло въ присутствіи въ нихъ

однородныхъ трехъ составныхъ частей (голосной ящикъ, струны, колышки или шпенечки), въ одинаковомъ ихъ назначеніи и въ общихъ способахъ игры (перебирая пальцами по струнамъ); существенное же отличіе наблюдалось, главнымъ образомъ, во внѣшнемъ видѣ основанія, т. е. голосного ящика, который изъ длинной трапеціевидной формы перешелъ въ треугольную.

Обращаясь къ Олеарію, г. Фаминцынъ приводитъ его слова, что на боярскихъ свадьбахъ русскихъ „играла разная музыка, между прочимъ—на инструментѣ, называемомъ псалтирь (Psaltir)“. Это иноземное названіе инструмента указываетъ автору на заимствованіе его извнѣ (стр. 92). Черезъ двѣ страницы онъ приводитъ слѣдующее опредѣленіе изъ русскаго азбуковника XVI в.: „Псалтирь во Евреяхъ бѣ сотворенъ сосудъ деревянъ, на немъ же бяху десять струнъ и нарицашеся той сосудъ по гречески псалтирь, а по славенски пѣсневецъ“ (стр. 94). Авторъ сочиненія „Das veränderte Russland“ и Лебрёнъ называли гусли арфою (Harffen, la harpe), но, по мнѣнію г. Фаминцына, здѣсь слѣдуетъ понимать гусли или гусли-псалтирь. Георги, описывая гусли, сопоставилъ ихъ съ лежачею арфою и находилъ въ нихъ сходство съ вошедшимъ въ употребленіе въ южной Германіи псалтиремъ (Psalterium). Г. Фаминцынъ не сомнѣвается, что Георги видѣлъ инструментъ, сходный съ русскими гуслиями-псалтиремъ (стр. 101). Такимъ образомъ онъ и самъ нисколько не отрицаетъ возможности заимствованія русскими псалтиря, который сперва перешелъ съ востока въ греко-римскій міръ, а оттуда распространился въ западной Европѣ и имѣлъ тамъ много разнообразностей, изъ которыхъ одна, называемая имъ гуслиями-псалтиремъ, могла быть занесена въ Россію съ Запада. А если это такъ, тогда предположеніе объ усовершенствованіи древне-русскихъ гуслей лишается всякаго основанія.

Появленіе съ XVIII в. музыкальныхъ инструментовъ подъ названіемъ гуслей въ продажѣ у инструментальныхъ мастеровъ и самое изданіе для нихъ школъ заставляетъ г. Фаминцына видѣть въ этомъ новую третью стадію развитія народнаго музыкальнаго инструмента гусли. Онъ нашелъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (1752 г. № 85) объявленіе отъ мастера Иггольма, предлагающаго публикѣ: „клавицимбалы, клавикорды, гусли, контрбасы и скрипицы“ и не сомнѣвается, что „упомянутыя здѣсь гусли представляли уже инструментъ усовершенствованный, барскій, стоявшій на болѣе или менѣе одинаковомъ художественномъ уровнѣ съ прочими, рядомъ съ ними поименованными музыкальными орудіями“ (стр. 105). Приведенное имъ свидѣтельство Георги

передаетъ, что такія гусли снабжены были полүтонами и что соотвѣствующія имъ струны натянуты (т. е. расположены) были нѣсколько ниже струнъ діатоническихъ.

Тщательное изученіе многочисленныхъ извѣстій дало г. Фаминцыну возможность составить подробное, какого еще никогда у насъ не было, описаніе древне-русскихъ гуслей, а равно и тѣхъ инструментовъ, которые подъ именемъ то псалтиря, то гуслей извѣстны были у насъ начиная съ XIII вѣка (съ перваго изображенія ихъ на миниатюрахъ) вплоть до нашего времени. Наблюдаемое имъ различіе формъ всѣхъ этихъ инструментовъ побуждаетъ его установить три стадіи развитія русскаго народнаго музыкальнаго инструмента—гусли: 1) первобытныя гусли, досковидныя; 2) гусли-псалтирь, полукруглыя (иногда треугольныя или трапецевидныя); 3) новѣйшія усовершенствованныя, клавирообразныя. Въ этой послѣдовательности и раскрывается, по словамъ г. Фаминцына, „вся исторія развитія русскихъ гуслей“.

Мы обращаемъ здѣсь особенное вниманіе на придаваемое гуслиамъ значеніе народнаго музыкальнаго инструмента. Отдавая должную справедливость огромной начитанности г. Фаминцына въ источникахъ и его старательнымъ изысканіямъ въ нетронутой еще области историческаго изученія русскихъ музыкальныхъ инструментовъ, трудно согласиться съ тѣмъ, чтобы древне-русскія гусли въ позднѣйшія времена имѣли какія-либо стадіи въ своемъ развитіи; трудно допустить, чтобы инструменты позднѣйшихъ типовъ, извѣстные у насъ подъ именемъ гуслей, являлись результатомъ музыкально-технической изобрѣтательности русскаго народа. Только въ томъ случаѣ, если бы въ этой работѣ участвовалъ самъ народъ, который оставилъ бы свои прежнія гусли, какъ не удовлетворяющія его новымъ музыкальнымъ требованіямъ и приладилъ бы къ этимъ требованіямъ прежнія гусли, подвергнувъ ихъ необходимымъ преобразованіямъ, только тогда и можно было бы говорить объ усовершенствованіи гуслей, какъ народнаго музыкальнаго инструмента. Ничего подобнаго, очевидно, не было. Древніе русскіе люди прекрасно знали свои гусли и прекрасно ими пользовались; это былъ ихъ любимый музыкальный инструментъ и самый распространенный. Онъ имѣлъ серьезное значеніе и по преимуществу сопровождалъ пѣніе. Подъ звуки гуслей гусяры-баяны слагали свои былины, подъ звуки гуслей распѣвались пѣсни, въ которыхъ народъ искренно и безыскусственно выражалъ всю внутреннюю сторону своей жизни со всѣми ея радостями и огорченіями. Русскій народъ любитъ свои пѣсни и дорожитъ ими, онъ точно различаетъ свое и чужое и всегда предпочитаетъ родное. Чрезъ много вѣковъ

народныя пѣсни въ ихъ первобытной чистотѣ сохраняются и теперь во многихъ мѣстахъ Россіи. Народныя мелодіи всегда отличаются большимъ консерватизмомъ, если только на нихъ нѣтъ особенно сильнаго посторонняго музыкальнаго вліянія. Рядомъ съ древними напѣвами, разумѣется, продолжали существовать и древнія гусли. Онѣ дошли даже до насъ и кое-гдѣ еще встрѣчаются въ народѣ, хотя уже очень рѣдко. Такія гусли, вмѣстѣ съ сохранившимися пѣснями, составляютъ остатки глубокой древности. Чѣмъ же объяснить ихъ существованіе и теперь въ формахъ древнѣйшихъ, какъ не присущимъ имъ консерватизмомъ, а при немъ можетъ-ли быть рѣчь объ усовершенствованіи гуслей, да и какая была бы въ этомъ необходимость? Однако, начиная съ XIV в. появляются въ Россіи струнные инструменты, называемые тоже гуслями, но совершенно другого типа, чѣмъ древніе ихъ представители. Какъ объяснить такое явленіе? Мы склонны думать, что это не относится къ области усовершенствованія древнихъ гуслей, а скорѣе простое заимствованіе.

Западная Европа въ средніе вѣка была ареной усиленной музыкальной работы отдѣльных лицъ: музыкантовъ-теоретиковъ, композиторовъ и мастеровъ, трудившихся надъ созданіемъ той музыки, которая теперь пріобрѣла себѣ повсемѣстно право гражданства и сдѣлалась достояніемъ культурныхъ классовъ. Окончательное установленіе ея основъ произошло не ранѣе XVI вѣка, и съ этого времени она стала дѣлать огромные успѣхи. Но, разумѣется, изобрѣтеніе новой музыкальной системы произошло не вдругъ; реформа готовилась въ теченіи нѣсколькихъ предшествовавшихъ вѣковъ. Рядомъ съ этимъ въ западной Европѣ замѣчается необыкновенная изобрѣтательность и въ дѣлѣ постройки музыкальных инструментовъ. Развившись изъ нѣсколькихъ простѣйшихъ типовъ, они сильно размножились и дали массу разновидностей. Наконецъ, изъ нихъ отобраны наиболѣе пригодныя для музыкальных цѣлей и, подвергнувшись дальнѣйшему усовершенствованію, привели къ созданію современнаго оркестра. Остальные инструменты, не развившись до значенія оркестровыхъ, мало-по-малу начали уничтожаться, и такимъ образомъ число ихъ снова сократилось.

Изъ средневѣковыхъ инструментовъ очень много разновидностей имѣлъ Psalterion, — инструментъ, заимствованный съ востока чрезъ Византію; съ нимъ обыкновенно привыкли изображать царя Давида. Нѣкоторыя разновидности этого инструмента подходили къ древнимъ русскимъ гуслиамъ и, разумѣется, легко могли быть заносимы въ Россію и получить названіе то псалтирей, то гуслей. Кромѣ внѣшняго сходства съ древними гуслями, онѣ легко могли не имѣть съ ними ничего общаго ни въ числѣ

струнь, ни въ музыкальномъ построеніи; въ этомъ случаѣ они не могли бы для русскаго человѣка замѣнить его гуслей, а тѣмъ болѣе составить вторую стадію ихъ развитія, т. е. считаться гуслими усовершенствованными. Названіе же гуслей они могли получить только благодаря своему внѣшнему сходству. Къ тому же мы видѣли изъ труда г. Фаминцына, что они большею частью называются псалтирями.

Если нельзя признать гусли-псалтири за усовершенствованныя древне-русскія гусли, то тѣмъ менѣе можно такими считать тѣ музыкальные инструменты, которые подъ названіемъ гуслей продавались въ XVIII ст. у разныхъ инструментальныхъ мастеровъ и въ музыкальномъ отношеніи, очевидно, были построены съ подчиненіемъ западно-европейской системѣ. Всѣ эти инструменты являлись у насъ тоже какъ заимствованія и не имѣли съ древне-русскими гуслими ничего общаго, кромѣ названія и принадлежности къ одному виду струнныхъ инструментовъ, на которыхъ играли, перебирая по струнамъ пальцами.

Самое же названіе этихъ инструментовъ однимъ общимъ именемъ тоже легко объясняется существованіемъ у нихъ общихъ признаковъ струнныхъ инструментовъ. Видя иноземное изобрѣтеніе, нашъ народъ легко могъ переименовать его по своему и перенести на него названіе съ знакомаго ему однороднаго предмета. Намъ приходилось убѣждаться, что еще очень недавно въ деревняхъ не особенно глухихъ, простой народъ называлъ фортепіано—гуслими (село Хлыстово, Тамбовской губ.); тѣмъ болѣе это могло быть въ древности.

Подобное соединеніе сходныхъ между собою музыкальныхъ инструментовъ подъ общимъ именемъ гуслей наблюдается и въ памятникахъ древней письменности, о чемъ было уже замѣчено выше.

Теперь остается сказать только о музыкѣ гуслей, объ ихъ музыкальномъ строѣ и техническихъ средствахъ. Каждый музыкальный инструментъ находится въ тѣсномъ соотношеніи съ той музыкой, для передачи которой онъ предназначается. Въ зависимости отъ требованій этой музыки обыкновенно создаются и музыкально-техническія средства инструмента, но бываетъ и обратно, что усовершенствованіе инструментовъ содѣйствуетъ успѣхамъ музыки, какъ это случилось въ послѣднія столѣтія въ Западной Европѣ, гдѣ усиленная изобрѣтательность отдѣльныхъ мастеровъ привела къ созданію оркестра, т. е. почти къ полному преобладанію инструментовъ. Народъ въ такихъ изобрѣтеніяхъ не участвуетъ. Онъ довольствуется музыкой въ формахъ болѣе простыхъ, не требующихъ большихъ инструментальныхъ средствъ. Его музыка по преимуществу вокальная — пѣсенная. Струнные инструменты обыкновенно

имѣютъ при этомъ служебное подчиненное значеніе. Они сопровождаютъ пѣніе и потому могутъ ограничиваться небольшимъ числомъ струнъ какъ наши древнія гусли. Духовые инструменты подчиняются своимъ особымъ законамъ; они могутъ сопровождать пѣніе, а также имѣть и самостоятельное значеніе. Ударные инструменты занимаютъ послѣднее мѣсто. Самостоятельное положеніе инструментовъ создаетъ музыку инструментальную. Наиболѣе простые струнные инструменты мало пригодны для такой музыки. Чтобы служить ей, они должны въ извѣстной степени усовершенствоваться. Музыка русскаго народа въ древности была по преимуществу вокальная, какъ это видно по остаткамъ ея, сохранившимся еще до настоящаго времени. Но разнообразіе сохранившихся инструментовъ доказываетъ существованіе и музыки инструментальной.

Изученіе музыкальных инструментовъ должно производиться со стороны музыкально-акустической (физическія свойства инструмента, какъ звучащаго тѣла) и со стороны музыкально-технической по отношенію къ музыкѣ, исполняемой этими инструментами.

Для всесторонняго изученія исторіи какого-либо музыкальнаго инструмента недостаточно однихъ историческихъ свидѣтельствъ. Изученіе инструмента внѣ его музыки представляетъ мало интереса, такъ какъ въ этомъ случаѣ, даже при богатствѣ историческихъ матеріаловъ, пришлось бы дать предпочтеніе сторонѣ описательной. Для такого же всесторонняго изученія необходимо, кромѣ историческаго матеріала, имѣть самый инструментъ, вполнѣ сохранившійся; необходимо слышать игру на немъ въ народѣ; необходимо сообразоваться съ его музыкой, которая для этой цѣли должна записываться и издаваться, какъ издаются сборники пѣсенъ съ музыкой. Къ сожалѣнію, сборниковъ собственно инструментальной музыки, помимо пѣнія, у насъ вовсе не существуетъ. Это большой пробѣлъ. Народные же инструменты даже древнѣйшихъ типовъ, какъ остатки старины, изрѣдка еще встрѣчаются въ народѣ. Но нѣтъ сомнѣнія, что скоро они исчезнутъ вовсе. Поэтому музыкантъ-археологъ, изучающій исторію музыкальных инструментовъ, необходимо долженъ:

1) заботиться о составленіи коллекцій музыкальных инструментовъ, въ хорошихъ, вполнѣ исправныхъ образцахъ;

2) наблюдать употребленіе этихъ инструментовъ въ народѣ;

3) записывать музыку, исполняемую инструментами, подмѣчая, какая именно музыка наиболѣе имъ свойственна, и затѣмъ издавать сборники инструментальной музыки.

Только такимъ путемъ подготовится матеріалъ, который откроетъ

путь къ болѣе широкому и полному изученію исторіи русскихъ народныхъ музыкальныхъ инструментовъ.

Г. Фаминцынъ, очевидно, сознавалъ, при изученіи гуслей, необходимость сообразоваться съ ихъ музыкой. Поэтому онъ обратился къ экземпляру ихъ, древнѣйшаго типа, пріобрѣтенному у 95-ти-лѣтняго крестьянина С.-Петербургской губерніи, Лужскаго уѣзда, Трофима Ананьева и пожертвованныхъ П. Г. Васильевымъ въ музей С.-Петербургской консерваторіи. Но струнъ на этихъ гусяхъ не сохранилось. Для восстановленія строя инструмента заказаны были Ананьеву новыя гусли, которыя и послужили для различныхъ музыкальныхъ наблюденій. На новыхъ гусяхъ строй былъ опредѣленъ г. Мариничемъ. Предложили Ананьеву поиграть, но оказалось, что онъ уже давно разучился. Онъ могъ указать только внѣшніе приемы игры. Что же касается строя новыхъ гуслей, то его надо признать совершенно произвольнымъ, а потому его сходство съ дѣйствительнымъ крайне сомнительно.

Во всякомъ случаѣ нахожденіе гуслей въ С.-Петербургской губерніи, вблизи столицы, можетъ обѣщать, что гусли еще не исчезли повсемѣстно и что въ болѣе глухихъ мѣстностяхъ они еще встрѣчаются. Тамъ ихъ и надо изучить со стороны музыкальной, тамъ и надо собирать матеріалы въ указанномъ выше направленіи.

Оканчивая разсмотрѣніе труда г. Фаминцына, остается упомянуть только о двухъ приложеніяхъ: 1) *Статья о цимбалахъ*, составляя совершенно самостоятельный очеркъ, можетъ служить дополненіемъ къ главѣ третьей. Цимбалы являются разновидностью псалтеріона, о которомъ въ этой главѣ помѣщены подробныя свѣдѣнія. 2) *Ноты для гуслей* составляютъ приложеніе скорѣе любопытное, чѣмъ необходимое. Онѣ имѣютъ въ виду инструменты, вышедшіе изъ музыкальныхъ мастерскихъ, къ гусямъ же народнымъ непримѣнимы.

Мы окончили обзоръ труда г. Фаминцына въ его частностяхъ; теперь остается передать общее производимое имъ впечатлѣніе и сказать о его значеніи въ музыкально-археологической литературѣ по изученію русскихъ народныхъ музыкальныхъ инструментовъ. Не лишенный нѣкоторыхъ недостатковъ, трудъ этотъ безусловно обладаетъ несомнѣнными и серьезными достоинствами. Къ недостаткамъ надо отнести: 1) замѣчаемую иногда неясность изложенія и 2) поспѣшность нѣкоторыхъ выводовъ, какъ, напримѣръ, три стадіи въ усовершенствованіи русскихъ гуслей и происхожденіе отъ нихъ финскаго kantele. Объ этомъ мы уже

высказали подробно наше мнѣніе и вообще останавливались на недостаткахъ очерка гораздо болѣе, чѣмъ на его достоинствахъ. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы первыя были многочисленнѣе или чтобы они были крупнѣе вторыхъ. Мы говорили о нихъ вовсе не для осужденія труда г. Фаминцына, а желая лишь отмѣтить трудность достиженія какихъ-либо опредѣленныхъ выводовъ на основаніи того матеріала, которымъ можетъ пока пользоваться музыкантъ-археологъ для историческаго изученія русскихъ народныхъ музыкальныхъ инструментовъ. Недостатки, замѣчаемые въ трудѣ г. Фаминцына, въ большинствѣ случаевъ находятъ для себя оправданіе въ отсутствіи у насъ литературы предмета, въ скудости матеріаловъ и въ трудности ихъ собиранія. Что касается упомянутыхъ здѣсь поспѣшныхъ выводовъ и заключеній автора, то ихъ можно даже не принимать въ расчетъ, такъ какъ они лежатъ за предѣлами его задачи. Онъ намѣренъ былъ „представить картину историческаго развитія русскихъ народныхъ музыкальныхъ орудій или хотя бы картину исторической послѣдовательности въ употребленіи этихъ орудій народными русскими музыкантами“ и на первое время ограничился гуслими. Его задача исполнена успѣшно. Насколько было возможно, онъ собралъ въ своемъ очеркѣ весьма цѣнный и довольно обширный матеріалъ, дающій отчетливое представленіе о древне-русскихъ гусяхъ и о тѣхъ гусле-видныхъ инструментахъ, которые въ разное время обращались въ Россіи. Этотъ матеріалъ разбросанъ былъ повсюду, и никто не думалъ сдѣлать хотя бы простой сводъ, никто изъ музыкантовъ-археологовъ не пользовался имъ для своихъ трудовъ. Г. Фаминцынъ первый обратилъ на него вниманіе. Въ его трудѣ мы видимъ не одинъ лишь простой сводъ разныхъ свѣдѣній; онъ многое старался объяснить, провѣрить и тѣмъ подготовить почву для другихъ изслѣдователей въ области исторіи русскихъ народныхъ музыкальныхъ инструментовъ. Его работа заключаетъ въ себѣ несомнѣнные слѣды критическаго отношенія къ матеріалу. Обращаясь къ экземплярамъ инструментовъ, сохранившимся еще и теперь въ народѣ, и усматривая въ нихъ древнюю форму, онъ для окончательнаго установленія типа древне-русскихъ гуслей обращается и къ изображеніямъ гуслей въ книгахъ, на народныхъ картинкахъ, на миниатюрахъ и къ народной устной словесности, и къ разнымъ другимъ источникамъ. При этомъ г. Фаминцынъ обнаруживаетъ обширную начитанность въ литературѣ русской и иностранной, касающейся источниковъ и матеріаловъ, которыми онъ пользуется.

Такое серьезное отношеніе къ дѣлу, въ виду полного отсутствія у насъ литературы по исторіи русскихъ народныхъ инструментовъ, застав-

ляетъ признать за г. Фаминцынымъ не малую заслугу предъ археологіей русской музыки и желать поощренія его на избранномъ поприщѣ. Это поощреніе можетъ выразиться присужденіемъ ему за разсмотрѣнный здѣсь трудъ *большой серебряной медали* Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

V.

Отзывъ почетнаго члена И. В. Помяловскаго о сочиненіи членовъ-сотрудниковъ Е. К. Рѣдина и Д. В. Айналова: „Кіевскій Софійскій соборъ, изслѣдованіе древней живописи, мозаикъ и фресокъ собора“. Зап. И. Русск. Археол. Общ. Т. IV.

Трудъ гг. Рѣдина и Айналова восполняетъ одинъ изъ существенныхъ пробѣловъ въ издательской дѣятельности нашего Общества, и уже по одному этому заслуживаетъ его вниманія и признательности. Издавъ въ Древностяхъ Россійскаго Государства рисунки съ мозаикъ и фресокъ Кіевского Софійскаго собора, Общество лишено было возможности своевременно сопроводить ихъ объяснительнымъ текстомъ, безъ котораго рисунки эти долгое время были чѣмъ-то незаконченнымъ и даже, мѣстами, малопонятнымъ. Нашему уважаемому сочлену Н. П. Кондакову пришла благая мысль предложить въ Новороссійскомъ университетѣ задачей на соисканіе медали объяснительный текстъ къ названнымъ рисункамъ, и рассматриваемый трудъ представляетъ переработку отвѣта на эту задачу, удостоеннаго награды. Это обстоятельство служитъ указаніемъ на то, что и по своимъ внутреннимъ качествамъ онъ также заслуживаетъ вниманія. При разработкѣ его, авторы не ограничились изученіемъ изданнаго, но предприняли путешествіе въ Кіевъ, для разсмотрѣнія памятника на мѣстѣ, и оно дало имъ возможность ввести въ свое изслѣдованіе и такіе рисунки, которые не вошли въ изданіе Общества, главнымъ образомъ, купольныя мозаики. При изученіи росписи Кіевского Софійскаго собора, авторы, по ихъ словамъ, „самой существенной задачей своей поставили изученіе иконографіи сюжетовъ этой росписи, ибо въ художественныхъ воспроизведеніяхъ религіозныхъ идей эпохи лежитъ во многомъ характеристика и самое содержаніе идей христіанства, такъ недавно (для того времени, конечно) принятаго въ Россіи. Всѣ иконографическіе сюжеты храма, такимъ образомъ, разобраны, по возможности, полно, во-первыхъ: со стороны ихъ внутренняго значенія для христіанства на Востокѣ въ XI ст., и, во-вторыхъ: со стороны постепеннаго образованія cadaго иконографическаго представленія, т.-е. выясняя содер-

жаніе памятника и его источники въ христiанской древности предыдущаго времени. Только лишь при такомъ уясненіи молчаливаго свидѣтельства памятниковъ иконографіи получается возможность проникнуть въ духовно-религіозную жизнь той страны, откуда получено нами христiанство. Помимо исполненія этихъ задачъ, цѣлью нашего труда служилъ также подробный разборъ живописи собора со стороны художественной, т.-е. со стороны стиля и техники“. Поставивъ, такимъ образомъ, задачу своего труда, авторы, послѣ краткой исторіи Софійскаго собора и его живописи, приступаютъ къ описанію придѣловъ храма и ихъ росписи, останавливаясь, какъ и слѣдовало ожидать, съ бѣльшею подробностью на изображеніяхъ мозаическихъ: Христа въ куполѣ, Архангела, ап. Павла, Нерушимой Стѣны, Евангелистовъ, Деисуса, Сорока мучениковъ, Благовѣщенія, Евхаристіи, Аарона, Святителей. Гораздо короче описаніе духовной живописи *al fresco*, но затѣмъ съ бѣльшимъ вниманіемъ останавливаются авторы на живописи свѣтской и, слѣдуетъ замѣтить, что глава, посвященная ей, принадлежитъ къ числу наибѣлье удавшихся. Правда, при ея разработкѣ авторы имѣли прекрасные образцы въ изслѣдованіяхъ академика Веселовскаго и проф. Кондакова, но это не умаляетъ положеннаго и ими самими на объясненіе и описаніе труда и умѣнья. Такова общая архитектоника разсматриваемаго сочиненія. Переходя къ обзорѣню его внутреннихъ качествъ, слѣдуетъ замѣтить, что весьма благопріятное впечатлѣніе на читателя производитъ та любовь, съ которой авторы отнеслись къ своей задачѣ; любовь эта сказывается прежде всего въ отчетливости и вниманіи, съ которыми они изучали непосредственный матеріалъ, затѣмъ въ трудѣ, который они положили на ознакомленіе съ пособіями, необходимыми для его освѣщенія и объясненія. Пользуясь опытнымъ руководителемъ въ лицѣ проф. Кондакова, они не растерялись въ этихъ пособіяхъ, и остановили свое вниманіе на дѣйствительно лучшихъ и капитальнѣйшихъ. Особенно рѣзко сказывается это въ тѣхъ частяхъ работы, гдѣ рѣчь идетъ о сопоставленіи однородныхъ вещественныхъ памятниковъ, съ которыми авторы знакомы и полно, и близко. Другое, тоже не заурядное достоинство изслѣдованія мы видимъ въ ясномъ и живомъ изложеніи: вся работа читается легко и не загромождена ненужными отступленіями; авторы прямо идутъ къ намѣченнымъ ими темамъ, чѣмъ обнаруживаютъ рѣдкую въ молодыхъ людяхъ опытность при ученыхъ изслѣдованіяхъ. Нельзя опустить безъ указанія и ихъ технической подготовленности, такъ необходимой для всякаго, кто приступаетъ къ работѣ, взятой изъ области художественной археологіи. Всѣ эти достоинства даютъ труду гг. Рѣдина и Айналава полное право на поощри-

тельное вниманіе со стороны Археологическаго Общества, но предварительно ходатайства передъ комиссіей о присужденіи ему медали, считаю необходимымъ указать на нѣкоторыя, немаловажныя на мой взглядъ, его недостатки. Самый крупный изъ нихъ обусловленъ постановкою одной изъ задачъ, которую имѣли въ виду авторы и которая состояла въ разборѣ иконографическихъ сюжетовъ со стороны ихъ внутренняго значенія для христіанства на востокѣ въ XI ст. Задача эта оказалась непосильною для авторовъ, да врядъ-ли съ нею справился бы, во всей ея полнотѣ, и ученый болѣе зрѣлый и опытный. Вышедшая недавно книга Узенера: „Religions-Geschichtliche Untersuchungen“ съ очевидностью показала, какая масса начитанности, и притомъ въ разнообразнѣйшихъ областяхъ литературы, какая бездна остроумія должны быть приложены къ разъясненію внутренняго значенія для христіанства одного только догмата о воплощеніи Сына Божія. Между тѣмъ, ученый багажъ, съ которымъ авторы взялись за рѣшеніе своей задачи, далеко не тяжеловѣсенъ; въ немъ нѣтъ даже тщательнаго и детальнаго изученія въ подлинникахъ такихъ источниковъ, какъ Іоаннъ Дамаскинъ (цитата по латыни на стр. 257), Кириллъ Іерусалимскій (невѣрная цитата стр. 321), не говоря уже о позднѣйшихъ, какъ патріархъ Германъ (стр. 319), Никифоръ Каллистъ (стр. 256) и др. Знакомство свое съ догматическими воззрѣніями авторы черпаютъ большею частью изъ словаря Мартиньи, что ведетъ ихъ иногда къ страннымъ недоразумѣніямъ: на стр. 247, напр., читаемъ: „Явившаяся въ III в. стоическая ересь, признававшая Бога Отца „тѣлеснымъ“, порождаетъ отпоръ со стороны учителей церкви“. При семъ авторы цитуютъ Мартиньи s. v. Dieu. Въ изумленіи передъ необычайной ересью, раскрываемъ Мартиньи и читаемъ: „Bien que, dans les premiers temps, l'hérésie des anthropomorphites ne fût pas encore née, de telles précautions étaient néanmoins nécessaires contre d'autres hérétiques, et contre les stoïciens, qui se figuraient un Dieu corporel“. Этою же зависимостью отъ пособій объясняются и нѣкоторыя, частью неточныя, частью невѣрныя воззрѣнія, вродѣ того, что ап. Петръ зовется видимымъ начальникомъ Церкви (стр. 238), что почитаніе арх. Михаила по преимуществу принадлежитъ церкви восточной (стр. 310), что въ вѣпостасѣ Христа Вседержителя лишь привходитъ человѣческое естество (стр. 258) и др. Другой недостатокъ труда видимъ мы въ частныхъ недомолвкахъ и неточностяхъ, примѣрами которыхъ могутъ служить слѣдующія: амфитриклинь вмѣсто архитриклинь (стр. 324), өиміатирий въ рукѣ Аарона объясняется какъ ковчегъ завѣта (стр. 295) и др. Эти и имъ подобныя недостатки, сопоставленные съ достоинствами работы, ни-

сколько не препятствуютъ ей претендовать на награду серебряной медалью Общества.

VI.

Отзывъ дѣйствительныхъ членовъ В. Г. Васильевскаго и Н. П. Кондакова о сочиненіи дѣйствительнаго члена Д. Θ. Бѣляева: „Ежедневные приемы Византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ св. Софіи въ IX—X. вв.“ ¹⁾).

VII.

Отзывъ дѣйствительнаго члена Л. Н. Майкова о сочиненіи Д. Н. Анучина: „Сани, лады и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда“.

Русская археологическая наука обогатилась въ послѣднее время весьма значительнымъ количествомъ данныхъ по части погребальныхъ древностей; но почти всѣ новые труды, посвященные этому предмету, имѣютъ частный характеръ, излагаютъ лишь отдѣльные результаты, извлеченные изъ изслѣдованія кургановъ и могильниковъ той или другой мѣстности Россіи. Только извѣстное сочиненіе покойнаго А. А. Котляревскаго „О погребальныхъ обычаяхъ древнихъ славянъ“ имѣло болѣе широкую задачу; но оно было написано почти четверть вѣка тому назадъ, когда раскопка русскихъ кургановъ была еще въ началѣ, и потому авторъ его могъ пользоваться данными этого рода лишь въ самой ограниченной степени; притомъ же на вещественныя могильныя древности онъ смотрѣлъ какъ на источникъ лишь вспомогательный, служащій только къ подтвержденію того, что передано въ письменныхъ свидѣтельствахъ. Появившійся въ 1890 году трудъ профессора Д. Н. Анучина могъ быть исполненъ уже при другихъ условіяхъ: почтенному московскому археологу извѣстенъ весь богатый матеріалъ новѣйшихъ курганныхъ раскопокъ, и онъ хорошо знаетъ ихъ научную цѣнность. Однако, и онъ не рѣшился предпринять полное систематическое объединеніе этого матеріала, не взялся изслѣдовать всю совокупность похоронныхъ обрядовъ, обнаруживающихся изъ раскопки нашихъ кургановъ; онъ предпочелъ ограничить свою задачу разсмотрѣніемъ лишь нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вопросовъ изъ круга погребальныхъ древностей.

¹⁾ По независящимъ отъ редактора обстоятельствамъ, отзывъ этотъ появится въ слѣдующемъ томѣ Записокъ.

Трудъ Д. Н. А н у ч и н а составляетъ книгу въ 4-ю долю листа въ 140 страницъ довольно мелкаго шрифта, съ 44 политипажамъ. Авторъ назвалъ свое изслѣдованіе „археолого-этнографическимъ этюдомъ“, и это названіе вполне оправдывается его научными приемами. Д. Н. А н у ч и н ъ беретъ въ соображеніе, съ одной стороны, факты древняго быта разныхъ народовъ, и съ другой—остатки и слѣды тѣхъ же явленій въ современной народной жизни. Такимъ образомъ, изслѣдованіе оказывается утвержденнымъ на широкой историко-сравнительной основѣ.

Разсматривая употребленіе саней, ладьи и коней при погребеніи покойниковъ, авторъ говоритъ о каждой изъ этихъ принадлежностей похороннаго обряда въ особой главѣ, и эти три главы сочиненія не имѣютъ особенно тѣсной связи между собою,—каждая изъ нихъ представляетъ самостоятельный интересъ; но эти три части изслѣдованія объединяются тѣмъ, что имѣютъ въ виду данныя, относящіяся главнымъ образомъ къ предѣламъ нашего отечества. Вслѣдствіе того представляется возможнымъ разсматривать этюдъ Д. Н. А н у ч и н а не какъ сочиненіе по археологіи вообще, а какъ изслѣдованіе, относящееся преимущественно къ области русскихъ древностей.

Первая глава сочиненія посвящена разъясненію того значенія, какое усвоивалось въ похоронномъ обрядѣ санямъ. Наши лѣтописи и другіе историческіе памятники предлагаютъ довольно много извѣстій объ употребленіи саней при погребеніи покойниковъ. Рядъ этихъ свидѣтельствъ начинается разсказомъ о похоронахъ Владиміра Святого и достигаетъ до первой половины XVI вѣка, при чемъ оказывается, что въ древнее время гробы не были въ употребленіи, что мертвое тѣло обвертывалось въ коверъ, корзну и полстину и въ такомъ видѣ вносилось въ церковь, положенное на сани. Прежніе изслѣдователи полагали, что подъ похоронными санями слѣдуетъ разумѣть какой-то особый родъ повозки; но Д. Н. А н у ч и н ъ, ссылаясь на миниатюры Сильвестрова сборника и другихъ лицевыхъ рукописей, очень убѣдительно доказываетъ, что дѣло тутъ идетъ о простыхъ саняхъ, сходныхъ съ нынѣшними дровнями. Самый подборъ историческихъ свидѣтельствъ сдѣланъ Д. Н. А н у ч и н ы м ъ очень тщательно, и къ представленнымъ имъ указаніямъ письменныхъ памятниковъ мы можемъ привести дополненіе только изъ произведеній нашего эпоса: въ той самой былинѣ о Михайлѣ Потокѣ, которою почтенный изслѣдователь пользуется по пересказу Кирши Данилова въ главѣ о коняхъ, онъ могъ бы найти упоминаніе и о томъ, какъ по смерти Михайловой жены

Приказали ему попы соборные
Тотчасъ *на саняхъ* привезти

Къ тоя церкви соборныя,
Поставить тѣло на паперти.

Весьма любопытны и тѣ объясненія, которыми Д. Н. Анучинъ сопровождаетъ приводимыя имъ историческія свидѣтельства. Такъ, „проиманіе помоста“, требовавшееся для выноса тѣла Владиміра Святого, еще Котляревскій понялъ, какъ „особый погребальный обычай“, имѣющій аналогіи у нѣмецкихъ и славянскихъ племенъ, но не сдѣлалъ и попытки угадать его смыслъ. Д. Н. Анучинъ, опять-таки ссылаясь на рисунки Сильвестрова сборника, объясняетъ, что „проиманіе помоста“ заключалось не въ разломѣ стѣны дома и не въ разборѣ пола верхнихъ сѣней, какъ полагали прежде, а въ разборѣ дворовой ограды. Существованіе такого обычая Д. Н. Анучинъ указываетъ не только у древнихъ германцевъ и славянъ, но также у инородческихъ племенъ Сибири, у разныхъ дикихъ народовъ Америки и Африки, въ древнемъ Тибетѣ и въ Китаѣ, — смыслъ же обычая объясняется страхомъ передъ покойникомъ: у многихъ народовъ существуетъ вѣрованіе, что покойникъ, вынесенный въ дверь, можетъ вернуться и утащить кого-либо изъ оставшихся, а будучи вынесенъ необычнымъ путемъ, не найдетъ способа проникнуть въ покинутое жилище.

Не всѣ однако замѣчанія Д. Н. Анучина по поводу показаній источниковъ могутъ быть признаны вполне справедливыми. Такъ, приводя извѣстныя слова Мономахова поученія: „сѣдя на санѣхъ“, онъ выражаетъ сомнѣніе въ правильности ихъ общепринятаго толкованія: стоя при дверяхъ гроба, или: стоя одною ногой въ могилѣ, и со своей стороны полагаетъ, что сани упоминаются тутъ просто потому, что дѣло идетъ о зимней поѣздкѣ князя. Несомнѣнно однако, что слова поученія имѣютъ значеніе поговорки, аналогичной съ приведенною у Дала пословицей о смертномъ часѣ: „закрылъ глазки, да легъ въ салазки“, и, слѣдовательно, прямо отвѣчаютъ приведенному толкованію; Мономаху же вполне уместно было употребить это выраженіе въ данномъ случаѣ, такъ какъ онъ написалъ поученіе не ранѣе 1118 года, когда ему было 65 лѣтъ; почти рядомъ съ этими словами онъ говоритъ своимъ дѣтямъ, что стоитъ уже „не далечи пути“, то-есть, другимъ иносказательнымъ выраженіемъ повторяетъ тотъ же намекъ на возможность своей близкой смерти.

Далѣе Д. Н. Анучинъ указываетъ, что и для XVII вѣка историческими памятниками засвидѣтельствовано употребленіе саней при похоронахъ, по крайней мѣрѣ, особъ царскаго семейства. Но въ это же время замѣчается и измѣненіе, правильнѣе, вырожденіе стародавняго обычая: санями пользуются не только для несенія тѣла и, позже, гроба покойника, но также для несенія за нимъ вдовы умершаго.

Въ заключеніе главы о санихъ, какъ принадлежности похороннаго обряда, Д. Н. Анучинъ задается вопросомъ: чѣмъ можно объяснить существованіе этого обычая, который отмѣченъ не только у сѣверныхъ народовъ, но и въ странѣ, не знающей снѣга, у древнихъ египтянъ. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, авторъ входитъ въ историческія подробности о постепенномъ развитіи различныхъ типовъ повозокъ. Путемъ сравнительныхъ наблюденій онъ выводитъ заключеніе, что древнѣйшею повозкой была волокуша, пара жердей, скрѣпленныхъ нѣсколькими перекладинами. Сани развились изъ волокуши и несомнѣнно предшествовали изобрѣтенію повозки на колесахъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ, особенно въ Россіи, при плохомъ состояніи дорогъ, сани употреблялись и лѣтомъ, даже при существованіи колесныхъ повозокъ, какъ это бываетъ нынѣ въ сѣверныхъ болотистыхъ мѣстностяхъ. Такимъ образомъ, обязательное пользованіе саними при похоронномъ обрядѣ обусловливается прежде всего древностью повозки этого рода; но кромѣ того, утвержденію этого обычая, по крайней мѣрѣ на Руси, могло служить существующее у финскихъ инородцевъ нашего сѣверо-востока обыкновеніе оставлять на могилѣ покойника или даже опускать въ нее тѣ сани, на которыхъ тѣло его было доставлено къ мѣсту его погребенія.

Во второй главѣ изслѣдованія Д. Н. Анучина идетъ рѣчь о погребеніи въ ладьѣ. Такой способъ похоронъ особенно характеренъ въ обычаяхъ древнихъ скандинавовъ. О немъ говорится въ ихъ сагахъ, и вещественные остатки его, относимые къ періоду викинговъ, найдены въ Норвегіи и Швеціи. При этомъ трупъ иногда предавался огню, иногда оставался не сожженнымъ, а надъ похоронною ладьей насыпался курганъ. Былъ также обычай пускать ладью съ трупомъ въ море. Еще въ 1820-хъ годахъ Френъ, издавшій рассказы Ибнъ-Фадлана, высказалъ предположеніе, что описанное послѣднимъ погребеніе русса въ ладьѣ, въ Булгарѣ Волжскомъ, даетъ поводъ видѣть въ этомъ руссѣ типическаго норманна. Но лѣтъ десять тому назадъ эта догадка была сильно поколеблена замѣчаніями В. В. Стасова: въ этнографическихъ подробностяхъ Ибнъ-Фадланова рассказа онъ нашелъ данныя для того, чтобы признать въ этомъ руссѣ не норманна, а представителя какого-то другого племени, въ бытѣ котораго смѣшивались финскіе и тюркскіе элементы. Д. Н. Анучинъ склоняется къ тому же мнѣнію и подкрѣпляетъ его указаніемъ, что погребеніе въ ладьѣ обычно у финскихъ и другихъ инородческихъ племенъ сѣверо-восточной Россіи и Сибири; замѣтимъ однако, что этотъ финскій обычай не сопровождается трупосожженіемъ, безъ чего сходство его съ описаніемъ Ибнъ-Фадлана представляется не полнымъ.

У славянскихъ племенъ древней Руси, какъ можно судить по курганнымъ раскопкамъ въ Черниговской губерніи, существовалъ похоронный обрядъ трупосожженія, но нѣтъ указаній, чтобы покойники сожигались или просто погребались въ ладьѣ, какъ у скандинавовъ. То же должно сказать и о погребеніи въ каменной ладьеобразной оградѣ, примѣры котораго также были находимы въ Скандинавіи, а въ предѣлахъ Россіи встрѣчены только на Балтійскомъ поморьѣ.

Къ русско-славянскимъ похороннымъ обрядамъ обращаетъ насъ обычай класть покойника между двумя выдолбленными колодами, обычай, по замѣчанію Д. Н. Анучина, широко распространенный не только среди германскихъ, но и среди славянскихъ племенъ и долго державшійся въ средніе вѣка. Названіе такихъ погребальныхъ колодъ въ „Салической Правдѣ“ *nauffus*, сближаемое съ лат. *navis*, съ одной стороны, а съ другой—находка маленькихъ челноковъ, выдолбленныхъ изъ одного древеснаго ствола, въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ и упоминаніе Плинія о такихъ же челнокахъ у германскихъ морскихъ разбойниковъ навели Линденшмидта на мысль о сходствѣ погребальныхъ колодъ съ челноками-однодеревками. Д. Н. Анучинъ принимаетъ мнѣніе Линденшмидта и считаетъ погребеніе между колодами только варіететомъ погребенія въ ладьѣ. Въ дополненіе къ даннымъ Линденшмидта русскій ученый могъ бы указать на извѣстіе Константина Багрянороднаго о монооксилахъ славянскихъ мореходовъ на Черномъ морѣ. Тѣмъ не менѣе, сближеніе это кажется намъ нѣсколько преувеличеннымъ, особенно если взглянуть на изображенія погребальныхъ колодъ, которыя помѣщены въ книгѣ Д. Н. Анучина съ рисунковъ Линденшмидта: колоды эти уже во всякомъ случаѣ не похожи на челноки, а выдолбливать древесные стволы для погребенія покойниковъ и для изготовленія челноковъ значитъ только пользоваться однимъ и тѣмъ же предметомъ для двухъ различныхъ цѣлей. Впрочемъ, какъ бы то ни было, существованіе выдолбленныхъ гробовъ въ древней Руси не подлежитъ никакому сомнѣнію и подтверждается какъ письменными свидѣтельствами, такъ и вещественными находками и даже современнымъ обычаемъ раскольниковъ. „Колода бѣлодубова“ нерѣдко упоминается въ произведеніяхъ народнаго творчества. Весьма любопытно также изображеніе, въ Сильвестровомъ сборникѣ, погребенія св. Глѣба „между двѣма кладами“, при чемъ у этихъ колодъ видимы даже обрубки вѣтвей. Д. Н. Анучинъ указываетъ, что долбленные гробы назывались въ древней Руси *кѣрстами*. Дѣйствительно, слово *кѣрста* встрѣчается въ этомъ значеніи въ лѣтописи по Лаврентіевскому списку, но *кѣрста*

въ современномъ говорѣ Архангельской губерніи получило уже значеніе могилы.

Пользованіе ладьей при погребеніи Д. Н. А н у ч и н ѣ объясняетъ древнимъ воззрѣніемъ, существовавшимъ у многихъ народовъ, между прочимъ у славянъ, что загробный міръ отдѣленъ отъ здѣшняго водою. Такое толкованіе давно извѣстно въ наукѣ, но Д. Н. А н у ч и н у удалось собрать нѣсколько новыхъ данныхъ въ его пользу.

Третья и послѣдняя глава разбираемаго изслѣдованія разъясняетъ, какъ пользовались при погребеніи покойниковъ конями. Сравнительный обзоръ матеріала, представляемаго какъ раскопками древнихъ могилъ, такъ и письменными свидѣтельствами, приводитъ Д. Н. А н у ч и н а къ заключенію, что обычай хоронить коня вмѣстѣ съ человѣкомъ имѣлъ широкое распространеніе въ Европѣ и Азіи, а послѣ открытія Америки и привоза туда лошадей испанцами водворился и у американскихъ аборигеновъ. Касательно древности этого обычая почтенный изслѣдователь высказывается такимъ образомъ: „Остатки лошадей встрѣчаются обыкновенно въ могилахъ или перемѣшанными съ остатками человѣка, или лежащими въ сторонѣ выше или ниже въ томъ же курганѣ. Число такихъ находокъ, сдѣланныхъ по настоящее время на почвѣ Европы (и Азіи), столь значительно, что едва ли возможно даже ихъ перечислить. Лошадиныя кости попадаютъ какъ въ могилахъ съ погребеніемъ, такъ и въ могилахъ съ трупосожженіемъ, какъ въ весьма древнихъ курганахъ, ссыпанныхъ за нѣсколько вѣковъ до Р. Х., такъ и въ гораздо позднѣйшихъ. Съ какого времени труны лошадей стали погребаться (или сожигаться) съ трупами людей, сказать трудно, хотя можно думать, что начало этого обычая относится уже къ эпохѣ металлической. Въ теченіе каменнаго вѣка лошадь, какъ прирученное животное, была еще рѣдка въ Европѣ, и большее распространеніе ея послѣдовало лишь съ введеніемъ металловъ—бронзы и желѣза. Впрочемъ, извѣстны случаи находокъ костей лошади и въ такихъ могилахъ, въ которыхъ не оказывалось никакихъ издѣлій, кромѣ каменныхъ и костяныхъ, и которыя могутъ быть, повидимому, отнесены къ концу неолитическаго или къ самому началу металлическаго вѣка. Обыкновенно же остатки лошадей находятъ, вмѣстѣ съ бронзовыми и желѣзными предметами, въ могильникахъ и курганахъ желѣзнаго періода и послѣдующихъ—среднихъ, а на востокѣ и еще болѣе позднихъ вѣковъ“.

Къ числу древнѣйшихъ могилъ, представляющихъ явные слѣды совмѣстнаго погребенія человѣка и лошади, должно отнести греческія и скиѣскія могилы южной Россіи. Однѣ изъ нихъ, такъ сказать, одиноч-

ныя, то-есть, содержать въ себѣ по одному трупу человѣка и коня; въ другихъ же при одномъ покойникѣ находимы были остовы нѣсколькихъ лошадей и остатки колесницъ. Д. Н. Анучинъ дѣлаетъ подробный обзоръ разныхъ видовъ скиѣскаго погребенія, съ большимъ тщаніемъ сводя данныя, собранныя разными изслѣдователями. Мы однако не будемъ останавливаться на этомъ обзорѣ и обратимся прямо къ тѣмъ типамъ совмѣстнаго погребенія человѣка и коня, въ которыхъ, по соображеніямъ нашего ученаго, можно видѣть обычаи славянскіе.

Въ Каневскомъ и Васильковскомъ уѣздахъ Кіевской губерніи, а также въ Курскомъ уѣздѣ, были разрыты курганы, въ которыхъ оказались люди, погребенные на коняхъ. Время этихъ погребеній не могло быть опредѣлено хотя бы съ нѣкоторою точностью, и только по типу серебряныхъ вещей, найденныхъ въ каневскихъ курганахъ, изслѣдовавшій ихъ профессоръ В. Б. Антоновичъ призналъ эти издѣлія за славянскія. Обстановку погребенія такого рода Д. Н. Анучинъ сопоставляетъ съ рассказомъ русской былины о богатырѣ Михайлѣ Потокѣ, который велитъ похоронить себя заживо, „съ конемъ и збруей булатною“, въ могилѣ „глубиною, шириною по двадцати сажень“. Такое сближеніе, конечно, могло бы служить хорошимъ доводомъ въ пользу догадки, что родъ погребенія, усматриваемый въ каневскихъ курганахъ, принадлежалъ нѣкогда славянамъ. Но противъ этого можно замѣтить слѣдующее: во-первыхъ, объ опущеніи коня въ могилу вмѣстѣ съ самимъ богатыремъ говорится только въ одномъ пересказѣ былины о Михайлѣ Потокѣ (у Кирши Данилова), между тѣмъ какъ всѣ остальные пересказы упоминаютъ просто домовище или колоду, гдѣ бы Михайлѣ съ женой лежа лежа да сидѣмъ сидѣть; поэтому можно думать, что опущеніе коня въ могилу, согласно тексту Кирши Данилова, не составляетъ коренной черты въ сказаніи и должно быть рассматриваемо какъ примѣръ случайнаго и притомъ не всегда толковаго нарощенія подробностей, которое нерѣдко замѣчается въ былевыхъ текстахъ, дошедшихъ до насъ путемъ устной передачи; во-вторыхъ же, и по пересказу Кирши, Михайло спускается въ могилу только вмѣстѣ съ конемъ, но не именно сѣвъ на него верхомъ. Такимъ образомъ, въ этой былинѣ нельзя, по нашему мнѣнію, видѣть подтвердительнонаго свидѣтельства въ пользу того типа погребенія, какой представляютъ каневскіе курганы; слѣдовательно, и ихъ славянское происхожденіе остается подъ сильнымъ сомнѣніемъ.

Допускать такое сомнѣніе тѣмъ позволительнѣе, что, по заключеніямъ самого Д. Н. Анучина, совмѣстное погребеніе человѣка и лошади вообще не представляется явленіемъ, широко распространеннымъ

на древней славянско-русской территоріи. Случаи такого погребенія обнаружены при раскопкѣ нѣкоторыхъ кургановъ въ губерніяхъ Кіевской, Черниговской, Смоленской, преобладають же въ восточной полосѣ Европейской Россіи и въ Сибири. Напротивъ того, въ курганахъ средней Россіи такіе случаи очень рѣдки, а на сѣверѣ, кажется, и вовсе не указаны. Если приведенные факты раскопокъ сопоставить съ данными древней этнографіи восточной Европы (примѣрно IX, X вѣковъ), то окажется, что рассматриваемый погребальный обрядъ приурочивается главнымъ образомъ къ такимъ мѣстностямъ, гдѣ славяне не жили, а изъ областей съ древнимъ славянскимъ населеніемъ можетъ быть достовѣрно указанъ только въ бассейнѣ Днѣпра. Но относительно южной части этихъ приднѣпровскихъ мѣстностей уже самъ Д. Н. Анучинъ высказываетъ сомнѣніе, справедливо ли всѣ тамошнія могилы съ костями человека и коня признавать за славянскія, и не правильнѣе ли приписывать ихъ сооруженіе какимъ-либо тюркскимъ племенамъ.

Итакъ, существованіе въ древнихъ славяно-русскихъ предѣлахъ обычая погребать человека вмѣстѣ съ конемъ можетъ быть допущено лишь въ очень ограниченномъ размѣрѣ. Можетъ быть указана и причина такого явленія, повидимому, не обратившая на себя достаточно вниманія со стороны Д. Н. Анучина. Совмѣстное погребеніе человека и коня предполагаетъ погребеніе ѣздока, привычнаго къ лошади. Но извѣстія русскихъ лѣтописей даютъ понять, что даже въ XII вѣкѣ Русь не изобиловала верховыми, боевыми конями, что ихъ приходилось либо добывать войной отъ степныхъ кочевниковъ, либо покупать дорогою цѣной въ Угріи. Если такъ было во времена Изяслава Мстиславича и Андрея Боголюбскаго, и притомъ въ полустепной южной Руси, то конечно, еще хуже было въ болѣе раннюю пору и болѣе къ сѣверу, въ лѣсныхъ областяхъ. Дѣйствительно, мы имѣемъ любопытныя указанія въ этомъ смыслѣ изъ X вѣка. Левъ Діаконъ сообщаетъ, что воины Святослава не умѣли сражаться на коняхъ, ни управлять ими, а Ибнъ-Доста свидѣтельствуєтъ, что руссы не обнаруживали смѣлости на конѣ, и что у славянъ верховая лошадь составляла принадлежность только начальнаго человека. Если боевыхъ коней было немного, если люди не имѣли привычки къ верховой ѣздѣ, то и обычай погребать человека вмѣстѣ съ его конемъ не могъ сдѣлаться господствующимъ. Немногочисленные могилы съ такимъ типомъ погребенія всего скорѣе могутъ быть признаны за могилы князей, воеводъ, вообще начальниковъ, какъ то предполагалъ еще графъ А. С. Уваровъ относительно подобныхъ кургановъ въ Мерьанской землѣ. Понятно, что при такихъ условіяхъ хорошій боевой конь

пользовался почетомъ, что о немъ слагались сказанія: народный эпосъ сохранилъ воспоминаніе о трехъ „похваленыхъ“ жеребчикахъ Влади- міра Красна Солнышка и о коняхъ богатырскихъ; Петрей сообщаетъ слышанный имъ отъ русскихъ людей рассказъ о Мономаховомъ конѣ, который никому не давалъ на себѣ ѣздить, кромѣ самого князя и его конюха. Подчестъ сопровождала добраго коня даже тогда, когда онъ падеть. Д. Н. А н у ч и н ѣ приводитъ нѣсколько обнаруженныхъ раскоп- ками случаевъ, что надъ лошадиными трупами насыпались отдѣльные курганы, и припоминаетъ по этому поводу лѣтописное извѣстіе, что Андрей Боголюбскій велѣлъ похоронить своего коня, „жалуя комонь- ство его“.

Обычай погребать коня вмѣстѣ съ всадникомъ вымиралъ очень медленно. Д. Н. А н у ч и н ѣ въ концѣ рассматриваемой главы намѣчаетъ стадіи его паденія: сперва вмѣсто полного трупа лошадей стали класть въ могилу человѣка либо конскій черепъ, либо другія кости, или даже одинъ зубъ коня; еще позже лошадиныя кости стали замѣнять частями збруи, а иногда полагали только изображеніе лошади. Слѣды древняго обычая замѣчаются въ погребальномъ обрядѣ европейскихъ народовъ почти до исхода среднихъ вѣковъ, а отдѣльные уже исключительные при- мѣры извѣстны даже изъ болѣе поздняго времени.

Мы обозрѣли содержаніе всего изслѣдованія Д. Н. А н у ч и н а и вмѣстѣ съ тѣмъ позволили себѣ отмѣтить тѣ отдѣльныя части его, кото- рыя дали намъ поводъ къ разногласію съ авторомъ или къ дополненію его соображеній. Заключая свой разборъ, считаемъ долгомъ указать на главныя достоинства разсмотрѣннаго сочиненія. Прежде всего оно пора- жаетъ обиліемъ фактическаго матеріала. Знакомство автора съ литера- турой предмета чрезвычайно обширно, разнообразно и вмѣстѣ съ тѣмъ основательно. Методъ его изслѣдованія отличается большою строгостью. Изслѣдователь очень остороженъ въ своихъ выводахъ; онъ охотнѣе не договариваетъ, чѣмъ позволяетъ себѣ сдѣлать поспѣшное заключеніе, недостаточно обоснованное. Благодаря такимъ приѣмамъ онъ умѣлъ пре- красно разобраться въ своемъ обширномъ матеріалѣ, правильно систе- матизировалъ данныя и освѣтилъ ихъ въ искусной группировкѣ. Въ виду такихъ достоинствъ прекрасное изслѣдованіе Д. Н. А н у ч и н а должно, по нашему мнѣнію, занять почетное мѣсто въ нашей археологической литературѣ.

С О С Т А В Ъ
И М П Е Р А Т О Р С К А Г О
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
по 1-е января 1893 года.

Покровитель Общества, Его Императорское Величество,
Государь Императоръ.

Предсѣдатель Общества, Его Императорское Высочество, Государь Великій Князь **Константинъ Константиновичъ**.

Помощникъ Предсѣдателя, Почетный членъ Аѳанасій Ѳеодоровичъ **Бычковъ** (съ 28 апрѣля 1885 г.).

Секретарь, Василій Григорьевичъ **Дружининъ** (съ 15 апрѣля 1890 г.).

Казначей, Алексѣй Константиновичъ **Марковъ** (съ 15 марта 1888 г.).

Библіотекаръ, Александръ Николаевичъ **Щукаревъ** (съ 11 апрѣля 1891 г.).

Хранитель музея, Владиміръ Георгіевичъ **Бокъ** (съ 11 апрѣля 1891 г.).

Управляющій Отдѣленіемъ археологіи русской и славянской, графъ Алексѣй Александровичъ **Бобринской** (съ 18 апрѣля 1885 г.).

Секретарь Отдѣленія, Александръ Сергѣевичъ **Лаппо-Данилевскій** (съ 27 октября 1890 г.).

Управляющій Отдѣленіемъ археологіи восточной, баронъ Викторъ Романовичъ **Розень** (съ 27 февраля 1885 г.).

Секретарь Отдѣленія, Василій Дмитриевичъ **Смирновъ** (съ 27 февраля 1885 г.).

Управляющій Отдѣленіемъ археологіи древне-классической, византійской и западно-европейской, Почетный членъ Николай Ивановичъ **Стояновскій** (съ 30 мая 1874 г.).

Секретарь отдѣленія, Викторъ Карловичъ **Ернштедтъ** (съ 8 мая 1891 г.).

ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ.

Его Императорское Высочество, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великій Князь **Николай Александровичъ** (съ 16 марта 1884 г.).

Его Императорское Высочество, Государь Великій Князь **Владиміръ Александровичъ** (съ 25-го ноября 1871 г.).

Его Императорское Высочество, Государь Великій Князь **Сергій Александровичъ** (съ 19 марта 1876 г.).

Его Императорское Высочество, Государь Великій Князь **Петръ Николаевичъ** (съ 11 февраля 1886 г.).

Его Императорское Высочество, Государь Великій Князь **Георгій Михайловичъ** (съ 16 ноября 1885 г.).

Антонинъ, архимандритъ, въ Іерусалимѣ, избр. 4 января 1884 г., чл.-сотр. 16 апрѣля 1866 г.

Березинъ, Илья Николаевичъ, избр. 28 декабря 1889 г., въ чл.-сотр. 13 декабря 1848 г.

Буслаевъ, Ѳедоръ Ивановичъ, въ Москвѣ, избр. 16 мая 1888 г., въ чл.-сотр. 16 февраля 1861 г.

***Бычковъ**, Аѳанасій Ѳедоровичъ, избр. 15 сентября 1890 г., въ дѣйств. члены 9 декабря 1846 г.

Васильевъ, Василій Павловичъ, избр. 11 мая 1887 г., въ чл.-сотр. 11 февраля 1857 г.

Вельяминовъ-Зерновъ, Владиміръ Владиміровичъ, въ Кіевѣ, избр. 9 января 1881 г., въ дѣйств. чл. 11 февраля 1857 г., въ чл.-корр. 30 декабря 1885 г.

Гротъ, Яковъ Карловичъ, избр. 1 декабря 1892 г., въ чл.-сотр. 22 ноября 1865 г.

Деляновъ, графъ Иванъ Давидовичъ, избр. 31 января 1873 г.

Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ, избр. 27 марта 1892 г.

***Макарій**, Архіепископъ Донской и Новочеркасскій, избр. 1 декабря 1892 г., въ дѣйств. чл. 11 дек. 1856 г., въ чл.-сотр. 14 февраля 1850 г.

Помяловскій, Иванъ Васильевичъ, избр. 28 апрѣля 1885 г., въ дѣйств. члены 25 ноября 1871 г.

Прозоровскій, Дмитрій Ивановичъ, избр. 23 мая 1891 г., въ дѣйств. чл. 8 декабря 1866 г., въ чл.-сотр. 5 декабря 1862 г.

Савва, Архіепископъ Тверской и Кашинской, избр. 27 марта 1892 г., въ чл.-сотр. 22 марта 1860 г.

***Савванитовъ**, Павелъ Ивановичъ, избр. 28 октября 1887 г., въ дѣйств. члены 21 февраля 1851 г., въ чл.-сотр. 14 февраля 1850 г.

***Стойновскій**, Николай Ивановичъ, избр. 7 іюня 1891 г., въ дѣйств. чл. 5 іюня 1871 г.

Тизенгаузенъ, баронъ Владиміръ Густавовичъ, избр. 29 декабря 1891 г.

Трубецкой, князь Сергѣй Никитичъ, избр. 16 декабря 1881 г.

Уварова, графиня Прасковья Сергѣевна, избр. 22 апрѣля 1892 г.

Фришъ, Эдуардъ Васильевичъ, избр. 16 мая 1888 г.

Юргевичъ, Владиславъ Норбертовичъ, въ Одессѣ, избр. 29 декабря 1891 г., въ дѣйств. чл. 4 января 1885 г.

Ягичъ, Игнатій Викентьевичъ, въ Вѣнѣ, избр. 13 декабря 1888 г.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ.

***Абамеликъ-Лазаревъ**, князь Семенъ Семеновичъ, избр. 26 октября 1882 г.

***Алексѣевъ**, Георгій Петровичъ, избр. 26 марта 1886 г.

***Арсеньевъ**, Сергѣй Васильевичъ, въ Іерусалимѣ, избр. 26 мая 1882 г.

Барсовъ, Елпидифоръ Васильевичъ, въ Москвѣ, избр. 15 марта 1888 г.

Барсовъ, Николай Ивановичъ, избр. 7 ноября 1880 г.

***Бертъе-Делагардъ**, Александръ Львовичъ, въ Одессѣ, избр. 20 декабря 1890 г.

Бестужевъ-Рюминъ, Константинъ Николаевичъ, избр. 17 мая 1864 г.

***Бобринской**, графъ Алексѣй Александровичъ, избр. 26 октября 1882 г.

Бобринской, графъ Андрей Александровичъ, избр. 26 марта 1886 г.

****Бокъ**, Владиміръ Георгіевичъ, избр. 13 апрѣля 1890 г.

***Боткинъ**, Михаилъ Петровичъ, избр. 31 марта 1881 г.

Бранденбургъ, Николай Ефимовичъ, избр. 28 декабря 1878 г.

Браунъ, Оедоръ Александровичъ, избр. 30 декабря 1892 г.

Бурачковъ, Платонъ Осиповичъ, въ Одессѣ, избр. 4 января 1885 г.

Бѣляевъ, Дмитрій Оедоровичъ, въ Казани, избр. 20 декабря 1890 г.

Васильевскій, Василій Григорьевичъ, избр. 30 мая 1874 г.

***Вахрамѣевъ**, Иванъ Александровичъ, въ Ярославлѣ, избр. 4 января 1885 г.

***Веневитиновъ**, Михаилъ Алексѣевичъ, въ Воронежѣ, избр. 28 октября 1878 г.

* Означаетъ единовременный взносъ въ кассу Общества, по § 20 Устава.

** Означаетъ членовъ не платящихъ, на основаніи §§ 21 и 22 Устава.

- Веселовскій, Александръ Николаевичъ, избр. 13 декабря 1888 г.
Веселовскій, Николай Ивановичъ, избр. 23 февраля 1889 г., въ чл.-
сотр. 9 ноября 1881 г.
- *Вешняковъ, Владиміръ Ивановичъ, избр. 18 марта 1877 г.
Властовъ, Георгій Константиновичъ, избр. 9 января 1881 г.
- *Гаркави, Авраамъ Яковлевичъ, избр. 30 мая 1874 г.
- *Гиль, Христіанъ Христіановичъ, избр. 16 декабря 1881 г.
- *Голенищевъ, Владиміръ Семеновичъ, избр. 26 марта 1886 г., въ чл.-
сотр. 22 мая 1879 г.
- *Готвальдъ, Осипъ Ѳеодоровичъ, избр. 24 февраля 1887 г.
Григоровичъ, Дмитрій Васильевичъ, избр. 9 апрѣля 1864 г.
- *Гриммъ, Давидъ Ивановичъ, избр. 29 ноября 1865 г.
Грубе, профессоръ въ Берлинѣ, избр. 16 мая 1888 г.
- **Дестунисъ, Гавріилъ Спиридоновичъ, избр. 10 ноября 1867 г., въ
чл.-корр. 6 апрѣля 1856 г.
- **Дриновъ, Маринъ Степановичъ, избр. 27 марта 1892 г.
- **Дружининъ, Василій Григорьевичъ, избр. 21 октября 1888 г.
- **Ернштедтъ, Викторъ Карловичъ, избр. 29 января 1892 г., въ чл.-
сотр. 27 февраля 1885 г.
- Жизневскій, Августъ Казиміровичъ, въ Твери, избр. 22 декабря 1878 г.
Залеманъ, Карлъ Германовичъ, избр. 26 октября 1882 г.
- Замысловскій, Егоръ Егоровичъ, избр. 23 марта 1879 г.
- *Звенигородскій, Александръ Викторовичъ, избр. 20 декабря 1886 г.
Зинченко, Игнатій Климентьевичъ, избр. 30 декабря 1886 г.
- *Иверсенъ, Юлій Богдановичъ, избр. 11 октября 1865 г., въ чл.-корр.
5 декабря 1862 г.
- Иловайскій, Дмитрій Ивановичъ, въ Москвѣ, избр. 29 апрѣля 1883 г.
- Кибальчичъ, Турвонтъ Венедиктовичъ, въ Кіевѣ, избр. 20 мая 1876 г.
- *Кизерицкій, Гангольфъ Егоровичъ, избр. 11 февраля 1886 г.
- Клачковъ, Александръ Петровичъ, въ Москвѣ, избр. 11 октября 1865 г.
- *Кобеко, Дмитрій Ѳомичъ, избр. 16 марта 1884 г.
- Комаровъ, Александръ Виссаріоновичъ, избр. 16 мая 1888 г.
- Кондаковъ, Никодимъ Павловичъ, избр. 26 марта 1886 г.
- *Корниловъ, Иванъ Петровичъ, избр. 15 января 1865 г.
- Корфъ, баронъ Сергѣй Павловичъ, избр. 22 апрѣля 1892 г.
- Кулаковскій, Юліанъ Андреевичъ, въ Кіевѣ, избр. 18 мая 1890 г.
- *Куникъ, Аристъ Аристовичъ, членъ-основатель.
- *Латышевъ, Василій Васильевичъ, въ Казани, избр. 11 февраля 1886 г.,
въ чл.-сотр. 11 января 1883 г.

- ** Лаппо-Данилевскій**, Александръ Сергѣевичъ, избр. 23 февраля 1889 г.,
въ чл.-сотр. 21 октября 1888 г.
- Лисовскій**, Николай Михайловичъ, избр. 20 декабря 1890 г.
- Лихачевъ**, Николай Петровичъ, въ Казани, избр. 16 мая 1888 г., въ
чл.-сотр. 15 марта 1888 г.
- Лишинъ**, Константинъ Николаевичъ, избр. 22 апрѣля 1892 г.
- ** Лобановъ-Ростовскій**, князь Алексѣй Борисовичъ, въ Вѣнѣ, избр. 28
декабря 1873 г.
- ** Марковъ**, Алексѣй Константиновичъ, избр. 18 декабря 1885 г.
- * Майковъ**, Леонидъ Николаевичъ, избр. 24 декабря 1874 г.
- Миллеръ**, Всеволодъ Ѳедоровичъ, въ Москвѣ, избр. 20 декабря 1890 г.
- * Мордвиновъ**, Владиміръ Павловичъ, избр. 31 марта 1878 г.
- Небольсинъ**, Григорій Павловичъ, избр. 8 марта 1882 г.
- * Неустроевъ**, Александръ Николаевичъ, избр. 20 мая 1876 г., въ чл.-
сотр. 28 декабря 1852 г.
- Никольскій**, о. Константинъ Тимоѳеевичъ, избр. 22 мая 1879 г., въ
чл.-сотр. 27 мая 1877 г.
- * Орѣшниковъ**, Алексѣй Васильевичъ, въ Москвѣ, избр. 26 марта 1886 г.
- Остроумовъ**, Николай Петровичъ, въ Ташкентѣ, избр. 20 декабря
1886 г.
- Павлиновъ**, Андрей Михайловичъ, въ Москвѣ, избр. 8 марта 1882 г.
- Пановъ**, Ѳедоръ Николаевичъ, избр. 8 іюня 1871 г.
- Петровъ**, Николай Ивановичъ, въ Кіевѣ, избр. 16 декабря 1881 г.
- Платоновъ**, Сергѣй Ѳедоровичъ, избр. 13 апрѣля 1890 г.
- ** Покровскій**, Николай Васильевичъ, избр. 7 ноября 1880 г.
- Полевой**, Петръ Николаевичъ, избр. 7 ноября 1880 г.
- * Половцовъ**, Александръ Александровичъ, избр. 9 апрѣля 1864 г.
- Половцовъ**, Анатолій Викторовичъ, избр. 30 декабря 1892 г.
- Поповскій**, Матвѣй Юліановичъ, избр. 16 мая 1888 г., въ чл.-сотр.
16 марта 1884 г.
- ** Праховъ**, Андріанъ Викторовичъ, въ Кіевѣ, избр. 20 мая 1875 г.
- Путятинъ**, князь Павелъ Арсеньевичъ, избр. 20 октября 1881 г., въ
чл.-сотр. 28 декабря 1878 г.
- Радловъ**, Василій Васильевичъ, избр. 20 октября 1887 г.
- * Раевскій**, Михаилъ Николаевичъ, избр. 18 декабря 1885 г.
- Регель**, Василій Эдуардовичъ, избр. 16 мая 1888 г.
- * Ровинскій**, Дмитрій Александровичъ, избр. 25 ноября 1871 г.
- ** Розенъ**, баронъ Викторъ Романовичъ, избр. 19 марта 1876 г.
- Румянцевъ**, Василій Егоровичъ, въ Москвѣ, избр. 28 декабря 1873 г.

- Сабанѣвъ, Дмитрій Александровичъ, избр. 26 октября 1882 г.
Савельевъ, Александръ Ивановичъ, избр. 9 апрѣля 1864 г.
Самоковасовъ, Дмитрій Яковлевичъ, въ Москвѣ, избр. 17 марта 1877 г.
Середонинъ, Сергѣй Михайловичъ, избр. 17 января 1891 г.
**Смирновъ, Василій Дмитріевичъ, избр. 26 мая 1882 г.
*Смышляевъ, Дмитрій Дмитріевичъ, въ Перми, избр. 22 марта 1860 г.
Соболевскій, Алексѣй Ивановичъ, избр. 18 мая 1890 г.
Соколовъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, избр. 30 мая 1874 г.
Степановъ, Сергѣй Лаврентьевичъ, избр. 22 апрѣля 1892 г.
*Султановъ, Николай Владиміровичъ, избр. 17 марта 1877 г.
Суручанъ, Иванъ Касьяновичъ, въ Кишиневѣ, избр. 26 марта 1886 г.
въ чл.-сотр. 4 января 1885 г.
Тепловъ, Владиміръ Александровичъ, избр. 18 мая 1890 г.
Толмачевъ, Николай Александровичъ, въ Казани, избр. 15 марта 1888 г.
**Толстой, графъ Иванъ Ивановичъ, избр. 26 мая 1882 г.
*Толстой, графъ Дмитрій Ивановичъ, избр. 18 мая 1884 г.
Толстой, Павелъ Сергѣевичъ, избр. 20 декабря 1886 г.
Троицкій, Иванъ Егоровичъ, избр. 31 марта 1881 г.
Форстенъ, Георгій Васильевичъ, избр. 27 марта 1892 г.
Хвольсонъ, Даніилъ Абрамовичъ, избр. 20 декабря 1868 г.
Хитрово, Василій Николаевичъ, избр. 28 мая 1880 г.
Хрущовъ, Иванъ Петровичъ, избр. 28 декабря 1878 г.
*Цагарели, Александръ Антоновичъ, избр. 30 мая 1874 г.
Цвѣтаевъ, Иванъ Владиміровичъ, въ Москвѣ, избр. 29 апрѣля 1883 г.
*Чапскій, графъ Эмерикъ Карловичъ, избр. 12 марта 1851 г.
*Чарыковъ, Николай Валеріевичъ, избр. 4 января 1884 г.
Челищевъ, Григорій Ѳедоровичъ, избр. 22 апрѣля 1882 г.
Чечулинъ, Николай Дмитріевичъ, избр. 17 января 1891 г.
Черневъ, Николай Павловичъ, въ Кіевѣ, избр. 18 мая 1890 г.
*Чистовичъ, Илларионъ Алексѣевичъ, избр. 22 марта 1860 г.
Шапошниковъ, Константинъ Алексѣевичъ, въ Омскѣ, избр. 26 мая 1882 г.
*Шереметевъ, графъ Сергѣй Дмитріевичъ, избр. 15 ноября 1869 г.
Шмурло, Евгеній Францевичъ, въ Дерптѣ, избр. 20 декабря 1890 г.
Щегловъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, избр. 24 декабря 1879 г.
**Щукаревъ, Александръ Николаевичъ, избр. 13 апрѣля 1890 г.
Эварницкій, Дмитрій Ивановичъ, 26 марта 1886 г.
-

ЧЛЕНЫ-СОТРУДНИКИ.

а) Русскіе:

Айналовъ, Дмитрій Власьевичъ, въ Казани, избр. 13 апрѣля 1890 г.

Алексій, іеромонахъ (Александръ Николаевичъ Виноградовъ), избр. 5 ноября 1876 г.

Алексѣевъ, Василій Владиміровичъ, избр. 1 ноября 1891 г.

Амфилохій, епископъ Угличскій, въ Ростовѣ, избр. 22 марта 1860 г.

Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ, въ Москвѣ, избр. 11 января 1883 г.

Барсуковъ, Александръ Платоновичъ, избр. 26 октября 1882 г.

Богословскій, Николай Гавриловичъ, въ Новгородѣ, избр. 4 апрѣля 1875 г.

Борнгауптъ, въ Ригѣ, избр. 20 февраля 1871 г.

Вольтеръ, Эдуардъ Александровичъ, избр. 27 марта 1892 г.

Гаршинъ, Евгеній Михайловичъ, избр. 30 октября 1886 г.

Георгіевскій, Сергѣй Михайловичъ, избр. 20 декабря 1886 г.

Голстунскій, Константинъ Ѳедоровичъ, избр. 15 января 1865 г.

Голышевъ, Иванъ Александровичъ, въ с. Мстерѣ, избр. 27 мая 1877 г.

Григоровъ, Дмитрій Александровичъ, избр. 15 марта 1888 г.

Димитрій, епископъ Подольскій, избр. 26 марта 1886 г.

Діонисій, архимандритъ, въ Можайскѣ, избр. 29 апрѣля 1883 г.

Долбежевъ, Василій Ивановичъ, въ Владикавказѣ, избр. 11 января 1883 г.

Друцкой-Соколинскій-Ромейко-Гурко, князь Василій Петровичъ, избр. 20 мая 1860 г.

Ермаковъ, Дмитрій Ивановичъ, въ Тифлисѣ, избр. 16 декабря 1881 г.

Жебелевъ, Сергѣй Александровичъ, избр. 27 марта 1892 г.

Жуковскій, Валентинъ Алексѣевичъ, избр. 20 декабря 1886 г.

Ждановъ, Иванъ Николаевичъ, избр. 15 марта 1889 г.

Зѣлинскій, Ѳаддей Францевичъ, избр. 4 мая 1890 г.

Ивановскій, Алексѣй Осиповичъ, избр. 4 мая 1889 г.

Корсаковъ, Дмитрій Александровичъ, въ Казани, избр. 29 октября 1877 г.

Крыловъ, Александръ Лукичъ, избр. 4 января 1885 г.

Лазаревскій, Александръ Матвѣевичъ, избр. 22 марта 1860 г.

Ламанскій, Владиміръ Ивановичъ, избр. 6 апрѣля 1856 г.

Лашкаревъ, Петръ Александровичъ, въ Кіевѣ, избр. 16 декабря 1881 г.

Лебединцевъ, Петръ Гавриловичъ, въ Кіевѣ, избр. 9 апрѣля 1872 г.

Леммъ, Оскаръ Эдуардовичъ, избр. 11 мая 1887 г.

- Леопольдовъ, Андрей Филипповичъ, въ Тамбовѣ, избр. 22 марта 1860 г.
Лопаревъ, Хрусанъ Меодіевичъ, избр. 21 октября 1888 г.
Любомудровъ, Николай Васильевичъ, избр. 22 марта 1860 г.
Мазараки, Сергѣй Аркадьевичъ, въ Рожнахъ, избр. 26 марта 1886 г.
Мальмбергъ, Владиміръ Константиновичъ, въ Дерптѣ, избр. 17 января 1891 г.
Мартыновъ, Алексѣй Александровичъ, въ Москвѣ, избр. 14 февраля 1849 г.
Мартьяновъ, Николай Ивановичъ, въ Минусинскѣ, избр. 16 декабря 1881 г.
Марръ, Николай Яковлевичъ, избр. 4 мая 1889 г.
Мерцаловъ, Иванъ Михайловичъ, въ Тулѣ, избр. 10 мая 1852 г.
Милюковъ, Павелъ Николаевичъ, избр. 30 декабря 1892 г.
Мищенко, Ѳедоръ Герасимовичъ, въ Казани, избр. 20 декабря 1886 г.
Мордовцевъ, Даніилъ Лукичъ, избр. 22 марта 1860 г.
Мѣдниковъ, Николай Александровичъ, избр. 20 декабря 1890 г.
Никитинъ, Петръ Васильевичъ, избр. 24 февраля 1887 г.
Ольденбургъ, Сергѣй Ѳедоровичъ, избр. 4 мая 1889 г.
Ординъ, Николай Георгіевичъ, въ Сольвычегодскѣ, избр. 31 октября 1884 г.
Орловскій, Степанъ Филаретовичъ, избр. 4 января 1885 г.
Пантусовъ, Николай Николаевичъ, избр. 30 октября 1886 г.
Павловскій, Алексѣй Андреевичъ, въ Одессѣ, избр. 4 мая 1889 г.
Петровъ, Константинъ Михайловичъ, избр. 28 декабря 1878 г.
Петровъ-Борзна, Даніилъ Осиповичъ, въ Ташкентѣ, избр. 26 октября 1882 г.
Позднѣевъ, Алексѣй Матвѣевичъ, избр. 31 марта 1881 г.
Поярковъ, Ѳедоръ Владиміровичъ, въ Вѣрномъ, избр. 24 февраля 1887 г.
Пыпинъ, Александръ Николаевичъ, избр. 6 апрѣля 1856 г.
Роиновъ, въ Темирханшурѣ, избр. 26 марта 1886 г.
Рѣдинъ, Егоръ Кузьмичъ, въ Харьковѣ, избр. 13 апрѣля 1890 г.
Сементовскій, Николай Максимовичъ, въ Кіевѣ, избр. 10 мая 1851 г.
Соловьевъ, Александръ Титовичъ, въ Казани, избр. 8 марта 1882 г.
Спицынъ, Александръ Андреевичъ, избр. 23 мая 1891 г.
Стасюлевичъ, Михаилъ Матвѣевичъ, избр. 6 апрѣля 1856 г.
Суворовъ, Николай Ивановичъ, въ Вологдѣ, избр. 2 марта 1860 г.
Сусловъ, Владиміръ Васильевичъ, избр. 11-го мая 1887 г.
Сухомлиновъ, Михаилъ Ивановичъ, избр. 12 декабря 1857 г.
Сырку, Полихроній Агапіевичъ, избр. 11 января 1883 г.

Титовъ, Андрей Александровичъ, въ Ростовѣ, избр. 13 мая 1881 г.

Трутовскій, Владиміръ Константиновичъ, въ Москвѣ, избр. 20 декабря 1886 г.

Успенскій, Владиміръ Михайловичъ, избр. 15 марта 1888 г.

Фелицынъ, Евгеній Дмитріевичъ, въ Екатеринодарѣ, избр. 16 декабря 1881 г.

Филимоновъ, Георгій Дмитріевичъ, въ Москвѣ, избр. 19 января 1862 г.

Шеборъ, Осипъ Антоновичъ, избр. 20 октября 1887 г.

Шебунинъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, въ Константинополѣ, избр. 1 ноября 1891 г.

Энманъ, Александръ Ѳедоровичъ, избр. 27 марта 1892 г.

Ядринцевъ, Николай Михайловичъ, избр. 16 декабря 1881 г.

Ястребовъ, Иванъ Степановичъ, избр. 30 декабря 1892 г.

б) Иностранные:

Боди, въ Спа, избр. 16 марта 1884 г.

Воге, баронъ, избр. 17 января 1891 г.

Вогюе-де, въ Парижѣ, избр. 27 мая 1877 г.

Гильденбрандтъ, въ Стокгольмѣ, избр. 13 декабря 1878 г.

Гофманъ, въ Вашингтонѣ, избр. 4 января 1884 г.

Гюбнеръ, въ Берлинѣ, избр. 27 мая 1877 г.

Де-Бэ, баронъ, въ Парижѣ, избр. 17 января 1891 г.

Делакруа, аббатъ, въ Пуатье, избр. 30 октября 1886 г.

Дучичъ, Никифоръ, о. архимандритъ, въ Бѣлградѣ, избр. 11 сентября 1890 г.

Картальякъ, въ Парижѣ, избр. 17 января 1891 г.

Куманудисъ, въ Аѣинахъ, избр. 16 декабря 1881 г.

Ламбръ, въ Аѣинахъ, избр. 16 декабря 1881 г.

Лэнъ-Пуль, въ Лондонѣ, избр. февраля 1887 г.

Лоллингъ, Гергардъ, въ Аѣинахъ, избр. 30 октября 1886 г.

Маденокози, принцъ, въ Токіо, избр. 30 октября 1886 г.

Мелхиседекъ, епископъ романскій, избр. февраля 1887 г.

Моммзенъ, въ Берлинѣ, избр. 27 мая 1877 г.

Ньютонъ, въ Лондонѣ, избр. 27 мая 1877 г.

Паппадопуло-Керамевсъ, избр. 4 января 1885 г.

Петричейку-Хышдеу, въ Букарестѣ, избр. февраля 1887 г.

Роджерсъ, въ Лондонѣ, избр. 28 октября 1878 г.

Росси, И. Б., въ Римѣ, избр. 27 мая 1877 г.

Роза, въ Римѣ, избр. 27 мая 1877 г.

Стауматіадисъ, канцлеръ Самосскаго княжества, избр. 22 апрѣля 1892 г.

Филиппсъ, въ Филадельфін, избр. 8 марта 1882 г.

Фіорелли, въ Римѣ, избр. 27 мая 1877 г.

Фукаръ, въ Аѳинахъ, избр. 30 октября 1886 г.

Штида, Лудвигъ, въ Кенигсбергѣ, избр. 18 декабря 1885 г.

Якубъ-Артынъ, паша, въ Египтѣ, избр. 21 октября 1888 г.

ЧЛЕНЫ-СОТРУДНИКИ,

ИЗБРАННЫЕ ВЪ ПРЕЖНИЕ ГОДЫ, НА ОСНОВАНІИ УСТАВА 1849 ГОДА.

Мельниковъ, Степанъ Егоровичъ, въ Чистополѣ, избр. 12 декабря 1857 г.

Струковъ, Дмитрій Михайловичъ, въ Москвѣ, избр. 15 января 1865 г.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ И ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

- Ааронъ**, мозаич. изобр., ХСII, ХСIII.
Абамелекъ-Лазаревъ кн. С. С., д. чл., III.
Абтинасъ см. Εἰθνος.
Августъ, импер., LXIII.
Авенариусъ, Н., изслѣдователь, 279.
Аггей, пророкъ, LXIV.
Аглѣя, богиня, 417.
Агриппія, LXIII.
Агрономовъ, о., А., XXIX.
Аделунгъ, бар., изслѣдователь, 299.
Азія, 316, LXIII, ХСIX.
Айналовъ Д. В., чл. с., XI, XII, XVШ, XIX, ХСI, ХСII.
Академіи: Московская Духовная, XXVI; Наукъ Импер. въ СПБ., XXI, XXIX, XXXIII; Наукъ Падуанская, XXII, XXXII; Художествъ Импер. въ СПБ., XI.
Акараки, сел., 410, 411, 412.
Аккерманъ, изслѣдователь, 369.
Ал-Бекри, писатель, LXXVIII.
Александровскій, изслѣдователь, 372.
Александръ, визант. имп., 314, 329, 338.
Александръ, лжепророкъ, 428, 429.
Алексій, іеромонахъ (Виноградовъ А. Н.), чл. с., 289, XXIV, XXXIV, XXXV.
Алексѣевъ В. В., чл. с., XXII, XXXI, XLIII.
Алексѣй I Комнинъ, имп., 313 — 315; 321, 322, 338.
Алексѣй, сынъ Іоанна II Комнина, 338.
Алоэнъ, р., 391.
Алфѣменъ, герой, 388.
Альтенъ, изслѣдователь, LVIII.
Альфараги, писатель, XII.
Амброжевичъ, изслѣдователь, 280, 281,
Америка, ХСVI, ХСIX.
Амфилохій, архимандритъ, изслѣдователь, LXXXI.
Амфилохъ, герой, 388.
Амфіарай, 372, 376, 381, 387, 388, 390, 392, 397—399.
Ананьевъ Трофимъ, крестьянинъ, LXXXIX.
Анастасія, имп., 338.
Анастасій I, имп., 338.
Анвелъ, LI.
Англія, 281.
Андрей Боголюбскій, CI, CII.
Андроникъ II Палеологъ, имп., 322.
Андроникъ, сынъ Мануила II Палеолога, 338.
Анкира, гор., 426.
Антиллъ, 418.
Антипатрисъ, LXIV.
Антипатръ, архонтъ, 376.
Антиохъ Эгій, жрецъ, 416.
Антонинъ, архимандр., п. чл., II, XIV, XXXII, XXXIII.
Антонинъ Благочестивый, импер. 415, 416.
Анучинъ Д. Н., проф., чл. с., XLI, XCIV — CI.
Апелль, Идріецъ (Мелазіецъ), 392, 395, 408, 415, 416, 418—420, 423.
Аппельротъ В. Г., XLV.
Аполлоній Тианскій, 428.
Аполлонъ, LXIV.
Аполлонъ Малеатскій, 423.
Апулія, 391.
Арабажинъ К. И. XLII.
Арабы, LXVII.
Аргосъ, гор., 384.
Асклипады, 370, 427.
Аристидъ, риторъ, 370, 391, 393, 395, 396, 405, 413—416, 418, 419, 427, 428.
Аристотель, 369, 374, 380.
Аристофанъ, 376, 377, 389—391, 393, 394.
Аркадій, сынъ Θεодосія Великаго, 338.
Арнольдъ, изслѣдователь, LXXI.
Арсеньевъ С. В., д. чл., XII.
Артемидоръ, 371, 374, 412, 423, 425.
Архангельская губ., ХСIX.
Археологическій институтъ, 311.
Асклипій, 370, 372, 385, 386, 392, 394 — 404; 409, 417, 418, 423—429.
Асмодей, LXX.
Африка, ХСVI.
Ахиллъ, 377, 383.

Леина Конная, 382.

Леина Паллада, 382—384.

Леины, гор., 398, 409, 425, 426, XXIX, XXXIII.

Леонскіе монастыри, LIIV.

Баба бенъ Бутъ, LXII.

Бабыды Асхабадскіе, XII.

Багратъ IV, груз. царь, 316, 317.

Балакиревъ, LXXVIII.

Барсовъ Н. И., д. чл., III, V, XXVIII, XXIX.

Барщевскій, 279.

Батюшковъ П. Н., 287.

Баумгартъ, 413.

Бауръ Фр. X., изслѣдователь, 428.

Безсоновъ, изслѣдователь, LXXI.

Бекбулатовичъ Симеонъ, кн., 299, 302.

Берлинъ, гор., 370.

Берто, изслѣдователь, LXVII.

Бертъ-Делагардъ А. Л., д. чл., XI.

Беръ, изслѣдователь, LIX, LX, LXVII.

Библиотеки: Импер. Публичная въ Спб.; XII,

XXXV; Хлудова А. И., LXXVII, LXXXI.

Благовѣщенскій Н. М., д. чл. I, III, XXIV,

XLI, XLVI.

Блассъ Фр., изслѣдователь, 403.

Бобринской гр., А. А., д. чл., V, XXXI, XXXIII, XL—XLIII.

Бобровскій, изслѣдователь, 288.

Богушевскій Н. К., бар., XXV, XXVII.

Бокъ В. Г., д. чл., I, XI, XXI, XXIV, XXXI, XL—XLIII.

Болгарія, XXV.

Болеславъ Чешскій, 352.

Болонья, гор., 385.

Болотовъ, 309.

Борисъ, князь, 341.

Бранденбургъ Н. Е., д. чл., III, XXIII, XXXIX.

Браунъ О. А., д. чл., XII.

Брячиславъ, князь, 341.

Будиловичъ Иларіонъ о., настоятель Дрогичинскаго прихода, 288.

Булгаръ Волжскій, XCVII.

Бычковъ А. О., п. чл., 286, I, III, IV, XI, XIV, XIX, XX, XXIV, XXXI, XXXV, XL—XLIII, XLV, XLVI.

Бѣловѣжская пуща, 288.

Бѣлостокъ, гор., 279.

Бѣльскій И., кн., 299, 307.

Бѣляевъ Д. О., д. чл., IX, XI, XVI, XXIII, XLVI, XLVIII, XLIX, XCIV.

Бэлъ, богъ, LXVIII.

Вагнеръ, проф., 406.

Валентиніанъ I, имп., 338.

Валентъ, имп., 338.

Варренъ, изслѣдователь, LVIII.

Вароаломея св. о—въ, 404.

Василидъ, 412.

Василій I, имп., 314, 318, 323—325.

Василій II, имп., 313, 314, 324, 326—328, 330, 332, 333, 352.

Васильевскій В. Г., д. чл., I, III, VII—IX, XI, XIII, XX, XXII—XXIV, XXXI, XXXVIII, XL—XLIII, XLVI, XCIV.

Васильевъ, В. П., п. чл., III, LXXXIX.

Васильковский у. Киевской губ., С.

Васильчиковъ А. А., д. чл., XI.

Вейнемейненъ, LXXII.

Веллерофонть, коринѣскій герой, 382—384.

Вельзевулъ, 428.

Вельгаузенъ, гр., изслѣдователь. LVI.

Вельяминовъ-Зерновъ, В. В., п. чл., XV.

Веневитиновъ, д. чл., XXV.

Веневъ, гор., 299, 304, 308.

Венеція, гор., LIII.

Веселовскій Н. И., д. чл., III, XI—XIII XXXVI, XLI, XCII.

Ветте, де-, изслѣдователь, LVI.

Веттерсфельдъ, сел., XLIII.

Византіяцы, 334, LIII.

Византія, 316, 318, 334, 335, 340, LXXXVI.

Винкельманъ, изслѣдователь, III.

Витрувій, 409.

Витцель, 379.

Віотійская ваза, 398.

Владимірскій, изслѣдователь, LXXII.

Владиміръ Андреевичъ, князь, 307.

Владиміръ Давыдовичъ, князь Черниговскій, 347, 348.

Владиміръ Мономахъ, 314, 317, 335, 360, XCVI, CII.

Владиміръ Святой, вел. князь, 313, 314, 323, 326—336, 339, 341—343, 347, 349, 350, 354—356, 358—362, 365, XCV, XCVI, CI.

Влахернская Божья Матерь, изобр. на монетѣ, 316.

Влепсидимъ, 389.

Вогюэ, изслѣдователь, LVIII.

Волошинскій, изслѣдователь, 312, 314, 315, 342, 344, 355, 362.

Вольтеръ Э. А., чл. с., XII, XXXVI.

Волынское княжество, 285.

Всеславинъ А. А., архитекторъ, 289.

Всеславъ, князь, 341.

Вяземскій, кн., XXV.

Галеви, изслѣдователь, LXVIII.

Галинь, 374.
 Гальбгерръ, изслѣдователь, 398.
 Гаркави А. Я., д. чл., 341, III, XVII, XIX, XX, XLI, LV.
 Гаршинъ Е. М., чл. с., I, III, XX, XXIV, XLI, XLIII, XLVI.
 Гваймаръ IV, князь Лангобардскій, 320, 321.
 Гдовъ, гор., 298.
 Гекеръ, изслѣдователь, 377.
 Генрихъ II, имп., 339.
 Гентстенбергъ, изслѣдователь, LXI.
 Георги, изслѣдователь, LXXXIII, LXXXIV.
 Георгій II, груз. царь, 316, 317.
 Георгій Михайловичъ, Вел. Кн., п. чл., 349, 354, IX.
 Георгій св., 315, 333.
 Германія, LXXXIV.
 Германнъ К. Фр., изслѣдователь, 371.
 Германъ, патріархъ, XCI.
 Германцы, XCVI.
 Геровъ Н. Г., бывш. рус. консулъ въ Филиппополь, III, XIX.
 Геффтеръ, М. В., изслѣдователь, 371.
 Геосиманскій скитъ, XXVI.
 Гиль Х. Х., д. чл., I, III, XX, XLI, XLIII, XLVI.
 Гильфердингъ, изслѣдователь, LXXVIII.
 Гирсониты, LVI.
 Глѣбъ св., XCVIII.
 Гнѣдичъ, 377.
 Голенищевъ В. С., д. чл., XII.
 Головачевъ, б. воен. губернаторъ Туркестанской области, XX.
 Головацкій, LXXVIII.
 Гомеръ, 385.
 Гоморра, гор., LXI.
 Гонорій, имп., 338.
 Горгона, 382.
 Гортина, гор., 391, 398.
 Государственный Совѣтъ, XXV.
 Готландъ, о—въ, XII.
 Готье А., изслѣдователь, 369, 370, 372.
 Греки, 314, 373 — 376, 385 — 387, 391, 399, LXXXI.
 Греція, 369, 370, 372, 373, 377, 385—387, 391, 402, 406, 424, 429.
 Григорій Назіанзинъ, св., 338.
 Грузія, 316.
 Губе Р. М., п. чл., X.
 Гундертмаркъ, К. Фр., изслѣдователь, 369.
 Гюнтеръ, изслѣдователь, 371.
 Давидъ, царь, LXXXVI.
 Давнія, 381.

Даль, изслѣдователь, XCVI.
 Дамей (Посейдонъ), 382, 383.
 Даниловъ, 309.
 Даниловъ Кирша, LXXVIII, XCV, C.
 Даниловъ Тимофей, кр—нъ, XXVIII.
 Дарій, царь., XII, LXIII.
 Де-Бэ, бар., чл. с., II.
 Деличъ, изслѣдователь, LXVIII.
 Денекенъ Ф., изслѣдователь, 388.
 Дилосъ, о—въ, 400.
 Димонъ, 425.
 Димосеенъ, 425.
 Диоклъ, архонтъ, 376.
 Діонисій Ареопагитъ, 338.
 Длугошъ, польск. лѣтописецъ, 285.
 Днѣпръ, р., CI.
 Додона, гор., 377—381.
 Дриновъ М. С., д. чл., XXXVI.
 Дрогичинскія пломбы (пластинки), 279—283, 285—288.
 Дрогичинское Городище, 286.
 Дрогичинъ Надбужскій, заштатн. гор. Гродн. губ., 279—282, 284—286, 288.
 Дружининъ В. Г., д. чл., I, III, XI, XX, XXIV, XXXI, XL, XLI, XLIII, XLVI.
 Друзусъ, LXIII.
 Дуровъ, изслѣдователь, LXXI.
 Дучичъ Никифоръ, архим—тъ, XI.
 Евгеній, сынъ Θεодосія Великаго, 338.
 Евдокія, визант. имп., 338.
 Евреи, LXVII, LXXXIV.
 Еврипидъ, 378.
 Европа, 316, 429, LXXXIII, LXXXIV, LXXXVI, LXXXVII, CI; Западная, 288, XCIX.
 Евсевій, 429.
 Евстаѳій Солунскій, 378, 379, 381.
 Египетъ, 370, 406.
 Египтяне, LXI, LXVI, XCVII.
 Езекииль, пророкъ, LX, LXIII, LXX.
 Елевсинскія башни, 417.
 Еллада см. Греція.
 Ерміона, гор., 384.
 Ериштедтъ В. К., д. чл., I, XX, XXIII, XXIV, XLVI.
 Ждановъ И. Н., чл. с., III.
 Жебелевъ С. А., чл. с., 369, XXXVI, XLVI.
 Живанъ, гор., см. Шваанъ.
 Жубанъ, изслѣдователь, 399.
 Жуковскій В. А., чл. с., III, XII, XXIV, XLI.
 Жуковскій, поэтъ, XXV.

Забѣлинъ Н. Е., 297, 304, 305.
 Закаспійская область, XII.
Замысловскій Е. Е., д. чл., XLI.
Заноревскій Ятвяжскій край, 288.
Западный Бугъ, р., 279—281, 285, 286, 288.
Занъ, чешскій ученый, 281.
Зевсъ, 382; **Додонскій** 377—380; **Пеласгійскій** 377; **Спаситель**, 396.
Зенонъ, имп., 338.
Зяиченко И. К., д. чл., I, XX, XLI, XLVI.
Зогаръ, изслѣдователь, LXVII.
Зѣлинскій О. Ф., чл. с., 386, 398.

Ибнъ-Достъ, арабскій писатель, LXXVIII, CI.
Ибнъ Фадланъ, 341, XCVII.
Ивановскій, Л. К., д. чл. V, XII, XLI.
Ивановъ Оома, помѣщ., 303.
Иверсенъ Ю. Б., д. чл., 352, I—III, VI, XXIII, XL, XLI, XLIII, XLVI.
Игія, божество, 399, 426.
Игоръ, кн., 346.
Изборскъ гор., 298, 303.
Изяславъ Мстиславичъ, кн., CI.
Икгольмъ, мастеръ музык. инстр., LXXXIV.
Индія, LVII.
Ипіана, богиня, 417.
Ипшій Ригійскій, 423.
Иппократъ, 374, 404.
Иппона, богиня, 417.
Иродіумъ, LXIV.
Иродотъ, 384, 385.
Иродъ, поэтъ, 398.
Иродъ, царь, LXII, LXIII, LXIV.
Ирофилъ, врачъ, 374.
Исаакъ I Комнинъ, имп., 314.
Исаія, пророкъ, LXI.
Исида, богиня, 403.
Исиллъ Эпидаврійскій, 398, 403.
Исіодъ, 381, 383, 385.
Испанія, 338.
Италія, 320, 321.

Іераполь, гор., 412.
Іоаннъ I Цимисхій, имп., 314, 315, 320, 327, 329, 331, 352.
Іоаннъ II Комнинъ, имп., 314, 321, 322, 338.
Іоаннъ VIII, визант. имп., 338.
Іоаннъ Грозный, 305.
Іоаннъ Дамаскинъ, XCIII.
Іоаннъ, имп., 338.
Іосифъ, LXI.
Іосифъ Флавій, LIX, LX, LXIV, LXV.
Іерусалимъ, гор., XIV, LVI, LXV, LXX.

Іудей, LX—LXII, LXVIII.
Іустинъ Мученикъ, 428.

Каава, LVI.
Каввадія, изслѣдователь, 400—403, 415, 416, 419, 424.
Кавелинъ Левъ, см. Леонидъ архимандр.
Кавказъ, XLI.
Казанская губ., LXXVI.
Казань, г., 299, 301, 304, 306, 307, XI, XLVI.
Каллимахъ, 378.
Калуга, гор., XXXIII.
Кампгаузенъ, изслѣдователь, LVI.
Каневскіе курганы, С.
Каневскій у. Кіевской губ., С.
Кануть, 352.
Каракалла, имп. 427.
Кара-Корумъ, развалины, XII.
Каріонъ, 389, 391.
Карія, 410, 415.
Карповъ, Г. Ф., д. чл., XI.
Карпцовъ, Бен., изслѣдователь, 369.
Картальякъ, Е., ин. чл. с., II.
Кашгаръ, г., XIII.
Кедрскій потокъ, LXX.
Кейль, изслѣдователь, LXI, LXVII.
Кёллеръ І. К., изслѣдователь, 386, 417.
Кёне, баронъ, изслѣдователь, 282, 336.
Керчь, гор., XII.
Кесарея, LXIII.
Киликія, гор., 429.
Киндерлингъ, изслѣдователь, 405.
Кипръ, о—въ, 398.
Киранидъ, предсказатель, 382.
Кириллъ Іерусалимскій, XCIII.
Киръ, царь, LXIII.
Кирѣевскій, LXXVIII.
Китай, 289, XCVI.
Кишиневъ, гор., XLIV.
Кіевская губернія, CI.
Кіевское княжество, 285, 341, 342.
Кіевъ, гор., 279, 311, 341, 347, 352, 353, 363, LIII, XCI.
Кириллъ Туровскій, LXXVIII.
Клавдій, имп., 426.
Клады: **Кіевскій** 1876 г., 350—352; **Могилевской губ.**, 1886 г., 358; **Нѣжинскій**, 312, 342, 344, 347, 348, 354—356, 359—361, 363, 365; **Польскій**, бл. Ленчиць, 356; **Псковской губ.** бл. дер. Молоди, 352; **Шваанскій**, 356.
Книдъ, 418.
Кобеко Д. О., д. чл., II, III, VI, XX, XLI, XLIII.

- Ковнеръ, изслѣдователь, 371.
 Колобыкино, дер., 301.
 Коломенское, с., 305.
 Коломна, гор., 299, 304—307.
 Комитетъ Техническо-Строительный Мин—ва
 Вн. Д., V.
 Комиссія: Археографическая въ С.-Петер-
 бургѣ, XXX; Археологическая Импер., 279,
 286, IV, V, XII, XXII, XXVIII, XXX,
 XXXIII; Калужская Ученая Архивная,
 XXXIII; Синодальная Архивная, XXIX.
 Кондаковъ Н. П., д. чл., I, III, VII—IX,
 XI—XIII, XVI, XVII, XX, XXII—
 XXIV, XXXVIII, XL, XLI, XLVI, L,
 XCI, XCII, XCIV.
 Константина, имп—ца, 338.
 Константинополь, гор., 317, 337.
 Константинъ I, имп., 314.
 Константинъ V Копронимъ, имп., 314, 318—
 320, 325.
 Константинъ IX, имп., 314, 323, 24 — 328,
 330, 332, 333, 352.
 Константинъ X, имп., 314, 329, 330.
 Константинъ XI, имп., 314.
 Константинъ XII Мономахъ, имп., 314, 315
 329.
 Константинъ XIII Дука, имп., 314, 329.
 Константинъ Багрянородный, имп., XIII,
 XXIII, XXXVIII, LXXVIII, XCVIII.
 Константинъ Великій, 337, 429.
 Константъ, имп., 337.
 Констанцій, имп., 337.
 Кора, богиня, 411.
 Коринѣ, гор., 383.
 Корниловъ И. П., д. чл., I, III, XXIV, XLI.
 Корольковъ Д. Н., XLV.
 Кось, о—въ, 409, 426.
 Котляревскій А. А., XCIV, XCVI.
 Кояловичъ М. О., чл. с., XXV, XXVII.
 Крезъ, царь, 384.
 Крейцеръ, изслѣдователь, LX.
 Критъ, о—въ, 398, 412, 421—423.
 Крымская Станица, XII.
 Ксенофонтъ, 374.
 Ксенофонтъ, сынъ Θεссала, коринфянинъ, 382.
 Куббетъ-ель-Арвахъ, LXX.
 Куглеръ, изслѣдователь, LII.
 Кулаковский Ю. А., д. чл., I, III, XI.
 Куникъ А. А., чл. основ., 282, 315, 332, 336,
 356, III, XXIII.
 Курскій уѣздъ, С.
 Куторга, д. чл., XLIII, XLVI.
 Кушалино, с., 302.
 Кэней, герой, 388.
- Л**абартъ, изслѣдователь, XLVII, XLVIII,
 XLIX.
 Лаврентіевскій списокъ лѣтописи, XCVIII.
 Ладога, гор., 298.
 Ламанскій В. И, чл. с., I, III, XLII, XLII.
 Ландау Яковба, львовскій раввинъ, LXVIII.
 Лаппо-Данилевскій А. С., д. чл., 299, I, III,
 XI, XII, XIX, XXXI, XL, XLI, XLIII.
 Латышевъ В. В., д. чл., 371 IX, XI, XII, XV,
 XXIX, XXXIV, XLII, XLVI.
 Латыши, LXXV, LXXXII.
 Лауэнанъ, изслѣдователь, LVII.
 Лебрёнь, изслѣдователь, LXXXIII, LXXXIV.
 Левина, гор., 391, 398, 423.
 Левъ IV, имп., 314.
 Левъ VI имп., 314, 329, 330.
 Левъ Діаконъ, CI.
 Левъ Младшій, имп., 338.
 Левъ Старшій, имп., 338.
 Лейпцигъ, гор., 371.
 Лейтфутъ (Лигтфутъ), LVI.
 Леммъ О. Э., чл. с., XXIV, XLVI.
 Ленчицы, сел. въ Польшѣ, 356.
 Леонардъ, изслѣдователь, 398.
 Леонидъ, архимандритъ (Левъ Кавелинъ),
 XXV, XXVI.
 Леонтій, имп., 338.
 Леопардовъ Н., изслѣдователь, 279—285, 287,
 288, 311, 348, 351.
 Лесва, о—въ, 426, 429.
 Лидскій у. Виленск. губ., XII.
 Ликофронъ, 378, 379, 381.
 Лимонъ, 412.
 Линденшмидтъ, изслѣдователь, XCVIII.
 Лисовскій Н. М., д. чл., I, III, XI, XVIII,
 XIX, XLI, LXXI.
 Литовцы, 280, LXXV, LXXXII.
 Лихачевъ А. Θ., д. чл., XI, XI.
 Лихачевъ Н. П., д. чл., III, X, XXXIX,
 XLI.
 Лишъ, нумизматъ, 356.
 Локрида, 410.
 Лопаревъ Х. М., чл. с., I, XLI.
 Лукіанъ, 428.
 Людвихъ, 398.
- М**агненцій, имп., 338.
 Майковъ Л. Н., д. чл., III, XXIV, XL, XLI,
 XCIV.
 Майоріанъ, имп., 338.
 Македоняне, LXIII.
 Малала, писатель, XLIII.
 Мальмбергъ В. К., чл. с., II.
 Мангушъ, гора, XII.

Маиса, князь Лангобардскій, 320, 321
 Мануиль I Комнинъ, имп., 322.
 Мануиль II Палеологъ, имп., 338.
 Мерариты, LVI.
 Марина Мнишекъ, XXXIII.
 Мариничъ, LXXXIX.
 Марковъ А. К., д. чл. I, III, XIX, XX, XXIV, XXXI, XL, XLIII, XLVI.
 Маркъ Аврелій, имп., 425, 428.
 Мартини, ХСIII.
 Марціалъ, 427.
 Машъ, нумизматъ, 356.
 Мейерберъ, 299, 308.
 Мейеръ, изслѣдователь, LXII.
 Меліонъ, д—ръ, 410.
 Мелось, о—въ, 399.
 Мерцъ, изслѣдователь, LVII.
 Мерянская земля, CI.
 Микены, гор., XXV.
 Миллеръ В. О., д. чл.; XI.
 Миллеръ И., 371.
 Минаевъ И. П., XI.
 Минуцій Феликсъ, 428.
 Минюшскій П. Н., XXVIII, XXXIV.
 Михайла Потокъ, XCV, C.
 Михаилъ, арх., ХСIII.
 Михаилъ IV, имп., 324.
 Михаилъ VI, имп., 314.
 Михаилъ VII Дука, имп., 320.
 Михаилъ VIII, имп., 322.
 Мишна, LXV, LXIX.
 Мищенко О. Г., чл. с., 373.
 Мозаики: Византійскія, LI; Кіевскія LIII; Римскія LI; Сицилійскія, LIII.
 Моисей, LVI, LIX, LX, LXVI.
 Молодь, дер. Тверской губ., 352.
 Монетный Дворъ въ СПБ., XXX, XXXIV.
 Монеты: Англо-Саксонскія, 323; Болгарскія, 321; Византійскія, 312—314, 316—318, 320, 321, 323, 324, 326—328, 335, 336, 339, 341; Германскія (нѣмецкія) 339; Грузинскія, 316; Западно-европейскія, 358; Кіевскія, 310, 311, 321, 342; Коринескія, 383; Куфическія, 317, 352; Лонгобардскія, 320; «Петровскія», 347; Римскія 284; Русскія, 324, 328, 333, 337, 340, 344, 348, 352, 363, 366, 367; Салернскія, 320; Сербскія, 323; Скандинавскія, 323; Франкскія, 323; Южно-Славянскія, 321, 340.
 Мордвиновъ В. П., д. чл., I, III, XLI, XLIII.
 Моріа, гора, LV.
 Москва, гор., V, XII, 304, 305, LXXIII.
 Мстиславскій И., кн., 299, 304, 308.
 Мстиславъ, князь Черниговскій, 341.

Музеи: Виленскій, 281; Керченскій древностей, XXX; Минцъ-Кабинетъ Импер. Унив. св. Владиміра, 312; Россійскій Историческій Импер. въ Москвѣ, XIII, XXXIV, XLIV, XLV; Румянцевскій, XXXIV; С.-Петербургской Консерваторіи, LXXXIX; Тобольской городской, XXVIII; Эрмитажъ Импер., XIII, XXIX, XLIV, XLV.

Мѣдниковъ Н. А., чл. с., XI.

Мэандръ, р., 410, 412.

Набо, богъ, LXVIII.

Назіанзинъ Григорій см. Григорій Назіанзинъ.
 Неизерда, м. въ Полоцкомъ Повѣтѣ, 298.

Нейманъ, изслѣдователь, LIX.

Неустроевъ А. Н., д. чл., III.

Никитинъ П. В., чл. с., III.

Никитскій, Ал. Вас., пр.-доц. Новорос. Унив., 310, XLV.

Никифоръ II, имп., 324.

Никифоръ Вотаниатъ, имп., 327.

Никифоръ Каллистъ, патр., ХСIII.

Никифоръ Фока, имп., 328.

Никодима евангеліе, 428.

Никодимъ, смирнскій врачъ, 397.

Никольскій К. Т., о., д. чл., III, XXIV, XLI.

Ниса, гор., 410, 411, 412.

Новгородская епархія, 289.

Новгородъ, гор., 299, 341.

Новосадскій Н. И., изслѣдователь, 373.

Новочеркасскъ, гор., XXVIII.

Норвегія, ХСVII.

Норманы, 317, ХСVII.

Нѣжинскій лицей, 358.

Нѣжинъ, гор., 312, 342, 347, 355.

Общества: Аѳинское Археологическое, 372, 415; Кіевское Естествоиспытателей, XXI; Лондонское Историческое, XXVII; Любителей древней письменности Импер. въ СПБ., XXVI; Московское Археологическое Импер. V; Московское исторіи и древностей, XXVI; Одесское фотографическое, XXXIII; Оріенталистовъ въ Америкѣ (Oriental Society), XXII, XXXII; Псковское Археологическое, XXVII; Русское Археологическое Импер., 288, I, XXII, XXXIX, L, LXVI, XCI, ХСIII; Русское Географическое Импер., XXI; С.-Петербургское Архитекторовъ, 289; Уральское Любителей Естествознанія, XIII.

Одесса, гор., 349.

- Одоевскій кн., В. Θ., XXV, LXXI—LXXIV.
 Олеарій, 299, 308, LXXXIII, LXXXIV.
 Олегъ, 341.
 Олесницкій А. А., проф., XVII, XIX, LV—LVIII, LX, LXI, LXII, LXIV—LXVI, LIX.
 Олимпійскія игры, 382.
 Ольга св., княгиня, XLIX.
 Ольденбургъ С. Θ., чл. с., XII.
 Омолль, изслѣдователь, 400.
 Онганья, книгопродавецъ, LII.
 Ониторъ, жрецъ, 425.
 Опочка, гор., 298, 304.
 Оптина пустынь, XXVI.
 Оракулъ: Асклипія 389, 391, 403, 409, 421; Аѳинскій 389, 392, 395, 398, 409, 410; Косскій, 399, 413; Левинскій, 391, 421; Пергамскій, 409; Римскій, 403, 404, 409; Трикскій 399, 409; Эпидаврійскій, 372, 384, 393, 395, 398—400, 402, 404, 409, 410, 415, 426.
 Оракулы: Амфилоха, 387; Амфіарая Оропскій, 372, 384, 391, 393, 399, 410, 426; Амфіарая Фиванскій, 384; Греческіе 377; Дельфійскій, 379, 425; Додонскій 377—381; Исиды, 399; Калханта, 387; Мопса, 387; Плутона въ Аккаракахъ, 410—412; Плутона въ Лимонѣ, 412; Подалирія 381, Подалирія въ Апуліи, 391; Серапида, 399, 403; Хароній въ Аккарахахъ 411, въ Іерополѣ, 412.
 Орѣшекъ, гор., 298.
 Орѣшниковъ А. В., д. чл., XXXIV.
 Остроумовъ Н. П., д. чл., XX.
 Островъ, гор., 298, 303.
 Оттонъ III, имп., 352.
 Офель (Офла), башня, LVIII.
 Оффа, король мерсійскій, 339.
 Павелъ, ап., мозаич. изобр., XCI.
 Павловскій А. А., чл. с., I, XLIII.
 Павсанія, 383, 391, 400, 410.
 Палладій, архим., XV.
 Палестина, LXIII, LXV, LXIX.
 Пальчиковъ, LXXVIII.
 Панакиа, дочь Асклипія, 394.
 Пандазидисъ, 415, 419.
 Пандаръ, 395.
 Панселинъ, художникъ, LIV.
 Пападопуло-Керамевсъ, ин. чл. с., I, III, XXV, XLVI.
 Паспати, изслѣдователь, XLVII, XLVIII, XLIX.
 Паткановъ, проф., II.
 Патрокль, 377, 383.
 Паули, 379.
 Пеласги, 378.
 Пелопъ, 384.
 Пенъ, изслѣдователь, LIX.
 Пергамъ, 409, 427.
 Перро, изслѣдователь, 429.
 Переславль-Залѣскій, гор., XII.
 Персія, XIII.
 Петербургъ, VII, XIV, XXV, XLIV, LXXIII.
 Петрей, CI.
 Петровскій Н. Θ., русск. конс. въ Кашгарѣ, XIII.
 Петровъ П. Н., д. чл., XI.
 Петроній, 427.
 Петръ, апостолъ, XCIII.
 Петръ I, имп., II.
 Пигасъ, 382—384.
 Пидасъ, 383.
 Пилать, 428.
 Пиндаръ 381, 384, 386.
 Пирина, 382.
 Платоновъ С. Θ., д. чл., III, XI, XII, XXV, XXXI, XL, XLI.
 Платонъ, 374, 380, 418.
 Плиніи, 404, 412, 427, XCVIII.
 Плутархъ, жрецъ, 398.
 Плутархъ, писатель, 374, 409.
 Плутонъ, богъ, 411.
 Плутъ, греч. богъ, 389, 391, 392.
 Погодинъ, XXV.
 Позднѣевъ А. М., чл. с., III.
 Покровскій Н. В., д. чл., XVI, XVII, XIX, L.
 Полоцкій повѣтъ, 298.
 Поліидъ, коринеск. предсказатель, 382, 383.
 Полѣшукъ А., ученикъ Имп. академіи художествъ, 289.
 Помпоній Мела, 427.
 Помяловскій И. В., п. чл., I—III, VI, XI, XII, XVIII, XXIII, XXV, XXXI, XL—XLII, XLIV, XLVI, XCI.
 Потербня, LXXVIII.
 Потудовъ, изслѣдователь, LXXI.
 Праховъ А. В., д. чл., I, IV, IX.
 Прелльвицъ В., изслѣдователь, 372, 384, 400.
 Прозоровскій Д. И., п. чл., 344, 360, XXI, XXIII.
 Пронскъ, гор., 298, 304.
 Псковскіе пригороды, 302.
 Псковъ, гор., 304, 305, XII, XXVIII.
 Птоломей II, царь, 418.
 Птолемаида Египетская, 398.
 Путятинъ П. А., кн., д. чл., I, III, XLI, XLIII.
 Пушкинъ, XXV.
 Пѣтуховъ, изслѣдователь, LXXII.

- Равенна, гор., 318, 320, LI, LIII.
 Радловъ В. В., д. чл., XII.
 Радъ, 411, 412.
 Разумовскій Д. В., прот., LXXI—LXXIV.
 Рамбо, изслѣдователь, XLIX.
 Рапшъ, изслѣдователь, 382.
 Раши, изслѣдователь, LIX, LXVII.
 Регель В. Э., д. чл. III, XX, XLI, XLIII.
 Ремезовъ, изслѣдователь, LXXII.
 Рижская гимназія, XXVIII.
 Римляне, LXIII, LXIV, LXVII.
 Римская имперія, 284, LXII.
 Римская станція (въ Англіи), 281.
 Римскій-Корсаковъ, LXXVIII.
 Римъ, гор., 284, 285, 337, 338, 397, 409.
 Ровинскій, изслѣдователь, LXXXIII.
 Розень В. Р., баронъ, д. чл., I, III, XII, XX, XXII, XXIV, XXV, XXXI, XXXV, XL—XLIII, XLVI.
 Романовскій, V.
 Романовъ А. Н., 298.
 Романъ I, Лакапъ, имп., 314, 315, 329.
 Романъ II, имп., 325, 338.
 Романъ III, Аргиръ, имп., 314, 329.
 Романъ IV, имп., 338.
 Россія (Русь), 288, 297, 316, 332, 334, 336, 341, 352, 367, XLII, LIII, LXXIII, LXXX, LXXXI, LXXXIII, LXXXIV, LXXXVI, XC, XCI, XCIV, XCVII, XCVIII, XCIX, CI.
 Рыбниковъ, LXXVIII.
 Рѣдинъ, Е. К., чл. с., I, IX, XI, XII, XVIII, XIX, XCI, XCII.
 Рязанская губ., LXXVI.
 Саадія Альфайюми, LXVII.
 Савваитовъ П. И., п. чл., XX.
 Савельевъ А. И., д. чл., XX, XLII.
 Самара, гор., 299.
 Саратовъ, гор., 299.
 Сардинія, о—въ, 396.
 Сарпедонъ, 383.
 Сахаровъ, LXXI, LXXVIII.
 Сваетика, 287.
 Свіяжскъ, гор., 304.
 Святополкъ I, вел. кн., 330, 332, 333, 335, 341, 342, 347, 348, 356, 361, 365, LXXVI—LXXVIII.
 Святославъ, вел. кн., 341, CI.
 Себаста, LXIII.
 Себежъ, гор., 298, 301.
 Севиръ Тив. Кл., 423.
 Селевкиды, LXIII.
 Селлы, 377—381.
 Семевскій М. И., д. чл., I, III.
 Серапидъ, богъ, 403, 412.
 Сербы, LXXV.
 Середонинъ, С. М., д. чл., II.
 Славцы, дер. Меленковского у. Владим. губ., XXI.
 Сибирь, 284, XCVI, XCVII, CI.
 Сигнульфъ, Салернскій князь, 317—319.
 Сильвестровъ сборникъ, XCV, XCVI, XCVIII.
 Сима потомки, LXII.
 Синодскій Павелъ, уч—ль церковно-приход. школы, XXI.
 Сирія, LXIII.
 Сицилія, 317, LII.
 Скандинавія, XCVIII.
 Скандинавы, XCVIII.
 Скудинъ Никита, осадный голова, 303.
 Славяне, LXXI, LXXX, XCVI, XCIX, C, CI.
 Смендъ (Шмендъ), LVI.
 Смирновъ В. Д., д. чл., III, XX, XXIV, XXV, XXXI, XXXVI, XL, XLII.
 Смоленская губернія, CI.
 Соболевскій А. И., д. чл., III, XI, XXV, XLII, XLIII, XLVI.
 Соборы: Кіево-Кирилловскій, IX; Кіевскій Софійскій, IV, XCI, XCII; Преображенскій въ Переславль-Залѣскомъ, XII; во Пековъ, XII; Пречистенскій Виленскій XXVII.
 Содомъ, LXI.
 Соколовъ О. О., д. чл., 380, 403, XLIV.
 Сокальскій, изслѣдователь, LXXII.
 Сократъ, 374, 380.
 Солнцевъ О. Г., д. чл., III, XIX, XXIV, XLII.
 Соловьевъ А. Т., чл. с., XI, XXVIII.
 Соловьевъ Леонидъ, купецъ, XXVIII.
 Соломонъ, царь, LXII, LXVII, LXX.
 Солонъ, XLIII.
 Состратъ, сынъ Дексифана, навархъ, 418.
 Софія, имп—ца, супр. Юстина II, 338.
 Софокль, 378.
 Спицынъ А. А., чл. с., VI, XIX, XXIII, XXXI, XL.
 Старо-Ладожская крѣпость, VI—VIII, X, XIII, XXIII, XXX, XXXVIII, XXXIX.
 Стасовъ В. В., XCVII.
 Стертиній Ксенофонтъ, врачъ, 425.
 Стефани Л., академикъ, 337, 338.
 Стокгольмъ, г., 282.
 Стояновскій Н. И., п. чл., III, XIX, XX, XXIV, XXV, XLIII, XLV, XLVI.
 Строгановъ С. Г., гр., 352.
 Стрѣльцовъ А., 425.
 Султановъ Н. В., д. чл., XLII.
 Сумиры, LXVIII.

Суручанъ И. К., д. чл., XXIX, XXXIII, XLIV, XLV.

Сусловъ В. В., чл. с., III, VIII, XII, XXXIX.

Сфорно (Сиппурену), LVI.

Сырку П. А., чл. с., I, III, XX, XXIIV, XXV, XLII, XLIII.

Сысоевъ, XXXIV.

Сѣровъ, LXXII.

Танталъ, 384.

Таргумъ, LXIX.

Тафури, 320.

Тверская епархія, 288.

Тверская область, 299, 302.

Тверской уѣздъ, 301, 302.

Тверь, гор., 299.

Тепловъ В. А., д. чл., III, XI, XX, XXIIV, XXV, XLVI.

Тѣпфферъ, 427.

Термиссъ, гор., 426.

Тертуліанъ, 428.

Тибетъ, XCVI.

Тибръ, р. 404.

Тиверій Константинъ, имп., 338.

Тизенгаузенъ В. Г., баронъ, п. чл., XXXV, XL.

Титовъ В. П., п. чл., XXV.

Тобольскъ, гор., XXVIII.

Толстой И. И., гр., д. чл., 310, 345, 346, III, XI, XX, XXIII.

Толстой П. С., д. чл., XLII.

Торжокъ, гор., 299.

Торопецъ, гор., 304.

Траллы. гор., 410, 411.

Траяна Оермы въ Римѣ, 397.

Трикка, гор. 409.

Троицкая Лавра, XXVI.

Трифоній, герой, 388.

Трокскій у. Виленск. губ., XII.

Троя, гор., XXV.

Тула, гор., 298.

Тульская губ., LXXVI.

Туманскій А. Г., XII.

Туровское Евангеліе, 287.

Тышкевичъ К., гр., археологъ, 280, 281, 284, 285, 287, 288.

Уваровъ А. С., гр., 352, XVIII, XXVI, XL, XLI, CI.

Угличъ, гор., XXVIII.

Угрія, CI.

Узенеръ, изслѣдователь, XCIII.

Унгеръ, изслѣдователь, XLVII.

Университеты: Дерптскій XX; Казанскій XVI, XXIII, Новороссійскій, XCI.

Унру, изслѣдователь, LXV.

Унѣнѣжъ (Уневѣжъ), гор., 347.

Урлихсъ Г. Л., изслѣдователь, 417.

Уффельманъ, изслѣдователь, 371.

Фабри, изслѣдователь, LI.

Фазаель, LXIV.

Фаминцынъ проф., XVIII, XIX, LXXI, LXXII, LXXV — LXXXV, LXXXVII, LXXXIX, XC.

Фауста, имп—ца, 337.

Фергюсонъ, изслѣдователь, LVII.

Фетисъ, изслѣдователь, LXXVIII.

Фидонъ, XLIII.

Филиппополь, гор., XIX.

Филонъ Александрійскій, LX.

Филостратъ, 378, 395, 428, 429.

Финикія, LVII.

Финны, LXXV, LXXXII, LXXXIII, XCVII.

Фишеръ, изслѣдователь, 382, 383.

Флавій Тиверій Маврикій, имп., 338.

Фока, имп., 338.

Форстенъ Г. В., д. ч., XXXVI.

Франція, 408.

Францъ, изслѣдователь, 404.

Френъ, изслѣдователь, XCVII.

Фридрихъ изслѣдователь, LXII.

Хаврія, архонтъ, 377.

Харамъ-емъ-шерифъ, LVII, LVIII.

Хвольсонъ Д. А., д. чл., III.

Хнмэра, 383.

Хирамъ, финикійскій мастеръ, LVII.

Хитрово В. Н., д. чл., XX.

Хлыстово сел., Тамбовской губ., LXXXVII.

Храмы: Ассирійскій, LVII; Египетскій, LVII; Зоровавеля, LXII; индійскій LVII; Іерусалимскій, LXV; Іудейскіе, LVI; св. Марка въ Венеціи, LII; Плутона и Кору въ Акаракѣ, 411; Соломона, LVII, LXII, LXVI; св. Софіи въ Константинополѣ, XIII, XXIII; Финикійскій, LVII.

Хремилъ, 389.

Хрисермъ, 412.

Цагарелли А. А., д. чл., XXXI, XL, XLII.

Цандеръ, 379.

Царицынъ, гор., 299.

Церкви: Vitale въ Римѣ, 338; Вознесенія Христова въ Коломнѣ, 305; Вологодскія, XVII; Георгія Солунскаго въ Византіи, LI; Злато-верхо-Михайловская въ Кіевѣ, LIII; Латеранская въ Римѣ, 337; Московскія, XVII.

Протатская Аеопа, LIV; св. Софія въ Константинополѣ LII; Ярославскія, XVII.

Черневъ, Н. П., д. чл., 311, 312, 341—348, 352—356, 360, 363, 364.

Черниговская губ., XCVIII, CI.

Черниговскіе князья, 347, 348.

Черниговское княжество, 348.

Черниговъ гор., 341.

Черное море, XCVIII.

Черноярскъ, гор., 299.

Чечулинъ Н. Д., д. чл., 297, II, III, XXV, XXXI, XL.

Чирчикъ, р., XX.

Чіампини, изслѣдователь, 337.

Чубиновъ Д. I., д. чл., I, III.

Шарко, докторъ, 408.

Шафковскій, уч. V кл. Вяземской гимназіи, II.

Шваанъ (Живанъ), гор., 356.

Швеція, XCVII.

Шебунинъ А. О., чл. с., XII, XXII, XXXI.

Шевыревъ, XXV.

Шейнъ, LXXVIII.

Шелашниковъ В. П., XI.

Шереметевъ П., 298.

Шикъ, изслѣдователь, LVIII.

Шипіе, изслѣдователь, LVI.

Шиттимъ (Ситтимъ), LVI.

Шлиманъ, изслѣдователь, XX, XXIV, XXV.

Шмидтъ Бернгардъ, изслѣдователь, 429.

Шмидъ В., изслѣдователь, 413, 415, 416.

Шмурло Е. Ф., д. чл., I, XLII.

Штауде М. Д., 413.

Штенгель, изслѣдователь, 371, 408.

Шульцъ, изслѣдователь, 371.

Щукаревъ А. Н., д. чл., 372, 373, 393, I, III, X, XI, XIX, XX, XXIV, XXIX, XXXI, XL, XLIII, XLV, XLVI.

Эвальдъ, изслѣдователь, LIX, LXII.

Эги, гор., 395, 429.

Эгина, 392, 416.

Эйзенменгеръ, изслѣдователь, LXIX.

Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ, IX.

Эліасбергъ, изслѣдователь, LXVIII.

Эйманъ А. О., чл. с., XXXVI, XLVI.

Эолидъ царь, 382.

Эпидавръ, 384, 392, 400, 402, 404, 415—417, 426.

Эсты, LXXV, LXXXII.

Этельредъ, 352.

Эфимерида, 373.

Эхедоръ, 395.

Эчміадзинскій диптихъ, IX, XII.

Юнона, LXIV.

Юпитеръ, LXIV.

Юргевичъ, В. Н., п. чл., XXXVI, XL.

Юстиніанъ I, имп., 338.

Юстиніанъ Безносый, имп., 318.

Юстинъ I, имп., 338.

Юстинъ II, имп., 338.

Ядринцевъ Н. М., чл. с., XII.

Яковъ, раввинъ изъ Рамеру, LXIX.

Якушкинъ, LXXVIII.

Янушевичъ, 281.

Ярополкъ, кн. Кіевскій, 341.

Ярославле серебро, 315, 333, 335, 336, 342, 360, 382.

Ярославль, гор., LIV.

Ярославская епархія, 289.

Ярославскій Археологическій Съѣздъ, 333.

Ярославъ (Георгій) Мудрый, 332, 333, 336, 341, 344, 346, 348, 355, 363—366.

Ясень I, болгарск. царь, 321.

Яссо, дочь Асклипія, 394.

Ятвяги, 280, 281, 282, 284, 285.

Өиваида, 381.

Өеодора, имп—ца, 338.

Өеодоръ, сынъ Мануила II Палеолога, 338.

Өеодоръ Іоанновичъ, царь, XIII.

Өеодоръ Ласкарисъ, имп. 338.

Өеодосій Великій, имп., 338.

Өеодосій II, имп., 338.

Өеофана, имп—ца, супр. Романа II, 338.

Өеофилактъ Симокатскій, визант. писатель, LXXVIII.

Өеофилъ, имп., 318—320.

Өира, о—въ, 426.

Aelian, 412, 423.

Akkey (Akchay), гор., 411.

Ameis-Hentze, изслѣдователь, 379.

Arundell, изслѣдователь, 411.

Baillet, изслѣдователь, 398.

Baunack Johann, изслѣдователь, 372, 384, 394, 397, 398, 400, 402, 403, 415—417, 419, 421—424, 426.

Baunack, Th., изслѣдователь, 372.
 Bechtel, изслѣдователь, 372, 393, 400.
 Beit el-Makdas, LXVII.
 Bernhardy, G., 369, 379.
 Boeckh, 382.
 Böttiger (Boetticher), изслѣдователь, 373, 381, 409, 410.
 Bouché-Leclercq, изслѣдователь, 371, 373 — 375, 377, 379, 380, 411, 428.
 Buchholz, изслѣдователь, 377, 380.
 Büchsenschütz, изслѣдователь, 374.
 Burigny, изслѣдователь, 374.
 Busolt, G., изслѣдователь, 410.
 Cauer, изслѣдователь, 391.
 Christ, W., изслѣдователь, 376, 381.
 Collitz, H., изслѣдователь, 372, 384, 400.
 Courtois-Suffit, докторъ, 372, 402, 408.
 Cumont, Fr., изслѣдователь, 429.
 Curtius, 409.
 Daremberg, 371, 404, 418,
 Diehl, Ch., изслѣдователь, 372, 408.
 Dittenberger, изслѣдователь, 373, 384, 391, 393, 399, 425.
 Dürrbach, 373, 410, 426.
 Dyer, L., изслѣдователь, 372, 393.
 Ebeling, 380.
 Epstein, изслѣдователь, LXIX.
 Εὐθύνοϛ [Εὐτύνοϛ, Абтинасъ], священникъ, LXVI.
 Faesi, изслѣдователь, 379.
 Fleetwood, изслѣдователь, 404.
 Fréret, изслѣдователь, 386.
 Gaidoz, изслѣдователь, 394.
 Galenus, 418, 425.
 Gardner Percy, изслѣдователь, 372, 390, 399, 402, 409.
 Gauthier Aubin, 405.
 Gauthier, Aug., 405—407.
 Geffken, I., 381.
 Gerlach, 379.
 Gilbert, O., изслѣдователь, 404,
 Girard, P., изслѣдователь, 372, 390—393, 398, 426.
 Göll, H., изслѣдователь, 371.
 Götting-Flach, изслѣдователь, 385.
 Guttrie, изслѣдователь, LXXIX, LXXXI.
 Haeser, изслѣдователь, 371, 404.
 Headlam, изслѣдователь, 410.

Herbelot, D', изслѣдователь, LXX.
 Herwenden, von-, изслѣдователь, 410.
 Hicks, E. L., изслѣдователь, 396, 425—427.
 Hoffmann Franziska, 370, 371.
 Holtzendorf, 371.
 Hopf, L., изслѣдователь, 394.
 Ἰδριάς, гор., 416.
 Kaibel, изслѣдователь, 385.
 Καλλίστρατος, имя на доскѣ, 384.
 Kiessling, A., изслѣдователь, 381.
 Kirchhoff, изслѣдователь, 384.
 Kohut, изслѣдователь, LXVI, LXIX, LXX.
 Kollar, LXXVIII.
 Kuhač, LXXVIII.
 Lafage G., изслѣдователь, 403.
 Lagarde, изслѣдователь, LXVII.
 Le Bas-Foucart, изслѣдователь, 396, 426, 429.
 Lehrs, изслѣдователь, 377.
 Levy, изслѣдователь, LXVI, LXIX, LXX.
 Lewy H., 382.
 Limbourg-Brouwer, изслѣдователь, 371, 413, 414.
 Littré, E., изслѣдователь, 371, 374, 377.
 Lovatelli, Ersilia Gaetani, изслѣдователь, 371, 406.
 Machnig, изслѣдователь, 379.
 Malgaigne, изслѣдователь, 389.
 Markscheffel, изслѣдователь, 385.
 Maury Alfr., изслѣдователь, 371, 390, 408, 429.
 Meibom H., изслѣдователь, 369, 404.
 Meineke, изслѣдователь, 390.
 Meister, изслѣдователь, 398, 424.
 Miamu, сел., 421.
 Müller, 423.
 Μύλασα, гор., 416.
 Nauck, 378.
 Newton, изслѣдователь, 396, 399.
 Paton, W. R., изслѣдователь, 396, 425—427.
 Piérro. Al., 379.
 Roscoe, изслѣдователь, 411,
 Πόπλιος Γράνιος. 421, 422.
 Prel. du-, Carl, изслѣдователь, 371, 406.
 Preller, изслѣдователь, 383, 384.
 Rangabé, изслѣдователь, 396.
 Reinach, S., изслѣдователь, 372, 373, 394, 400 403.

- Ribbeck, Otto, исследователь, 404.
 Ritter von Rittershain, исследователь, 370, 405, 407.
 Roach-Smith, исследователь, 281.
 Roehl, исследователь, 384, 385.
 Rohde Erwin, исследователь, 373, 381, 384, 386—388.
 Roscher, исследователь, 382, 383, 388, 394.
 Ross, исследователь, 426.
 Sabatier, 314, 319—322, 324, 327—331.
 Sachs M., исследователь, LXIX.
 Saglio, 371.
 Salabakli, сел., 411.
 Scarth, англ. ученый, 281.
 Schläger, I. C., 369, 404.
 Schlüter A., исследователь, 409, 410.
 Schmidt, L., 382.
 Schömann, исследователь, 371.
 Schultze, V., исследователь, 429.
 Sprengel-Rosenbaum, исследователь, 371, 377, 410, 413.
 Strabo, 375, 377, 378, 380, 381, 383, 391, 399, 404, 411, 412.
 Suida, 381.
 Sušil, LXXVIII.
 Thimme, A., исследователь, 428.
 Tischendorf, 428.
 Unger, 379.
 Vercoutre, врачъ, 371, 372, 404, 408, 412, 423, 424.
 Virchow, 371.
 Welker, исследователь, 370, 376, 377, 379, 405, 407, 413.
 Wiegmann, F., исследователь, 398.
 Willamowitz-Möllandorf, 381, 384, 393, 398, 400, 415—419.
 Wolf, F., исследователь, 369, 371, 374—377, 404, 428.
 Zacher, исследователь, 403.
 Ziebarth, E., 398.
 Ziehen, исследователь, 394, 409.

О П Е Ч А Т К И:

<i>Страница.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Надо читать.</i>
363	11 сверху	На II таблицѣ подъ № 11.	На XIII таблицѣ подъ № 21—22.
365	14 —	На т. II подъ № 12	На т. XIII подъ № 23—24

254010

DK 30 .A18522 v.6 IMS
Imperatorskoe russkoe arkheo
Zapiski imperatorskago
russkago arkheologicheskago

**PONTIFICAL INSTITUTE
OF MEDIAEVAL STUDIES
59 QUEEN'S PARK
TORONTO 5, CANADA**

